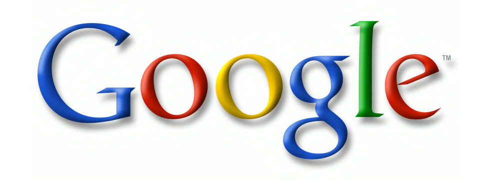
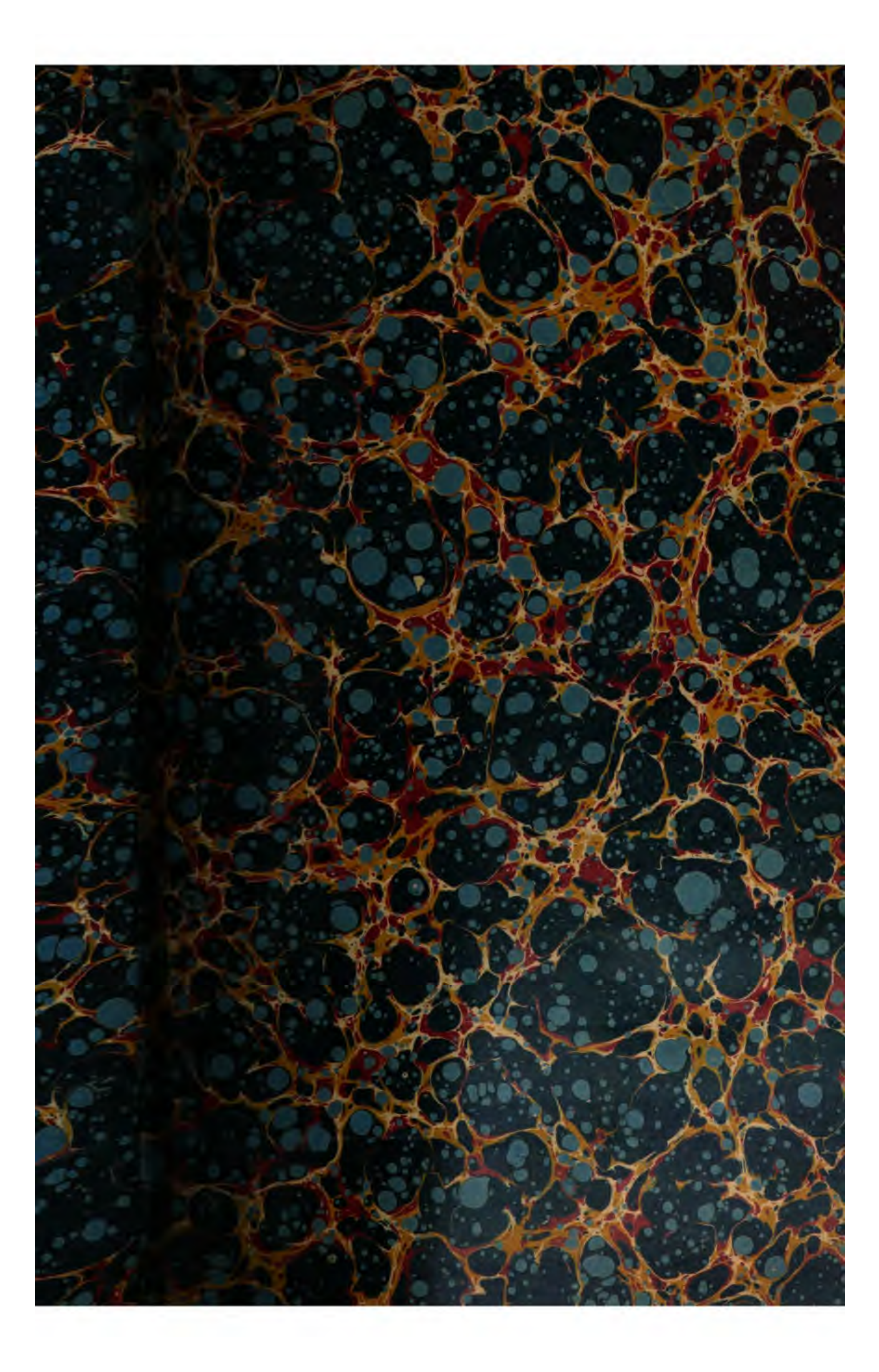

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1884.

Стр.

I.—КНЯЗЬ СУВОРОВЪ ВЪ ОПАЛѢ.—1797-1798 г.—**А. Ѳ. Петрушевскаго** . . . 5

II.—МУСУЛЬМАНСКІЕ ПАЛОМНИКИ. — Изъ путешествія по Аравіи. — V-VII.— Окончаніе.—**А. В. Елисѣева** . . . 30

III.—РУССКАЯ НАУКА И НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ въ XVIII-мъ вѣкѣ.—III.— Окончаніе.—**А. Н. Пыпина** . . . 72

IV.—ДЕБЮТЪ.—Разсказъ.—**К. С. Баранцевича** . . . 118

V.—НАШЪ ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРСЪ И ТОВАРНЫЯ ЦѢНЫ.—**Ю. Г. Жуковскаго**. 153

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Молитва природы. — II. Гамлетамъ. — **Д. Мережковскаго** . . . 184

VII.—ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ И ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ, въ организмѣ животныхъ и человѣка.—**И. Р. Тарханова** . . . 187

VIII.—БЕЛИНДА.—Романъ, соч. Роды Броутонъ.—Періодъ III.—V-VIII. — **А. Э.** . . . 247

IX.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКѢ И ЛИТЕРАТУРѢ.— **Л. З. Слонимскаго** . . . 287

X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Гейне, Шамиссо, Гёте и Ленга.—**Г. Р—кова** . . . 316

XI.—ХРОНИКА.—Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи.—**В. В.** . . . 319

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству.—Уголовная статистика за 1879 г.; отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту.—Новая редакція нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ . . . 357

XIII.—ЗАДАЧИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.— По вопросу объ арендной реформѣ. — **С.** . . . 378

XIV.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ.—**Н. Н.** . . . 399

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Внѣшняя политика Англіи, и положеніе министерства Гладстона.—Международная конференція въ Лондонѣ.—Колоніальныя попытки европейскихъ державъ. —Закладка новаго зданія германскаго парламента. — Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи. — Балканскія дѣла.—Президентскіе выборы въ С.-Американскихъ Штатахъ . . . 409

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.—Наше учебное вѣдомство и начальная школа, Н. Дебольскаго.—Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова.—Въ Америку, І. Петриковскаго. — Закулисная жизнь аптеки, І. Немировскаго.—Что читать народу? — критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—У моря, стих. М. Самойлова.—Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К.—Peter the Great, by E. Schuyler.—**А. Н.** . . . 426

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Отголоски и сообщенія въ столичной печати, по поводу проекта университетскаго устава. — Новый уставъ православныхъ духовныхъ академій, и его сравненіе вообще съ уставами высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. — Общественное значеніе дополнительныхъ статей къ закону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ, и необходимость новыхъ мѣръ къ регулированію послѣдняго . . . 437

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Двѣро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова.— Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аѳанасьева.— Муравьи, пчелы и осы, Дж. Леббока, перев. Д. В. Аверкіева.—Путеводитель по Балтійской жел. дорогѣ, Н. П. Золотницкаго.—Путеводитель по западной Сибири, Н. Левитова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1884 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

XLVIII. — ТОМЪ CCLXXXII. — 1/13 іюля, 1884.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1884

М. С.
ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

([illegible])

КНЯЗЬ СУВОРОВЪ

ВЪ ОПАЛѢ.

1797—1798 г.

Шестаго февраля 1797 года, Суворовъ былъ уволенъ отъ службы, и почти въ то же время вышли въ отставку восемнадцать офицеровъ; онъ предложилъ имъ поселиться у него въ Кобринскомъ имѣніи, обѣщавъ вознаградить ихъ деревнями въ полное владѣніе. Такимъ образомъ, онъ думалъ обзавестись помощниками и подручниками, въ которыхъ нуждался, такъ какъ Кобринское имѣніе было очень велико и состояло изъ 8,000 душъ.

Сдавъ начальствованіе надъ войсками генералу Беклешову, Суворовъ однако не могъ уѣхать въ Кобринъ тотчасъ же; на это потребовалось особенное разрѣшеніе. Между тѣмъ, его тянуло въ Кобринъ и потому, что тамъ ожидали его неотложныя хозяйственныя дѣла, и потому, что положеніе его въ Тульчинѣ было ложное. Дѣйствительно, чтó было дѣлать, среди войскъ, отставному фельдмаршалу, уволенному отъ службы даже безъ права ношенія мундира? Его любили, каждый его шагъ всѣхъ интересовалъ, каждое его слово ловилось на лету, и вообще онъ служилъ центромъ общаго вниманія,—обстоятельство, неудобное во всѣхъ отношеніяхъ, изъ котораго быть можетъ и зародилась молва, трубившая по всей Россіи о разныхъ сатирическихъ выходкахъ Суворова за это время.

---

*) Кромѣ настоящаго извлеченія изъ обширнаго труда: „Генералиссимусъ князь Суворовъ", которое находится нынѣ въ печати, въ нашемъ журналѣ было уже помѣщено нѣсколько главъ оттуда же: въ 1880 г. (декабрь), въ 1881 (тоже), въ 1882 (іюнь) и въ 1883 г. (октябрь).—*Ред.*

Къ числу такихъ слуховъ принадлежитъ между прочимъ драматическая сцена прощанія, гдѣ Суворовъ, одѣтый простымъ гренадеромъ, явился, будто бы, передъ собраннымъ фанагорійскимъ полкомъ, снялъ ордена, положилъ ихъ на барабанъ и сказалъ: «прощайте ребята, молитесь Богу; можетъ быть придетъ время, когда Суворовъ опять явится среди васъ и возьметъ назадъ эти ордена, которые онъ заслужилъ побѣдами». Не ограничиваясь однимъ полкомъ, другіе говорили про цѣлую армію, передъ которой ставился не барабанъ, а пирамида изъ барабановъ, и заставляли Суворова произнести приблизительно тѣ же слова. Все это крайне сомнительно. Суворовъ, въ порывѣ увлеченія, былъ дѣйствительно способенъ на многое такое, на что другой не осмѣлился бы, но при выходѣ въ отставку онъ испытывалъ непріятность хроническую, съ которой мало-по-малу свыкся и притерпѣлся къ ней въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ. Есть и свидѣтельство противу приведенной сцены прощанія; одинъ изъ состоявшихъ въ то время при Суворовѣ адъютантовъ говоритъ, что ничего подобнаго не было. Да и нельзя предположить, чтобы Суворовъ, уволенный отъ службы и сдавшій командованіе другому, могъ собрать войска или даже одинъ полкъ, явиться передъ нимъ и держать рѣчь. Очевидно, молва раздула въ цѣлое событіе какой-нибудь мелкій случай.

Только въ послѣднихъ числахъ марта Суворову удалось выѣхать изъ Тульчина. Прибывъ въ Кобринъ, онъ принялся знакомиться съ этимъ, пожалованнымъ императрицею Екатериною имѣніемъ, котораго онъ еще не видалъ. Распоряженія его по имѣнію до насъ не дошли, да и вообще кратковременное пребываніе его въ Кобринѣ не оставило по себѣ почти ничего, достойнаго замѣчанія; даже его корреспонденція за этотъ періодъ очень скудна. Почти одновременно съ Суворовымъ, въ разные сроки, пріѣхали въ Кобринъ и тѣ офицеры, которымъ онъ предложилъ оставить службу на извѣстныхъ условіяхъ. Кромѣ нихъ, въ Кобринѣ находился еще подполковникъ Корицкій, какъ кажется, съ самаго пріобрѣтенія этого имѣнія, что ему не мѣшало считаться на дѣйствительной службѣ. Онъ былъ управляющимъ и полномочнымъ повѣреннымъ Суворова по всему Кобринскому имѣнію; о прочихъ офицерахъ точныхъ указаній нѣтъ. Надѣлъ ихъ деревнями пока не состоялся, но Суворовъ снабдилъ каждаго изъ нихъ «партикулярнымъ письмомъ», на владѣніе извѣстнымъ числомъ крестьянъ съ землею и угодьями, причемъ цифра душъ мужского пола колебалась между 25 и 100 на каждаго. Въ общемъ итогѣ составилось 1184 души на

18 человѣкъ (безъ Корицкаго), но выдаваемыя имъ «партикулярныя письма» не имѣли силы законнаго обязательства до предъявленія ихъ въ судебномъ мѣстѣ и занесенія въ протоколъ съ засвидѣтельствованіемъ собственноручною подписью Суворова. Что касается Корицкаго, то онъ получилъ отъ Суворова годомъ раньше документъ на 120 душъ; но и этотъ документъ не былъ окончательный, а «до изданія формальной крѣпости».

Выбравъ Кобринъ своимъ мѣстопребываніемъ съ цѣлью заняться устройствомъ этого имѣнія, Суворовъ жестоко ошибся въ расчетѣ. Не успѣлъ онъ еще осмотрѣться надлежащимъ образомъ, какъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто жительства. Апрѣля 22-го, вечеромъ или ночью, пріѣхалъ въ Кобринъ коллежскій ассесоръ Николаевъ и предъявилъ Суворову слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣсто пребыванія Суворова, откуда его привезть въ Боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить Вындомскому, а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». Неожиданность эта поразила не только Суворова, но и отставныхъ офицеровъ, положеніе которыхъ не было еще ничѣмъ гарантировано и даже не опредѣлилось. Они успѣли, однако, принять кое-какія мѣры въ свое обезпеченіе и данныя имъ Суворовымъ «партикулярныя письма» еще раньше предъявили въ кобринскомъ судѣ, съ занесеніемъ въ протокольную книгу на польскомъ языкѣ. Всѣмъ дѣломъ распоряжался Корицкій, но, для поднесенія Суворову къ подписи этой книги, удобнаго момента никакъ не находилъ, а поступая безъ соображенія обстоятельствъ и минуты, можно было все испортить. Теперь, съ предстоявшимъ отъѣздомъ Суворова, могло погибнуть дѣло, а потому слѣдовало дѣйствовать немедленно. По закону, засвидѣтельствованіе подписью статей, внесенныхъ въ протокольную книгу, должно было совершаться въ судѣ; высылка книги на домъ допускалась только въ случаѣ болѣзни свидѣтельствующаго лица. Сговорившись съ кѣмъ слѣдуетъ, Корицкій истребовалъ протокольную книгу къ Суворову на домъ, 23 апрѣля утромъ; привезъ ее регентъ кобринскаго суда Воротынецкій. Въ 10 часовъ утра, когда Суворову надо уже было садиться въ экипажъ, Воротынецкій былъ введенъ въ комнату; Корицкій взялъ у него протокольную книгу, раскрылъ статью съ партикулярными письмами къ офицерамъ и съ довѣренностью шляхтичу Красовскому на законное утвержденіе за офицерами правъ на землю, и подалъ Суворову къ подписи. Суворовъ, не говоря ни слова подписалъ, вышелъ на подъѣздъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ новгородскую губернію.

Красовскій, состоявшій въ то время при управленіи кобринскимъ имѣніемъ Суворова въ качествѣ юристъ-консульта и адвоката, тоже не остался съ пустыми руками и обезпечилъ себя еще лучше другихъ. Онъ обдѣлалъ свое дѣло тотчасъ по прибытіи Суворова въ Кобринъ и безъ замедленія далъ законное движеніе полученному документу. Запись была въ томъ же году утверждена судомъ, и Красовскій получилъ 434 души крестьянъ мужского пола въ пожизненное владѣніе свое и жены.

Отъѣздъ Суворова изъ Кобрина былъ до того внезапенъ, что представлялся какъ бы сномъ. Не сдѣлано никакихъ распоряженій, не отдано никакихъ приказаній, не взяты даже брильянты, стоимостью на 300,000 рублей слишкомъ. Не успѣли даже подвести счеты и снабдить Суворова деньгами, такъ что онъ принужденъ былъ занять у Корицкаго 1,000 рублей. Обождать, не спѣшить—было нельзя.

Какая могла быть причина этой новой немилости государя къ Суворову? Категорическаго отвѣта на то нѣтъ, но объясненіе факта лежитъ въ томъ же самомъ, что повлекло за собою отставку Суворова. Сплетни, слухи, молва доходили до государя, разумѣется, не въ хронологическомъ порядкѣ, а какъ случится, притомъ при различной окраскѣ, иногда съ прибавками и толкованіями. Неподатливость Суворова и его открытое осужденіе военныхъ нововведеній, служили широкимъ полемъ для пересудовъ и доносовъ. Изъ одного частнаго письма того времени узнаемъ, что про Суворова разсказывались «ужасныя вещи»: тенденціозное прощаніе съ войсками, писаніе къ государю слишкомъ смѣлыхъ писемъ; возвращеніе въ военную коллегію всѣхъ русскихъ орденовъ, ношеніе однихъ иностранныхъ и проч. Справедливо ли все это разсказывалось, писалось и разносилось? Самъ авторъ письма говоритъ въ заключеніе: «признаюсь, я вѣрю только половинѣ всего этого».

Но молва рѣдко выдумываетъ цѣликомъ; она иногда сильно преувеличиваетъ, изъ мухи дѣлая слона и разцвѣчивая тэму безконечными варьяціями. Въ настоящемъ случаѣ отвергать все сплошь нельзя, но и разграничить истину отъ прикрасъ и выдумокъ тоже невозможно, въ виду характерныхъ свойствъ Суворовскаго темперамента и недостатка документальныхъ данныхъ. А что существовали прикрасы и добавки, — это несомнѣнно. Приведемъ одинъ примѣръ изъ болѣе рѣзкихъ. Во всѣхъ почти сочиненіяхъ о Суворовѣ принятъ на вѣру анекдотъ о присылкѣ отъ государя фельдъегеря съ пакетомъ и о непринятіи этого пакета Суворовымъ, что̀ относятъ ко времени пребыванія от-

ставного фельдмаршала въ селѣ Кончанскомъ. Изъ упомянутаго выше письма, писаннаго раньше, слѣдуетъ заключить, что это могло случиться только въ Кобринѣ или въ Тульчинѣ, послѣ отставки. Пріѣзжаетъ фельдъегерь въ то время, когда Суворовъ находился въ банѣ, и требуетъ, чтобы его допустили немедленно. Суворову докладываютъ; онъ велитъ ввести. Фельдъегерь входитъ въ жарко-натопленную баню; Суворовъ, парившійся на полкѣ, спрашиваетъ — на чье имя и отъ кого привезенъ пакетъ; фельдъегерь отвѣчаетъ, что отъ государя фельдмаршалу графу Суворову. Суворовъ говоритъ ему, что фельдмаршалъ находится обыкновенно при арміи, а онъ, Суворовъ, проживаетъ въ деревнѣ, стало быть пакетъ не къ нему, и онъ его не приметъ. Несмотря на убѣжденія фельдъегеря, Суворовъ остается при своемъ, и фельдъегерь принужденъ уѣхать, увозя пакетъ обратно. Случай этотъ подлежитъ сильному сомнѣнію. Императоръ Павелъ былъ большой ригористъ на счетъ всякихъ формъ, что доказывается характеромъ его военныхъ преобразованій и требованій, а потому назвать фельдмаршаломъ того, кого онъ самъ лишилъ этого званія, онъ не могъ. Лишеніе сана было недавнее это отрицаетъ возможность подобнаго титулованія Суворова государемъ, не говоря уже про то, что съ точки зрѣнія Павла I, такое именованіе Суворова отъ высочайшаго лица было бы равносильно возвращенію ему званія.

Особыхъ причинъ, побудившихъ государя усилить свою немилость къ Суворову, отнявъ отъ него свободу избранія мѣста жительства, вѣроятно не было, или же онѣ остаются неизвѣстными. Послѣднее опять трудно предположить, потому что когда-нибудь и въ чемъ нибудь они высказались бы хоть намекомъ. Новой немилости не было, какъ не было новой для нея причины; существовалъ рядъ немилостей и цѣпь причинъ; выдѣлять изъ тѣхъ или другихъ что-либо въ видѣ особаго факта и объяснять этотъ фактъ, внѣ общей послѣдовательности, невозможно. Если же между винами и карами оказывается несоотвѣтствіе, если не были взвѣшены заслуги Суворова, то это объясняется всѣмъ внутреннимъ складомъ императора Павла и издавна усвоенными имъ взглядами. Да и существовали неоспоримые факты, которые говорили противу Суворова. Въ письмѣ одного изъ его адъютантовъ къ Хвостову читаемъ: «у насъ все по прежнему, отмѣны ни въ чемъ ни на волосъ нѣтъ». Только со смѣною Суворова Беклешовымъ начались въ бывшихъ Суворовскихъ войскахъ преобразованія. Можно себѣ представить, какой гнѣвъ должно было вызвать это извѣстіе въ раздражительномъ государѣ.

Во всякомъ случаѣ перемѣщеніе Суворова изъ Кобрина въ новгородскую деревню обозначало худое: Кобринъ олицетворялъ собою опалу, а Кончанскъ и опалу, и ссылку.

Сюда прибылъ Суворовъ 5 мая, послѣ 12-дневнаго утомительнаго пути по весенней распутицѣ. Помѣщичій домъ оказался очень ветхимъ, но невзыскательный хозяинъ нашелъ возможнымъ въ немъ поселиться, утѣшаясь тѣмъ, что наступало теплое время года. Исполнившій свое порученіе Николевъ передалъ обязанность присмотра за отставнымъ фельдмаршаломъ боровичскому городничему Вындомскому и уѣхалъ.

Обязанность эта была дѣломъ не только непріятнымъ, но и труднымъ. Сочувствіе, которымъ пользовался въ русскомъ обществѣ Суворовъ, заранѣе окрашивало его опальную судьбу въ цвѣтъ мученичества, а роли его надсмотрщиковъ придавало значеніе крайне незавидное; личный же характеръ Суворова грозилъ имъ большими неудобствами въ положеніи, которое теперь создавалось. Все это понималъ боровичскій городничій преміеръ-маіоръ Алексѣй Львовичъ Вындомскій, но отказаться отъ порученія не могъ при тогдашнихъ правительственныхъ принципахъ и понятіяхъ. Ему было дано повелѣніе: «имѣть за Суворовымъ бдительный надзоръ и смотрѣть, чтобы онъ никуда не отлучался». Донесеній Вындомскаго за первые два мѣсяца, пока новгородскимъ губернаторомъ былъ Архаровъ, не сохранилось (или не найдено); но надо полагать, что онъ былъ человѣкъ гибкій и ловкій, потому что съумѣлъ удержаться въ хорошихъ съ Суворовымъ отношеніяхъ, даже больше,—ибо Суворовъ писалъ къ Хвостову: «иногда мнѣ больше себя жаль честнаго человѣка здѣшняго городничаго, Алексѣя Львовича Вындомскаго, при мнѣ страждущаго». Обстоятельныя свѣденія о Суворовѣ начинаются съ половины іюля; но прежде, чѣмъ къ нимъ перейти, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и ознакомиться со всѣмъ, что произошло въ Кобринѣ послѣ Суворовскаго отъѣзда.

Всѣ офицеры, пріѣхавшіе по приглашенію Суворова въ Кобринъ, остались тамъ и по его отъѣздѣ; къ нимъ присоединилось въ разное время еще нѣсколько другихъ. Вѣроятно они, подобно Корицкому, чуяли надъ собою бѣду, но подавъ давно въ отставку и переселившись въ Кобринъ, зашли уже такъ далеко, что оставалось только ждать. Прождали они не долго: 20 мая пріѣхалъ Николевъ, арестовалъ ихъ всѣхъ и повезъ въ Кіевъ, гдѣ они и были посажены въ крѣпость. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе на имя кіевскаго военнаго губернатора графа И. Салтыкова о производствѣ дознанія относи-

тельно намѣреній и замысловъ этихъ офицеровъ. Салтыковъ допросилъ ихъ и донесъ, что они ничего не знаютъ и никакихъ особыхъ намѣреній, выходя въ отставку и уѣзжая въ Кобринъ, не имѣли; что они «были заблуждены» обѣщаніями и обнадеживаніями Суворова—жить на свободѣ и владѣть деревнями». По мнѣнію Салтыкова, ихъ незачѣмъ было возвращать на службу, кромѣ одного Капустянскаго, который жилъ «въ семъ скопищѣ безъ паспорта и всякаго вида», а потому отправленъ въ полкъ и посаженъ подъ арестъ. Отвѣтомъ государя было повелѣніе — Салтыкову поступить съ арестованными по своему усмотрѣнію. Салтыковъ распустилъ ихъ по домамъ, кромѣ капитана Капустянскаго, продолжавшаго находиться подъ арестомъ при полку, и полковника Борщова, высланнаго въ свой полкъ, въ Омскъ. Съ прочихъ взята подписка, что они безъ вѣдома губернатора не будутъ никуда отлучаться изъ мѣстъ жительства и по первому зову обязуются явиться куда будетъ приказано. Изъ нихъ маіоръ Антингъ поѣхалъ въ Петербургъ къ своему семейству, а маіоръ Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій просились вновь въ службу.—Отвѣтомъ на донесеніе объ этомъ Салтыкова, послужило высочайшее повелѣніе отъ 5 августа объ исключеніи изъ службы Антинга, Грессера и князя Четвертинскаго, и о томъ, чтобы мѣстное гражданское начальство имѣло наблюденіе за сношеніями Борщова и Капустянскаго. Отъ того же числа послѣдовало повелѣніе петербургскому коменданту—имѣть за Антингомъ всегдашнее наблюденіе, а новгородскому губернатору Митусову написано собственноручно: «Имѣйте смотрѣніе, чтобы исключенные изъ службы маіоры Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій и подобные имъ свиты Суворова не имѣли никакого сношенія и свиданія съ живущимъ въ новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ».

Кромѣ этихъ лицъ и Корицкаго, остальные вернулись въ Кобринъ послѣ 2-мѣсячнаго отсутствія и поселились по прежнему въ помѣщичьемъ домѣ; Корицкій же проѣхалъ въ свою полтавскую деревню, чтобы «опамятоваться и придти въ себя». Такъ кончилась вторая часть кобринскаго эпизода и началась третья, совсѣмъ иного характера, продолжавшаяся до смерти и даже послѣ смерти Суворова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Суворову дорогіе гости—сынъ, дочь и внукъ.—Онъ звалъ ихъ еще въ Кобринъ, когда считалъ себя совершенно свободнымъ; а теперь, при иныхъ условіяхъ, свиданіе съ близкими сердцу становилось для него двойнымъ праздникомъ. Суворовъ послалъ въ Петербургъ письмо съ на-

рочнымъ (значитъ, присмотръ Вындомскаго былъ тогда не очень еще бдителенъ), за разными порученіями, въ томъ числѣ и къ дочери. Она находилась въ Петербургѣ одна, безъ мужа, который по требованіямъ службы проживалъ почти безотлучно въ Павловскѣ. Вѣсть о ссылкѣ отца поразила ее, и она написала ему слѣдующее письмо: «Все, что скажетъ сердце мое—молить Всевышняго о продолженіи дней вашихъ при спокойствіи душевномъ. Мы здоровы съ братомъ и сыномъ, просимъ благословенія вашего. Необходимое для васъ послано при запискѣ къ Прокофью. Желаніе мое непремѣнное скорѣе васъ видѣть; о семъ Бога прошу, Онъ нашъ покровитель. Цѣлую ваши ручки». Возможность посѣтить отца представилась ей, однако, не тотчасъ же: требовалось разрѣшеніе государя, а для полученія его—удобный моментъ; можетъ быть, были и другія препятствія. Приблизительно черезъ мѣсяцъ графиня Зубова, однако, уже была въ Кончанскомъ вмѣстѣ съ братомъ, сыномъ, родственницей Евпраксіей Раевской, воспитателемъ брата маіоромъ Сіономъ и его женой. Кончанское помѣщеніе, и для одного Суворова, сносное съ горемъ пополамъ, для такого числа гостей было изъ рукъ вонъ плохо, тѣсно и неудобно. Суворовъ поѣхалъ за 45 верстъ въ свою деревню Каменку, лично осмотрѣть тамошній домъ—не будетъ ли лучше; домъ оказался еще хуже, и пришлось оставаться въ Кончанскомъ. Здѣсь провелъ онъ слишкомъ два мѣсяца въ своей семьѣ, и это время много ослабило тяжесть его положенія. «Графа Николая Александровича (мужа дочери) обнимаю», писалъ онъ Хвостову: «какъ руки и ноги графа Александра Николаевича (внука) и наслаждаюсь съ его любезною Наташей. Провидѣнію я преданъ, служу небесному Богу и вѣренъ богу земному».

Донесенія о Суворовѣ составлялись и отправлялись отъ Вындомскаго къ Митусову еженедѣльно, а затѣмъ представлялись къ генералъ-прокурору Куракину. Изъ нихъ видно, что Суворовъ постоянно жаловался на дурное состояніе здоровья, и пріѣздъ дѣтей подкрѣпилъ его только временно. Его заботило впереди зимнее и даже осеннее время, такъ какъ жить въ Кончанскомъ домѣ въ холодъ или ненастье рѣшительно было невозможно. Онъ рѣшилъ переѣхать за 45 верстъ въ село Ровное, къ свойственницѣ своей Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой (рожденной Зубовой). Можно ли ему это дозволить? Маіора Сіона онъ отправилъ въ Кобринъ за бриліантами и другими вещами, которые хочетъ хранить здѣсь, въ лѣсистомъ и малолюдномъ краѣ, а ихъ будетъ слишкомъ на 300,000 рублей.

Можно ли ему это разрѣшить? Пріѣзжали евреи для разсчетовъ по поставкѣ изъ Кобринскихъ деревень провіанта въ казну, но до него не были допущены. Прочитавъ это донесеніе, государь приказалъ: въ Ровное Суворову переселиться можно, хранить при себѣ брилліанты тоже; но подтверждается строгое наблюденіе за его поведеніемъ и образомъ жизни.

Вындомскій доноситъ, что Суворовъ ѣздилъ въ Каменку осматривать домъ и вернулся черезъ два дня, заѣхавъ на обратномъ пути къ помѣщицѣ Мявининой. Черезъ нѣсколько дней онъ снова выѣхалъ, къ сосѣдкѣ, Лупандиной, за 7 верстъ, отобѣдалъ тамъ и вернулся домой въ тотъ же день. Митусовъ спрашиваетъ генералъ-прокурора, — можно ли Суворову такъ разъѣзжать. Приказано: запретить.

Митусовъ доноситъ, что пріѣхалъ изъ Кобрина ротмистръ Павловскій, требовалъ свиданія съ Суворовымъ и говорилъ, что многіе еще пріѣдутъ. Ему было отказано и велѣно ѣхать въ Петербургъ подъ присмотромъ нарочнаго. Павловскій заупрямился и ѣхать подъ присмотромъ не захотѣлъ, развѣ-де свяжете. Вындомскій его арестовалъ и отправилъ со всѣми найденными при немъ бумагами. — Повелѣно: по допросѣ Павловскаго въ тайной экспедиціи, выпустить съ обязательствомъ никому не говорить, гдѣ содержался и о чемъ спрашиванъ. — Перехвачено письмо Хвостова къ Суворову; въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, но оно все-таки отправлено къ генералъ-прокурору, и Вындомскій не ручается, чтобы переписка не производилась чрезъ живущую здѣсь графиню Зубову. — Приказано: стараться перехватывать всѣ письма, но переписки графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствовать. — Перехвачено новое письмо Хвостова къ Суворову, а также письма камердинера Прохора Дубасова къ графу Н. Зубову и Хвостову о денежныхъ дѣлахъ, но есть и жалоба. — Относительно ожидаемаго изъ Кобрина въ Кончанскъ Сіона приказано: допустить его къ сдачѣ Суворову, въ присутствіи Вындомскаго, привезенныхъ брилліантовъ и вещей и затѣмъ велѣть ему немедленно уѣхать, по потомъ, приказаніе это отмѣнено, и Сіону, воспитателю графа Аркадія, разрѣшено оставаться при Суворовѣ. — Донесено, что Евпраксію Раевскую Суворовъ хочетъ выдать за боровичскаго помѣщика капитанъ-лейтенанта Александра Румянцова съ назначеніемъ ей въ приданое 100 душъ, но на условіи, чтобы они жили въ его, Суворова, домѣ. Вындомскій старается отговорить отъ этого послѣдняго условія. — Повелѣно: разрѣшить.

Таковы были обстоятельства и результаты двухмѣсячнаго над-

зора за Суворовымъ. Вындомскій очень тяготился своимъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ, со времени назначенія новгородскимъ губернаторомъ Митусова, вмѣсто Архарова, вѣроятно вслѣдствіе усиленія за опальнымъ фельдмаршаломъ надзора. Вындомскій тогда же рѣшился обратиться къ новому губернатору съ просьбой объ увольненіи отъ этой обязанности, причемъ приводилъ въ резонъ между прочимъ возможность захворать и такимъ образомъ оставить Суворова безъ всякаго наблюденія. Онъ указывалъ даже на лицо, которое могло бы замѣнить его при фельдмаршалѣ, именно на директора боровичской конторы статскаго совѣтника Гензеля. Митусовъ, какъ видно, согласился съ неудобствами положенія Вындомскаго, но кандидатура Гензеля въ Петербургѣ не утверждена, а «назначенъ» надворный совѣтникъ Феофилактъ Долгово-Сабуровъ, помѣщикъ боровичскій, находившійся въ отставкѣ, и выборъ этотъ сдѣланъ, между прочимъ, потому, что Долгово-Сабуровъ «можетъ бывать у Суворова часто, не возбуждая подозрѣній».

Въ Петербургѣ или не составили себѣ яснаго понятія о взаимномъ положеніи надзирателя и надзираемаго, или сами себя обманывали для мнимаго сохраненія наружныхъ приличій, если полагали, что присмотръ можетъ не возбудить въ Суворовѣ подозрѣній. Дѣло было для него совершенно ясное, да и не могло быть инымъ, если правительственный агентъ находился постоянно на его глазахъ, письма пропадали, пріѣзжіе (о которыхъ онъ могъ знать отъ своихъ людей) до него, Суворова, не допускались, и ему самому былъ запрещенъ выѣздъ за какія нибудь 7 верстъ. Тѣмъ не менѣе продолжали держаться этой системы, можетъ быть изъ желанія не оскорблять Суворова слишкомъ грубыми формами лишенія свободы, что и заставило обратиться къ одному изъ частныхъ, не служащихъ лицъ. Отказъ не предполагался; Долгово-Сабуровъ однако отказался, конечно, на основаніи вѣскихъ причинъ. Онъ отвѣчалъ губернатору, что готовъ всячески служить государю, но не можетъ, потому что боленъ чахоткой и еле живъ. Донося объ этомъ, Митусовъ удостовѣрилъ, что слова Сабурова справедливы, и что онъ самъ, Митусовъ, видѣлъ внезапные припадки его болѣзни. Пришлось пріискивать другого. Московскій военный губернаторъ И. П. Архаровъ рекомендовалъ еще раньше отставного коллежскаго ассессора Николева, когда шла рѣчь только объ арестованіи Суворова въ Кобринѣ. Порученіе это Николевъ исполнилъ успѣшно; потомъ арестовалъ и отвезъ въ Кіевъ изъ Кобрина офицеровъ тоже безъ

всякихъ проволочекъ и неудачъ; на немъ и теперь остановился выборъ.

Юрій Алексѣевичъ Николевъ, по прослуженіи 15 лѣтъ, вышелъ въ отставку, какъ онъ говоритъ, «не получа ни малѣйшаго вознагражденія», и проживалъ въ своемъ имѣніи (160 душъ), которое досталось на его долю по дѣлежу съ 4 братьями наслѣдства ихъ дяди, генералъ-маіора Николева, но находилось подъ секвестромъ по комиссаріату. Ю. Николевъ былъ въ описываемое время человѣкъ пожилой, имѣлъ двухъ сыновей на службѣ и двухъ дочерей. Онъ, если вѣрить его словамъ, порядочно бѣдствовалъ, проживая въ своемъ секвестрованномъ имѣніи, пока Архаровъ не «сжалился надъ нимъ», отрекомендовавъ какъ сказано. По сдачѣ въ Кіевѣ кобринскихъ офицеровъ, Николевъ опять уѣхалъ въ свою деревню, подъ Москвою, но 16 сентября получилъ повелѣніе—явиться снова, такъ какъ на него возлагается присмотръ за Суворовымъ въ селѣ Кончанскомъ. Николевъ донесъ безграмотною запиской, что въ тотъ же день выѣзжаетъ и поѣдетъ прямо въ Кончанское, ибо иначе поступить, по его мнѣнію, неудобно, и потому онъ проситъ выслать ему инструкцію на мѣсто.

Сентября 20, Николевъ былъ уже въ Кончанскомъ, но Вындомскій, не получивъ еще приказанія о передачѣ ему присмотра за Суворовымъ, нѣсколько дней продолжалъ состоять при фельдмаршалѣ. Онъ доносилъ, что пріѣхалъ изъ Кобрина шляхтичъ Красовскій, привезъ Суворову бриллiянты, 3000 р. денегъ, получилъ наставленіе и уѣхалъ обратно. Перехвачено нѣсколько писемъ: Сіонъ и Павловскій просятъ о перемѣнѣ подаренныхъ имъ деревень на другія; первый пишетъ своей женѣ, что дѣла Суворова въ Кобринѣ въ величайшемъ разстройствѣ; Антингъ извѣщаетъ, что исключенъ изъ службы, находится съ семьею въ нищетѣ; Фальконій благодаритъ за деревню и проч. Здоровье Суворова по прежнему слабо.—Приказано: перехваченныя письма передать по принадлежности, такъ какъ въ нихъ ничего нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ или вскорѣ выслана инструкція Николеву, а Вындомскому приказано возвратиться къ своей должности.

Инструкція предписывала Николеву отправиться въ Боровичи, жить тамъ для наблюденія за поведеніемъ и образомъ жизни Суворова, еженедѣльно доносить генералъ-прокурору во всей подробности, и сколько возможно скрывать отъ всѣхъ возложенное на него порученіе, дѣлая видъ, что пріѣхалъ туда и проживаетъ тамъ по своимъ дѣламъ, торговымъ, судебнымъ или инымъ. При этомъ освѣдомляться, отъ кого будутъ къ Суворову посѣщенія, съ ка-

кимъ намѣреніемъ, чѣмъ онъ съ посѣтителями или одинъ будетъ заниматься или съ кѣмъ пересылаться, въ послѣднемъ случаѣ что станетъ посылать, кому, куда и зачѣмъ. Лицамъ его бывшей свиты, нынѣ исключеннымъ изъ службы, не дозволять съ нимъ, Суворовымъ, имѣть ни свиданій, ни сношеній, кромѣ одного маіора Сіона. Наблюдать за корреспонденціей, разузнавая, что Суворовъ пишетъ, кому и черезъ кого; особенно слѣдить «какими бы то путями ни было» за адресуемыми ему письмами. Съ этою цѣлью приказано боровичскому почтмейстеру всѣ письма пересылать черезъ Вындомскаго къ нему, Николеву, а земскому исправнику велѣно, въ случаѣ отлучки Николева, изъ уѣзда, наблюдать и извѣщать его чрезъ Вындомскаго о письмахъ, получаемыхъ или отправляемыхъ съ нарочными, также о «посѣщеніяхъ и упражненіяхъ» Суворова; для чего ему, Николеву, рекомендуется повидаться съ исправникомъ и переговорить съ нимъ. До переписки дочери, графини Зубовой, или ея близкихъ не касаться. Вындомскій будетъ ему оказывать всякое содѣйствіе и пособіе. Если паче чаянія будетъ замѣчено что нибудь подозрительное, то объ этомъ должно быть немедленно донесено генералъ-прокурору. Такъ какъ онъ, Николевъ, съ нѣкотораго времени съ Суворовымъ знакомъ, то долженъ сохранять къ нему должное почтеніе, не давать поводовъ ни ему, ни домашнимъ къ неудовольствію, «оказывать ласку и доброхотство». Если бы Суворовъ вздумалъ куда либо въ гости ѣхать, то представлять ему учтиво, что по теперешнему его положенію, онъ не можетъ этого дѣлать; если же не послушается, то объявить ему высочайшее повелѣніе, отказать на отрѣзъ и донести генералъ-прокурору.

Какъ только появился Николевъ, дочь Суворова и другія лица, съ нею пріѣхавшія, собрались домой и выѣхали на другой день. Можетъ быть, это совпаденіе случайное, такъ какъ становилось холодно и въ ветхомъ домѣ нельзя уже было жить, не рискуя здоровьемъ. Самъ Суворовъ тоже покинулъ домъ тотчасъ же и переселился въ избу, на краю деревни, за неимѣніемъ другого жилого помѣщенія, ибо новый домъ хоть строился, но былъ еще не готовъ. Въ ожиданіи близкаго отъѣзда дочери, Суворовъ былъ очень печаленъ, а по ея отъѣздѣ много плакалъ. Въ такомъ настроеніи онъ встрѣтился въ первый разъ съ Николевымъ и спросилъ его: «откуда пріѣхалъ?»—Заѣхалъ по дорогѣ въ Тихвинъ,—отвѣчалъ Николевъ, понимавшій свою роль, хотя инструкція не была еще получена. «Я слышалъ, что ты пожалованъ (за Кобринъ) чиномъ», продолжалъ, улыбаясь ,Суворовъ: «правда, и служба большая; выслужилъ, выслужилъ; продолжай

такъ поступать, еще наградятъ». Николевъ отвѣчалъ, что «исполнять монаршую волю есть первѣйшій долгъ вѣрноподданнаго». Суворовъ замѣтилъ: «я бы этого не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Николевъ выразилъ удивленіе по поводу такого взгляда на службу; Суворовъ замолчалъ, а потомъ, по словамъ Николевскаго донесенія, сдѣлался гораздо снисходительнѣе и ласковѣе.

Изъ этого перваго донесенія видна домашняя жизнь Суворова. Онъ вставалъ за два часа до свѣта, пилъ чай, обливался водою, на разсвѣтѣ шелъ въ церковь, гдѣ стоялъ заутреню и обѣдню, причемъ самъ читалъ и пѣлъ. Обѣдъ подавался въ семь часовъ, послѣ обѣда Суворовъ спалъ, потомъ обмывался; въ свое время шелъ къ вечернѣ, послѣ того обмывался раза три и ложился спать. Скоромнаго онъ не ѣлъ, былъ весь день одинъ и разговаривалъ лишь со своими людьми, нѣсколькими отставными солдатами. Носилъ онъ обыкновенно канифасный камзольчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая (раненая) въ туфлѣ, по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ надѣвалъ егерскую куртку и каску; въ высокоторжественные дни куртку замѣнялъ фельдмаршальскимъ мундиромъ безъ шитья, но съ орденами. Свой простой ежедневный костюмъ Суворовъ, впрочемъ, еще упрощалъ до минимума: ходилъ безъ рубашки, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, какъ дѣлывалъ обыкновенно въ лагерное время. Онъ жаловался на нездоровье, на параличные симптомы въ разныхъ частяхъ тѣла, но Николевъ доноситъ, что ничего подобнаго не замѣтилъ, и что вообще здоровье Суворова, если взять въ разсчетъ его годы, находилось въ состояніи удовлетворительномъ. Предшествовавшія донесенія Вындомскаго не совсѣмъ съ этимъ согласны, и въ письмахъ своихъ къ Хвостову Суворовъ неоднократно упоминаетъ о своихъ недугахъ, говоритъ даже про «дюжину Тульчинскихъ параличей». Хотя послѣднее выраженіе неправильно, но по всему видно, что здоровье Суворова нѣсколько пошатнулось, и если онъ не былъ рѣшительно боленъ, то благодаря только своей энергіи.

Кончая свое первое донесеніе, Николевъ говоритъ, что присмотръ за Суворовымъ оказывается въ дѣйствительности невозможнымъ; изба, занимаемая Суворовымъ, удалена отъ села, невдалекѣ отъ нея находится лишь церковь; приставнику нѣтъ помѣщенія, откуда можно было бы наблюдать. Нѣтъ и путей для наблюденія; Суворовъ постоянно окруженъ своими людьми; ближайшіе къ нему—камердинеръ и два отставныхъ солдата,—люди «непокорливые и нетрезвые». Хотя ему, Николеву, предоставлено въ распоряженіе 1000 душъ карелъ (та мѣстность на-

селена карелами), но изъ нихъ мало кто, да и то плохо, разумѣетъ по-русски; нельзя усмотрѣть за отправкою и полученіемъ писемъ, а по неимѣнію военной команды, не съ кѣмъ отсылать донесенія. Въ силу такихъ обстоятельствъ, Николевъ проситъ снабдить его дополнительнымъ повелѣніемъ или вызвать для личныхъ объясненій.—Повелѣно: надзирать непримѣтнымъ образомъ, а потому нѣтъ нужды ни въ новыхъ наставленіяхъ, ни въ новыхъ средствахъ.

Два послѣдующія донесенія Николева, не заключая въ себѣ ничего особеннаго, все-таки даютъ кое-что для характеристики обстоятельствъ. Николевъ проситъ дать въ его распоряженіе нѣсколько солдатъ (вѣроятно, для разсыльной службы),—Митусовъ присылаетъ двухъ. Суворовъ находится въ прежнемъ состояніи здоровья, но однажды больно ушибся, наткнувшись ночью на лежавшую собаку. У него прибавилось новое препровожденіе времени: по утрамъ и послѣ обѣда поетъ духовные концерты. Разсердившись на Николева за то, что тотъ назвалъ его *вы*, вмѣсто *ваше сіятельство*, онъ однако сдѣлался съ нимъ на другой день по прежнему ласковъ. Перехвачены письма; изъ нихъ одно отъ баронессы Карачай, изъ Пешта: проситъ Суворова быть воспріемникомъ сына Александра; другое отъ г-жи фонъ-Тилленъ, изъ Силезіи: проситъ о томъ же для младенца, котораго она должна родить черезъ два мѣсяца.—Приказано: письма отдать по принадлежности.—Баронъ Карачай, боевой товарищъ и пріятель Суворова, пишетъ ему изъ Венгріи, спрашивая о состояніи здоровья.—Повелѣно: письмо не отдавать, всѣ подобныя удерживать и вообще переписку Суворова съ Карачаемъ прекратить. Между людьми Суворова идутъ разговоры, будто онъ собирается уѣхать въ Петербургъ. Ему нетрудно это исполнить и вести корреспонденцію внѣ надзора; бурмистру приказано, въ случаѣ попытки къ отъѣзду, не давать ему лошадей, а чтобы не быть въ отвѣтѣ, Николевъ испрашиваетъ на этотъ предметъ приказаній.—Никакихъ приказаній не послѣдовало, вѣроятно потому, что усердіе Николева увлекало его къ слишкомъ большимъ и несбыточнымъ опасеніямъ.

Дальнѣйшія донесенія Николева вращаются въ тѣхъ же границахъ, и резолюціи изъ Петербурга въ томъ же родѣ. Приказано: маіора Сіона, находившагося въ Кобринѣ, къ Суворову не допускать, въ отмѣну прежняго разрѣшенія, но по просьбѣ графа Н. Зубова снова дозволено, на условіи, чтобы Николевъ за Сіономъ смотрѣлъ. Отправленнаго Суворовымъ въ Петербургъ камердинера Прохора приказано допросить; оказалось, что прі-

ѣхалъ къ графу Зубову съ порученіемъ отъ Суворова—ускорить платежи по казеннымъ взысканіямъ (о нихъ будетъ дальше). Перехвачены многія письма къ Суворову; большая ихъ часть оказалась просительными. Суворовъ пересталъ надѣвать по праздникамъ фельдмаршальскій мундиръ, но за то носить на шеѣ орденъ св. Анны (любимый императоромъ Павломъ); ночью его изба однажды загорѣлась, но во-время потушена; здоровье его по прежнему, но съ чего-то подошвы на ногахъ распухли, такъ что нѣсколько дней съ трудомъ ходилъ. Печаль по уѣхавшей дочери перешла въ хроническое грустное настроеніе, вслѣдствіе неполученія никакихъ отъ графини Зубовой извѣстій; но превратилась въ сильнѣйшую радость, когда пришло отъ нея письмо. Потомъ, какъ можно догадываться, наступили дни томительной скуки, недовольство настоящимъ обострилось и перешло въ раздражительное состояніе, которое выросло съ наступленіемъ святокъ, потому что Суворовъ привыкъ всегда проводить праздники весело, на людяхъ. Николевъ доноситъ въ концѣ декабря, что Суворовъ становится все сердитѣе; не проходитъ дня, чтобы не побилъ кого-нибудь изъ людей; даже 25 числа за обѣдней далъ Прошкѣ пощечину, при этомъ Николевъ не забываетъ однакоже замѣтить, что «Суворовъ былъ въ канифасномъ камзольчикѣ, но съ Анной на шеѣ».

Тяжело было положеніе Суворова, но описанными данными далеко не исчерпывается итогъ непріятностей, которыя ему приходилось выносить. Нежданно-негаданно на него обрушилась цѣлая масса казенныхъ взысканій, нѣсколько частныхъ претензій, и въ Кобринѣ установилась неурядица, перешедшая, наконецъ, въ безцеремонное грабительство.

Пока Суворовъ былъ въ чести и силѣ, все молчало; а едва собралась гроза и грянулъ громъ, свергнувшій побѣдоноснаго полководца съ высоты его положенія въ безпомощное состояніе опальнаго, стали возникать разныя темныя дѣла, появляться жалобы за прежнее время, нарождаться иски.

Первый открылъ этого рода кампанію маіоръ донского войска Чернозубовъ. Какъ только Суворовъ отправленъ былъ въ ссылку, Чернозубовъ заявилъ претензію въ томъ, что остается по настоящее время неудовлетвореннымъ за употребленные имъ съ 16 октября 1795 по январь 1796 года на фуражъ 8,021 руб., которые онъ, находясь въ Польшѣ, израсходовалъ по словесному приказанію Суворова, за неимѣніемъ тогда прямого на этотъ расходъ источника. А такъ какъ, по сдѣланной справкѣ, Суво-

рову уже была отпущена въ то время сумма на продовольствіе войскъ, то 6 мая повелѣно: взыскать съ него 8,021 руб.

Суворовъ былъ очень удивленъ, получивъ первое объ этомъ извѣстіе и, не зная подробностей, тотчасъ же выслалъ Хвостову вѣрющее письмо на заемъ 10,000 руб. подъ залогъ 250 душъ. Потомъ, сообразивъ обстоятельства, онъ сталъ приводить въ свое оправданіе, что удовлетвореніе Чернозубова относится до провіантскаго вѣдомства, имѣющаго на все свои законы и правила, которые главнокомандующій измѣнить не въ силахъ; что если провіантская канцелярія, имѣя деньги, ихъ не отпускала, то на ней и вина, а не на главнокомандующемъ, который обязанъ заботиться, чтобы войска были сыты. Онъ съ ѣдкостью замѣчаетъ, что Философовъ, въ инспекціи котораго возникло это дѣло, должно быть, сошелъ съ ума, или, не бывши 30 лѣтъ въ военной службѣ, забылъ, что словесные приказы о деньгахъ не исполняются. Наконецъ, Суворовъ приводилъ въ резонъ, что на него наложено взысканіе безъ разсмотрѣнія дѣлъ и счетныхъ книгъ штаба; что даже не былъ сдѣланъ отвѣтчику предварительный запросъ по заявленной на него претензіи, что поступать такимъ образомъ значитъ давать поводъ другимъ заявлять, что угодно безъ всякаго съ ихъ стороны риска, и тогда претензіи могутъ вырости до милліоновъ. Уже одинъ полковникъ прислалъ ему, Суворову, частное письмо, требуя 3,500 руб. и угрожая—обратиться въ противномъ случаѣ съ прошеніемъ къ государю; подобнымъ случаямъ и конца нельзя предвидѣть, а между тѣмъ они, помимо основной своей несправедливости, кладутъ пятно и на его, Суворова, честь.

Все это, однако, не привело ни къ чему, и Суворову оставалось только платить. Хвостовъ просилъ Митусова, обождать взысканіемъ, пока деньги будутъ собраны, но въ октябрѣ послѣдовало изъ военной коллегіи вторичное строжайшее требованіе, такъ что приходилось налагать секвестръ на часть боровичскаго имѣнія. Хвостовъ сбился кое-какъ съ деньгами и заплатилъ.

Слова Суворова сбывались: въ октябрѣ заявлена новая жалоба и по ней повелѣно: деньги, употребленныя умершимъ полковникомъ Шиллингомъ по словесному приказанію Суворова на продовольствіе полка, взыскать съ Суворова, а нѣсколько позже приказано дополнительно: деньги, израсходованныя въ томъ же Низовскомъ мушкетерскомъ полку изъ офицерскихъ и церковныхъ суммъ на ту же потребность,—взыскать съ него же, что составляло въ итогѣ 4,232 рубля. Суворовъ писалъ Хвостову по этому поводу то же, что и о претензіи Черноусова; но также

безполезно; взысканіе обращено на доходы съ Кобринскаго имѣнія и, немного погодя, строго подтверждено: не затягивать исполненіемъ.

Въ декабрѣ состоялось повелѣніе о новомъ взысканіи. Въ послѣднюю войну, войска Суворова проходили черезъ гор. Брестъ-Литовскій; здѣсь былъ сложенъ въ сараѣ поташъ, а въ плотахъ на р. Бугѣ находился корабельный лѣсъ,—то и другое сплавлялось къ Данцигу. Суворовъ приказалъ приставить къ амбару и плотамъ караулъ и велѣлъ потомъ бригадиру Дивову эту военную добычу продать. Купилъ одинъ еврей и получилъ отъ Дивова удостовѣреніе на бумагѣ въ томъ, что лѣсъ и поташъ дѣйствительно ему проданы, а деньги за нихъ получены. Цифра полученныхъ денегъ не была въ роспискѣ обозначена, и такимъ образомъ продажная цѣна осталась неизвѣстной; вѣроятно, она была ниже 700 червонцевъ, потому что еврей вскорѣ перепродалъ лѣсъ и поташъ другому, взявъ съ него именно эту сумму. Въ іюнѣ 1797 года, бывшій литовскій подстолій, графъ Ворцель, подалъ прошеніе, объясняя, что лѣсъ и поташъ принадлежали ему, стоили 5,628 червонцевъ, а потому просилъ взыскать понесенный имъ убытокъ съ Суворова, какъ главнокомандующаго. Надо замѣтить, что Ворцель былъ въ это время весь въ долгахъ, кредиторы его съ каждымъ днемъ становились настойчивѣе, а потому, давъ имъ нѣкоторую надежду на уплату, онъ пріобрѣталъ тѣмъ хоть временное спокойствіе. Прошеніе свое онъ написалъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и цифру претензіи не подкрѣпилъ ничѣмъ. Должно быть, это обстоятельство кинулось въ глаза, потому что взысканіе съ Суворова не послѣдовало тотчасъ же, а было приказано князю Репнину привести въ ясность обстоятельства дѣла. Репнинъ употребилъ на это не мало времени, но разъяснилъ очень немногое; приведенное выше изложеніе дѣла есть результатъ не только Репнинскаго изслѣдованія, но и розысковъ Суворовскаго управляющаго, Красовскаго, который собиралъ справки въ Данцигѣ, Варшавѣ и другихъ мѣстахъ, и добылъ копію съ росписки Дивова. Не былъ спрошенъ даже этотъ послѣдній, хотя все дѣло на немъ вращалось. Тѣмъ не менѣе черный годъ Суворова взялъ верхъ, и въ декабрѣ приказано взыскать съ него 5,628 червонцевъ (по тогдашнему курсу около 28,000 руб. бумажныхъ), —опять безъ предварительнаго его спроса о справедливости принесенной на него жалобы.

Суворовъ указывалъ на корыстолюбивое побужденіе просителя, на то, что жалоба принесена черезъ $2^1/_2$ года не безъ причинъ, что главнокомандующій не можетъ быть отвѣтственнымъ

лицомъ за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, что истина не разъяснена производившимся дознаніемъ, что разница между 5,628 и 700 червонцами слишкомъ разительна, что если Ворцель и справедливо показывалъ то все-таки привлечь къ дѣлу нужно прежде всего Дивова, а не его, Суворова. Онъ дѣйствительно совсѣмъ позабылъ про подробности этого случая и даже не могъ припомнить, куда дѣвались вырученныя за лѣсъ и поташъ деньги. Для обезпеченія взысканія, на Кобринское имѣніе наложенъ секвестръ.

Аппетитъ хищниковъ на чужое добро разгорался, и въ январѣ 1798 года бывшихъ польскихъ войскъ маіоръ Выгановскій подалъ прошеніе о взысканіи съ Суворова 36,000 рублей за опустошеніе и истребленіе во время послѣдней войны его имѣнія. Польскій генералъ Сѣраковскій, ретируясь чрезъ Крупчицы, навлекъ на мѣстечко и на стоявшій за нимъ домъ Выгановскаго огонь русской артиллеріи; отъ гранатъ пострадало мѣстечко и сгорѣлъ домъ. «Я не зажигатель и не разбойникъ», отвѣчалъ Суворовъ и ставилъ вопросъ прямо: была ли то война или миръ? И дѣйствительно, отъ наложенія на него взысканія удержались, но жалоба Выгановскаго нелѣпою все-таки не признана, и Кобринскому суду приказано произвести разслѣдованіе. Оказалось, между прочимъ, что не только Крупчицкій домъ, но и все имѣніе Выгановскаго, тронутое войной и не тронутое, не стоитъ 36,000 рублей; что за годъ до революціи оно было заложено владѣльцемъ въ 6,000 червонцевъ; что домъ былъ деревянный, ветхій и стоялъ совершенно пустой, безъ всякой мебели. Разслѣдованіе продолжалось около года, если не больше, и ко взысканію съ Суворова не привело; но Суворовъ считалъ его возможнымъ, такъ какъ предшествовавшія претензіи признавалъ не многимъ основательнѣе. Поэтому искъ Выгановскаго, подобно другимъ, сильно его безпокоилъ и раздражалъ; лишь притерпѣвшись ко всему и убѣдившись въ своемъ безсиліи противу всего этого потока непріятностей и огорченій, онъ махнулъ рукой и нашелъ въ самомъ себѣ утѣшеніе. «Въ несчастномъ случаѣ—брилльянты,—пишетъ онъ:—я ихъ заслужилъ, Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ».

Только этотъ облегчающій доводъ ему и оставался. Всѣ взысканія были безапелляціонныя, и лишь въ концѣ 1798 года, когда было уже поздно, Суворовъ получилъ возможность подать въ первый разъ голосъ въ защиту своей чести и собственности. Опроверженія же, приведенныя выше, онъ излагалъ въ частной перепискѣ, да и то подъ зоркимъ взглядомъ надсмотрщиковъ,

перехватывавшихъ корреспондецію; такимъ образомъ, она и въ счастливомъ случаѣ къ практическому результату не приводила, а служила лишь слабымъ утѣшеніемъ въ смыслѣ раздѣленнаго съ кѣмъ-нибудь огорченія.

Кромѣ описанныхъ оффиціальныхъ вымогательствъ, Суворовъ сдѣлался предметомъ нападеній въ томъ же отношеніи и съ другихъ сторонъ. Какой-то купецъ пишетъ ему въ концѣ мая изъ Москвы, что $1^1/_2$ года назадъ сторговали его домъ Суворовскимъ именемъ коммиссіонеры, но задатку не дали, а между тѣмъ онъ, владѣлецъ, уничтожилъ ситцевую въ домѣ фабрику, не пускаетъ жильцовъ и вообще несетъ большіе убытки. Суворовъ послалъ письмо это къ Хвостову, съ надписью: «Дмитрій Ивановичъ, я дома держусь, считалъ, что то и кончено; исправьте, а потомъ хоть три сѣрыхъ камня Оссіановыхъ». Въ октябрѣ прибылъ къ нему нарочный отъ давно-забытой жены, съ письмомъ. Варвара Ивановна пишетъ, что крайность принуждаетъ ее сдѣлать этотъ шагъ, что она въ бѣдности, живетъ у брата, который весь въ долгу и продаетъ теперь свой домъ, такъ что ей придется скитаться по чужимъ угламъ. «Тринадцать лѣтъ васъ (пишетъ ему то *ты*, то *вы*) не безпокоила,—продолжаетъ она:— воспитывала нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства къ родителямъ, надѣясь, что Богъ преклонитъ и ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; что вы, видя дѣтей вашихъ, вспомните и про ихъ несчастную мать». Объясняя дальше, что «въ разные годы получала разную малую пенсію» и вошла въ долги, которые нынѣ простираются до 22,000 рублей, она кончаетъ письмо словами: «развяжите душу мою, прикажите дочери нашей меня, несчастную мать, знать, какъ Богомъ узаконено». Письмо написано складно, очевидно составляла его не Варвара Ивановна; о пенсіи сказано не совсѣмъ вѣрно, потому что съ начала разлуки Суворова съ женой, Варварѣ Ивановнѣ выдавалось ежегодно по 1,200 р., а потомъ по 3,000; эту послѣднюю сумму она получала и въ послѣднее время. Суворовъ отправилъ посланнаго, не видавъ его, и приказалъ передать женѣ, что онъ самъ много долженъ, а потому помочь ей теперь не въ состояніи, но въ будущемъ постарается. Вскорѣ послѣ того онъ написалъ Хвостову: «я вѣдаю, что графиня Варвара Ивановна много должна, но мнѣ сіе постороннее».

Такъ думалъ Суворовъ; но не такъ вышло все на дѣлѣ. Николевъ донесъ Куракину о просьбѣ Варвары Ивановны и

объ отвѣтѣ Суворова; повелѣно: сообщить графинѣ Суворовой, что можетъ обратиться къ генералъ-прокурору. Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ пишетъ зятю, графу Н. Зубову: «я слышу, что Варвара Ивановна желаетъ жить въ моемъ московскомъ домѣ; съ симъ я согласенъ, да и рождественскій домъ къ ея услугамъ, только бы никакихъ иныхъ претензіевъ не было: знакомо, что я въ немощахъ». Написалъ онъ объ этомъ и своему давнему пріятелю, Н. Ф. Скрипицыну, московскому управляющему, но Варвара Ивановна уже успѣла войти въ переписку съ Куракинымъ, по его приглашенію. «Угнетена будучи должайшее время отъ несчастнаго своего положенія крайнимъ недостаткомъ», она прилагаетъ копію съ письма своего къ мужу, оставленнаго безъ письменнаго отвѣта и проситъ себѣ: домъ для жительства, 8,000 р. въ годъ содержанія и уплату 22,000 руб. долгу. Она возлагаетъ все свое упованіе на высочайшее благоволеніе, признавая его «единственнымъ закономъ, который можетъ ее извлечь изъ настоящаго бѣдственнаго положенія». Потребована отъ Хвостова справка о размѣрахъ состоянія Суворова и количествѣ дохода и затѣмъ повелѣно: назначить Варварѣ Ивановнѣ домъ для жительства и ежегодное денежное содержаніе въ 8,000 руб., о чемъ и сообщено, какъ Суворову, такъ и его женѣ. Суворовъ коротко передалъ своему зятю высочайшее повелѣніе къ исполненію; Варвара Ивановна разсыпалась передъ Куракинымъ въ благодарностяхъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Скрипицынъ сообщилъ ей, что оба дома, въ Москвѣ и селѣ Рождественѣ, передаются ей въ хозяйство съ мебелью, всѣмъ убранствомъ и прислугой. Варвара Ивановна отвѣчала ему благодарственнымъ письмомъ, которое, выйдя изъ-подъ другого пера, было бы злой ироніей, такъ какъ оно кончается увѣреніемъ: «не премину оказать послушаніе мужу, ибо пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю всегда исполнять его волю». Въ такомъ же смыслѣ она пишетъ и къ Куракину, но намекаетъ, что Скрипицынъ не очищаетъ домъ и, вѣроятно, не скоро очиститъ, ибо живетъ въ немъ по найму. Куракинъ успокоиваетъ ее, потому что мужу ея дано высочайшее повелѣніе; Варвара Ивановна отвѣчаетъ, что на мужа она положиться не можетъ: «вслѣдствіе вліянія на него близкихъ лицъ, мнѣ лицедѣйствующихъ, можно ждать ежевременной перемѣны», и напоминаетъ о своей просьбѣ на счетъ 22,000 р. долга. Куракинъ подтверждаетъ графу Н. Зубову о передачѣ графинѣ Суворовой московскаго дома, а ей сообщаетъ, что объ уплатѣ долга надлежитъ просить установленнымъ законнымъ путемъ. Этимъ письмомъ, отъ 3 февраля 1798 года, пере-

писка пока и закончилась, и претензія Варвары Ивановны осталась удовлетворенною не вполнѣ.

Если все сосчитать, то итогъ покажетъ, что жалобы, иски и претензіи на Суворова превышали цифру 100,000 рублей, а по современному свидѣтельству Хвостова, не совсѣмъ, впрочемъ, вѣрному, годовой его доходъ простирался только до 50,000 р. Но главный матеріальный ущербъ, нанесенный Суворову въ это несчастливое для него время, шелъ изъ Кобрина и заключался въ безпорядкѣ, который развелся тамъ послѣ его отъѣзда въ Кончанское и грозилъ перейти въ полный хаосъ. Офицеры, положеніе которыхъ оставалось неопредѣленнымъ, проживали безъ дѣла, жили на счетъ Суворова, или же, завладѣвъ участками, вели хищническое хозяйство. Къ нимъ прибавилось нѣсколько новыхъ, имена которыхъ не находимъ въ первоначальномъ спискѣ; какъ они сюда попали и на какомъ основаніи пристроились къ дѣлу или получили участки,—остается темнымъ. Легкій способъ получать даромъ хоть небольшое, но обезпеченное состояніе, послужилъ соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ, и Суворовъ былъ засыпанъ прошеніями о надѣлѣ. Маіоръ фонъ-Ваде просилъ пожаловать ему данную на 60 душъ; французъ Морисъ умолялъ «по бѣдности» о такой же цифрѣ; отставной маіоръ Суковъ съ письмомъ отъ Корицкаго ходатайствовалъ о томъ же, даже пріѣхалъ за этимъ въ село Кончанское лично; множество другихъ выпрашивали просто пособія. Корицкій, за время своего управленія имѣніемъ, до отправки въ кіевскую крѣпость, роздалъ разнымъ шляхтичамъ въ жизненное владѣніе 209 душъ съ землею и угодьями. Другіе бомбардировали Суворова и даже камердинера его, Прохора, письмами о перемѣнѣ назначенныхъ имъ Корицкимъ и занесенныхъ въ протокольную книгу участковъ; самъ Сіонъ, посланный для приведенія всего въ ясность и порядокъ, трижды просилъ Суворова письмами о перемѣнѣ подаренной ему деревни; Фальконій ничего не просилъ, а только благодарилъ, ибо очень доволенъ своею судьбой. Антингъ писалъ къ Суворову, къ Вындомскому, къ Хвостову, что онъ обиженъ, что во все время ревностной своей службы Суворову, ничѣмъ неодаренъ. Между тѣмъ въ сохранившейся перепискѣ Суворова можно насчитать 5 или 6 разъ, когда приказано было выдать Антингу отъ 500 до 1,000 рублей. Красовскій высматривалъ и лавировалъ; получивъ 434 души въ пожизненное владѣніе и закрѣпивъ ихъ за собою надлежащимъ образомъ, онъ, какъ разсказывали, добился 2,000 рублей дохода съ помощью Прохора,

пообѣщавъ ему благодарность въ нѣсколько тысячъ рублей, но не сдержалъ слова.

Неустройство кобринскихъ дѣлъ проглядываетъ чуть не въ каждой строкѣ писемъ, оттуда посылаемыхъ къ Суворову, Зубову, Хвостову, Вындомскому, Прохору, и поддерживается самимъ Суворовымъ, помимо его воли. Получивъ первыя извѣстія о тамошнихъ безпорядкахъ, онъ проситъ Хвостова послать туда довѣренное лицо, съ полномочіями, для управленія имѣніемъ и приведенія всего въ надлежащее устройство. Черезъ мѣсяцъ, воспользовавшись пріѣздомъ въ Кончанское Сіона, онъ отрываетъ его отъ сына и посылаетъ въ Кобринъ почти на полгода, давая довѣренность въ нѣсколькихъ строкахъ и уполномочивая его избрать предъ обратнымъ отъѣздомъ главнаго управляющаго. Является такимъ образомъ два уполномоченныхъ, изъ которыхъ одинъ остается не причемъ. Шляхтичи и отставные офицеры, налетѣвшіе со всѣхъ сторонъ на добро Суворова, какъ вороны, стараются урвать чтó можно, ссорятся, сплетничаютъ другъ на друга, посылаютъ Суворову, Хвостову, Зубову предостереженія и доносы. Корицкому, Сіону и Красовскому, т.-е. бывшему, настоящему и будущему главноуправляющимъ достается больше всѣхъ и, сколько можно разобраться въ этой массѣ писемъ и путаницѣ дѣлъ, значительною долею не напрасно. Сгараетъ строевой лѣсъ, по 1,000 руб. десятина, дававшій 3,000 рублей годового дохода; подожженъ онъ для того, чтобы было больше валежника и подешевѣли бы дрова. Хлѣбъ проданъ по хорошей цѣнѣ, а въ отчетахъ цѣна поставлена малая. Сіонъ не имѣетъ никакого понятія о веденіи хозяйства и, будучи иностранцомъ, подозрѣвается въ возможности забрать деньги и уѣхать за границу. Красовскій занимается ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ и интересы имѣнія не блюдетъ. Сіонъ угощаетъ безпрестанно окрестное шляхетство; однажды у него обѣдало 130 человѣкъ и ужинало больше 60. У Красовскаго ежедневные столы, музыка, охота въ лѣсахъ Суворова. Уѣзжая изъ Кобрина, Сіонъ оставилъ по себѣ 500 р. долгу и совершенно пустымъ погребъ Суворова, въ которомъ находилось вина на 300 р.

Все это, или если не все, то многое доходило до Суворова разными путями, возбуждало въ немъ безпокойство и заставляло искать выхода изъ такого положенія. Выходъ найти было трудно; самое прямое средство—личное присутствіе въ Кобринѣ, было невозможно. Да и другіе способы почти не существовали: пере-

писка перехватывалась и если возвращалась, то поздно; личные переговоры съ немногими лицами дозволялись только временами, а съ прочими запрещались безусловно. Положеніе создалось по истинѣ безвыходное и на перемѣну къ лучшему не представлялось надежды. Суворовъ, вышедшій въ отставку съ разсчетомъ хозяйничать въ Кобринѣ, сталъ убѣждаться, что привлеченіе туда офицеровъ, съ надѣломъ ихъ деревнями, представляется теперь капитальнымъ зломъ, мѣрою, достигающею цѣли, какъ разъ противуположною той, которая имъ предполагалась при оставленіи службы. Извѣстія изъ Кобрина поддерживали такой поворотъ его мыслей, а разговоръ съ Красовскимъ, привезшимъ брилльянты, убѣдилъ его въ томъ совершенно. Хитрый, плутоватый шляхтичъ еще въ Кобринѣ уразумѣлъ Суворова до тонкости и рѣшился добиться полной его довѣренности. Онъ сообщилъ Суворову, что многіе изъ офицеровъ, благодаря Корицкому, получили самыя лучшія деревни, притомъ на условіяхъ, для него, Суворова, крайне невыгодныхъ; что отъ этого происходитъ путаница, и правильное управленіе имѣніемъ невозможно; что многіе изъ получившихъ надѣлы отсутствуютъ и т. под. Убѣдить Суворова было тѣмъ легче, что приведенные доводы были большею частью справедливы; Красовскій же указалъ Суворову и средство избавиться отъ офицеровъ: раздѣлаться съ ними деньгами, для чего въ итогѣ требовалось по его исчисленію не больше 30,000 рублей. Суворову эта мысль понравилась и, соображая всѣ обстоятельства, въ ноябрѣ онъ остановился на такомъ рѣшеніи: офицерамъ дать отступного по двумъ нормамъ—40 и 20 руб. за душу или около того, но не больше. Тѣ, которые возвратятся на службу или пожелаютъ оставить Кобринъ, получаютъ по 20 рублей; тѣ, которые останутся и обяжутся жить въ окрестностяхъ Кобрина до его, Суворова, смерти, получаютъ по 40 рублей. Впредь до заключенія съ ними законнымъ путемъ сдѣлки въ этомъ смыслѣ, они пользуются данными имъ деревнями. Корицкому, если справедливы его поступки и лихоимство, Суворовъ затрудняется дать и по рублю.

На этомъ и остановилось дѣло въ зиму 1797—98 годовъ. Соображенія и разсчеты составлялись одною заинтересованною стороной, безъ согласія другой, а потому почти ни къ чему путному не привели.

Тѣмъ временемъ жизнь Суворова текла своимъ чередомъ; однообразные и тоскливые дни смѣнялись одинъ другимъ, и не видно было просвѣта въ этой опальной тьмѣ ежедневнаго прозя-

банія. По прежнему жилъ въ Кончанскѣ и Николевъ, наблюдая за своимъ узникомъ и посылая періодическія донесенія. Пріѣхалъ Сіонъ, пробылъ довольно долго; каждый день, часа по два подрядъ, просиживалъ у Суворова, давая ему отчеты и посвящая его въ тайны кобринскихъ порядковъ. Привезъ онъ не мало писемъ отъ кобринскихъ офицеровъ, арендаторовъ и разныхъ просителей, но Суворовъ ихъ не принялъ, далъ Сіону нѣсколько наставленій и отпустилъ его въ Петербургъ. Сіонъ уѣхалъ 6 февраля 1798 года; вскорѣ послѣ того Суворовъ отпустилъ бывшихъ при немъ отставныхъ солдатъ; уединеніе его стало еще глуше и безжизненнѣе. Февраля 14, вдругъ все измѣнилось: предъ Суворовымъ совершенно неожиданно предсталъ племянникъ его, подполковникъ князь Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ императора Павла,—съ приглашеніемъ ѣхать въ Петербургъ.

Что побудило государя обратить вниманіе на опальнаго фельдмаршала? Вопросъ, трудно разрѣшимый; но въ числѣ причинъ, главною, судя по послѣдующимъ даннымъ, было намѣреніе поставить Суворова въ необходимость или, по меньшей мѣрѣ, въ возможность и желаніе повиниться предъ государемъ и сдѣлать первый шагъ къ выходу изъ настоящаго положенія. Опала Суворова, лица съ громкимъ и популярнымъ именемъ, могла только увеличить общее къ опальному сочувствіе и представляла большія неудобства. Да и все происшествіе имѣло видъ какой-то борьбы, положить которой конецъ слѣдовало въ интересахъ принципа. Поэтому, февраля 12, князь Андрей Горчаковъ получилъ въ Петербургѣ такое высочайшее повелѣніе: «ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову, сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ, надѣюсь, не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію». Въ тотъ же день написано генералъ-прокурору: «дозволивъ графу Суворову пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе Николева тамъ ненужнымъ». Горчаковъ тотчасъ же поскакалъ въ Кончанское и, пріѣхавъ туда, сообщилъ Николеву на словахъ приказаніе Куракина—возвратиться къ себѣ домой. Николевъ уѣхалъ, немедля, подъ Москву, въ свое имѣніе.

Узнавъ отъ племянника о цѣли его пріѣзда, Суворовъ принялъ это извѣстіе равнодушно и отъ поѣздки въ Петербургъ отказался. Племянникъ принялся его убѣждать, справедливо представляя, что такое упорство можетъ повредить ему. Нельзя было съ этимъ не согласиться, и Суворовъ наконецъ призналъ, что

ѣхать необходимо. Волей-неволей онъ согласился, но поставилъ однако условіемъ, что по старости и болѣзни отправится не иначе какъ на долгихъ, проселочными дорогами. Горчаковъ пришелъ въ ужасъ, опасаясь огорчить тѣмъ государя, и сталъ уговаривать дядю ѣхать на почтовыхъ, такъ какъ путь требуетъ всего двухъ сутокъ времени. Но Суворовъ стоялъ на своемъ, не принималъ никакихъ резоновъ, и Горчаковъ отправился обратно въ Петербургъ, торопясь всѣми силами, такъ какъ былъ увѣренъ, что государь его ждетъ. Вскорѣ за нимъ выѣхалъ и Суворовъ, на своихъ лошадяхъ, съ остановками и роздыхами.

Несмотря на тяжелую жизнь въ селѣ Кончанскомъ и на всѣ невзгоды, которыми сопровождалась опала, Суворовъ ѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ насиліе надъ самимъ собой. Все это обѣщало мало хорошаго впереди, и дѣйствительно ничего добраго изъ такой вынужденной поѣздки не вышло.

А. Петрушевскій.

МУСУЛЬМАНСКІЕ ПАЛОМНИКИ.

Изъ путешествія по Аравіи.

Окончаніе.

V *).

Было еще довольно рано, и пустыня не успѣла сдѣлаться раскаленною печью, а потому я, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, оставленное похоронами Хафиза, отправился вмѣстѣ съ моимъ Юзою вдоль ручья по ущелью, въ надеждѣ развлечься охотою. На утренней зарѣ въ камняхъ я слышалъ верещанье куропатокъ и перепеловъ и крикъ каменнаго козла (capra sinaitica), а потому надежда встрѣтить какое-нибудь живое существо не была невозможною, тѣмъ болѣе, что Абдъ-Алла увѣрялъ, будто въ ближайшихъ къ намъ горахъ очень многочисленны еще даманы или жиряки (hyrax syriacus), которыхъ онъ называлъ «уерберами», часто встрѣчающіеся въ горахъ Каменистой Аравіи.

Вскинувъ свои ружья на плечи и захвативъ еще по длинному ножу съ веревкою, всегда необходимыми въ горахъ, мы вступили въ самое сердце каменной громады, разсѣдающейся вдоль ручья. Скоро насъ охватили со всѣхъ сторонъ холодныя стѣны ущелья, и мы были уже такъ далеко отъ каравана, что оттуда не доносилось къ намъ ни одного звука.

---

*) См. выше; іюнь, 650 стр.

Торжественно, спокойно и диво было въ мрачномъ ущельѣ. Огромныя каменныя тѣснины, выдвинувшіяся впередъ черными утесами, и кругомъ, разбросанные какъ бы гигантскимъ наводненіемъ, не только чудовищной формы и величины камни, но и цѣлыя скалы—вотъ и все, что было въ ущельѣ. Ни отвуда—ни звука, ни движенія, ни признака жизни на этихъ обожженныхъ склонахъ, ни признака растительности на огромномъ выжженномъ аравійскимъ солнцемъ пространствѣ. Жизнь и немыслима среди этихъ камней, хотя бы они были облиты плодоноснѣйшею влагою въ мірѣ. «Изъ камня родится огонь», говоритъ арабское изреченіе,—но изъ камня не родится никогда жизнь... Мы поднялись по камнямъ на ближайшіе утесы; оттуда, помогая другъ другу и прибѣгая къ помощи ружей, ножей и веревки, мы взобрались на такую высь, что въ началѣ казалось даже невозможнымъ подняться такъ высоко. Вездѣ, гдѣ мы пробирались, особенно на мѣстахъ подъемовъ и спусковъ, мы оставляли небольшія кучки камней — необходимая предосторожность, чтобы не заблудиться въ этомъ хаосѣ скалъ, утесовъ и горныхъ склоновъ.

Пробираясь трудною стезею вокругъ подошвы одного изъ грандіознѣйшихъ утесовъ, мы замѣтили свѣжій характерный пометъ козла... Охотничье сердце заговорило во мнѣ... Я забылъ обо всемъ, и о недавно пережитыхъ минутахъ, и о трудности пути, и о спускахъ съ отвѣсно стоящихъ высотъ, и о палящемъ немилосердно наши головы аравійскомъ солнцѣ... Одна мысль, одно желаніе было—скорѣе настигнуть дорогую добычу... Храня полное молчаніе, лишь изрѣдка перемигиваясь и держа на готовѣ ружья, мы съ Юзою начали цѣпляться дальше по кромкѣ, которая неправильною спиралью восходила на вершину одного изъ высочайшихъ утесовъ въ этой группѣ горъ. Стараясь не заглядываться внизъ, мы стремились все выше и выше, такъ какъ очевидно, что козлу невозможно никуда спрятаться на обнаженной скалѣ, если мы настигнемъ его по возможности ближе къ вершинѣ. Эта увѣренность и поддерживала наши, начинавшія уже падать, силы...

Солнце уже поднялось высоко и немилосердно жарило наши затылки, хорошо, впрочемъ, прикрытые покрышками и полотенцами. Въ глазахъ чувствовался жаръ и колотье; они начали слезиться, что всегда бываетъ, когда приходится долго смотрѣть на блистающіе предметы. Потъ градомъ катился съ насъ; ни одна нитка нашей легкой одежды не оставалась не смоченной, хотя и быстро высыхала на ужасающей жарѣ отъ лучей палящаго солнца.

Около часу мы поднимались такимъ образомъ. Я уже начи-

налъ терять вмѣстѣ съ силами и терпѣніе. Вершина утеса, казалось, была такъ близка, что еще нѣсколько саженей кверху—и мы тамъ; но на самомъ дѣлѣ, такъ какъ подъемъ шелъ зигзагами, то путь еще былъ далеко не оконченъ и намъ постоянно приходилось прибѣгать къ помощи веревокъ, ружей и другъ друга... А свѣжій пометъ козла, какъ Аріаднина нить, завлекалъ насъ все выше и выше... Еще два или три поворота, и мы услыхали надъ головою шумъ отъ сильнаго движенія. Несомнѣнно, наша добыча попалась, потому что бѣжать ей было некуда; единственная возможность спастись для животнаго — вернуться по той же кромкѣ, по которой шли и мы, но на это едва ли бы рѣшился осторожный козелъ, вѣроятно почуявшій врага. Вершина же, куда онъ попалъ по своей неосторожности, была совершенно уединенна, и спрыгнуть оттуда куда-либо, что иногда дѣлаютъ эти животныя въ минуты крайней опасности, не представлялось никакой возможности, потому что прыжокъ съ высоты саженей полутораста былъ бы salto mortale даже для альпійскаго козла. Неминуемая смерть отовсюду грозила бѣдному животному... Интересно было, на что оно рѣшится...

Немного еще поднялись мы, двигаясь шагомъ съ берданками на-готовѣ,—какъ увидѣли свою добычу. То былъ великолѣпный матерой козелъ съ прекрасными рогами. Увидя насъ, онъ опустилъ голову, наклонилъ рога и сталъ въ боевое положеніе; глаза его сверкнули огнемъ, голова слегка тряслась. Немного онъ постоялъ въ такомъ грозномъ положеніи, а потомъ началъ смѣло, но тихо спускаться прямо на насъ... Было что-то трогающее сердце въ этой отчаянной самозащитѣ бѣднаго животнаго противъ неумолимаго, грознаго врага; въ эти минуты хотѣлось бы даже его пощадить, если бы къ выстрѣлу не вынуждала собственная опасность. Я выждалъ немного, чтобы подпустить ближе взбѣшенное животное и выцѣлить вѣрнѣе; Юза тоже былъ на-сторожѣ. Палецъ готовился спустить собачку, какъ вдругъ козелъ, какъ бы испугавшись своей смѣлости, великолѣпнымъ прыжкомъ, который надо было видѣть, чтобы оцѣнить, отбросился на другую сторону утеса.

Послѣ этого изумительнаго скачка начался рядъ бѣшеныхъ, изумительно граціозныхъ прыжковъ, знакомыхъ только горному охотнику. Животное перебрасывало себя на нѣсколько саженей съ такою же легкостью, съ какою отскакиваетъ резиновый шаръ отъ стѣны или пола. Его ноги, казалось, были сдѣланы изъ крѣпкихъ пружинъ, а тѣло—изъ упругаго каучука. Минуть десять безпрерывно прыгало это великолѣпное животное, не

давая возможности даже прицѣлиться, и какъ будто понимая, что одна минута его покоя равносильна смерти. Мы, пораженные чуднымъ зрѣлищемъ, которое рѣдкому охотнику приходится видѣть, съ ружьями въ рукахъ на-готовѣ, смотрѣли и просто любовались отчаянными прыжками своей жертвы.

Вдругъ животное сдѣлало чудовищный прыжокъ, какимъ-то волшебнымъ образомъ пошло цѣпляться по отвѣсу и очутилось на самой вершинѣ утеса, а оттуда спустилось осторожно и куда-то исчезло за выступомъ скалы... Дорогая добыча, казалось, ушла... Не предпочелъ ли козелъ броситься съ огромной высоты и разбить свою могучую грудь о камни—постыдной смерти отъ руки охотника. Для охотничьяго сердца это были болѣзненныя минуты. Съ понятнымъ волненіемъ я поползъ на верхъ, оставивъ Юзу на всякій случай внизу для того, чтобы пересѣчь единственную тропинку, возможную для спуска. Когда я вполэъ на самый конечный выступъ гранитнаго утеса,—отъ сердца у меня отошло, и оно опять забилось ровнѣе. Выступъ скрывалъ небольшую трещину или пещерку, куда въ смертельномъ страхѣ и забился козелъ. Я видѣлъ, какъ сверкали не то отчаяніемъ, не то злобою и яростью его глаза, какъ грозно моталась могучая голова, вооруженная огромными рогами, выставившимися изъ трещины скалы, и вся фигура прекраснаго животнаго слегка дрожала, выражая вызовъ на послѣдній, смертный бой. Шансы на побѣду все еще колебались; не для одного козла то были рѣшительныя минуты, и я тотчасъ же понялъ это, когда мы сошлись лицомъ другъ съ другомъ—охотникъ и его добыча. Насталъ послѣдній моментъ борьбы. Животное было готово на все...

Я обошелъ выступъ скалы и очутился шагахъ въ пяти отъ разъяреннаго козла. Каждый моментъ можно было ожидать, что онъ выпрыгнетъ, какъ резиновый шаръ, изъ расщелины скалы и нанесетъ ужасный ударъ своими могучими рогами. Полулежа на кромкѣ обрыва ужасающей высоты, я видѣлъ, что наши шансы на успѣхъ борьбы были почти одинаковы, и я въ случаѣ неудачи могу такъ же вѣрно погибнуть какъ до сей минуты предполагалъ вѣроятною гибель козла. Каменный выступъ, на которомъ я находился, былъ всего фута два съ половиною шириною; я не могъ даже встать на немъ, чтобы свободно владѣть руками, а въ противномъ случаѣ я рисковалъ потерять равновѣсіе и свергнуться внизъ о камни саженей съ полутораста вышины. Впереди за трещиною, гдѣ притаилась моя добыча, былъ также ужасающій обрывъ, отвѣсный, какъ стѣна. Впереди торчали

могучіе рога моего противника, а сзади — узенькая кромка для отступленія, теперь уже невозможнаго...

Медлить было поздно, иначе—значило рисковать жизнью. Кто первый изъ насъ начнетъ, тотъ и побѣдитъ... Такъ какъ козелъ не догадался первымъ напасть на своего врага и сбросить его съ утеса, что было сдѣлать легко въ первые моменты моей нерѣшительности, когда я, понявъ свое незавидное положеніе, на минуту лишился самообладанія,—то и началъ я... Еще нѣсколько мгновеній помедливъ, чтобы лучше выцѣлить свою жертву, я спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ. Эхо громко отдало его нѣсколько разъ съ долгими перекатами; облака дыма скрыли отъ меня козла. Не зная о результатахъ своего выстрѣла, я быстро отступилъ и очутился внѣ уступа на болѣе широкомъ мѣстѣ. Едва я это успѣлъ сдѣлать, какъ изъ разсѣявшагося дыма показался козелъ, облитый кровью. Пуля угодила ему въ лобъ. Онъ выскочилъ за уступъ, и прыгнувъ аршина два впередъ, зашатался. Вторая пуля, пущенная Юзою, окончила его страданія. Успѣхъ охоты нашей былъ полнѣйшій.

Утомленные, мы растянулись съ Юзою на гладкомъ каменномъ платб, и слегка обдуваемые SW-омъ, прилегли отдохнуть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей дорогой добычи. Болѣе получаса мы лежали почти безъ движенія, измученные тяжелымъ подъемомъ. Совсѣмъ оправившись, мы сняли шкуру съ еще теплаго козла, вырѣзали лучшіе куски мяса и рога, которые, какъ трофей, я взялъ съ собою, чтобы отвезти на далекую родину. Затѣмъ, прежде чѣмъ начать спускъ, мы стали осматриваться вокругъ. Высоко мы однако забрались съ Юзою. Подъ нами лежалъ цѣлый хаосъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, утесовъ и камней. Мы, казалось, царили надъ всѣмъ. Къ юго-востоку шла широкою грядою горная страна, но зато на сѣверо-западъ отъ насъ тянулось одно безбрежное море пустыни, замыкаемое только кое-гдѣ на горизонтѣ зубчатою линіею отдаленныхъ горъ. Прямо на югъ, между горными вершинами, виднѣлась узкая лента Акабинскаго залива; свѣтло-голубою съ серебромъ полоскою шла она далеко, извиваясь между окаймлявшими ее желтоватыми песками да темноголубыми силуэтами береговыхъ альпъ. Внизъ—страшно и посмотрѣть; такъ обрывисто и круто спускалась вершина утеса, на который мы взобрались въ пылу охотничьяго увлеченія. Выше былъ одинъ безграничный просторъ свѣтло-голубого неба, гдѣ царило во всемъ своемъ величіи «око міра, глазъ Аллаха», какъ поэтически зовутъ арабы пустыни свѣтозарное свѣтило дня. Въ этомъ вы-

раженіи кроется доля сабеистическаго міровоззрѣнія, но арабъ и теперь еще сабеистъ въ душѣ, хотя и пропитанъ насквозь исламомъ. «Великій пророкъ» все-таки не могъ искоренить сабеистическаго начала въ поэтическомъ воззрѣніи араба на міръ.

Труденъ былъ нашъ подъемъ, но въ десять разъ труднѣе былъ спускъ. Правда, благодаря мѣткамъ, оставленнымъ нами на пути, мы легко различали тропу, по которой взобрались, но при подъемѣ наши трудности были совсѣмъ иного характера. Поднимаясь, мы изнемогали физически, а спускаясь—психически, если такъ можно выразиться. Нагруженные дорогою и не легкою добычею, сильно измученные, мы должны были испытывать головокруженіе при каждомъ спускѣ. Сколько разъ намъ приходило въ голову оставить мясо, добытое съ такимъ трудомъ, какъ лишнюю тяжесть, но такая мѣра намъ казалась крайнею, и мы предпочитали рисковать спусками, прибѣгать къ помощи веревокъ, ножей и плечъ товарища, чѣмъ оставить что-нибудь изъ добычи. Сколько разъ кружилась голова при видѣ обрывистыхъ спусковъ и узкихъ кромокъ, по которымъ приходилось спускаться... Достаточно было поскользнуться, оступиться, сдѣлать невѣрный шагъ, или лопнуть нетолстой веревкѣ, чтобы полетѣть головою внизъ и удариться о камни, выставившіе свои острыя верхушки и ребра внизу. Рядъ успѣшно преодолѣваемыхъ препятствій и постоянное, настороженное вниманіе при каждомъ шагѣ скоро мнѣ вернули все хладнокровіе, такъ что я могъ даже подкрѣплять Юзу, несмотря на то, что нѣсколько разъ судорожно замирало и трепетало сердце, когда приходилось дѣлать шагъ или движеніе, отъ котораго могла зависѣть жизнь или смерть обоихъ изъ насъ. Юза безпрестанно шепталъ молитвы...

Около двухъ съ половиною часовъ сходили мы по этому головоломному спуску, пока не вошли опять въ русло потока, въ мрачное ущелье, которое теперь намъ казалось пріятно, какъ домъ. И жизнь, и честь, и добыча наши были спасены; я отъ души могъ бы присоединиться къ Юзѣ, когда онъ, сойдя съ «проклятой скалы козла», какъ онъ успѣлъ уже прозвать гору, на которой мы столько промучились, упалъ ницъ и, погружая свое чело въ песокъ, произнесъ: «Эль хамди Лиллахи»!

Еще четверть часа, и мы были уже въ лагерѣ, гдѣ насъ встрѣтили какъ побѣдителей. Самъ Абдъ-Алла произнесъ длинное привѣтствіе, прибавивъ однако, что пророкъ намъ послалъ богатую добычу, потому что сегодня счастливый день—благословенный четвергъ (ель мубаракъ). Едва сбросилъ я съ себя оружіе и добычу, какъ поспѣшилъ къ ручейку и сотворилъ тамъ не

только умовеніе, но и омовеніе всѣхъ частей тѣла, пострадавшихъ при спускѣ. Мы съ Юзою очутились въ лагерѣ за полдень, когда благочестивые мусульмане уже совершили свою полдневную молитву — тохэръ, и четыре уставныхъ колѣнопреклоненія; спасаясь отъ нестерпимой жары, они валялись въ своихъ шатрахъ, занимаясь богомысліемъ, или, если не благочестивыми размышленіями, то кейфомъ—занятіемъ тоже угоднымъ Богу и Великому пророку, потому что, кейфуя, человѣкъ-молъ не можетъ погрѣшить. Даже верблюды на такой жарѣ не розыскивали свой жалкій кормъ, а тоже кейфовали съ полузакрытыми глазами, испекаясь на солнцѣ и пережевывая комочки бурьяну.

Къ обѣду у насъ сегодня было свѣжее мясо — дичина, не виданная нами послѣ перепелокъ, убитыхъ во время стоянки на берегу Краснаго моря. Къ обѣду нашему приглашены всѣ вчерашніе собесѣдники: Абдъ-Алла, Букчіевъ и еще одинъ хаджа, котораго ташкентскій купецъ называлъ казанскимъ татариномъ, хотя этотъ послѣдній упорно скрывалъ свое знаніе русскаго языка, по глазамъ же и каждому жесту, съ какимъ онъ прислушивался къ разговору Букчіева со мною, можно было догадаться, что этотъ плутъ хорошо понимаетъ по-русски. Сегодня Юза попытался сварить настоящій супъ изъ козлятины, прибавивъ туда кусочки хлѣба, замѣсто крупы и клоцекъ, и остковъ замѣсто зелени. Вышло нѣчто вкусное, разумѣется, для обѣда въ выжженной пустынѣ. Жаркое же, финики и послѣ всего чай съ краснымъ виномъ—все это была такая роскошь, которой мы не видали послѣ выѣзда изъ Египта. Немудрено поэтому, что даже старый Абдъ-Алла, распинавшій свою плоть, чмокнулъ нѣсколько разъ и облизался, когда куски жаренаго мяса, правда, сильно припахивавшаго козломъ, одинъ за другимъ исчезали во рту. Когда же насытился вполнѣ старый хаджа, и запивъ обѣдъ калашниковскимъ чаемъ, взялъ двѣ трубки (изъ которыхъ одну покрасивѣе предложилъ мнѣ) и затянулся душистымъ наргилэ,—то, не разъ прикладывая руку то къ груди, то къ правому плечу, онъ обращался ко мнѣ, повторяя: «Раббэна-шаликъ-эффендина» (Господь да сохранитъ тебя, господинъ!).

Между тѣмъ солнце палило невыносимо; мы забрались подъ навѣсъ палатки, какъ и другіе члены каравана, и тамъ за душистымъ наргилэ и кофе, который внезапно проявился у паломниковъ,—полулежа на тюкахъ, предались кейфу и бездѣлью, пока не задремали. Юза заснулъ первымъ, что было не мудрено послѣ такого похода, за нимъ—Букчіевъ и послѣ всѣхъ Абдъ-Алла, еще долго тянувшій свой узорчатый чубукъ. Такъ

какъ въ палаткѣ было нестерпимо душно, то я вышелъ вонъ и направился снова къ ручейку, чтобы освѣжиться хотя немного его животворною влагою.

То было время ужасающаго зноя, невыносимой жары, когда пустыня пышетъ огнемъ, и чувствуешь, что идешь по горячему песку, прожигающему ногу черезъ подошву, какъ по накаленной плитѣ, и когда не можетъ работать ни одна мысль въ мозгу, переполненномъ кровью. Ужасно въ это время быть безъ крова, безъ капли воды въ пустынѣ. Глаза сильно ломятъ и слезятся, въ вискахъ стучитъ невыносимо, голова трещитъ, губы сохнутъ и трескаются, жажда нестерпимая палитъ внутренности, сколько бы ни было выпито воды. Нѣтъ нигдѣ прохлады, нѣтъ и намека на тѣнь... Вездѣ, куда ни посмотришь, одинъ раскаленный песокъ, отражающій пламенные лучи палящаго солнца, ослѣпляющій глаза, или горячій обожженный камень, или воздухъ, пронизанный зноемъ и огнемъ. Горе путнику, если онъ не пристроится во-время къ источнику или въ тѣнь!.. Горячій воздухъ весь трепещетъ отъ зноя, и это колебаніе легкой стихіи, обжигающей тѣло горячими струями, можетъ высосать послѣднюю воду изъ кожаныхъ мѣшковъ; они сожмутся, изсохнутъ, и влага улетитъ въ пространство, разумѣется, утонувъ въ немъ и не освѣживъ ни одного кубическаго дюйма горячей стихіи... И когда нестерпимый внутренній жаръ начнетъ изсушать мозгъ и тѣло, когда одинъ глотокъ воды былъ бы драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ для путника,—тогда у него останется одинъ пустой, покоробившійся мѣхъ. Напрасно тогда онъ будетъ молить небо послать ему хотя одну освѣжающую струю воздуха, напрасно онъ будетъ тогда проглатывать свою собственную слюну и ею утолять на мгновеніе нестерпимый внутренній жаръ, —напрасны всѣ его движенія, потому что часы его тогда сочтены, и человѣка хватитъ уже не на долго. Губы и десны скоро совсѣмъ засохнутъ и истрескаются, запекшаяся кровь вмѣстѣ съ мелкимъ пескомъ наполнитъ эти трещины и образуетъ язвы; въ головѣ, переполненной кровью, перестаетъ работать мозгъ, инстинктъ самосохраненія подавляется; глаза туманятся, сознаніе пропадаетъ, хотя и не вполнѣ. А между тѣмъ, изнеможенный верблюдъ тоже начинаетъ приставать и уменьшаетъ свой бѣгъ. Путникъ сознаетъ свою гибель, онъ видитъ, что ему нѣтъ спасенія... Сначала набѣгаетъ легкій туманъ на его зрѣніе, врачки съуживаются до минимума; въ глазахъ начинаютъ появляться багровыя и зеленоватыя пятна, которыя, сливаясь между собою въ невозможномъ сочетаніи, застилаютъ зрѣніе. Затѣмъ все ярче и ярче

становятся эти пятна; ихъ смѣняютъ фіолетовые и темнозеленые съ голубымъ круги, за которыми въ глазахъ уже не видно ничего, кромѣ чего-то неопредѣленнаго, темнокраснаго или зеленовато-голубого. Но вотъ на нѣсколько мгновеній опять проясняется зрѣніе, и сквозь багрово-красный раскаленный воздухъ, который тогда наполняетъ пустыню, онъ видитъ чудное зрѣлище, преисполняющее на нѣсколько минутъ свѣтлою надеждою сердце несчастнаго... Не вдалекѣ на горизонтѣ передъ нимъ колеблятся свѣтло-голубыя струи чистой воды; высокія пальмы, тихо помахивая своими вѣнцами, склонились надъ водою и словно манятъ къ себѣ умирающаго путника.—«И-я-раббэна-аалейна» (помилуй меня Господи!) восклицаетъ онъ и торопитъ своего измученнаго верблюда. И чѣмъ больше спѣшитъ онъ, тратя свои послѣднія силы и силы полуиздыхающаго верблюда, тѣмъ дальше отодвигается чудное видѣніе... Оно колеблется слегка, и то поднимаясь, то опускаясь, въ далекой перспективѣ, какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ, показываетъ все новыя и новыя картины — одна прекраснѣе другой. И голубыя небеса, и серебристыя струи, и пальмовые лѣса, и подобія цѣлыхъ городовъ, глядящихся въ трепещущую поверхность далекаго озера—все это манитъ путника въ таинственную даль, ближе къ чудному видѣнію. Но вотъ все болѣе и болѣе трепещутъ воздушные образы, какъ бы расплываясь, улетая кверху или утопая въ багровой дымкѣ горизонта, яркія краски блѣднѣютъ, голубоватыя полосы, походившія на водную поверхность, на краяхъ перемѣшиваются съ неопредѣленными цвѣтами отдаленной перспективы, и изъ этого смѣшенія опять выходитъ багрово-красное небо, желтовато-бѣлый песокъ раскаленной пустыни, и горизонтъ, облитый огнемъ и пурпурово-красною мглою. Чудное видѣніе было только волшебною иллюзіею, чудною галлюцинаціею, «моремъ дьявола», какъ его называютъ арабы; дьяволъ хочетъ надсмѣяться надъ правовѣрнымъ въ послѣднія минуты, говорятъ они, когда Аллахъ оставитъ его!

Пропалъ миражъ—это дивное видѣніе—эта лучшая оптическая иллюзія, и съ нимъ пропала и послѣдняя надежда. Путникъ истомилъ свои послѣднія силы; его животное припадаетъ на колѣни. И если дождется такой несчастный, когда солнце склонится къ закату, и лучи его не будутъ такъ жгучи и горячи, и повѣетъ откуда-то легкою прохладою, онъ можетъ тогда вздохнуть свободнѣе—но это еще не спасеніе; мучительная смерть только отдалена до другого дня, и можно сказать, она сдѣлалась еще продолжительнѣе и ужаснѣй... Что ждетъ путника впереди, если

пустыни еще не конецъ, если нѣтъ вблизи источника или зеленѣющей уади? Въ мѣхахъ его — ни капли воды; благодатной росы не бываетъ въ пустынѣ, дождей также; источники же до того рѣдки въ песчаныхъ степяхъ, что можно ѣхать недѣли, и не встрѣтить ни одного, особенно, если не знаешь мѣста ихъ нахожденія. А переживетъ несчастный ночь, не затушивъ палящей жажды, не прохладившись глоткомъ воды, то другой день едва ли принесетъ съ собою что нибудь иное кромѣ смерти. Грозная участь только отсрочена жестоко, чтобы къ физическимъ страданіямъ присоединить еще душевныя.

Верблюдъ уже, вѣроятно, больше не поднимется и не побѣжитъ, и его хозяину останется только зарѣзать своего спутника и насладиться кровью, если только это можетъ облегчить его послѣдніе часы. Но и это средство не поможетъ, если Аллахъ отступился отъ правовѣрнаго и счелъ дни его. Тогда, потерявъ свои послѣднія силы и сознаніе, получивъ отъ убійственной жары солнечный ударъ, онъ падаетъ на песокъ и умираетъ въ страшныхъ, вѣдомыхъ одному Богу да пустынѣ, мученіяхъ. Изсохнетъ его трупъ, обожженный аравійскимъ солнцемъ, какъ высыхаетъ финикъ или бобъ; песокъ горячій занесетъ эту мумію, какъ заноситъ часто даже заживо многихъ несчастныхъ, если только звѣри пустыни—гіены и шакалы—расхитители падалей, или коршуны-стервятники не обглодаютъ раньше трупъ и не разнесутъ костей по пустынѣ. Бѣлѣющіе остовы, которыми усѣяна пустыня, разсказываютъ не одну ужасную повѣсть людскихъ страданій, подобную той, какую я разсказалъ.

А что бываетъ въ пустынѣ, когда задуетъ самумъ — этотъ «ядъ», это «дыханіе шайтана?» Я этого не испыталъ, къ счастью, и потому не могу описать. Знаю только, что тогда не спастись ни одному путнику, что тогда гибнутъ цѣлые караваны. Кому извѣстны всѣ прелести и ужасы пустыни, кто терзался голодомъ и былъ палимъ жаждою, кто получалъ солнечный ударъ, кто трясся цѣлыя недѣли на «кораблѣ пустыни», и пережилъ страшный обманъ, какой представляетъ миражъ,—тотъ только и пойметъ вполнѣ меня и представитъ себѣ, что значитъ быть въ пустынѣ, когда задуетъ самумъ — песчаный жгучій вѣтеръ, изсушающій кожу на живомъ человѣкѣ, убивающій всякое живое существо своимъ смертоноснымъ ядомъ, своею всепроницающею горячею пылью.

Въ тотъ день, когда мы отдыхали, были около полдня именно такіе часы, когда гибнутъ сотни людей въ пустынѣ; небо приняло уже багрово-красный цвѣтъ, на горизонтѣ появлялась даже

дымка, подобная предвѣстницѣ самума, и мы ожидали его — «дыханія злого духа», но страшная чаша миновала насъ, и намъ, сытымъ и здоровымъ, у горнаго потока все-таки жилось сравнительно легко. Когда я подходилъ къ ручейку, чтобы вновь умыться и освѣжить горячую голову, вдали на востокѣ показалась легкая синеватая дымка; въ воздухѣ какъ будто промелькнули тончайшіе, почти незримые, абрисы пальмъ и строеній въ трепещущей отъ зноя атмосферѣ; казалось, готова была создаться чудная картина «фатаморганы», и былъ готовъ весь матеріалъ для этого призрачнаго творенія,—но легкая зыбь въ воздухѣ, едва замѣтная, вырвавшаяся изъ ущелья, какъ послѣдній вздохъ, Богъ вѣсть, откуда прилетѣвшаго вѣтерка, разсѣяла волшебную фантасмагорію. Я зналъ эти миражи; я ихъ видалъ не разъ въ пустынѣ, и «море дьявола» не обмануло бы меня.

Когда я освѣжилъ наконецъ свою пылающую голову и разгоряченное тѣло въ прохладной водѣ ручейка, то какъ-то невольно вырвалось у меня самого, по-арабски—эль хамди лиллахи! Такъ благотворно подѣйствовало омовеніе. Освѣженный, я вернулся подъ свой самодѣльный импровизированный шатеръ; омочивъ еще разъ голову водою и обложивъ ее намоченными платками, я легъ на тюки и уснулъ богатырскимъ сномъ, стараясь наверстать время безсонной ночи и потери организма за сегодняшнюю трудную экскурсію.

Проснулся я около шести часовъ вечера. Весь лагерь былъ уже на ногахъ и копошился. Солнце давно перешло зенитъ и спускалось ближе къ западу; въ воздухѣ не чувствовалось уже страшнаго зноя, дышалось легче и свободнѣе. Наступило лучшее время въ пустынѣ—вечеръ и ночь. Мои паціенты были по прежнему въ полубезсознательномъ положеніи; всѣ холерные припадки увеличились еще сильнѣе; не сегодня, такъ завтра несчастнымъ угрожала смерть. Тутъ уже была безсильна всякая помощь, и я вполнѣ соглашался съ Абдъ-Аллою, что чтеніе корана и молитвы были для умирающихъ полезнѣе, чѣмъ вмѣшательство врача, неимѣющаго подъ руками никакихъ пособій. Утоленіе жажды, теплые компрессы и обтиранія производились еще, по моему настоянію, импровизированными сестрами милосердія изъ хаджей, но по временамъ даже и этотъ палліативъ доставлялъ мученіе страдальцамъ. Вездѣ страшна холера, но всего страшнѣе она въ пустынѣ, гдѣ и безъ нея вокругъ все безмолвно и мертво, гдѣ и въ природѣ царитъ одна смерть.

Старый шейхъ, то шепталъ какія-то слова изъ корана, особенно, вѣроятно, помогающія въ подобныхъ случаяхъ, то при-

казывалъ ихъ начитывать по очереди передъ умирающими хаджами. Монотонное, заунывное чтеніе среди тишины пустыни напоминало мнѣ чтеніе псалтыря надъ умершими у насъ, съ той только разницей, что здѣсь оно производилось еще надъ живыми—вѣрнѣе сказать—живыми мертвецами. Только изрѣдка среди однообразнаго начета корана вырывалось вмѣстѣ со стономъ изъ груди несчастнаго—«вахіати-эль-расуль-атина-шуэйтаэть-маа (во имя пророка дайте мнѣ воды!) И когда прохладная влага орошала его изсохшія уста, онъ снова умолкалъ.

Мы опять собрались вмѣстѣ, я съ своими проводниками, Абдъ-Алла и Букчіевъ. Закуривъ наргилэ и по временамъ освѣжая свои губы душистымъ кофе въ миніатюрныхъ, почти игрушечныхъ чашечкахъ, которыхъ мы испили не мало, мы разсѣлись на тюкахъ около костра и мирно бесѣдовали. Приказавъ другимъ хаджамъ читать коранъ—эти «сладостнѣйшіе стихи въ мірѣ», надъ умирающими, старый шейхъ былъ спокоенъ, какъ бы совершивъ все то, что составляло его долгъ и священную обязанность. Отступился на время и я отъ своихъ паціентовъ, предоставивъ молитвамъ корана цѣлить неисцѣлимыхъ, вырывать жертвы изъ когтей смерти. За трубкою наргилэ и чашкою кофе, послѣ хорошаго отдыха среди уже набѣгавшей вечерней прохлады, пріятно бесѣдовалось намъ. Абдъ-Алла и Букчіевъ разсказывали о своемъ паломничествѣ, хотя, повидимому, скрывали многое, пожалуй самое интересное, вѣроятно, потому что не хотѣли повѣдать всѣхъ тайнъ московскому гяуру.

И все-таки много они поразсказали мнѣ, сидя у нашего костра, въ долгій вечеръ и еще болѣе долгую ночь. Только за полчаса до заката солнца они сошли со своихъ мѣстъ, чтобы совершить молитву—аасръ, и четыре уставныхъ колѣнопреклоненія, да въ минуту заката еще два, съ произнесеніемъ молитвы—аймэ, съ тѣмъ, чтобы ангелы тѣхъ часовъ не преминули ихъ записать въ книгу правовѣрныхъ, исполняющихъ велѣніе пророка.

И чѣмъ больше смотрѣлъ я на эту смѣсь народностей, соединившихся въ одинъ караванъ человѣкъ въ шестьдесятъ, подъ предводительствомъ бывалаго шейха, котораго они навѣрное считали святымъ, тѣмъ болѣе я задумывался надъ этими странными пилигримами. Вотъ, что я узналъ, и что мнѣ удалось слышать объ этомъ интересномъ хожденіи мусульманъ къ своимъ завѣтнымъ святымъ мѣстамъ и преимущественно къ благословеннымъ городамъ Геджаса—Меккѣ и Мединѣ, гдѣ зачался исламъ, гдѣ совершалось служеніе основателя религіи, про-

рока Магомета, «ниспосланнаго Аллахомъ въ міръ для наставленія человѣчества».

VI.

Но кромѣ Мекки и Медины, этихъ, по преимуществу, мусульманскихъ паломническихъ мѣстъ магометанскаго міра, есть еще и другіе религіозные центры, притягивающіе массу паломниковъ. Эль-Кудсъ (Іерусалимъ), который они уважаютъ, какъ мѣсто поклоненія Христу—«великому пророку»; Эль-Халиль (Хевронъ), гдѣ находятся гробницы патріарховъ Авраама, Исаака, Іакова, Іосифа и др., чрезвычайно уважаемыхъ мусульманами; и наконецъ, Эль-Масръ-Кахира (Каиръ)—гдѣ находится чуть не «сорокъ-сороковъ» мечетей (между ними мечеть Амру—одна изъ величайшихъ святынь ислама); вотъ тѣ центры поклоненія, куда стекаются богомольцы со всѣхъ концовъ магометанскаго міра. Не всѣ паломники однако носятъ почетное имя хаджей; для того, чтобы получить его и вмѣстѣ съ нимъ внѣшнее отличіе въ зеленомъ цвѣтѣ, надо непремѣнно пойти въ Аравію, къ святынямъ Геджаса, поклониться гробу Магометову. Хотя кораномъ и положено каждому мусульманину сходить, по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни въ Мекку, но большинство, конечно, не исполняетъ этого предписанія, ссылаясь на всевозможныя препятствія; между ними, впрочемъ, есть и законныя, дозволенныя кораномъ, исключенія—бѣдность и болѣзнь; на женщинъ не распространяется вовсе предписаніе корана относительно посѣщенія Мекки, хотя и имъ не возбраняется поклоняться на мѣстѣ величайшимъ святынямъ ислама.

Желающіе отправиться въ далекое и трудное богомолье собираются въ извѣстные пункты, гдѣ и устраиваются настоящіе паломническіе караваны. Жители азіатскаго мусульманскаго міра—индусы, персы, малоазіатскіе турки, среднеазіатцы, собираются въ Дамаскѣ, тогда какъ мусульмане Африки, турки изъ европейской Турціи, албанцы и др.—въ Каирѣ. Хотя караваны нѣсколько разъ въ годъ выступаютъ изъ этихъ пунктовъ, но главный сезонъ хаджей—это конецъ мѣсяца «шеваля», когда караванъ, вышедшій изъ Каира или Дамаска, можетъ въ первыхъ числахъ мѣсяца «зельхаджи», къ самому празднику курбатъ-байраму быть въ Меккѣ.

Изъ Дамаска богомольцы идутъ на Мцерибъ, Калатъ-Эфтемъ, Калатъ-Церка, черезъ Петру и Моавію; другіе же, оставляя въ сторонѣ сирійскую и моавійскую пустыни, направ-

ляются черезъ Іерусалимъ, Хевронъ и Акабу, чтобы по дорогѣ помолиться въ Эль-Кудсѣ и въ Эль-Халилѣ. Путешествующіе тѣмъ или другимъ путемъ сходятся въ Акабѣ, черезъ которую проходитъ также и путь хаджей—дербъ-эль-хаджіаджъ, идущій отъ Каира и пересѣкающій весь Синайскій полуостровъ по прямой линіи отъ Суеца до Акабы. Только немногіе азіатскіе паломники и, по преимуществу, персіане и кавказцы, собираются въ Багдадѣ, и оттуда по Уади-Неджедъ, идущему поперегъ черезъ весь Аравійскій полуостровъ, спускаются къ Мединѣ. Изъ Каира—главнѣйшаго мѣста отправленія хаджей, эти послѣдніе могутъ пробраться въ Геджасъ двумя способами: сухопутьемъ черезъ всю Каменистую и Собственную Аравію, по пути хаджей, или изъ портовъ Египта по Красному морю до Джедды, откуда недалека и Мекка. Индусы тоже обыкновенно прямо моремъ, изъ Калькутты въ Джедду, совершаютъ свое паломничество; нѣкоторые, впрочемъ, предпочитаютъ высаживаться въ Оманѣ, откуда имъ приходится пробираться труднымъ путемъ поперегъ Аравійскаго полуострова, далеко не безопаснымъ.

Дербъ-эль-хаджіаджъ—путь хаджей, по преимуществу, идетъ изъ Каира на Суецъ, черезъ весь Синайскій полуостровъ на Нахель и Акабу, гдѣ сходятся всѣ караванные пути, отсюда идущіе къ югу по одному тракту хаджей. Этотъ послѣдній по Аравіи идетъ круто къ югу, придерживаясь ближе восточнаго берега Краснаго моря; пунктами, защищающими богомольцевъ на этомъ пути отъ насилій полудикихъ бедуинскихъ племенъ, служатъ на западномъ берегу Аравіи небольшія укрѣпленія съ египетскимъ, гарнизономъ, въ родѣ Мойлахъ, Муніахъ, Сомакъ, эль-Акра, эль-Хаура и т. п., въ которыя, впрочемъ, очень рѣдко заглядываютъ хаджи. На весь путь до Мекки богомольцы употребляютъ около пятидесяти дней, считая отъ Каира.

Въ настоящее время развитія пароходства на Чермномъ морѣ, сравнительно немногіе путешествуютъ по пустынѣ, придерживаясь описаннаго дербъ-эль-хаджіаджа; огромное же большинство отправляющихся изъ Каира предпочитаетъ морской путь трудному долгому и опасному пути по прежнему паломническому тракту. Этого рода богомольцы отправляются изъ Каира по желѣзной дорогѣ въ Суецъ, или Сіутъ, а оттуда черезъ пустыню въ нѣсколько переходовъ достигаютъ Коссейра — гавани на берегу Краснаго моря. Изъ Суеца же и Коссейра, на спеціальныхъ паломническихъ или обыкновенно содержащихъ правильные рейсы, пароходахъ отправляются въ Джедду — гавань Мекки. Пробираясь къ Коссейру, хаджи останавливаются въ

Кеннэхъ, въ которомъ, по словамъ одного путешественника, «для удовлетворенія земныхъ потребностей святыхъ хаджіаджъ имѣется множество шинковъ, кофеенъ и публичныхъ домовъ съ черными, коричневыми, желтыми и бѣлыми женщинами; эти красавицы въ огромномъ большинствѣ такъ безобразны и возбуждаютъ такое отвращеніе, что никакимъ образомъ не могутъ олицетворять собою небесныхъ гурій». Объ этихъ послѣднихъ пилигриммахъ и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что я ихъ самъ не наблюдалъ. Я буду говорить только о тѣхъ паломникахъ, которыхъ я видѣлъ, съ которыми провелъ нѣкоторое время и сблизился настолько, насколько можно сблизиться гяуру съ правовѣрнымъ. Хаджи, описываемые мною, все-таки настоящіе хаджи; они составляютъ значительное меньшинство, и число ихъ ежегодно убываетъ, тогда какъ паломниковъ, идущихъ въ Мекку для прогулки или для виду, съ каждымъ годомъ прибываетъ столько, что на паломническихъ пароходахъ иногда не хватаетъ мѣста. Очевидно, что паломничество мусульманъ отживаетъ также свой вѣкъ. Золотая пора для него давно уже прошла; изъ паломничества вырабатывается прогулка и спекуляція, и изъ богомольца, или хаджи, выходитъ бездомный бродяга въ родѣ русскаго, знакомаго намъ типа странника, или нѣчто еще худшее.

Гдѣ бы ни собрались мусульманскіе паломники, но разъ они очутились въ одномъ городѣ, что обыкновенно дѣлается на дворѣ какой-нибудь мечети, они долго сговариваются и толкуютъ о предстоящемъ путешествіи. Первымъ дѣломъ, оно требуетъ не мало денежныхъ расходовъ, а потому финансовый вопросъ—одинъ изъ важнѣйшихъ. Сообразившись съ деньгами, паломники прежде всего выбираютъ изъ своей среды или приглашаютъ человѣка опытнаго, бывалаго, часто посѣщавшаго Мекку и носящаго уже почетный титулъ хаджи съ его отличительнымъ зеленымъ цвѣтомъ. Обыкновенно это бываетъ шейхъ, которому всѣ паломники, по выборѣ его, уже безусловно подчиняются съ мусульманскою покорностью. Съ той поры всѣ частные крупные и мелкіе вопросы рѣшаются выбраннымъ вожакомъ или главою каравана. Онъ даетъ совѣты, чѣмъ запастись на дорогу, какъ одѣться удобнѣе для путешествія, гдѣ взять верблюдовъ, такъ какъ большинство не имѣетъ своихъ собственныхъ. При наймѣ животныхъ и покупкѣ ихъ бываютъ еще большіе торги; верблюдохозяева наперерывъ предлагаютъ своихъ верблюдовъ. Нанявъ извѣстное число ихъ за нѣсколько піастровъ поденно и прихвативъ еще нѣсколько лишнихъ на случай несчастья, на что расходы падаютъ одинаково на всѣхъ членовъ каравана,

выбираютъ еще шейха-эль-джемали — начальника погонщиковъ, и хабира—проводника или вожака, если глава экспедиціи самъ не берется вести хаджей, что бываетъ, впрочемъ, очень рѣдко, особенно, если выбираются бывалые шейхи.

Нанявъ верблюдовъ, начинаютъ снаряженіе и нагрузку. Кромѣ верблюдовъ верховыхъ хеджиновъ, которые везутъ богомольцевъ и ихъ небольшую поклажу, въ караванѣ еще имѣется нѣсколько вьючныхъ верблюдовъ-джемель, несущихъ на себѣ провизію и въ особенности воду. Верблюды-водоносы выбираются самые здоровые, такъ какъ ихъ ноша, особенно въ началѣ пути, чрезвычайно тяжела. Воду несутъ они въ особыхъ кожаныхъ мѣшкахъ, сдѣланныхъ изъ цѣлыхъ шкуръ различныхъ животныхъ; эти мѣшки носятъ различныя наименованія. Такъ, раихъ называются большіе мѣшки, сдѣланные изъ бычачьей шкуры, а кирба—самые маленькіе изъ козьей или овечьей; высушенная кожа пропитана, для прочности и непроницаемости для воды, особенною скверно пахучею смолою или дегтемъ, имѣющимъ проносное свойство, благодаря которой вода, правда, сохраняется долѣе, но за то скоро получаетъ ужасающій вкусъ и запахъ, скоро портится, загниваетъ и производитъ настоящіе желудочно-кишечные катарры, скоро, впрочемъ, проходящіе при употребленіи чистой воды. Гораздо лучше раихъ и кирба, мѣшки зимземіэ, выдѣлываемые, какъ говорятъ, въ Іеменѣ; въ нихъ вода сохраняется относительно порядочною гораздо долѣе. Мнѣ самому, на опытѣ, пришлось испытать все преимущество этихъ мѣшковъ передъ раихъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволилъ мнѣ купить ни одного хорошаго зимземіэ, сдѣланнаго изъ прочной кожи съ ручкою и съ однимъ или двумя отверстіями для рта. Въ мѣшкахъ послѣдняго рода вода, особенно на вѣтру, даже немного охлаждается. Ничего хорошаго за то я не могу сказать про тѣ бурдюки, которыми пользовался я при переходѣ чрезъ пустыни. Наши кирба на другой день уже содержали горьковатую, начинавшую портиться, воду, тогда какъ въ зимземіэ вода была еще вкусна и во всякомъ случаѣ не отвратительна. Забота о снабженіи каравана водою — главная забота шейха или хабира.

Кромѣ воды—хлѣбъ, сыръ, оливки, финики, ячмень, дурра—вотъ и все, что берутъ изъ съѣстного съ собою паломники; дорогою мѣстами у полуосѣдлыхъ бедуиновъ они покупаютъ еще молоко, зелень и изрѣдка мясо. Окончивъ снаряженіе каравана, что часто продолжается цѣлыя недѣли, богомольцы, прихвативъ еще походные шатры и оружіе на всякій случай, наконецъ,

выступаютъ въ путь. Передъ тѣмъ они долго молятся, постятся и просятъ благословенія на дальній путь у шейховъ уважаемыхъ мечетей. Такъ отправляются въ Мекку караваны небольшіе, путешествующіе въ разное время года, по мѣрѣ того, какъ соберется партія богомольцевъ.

Но такъ какъ чаще всего караваны собираются въ Каирѣ около конца мѣсяца шеваля, когда отправляется въ Мекку цѣлая религіозная процессія, то всѣ они собираются въ одинъ общій большой караванъ, надъ которымъ принимаетъ начальство эмиръ-эль-хаджи—начальникъ надъ паломниками. Абдъ-Алла три раза удостоивался чести предводительствовать хаджами. Такой огромный караванъ несетъ съ собою сокровище пророку, вслѣдствіе чего отправленіе его совершается съ большею торжественностью. Праздникъ перенесенія священнаго ковра въ Каирѣ—одинъ изъ торжественнѣйшихъ дней въ году, для котораго собираются сотни тысячъ паломниковъ со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра; на этомъ праздникѣ обязательно присутствуютъ всѣ отправляющіеся въ путь богомольцы со всѣмъ своимъ скарбомъ, вполнѣ снарядившись въ дальній путь, потому что имъ, какъ членамъ религіознаго каравана, ввѣряются дары, отсылаемые въ Мекку ко гробу пророка.

При огромномъ стеченіи народа, масса духовенства всѣхъ разрядовъ и сектъ открываетъ шествіе. Тутъ можно видѣть всѣ степени іерархіи мусульманъ. Священники (фукера), назиры, улемы, имамы, шейхи, катифы, моэззины, каины, даже амара (потомки пророка) и халифы (духовные князья, въ родѣ патріарховъ) идутъ въ великолѣпныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ и распѣваютъ священные гимны. За ними слѣдуютъ всевозможные святоши и юродивые—сантоны и уэли, оборванные, полусумасшедшіе, часто совершенно обнаженные, или едва прикрытые лохмотьями, а также дервиши всевозможныхъ братствъ, въ родѣ западныхъ монашескихъ орденовъ; всѣ они отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ своихъ знаменъ, чалмъ и одеждъ. За духовенствомъ слѣдуютъ факиры—настоящіе изступленные фанатики; они поютъ, ревутъ, бѣснуются и истязаютъ себя; за ними заклинатели змѣй и представители всѣхъ сектъ ислама: Ханафи, Шарехъ, Мельхи и Гамбалэхъ. Плуты-дервиши и тутъ продѣлываютъ свои удивительныя штуки; они ѣдятъ стекло, огонь, горячіе угли, рѣжутъ себя, царапаютъ, бросаются подъ колесницу, какъ индѣйскіе факиры; другіе пляшутъ религіозный танецъ—сикръ, особенно пріятный Аллаху и его посланнику.

Вся эта разношерстная толпа предшествуетъ махмилю—де-

ревянному ящику, гдѣ хранятся сокровища, посылаемыя султаномъ-повелителемъ правовѣрныхъ, тѣнью Аллаха на землѣ, ко гробу Магомета. Эти сокровища составляютъ два экземпляра корана, одежда изъ чернаго шелка, вышитая серебромъ и золотомъ для покрова святой Каабы, и другіе дары. Этотъ махмиль несется черезъ весь Каиръ на равнину Хаши за городъ къ озеру Биркетъ-эль-хаджъ. Тутъ это сокровище вручается эмиру-эль-хаджи, и отсюда уже паломники, принявъ дорогую ношу, отдѣляются отъ толпы и начинаютъ выступленіе, настоящее паломничество къ завѣтной Меккѣ.

Описывая пустыню, я уже вмѣстѣ съ тѣмъ описалъ часть тѣхъ трудностей, которыя предстоитъ перенести богомольцамъ, пробирающимся сухимъ путемъ черезъ пустыню, но это еще не все, потому что слишкомъ непредвидѣнны случайности въ пути. Только тотъ, кто самъ испыталъ всѣ трудности путешествія черезъ пустыни, тотъ согласится со мною, что великій и многотрудный подвигъ во имя религіи предпринимаютъ мусульманскіе паломники. Кромѣ затраты значительныхъ матеріальныхъ средствъ, голода, жажды, ужасающаго зноя, опасности во всѣхъ видахъ, бѣдный хаджа всегда еще можетъ ожидать нападенія со стороны полудикихъ арабовъ пустыни и страшныхъ насилій съ ихъ стороны. Какъ ни священно имя хаджи для правовѣрнаго, не мало все таки ихъ на пути къ завѣтной Меккѣ или Масръ-ел-Кахиру прострѣлено пулями бедуиновъ, изрублено ятаганами такихъ же мусульманъ, проколото копьями единовѣрцевъ. Спросите вы любого паломника, и онъ вамъ разскажетъ скорбную повѣсть всего переиспытаннаго и пережитаго въ дорогѣ. Часто, часто приходится бѣдному богомольцу въ неисходной скорби и лишеніяхъ падать ницъ лицомъ въ пылающій песокъ и взывать къ небу;— и если пройдетъ чаша смерти или скорби сегодня, то впереди его ожидаетъ не мало. Не даромъ не возвращается добрая четверть, иногда и половина изъ каравана, отправившагося сухимъ путемъ ко гробу Магометову. Абдъ-Алла далъ въ этомъ отношеніи поучительныя цифры. Разъ онъ повелъ изъ Каира въ Мекку 110, и изъ нихъ привелъ 63; другой разъ отправился съ 88, и вернулся всего съ 34 паломниками. Этихъ примѣровъ, болѣе чѣмъ достаточно.

— Гдѣ же остальные?—спросилъ я стараго шейха.

— Они погибли. Иншаллахъ (такъ угодно Богу)!—отвѣчалъ сѣдовласый старецъ.

Если же не посчастливится каравану, и его гдѣ-нибудь застанетъ песчаный вихрь или самумъ, когда пустыня дѣлается

адомъ, когда воздухъ накалится и проникется огнемъ, когда столбы раскаленнаго песку пойдутъ кружиться и своею страшною силою сметать все на пути, когда солнце будетъ горѣть кровавымъ огнемъ—тогда нѣтъ спасенья каравану... Спасется только развѣ счастливецъ какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ, и Абдъ-Алла былъ одинъ изъ такихъ—эль-хамди-лиллахи!

Въ дорогѣ дни идутъ однообразно. Днемъ, во время жаровъ, караваны по большей части стоятъ, стараясь спрятаться гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ скалы или пріютиться у колодца, по ночамъ же они пробираются черезъ самыя безводныя ужасныя мѣста, черезъ которыя днемъ они идти не рѣшаются. Пять ежедневныхъ молитвъ своихъ твердо помнятъ правовѣрные и въ пути, хотя омовеніе за недостаткомъ воды совершается иногда пескомъ. Этими фэтхами (молитвами) паломники раздѣляютъ день; онѣ же служатъ имъ и нравственною поддержкою во всѣхъ скорбяхъ и лишеніяхъ.

Такъ проходятъ хаджи цѣлыя сотни верстъ, терпя все, что только можетъ вытерпѣть человѣкъ... и все потому, что—схокхи-эль-расуль (его страстное ожиданіе—пророкъ). А не дойдетъ правовѣрный до завѣтной цѣли, погибнетъ онъ въ пустынѣ во славу пророка, то—Аллахъ-керимъ (Богъ милосердъ)!—Онъ поставитъ въ счетъ доброе дѣло,—и двери рая отворятся передъ нимъ, черноокія гуріи заключатъ его въ свои горячія объятія...

Исхудалые, истощенные долгою и трудною дорогою, едва передвигая ноги, доходятъ паломники до воротъ заповѣдной Мекки. Но и тутъ еще не конецъ лишеніямъ, а начало новымъ страданіямъ—не меньшимъ, если не большимъ. Въ пустынѣ по крайней мѣрѣ было широко, свободно дышалось полною грудью; чудныя звѣздныя ночи съ ихъ бальзамическою прохладою искупали дневныя страданія. Не то ожидаетъ хаджей за стѣнами священнаго города.

Когда достигнетъ паломникъ воротъ «благословеннаго трижды отъ вѣковъ» города, когда завѣтная цѣль его жизни, предначертанная пророкомъ, исполнилась, тогда онъ забываетъ все, что претерпѣлъ на пути. Сладкимъ, райскимъ для души странника кажется отдохновеніе въ сѣни священныхъ пальмъ, у ступеней священнаго источника, подъ сводами многовѣковаго храма—колыбели ислама; паломникъ и не думаетъ о томъ, чѣмъ встрѣтитъ его Мекка. Правда, въ воротахъ ея усталыхъ хаджей встрѣтятъ имамы и улемы, всѣ въ зеленыхъ чалмахъ, знаменующихъ ихъ происхожденіе отъ святого сѣмени пророка; правда, они узрятъ уже издали священную Каабу; правда, ихъ палящіе

уста освѣжатся водою изъ источника Магометова; правда, они станутъ теперь попирать прахъ, на который нѣкогда ступала нога ихъ великаго пророка,—но миръ душевный не дастъ покоя тѣлеснаго, не менѣе необходимаго послѣ труднаго пути.

Усердная молитва, кромѣ истощенія силъ, требуетъ еще и истощенія кошелька; а кошелекъ уже опустѣлъ сильно у паломника. Снаряженіе въ путь, страшные поборы и грабежи въ пустынѣ, сократили его уже на половину. Вотъ и тѣснится богомолецъ кое-какъ; не о тѣлѣ ему теперь надо заботиться, думаетъ онъ, а о душѣ; онъ забываетъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа. Тѣло же не совсѣмъ здорово у большинства хаджей, когда они прибываютъ къ воротамъ священнаго города. Кромѣ страшнаго истощенія силъ, многіе изъ нихъ уже несутъ въ себѣ зачатки изнуряющихъ болѣзней или инфекціонныя начала лихорадочныхъ и болотныхъ формъ, полученныхъ еще дома или при прохожденіи черезъ страны, извѣстныя антигигіеничностью своихъ условій... А тутъ и размѣститься-то негдѣ какъ слѣдуетъ: многіе изъ богомольцевъ, говорилъ Букчіевъ, размѣщаются хуже скота на скотопригонныхъ дворахъ нашихъ прогонныхъ пунктовъ.

Не велика Мекка или Медина; тамъ и для туземцевъ мѣста едва хватаетъ, а при восточной чисто сказочной неряшливости, оба эти города, какъ и всѣ города на Востокѣ, залиты грязью, помоями и засыпаны отбросами. Представьте же себѣ, что сюда въ сезонное паломническое время прибываетъ по нѣскольку десятковъ тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра. Понятно тогда, какъ должны сбиться тѣсно и кучно несчастные паломники въ узкихъ, загаженныхъ, заваленныхъ грязью уголкахъ. Тутъ на небольшомъ пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ кучатся десятки пришельцевъ. Кто побогаче, тотъ еще помѣщается въ ханахъ—грязныхъ гостинницахъ, или, вѣрнѣе сказать, постоялыхъ дворахъ; остальные же въ огромномъ большинствѣ ютятся въ темныхъ арабскихъ лачугахъ, едва заслуживающихъ названіе человѣческаго жилища. Но все это еще аристократы въ сравненіи съ тѣми несчастными, которые доберутся до Мекки почти безъ піастра или рупіи въ карманѣ, когда тамъ уже гнѣздятся десятки тысячъ паломниковъ; тогда для этихъ нищихъ хаджей нѣтъ совершенно пріюта даже у гостепріимнѣйшихъ мусульманъ.

Сотни и тысячи новыхъ пришельцевъ этого истощеннаго люда за неимѣніемъ лучшаго крова, размѣщается просто на улицахъ, загрязненныхъ нечистотами, и питается гнилыми продуктами и

даже тѣмъ, что валяется, оставшись послѣ трапезы другихъ бѣдняковъ. Что тогда бываетъ въ Меккѣ, по словамъ Букчіева, то даже себѣ трудно представить тому, кто не видалъ Востока. Тогда нерѣдко можно видѣть, какъ на половину залитые помоями, въ грязи какъ свиньи, въ своихъ собственныхъ изверженіяхъ, въ лохмотьяхъ и нагишомъ валяются безъ всякаго призора сотни несчастныхъ заболѣвшихъ. Ужасные міазмы наполняютъ городъ постоянно, а во время паломническаго нашествія люди просто мрутъ подъ палящими лучами аравійскаго солнца, заѣдаемые паразитами, пропитанные міазмами, изуродованные страшными накожными болѣзнями, офтальміями, сифилисомъ, проказою, элефантіазисомъ, и валяются въ ужасающихъ мукахъ предсмертной агоніи. Трупы ихъ, разлагающіеся среди органическихъ отбросовъ всякаго рода, поражаютъ зловоніемъ даже привыкшихъ жителей Востока, и многіе бѣгутъ въ пустыни, чтобы не видѣть и не осязать всѣхъ этихъ ужасовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ это время всѣ обитатели Мекки болѣе или менѣе худосочны, ибо всѣ условія антигигіеничны въ высшей степени. Почва для развитія всѣхъ эпидемій уже подготовлена, и нуженъ только толчекъ къ перечисленнымъ этіологическимъ моментамъ, чтобы разразилась самая ужасная эпидемія. Дѣло не стоитъ и за этимъ. Пилигриммы изъ Египта приносятъ съ собою кровавый поносъ и тифы; паломники Индіи—холерную заразу, эндемичную на Деканскомъ полуостровѣ. Заразныя начала идутъ преимущественно съ караванами, губя по дорогѣ многихъ членовъ послѣднихъ и доходя до мѣстъ поклоненія. Всѣ эти заразы, какъ мнѣ говорилъ потомъ одинъ французскій врачъ, прожившій два года въ Джеддѣ съ паломниками, губятъ изъ нихъ около четверти или трети ежегодно; процентъ смертности такимъ образомъ ужасающій, тѣмъ болѣе, поразительный, что онъ, такъ сказать, хроническій. Изъ этого замѣчанія будутъ понятны и тѣ цифровыя данныя, которыя сообщилъ Абдъ-Алла относительно количества возвращающихся изъ Мекки богомольцевъ.

Вотъ тѣ причины, благодаря которымъ мусульманскіе паломники, достигнувъ своей завѣтной цѣли, мрутъ въ Меккѣ, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ пустынѣ, и, мало того, уносятъ съ собою хроническія худосочія и разносятъ всевозможныя инфекціи по домамъ. Спасибо еще, что пустыня, черезъ которую многимъ хаджамъ приходится возвращаться, не только задерживаетъ и не даетъ распространяться, но даже еще убиваетъ заразныя начала. Исходнымъ пунктомъ многихъ инфекцій, зарож-

дающихся въ Египтѣ и Малой Азіи, служитъ Мекка и Медина, а разносителями—хаджи.

Въ караванѣ Абдъ-Аллы холера шла также изъ Мекки. Букчіевъ разсказывалъ, что въ ихъ караванѣ изъ 60 скоро по выходѣ изъ Мекки заболѣло 15; изъ нихъ десять уже умерло по дорогѣ; двое осталось на мѣстѣ, а трое заболѣло на-дняхъ, облачившись за неимѣніемъ другой одежды въ бурнусы умершихъ товарищей; этихъ-то послѣднихъ намъ и пришлось наблюдать. Съ караванами при небрежности и неряшливости мусульманъ пробираются всѣ эпидеміи на далекое разстояніе; такъ пробралась въ 1881 году въ Египетъ холера, которой суждено было зимою перепугать всю Европу. Смотря на страшное дѣйствіе яда ужасной эпидеміи недалеко отъ береговъ Краснаго моря, я уже думалъ и тогда, какъ легко пойти заразѣ въ страну благословеннаго Нила, а оттуда и далѣе. Къ сожалѣнію, мои опасенія сбылись... Но воротимся снова къ паломникамъ послѣ экскурсіи въ область зарожденія и разноса эпидемій.

Не красна жизнь богомольцевъ въ Меккѣ; но зато, чѣмъ болѣе распинается тѣло, тѣмъ болѣе духовнаго наслажденія представляетъ завѣтная Мекка для истаго мусульманина. Къ сожалѣнію, Абдъ-Алла и Букчіевъ были скупы на описаніе святилищъ ислама, и намъ придется о нихъ говорить урывками.

Кааба—величайшее святилище мусульманскаго міра—это небольшое четырехъ-угольное зданіе, около шестидесяти футовъ въ длину, пятидесяти въ ширину и восьмидесяти въ высоту. Выстроена она изъ крѣпкаго прочнаго камня, вытесаннаго огромными глыбами. Вершина зданія увѣнчана небольшимъ куполомъ, какимъ обыкновенно увѣнчиваются мечети. Ни золото, ни серебро, ни драгоцѣнные камни не украшаютъ этого святилища. Оно сдѣлано просто безъ всякихъ украшеній, потому что его строилъ праотецъ Измаилъ съ двумя помощниками, нисшедшими съ неба. Изъ огромныхъ дикихъ камней сложено ея основаніе; мѣстами Кааба только узорочена мозаикою; стѣны ея гладки, безъ всякихъ изваяній. Въ серединѣ этого таинственнаго храма, куда ведетъ нѣсколько ступеней, и куда впускаютъ сразу только извѣстное число богомольцевъ, есть небольшое отдѣленіе, гдѣ и помѣщается святая святыхъ мусульманскаго міра. Подробно описать это святилище мнѣ не захотѣлъ ни одинъ хаджа. Они разсказывали только, что они трепетали отъ священнаго ужаса, когда находились въ святилищѣ, потому что имъ казалось, что самъ Господь здѣсь присутствуетъ невидимо; «не до того намъ было,—говорилъ Букчіевъ,—чтобы разсматривать или запоминать;

въ головѣ все кружилось, глаза были преисполнены слезами». Огромные персидскіе ковры, бархатныя и шелковыя покрывала, затканныя золотомъ и серебромъ скрываютъ входъ въ святая святыхъ, гдѣ хранится знаменитый черный камень, «принесенный съ неба архангеломъ Гавріиломъ въ даръ Магомету и служащій залогомъ между Богомъ и людьми, небомъ и землею». Тотъ камень не великъ, но «кто смотритъ на него, того душа исполняется величайшимъ миромъ и блаженствомъ, тѣло очищается ото всѣхъ грѣховъ, оно способно взлетѣть на воздухъ, потому что въ эти минуты становится чище и легче воздуха, нѣжнѣе дыханія вѣтерка; въ эти минуты человѣкъ приближается къ божеству, отражаетъ часть божества, преисполненный благодати пророка».

О гробѣ великаго Магомета ни одного слова не проронилъ мнѣ ни одинъ хаджа; даже Букчіевъ, сколько я ни просилъ его, отказался сообщить какія-нибудь свѣденія, отговариваясь тѣмъ, что это величайшая тайна, о которой даже не долженъ говорить правовѣрный; что видѣлъ хаджа, то онъ долженъ запечатлѣть только въ сердцѣ своемъ, не говоря даже о томъ единовѣрцу; и если выдастъ онъ завѣтную тайну, то ему угрожаетъ величайшее наказаніе, какое только можетъ быть примѣнено къ душѣ человѣка. Я не думалъ до тѣхъ поръ, что Букчіевъ, этотъ все-таки просвѣщенный, отшлифовавшійся около русскихъ купецъ, былъ такимъ истымъ мусульманиномъ. Быть можетъ, онъ также боялся тѣхъ сочленовъ каравана, которые, повидимому, были русскіе татары изъ Крыма или Казани, и почему-то усердно скрывали свое отечество, не отвѣчали ни на какіе мои вопросы, отговариваясь плохимъ знаніемъ арабскаго языка; о русскомъ же они говорили, что никогда его и не слыхали.

Такимъ образомъ, о гробѣ Магометовомъ я знаю только то, что тамъ клубится постоянно дымъ отъ ароматныхъ кадильницъ съ благовоніями счастливой Аравіи, и горитъ неугасаемый пламень золотыхъ лампадъ, освѣщающихъ «чудно блистающій гробъ великаго пророка, едва не восхищонный Аллахомъ на небо».

Храмъ Кааба стоитъ на огромномъ дворѣ, вымощенномъ великолѣпными плитами, напоминающими дворъ мечети Омара въ Іерусалимѣ. На этомъ дворѣ находится знаменитый источникъ пророка, ископанный, по преданію, самимъ Магометомъ, докончившимъ трудъ праотца Авраама на мѣстѣ, которое указалъ самъ Господь. Вода этого источника творитъ великія чудеса, и есть настоящая Виөезда магометанъ; отъ употребленія воды священнаго фонтана «слѣпые прозрѣваютъ, глухіе начи-

вают слышать, хромые ходить; безногіе получають возможность передвигаться и даже прокаженные очищаются». Интересно только одно, почему не исцѣляется тамъ множество изъ стекающихся туда страдальцевъ, пораженныхъ самыми ужасающими формами всевозможныхъ заразъ. У источника пророка, какъ и вообще во дворѣ Каабы, постоянно сидитъ огромное количество несчастныхъ паломниковъ, чающихъ, вѣроятно, не столько исцѣленія, сколько щедраго даянія со стороны богомольцевъ. Вахіатъ-эль-расуль (ради имени пророка)! просятъ эти несчастные, и рѣдко рука имущаго правовѣрнаго не подастъ хотя небольшой милостыни этимъ меньшимъ братьямъ своимъ, этимъ возлюбленнымъ пророка. Среди двора Каабы растутъ и тѣ священныя деревья, которыя, по одному сказанію, садилъ Магометъ, а по другому,—праотецъ Авраамъ. «Они должны быть вѣчно-зелеными и юными, но грѣхи міра такъ велики, что Аллахъ отнялъ эту милость, чтобы правовѣрные видѣли всегда, что онъ не вполнѣ доволенъ ими». Листья, сучья и кора этихъ деревьевъ, кажется, кипарисовъ, считаются тоже одною изъ величайшихъ святынь и вмѣстѣ лучшимъ средствомъ отъ «айенъ-эль-хасидъ»—дурного глаза; особенно дѣйствительно оно для прогнанія злого духа и колдовства.

Вокругъ Каабы выстроено множество небольшихъ домиковъ и мечетей, гдѣ помѣщаются гостинницы или подворья для паломниковъ, разумѣется, привилегированныхъ и преимущественно изъ духовнаго званія, а также публичныя школы—медрессе, гдѣ имамы обучаютъ мальчиковъ богословію, а кади и наибы (судьи и юристы)—законамъ, приготовляя изъ нихъ священно-служителей и законниковъ. Тутъ же ютится огромное множество дервишей и факировъ, фанатизмъ которыхъ заставляетъ ихъ терзать часто свое тѣло до полусмерти, «во славу Бога и пророка»; благодаря этимъ-то фанатикамъ, невозможенъ и понынѣ доступъ иностранцамъ-гяурамъ не только въ Каабу, но даже и въ Мекку; всякія усилія нѣкоторыхъ путешественниковъ проникнуть въ этотъ центръ исламизма кончались всегда горькими неудачами: всѣ они были умерщвляемы толпою фанатиковъ, или едва избѣгали смерти. Какъ мальчики въ медрессе, такъ и дервиши, и факиры, содержатся на счетъ мечети.

Кромѣ дервишей, около Каабы гнѣздятся и другіе представители мусульманской іерархіи, въ родѣ имамовъ, улемовъ etc. Въ одномъ изъ выдающихся зданій, расположенныхъ около святилища, обитаютъ шерифы—подлинные потомки пророка, а рядомъ съ нимъ и самъ великій шерифъ-халифъ—папа мусульман-

скаго міра. Къ этому-то высочайшему духовному лицу являются паломники на поклоненіе. Его благословеніе считается равносильнымъ благословенію пророка; у него, какъ и у папы, правовѣрные цѣлуютъ зеленую туфлю. Духовенства въ Меккѣ такая масса, что оно составляетъ никакъ не меньше четвертой части населенія.

Достигнувъ воротъ священнаго города, богомольцы останавливаются, творятъ молитву, омовеніе и читаютъ одну или двѣ фэтхи изъ корана. Встрѣчающее ихъ съ молитвеннымъ пѣніемъ, духовенство требуетъ отъ пришельцевъ прежде всего исповѣданія вѣры. Завѣтный символъ—нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его—открываетъ двери Мекки. Войдя въ ворота священнаго города, богомольцы расходятся искать себѣ пристанища, при этомъ ихъ хабиръ, или глава каравана, знающій Мекку, какъ свои пять пальцевъ, оказываетъ несомнѣнную помощь при размѣщеніи каравана. Кромѣ того, около хаджей снуютъ особые люди, въ родѣ факторовъ, и дервиши, зазывающіе къ себѣ пилигримовъ, по своимъ угламъ, чтобы потомъ ободрать ихъ, какъ липку; хитрые бродяги знаютъ, что хаджа изъ Стамбула или изъ Каира не придетъ ко гробу пророка съ пустымъ кошелькомъ.

На другой или третій день, однимъ словомъ, когда немного оправятся и отдохнутъ богомольцы, они начинаютъ недолгій, но строгій постъ, неустанно творятъ молитвы и омовенія, чтобы, по возможности, сдѣлать себя чистыми и достойными поклоненія святыни.

Въ назначенный день, подъ предводительствомъ своего главы, всѣ члены каравана собираются на дворъ Каабы, гдѣ имъ читаются громогласно имамами предварительныя наставленія и назиданія, располагающія ихъ душу къ великому созерцанію и «претворяющія сердце въ воскъ», какъ выражался Абдъ-Алла. Когда это чтеніе окончено,—правовѣрные снимаютъ свою обувь и поочередно, наклонивъ головы, съ замираніемъ сердца вступаютъ въ таинственный храмъ.

Затѣмъ двери великаго святилища закрываются,—и что происходитъ тамъ, извѣстно одному Аллаху да правовѣрнымъ, испытавшимъ эти «минуты райскаго блаженства». Какъ происходитъ моленіе передъ знаменитымъ Чернымъ Камнемъ, «котораго одинъ прахъ, снятый съ поверхности, можетъ сжигать дьявола»; какъ совершается поклоненіе гробу пророка, и что переиспытывается тамъ въ «сѣни божьей» въ душѣ истиннаго правовѣрнаго,—трудно сказать. По всей вѣроятности, истый мусуль-

маннъ до того наэлектризовывается всѣмъ, совершающимся вокругъ его, что приходитъ въ экстазъ, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ; его возбужденному до nec plus utra уму и настроенной ко всему чудесному восточной фантазіи мерещатся дивные образы, чудныя представленія. Заунывное пѣніе молитвъ подъ сводами таинственнаго храма, одуряющія ароматомъ куренія, подавляющее величіе окружающей обстановки и, быть можетъ, какія-нибудь музыкальныя приспособленія, своею убаюкивающею мелодіею въ полумракѣ, озаренномъ только свѣтомъ золотыхъ лампадъ, мерцающихъ надъ гробомъ посланника божія, невольно могутъ привести душу паломника къ такому созерцательному настроенію, что ему представляется самъ пророкъ во всемъ своемъ небесномъ и земномъ величіи, какъ это утверждаютъ нѣкоторые полупомѣшанные сантоны и любимцы неба—уэли. «Съ тѣломъ, готовымъ взлетѣть на небо, и сердцемъ чистымъ, какъ огонь, съ душою прозрачною, какъ воздухъ», выходитъ правовѣрный изъ великаго святилища. Теперь онъ дѣлается настоящимъ хаджею; теперь каждый изъ нихъ настроенъ такъ, что онъ можетъ стать факиромъ, броситься на смерть, потому что сердце его преисполнено созерцаніемъ величія пророка. Эль-хамди-Лиллахи!—восклицаетъ онъ, повергаясь на каменный помостъ, окружающій Каабу. Облобызавъ священный Черный Камень и прахъ гроба Магометова, счастливый паломникъ обходитъ другія мечети Мекки, вездѣ дѣлая посильные вклады, и творя молитвы.

Если пилигримъ прибылъ во-время въ Мекку, т.-е. въ первыхъ числахъ зельхаджи, къ празднику курбатъ-байраму, то онъ долженъ совершить еще одинъ духовный подвигъ, послѣ котораго можетъ считать свое паломничество вполнѣ оконченнымъ. Подвигъ этотъ состоитъ въ посѣщеніи священной горы Арафатъ, въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Мекки. На этой горѣ, послушный велѣнію Бога, праотецъ Авраамъ приносилъ въ полночь великое, неслыханное жертвоприношеніе. Большою толпою идутъ туда пилигримы съ трубными звуками и пѣніемъ исповѣданія вѣры; впереди несутъ зеленое знамя пророка, гдѣ вышиты слова символа вѣры. Громкое пѣніе—ля-иллахи etc., потрясаетъ воздухъ, а десятки тысячъ, участвующихъ въ церемоніи, въ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ двигаются торжественно и медленно подъ звуки трубъ пѣнія священныхъ гимновъ. Интересно, что при восхожденіи на гору Арафатъ женщины должны находиться при своихъ мужьяхъ; одинокимъ совершенно воспрещенъ входъ на священную. Многія, поэтому, неимѣющія мужей, берутъ себѣ на это время номинальныхъ, временныхъ. Эти по-

слѣдніе, впрочемъ, обыкновенно успѣваютъ воспользоваться даже однодневными правами, такъ что завѣтъ пророка женщинамъ восходить на гору Арафатъ вмѣстѣ съ своими мужьями исполняется буквально. Букчіевъ имѣлъ счастье быть однодневнымъ мужемъ хорошенькой полудикой арабки, съ которою у него были связаны всѣ воспоминанія о полночномъ восхожденіи на склоны горы Авраамовой.

Въ полночь на девятое число вельхаджи, вмѣсто обыкновенной ночной молитвы—айшехъ—читается особенная длинная молитва, слушать которую и собираются паломники, еще съ утра выступивъ изъ Мекки, и только послѣ захожденія солнца поднимаюся съ пѣніемъ молитвъ подъ сѣнью знамени пророка на гору Арафатъ. Все духовенство Мекки въ особенныхъ странныхъ одѣяніяхъ совершаетъ эту полночную молитву. Громкое торжественное чтеніе, восклицанія многотысячной толпы, облака ѳиміама, восходящія надъ этою горою отъ множества кажденій въ полночный часъ, когда такъ торжественно на небѣ и на землѣ и когда однѣ звѣзды смотрятъ на міръ—должно дѣйствовать потрясающимъ образомъ на душу зрителей.

— Та молитва,—говорилъ Абдъ-Алла,—торжественна какъ служеніе самихъ ангеловъ; ея звуки, кажется, родятся въ воздухѣ, а не исходятъ отъ земли. Валлахи (клянусь Богомъ)!—только на горѣ Арафатѣ въ ночь на курбатъ-байрамъ можно видѣть служеніе праведныхъ на седьмомъ небѣ передъ немерцающимъ ликомъ великаго Аллаха!

Промолившись всю ночь на священной горѣ Арафата, паломники подъ утро спускаются въ долину Муну, гдѣ совершается чудовищная и единственная въ мірѣ въ наше время чекатомба. Всякій богомолецъ старается сообразно толщинѣ своего кошелька принести и соразмѣрную жертву Богу. Кто побогаче, закалываетъ верблюда или быка, кто бѣднѣе—козу, барана или козленка, даже простую дичь изъ пріятныхъ Богу, и закалываютъ животныхъ десятками. Говорятъ, что по самому умѣренному счисленію въ Меккѣ въ этотъ день закалывается и приносится въ жертву до сорока или сорока-пяти тысячъ головъ рогатаго скота. Это чудовищное жертвоприношеніе начинается съ ранняго утра и кончается далеко послѣ заката солнца. Вся долина Муна тогда оглашается предсмертнымъ ревомъ закалываемыхъ животныхъ, пѣніемъ молитвъ, восклицаніями многотысячной толпы; весь воздухъ пропитанъ дымомъ куреній и дымомъ сожигаемыхъ жертвъ. Высоко къ небу поднимается этотъ дымъ огромныхъ жертвенныхъ костровъ, «благодаря которымъ, по словамъ Абдъ-

Аллы, только и держится многогрѣшный міръ; давно уже люди разгнѣвали великаго Аллаха, и онъ хотѣлъ погубить весь міръ своимъ гнѣвомъ, но милосердый пророкъ (да будетъ во вѣкъ трижды благословенно имя Его!) указалъ Аллаху на дымъ жертвоприношеній, подымавшійся съ долины Муны и просилъ помиловать міръ, хотя для правовѣрныхъ. Аллахъ-керимъ (Богъ милостивъ)! — прибавилъ старый шейхъ. Онъ увидѣлъ дымъ, поднимающійся отъ многихъ тысячъ жертвъ, и позналъ, что еще многіе на землѣ почитаютъ имя святое его на землѣ, и для нихъ пощадилъ міръ».

Когда совершено жертвоприношеніе и воскуренъ оиміамъ Богу на мѣстѣ святомъ, тогда каждый, побывавшій въ Каабѣ и на Арафатѣ, можетъ считать себя хаджею, а свой обѣтъ, данный передъ Богомъ, вполнѣ исполненнымъ. Долго потомъ прощается пилигримъ со священными мѣстами, но едва ли ему удастся поклониться гробу Магометову: онъ прощается съ этою величайшею святынею издали, припадая челомъ къ тому священному праху, на который нѣкогда ступала нога великаго пророка. Съ обновленною душею и частымъ сердцемъ, какъ человѣкъ свершившій все, что могъ, собирается хаджа въ обратный путь. Его не страшатъ вовсе трудности обратнаго пути, потому что—аллахъ-керимъ—Богъ милостивъ; онъ донесетъ его до дому своею благостью, а если дни его сочтены (хаса-махтуль-минъ раантъ), то онъ, какъ избранникъ божій, слуга пророка, прямо попадетъ въ рай. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и пришли, собираются въ обратный путь хаджи, хотя въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ вышли изъ Каира. Аллахъ оставилъ у себя многихъ изъ нихъ, какъ потрудившихся довольно на этомъ свѣтѣ!

Шерифъ Мекки, духовенство и масса народу провожаютъ караванъ хаджей. Пѣніе молитвъ и зурэ изъ корана, звуки трубъ и добрыя пожеланія напутствуютъ ихъ. Они же, позапасшись святыми талисманами въ родѣ воды изъ источника Магометова, праха съ гроба его, листочковъ священныхъ деревьевъ, кусочка крыши съ Каабы и т. п., съ свѣтлою надеждою идутъ въ обратный путь, громогласно благодаря Бога и пророка, давшихъ имъ свершить паломничество. Громкое «эльхамди лиллахи»! вырывающееся изъ ихъ многострадальной груди, несется къ небу и сливается съ трубными звуками провожающихъ и восклицаніями толпы. Долго еще раздаются въ пустынѣ благочестивыя напутствія, и громкое эвъ-аллахъ (съ Богомъ)! несется далеко во слѣдъ хаджамъ, уже зашедшимъ за окрестные холмы Мекки и вышедшимъ на раздолье пустыни, на тернистый путь всевоз-

можныхъ лишеній. Старымъ, торнымъ путемъ они пойдутъ назадъ черезъ горы, дебри и пустыни, истощенные, исхудалые, худосочные, неся въ себѣ зародыши изнуряющихъ болѣзней, а смерть продолжаетъ вырывать новыя жертвы по дорогѣ, не смотря на то, что караванъ и безъ того порѣдѣлъ уже значительно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ вышелъ изъ Дамасска или изъ Каира.

Такъ и прибредутъ они домой, откуда вышли нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Мѣсяцъ саферъ—эпоха возвращенія карavановъ изъ Мекки; онъ потому и носитъ названіе—нислетъ-эль-хаджи—мѣсяцъ прибытія паломниковъ. Съ радостными, хотя и изможденными, лицами при звукахъ трубъ они вступаютъ въ Каиръ: толпы народа встрѣчаютъ ихъ съ восклицаніями—эсъ-саламъ-алейкумъ—(миръ вамъ)! Родственники и друзья бѣгутъ на встрѣчу каравана и ищутъ близкихъ своего сердца, и если Аллахъ сохранилъ ихъ живыми, они присоединяютъ свои благодарныя молитвы къ молитвословіямъ; если же не находятъ въ рядахъ «божьей рати» своихъ, они испускаютъ раздирательные вопли, смущающіе торжественныя минуты возвращенія хаджей. Тотъ, кто остался въ живыхъ, кто перенесъ во имя божіе и пророка всѣ нужды и лишенія, тотъ становится уже выше толпы; онъ получаетъ почетный титулъ хаджи и право носить зеленый цвѣтъ на чалмѣ: на него уже смотрятъ какъ на святого; онъ служитъ отнынѣ ходатаемъ между Богомъ и простыми людьми.

Вотъ почти все, что я узналъ о паломничествѣ мусульманъ и что слышалъ во время своего путешествія на Востокѣ отъ самихъ хаджей. Предметъ этотъ имѣетъ особенный интересъ для насъ русскихъ въ виду того, что изъ Россіи ежегодно цѣлыми сотнями ходятъ наши магометане къ аравійскимъ святынямъ.

VII.

За интересными разсказами Абдъ-Аллы, Букчіева и Ахмеда, также совершившаго путешествіе въ Мекку, я и не замѣтилъ, какъ солнце начало склоняться къ закату и какъ наступилъ вечеръ. Мы вышли изъ палатки; мусульмане тотчасъ же начали читать молитву—аасръ, съ четырьмя уставными колѣнопреклоненіями за полтора часа до захожденія солнца. Долго я вглядывался въ эти типическія физіономіи хаджей, въ которыхъ трудно что-нибудь прочитать: даже глаза—это зеркало души—были у нихъ спокойны, безстрастны и не выражали ничего, кромѣ самосозерцанія или нежеланія ни на что смотрѣть, хотя и сверкали

въ нихъ порою искры того огня, который всегда можетъ вспыхнуть въ душѣ фанатика мусульманина. Въ этихъ неподвижныхъ чертахъ, въ этихъ, какъ бы застывшихъ, формахъ, казалось, отражался весь Востокъ застывшій, неподвижный, безстрастный, и вмѣстѣ съ тѣмъ живой, увлекающійся, страстный, живущій иною жизнью, непонятною для насъ европейцевъ; но жизнь эта была знакома всему человѣчеству; всѣ народы прошли такія же ступени въ своей исторической жизни; одинъ Востокъ задремалъ, кажется, и заснулъ уже давно, начиная еле просыпаться въ XIX вѣкѣ подъ ударами вторгающейся насильно европейской цивилизаціи въ его сказочное царство кейфа, гарема и восточной фантазіи. Живая, дѣятельная жизнь Востока умерла уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Тѣ формы и выраженія, въ которыя тогда отлилась жизнь восточнаго человѣка подъ ферулою деспотизма, ислама и азіатской роскоши, остались и понынѣ таковыми. Сколько вы ни очищайте сына востока, чтобы снять съ него толстую кору, подъ которою кроется нѣчто общечеловѣческое, что составляетъ божью искру отличающую въ человѣкѣ его человѣчность, вы не очистите его, если не съумѣете взяться за дѣло, потому что въ фанатичномъ сынѣ Востока нѣтъ современнаго человѣка, какимъ вы себя считаете. Много есть достойныхъ черть въ мусульманинѣ, которыхъ нѣтъ въ насъ самихъ—цивилизованныхъ людяхъ; но зато, все-таки, въ немъ нѣтъ того, чѣмъ движется человѣчество, нѣтъ свободы воли и ума. Она скована исламомъ, какъ желѣзными оковами, и пока не спадутъ тѣ цѣпи, пока живетъ и стоитъ исламъ, до тѣхъ поръ не проснется Востокъ; онъ будетъ всегда Востокомъ, а сынъ Востока—отлитою пять вѣковъ тому назадъ формою, не лишенною впрочемъ извѣстной доли гармоніи и совершенства...

Наступалъ вечеръ,—тихій, чудный, располагающій къ бесѣдѣ и нѣгѣ, и волшебная чарующая лунная ночь—это лучшее время въ пустынѣ. Не даромъ сынъ пустыни поетъ: «Яхъ-тейли! яхъ-тейли! О, ночь! о, ночь, несравненная ночь! Какъ объятій черноокой красавицы, я жду тебя, вожделѣнная ночь! Обойми ты меня страстными объятіями твоими, задуши поцѣлуями твоего, нѣжноласкающаго щеки, вѣтерка, погляди мнѣ въ очи серебристыми глазками твоихъ дѣтокъ—воздушныхъ звѣздъ, и возьми меня со всѣмъ, что есть во мнѣ, въ твою темную обитель, покрой меня душистымъ покровомъ твоимъ и усыпи ласкою твоихъ поцѣлуевъ! Яхъ-тейли, яхъ-тейли!»

Кажется, солнце еще не успѣло спрятать за горизонтъ свои золотые лучи, какъ въ воздухѣ поплыла легкими незримыми

струйками живящая прохлада невѣдомо откуда налетѣвшаго вѣтерка. И люди, и животныя, повеселѣли сразу. Весь многочисленный лагерь нашъ словно проснулся; вездѣ образовались живописныя группы, вездѣ слышались разговоры; верблюды забродили снова, и легкимъ, не особенно благозвучнымъ, фырканьемъ изъявляли свое удовольствіе послѣ перенесенной дневной страды.

Нашъ кружокъ, окончивъ свои частныя занятія, опять разсѣлся около костра, который развелъ Юза, чтобы сварить намъ по чашечкѣ чайку, чуть не въ десятый разъ сегодня; при обиліи чудной воды, въ продолженіе длиннаго дня въ пустынѣ, какъ бы для того, чтобы вознаградить свои потери въ водѣ, мы любили баловаться душистымъ напиткомъ, и надо сказать, что едва ли въ любомъ московскомъ трактирѣ русскій чай пьется съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ Аравійской пустынѣ. За чаемъ, притомъ, даже говорилось какъ-то веселѣе, что замѣтно было, въ особенности, на Букчіевѣ. Вчера была ночь афритовъ, сегодня день благословенный—эль-мубаракъ (четвергъ); сегодня же и добрая ночь на счастливѣйшій и лучшій день для мусульманина въ недѣлѣ — фаделихъ (пятница). Въ эту ночь ни одинъ афритъ не посмѣетъ выйти изъ своего мрачнаго убѣжища, потому что Аллахъ не разрѣшилъ имъ въ ночь на фаделихъ смущать правовѣрныхъ, и если кто-нибудь изъ этихъ «трижды проклятыхъ» афритовъ покажется на землѣ, то съ неба полетитъ огненная стрѣла, которая загонитъ его снова въ его потаенное убѣжище. Поэтому, мои собесѣдники были смѣлѣе и болтали, не боясь, что ихъ подслушаетъ шайтанъ или саахръ.

Ночь обѣщала быть еще лучше, чѣмъ вчера, потому что прохлада ощущалась сильнѣе, и первыя, показавшіяся на небѣ, звѣзды почти не мерцали, что служитъ для сына пустыни добрымъ признакомъ. Мусульмане уже совершили свою вечернюю молитву —морхрэбъ, и высчитали по три земныхъ поклона, какъ положено кораномъ.

— Добрая ночь будетъ сегодня, эффенди,—началъ Абдъ-Алла,—смотри, какъ мерцаютъ глаза небесной газели на голубомъ небѣ. А вонъ загорается красноватымъ огонькомъ рукоятка меча пророка; онъ встанетъ скоро на защиту правовѣрныхъ; его мечъ уже заблестѣлъ... Не всегда видѣнъ тотъ благословенный мечъ; не всегда онъ блеститъ такъ ярко, какъ сегодня. Я думаю, эффенди, много крови мусульманской прольется...

Старый шейхъ, произнеся это пророчество, замолчалъ. Я невольно вглядывался въ чудное созвѣздіе, выкатывавшееся надъ

темными силуетами восточныхъ горъ; оно отсвѣчивало дѣйствительно красноватымъ свѣтомъ и было похоже на рукоятку меча. Абдъ-Алла, минуту посмотря на меня испытующимъ взглядомъ и замѣтивъ, что его прорицанія не произвели на меня никакого дурного впечатлѣнія, смѣло продолжалъ:

— Много лѣтъ я живу на свѣтѣ, но никогда мечъ Магомета не былъ такъ яровъ, какъ въ эту ночь. Не возстаетъ ли пророкъ (да будетъ трижды благословенно имя его). Горе тогда невѣрнымъ!.. Долго терпитъ Аллахъ гяуровъ, чтобы испытать правовѣрныхъ. Смотри, господинъ, они завладѣли совсѣмъ страною мусульманъ. Франки царятъ въ Египтѣ, франки царятъ въ самомъ Стамбулѣ, и тѣнь Аллаха на землѣ—повелитель правовѣрныхъ опутанъ ихъ коварными сѣтями... Но скоро будетъ конецъ тому... Правовѣрный уйдетъ отъ франковъ; онъ броситъ имъ великодушно Стамбулъ, какъ собакѣ обглоданную кость, потому что ту кость онъ отнялъ давно отъ франковъ. Самъ пророкъ станетъ тогда на защиту ислама: и правовѣрный подъ защитою его уйдетъ въ страну, гдѣ издревле обитали его предки, и сюда уже не пріидутъ франки. Да проклянетъ ихъ Господь!

Съ вниманіемъ слушалъ я это предсказаніе стараго хаджи, и тѣмъ какъ бы подбивалъ его распространяться далѣе.

— Но ты самъ франкъ, эффенди!—вдругъ произнесъ быстро Абдъ-Алла, и рѣчь его, начинавшая принимать восторженный характеръ, внезапно оборвалась. — Замехуни-я-эффенди (извини меня, господинъ)!

Я просилъ Букчіева убѣдить стараго хаджу, что мы, московы, далеко не франки, и что слова его нисколько не оскорбляютъ меня.

— Нѣтъ, господинъ,—отвѣчалъ онъ:—у насъ есть еще много о чемъ поговорить. Если ты, эффенди, посмотришь туда на восходъ, гдѣ еще играютъ пурпурныя тучки, ты увидишь прекрасную звѣзду, которую въ Египтѣ зовутъ Вечерницею, а мы — дѣти пустыни—читаемъ въ небесной книгѣ звѣзды, и зовемъ ее Зюлемою. Такъ зовутъ ее и свободные арабы въ Іеменѣ и Геджасѣ. Хочешь я разскажу тебѣ исторію прекрасной Зюлемы, и за что Аллахъ помѣстилъ ее на небѣ. Я не медда (сказочникъ), эффенди,—прибавилъ онъ,—я не могу тебѣ разсказать хорошо, и ты простишь старика.

Букчіевъ мнѣ переводилъ слово въ слово прекрасный разсказъ Абдъ-Аллы.

— Та Зюлема была дочь пустыни, дочь свободнаго араба въ Геджасѣ. Если ты былъ на берегу моря, эффенди, и видѣлъ

бѣлоснѣжную пѣну между камнями, то ты поймешь, какъ было прекрасно тѣло ея, потому что, когда Зюлема купалась въ морѣ на прибрежіи, то мылась пѣною, и та пѣна была блѣднѣе ея чуднаго тѣла. Стройная станомъ, она была похожа на гибкую тростинку на берегу Нила, которую нѣжный ниссимъ (зефиръ) склоняетъ во всѣ стороны; золотой поясъ, опоясывавшій ее, казалось, хранилъ хрупкій станъ, чтобы онъ не сломался... Я старикъ, эффенди, и не мнѣ описывать красоту розы и благоуханіе жасмина, но если я сравню лицо Зюлемы съ ними, потому что розы цвѣли на бархатныхъ щекахъ ея и пышныя лиліи на лбу, шеѣ и лебединой груди, то это будетъ лучше всего. Алыя губки на ароматныхъ устахъ ея, которыми соблазнился самъ великій пророкъ (да будетъ благословенно имя Его)! были такъ же свѣжи, какъ внутренность спѣлаго граната; волосами своими черными, какъ крыло ворона, украшенными морскими жемчужинами, она—сама перлъ земли—могла не только прикрыть свое бѣлоснѣжное тѣло, но окутаться ими, какъ плащемъ. Въ глазахъ Зюлемы, прекрасныхъ какъ у газели, виднѣлась и темная ночь съ такими же блистающими звѣздочками, какія ты видишь и теперь, и ясный день, озаренный солнцемъ. Въ ея очахъ, какъ въ морѣ, тонулъ другой смотрящій глазъ, а блескъ оттуда мерцающихъ звѣздочекъ, казалось, проникалъ во все существо человѣка. Я—старый хаджа, благородный эффенди, у меня нѣтъ словъ описать прелесть крошечныхъ ручекъ и ножекъ арабской красоты, потому что я не видалъ ничего подобнаго. Лучшей дѣвушки не видывалъ свѣтъ, лучше Зюлемы не производила ничего Счастливая Аравія, богатая красавицами. Когда выходила она купаться на взморье, и съ ея прекраснаго тѣла спадали одна одежда за другою, а ихъ было немного у красавицы (да проститъ мнѣ эти мысли; милосердный Аллахъ!), то волны нарочно поднимались выше и морской вѣтеръ стремился скорѣе, чтобы своими струями обнять и облобызать эту дивную обнаженную красоту. Одинъ старый шейхъ говорилъ, что лучше Зюлемы не было даже гуріи въ раю, а старый Селихъ любилъ женщинъ и видѣлъ во снѣ всю райскую красоту. Красавица Зюлема была счастлива, какъ улыбающійся младенецъ, какъ беззаботный бульбуль (соловей). Одѣта она была всегда въ голубой шелкъ и другія нѣжныя ткани; въ волосахъ ея блистали кораллы и жемчугъ со дна Краснаго моря, на рукахъ и ногахъ—великолѣпныя ожерелья, а на головѣ всегда—вѣнокъ изъ горныхъ душистыхъ цвѣтовъ и перловъ, блистающихъ цвѣтами радуги, но сама она была прекраснѣе и цвѣтовъ, и перловъ. Цѣлый день она сидѣла

на берегу моря и пѣла своимъ серебристымъ и пѣвучимъ, какъ у бульбуля, голоскомъ; тогда и камни, и море, и вѣтеръ, и небо заслушивались ея пѣнія.

Въ то время (то было счастливое время) пророкъ еще былъ на землѣ. Мрачный, усталый, оскорбленный и отвергнутый людьми, онъ ѣхалъ дикою пустынею; не весело тогда было у него на душѣ... Вдругъ слышитъ онъ чудное пѣніе на высокой скалѣ у берега моря. Трижды благословенный, онъ остановилъ свою верблюдицу, и—о, чудо! Она заговорила человѣческимъ языкомъ: «То Зюлема—первая красавица въ мірѣ, перлъ земли, великій посланникъ Божій! Она ждетъ тебя»...

И воспрянулъ пророкъ съ верблюдицы своей и пошелъ къ той скалѣ, откуда неслось въ воздухѣ райское пѣніе незримой пока пѣвицы. Недвижно остановился посланникъ божій, и цѣлый день простоялъ беззвучно, не колыхнувшись, любуясь чудною красотою, какой онъ не видалъ и въ райскихъ селеніяхъ, и очарованный пѣніемъ, какого не слыхалъ на небесахъ. Насталъ вечеръ... Красавица поетъ... Наступила ночь—Зюлема не умолкаетъ, а пророкъ все стоитъ и стоитъ, забывъ обо всемъ въ мірѣ, забывъ о себѣ самомъ. Загрохоталъ громъ на небесахъ, заревѣла буря, заговорили морскія волны вокругъ, но Зюлема поетъ, а посланникъ божій стоитъ недвижимъ. Сквозь ревъ бури и свистъ вѣтра, и говоръ моря онъ слышитъ неземную чарующую пѣснь. Насталъ другой день—Зюлема все поетъ и поетъ, а пророкъ ее слушаетъ, не сводя съ нея жадныхъ очей. Такъ прошло три дня и три ночи; неумолкно звучала райская пѣснь и врачевала разбитое сердце посланника божія, пока волны гнѣва его на людей не улеглись и сердце его не размягчилось, какъ воскъ. Тогда подошелъ трижды великій къ поющей дѣвушкѣ и взялъ ее за бѣлоснѣжныя руки, какъ бы обмытыя морскою пѣною; когда поглядѣлъ онъ въ глаза чудной пѣвицы, онъ забылъ весь міръ, забылъ даже, что онъ посланникъ божій, потому что взоръ его, прожигающій демоновъ, потонулъ въ очахъ Зюлемы, какъ тонетъ и гаснетъ одна искорка въململ мракѣ ночи. И небо, и солнце, и ночь, и звѣзды, и огонь, увидалъ посланникъ божій въ очахъ Зюлемы. Онъ поглядѣлъ ей въ уста; они были отверсты для дивной пѣсни, которой слова, какъ чудныя жемчужины, сами нижутся въ ожерелье; въ устахъ гранаты, розы и перлы... Они ослѣпили пророка. Онъ поглядѣлъ на прекрасныя ручки и ножки Зюлемы:—онѣ были такъ малы, что ихъ надо было взять въ обѣ руки, чтобы не потерять, и также прекрасны, что надо было имѣть десять, а не два глаза, чтобы налюбоваться на нихъ...

Не мудрено, что три дня и три ночи простоялъ небесный пришелецъ и пролюбовался земною красавицею. — Кто ты, чудное созданіе?—спросилъ онъ наконецъ.

— Я Зюлема, дочь шейха Гассана, дочь свободной пустыни. Я знаю, что ты посланникъ божій, и я ожидаю тебя вотъ уже три долгихъ дня и три темныхъ ночи. Небесный вѣстникъ мнѣ сказалъ о тебѣ и повелѣлъ мнѣ дожидаться тебя, несравненный! Пѣснь моя неслась къ тебѣ на встрѣчу; морской вѣтеръ, вѣроятно, донесъ ее до ушей великаго пророка.

И когда протянулъ обѣ руки къ Зюлемѣ небесный посланникъ, она обвила его шею своими рученками, прижимаясь крѣпко къ его могучей груди, вмѣщавшей въ себѣ весь міръ, и поцѣловала прямо въ уста, которые повѣдали землѣ волю ея небеснаго творца.

— Я такъ же чиста, какъ и ты,—говорила Зюлема,—обнимая пророка;—не бойся, ты не осквернишься, я создана для тебя, какъ для перваго человѣка создана его жена.

И взялъ тогда Магометъ на руки къ себѣ Зюлему; вмѣстѣ съ нею сѣлъ на верблюдицу и поѣхалъ въ Мекку. Тамъ онъ спряталъ красавицу, подаренную ему Аллахомъ, въ темной пещерѣ отъ глазъ жены своей, которая бы извела ее со свѣта. Никого такъ не любилъ пророкъ на землѣ, какъ эту чудную жемчужину Краснаго моря. Каждую ночь онъ уходилъ къ своей Зюлемѣ. Онъ спалъ на ея душистыхъ колѣняхъ; она расчесывала волосы посланника божія, умащала ихъ благовоніями Аравіи, обсыпала цвѣтами горъ и цѣлыя ночи усыпляла дивными пѣснями посланника божія. И когда Аллахъ взялъ пророка къ себѣ, онъ взялъ съ нимъ и Зюлему, чтобы она царила и на небѣ, какъ на землѣ. Та Зюлема смотритъ и теперь на землю съ своей небесной выси, изъ той блестящей звѣздочки... Теперь ты знаешь, эффенди, что такое Зюлема...

Я опять невольно взглянулъ на ту серебрянную звѣздочку, на которую указалъ Абдъ-Алла. Арабская Зюлема—наша Венера (инымъ именемъ, кромѣ имени красавицы трудно обозвать эту блестящую планету), была такъ же дивно хороша среди своихъ небесныхъ подругъ, какъ выдавалась и богиня среди земныхъ красавицъ. Какъ грекъ перенесъ богиню красоты на небо, такъ и арабъ, сынъ пустыни, помѣстилъ свою миѳическую красавицу въ самое прекрасное свѣтило лучезарнаго неба.

— Много тамъ среди небесъ въ звѣздахъ,—продолжалъ старый шейхъ,—размѣстилъ Аллахъ смертныхъ среди безсмертныхъ духовъ. Изъ звѣздъ смотрятъ они на землю, потому что имъ

нравится земля, съ которой они взяты; то мерцаніе—ихъ слезы по прекрасной землѣ; то движеніе по голубому небу—ихъ стараніе опять найти дорогу на землю... Ты не знаешь, эффенди, какъ многомилостивъ Аллахъ. Не въ одномъ человѣкѣ ты познаешь его твореніе; нѣтъ—посмотри вокругъ. Не только въ человѣкѣ, но и въ каждой песчинкѣ, въ каждой щепоточкѣ воздуха видѣнъ Аллахъ; онъ далъ душу и человѣку, и звѣрю, и птицѣ; онъ далъ ее и жуку, и мотыльку, и пестрой мухѣ, чтобы они славили Творца; но души тѣ не такія какъ у насъ. Подобно пару, онѣ созданы изъ ничего, и въ ничто обращаются; для нихъ нѣтъ другой жизни, потому что они и не созданы для нея. Если бы ты былъ, эффенди, въ моей родинѣ за Ниломъ и пирамидами въ Ливійской пустынѣ, ты увидалъ бы какъ премудрый Аллахъ изъ песку сотворилъ золото, которое и спряталъ въ пескѣ; какъ онъ населилъ и пустыню животными, чтобы они славили его...

Рѣчь Абдъ-Аллы перебилъ стонъ нашего больного. Я бросился въ ту сторону; старый шейхъ тоже. Когда мы были передъ несчастнымъ, онъ снова замолкъ и погрузился въ то положеніе, которое граничитъ между жизнью и смертью.

— Всѣ мы гости на землѣ,—заговорилъ снова Абдъ-Алла, надъ умирающимъ,—дни всѣхъ насъ сочтены въ книгѣ, которую отмѣчаетъ ангелъ смерти. Тамъ, на небѣ наше вѣчное жилище; тамъ всѣ мы встрѣтимся опять. Тамъ увидимъ мы и тебя, Гафизъ...

При произнесеніи этого имени всѣ мы невольно взглянули на небольшой, едва замѣтный, холмъ, выдавшійся невдалекѣ отъ насъ, облитый луннымъ сіяніемъ. Рашидъ, одинъ изъ самыхъ суевѣрныхъ арабовъ, какихъ я только встрѣчалъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ бы увидавъ тѣнь покойнаго въ серебристой дымкѣ, окутывавшей зіяющее ущелье и изъѣденныя вершины скалъ.

Долго еще мы бесѣдовали потомъ у дымящагося костра, и много разсказывалъ интереснаго старый шейхъ, но вдругъ онъ, говорившій почти безъ умолку, началъ постепенно умолкать.

— Массекбилькеръ (спокойной, благополучной ночи), эффенди, —быстро проговорилъ онъ, подымаясь и дѣлая мнѣ саламъ.

— Смотри, эффенди, на звѣзды!.. Онѣ тебѣ скажутъ много хорошаго. Мнѣ тебѣ всего не разсказать. Онѣ вѣдь живыя; Аллахъ населилъ ихъ...

Сказавъ это, старикъ пошелъ въ свой шатеръ. Букчіевъ тоже распрощался и ушелъ. Я остался одинъ, и отойдя отъ своего каравана на нѣсколько саженей, разостлалъ свой плащъ, легъ

на него, и какъ-то безсознательно уставилъ глаза на верхъ, гдѣ сіяла луна, откуда смотрѣли блестящія созвѣздія, и небесная Газель, и небесный Верблюдъ, и арабскій Охотникъ, и душа Факира, и Зюлема, и другія звѣзды, названныя мнѣ арабами пустыни, по преданію отъ ихъ поклонниковъ — сабеистовъ или халдеевъ, — отцевъ небесной науки, — тоже сыновъ пустыни и безграничныхъ степей.

А на горизонтѣ уже выходили новыя яркія созвѣздія; поясъ Оріона показался надъ черною зубчатою линіею горъ, и Сиріусъ заблисталъ великолѣпно даже черезъ дымку луннаго сіянія. «Яхъ-тейли, яхъ-тейли»! о, ночь, божественная, чудная ночь! хотѣлось мнѣ сказать не разъ словами арабской пѣвучей, звонкой пѣсни. Ради ночи одной, я снова готовъ уйти въ пустыню, чтобы увидать опять этотъ безграничный просторъ, гдѣ все говоритъ о свободѣ, о безпредѣльномъ пространствѣ и о вѣчности, гдѣ, даже измученная житейскими треволненіями, душа утопаетъ въ нирванѣ и, погружаясь въ сладкое небытіе, забываетъ о мірѣ и его страданіяхъ, и его безконечной суетѣ.

Потухли костры... Мрачный Рашидъ опять отбывалъ первую очередь съ тѣмъ паломникомъ, котораго Букчіевъ назвалъ русскимъ татариномъ. Какъ тѣни, оба караульные двигались по уснувшему лагерю, не выходя изъ круга «кораблей пустыни», замыкавшаго наше становище. Не хотѣлось вовсе спать, потому что ночь—это лучшее время въ пустынѣ, лучшее, что можетъ дать эта мертвая часть природы,—песчаное море; но усталость взяла свое. Я закутался въ свой плащъ, и прилегъ въ небольшой ямкѣ, вырытой въ пескѣ, положивъ подъ голову свою охотничью сумку. Ничего мнѣ не мерещилось въ эту ночь; даже грозные призраки холеры не являлись передъ усталымъ воображеніемъ. Сегодня была «счастливая» ночь, а не ночь афритовъ, а потому, вѣрно, и не хотѣлось думать о смерти; сознаніе жизни и движеніе, напротивъ, чувствовалось и осязалось во всемъ, и въ каждомъ біеніи сердца, и въ каждомъ дыханіи свободно поднимавшейся груди, и въ каждомъ словѣ, невольно вырывающемся на волю, и въ каждой мысли, роившейся въ головѣ. «Яхъ-тейли, яхъ-тейли»! только и думалось мнѣ, пока я не забылъ обо всемъ, не погрузился въ нирвану, въ то успокоеніе, которое не знаетъ ни сновъ, ни грезъ, ни видѣній. Длинная тѣнь Рашида, какъ ангелъ сна, промелькнула въ моихъ глазахъ, когда они открылись, чтобы закрыться на всю ночь...

Часа за полтора до восхода солнца раздирающій вопль верблюдовъ разбудилъ меня. Караванъ паломниковъ поднимался со

становища, чтобы идти далѣе. Магометане уже совершили свой утренній намазъ и омовеніе, и приступили къ съемкѣ съ лагеря... Едва завидѣли несчастныя животныя, что ихъ хозяева принялись снимать шатры и хвататься за тюки, какъ догадались, что опять на ихъ, истертые до крови, спины и горбы взвалится все это вмѣстѣ съ ихъ сѣдоками; отчаянный, какъ бы умоляющій о помощи ревъ исторгся изъ ихъ многострадальной груди. Развязали верблюдамъ спутанныя ноги, дали имъ по горсточки дурры или ячменя, сводили ихъ напиться еще разъ къ ручейку, чтобы они наполнили свои бездонные желудки водою на нѣсколько дней, потому что теперь предстоялъ переходъ черезъ безводную пустыню, и приступили къ нагрузкѣ.

Хотя и много разъ верблюды испытали этотъ процессъ, но все-таки до сихъ поръ не могли привыкнуть къ нему и старались увернуться всячески отъ предстоящей имъ непріятности. Нѣкоторыя животныя пытались даже отбѣжать отъ каравана, не говоря уже о томъ, что лечь упрямились совершенно. Но хаджи—народъ бывалый, и управлять «кораблями пустыни» они умѣютъ еще лучше, чѣмъ моряки своимъ судномъ. Два, три непереводимыя междометія, не передаваемыя европейскимъ горломъ, и потягиваніе за уздечку принуждаютъ упрямца согнуть колѣни и лечь на землю. А не слушается «корабль пустыни», реветъ, плюется, лягается, кусается, что случилось съ двумя упрямцами въ каравана хаджей, то стоитъ только потянуть изо всей силы уздечку или, еще лучше, за продѣтый черезъ ноздри ремень—и строптивый звѣрь успокаивается. Помогаетъ еще упираніе ногою въ колѣно животнаго, что заставляетъ его согнуть ноги. Когда верблюдъ легъ на землю—главное уже сдѣлано. На горбину животнаго накладывается особенная упряжь, различная для верховаго и вьючного верблюдовъ. На горбѣ послѣдняго укрѣпляется рауіэ—деревянный переплетъ, на который накидываются оба вьюка, удерживаемые въ равновѣсіи только собственною тяжестью, которая одинакова для того и другого, по возможности. Также нагружаются и верблюды-водоносы; такихъ въ караванѣ хаджей было около пяти. Верховой же хеджинъ снаряжается иначе; на спину ему набрасываютъ серджъ—нѣчто въ родѣ сѣдла, укрѣпленнаго подпругою, проходящею черезъ шею и животъ, и неудобное сидѣнье, покрытое или кускомъ войлока или овчины—фарра, которая часто очень ярко окрашивается.

Черезъ полчаса весь огромный караванъ снарядился. Несчастныхъ больныхъ, скорѣе умирающихъ, тоже подвѣсили какимъ-то особеннымъ образомъ на плащахъ сбоку верблюжьяго горба,

что вышло впрочемъ довольно удачно, такъ что я даже удивлялся искусству арабовъ въ этомъ отношеніи, зная по опыту военнаго времени, какъ трудно транспортировать раненыхъ или больныхъ.

Несчастные все еще не выходили изъ сопорознаго состоянія; они просыпались гораздо рѣже, грозя скоро заснуть на вѣки. Судороги въ икрахъ очень часто сводили ихъ ноги, а рѣзь въ животѣ заставляла ихъ даже въ безсознательномъ положеніи схватывать руками нестерпимо болѣвшія мѣста. Лица этихъ страдальцевъ изображали всѣ тѣ муки, какія только можетъ вынести человѣкъ въ предсмертной агоніи.

Нашъ небольшой караванъ собирался тоже, но собирался гораздо скорѣе, такъ какъ Юза и Ахмедъ изловчились быстро нагружать нашихъ верблюдовъ, несмотря на то, что грузъ нашъ былъ очень сложенъ.

Много совѣтовъ далъ я черезъ Букчіева Абдъ-Аллѣ и прочимъ хаджамъ относительно обращенія съ больными и въ особенности на счетъ извѣстной осторожности въ употребленіи одеждъ умирающихъ и больныхъ; но слова мои, вѣроятно, падали на камень, потому что, какъ говорилъ Букчіевъ, платье погибающихъ смѣло одѣвается ихъ сотоварищами.

Скоро снарядились совсѣмъ оба каравана. Начались и самыя минуты разставанія. Немного времени мы провели вмѣстѣ, но пережили и перечувствовали въ эти двое сутокъ столько, сколько иногда не переживешь въ мѣсяцъ. Несмотря на то, что я въ своихъ блужданіяхъ по бѣлу свѣту привыкъ ко всевозможнымъ встрѣчамъ, привыкъ сходиться и разставаться, но тутъ мнѣ какъ-то особенно грустно было прощаться съ моими хаджами... Правда, они были люди честные, хорошіе, не старавшіеся утащить что-нибудь, гдѣ плохо лежитъ, какъ другіе арабы, встрѣчавшіеся намъ, но все-таки между нами было такъ мало общаго, что едва ли что-нибудь могло связывать насъ между собою... Несмотря на это, однако, что-то невѣдомое тянуло и привязывало меня къ каравану хаджей, первому изъ встрѣченныхъ нами въ пустынѣ.

— Прощай, эффенди,—говорилъ мнѣ старый шейхъ Абдъ-Алла.— Въ твоемъ сердцѣ нѣтъ коварства, ни лжи, оно блеститъ, какъ капля росы на солнцѣ, чистотою своей правды; языкъ твой нераздвоенъ, какъ и у стараго Абдъ-Аллы; мы были друзьями... Абдъ-Алла полюбилъ тебя, храбрый московъ, и не забудетъ тебя никогда. Аллаху-акбаръ! Онъ сближаетъ людей, хотя между ними лежитъ цѣлая страна, но онъ и разлучаетъ ихъ, когда ему это угодно. Ты пойдешь въ Эль-Кудсъ, благо-

родный московъ, а потомъ черезъ моря на свою благословенную родину, а мы пойдемъ въ Эль-Масръ и въ землю благодатнаго Нила. Ты будешь далеко, но у-аллахъ (клянусь Богомъ)! мысль моя всегда будетъ стремиться къ тебѣ, и въ сердцѣ Абдъ-Аллы всегда найдется уголокъ, гдѣ останется память о тебѣ, московъ! Помни и ты стараго Абдъ-Аллу, а онъ всегда благословитъ твое имя. Мои братья тоже шлютъ тебѣ прощальный привѣтъ. Абдъ-Алла бѣденъ; онъ ничего не можетъ подарить своему другу. Прими отъ меня хотя этотъ малый и вмѣстѣ съ тѣмъ великій подарокъ.

Съ этими словами старый шейхъ подалъ мнѣ небольшой свертокъ, обернутый въ шелкъ.

— Хотя ты и гяуръ, благородный московъ, — продолжалъ старикъ, — но ты не франкская собака, которая лаетъ на Бога и великаго пророка (да будетъ благословенно во вѣки имя его); ты примешь и оцѣнишь этотъ мой даръ. Въ немъ хранится великій талисманъ: кусокъ изъ стѣнки Каабы и листъ его священнаго древа, обрызганные водою источника пророка. Да хранитъ тебя пророкъ своею силою. Въ дальней Московіи ты не забудь меня, а я на берегахъ Нила и въ пустыняхъ Геджаса, пока живъ, буду помнить и повторять твое доброе имя — Искандеръ (Александръ) московъ. Аалейкумъ-эль-саламъ-ву рахметъ-иллахи-ву-варакату (да будетъ надъ тобою милость Господня, его благодать и благословеніе)... Прощай!..—Старый шейхъ замолчалъ и наклонилъ свою сѣдую голову. Какъ могъ, я при помощи Юзыи Букчіева благодарилъ его и выразилъ тѣ же добрыя чувствованія, какія высказалъ и Абдъ-Алла.

— Быть можетъ, мы съ тобою и снова увидимся, Абдъ-Алла, — сказалъ я на прощаніе.

— Аллаху-алемъ, иншаллахъ (Богу все вѣдомо, какъ Ему угодно), — отвѣчалъ старикъ.

Получивъ отъ стараго шейха такой цѣнный подарокъ, который былъ для него дороже всего, я не зналъ, чѣмъ отблагодарить старика. Къ счастью, у меня въ сумкѣ нашлась моя фотографическая карточка, которую я и преподнесъ Абдъ-Аллѣ. Этотъ подарокъ до того обрадовалъ его, что онъ, какъ ребенокъ, выражалъ свое удовольствіе. Долго, долго онъ разсматривалъ мой портретъ, а потомъ воскрикнулъ:

— Джанбъ-валляхи (удивительно, клянусь Богомъ)! — Съ этими словами старикъ протянулъ обѣ руки, и мы съ нимъ обнялись на прощаніе. Затѣмъ Абдъ-Алла сѣлъ на своего верблюда, и раскачиваясь, огромное животное поднялось.

— Раббэна-шаликъ-я-эффенди (Господь да сохранитъ тебя)— закричалъ, кивая головою и прикладывая руку къ груди, старый шейхъ, когда его хеджинъ двинулся.

— Аллахъ-маакумъ (Богъ съ тобою)!—отвѣчалъ я.—Миръ твоей душѣ во вѣки!—Юза, Рашидъ и Ахмедъ произнесли длинныя прощальныя рѣчи, на которыя, уже сидѣвшіе на верблюдахъ, хаджи отвѣчали тоже длинными привѣтствіями и пожеланіями.

— Да сохранитъ тебя Господь и да умножитъ твое счастье Аллахъ!—крикнулъ еще разъ Абдъ-Алла, оборачиваясь ко мнѣ и кивая головою.

Затѣмъ старикъ поднялъ правую руку къ небу, и что-то зашептали его, оттѣненныя шелковистыми усами и бородою, уста. Абдъ-Алла, вѣроятно, молился за меня и призывалъ благословеніе пророка на мою голову.

Наконецъ, караванъ хаджей тронулся. Букчіевъ простился со мною по-русски; другіе паломники сыпали на меня цѣлый градъ прощальныхъ привѣтствій и пожеланій всего лучшаго. Имя Аллаха и его великаго пророка слышалось въ каждой ихъ фразѣ, каждомъ привѣтѣ, чуть не въ каждомъ словѣ.

Караванъ пошелъ рысцей. Хаджи быстро удалялись, оставивъ одного изъ своихъ товарищей спать вѣчнымъ сномъ въ горячемъ пескѣ пустыни, какъ искупительную жертву за свое паломничество. Сегодня или завтра они погребутъ еще двухъ своихъ сотоварищей, уже не принадлежащихъ жизни, въ той же пустынѣ, а сами пойдутъ все также бодро впередъ и впередъ, не страшась ни трудовъ, ни лишеній, ни даже смерти. Да и чего имъ теперь страшиться? Они вѣдь хаджи — люди божіи, присные пророку...

Мы остались опять одни въ пустынѣ. Солнце уже выходило изъ-за горизонта, и пустыня засверкала огнемъ, пурпуромъ и лазурью... Пора и намъ въ походъ.

Мы испили въ послѣдній разъ изъ горнаго потока его журчащей прохладной воды и сѣли на своихъ добрыхъ хеджиновъ. Юза схватилъ моего верблюда за поводъ и повелъ его впередъ.

Я оглянулся въ послѣдній разъ на привѣтливый уголокъ, пріютившій насъ въ пустынѣ, и мы тронулись...

Передъ нами, залитый солнцемъ, стоялъ свѣжій, вчера насыпанный надъ трупомъ Хафиза, холмикъ. Мои проводники зашептали молитвы. Между тѣмъ, день разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Горизонтъ блисталъ золотомъ и огнемъ, а огромный шатеръ неба—дивною лазурью. Въ поднебесьѣ высоко кружились

какія-то черныя птицы. То, вѣроятно, коршуны-стервятники пустыни уже почуяли своимъ чуткимъ носомъ добычу, и ихъ зоркій глазъ уже разсмотрѣлъ, вѣроятно, и небольшой холмъ, возвышавшійся надъ могилою Хафиза. Они слетаются на свой пиръ, который увидитъ одна пустыня, да солнце, да голубое небо...

Все шибче и шибче шагали наши верблюды, какъ бы стараясь унести насъ подальше отъ одинокой могилы, которая уже затерялась на желтоватомъ фонѣ пустыни... Скорѣе впередъ и впередъ... Но нашъ путь еще далекъ... Передъ нами пока широкая даль—пустыня, черезъ которую насъ мчатъ быстро «корабли» песчанаго моря. Тамъ, на сѣверѣ, за тою цѣпью горъ, что потянулась къ востоку, къ Петрѣ и Моавіи, и вокругъ Мертваго моря, лежитъ та страна, куда правитъ путь нашъ маленькій караванъ. Та страна была когда-то названа обѣтованною и тогда она текла медомъ и млекомъ — а теперь и тамъ одна голая пустыня да холмы, за которыми прячется Іерусалимъ...

А. Елисѣевъ.

РУССКАЯ НАУКА

И

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Окончаніе.

III *).

Переворотъ въ литературномъ языкѣ со времени реформы.—Ломоносовъ.—Ученыя общества для рѣшенія вопроса о языкѣ.--Россійское собраніе, при академіи наукъ.—Вольное собраніе при московскомъ университетѣ.—Свящ. Петръ Алексѣевъ.—Россійская академія.—Княгиня Дашкова.—Румовскій, Лепехинъ, Болтинъ.—Вопросъ объ областномъ языкѣ.—Начало исторіи литературы: Коль, Дамаскинъ-Рудневъ, Баузе.—Заключеніе.

Намъ остается еще вопросъ о судьбѣ языка,—именно, языка общества и литературы.

Исторія нашего литературнаго языка со времени реформы разработана до сихъ поръ чрезвычайно мало. Кромѣ книги г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка» (1844), гдѣ намѣчены многіе вопросы этой исторіи и сдѣлано много отдѣльныхъ любопытныхъ указаній; кромѣ старой книги К. Аксакова и новой книги г. Будиловича о Ломоносовѣ и, наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ замѣтокъ въ «Филологическихъ разысканіяхъ» Я. К. Грота, не было предпринято никакихъ спеціальныхъ работъ,

---

*) См. выше; іюнь, 548 стр.

которыя выяснили бы эту исторію со временъ Петра и до нашего времени. Между тѣмъ, предметъ исполненъ историческаго интереса. Литературный языкъ есть чрезвычайно вѣрное отраженіе умственнаго и поэтическаго содержанія общества въ данную эпоху, отраженіе тѣхъ путей, какими это содержаніе развивалось, и тѣхъ отношеній, въ какихъ оно находилось къ народной старинѣ и настоящему. Исторія нашего литературнаго языка въ теченіе прошлаго вѣка можетъ стать чрезвычайно любопытнымъ дополненіемъ и объясненіемъ къ исторіи реформы со всѣмъ ея разностороннимъ дѣйствіемъ на умы и нравы общества, всѣмъ новымъ запасомъ идей, всей борьбой стараго съ новымъ, ихъ совмѣстнымъ существованіемъ въ жизни, и все болѣе сильнымъ притокомъ народной стихіи въ новую возникавшую умственную жизнь. Ранѣе мы упоминали о томъ, какимъ образомъ на ломаномъ, странномъ книжномъ языкѣ Петровскаго времени сказывалось сначала тягостное усвоеніе чуждыхъ понятій; какъ потомъ съ привычкой къ новому знанію, сглаживались грубыя и угловатыя формы новаго языка и, наконецъ, мало-по-малу, онѣ выростали въ новую живую и изящную рѣчь. Противники петровской реформы не пропустили, конечно, этой черты въ Переворотѣ прошлаго столѣтія: не разъ они выставляли эту угловатость стараго языка, какъ результатъ насильственной ломки, какъ доказательство ненародности или противународности реформы, противоставляли этой угловатости мѣткость и свѣжесть простой народной рѣчи и выводили заключеніе о противуестественности самаго дѣла, говорившаго языкомъ Петровскихъ временъ. Забыто было въ этомъ противоположеніи только одно—что сравнивались вещи не однородныя: языкъ Петровской книги потому именно и былъ тяжелъ, что ему приходилось выражать неизвѣстныя прежде понятія, которыхъ и совсѣмъ не могла выразить народная рѣчь того времени; эта послѣдняя до тѣхъ поръ лишь и могла быть свѣжа и красива, пока не выходила изъ своего ограниченнаго обихода реальныхъ представленій; но она была совершенно безсильна для тѣхъ понятій, о какихъ дѣло шло теперь, понятій изъ области невѣдомаго до тѣхъ поръ отвлеченно-научнаго и практическаго знанія. Строгіе судьи забывали о всемъ положеніи вещей наканунѣ реформы.

На самомъ дѣлѣ это положеніе было таково. *Руській* литературный языкъ, какъ онъ есть теперь, въ то время, собственно говоря, не существовалъ: вмѣсто него, въ книжномъ обращеніи была чрезвычайно неопредѣленная амальгама изъ двухъ, хотя по происхожденію близкихъ и исторически связанныхъ, но тѣмъ не

менѣе совершенно различныхъ стихій. Эти стихіи, церковная и народная, существовали рядомъ, но церковная стихія была все-таки чужда самой жизни, и старые книжники до конца не могли ни выяснить себѣ ихъ взаимнаго отношенія, ни выработать живой литературной рѣчи. Настоящимъ нормальнымъ языкомъ книги считался церковный языкъ, т.-е., собственно говоря, та особая разновидность церковно-славянскаго языка, которая образовалась съ теченіемъ вѣковъ отъ неизбѣжнаго воздѣйствія живого говора. Вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящей книгой, заслуживающей вниманія, считалась только книга божественная или учительная (то же понятіе о книгѣ сохраняется и до сихъ поръ въ народѣ, и новѣйшіе охранители—не вѣдая, что творятъ—любятъ ссылаться на это въ укоръ либеральной литературѣ, которая старается довести до народа и извѣстную долю научнаго знанія). Жизнь, конечно, брала свое, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше въ книгу, или, вѣрнѣе сказать, въ письменность все больше и больше врывается народный языкъ. Онъ уже издавна ворвался въ ту часть письменности, которая передавала реальныя дѣла народной жизни—грамоты и договоры, дѣла административныя и судныя, законодательство, наконецъ, въ тотъ отдѣлъ литературы, котораго, при всѣхъ усиліяхъ, не могла подавить церковная книжность,—въ произведенія письменной народно-поэтической литературы. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ признаваемъ, и до XVIII вѣка ни одно изъ произведеній этой послѣдней литературы не было удостоено печати, да и не помышляло удостоиться этой чести. При такомъ положеніи вещей нѣтъ, конечно, и возможности говорить о томъ, что русскій языкъ XVIII вѣка былъ «дурнымъ русскимъ языкомъ», хуже языка XVII вѣка—послѣдній просто совсѣмъ не съумѣлъ бы говорить о тѣхъ предметахъ, о которыхъ, худо-ли, хорошо-ли, началъ говорить языкъ XVIII вѣка. Книжный языкъ XVII вѣка былъ языкъ церковной книги, и только для остальныхъ потребностей умственной жизни онъ не давалъ никакихъ средствъ выраженія; литература поэтическая не признавалась въ самомъ принципѣ.

Понятно, такимъ образомъ, что когда съ реформой возникалъ цѣлый рядъ новыхъ потребностей, являлся впервые новый запасъ научныхъ знаній, нарождалась впервые потребность личнаго поэтическаго творчества, отмѣтившая цѣлый новый періодъ во внутренней жизни національности,—для всего этого языкъ старой книги не давалъ никакихъ средствъ выраженія, и предстояла трудная задача найти это выраженіе—почти безъ всякой

прежней подготовки и безъ предшественниковъ [1]). Понятно, что этотъ трудъ не могъ быть исполненъ сразу; напротивъ, потребовался цѣлый рядъ поколѣній для совершенія дѣла, которое стало великимъ историческимъ пріобрѣтеніемъ народной мысли и народной рѣчи. Въ этомъ трудѣ именно нельзя не отмѣтить всѣхъ свойствъ жизненнаго историческаго процесса. Во-первыхъ, мы найдемъ, что зачатки этого труда восходятъ ко временамъ задолго до-Петровской реформы; во-вторыхъ, что онъ совершается съ замѣчательной послѣдовательностью, все болѣе расширяя кругъ своего содержанія, все больше захватывая народную стихію, и въ результатѣ впервые онъ создалъ то, чего *не имѣла* старая, московская Россія—*русскій* литературный языкъ, способный служить вполнѣ цѣлямъ просвѣщенія и поэтическаго творчества и глубоко проникнутый чисто русскимъ народнымъ элементомъ. Созданіе этого новаго литературнаго языка (хотя еще недовершенное XVIII-мъ вѣкомъ) составляетъ такой же многозначительный фактъ національнаго самосознанія, какой мы видѣли выше въ разнообразныхъ изученіяхъ Россіи и ея исторіи, какой представляетъ все умственное и литературное движеніе прошлаго вѣка. Здѣсь, въ этомъ образованіи новаго языка, какъ и въ новыхъ изученіяхъ Россіи, XVIII вѣкъ только отвергалъ узкую односторонность или простое патріархальное невѣдѣніе старой русской жизни и впервые возвысился до дѣйствительнаго національнаго самосознанія.

Мы сказали, что зачатки образованія новаго языка восходятъ еще ко временамъ до-Петровскимъ. Это обстоятельство именно свидѣтельствуетъ объ исторической необходимости той реформы, какая совершалась въ литературномъ языкѣ въ прошломъ столѣтіи; и оно доказывается фактами книжнаго языка XVII вѣка. Литература этого вѣка, хотя слабыми и невѣрными шагами, но несомнѣнно вступала на новую дорогу: рядомъ со старой, традиціонной книжностью появлялись произведенія совсѣмъ новаго характера; возникало замѣтное вліяніе кіевской школы и черезъ нее польской литературы; появляются переводы изъ западныхъ литературъ—книгъ географическихъ и историческихъ, наконецъ, переводы повѣстей и драматическихъ пьесъ. Все это вмѣстѣ произвело въ книжномъ языкѣ чрезвычайную путаницу;

[1]) Говоримъ: *почти*, потому что въ XVII-мъ вѣкѣ были уже, какъ сейчас скажемъ, хотя отрывочные, но несомнѣнные признаки стремленія къ реформѣ и вмѣстѣ къ расширенію литературнаго языка; но, собственно говоря, Петровскому времени пришлось за многое браться впервые, не имѣя опоры въ трудѣ предшествующаго поколѣнія.

онъ представлялъ, рядомъ съ сырыми, несвязанными никакой общей мыслью и нисколько не переработанными, самые разнообразные элементы: церковно-славянскую или русскую основу съ различными варваризмами, особенно польскими, латинскими и южно-русскими. Наконецъ, явилось и стихотворство съ тѣмъ же вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ, о которомъ трудно сказать, какому языку оно принадлежало больше: славянскому, великорусскому, южно-русскому или бѣло-русскому; въ то же время существовалъ болѣе или менѣе чистый славянскій языкъ у церковныхъ стилистовъ, чистый русскій языкъ у писателей дѣловыхъ. Это, очевидно, было состояніе броженія, гдѣ новые элементы заявили свое присутствіе, но еще не срослись ни во что органическое. Языкъ Петровскаго времени съ его извѣстными свойствами—тѣмъ же еще неорганизованнымъ смѣшеніемъ славянскаго и русскаго, обиліемъ иностранныхъ словъ, въ сыромъ видѣ вставленныхъ въ русскую рѣчь,—въ сущности не представлялъ никакой новой ломки языка, какъ обыкновенно говорятъ; а былъ только второю ступенью—этого ранѣе начавшагося броженія,—второю ступенью въ томъ смыслѣ, что продолжалось еще неустановившееся положеніе языка, который воспринималъ новыя понятія и еще не находилъ для нихъ живого органическаго выраженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было уже нѣчто совершенно новое, носившее въ себѣ зародышъ будущаго могущественнаго развитія. Дѣятельность геніальнаго человѣка наложила печать на самый языкъ, и разбудивши на этотъ разъ національную мысль, дала новыя средства, мотивы для развитія языка. Въ языкѣ самого Петра еще слышатся входившіе по привычкѣ церковные элементы, но основа его чисто русская: Петръ черпалъ изъ первыхъ источниковъ; онъ говорилъ простымъ народнымъ, нерѣдко грубо сильнымъ языкомъ, безъ церемоніи вставляя въ него иностранныя слова, когда нужно было обозначить вещи, для которыхъ еще не было русскаго названія. Но въ этомъ смѣшеніи было сильное, здоровое зерно: этотъ языкъ служилъ *живому дѣлу*, это дѣло становилось государственнымъ дѣломъ великаго народа; его новизны не были повтореніемъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ чужихъ понятій, а были выраженіемъ жизненнаго факта, результатомъ пріобрѣтаемаго свѣжаго, реальнаго знанія. Формы его языка указывали тотъ путь, какимъ съ этихъ поръ предстояло развиваться русской рѣчи: въ основу будущаго развитія долженъ былъ стать языкъ жизни, языкъ народной дѣятельности; въ него должны были войти тѣ новыя пріобрѣтенія, которыя давала наука въ ея многоразличныхъ отрасляхъ,

съ ея практикой и теоріей. Таковъ и былъ дѣйствительно дальнѣйшій ходъ русскаго книжнаго языка въ XVIII столѣтіи. Послѣдующее время устранило изъ языка то, что было въ немъ внѣшнимъ, по необходимости сдѣланнымъ заимствованіемъ, но осталась здоровая сущность движенія: Петровская реформа, обогативъ содержаніе національной мысли, возбудила и въ самомъ языкѣ его жизненную силу,—онъ сталъ давать новые ростки, развивавшіеся собственными его внутренними силами; онъ вступалъ *въ новый историческій періодъ* своей жизни. Съ этого возбужденія, даннаго новымъ образовательнымъ содержаніемъ, собственно только и началось первое полное проявленіе всего богатства и жизненности русскаго языка. Процессъ развитія не довершенъ и по настоящее время—потому что сама русская образованность, къ сожалѣнію, еще далека отъ полной самобытности (затрудненной безъ свободы науки и слова),—но, конечно, никогда еще нашъ языкъ не видалъ такого роскошнаго развитія, въ какомъ онъ является у лучшихъ писателей нашего времени, когда онъ овладѣваетъ одинаково и высшими областями научнаго знанія, и самыми тонкими выраженіями поэтическаго творчества, и вмѣстѣ самыми своеобразными проявленіями народности. Ничего подобнаго не представлялъ онъ въ свои прежніе періоды, и ближайшимъ исходнымъ пунктомъ этого движенія было, безъ сомнѣнія, Петровское время.

Въ эпоху преобразованія не нашлось, да по обстоятельствамъ времени и не могло найтись, писателей и теоретиковъ языка, которые въ состояніи были бы внести единство въ это броженіе и установить нормы языка. Въ полномъ разгарѣ было самое дѣло: собирался новый матеріалъ, вызывались новыя стихіи будущаго движенія, и невозможна была пока никакая организація этого множества собиравшагося лексическаго матеріала и нароставшихъ новыхъ оборотовъ рѣчи; самая литература была въ огромномъ большинствѣ дѣловая, научная, техническая. Петръ былъ однимъ изъ ея ревностныхъ дѣятелей: среди самыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ, военныхъ и административныхъ, онъ заказывалъ книги и переводы, самъ выправлялъ ихъ и, случалось, съ похода посылалъ прочитанныя корректуры. Въ это бурное и занятое время некогда было думать о точныхъ правилахъ и изящныхъ способахъ выраженія. Время для «музъ», т.-е. грамматики и вопросовъ о стилѣ, было впереди, и оно дѣйствительно пришло съ первымъ ученымъ поколѣніемъ, которое училось въ Петровское время и начало свою самостоятельную дѣятельность послѣ него. Главнымъ представителемъ этого поколѣнія явился Ломоносовъ.

Много было говорено объ его великихъ заслугахъ въ русской наукѣ и литературѣ, и дѣйствительно любопытно, что Ломоносовъ начинаетъ свою многообъемлющую и творческую дѣятельность вслѣдъ за преобразованіемъ государственнымъ. И здѣсь, въ основаніи новой русской науки и литературы, западъ доставляетъ теоретическія знанія и возбужденія, которыя естественно связываются съ историческими требованіями русской жизни и вовсе не представляютъ какого нибудь противорѣчія особенностямъ русской національной природы. Вопросъ объ языкѣ самъ собою представлялся Ломоносову на первыхъ порахъ его дѣятельности, и онъ возвращался къ нему до своихъ послѣднихъ дней. Какъ человѣкъ науки и писатель, Ломоносовъ не могъ не поставить себѣ этого вопроса въ виду упомянутой неурядицы въ формахъ и матеріалѣ языка, и въ эту неурядицу онъ желалъ поставить на ея мѣсто тотъ порядокъ, какой былъ свойственъ всѣмъ богатымъ литературою языкамъ, древнимъ и новымъ. Нужно было найти правильныя формы языка, чтобы онъ могъ дать выраженіе и для строгихъ положеній науки, и для изящныхъ образовъ поэзіи. Образцомъ при установленіи правилъ языка естественно представлялась общая грамматическая система европейскихъ языковъ, классическихъ и новѣйшихъ; но Ломоносовъ видѣлъ, что имѣетъ дѣло съ матеріаломъ весьма сложнымъ, весьма разнороднымъ по составу и частію совершенно-необработаннымъ. Сами собою возникали вопросы объ отношеніяхъ языковъ церковно-славянскаго и русскаго и о литературныхъ формахъ поэтическаго творчества, въ частности о складѣ русскаго стихотворства [1]).

Изученіе Ломоносова можетъ достаточно объяснить тѣ недоумѣнія, какія господствуютъ до сихъ поръ относительно языка прошлаго столѣтія, и опровергнуть тѣ обвиненія, какія падаютъ на этотъ языкъ за мнимую порчу русской стихіи и заимствова-

---

[1]) Судьба русскаго литературнаго языка еще ждетъ своего историка. Послѣ книги г. Буслаева, весьма любопытнымъ началомъ историческихъ изысканій въ этомъ вопросѣ была извѣстная диссертація К. Аксакова о Ломоносовѣ (1846). Другимъ важнымъ трудомъ была книга А. Будиловича: „М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности“ (Спб. 1869), и другая: „Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова“ (Спб. 1871). Въ этихъ книгахъ собраны любопытные факты и сопоставленія для объясненія теоретическихъ понятій Ломоносова о русскомъ языкѣ и обширный матеріалъ для характеристики его собственнаго стиля. Другія подробности по вопросу объ языкѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка читатель найдетъ въ „Исторіи Академіи Наукъ“, Пекарскаго, т. II. Мы ограничиваемся только немногими указаніями.

ніе стихій иноземныхъ. Самого Ломоносова очень трудно обвинить въ поблажкѣ иноземному и въ неумѣньѣ цѣнить свой народный матеріалъ и преданія. У него, ближайшаго свидѣтеля того броженія, какое совершалось въ языкѣ, мы не найдемъ тѣхъ легкомысленныхъ обвиненій, на какія такъ щедро потомство, не желающее приложить труда, чтобы понять историческія условія прошедшаго. Въ вопросѣ объ иноязычной стихіи, входившей въ русскій языкъ, какъ вслѣдствіе реформы Петра, такъ и вообще отъ внесенія научныхъ свѣденій съ ихъ терминологіей, Ломоносовъ разсуждалъ такъ же, какъ разсуждаемъ и мы теперь: онъ не желалъ наводненія русскаго языка чужими словами, старался гдѣ возможно, передавать ихъ въ русскомъ переводѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо понималъ, что иностранная стихія входитъ въ языкъ не случайно и не по чьему-нибудь произволу. «Замѣчательно,—говоритъ г. Будиловичъ,—что во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова ни разу не встрѣчается упрека Петру за его преувеличенное пристрастіе къ иноземной стихіи въ языкѣ, наукѣ и администраціи, не встрѣчается не потому, чтобы Ломоносовъ это одобрялъ или не замѣчалъ, а потому, что по взгляду Ломоносова слово одновременно понятію, лексикологическое богатство языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа, и притомъ внутреннимъ ростомъ или внѣшнимъ наносомъ, смотря потому, развилось ли понятіе органическимъ процессомъ жизни, или навязано [1]) извнѣ путемъ заимствованія. Но такъ какъ образованность народовъ очень часто двигается и направляется толчками извнѣ, то, по мнѣнію Ломоносова, и заимствованія въ языкѣ—дѣло не личнаго произвола, а почти исторической необходимости; конечно, народъ, усвоивая современемъ принесенную къ нему изчужа мысль, облекаетъ ее въ своеобразную форму, творитъ для нея слово, но это не всегда случается: остается много формъ чуждыхъ, которыя, однако, «чрезъ долготу времени... входятъ въ обычай... и то, что предкамъ было не вразумительно, потомъ становится пріятно и полезно» [2]). Сознавая все это, Ломоносовъ, вмѣсто того, чтобы обвинять предшественниковъ, старался на дѣлѣ замѣнять иностранныя слова русскими, и когда случалось, создавалъ въ духѣ языка новыя слова, которыя послѣ

---

[1]) Выраженіе неточное: русскимъ начала прошлаго вѣка никто ничего не „навязывалъ“, да и физически не могъ навязывать. Они брали чужое *сами*, потому что въ немъ нуждались. Точно также далѣе, „толчки извнѣ“ дѣйствуютъ лишь потому, что народы сами становятся чувствительны и воспріимчивы къ вліяніямъ иноземной цивилизаціи, и сами ищутъ ея.

[2]) „Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ“, стр. 89.

и входили въ употребленіе. Въ то же время онъ самъ, однако, не боялся употреблять иностранныя слова, когда это было нужно: какъ человѣку науки, необходимость послѣдняго была ему понятна. Другой вопросъ состоялъ въ отношеніяхъ церковнаго и русскаго языка. Эти отношенія въ то время не были, да и не могли быть научно опредѣлены. Въ старину, какъ замѣчали уже и иностранцы, у русскихъ въ книгѣ господствовалъ славянскій языкъ, а въ обыденной практической жизни — русскій; это преданіе перешло и въ XVIII вѣкъ, и теоретически признавалось правильнымъ. Но жизнь все больше захватывала книгу, литература перестала быть исключительно или по преимуществу церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше требовалъ мѣста въ книгѣ и живой русскій языкъ. Ломоносовъ не въ силахъ былъ помирить стараго противорѣчія этой дѣйствительности — не потому, чтобы въ его натурѣ было не довольно народной стихіи, а потому, что сама эта стихія еще не была столько развита, чтобы стать достаточнымъ книжнымъ выраженіемъ для новыхъ понятій: въ то время она не заявляла такого принципіальнаго притязанія. Исходъ изъ затрудненія Ломоносовъ нашелъ въ средней мѣрѣ — въ простомъ соединеніи славянскаго и русскаго элементовъ, которые признавалъ какъ бы равноправными, или даже отдавая предпочтеніе церковному: дѣло въ томъ, что различную роль церковнаго и русскаго элементовъ онъ опредѣлялъ не столько по основаніямъ филологическимъ и по значенію русскаго языка въ дѣйствительной жизни, сколько по основаніямъ реторическимъ. Ломоносовъ представлялъ себѣ градацію употребленія церковнаго и русскаго языка по тремъ стилямъ, причемъ церковный языкъ особенно служилъ для стиля высокаго, т.-е. для всѣхъ возвышенныхъ мыслей и возвышенныхъ предметовъ поэзіи, и извѣстно какъ много авторитетъ Ломоносова содѣйствовалъ представительному вліянію церковнаго элемента въ литературномъ языкѣ. По справедливому замѣчанію автора цитированной книги основаніемъ этого особеннаго уваженія къ церковному языку было то, что церковный языкъ представлялъ историческое звено между старой и новой русской литературой [1]), что въ его области было уже выработано много средствъ возвышеннаго выраженія, которыми Ломоносовъ и дорожилъ, какъ унаслѣдованнымъ готовымъ богатствомъ. Съ другой стороны, въ книжныхъ произведеніяхъ чистаго русскаго языка, ограниченныхъ прежде одними дѣловыми, реальными интересами, онъ не находилъ ни тѣхъ элементовъ высокаго стиля, ни средствъ

---

[1]) Будиловичъ, тамъ же, стр. 90.

для передачи отвлеченно-научныхъ понятій, какія были необходимы для новой литературы и гораздо легче доставлялись оборотами церковнаго языка.

Такимъ образомъ, наплывъ жизненнаго реализма и иностранныхъ словъ, отличающихъ языкъ Петровской реформы, исправлялся сохраненіемъ историческаго элемента, представлявшагося въ церковномъ языкѣ. Этотъ историческій элементъ былъ такъ привыченъ, что указаніе на него не возбуждало никакихъ сомнѣній и было признано всѣми единогласно. Когда ставился прямо вопросъ объ языкѣ народа, литературные авторитеты того времени, хотя безпрестанно враждовавшіе между собою, въ этомъ случаѣ были единодушны: народный языкъ былъ языкъ «подлый», народныя пѣсни—пѣсни «подлыя»; простой слогъ, т.-е. простой разговорный и народный языкъ Ломоносовъ допускалъ только въ «подлыхъ» комедіяхъ и подобныхъ низкихъ сочиненіяхъ; Тредьяковскій называетъ разговорный языкъ «ямщичьимъ вздоромъ или мужицкимъ бредомъ». На самомъ дѣлѣ не было, однако, никакой возможности положить границы между двумя элементами языка, какъ скоро литература все больше приближалась къ жизни и должна была говорить языкомъ привычнымъ для самого общества: общество все-таки не говорило по-славянски; въ существующемъ разговорномъ языкѣ сами законодатели не все признавали низкимъ и дѣлали предположеніе о какомъ-то среднемъ уровнѣ языка, который, хотя и не былъ церковнымъ, однако могъ быть допущенъ въ книгу безъ ущерба ея приличію и достоинству. Этотъ средній уровень былъ, очевидно, языкъ возникавшаго теперь впервые болѣе или менѣе образованнаго общества,—языкъ, выроставшій уже подъ вліяніемъ книжнаго знанія и терявшій патріархальную грубоватость простонародной рѣчи [1]). Формы и обороты этого языка еще не установились, и законодатели потратили не мало хлопотъ на то, чтобы рѣшить: какъ приличнѣе или изящнѣе говорить—око или глазъ, лобъ или чело, щеки или ланиты, опять или паки и т. п.; они то пугались «грубаго деревенскаго» языка, то опасались «къ превеликому себѣ посмѣ-

¹) По мнѣнію Тредьяковскаго, это былъ именно языкъ *двора*, благоразумнѣйшихъ *министровъ*, премудрѣйшихъ *священноначальниковъ* и знатнѣйшаго *дворянства*. Г. Будиловичъ думаетъ (стр. 92), что Тредьяковскій говоритъ здѣсь какъ вѣрный ученикъ тогдашнихъ французовъ, считавшихъ нормою языкъ Версаля; но должно согласиться, что въ этомъ именно кругу (между прочимъ въ „священноначальникахъ“) онъ могъ просто, и не безъ основанія, предполагать наиболѣе образованныхъ людей тогдашняго русскаго общества.

шеству» употреблять церковныя выраженія въ любовныхъ или геройскихъ разговорахъ [1]).

При всемъ уваженіи къ церковному языку, они не въ состояніи были опредѣлить точной мѣры его употребленія и противорѣчили не только одинъ другому, но и самимъ себѣ, когда возвращались къ этой тэмѣ при разныхъ случаяхъ. Изъ всего этого ясно, что причина колебанія заключалась именно въ неопредѣленности цѣлаго положенія языка; но въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ разсужденія о пользѣ церковныхъ книгъ, о «важности» славянскаго языка и т. п., перевѣсъ падалъ все больше и больше на сторону народной рѣчи, составлявшей основу языка самого общества, и въ литературной все больше преобладала народная, а не церковная стихія. Понятіе объ этой народной стихіи было смутно; таковы у самого Ломоносова тѣ различныя названія, которыми онъ ее обозначаетъ: подлыя слова; слова простонародныя; слова новыя или гражданскія; слова обыкновенныя россійскія; простые разговоры; простой россійскій языкъ; просторѣчіе. Границы между всѣми этими оттѣнками были очень неясны, и весьма естественно: литературная правоспособность тѣхъ или другихъ словъ и оборотовъ народной рѣчи должна была опредѣлиться живымъ употребленіемъ, а это употребленіе, usus, было еще ново.

Народный языкъ или живая разговорная рѣчь тѣмъ не менѣе неудержимо входили въ языкъ литературный, и въ первой половинѣ столѣтія уже явно обозначились двѣ отдѣльныя книжныя области: церковная и свѣтская, «гражданская»; въ первой крѣпче держались книжныя славянскія преданія (сохраняющіяся въ ней и донынѣ), во второй—открывалось обширное поле развитія литературнаго языка на чисто-народной основѣ. На первое время законодатели съ трудомъ допускали народную рѣчь—не потому, конечно, чтобы имъ мѣшало въ этомъ ихъ новое образованіе (по мнѣнію славянофиловъ, противународное), а именно потому, что были еще слишкомъ сильны преданія старой книжности, не допускавшей въ книгу народнаго языка. Въ дѣйствительности умственная жизнь, возбужденная Петровской реформой, имѣла глубоко-народную тенденцію, и вслѣдствіе того заслуга введенія въ книгу народнаго языка принадлежала именно реформѣ: за народный языкъ было новое направленіе, за церковный—старое. Какъ все шире распространялось вліяніе народнаго языка, при-

---

[1]) Біографическія Записки, 1859, ст. 518—519. Полное собраніе сочиненій Сумарокова, М. 1782. X, стр. 111.

мѣровъ этого найдется очень много на самыхъ первыхъ порахъ литературы XVIII вѣка: народный языкъ все больше и больше изгоняетъ славянщину, и уже вскорѣ сами книжные теоретики прямо заявляютъ объ его литературныхъ правахъ. Въ грамматикѣ Ададурова (1731) говорится, что «нынѣ всякій славянизмъ, особливо въ склоненіяхъ, изгоняется изъ русскаго языка». Тредьяковскій, издавая въ то же время знаменитую «Ѣзду въ островъ любви», пишетъ (1730), что «оную не славянскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, т.-е. каковымъ мы межъ собою говоримъ», и причиной этого было то, что «языкъ славянскій, по его словамъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми». Въ «Разговорѣ объ ортографіи», разсуждая о новой гражданской печати, Тредьяковскій замѣчаетъ, что «писать такъ надлежитъ, какъ *звонъ* требуетъ». Сумароковъ «общее употребленіе за уставъ себѣ почитаетъ». Извѣстно, какое вліяніе оказала народная поэзія на новую форму нашего стиха: объясняя замѣну стараго силлабическаго размѣра тоническимъ стихосложеніемъ, Тредьяковскій указываетъ прямо (1734), что «всю силу сего новаго стихотворенія взялъ изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго, и буде желаютъ знать, то мнѣ надлежитъ объявить, что поэзія нашего простого народа къ сему меня привела». Онъ восхваляетъ «сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели греческихъ и латинскихъ, паденіе», и замѣчаетъ опять, что свое новое стихосложеніе «занялъ у самой нашей природной, наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи» [1]. Эти примѣры достаточно указываютъ, при всей неясности положенія литературнаго языка, при всѣхъ колебаніяхъ книжныхъ законодателей, народный языкъ оказывалъ неодолимое вліяніе, и именно въ силу новаго горизонта свѣденій, собиравшихся въ литературѣ. Ломоносовъ, хотя и не рѣшилъ теоретически вопроса объ отношеніяхъ церковнаго и народнаго языка, посвящаетъ, однако, послѣднему большое вниманіе и находитъ въ немъ главный матеріалъ для будущаго развитія книжнаго языка. Едвали не первый онъ указываетъ на «діалекты» русскаго языка, которыхъ находитъ три: московскій, сѣверный или поморскій, и украинскій или малороссійскій. Видимо, онъ имѣетъ мысль объ ихъ историческомъ правѣ, и въ своей грамматикѣ даетъ мѣсто мно-

[1]) Будиловичъ, тамъ же, стр. 91 и слѣд.; Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 49 и слѣд.

гимъ провинціализмамъ. Его соперникъ, Сумароковъ, укоряетъ его даже, что въ своей грамматикѣ Ломоносовъ «московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ» и тѣмъ ввелъ въ нее много порчи языка; но въ дѣйствительности Ломоносовъ отдавалъ предпочтеніе московскому нарѣчію: «московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается»; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «московскій діалектъ главный и при дворѣ и дворянствѣ употребительный». На основаніи грамматики и другихъ трудовъ Ломоносова, историкъ его филологической дѣятельности замѣчаетъ, что «заимствуя формы изъ другихъ нарѣчій, Ломоносовъ хотѣлъ только показать, что нарѣчіе московское не есть норма русскаго языка, что въ образованіи его должны принять участіе и другіе мѣстные діалекты, подчиняясь въ спорныхъ вопросахъ авторитету, равно для всѣхъ обязательному, языка церковно-славянскаго [1]). Надо прибавить только, что это было у Ломоносова едва ли опредѣленной мыслью, а скорѣе вѣрнымъ инстинктомъ и догадкой.

Мы говорили выше, съ какимъ крайнимъ недовѣріемъ принимались тогда всякія попытки критическаго отношенія къ старинѣ не только ближайшихъ, но и Рюрикова вѣка. Опасливость была доведена до послѣдняго предѣла; ея крайности свидѣтельствовали, конечно, о непривычкѣ къ научной критикѣ, но вмѣстѣ указывали и другое, именно, что авторитетъ старины вовсе не былъ потрясенъ въ умахъ до той степени, какъ объ этомъ теперь говорятъ. Напротивъ, затрогивать старину было не безопасно, и какъ съ одной стороны Тредьяковскій считаетъ нужными большія оговорки и извиненія, чтобы говорить о «подлыхъ» пѣсняхъ и ихъ языкѣ въ виду важности церковно-славянскаго языка, такъ онъ съ великой осторожностью приступаетъ къ вопросу «объ ортографіи россійской», гдѣ разсказываетъ исторію славянской азбуки и разныхъ ея перемѣнъ. Собираясь печатать эту книжку, онъ обращается съ спеціальнымъ прошеніемъ къ тогдашнему президенту академіи, гр. Разумовскому (1747), «увѣряя, — пишетъ онъ, — *подъ лишеніемъ чести и живота*, что въ сей моей книжкѣ нѣтъ никакихъ противностей православной вѣрѣ, самодержицѣ, отечеству, добронравію; также нѣтъ въ ней никакихъ обидныхъ словъ и изображеній ни тайныхъ, ни явныхъ никому» [2]).

---

[1]) Будиловичъ, тамъ же, стр. 100.

[2]) Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 121.

Такъ трудно было даже въ чисто спеціальномъ разсужденіи затрогивать предметы, имѣвшіе отношеніе къ преданію...

Заботы объ усовершенствованіи языка уже вскорѣ послѣ основанія академіи наукъ выразились практическими предпріятіями. Въ 1735 году при академіи основано было особое общество, цѣлью котораго было стараться «о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ»; имѣлось въ виду представить не только переводы «степенныхъ» авторовъ, но и исправную грамматику, «согласную мудрыхъ употребленію», словарь, реторику и стихотворную науку: «изъ основательныя грамматики и красныя реторики,—говорилъ Тредьяковскій,—не трудно произойти восхищающему умъ и сердце слову пiитическому». Особенною заботой былъ уже тогда «дикціонарій полный и довольный». Первое засѣданіе этого собранія происходило въ мартѣ 1735 года, и главными членами его были: Тредьяковскій, Ададуровъ и «ректоръ нѣмецкаго языка» Швановичъ; академическимъ переводчикамъ предписано было собираться еженедѣльно для исправленія переводовъ. Но о дѣятельности этого общества извѣстно очень мало, и въ 1743 г. оно было уже закрыто. Современники называли его «Россійскимъ собраніемъ», а Татищевъ именуетъ его даже «Россійской академіей» и замѣчаетъ, что она учреждена была «на томъ основаніи, какъ во Франціи» и подчинена была президенту академіи наукъ. Впослѣдствіи митрополитъ Евгеній объяснялъ закрытіе собранія немногимъ числомъ способныхъ сочленовъ и «неостепененіемъ самой словесности и языка нашего», что и было вѣроятно [1]).

Вторымъ предпріятіемъ подобнаго рода, имѣвшимъ цѣлью усовершенствованіе языка, былъ такъ-называемый переводческій департаментъ или «коммиссія для переводовъ», основанная въ 1768. Потребность въ переводахъ чувствовалась съ двухъ сторонъ: желали усвоить русской литературѣ знаменитыя произведенія европейскихъ писателей и вмѣстѣ усовершенствовать на этомъ трудѣ самый русскій языкъ. Въ тѣ годы императрица Екатерина, какъ извѣстно, исполнена была либеральными намѣреніями и, заинтересованная этимъ дѣломъ, назначила изъ собственныхъ денегъ 5,000 рублей «въ пользу общества»; завѣдываніе дѣломъ было поручено Козицкому, гр. В. Г. Орлову и

---

[1]) Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 50—51; Исторія Росс. Акад. т. I, стр. 5—6; Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1865, ч. I.

гр. А. П. Шувалову. Новое общество взялось за трудъ довольно ревностно и, между прочимъ, придавало особенную цѣну переводамъ греческихъ и римскимъ писателей; на первый разъ оно выбрало для перевода: Разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ; «Кандидъ», Вольтера; «Персидскія письма» Монтескьё; нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ «Энциклопедіи», словарь французской академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. Впослѣдствіи коммиссія для переводовъ подвергалась нареканіямъ за лѣнивое отношеніе къ дѣлу и употребленіе денегъ не на то, на что онѣ были назначены; она была закрыта въ 1783, при основаніи россійской академіи. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ ея трудовъ оказалось значительное количество изданій, между которыми были напр. переводы изъ Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юлія Цезаря, Овидія, Виргилія, Іосифа Флавія; далѣе, изъ Тасса, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнеля, Робертсона (Исторія Карла V), Ахенваля (Начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ), путешествіе Палласа и Гмелина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской энциклопедіи и т. д. [1]).

Далѣе, въ 1771 году съ подобными цѣлями основано было новое общество, «Вольное россійское собраніе», при московскомъ университетѣ. Цѣлью было опять «исправленіе и обогащеніе россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою»; первымъ трудомъ, которымъ хотѣли заняться члены собранія, было опять «сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ»; наконецъ, общество ставило себѣ и болѣе серьёзныя историко-литературныя задачи. «Столь обширное владѣніе россійское, — говорится въ «объявленіи любителямъ россійскаго языка»,—состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудящихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и достойными примѣчанія вещьми. Публичныя и приватныя книгъ и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ россійскихъ дѣла, глубокою древностію закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго и для приведенія въ совершенство россійскія со временемъ исторіи». Общество имѣло свое изданіе [2]) и закрылось въ 1783 году при

---

[1]) Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 6—9.

[2]) Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія. 6 частей, М. 1774—1783.

основаніи россійской академіи, куда и зачислены были его главные члены. Труды Вольнаго собранія очень цѣнились въ свое время и считались такимъ же важнымъ матеріаломъ при составленіи академическаго словаря, какъ сочиненія Ломоносова [1]).

Главнымъ изданіемъ Вольнаго россійскаго собранія былъ церковный словарь протоіерея Петра Алексѣева.

Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ (1727—1801), сынъ пономаря, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ писателей прошлаго столѣтія. Онъ учился въ славяно-латинской академіи въ Москвѣ, началъ затѣмъ церковное служеніе при архангельскомъ, потомъ при успенскомъ соборѣ; наконецъ, былъ протоіереемъ архангельскаго собора и вмѣстѣ катихизаторомъ или преподавателемъ закона Божія въ московскомъ университетѣ. Извѣстнѣйшій изъ трудовъ его есть «Церковный словарь», о которомъ скажемъ далѣе, потомъ «Исторія греко-россійской церкви», оставшаяся въ рукописи такъ же, какъ «Словарь еретиковъ и раскольниковъ»; далѣе, изданіе знаменитаго «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы съ новыми объясненіями и проч. Онъ усердно занимался русскими древностями, былъ въ сношеніяхъ съ учеными людьми своего времени, былъ членомъ Вольнаго собранія и россійской академіи. Алексѣевъ, будучи ученымъ, могъ бы назваться и замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени: онъ не оставался чуждъ вопросамъ живой дѣйствительности, хотя по условіямъ положенія эта сторона его мнѣній не могла быть высказываема открыто. Дѣло въ томъ, что Петръ Алексѣевъ вмѣшался тогда въ старую, хотя скрытую распрю между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ исключительнаго права монашества на высшія духовныя должности, не только считалъ возможнымъ для священника получить санъ епископа, не поступая въ монахи, но утверждалъ (ссылаясь на извѣстные и несомнѣнные факты въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанской церкви), что епископство вообще должно принадлежать бѣлому духовенству, потому что званіе монаха, по самому его существу, несовмѣстно съ мірскими почестями и властью. Понятно, что при тогдашнихъ условіяхъ, т.-е. при полной безгласности общества въ его практическихъ внутреннихъ интересахъ, и когда притомъ именно монахи стояли во главѣ духовнаго управленія, Алексѣевъ не могъ и

[1]) Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 9 — 11; Біограф. Словарь московск. профессоровъ, 1855, статья о Барсовѣ.

думать открыто высказывать подобныя мнѣнія: на дѣлѣ различіе взглядовъ сводилось къ мелкимъ столкновеніямъ, которыя кончались кляузными придирками и притѣсненіями со стороны епархіальной власти, а теоретическая и историческая защита мнѣній ограничивалась частной перепиской и рукописными статьями, всплывающими на свѣтъ божій только теперь, лѣтъ черезъ сто [1]). Вслѣдствіе этого различія во взглядахъ, Петръ Алексѣевъ нашелъ злѣйшаго врага въ своемъ ближайшемъ начальствѣ—митрополитѣ Платонѣ, отъ преслѣдованій котораго спасали его только дружескія отношенія съ священникомъ Памфиловымъ, духовникомъ императрицы, непріятелемъ митр. Платона, и съ Потемкинымъ. Ученость Алексѣева была старомодная; онъ былъ большой начетчикъ въ церковной литературѣ и русской старинѣ, но любопытно встрѣтить, что тогдашняя европейская литература коснулась и его. Объясняя, напр., что обычай избирать епископовъ изъ среды монашества есть явленіе позднѣйшее, онъ иронически совѣтуетъ о причинахъ, вызвавшихъ этотъ обычай, справиться въ книгѣ Монтескье: «О великости и упадкѣ римлянъ» [2]).

Важнѣйшимъ трудомъ Алексѣева и важнѣйшимъ изданіемъ Вольнаго собранія при московскомъ университетѣ былъ церковный словарь, изданный въ 1770-хъ годахъ [3]). Трудъ Алексѣева не есть словарь въ обыкновенномъ значеніи слова. Цѣлью составителя была не столько филологія, сколько объяснительное пособіе для чтенія церковныхъ книгъ: рядомъ съ простымъ словарнымъ объясненіемъ мало понятныхъ церковныхъ словъ и формъ,

---

[1]) Таково, напримѣръ: „Разсужденіе на вопросъ: можно ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведену быть во епископа", протоіерея Петра Алексѣева, въ Чтен. Моск. Общества Исторіи и Древностей, 1867, кн. III. Другіе матеріалы для біографіи Алексѣева были изданы въ „Русскомъ Архивѣ" г. Бартенева.

[2]) Подробная біографія Алексѣева и обзоръ его сочиненій въ „Исторіи росс. академіи", I, стр. 280—343, 424—427.

[3]) Вотъ полное его заглавіе: „Церковный Словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, сочиненный московскаго Архангельскаго собора протоіереемъ и московской духовной консисторіи членомъ Петромъ Алексіевымъ, разсматриванный Вольнымъ россійскимъ собраніемъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, и изданный по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода конторы. Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1773 года", 8°; 24 неперемѣчен. стр. посвященія императрицѣ Екатеринѣ и предисловія, и 396. стр. Въ 1776 вышло „Дополненіе къ Церковному словарю", изданное на этотъ разъ по одобренію архіепископа Платона (6 неперемѣчен. и 324 стр.). Въ 1779 вышло „Продолженіе Церковнаго словаря", опять по одобренію архіепископа Платона (299 стр.). Второе изданіе словаря, 3 части, Спб. 1794; 3-е изд., 5 частей, М. и Спб., 1815—1818; 4-е изд., вновь дополненное, Спб. 5 частей, 1817—1819.

здѣсь находится много объясненій историческихъ, археологическихъ, литературныхъ, по разнымъ предметамъ церковнаго вѣроученія, исторіи, богослужебныхъ обрядовъ, церковныхъ обычаевъ и т. п. Алексѣевъ первоначально составлялъ свою книгу по собственной любознательности, потомъ нашелъ, что она можетъ быть полезнымъ руководствомъ для его университетскихъ слушателей и вообще для любителей церковнаго чтенія. Пріемъ книги въ Вольномъ собраніи видимо поощрилъ его, и за первой книгой вскорѣ послѣдовали дополненіе и продолженіе, увеличившія объемъ ея втрое. Источники, которыми пользовался Алексѣевъ, были очень разнообразны: главными были, конечно, книги библейскія и церковныя, затѣмъ писатели классическіе, византійцы, западные ученые XVII вѣка (нѣмецкій ученый Кирхеръ, французскій эллинистъ Гоаръ, англійскій богословъ Лайтфутъ, голландскій филологъ Меурсіусъ, итальянскій историкъ Бароніо); наконецъ, старая и современная Алексѣеву русская литература. Въ нашей старинѣ онъ знаетъ не только печатныя книги, но и рукописи, послѣднія—по синодальной библіотекѣ, описаніемъ которой онъ занимался; такъ онъ ссылается на рукописную лѣтопись Палею, Пчелу, и т. п.; онъ пользовался старыми азбуковниками, словарями Памвы Берынды, Ѳедора Поликарпова, изъ которыхъ бралъ иногда готовыя объясненія, дополняя ихъ новыми подробностями. По библейской археологіи онъ вносилъ въ свою книгу толкованія европейскихъ церковныхъ ученыхъ, приводилъ реальныя объясненія древняго быта; въ толкованіи церковныхъ словъ онъ обращается нерѣдко къ «простому» языку, приводитъ примѣры изъ мѣстнаго народнаго языка, подробности изъ народнаго быта и повѣрій. Относительно самаго языка онъ стоитъ на общепринятой тогда точкѣ зрѣнія, т.-е. имѣетъ нѣсколько смутное представленіе объ отношеніяхъ церковно-славянскаго и русскаго языка, считаетъ ихъ почти тождественными, принимая между ними только разницу тона и слога: языкъ церковный есть только древній языкъ, притомъ выражавшій возвышенные предметы; языкъ русскій есть просторѣчіе, занятое обыденными и низкими предметами; средство для усовершенствованія просторѣчія заключается въ усвоеніи достоинствъ церковнаго языка. Въ предисловіи къ первому изданію словаря, гдѣ Вольное собраніе объясняетъ значеніе труда Алексѣева, указывается на нынѣшнее «обще воспріятое отъ ученыхъ людей стараніе о чистотѣ россійскаго слога, и почтенной древности изъ подспуда на свѣтъ произведеніе»; указывается далѣе безпримѣрная красота слога въ старыхъ, переведенныхъ съ греческаго, нашихъ книгахъ и «способность

славенскаго языка ко изъясненію краткими словами великихъ мыслей, чего на другихъ европейскихъ языкахъ безъ пространнаго описанія выразить не можно»; и затѣмъ говорится: «итакъ, кромѣ собственной высшаго рода пользы, какую истинный христіанинъ получаетъ отъ прилежнаго чтенія и подражанія книгъ церковныхъ, въ разсужденіи общества (польза изученія церковнаго языка) есть та, что любезное наше отечество въ скоромъ времени увидитъ на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ витіевъ, стихотворцевъ и исторіи писателей, коя оставя иноязычные для насъ не знакомые выговоры, собственную красоту россійскаго слога искажающіе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющіе, россійскимъ чистымъ словомъ прославятъ громкія дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка».

Трудъ Алексѣева впослѣдствіи былъ въ числѣ важнѣйшихъ матеріаловъ, послужившихъ для словаря россійской академіи.

Въ 1783 было наконецъ основано учрежденіе, завершившее прежнія попытки соединенія ученыхъ силъ для изученія и усовершенствованія языка. Это была знаменитая россійская академія, которая смѣнила упомянутый выше переводческій департаментъ, приняла въ себя главныхъ лицъ московскаго Вольнаго собранія и собрала вновь цѣлый кругъ дѣятелей, ученыхъ и писателей, для работъ по русскому языку и словесности. Россійская академія имѣетъ въ исторіи нашей литературы репутацію довольно неопредѣленную: во времена императора Александра и Николая, времена Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, россійская академія, сдѣлавшись гнѣздомъ литературнаго старовѣрства, играла столь странную роль въ нашей литературной жизни, что имя ея стало наконецъ посмѣшищемъ и синонимомъ самаго узкаго и притомъ въ сущности невѣжественнаго буквоѣдства и вражды ко всѣмъ лучшимъ стремленіямъ литературы, ко всѣмъ успѣхамъ литературнаго языка. Съ этимъ преданіемъ память о россійской академіи перешла къ новымъ литературнымъ поколѣніямъ, и это преданіе распространилось на всю исторію этого учрежденія съ самаго его основанія. Какъ ни было желательно особое ученолитературное учрежденіе, посвященное спеціально интересамъ русской литературы и языка, никто не подумалъ сожалѣть о россійской академіи, когда она была закрыта въ 1841 году, и въ замѣнъ ея основано отдѣленіе русскаго языка и словесности въ академіи наукъ. Сама россійская академія представлялась тогда учрежденіемъ, неспособнымъ возродиться къ чему-нибудь живому; это былъ просто старый хламъ, который надо было убрать. Это обстоятельство и мѣшало долго исторической оцѣнкѣ этого учреж-

денія въ тѣ первые годы его существованія, когда россійская академія при всей тогдашней слабости научнаго пониманія языка сослужила дѣйствительно полезную службу русскому языку и литературѣ. Недостатокъ историческаго обозрѣнія ея трудовъ вознамѣрился теперь выполнить г. Сухомлиновъ, предпринявшій, съ 1875, «Исторію россійской академіи»: до настоящаго времени вышло уже шесть томовъ этой исторіи, гдѣ собрано очень много данныхъ о литературной дѣятельности и біографіи лицъ, принадлежавшихъ къ россійской академіи. Иные думаютъ даже, что слишкомъ много; въ дѣйствительности, не мало изъ собранныхъ подробностей слишкомъ мелочны (напр., повторенія въ текстѣ исторіи оффиціальныхъ бумагъ, рѣчей и т. п., которымъ могло бы быть мѣсто развѣ въ приложеніяхъ); излагаемая ученая исторія зачастую не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія собственно къ россійской академіи (и, напр., относится только къ академіи наукъ), такъ что вообще эта «Исторія», особливо при ея обширномъ объемѣ, не совсѣмъ отвѣчаетъ правиламъ исторической перспективы. Какъ бы то ни было, но въ книгѣ г. Сухомлинова собрано много данныхъ и о самой дѣятельности этого учрежденія.

Мы не будемъ входить въ подробности объ основаніи россійской академіи. Извѣстно, что дѣйствующимъ лицомъ при этомъ была княгиня Дашкова (1743—1810), которая затѣмъ стала тогда президентомъ россійской академіи, какъ и академіи наукъ, до 1796 года, именно до воцаренія императора Павла, который, какъ извѣстно, терпѣть ея не могъ, удалилъ отъ всѣхъ ея должностей и сослалъ въ деревню. По своему уставу, россійская академія имѣла цѣлью своихъ трудовъ очищеніе (или даже «вычищеніе») и обогащеніе русскаго языка, и для этого должна была составить русскую грамматику, словарь, реторику и правила стихотворства. Лепехинъ, который былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи въ первый періодъ ея существованія, опредѣлялъ ея задачи такими словами: «ей предлежало возвеличить россійское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непреложныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій, и *изыскать глубочайшую его древность*». Это былъ трудъ большого общественнаго значенія, какъ вопросъ литературнаго языка всегда имѣетъ большую важность въ первые періоды установленія литературы. Княгиня Дашкова желала указать и другую цѣль существованія академіи — грубую лесть императрицѣ Екатеринѣ. Академическій историкъ дѣлаетъ весьма

удачное сравненіе между рѣчью Тредьяковскаго при открытіи «Россійскаго собранія» (1735), гдѣ онъ говоритъ о доблестяхъ Анны Іоанновны, и «докладомъ» княгини Дашковой, по которому рѣшено было основаніе академіи. Именно, Тредьяковскій говорилъ: «По-истинѣ дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя сея героини (Анны Іоанновны) толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, найти не можетъ. И сего-то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобъ, поскольку возможно, въ совершенство приводить намъ языкъ и чрезъ то-бъ имѣть хотя малое средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей государыни нашея». Княгиня Дашкова въ своемъ докладѣ пишетъ: «никогда не были столько нужны для другихъ народовъ обогащеніе и чистота языка, сколько стали оныя необходимы для насъ. Намъ нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣмъ и каждому чувствованій благодарности за монаршія благодѣянія, толико же доселѣ невѣдомыя, сколь неисчетныя; для начертанія оныхъ на вѣчныя времена съ тою же силою, какъ онѣ въ сердцахъ нашихъ, и съ тою красотою, какъ ощущаемы въ счастливой вѣкъ вторыя Екатерины» [1]).

Личный составъ академіи былъ опредѣленъ въ 60 человѣкъ. Онъ наполненъ былъ, хотя не вдругъ, извѣстнѣйшими учеными и писателями того времени, членами академіи наукъ, московскими профессорами изъ членовъ Вольнаго собранія, наконецъ значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ: изъ послѣднихъ укажемъ въ особенности Дамаскина-Руднева и протоіерея Алексѣева; было не мало важныхъ архіереевъ, которые, кромѣ соображеній іерархическихъ, были, вѣроятно, избираемы и въ качествѣ, такъ сказать, практическихъ представителей церковнаго языка. — Ученыхъ филологовъ въ то время не существовало, какъ въ сущности не было еще и самой науки, объявленіе которой только подготовлялось особливой любознательностью къ вопросамъ языка и заботами о внѣшней литературной обработкѣ стиля, и трудность исполненія задачъ, намѣченныхъ себѣ россійской академіей, увеличивалась тѣмъ, что рѣшать эти задачи приходилось людямъ, которые вовсе и не готовились къ ихъ рѣшенію. Тѣмъ не менѣе работы академіи, этой первой ея поры, должны занять почетное мѣсто въ исторіи изслѣдованій нашего языка. Передъ тѣмъ дѣло остановилось на трудахъ Ломоносова; россійская ака-

---

[1]) Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 13—14.

демія достойнымъ образомъ продолжала его работу; можно сказать, что она именно завершила ее. Какъ мы видѣли, во времена Ломоносова вопросъ объ отношеніи церковнаго и народнаго языка не былъ рѣшенъ: Ломоносовъ старался сохранить въ книжномъ языкѣ большое участіе церковнаго элемента, какъ историческую связь съ прошлымъ, какъ обширный запасъ средствъ выраженія для высокаго слога, какъ прекрасный образецъ для дальнѣйшихъ образованій въ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя понизивъ чиномъ (т.-е. отводя въ средній и низкій штиль), онъ давалъ мѣсто въ книгѣ живой народной рѣчи,—и цѣлый литературный языкъ являлся въ видѣ средняго термина между этими двумя стихіями. Весь XVIII вѣкъ прошелъ въ безусловномъ теоретическомъ признаніи церковнаго языка, какъ главной, возвышеннѣйшей части языка литературнаго, хотя на практикѣ живой языкъ все больше завоевывалъ себѣ мѣста въ книгѣ, пока наконецъ Карамзинъ заявилъ, что надо писать такъ, какъ говорятъ, хотя прибавлялъ, что и говорить надо такъ, какъ пишутъ. Шишковъ довелъ пропаганду церковнаго языка до тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, и какъ выше сказано, довелъ россійскую академію до каррикатуры, гдѣ русскую литературу представляли наконецъ Б. Ѳедоровъ и знаменитый Красовскій... Но при всемъ признаніи авторитета церковнаго языка, XVIII-й вѣкъ чувствовалъ наплывъ народной стихіи, преданіе видимо нарушалось, и наконецъ вопросъ требовалъ рѣшенія; а для этого прежде всего необходимо было выяснить самый составъ тѣхъ элементовъ языка, о которыхъ шла рѣчь, т.-е. опредѣливши грамматику (гдѣ чисто церковныя формы были уже устранены самымъ употребленіемъ), собрать *лексическій матеріалъ* языка церковнаго и русскаго съ его книжнымъ и разговорнымъ употребленіемъ. Такъ и поступила академія. «Словарь Академіи Россійской», въ силу преданія, не былъ словарь *русскаго языка*, какъ мы теперь его понимаемъ, а словарь языка церковно-славянскаго *и* русскаго; но онъ далъ богатый матеріалъ и вмѣстѣ толчекъ къ окончательному разрѣшенію вопроса. Изъ церковнаго языка, для цѣлей книжной русской рѣчи, явно отпадалъ огромный процентъ; съ другой стороны, явно выросталъ огромный процентъ чисто русскаго запаса словъ и оборотовъ. Мы увидимъ дальше, что народная стихія сама собою, силою вещей, врывалась въ книжное употребленіе и требовала литературнаго права: она не только все больше входила въ книгу въ видѣ словъ, уже имѣвшихъ право гражданства въ разговорномъ употребленіи, но и въ видѣ словъ *спеціально народныхъ*, *областныхъ*.

Когда составъ академіи обозначился и сдѣланъ былъ первый приступъ къ работѣ, то оказалось, что людьми, наиболѣе, или даже единственно способными къ этой работѣ, были не тѣ практическіе представители церковнаго языка, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, а тѣ ученые академики, которыхъ мы встрѣчали на поприщѣ разнообразныхъ изученій Россіи и народа. Дѣло россійской академіи оказалось въ рукахъ ученыхъ натуралистовъ; главными дѣятелями были—астрономъ и физикъ Румовскій; наши старые знакомцы—натуралисты, физики, математики, астрономы, Лепехинъ, Озерецковскій, Иноходцовъ, Соколовъ, Протасовъ, Котельниковъ, но въ особенности Лепехинъ, этотъ дѣятельный и благородный ученый, котораго Озерецковскій называетъ «мужемъ въ честности святымъ» [1]), и который былъ непремѣннымъ секретаремъ россійской академіи съ ея основанія до его смерти. Историкъ академіи не разъ отмѣчаетъ, что участіе натуралистовъ было для дѣла очень полезно: они не только расширяли лексическій составъ словаря, обогащая его языкомъ научной терминологіи и обихода народной жизни, которую многіе изъ нихъ такъ внимательно и съ такой любовью наблюдали, но вносили пріемъ точнаго изслѣдованія въ вопросы словопроизводства и грамматики, гдѣ прежде господствовалъ обыкновенно большой произволъ.

Прежде всего надо было составить планъ для работъ академіи по словарю; затѣмъ должно было слѣдовать собираніе словъ и приведеніе ихъ въ порядокъ, наконецъ обработка собраннаго матеріала. Составленіе общаго плана словаря было поручено Румовскому, фонъ-Визину и еще тремъ членамъ россійской академіи; планъ этотъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Затѣмъ приступлено было къ распредѣленію самой работы и на первый разъ образовано было три отдѣленія или, какъ ихъ тогда называли, три «отряда»: грамматикальный, объяснительный (опредѣленіе значенія словъ, объясненіе ихъ словами, т.-е. синонимами, примѣрами и т. п.) и издательный. Впослѣдствіи, при началѣ работъ, открывались новыя стороны дѣла, для которыхъ устроивались новые отдѣлы. Такъ, въ словарь должны были войти слова изъ области наукъ, художествъ, ремеслъ, а также названія предметовъ естественныхъ, которыя всѣ «человѣкъ въ понятіи своемъ вмѣстить не можетъ»; поэтому былъ образованъ особый отдѣлъ для объясненія словъ техническихъ. Далѣе встрѣчались затрудненія при опредѣленіи корней словъ, причемъ приходилось

---

[1]) „Дневныя Записки" Лепехина, т. IV, посмертный, стр. 297.

имѣть дѣло съ словами или формами, вышедшими изъ употребленія или потерявшими первоначальный смыслъ; поэтому устроенъ былъ особый отдѣлъ для предварительныхъ работъ по словопроизводству. Далѣе, въ числѣ сообщеній отъ посторонныхъ лицъ, въ академію представленъ былъ сборникъ, составленный маіоромъ Челищевымъ и заключавшій въ себѣ областныя слова, которыми могли бы быть замѣнены слова иностранныя; для разсмотрѣнія этого сборника составленъ былъ особый отдѣлъ. Для облегченія окончательной обработки словаря и его «изданія набѣло» составленъ былъ новый отдѣлъ изъ 10 членовъ, разсматривавшій окончательно все, что было приготовлено общими трудами академиковъ [1]).

Обратимся къ частностямъ дѣла. Академія предположила прежде всего изданіе словаря этимологическаго, т.-е. расположеннаго по корнямъ словъ, къ которымъ присоединялись рядомъ слова производныя. Мы видѣли, какъ распредѣлены были подробности работы. Главными дѣятелями были названные выше ученые, вступившіе въ составъ россійской академіи изъ академіи наукъ. Кромѣ лицъ, которыхъ біографія намъ уже извѣстна, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ ученомъ, который положилъ особенные труды на предпріятія россійской академіи и вообще имѣлъ большое имя въ нашей наукѣ прошлаго столѣтія. Это былъ Степанъ Як. Румовскій (1734—1812), сынъ священника. Онъ учился въ невской семинаріи, потомъ 14 лѣтъ поступилъ въ академическій университетъ и, по окончаніи тамъ курса, посланъ былъ (1754) за-границу, гдѣ работалъ два года въ Берлинѣ подъ руководствомъ Леонарда Эйлера [2]). Вернувшись въ Россію, онъ началъ свою дѣятельность въ академіи наукъ и, кромѣ спеціальныхъ трудовъ по астрономіи, физикѣ, метеорологіи, въ академическихъ изданіяхъ, не мало работалъ по предметамъ естествознанія въ изданіяхъ популярныхъ. Въ 1761 году Румовскій сдѣлалъ путешествіе въ Сибирь, и въ Селенгинскѣ производилъ наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ солнце; въ другой разъ ѣздилъ съ подобною цѣлью въ Колу,

---

[1]) Исторія Росс. Акад., т. II, стр. 186—188; изложеніе плана академическихъ работъ у Лепехина,—тамъ же, стр. 284 и слѣд.

[2]) Впослѣдствіи Румовскій перевелъ знаменитыя „Lettres à une princesse" своего учителя на русскій языкъ: „Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ, съ французскаго языка на россійскій переведенныя Степаномъ Румовскимъ", Спб. 1-я часть вышла въ томъ же году, какъ и подлинникъ, именно въ 1768; 2-я и 3-я въ 1772—1774. Въ 1796 году вышло четвертое изданіе этого перевода.

въ 1769. Наконецъ, онъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ тогдашней литературѣ переводомъ Тацита [1]). Упомянемъ, наконецъ, что Румовскій долго завѣдывалъ такъ-называемымъ географическимъ департаментомъ, и большой научной заслугой его считается изданіе географическихъ положеній (1786). Въ 1803 году Румовскій назначенъ былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа и былъ также членомъ главнаго правленія училищъ.

Переводъ Тацита, сдѣланный астрономомъ и считавшійся классическимъ, даетъ новый примѣръ той многосторонности занятій и интересовъ, какая вообще нерѣдко отличала ученыхъ XVIII вѣка, въ томъ числѣ и нашихъ. Они неизмѣнно проходили классическую школу, и надолго сохраняли ея преданія, чего именно въ наше время усиленнаго классицизма, не смотря на такое усиленіе, и не бываетъ. Многосторонность была очень кстати для той дѣятельности, которая неожиданно открылась для нашихъ астрономовъ, физиковъ, натуралистовъ и ученыхъ путешественниковъ съ основаніемъ россійской академіи. Ихъ труды составили главную основу ея дѣятельности и главную ея заслугу.

Это относится всего болѣе къ Румовскому, Лепехину, Озерецковскому и Иноходцову.

Румовскій былъ уже съ самаго начала однимъ изъ главныхъ участниковъ при составленіи перваго плана, по которому россійская академія предприняла свои работы по словарю. Затѣмъ онъ принялъ участіе и въ самой работѣ, и былъ членомъ отдѣловъ: объяснительнаго, техническаго, словопроизводнаго, областного, редакціоннаго и общаго, замѣнившаго собою потомъ почти всѣ другіе отдѣлы. Въ частности, онъ взялъ на себя выборъ словъ изъ стараго новгородскаго лѣтописца, изданнаго тогда Новиковымъ; взялъ на себя одну букву словаря и объясненіе словъ, относящихся къ математикѣ и астрономіи; разсматривалъ съ другими сотрудниками упомянутый сборникъ Челищева; съ Иноходцовымъ и Озерецковскимъ назначенъ былъ въ такъ-называемый издательный отдѣлъ, которому поручена была окончательная обработка словаря. Впослѣдствіи, когда этимологическій словарь былъ оконченъ и изданъ, и имѣлъ большой успѣхъ, академія предприняла составленіе другого словаря, гдѣ слова были бы расположены уже не въ словопроизводномъ, а въ азбучномъ порядкѣ, и Румовскій былъ приглашенъ и къ этой новой работѣ. Планъ новаго словаря былъ составленъ имъ и Озерецковскимъ, и онъ былъ членомъ комитета, которому поручено

---

[1]) „Лѣтопись К. Корнелія Тацита“, 4 тома, Спб. 1806—1809.

былю все веденіе дѣла. Впослѣдствіи, Румовскій, названъ былъ первымъ въ числѣ академиковъ, трудамъ которыхъ академія обязана составленіемъ и довершеніемъ азбучнаго словаря. Изъ протоколовъ россійской академіи видно, что онъ, Румовскій, принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ, и историкъ россійской академіи очень высоко цѣнитъ его труды; любопытно, что у него уже возникала мысль объ исторіи языка [1]).

Не менѣе, если еще не больше Румовскаго, трудился въ россійской академіи Лепехинъ. Этотъ профессоръ натуральной исторіи и докторъ медицины выбранъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи и оставался имъ до конца своей жизни. Собственно по уставу полагалось два непремѣнныхъ секретаря, но Лепехинъ не имѣлъ помощника и исполнялъ всю работу одинъ. Работа была сложная—веденіе всего распорядка академическихъ занятій и собственные труды по словарю. Лепехинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи словопроизводнаго словаря, и работалъ по всѣмъ главнымъ отдѣламъ, на которые распадалась академическая работа; онъ взялъ на себя собраніе словъ по нѣсколькимъ буквамъ словаря, объяснялъ «всѣ слова, изъявляющія естественныя произведенія въ отечествѣ нашемъ», также орудія, употребляемыя въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, причемъ воспользовался для научной номенклатуры множествомъ народныхъ названій [2]); онъ представилъ также въ академію собраніе и опредѣленіе словъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ изъ языковъ азіатскихъ; въ вопросахъ о происхожденіи словъ, особливо сложныхъ, Лепехинъ, какъ и Румовскій, указывалъ на родственную связь русскаго языка съ языками славянскими. Изданіе этимологическаго словаря исполнено было Лепехинымъ и его сотоварищами, Румовскимъ, Иноходцовымъ и Озе-

---

[1]) „Оставаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на общемъ уровнѣ филологическихъ и литературныхъ понятій того времени,—говоритъ г. Сухомлиновъ,—Румовскій возвышался надъ ними научною основательностью своихъ соображеній и требованій; онъ сознавалъ необходимость обращаться къ исторіи языка, приводилъ свидѣтельства изъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, и для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему славянскіе. Въ литературныхъ сужденіяхъ Румовскаго слышится голосъ человѣка мыслящаго, щедро надѣленнаго здравымъ смысломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проглядываетъ иронія, которая составляетъ одну изъ особенностей его мысли, обнаруживаясь во многомъ, что выходило изъ подъ его пера — отъ задушевной переписки съ друзьями до оффиціальныхъ бумагъ, отправляемыхъ въ различныя вѣдомства". Ист. Росс. Акад., II, стр. 135.

[2]) Историкъ россійской академіи взялъ на себя трудъ выбрать изъ „Дневныхъ Записокъ" Лепехина длинный списокъ словъ, относящихся къ номенклатурѣ растеній и животныхъ. Т. II, стр. 483—514.

рецковскимъ. Впослѣдствіи ему поручено было также и изданіе словаря азбучнаго [1]).

Очень дѣятельнымъ работникомъ былъ и Озерецковскій. Мы упоминали уже объ участіи его въ разныхъ трудахъ по словарю: онъ былъ членомъ отдѣловъ объяснительнаго и издательнаго, доставлялъ слова для словаря этимологическаго и азбучнаго, предпринятаго въ 1794 году; опредѣлялъ слова, употребляемыя въ русскомъ языкѣ для названія болѣзней; впослѣдствіи при новой обработкѣ академическаго словаря (1814—1815) взялъ на себя собрать слова неизвѣстныя, необыкновенныя или мало употребительныя по ботаникѣ и т. д.

Подобнымъ образомъ работали для словарей академіи другіе ученые натуралисты—Иноходцовъ, Соколовъ, Котельниковъ, Протасовъ: они также были членами россійской академіи, принимали участіе въ работахъ по словарямъ и въ частности брали на себя собраніе и объясненіе словъ по предметамъ ихъ спеціальной науки. Такъ, математикъ Сем. Кир. Котельниковъ (1723—1806) объяснялъ слова, относящіяся къ опредѣленію мѣры, вѣса и денегъ; Алексѣй Прот. Протасовъ, медикъ и анатомъ (1724—1796), опредѣлялъ «слова, до тѣлоразъятія касающіяся и употребляемыя въ книгопечатняхъ», также слова, относящіяся къ болѣзнямъ; Никита Петр. Соколовъ, названный нами раньше, участвовалъ въ работахъ техническаго отдѣла и взялъ на себя объясненіе словъ по химіи и фармаціи. Выше мы упоминали нѣсколько разъ о трудахъ Иноходцова: онъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ россійской академіи, куда избранъ былъ въ 1785 году «по извѣстному его знанію россійскаго слова», и много работалъ по обоимъ словарямъ академіи и въ частности объяснялъ слова, относящіяся до математики. Далѣе, въ работахъ академіи принимали участіе многіе другіе ученые и писатели, между которыми особенно долженъ быть названъ Болтинъ.

Въ работахъ россійской академіи Болтинъ принялъ очень дѣятельное участіе (въ 1784—91 годахъ). Онъ былъ членомъ главнаго редакціоннаго комитета, дававшаго окончательную обработку всему собранному матеріалу, и одинъ изъ первыхъ получилъ за свои труды золотую медаль отъ академіи. Его мнѣнія очень цѣнились, потому что дѣйствительно въ средѣ академиковъ онъ былъ одинъ изъ лучшихъ (конечно, эмпирическихъ) знатоковъ русскаго языка, и стараго книжнаго и народнаго. Очень

---

[1]) Исторія Росс. Акад., т. II, стр. 280—288.

любопытнымъ и самымъ важнымъ по россійской академіи трудомъ Болтина были его замѣчанія на первоначальный планъ академическаго словаря (составленный безъ его участія). Замѣчанія Болтина видимо произвели впечатлѣніе на академиковъ: они были новы и сильны, разборъ ихъ занялъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ академики не разъ мѣняли свои рѣшенія — и въ концѣ-концовъ очень во многомъ согласились съ Болтинымъ. Просмотрѣвъ его замѣчанія, мы можемъ видѣть, что его вмѣшательство очень расширило первоначальный планъ: составленный сначала въ нѣсколько тѣсномъ книжническомъ духѣ, планъ долженъ былъ раздвинуть свои рамки и дать больше мѣста языку жизни и народному элементу [1]). Академическіе отчеты при словарѣ отмѣчаютъ «полезные совѣты», которые Болтинъ подавалъ своими «примѣчаніями»; упоминаютъ, что онъ сообщилъ «выписанныя имъ въ великомъ числѣ слова изъ многихъ книгъ славянскихъ, яко плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ».

Припомнимъ еще профессора Десницкаго, избраннаго въ академію при самомъ ея началѣ: въ работахъ по словарю онъ взялъ на себя выборъ словъ изъ древнихъ памятниковъ, напримѣръ, изъ Судебника Алексѣя Михайловича, «Устава» Ивана Васильевича и изъ Русской Правды.

Въ собираніи и объясненіи словъ участвовали, далѣе, авторитетные писатели: Державинъ, фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Богдановичъ (сообщившій, между прочимъ, сдѣланное имъ собраніе народныхъ словъ и поговорокъ), историкъ кн. Щербатовъ, Янковичъ де-Миріево, гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ (сообщавшій «изъясненія на нѣкоторыя древнія слова»), Ив. Сем. Захаровъ (сообщившій «нѣкоторыя слова, плотниками и каменьщиками употребляемыя» и «нѣкоторыя во псовой охотѣ извѣстныя»). Далѣе, въ трудахъ академіи участвовали высокопоставленныя духовныя лица: митрополитъ новгородскій Гавріилъ, архіепископъ псковскій Иннокентій, архіепископъ екатеринославскій Амвросій, епископъ воронежскій Иннокентій, епископъ орловскій Аполлосъ, епископъ нижегородскій Павелъ; нѣсколько ученыхъ іереевъ: Ив. Ив. Памфиловъ, Іоаннъ Красовскій, Вас. Григорьевъ, Вас. Данковъ, Савва Исаевъ и др. Объ участіи высокопоставленнаго духовенства отчеты, помѣщавшіеся при словарѣ, выражаются такъ: «рачительно удостоивалъ своими посѣщеніями академическія собранія», «на нѣкоторыя сумнительныя словъ знаменованія сообщалъ свои изъясненія»; «примѣчаніями своими вспомоще-

[1]) См. въ Ист. Росс. Акад., V, стр. 277 и слѣд.

ствовалъ общему труду»; просто «сообщалъ свои примѣчанія», и т. п.; нѣкоторые іереи брали на себя отдѣльныя буквы словаря. Наконецъ, трудамъ академіи не остались чужды и нѣкоторые важные государственные люди, какъ, напр., Ив. Ив. Шуваловъ, гр. А. С. Строгановъ, П. А. Соймоновъ, О. П. Козодавлевъ, И. И. Мелиссино, А. А. Ржевскій. Сама «предсѣдатель» академіи, кн. Дашкова, какъ говорятъ отчеты, «по отмѣнному усердію своему къ преуспѣянію общаго труда предсѣдательствовала непрерывно во всѣхъ академіи собраніяхъ» и въ частности «дѣлала объясненія къ словамъ, нравственныя качества изображающимъ». Работы въ академіи не помогли ей, однако, правильно писать свою фамилію, которую она упорно писала: «Дашкава».

При опредѣленіи характера словаря россійской академіи въ особенности любопытно обратить вниманіе на отношеніе къ народному языку. Какъ ни были склонны тогдашніе знатоки языка къ преувеличенію значенія церковнаго элемента въ литературномъ языкѣ, языкъ народный силою вещей захватывалъ въ словарѣ главное мѣсто. То обстоятельство, что въ россійской академіи законодательство въ языкѣ досталось въ руки ученыхъ натуралистовъ, было очень благопріятно для признанія этого права народнаго языка: они не были церковными книжниками, и школа не дала имъ пристрастія къ церковности; какъ ученые изслѣдователи, они приготовлены были предположить въ языкѣ извѣстныя естественныя требованія и законы историческіе, о которыхъ иные изъ нихъ и догадывались [1]); въ своихъ путешествіяхъ они встрѣчали подлинную народную жизнь, видѣли воочію богатство и разнообразіе народнаго языка, и имъ естественно представлялась мысль, что это богатство не должно было лежать втунѣ и оставаться мертвымъ капиталомъ,—напротивъ, оно должно было стать общимъ достояніемъ, послужить обогащеніемъ для всего русскаго языка. Задолго до предпріятій русской академіи, въ запискахъ нашихъ путешественниковъ было уже впередъ собрано много народнаго матеріала—и въ разсказахъ о народномъ бытѣ, о разныхъ формахъ народнаго труда, и въ передачѣ народной номенклатуры, растеній, животныхъ и всякихъ произведеній природы. Все это былъ прямой матеріалъ

---

[1]) Выше мы упоминали это о Румовскомъ. Лепехинъ, объясняя планъ работъ академіи по словарю, дѣлаетъ такое замѣчаніе о старинныхъ словахъ: „замѣчаемыя древнія слова, хотя на первый случай неудобовразумительными кажущіяся, откроютъ со временемъ обширное поле къ размышленіямъ или объ *историческихъ истинахъ* или о *древности языка* праотцевъ нашихъ“. Исторія Рос. Акад., т. II, стр. 288.

для словаря россійской академіи, но этимъ дѣло не ограничивалось: вскорѣ представился вопросъ о спеціальномъ народномъ языкѣ, о мѣстныхъ нарѣчіяхъ и словахъ областныхъ. Мы упоминали выше, что вопросъ о нарѣчіяхъ русскаго языка занималъ уже Ломоносова, и онъ предполагалъ, что эти нарѣчія должны внести свой вкладъ въ общую литературную рѣчь русскаго народа [1]; Тредьяковскій хотя, въ аляповатой формѣ, но признавалъ несомнѣнно важность народнаго языка. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія русскія грамматическія формы уже окончательно одержали верхъ въ книгѣ надъ церковными; больше и больше проникалъ въ книгу и лексическій составъ народнаго языка; продолжали еще появляться новыя словообразованія по церковному образцу, но рядомъ шло и образованіе новыхъ словъ въ духѣ народномъ. Московское вольное собраніе, предварявшее планы россійской академіи, уже признало нужнымъ воспользоваться для словаря мѣстными особенностями русскаго языка и приступило къ собранію «рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ малоизвѣстныхъ». Будущіе члены россійской академіи, ученые путешественники еще ранѣе понимали важность народнаго и мѣстнаго языка. На нихъ обратилъ вниманіе Лепехинъ; Озерецковскій въ своихъ путешествіяхъ приводитъ подробности мѣстнаго говора на сѣверѣ, записываетъ мѣстныя слова, относящіяся къ явленіямъ природы и народному быту и часто приводитъ подобныя слова въ своихъ ученыхъ латинскихъ мемуарахъ въ изданіяхъ академіи наукъ [2]). Другой путешественникъ, астрономъ Иноходцовъ, доставилъ въ россійскую академію сборникъ областныхъ словъ, относящихся къ ремесламъ, промысламъ, обрядамъ и обычаямъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; сборникъ этотъ сдѣланъ былъ имъ во время его путешествій [3]). Мы упоминали выше, что цѣлый сборникъ областныхъ словъ былъ сообщенъ академія нѣкіимъ маіоромъ Челищевымъ: этотъ сборникъ тѣмъ

---

[1]) Во мнѣніи своемъ о Шлёцерѣ, Ломоносовъ упрекаетъ его, что онъ—новичокъ еще въ россійскомъ языкѣ, „а напротивъ того, представилъ бы себѣ нѣкоего изъ нашихъ природныхъ, которой съ малолѣтства спознялъ общей Россійской и Славенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ, древнимъ славено-моравскимъ языкомъ, сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ того, довольно знаетъ всѣ *провинціальные діалекты* здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и между *простымъ народомъ*, разумѣя притомъ польской и другіе съ россійскими сродные языки". Билярскій, матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865, стр. 703.

[2]) Ист. Рос. Акад. II, стр. 336—340.

[3]) Тамъ же, III, стр. 234, 243, 247—251.

любопытнѣе, что составлялся, видимо, совсѣмъ независимо отъ академіи, опять по собственной инціативѣ собирателя [1]).

Въ россійской академіи этотъ вопросъ долженъ былъ потребовать яснаго рѣшенія, и былъ рѣшенъ, кажется, только по упомянутому вмѣшательству Болтина. На первый разъ академія рѣшила-было совсѣмъ не допускать въ словарь подобныхъ словъ. Въ первоначальномъ планѣ было сказано: «*московское нарѣчіе* предпочитать прочимъ, а провинціальныя и *неизвѣстныя въ столицахъ* слова и реченія *не должны* имѣть въ словарѣ мѣста». Въ этомъ постановленіи хотѣли, кажется, слѣдовать мыслямъ Ломоносова объ этомъ предметѣ (хотя и его настоящія мысли были не совсѣмъ таковы). Но Болтинъ въ своихъ замѣчаніяхъ на первоначальный планъ рѣшительно возсталъ противъ такого мнѣнія: онъ не былъ согласенъ съ нимъ ни относительно предпочтенія московскаго нарѣчія, ни относительно словъ, неизвѣстныхъ въ столицѣ. «Нельзя сказать вообще, — писалъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ,—чтобъ нарѣчіе московское прочимъ предпочитать довлѣло, ибо въ числѣ реченій, московскими уроженцами употребляемыхъ, есть многія изуродованныя, непригожія и устранявшіяся отъ чистаго языка и отъ правильнаго выговора... Также и провинціальныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, понеже нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: луда, тундра и проч. Другія, прямо отъ славянскаго языка начало свое ведущія (каковыхъ въ новгородскомъ и малороссійскомъ множество есть), могутъ послужить къ объясненію производства другихъ словъ, въ общемъ употребленіи находящихся. А нѣкоторыя могутъ употребляемы быть въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода, а особливо, гдѣ надобно будетъ заставить поселянина говорить. У малороссіянъ есть многія собственныя слова и названія, кои во всякихъ судопроизводствахъ и сдѣлкахъ употребляются. У бѣлорусцовъ также есть собственныя названія и реченія, нигдѣ кромѣ Бѣлоруссіи не употребляемыя, но необходимо нужныя къ свѣденію для всѣхъ вообще, по причинѣ употребленія ихъ во всякихъ письмахъ. Всѣ таковыя реченія, хотя не повсемѣстно употребляемыя, но могущія для всѣхъ вообще быть нѣкогда потребны къ свѣденію, должны въ словарѣ имѣть мѣсто. Подъ именемъ словаря разумѣется такая книга, въ которой не одни отборныя и употребительныя, но и *всякородныя слова*, т. е.

---

[1]) Имя его напоминаетъ того друга Радищева, о которомъ вспоминала импер. Екатерина по поводу книги послѣдняго.

добрыя и худыя, низкія и благородныя, употребительныя и неупотребительныя (кромѣ неблагопристойныхъ токмо) помѣщены быть имѣютъ право».

Въ академіи было не мало людей, которые считали нужнымъ «вычищать» языкъ и, вѣроятно, желали помѣщать въ словарь именно отборныя слова. Мнѣніе Болтина видимо, однако, произвело сильное впечатлѣніе. На первыхъ порахъ академія отказалась отъ первоначальнаго своего предположенія и приняла-было мнѣніе Болтина почти цѣликомъ; а именно, постановила: держаться московскаго нарѣчія, но съ тѣмъ, чтобы *нѣкоторыя неправильности* его въ словахъ и выраженіяхъ исправить по выговору и произношенію св. писанія (?) и другихъ славянскихъ книгъ; областныя слова вносить *всѣ безъ изъятія*. Чтó такое «выговоръ и произношеніе св. писанія»,—было не совсѣмъ вразумительно, и рѣшеніе относительно областныхъ словъ черезъ-чуръ поспѣшно. При дальнѣйшемъ пересмотрѣ этого предмета, постановленіе о московскомъ нарѣчіи осталось безъ измѣненія, а относительно словъ областныхъ рѣшено: вносить не всѣ областныя слова, а только тѣ, которыя служатъ названіями для вещей, орудій и т. д., въ столицахъ неизвѣстныхъ, а также и тѣ, которыя поведутъ къ обогащенію языка, или же изяществомъ своимъ превосходятъ слова, употребляемыя въ столицахъ для названія тѣхъ же предметовъ [1]).

Лепехинъ, объясняя съ своей стороны планъ работъ по словарю, указываетъ уже, что она, имѣя своими сотрудниками «многихъ въ знаніи отечественнаго языка искусныхъ мужей, какъ здѣсь (въ Петербургѣ) пребываніе свое имѣющихъ, такъ и по разнымъ мѣстамъ въ отдаленности отсюда живущихъ», ожидала отъ послѣднихъ, что они прибавятъ къ ея матеріалу и *нарѣчія*, употребительныя въ отдаленности отъ столицы; значеніе областныхъ словъ для словаря объясняется такъ: «въ отдаленности отъ столицъ употребляемыя слова и названія орудій, художникамъ, ремесленникамъ и промышленникамъ извѣстныя, послужатъ къ замѣнѣ введенныхъ словъ иностранныхъ» [2]).

Академія была права въ своей разборчивости (хотя понятія ея о дѣлѣ все еще были неясны): въ тогдашнихъ условіяхъ,

---

[1]) Ист. Росс. Акад. V, стр. 284—286.

[2]) Въ другомъ случаѣ говорится, что изъ областныхъ словъ предполагали воспользоваться для словаря тѣми, которыя „своею ясностію, силою и краткостію могутъ служить къ обогащенію языка или означаютъ тѣхъ странъ произведенія или, наконецъ, могутъ послужить къ замѣнѣ словъ иностранныхъ". Ист. Рос. Акад. II, 286—287; III, стр. 247.

обогащеніе книжнаго языка, о которомъ она заботилась, массы словъ, принадлежащихъ слишкомъ частнымъ подробностямъ мѣстной жизни и не заходившихъ дальше своего края, а значеніе областныхъ словъ и нарѣчій для объясненія цѣлаго языка и его исторіи было еще непонятно (хотя Болтинъ, какъ мы видѣли, уже догадывался объ этомъ). Но забота объ областномъ языкѣ была во всякомъ случаѣ любопытнымъ фактомъ въ исторіи нашего литературнаго языка, какъ предчувствіе будущаго преобладанія народнаго элемента въ противуположность книжно-церковному языку: развитіе новаго литературнаго языка находило свой живой источникъ именно въ народной рѣчи, и проводниками ея въ литературу, на ряду съ лучшими писателями того времени, являются именно ученые люди, лучшіе представители «западнаго» образованія въ нашемъ обществѣ, и притомъ—особенно натуралисты.

Результатомъ всѣхъ отмѣченныхъ нами трудовъ былъ извѣстный этимологическій словарь россійской академіи, изданный въ 1789—1794 годахъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ изданіемъ академія предприняла другой словарь, гдѣ слова были бы расположены уже прямо въ азбучномъ порядкѣ. За него взялись тѣ же ученые (Лепехинъ не дожилъ до начала его печатанія), и словарь изданъ былъ уже въ новомъ періодѣ дѣятельности академіи [2]).

Въ тѣ же годы было задумано и совершено еще одно предпріятіе по языкознанію, а именно, въ 1784 имп. Екатерина «предпріяла по собственному своему начертанію собирать словарь *всѣхъ извѣстныхъ языковъ*». Это предпріятіе внушено было, безъ сомнѣнія, съ одной стороны, возникшимъ тогда интересомъ къ изученію общихъ историческихъ вопросовъ о человѣчествѣ, о первобытныхъ временахъ, первоначальныхъ формахъ обществъ и т. п.; съ другой, такъ сказать, мѣстными соображеніями;— вопросъ могъ быть особенно любопытенъ для русской императрицы: «Въ ея одномъ наипространнѣйшемъ владѣніи,—говорится въ предисловіи къ изданію словаря,—не считая мало разнствующія между собою нарѣчія, говорятъ болѣе нежели шестьюдесятью языками, изъ коихъ многіе, наипаче въ Кавказѣ и Сибири,

---

[1]) Словарь Академіи Россійской. Часть I, отъ А до Г. Спб. 1789. Часть II, отъ Г до З, 1790; часть III, отъ З до М, 1792; часть IV, отъ М до Р, 1793; часть V, отъ Р до Т, 1794; часть VI, отъ Т до конца, 1794. 4°. Въ каждомъ томѣ до 1,200 столбцовъ; въ концѣ каждаго тома алфавитный списокъ всѣхъ словъ, упомянутыхъ въ томѣ, съ указаніемъ столбца для отысканія въ словарѣ словопроизводномъ.

[2]) Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный; 6 частей. Спб. 1806—1822.

ученымъ по нынѣ еще вовсе неизвѣстны». Такимъ образомъ, и этотъ словарь имѣлъ отношеніе къ изученію Россіи: въ словарѣ явился и русскій языкъ, рядомъ съ нарѣчіями другихъ славянскихъ племенъ, что давало возможность нагляднаго сличенія, и явились указанія о языкахъ множества русскихъ инородцевъ. Предисловіе указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что иностранные языки и нарѣчія изъ всѣхъ частей свѣта никогда еще не были собраны въ такомъ множествѣ въ видѣ словаря. Словарь предполагался въ двухъ отдѣлахъ: первый долженъ былъ заключать языки европейскіе, азіатскіе и острововъ южнаго океана; второй — языки африканскіе и американскіе. Редакція изданія была поручена знаменитому Палласу, и первое отдѣленіе словаря вышло въ 1787—89 годахъ [1]).

Въ предисловіи объяснено, изъ какихъ источниковъ заимствованы слова — они брались частью изъ путешествій или «путешественныхъ описаній», и изъ рукописныхъ словарей и сочиненій; число всѣхъ языковъ въ изданномъ словарѣ доходило до 200, и половина сборника, по словамъ Палласа, составлена была самой императрицей. Что касается способа исполненія словаря, сравненіе языковъ было чисто внѣшнее, механическое: изъ множества языковъ были собраны, по источникамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ или недостовѣрнымъ (и никакъ не провѣреннымъ), отдѣльныя слова и расположены подъ рубрики понятій отвлеченныхъ и названій реальныхъ предметовъ, напр.: Богъ, небо, отецъ, мать, сынъ, дочь... человѣкъ, голова, лицо, глазъ... слово, сонъ, любовь, трудъ, боль, сила, власть, бракъ... солнце, мѣсяцъ, звѣзда... гора, долина, огонь, глубина, высота и т. д.; названія нѣсколькихъ растеній, животныхъ, качественныя прилагательныя, нѣсколько глаголовъ, наконецъ, числительныя имена; всѣхъ рубрикъ было 285.

Словарь изданъ былъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, которые разосланы были европейскимъ дворамъ и знаменитѣйшимъ ученымъ; только 40 экз. попали въ продажу. Словарь не могъ такимъ образомъ получить обширнаго распространенія, и вообще нельзя сказать, чтобы имѣлъ успѣхъ. Онъ вызвалъ довольно много отзывовъ въ европейской печати, съ обязатель-

[1]) „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая“. Спб., 1787. 4°. 6 и 411 стр. Часть вторая. Спб. 1789, 491 и 4 стр. Заглавіе и предисловіе переведены также по латыни: Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, augustissima cura collecta и пр. Предисловіе подписано Палласомъ.

ными комплиментами, — но, какъ ни слабо еще было научное пониманіе дѣла, явилась и настоящая критика. Послѣдняя не могла не обратить вниманія, съ одной стороны, на то, что источники словаря оставались совершенно не провѣренными, и самыя слова брались не всегда въ точномъ соотвѣтствіи съ переводимымъ понятіемъ или названіемъ предмета; съ другой, на то, что такой же произволъ господствовалъ и въ русской транскрипціи. Имп. Екатерина, повидимому, поняла всю важность сдѣланныхъ возраженій и не увлеклась комплиментами другихъ критиковъ; по крайней мѣрѣ, полагаютъ, что отзывы критики охладили ея намѣреніе продолжать словарь: второе отдѣленіе его, которое должно было заключать языки африканскіе и американскіе, осталось неизданнымъ [1]).

Между тѣмъ, собрался матеріалъ и для второй части; но Екатерина уже не хотѣла заниматься этимъ дѣломъ, и самъ Палласъ, кажется, тоже очень почувствовалъ неудачу; новая работа была передана Янковичу де-Миріево, извѣстному своими трудами по главному правленію училищъ. Матеріалъ перваго словаря съ прибавленіемъ языковъ африканскихъ и американскихъ (причемъ цифра всѣхъ сравниваемыхъ языковъ возросла съ 200 до 279) былъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ [2]). При словарѣ нѣтъ никакихъ объясненій — не указаны ни его источники, ни даже имя составителя; въ началѣ прибавленъ только листокъ съ объясненіемъ особыхъ значковъ при буквахъ — для большей точности транскрипціи [3]).

Еще одинъ предметъ занялъ нашихъ ученыхъ XVIII вѣка. Это — исторія литературы или, какъ тогда говорили, ученая исторія, опять новое проявленіе научнаго интереса, неизвѣстнаго старымъ временамъ, новый фактъ развивавшейся потребности историческаго сознанія. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, XVIII вѣкъ имѣлъ отчасти своихъ предшественниковъ въ XVII вѣкѣ; но, какъ всегда, факты XVII вѣка были слабой,

---

[1]) Наиболѣе серьезныя возраженія противъ словаря сдѣланы были въ статьѣ кенигсбергскаго профессора Крауса; однако, Екатерина послала ему въ подарокъ бриліантовый перстень.

[2]) „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный". Четыре части. Спб. 1790—1791, 4°. Въ томахъ страницъ около 500, въ каждомъ.

[3]) Подробная исторія этихъ словарей, также прежнихъ изслѣдованій русскихъ и работавшихъ въ Россіи нѣмецкихъ ученыхъ по части лингвистики (со временъ Петра В.), отзывы ученой критики и пр. собраны въ книгѣ Фр. Аделунга: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St.-Pet. 1815 4°. XIV и 210 стр.

неопредѣленной попыткой, которая въ XVIII вѣкѣ является уже съ болѣе точной и ясной научной подкладкой. Въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, сдѣланъ былъ опытъ собрать факты русской литературы; это — «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» простой библіографическій списокъ, Сильвестра Медвѣдева, ученаго человѣка своего времени. Съ XVIII вѣка, опыты литературной исторіи начинаютъ принимать форму точнаго критическаго изслѣдованія, не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ понимается исторія литературы теперь (она и вообще понималась тогда, съ точки зрѣнія одной біографіи и библіографіи), но уже съ очевиднымъ желаніемъ точно собирать факты и критически объяснять главныя явленія литературной исторіи. Первый ученый, работавшій въ этомъ направленіи, былъ Іоганнъ-Петръ Коль (ум. 1778), вызванный въ Россію въ числѣ первыхъ академиковъ. Коль пробылъ очень недолго въ Петербургѣ (1725—1727), но успѣлъ воспользоваться этимъ короткимъ пребываніемъ, чтобы пріобрѣсти свѣденія въ русскомъ языкѣ и старинѣ: уже вскорѣ по возвращеніи въ Германію, онъ издалъ книгу, которая была въ сущности первымъ историко-литературнымъ трудомъ по нашей книжной древности [1]). Какъ нѣмецкіе ученые путешественники прокладали путь русскимъ ученымъ въ изслѣдованіяхъ нашей страны, природы и быта, какъ Байеръ, Миллеръ, Шлёцеръ содѣйствовали первому установленію исторической критики, такъ Коль былъ первымъ примѣромъ нѣмецкаго «гелертера», добросовѣстно полагавшаго свой трудъ на изученіе нашей книжной древности. Вопросы русской литературной исторіи вообще занимали нѣмецкихъ ученыхъ, работавшихъ при академіи наукъ. Въ историческихъ трудахъ Шлёцера, какъ въ изслѣдованіяхъ о Несторѣ, является историко-литературная критика старыхъ памятниковъ; новѣйшая литература русская занимала Штелина, а въ особенности Бакмейстера, въ трудахъ котораго [2]) собрано много важныхъ свѣденій для исторіи нашей науки и литературы прошлаго вѣка. Очень рано мысль объ исторической судьбѣ языка и литературы является и у русскихъ писателей. Мы упоминали выше, какъ Тредьяковскій находилъ уже историческій источникъ настоящаго русскаго стиха въ «поэзіи нашего простого народа»;

---

[1]) Iohannis Petri Kohlii, Introductio in historiam et rem literariam slavorum imprimis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Альтона, 1729.

[2]) Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland (II т., 1772—87). Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet des curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie etc. (1776), и др.

его рѣчь при открытіи россійскаго собранія (1735) вызвала письмо Татищева (1736), гдѣ затрогиваются историческіе вопросы русской литературы; эти послѣдніе прямо ставитъ Тредьяковскій въ своей статьѣ 1755 года «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ», какъ и въ «Разговорѣ объ ортографіи» 1747 года [1]). Въ 1768 г. въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ явилось безъ имени автора «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», которое вышло потомъ во французскомъ переводѣ отдѣльной книжкой (въ Ливорно, 1771 и 1774); этотъ переводъ въ наше время былъ вновь розысканъ и перепечатанъ (1851) извѣстнымъ библіографомъ С. Д. Полторацкимъ, а затѣмъ явился и на русскомъ языкѣ [2]). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ это «Извѣстіе» составлено было знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ, который былъ въ свое время также извѣстнымъ писателемъ и жилъ за границей во время напечатанія этой статьи. «Извѣстіе» было первымъ началомъ нѣсколько цѣльныхъ обзоровъ русской литературы, и между прочимъ появленіе его побудило къ подобному труду Новикова, который издалъ въ 1772 свой «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» [3]).

Подъ вліяніемъ нѣмецкой школы образовались историко-литературныя понятія, мало извѣстнаго, но замѣчательнаго русскаго библіографа прошлаго вѣка, Дамаскина, Семенова-Руднева (1735—1795). Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, потомъ въ монашествѣ Дамаскинъ, учился въ московской славяно-латинской академіи и былъ потомъ учителемъ реторики и греческаго языка въ крутицкой семинаріи. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія рѣшено было послать нѣсколькихъ молодыхъ и хорошо подготовленныхъ семинаристовъ за границу для довершенія ихъ образованія; Дамаскину въ это время было уже 30 лѣтъ, но онъ также выразилъ сильное желаніе продолжать ученіе и вызвался быть инспекторомъ при этихъ молодыхъ людяхъ и вмѣстѣ съ ними слушать лекціи. Такимъ образомъ, онъ провелъ шесть лѣтъ въ

---

[1]) Ср. Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, т. II, стр. 50—52, 120, 177 и слѣд.

[2]) Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, Leipz. 1768. VII Bd., Nachricht von einigen russischen Schriftstellern и пр. Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le régne de Pierre le-Grand. Par un Voyageur russe. A Livourne, 1771, и 1774. Перепечатка Полторацкаго въ петербургскомъ журналѣ Revue Etrangère, 1851, октябрь; русскій переводъ въ Библіогр. Запискахъ, 1861, т. III. Новое изданіе въ „Матеріалахъ для исторіи русской литературы", П. А. Ефремовъ. Спб. 1867.

[3]) „Опытъ" перепечатанъ въ тѣхъ же „Матеріалахъ" г. Ефремова. Тамъ же перепечатаны еще историко-литературная записка Штелина, статьи Донаминева и др.

Геттингенѣ (1766—1772), гдѣ, по тогдашнему обычаю, его занятія распространялись на самые разнообразные предметы,—это были: богословіе, церковная исторія, толкованіе ветхаго завѣта на еврейскомъ языкѣ и новаго завѣта на греческомъ, экспериментальная физика, универсальная и европейская исторія, статистика и математика, нѣмецкій и французскій языки, естественное право, сельская экономія, философія, дипломатика. Университетъ, въ средѣ профессоровъ котораго было много знаменитыхъ ученыхъ, видимо возбуждалъ самостоятельную дѣятельность Руднева, и, напримѣръ, слушая у Михаэлиса еврейскій и арабскій языкъ и объясненіе подлинныхъ текстовъ писанія, Рудневъ дѣлалъ уже любопытныя для его профессора сличенія славянской библіи съ греческимъ оригиналомъ. Критическіе пріемы нѣмецкой школы Рудневъ примѣнялъ къ изученію источниковъ и литературы русской исторіи. «Въ послѣднемъ году передъ выѣздомъ изъ университета,—говоритъ онъ,—упражнялся я по большей части въ россійской исторіи, пріискавъ, а многихъ и перечитавъ, авторовъ до россійской исторіи надлежащихъ, какъ иностранныхъ: на нѣмецкомъ, французскомъ, аглинскомъ и латинскомъ, такъ и на русскомъ, о сведѣніи коихъ почти совсѣмъ готова уже у меня и книжка, которую я со временемъ выдать въ свѣтъ намѣренъ». Рудневъ избранъ былъ въ члены геттингенскаго историческаго института, въ собраніи котораго онъ прочелъ свое разсужденіе: «О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ», къ сожалѣнію затерявшееся. По возвращеніи изъ Геттингена, Рудневъ долженъ былъ явиться на академическій экзаменъ въ присутствіи членовъ святѣйшаго синода. Экзаменъ происходилъ изъ разныхъ предметовъ, какимъ онъ обучался заграницей: изъ философіи, математики, исторіи, физики, химіи, естественной исторіи и изъ языковъ латинскаго, греческаго, еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго. Экзаменъ былъ вполнѣ успѣшный, и когда не осуществился планъ основанія въ Москвѣ богословскаго факультета, гдѣ предполагалось дать мѣсто Рудневу, онъ назначенъ былъ профессоромъ въ славяно-латинскую академію; потомъ, принявши монашество съ именемъ Дамаскина, онъ назначенъ былъ ректоромъ академіи, а затѣмъ сдѣланъ былъ епископомъ сѣвскимъ, и послѣ нижегородскимъ. Въ 1794 онъ поселился на покоѣ въ одномъ изъ московскихъ монастырей и умеръ въ слѣдующемъ году [1]).

Не останавливаясь на его церковныхъ сочиненіяхъ, именно про-

1) Біографія его въ Исторіи Рос. Акад., т. I, стр. 139—183, 407—414.

повѣдяхъ, въ которыхъ любопытнымъ образомъ сказываются просвѣтительныя идеи вѣка, укажемъ только труды его, относящіеся къ предметамъ историко-литературнымъ. Сюда относятся, во-первыхъ, ученымъ образомъ исполненныя изданія латинской книги Өеофана Прокоповича объ исхожденіи святого духа [1]) и сочиненій Ломоносова; во-вторыхъ, обширный трудъ по русской библіографіи: «Библіотека россійская, по годамъ расположенная отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена», и заключающая книги, начиная отъ изданій доктора Скорины, 1518 до 1785 года. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Дамаскина, весьма замѣчательный для своего времени, остался неизданнымъ и хранится до сихъ поръ въ рукописи въ московской духовной академіи. Въ началѣ «Библіотеки» помѣщено «краткое описаніе россійской ученой исторіи», очень любопытный историко-литературный очеркъ [2]).

Въ то время «ученая исторія» (что нынѣ понимается какъ исторія литературы) большею частью состояла только въ сборѣ біографическихъ и книжныхъ фактовъ, какъ, напр., и въ «словарѣ» Новикова; но Дамаскинъ связываетъ ее съ исторіей просвѣщенія, или даже сливаетъ ихъ въ одно. Ученую исторію Россіи Дамаскинъ дѣлитъ на три періода: первый—отъ начала русской письменности до начала книгопечатанія, или отъ Владиміра Святого до Ивана Грознаго; второй—отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или до Петра Великаго; и третій—отъ Петра В. до новѣйшаго времени. Дамаскинъ пользовался библіотеками общественными и частными, зналъ библіотеку патріаршую, типографскую, академическую, бралъ книги отъ частныхъ лицъ, у раскольниковъ и проч. Его библіографія не есть простой перечетъ книгъ; онъ останавливается на болѣе важныхъ и рѣдкихъ изданіяхъ, разсматриваетъ ихъ содержаніе, приводитъ болѣе или менѣе подробныя выписки, сравниваетъ различныя изданія; кромѣ печатныхъ книгъ, упоминаетъ довольно много рукописей; при сочиненіяхъ переводныхъ указываетъ ихъ иностранные подлинники; причемъ дѣлаетъ, напр., важныя указанія переводовъ изъ византійской литературы и т. д.

Далѣе мы встрѣчаемся опять съ ученымъ нѣмцемъ, много поработавшимъ для изученія русской, особенно книжной ста-

[1]) Tractatus de processione S. S., изданный имъ еще за границей, въ Готѣ, 1772 г.

[2]) Оно напечатано въ Исторіи Рос. Акад., т. I, въ біографіи Дамаскина стр. 170—181.

ранн. Это московскій профессоръ Ѳед. Григ. Баузе (1752—1812). Пріѣхавши въ Россію въ 1773, Баузе трудился на педагогическомъ поприщѣ, и въ 1782 былъ приглашенъ въ московскій университетъ на юридическую каѳедру, по смерти Дильтея. Величайшей заслугой Баузе, которая, къ сожалѣнію, подорвана была двѣнадцатымъ годомъ, было собраніе рукописей и другихъ остатковъ русской старины, въ то время, едва ли не самое замѣчательное изъ всѣхъ частныхъ собраній. Ученый нѣмецъ-юристъ превратился въ страстнаго русскаго археолога; его собраніемъ пользовались въ свое время и высоко его цѣнили русскіе ученые, и между ними Калайдовичъ и Карамзинъ; имя Баузе осталось однимъ изъ самыхъ почтенныхъ именъ русской археографіи. Онъ умеръ въ 1812 году, и въ томъ же году погибло въ московскомъ пожарѣ его драгоцѣнное собраніе. Изъ ученыхъ трудовъ Баузе относится къ нашему предмету его латинская рѣчь о состояніи просвѣщенія въ Россіи до Петра Великаго, гдѣ онъ хотѣлъ отдать справедливость прошлымъ вѣкамъ и вмѣстѣ защитить Россію отъ давнишней ненависти и нареканій иноземцевъ [1]).

Впослѣдствіи, когда въ 1805 году задумано было по плану М. Н. Муравьева, тогдашняго попечителя московскаго университета, составленіе исторіи русской словесности, то въ комитетъ для исполненія этого дѣла назначенъ былъ Баузе вмѣстѣ съ профессорами Страховымъ и Антонскимъ. Планъ, впрочемъ, остался, кажется, невыполненнымъ [2]).

Въ предшествующемъ изложеніи мы собрали рядъ фактическихъ данныхъ о дѣятельности русской науки, зародившейся съ Петровской реформы, въ теченіе XVIII-го вѣка. Количество этихъ данныхъ могло бы быть очень размножено, но и то, что было нами приведено, можетъ достаточно указать историческое положеніе вещей. Мы желали говорить именно фактами, потому что факты бываютъ лучшимъ изображеніемъ дѣла и лучшимъ опроверженіемъ голословныхъ и фантастическихъ теорій. Одна такая теорія давно усиливается извратить историческое понятіе о Петровской реформѣ, обо всемъ нашемъ XVIII вѣкѣ и цѣломъ характерѣ нашей жизни, съ тѣхъ поръ какъ она, покинувъ

---

[1]) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. M. 1796.

[2]) Біографія Баузе въ „Словарѣ моск. проф." 1855, I, стр. 68—89.

прежнюю крайнюю національную исключительность, начала по немногу усвоивать европейскую науку и примѣнять ее къ познанію собственнаго русскаго отечества [1]). Факты не подтверждають этой теоріи.

Очень естественно было, что наука не могла быть пересажена на русскую почву вдругъ; что для первыхъ русскихъ образованныхъ людей невозможно было обойтись безъ чужой помощи и руководства. Своей школы не было; наука по большей части впервые появлялась на русской почвѣ, не находя въ старомъ обычаѣ и старыхъ понятіяхъ никакой опоры, никакого облегченія ея первыхъ трудныхъ шаговъ: въ большинствѣ даже высшаго класса не было охоты и любопытства къ новому знанію; въ старомъ книжномъ языкѣ, на половину церковномъ, на половину приказно-дѣловомъ, не было словъ для понятій новой науки. Когда начата была реформа, одной изъ существенныхъ ея заботъ было основаніе русской школы и воспитаніе русскихъ учителей и приготовленіе русскихъ ученыхъ людей, которые могли бы самостоятельно разрабатывать науку и примѣнять ее къ различнымъ потребностямъ русской жизни. Реформа вовсе не была такъ легкомысленна, какъ хотятъ это внушить ея старые и новѣйшіе противники: Петръ Великій не думалъ передѣлывать русскихъ ни въ нѣмцевъ, ни въ голландцевъ; но онъ очень желалъ, чтобы русскіе не были глупѣе ихъ и не были предметомъ эксплуатаціи иноземцевъ вездѣ, гдѣ требовалось примѣненіе научнаго или практическаго знанія. Какъ ни были ничтожны люди, въ рукахъ которыхъ осталось дѣло Петра по его смерти, дальнѣйшее время принесло не мало результатовъ, вполнѣ отвѣчавшихъ идеѣ реформы: не говоря о разныхъ прак-

---

[1]) Такъ, еще недавно „Русь" писала на эту тэму слѣдующее: „нельзя отрицать, что все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ чувствоваться въ нашемъ обществѣ своего рода *тоска по родинѣ*, т.-е. тоска по корню, по своему истинному народному *типу*, который все еще не вполнѣ дается нашему *разумѣнію*, воспитанному *исключительно на явленіяхъ чуждой жизни* (?),—для котораго нѣтъ еще у насъ и надлежащихъ орудій познаванія (?), такъ какъ благодаря чуть не *двухвѣковому* упражненію въ ученическихъ чувствахъ (!), непосредственное чувство народности въ нашей образованной средѣ болѣе или менѣе заглушено, а мысль постоянно дробится и преломляется сквозь призму *иностранныхъ понятій*" (1884, № 7, стр. 2). Дѣйствительно два вѣка тому назадъ наша мысль начала преломляться сквозь призму иностранныхъ понятій; но мы видѣли, что это были понятія о географіи, исторіи, физикѣ, грамматикѣ, 2-й части ариѳметики и т. п. (по недавнимъ изслѣдованіямъ г. Бобынина, оказывается, что правилъ о дробяхъ въ московской Россіи не знали; пора бы однако перестать считать понятія о дробяхъ иностранными для насъ и по сію пору, и видѣть въ ихъ усвоеніи національное несчастіе).

тическихъ пріобрѣтеніяхъ, увеличившихъ государственныя средства и силу Россіи, великія пріобрѣтенія были сдѣланы въ области умственнаго развитія. Для опредѣленія послѣдней назовемъ Ломоносова. Это былъ человѣкъ перваго поколѣнія, воспитавшагося въ духѣ реформы; при участіи его непосредственнаго вліянія и съ тѣмъ же характеромъ научныхъ понятій и отношенія къ русской жизни воспиталось второе поколѣніе, о трудахъ котораго намъ въ особенности приходилось говорить въ настоящемъ изложеніи. Это были тѣ Румовскіе, Лепехины, Озерецковскіе и пр., которые предпринимали далекія странствія по Россіи, неутомимо работали для изученія русской природы и русскаго народа и оставили примѣръ честнаго и самоотверженнаго служенія пользамъ общества и народа. Очень часто это были люди, вполнѣ стоявшіе на уровнѣ тогдашней науки; вмѣстѣ съ тѣмъ это были самые настоящіе русскіе люди. Довольно познакомиться съ ихъ дѣятельностью, чтобы уразумѣть, сколько разумнаго труда положили онѝ на свои изученія, съ какимъ простымъ и теплымъ чувствомъ они относились къ тому народу, отъ котораго будто бы должна была отрывать ихъ «западная» наука. Мы видѣли, что въ условіяхъ того времени, они знавали русскій народъ не хуже новѣйшихъ присяжныхъ народниковъ и работали для изученія его никакъ не меньше. Мы видѣли, что вліяніе западной науки именно и состояло въ томъ, что эта наука въ ея практическихъ приложеніяхъ постоянно направляла умы на изученіе своей почвы, своего народа, своего прошлаго, что она именно вела къ національному самосознанію.

Мы упоминали также о томъ, что̀ надобно понимать подъ оторванностью отъ народа, и кто отъ него отрывался. Мы видѣли, что было бы исторически ошибочно, и въ общественномъ смыслѣ недобросовѣстно, смѣшать подъ этимъ именемъ въ одну кучу безсмысленное свѣтское пустозвонство и серьезный трудъ, совершавшійся въ наукѣ и литературѣ, не говоря о томъ, какъ противно здравому смыслу считать науку измѣной народному началу. Люди первой категоріи не были бы ближе къ народу, еслибы и не говорили по-французски и не ходили во французскихъ кафтанахъ: ихъ отрывала отъ народа эксплуатація его труда, бюрократическое равнодушіе къ его интересамъ; но сказать, что западная наука, напримѣръ, оторвала отъ народа Ломоносова, есть простая безсмыслица; она остается безсмыслицей и относительно всѣхъ тѣхъ людей науки прошлаго вѣка, которые послѣ него шли его путемъ.

Но была дѣйствительно другая «оторванность» — не отъ

народа, а отъ невѣжества старой его жизни. Русскіе люди вступали въ XVIII вѣкъ съ полнымъ запасомъ стародавняго патріархальнаго міровоззрѣнія, нетронутаго міровоззрѣнія среднихъ вѣковъ, со всѣми простодушно фантастическими представленіями о природѣ и человѣкѣ, со всѣми подробностями старыхъ повѣрій и суевѣрій, гдѣ рядомъ съ образами народной поэзіи стояли самыя нелѣпыя традиціонныя понятія о природѣ. Говоря о Петровскомъ переворотѣ и его «насиліяхъ», противники реформы обыкновенно забываютъ эту сторону дѣла; между тѣмъ, именно здѣсь, въ этой области каждодневныхъ привычныхъ понятій, и произошло главное столкновеніе между людьми стараго вѣка и новой школы. Люди стараго вѣка были, конечно, глубоко убѣждены въ несомнѣнной истинѣ всѣхъ тѣхъ фантастическихъ представленій, которыми была оплетена ихъ мысль; убѣждены тѣмъ болѣе, что очень часто къ этой фантастикѣ присоединялось суевѣріе церковное. Новая школа на первыхъ же порахъ столкнулась съ этимъ вѣковымъ міровоззрѣніемъ: въ то время, какъ старинные люди представляли, напр., землю въ видѣ плоскаго круга, надъ которымъ ходитъ солнце, луна и звѣзды, люди, прошедшіе новую школу, считали ее шаромъ, который самъ обращается вокругъ солнца; когда первые приходили въ истинный ужасъ отъ появленія кометы, отъ затмѣнія или другого необычнаго явленія природы, другіе находили этому объясненіе въ первоначальныхъ понятіяхъ космографіи или физикѣ; когда первые окружали себя множествомъ всякихъ суевѣрныхъ пугалъ, противъ которыхъ употреблялись патріархальныя средства, дошедшія цѣликомъ изъ глубочайшихъ временъ народнаго младенчества въ видѣ заговоровъ, примѣтъ, предохранительныхъ и очистительныхъ обрядовъ и колдовства, вторые искали естественной причины явленій и простыхъ средствъ здраваго смысла и научнаго знанія. Между двумя міровоззрѣніями, очевидно, лежала пропасть: они, конечно, могли сталкиваться и дѣйствительно сталкивались ежеминутно. И естественно, что на одной сторонѣ оказывалась народная масса, не имѣвшая школы, а на другой—высшіе и средніе классы, имѣвшіе эту школу въ большей или меньшей степени. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали: помѣщичье сословіе, бюрократія, военныя власти, словомъ, всѣ тѣ люди, которые были проводниками высшей власти и на дѣлѣ болѣе или менѣе самоуправными распорядителями народной жизни,—хотя въ огромномъ большинствѣ ихъ образованіе было очень скудное. Отсюда та «рознь», которою хотятъ характеризовать все отношеніе послѣ-Петровскаго общества къ на-

роду, и вину котораго хотятъ взвалить исключительно на западную образованность.

Мы имѣли случай объяснять, что въ подобныхъ обвиненіяхъ совершается нѣчто въ родѣ историческаго подлога и передергиванья: главный источникъ розни—притѣсненіе народа—восходитъ гораздо дальше временъ Петра, и указывать причину ея въ образованности, значитъ отводить глаза отъ дѣйствительной сущности дѣла въ угоду своему и чужому обскурантизму. Образованіе, какое можно приписать массѣ бюрократическихъ и иныхъ угнетателей народа, смѣшно назвать образованіемъ; напротивъ, это была большею частью самая жалкая полуобразованность, которую странно ставить на счетъ «западной наукѣ», и виною которой была просто наша собственная скудость въ хорошей школѣ и невыгодныя условія нашей литературы и общественнаго мнѣнія. Но та «рознь», которая заключалась въ упомянутомъ различіи понятій, была неизбѣжна и бываетъ всегда неизбѣжна при встрѣчѣ патріархальнаго суевѣрія съ научнымъ знаніемъ; пропасть между ними должна быть наполнена не отреченіемъ общества отъ науки и не малодушнымъ урѣзываніемъ послѣдней, а возможнымъ расширеніемъ школы и народныхъ знаній. Это не легко, но по крайней мѣрѣ это должно быть идеаломъ; если уже теперь нѣкоторые народы достигли до всеобщей обязательности школы, то почему когда-нибудь это невозможно будетъ и для насъ?.. Когда мы читаемъ «Духовный Регламентъ», осуждающій народную темноту, или горячія тирады Ломоносова о необходимости знанія для народа, мы видимъ, что просвѣщенныхъ людей прошлаго вѣка поражала масса вреда, идущаго отъ народнаго невѣжества, и этотъ вредъ, простиравшійся наконецъ на самое физическое существованіе народа, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Можетъ быть, что реформа поступила бы благоразумнѣе, если бы вела свое дѣло съ меньшею рѣзкостью, съ бо́льшимъ вниманіемъ къ старой народной привычкѣ и съ бо́льшимъ участіемъ къ соціальной безпомощности народа. Но, къ сожалѣнію, сама эта рѣзкость была старой привычкой, наслѣдіемъ отъ московскаго царства, въ другихъ отношеніяхъ столь же мало внимательнаго къ правамъ и нуждамъ народа.

Истинное дѣйствіе воспринимаемой западной образованности съ самаго начала состояло именно въ томъ, чтобы приложить новую науку къ изученію отечества, къ распространенію здравыхъ научныхъ понятій и полезныхъ практическихъ знаній. Эта цѣль глубоко овладѣвала всѣми лучшими людьми прошлаго вѣка, и они совершали для нея много самоотверженныхъ трудовъ, ко-

торымъ исторія должна отдать справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала прошлаго вѣка впервые появляется точное географическое изученіе Россіи, съ помощію научныхъ средствъ астрономіи, физики, геодезіи, многочисленныхъ и трудныхъ путешествій и описаній; впервые дѣлаются изученія климата, почвы, условій народнаго труда; впервые изучается составъ населенія, съ различными оттѣнками русскаго народа и разнообразными племенами инородцевъ; впервые опредѣляются этнографическія черты этого населенія, его быта, преданій и обычаевъ; впервые старательно собираются остатки старины, съ той любознательностью и тѣмъ чувствомъ уваженія, какія внушало историческое пониманіе; многіе замѣчательные памятники старой письменности являются изъ-подъ спуда, забытые и уже непонимаемые московскимъ періодомъ; наконецъ, впервые возникаетъ правильное историческое знаніе, съ тою критикой, которой научала наука, и съ стремленіемъ раскрыть внутреннія отношенія событій и связь прошедшаго съ настоящимъ. Если прибавимъ, наконецъ, что впервые, въ литературѣ и извѣстной части общественнаго мнѣнія, ставится вопросъ нравственно-общественный, вопросъ о достоинствѣ человѣческой личности, говорится первое слово въ пользу освобожденія крестьянъ и вмѣстѣ въ защиту человѣческой мысли и слова, вообще ставится вопросъ о внутренней реформѣ, объ автономіи общества — составляющей до нынѣ глубочайшій интересъ общественный и народный, — мы не можемъ не признать, что въ этотъ XVIII-й вѣкъ, отягчаемый теперь столькими обвиненіями, возникло напротивъ, среди всѣхъ его тягостей и заблужденій, глубоко знаменательное явленіе нашей исторической жизни: съ нимъ, въ лучшихъ людяхъ общества, впервые начинается истинное *національное самосознаніе*.

Новая образованность, которую обыкновенно укоряютъ въ «рабскомъ подчиненіи» Европѣ, въ первое же время стала приносить свои *самостоятельные* результаты: таковы были именно работы русскихъ ученыхъ по описанію Россіи. Кромѣ великой услуги, какую они дѣлали своему собственному обществу, они вносили цѣнный вкладъ въ общее научное знаніе. Эти труды русскихъ ученыхъ тотчасъ обратили на себя вниманіе европейской науки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ XVIII-го вѣка впервые начинается и настоящая *русская литература*,—не то смѣшеніе церковно-славянской книжности съ разрозненными (и не допускаемыми въ книгу) попытками народнаго творчества на своемъ живомъ языкѣ, — смѣшеніе, которое въ теченіе долгаго ряда вѣковъ до-Петровской

исторіи не привело ни къ какому органическому результату, не связало двухъ элементовъ старой книжности въ одно цѣлое, не дало ни содержанія, ни формъ ни для поэтическаго творчества, ни для науки. Нѣчто совершенно иное начинается послѣ реформы: народная мысль была возбуждена, и въ результатѣ она создаетъ совсѣмъ новую литературу, которая впервые обѣщаетъ въ будущемъ дѣйствительную литературу русскаго народа. Старая книжность не была просто отвергнута, т.-е. не была прервана историческая связь: напротивъ, эта книжность вошла цѣлымъ элементомъ въ новую литературу и даже упорно защищала свою исключительность до первыхъ десятилѣтій нашего вѣка; но въ то же время все больше и больше занимаетъ мѣста въ книгѣ чисто-народный языкъ, и этотъ новый литературный языкъ служитъ выраженіемъ, съ одной стороны, научному знанію, съ другой—поэтическому творчеству съ общественнымъ и народнымъ содержаніемъ. Долго шелъ процессъ образованія новой литературы, гдѣ сталкивались и наконецъ сживались разнородные элементы стараго преданія и живой дѣйствительности; но, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, поисковъ, пріобрѣтеній и часто ошибокъ, создалась литература, которая впервые имѣла полное право называться русской національной литературой. Ея орудіемъ сталъ новый, не-бывалый прежде языкъ: въ его области совершался такой же долгій и сложный процессъ, какъ и въ области самыхъ понятій; онъ сохранилъ очень многое изъ стараго книжнаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ всю полноправность чисто-народной рѣчи, и она стала корнемъ, изъ котораго развилось роскошное разнообразіе новыхъ формъ. Въ этомъ языкѣ впервые раскрылось то рѣдкое богатство оригинальнаго выраженія, какое сохранилось въ зародышѣ въ русской народной рѣчи, и которое до тѣхъ поръ никогда не проявлялось въ такомъ обиліи и съ такой силой. Съ новаго періода нашей національной жизни впервые образовался—истинно-русскій *литературный языкъ*.

А. Пыпинъ.

ДЕБЮТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Къ ярко-освѣщенному, затянутому тикомъ подъѣзду одинъ за другимъ подкатывали экипажи. Тутъ были и щегольскія кареты, изъ которыхъ выпархивали закутанныя въ тибетскій мѣхъ элегантныя дамы, были и извощичьи санки съ сѣдоками въ облѣзлыхъ енотахъ. Двое городовыхъ даже охрипли отъ крика, безпрестанно отгоняя возницъ и устанавливая порядокъ.

Между тѣмъ, по широкой, устланной коврами лѣстницѣ, тянулась вверхъ вереница разряженныхъ дамъ и кавалеровъ; многіе на минуту останавливались у нишъ, въ которыя были вдѣланы зеркала въ позолоченныхъ рамахъ съ амурами, и поправляли какой-нибудь бантикъ на шеѣ, или приглаживали усы и прическу. На верхней площадкѣ нѣсколько капельдинеровъ въ штиблетахъ и красныхъ мундирахъ встрѣчали публику и направляли въ залъ, который жужжалъ подобно огромному улью. Медленно подвигаясь въ проходѣ, шурша шелковыми платьями, слегка позвякивая шпорами и распространяя вокругъ тонкій ароматъ духовъ, вошедшіе занимали мѣста, осматривались въ ожиданіи встрѣтить знакомыхъ и взглядывали мелькомъ на бывшіе въ рукахъ листочки глазированной бумаги, на которыхъ было напечатано, что г-жа такая-то исполнитъ романсъ, и г. такой-то — соло на роялѣ.

Программа была самая заурядная, по обыкновенію блестѣвшая именами извѣстностей, причемъ, какъ водится, половина исполнителей «по болѣзни» не должна была явиться, и публика,

конечно, догадывалась объ этомъ, почему съ такимъ равнодушнымъ, почти скучающимъ видомъ пробѣгала глазированный листокъ.

Нѣкоторую, впрочемъ, весьма незначительную, долю интереса долженъ былъ представлять одинъ изъ срединныхъ нумеровъ программы, подъ которымъ значились: «соло на скрипкѣ, въ первый разъ, исполнитъ г. Ивановъ», — т.-е. другими словами, почтеннѣйшей публикѣ предстояло слушать дебютанта. Но въ извѣстное время года, благодаря своему обилію, концерты начинаютъ пріѣдаться публикѣ; кромѣ того, ей приходится слушать столько разныхъ заѣзжихъ знаменитостей, о которыхъ многорѣчиво и съ паѳосомъ трубятъ газеты, что какой-то невѣдомый Ивановъ, доморощенный виртуозъ, въ лучшемъ случаѣ, могъ возбудить къ себѣ только извѣстное чувство недовѣрія. Большинство, явившееся чуть ли не по обязанности (концертъ былъ съ благотворительной цѣлью, въ пользу какихъ-то дѣтей), мечтавшее уже теперь, передъ началомъ, о вожделѣнномъ концѣ, когда вырвавшись изъ душнаго зала можно будетъ уѣхать поужинать, совершенно равнодушно отнеслось къ предстоявшему дебюту г. Иванова, а нѣкоторые даже удивлялись безтактности распорядителей, которые выставили на ряду съ извѣстными именами скромное имя невѣдомаго самоучки.

— Fi donc! Послѣ того какъ я слышала самого Сарасатэ, —слушать какого-то... quel est son nom?.. Иванова, —это просто скучно!..—говорила сидѣвшая въ первомъ ряду элегантная дама, въ шляпкѣ Judic, своему кавалеру, генералу воинственной осанки, съ длинными, сѣдыми усами и въ щегольскихъ, лакированныхъ ботфортахъ.

— Вовсе нѣтъ, прелестная Анна Павловна, вовсе нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ, — мы еще ничего не знаемъ; все «въ руцѣ» распорядителей концерта. Хе хе! И какъ знать, что за господинъ этотъ г. Ивановъ? Можетъ быть, это одинъ изъ нашихъ геніальныхъ самоучекъ,—а у насъ ихъ не мало! Помните, читали, вѣроятно, одинъ на шпицъ Адмиралтейства лазалъ?

— Какой злой языкъ!—замѣтила дама, улыбаясь.

— Помилуйте, съ чего вы взяли? Я патріотъ, прежде всего, и люблю все отечественное, не исключая трепака. Но знаете ли, обворожительная Анна Павловна, между виртуозами есть порядочные чудаки. Я слышалъ одного въ Казани, тоже скрипача, —такъ онъ бралъ скрипку вотъ такъ, какъ контрбасъ, и такъ игралъ. Въ этомъ, повидимому, и заключалось все искусство, потому что, надо отдать справедливость, игралъ онъ довольно плохо.

Генералъ при этомъ состроилъ такую гримасу, что дама засмѣялась, но тотчасъ же сдѣлала строгое лицо, и прошептала:

— Taisez vous!

Позади этой парочки, во второмъ ряду сидѣлъ присяжный цѣнитель—скрипачъ, пожилой господинъ, съ длинными, но артистически заброшенными назадъ и начинавшими уже сѣдѣть волосами. Онъ явился сюда вовсе не по собственному желанію, о чемъ весьма убѣдительно докладывала всѣмъ его одутловатая, скучающая физіономія съ презрительно опущенными книзу углами губъ; въ качествѣ человѣка, основательно знающаго музыку и сотрудничающаго въ одномъ изъ безчисленныхъ музыкальныхъ листковъ, онъ пришелъ по просьбѣ редактора, пожелавшаго имѣть отчетъ о концертѣ.

Рядомъ сидѣлъ его знакомый, тоже пожилой господинъ добродушнаго вида, съ которымъ онъ обмѣнивался короткими замѣчаніями.

— Вы отсюда куда?—спрашивалъ знакомый.

— Не знаю еще. Думаю въ «Ярославецъ».

— А къ Палкину?

— Гадость! Уху не умѣютъ дѣлать.

— Вы до конца?

— Съ ума я сошелъ, что ли? Вотъ послушаю А., и сейчасъ же уѣду. Ни одной минуты не останусь.

— Что же такъ?

— Ахъ, Боже мой! До тошноты пріѣлись концерты.

— И дебютанта не станете слушать?

— Господь съ нимъ!

— Вы не знаете, кто этотъ Ивановъ?

— Понятія не имѣю. Доморощенный какой-нибудь.

— Какъ доморощенный?

— Ну, любитель... самоучка.

Рецензентъ даже отвернулся. И безъ того надоѣли ему концерты, а тутъ еще этотъ господинъ съ своими распросами. И наградилъ же Господь сосѣдомъ!

Сзади нихъ, рядомъ съ пожилой дамой строгаго вида, высокомѣрно оглядывавшей публику въ старинный лорнетъ, сидѣла молодая дѣвушка, скромно одѣтая въ черное платье. Съ одного уже взгляда на нее, сразу можно было опредѣлить, что юная особа очень недавно разсталась съ школьными книгами и тетрадями, только что начала выѣзжать въ свѣтъ, и на концертѣ, повидимому, въ первый разъ. Она сидѣла какъ-то вся подавшись впередъ, искрящимися отъ несказаннаго удовольствія глазами

обводя публику, съ густымъ румянцемъ на щекахъ, взволнованная, почти счастливая. Она такъ часто смотрѣла въ бинокль на опущенный еще передъ сценой занавѣсъ, такъ часто, притомъ чисто по-дѣтски, обращалась съ вопросами къ пожилой дамѣ, безпрестанно то распуская, то снова собирая свой черный атласный съ голубенькими цвѣточками вѣеръ, что вызывала постоянно сердитыя замѣчанія той.

Она десятокъ разъ перечла всю программу, начиная съ заголовка, т.-е. что вотъ «такого-то числа, въ такомъ-то залѣ будетъ данъ» и проч., и кончая «печатать дозволяется»; запомнила кто, въ какомъ порядкѣ, что споетъ или съиграетъ, сколько минутъ антрактъ, и когда вновь начнется; измяла и истрепала глазированный листокъ до подобія какой-то тряпки, и сидѣла теперь вся обращенная въ одно страстное ожиданіе.

А ждать приходилось порядочно. Болѣе нетерпѣливые изъ публики, помѣщавшіеся на хорахъ, раза два уже принимались шумѣть, — концертъ все еще не начинался...

II.

Собственно говоря, онъ бы могъ начаться въ назначенное время, такъ какъ исполнители первыхъ, слѣдовавшихъ по программѣ нумеровъ, были въ сборѣ, и съ волненіемъ, понятнымъ только для тѣхъ, кто выступаетъ передъ публикой, будь то въ первый или сто-первый разъ, прохаживались взадъ и впередъ во фракахъ и концертныхъ платьяхъ, среди лѣса декорацій и чумазыхъ, полусонныхъ ламповщиковъ въ ихъ синихъ блузахъ; но распорядители умышленно затягивали начало. Сгруппировавшись въ маленькой комнаткѣ, носившей названіе «исполнительской» и непосредственно примыкавшей къ сценѣ, они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали одну оперную извѣстность, которая играла роль приманки для публики.

Въ этой же комнатѣ, окруженный клубами табачнаго дыма, въ которыхъ неровнымъ пламенемъ горѣли газовые рожки, въ углу мягкаго диванчика сидѣлъ молодой человѣкъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, нѣсколько блѣдный, нѣсколько растерянный, видимо напрягавшій всѣ силы воли, чтобы остаться вотъ такъ сидѣть и ждать, а не надѣть пальто и шляпу и уйдти отсюда какъ можно скорѣе, какъ можно дальше.

Онъ пришелъ давно, пришелъ первымъ.

Но вотъ что странно, — онъ *собирался* придти еще болѣе, чѣмъ

давно—съ утра вчерашняго дня. Когда ему сообщили, что его имя стоитъ въ программѣ, и показали ее, и онъ увидѣлъ, что это правда, что съ нимъ не шутятъ, что ему дѣйствительно придется играть,—съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ лихорадочнаго озноба, онъ испугался до того, что просилъ, нельзя ли снять его имя съ афиши.

Оказалось, что сдѣлать этого невозможно, такъ какъ утвержденная начальствомъ программа была уже вывѣшена въ окнахъ музыкальныхъ магазиновъ, гдѣ началась и самая продажа билетовъ.

— Да чего вы трусите?—спрашивалъ одинъ изъ распорядителей, пріѣхавшій къ нему, развязный господинъ съ усами въ стрѣлку,—положительно нечего трусить! Съиграете; не бойтесь! Не боги горшки обжигаютъ! Вы посмотрите, какіе у насъ будутъ! Въ крайнемъ случаѣ, къ вамъ, какъ къ дебютанту, публика отнесется снисходительно... Да, наконецъ, и самая цѣль концерта такъ сказать оправдываетъ...

Развязный господинъ долго еще болталъ что-то въ утѣшеніе бѣдному дебютанту, молчаливо сидѣвшему съ поникшей головой, и, наконецъ, покинулъ его въ пріятной увѣренности, что ему удалось и обнадежить, и успокоить.

Тѣмъ не менѣе, только что дверь захлопнулась за нимъ, молодой человѣкъ вскочилъ со стула и принялся измѣрять шагами комнату, въ волненія ероша волосы, ломая руки и внутренно проклиная себя за свое безволіе, неумѣніе настоять на своемъ. Понятно, какъ далекъ онъ былъ отъ мысли о какомъ бы то ни было, даже самомъ ничтожномъ успѣхѣ. Его дебютъ представлялся ему чѣмъ-то превышающимъ всякія понятія по своему безобразію, чѣмъ-то такимъ, послѣ чего неминуемо долженъ былъ разыграться скандалъ. И все казалось ему возможнымъ въ его настоящемъ положеніи, въ положеніи человѣка, первый разъ въ жизни выступающаго публично.

Взволнованное воображеніе его рисовало ему залъ, залитый огнями, переполненный публикой, которая вся до послѣдняго человѣка относится къ нему съ явнымъ недоброжелательствомъ. И вотъ онъ, неуклюжій, мѣшковатый, выходитъ на эстраду съ своей «скрипицей». Вотъ онъ поднимаетъ руку съ смычкомъ, рука точно не своя, точно привязанная, дрожитъ, и робко, не смѣло беретъ первый аккордъ. Боже, какой диссонансъ! Развѣ это игра, развѣ это артистическое исполненіе? Нѣтъ, это какой-то пискъ, скрипъ, это нѣчто совершенно невозможное. Публика переглядывается, смѣется... Онъ видитъ, онъ слышитъ, какъ она смѣется!

Вонъ, въ заднихъ рядахъ кто-то громко фыркнулъ; тотчасъ же нашелся подражатель. Другой, третій... Весь залъ смѣется въ тактъ его отвратительной игры... Несчастный, онъ еще играетъ! Онъ думаетъ, что вотъ съиграется пассажъ, который все вернетъ: и вниманіе, и уваженіе къ нему публики, и увѣренность въ свои силы. Съиграется! Да никогда этого быть не можетъ, когда онъ испугался, *струсилъ* съ первой же ноты, и не только онъ самъ это знаетъ, а знаютъ всѣ, вся сидящая здѣсь публика, весь залъ. О, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія! Онъ чувствуетъ какъ на немъ, на его смѣшной, сконфуженной фигурѣ тяготѣютъ сотни паръ смѣющихся глазъ, видитъ эти презрительно улыбающіяся уста, слышитъ смѣхъ, даже замѣчанія, высказываемыя громогласно, и глубоко ненавидитъ эту публику, которая собралась смотрѣть на его позоръ,—эту довольную, благодушную публику, на потѣху которой онъ самъ себя добровольно (да, добровольно!) отдалъ какъ звѣрю на растерзаніе. О, дуракъ, дуракъ!

...Онъ вдругъ остановился въ своемъ бѣшеномъ метаньѣ, присѣлъ на стулъ, провелъ рукою по лбу, покрытому холоднымъ, липкимъ потомъ, и опомнился. Все это были покуда грезы, нарисованныя его взволнованнымъ воображеніемъ, и онѣ могли не осуществиться. Вѣдь то, что онъ хотѣлъ играть, было такъ хорошо ему извѣстно! Но подъ вліяніемъ робости, столь свойственной всякому, выступившему впервые передъ публикой, техника могла измѣнить. Да, несомнѣнно, техника могла измѣнить, и одинъ невѣрно, несмѣло взятый аккордъ, пожалуй, могъ погубить все.

Онъ отошелъ въ противуположный уголъ комнаты, нагнулся къ нижней полкѣ этажерки, въ видѣ лиры, и вытащилъ оттуда скрипичный футляръ. Онъ вынулъ скрипку, и пока смотрѣлъ на нее долгимъ, вдумчивымъ взглядомъ, цѣлый потокъ воспоминаній хлынулъ въ его голову...

III.

Это была старинная, итальянская скрипка, — подарокъ его учителя. Онъ вспомнилъ, какъ при отъѣздѣ изъ Берлина, куда онъ отправился учиться на послѣднія сбереженія, оставленныя ему покойнымъ отцомъ, онъ зашелъ къ учителю проститься. Старикъ жилъ на окраинѣ города, въ деревянномъ двухъ-этажномъ домикѣ, наполовину населенномъ рабочими съ ближайшей фабрики. Въ темномъ, довольно грязномъ корридорѣ онъ нащупалъ обитую

клеенкой дверь, ручку звонка, и позвонилъ. Ему отворила высокая, худая нѣмка въ затрепанномъ капотѣ, и тотчасъ, какъ бы сконфузившись, шмыгнула въ комнату, откуда изъ полуотворенныхъ дверей выглядывала пара дѣтскихъ головокъ, съ свѣтлыми какъ ленъ волосами. Онъ сейчасъ же догадался, что старая нѣмка была жена учителя, и смущенный не менѣе ея стоялъ у порога, не рѣшаясь идти далѣе. Изъ другой комнаты, по корридору вышелъ старикъ въ потертомъ шлафрокѣ и туфляхъ, обнялъ его, и любовно придерживая за плечи, провелъ въ свою убогую комнату.

— Очень радъ, очень радъ!—говорилъ старикъ, усаживая гостя въ кресло и сжимая его руку въ своей морщинистой, холодной рукѣ,—вы сдѣлали мнѣ большую честь своимъ посѣщеніемъ. Большую честь! По этому случаю не выпить ли намъ пива?

Явилось пиво. Они сѣли за свои кружки и стали бесѣдовать о предстоящемъ отъѣздѣ. Но бесѣда тянулась вяло. Гость чувствовалъ себя почему-то неловко, а какой-то необычайно торжественный видъ, принятый на себя старикомъ, видимо мѣшалъ ему почаще прикладываться къ кружкѣ. Онъ распрашивалъ его о Россіи, о жизни въ Петербургѣ, о томъ, есть ли у него родные, — но замѣтно было, что ничто въ сущности не интересовало его, и что помимо тѣхъ рѣчей, какія онъ велъ съ гостемъ, у него въ запасѣ было нѣчто, самое главное, до чего онъ никакъ не могъ договориться. Но когда они выпили уже по третьей кружкѣ, и въ безжизненныхъ, полупотухшихъ глазахъ старика блеснулъ огонекъ, и землистаго цвѣта щеки разгорѣлись румянцемъ, онъ вдругъ, въ серединѣ разсказа ученика, молча всталъ, снялъ висѣвшую на стѣнѣ скрипку и, передавая тому, сказалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ слезъ:

— Изъ всѣхъ моихъ учениковъ, а у меня ихъ было много, очень много, вы единственный, въ которомъ я подмѣтилъ талантъ. Да, да, не качайте головой, не возражайте! Старый учитель не ошибется! Но талантъ требуетъ поощренія... Возьмите же эту скрипку, я говорилъ вамъ про нее, вамъ извѣстна ея благородная генеалогія. Возьмите же...

Смущенный неожиданной выходкой учителя, ученикъ отказывался, протестовалъ, но тотъ взялъ его обѣ руки въ свои и, крѣпко сжавъ ихъ, заговорилъ:

— Ни слова, прошу васъ. Вы должны взять ее, я заставлю васъ взять. Вы видите, — я старъ, мнѣ она не нужна, потому что я давно не играю и не буду играть... Я умру, и кому

же она достанется, въ чьи неумѣлыя, неуклюжія руки попадетъ моя драгоцѣнность!—Голосъ старика пресѣкся. Онъ досталъ изъ кармана красный фуляровый платокъ и шумно высморкался.

Ученикъ пытался еще возражать, указывая на дѣтей, какъ на прямыхъ наслѣдниковъ «драгоцѣнности», но старикъ былъ непреклоненъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ этого!—твердилъ онъ, печально качая головой,—мои дѣти еще слишкомъ малы, чтобы угадывать въ нихъ что-либо, и я знаю, послѣ моей смерти, первое, что сдѣлаютъ,—это продадутъ скрипку старьевщику. А я этого не хочу!—вскричалъ онъ вдругъ съ необычайной живостью,—я хочу, чтобы она попала въ настоящія руки, въ руки того, передъ которымъ лежитъ такая блестящая дорога.

Онъ долго еще убѣждалъ его, все шире и шире развивая свой взглядъ на его артистическую карьеру и, наконецъ, уговорилъ принять подарокъ.

— Помните всегда только вотъ что:—говорилъ старикъ, пророчески грозя ему своимъ сухимъ, старческимъ пальцемъ,—не поддавайтесь похваламъ, не засыпайте на лаврахъ. Лавры эти дешевы, а лесть и похвала,—первыя губительницы таланта. Онѣ пріучатъ васъ самонадѣянно относиться къ себѣ, вы бросите трудиться, не станете совершенствоваться, и тогда все погибло! О, вѣрьте мнѣ, я на себѣ испыталъ все это! Люди говорили, что у меня былъ талантъ; да, я помню, я чувствовалъ въ себѣ присутствіе этого бога, и въ гордой самоувѣренности думалъ: «я талантъ, къ чему мнѣ совершенствоваться, идти дальше? Пусть учатся тупицы, я все возьму своимъ талантомъ и оставлю ихъ за флагомъ!» И теперь вы видите, кѣмъ я сдѣлался!—Старикъ замолчалъ, поникнувъ сѣдой головой. Наступила тишина. Изъ сосѣдней комнаты слышались назойливыя хныканья ребенка да сдержанный, угрожающій шопотъ нѣмки. Старикъ вдругъ наклонился, отпилъ изъ кружки и продолжалъ, стараясь придать голосу спокойный тонъ:

— Я сдѣлался учителемъ и чуть не за два, за три крейцера въ часъ давалъ уроки. И это бы еще ничего, еслибы всѣ мои ученики подавали хоть какія-нибудь надежды. Куда ни шло, я бы примирился съ своимъ положеніемъ. Но три-четверти моихъ учениковъ идіоты и бездарности, а я вотъ все-таки беру деньги отъ нихъ, потому что мнѣ и моей семьѣ нужно существовать. Вы видите, я не пошелъ дальше, потому что не работалъ, предполагая въ себѣ такой запасъ силъ, что ихъ хватитъ на всю жизнь! Ахъ, послѣ того, какъ мнѣ пророчили блестящую будущ-

ность, послѣ того, какъ газеты прославляли мой талантъ, обѣщая всемірную славу, и пророчества не сбылись, мнѣ бы слѣдовало умереть, не такъ ли, но что станете дѣлать,—я былъ трусливый человѣкъ, съ слабой волей, у меня была жена, дѣти... Ну, что объ этомъ говорить! Выпьемъ лучше!

Онъ схватилъ свою кружку, залпомъ опорожнилъ ее, налилъ снова, и положивъ Иванову руку на плечо, заговорилъ:

— Мнѣ вотъ все хочется преподать вамъ нѣсколько совѣтовъ,—обычное свойство стариковъ, къ которому нужно имѣть снисхожденіе. Вы ѣдете на родину, въ страну, которую я не знаю, хотя много распрашивалъ объ ней! Можетъ быть тамъ не совсѣмъ такъ, какъ у насъ, но мнѣ кажется люди,—вездѣ люди... И вотъ, я хотѣлъ вамъ дать одинъ совѣтъ: избѣгайте, ради Бога, избѣгайте на первыхъ порахъ всякой публичной дѣятельности. Работайте, совершенствуйтесь, изыскивайте новые пути,—въ музыкѣ еще много неизвѣданнаго, много не найденнаго, но старайтесь, по возможности, рѣже выступать публично. Концерты,—будь они прокляты! Это ядъ, это отрава. Вотъ гдѣ господствуетъ то, что губитъ таланты; это похвала, грубая лесть, кружатъ голову и заставляютъ относиться къ дѣлу спустя рукава. Помните одно, и никогда, никогда не забывайте, что та самая толпа, которая вамъ апплодируетъ сегодня и забрасываетъ васъ вѣнками, завтра же, при первой неудачѣ проводитъ васъ гробовымъ молчаніемъ, а пожалуй и хуже того... Кумиръ всегда отживаетъ свое время и будетъ поверженъ въ прахъ. Помните еще, что ничто такъ не охлаждаетъ любовь и уваженіе публики,—какъ однообразіе,—и человѣкъ, появляющійся постоянно на эстрадѣ съ пятью, шестью заученными и хотя бы блестяще исполненными вещицами,—самъ себѣ роетъ могилу... А между тѣмъ, сколько тревогъ и мучительныхъ волненій долженъ переносить артистъ, сколько крови долженъ испортить, и какъ это должно отразиться, напримѣръ, на вашемъ слабомъ организмѣ!.. Нѣтъ, я бы желалъ васъ видѣть не такимъ! Я бы желалъ, чтобы вы чаще всего продѣлывали—вотъ что!

Почти съ юношескимъ порывомъ старикъ выхватилъ скрипку изъ футляра и съигралъ гаммы.

— Это фундаментъ всего!—произнесъ онъ, кладя скрипку обратно и смотря на Иванова съ гордо поднятой головой,—да, это основаніе всему! Берите эти звуки, комбинируйте ихъ, варьируйте по волѣ своей фантазіи, сливайте въ аккорды, и вы услышите, какъ они послушно и плавно побѣгутъ подъ вашими пальцами и создадутъ музыку, въ которой выльется поэзія вашей

души. И тогда не забудьте своего стараго учителя, набросайте эти звуки на листокъ бумаги и пошлите ему, въ его далекое одиночество, чтобы лишній разъ порадовать его видомъ милыхъ крючковъ, лишній разъ воскресить въ его старомъ, изболѣвшемъ сердцѣ чудныя воспоминанія молодости... Но, однако, довольно! Эхъ, несносная, болтливая старость! Отчего это глаза не выносятъ ни свѣта, ни пива, и сейчасъ ужъ начинаютъ слезиться? Hoch! Старый скрипачъ привѣтствуетъ молодого! Что вы такъ смотрите на меня? Вы думаете: чувствительный нѣмецъ выпилъ лишнюю кружку и городитъ вздоръ? Пусть такъ! Ну что же изъ этого? Вѣдь я, кажется, ничего дурного не сказалъ? И обиднаго, не такъ ли?

Ивановъ пустился увѣрять, что, совсѣмъ напротивъ,—онъ чрезвычайно цѣнитъ его совѣты, цѣнитъ его расположеніе и даже любовь, которую онъ ничѣмъ еще до сихъ поръ не заслужилъ... А въ сущности ему чрезвычайно странной казалась аффектированная рѣчь учителя.

Во многомъ онъ съ нимъ не соглашался, находилъ утрированнымъ, даже ложнымъ; также не совсѣмъ-то ему по душѣ пришелся самый паѳосъ старика, все это онъ находилъ какъ бы немного театральнымъ. И, однако, обо всемъ этомъ, по привычкѣ русскаго человѣка, онъ не сказалъ ему ни слова, и когда опьянѣвшій учитель предложилъ брудершафтъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ заключилъ старика въ объятія.

Нѣкоторое время онъ еще помнилъ наставленія учителя, и въ Россіи, въ первые дни одинокого проживанія въ своей мрачной комнатѣ, ему часто мерещилась фигура старика, съ пророчески поднятымъ пальцемъ, но наплывъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ лицъ, окружавшихъ его, мало-по-малу, оттѣснилъ и стеръ всякія воспоминанія, связанныя съ пребываніемъ его въ Берлинѣ.

IV.

И вотъ, словно все это происходило только вчера, онъ вспомнилъ слова старика, къ которымъ съ такимъ скептицизмомъ относился въ то время; вспомнилъ его послѣдній совѣтъ, и, какъ утопающій хватается за соломинку, онъ рѣшился, не тратя ни минуты, приняться за экзерцисы. Будучи вполнѣ убѣжденъ, что это почти лишнее, что человѣкъ, робко взявшій смычокъ, все равно погибшій человѣкъ, что страхъ передъ публикой (а онъ его ощущалъ даже теперь, сидя одинъ въ своей комнатѣ) заста-

витъ забыть всякую технику, онъ тѣмъ не менѣе сѣлъ за пюпитръ и, глядя въ объемистую, порядкомъ затасканную тетрадку, сталъ играть.

Время шло своимъ чередомъ. Мутный свѣтъ короткаго зимняго дня смѣнился сумерками, и черныя тѣни повисли въ углахъ мрачной комнаты съ темными обоями и высокимъ потолкомъ, а онъ все продолжалъ играть, не чувствуя усталости. Игра отвлекала его отъ того, о чемъ бы онъ неизбѣжно думалъ; она не давала ему времени сосредоточиться на жгучей мысли о предстоявшемъ концертѣ, и погруженный въ выдѣлываніе всевозможныхъ техническихъ тонкостей, онъ какъ бы находился внѣ времени и пространства. Когда совсѣмъ стемнѣло, и не стало уже видно нотъ, онъ машинально отыскалъ спички, зажегъ свѣчи и снова схватился за смычокъ.

— Баринъ, прикажете подавать самоваръ?—спросила служанка, просунувъ голову въ полуотворенную дверь.

Онъ только взглянулъ на нее какимъ-то страннымъ, недоумѣвавшимъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ.

Та постояла еще немного, и не дождавшись отвѣта, отправилась на кухню.

Ивановъ кончилъ, когда было уже за полночь, и все разношерстное населеніе меблированныхъ комнатъ было объято глубокимъ сномъ. Руки его страшно ломило, онѣ уже отказывались служить. Да и самъ онъ усталъ чрезвычайно и чувствовалъ себя разбитымъ, словно прошелъ Богъ знаетъ какой длинный путь. Шатаясь, какъ пьяный, добрался онъ до кровати, и заснулъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ. Всю ночь его душилъ кошмаръ. То ему казалось, что онъ, въ необычайномъ страхѣ и смятеніи, лѣзъ на какую-то сырую, покрытую скользкой плѣсенью стѣну. Вотъ уже онъ почти достигаетъ цѣли, еще одно усиліе, и онъ наверху, но въ эту самую минуту, словно какая-то невидимая сила толкаетъ его, онъ теряетъ точку опоры, летитъ съ ужасающей быстротой въ зіяющую подъ нимъ черную бездну, и просыпается дрожащій, весь въ холодномъ поту. То, совершенно сознательно, онъ чувствовалъ, какъ начинаетъ весь трепетать отъ чего-то, клокочущаго внутри его, какъ это горячее и клокочущее поднимается все выше и выше, наполняетъ голову и уши страшнымъ шумомъ, звономъ, какими-то неестественными, раздирающими душу криками, и черезъ минуту все опять разрѣшалось холоднымъ потомъ. Въ борьбѣ съ кошмаромъ, онъ каждый разъ дѣлалъ усилія проснуться въ началѣ приступовъ, но какая-то тяжесть прижимала его пылавшую голову къ подушкѣ, парализо-

вала малѣйшую попытку къ движенію. Въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ такой борьбы, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ въ лѣвомъ боку что-то стало усиленно колотиться, и совсѣмъ еще полусонный схватился за грудь.

Онъ сѣлъ на кровать и, обводя расширенными отъ страха глазами темное пространство комнаты, сталъ прислушиваться къ біенію своего сердца. Оно билось страшно, все учащая и учащая удары. Какая-то безотчетная тоска и страхъ сжали ему душу. И въ то же время ему, почему-то, казалось, что вотъ сейчасъ долженъ войти кто-то и крикнуть ему прямо въ уши, во все горло, на всю квартиру, на весь домъ: «а, ты хочешь играть въ концертѣ!» Именно это, и только. Но этотъ ожидаемый крикъ долженъ быть для него смертельнымъ. Ему уже чудились шаги въ корридорѣ, тихіе, тихіе шаги, точно большой и грузный человѣкъ старается подойти на цыпочкахъ; ему казалось, что вотъ уже берутся за ручку двери, чуть-чуть нажимаютъ ее, дверь подается, образовалась длинная, узкая полоска, въ которую сейчасъ вотъ долженъ заглянуть внимательный, горящій глазъ.

Онъ сидѣлъ на кровати съ лицомъ бѣлымъ, какъ его подушка, почти безъ дыханія, съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ былъ мучительный страхъ и ожиданіе, и только все крѣпче и крѣпче прижималъ ладонь правой руки къ тому мѣсту, объ которое бѣшено и неустанно колотилось его больное сердце.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ придти въ себя и сознать критическое положеніе, въ которомъ находился. Съ нимъ повторился припадокъ, схожій съ тѣмъ, какой у него былъ задолго раньше, и по которому врачи опредѣлили болѣзнь сердца. Умереть онъ могъ, конечно, моментально. Каждый изъ этихъ страшныхъ ударовъ сердца могъ быть послѣднимъ. Что было предпринять? Кричать о помощи,— совершенно излишне, такъ какъ навѣрно его никто бы не услышалъ, да наврядъ ли хватило бы у него голоса. Наконецъ, какую бы могли ему оказать помощь ночью, безъ врача?

Однако, онъ не потерялъ присутствія духа. Подъ вліяніемъ внезапно промелькнувшей мысли, онъ всталъ съ кровати, и еле подвигаясь, дотащился до умывальника. Впотьмахъ нащупавъ висѣвшее тутъ же полотенце, онъ снялъ его, опустилъ конецъ въ кувшинъ съ водою, и кое-какъ свернувъ, на подобіе компресса, приложилъ къ сердцу.

Но удары не сокращались. Всю остальную часть ночи и разсвѣтъ онъ провелъ, сидя на кровати, въ постоянномъ мучи-

тельномъ страхѣ и ожиданіи смерти, безпрестанно мѣняя воду. И вотъ, когда узкая полоска холоднаго, зимняго солнца заиграла на краяхъ дверного карниза, и на дворѣ послышалось робкое, однозвучное чириканье воробьевъ, онъ почувствовалъ нѣкоторые признаки облегченія: ночные страхи миновали, дышалось легче, сердце стало биться нормальнѣе, и, наконецъ, утомленный, разслабленный припадкомъ, онъ заснулъ, какъ убитый...

Это былъ день, въ который онъ долженъ былъ играть. Странное дѣло: онъ проснулся бодрымъ, и весь день чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ чая, онъ вышелъ на улицу, много гулялъ, зашелъ къ двумъ, тремъ знакомымъ, у одного изъ нихъ пообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ, много болталъ, смѣялся, и съумѣлъ даже заставить себя забыть о концертѣ.

Но какъ только стемнѣло, и въ кабинетъ пріятеля, у котораго онъ остался обѣдать, внесли лампу,—его какъ будто что кольнуло. Онъ поспѣшно взглянулъ на часы. Было около шести, и времени до начала концерта оставалось много. Онъ наскоро попрощался съ хозяиномъ, и несмотря на упрашиванья того остаться, торопливо вышелъ на улицу. Нѣсколько разъ на пути къ дому онъ вынималъ часы, съ волненіемъ смотрѣлъ на циферблатъ, а захлопнувъ крышку, тотчасъ же забывалъ время. Вообще, относительно послѣдняго, онъ все какъ-то не могъ достичь точнаго опредѣленія: то ему казалось, что еще очень рано,—то очень поздно. Когда онъ пришелъ къ себѣ, волненіе достигло уже большихъ размѣровъ, и онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся за свой туалетъ. Одѣть бѣлый галстухъ и облечься въ фрачную пару, — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, а затѣмъ оставалась еще масса времени, котораго некуда было дѣвать. Помимо того, онъ раньше далъ себѣ слово, что не явится первымъ, а придетъ за нѣсколько минутъ передъ своимъ номеромъ, чтобы не сидѣть лишнее время и не волноваться, глядя, какъ волнуются другіе, выходя на сцену.

И, однако, всѣ его планы и предположенія рушились сами собой. Онъ не высидѣлъ и десяти минутъ, всталъ со стула, и подойдя къ этажеркѣ, сталъ перебирать нотныя тетради. Отложивъ въ сторону то, что онъ долженъ былъ исполнить, онъ потянулъ изъ-подъ кипы нотъ довольно ветхую тетрадку съ запылившимися, загнутыми краями, раскрылъ ее, и нерѣшительно перевернулъ нѣсколько страницъ.

— А вѣдь ты разсчитываешь, все-таки, на успѣхъ!—словно шепнулъ ему какой-то внутренній голосъ,—вотъ и для повторенія приготовилъ...

Онъ вдругъ смутился и хотѣлъ-было положить тетрадь обратно, но тотчасъ же раздумалъ.

— Ну да, для повторенія,—почти вслухъ сказалъ онъ самому себѣ,—что же изъ этого? Вѣдь можетъ же случиться, что публика потребуетъ... и на всякій случай... отчего не имѣть. Но когда онъ одѣлъ пальто, взялъ скрипку и вышелъ на улицу, прежнія сомнѣнія вернулись къ нему, и онъ тотчасъ же раскаялся, что захватилъ съ собой эту тетрадку. Это показалось ему дурнымъ предзнаменованіемъ, и волненіе, которое въ немъ не проходило, а только какъ бы замирало, минутами, снова охватило его душу.

Трясясь и подскакивая на ухабахъ, онъ ѣхалъ, съ тревогой въ сердцѣ слѣдя за постепенно уменьшавшимся разстояніемъ, отдѣлявшимъ его отъ того мѣста, гдѣ сегодня, такъ или иначе, должна была рѣшиться его судьба.

Еще издали онъ завидѣлъ длинный рядъ ярко освѣщенныхъ оконъ и затянутый тикомъ подъѣздъ, у котораго расхаживали городовые. Приказавъ извощику остановиться у воротъ и распросивъ дворника, глуповатаго малаго, съ толстымъ лицомъ, какъ пройти за сцену, онъ прошелъ весь дворъ, поспѣшно направился къ подъѣзду, поспѣшно, задохнувшись, поднялся въ третій этажъ, и позвонилъ. Дверь ему отворилъ всклокоченный, заспанный мужикъ, и назвавъ себя театральнымъ плотникомъ, принялъ отъ него на сохраненіе верхнюю одежду. Слѣдуя указанію того же плотника, онъ пришелъ въ небольшую комнату, освѣщенную нѣсколькими газовыми рожками, осмотрѣлся, взглянулъ на часы, и увидѣлъ, что явился первымъ.

V.

И вотъ онъ сидитъ одинъ въ этой пустой, скудно меблированной комнатѣ съ темными окнами, уныло глядящими на темный дворъ, сидитъ, прижавшись въ уголъ дивана, и въ то время, какъ внутри его происходитъ глухая, неустанная борьба между цѣлымъ рядомъ сомнѣній и желаніемъ удовлетворенія своего самолюбія, желаніемъ съиграть, отличиться,—взглядъ его блуждаетъ въ пространствѣ, какъ бы изучая и запоминая каждую деталь незнакомой обстановки.

Тишина. И въ двухъ сосѣднихъ комнаткахъ, которыя плотникъ назвалъ уборными, тоже тихо, тоже, должно быть, нѣтъ ни души. Только откуда-то издалека, по корридору, по всей

вѣроятности изъ плотницкой, доносится мѣрный, густой храпъ, да съ противуположной стороны, оттуда, куда ведетъ деревянная лѣсенка, слышатся чьи-то шаги, заглушающіе еще менѣе уловимый шумъ, идущій Богъ вѣсть откуда и похожій на отдаленный прибой морскихъ волнъ.

Ему отлично видна эта лѣсенка, за нею полуотворенная дверь съ наклееннымъ объявленіемъ и далѣе часть темнаго пространства съ выступающими краями какихъ-то безобразныхъ, рогатыхъ махинъ. Это—сцена. Тамъ теперь мракъ и тишина, но черезъ какой-нибудь часъ, полъ-часа, все оживетъ, освѣтится, заснуютъ мужики, забѣгаютъ люди въ блузахъ, появятся господа во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, и дамы въ платьяхъ съ шлейфами, взовьется занавѣсъ, загремитъ рояль. Будутъ апплодисменты, цвѣты, букеты, раздастся смѣхъ, оживленный говоръ, и онъ пойдетъ туда, переступитъ «театральный Рубиконъ», какъ онъ мысленно назвалъ свое появленіе на эстрадѣ, очутится въ массѣ свѣта, лицомъ къ публикѣ, явится объектомъ наблюденія сотни незнакомыхъ глазъ, заиграетъ, «исполнитъ свой номеръ» и уйдетъ. И всѣ уйдутъ. Тогда все погаснетъ, все потускнѣетъ, снова воцарятся мракъ и тишина, нарушаемая пискомъ и возней крысъ.

Мишурный блескъ! Мишурная жизнь, нелѣпая, какъ эта фольга, украшающая края безобразно размалеванныхъ декорацій, гадкая вблизи и такая красивая, блестящая издали. И зачѣмъ она, кому нужна? Зачѣмъ жить? Кому нуженъ ты, извлекающій пучкомъ конскихъ волосъ звуки изъ деревяннаго ящика, ты, со всѣми твоими думами и порывами вышедшій на потѣху праздной публики и сейчасъ же забытый ею, какъ забытъ былъ этотъ миніатюрный букетикъ, что вчера еще благоухалъ въ хорошенькихъ ручкахъ восхищенной успѣхомъ пѣвицы, а сегодня вонъ жалкій, засохшій, валяется на окнѣ.

— Ага! Вы уже здѣсь?—раздалось восклицаніе, и передъ его изумленными глазами предсталъ знакомый господинъ съ усами въ стрѣлку,—это очень, очень мило съ вашей стороны... Одинъ изъ первыхъ!

Онъ наскоро, но съ чувствомъ пожалъ ему руку, и подлетѣвъ къ зеркалу, принялся охорашиваться, взбивая прическу и закручивая усы.

— А то, знаете-ли, бываетъ сплошь и рядомъ, что опаздываютъ... Просто бѣда! Публика бѣснуется, а выпускать некого... А не то такъ и вовсе не пріѣдутъ. Сегодня, впрочемъ, концер-

товъ нѣтъ, можно надѣяться, что никто не заболѣетъ! Ха, ха! Человѣкъ!

Въ дверяхъ показалась выбритая фигура во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Во-первыхъ, чаю съ лимономъ, со сливками, ну тамъ варенья еще подай,—это для прекраснаго пола,—пояснилъ онъ всторону,—потомъ коньяку графинчикъ, печенiй, коробку конфектъ, самыхъ лучшихъ... Понялъ? Все это ты сервируешь на этомъ столикѣ, и не отлучаться. Никуда! Понялъ?

— Слушаю-съ.

Лакей ушелъ, а господинъ съ усами въ стрѣлку подсѣлъ на диванчикъ и затарантилъ:

— Вы не повѣрите, какъ я сегодня измучился! Съ утра на ногахъ... Нужно было всѣхъ объѣздить, у всѣхъ побывать и напомнить. А не то забудутъ, положительно забудутъ, и потомъ еще въ претензiи, зачѣмъ не напомнили. Право! Ужасно забывчивы господа артисты! Да чего лучше,—сегодня. Прiѣзжаю къ А. (наша примадонна, звѣзда!) спрашиваю: «дома?»—Дома-съ; пожалуйте.—Вхожу въ гостиную. Изъ другой двери, — сама. Смотритъ на меня, поднявъ брови, удивленiе такое изобразила на лицѣ, будто въ первый разъ встрѣчаемся—«Что угодно?»—Прiѣхалъ напомнить объ обѣщанiи, столь любезно данномъ, ну тамъ и прочее. Брови подымаются все выше и выше.—«Какъ, неужели? Развѣ я пою? Но мнѣ никакъ нельзя!» Помилуйте, сударыня, я являлся къ вамъ на прошлой недѣлѣ отъ имени предсѣдательницы, ея сiятельства... Не дала докончить, попросила сѣсть (а то вѣдь стоялъ все время, вотъ положенiе!) и такимъ жалобнымъ тономъ затянула, что и нездоровится-то ей, и устала, и не въ голосѣ. Эге, думаю, матушка, изъ другой оперы запѣла! И давай ей разныхъ жупеловъ подпускать. «Святое», молъ, «дѣло», «бѣдныя дѣти», «чердаки», «гнилые подвалы». Все это въ довольно яркихъ краскахъ изобразилъ и, конечно, побѣдилъ. А то еще случай... Прекурьезный я вамъ скажу...

Но въ это время вошелъ одинъ изъ исполнителей, длинный, бородатый господинъ мрачнаго вида, и разсказчикъ мотылькомъ устремился ему на-встрѣчу.

— Прекрасно, прекрасно!—доносился его голосъ изъ другого угла комнаты, куда онъ загналъ того и приперъ его къ стѣнѣ:—все идетъ отлично! билеты раскуплены, публики будетъ масса; А. прiѣдетъ непремѣнно, поднесемъ букетъ. Вотъ только, чортъ его знаетъ, цвѣточникъ не опоздалъ бы!.. Виноватъ, одну минуточку!

Въ комнату входилъ піанистъ, небольшого роста, плотный господинъ, съ лысиной.

Распорядитель бросился и къ піанисту, нѣсколько разъ съ чувствомъ потрясъ его руку, и тоже сообщилъ, что «все прекрасно». Слѣдомъ за піанистомъ вошелъ аккомпаніаторъ. Къ этому распорядитель не бросался, а дружески похлопалъ по плечу и за что-то назвалъ «молодцомъ».

Внесли чай. Всѣ взяли по стакану, кто влилъ сливокъ, кто коньяку и, усѣвшись въ тѣсный кружокъ, принялись болтать.

— Всѣ спятъ, всѣ спятъ!—ораторствовалъ распорядитель, жестикулируя,—мумій какихъ-то египетскихъ изображаютъ!! Руки опустятъ, носы повѣсятъ, чертятъ себѣ что-то на листахъ бумаги, головки, должно быть, разныя изображаютъ. Зло меня взяло, я началъ говорить, иронизировать. «Господа», говорю, «мы все равно какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ,—«сѣдахомъ и плакахомъ». Дѣйствительно, говорю, положеніе наше скверное: дѣтей въ подвалахъ страшная масса,—благотворителей, пожалуй, и много, да денегъ у нихъ совсѣмъ ничего. Касса наша пуста, положеніе адское, чтó говорить! но все-таки не нужно отчаяваться. Дадимъ, говорю, концертъ. Удастся,—дадимъ другой, третій; неудастся,— все равно дадимъ другой! Ну, понятная вещь, всѣ сейчасъ за это и ухватились, всѣ эти старички, старушки и зашамкали: «ахъ, кончертъ, кончертъ!» Словно я имъ Америку какую открылъ... Право! Ну, рѣшили дать концертъ, поручили мнѣ всѣ хлопоты и, какъ видите, мои предположенія оправдались: билеты всѣ раскуплены. Правда, я поработалъ,—хлопоталъ, ѣздилъ, всучивалъ билеты...

— Гм! Оно такъ, конечно! Концертъ, — отчего же, концертъ, вещь хорошая,—заявилъ господинъ мрачнаго вида,—а только нужно составить интересно... Куплеты, напримѣръ...

— А что вы думаете? Вѣдь это приманка!—воскликнулъ піанистъ,—вообще программа должна быть разнообразная.

— А я полагаю больше серьезныхъ вещей!—вставилъ свое слово аккомпаніаторъ, пожилой господинъ солидной наружности, въ очкахъ, смахивавшій нѣсколько на нѣмца.

— Серьезныхъ!—воскликнулъ піанистъ, и даже привскакнулъ на стулѣ,—ну, этого не говорите! Пробовалъ я, батенька, въ этомъ жанрѣ,—одно огорченіе! Наша публика, нужно вамъ сказать,—страшная невѣжда. Играешь Сенъ-Санса, а въ залѣ гулъ стоитъ отъ разговоровъ. Нѣтъ, такую публику ни Шуманомъ, ни Бетховеномъ не проймешь! Ей нужна оглобля, ее по башкѣ нужно лупить, чтобы чувствовала. Пустить этакое что-

нибудь коротенькое, трескучее, чтобы на барабанную перепонку дѣйствовало, — вотъ это понравится. И я теперь перемѣнилъ систему: все больше такія вещи валяю, почему и имѣю успѣхъ.

Піанистъ оглядѣлся съ самодовольнымъ видомъ. Сконфуженный аккомпаніаторъ сидѣлъ, потупивъ голову.

Наступило неловкое молчаніе. Вдругъ, господинъ съ усами въ стрѣлку, какъ бы что вспомнивъ, вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ молодому человѣку, попрежнему одиноко сидѣвшему на диванѣ.

— Monsieur Ивановъ!—окликнулъ онъ его,—что же вы это уединились? Пожалуйте къ намъ поближе!

VI.

Его словно кто разбудилъ. Подъ непрерывную, монотонную трескотню разговоровъ и мельканье лицъ, онъ совершенно углубился въ себя, забывъ объ окружавшихъ, и о томъ, гдѣ находится. Не понимая, зачѣмъ его зовутъ, машинально всталъ онъ съ дивана, и подошелъ къ разговаривавшимъ. Распорядитель отрекомендовалъ его всѣмъ по очереди. Онъ кланялся, пожималъ протянутую руку, говорилъ что-то въ родѣ «очень пріятно познакомиться», и въ сущности очень далекъ былъ отъ всѣхъ этихъ господъ. Неожиданный вопросъ аккомпаніатора заставилъ его нѣсколько прійти въ себя.

— Позвольте узнать, вы какой же концертъ Вьетана будете играть?—спрашиваетъ тотъ. Онъ назвалъ.

— А, это довольно трудная вещь!—замѣтилъ аккомпаніаторъ, нахмурилъ брови и оттопырилъ нижнюю губу,—впрочемъ я его хорошо знаю. Надѣюсь, сыграемся. Ну, а на bis?

Ивановъ смутился и молчалъ, чувствуя, какъ начинаютъ краснѣть его щеки. Вотъ именно того, что онъ лелѣялъ въ мысляхъ сыграть на bis, ему страшно не хотѣлось называть. Кромѣ того онъ зналъ, что аккомпаніаторъ непремѣнно запротестуетъ. Но тотъ поспѣшилъ ему на помощь.

— Вотъ, напримѣръ, мазурка Венявскаго,—предложилъ онъ,—трудновато немного, но прелестная вещь.

— Да... Я знаю... Мазурка, да...—отвѣчалъ онъ, растерявшись.

Аккомпаніаторъ пытливо посмотрѣлъ на него сквозь очки и отошелъ.

Между тѣмъ піанистъ, пѣвецъ и двое прибывшихъ изъ залы

распорядителей, весьма изящныхъ молодыхъ людей, громко болтали о разныхъ скандалезныхъ случаяхъ изъ жизни артистовъ.

— Помилуйте!—кричалъ піанистъ,—что вы мнѣ толкуете! Вотъ тоже нашли добродѣтель! Съ которыхъ это поръ, интересно только знать? Развѣ какъ она стала немилосердно мазаться и подкладывать вату? Вѣдь она стара, какъ смертный грѣхъ. Я помню, когда у ней еще былъ голосъ, тогда, дѣйствительно, ее можно было назвать не красавицей, нѣтъ, а такъ... «миленькой особой». И тогда этихъ амуровъ было не обобраться! Вотъ нашли тоже, на кого указать! Да знаете ли вы, что даже теперь... да вы, вѣроятно, его видали... этотъ подрядчикъ съ апостольской физіономіей. И, пожалуйста, не думайте, что онъ единственный. Ха, ха!

— Какъ хотите, господа, а по-моему это все-таки лучше! —замѣтилъ пѣвецъ,—ну, что въ томъ, жить такъ, какъ живутъ В. Каждый божій день у нихъ драка. Безпрестанныя сцены ревности, вопли, содомъ! Лѣтомъ они жили на дачѣ, такъ это, я вамъ скажу, просто скандалъ! Всѣ сосѣди знали ихъ домашнюю жизнь, на гуляньяхъ просто пальцами показывали.

— А знаете отчего?—спросилъ піанистъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:—неужели не знаете?. Помилуйте, это всѣмъ всѣмъ извѣстно... Вѣдь онъ...

Тутъ піанистъ произнесъ что-то неприличное, но вдругъ оглянулся, фыркнулъ себѣ подъ носъ, и сталъ мѣшать ложечкой въ стаканѣ.

Въ комнату входили двѣ дамы. Одна молодая, довольно шикарно и со вкусомъ одѣтая, другая уже совсѣмъ старуха, въ скромной репсовой шубкѣ, съ картонкой въ рукахъ,—нѣчто въ родѣ «артистической мамаши» или компаньонки.

Молодая дама подошла къ бесѣдовавшимъ.

— Здравствуйте!—сказала она, протягивая руку піанисту,—я не опоздала? Еще не начинали?

— Только васъ ждемъ!—отвѣчалъ тотъ, дерзко смотря ей въ лицо.

Одинъ изъ изящныхъ молодыхъ людей всталъ со стула.

— Пожалуйте сюда, на право! Тутъ дамская уборная!—говорилъ онъ, жестомъ приглашая даму слѣдовать за нимъ.

— Это что за фигура?—спросилъ пѣвецъ, когда дама скрылась за дверью.

— Пѣвица С. Участвуетъ во всѣхъ благотворительныхъ концертахъ. Бездарность!—отвѣчалъ піанистъ, дѣлая гримасу.

— За то недурна! Какъ бы ни спѣла, всегда будетъ имѣть

успѣхъ,—замѣтилъ пѣвецъ,—это не нашъ братъ, мужчина. Тутъ ужъ рожей ничего не возьмешь!

Они покончили съ чаемъ и закурили. Въ клубахъ табачнаго дыма обрисовывались, то жирное, нахальное лицо піаниста, то угрюмое, бородатое лицо пѣвца, то сверкали очки аккомпаніатора. Распорядители уже не сидѣли спокойно; то одинъ, то другой вскакивали съ мѣстъ и устремлялись въ корридоръ, откуда ожидалось прибытіе извѣстной пѣвицы. Господинъ съ усами въ стрѣлку безпрестанно поглядывалъ на свои роскошные золотые часы съ множествомъ разнообразныхъ брелокъ на массивной цѣпочкѣ, и поднимался по лѣсенкѣ на сцену, гдѣ вполголоса отдавалъ приказанія прислугѣ. Спускаясь оттуда, онъ каждый разъ освѣдомлялся, не пріѣхала ли А., и, получая отрицательный отвѣтъ, нервно подергивалъ плечами.

Эта нервность, эта ажитація мало-по-малу сообщилась присутствовавшимъ. Что-то лихорадочно-торопливое стало сказываться въ ихъ словахъ и движеніяхъ, и какъ-то сама собой замолкала благодушная, спокойная бесѣда. Піанистъ сидѣлъ, закинувъ голову назадъ, и съ сосредоточеннымъ видомъ пальцами правой руки барабанилъ по столу; пѣвецъ, заложивъ руки за спину, большими шагами расхаживалъ по комнатѣ, мурлыча что-то подъ носъ. Изъ дамской уборной доносились рулады и мотивы оперныхъ отрывковъ. Одинъ аккомпаніаторъ спокойно курилъ сигару. Молодой дебютантъ также тихо сидѣлъ въ своемъ углу, тупо устремивъ глаза въ пространство. Впрочемъ, спокойствіе его было совсѣмъ особаго рода; пожалуй, даже это вовсе не было спокойствіе въ томъ обыденномъ смыслѣ, какъ принято понимать. Скорѣе это было странное состояніе отрѣшенности отъ внѣшняго міра, то состояніе временного «небытія», когда человѣкъ не только не вникаетъ во все окружающее и не принимаетъ въ немъ активнаго участія, но даже не понимаетъ его и какъ бы не чувствуетъ самого себя. Что-то вокругъ его живетъ, дѣйствуетъ, передвигается, сцены и событія смѣняются одни другими, тянется какая-то безконечная цѣпь причинныхъ явленій, а онъ сидитъ, весь поглощенный своими размышленіями, весь ушедшій въ свою, одному ему понятную, одинокую душу, и не видитъ, и не понимаетъ ничего другого. Спросите его въ эту минуту о чемъ-нибудь, онъ не отвѣтитъ, или отвѣтитъ не впопадъ, что-нибудь неподходящее; позовите его, онъ рефлективно отзовется: «а»? и не тронется съ мѣста, возьмите его за руку, и ведите куда пожелаете,—уступая силѣ,

онъ пойдетъ за вами, но если, на половинѣ пути вы покинете его,—онъ такъ и останется стоять на одномъ мѣстѣ.

— Ну посмотрите же, посмотрите, ради Бога, какая прелесть!—кричалъ распорядитель съ усами въ стрѣлку, стаскивая его съ дивана, и увлекая къ цѣлой группѣ мужчинъ и дамъ, окружившихъ какой-то предметъ, — вѣдь это чудо, что такое! Какой вкусъ, какое изящество! А ароматъ-то, ароматъ!

Онъ опомнился въ тотъ моментъ, когда распорядитель, съ странной фамильярностью, объясняемой, впрочемъ, сильной степенью испытываемаго восторга, протолкалъ его сквозь толпу, и поставилъ передъ картонкой, откуда выглядывалъ громадный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, артистически перевитый бѣлой, атласной лентой.

— Какой прелестный букетъ! И самыя свѣжія розы! Посмотрите, здѣсь камеліи!

— И резеда! Ахъ какъ я люблю резеду! — слышались завистливыя восклицанія восхищенной толпы.

— Кому же этотъ букетъ? — тономъ наивнаго жеманства спросила пѣвица.

— Я бы хотѣлъ сказать,—вамъ, еслибы онъ былъ пріобрѣтенъ мною, — галантно отвѣчалъ распорядитель, — но онъ присланъ А.

— Кѣмъ-нибудь изъ ея почитателей?

Самая алчная зависть, какую только можно себѣ представить, сверкнула въ хорошенькихъ глазкахъ дамы.

— Гм... Должно быть почитателемъ, — растерянно отвѣчалъ тотъ.

— Ого! Какіе у ней, однако, почитатели! Впрочемъ, букетъ,—это еще не Богъ знаетъ что!

Пѣвица съ достоинствомъ отошла отъ букета, который тотчасъ же былъ унесенъ куда-то. Всѣ разошлись по разнымъ угламъ, и молодой человѣкъ снова забрался въ свое укромное мѣсто, наблюдая оттуда ту лихорадочную сутолову и мельканье лицъ, которыя затѣмъ наступили.

Теперь все достигло извѣстнаго напряженія. Съ напряженно-тоскливымъ выраженіемъ лицъ, бѣгали взадъ и впередъ распорядители; съ тѣмъ же тоскливо-напряженнымъ выраженіемъ исполнители слонялись по комнатѣ, и даже за кулисами, держа наготовѣ въ рукахъ, затянутыхъ въ лайку, тетради нотъ. Невозмутимый аккомпаніаторъ и тотъ проявилъ нѣкоторую наклонность къ волненію, стоя передъ темнымъ, словно глядѣвшимъ въ бездонную, черную яму, окномъ, и пощипывая бороду.

А за сценой было уже свѣтло. Все горѣло огнями. Декораціи, казавшіяся прежде какими-то рогатыми махинами, изображали теперь грубо размалеванные виды лѣсовъ, долинъ съ протекавшими мирно ручейками, и лиловыхъ горъ, съ бѣлыми, какъ сахарныя головы, верхушками. Съ боковъ, за рѣшетчатыми рампами горѣлъ газъ, и газовщикъ, рыжій мужикъ въ синей блузѣ, стоялъ, задумчиво облокотясь на кранъ, готовый въ минуту яркій свѣтъ театральнаго «дня», однимъ поворотомъ руки, превратить въ мечтательный полумракъ вечера, или таинственно грозный сумракъ ночи. И тотъ странный шумъ, слышанный молодымъ человѣкомъ вначалѣ, и походившій на отдаленный прибой морскихъ волнъ, доносился все явственнѣе и явственнѣе, превратившись, наконецъ, въ говоръ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ.

Вдругъ изъ залы донесся взрывъ аплодисментовъ. Соскучившаяся толпа звала свою жертву...

VII.

— Выходи Варвара на расправу!—ни къ кому собственно не обращаясь, произнесъ піанистъ, налилъ рюмку коньяку, и довольно художественно опрокинулъ ее въ ротъ.

Къ бутылкѣ протянулась блѣдная, слегка дрожавшая рука: молодой человѣкъ налилъ тоже рюмку, и съ видимымъ усиліемъ, даже какимъ-то отвращеніемъ, что выразилось въ легкомъ подергиваньи плечъ, медленно опорожнилъ.

— Господа! — вскричалъ откуда-то внезапно появившійся распорядитель.—А. не ѣдетъ, что дѣлать?

— Начинать,—спокойно отвѣтилъ аккомпаніаторъ.

— Да вѣдь она поетъ пятой! Мы кончимъ, а она еще не пріѣдетъ?

— Значитъ, не будетъ вовсе!—сказалъ пѣвецъ.

— Нельзя же и насъ задерживать,—замѣтилъ піанистъ.

Изъ залы послышались новые аплодисменты.

— Такъ я васъ попрошу выходить!—обратился распорядитель къ піанисту, и хотѣлъ уже порхнуть на сцену, но его остановила пѣвица.

— Monsieur, я хочу васъ просить, нельзя ли мнѣ послѣ нихъ?

— Но, сударыня, вашъ номеръ послѣ скрипки! — отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, мнѣ такъ нужно домой...

— Будьте любезны, спросите г. Иванова, можетъ быть, они уступятъ.

— Monsieur Ивановъ! — произнесла та, подходя къ молодому человѣку и сдѣлавъ умоляющее лицо.

Тотъ поклонился.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня!

Піанистъ готовился къ выходу. Онъ выпилъ наскоро еще рюмку коньяку, выпрямился, тряхнулъ волосами, и сталъ сжимать пальцы такъ, что тѣ хрустѣли; потомъ быстро вбѣжалъ по лѣсенкѣ, и остановился въ боковой кулисѣ. Занавѣсъ взвился. Піанистъ широко распахнулъ дверь, и медленной, театральной походкой, гордо поднявъ голову, подошелъ къ авансценѣ. Его встрѣтили двумя, тремя апплодисментами, на которые онъ счелъ долгомъ раскланяться, потомъ увѣренно усѣлся за рояль, и съ силой ударилъ по клавишамъ всѣми десятью пальцами. Треску въ его игрѣ было дѣйствительно много: усиленно работала нога надъ педалью, рояль колыхался отъ могучихъ ударовъ здоровенныхъ ручищъ, и пряди волосъ, сотрясаясь при движеніяхъ корпуса, лѣзли на глаза піаниста, тѣмъ не менѣе, когда онъ кончилъ и обвелъ публику торжествующимъ взглядомъ, въ награду раздались тѣ же три апплодисмента.

— Знаете, кто ему апплодируетъ? — замѣтила стоявшая за кулисами пѣвица господину съ усами въ стрѣлку, — его жена, и двое племянниковъ, кадеты!

Обозленный, красный, съ крупными каплями пота на лбу, вбѣжалъ піанистъ въ исполнительскую и, упавъ на стулъ, произнесъ:

— Ну, публика! Да это просто ледникъ какой-то!

Извѣстіе это на всѣхъ подѣйствовало удручающимъ образомъ. Всѣ притихли, а нѣкоторые, съ выраженіемъ сочувствія поглядѣли на бѣднаго піаниста, который, дрожавшей отъ напряженія рукой, наливалъ въ стаканъ сельтерскую воду.

— Дурной знакъ, господа! — говорилъ піанистъ; — ужъ если я не могъ расшевелить публику, да еще такой вещью, — плохо дѣло! Но что за публика, что за публика!..

Онъ даже обругался.

По скрипучимъ ступенькамъ лѣсенки, поднимался пѣвецъ. На лицѣ его было написано смущеніе, тетрадка нотъ слегка дрожала въ рукѣ.

Онъ тоже не имѣлъ успѣха. Такое же количество апплодисментовъ, какое было отпущено на долю піаниста, не искупило того старанія, съ которымъ несчастный усиливался выво-

дить верхнія ноты, — и пѣвецъ вернулся въ исполнительскую еще болѣе мрачный и недовольный.

Тамъ происходила суматоха. Всѣ трое распорядителей, окруживъ высокую, дородную даму, суетились и хлопотали, принимая изъ ея рукъ маленькій сакъ, боа, и снимая шубку изъ чернобурыхъ лисицъ.

Дама снисходительно улыбалась, выказывая два ряда ослѣпительно бѣлыхъ, маленькихъ зубокъ, мило отшучивалась отъ сѣтованій на то, что она опоздала, и въ то же время быстрыми взглядами окидывала присутствовавшихъ.

И когда она медленно скрылась въ уборной, тяжело шурша длиннымъ шлейфомъ своего малиноваго, бархатнаго платья, всѣ трое распорядителей вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ и переглянулись: А. пріѣхала, и такъ или иначе, а неудавшійся концертъ можно было свалить съ плечъ! На нее только и возлагались всѣ надежды. Она одна должна была нанести рѣшительный ударъ равнодушію публики, потрясти ее, вызвать бурю рукоплесканій. Остальными не интересовались; объ нихъ даже совершенно позабыли.

О, это та же война,—между публикой и артистами,—страшная война на смерть! Вотъ, должно быть, почему, пѣвица, торопившаяся пѣть не въ очередь, такая блѣдная, съ такимъ испуганнымъ видомъ шла на сцену, какъ будто бы ее вели на казнь...

Слѣдомъ за нею, за кулисы прошелъ дебютантъ со скрипкою въ рукѣ.

По мѣрѣ того какъ время шло, и приближался моментъ, когда онъ долженъ былъ выступить передъ публикой, прежнее волненіе, оставившее-было его подъ вліяніемъ рѣчей и движенія толпы въ исполнительской, снова мало-по-малу начало овладѣвать имъ. Какая-то безотчетная тоска сжимала его душу, и предчувствіе постепенно приближавшейся, подобно грозовой тучѣ, бѣды, угнетало его умъ.

И прежній вопросъ, неустанно мучившій его въ теченіе послѣднихъ двухъ дней, снова всталъ передъ нимъ.

«Зачѣмъ, зачѣмъ онъ здѣсь?»

Въ тоскѣ онъ прислонился къ декораціи, составлявшей заднюю часть сцены, и увидѣлъ передъ собой узкую полосу свѣта, который исходилъ изъ нарочно сдѣланной въ ростъ человѣка, маленькой, круглой дырочки.

Онъ приложился къ ней глазомъ.

Пѣвица стояла къ нему спиною, и онъ видѣлъ ея плечи, слегка приподнимавшіяся въ тѣ моменты, когда она вбирала

воздухъ, и ея шиньонъ, совершавшій плавныя движенія взадъ и впередъ. Далѣе его взору представился залитый огнями и переполненный публикою залъ. Дамы и кавалеры, военные, и юноши въ мундирахъ разныхъ учебныхъ заведеній, занимали ряды стульевъ, смотря въ бинокли на пѣвицу и разговаривая между собою. Въ первомъ ряду ему бросилась въ глаза осанистая фигура генерала съ длинными усами, на минуту взглядъ его упалъ на молодую дѣвушку въ черномъ платьѣ, которая съ большимъ интересомъ слушала пѣніе, затѣмъ скользнулъ по ложамъ, и вдругъ онъ, какъ ужаленный, отпрянулъ назадъ, едва не выронивъ скрипку.

Смертельная блѣдность покрыла его лицо, выраженіе страшнаго испуга застыло въ расширенныхъ зрачкахъ, губы тряслись, и въ нервномъ подергиваньи, невольно шептали имя той, которую онъ такъ неожиданно увидѣлъ.

VIII.

Мечтательно откинувъ назадъ свою красивую, русую головку, съ приколотой сбоку ярко-пунцовой розой, Надежда Петровна сидѣла рядомъ съ отцомъ, сѣденькимъ старичкомъ съ орденской ленточкой въ петлицѣ, и смотрѣла на сцену утомленнымъ, безучастнымъ взглядомъ. Во всей ея фигурѣ, тонкой и изящной, изобличавшей нервное сложеніе, было нѣчто властное, капризное, особенно сказывавшееся въ складкахъ лба между бровями, нѣчто такое, что пріобрѣтается привычкой съ младенческихъ лѣтъ къ безусловному царенью надъ всѣми окружающими. О такихъ дѣвушкахъ говорится обыкновенно, что въ нихъ «бѣсъ сидитъ», да, пожалуй, ничѣмъ инымъ, кромѣ присутствія «злого духа» нельзя объяснить тѣ подчасъ нелѣпыя и сумасбродныя выходки, которыми онѣ приводятъ въ ужа́съ и безжалостно терзаютъ людей, имѣющихъ съ ними близкое соприкосновеніе.

На барьерѣ ложи лежалъ листокъ програмы, который молодая дѣвушка часто, безъ видимой причины, брала въ руки и перечитывала, съ какой-то настойчивой вдумчивостью останавливаясь на одномъ имени.

По временамъ она наклоняла голову къ отцу и шептала:

— Рѣшительно не понимаю, отчего онъ такъ долго не появляется!

— Кто, мой другъ?—разсѣянно спрашивалъ старичекъ и, пользуясь случаемъ, тихонько позѣвывалъ въ руку.

— Ахъ, Боже мой, папа, какой ты странный! Я тебѣ сотню, тысячу разъ говорила, что это должно быть онъ, а ты каждый разъ меня спрашиваешь: «кто, кто»... Ты совсѣмъ спишь!

— Признаться сказать, Надюша, спать ужасно хочется! — сознался старичекъ.

— А все-таки нужно дождаться! Папочка, милый, подождемъ еще немного. Вотъ послѣ этой пѣвицы онъ долженъ играть. Непремѣнно!

— Ну, конечно, если ты этого захочешь, онъ непремѣнно будетъ играть. Хе, хе! Ахъ, Надюша, Надюша! Ну и представь себѣ (добродушно-лукавая улыбка скользнула по губамъ старика), выходитъ этотъ самый піанистъ...

— Піанистъ? Папочка!

— Т.-е. я хотѣлъ сказать: скрипачъ... Я, мой другъ, совсѣмъ сплю, этотъ концертъ уморилъ меня; такъ выходитъ скрипачъ, и оказывается вовсе не Сергѣемъ Алексѣевичемъ!

— Ахъ, папочка, ну какой ты, право, смѣшной! Да посмотри, ради Бога въ программу. Ну, посмотри, посмотри, пожалуйста! «Исполнитъ г. Ивановъ»...

— Ну, мой другъ, Ивановыхъ на Руси... — началъ было тотъ, но дѣвушка не стала слушать и, надувъ губки, и сдвинувъ свои красивыя, тонкія брови, отвернулась отъ отца.

Въ эту минуту раздались апплодисменты. На сценѣ появилась извѣстная пѣвица. Нѣсколько секундъ она граціозно раскланивалась во всѣ стороны, изобразивъ на полномъ, порядочно устарѣвшемъ, лицѣ наивную улыбку юности, и, дождавшись, когда стихли апплодисменты, запѣла романсъ. Пѣла она, конечно, не дурно, но какъ бы нехотя, безъ должнаго увлеченія, тѣмъ не менѣе публика слушала съ большимъ вниманіемъ, подъ конецъ наградивъ пѣвицу рукоплесканіями и криками bis. Пѣвица раскланялась и, не уходя со сцены, спѣла еще коротенькую, бравурную вещичку. Опять апплодисменты и крики «браво». Въ это время господинъ съ усами въ стрѣлку черезъ весь залъ понесъ букетъ и, подойдя къ рампѣ, съ поклономъ подалъ его пѣвицѣ. Та непринужденно приняла букетъ, какъ неизбѣжное приношеніе таланту и, раскланявшись съ апплодировавшей публикой, съ достоинствомъ удалилась за сцену, влача за собою роскошный шлейфъ.

Съ ея уходомъ волненіе въ залѣ улеглось. Рецензентъ собирался уходить, принялъ шляпу съ колѣнъ, и даже привсталъ со стула. Знакомый убѣждалъ его остаться; тотъ пожалъ плечами, состроивъ кислую гримасу, но все-таки внялъ просьбамъ,

и снова усѣлся. Нѣсколько человѣкъ, очевидно изъ ярыхъ поклонниковъ пѣвицы, тоже встали, и направились къ выходу, стуча каблуками, не взирая на шиканье остальной публики.

Надежда Петровна съ величайшимъ интересомъ смотрѣла на сцену. Нисколько не думая о томъ, что на нее могло быть обращено общее вниманіе, она перегнулась за барьеръ ложи, и слѣдила по тому направленію, откуда выходили артисты.

Маленькая, пухлая ручка, придерживавшая бинокль, слегка дрожала, грудь колыхалась неравномѣрнымъ дыханіемъ, лицо то блѣднѣло, то вспыхивало яркимъ заревомъ румянца. О, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она выхода того загадочнаго человѣка, имя котораго, съ перваго момента появленія его въ афишахъ, напомнило ей нѣчто изъ отдаленнаго прошлаго, и все время странной тревогой заставляло биться ея сердце. И онъ явился... Тихими, какъ бы размѣренными шагами подошелъ онъ къ рампѣ и поклонился по направленію къ ея ложѣ. И когда онъ поднялъ голову, откинувъ назадъ пряди бѣлокурыхъ кудрей, ей вдругъ показалось, что злая усмѣшка искривила его губы.

Она опустила бинокль, и откинулась въ глубину ложи.

Да, это былъ онъ. Предчувствіе не обмануло ее. Но это не былъ тотъ наивный, робкій юноша Сережа, сынъ управляющаго имѣніемъ отца, который семь лѣтъ тому назадъ такъ смѣшно объяснился ей въ любви. Тогда, будучи тоже совсѣмъ юной дѣвицей, она, однако, сознавала неравенство ихъ общественныхъ положеній, и съ гордостью дворянки, воспитывавшейся въ институтѣ, отвергла его любовь. Теперь же передъ нею стоялъ человѣкъ, полный силъ и сознанія своего достоинства, человѣкъ, питающій, можетъ быть, къ ней только презрѣніе, и вотъ когда, въ свою очередь, чувство робости, стыда и раскаянія закралось ей въ душу, и лишило ея мужества, какое ей было необходимо, чтобы съ достоинствомъ выдержать его холодный, насмѣшливый взглядъ.

Утомленная публика недоброжелательно встрѣтила дебютанта, но съ первымъ же движеніемъ смычка, онъ приковалъ къ себѣ вниманіе всего зала. Слушатели инстинк[illegible] поняли, что передъ ними не какой-нибудь заурядный «исполнитель[illegible]ли фокусникъ-виртуозъ, бьющій на грубые, банальные эффекты, которые всегда подкупаютъ толпу, а талантливый артистъ, вкладывающій душу даже въ самую незначительную деталь исполняемой вещи. Тонкость отдѣлки была изумительная: каждый пассажъ, аккордъ, каждая нота, составляли вполнѣ законченную, преисполненную чувства и гармоніи музыкальную фразу. Даже невозмутимый

аккомпаніаторъ, который сѣлъ за рояль съ выраженіемъ скуки, и какъ бы легкаго пренебреженія, постепенно увлекаясь, аккомпанировалъ, старательно выдерживая тактъ, и чутко прислушиваясь къ игрѣ дебютанта.

А тотъ стоялъ неподвижно, какъ изваяніе, съ лицомъ, на которомъ словно застыло выраженіе какой-то отчужденности отъ внѣшняго міра, и только изогнутая кисть правой руки плавно двигалась въ воздухѣ, да блѣдные, костлявые пальцы лѣвой трепетали на грифѣ скрипки...

Онъ кончилъ, и взрывъ оглушительныхъ, восторженныхъ рукоплесканій потрясъ залъ. Съ чисто юношескимъ увлеченіемъ аплодировалъ генералъ, и «обворожительная» Анна Павловна въ шляпкѣ Judic, и вся сіяющая отъ несказаннаго восторга молодая дѣвушка въ скромномъ черномъ платьѣ, и даже,—о, верхъ неожиданности!—пожилая дама, строгаго вида, оставивъ лорнетъ, раза два хлопнула въ свои сухія ладоши. На всѣхъ лицахъ было написано удовольствіе, словно всѣмъ вдругъ удалось сбросить давившій ихъ гнетъ, и они чему-то обрадовались.

Одинъ рецензентъ не сдавался. Съ скептической улыбкой на обрюзгломъ лицѣ, онъ спорилъ съ знакомымъ, который яростно наступалъ на него.

— Да вѣдь это прелесть, прелесть!—кричалъ тотъ, въ то же время своими широкими ладонями хлопая на подобіе пистолетныхъ выстрѣловъ,—какая художественность отдѣлки, сколько свѣжести, силы! Неужели вы не чувствуете?

— Чувствуемъ *мы*, батенька, *давно* чувствуемъ,— отвѣчалъ рецензентъ,—именно давно! На моемъ вѣку сколько скрипачей переиграло эту самую штучку,—страсть! Знаете ли вы, что тутъ даже пріемы традиціонные выработаны. Каждый аккордъ, каждая нота, имѣютъ свою исторію. Э, нѣтъ, насъ этимъ не удивишь! А вотъ попробуй-ка онъ съиграть что-нибудь новенькое, совсѣмъ свѣженькое, и даю вамъ слово, съиграетъ не такъ, далеко не не такъ, хотя, нужно отдать справедливость,— техникой владѣетъ.

— Эхъ, что вы [illegible] странныя слова говорите,—въ свою очередь спорилъ знакомый,—традиція да исторія каждой ноты... Профаны мы, ну и пусть такъ! А намъ вотъ нравится, и мы потребуемъ повторенія. Непремѣнно!

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, крикнулъ: «браво, bis!»

Кричалъ онъ, впрочемъ, не одинъ; кричалъ и волновался весь залъ. Кое-гдѣ даже настойчиво стучали стульями.

А она? Она сидѣла молча, откинувшись въ глубинѣ ложи на спинку кресла, подавленная и растроганная всѣмъ, происходившимъ передъ нею.

— А вѣдь ты была права, Надя, это дѣйствительно онъ!— произнесъ отецъ.

Она не отвѣчала.

— Но какъ онъ усовершенствовался, однако! И откуда у него этотъ апломбъ явился? Такой всегда былъ робкій юноша... Артистъ, положительно артистъ! А? Какъ ты находишь, Надя?

Снова молчаніе.

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дочь.

— Да что ты, Надюша? Что съ тобой? Устала? Голова болитъ?

— Нѣтъ, папочка, ничего... Ничего... Я такъ... думаю,— отвѣчала она, закрываясь вѣеромъ.

Да, она думала. Она думала о томъ, откуда, какимъ образомъ преисполнился силою этотъ робкій, незамѣтный въ толпѣ другихъ, юноша,—той силой таланта, которая дѣйствуетъ на всѣхъ такъ неотразимо обаятельно, и покоряетъ даже враговъ... Много разъ онъ игралъ въ присутствіи ея, будучи уже первымъ ученикомъ консерваторіи, и она не замѣтила его выдающагося дарованія, ни разу даже просто не заинтересовалась его игрой. Что же такъ волнуетъ ее теперь? Или, можетъ быть, обстановка вліяетъ, этотъ залитый огнями залъ, сцена и декораціи, наконецъ публика, слушающая съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ?

IX.

И вотъ онъ появился снова. Теперь у него былъ какой-то странный, встревоженный видъ. Насколько ранѣе движенія его были размѣрены и спокойны, настолько теперь они бросались въ глаза своей взволнованной суетливостью. Онъ быстро прошелъ всю сцену, повернулся къ роялю, за который сѣлъ аккомпаніаторъ, имѣвшій видъ совершенно растерявшагося человѣка, и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Аккомпаніаторъ пробовалъ возразить. Тогда онъ концомъ смычка нервно перевернулъ нѣсколько страницъ нотной тетради и, не обращая вниманія на то, что аккомпаніаторъ, пожимая плечами, бросалъ на него вопрошающіе взгляды,— повернулся лицомъ къ публикѣ, и поднялъ скрипку.

Надежда Петровна все время смотрѣла на него въ бинокль;

въ этотъ моментъ взгляды ихъ встрѣтились, и легкая дрожь испуга пробѣжала по ея членамъ.

«Боже мой!—промелькнуло въ ея головѣ,—да онъ совсѣмъ боленъ! Что съ нимъ? Что онъ дѣлаетъ?

Какъ бы инстинктивно закрывъ глаза, она откинулась въ глубину ложи.

И вотъ до ея слуха коснулись тихіе, плавные звуки чего-то знакомаго, давнишняго, что́ время успѣло уже почти изгладить изъ памяти, оставивъ въ ней какіе-то смутные отрывки. Но вотъ этихъ отрывковъ становится все больше и больше, они ширятся, растутъ, и незамѣтно, съ каждымъ новымъ звукомъ, выростаютъ въ цѣлую картину отдаленнаго прошлаго.

Она узнаетъ эту музыку. Это та фантазія, которую онъ странно назвалъ: «Жизнь женщины», плодъ его перваго ученическаго вдохновенія...

...Былъ чудный, лѣтній вечеръ. Они сидѣли на террассѣ, которая выходила въ старый, запущенный садъ, привольно раскинувшійся на берегу Волги, у края обрыва. Въ рамкѣ темной зелени сада открывалась широкая, зеркальная гладь величавой рѣки, по которой медленно тянулись неуклюжія барки и, пыхтя и отдуваясь, торопливо сновали черные пароходы, оставляя позади себя, на свѣтло-голубомъ небѣ длинныя полосы дыма. Тамъ, дальше, словно закаменѣвшія волны, безконечной лентой тянулись гряды желто-песчаныхъ холмовъ, усѣянныхъ, подобно расбросаннымъ пригоршнямъ какихъ-то черныхъ зеренъ, строеньями убогихъ деревенекъ. А косые лучи заходящаго солнца, нѣтъ-нѣтъ, да освѣтятъ окно какой нибудь отдаленной, едва замѣтной хаты, и, словно алмазъ въ песчаной пустынѣ, засверкаетъ оно издали.

Но вотъ блекнутъ постепенно яркія краски, голубоватой дымкой тумана подернулась даль, темнѣютъ на небѣ, словно сотканныя изъ розоваго газа съ позлащенными краями, облачка, а тутъ, близко, за обрывомъ, гдѣ раздаются голоса косцовъ и звучитъ унылая пѣсня, совсѣмъ стало темно; бѣлые хлопья тумана, цѣпляясь за сучья кустарниковъ, тянутся выше и выше, и запахъ лѣсной прѣли становится ощутительнѣе, а ко́сы все звенятъ, и по прежнему звучитъ пѣсня крестьянскихъ дѣвушекъ...

Подъ вліяніемъ ли только-что набросаннаго съ увлеченіемъ юности перваго музыкальнаго опыта, или вечеръ такъ былъ чудно-прекрасенъ, что невольно располагалъ къ откровенному изліянію чувствъ, но только на этотъ разъ обычная робость покинула его. Онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ ей содержаніе своей фан-

тазіи, играя нѣкоторыя отдѣльныя мѣста. Все это было въ отрывкахъ, спѣшно набросано, недодѣлано, неясно, но и тогда уже носило признаки недюжиннаго дарованія.

Онъ говорилъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ усовершенствуется въ музыкѣ, она узнаетъ только основные мотивы, да и тѣ въ лучшемъ, отдѣланномъ видѣ; остальное, что явится слѣдствіемъ долгаго изученія и упорнаго труда, свяжетъ всѣ эти мотивы въ одно цѣлое, и представитъ яркую и полную картину жизни женщины, *ея* жизни.

— Развѣ я женщина? Я еще только дѣвушка, институтка! Что это вы, милостивый государь!—шутила она.

— Но вы выйдете замужъ! За кого нибудь изъ тѣхъ блестящихъ кавалеровъ, которые пріѣзжаютъ къ папашѣ. Сдѣлаетесь свѣтской женщиной, будете вращаться въ высшемъ обществѣ, посѣщать балы, собранія... И это все, все будетъ изображено у меня.

Онъ говорилъ какъ бы съ оттѣнкомъ презрѣнія. Она отшучивалась, спорила... Постепенно разговоръ принялъ странное направленіе. Ей все болѣе и болѣе становилось неловко; минутами она какъ будто побаивалась его, ей жутко дѣлалось смотрѣть прямо въ эти лихорадно-сверкавшіе глаза...

Ночныя тѣни постепенно ложились вокругъ. На свѣтло-голубое небо выплыла луна, и длинныя, серебристыя полосы фосфорическаго свѣта легли на спокойную поверхность рѣки. Гдѣто вдали однозвучно скрипѣлъ коростель. А кругомъ стояла та святая тишина, которая такъ располагаетъ къ мечтательности, и освобождаетъ душу отъ бремени мелочныхъ заботъ... И вокругъ изъ черной бездны обрыва раздался громкій призывъ любви сѣрой, маленькой птички, и полились и разсыпались по безмолвнымъ окрестностямъ страстныя соловьиныя трели.

И онъ осмѣлился... Близко наклонивъ къ ней блѣдное лицо, онъ безсвязно лепеталъ слова признанія. Она оттолкнула его. Гордость внезапно вспыхнула въ институткѣ. «Фи! сынъ управляющаго Алексѣя, бывшаго двороваго человѣка! Какъ онъ смѣлъ!»

Какъ онъ могъ подумать!

Онъ всталъ и молча удалился.

Съ тѣхъ поръ она ни разу не видѣлась съ нимъ.

...Она сидѣла теперь, не шелохнувшись, какимъ-то страннымъ, остановившимся взглядомъ смотря въ пространство, и съ страстной жадностью прислушиваясь къ звукамъ, будившимъ отрадныя воспоминанія прошлаго.

Да, это были они, старые знакомые звуки!

Вотъ лепетъ ребенка, первый, милый лепетъ, въ которомъ такъ сильно выражается восторгъ только-что начавшаго жить существа, вотъ заунывная, колыбельная пѣсня няни, подъ неумолчное гудѣнье вьюги въ печной трубѣ, прогулка въ лѣсу, гдѣ журчитъ ручеекъ, и мохнатыя пчелы тихо жужжатъ надъ цвѣтами, а птицы въ нестройномъ хорѣ славятъ Творца, того «боженьку» которому учитъ молиться мать... Звенитъ коса, откуда-то издалека доносится пѣсня крестьянокъ, ближе все ближе, вотъ она уже тутъ, всѣ лѣсные звуки заполонила собою, гремитъ по окрестнымъ полямъ, разливается, потомъ стихаетъ, все тише и тише, чуть доносится издали... и нѣтъ пѣсни. Тишина. Но вотъ, въ этомъ томящемъ, жгучемъ безмолвіи, щелкнулъ чуть чуть соловей,—другой откликнулся громче, третій, четвертый, и въ общемъ хорѣ пернатыхъ пѣвцовъ, бурно гремятъ соловьиныя трели. Но въ этой торжественной пѣсни любви слышится скорбная нотка. Она тоже постепенно ширится и растетъ, и превращается наконецъ въ громкія рыданья оскорбленной души.

...Для тебя, для тебя одной, играю я это! Это дѣтище мое, зародившееся въ лучшія минуты жизни, взлелѣянное, возросшее и окрѣпшее въ долгихъ, одинокихъ думахъ, въ той угрюмой комнатѣ, гдѣ я сумерничалъ со скрипкой въ рукѣ, и подъискивалъ и обдумывалъ каждый звукъ!

Вспомни же прошлое хоть на одну минуту, вспомни то, что никогда не возвратится, и если ты еще не закружилась въ вихрѣ мишурной жизни, и сердце твое не успѣло еще очерствѣть, то казнись, и плачь!

О, это хорошія будутъ слезы! Пусть хоть единая капля ихъ канетъ на скорбную душу того, кого ты безжалостно такъ оттолкнула, и онъ будетъ отомщенъ.

Ты плачешь ли тамъ, въ твоей ложѣ, или привыкла уже сдерживать чувства и повелѣвать страстями? Смотришь ли ты на меня, какъ на человѣка, который любилъ тебя, ставилъ выше всего на свѣтѣ, или видишь во мнѣ скрипача, за право развлечься игрою котораго ты заплатила деньги? Да, ты права!

Я—скрипачъ. Опустится занавѣсъ, погаснетъ газъ, всѣ уйдутъ, и ты уйдешь въ твою богатую гостиную, въ твой роскошный будуаръ. А съ утра начнется обычное теченіе свѣтской жизни, и ты забудешь бѣднаго скрипача, забудешь, не правда-ли? Такъ слушай же, слушай теперь, потому что теперь,—я твой власте-

линъ. Я отравлю твое барское, безмятежное наслажденіе жизнью, я взволную твой умъ, я тоскою о прошломъ истерзаю твое сердце, я волью въ твою душу ядъ страданій и сомнѣній, я отмщу, отмщу за поруганное чувство первой, чистой любви! Или я разобью свою проклятую скрипку...

Онъ игралъ, а чудные звуки, неудержимой волной, все лились и лились изъ подъ пальцевъ, и пѣсня его была подобна пѣснѣ птицы, вылетѣвшей на желанную свободу, на широкій, необъятный просторъ голубого, весенняго неба...

Солидный господинъ въ очкахъ пересталъ аккомпанировать. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ въ тетради торопливо набросанный карандашемъ цѣлый хаосъ нотныхъ знаковъ, въ которыхъ не было возможности разобраться.

Красный отъ смущенія, онъ сидѣлъ передъ безмолвствовавшимъ роялемъ и поглядывалъ мелькомъ на этого сумасшедшаго, за непонятной игрой котораго съ страшнымъ напряженіемъ слѣдилъ весь залъ. Молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ съ слезами на глазахъ, затаивъ дыханіе, слушала вся подавшись впередъ; генералъ тоже наклонился впередъ и слушалъ, не сводя глазъ съ скрипача. «Обворожительная» Анна Павловна и многія дамы по временамъ прикладывали къ глазамъ раздушенные, батистовые платочки.

Даже рецензентъ увлекся игрой, и сидѣлъ, облокотившись на сосѣдній стулъ, задумчиво подперевъ рукой голову.

Надежда Петровна закрылась вѣеромъ. Грудь ея неровно вздымалась, пальцы рукъ трепетали нервной дрожью. Она внимательно слушала, съ волненіемъ слѣдя за каждымъ аккордомъ, и съ каждымъ новымъ моментомъ, эта «странная» музыка становилась ей все понятнѣе и понятнѣе.

Бурнымъ потокомъ пронеслись мотивы вальсовъ и вакхической пѣсни, въ которыхъ изображалась жизнь вращавшейся въ обществѣ свѣтской женщины, и снова поплыли прежніе звуки, напоминавшіе тихое, безпечальное дѣтство.

Она не отнимала вѣера отъ лица. Въ мучительной тревогѣ учащенно билось ея сердце, и тоскливый вопросъ терзалъ ея умъ:

«Зачѣмъ онъ это играетъ! Зачѣмъ полузабытые звуки снова призываютъ къ прошлому и манятъ на волю теперь, когда уже поздно, когда все покончено и должно быть забыто. Теперь она сама не властна надъ собою, она сама не захочетъ вырваться изъ той золоченой клѣтки, что называется «свѣтомъ», не станетъ

рвать связи съ тѣмъ міромъ, гдѣ не надъ чѣмъ размышлять, не о чемъ волноваться, гдѣ все давно незыблемо стоитъ въ своихъ рамкахъ, выработанное, взвѣшенное и размѣренное вѣковыми традиціями условной морали. Она привыкла къ этой атмосферѣ, сжилась съ этимъ міромъ, въ немъ ей тепло и уютно, а на волѣ такъ скоро поблекнутъ ея блестящіе крылышки! Нѣтъ, нѣтъ, не нужно ей ни этихъ звуковъ, ни воспоминаній!»

Она прислушалась еще разъ,—пѣсня замирала. Все тише и тише становилась мелодія, въ плавномъ движеніи смычекъ едва касался струнъ, и тѣ чуть слышно отвѣчали ему, словно играли не здѣсь, а гдѣ-то далеко, далеко, за нѣсколько комнатъ. И вотъ раздался послѣдній, едва уловимый аккордъ и медленно затихъ въ одномъ скорбномъ, томительномъ, словно умиравшемъ звукѣ.

X.

Съ минуту въ залѣ стояла тишина, и вдругъ онъ какъ бы весь дрогнулъ отъ рукоплесканій. Словно потрясенная электрическимъ токомъ, публика переднихъ рядовъ повставала съ мѣстъ, и направилась къ сценѣ, увлекая за собою стулья, толкаясь, крича, апплодируя. За передними рядами двинулись остальные, образовавъ въ главномъ проходѣ какой-то водоворотъ, въ которомъ мелькали красныя лица, бороды, усы, пенсъ-нэ, дамскія шляпки. Произошла невообразимая суматоха и смятеніе.

Публика плотной стѣной окружила сцену съ опущеннымъ занавѣсомъ, апплодировала, топала ногами и стучала стульями, вызывая дебютанта. Генералъ, весь красный отъ волненія, гремя саблей, съ трудомъ оберегалъ свою даму отъ натиска толпы; молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ, изорвавъ обѣ перчатки, махала платкомъ, не обращая вниманія на пожилую даму строгаго вида, которая, съ перекосившимся отъ ужаса лицомъ, дергала ее за рукавъ. Рецензентъ, пыхтя и отдуваясь, съ трудомъ проталкивался за сцену.

Въ ложѣ также происходило нѣчто необыкновенное. Надежда Петровна, вся дрожавшая отъ волненія, съ слезами на глазахъ, умоляла отца идти съ нею «къ нему», за кулисы.

— Да куда-же, куда, Надюша?—лепеталъ старичекъ, самъ страшно волнуясь и бросая вокругъ испуганные, недоумѣвающіе взгляды.

— На сцену, папаша,—слышите, я хочу на сцену!—нервно

кричала та, одну за другой ломая тонкія, ажурныя, изъ слоновой кости, пластинки своего вѣера.

— Ахъ, Боже мой, голубчикъ, Надюша! Да какъ же это... Неловко... Неприлично... Насъ могутъ увидѣть, что скажутъ!.. Успокойся, ради Бога, Надюша, другъ мой!

— Мнѣ нѣтъ дѣла, что насъ могутъ увидѣть! Мнѣ все равно, слышите, все равно! Пойдемте на сцену! Я хочу его видѣть, хочу говорить съ нимъ! Я должна, понимаете, папаша, *должна!*

Она закрыла лицо руками, но тотчасъ же отняла ихъ, и схвативъ старика за рукавъ,—потащила къ выходу.

Тотъ пробовалъ сопротивляться, но рука дочери крѣпко уцѣпилась за обшлагъ, и онъ шелъ, покоряясь силѣ, путаясь и наступая на ея шлейфъ. Однако при каждомъ удобномъ случаѣ онъ останавливался и бормоталъ жалобнымъ тономъ!

— Надюша! Ангелъ мой! Ну что ты выдумала, что ты только выдумала! Я узнаю его адресъ, мы ему напишемъ, онъ пріѣдетъ завтра же! Надюша, опомнись! Неприличіе, неприличіе какое. Ну вотъ, ну вотъ: насъ не пустятъ! Смотри! дверь... правила... утвержденныя... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Передъ ними дѣйствительно была дверь съ наклееннымъ объявленіемъ, гласившимъ, что «входъ постороннимъ воспрещается», но Надежда Петровна смѣло пожала ручку двери, открыла ее, и продолжая увлекать за собою отца, по нѣсколькимъ ступенькамъ поднялась на сцену.

На минуту ея поразилъ контрастъ съ тѣмъ, что происходило въ залѣ. Оттуда долетали страшный шумъ, апплодисменты и крики публики,—здѣсь, сравнительно, было совершенно спокойно. Занавѣсъ былъ опущенъ, и сцена слабо освѣщена съ боковъ. Лакей во фракѣ опускалъ крышку рояля, двое,-трое мужиковъ лѣниво передвигали декораціи. За исключеніемъ ихъ, на сценѣ не было никого.

Только съ другого конца сцены Надежда Петровна услышала слабый шумъ голосовъ. Словно что подсказало ей, что онъ долженъ находиться тамъ; словно что толкало ее туда...

Оставивъ руку отца, она торопливо пошла впередъ, черезъ всю сцену, задѣвая платьемъ за выдвигавшіяся части декорацій, почти ничего не видя, не замѣчая впереди себя и идя по слуху на тотъ шумъ, который они сейчасъ услышали.

Съ ней происходило что-то странное. Сердце тревожно билось въ предчувствіи чего-то необычайнаго, что должно было ее тамъ встрѣтить; голова кружилась и въ ней проносился хаосъ обрывковъ мыслей, словъ и рѣчей, которыя она должна была

(о, непремѣнно, непремѣнно *должна*) сказать ему, чтобы *все* разъяснить...

Она шла какъ во снѣ, толкаемая и направляемая какой-то сверхъестественной силой, которая, подобно вихрю, схватила ее какъ былинку, закружила и понесла впередъ, безъ конца, безъ цѣли, Богъ знаетъ куда, и все, что только попадалось ей на пути, рисовалось ей какъ бы въ смутномъ тяжеломъ снѣ.

Вотъ за угломъ кулисы стоитъ мужикъ въ синей, перепачканной блузѣ. Онъ смотритъ на нее сперва въ недоумѣніи, потомъ какъ будто улыбается, говоритъ даже что-то. Мимо. Что ей за дѣло до этого мужика, еслибы онъ даже надъ ней насмѣхался? Какая-то лѣстница внизъ... Нѣсколько кривыхъ ступенекъ. А тамъ, впереди? Комната, освѣщенная газомъ и переполненная мущинами и дамами... Нужно посторониться: бѣжитъ лакей съ стаканомъ воды. У него какой-то растерянный видъ; онъ торопится и расплескиваетъ воду... Вотъ, сейчасъ толкнулъ ее, и не извинился... Но что-же происходитъ тамъ? Люди окружили что-то такое, говорятъ, жестикулируютъ, суетятся... И у всѣхъ такія встревоженныя лица! Кто это беретъ ее за руку, тащитъ назадъ? Ахъ, это папа! «Оставьте, оставьте меня, папочка, дайте разглядѣть, я ничего не вижу!» Вотъ этотъ толстякъ загородилъ... А, онъ, кажется, хочетъ отойти... Теперь... теперь... Боже!

Толстякъ отошелъ, и въ образовавшемся свободномъ пространствѣ мелькнуло блѣдное лицо человѣка, лежавшаго на диванѣ навзничь... Онъ не помнилъ, какъ ушелъ со сцены, когда доигралъ послѣдній аккордъ своей пѣсни. Какъ бы повинуясь чьей-то посторонней силѣ, подвигавшей его впередъ, онъ миновалъ боковую кулису и прямо натолкнулся на группу людей, которые апплодировали ему. Какой-то господинъ заключилъ его въ крѣпкія объятія; онъ смутно уловилъ тонкій запахъ духовъ, исходившій отъ усовъ въ стрѣлку, да массивная цѣпочка часовъ и брелоки больно нажали ему руку. Затѣмъ къ нему еще протянулось нѣсколько рукъ, и въ томъ числѣ мощная длань піаниста, которыя крѣпко сжали его руки.

Какъ во снѣ слышалъ онъ вокругъ себя восклицанія: «прелестно», «безподобно», «геніально», слышалъ изъ-за опущеннаго занавѣса крики публики, вызывавшей его, гулъ апплодисментовъ, слышалъ просьбы кого-то изъ распорядителей «выйти, показаться», и улыбка торжества мелькнула на его блѣдномъ лицѣ.

Да, онъ побѣдилъ, наконецъ, эту равнодушную, скучающую, пресыщенную толпу, онъ вызвалъ изъ ея холодной груди не-

поддѣльные крики восторга, и тѣ, кто съ недовѣріемъ встрѣтилъ его, кто съ презрѣніемъ, можетъ быть, прочелъ въ афишѣ его простое, невѣдомое имя, тѣ, побѣжденные, или безсильно молчатъ, или тоже участвуютъ въ общемъ, ликующемъ хорѣ.

Ну, и онъ примирился съ этой толпой, которую такъ ненавидѣлъ и которой боялся такъ раньше, и онъ вмѣстѣ съ нею ликуетъ, и въ радости живетъ всѣми фибрами своего существованія. И не нужно ему теперь ничьей любви, кромѣ любви этихъ сотенъ людей, потому что это-то и есть та высшая, чистѣйшая любовь, подобной которой нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ... Пусть же поднимется занавѣсъ, и онъ выйдетъ къ нимъ, потому что и онъ любитъ ихъ всѣхъ, глубоко, безпредѣльно любитъ всей душой, и радъ, безмѣрно радъ, и счастливъ, счастливъ...

— Ахъ!..

Дрогнуло сердце. Еще и еще, и забилось какъ птица, внезапно попавшая въ неволю.

Онъ инстинктивно схватился за грудь, какъ бы дѣлая усиліе остановить припадокъ, и покачнулся...

Его осторожно свели съ лѣсенки и посадили на тотъ самый диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ раньше. Но сидѣть онъ не могъ, и сталъ медленно склоняться на спинку.

Среди окружавшихъ его мущинъ и дамъ поднялся переполохъ: побѣжали за водой, бросились отыскивать спиртъ, кто-то вызвался съѣздить за докторомъ. Ему растегнули жилетъ, отвязали галстухъ, смочили лицо и голову водой и пытались влить нѣсколько капель въ ротъ, причемъ піанистъ предлагалъ коньяку, утверждая, что это самое дѣйствительное средство противъ всякихъ послѣдствій душевныхъ волненій, не исключая обморока.

Но влить ничего не удалось: зубы были крѣпко стиснуты. Силы его быстро слабѣли, онъ лежалъ какъ трупъ, съ вытянутыми ногами, слабо дыша, и только сердце такъ сильно билось, что каждому изъ присутствовавшихъ, казалось, сквозь сорочку видно было его біеніе.

Сознаніе жило еще въ умиравшемъ человѣкѣ, мозгъ усиленно работалъ, и представленія, какъ въ калейдоскопѣ, быстро смѣнялись одно другимъ.

... «Что съ нимъ случилось? Онъ игралъ... Ту вещь игралъ, и хорошо, имѣлъ успѣхъ... Вотъ и теперь еще слышны апплодисменты,—это его зовутъ»...

Изъ-подъ опущенныхъ, крѣпко сомкнутыхъ рѣсницъ показалась слеза и медленно расплылась по лицу...—Если бы только

можно было встать, и еще разъ увидѣть... И *она* была здѣсь... Слушала его... Да, это лучшій моментъ жизни... А гдѣ же скрипка? Скрипка «стараго учителя». Вотъ вѣдь онъ былъ правъ... Не нужно было... Убьетъ! Вотъ *это самое* убиваетъ... Они вонъ всѣ думаютъ, что ему дурно, а ему вовсе не дурно,—онъ просто умираетъ. Это финалъ,—послѣдній аккордъ жизни. Еще одинъ такой ударъ,—и кончено! Только вотъ что ужасно странно: должно быть его перевезли домой, потому что онъ видитъ себя въ своей комнатѣ. Непонятно, какъ и когда это могло случиться, а только онъ дѣйствительно дома... Конечно, дома! Вотъ и мрачныя, темныя обои по стѣнамъ, его письменный столъ, черная этажерка для нотъ въ видѣ лиры, и портреты Іохима, Моцарта смотрятъ на него съ такимъ скорбнымъ участіемъ...

Что за чепуха! Смѣшать Моцарта съ фигурой піаниста, да, для этого, дѣйствительно, нужно быть очень больнымъ, нужно бредить... Какія у всѣхъ испуганныя лица! Надѣлалъ бѣды! Ну да это все такъ, все пройдетъ, обойдется, какъ тогда, вотъ только нужно, ахъ, какъ бы нужно было водой... смочить, и къ сердцу... приложить къ сердцу... прижать... крѣпко, крѣпко притиснуть...

— Сергѣй Алексѣевичъ!

Что-то моментально дрогнуло на его изъ-синя блѣдномъ, начинавшемъ застывать лицѣ. Онъ съ усиліемъ раскрылъ глаза, и неподвижно устремилъ ихъ на фигуру молодой, красивой дѣвушки, которая подобно видѣнію предстала передъ нимъ въ дымкѣ тумана, застилавшей уже всѣ остальные предметы и лица.

— Сергѣй Алексѣевичъ! Что съ вами? Вы узнаёте меня? Вѣдь я Надя... Надя, помните?

Онъ сдѣлалъ попытку пошевелить рукой, но та безсильно свѣсилась съ дивана. Необыкновенно милая, кроткая улыбка озарила его лицо. Что-то похожее на восторгъ на минуту блеснуло въ глазахъ и потухло.

Опустившись, Надежда Петровна близко наклонила къ нему свое лицо, коснулась прической его лба, и сквозь невнятный, слабый шопотъ, вылетавшій изъ посинѣвшихъ губъ, услышала только:

— Вы... вы пришли!

Нѣтъ, это была не она. Это, казалось ему, былъ тотъ таинственный, страшный человѣкъ, тихіе шаги котораго онъ слышалъ наканунѣ передъ дверью своей комнаты. Онъ вошелъ также тихо и незамѣтно, и своей массивной фигурой, *безъ лица,* словно какой громадной тѣнью заслонилъ ему все, находившееся въ комнатѣ, всѣхъ людей, *ее,* весь міръ... И затѣмъ онъ под-

нялъ свою, необъятныхъ размѣровъ, холодную какъ ледъ руку, и тихо, медленно, сталъ накладывать ее на лицо, свинцовой тяжестью пальцевъ надавливая на глаза, лобъ, носъ и ротъ.

Черты лица моментально обострились. Печать смерти легла на нихъ. Онъ вдругъ какъ-то весь дрогнулъ, голова поникла на грудь, члены вытянулись. Сердце перестало биться совсѣмъ...

Шумными группами публика выходила изъ залы. Имя молодого, талантливаго дебютанта было у всѣхъ на устахъ: восхищались его игрой, распрашивали, у кого онъ учился, и удивлялись той необычайной скромности, которая, очевидно, помѣшала ему показаться на вызовы.

Въ вестибулѣ происходила давка, и слышались нетерпѣливыя выкрикиванья номеровъ. Счастливцы, безпрепятственно добывшіе верхнее платье, приподнявъ воротники шубъ, выходили на подъѣздъ, безпрестанно хлопая дверьми, которыя пропускали струи морознаго воздуха.

Въ числѣ таковыхъ, былъ генералъ съ своей дамой.

Посыльный крикнулъ кучера. Къ подъѣзду подкатила изящная карета. Генералъ ловко подсадилъ даму, сѣлъ самъ и приказалъ кучеру:

— Къ Борелю.

Прозябшіе кони дружно подхватили экипажъ, и карета понеслась, эластично покачиваясь и неслышно касаясь снѣга своими гуттаперчевыми шинами. Мимо оконъ кареты замелькали двойные ряды фонарей и фигуры не многихъ пѣшеходовъ, которые, ежась отъ мороза, торопились домой.

— Tiens, général, vous vous êtes trompé?—лукаво посмѣиваясь, спросила «обворожительная» Анна Павловна.

— A propos de quoi, ma belle?

— A propos de m-r Ивановъ! Какъ вы его чазывали, что ему пророчили? Ха, ха! А сами пришли въ такой восторгъ, что я серьезно боялась за цѣлость вашей сабли.

— Ma foi! Я ошибся! Существуетъ, обворожительная Анна Павловна, латинская поговорка, которая гласитъ: errare humanum (генералъ произнесъ на французскій манеръ: «юманóмъ») est! Впрочемъ, такъ или иначе, а этотъ господинъ навѣрно дурно кончитъ. У него какой-то сумасшедшій видъ...

— Fi donc, qu'est ce que vous dites!

— Ma belle! Готовъ держать пари, что онъ скверно кончитъ.

— Ха, ха, ха! Вы, однако, все пророчествуете сегодня... Ну, а какъ именно?

— Какъ?

Генералъ разсѣянно взглянулъ въ окно кареты. Мимо промелькнулъ какой-то субъектъ, въ пиджакѣ, безъ шапки; онъ обѣими руками держался за фонарь, и, стараясь сохранить равновѣсіе, мотался изъ стороны въ сторону.

— Кончитъ, какъ кончаютъ всѣ талантливые люди на Руси. Сопьется!—заключилъ генералъ.

К. Баранцевичъ.

НАШЪ ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРСЪ

и

ТОВАРНЫЯ ЦѢНЫ

I.

Теорія вексельныхъ курсовъ, говоря вообще, можетъ быть разсматриваема, какъ частный случай общей теоріи цѣнъ, и установлена на тѣхъ же основаніяхъ.

Въ дѣлѣ товаровъ мы различаемъ цѣну, которую товары имѣютъ для ихъ производителей, и которую мы называемъ ихъ основной цѣной,—и цѣну, которую товаръ получаетъ въ продажѣ, когда выносится на рынокъ, иначе—биржевую цѣну.

Цѣна товара для производителя опредѣляется стоимостью его производства. Когда товаръ выносится на рынокъ, то цѣна эта или увеличивается, или уменьшается, или остается та же, смотря по величинѣ спроса на товаръ и предложенія его на рынкѣ.

Если спросъ на товаръ превышаетъ предложеніе, то цѣна товаровъ возвышается, и обратно. Если спросъ равенъ предложенію, то рыночная его цѣна равна его стоимости для производителя и продавца, т.-е. стоимости его производства.

Иными словами, биржевая цѣна товара равняется его стоимости производства, умноженной на отношеніе спроса къ предложенію.

Обыкновенно биржевая или мѣновая цѣна товаровъ опредѣляется въ единицахъ другого товара, на который они обмѣниваются, и представляетъ собственно отношеніе, въ которомъ данный товаръ обмѣнивается на другой, принимаемый за единицу

сравненія. За такой товаръ, служащій общимъ орудіемъ обмѣна, принимаютъ обыкновенно драгоцѣнные металлы—золото и серебро, и потому всѣ цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стоимость производства товара, принято выражать въ единицахъ золота.

Торговые векселя, обращающіеся на биржѣ, представляютъ такой же товаръ, какъ и всякій другой, и подчиняются въ отношеніи ихъ цѣны тѣмъ же совершенно условіямъ. Они имѣютъ свою стоимость производства, ибо для полученія такого векселя нужно предварительно поставить или продать векселедателямъ извѣстное количество товаровъ, соотвѣтствующее суммѣ векселя. Если цѣна поставленныхъ товаровъ не уплачивается немедленно товаромъ же, или деньгами, то поставщикъ получаетъ взамѣнъ такой уплаты вексель, составляющій обязательство уплатить золотомъ сумму, на которую онъ написанъ. Цѣна ихъ для ихъ обладателей, или цѣна ихъ производства, выражена тѣмъ самымъ—въ единицахъ золота.

Векселя эти, какъ и всякій другой товаръ или кредитные бумажные знаки, могутъ продаваться на рынкѣ, и тогда биржевая цѣна ихъ, при обмѣнѣ на другіе товары, золото или другіе кредитные знаки, должна точно также измѣняться въ зависимости отъ спроса и предложенія на этотъ спеціальный видъ обязательствъ въ сравненіи съ золотомъ или другими знаками.

Тѣмъ не менѣе, въ нормальномъ порядкѣ вещей, векселя имѣютъ, въ этомъ отношеніи, нѣкоторое преимущество предъ прочими товарами. Въ то время какъ цѣна товаровъ вообще можетъ измѣняться въ зависимости отъ спроса и предложенія неограниченно, цѣна векселя, если въ странѣ существуетъ металлическое обращеніе, не можетъ значительно уклоняться отъ ихъ номинальной валюты.

Иностранные векселя, какъ представляющіе сумму задолженности иностранныхъ государствъ мѣстнымъ торговцамъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ уплаты для послѣдней ея заграничныхъ долговъ; спросъ на эти векселя слѣдовательно опредѣляется суммой задолженности мѣстнаго рынка передъ заграничными. Если сумма долговъ съ той и другой стороны въ данный моментъ одинакова, то спросъ на иностранные векселя равенъ ихъ предложенію, и векселя обмѣниваются на золото al pari (не считая, конечно, учета). Если спросъ превышаетъ предложеніе, т.-е. мѣстный рынокъ болѣе долженъ за-границей, чѣмъ имѣетъ получить оттуда, то цѣна иностранныхъ векселей повышается, и они обмѣниваются на золото выше pari. Но такъ какъ лицо, ищущее векселей при металлическомъ обращеніи,

всегда имѣетъ выборъ уплатить свои заграничные долги векселями или переслать для этого монету, то цѣна векселей не можетъ разниться отъ цѣны золота болѣе какъ на стоимость пересылки металла на мѣсто уплаты. Точно также и обратно, цѣна векселей при избыткѣ ихъ предложенія не можетъ пасть ниже ихъ номинальной валюты болѣе чѣмъ на ту же разность стоимости провоза золота, ибо вмѣсто продажи векселей на мѣстномъ рынкѣ владѣлецъ его предпочтетъ получить уплату по этимъ векселямъ на заграничномъ рынкѣ золотомъ и уплатить за доставку ему послѣдняго.

Этимъ объясняется, почему при металлическомъ обращеніи курсовыя вексельныя колебанія бываютъ вообще ничтожны. Но дѣло измѣняется, когда металлическое обращеніе замѣняется въ странѣ неразмѣнными бумажными деньгами. Здѣсь мы уже должны имѣть дѣло не съ цѣной векселя на золото, а съ цѣной векселей или золота на другой видъ кредитныхъ знаковъ, которыхъ нельзя послать въ уплату заграничныхъ долговъ вмѣсто векселей, написанныхъ на золотую валюту, какъ можно послать золото.

Посмотримъ же, какъ теперь должно стать дѣло. Допустимъ сперва крайній случай; предположимъ, что страна безусловно лишилась металлическаго обращенія. Въ такомъ случаѣ единственное платежное средство, остающееся въ ея распоряженіи, составляетъ ея отпускной товаръ.

Кредитный рубль, хотя и написанъ на металлическую валюту, не можетъ быть обмѣненъ на золото, и потому его основная цѣна не можетъ уже считаться тождественной съ цѣной золотого рубля. Тѣмъ не менѣе и онъ имѣетъ свою основную цѣну и стоимость производства. Для того, чтобы пріобрѣсти или заработать золотой рубль, нужно поставить или выдать извѣстную сумму товаровъ; точно также пріобрѣсти кредитный рубль нельзя даромъ, а нужно также поставить извѣстную сумму тѣхъ же товаровъ. Если цѣна товара на мѣстномъ рынкѣ a рублей кредитныхъ, то товаръ можетъ быть проданъ мѣстнымъ производителемъ за a кредитныхъ рублей. Если цѣна товара на заграничномъ рынкѣ a' рублей металлическихъ, то на самомъ дѣлѣ товаръ, стоившій съ провозомъ до заграничнаго рынка русскому производителю или торговцу a'' кредитныхъ рублей, будетъ проданъ за a' рублей металлическихъ; итакъ, a'' рублей кредитныхъ будутъ обмѣнены на a' рублей металлическихъ, или стоимость кредитнаго рубля будетъ относиться къ стоимости металлическаго какъ $\frac{a'}{a''}$; таково будетъ очевидно и выраженіе кредитнаго рубля въ металлической валютѣ, и внутренняя цѣна кредитнаго рубля.

Понятно, что до прекращенія размѣна это отношеніе должно было быть равно 1, и для того, чтобы послѣ прекращенія размѣна оно стало меньше 1, нужно прежде всего, чтобы цѣна товара поднялась на мѣстѣ производства на кредитные рубли противъ прежней цѣны ея и цѣны на золото на иностранномъ рынкѣ; а для этого нужно, чтобы въ то же время возросла стоимость отдѣльныхъ элементовъ производства товаровъ—стоимость труда, земли и капитала. Поскольку неразмѣнныя бумажныя деньги увеличиваютъ расходъ на эти элементы производства, постольку они увеличиваютъ цѣну товаровъ, и постольку они способствуютъ пониженію курса, или паденію основной или внутренней цѣны кредитнаго рубля.

Однимъ словомъ, въ странѣ, лишившейся металлическаго обращенія, товаръ, находящій помѣщеніе за-границей и составляющій предметъ ея отпуска, вступаетъ на мѣсто золота и служитъ ея платежнымъ средствомъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Курсъ ея кредитной валюты и регулируется потому цѣнами на такой товаръ.

Владѣлецъ иностранныхъ векселей въ Петербургѣ, продавая ихъ на кредитные рубли, не можетъ значительно возвысить ихъ цѣну выше предѣла, обусловливаемаго отношеніемъ между цѣной товара на кредитные рубли въ Петербургѣ и цѣной того же товара на золото за-границей; ибо иначе векселя его останутся безъ покупателей, и покупщикъ векселей, которому они нужны для производства своихъ уплатъ за-границей, предпочтетъ уплатить товаромъ. Поэтому между цѣной товаровъ, имѣющихъ спросъ за-границей, и цѣной векселей или вексельнымъ курсомъ должно существовать тѣсное соотношеніе; и вексельный курсъ, и курсъ золота на кредитную валюту, въ случаѣ безусловнаго отсутствія золота въ странѣ и другихъ платежныхъ средствъ, регулируется цѣной товаровъ, служащихъ платежнымъ средствомъ.

Подъ товаромъ въ настоящемъ случаѣ мы, конечно, должны разумѣть не одни какіе-либо опредѣленные товары, а товаръ коллективный или сумму товаровъ, составляющихъ главный контингентъ отпуска. Расплата въ данномъ случаѣ, конечно, будетъ производиться тѣмъ товаромъ, которымъ выгоднѣе, т.-е. на который есть большій спросъ.

Такъ, для Россіи такимъ платежнымъ товаромъ долженъ служить главнымъ образомъ хлѣбъ, занимающій 50% ея отпуска; а изъ хлѣбовъ—пшеница. Для Англіи это былъ бы уголь и мануфактурные товары, для Америки—хлопокъ и хлѣбъ. Тотъ товаръ, который въ данную минуту въ наибольшемъ спросѣ, очевидно и будетъ регулировать курсъ.

Но пока есть достаточный спросъ на товаръ, дозволяющій произвести уплату, не роняя цѣны товара, служащаго платежнымъ средствомъ, до тѣхъ поръ курсъ поддерживается на должномъ уровнѣ; когда спросъ сокращается и уплата товаромъ не можетъ быть произведена иначе какъ чрезъ уступку товара за-границей по болѣе низкой цѣнѣ, тогда курсъ само собою долженъ понизиться. Всѣмъ этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы, при неразмѣнномъ обращеніи, долги должны были уплачиваться на самомъ дѣлѣ непремѣнно товаромъ. Напротивъ, лицо, обязанное платежемъ, имѣя въ виду одинаковую потерю при уплатѣ векселями или товаромъ, всегда предпочтетъ уплатить свой долгъ векселемъ, такъ какъ этотъ способъ проще и не требуетъ столько хлопотъ. Возможность же уплатить товаромъ служитъ только препятствіемъ для векселедержателей къ повышенію цѣны векселей и регуляторомъ курса. На самомъ же дѣлѣ, настоящимъ платежнымъ оружіемъ остаются все-таки векселя, и мы можемъ сказать, что вексельный курсъ на кредитную валюту или внутренняя цѣна кредитнаго рубля при его неразмѣнности опредѣляется цѣной товаровъ, составляющихъ предметъ заграничнаго отпуска данной страны.

Курсъ, опредѣляемый указаннымъ отношеніемъ между цѣнами на отпускной товаръ, мы должны признать естественнымъ выраженіемъ основной цѣны кредитнаго рубля или стоимости его производства на золото. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы этотъ рубль при его реализаціи на биржѣ сохранилъ ту же цѣну. По общей теоріи цѣнъ, которой мы придерживаемся, эти цѣны должны зависѣть еще отъ спроса и предложенія на тотъ же золотой рубль въ тотъ моментъ, когда онъ явится для реализаціи на мѣстномъ рынкѣ. То обстоятельство, что торговецъ, заплатившій въ Петербургѣ съ провозомъ до Лондона a'' кредитныхъ рублей, получитъ взамѣнъ ихъ въ Лондонѣ вексель на a' золотыхъ рублей, еще не доказываетъ, что онъ за свой вексель въ Петербургѣ, когда вынесетъ его на биржу, получитъ обратно тѣ же a'' кредитныхъ рублей. Онъ получитъ ихъ больше или меньше, смотря по спросу или предложенію на тѣ же векселя, въ моментъ продажи векселя, или такъ какъ предложеніе на иностранные векселя равносильно нашему отпуску, а спросъ равносиленъ нашей задолженности за-границей или нашему ввозу, то окончательная цѣна иностранныхъ векселей на кредитные рубли опредѣлится ихъ номинальной валютой, измѣненной отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на мѣстномъ рынкѣ на иностранные векселя; но такъ какъ ихъ номинальная валюта представляетъ собой

выраженіе въ золотыхъ единицахъ извѣстной суммы кредитныхъ рублей, опредѣленной по обмѣну товаровъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительная биржевая цѣна кредитнаго рубля, или его курсъ на золото, должна будетъ равняться его основной цѣнѣ, опредѣленной по товарнымъ цѣнамъ, умноженной на отношеніе спроса и предложенія на кредитные рубли въ моментъ реализаціи иностранныхъ векселей.

Торговецъ получитъ тѣмъ больше кредитныхъ рублей за свой вексель, чѣмъ меньше будетъ въ предложеніи векселей въ моментъ реализаціи, чѣмъ меньше отпускъ—и обратно. Этимъ разсужденіемъ теорія вексельныхъ курсовъ при неразмѣнномъ бумажномъ обращеніи приводится къ общей теоріи цѣнъ, по которой биржевая цѣна всякаго товара опредѣляется его основной цѣной, или цѣной, въ производствѣ умноженной на отношеніе спроса на товаръ къ его предложенію.

До сихъ поръ мы предполагали страну съ неразмѣннымъ денежнымъ обращеніемъ, въ распоряженіи которой не существуетъ другихъ платежныхъ международныхъ орудій, кромѣ товаровъ и долговъ на другихъ государствахъ или иностранныхъ векселей.

На самомъ дѣлѣ, кромѣ такихъ платежныхъ орудій существуютъ обыкновенно еще другія, а именно: 1) золото и серебро, 2) процентныя бумаги и фонды страны, имѣющіе курсъ на иностранныхъ биржахъ. Оба вида платежныхъ средствъ мы разсмотримъ отдѣльно. Мы должны говорить о золотѣ потому, что при прекращеніи размѣна оно исчезаетъ изъ страны не моментально, а только послѣдовательно, и извѣстная сумма его можетъ всегда оставаться въ частномъ обращеніи и въ рукахъ правительства. Золото имѣетъ только поводъ сокращаться и оставлять страну при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ. Но пока оно остается въ странѣ, до тѣхъ поръ оно оказываетъ конкурренцію иностраннымъ векселямъ. Присутствіе его равносильно увеличенію на рынкѣ суммы векселей, и потому въ дѣйствительности съ прекращеніемъ размѣна, ни внутреннія цѣны на товары не повышаются разомъ, ни вексельный курсъ на кредитную валюту не понижается вдругъ, а только послѣдовательно достигаетъ уровня, ему назначеннаго избыткомъ выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Паденіе это совершается, конечно, тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе исчезаетъ золото, но всегда только параллельно исчезновенію послѣдняго, и можетъ продолжаться годы.

Обыкновенно такіе запасы золота остаются и могутъ обновляться въ рукахъ правительства и частныхъ лицъ путемъ тамо-

женныхъ пошлинъ, уплачиваемыхъ золотомъ, и внутренняго его производства. Сверхъ того, они могутъ пополняться металлическими займами. Въ такомъ случаѣ естественное паденіе курса маскируется и отсрочивается еще болѣе.

Но вообще мѣры, подобныя искусственной продажѣ золота правительствомъ для поддержанія курса, едвали могутъ приводить когда-либо къ серьезнымъ результатамъ, и по весьма понятной причинѣ. Послѣ выпуска бумажныхъ денегъ въ такомъ количествѣ, которое приводитъ къ прекращенію размѣна, золото имѣетъ всѣ основанія исчезать изъ обращенія, въ ожиданіи послѣдовательнаго дальнѣйшаго паденія курса и не возвращаться въ страну, пока выпускъ бумажныхъ денегъ не произведетъ до конца полнаго своего дѣйствія, т.-е. не подниметъ цѣнъ товаровъ на кредитную валюту до послѣдняго предѣла. А это происходитъ не такъ скоро. Тогда только, когда вмѣстѣ съ тѣмъ курсъ кредитной валюты достигнетъ minimum'а, который соотвѣтствуетъ количеству выпущенныхъ денегъ, золото получаетъ основаніе возвращаться и появляться на рынкѣ для покупки по пониженному курсу фондовъ и кредитныхъ рублей, что вмѣстѣ съ тѣмъ должно способствовать поднятію курса. Тогда только наступаетъ естественный моментъ продажи золота и выкупа бумагъ, и для правительства, и прочихъ мѣръ, клонящихся къ возстановленію размѣна.

До тѣхъ же поръ, пока паденіе курса не достигнетъ своего естественнаго предѣла, и на рынкѣ не появилось золото само собой, всѣ подобныя мѣры, какъ преждевременныя, могутъ вести только къ вывозу заграницу выпускаемыхъ золотыхъ ресурсовъ.

Правда, извѣстная сумма золота всегда остается на биржѣ, и банкиры производятъ имъ арбитражныя операціи. Въ разсчетѣ на увеличеніе сбыта товаровъ они продаютъ золото, чтобы купить его обратно по возвышенному курсу. Но эти операціи, находящіяся въ связи съ временными колебаніями курса, задерживаютъ на рынкѣ незначительную долю этого металла.

Поэтому обыкновенно, какъ только правительство прекращаетъ свои операціи по поддержанію курса, послѣдній немедленно понижается, и въ рукахъ его остается вмѣсто истраченнаго золота еще болѣе упавшія бумажки.

Операціи эти могутъ оправдываться лишь только какъ средство парализовать искусственныя колебанія курса, вызываемаго биржевой игрой.

Другое платежное средство составляютъ фонды, т.-е. долговыя

обязательства правительства и облигаціи акціонерныхъ обществъ. Более богатыя государства имѣютъ интересъ помѣщать свои свободные капиталы въ такихъ иностранныхъ обязательствахъ, получая по нимъ здѣсь болѣе высокій доходъ, чѣмъ дома; но кромѣ того, обязательства эти представляютъ то еще удобство для нихъ, что ими можетъ быть всегда произведена уплата по векселямъ подобно золоту, какъ цѣнностями, имѣющими курсъ на заграничныхъ рынкахъ.

Въ этихъ видахъ Англія держитъ, напримѣръ, американскіе бумажные фонды, высылая ихъ обыкновенно осенью въ Америку вмѣсто золота, когда обыкновенно требованіе на послѣднее усиливается какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ.

Такую же роль играютъ и наши фонды въ заграничныхъ рукахъ. Отсюда слѣдуетъ, однако, что фонды составляютъ орудіе обоюдострое. Пока наши фонды помѣщаются заграницей, пока они туда требуются, дѣло равняется увеличенію нашего вывоза. Мы получимъ взамѣнъ бумагъ иностранные капиталы въ формѣ векселей или золота, и нашъ курсъ долженъ улучшаться. Напротивъ, когда за-границей начинаютъ освобождаться отъ нашихъ фондовъ, высылая ихъ для уплаты и продажи въ Россію, то это равносильно увеличенію нашего ввоза, и курсъ нашъ долженъ понижаться.

При незначительномъ количествѣ фондовъ, находящихся въ иностранныхъ рукахъ, это обстоятельство не имѣетъ особеннаго значенія. Но послѣдовательное созданіе и помѣщеніе такихъ фондовъ заграницей, прежде всего, маскируетъ естественное положеніе вексельнаго курса. Оно поддерживаетъ его столь же искусственно, какъ и продажа золота правительствомъ, и едва ли не столь же дорогой цѣной. Во-первыхъ, фонды эти удается реализовать лишь съ извѣстной потерей, и во-вторыхъ, вмѣстѣ съ ними создается новый ежегодный расходъ на уплату процентовъ. Чѣмъ болѣе увеличивается сумма создаваемыхъ, такимъ образомъ, внѣшнихъ долговъ, тѣмъ больше бываетъ обыкновенно потерь на реализація, тѣмъ выше срочный или безсрочный процентъ, которымъ обязывается правительство.

Очевидно, что продолженіе такихъ займовъ имѣетъ свои предѣлы; а какъ только они пріостанавливаются, курсъ, лишенный искусственной поддержки и предоставленный естественному теченію, немедленно понижается и понижается тѣмъ болѣе, что сдѣланные долги увеличили количество ежегодныхъ платежей за-границу на всю сумму процентовъ, причитающихся по сдѣланнымъ долгамъ. Съ этого момента начинается оборотная сторона медали.

Владѣя значительнымъ запасомъ фондовъ, иностранные капиталисты имѣютъ въ своихъ рукахъ цѣлую армаду, которую они при первомъ удобномъ случаѣ могутъ двинуть на рынокъ страны, выпустившей эти фонды. Въ обыкновенное время этого движенія не происходитъ конечно. Фонды высылаются для покрытія разностей торговаго баланса, вмѣсто золота, для производства биржевой игры и временныхъ колебаній курса, которыми она питается. Но переполненіе заграничнаго рынка его собственными бумажными цѣнностями, выпускъ новыхъ собственныхъ займовъ за-границей и увеличеніе здѣсь требованія денегъ, прежде всего обрушаются на займы страны съ поколебленной валютой, какъ менѣе твердой, и они оказываются въ усиленномъ предложеніи. Стремленіе освободиться отъ нихъ еще болѣе усиливается въ случаѣ застоя въ заграничной торговлѣ и точно также въ случаѣ какихъ-либо замѣшательствъ во внутреннихъ дѣлахъ страны, выпустившей фонды.

Какъ бы то ни было, курсъ находится теперь не только подъ давленіемъ увеличившихся платежей по процентамъ на находящіеся въ заграничныхъ рукахъ фонды, но и подъ угрожающимъ давленіемъ фондовъ, высылаемыхъ на продажу.

Какъ только количество иностранныхъ векселей на мѣстной биржѣ увеличивается, высылка сюда для продажи фондовъ или купоновъ по нимъ увеличиваетъ спросъ на эти векселя и подымаетъ ихъ цѣну, парализуя всякую выгоду въ торговомъ балансѣ и не даетъ подняться курсу, а въ случаѣ малаго спроса на мѣстный товаръ за-границу роняетъ курсъ до предѣла, указываемаго цѣной мѣстнаго товара на заграничномъ рынкѣ. Въ окончательномъ счетѣ курсъ не падаетъ ниже этого естественнаго предѣла, т.-е. предѣла, указываемаго отношеніемъ между кредитной цѣной на товаръ на мѣстномъ рынкѣ и цѣной его на золото на иностранномъ рынкѣ; ибо если цѣна фондовъ, вслѣдствіе усиленнаго на нихъ предложенія, упадетъ настолько, что сдѣлаетъ выгоднымъ уплату товаромъ, то платежи могутъ происходить товаромъ, и векселя будутъ сообразоваться во всякомъ случаѣ съ цѣной на послѣдніе; но усиленное предложеніе товара можетъ понизить цѣну послѣдняго на заграничномъ рынкѣ, и потому самая цѣна товара на золото будетъ находиться подъ давленіемъ усиленной продажи фондовъ, и вексельный курсъ будетъ все-таки падать подъ давленіемъ продажи фондовъ, чего не было бы безъ давленія фондовъ.

Въ суммѣ вліяніе описанныхъ суррогатовъ очевидно: они то увеличиваютъ, то уменьшаютъ спросъ на иностранные векселя

на мѣстной биржѣ. Они уменьшаютъ этотъ спросъ, когда золото появляется на рынкѣ для продажи, ибо предложеніе золота равносильно увеличенію суммы заграничныхъ векселей, или когда усиливается спросъ на мѣстные фонды за-границу. Они увеличиваютъ спросъ на заграничные векселя, когда золото скрывается и фонды выступаютъ въ усиленномъ предложеніи. Но спросъ на заграничные векселя, помимо обмѣна ихъ на фонды, обусловливается естественно лишь присутствіемъ въ свою очередь на заграничномъ рынкѣ нашихъ собственныхъ векселей или другихъ обязательствъ, и измѣряется суммой послѣднихъ. А эти послѣдніе векселя и обязательства дѣйствуютъ очевидно одинаково съ высылаемыми для продажи фондами. Поэтому въ окончательномъ счетѣ мы имѣемъ дѣло съ двоякаго рода суммами. Съ одной стороны, съ суммой иностранныхъ векселей и золота, которые являются на мѣстномъ рынкѣ для продажи и которые выражаютъ не что иное, какъ активъ нашего платежнаго баланса въ самомъ общемъ смыслѣ. Съ другой—является сумма нашихъ долговыхъ платежей за-границу по векселямъ и фондамъ, которые представляютъ пассивъ нашего платежнаго баланса.

Очевидно, что отношеніе между этими двумя суммами будетъ опредѣлять колебаніе курса въ ту или другую сторону отъ его естественной нормы, т.-е. курсъ этотъ будетъ повышаться съ увеличеніемъ нашего актива или съ увеличеніемъ предложенія на иностранные векселя и золото на мѣстной биржѣ, и понижаться съ увеличеніемъ пассива, т.-е. съ увеличеніемъ предложенія на наши векселя на заграничныхъ биржахъ и проч.

Вопросъ, который самъ собою представляется за тѣмъ, заключается въ томъ, какая зависимость должна существовать между такими вліяніями на курсъ золота и фондовъ и цѣнами на товаръ.

Если цѣна на товаръ опредѣляетъ естественное положеніе курса при отсутствіи другихъ платежныхъ средствъ, то не должна ли она, въ свою очередь, въ случаѣ присутствія послѣднихъ — золота и фондовъ, измѣняться соотвѣтственно измѣненію курса подъ вліяніемъ такихъ другихъ платежныхъ средствъ; или же дѣйствительный курсъ можетъ стоять ниже или выше уровня, опредѣляемаго цѣнами на товаръ, не измѣняя въ то же время этихъ цѣнъ.

Съ перваго взгляда кажется, что цѣна на товаръ должна бы была слѣдовать колебанію курса.

Положимъ, что продавецъ векселя купилъ четверть пшеницы въ Петербургѣ за 10 руб. съ провозомъ до Лондона и продалъ ее за границею за 8 руб. золотомъ, слѣдовательно по курсу $^8/_{10}$.

Положимъ, что, продавая свой вексель въ Петербургѣ, онъ получилъ за него всего 9 руб. кредитныхъ, вслѣдствіе прилива золота на петербургскую биржу и возвышенія курса. Очевидно, что такъ какъ курсъ повысился, то онъ получитъ теперь за свои 9 кредитныхъ тѣ же 8 золотыхъ рублей и продастъ свой вексель, ничего не теряя. Но если онъ теперь повторитъ ту же операцію, т.-е. заплатитъ по прежнему за хлѣбъ 10 руб. кредитныхъ въ Петербургѣ и продастъ за 8 золотыхъ рублей въ Лондонѣ, то за 8 золотыхъ рублей получитъ теперь въ Петербургѣ по повышенному курсу всего 9 кредитныхъ рублей, и слѣдовательно будетъ въ потерѣ, ибо получитъ теперь 9 кред. руб., тогда какъ истратилъ 10 р. кредитныхъ. Для того, чтобы не быть въ потерѣ онъ долженъ заплатить теперь не 10, а 9 руб. кредитныхъ.

Итакъ, теоретически должно быть, какъ будто несомнѣнно, что въ случаѣ присутствія на биржѣ золота и спроса на фонды, курсъ хотя и будетъ возрастать противъ нормы его, опредѣляемой цѣнами на отпускной товаръ, но въ то же время эти цѣны должны неизбѣжно измѣняться въ свою очередь и стремиться сообразоваться съ нимъ. Курсъ будетъ теперь регулироваться не цѣнами на товаръ, а этими цѣнами, усиленными предложеніемъ на золото и спросомъ на фонды; но вслѣдствіе измѣненія въ то же время цѣнъ на товаръ отношеніе между товарными цѣнами мѣстными и заграничными должно все-таки въ окончательномъ счетѣ служить точнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго биржевого курса.

Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ бываетъ—это другой вопросъ.

Вопросъ этотъ очевидно равносиленъ вопросу—должны ли на самомъ дѣлѣ цѣны на товаръ, на хлѣбъ, напримѣръ, слѣдовать колебаніямъ курса, опредѣляемымъ внѣшними и независящими отъ товара условіями, т.-е. приливомъ золота и спросомъ на фонды.

До извѣстной степени это будетъ справедливо, т.-е. товарныя цѣны будутъ имѣть стремленіе измѣняться и приближаться къ нормамъ, соотвѣтствующимъ биржевому курсу. Но на самомъ дѣлѣ онѣ достигнутъ этого приближенія лишь до извѣстной степени.

При каждомъ повышеніи курса торговецъ хлѣбомъ долженъ для этого очевидно понизить цѣну, по которой онъ покупаетъ хлѣбъ, произвести давленіе на производителя, иначе онъ понесетъ потерю, обмѣняетъ своей торговой операціей кредитный рубль за меньшее количество золота, чѣмъ можетъ получить за

него по курсу на биржѣ. Онъ не понесетъ этой потери, только понизивъ цѣну на хлѣбъ.

Но колебанія курса подъ вліяніемъ прилива золота и фондовъ совершаются весьма быстро; курсъ въ теченіе мѣсяца измѣняется иногда на 6 и болѣе %. Торговецъ, который захотѣлъ бы слѣдить за этими колебаніями, едва ли въ состояніи былъ бы это выполнить. Понижая сегодня цѣну на хлѣбъ, потому что курсъ повысился, онъ можетъ завтра быть вынужденнымъ заплатить за тотъ же хлѣбъ еще большую цѣну, потому что требованіе на фонды и приливъ золота ослабѣли и курсъ упалъ ниже прежняго; а пока онъ успѣетъ купить и продать свой хлѣбъ, курсъ можетъ измѣниться нѣсколько разъ противъ него и въ его пользу.

Покупая сегодня хлѣбъ въ Петербургѣ и продавая его въ Лондонѣ, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, по какому курсу онъ продастъ векселя, которые получитъ за этотъ хлѣбъ при колебаніи курса въ зависимости отъ случайныхъ приливовъ и отливовъ фондовъ и золота. Если взять въ расчетъ число послѣднихъ 20 годовъ, то въ среднемъ счетѣ онъ скорѣе имѣлъ основаніе расчитывать на повышеніе мѣстной цѣны на хлѣбъ и послѣдовательное пониженіе курса, не останавливаясь на его случайныхъ повышеніяхъ. При томъ еслибы онъ и могъ мѣнять цѣну на хлѣбъ сообразно курсовымъ колебаніямъ дня, то далеко не во всемъ ея, такъ сказать, объемѣ. Есть элементы въ этой цѣнѣ, которые остаются постоянными, и измѣнить ихъ не въ его власти и не во власти производителя—таковы, напр., тарифы за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ внутреннимъ путямъ, которые вовсе не слѣдуютъ колебаніямъ курса. При повышеніи курса выгоды отъ этой неизмѣнности тарифа не достаются ни хлѣбному торговцу, ни производителю, а желѣзной дорогѣ; при паденіи курса она же несетъ потери отъ этого постоянства тарифа. Далѣе, платежи производителя, занявшаго капиталъ на покупку земли въ земельныхъ банкахъ, не измѣняются отъ повышенія курса. Наконецъ, ни цѣны на землю, ни рабочая плата не могутъ слѣдовать за его колебаніями, проистекающими отъ внѣшнихъ вліяній, и потому, какъ бы ни желалъ измѣнить этой цѣны торговецъ, ее не всегда можетъ измѣнять производитель товара или хлѣба.

Но что важнѣе всего—это то, что мѣстныя цѣны товара опредѣляются вообще не только стоимостью его производства съ повышеніемъ этой стоимости на кредитные рубли, вслѣдствіе избытка бумажныхъ денегъ, а также спросомъ и предложеніемъ на то-

варъ. Если спросъ на товаръ увеличивается, а это именно случается съ оживленіемъ отпускной торговли, то не только торговецъ не можетъ производить давленія на производителя; но напротивъ, послѣдній производитъ давленіе на торговца и имѣетъ возможность повышать мѣстную цѣну на товаръ выше стоимости его производства, а тогда курсъ, разсчитанный по отношенію цѣнъ на товаръ, напримѣръ, въ Петербургѣ и Лондонѣ, будетъ всегда ниже того, по которому на самомъ дѣлѣ русскій производитель обмѣниваетъ свой товаръ въ Лондонѣ, и для опредѣленія этого дѣйствительнаго курса слѣдовало бы сравнивать съ цѣнами товара въ Лондонѣ не биржевыя цѣны товара въ Петербургѣ, а стоимость товара въ производствѣ производителю.

Поэтому вообще хлѣбный торговецъ въ своихъ оборотахъ будетъ руководствоваться кромѣ курсовыхъ измѣненій еще и другими соображеніями.

Онъ покупаетъ хлѣбъ въ Петербургѣ,, положимъ по 8 руб. кредитныхъ за четверть, по курсу 0,8, что составитъ 6 р. 40 к. металлическихъ; продаетъ его въ Лондонѣ по 50 шил. за квартеръ или приблизительно по 13 р. 60 к. металлическихъ за четверть. Въ этой суммѣ заключаются всѣ накладные расходы съ доставкой хлѣба въ Лондонъ и его собственный барышъ. Пусть послѣдній равняется 20% съ валовой прибыли, т.-е. $0,2 \times 13,6 = 272$ руб. металлическихъ; тогда расходъ торговца будетъ 13 р. 60 к.—2 р. 72=10,88 металлическихъ, въ томъ числѣ за хлѣбъ въ Петербургѣ 6 р. 40 к. и накладныхъ расходовъ за доставку 4 р. 48 к. металлич. или 5 р. 60 к. кредитныхъ. Если затѣмъ курсъ поднялся до 0,9 и торговецъ повторитъ теперь ту же операцію, т.-е. купитъ хлѣбъ за тѣ же 8 руб. кредитныхъ, то заплатитъ слѣдовательно за него по курсу 0,9, 7 руб. 20 коп. метал. и накладныхъ расходовъ вмѣсто прежняго 5 р. 60 к. кредитн. или по курсу 0,9, 5 р. 4 коп. метал., т.-е. понесетъ всего расхода 12 р. 24 коп. Доходъ его слѣдовательно будетъ 13 р. 60 коп.—12 р. 24 к.=1 р. 36 метал. вмѣсто 2 р. 76 коп. Если курсъ поднялся до 1, или pari, то онъ получитъ 13 р. 60 к. кредитныхъ, а истратитъ на покупку хлѣба въ Петербургѣ 8 руб. металл., на прочій расходъ 5 р. 60 коп., или всего 13 р. 60 к., т.-е. не будетъ ни въ прибыли, ни въ убыткѣ.

Иными словами—%, которые будетъ получать торговецъ, будутъ уменьшаться отъ возрастанія курса.

Но торговецъ будетъ подчиняться этому уменьшенію дохода и продолжать свою торговлю по очень простому соображенію.

бросать своей торговли ни для денежнаго арбитража, ни для покупки земель и занятій сельскимъ хозяйствомъ, онъ, конечно, не станетъ, потому, во-первыхъ, что если всѣ обратятся къ этимъ занятіямъ, то временныя выгоды ихъ сейчасъ же исчезнутъ вслѣдствіе возвышенія спроса и слѣдовательно цѣнъ на золото и земли. Притомъ арбитражистъ вообще получаетъ, хотя, быть можетъ, и большій доходъ иногда, чѣмъ торговецъ, но болѣе рискованный; производитель же получаетъ вообще меньшій %, чѣмъ торговецъ. Передъ торговцемъ будетъ одна практическая альтернатива: или продолжать свою торговлю, несмотря на меньшій %, или ликвидировать ее и помѣстить капиталы въ процентныя бумаги и фонды. Помѣщая ихъ въ послѣдніе, онъ можетъ разсчитывать на опредѣленный болѣе или менѣе вѣрный процентъ. Примемъ его равнымъ 6%, поэтому онъ будетъ продолжать свою торговлю до тѣхъ поръ, пока она будетъ ему доставлять доходъ не ниже 6%. Но можно показать, что курсъ можетъ повыситься на 25% безъ нарушенія этого условія. Дѣйствительно, если возьмемъ цѣны на пшеницу въ Лондонѣ и Петербургѣ за 1853 г., когда курсъ стоялъ al pari, т. е. 13,6 р. и 7,78 руб., и допустимъ, что доходъ торговца равнялся 20% валовой прибыли, то окажется, что при томъ же расходѣ на провозъ и накладные расходы отъ Петербурга до Лондона, для того, чтобы прибыль торговца составляла 6%, съ 13,6 руб., цѣна пшеницы въ Петербургѣ должна подняться до 9,68 руб. или на 25%.

Разсчетъ этотъ, конечно, лишь примѣрный. Онъ показываетъ только наглядно, что дѣйствительный биржевой курсъ можетъ держаться, во всякомъ случаѣ, на нѣсколько процентовъ выше курса, разсчитаннаго по биржевымъ хлѣбнымъ цѣнамъ. Остается разсмотрѣть, какимъ образомъ дѣйствіе спроса на фонды и предложенія на золото должны отразиться на общей формулѣ биржевого курса, опредѣленнаго выше. Дѣйствіе это равносильно увеличенію на биржѣ суммы иностранныхъ векселей и слѣдовательно вліянію отпуска; но мы видѣли уже выше, что вліяніе на курсъ суммы векселей выражается въ общей формулѣ курса особымъ коэфиціентомъ, обращающимъ курсъ, разсчитанный по товарнымъ цѣнамъ, въ биржевой курсъ. Слѣдовательно, присутствіе суррогатовъ, за возможностью приравнять его увеличенію предложенія на иностранные векселя, измѣняетъ лишь величину коэфиціента, на который долженъ быть умноженъ курсъ, разсчитанный по цѣнамъ на товаръ для полученія биржевого курса.

Приливъ золота и спросъ на фонды составляютъ только но-

вые члены, которые присоединяются къ суммѣ иностранныхъ векселей, которые доставляетъ на мѣстную биржу торговля, точно такъ же, какъ платежи % по займамъ составляютъ новые члены, присоединяющіеся къ суммѣ долговъ страны, обусловленныхъ ея торговлею.

Итакъ, эти элементы не измѣняютъ общаго выраженія биржевого курса, опредѣленнаго выше подъ условіемъ исключительной возможности для страны уплачивать свои внѣшніе долги товаромъ, а измѣняютъ лишь численное значеніе коэфиціента спроса и предложенія на заграничные векселя, на которые, согласно тамъ сказанному, долженъ быть умноженъ курсъ, разсчитанный по товарнымъ цѣнамъ для получения рыночнаго или биржевого курса иностранныхъ векселей на кредитные рубли.

Въ окончательномъ счетѣ биржевой курсъ кредитнаго рубля долженъ слѣдовательно выразиться курсомъ, разсчитаннымъ по товарнымъ цѣнамъ или, что тоже, стоимостью производства заграничнаго векселя на кредитные рубли, умноженной на отношенія существующаго въ данный моментъ на мѣстной биржѣ спроса на золото къ предложенію, взятымъ въ обширномъ смыслѣ. Такой спросъ опредѣляется суммой всякихъ долговыхъ платежей русскихъ, подлежащихъ оплатѣ въ данный моментъ за-границей. Предложеніе же на золото выражается: суммой иностранныхъ векселей и золота, предъявляемыхъ къ продажѣ въ данный моментъ и спросомъ на фонды. Но такой спросъ выражаетъ, очевидно, не что иное, какъ пассивъ внѣшняго платежнаго баланса страны, подлежащаго оплатѣ въ данный моментъ; такое предложеніе — активъ того же баланса плюсъ свободное золото, имѣющееся на рынкѣ, — поэтому можно также сказать, что курсъ выражается стоимостью производства золотого рубля путемъ обмѣна товаровъ, умноженныхъ на отношеніе актива къ пассиву внѣшняго платежнаго баланса страны въ данный моментъ, взятаго въ самомъ обширномъ смыслѣ, т.-е. не только торговые балансы, но балансы всѣхъ платежей и поступленій какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, причемъ къ активу присоединяется также свободное золото, существующее въ то же время на биржѣ.

II.

Изложивъ общія соображенія относительно условій, опредѣляющихъ измѣненіе вексельнаго курса при неразмѣнно-бумажномъ обращеніи, переходимъ къ разсчетамъ, которые должны служить повѣркою высказаннымъ взглядамъ.

Строго говоря, мы должны бы были начать съ опредѣленія измѣненій, происшедшихъ у насъ въ Россіи въ стоимости на кредитную валюту отдѣльныхъ элементовъ производства, земли, труда и капитала подъ вліяніемъ неразмѣнности. Но собрать необходимыя данныя по этимъ статьямъ трудно и разсчетъ значительно бы усложнился.

Проще поэтому остановиться прямо на цѣнахъ товарныхъ, въ которыхъ, такъ сказать, должны интегрироваться всѣ измѣненія, происходящія въ стоимости отдѣльныхъ элементовъ производства, и притомъ избрать такой товаръ, который играетъ въ нашемъ внѣшнемъ обмѣнѣ наиболѣе видную и рѣшающую роль. Какъ извѣстно 50% нашего отпуска заключается въ хлѣбѣ, и около ½ ихъ приходится на долю пшеницы. Поэтому, если бы въ нашемъ распоряженіи не было другихъ платежныхъ средствъ, кромѣ товаровъ, то пшеница играла бы между ними первенствующую роль, и вексельный курсъ долженъ былъ бы регулироваться цѣнами на этотъ товаръ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ избрать въ настоящемъ случаѣ за основаніе разсчетовъ подобный товаръ, что цѣны на всѣ отпускные товары, насколько онѣ зависятъ отъ измѣняющейся стоимости производства вслѣдствіе обилія бумажныхъ денегъ, должны находиться въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собою и съ главнымъ предметомъ отпуска.

Тѣмъ не менѣе, разсчеты, которые могутъ быть сдѣланы на этомъ основаніи, должны все-таки быть лишь приблизительными. Дѣло въ томъ, что данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, не могутъ считаться вполнѣ однородными. Относительно биржевого курса мы имѣемъ среднія, за годъ выведенныя по курсу на Лондонъ изъ высшихъ и низшихъ мѣсячныхъ, помѣщенныхъ въ «Annuaire des finances Russes».

Въ отношеніи цѣнъ на хлѣбъ мы имѣемъ для Россіи только среднія изъ высшихъ и низшихъ годовыхъ, заимствованныхъ до 1871 г. изъ трудовъ такъ-называемой Валуевской коммиссіи, и за послѣдніе годы изъ «Обзоровъ Внѣшней торговли» министерства финансовъ. Наконецъ, относительно лондонскихъ цѣнъ мы имѣемъ пропорціональныя, среднія годовыя цѣны, выведенныя по мѣсячнымъ и даже недѣльнымъ цѣнамъ.

Русскія цѣны, данныя въ абсолютныхъ числахъ, конечно, легко могутъ быть преобразованы въ пропорціональныя, но онѣ, очевидно, не вполнѣ соотвѣтствуютъ среднимъ ариѳметическимъ годовымъ, каковыми представляются лондонскія цѣны, и потому сравненіе тѣхъ и другихъ предполагаетъ извѣстную ошибку. Впрочемъ, такъ какъ по извѣстной теоремѣ высшаго анализа тѣ и

другія среднія должны одинаково находиться въ предѣлахъ наибольшихъ и наименьшихъ значеній годовыхъ цѣнъ, то ошибка эта не должна быть особенно значительна. Мы считаемъ, однако, нужнымъ оговорить ее въ виду точности, прежде, чѣмъ идти далѣе.

Мы имѣемъ въ распоряженіи пропорціональныя цѣны пшеницы въ Лондонѣ съ 1849 г., которыя заимствуемъ изъ книги Бурна: «Food, trade and population». Въ нихъ за единицу приняты среднія цѣны 1872—77 г., и случайно такой именно единицѣ соотвѣтствуетъ цѣна на пшеницу 1853 года.

Мы приводимъ по этому въ слѣдующей ниже таблицѣ (столбецъ I) прежде всего эти пропорціональныя числа до 1878 г., изъ книги Бурна, за слѣдующіе же годы изъ «Economist'a (Suppl. февраль 1882 г.). Для русскихъ цѣнъ мы беремъ среднія годовыя цѣны на пшеницу въ Петербургѣ до 1871 г. изъ доклада Валуевской коммиссіи, и за послѣдующее время изъ «Обзоровъ внѣшней торговли» таможеннаго департамента, которыя приведены въ столбцѣ II.

Цѣны эти даны въ абсолютныхъ цыфрахъ, кредитныхъ рубляхъ, и потому въ столбцѣ III онѣ переведены въ пропорціональныя цѣны, причемъ за единицу принята цѣна 1853 г., т.-е. того же года, къ которому отнесены и лондонскія цѣны. Цифры столбца III представляютъ поэтому процентное измѣненіе петербургскихъ цѣнъ на пшеницу противъ цѣнъ 1853 г., точно такъ же какъ цифры столбца I,—такое же измѣненіе лондонскихъ цѣнъ.

Измѣненія въ томъ и другомъ случаѣ могли происходить отъ различныхъ причинъ: въ Лондонѣ—отъ измѣненія урожая и предложенія пшеницы на европейскомъ рынкѣ; въ Россіи—не только отъ урожая и измѣненія предложенія, но отъ обилія бумажныхъ денегъ и вздорожанія элементовъ производства на кредитную валюту, а также отъ измѣненія заграничнаго спроса.

Измѣненія, которыя могли происходить отъ общихъ причинъ, должны были быть приблизительно пропорціональны въ мѣстныхъ и заграничныхъ цѣнахъ; поэтому, чтобы выдѣлить въ русскихъ цѣнахъ измѣненія, которыя съ вѣроятностью должны быть отнесены къ вліянію кредитной валюты, мы послѣдовательно вычли по годамъ приращенія положительныя и отрицательныя лондонскихъ цѣнъ изъ цѣнъ петербургскихъ. Результатъ такого расчета представленъ въ столбцѣ IV.

Затѣмъ, согласно нашей теоріи вексельный курсъ, по скольку онъ долженъ опредѣляться цѣнами на хлѣбъ, какъ международ-

ный платежный товаръ, долженъ выразиться отношеніемъ между лондонскими и петербургскими цѣнами на пшеницу, или, такъ какъ лондонскія цѣны за всѣ годы уже разсчетомъ столбца IV приведены къ I, то курсъ долженъ выразиться отношеніемъ I къ цѣнамъ столбца IV. Эти отношенія приведены въ столбцѣ V.

Замѣтимъ, однако, что вычитая приращенія англійскихъ цѣнъ изъ русскихъ, мы выгораживаемъ только тѣ уклоненія въ русскихъ цѣнахъ, которыя произошли въ зависимости отъ пропорціональнаго измѣненія цѣнъ на пшеницу въ Лондонѣ, отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы всѣ остальныя измѣненія въ русскихъ цѣнахъ могли быть отнесены къ вліянію кредитнаго рубля и валюты. Это могло бы быть такъ, если бы въ русскихъ цѣнахъ мы имѣли дѣло съ цѣнами пшеницы для производителя, но такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ послѣдними, а съ биржевыми петербургскими цѣнами, то въ нихъ, кромѣ вліянія кредитной валюты можетъ отражаться также давленіе, которое можетъ оказывать на мѣстномъ рынкѣ на торговца производитель или обратно, смотря по величинѣ внѣшняго и внутренняго спроса на пшеницу. Этимъ обусловливается возможность еще новой ошибки, которую слѣдуетъ также оговорить.

Въ столбцѣ VI приведенъ дѣйствительный биржевой средній курсъ по годамъ, а въ столбцѣ VII разности между биржевымъ курсомъ и разсчитаннымъ по хлѣбнымъ цѣнамъ въ столбцѣ V.

Годы.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
1853	1,00	7,78	1,0	0	0	0	0
1856	1,31	10,5	1,34	1,03	0,971	0,920	0,051
1857	1,06	10,5	1,34	1,28	0,781	0,900	0,119
1858	0,83	9,25	1,18	1,35	0,741	0,868	0,127
1859	0,82	9,75	1,25	1,43	0,700	0,845	0,145
1860	1,00	10,90	1,40	1,40	0,714	0,865	0,151
1861	1,04	11,25	1,44	1,40	0,714	0,826	0,112
1862	1,04	11	1,41	1,37	0,730	0,837	0,107
1863	0,89	9,87	1,85	1,36	0,735	0,885	0,150
1864	0,75	8,87	1,14	1,39	0,719	0,780	0,067
1865	0,78	8,62	1,09	1,31	0,763	0,763	0
1866	0,94	11,25	1,44	1,50	0,667	0,714	0,047
1867	1,21	13,8	1,73	1,52	0,658	0,786	0,128
1868	1,19	12,37	1,57	1,38	0,725	0,794	0,069
1869	0,9	12	1,52	1,62	0,617	0,739	0,122
1870	0,83	11,62	1,49	1,66	0,602	0,719	0,117
1871	1,07	12,5	1,60	1,53	0,654	0,775	0,121
1872	1,07	13,5	1,74	1,67	0,509	0,792	0,193
1873	1,10	13,5	1,74	1,64	0,610	0,785	0,175
1874	1,04	14,5	1,77	1,73	0,587	0,805	0,218
1875	0,85	15	1,94	2,09	0,478	0,793	0,315

Годы.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
1876	0,87	11,87	11,47	1,60	0,625	0,747	0,122
1877	1,07	15	1,94	1,87	0,533	0,629	0,016
1878	0,87	13,25	1,71	1,84	0,543	0,592	0,049
1879	0,79	9,62	1,88	2,09	0,478	0,587	0,109
1880	0,80	15,62	2,02	2,22	0,450	0,606	0,150
1881	0,82	16,87	2,18	2,36	0,424	0,610	0,186

Цифры столбца V представляютъ курсъ разсчитанный по цѣнамъ на пшеницу, какой долженъ былъ бы существовать, если бы отпускной товаръ составлялъ единственное платежное средство, и притомъ съ той оговоркой, что взятыя пшеничныя петербургскія цѣны не были искусственно ни понижены, ни повышены усиленнымъ требованіемъ. Въ данномъ случаѣ этого сказать вообще нельзя. Цѣны на пшеницу должны были быть скорѣе повышены вслѣдствіе постоянно возраставшаго до послѣднихъ годовъ спроса и отпуска этого товара заграницу въ пропорціи, превышавшей возрастаніе ея производства.

Обстоятельство это должно было постоянно поддерживать цѣну пшеницы выше уровня, который обусловливался увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ, и этимъ объясняется, можетъ быть, отчасти значительность уклоненія, разсчитаннаго по пшеничнымъ цѣнамъ курса отъ курса дѣйствительнаго. Какъ бы то ни было, курсъ столбца V, разсчитанный по хлѣбнымъ цѣнамъ, не имѣетъ претензіи выражать дѣйствительнаго курса, а выражаетъ только курсъ, который существовалъ бы въ случаѣ отсутствія другихъ платежныхъ суррогатовъ золота и фондовъ. Онъ можетъ быть поэтому разсматриваемъ лишь какъ первый членъ въ общемъ выраженіи курса. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ то сходство съ дѣйствительнымъ курсомъ, что, разнясь отъ него на извѣстную величину, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ тому же теченію, какъ и биржевой курсъ, т.-е. послѣдовательно понижается, начиная съ 1856 года.

Наблюдая цифры столбца VII или уклоненія дѣйствительнаго курса отъ хлѣбнаго, можемъ видѣть, что эти уклоненія, прежде всего, слѣдуютъ почти въ постоянныхъ цифрахъ съ 1857 по 1864 г., когда не только въ странѣ должно было оставаться извѣстное количество золота, но когда правительство производило усиленную продажу золота на биржѣ для искусственнаго поддержанія курса. Далѣе, видимъ, что для 1864, 1865 и 1866 г., когда послѣ неудачной попытки возстановленія размѣна, все выпущенное золото было вывезено заграницу, курсъ сближается съ курсомъ торговымъ или нами разсчитаннымъ по пшеницѣ.

Еще далѣе, послѣ 1866, когда исчезаютъ дефициты изъ бюджетовъ и начинается усиленное помѣщеніе заграницею фондовъ и облигацій желѣзныхъ дорогъ, эта разность возрастаетъ, вѣроятно, по этимъ причинамъ, а можетъ отчасти и вслѣдствіе прилива частнаго золота на русскій рынокъ, и это продолжается вплоть до конца 1875 года.

Съ наступленіемъ же турецкой войны и съ усиленнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, когда не только нельзя предполагать прилива золота на нашей биржѣ и когда, напротивъ, начался усиленный приливъ на нашу биржу изъ-за границы русскихъ фондовъ, разность эта понижается и курсъ по пшеничнымъ цѣнамъ снова сближается, до извѣстной степени, съ биржевымъ.

Въ сложности по пятилѣтіямъ эти разности представляютъ слѣдующія колебанія:

1856—1860.	0,099
1861—1865.	0,097
1866—1870.	0,097
1871—1875.	0,205
1876—1880.	0,105

Разности эти, или среднія разности столбца VII, представляютъ собой второй добавочный членъ, которымъ долженъ быть увеличенъ курсъ, разсчитанный по товарнымъ цѣнамъ для полученія дѣйствительнаго биржевого курса, членъ зависящій отъ присутствія золота на рынкѣ страны, въ которой существуетъ бумажное обращеніе, а также спроса на ея фонды.

Наблюдая эти разности, выражающія добавочный членъ курса, мы не можемъ не обратить вниманія на ихъ постоянство.

Дѣйствительный курсъ стоитъ въ теченіе 20 лѣтъ приблизительно на 10% выше разсчитаннаго по пшеничнымъ цѣнамъ; исключеніе составляетъ только пятилѣтіе 1871—1875 г., для котораго та же величина удваивается. Но, какъ извѣстно, это пятилѣтіе представляется исключительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это единственное пятилѣтіе, для котораго хроническій дефицитъ въ государственныхъ росписяхъ обращается въ превышеніе доходовъ надъ расходами, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы дефицитовъ:

	Дефицитъ.	Перевѣсъ доходовъ надъ расходами.
1857—60. . . .	100,574	—
1861—65. . . .	140,560	—
1866—70. . . .	101,616	—
1871—75. . . .	—	54,923
1876—80. . . .	49,046	—

Предполагать, чтобы вексельный курсъ находился всегда въ прямой связи съ положеніемъ росписей, съ перваго взгляда не представляется оснований; но если вспомнить, что главнымъ источникомъ покрытія дефицитовъ все-таки служатъ новые выпуски кредитныхъ билетовъ или серій, играющихъ въ обращеніи роль кредитныхъ билетовъ, только процентныхъ, или же наконецъ займы, только временно облегчающіе спросъ на золото, но затѣмъ его усугубляющіе, то станетъ вполнѣ понятно, что дефициты въ сущности или увеличиваютъ количество бумажныхъ платежныхъ знаковъ, или наводняютъ рынокъ государства процентными бумагами и увеличиваютъ спросъ на золото.

Сумма нашихъ дефицитовъ по обыкновеннымъ расходамъ съ окончанія крымской войны, т.-е. съ 1875—80 г., равнялась 337 милл. рублей [1]). Большинство ихъ было покрыто или выпускомъ серій, или кредитныхъ билетовъ. Означенная сумма приблизительно равнялась суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время крымской войны, и несмотря на то пріостановки дефицитовъ или хроническаго увеличенія количества бумажныхъ знаковъ того или другого вида достаточно было, чтобы произвести видимое повышеніе курса. Но послѣдующая война уничтожила всѣ эти начала лучшаго положенія. Чрезвычайные расходы этой войны потребовали болѣе милліарда рублей, изъ которыхъ значительная часть была доставлена новымъ выпускомъ кредитныхъ рублей, и курсъ снова сталъ падать, возвратившись къ прежнимъ условіямъ или держась на 10% выше курса предлагающаго по петербургскимъ цѣнамъ на пшеницу.

Общій результатъ, который можетъ быть выведенъ изъ предъидущаго, заключается въ томъ, что денежный биржевой курсъ стоитъ вообще выше товарнаго; что курсъ, опредѣляемый по хлѣбнымъ цѣнамъ, служитъ предѣломъ, выше котораго дѣйствительный курсъ стоялъ за всѣ 25 лѣтъ въ сложности по крайней мѣрѣ на 9,7% и только въ 1865 году, во время наибольшаго отлива золота, послѣ попытки возстановленія размѣна совпалъ съ товарнымъ курсомъ. Оно такъ и слѣдуетъ: биржевой курсъ можетъ стоять выше товарнаго, но не можетъ пасть ниже его, ибо товарный курсъ выражаетъ собственно мѣру обезпеченія бумажнаго рубля внѣшними торговыми оборотами; прибавочный же членъ выражаетъ степень самостоятельнаго довѣрія къ кредитному рублю, какъ государственному кредитному знаку, или цѣну,

[1]) Здѣсь взяты, впрочемъ, еще далеко не полныя дѣйствительныя числа, такъ что на самомъ дѣлѣ эта сумма больше.

которую имѣлъ бы кредитный рубль независимо, и въ случаѣ совершеннаго отсутствія отпуска. Это послѣднее довѣріе можетъ обратиться въ нуль, а вмѣстѣ съ нимъ и сумма свободнаго золота, которая будетъ существовать на рынкѣ помимо векселей, вынужденныхъ отпускомъ; но разъ будетъ существовать послѣдній, кредитный рубль будетъ имѣть всегда цѣну, обусловливаемую отпускомъ, какъ представитель извѣстной суммы отпускного товара. Вслѣдствіе тѣхъ же условій, биржевой курсъ кредитнаго рубля продолжаетъ держаться до сихъ поръ выше товарнаго, а слѣдовательно можетъ стоять также и въ будущемъ при отсутствіи какихъ-либо особенныхъ, потрясающихъ денежный рынокъ, условій. Правда, при усиливающейся конкурренціи въ хлѣбной торговлѣ Америки, Канады, Индіи и даже Австраліи, весьма легко можно ожидать меньшаго спроса на русскій хлѣбъ и меньшаго прилива иностранныхъ векселей на нашу биржу, что можетъ содѣйствовать пониженію означенной разности между курсомъ, разсчитаннымъ по хлѣбнымъ цѣнамъ и дѣйствительнымъ. Особенно сильнаго ея паденія мы не должны, однако, ожидать, такъ какъ хотя и можно предвидѣть уменьшеніе спроса на хлѣбъ, но зато и нѣтъ причинъ ожидать усиленнаго ввоза; высылка же русскихъ бумагъ для продажи въ Россіи обусловливается обыкновенно или усиленнымъ отпускомъ, или высокой цѣной фондовъ, или внѣшними, или внутренними политическими обстоятельствами;—ни того, ни другого, однако, пока не предвидится.

Приливъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ за турецкую войну, оказалъ, повидимому, уже полное свое дѣйствіе на цѣны процентныхъ бумагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ заграничный рынокъ освободился также за послѣдніе годы въ значительной степени отъ русскихъ бумагъ. Отсутствіе же дефицитовъ и приращенія денежныхъ знаковъ, если бы оно имѣло мѣсто, должно бы было съ избыткомъ восполнить то, что могло бы быть потеряно на суммахъ внѣшняго оборота. Но независимо отъ того, несмотря на усиленные толки о паденіи за послѣдніе годы собственно довѣрія къ бумажному рублю, чему и приписывалось, главнымъ образомъ, паденіе курса, числа не вполнѣ оправдываютъ такое предположеніе, а скорѣе заставляютъ искать главной причины паденія курса въ товарныхъ цѣнахъ. Отчасти этого и слѣдовало ожидать вслѣдствіе массы бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ за турецкую войну, хотя, по всей вѣроятности, усиленіе отпуска послѣ войны, сопровождавшееся ненормальными хлѣбными дѣлами, должно было также имѣть вліяніе на эту разность. Если обратиться къ отдѣльнымъ годамъ, то можно видѣть, что разность, о

которой идетъ рѣчь, послѣ послѣдней войны, изъ года въ годъ повышалась и составляла:

Въ 1878 году		0,049
„ 1879 „		0,109
„ 1880 „		0,150
„ 1881 „		0,186

Гораздо существеннѣе и серьезнѣе было паденіе товарнаго курса, зависящее отъ возвышенія цѣнъ на продукты на внутреннемъ рынкѣ, вслѣдствіе обилія денежныхъ знаковъ. Курсъ, разсчитанный по этимъ цѣнамъ, дѣйствительно падалъ послѣ войны и составлялъ:

Въ 1878 году		0,543
„ 1879 „		0,478
„ 1880 „		0,450
„ 1881 „		0,424

Цѣны на пшеницу повысились въ Петербургѣ:

Въ 1878 году		1,71
„ 1879 „		1,88
„ 1880 „		2,02
„ 1881 „		2,18

Произвелъ ли уже итогъ выпущенныхъ, по случаю турецкой войны, кредитныхъ билетовъ свое полное дѣйствіе на мѣстныя цѣны товаровъ, или эти цѣны должны еще повышаться, это вопросъ, который долженъ остаться пока открытымъ, такъ какъ вообще дѣйствіе бумажныхъ денегъ на цѣны товаровъ наступаетъ позже, происходитъ постепеннѣе и оканчивается позже, чѣмъ ихъ дѣйствіе на цѣны процентныхъ бумагъ; но что паденіе курса за послѣдніе годы должно было обусловливаться преимущественно товарными цѣнами, на это прямо указываютъ приведенныя данныя.

Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ подробности и возвращаясь къ теоріи курса, оказывается, что на основаніи приведенныхъ разсчетовъ, биржевой курсъ долженъ выразиться суммой по крайней мѣрѣ двухъ членовъ, изъ коихъ первый, или курсъ разсчитанный по товарнымъ цѣнамъ, представляетъ цѣну кредитнаго рубля на золото, какая обезпечивается за нимъ заграничнымъ отпускомъ, второй же—цѣну кредитнаго рубля, какая присуща ему сама по себѣ, независимо отъ отпуска. Онъ обусловливается количествомъ золота, остающагося на мѣстной биржѣ и предполагаемаго для обмѣна на кредитные рубли, и другія

кредитныя обязательства (фонды). Это количество прямо зависитъ отъ довѣрія, которое имѣетъ денежный рынокъ къ кредитному рублю, какъ знаку государственному, и потому этотъ второй членъ выражаетъ не что иное, какъ степень такого кредита. Онъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту биржевую цѣну кредитнаго рубля, какую онъ долженъ имѣть въ случаѣ, если бы первый членъ обратился въ нуль, или страна не имѣла бы вовсе заграничнаго отпуска, точно такъ же, конечно, какъ и обратно, первый членъ выражаетъ ту цѣну рубля, какую онъ долженъ имѣть при полномъ отсутствіи свободнаго золота на биржѣ, помимо векселей, обусловленныхъ отпускомъ, какъ это случилось въ 1865 году. Полученное въ этомъ видѣ выраженіе курса по формѣ не согласуется еще съ общей формулой цѣнъ, какую мы приняли съ самаго начала, по которой цѣна заграничнаго векселя, какъ и всякаго товара, должна выразиться цѣной ихъ въ производствѣ, или курсомъ разсчитаннымъ по товарнымъ цѣнамъ, или первымъ членомъ въ найденномъ выраженіи курса, умноженнымъ на коэфиціентъ спроса и предложенія.

Но ни что не мѣшаетъ намъ выразить этотъ добавочный членъ въ видѣ коэфиціента при первомъ членѣ и такимъ образомъ привести нашъ разсчетъ въ полное согласіе съ тѣмъ видомъ, какой должна имѣть формула курса на основаніи нашей теоріи цѣнъ.

Коэфиціентъ этотъ, очевидно, долженъ быть равенъ единицѣ, сложенной съ отношеніемъ разности столбца VII къ курсу, разсчитанному по хлѣбнымъ цѣнамъ [1]).

Выводить его для отдѣльныхъ годовъ мы не будемъ, ограничимся лишь періодами по пятилѣтіямъ. Разсчетъ представляетъ слѣдующая таблица. Въ столбцѣ I показанъ среднiй курсъ по хлѣбнымъ цѣнамъ, во II средняя разность этого курса отъ дѣйствительнаго; въ III — искомый коэфиціентъ, въ столбцѣ IV опре-

---

[1]) Дѣйствительно, означая курсъ дѣйствительный черезъ a, по хлѣбнымъ цѣнамъ — черезъ b, а коэфиціентъ, выражающій вліяніе спроса и предложенія на вексельный курсъ b, черезъ c, дѣйствительный курсъ долженъ выразиться черезъ $a = bc$

$$\text{откуда } c = \frac{a}{b}$$

Но полагая разности столбца VII, $a - b = k$ или $a = k + b$ получимъ:

$$c = \frac{k+b}{b} = \left(1 + \frac{k}{b}\right)$$

Такъ что полное выраженіе дѣйствительнаго курса будетъ:

$$a = b\left(1 + \frac{k}{b}\right).$$

дѣленъ при его посредствѣ биржевой курсъ, въ столбцѣ V биржевой курсъ дѣйствительный.

	I	II	III	IV	V
1856—60	0,783	0,099	1,127	0,882	0,880
1861—65	0,732	0,097	1,132	0,829	0,819
1866—70	0,654	0,097	1,148	0,751	0,751
1871—75	0,584	0,205	1,350	0,788	0,790
1876—80	0,528	0,105	1,2	0,634	0,632

Остается спросить, насколько опредѣленный такимъ образомъ въ столбцѣ III коэфиціентъ согласуется съ естественными условіями.

Выражаясь также суммой двухъ членовъ $\left(1+\frac{k}{b}\right)$ онъ очевидно не можетъ быть меньше 1, которой равняется, когда к, или степень самостоятельнаго довѣрія къ кредитному рублю равна 0. Условіе это было уже нами доказано выше и здѣсь его нечего болѣе оправдывать. Но отсюда вытекаетъ то существенное слѣдствіе, что вексельный курсъ при кредитной валютѣ, подобно вексельному курсу при металлической, имѣетъ свою особую теорему, отличающую его отъ общей теоріи цѣнъ. Послѣдній не можетъ пасть ниже стоимости провоза золота. Первый не можетъ пасть ниже цѣны кредитнаго рубля, опредѣленной по товарнымъ цѣнамъ. Это спеціальная теорема вексельнаго курса на кредитную валюту, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе.

Наблюдая далѣе численное значеніе коэфиціента, приведеннаго въ столбцѣ III, мы должны придти къ заключенію, что въ то время, какъ курсъ нашъ, опредѣляемый по хлѣбнымъ цѣнамъ, долженъ былъ падать все больше и больше, или въ то время, какъ цѣна на хлѣбъ возвышалась все болѣе и болѣе вслѣдствіе приращенія бумажныхъ денегъ, вліяніе другихъ условій въ нашу пользу усиливалось: для того, чтобы повѣрить этотъ выводъ, мы должны бы были вычислить теперь тотъ же коэфиціентъ на основаніи цифровыхъ данныхъ, выражающихъ отдѣльные элементы нашего платежнаго баланса. Къ сожалѣнію, вычисленія эти представляютъ столь значительныя затрудненія, при недостаткѣ точныхъ по этимъ предметамъ данныхъ, что мы не рѣшались брать его на себя. Полное отсутствіе періодическихъ свѣденій относительно суммъ векселей и сдѣлокъ по нимъ, а также на золото и серебро на биржѣ, относительно предложеній, требованій и сдѣлокъ на наши фонды, трудность привести въ ясность всѣ внѣшніе платежи и полученія и биржевые обороты

правительства въ связи съ шаткостью таможенныхъ показаній относительно суммъ отпуска и привоза, несовпаденіемъ срочныхъ платежей съ временемъ отпуска и привоза и наконецъ присутствіемъ въ платежномъ балансѣ величинъ, неуловимыхъ для статистики, какъ-то: золота, вывозимаго частными лицами,—дѣлаютъ всякіе разсчеты въ этомъ направленіи совершенно безнадежными.

Главное и, можетъ быть, единственное, что могутъ возразить противъ численныхъ значеній разсматриваемаго коэфиціента, заключается въ томъ, что онъ, а слѣдовательно и степень рыночнаго довѣрія къ кредитному рублю, постоянно возраставшаго съ 1856 г., послѣ турецкой войны, за пятилѣтіе 1876—80 г., хотя и въ половину ниже, чѣмъ за пятилѣтіе 1870—75 г., но выше чѣмъ за весь періодъ 1856—70 г. Но мы ничего не можемъ сдѣлать съ цифрами. Если статистическія показанія, которыя нами были даны, невѣрны, то и выводъ долженъ быть таковъ же, и если нѣтъ возможности объяснить его постояннымъ возрастаніемъ величины отпуска, ненормально возвышавшимъ цѣны на хлѣбъ, по которымъ нами разсчитанъ первый членъ курса, то вопросъ о настоящей причинѣ возрастанія этого коэфиціента долженъ остаться открытымъ.

Болѣе точное и полное изслѣдованіе возможно будетъ лишь тогда, когда мы будетъ имѣть, не говоря о точныхъ данныхъ полнаго платежнаго баланса, постоянныя свѣденія не только о курсовыхъ колебаніяхъ, но и о суммахъ ежедневныхъ биржевыхъ оборотовъ и сдѣлокъ на иностранные векселя, золото и главные товары, чего, какъ мнѣ кажется, министерство финансовъ имѣло бы полную возможность достигнуть. Свѣденія эти, хотя бы и не вполнѣ точныя, имѣли бы драгоцѣнное значеніе и послужили бы въ рукахъ правительства серьезнымъ ключемъ къ текущему положенію денежнаго рынка и пособіемъ для руководства въ его собственныхъ операціяхъ.

Ю. Жуковскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МОЛИТВА ПРИРОДЫ.

На блѣдномъ золотѣ померкшаго заката,
Какъ древней надписи причудливый узоръ,
Рисуется черта темно-лиловыхъ горъ...
Таинственная даль глубокимъ сномъ объята;
И все что въ небесахъ, и все что на землѣ,
Ни крикомъ радости, ни ропотомъ страданья
Нарушить не дерзнетъ, скрываясь во мглѣ,
Благоговѣйнаго и робкаго молчанья.
Преобразился міръ въ какой-то дивный храмъ,
Гдѣ каждая звѣзда затеплилась лампадой,
Туманомъ голубымъ струится ѳиміамъ,
И горы вознеслись огромной колоннадой;
И распростерта ницъ, колѣни преклонивъ,
Какъ-будто таинство должно здѣсь совершиться,
Природа вѣчная, какъ трепетная жрица,
Возноситъ къ небесамъ молитвенный призывъ,—
Да ниспошлетъ Господь на каждую былинку
Благословеніе въ безмолвіи ночей,
Для каждаго цвѣтка жемчужную росинку,
Для каждой звѣздочки—серебряныхъ лучей...

Какъ плачъ, исторгнутый мучительной тоскою,
Какой то дивный звукъ, рождаясь въ тишинѣ,
То вдругъ теряется въ безбрежной глубинѣ,
То наплываетъ вновь могучею волною,

И сердцу чуткому въ немъ слышится мольба:
«Когда-жъ, о, Господи, окончится борьба,
Воспламененная всемірною враждою,—
Борьба за право жить, губительный раздоръ
За каждый клокъ земли, за мигъ существованья,
Слѣпыхъ и грубыхъ силъ ожесточенный споръ,
Гдѣ мысль удручена и гаснетъ лучъ сознанья?..»

Тысячелѣтія промчались надъ вселенной...
О мирѣ и любви съ надеждой неизмѣнной
Природа къ небесамъ взываетъ каждый день,
Когда спускается лазуревая тѣнь,
Когда стихаетъ пылъ и громъ житейской битвы,
Слезами падаетъ обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
Въ одну гармонію торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся въ небеса.

ГАМЛЕТАМЪ.

„Для дѣла нужна воля, для дѣла нужна мысль; но мысль и воля разъединились, и съ каждымъ днемъ разъединяются болѣе“.

Тургеневъ.

Блаженъ, кто цѣль избралъ, кто вышелъ на дорогу,
И мужествомъ бойца и вѣрой надѣленъ,
Кто бросился стремглавъ въ житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощенъ.
Волнуемъ злобой дня, въ работѣ торопливой
Онъ по-неволѣ чуждъ сомнѣньямъ роковымъ,
И некогда ему отыскивать пытливо
Завѣтнаго ключа къ вопросамъ міровымъ:
Со знаменемъ въ рукахъ вступая въ бой кровавый,
Онъ можетъ ранами гордиться предъ толпой,
Онъ можетъ совершить свой подвигъ величавый
И на виду у всѣхъ погибнуть, какъ герой,
Погибнуть, какъ орелъ, что гордо умираетъ,
Пернатою стрѣлой пронзенный въ облакахъ,

И гаснущій зрачокъ на солнце устремляетъ,
Встрѣчая свой конецъ въ родимыхъ небесахъ.

Но жалокъ твой удѣлъ, мечтатель безполезный:
Ненуженъ никому, отъ жизни ты далекъ,
И трепетно склонясь надъ сумрачною бездной
Неразрѣшимыхъ тайнъ, ты вѣчно одинокъ...
Струной, надорванной мучительнымъ разладомъ,
Твой каждый чуткій нервъ болѣзненно дрожитъ;
И каждый твой порывъ неотразимымъ ядомъ
Сомнѣній роковыхъ въ зародышѣ убитъ.
Въ бездѣйствіи проживъ, погибнешь ты безцѣльно...
Не тронетъ никого твой заунывный плачъ,
Не въ силахъ ничему отдаться нераздѣльно,—
Ты самъ своей души—безжалостный палачъ.
На медленную казнь судьбою обреченный,
Не будешь ты во вѣкъ безтрепетнымъ бойцомъ,
И словно заживо въ могилу погребенный,
Ты недвижимъ, какъ трупъ, въ безсильѣ роковомъ.
Тамъ, гдѣ-то далеко, надъ свѣжею рѣкою
Душистый вѣтерокъ разноситъ пыль цвѣтовъ,
И рдѣетъ небосклонъ стыдливою зарею;
Тамъ вѣчный блескъ и громъ веселыхъ городовъ...
А здѣсь, въ твоемъ гробу, здѣсь каменныя стѣны,
И мракъ, и тишина тебѣ сдавили грудь;
Въ напрасномъ бѣшенствѣ не пробуй разогнуть
Холоднымъ саваномъ окутанные члены...
Хотя бы вѣчностью влачился каждый мигъ,
Стенаньемъ облегчить тѣ муки не пытайся;
Не вылетитъ изъ устъ ни жалоба, ни крикъ,—
Молчи и умирай, терпи и задыхайся.

Д. Мережковскій.

ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ

И

ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ВЪ ОРГАНИЗМѢ ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКА.

Такъ какъ занимающій насъ вопросъ представляетъ по содержанію своему одну изъ наиболѣе темныхъ и запутанныхъ областей современнаго знанія, относительно которой едва-ли существуетъ какое-либо согласіе взглядовъ даже среди представителей образованной части общества, то я и считаю необходимымъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и несбыточныхъ ожиданій, вначалѣ же ясно опредѣлить цѣль предлагаемой статьи. Судя по заглавію ея, можно было бы думать, что читатель найдетъ въ ней различныя философскія соображенія и доводы насчетъ единства или раздѣльности міра психическихъ и тѣлесныхъ явленій въ организмѣ человѣка, т.-е. насчетъ единства или раздѣльности духа и тѣла. Предупреждаю, что я воздержусь отъ всякихъ подобныхъ экскурсій въ область философіи, съ одной стороны потому, что въ нихъ едва-ли бы можно было встрѣтить что-либо новое, до того этотъ вопросъ цѣлостно исчерпанъ въ теоретическомъ отношеніи современной философіей и психологіей; съ другой же—потому, что онъ по сущности своей заходитъ за предѣлы компетентности физіологіи, занимающейся, по преимуществу, гораздо болѣе реальнымъ міромъ фактовъ, нежели отвлеченныхъ соображеній. Прямая цѣль наша сводится лишь къ опредѣленію того, какимъ образомъ различные продукты

нашей психической дѣятельности, начиная отъ самыхъ элементарныхъ и кончая самыми сложными, отражаются на физико-химическихъ отправленіяхъ различныхъ системъ органовъ нашего тѣла и на тѣлесной жизни цѣлаго организма вообще.

Фактическій матеріалъ, накопившійся въ физіологической литературѣ за послѣднее десятилѣтіе, а равно и болѣе раннія отрывочныя наблюденія и опыты, разсѣянные въ медицинской литературѣ, даютъ возможность освѣтить теперь этотъ, въ высокой степени, интересный вопросъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Имѣя въ виду передать въ опредѣленной системѣ относящіеся сюда факты, я считаю своей обязанностью указать и на способы, которыми они были добыты, т.-е. на форму и обстановку тѣхъ наблюденій и опытовъ, путемъ которыхъ факты эти были установлены. Эта сторона изложенія мнѣ кажется не лишенной значенія, такъ какъ она познакомитъ читателя, съ одной стороны, съ пріемами, употребляемыми современной физіологіей для анализа сложныхъ и неуловимыхъ съ виду явленій, съ другой же—дастъ возможность оцѣнить степень достовѣрности добытаго при посредствѣ этихъ пріемовъ фактическаго матеріала.

Приступая къ изложенію нашего предмета, мы должны такимъ образомъ имѣть въ виду, съ одной стороны, разнообразныя физико-химическія отправленія различныхъ системъ органовъ нашего тѣла, съ другой же—разнообразныя формы нашей психической дѣятельности; опредѣлить степень вліянія послѣднихъ на первыя и составляетъ спеціальную задачу настоящей статьи.

Напомнимъ прежде всего въ общихъ чертахъ тѣ главныя системы органовъ нашего тѣла, функціональной дѣятельностью которыхъ поддерживается жизнь цѣлаго организма.

Система органовъ кровообращенія, представляющая замкнутое кольцо многообразно вѣтвящихся упругихъ трубокъ, съ сердцемъ въ центрѣ системы, представляетъ тотъ механизмъ, которымъ разносится питательная жидкость—кровь, по всѣмъ провинціямъ нашего тѣла. Безъ крови, какъ извѣстно, немыслима жизнь. Большій или меньшій притокъ ея къ тѣмъ или другимъ органамъ тѣла обусловливается болѣе или менѣе сильными періодическими сокращеніями сердца, съ одной стороны, и съуженнымъ или разслабленнымъ состояніемъ кровеносныхъ трубокъ—съ другой; эти колебанія просвѣта сосудовъ вызываются игрой мышечныхъ волоконъ, расположенныхъ кольцеобразно въ стѣнкахъ сосудовъ. Всякій органъ, во время дѣятельности, требуетъ, какъ на это

убѣдительно указываютъ опыты Ранке, большаго притока крови, нежели во время покоя, и потому приспособленія, дающія возможность видоизмѣнять, по надобности, величину приливной струи крови, являются крайне цѣлесообразными. Такія приспособленія и существуютъ на самомъ дѣлѣ, какъ это мы увидимъ ниже.

Система дыхательныхъ органовъ предназначена для введенія въ организмъ необходимаго для жизне-дѣятельности кислорода воздуха и выведенія изъ него ненужнаго газообразнаго вещества, угольной кислоты, являющейся продуктомъ сгоранія и расщепленія живыхъ тканей. Воздухъ при вдыханіи входитъ въ легкія, и кислородъ его связывается тутъ съ протекающей по легочнымъ пузырькамъ кровью, и въ этотъ же воздухъ выдѣляется изъ крови угольная кислота, выводимая наружу при выдохѣ. Расширеніе и спаденіе легкаго, необходимыя для подобной вентиляціи тѣла, производятся періодическими расширеніями и спаденіями грудной клѣтки, снабженной съ этой цѣлью вдыхательными и отчасти выдыхательными мышцами. При расширеніи грудной клѣтки, легкія пассивно растягиваются подъ вліяніемъ устремляющагося въ нихъ воздуха, при спаденіи же ея—сокращаются какъ вслѣдствіе упругости своей, такъ и вслѣдствіе прямого надавливанія на нихъ стѣнокъ грудной клѣтки. Этимъ достигается механическая сторона дыхательной вентиляціи. Дыхательныя движенія представляются, слѣдовательно, также актомъ мышечнымъ и, благодаря этому обстоятельству, они могутъ видоизмѣняться со стороны своей силы и ритма, сообразно съ величиной и частотой сокращеній дыхательныхъ мышцъ.

Благодаря такой измѣнчивости дыхательныхъ движеній, они обладаютъ свойствомъ приспособляться къ тѣмъ или другимъ условіямъ, въ которыя поставленъ организмъ. Такъ, они дѣлаются чаще и глубже въ тѣхъ случаяхъ, когда притокъ наружнаго кислорода бываетъ уменьшенъ, и когда, слѣдовательно, организмъ нуждается въ усиленномъ введеніи воздуха для усвоенія требуемаго имъ количества кислорода, какъ это, напримѣръ, бываетъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, наполняющихъ залы или театры или при подъемѣ на воздушномъ шарѣ въ высшіе болѣе разрѣженные слои атмосферы, или при восхожденіяхъ на вершины высокихъ горъ и т. д.; и наоборотъ, дыхательныя движенія ослабѣваютъ при противуположныхъ условіяхъ, т.-е. при богатствѣ кислородомъ окружающей насъ среды, а при извѣстной степени насыщенія крови кислородомъ они даже совершенно прекращаются, и животное, несмотря на это, продолжаетъ жить. Очевидно, что для подобной регуляціи дыхательныхъ движеній

требуются опредѣленные механизмы, которые, конечно, должны быть нервной природы.

Система пищеварительныхъ органовъ, состоящая изъ весьма длинной трубки съ нѣсколькими расширеніями по длинѣ и съ примыкающими къ нимъ железами, изливающими свои соки внутрь канала, предназначена, какъ извѣстно, для воспринятія пищевыхъ веществъ, проведенія ихъ чрезъ всю длину пищеварительной трубки и превращенія ихъ въ такіе продукты, которые бы могли быть усвоены соками организма, я разумѣю: кровью и лимфой.

Химическая работа пищеварительной трубки выполняется разнообразными соками пищеварительныхъ железъ: слюнныхъ, желудочныхъ, печени, поджелудочной железы и кишечныхъ железъ; механическая же работа—мышечными волокнами, расположенными кольцеобразно и продольно въ толщѣ стѣнокъ пищеварительной трубки, благодаря которымъ трубка эта производитъ неправильно періодическія, червеобразныя, такъ называемыя, перистальтическія сокращенія, прогоняющія содержимое по длинѣ пищеварительной трубки.

Какъ химическая, такъ и механическая работа пищеварительной системы представляются въ одинаковой степени важными для поддержанія жизни, поелику всякія мало-мальски значительныя разстройства въ сферѣ перистальтики или отдѣленія соковъ отражаются существеннымъ образомъ на питаніи организма и могутъ въ конецъ подорвать его жизнь. Между тѣмъ и процессы, совершающіеся въ пищеварительной системѣ, являются крайне измѣнчивыми и, подобно предъидущимъ, подчиняются разнообразнымъ нервнымъ вліяніямъ, могущимъ въ тѣхъ или другихъ границахъ видоизмѣнять ихъ какъ съ качественной, такъ и съ количественной стороны.

Всѣ упомянутыя нами выше три системы органовъ: кровообращенія, дыханія и пищеваренія имѣютъ своей конечной цѣлью доставку тканевымъ элементамъ, т.-е. разнообразнымъ клѣткамъ и волокнамъ организма, того матеріала, который необходимъ для ихъ питанія. Дальнѣйшая же участь этого матеріала зависитъ отъ внутренняго обмѣна веществъ между тканевыми элементами и кровью, и лимфой, въ которые поступаетъ этотъ питательный матеріалъ, и отъ активной жизненной физико-химической дѣятельности самихъ тканевыхъ элементовъ, лежащей въ основѣ усвоенія ими новаго матеріала и отдачи ими уже негодныхъ продуктовъ питанія, уносимыхъ также струей крови и лимфы.

Всю область этого внутренняго питанія клѣточныхъ элементовъ характеризуютъ названіемъ явленій метаморфоза тѣла, и легко понять, что въ нихъ-то и лежитъ главный центръ тяжести всѣхъ процессовъ, направленныхъ къ поддержанію физической цѣлости нашего организма.

Часть процессовъ этого метаморфоза, касающаяся газоваго обмѣна между тканевыми элементами, съ одной стороны, и кровью и лимфой—съ другой, принято называть внутреннимъ дыханіемъ; оно-то и есть настоящее дыханіе, въ противуположность внѣшнему дыханію, производимому игрой дыхательнаго механизма, и роль котораго сводится главнымъ образомъ къ вентилированію нашего тѣла.

Для выведенія уже негодныхъ и вредныхъ для организма продуктовъ обмѣна существуютъ такъ называемые выдѣлительные органы; къ нимъ относятся почки и кожа съ ея потовыми и сальными железами, предназначенными для выведенія изъ тѣла различныхъ растворенныхъ въ водѣ веществъ, въ формѣ пота и мочи, и, въ извѣстномъ смыслѣ, легкія, являющіяся главнымъ механизмомъ удаленія изъ тѣла угольной кислоты. Въ актѣ выдѣленія этими органами негодныхъ продуктовъ обмѣна принимають участіе какъ физическія силы фильтраціи и диффузіи веществъ изъ крови въ выводные протоки ихъ, такъ частью и активныя жизненныя свойства составляющихъ ихъ клѣточныхъ элементовъ. На этомъ основаніи выдѣлительные органы играютъ двойственную роль: съ одной стороны, какъ бы простыхъ фильтръ, съ другой же—чисто железистыхъ аппаратовъ.

Напоминаніе этихъ общихъ положеній является здѣсь нелишнимъ во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, когда рѣчь зайдетъ о вліяніи различныхъ психическихъ состояній на тѣлесные процессы въ организмѣ. Интересъ дѣла требуетъ того, чтобы съ каждымъ физіологическимъ выраженіемъ связывалось точно опредѣленное представленіе. Съ этой же цѣлью приходится упомянуть вкратцѣ и объ роли остальныхъ системъ органовъ нашего тѣла; я разумѣю мышечную и нервную систему въ широкомъ значеніи слова.

Мышечная система, приводящая въ движеніе, путемъ сокращенія своихъ поперечно-полосатыхъ волоконъ, всѣ костные рычаги скелета, является механизмомъ передвиженія нашего тѣла въ пространствѣ, приводящимъ его въ самыя разнообразныя соотношенія съ предметами окружающаго міра. Замѣчательной особенностью мышцъ нашего скелета является то, что онѣ заключаютъ въ себѣ всѣ силы, необходимыя для своего сокраще-

нія, т.-е., находясь въ здоровомъ состояніи, всегда бываютъ готовы къ работѣ, и въ то же время, будучи предоставлены самимъ себѣ, остаются все время въ покоѣ, вплоть до смерти своей, пока до нихъ не донесется какой-нибудь нервный импульсъ, или пока не упадетъ на нихъ непосредственно какое-либо внѣшнее раздраженіе. На скелетныхъ мышцахъ тѣла выражается наиболѣе отчетливо зависимость ихъ дѣятельности отъ центральной нервной системы. Если перерѣзать у животнаго нервы, подходящіе къ мышцамъ скелета, то оно остается неподвижнымъ вплоть до смерти своей, если только какіе-либо внѣшніе раздражители не подѣйствуютъ прямо на мышечную ткань. Дѣятельность мышцъ нашего скелета находится такимъ образомъ подъ полнымъ господствомъ нервной системы.

Что касается до нервной системы, то она, въ виду спеціальной задачи нашей, заслуживаетъ особаго вниманія. Къ нервной системѣ относятся не только головной и спинной мозгъ и узловатая симпатическая система, но и всѣ приводящія и отводящія нервныя волокна со всѣми ихъ периферическими окончаніями. Отводящія волокна, начинаясь всѣ безъ исключенія въ тѣхъ или другихъ нервныхъ центрахъ, заканчиваются на периферіи въ различныхъ органахъ тѣла, въ мышцахъ скелета, въ мышцахъ сердца, кровеносныхъ сосудовъ, пищеварительной трубки, въ ткани железистыхъ органовъ, каковы: печень, слюнныя железы и т. д. Эти волокна проводятъ нервные импульсы отъ нервныхъ центровъ къ рабочимъ органамъ тѣла, и поэтому называются отводящими или центробѣжными волокнами. Приводящія же нервныя волокна или чувствующія, начинаясь на периферіи, въ сферѣ чувствующихъ органовъ нашего тѣла, т.-е. въ сферѣ органовъ чувствъ (глазъ, ухо, кожа, носъ и языкъ), въ сферѣ мышечной системы и сухожилій и разнообразныхъ слизистыхъ оболочекъ, проводятъ возбужденія отъ периферіи къ нервнымъ центрамъ, и могутъ быть поэтому названы центростремительными нервами.

Изъ указанныхъ анатомическихъ данныхъ уже ясно слѣдуетъ, что разнообразныя возбужденія нашихъ органовъ чувствъ, а равнымъ образомъ и всѣхъ другихъ чувствующихъ поверхностей тѣла, могутъ отражаться на дѣятельности тѣхъ или другихъ органовъ тѣла при посредствѣ центральной нервной системы, а именно: возбужденія передаются чувствующими волокнами въ центры головного или спинного мозга и отсюда уже переводятся на центробѣжные нервы, несущіе эти возбужденія

къ различнымъ органамъ тѣла, будетъ ли то сердце, кровеносные сосуды, железы и т. д.

Такого рода вліяніе внѣшнихъ или внутреннихъ раздражителей на отправленія органовъ нашего тѣла именуется отраженнымъ или рефлекторнымъ дѣйствіемъ ихъ; а нервные центры, служащіе исключительно механизмами, переводящими центростремительныя возбужденія въ центробѣжныя, называются рефлекторными; спинной мозгъ обладаетъ одними только рефлекторными центрами, опредѣленнымъ образомъ связанными какъ между собою, такъ и съ приводящими и отводящими нервными волокнами.

И въ головномъ мозгу имѣются отчасти также частые рефлекторные центры, но тутъ кромѣ нихъ заложены и центры высшаго порядка, работа которыхъ не находится въ непосредственной зависимости отъ внѣшнихъ раздражителей, падающихъ на чувствующую поверхность нашего тѣла; такъ, работа центровъ, приводящихъ въ дѣйствіе дыхательный механизмъ, является въ извѣстной степени автоматической, такъ какъ раздражитель ихъ находится внутри самаго тѣла и данъ самой кровью, омывающей ихъ. Правда, на дѣятельность дыхательныхъ центровъ оказываютъ опредѣленное вліяніе центростремительныя возбужденія, несущіяся съ различныхъ точекъ чувствующей поверхности тѣла, но все же коренной причиной ихъ періодической работы является, какъ мы уже сказали, кровь, непосредственно ихъ возбуждающая.

Представителями центровъ высшей автоматіи могутъ служить центры воли, расположенные, повидимому, въ коркѣ мозговыхъ полушарій. Тутъ же находятся и центры, завѣдующіе разнообразными психическими дѣятельностями, т.-е. выработкой ощущеній, представленій, понятій и всевозможныхъ чувствъ и аффектовъ. Такъ какъ центры головного мозга самымъ разнообразнѣйшимъ образомъ связаны какъ между собою, такъ и съ центрами спинного мозга и центробѣжными волокнами при посредствѣ межцентральныхъ нервныхъ приводовъ, то естественно, что и центры головного мозга оказываютъ извѣстное вліяніе на дѣятельность разнообразныхъ органовъ нашего тѣла.

Изъ нижеслѣдующаго изложенія читатель убѣдится, что общая роль нервной системы въ тѣлѣ чисто регуляторная, такъ какъ спинной и головной мозгъ при посредствѣ рассылаемыхъ по всему тѣлу центробѣжныхъ импульсовъ, способенъ то усиливать, то угнетать отправленія различныхъ органовъ, и тѣмъ самымъ поддерживать ихъ въ тѣхъ предѣлахъ дѣятельности, которые необходимы для нормальнаго теченія жизни. Благодаря многочисленнымъ центростремительнымъ возбужденіямъ, несущимся

въ мозгъ со всѣхъ точекъ чувствующей периферіи тѣла, нервная система является великимъ звеномъ, связующимъ во едино разнообразныя съ виду, независимыя другъ отъ друга отправленія органовъ тѣла и направляющимъ ихъ къ одной общей цѣли, а именно, къ поддержанію цѣлости и благоденствія организма.

Сказаннымъ исчерпываются, за исключеніемъ только полового аппарата, всѣ системы органовъ нашего тѣла и ихъ общее значеніе для жизни организма.

Послѣ этого краткаго вступленія можно, безъ боязни быть непонятымъ, приступить къ изложенію нашей спеціальной задачи —а именно, къ опредѣленію вліянія міра психическихъ явленій на тѣлесныя отправленія организма.

И въ этомъ случаѣ, однако, слѣдуетъ прежде всего кратко очертить положеніе, занимаемое психическими явленіями въ ряду другихъ нервныхъ актовъ, протекающихъ въ центральной нервной системѣ. Не слѣдуетъ забывать, что область психическихъ явленій, т.-е. тѣхъ продуктовъ нервной дѣятельности, которые поступаютъ въ предѣлы нашего сознанія, является лишь минимальной частицей всѣхъ тѣхъ обширныхъ и многосложныхъ процессовъ, которые протекаютъ въ центральной нервной системѣ спинного и головного мозга.

Уже современная физіологическая психологія считаетъ необходимымъ признать, на основаніи анализа происхожденія различныхъ сужденій, представленій и понятій,—существованіе первичныхъ, *безсознательныхъ* впечатлѣній и сужденій, протекающихъ внѣ вѣдома нашего сознанія и служащихъ какъ бы подготовительной почвой для развитія различныхъ сознательныхъ формъ психической дѣятельности. На сколько велика область этой подготовительной, безсознательной работы нервной системы, о томъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время даже и приблизительнаго понятія; но изъ того, какъ медленно развивается психическая жизнь ребенка, и съ какой медленностью и въ то же время внезапностью появляются открытія въ сферѣ наукъ и искусствъ, можно съ большой вѣроятностью заключить, что область этой безсознательной подготовительной работы несравненно шире области сознательныхъ процессовъ.

Въ пользу той же мысли говоритъ намъ ясно и то обстоятельство, что большая часть тѣлесныхъ процессовъ, протекающихъ въ системахъ органовъ кровообращенія, дыханія и пищеваренія, а также и важныя явленія метаморфоза совершаются внѣ вѣ-

дома нашего сознанія; между тѣмъ несомнѣнно, что почти всѣ эти отправленія нуждаются въ дѣятельномъ участіи нервной системы. Даже большая часть производимыхъ нами въ теченіе дня мышечныхъ движеній въ видѣ ходьбы, различныхъ тѣлодвиженій, игры лицевыхъ мышцъ, является по преимуществу *безсознательной*; а между тѣмъ едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ совершонныя движенія были вызваны безсознательной, какъ бы машинообразной, дѣятельностью нервной системы.

Наконецъ, наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ распространенности безсознательныхъ процессовъ въ сферѣ нервной системы могутъ служить движенія, производимыя обезглавленными животными и, стало быть, лишенными всякихъ слѣдовъ сознанія. Мы уже замѣтили раньше, что современная психофизіологія помѣщаетъ, на основаніи твердо установленныхъ данныхъ, механизмы сознательныхъ процессовъ въ центрѣ корки полушарій большого мозга, такъ какъ одного удаленія этой корки бываетъ уже достаточно для того, чтобы лишить животное способности къ произведенію какихъ-либо сознательныхъ актовъ. При обезглавленіи же удаляется не только корковое вещество полушарій, но и цѣлыя полушарія со всѣми остальными частями головного мозга вплоть до спинного, а между тѣмъ такія животныя, уже несомнѣнно лишенныя всякихъ слѣдовъ сознанія, способны давать при раздраженіи ихъ кожи рядъ въ высшей степени цѣлесообразныхъ отраженныхъ движеній, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ опытовъ.

Если ущипнуть лапку обезглавленной лягушки, то она моментально отдергиваетъ ее; если раздраженіе щипкомъ достаточно сильно и продолжительно, то она отвѣчаетъ на него не только отдергиваніемъ раздражаемой конечности, но и послѣдовательнымъ движеніемъ остальныхъ конечностей, совершающемся въ опредѣленномъ порядкѣ, точно указанномъ профессоромъ Пфлюгеромъ. При слабомъ, но непрерывномъ треніи и легкомъ надавливаніи на лапку можно вызвать такое движеніе всѣхъ четырехъ лапокъ, которое вполнѣ совпадаетъ съ нормальнымъ актомъ ползанія животнаго (Спиро). Если обезглавленная лягушка неспособна сама по себѣ ползать безъ внѣшнихъ раздраженій кожи, такъ это лишь потому, что въ ней недостаетъ нормальныхъ импульсовъ къ передвиженію, исходящихъ, при цѣлости животнаго, изъ сферы головного мозга; весь же нервный механизмъ для передвиженія тѣла въ пространствѣ находится уже готовымъ въ спинномъ мозгу. Замѣняя эти импульсы возбужденіями чув-

ствующей поверхности тѣла, можно привести, какъ показываетъ опытъ, этотъ механизмъ въ дѣятельность.

Очень поучительными являются движенія обезглавленныхъ лягушекъ при кислотномъ раздраженіи ихъ кожи. Если смазать, хотя бы слабымъ растворомъ любой кислоты, какую-либо часть кожи обезглавленной лягушки, то она тотчасъ же принимается стирать ее рядомъ самыхъ цѣлесообразныхъ періодическихъ движеній другихъ конечностей, и дѣлаетъ это ни чуть не хуже животнаго съ цѣльнымъ головнымъ мозгомъ. Если при этомъ къ кожѣ, напримѣръ, лѣвой ноги прикладывались маленькіе квадратики пропускной бумаги, смоченные сѣрной кислотой, то животное стремилось движеніемъ правой ноги стереть съ поверхности кожи раздражающій кусокъ бумажки и успокоивалось лишь по удаленіи его. Если раздражающій агентъ лежитъ на такихъ точкахъ кожи лѣвой ноги, до которыхъ не въ состояніи добраться правая задняя конечность, то животное ухищряется инымъ путемъ удалить раздражителя; оно приподнимаетъ раздражаемую конечность и третъ ее объ туловище до тѣхъ поръ, пока передвиженіемъ раздражающаго бумажнаго квадратика онъ не будетъ совершенно удаленъ съ поверхности тѣла.

Всѣ перечисленныя отраженныя движенія обезглавленной лягушки представляются настолько цѣлесообразными, что было время, когда они считались продуктомъ особой разсуждающей способности спинного мозга; въ подкрѣпленіе подобнаго взгляда приводились, между прочимъ, слѣдующіе съ виду убѣдительные факты. Если, напримѣръ, при кислотномъ раздраженіи одной стороны туловища у обезглавленной лягушки сразу отрѣзать всю заднюю лапку соотвѣтствующей стороны, т.-е. именно ту, которою животное пользуется обыкновенно при этомъ для стиранія кислоты, то оно сдѣлавъ нѣсколько тщетныхъ движеній оставшимся отрѣзкомъ этой ноги и, убѣдившись какъ бы въ безполезности ихъ, прибѣгаетъ чрезъ нѣкоторое время къ движеніямъ противуположной задней конечности, направленнымъ къ удаленію раздражителя и нерѣдко достигающимъ своей цѣли. Доказательность этого опыта подрывается, однако, тѣмъ, что кислотное раздраженіе кожи, не удаляемое отраженными движеніями оставшагося отрѣзка ноги и дѣйствующее поэтому болѣе продолжительное время, можетъ распространяться и на отражательные центры другой задней конечности и приводить ее въ движеніе; цѣлесообразность же движеній въ этомъ случаѣ обусловливается, какъ и во всѣхъ нервныхъ актахъ спинно-мозгового происхожденія, опредѣленной межцентральной связью извѣстныхъ спинно-мозговыхъ центровъ,

благодаря которой опредѣленныя центростремительныя возбужденія, несущіяся съ поверхности кожи, переводятся въ центробѣжные импульсы, посылаемые къ опредѣленнымъ мышечнымъ группамъ конечностей и туловища.

Защитники разумной, какъ бы разсчитанной, цѣлесообразности движеній обезглавленныхъ животныхъ приводили, между прочимъ, еще одинъ на видъ выдающійся фактъ. Изъ законовъ распространенія рефлексовъ на обезглавленныхъ животныхъ, установленныхъ Пфлюгеромъ, извѣстно, что при раздраженіи какого-нибудь участка кожи сокращаются прежде всего мышцы, лежащія вблизи этого участка; на основаніи этого закона и анатомическаго расположенія мышцъ хвоста, органъ этотъ у обезглавленныхъ саламандръ и угрей при приближеніи къ горящему пламени долженъ былъ бы неминуемо, вслѣдствіе одного только простого отраженнаго сокращенія мышцъ, приближаться или попадать въ самое пламя; опытъ же говоритъ, повидимому, противное: обезглавленные саламандры и угри, предвидя какъ бы опасность сожженія ихъ хвоста, удаляютъ его отъ пламени. Тутъ какъ бы вмѣшивается какая-то разсуждающая способность животнаго, дѣйствующая наперекоръ механической необходимости простыхъ отраженныхъ движеній. Мало того, указывали еще и на то, что отравленный стрихниномъ угорь во время пароксизма судорогъ, при приближеніи къ горящему пламени, направляетъ хвостъ свой въ пламя, думая, что этимъ онъ въ состояніи будетъ устранить тяжелыя и болѣзненныя ощущенія, сопровождающія пароксизмъ такихъ судорогъ. Въ результатѣ оказывается, однако, что всѣ перечисленныя явленія бываютъ непостоянными (Ауэрбахъ), да къ тому же имѣются уже твердо установленные опыты Осава и Тигеля надъ змѣями, дающими совершенно противуположный эффектъ, а именно, обезглавленныя змѣи при приближеніи къ раскаленной желѣзной полосѣ прямо загибаются вокругъ нея и наносятъ себѣ ожоги, т. е. производятъ актъ, крайне нецѣлесообразный и несовмѣстный съ какой-либо разсуждающей способностью спинного мозга. Очевидно, что разница въ реакціяхъ между обезглавленными змѣями, съ одной стороны, и обезглавленными саламандрами и угрями—съ другой (въ случаѣ даже признанія вышеописанныхъ явленій), можетъ быть лишь сведена на различное устройство нервныхъ отражательныхъ спинно-мозговыхъ аппаратовъ, а не на различія психическихъ способностей ихъ спинного мозга, существованіе которыхъ крайне сомнительно. Въ такой же степени является несовмѣстимымъ съ признаніемъ за спиннымъ мозгомъ особой разсуждающей способности слѣдую-

щій хотя и простой, но все же убѣдительный опытъ. Если посадить въ воду обезглавленную лягушку и начать весьма медленно согрѣвать воду, то можно бываетъ сварить ее совершенно безъ того, чтобы она обнаружила малѣйшія попытки къ спасенію; тогда какъ нормальное животное при этихъ условіяхъ, по мѣрѣ приближенія температуры воды къ 35—38° Ц., уже впадаетъ въ безпокойство и быстро выскакиваетъ изъ воды.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ механической (а не психической) цѣлесообразности отраженныхъ движеній могутъ служить акты, производимые животными и человѣкомъ во время сна въ отвѣтъ на внѣшнія раздраженія хотя бы чувствующей поверхности кожи. Во время глубокаго сна, конечно, и рѣчи быть не можетъ о какой-либо сознательной психической дѣятельности, а кому же неизвѣстна та ловкость, съ которой животныя и люди во время сна удаляютъ всякія внѣшнія раздраженія, нарушающія ихъ покой.

Интересны также въ этомъ отношеніи опыты и наблюденія, въ которыхъ нижняя половина спинного мозга бываетъ разобщена отъ всей верхней части центральной нервной системы. Если, подобно Гольцу, перерѣзать у собаки спинной мозгъ надъ поясничнымъ утолщеніемъ, то въ первые дни послѣ операціи задняя половина животнаго представляется парализованной, но затѣмъ въ ней мало-по-малу начинаютъ появляться отраженныя движенія на щипки и правильные акты выведенія изверженій, и все это, благодаря отражательной дѣятельности нижняго отрѣзка спинного мозга, въ которомъ заложены всѣ нервные механизмы для указанныхъ движеній.

Кромѣ того, такія животныя бываютъ способны къ зачатію, къ правильной беременности и рожденію дѣтенышей подобно нормальнымъ животнымъ, несмотря на то, что объ сознательномъ участіи животнаго, въ этомъ послѣднемъ актѣ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ воля животнаго не имѣетъ вообще никакого вліянія на всю заднюю часть тѣла. Животное при этомъ оказывается состоящимъ какъ бы изъ двухъ разобщенныхъ половинъ,—передней—произвольной, и задней—исключительно рефлекторной половины. Что половины эти разобщены, доказательствомъ тому можетъ служить то, что съ одной стороны животное не въ состояніи вызвать никакихъ произвольныхъ движеній въ задней части туловища и въ заднихъ конечностяхъ, и волочитъ ихъ, какъ какое-либо чужое для него тѣло; съ другой же, этотъ задній сегментъ тѣла можно жечь, колоть, рѣзать безъ того,

чтобы животное обнаружило какіе-либо признаки боли или безпокойства.

Особенно интересны маятникообразныя движенія нижними конечностями, производимыя такими парализованными животными. При приподнятіи ихъ на воздухъ головой кверху, висящія нижнія конечности приходятъ въ непроизвольныя періодическія колебанія, которыя возможно моментально остановить сильнымъ сдавленіемъ, напр., хвоста.

У людей съ такими пораженіями спинного мозга, въ которыхъ нижній отдѣлъ послѣдняго утрачиваетъ всякую физіологическую непрерывность съ верхними отдѣлами центральной нервной системы, можно наблюдать нѣкоторыя изъ указанныхъ явленій: всевозможныя раздраженія кожи нижней части тѣла, какой бы силы они ни были, вовсе не сознаются такими больными, и въ то же время они вовсе не властны вызывать въ задней части тѣла какіе-либо слѣды произвольныхъ движеній, а между тѣмъ эта задняя часть тѣла сохраняетъ способность производить рядъ крайне цѣлесообразныхъ отраженныхъ движеній, ни чуть не сознаваемыхъ больными, подобно тому, какъ это наблюдается у людей во время сна.

Въ ряду фактовъ, свидѣтельствующихъ о высокой машинообразной цѣлесообразности движеній обезглавленныхъ животныхъ, слѣдующій опытъ представляетъ особенный интересъ. Всѣмъ извѣстно, что птицы послѣ обезглавленія ихъ производятъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, какъ летательныя движенія, такъ и другія формы локомоторныхъ движеній. Но явленія эти, вслѣдствіе мимолетности ихъ, не обратили до послѣдняго времени на себя достаточнаго вниманія ученыхъ и не были должнымъ образомъ освѣщены. Такъ какъ быстрая смерть въ этихъ случаяхъ наступаетъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе внезапнаго, послѣ обезглавленія, прекращенія дыханія и сильнаго истеченія животнаго кровью, то интересно было прослѣдить, на какіе акты будетъ способна обезглавленная птица, смерть которой по обезглавленіи предотвращается поддержкой искусственнаго дыханія и устраненіемъ кровяныхъ потерь.

Опытъ въ этомъ отношеніи обставляется крайне просто. Въ дыхательное горло животнаго вставляется особенная трубка, связанная при помощи каучуковой трубки съ мѣхомъ; послѣдній при своемъ движеніи періодически вгоняетъ черезъ указанныя трубки въ легкія необходимый для жизни животнаго воздухъ. Въ шейной части позвоночника пробуравливается трепаномъ отверстіе, черезъ которое легко бываетъ острымъ ножомъ пере-

рѣзать спинной мозгъ на соотвѣтствующей высотѣ. Подобной перерѣзкой разобщается вполнѣ большая часть спинного мозга отъ самой верхней части его, оставшейся въ связи съ головнымъ мозгомъ. Операція эта очень хорошо удается надъ уткой. Животное послѣ этого начинаетъ усиленно производить совершенно правильныя плавательныя движенія, рулевыя движенія хвостомъ и періодическія опусканія и приподнятія крыльевъ, переходящія нерѣдко въ правильныя попытки къ полету. Трудно съ виду допустить, чтобы всѣ эти движенія были непроизвольными, безсознательными движеніями, до того они тождественны съ нормальными движеніями здоровыхъ животныхъ, а, между тѣмъ, легко убѣдиться, что они являются продуктомъ дѣятельности одного только спинного мозга, въ которомъ, какъ мы уже согласились заранѣе, не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было сознательныхъ актахъ. Стоитъ для этого только послѣ наложенія крѣпкой общей лигатуры на всю шею утки (нѣсколько выше мѣста перерѣзки спинного мозга) съ цѣлью предупрежденія кровотеченія, отдѣлить однимъ взмахомъ ножницъ голову животнаго перерѣзкой шеи выше лигатуры. Утка, будучи буквально обезглавлена, продолжаетъ совершать всѣ, только что указанныя, сложныя движенія. Исторія эта продолжается съ часъ и болѣе, и продолжалась бы неопредѣленное время, еслибы животное не погибло подъ конецъ отъ разстройства кровообращенія въ спинномъ мозгу, ведущаго къ полной анэміи этого органа.

Этотъ опытъ указываетъ съ поразительной ясностью, насколько обширна область безсознательныхъ, цѣлесообразныхъ и, съ виду, автоматическихъ движеній, заправляемыхъ одной только машинообразной дѣятельностью спинно-мозговыхъ отражательныхъ нервныхъ аппаратовъ.

Явленія такъ-называемаго столоверченія и безсознательнаго непроизвольнаго письма при медіумическихъ сеансахъ, являются новымъ образцомъ непроизвольныхъ движеній, производимыхъ внѣ дѣятельнаго участія сознанія нашимъ нервномышечнымъ аппаратомъ. Уже знаменитый Фарадей, Карпентеръ и друг., установили тотъ несомнѣнный фактъ, что движенія стола, наступающія черезъ различное время послѣ наложенія на него цѣлой цѣпи рукъ, обусловливаются *непроизвольными* и несознаваемыми сокращеніями ручныхъ мышцъ экспериментирующихъ. Спиро, въ весьма недавнее время, далъ многія интересныя указанія, освѣщающія съ чисто-физіологической точки зрѣнія явленія столоверченія и автоматическаго письма. Оказывается, что при продолжительномъ сосредоточеніи вниманія экспериментирующихъ

на столѣ, долженствующемъ прійти въ вращательное движеніе, кожа рукъ, составляющихъ цѣпь, вслѣдствіе возбужденія среднихъ частей головного мозга, дѣлается настолько нечувствительной, что сильные уколы булавкой, даже до крови, не вызываютъ въ субъектахъ боли; этимъ, конечно, объясняется отчасти, почему люди, участвующіе въ сеансѣ столоверченія, не ощущаютъ производимыхъ ими движеній руками. Эти движенія, однако, легко обнаружить, если руку субъекта, фиксирующаго столъ и напряженно ожидающаго момента, когда онъ придетъ въ вращеніе, положить не прямо на столъ, а на дискъ, свободно двигающійся по его поверхности и снабженный снизу карандашемъ, записывающимъ на бумагѣ всѣ его движенія.

Изъ детальнаго анализа подобныхъ чертежей оказывается, что рука субъекта, находящагося подъ опытомъ, производитъ рядъ непроизвольныхъ насильственныхъ движеній, служащихъ болѣе или менѣе близкимъ повтореніемъ привычныхъ движеній, совершаемыхъ субъектомъ во время дня. Двигательные слѣды этихъ движеній, остающіеся обыкновенно въ нашей центральной нервной системѣ въ скрытомъ, напряженномъ состояніи, при исключительныхъ условіяхъ, которыми обставлены сеансы столоверченія, какъ бы обостряются, усиливаются и проявляются въ формѣ реальныхъ мышечныхъ движеній, независимыхъ непосредственно ни отъ воли субъекта, ни отъ какой-либо прямой сознаваемой имъ психической работы.

Среди чертежей, автоматически записанныхъ во время подобныхъ сеансовъ, можно видѣть такія фигуры, напр., треугольника, четыреугольника и т. д., которыя представляютъ болѣе или менѣе отдаленную копію съ контуровъ, находящихся передъ глазами субъекта, предметовъ. Движенія рукой, очерчивающія подобныя фигуры и мотивированныя случайнымъ присутствіемъ передъ глазами предмета той или иной формы, являются тѣмъ не менѣе произвольными, безсознательными, и служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ высокой автоматичности даже такихъ сложныхъ нервномышечныхъ актовъ, въ которыхъ участіе воли и сознанія казалось бы дѣломъ необходимымъ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ явленій съ достаточной степенью выясняется, насколько обширна область явленій въ нашемъ тѣлѣ, регулируемыхъ безсознательной машинообразной дѣятельностью нервной системы.

Спрашивается теперь, отражаются-ли, и насколько, на дѣятельности различныхъ системъ органовъ нашего тѣла и тѣ созна-

тельные психическіе процессы, которые протекаютъ въ сферѣ корковаго вещества большихъ полушарій головного мозга?

Вся совокупность явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ психической, можетъ быть сведена къ слѣдующимъ основнымъ формамъ: ощущенія, представленія, понятія и воля съ одной стороны, и чувства и разнообразнѣйшіе аффекты — съ другой. Оба ряда этихъ явленій, въ обыкновенной жизни человѣка, бываютъ переплетены между собою самымъ разнообразнымъ образомъ и до такой степени, что едва-ли можно себѣ представить какой-нибудь актъ мысли, безъ сопровождающаго его того или иного чувства, или какое-либо чувство безъ соотвѣтствующаго представленія. Удобства ради, мы разобьемъ всѣ указанные элементы психической жизни на три категоріи актовъ: на акты чувствованія, мышленія и воли. Мы не имѣемъ въ виду представить здѣсь психофизіологическій анализъ развитія и образованія элементовъ психической жизни, а беремъ ихъ за готовые объекты, вліяніе которыхъ на тѣлесныя функціи организма подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Для этой цѣли намъ слѣдуетъ сначала вкратцѣ опредѣлить тотъ участокъ нервной системы, въ которой локализируетъ современная психо-физіологія всѣ психическія функціи высшихъ животныхъ и человѣка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ своихъ лекціяхъ «О психомоторныхъ центрахъ» [1]), я имѣлъ уже случай развить этотъ вопросъ съ достаточной подробностью, и тогда же ознакомилъ читателей съ рядомъ фактовъ, доказывающихъ, что анатомическимъ субстратомъ психическихъ явленій служатъ нервные центры корковаго вещества большихъ полушарій головного мозга. Не останавливаясь на подробностяхъ этого уже болѣе или менѣе знакомаго вопроса, укажу лишь вкратцѣ на то, что животныя, лишенныя корковаго вещества мозговыхъ полушарій, не способны, бываютъ ни на какіе акты сознанія и воли. Хотя подобныя животныя и могутъ жить весьма продолжительное время, но акты мышленія и сознательнаго чувствованія являются для нихъ столь же недоступными, какъ и произвольныя движенія. Все это, конечно, покажется вполнѣ естественнымъ, если припомнить, что нервные центры всевозможныхъ сознательныхъ ощущеній—свѣтовыхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д. локализируются, какъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, янв. 1879 г., и отдѣльная брошюра: „О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у животныхъ и человѣка“.

это показали изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ (Ферьё, Мунка и др.), въ опредѣленныхъ участкахъ корковаго вещества полушарій. Можно по желанію, вырѣзываніемъ извѣстныхъ ограниченныхъ мѣстъ корки полушарій, сдѣлать животное слѣпымъ на одинъ или на оба глаза, глухимъ на одно или оба уха и т. д., оставляя въ цѣлости соотвѣтствующіе органы чувствъ съ ихъ центростремительными приводами. Удаленіемъ всей корки удаляются центры всѣхъ сознательныхъ ощущеній, изъ которыхъ созидаются, какъ извѣстно, всѣ остальныя болѣе сложныя формы психической дѣятельности.

Съ другой стороны, въ опредѣленныхъ же мѣстахъ корковаго вещества полушарій заложены, какъ извѣстно, мѣстные двигательные центры, путемъ возбужденія которыхъ воля можетъ вызывать опредѣленныя, строго локализированныя движенія въ разнообразныхъ членахъ тѣла, т.-е. разнообразныя произвольныя движенія ихъ. Понятно послѣ этого, что удаленіе всей корки полушарій равнозначуще исключенію изъ экономіи тѣла всѣхъ психическихъ его функцій.

Спрашивается теперь, могутъ ли акты чувствованія, мышленія и воли, гнѣздящіеся въ корковомъ веществѣ полушарій и носящіе съ виду характеръ нематеріальныхъ процессовъ, отражаться при посредствѣ различныхъ нервныхъ проводниковъ на тѣлесныхъ отправленіяхъ организма, и если могутъ, то въ какой степени?

Возьмемъ за исходную точку нашихъ разсужденій отношенія психическихъ явленій къ скелетнымъ мышцамъ тѣла, т.-е. примѣръ, въ которомъ зависимость между психическими и тѣлесными функціями представляется рѣзко выраженной, и при томъ въ очень широкихъ предѣлахъ. Мышцы скелета у взрослыхъ животныхъ и людей, благодаря своей строгой подчиненности волѣ, являются точными исполнителями тѣхъ повелѣній, которыя посылаются къ нимъ по нервнымъ волокнамъ вслѣдъ за тѣмъ или другимъ сознательнымъ рѣшеніемъ индивидуума; захочетъ ли субъектъ двинуть тѣмъ или другимъ мышечнымъ органомъ своего тѣла, поперечно-полосатая мышечная система бываетъ всегда готова къ услугамъ воли, и послѣдняя тотчасъ же пускаетъ въ ходъ сокращеніе тѣхъ или иныхъ мышцъ. Правда, у многихъ животныхъ и человѣка, подобное господство воли надъ движеніями нуждается въ предварительномъ, болѣе или менѣе продолжительномъ упражненіи и воспитаніи; но все же у взрослыхъ нормальныхъ индивидуумовъ эта подчиненность мышцъ волѣ является въ высшей

степени развитой, хотя въ этомъ отношеніи наблюдаются значительныя индивидуальныя отличія. На этомъ основаніи поперечно-полосатыя мышцы принято называть произвольно-двигательными мышцами нашего тѣла.

Воля можетъ, однако, не только вызывать мышечныя сокращенія, но и угнетать или задерживать отраженныя движенія, какъ это извѣстно каждому изъ личнаго опыта. Фактъ угнетающаго вліянія головного мозга на отраженныя движенія спинного мозга былъ провѣренъ даже экспериментальнымъ путемъ на животныхъ. Если, какъ это сдѣлалъ впервые И. М. Сѣченовъ, опредѣлить предварительно на лягушкѣ быстроту, съ которою она вынимаетъ нижнія конечности изъ слабаго раствора кислоты, и за тѣмъ приступить къ раздраженію солью среднихъ частей головного мозга, то то же кислотное раздраженіе кожи остается или безо всякаго эффекта, или же вызываетъ отраженное движеніе спустя гораздо большій промежутокъ времени, чѣмъ до того. Аналогичные опыты, но только съ электрическимъ раздраженіемъ опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій, были произведены Симоновымъ на млекопитающихъ животныхъ и привели къ тѣтъ же результатамъ.

Такъ какъ вольные импульсы, вызывающіе или угнетающіе мышечныя движенія при нормальныхъ условіяхъ, исходятъ изъ сферы корковаго вещества полушарій, то понятно, что животныя, лишенныя полушарій, не бываютъ способны ни къ произвольнымъ движеніямъ, ни къ угнетенію отраженныхъ движеній. Такъ, голубь, напримѣръ, безъ мозговыхъ полушарій сидитъ все время въ покоѣ, хотя онъ и способенъ бываетъ ходить при внѣшнемъ раздраженіи его тѣла и летать, будучи брошеннымъ на воздухъ, а лягушка, безъ полушарій, по той же причинѣ всякій разъ отраженно квакаетъ при легкомъ дотрогиваніи рукой до кожи ея туловища, чего вовсе не дѣлаетъ нормальная лягушка, могущая по желанію задерживать актъ отраженнаго кваканья (Гольцъ).

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно вытекаетъ, что воля оказываетъ на мышечный аппаратъ нашего скелета самое широкое и непосредственное вліяніе. Спрашивается теперь, отражаются-ли на дѣятельности нашихъ мышцъ и другія формы психической дѣятельности, т. е. акты мышленія и чувствованія?

Если при актѣ даже самаго отвлеченнаго мышленія обратить вниманіе на явленія, сопровождающія его, то можно замѣтить въ громадномъ большинствѣ случаевъ, что мы мыслимъ при помощи звуковыхъ образовъ или словъ, и что послѣднія сопровождаются легкими колебаніями въ напряженіи или даже слабыми сокращеніями мышцъ, языка, губъ и нёба, участвующихъ обыкновенно

въ членораздѣльной рѣчи. Подобное непроизвольное участіе мышцъ въ актѣ мышленія бываетъ не у всѣхъ выражено въ одинаковой степени; у однихъ оно можетъ быть почти неощутимымъ, у другихъ же оно бываетъ настолько рѣзкимъ, что весь процессъ мышленія протекаетъ въ видѣ громкой и при томъ непроизвольной рѣчи. Между этими двумя крайностями существуетъ и рядъ самыхъ разнообразныхъ промежуточныхъ формъ. Сказаннымъ вовсе, конечно, не рѣшается принципіальный вопросъ о томъ, мыслимо ли или нѣтъ отвлеченное мышленіе безъ звуковыхъ знаковъ, т.-е. безъ словъ; вопросъ этотъ, какъ извѣстно, по сіе время представляется спорнымъ, и для окончательнаго рѣшенія его недостаетъ намъ строго обставленныхъ наблюденій. Для насъ пока важно замѣтить лишь то, что въ большинствѣ случаевъ свободный актъ мышленія сопровождается помимо воли субъекта рядомъ звуковыхъ образовъ и соотвѣтствующихъ имъ болѣе или менѣе слабо выраженныхъ мышечныхъ движеній.

Въ подтвержденіе этой основной мысли можно было бы указать еще и на произвольное измѣненіе дыхательныхъ движеній, сопровождающее актъ мышленія; такъ какъ это измѣненіе можетъ совершаться только путемъ измѣненія сокращеній дыхательныхъ поперечно-полосатыхъ мышцъ скелета, то очевидно, что это явленіе служитъ подтвержденіемъ того, что процессъ мышленія въ дѣйствительности отражается непроизвольно на функціяхъ мышечнаго аппарата. Мы не будемъ останавливаться здѣсь болѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ трактатъ объ немъ еще впереди, когда рѣчь зайдетъ о вліяніи различныхъ психическихъ состояній на дыхательныя движенія. Съ другой стороны, извѣстно, что всякая сосредоточенная работа мысли отражается замедляющимъ или угнетающимъ образомъ на мышечныхъ движеніяхъ нашего тѣла. Даже отраженные періодическіе акты, въ родѣ акта мигания, становятся при сосредоточенномъ мышленіи гораздо болѣе рѣдкими. Такъ, субъектъ, изслѣдованный Осборномъ при легкомъ занятіи, мигалъ въ 5 минутъ по 62 раза, тогда какъ при сосредоточенномъ мышленіи всего только 17 разъ за тотъ же промежутокъ времени. Этимъ въ достаточной степени доказывается, что и актъ мышленія отражается на функціяхъ мышечнаго аппарата.

Относительно же вліянія актовъ чувствованія, т.-е. различныхъ чувствъ и аффектовъ на мышечную систему, мы имѣемъ, въ качествѣ примѣра, всю область неправильныхъ мимическихъ и пантомимныхъ движеній, несомнѣнно доказывающихъ подобнаго рода зависимость. Стоитъ только вспомнить ту безконечно разнообразную игру лица и тѣ тѣлодвиженія, которыя сопровождаютъ

различныя душевныя движенія, какъ чувство радости, горя, гнѣва и т. д., чтобы убѣдиться насколько обширна область этихъ непроизвольныхъ вліяній актовъ чувствованія на дѣятельность мышечнаго аппарата тѣла. Такимъ образомъ, въ мышечномъ аппаратѣ нашего скелета мы имѣемъ образчикъ такой системы органовъ, которая находится въ широкой зависимости и подчиненіи отъ всѣхъ трехъ основныхъ формъ психической дѣятельности, отъ актовъ чувствованія, мышленія и воли.

Такой фактъ не могъ остаться безъ вліянія на самосознаніе человѣка и не могъ не развить въ немъ преувеличеннаго взгляда на предѣлы вліянія его воли въ организмѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сплошь да рядомъ приходится встрѣчаться съ неосновательнымъ взглядомъ на волю, какъ на такую всемогущественную силу человѣческаго организма, которая можетъ управлять чуть ли не всѣми отправленіями его,—и всякія указанія, идущія въ разрѣзъ съ этимъ общераспространеннымъ взглядомъ, вызываютъ въ большинствѣ случаевъ нѣкоторое недовѣріе. Попробуйте увѣрить напримѣръ кого нибудь въ безсиліи его воспроизвести при пустомъ ртѣ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ глотательныхъ движеній, и что послѣ четвертаго или пятаго глотка всѣ усилія его воли окажутся тщетными; попробуйте сказать ему, что онъ не въ силахъ не мигать въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и что мышцы его вѣкъ вновь начнутъ сокращаться періодически вопреки его желанію; что существуютъ такія мышцы въ тѣлѣ, которыя, будучи поперечно-полосатыми, вовсе не подчиняются, однако, волѣ у большинства людей; и что наконецъ мышцы скелета, помимо всякаго участія воли и другихъ психическихъ процессовъ, совершаютъ массу крайне цѣлесообразныхъ отраженныхъ движеній, о которыхъ рѣчь уже была выше; всѣ эти утвержденія будутъ большинствомъ людей встрѣчены съ извѣстной долей подозрѣнія и неувѣренности, и лишь фактическая провѣрка только-что высказанныхъ положеній можетъ разсѣять общераспространенную иллюзію на счетъ всемогущества человѣческой воли. Повторяемъ, иллюзія эта имѣетъ свои физіологическія основанія въ близкой и широкой зависимости мышцъ скелета отъ психическихъ функцій нашего организма. Насколько же дѣйствительно функціи другихъ системъ органовъ нашего тѣла, кромѣ мышечной, подчиняются психическимъ явленіямъ и въ особенности волѣ,—это болѣе или менѣе выясняется изъ нижеслѣдующаго изложенія.

При обсужденіи этихъ вопросовъ, мы будемъ ради удобства придерживаться того же плана изслѣдованія, какой положенъ

былъ нами въ основу выясненія зависимости функцій мышцъ скелета отъ психическихъ отправленій, а именно, мы вездѣ будемъ стараться опредѣлить по возможности, отражаются ли, и въ какой степени, акты чувствованія, мышленія и воли на остальныхъ тѣлесныхъ функціяхъ организма.

Подробному изложенію этой стороны дѣла необходимо предпослать нѣсколько словъ еще относительно одной психической способности ума нашего—а именно, *вниманія*, которое, будучи направляемо человѣкомъ на тѣ или другія отправленія нашего организма, можетъ дѣйствовать на нихъ измѣняющимъ образомъ. Въ сознаніи нашемъ рисуется болѣе или менѣе отчетливо цѣлая сумма окружающихъ насъ предметовъ или явленій; вся совокупность ихъ, вмѣщающаяся въ опредѣленный моментъ въ нашемъ сознаніи, можетъ вполнѣ назваться полемъ зрѣнія нашего сознанія. Несмотря на то, что оно бываетъ занято массой предметовъ или явленій, послѣднія не съ одинаковой ясностью рисуются въ сознаніи; оно обладаетъ какъ бы способностью сосредоточиваться на тѣхъ или другихъ объектахъ своего поля зрѣнія и сознавать ихъ яснѣе остальныхъ. Это направленіе сознанія на тѣ или другіе объекты своего поля зрѣнія и составляетъ суть того, что называется вниманіемъ, и оно находится въ извѣстныхъ границахъ подъ управленіемъ воли. Мы можемъ, когда хотимъ, направлять наше вниманіе на тотъ или другой предметъ, на то или другое явленіе, на функціи той или другой системы органовъ нашего тѣла.

Способность управлять вниманіемъ представляетъ большое психо-физіологическое значеніе, такъ какъ сосредоточиваніе вниманія на тѣхъ или другихъ явленіяхъ ставитъ мозгъ нашъ въ условія болѣе тонкой и повышенной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ, падающимъ на наши органы чувствъ, и способствуетъ тѣмъ самымъ болѣе дѣятельной дальнѣйшей психической переработки ихъ. Понятно, что болѣе дѣятельная энергичная работа мозга должна въ свою очередь рѣзче отражаться на отправленіяхъ различныхъ органовъ тѣла, при посредствѣ различныхъ центробѣжныхъ нервныхъ проводниковъ. Мы считали нужнымъ вкратцѣ остановиться на психо-физіологическомъ значеніи вниманія, такъ какъ оно въ вопросѣ о вліяніи психическихъ явленій на тѣлесные процессы въ организмѣ играетъ, какъ увидимъ ниже, весьма выдающуюся роль.

Начнемъ нашъ анализъ съ вліянія психическихъ явленій на кровеносную систему, т.-е. на сердце и сосуды.

Каждому, конечно, извѣстно, что сердечныя біенія, такъ же какъ и сокращеніе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, совершаются помимо нашей воли. При обыкновенныхъ условіяхъ здоровый человѣкъ не сознаетъ вовсе сокращеній своего сердца и узнаетъ объ нихъ только путемъ внимательнаго прислушиванія къ біенію своихъ артерій, путемъ ощупыванія пульса въ артеріяхъ и того мѣста грудной стѣнки, на которомъ раздается сердечный толчекъ. Біенія сердца сознаются нами безъ особыхъ пріемовъ съ нашей стороны лишь въ томъ случаѣ, когда они бываютъ или чрезмѣрно неправильными, или чрезмѣрно сильными. Наконецъ, тотъ фактъ, что сердечныя біенія совершаются какъ нельзя болѣе правильно и во время самаго глубокаго сна, наглядно доказываетъ, что въ произведеніи ихъ вовсе не участвуютъ психическіе процессы, протекающіе въ опредѣленныхъ частяхъ головного мозга. Опыты доказываютъ далѣе, что сердечныя сокращенія совершаются независимо не только отъ головного мозга, но и отъ всѣхъ остальныхъ частей центральной нервной системы, такъ какъ разрушеніе всего головного и спинного мозга или полное удаленіе сердца изъ организма не прекращаютъ его біеній. Сердце холоднокровныхъ животныхъ, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и искусственномъ проведеніи черезъ него питательной жидкости, способно особенно долго биться по удаленіи его изъ тѣла; сердце же теплокровныхъ при этихъ условіяхъ раньше прекращаетъ свои біенія вслѣдствіе болѣе быстраго помиранія ихъ тканей вообще сравнительно съ тканями холоднокровныхъ животныхъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ съ очевидностью слѣдуетъ, что нервные механизмы, завѣдующіе періодическими сокращеніями сердца, заложены въ немъ самомъ, и дѣйствительно микроскопическое изслѣдованіе сердечной мышцы открываетъ въ толщѣ сердечныхъ перегородокъ массу нервныхъ центровъ, которые, подъ вліяніемъ возбужденія ихъ различными составными частями крови, посылаютъ нервные импульсы къ періодическимъ сокращеніямъ сердца.

Что касается до кровеносныхъ сосудовъ, представляющихъ также періодическія явленія сокращенія и расширенія, то легко доказать, что и дѣятельность ихъ мышечныхъ стѣнокъ представляется до извѣстной степени независимой отъ центральной нервной системы, т.-е. головного и спинного мозга. Органами, весьма удобными для выясненія этого факта, могутъ служить ухо кролика, плавательная перепонка лягушки, утки, и наконецъ періодически бьющіяся расширенія кровеносныхъ сосудовъ въ

летательной перепонкѣ летучей мыши и въ хвостовомъ плавникѣ угря. Присматриваясь къ сосудамъ указанныхъ областей, легко замѣтить, что они въ нормальномъ состояніи періодически то сокращаются, то разслабляются и наливаются кровью. Если уничтожить путемъ перерѣзки всѣ нервныя нити, связывающія указанныя области тѣла съ центральной нервной системой, и стало быть вполнѣ изолировать ихъ отъ спинного и головного мозга, то оказывается, что послѣ временнаго прекращенія періодическихъ движеній сосудовъ, они вновь начинаютъ сокращаться и расширяться, хотя и не столь энергично и часто, какъ въ нормальномъ состояніи. Сосуды вырѣзанныхъ изъ тѣла органовъ, напр., почекъ, селезенки, печени, обладаютъ также способностью къ періодическому сокращенію и расширенію при пропусканіи черезъ нихъ искусственной струи крови, лишенной фибрина. Изъ венъ указанныхъ органовъ кровь вытекаетъ то съ ускореніями, то съ замедленіями, соотвѣтствующими расширенію и сокращенію сосудовъ.

Изъ этого ясно, что основной механизмъ движеній сосудовъ заложенъ внѣ центральной нервной системы и находится или вблизи, или въ толщѣ самихъ стѣнокъ сосудовъ. Къ сожалѣнію природа этого периферическаго механизма недостаточно выяснена современной физіологіей. Изъ того факта, что основные механизмы, приводящіе въ сокращеніе какъ сердце, такъ и сосуды, находятся внѣ центральной нервной системы, вовсе не слѣдуетъ, однако, чтобы дѣятельность этихъ органовъ не зависѣла въ той или другой степени отъ головного и спинного мозга. Физіологія изобилуетъ фактами, доказывающими эту зависимость, и намъ для ясности преслѣдуемой цѣли, необходимо напомнить ихъ въ общихъ чертахъ.

Къ сердцу подходятъ изъ центральной нервной системы различные нервы, изъ которыхъ одни при искусственномъ возбужденіи, напр., электрическимъ токомъ, замедляютъ и останавливаютъ сердцебіенія (Веберъ), другіе учащаютъ ихъ (Бетцольдъ, Шмидебергъ, Ціонъ), третьи ослабляютъ силу каждаго сердечнаго сокращенія (Гаскель, Павловъ), а четвертые, напротивъ, усиливаютъ ихъ (Павловъ). Сердце снабжено, такимъ образомъ, регуляторными приводами, могущими видоизмѣнять въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ, какъ ритмъ сердцебіеній, такъ и силу ихъ. Всѣ эти регуляторы даны развѣтвленіями блуждающаго и отчасти симпатическаго нервовъ, служащими единственными связующими нервными нитями между сердцемъ съ одной стороны, и головнымъ, и спиннымъ мозгомъ — съ другой. Раздраженіе элек-

трическимъ токомъ продолговатаго мозга и именно того мѣста его, изъ котораго выходятъ блуждающіе нервы, вызываетъ быструю остановку сердцебіеній; раздраженіе же верхней шейной части спинного мозга, въ которой, повидимому, заложены ускорительные центры, вызываетъ, наоборотъ, учащеніе сердцебіеній.

Особенное значеніе для насъ, въ настоящую минуту, имѣютъ опыты съ вліяніемъ раздраженія корки мозговыхъ полушарій на работу сердца. Нѣкоторые изслѣдователи доказали, что раздраженіе опредѣленныхъ точекъ мозговыхъ извилинъ вызываетъ, смотря по раздражаемому участку, то замедленіе сердцебіеній, то ускореніе ихъ; первый эффектъ получается, конечно, только при цѣлости блуждающихъ нервовъ (Данилевскій, Балогъ, Бошефонтенъ). Такое вліяніе центровъ коркового вещества полушарій основывается, конечно, на томъ, что возбужденія, возникающія въ нихъ, направляются по межцентральнымъ соединительнымъ путямъ къ сердечно-задерживающимъ центрамъ продолговатаго мозга или къ сердечно-ускорительнымъ центрамъ спинного мозга, и уже черезъ нихъ видоизмѣняютъ работу сердца.

Не трудно доказать такимъ же эспериментальнымъ путемъ, что и кровеносные сосуды тѣла находятся подъ регуляціей центральной нервной системы. Возьмемъ для примѣра ухо бѣлаго кролика, на которомъ, благодаря достаточной прозрачности его, легко наблюдать за просвѣтомъ сосудовъ. Если перерѣзать шейный симпатическій нервъ, то сосуды соотвѣтствующаго уха рѣзко расширяются и наливаются кровью, ухо при этомъ становится теплѣе отъ большаго наплыва въ него теплой крови. Такъ какъ симпатическій нервъ является одной изъ соединительныхъ нервныхъ нитей между сосудами уха и центральной нервной системой, то ясно, что послѣдняя посылаетъ къ сосудамъ уха по длинѣ волоконъ симпатическаго нерва такіе импульсы, которые держатъ ихъ въ постоянномъ тоническомъ сокращеніи. Разъ перерѣзанъ симпатическій нервъ, импульсы эти уже не достигаютъ до мышечныхъ стѣнокъ сосудовъ, послѣдніе разслабляются и подъ напоромъ крови расширяются. Если, однако, замѣнить естественное возбужденіе симпатическаго нерва искусственнымъ, раздражая, напримѣръ, перерывистымъ токомъ верхній конецъ нерва, оставшійся въ связи съ сосудами уха, то они рѣзко сокращаются и все ухо черезъ нѣкоторое время представляется мертвенно блѣднымъ. Такимъ образомъ, въ симпатическомъ нервѣ заключаются сосудосъуживающіе нервы для кровеносныхъ сосудовъ уха.

Всѣ остальные органы тѣла, подобно уху, снабжены также сосудосъуживающими нервными волокнами, подходящими къ нимъ

или отдѣльно, или въ толщѣ направляющихся къ нимъ смѣшанныхъ нервовъ. Если раздражать, напримѣръ, нервы, подходящіе къ конечностямъ, то легко замѣтить, что онѣ охлаждаются, и что объемъ ихъ уменьшается вслѣдствіе уменьшеннаго притока къ нимъ крови. Всѣ почти участки сосудистой системы находятся въ связи съ центральной нервной системой при посредствѣ подобныхъ сосудосъуживающихъ волоконъ, которыя, возбуждая постоянно кольцевидно-расположенныя мышцы сосудистыхъ стѣнокъ, держатъ сосуды въ состояніи постояннаго тоническаго сокращенія. Всѣ эти сосудосъуживающія волокна вступаютъ въ спинной мозгъ и направляются главнымъ образомъ въ продолговатый, въ опредѣленномъ мѣстѣ котораго заканчиваются въ группѣ сосудосъуживающихъ центровъ. Тутъ какъ бы въ фокусѣ сходятся всѣ сосудосъуживающія волокна тѣла, и тутъ же они приводятся въ возбужденное состояніе угольной кислотой омывающей ихъ крови. Что продолговатый мозгъ служитъ главнымъ собирательнымъ центромъ всѣхъ сосудосъуживающихъ волоконъ,—это доказывается весьма просто тѣмъ, что раздраженіе именно продолговатаго мозга вызываетъ всеобщее съуженіе сосудовъ всего тѣла, и, наоборотъ, отдѣленіе продолговатаго мозга отъ спинного вызываетъ вообще разслабленіе и расширеніе ихъ.

Кромѣ сосудосъуживающихъ нервовъ къ сосудамъ подходятъ другіе нервы, возбужденіе которыхъ вызываетъ, наоборотъ, рѣзкое расширеніе сосудовъ. Функцію такихъ волоконъ крайне легко показать на такихъ нервахъ, которые несутъ въ себѣ одни только сосудорасширяющія волокна безъ примѣси или лишь съ незначительной примѣсью сосудосъуживающихъ. Таковыми являются, напр., тонкое волокно барабанной струны, направляющееся къ слюнной железѣ, и язычный нервъ, идущій къ языку. Раздраженіе перваго нерва вызываетъ усиленный приливъ крови къ железѣ, а второго—покраснѣніе языка, согрѣваніе его и увеличеніе его объема. И языкъ, и слюнная железа представляютъ собою интересные для насъ органы въ томъ отношеніи, что къ нимъ подходятъ отдѣльно нервныя волокна двухъ категорій, изъ которыхъ одни при возбужденіи даютъ съуженіе сосудовъ, другія же—расширеніе. Для обнаруженія дѣйствія сосудорасширяющихъ волоконъ весьма удобенъ, напримѣръ, языкъ собаки, къ которому подходятъ два крупныхъ нерва—подъязычный и язычный. Первый заключаетъ въ себѣ сосудосъуживающія волокна, второй—сосудорасширяющія (Вульпіанъ). Эффектъ расширенія сосудовъ языка при раздраженіи язычнаго нерва легко обнаруживается увеличеніемъ объема языка, зависящимъ отъ усиленнаго притока къ

нему крови. Чтобы замѣтить это увеличеніе, стоитъ только втянуть переднія двѣ трети языка въ небольшую воздушную полость, сообщающуюся при посредствѣ трубки съ маленькимъ барабанчикомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ полиграфа. Послѣдній аппаратъ, съ которымъ намъ придется встрѣчаться неоднократно, состоитъ изъ маленькаго сплющеннаго цилиндра, наполненнаго воздухомъ, боковыя стѣнки и одно изъ основаній котораго устроены изъ неподатливаго матеріала, а второе основаніе—изъ упругой резиновой пластинки. Въ центрѣ этой послѣдней находится штифтикъ, упирающійся въ рычагъ, приводимый имъ въ движеніе. При всякомъ вторженіи воздуха въ этотъ полиграфъ резиновая пластинка его приподнимается и приводитъ въ соотвѣтствующее движеніе рычагъ; при обратномъ же движеніи пластинка рычага двигается въ противоположномъ направленіи. Если соединить такимъ образомъ полость полиграфа съ той воздушной камерой, въ которой находится языкъ, то всякое, мало-мальски значительное, набуханіе языка будетъ вытѣснять воздухъ изъ этой воздушной камеры черезъ трубку въ полиграфъ и вызоветъ повышеніе рычага, указывающее на увеличеніе объема языка, и наоборотъ, всякое уменьшеніе объема языка будетъ сопровождаться пониженіемъ рычага (Анрепъ и Цыбульскій). Стоитъ приступить къ раздраженію язычнаго нерва, и рычагъ полиграфа начинаетъ сильно подниматься, указывая тѣмъ самымъ на сильное увеличеніе объема языка на счетъ расширенія его сосудовъ. Наоборотъ, раздраженіе подъязычнаго нерва вызываетъ движеніе рычага въ обратномъ направленіи, указывающее на уменьшеніе объема языка на счетъ съуженія его сосудовъ. Аналогичные опыты произведены были и съ нѣкоторыми другими органами тѣла и привели къ тому же результату. Такимъ образомъ, сосуды разнообразныхъ участковъ кровеносной системы снабжены двумя системами антагоническихъ волоконъ, изъ которыхъ одни съуживаютъ сосуды, другіе же расширяютъ ихъ.

Нервы, расширяющіе сосуды, тоже направляются въ центральную нервную систему, но на счетъ сборнаго мѣста ихъ не имѣется въ настоящее время никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Сосудодвигательный нервный механизмъ можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе отраженнымъ путемъ, посредствомъ возбужденія разнообразныхъ чувствующихъ, т.-е. центростремительныхъ нервовъ. Большинство чувствующихъ нервовъ (сѣдалищный, бедренный, верхнегортанный и т. д.) вызываютъ при своемъ возбужденіи отраженное съуженіе сосудовъ, тогда какъ меньшинство ихъ даетъ отраженное расширеніе сосудовъ путемъ или угнете-

нія функцій сосудосживающихъ центровъ, или возбужденія центровъ расширяющихъ сосуды (депрессаръ, задній большой ушной нервъ). Эти отраженныя сосудодвигательныя явленія получаются легко только при цѣлости продолговатаго мозга, служащаго главнымъ гнѣздомъ сосудосживающихъ центровъ.

Для насъ крайне важна та находка экспериментальной физіологіи, которая указываетъ, что и возбужденіе коркового вещества полушарій большого мозга отражается на сосудодвигательномъ механизмѣ отдѣльныхъ членовъ нашего тѣла. При раздраженіи опредѣленныхъ мѣстъ мозговыхъ извилинъ (по сосѣдству съ крестообразной бороздой) было замѣчено у животныхъ небольшое общее съуженіе сосудовъ (Данилевскій, Бошефонтенъ), а Гитцигъ, Эйленбургъ и Ландуа нашли, что вырѣзываніе опредѣленныхъ площадей сѣрой корки мозговыхъ полушарій и именно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ заложены центры, завѣдующіе движеніями конечностей, ведетъ къ расширенію сосудовъ въ соотвѣтствующихъ конечностяхъ и къ повышенію ихъ температуры.

Мы видимъ такимъ образомъ, что дѣятельность сердца и кровеносныхъ сосудовъ находится подъ регуляціей чрезвычайно сложнаго нервнаго механизма, и что на него могутъ дѣйствовать какъ вліянія, исходящія изъ сферы разнообразнѣйшихъ чувствующихъ нервовъ тѣла, такъ *и возбужденія, возникающія въ сферѣ сѣрой корки мозговыхъ полушарій.*

Это послѣднее заключеніе, вытекающее изъ экспериментальныхъ изслѣдованій, и даетъ намъ полное право предположить, что разнообразные психическіе процессы, представляющіе одну изъ формъ дѣятельнаго состоянія коркового вещества полушарій мозга, могутъ такъ или иначе отражаться на органахъ кровообращенія.

Прежде чѣмъ мы обратимся, однако, къ явленіямъ, подтверждающимъ только-что высказанное предположеніе, намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на тѣхъ научныхъ методахъ изслѣдованія, путемъ которыхъ удалось прослѣдить эту тонкую зависимость между сферой психическихъ явленій и дѣятельностью органовъ кровообращенія. Знакомство въ общихъ чертахъ съ экспериментальными пріемами, примѣняемыми съ этой цѣлью на человѣкѣ, не лишено значенія, такъ какъ только при этомъ условіи дана будетъ возможность каждому принимать мысли, высказываемыя здѣсь не на вѣру, а на основаніи фактовъ, критическая оцѣнка которыхъ будетъ для всякаго доступна.

Чтобы прослѣдить на человѣкѣ за колебаніями дѣятельности сердца, прибѣгаютъ обыкновенно къ кардіографу Марея, запи-

сывающему сердечные толчки. Если присмотрѣться къ обнаженной груди человѣка, то легко замѣтить, что между 5 и 6 ребрами, приблизительно на одинъ дюймъ книзу и нѣсколько вправо отъ лѣваго соска, мягкія межреберныя части періодически приподнимаются и опускаются; это зависитъ отъ того, что верхушка сердца, при каждомъ сокращеніи его, надавливаетъ и какъ бы стучитъ въ мягкій противулежащій ему межреберный промежутокъ и вызываетъ то выпячиваніе его при сокращеніи сердца, то спаденіе при разслабленіи его. Сердечный толчокъ служитъ такимъ образомъ внѣшнимъ выраженіемъ, какъ частоты сердцебіеній, такъ и до нѣкоторой степени и силы ихъ.

При помощи поднятій и опусканій подвижного пуговчатаго рычага кардіографа, приложеннаго къ мѣсту сердечнаго толчка, легко записать сердцебіенія посредствомъ пера уже извѣстнаго намъ полиграфа. Самъ кардіографъ и приспособленъ для этой цѣли. Онъ состоитъ изъ открытой съ одной стороны деревянной капсулы, края которой плотно прилегаютъ къ тому мѣсту грудной клѣтки, гдѣ наблюдается сердечный толчокъ, причемъ полость капсулы превращается въ замкнутую воздушную полость, на днѣ которой и происходятъ періодическія приподнятія и опусканія грудной стѣнки. Для болѣе удобнаго переведенія этихъ движеній въ колебанія воздуха въ капсулѣ, кардіографъ вооруженъ упругимъ пластинчатымъ рычагомъ, свободный конецъ котораго, снабженный пластинкой изъ слоновой кости, нажимается при помощи особаго винта къ самому мѣсту сердечнаго толчка. Вращеніями этого винта дана возможность видоизмѣнять степень надавливанія этого рычажка на мѣсто сердечнаго толчка. Замкнутая полость кардіографа снабжена выводной трубкой, сообщающейся при помощи каучуковой трубки съ полиграфомъ Марея, который движеніями своего рычага можетъ записывать на закопченномъ вертящемся барабанѣ всѣ детали воздушныхъ колебаній, вызываемыхъ въ кардіографѣ сердечнымъ толчкомъ. Чтобы облегчить самое счисленіе сердцебіеній, перо полиграфа можетъ быть снабжено тонкой проволокой, періодически опускающейся въ ртуть, въ которой и совершается замыканіе и размыканіе электрическаго тока, проходящаго черезъ электрическій звонокъ. Послѣдній при каждомъ опусканіи проволоки въ ртуть даетъ колокольный звукъ, которымъ и отмѣчается каждое сердцебіеніе.

За сердцебіеніями можно слѣдить также и по пульсу, т.-е. по тѣмъ періодическимъ подскакиваніямъ стѣнокъ артерій, которыя получаются при каждомъ сердечномъ сокращеніи. Для ула-

вливанія пульса и изученія подробностей его существуютъ различные аппараты, именуемые вообще сфигмографами. Основная мысль устройства этихъ аппаратовъ заключается въ томъ, что на артерію накладывается пуговка упругаго рычажка, которая подскакиваетъ при пульсовомъ приподнятіи ея стѣнки; это подскакиваніе пуговки передается, при помощи вертикально упирающагося въ нее штифтика, длинному рычагу, который въ увеличенномъ видѣ передаетъ всѣ колебанія пульсовой волны. Если конецъ подобнаго рычага скользитъ по накопченной пластинкѣ, то на ней записываются всѣ детали пульсовыхъ колебаній рычага. Число ихъ и величина, при равныхъ остальныхъ условіяхъ, соотвѣтствуетъ у здоровыхъ людей числу и до нѣкоторой степени силѣ сердцебіеній.

Намъ остается описать въ общихъ чертахъ тѣ экспериментальные пріемы, примѣненіемъ которыхъ въ человѣку можно безъ всякихъ поврежденій его судить о колебаніяхъ діаметра его сосудовъ, т.-е. о съуженіи или расширеніи ихъ. Цвѣтъ покрововъ можетъ, конечно, служить признакомъ извѣстнаго состоянія сосудовъ. Блѣдность покрововъ соотвѣтствуетъ сокращенному, а краснота ихъ расширенному состоянію сосудовъ; но признакъ этотъ, конечно, недостаточно тонокъ, такъ какъ малыя разницы въ окраскѣ покрововъ ускользаютъ отъ глазъ наблюдателя.

При сокращеніи сосудовъ любой, напримѣръ, конечности нашего тѣла къ ней притекаетъ меньше, а при расширеніи больше крови; въ первомъ случаѣ покровы тѣла холодѣютъ, а во-второмъ согрѣваются. Понятно, стало быть, что по колебаніямъ температуры можно судить о томъ или другомъ состояніи сосудовъ. Благодаря существованію въ высшей степени тонкихъ физическихъ методовъ изслѣдованія колебаній температуры, дающихъ возможность улавливать колебанія даже въ $^1/_{1000}{}^0$ Ц., понятно, что термо-электрическія изслѣдованія температуры кожи должны считаться однимъ изъ наиболѣе тонкихъ и точныхъ пріемовъ, открывающихъ малѣйшія колебанія въ діаметрѣ сосудовъ нашего тѣла. И въ самомъ дѣлѣ, многія работы въ этомъ направленіи сдѣланы при помощи термо-электрическаго способа изслѣдованія. При термоэлектрическихъ изслѣдованіяхъ требуется термо-электрическая батарея, состоящая изъ ряда спаянныхъ концами своими пластинокъ, напримѣръ, сюрьмы и висмута; такая батарея представляетъ двѣ противулежащія обнаженныя поверхности спаекъ, изъ которыхъ одна только приближается или накладывается на изслѣдуемую поверхность, тогда какъ другая поддерживается при постоянной температурѣ. Если полюсы термо-электрической батареи со-

единить при помощи проволокъ съ полюсами чувствительнаго гальванометра, то оказывается, что при равенствѣ температуръ обѣихъ обнаженныхъ поверхностей спаекъ термо-электрической батареи, тока въ гальванометрѣ не бываетъ, и что послѣдній появляется при самыхъ незначительныхъ разницахъ въ температурѣ обѣихъ противулежащихъ спаекъ термо-электрической батареи. По силѣ и направленію отклоненія стрѣлки гальванометра можно судить о степени согрѣванія или охлажденія той поверхности тѣла, къ которой приложенъ одинъ изъ полюсовъ термо-электрической батареи.

Отклоненія стрѣлки гальванометра отсчитываются весьма точно, и путемъ градуированія ихъ легко опредѣлить, какимъ разницамъ температуры соотвѣтствуютъ опредѣленныя отклоненія стрѣлки. Я упомянулъ здѣсь объ этомъ способѣ лишь потому, что намъ придется впослѣдствіи ссылаться на результаты весьма тонкихъ изслѣдованій произведенныхъ именно термо-электрическимъ путемъ.

О томъ или иномъ состояніи сосудовъ можно судить также и потому, съ какой силой давитъ кровь на стѣнки артерій, т.-е. по величинѣ бокового давленія крови. Упругія стѣнки артерій въ нормальномъ состояніи представляются всегда растянутыми давящей на нихъ изнутри кровью. Это давленіе, при постоянствѣ работы сердца, должно, конечно, возрастать при съуженіи мелкихъ артерій, увеличивающемъ препятствія къ движенію крови и, наоборотъ, должно падать при расширеніи ихъ, облегающемъ ея движеніе. Если, такимъ образомъ, имѣть въ рукахъ аппаратъ, который бы давалъ возможность слѣдить за колебаніями величины бокового давленія крови у человѣка, то имъ возможно бы было пользоваться и для опредѣленія измѣненій просвѣта сосудовъ при разнообразныхъ условіяхъ. Сфигмаманометръ Баша удовлетворяетъ, до нѣкоторой степени, этой цѣли. Пользуясь этимъ аппаратомъ, возможно, путемъ сдавленія артеріи до исчезанія ея просвѣта, опредѣлить въ миллиметрахъ ртутнаго столба высоту бокового давленія въ ней крови, конечно, приблизительно. Для подобныхъ измѣреній берется обыкновенно лучевая артерія, на мѣстѣ ея прохожденія надъ головкой лучевой кости, представляющей для нея твердую подкладку. Измѣренія, произведенныя этимъ способомъ на человѣка, дали уже много весьма цѣнныхъ фактовъ, относительно колебанія бокового давленія крови подъ вліяніемъ разныхъ условій.

Остается описать вкратцѣ еще одинъ пріемъ, путемъ котораго весьма наглядно можно слѣдить за измѣненіями просвѣта

сосудовъ,—я разумѣю тутъ изслѣдованія путемъ плетизмографа. Плетизмографъ состоитъ изъ длиннаго цилиндрическаго стекляннаго сосуда, вытянутаго на одномъ концѣ въ довольно узкое горлышко, сообщающееся, при посредствѣ трубки, съ водянымъ резервуаромъ; на верхней и нижней поверхности этого цилиндрическаго сосуда находится по одному отверстію, изъ которыхъ верхнее сообщается, при посредствѣ трубки, съ вышеописаннымъ полиграфомъ Марея, а нижнее служитъ для выпусканія воды изъ цилиндра. Весь этотъ сосудъ называется рукавомъ, такъ какъ въ него съ открытаго конца просовывается рука вплоть до локтя, на уровнѣ котораго она плотно обхватывается резиновымъ манжетомъ, плотно укрѣпленнымъ на краяхъ стекляннаго цилиндра. Затѣмъ весь рукавъ наполняется водой, пока изъ него не исчезнутъ всякіе слѣды воздуха. Рука, такимъ образомъ, при закрытомъ состояніи отверстій стекляннаго рукава, оказывается заключенной въ герметически замкнутомъ пространствѣ, наполненномъ водой. Устранивъ, посредствомъ зажима, всякое сообщеніе между цилиндромъ и водянымъ резервуаромъ, легко замѣтить, что перо полиграфа производитъ рядъ волнообразныхъ движеній, которыя легко могутъ быть записаны на закопченномъ барабанѣ. Намъ уже извѣстно, что полость полиграфа и проводящей къ ней трубки наполнена воздухомъ. Если рычагъ полиграфа, сообщающагося при посредствѣ этой трубки съ рукавомъ Моссо (авторъ прибора), при этихъ условіяхъ двигается, то ясно, что воздухъ, заключенный въ полиграфѣ, претерпѣваетъ рядъ послѣдовательныхъ сгущеній и разрѣженій, благодаря которымъ эластическая перепонка его то приподнимается въ первомъ случаѣ, то опускается во второмъ. Поводы къ этому сгущенію и разрѣженію очевидно должны исходить изъ полости рукава Моссо и заключаются въ томъ, что вода изъ него періодически то вытѣсняется и нажимаетъ на воздухъ, заключенный въ полиграфѣ и его соединительной трубкѣ, то, наоборотъ, входитъ въ полость рукава и тѣмъ разрѣжаетъ воздухъ въ системѣ полиграфа. Убѣдиться въ вѣрности этого толкованія можно слѣдующимъ простымъ путемъ: если замѣнить полиграфъ водянымъ манометромъ и связать его съ рукавомъ Моссо, при посредствѣ каучуковой трубки сплошь наполненной водой (устранивъ изъ нея воздухъ), то легко замѣтить, что вода въ открытомъ колѣнѣ манометра представляетъ рядъ большихъ и малыхъ колебаній вверхъ и внизъ, указывающихъ на то, что изъ рукава то вытѣсняется, то, наоборотъ, въ него присасывается вода, находящаяся въ системѣ трубокъ манометра.

Отчего, спрашивается, зависятъ эти колебанія, какъ пера полиграфа, такъ и уровня воды въ манометрѣ? Легко доказать, что причиной этихъ колебаній служатъ измѣненія объема руки, вложенной въ рукавъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго притока къ ней крови. Если зажать крѣпко плечевую артерію, приносящую кровь къ рукѣ, то можно замѣтить по опусканію жидкости въ манометрѣ, а равно и пера полиграфа, что объемъ руки рѣзко уменьшается, причемъ всѣ отдѣльныя колебанія, какъ водяного столба въ манометрѣ, такъ и пера полиграфа совершенно прекращаются. Очевидно, что источникомъ изучаемыхъ нами колебаній служатъ измѣненія объема руки подъ вліяніемъ притекающей къ ней крови.

Тщательное изученіе колебаній, даваемыхъ какъ перомъ полиграфа, такъ и манометромъ, приводитъ насъ къ тому же результату. Сопоставляя эти колебанія съ дыхательными движеніями человѣка и его сердцебіеніями, легко замѣтить, что они состоятъ изъ большихъ волнъ опусканія и приподнятія, соотвѣтствующихъ дыхательнымъ движеніямъ, и изъ малыхъ, сидящихъ на нихъ волнъ, соотвѣтствующихъ каждому отдѣльному сердцебіенію. Изъ физіологіи извѣстно, что при началѣ акта вдыханія, кровь изъ венъ всего тѣла усиленно присасывается сердцемъ, и стало быть органы сильнѣе освобождаются отъ находящейся въ нихъ крови, чѣмъ при актѣ выдыханія, нѣсколько замедляющемъ этотъ венозный отливъ отъ нихъ крови. Соотвѣтственно съ этимъ, объемъ органовъ претерпѣваетъ періодическія колебанія: уменьшенія при началѣ вдыханія, и увеличенія при началѣ выдыханія. Эти колебанія объема органовъ, вовсе неуловимыя при обыкновенномъ наблюденіи, весьма отчетливо записываются графически манометромъ или перомъ полиграфа. Съ другой стороны, сердечныя сокращенія, вгоняющія всякій разъ около 180 граммовъ крови въ артеріальную систему, должны тѣмъ самымъ вызывать періодическія увеличенія объема органовъ, которыя точно записываются плетизмографомъ въ формѣ маленькихъ волнъ, сидящихъ на большихъ дыхательныхъ волнахъ колебанія объема органовъ. Плетизмографъ даетъ, такимъ образомъ, возможность слѣдить также и за пульсомъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, вслѣдствіе чего онъ былъ названъ Моссо также и гидросфигмографомъ.

Благодаря высокой чувствительности плетизмографа къ колебаніямъ объема, напримѣръ, руки, ноги, онъ съ большимъ успѣхомъ примѣняется къ изслѣдованію сосудодвигательныхъ явленій въ органахъ при разнообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ организма.

Познакомившись, такимъ образомъ, со способами изслѣдованія сосудистаго аппарата человѣка, мы въ состояніи приступить къ выясненію зависимости, существующей между психическими явленіями съ одной стороны, и работой сердца и кровеносныхъ сосудовъ—съ другой, и эта задача представляется тѣмъ болѣе заманчивой, что она обѣщаетъ дать намъ положительные результаты и на человѣкѣ, судя по опытамъ на животныхъ, у которыхъ возбужденіе корковаго слоя полушарій отражается, какъ мы видѣли выше, на отправленіяхъ сосудистой системы.

Уже опытъ вседневной жизни указываетъ намъ на то, что область чувствъ и аффектовъ можетъ, въ иныхъ случаяхъ, рѣзко отражаться на игрѣ сосудистаго аппарата. Стоитъ вспомнить только, какъ часто и усиленно начинаетъ биться сердце и какъ краснѣетъ лицо, при какой-нибудь внезапной радостной вѣсти, и какъ, наоборотъ, замедляются, а иногда и останавливаются сердцебіенія и лицо покрывается смертельной блѣдностью при глубокомъ внезапномъ горѣ. Медицинская литература изобилуетъ случаями, въ которыхъ сильныя и внезапныя чувства и аффекты, какъ радостнаго, такъ и печальнаго характера, были причиной даже внезапной смерти, обусловленной окончательной остановкой сердца.

Поразительнымъ и общеизвѣстнымъ примѣромъ вліянія чувствъ на просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ можетъ служить фактъ рѣзкаго покраснѣнія лица при чувствѣ стыда; это послѣднее можетъ у особенно раздражительныхъ людей вызывать рѣзкое расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, не только лица, но и другихъ частей тѣла, какъ, напримѣръ, кожи шеи, груди, плечъ и спины; противуположнымъ примѣромъ вліянія чувства на состояніе сосудовъ можетъ служить всѣмъ извѣстное рѣзкое поблѣднѣніе покрововъ при страхѣ или ужасѣ, вызывающемъ всеобщее сокращеніе сосудовъ нашего тѣла.

Мы имѣемъ основаніе думать, что тѣ или другія чувства и душевныя движенія отражаются не только на просвѣтѣ периферическихъ сосудовъ кожи, но и нѣкоторыхъ внутренностныхъ органовъ, напримѣръ, селезенки. Такъ, профессоръ Боткинъ, опредѣляя у нѣкоторыхъ больныхъ размѣры селезенки, замѣтилъ, между прочимъ, что объемъ ея рѣзко измѣнялся при различныхъ душевныхъ движеніяхъ ихъ: при однихъ увеличивался, при другихъ же уменьшался. Эти колебанія объема селезенки должны были, главнымъ образомъ, совершаться на счетъ съуженія или расширенія селезеночныхъ сосудовъ, хотя и нельзя отрицать

того, чтобы въ явленіяхъ этихъ не участвовали и мышцы, заключенныя въ этомъ органѣ.

Мы не станемъ останавливаться долѣе на этихъ и тому подобныхъ общеизвѣстныхъ фактахъ, и укажемъ лишь на тѣ общіе выводы, которые дѣлаетъ изъ нихъ современная психо-физіологія. Чувства и аффекты, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на кровеносную систему, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на пріятные, радостные, повышающіе нервно-мышечную дѣятельность, и на непріятные, печальные, угнетающіе или парализирующіе ее. Чувства и аффекты первой категоріи, названные Кантомъ *стеническими*, характеризуются тѣмъ, что они въ среднихъ степеняхъ своей силы сопровождаются учащеніемъ и усиленіемъ сердцебіеній и расширеніемъ сосудовъ; чувства же и аффекты второй категоріи, т.-е. *астеническіе*, характеризуются обратнымъ аффектомъ на сосудистой системѣ, а именно, вызываютъ замедленіе и ослабленіе сердцебіеній и продолжительное сокращеніе мелкихъ артерій, обусловливающее явно замѣтную блѣдность кожи. Сильные же аффекты, къ какой бы категоріи они ни относились, характеризуются всегда парализирующимъ дѣйствіемъ и могутъ внезапно причинить смерть, вѣроятно, вслѣдствіе остановки сердца, обусловленной сильнымъ возбужденіемъ сердечно-задерживающихъ волоконъ блуждающаго нерва. Часто повторяемые стеническіе аффекты располагаютъ къ болѣзнямъ сердца и къ разрывамъ внутри черепныхъ сосудовъ, и, стало быть, къ апоплексіи, тогда какъ продолжительные астеническіе аффекты, въ родѣ постоянной заботы и печали, влекутъ за собой ослабленіе сердечной дѣятельности, которое, въ связи съ усиленными препятствіями къ кровообращенію, вызываемыми съуженнымъ состояніемъ сосудовъ, разстраиваетъ нормальное кровообращеніе и понижаетъ питаніе организма (Вундтъ).

Изъ сказаннаго понятно, какъ строго слѣдуетъ избѣгать вызова въ людяхъ, даже здоровыхъ, какихъ-нибудь сильныхъ внезапныхъ аффектовъ, сообщая имъ, напримѣръ, какія-нибудь весьма сенсаціонныя для нихъ вѣсти, и какое громадное вниманіе должно быть обращено на общій тонъ настроенія человѣка и условія, вызывающія его. Трудно въ настоящее время точно опредѣлить тотъ путь, которымъ аффекты той или другой категоріи отражаются на дѣятельности сердца и сосудовъ. Если мы говоримъ, напримѣръ, что стеническіе аффекты ускоряютъ и усиливаютъ сердцебіенія и въ то же время расширяютъ периферическіе сосуды, то эффектъ этотъ можетъ быть объясненъ двоякимъ образомъ: или тѣмъ, что пріятные, возбуждающіе аф-

фекты и чувства возбуждаютъ ускорительные нервы сердца и сосудорасширяющіе нервы тѣла, или тѣмъ, что они угнетаютъ сердечно-задерживающіе центры блуждающаго нерва, а равно и сосудосуживающіе центры. Равнымъ образомъ, и механизмъ вліянія астеническихъ аффектовъ мы могли бы объяснить себѣ по отношенію къ сосудамъ тѣмъ, что они или возбуждаютъ сосудосуживащія волокна, или угнетаютъ сосудорасширяющія.

Мнѣ кажется, что мы ближе будемъ къ истинѣ, если примемъ, что стеническіе аффекты средней силы обыкновенно возбуждаютъ ускорительные и усиливающіе нервы сердца и сосудорасширяющіе нервы, тогда какъ астеническіе аффекты, напротивъ того, возбуждаютъ сердечнозадерживающія и сердечноразслабляющія волокна вмѣстѣ съ сосудосуживающими.

Разобранныя нами вліянія чувствъ и аффектовъ на сосудистую систему не могутъ остаться безъ обратнаго воздѣйствія этой послѣдней на функціи головного мозга; такъ, усиленныя и ускоренныя сердцебіенія, сопровождающія пріятные возбуждающіе аффекты при расширенномъ состояніи сосудовъ обусловливаютъ болѣе усиленный приливъ артеріальной крови къ головному мозгу, результатомъ котораго является болѣе энергичная дѣятельность и чувство довольства и хорошаго самочувствія; и наоборотъ, замедленныя и ослабленныя сердцебіенія, сопровождающіяся сжатымъ состояніемъ сосудовъ при аффектахъ противуположнаго характера, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ уменьшенный приливъ крови къ головному мозгу, обусловливающій угнетающее дѣйствіе на его отправленія и дурное общее самочувствіе человѣка. Къ тому же рѣзкія измѣненія сердечной дѣятельности, въ особенности при дѣйствіи сильныхъ аффектовъ, даютъ о себѣ знать нашему сознанію въ формѣ особенныхъ, въ большинствѣ случаевъ, непріятныхъ ощущеній тоски, перебоевъ въ области сердца, и это благодаря тому, что отъ сердца къ мозгу протянуты центростремительные нервы, возбужденіе сердечнаго конца которыхъ ненормально работающимъ сердцемъ вызываетъ въ сознаніи только-что указанныя ощущенія. При этомъ, подобное возбужденіе чувствующихъ нервовъ сердца можетъ давать и полезные, отраженные эффекты, облегчающіе работу его; это бываетъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда сосуды тѣла представляются, почему бы то ни было, чрезмѣрно сжатыми, вслѣдствіе чего сердцу приходится затрачивать больше силы для передвиженія крови по артеріямъ. Сердце, при этихъ условіяхъ, начинаетъ сильнѣе и чаще работать, и если оно не справляется вполнѣ съ своей задачей, то стѣнки его сильно напрягаются,

быть можетъ, даже частью, растягиваются и тѣмъ самымъ возбуждаютъ окончаніе депрессорнаго нерва, который при своемъ возбужденіи вызываетъ отраженное расширеніе сосудовъ, устраняющее препятствія къ движенію крови по артеріямъ.

Между мозгомъ и кровеносной системой существуетъ такимъ образомъ постоянное взаимодѣйствіе: на послѣдней отражаются всевозможныя чувства и аффекты, протекающіе въ сферѣ коркового вещества полушарій, а эта измѣненная дѣятельность органовъ кровообращенія реагируетъ на мозгъ тѣмъ, что или усиливаетъ, или ослабляетъ условія, необходимыя для проявленія его функцій.

Сердце у различныхъ людей, конечно, не въ одинаковой степени отзывается на чувства и аффекты, волнующіе ихъ. Эта отзывчивость сердца колеблется сообразно съ индивидуальными особенностями людей въ самыхъ широкихъ предѣлахъ; у однихъ сердце отвѣчаетъ ускоренными и усиленными біеніями на самыя, повидимому, незначительныя душевныя движенія, тогда какъ у другихъ оно почти бываетъ глухо къ самымъ сильнымъ чувствамъ и аффектамъ. У нѣкоторыхъ людей эта отзывчивость сердца на чувства горя и печали бываетъ настолько сильно выражена, что имъ стоитъ только *представить* себѣ свое грустное положеніе, чтобы вызвать отчетливое замедленіе сердцебіеній съ нарушеніемъ правильнаго ритма его біеній, и такой случай въ дѣйствительности наблюдался профессоромъ Боткинымъ въ его клиникѣ.

Методическаго изслѣдованія вліянія чувствъ и аффектовъ на органы кровообращенія къ сожалѣнію не существуетъ, по самой трудности искусственнаго вызова въ людяхъ того или другого аффекта во время ихъ наблюденія при помощи тѣхъ или иныхъ аппаратовъ. Интересно, впрочемъ, въ этомъ отношеніи одно наблюденіе Моссо, касательно вліянія душевнаго волненія на органы кровообращенія. Производя плетизмографическіе опыты на самомъ себѣ, онъ случайно замѣтилъ, что когда во время веденія его работы въ комнату неожиданно входилъ глубокоуважаемый имъ лейпцигскій профессоръ Лудвигъ, то перо его плетизмографа тотчасъ же опускалось и указывало на уменьшеніе объема руки; одного волненія, вызваннаго появленіемъ сильно вліявшей на него личности, было достаточно, чтобы вызвать рѣзкое съуженіе сосудовъ конечностей. Мнѣ неоднократно приводилось наблюдать то же самое на служителѣ лабораторіи, весьма чутко отзывавшемся на мои замѣчанія; объемъ руки его находившейся въ плетизмографѣ, обыкновенно падалъ при вне-

замном замѣчаніи, обращенномъ къ нему съ моей стороны. Что тутъ рѣчи не могло быть о простомъ вліяніи на него звука голоса, то въ этомъ убѣждали контрольные опыты съ вліяніемъ гораздо болѣе сильныхъ звуковъ, раздававшихся вблизи ушей его и оставлявшихся безъ замѣтныхъ послѣдствій.

Изъ всего сказаннаго о чувствахъ и аффектахъ мы вправѣ заключить, что между мозгомъ, съ одной стороны, и сердцемъ съ сосудами, съ другой—существуетъ близкая взаимная связь; она-то и составляетъ реальную физіологическую основу многихъ общераспространенныхъ изреченій, касающихся области человѣческихъ чувствъ: поэты и романисты всѣхъ народовъ и временъ, говорящіе объ «сердцѣ разбитомъ горемъ», или объ «сердцѣ трепещущемъ отъ радости» и т. д. выражаютъ этимъ не одну только поэтическую форму, но въ извѣстной степени и физіологическую реальность (Клодъ-Бернаръ).

Этотъ положительный результатъ, устанавливающій опредѣленную зависимость между функціями сосудистой системы и сферой чувствъ и аффектовъ, даетъ право думать, что и другія формы психической дѣятельности остаются не безъ вліянія на дѣятельность сердца и сосудовъ. Легко въ самомъ дѣлѣ доказать, что разнообразнѣйшія *ощущенія*, вызываемыя въ насъ впечатлѣніями внѣшняго міра на наши органы чувствъ, отражаются на функціяхъ кровеносной системы.

Ощущенія, вызываемыя на обширной поверхности кожи, занимаютъ послѣ своего вліянія на кровеносную систему первое мѣсто въ ряду ощущеній, вызываемыхъ возбужденіемъ остальныхъ органовъ чувствъ.

Первая попытка болѣе или менѣе точнаго опредѣленія у человѣка вліянія раздраженій кожи на кровеносную систему была сдѣлана Науманномъ. Онъ раздражалъ кожу электричествомъ, эфиромъ и горчичнымъ масломъ. Изъ опытовъ его слѣдуетъ, что слабыя раздраженія кожи вызываютъ ускореніе сердцебіеній и расширеніе кожныхъ сосудовъ, тогда какъ сильныя, до боли доходящія раздраженія, обусловливаютъ, напротивъ того, замедленіе сердцебіеній съ одновременнымъ сокращеніемъ сосудовъ. Указанные аффекты довольно быстро наступаютъ вслѣдъ за началомъ приложенія раздражителей, и лишь медленно и постепенно исчезаютъ вслѣдъ за удаленіемъ ихъ. Мантегацца, Рёригъ, производившіе опыты въ томъ же направленіи, пришли къ тѣмъ же результатамъ, подтверждающимъ въ общемъ выводы Науманна. Такъ, физическая боль, вызванная чрезвычайно сильнымъ раздраженіемъ кожи (уколами булавки, щипаніемъ, жженіемъ и пр.,

и химическими агентами), въ большинствѣ случаевъ замедляетъ, а иногда вызываетъ остановку сердца и можетъ иногда служить причиной смерти человѣка; если анэстезировать человѣка, т.-е. сдѣлать его нечувствительнымъ къ боли, то тѣ же кожныя раздраженія остаются безо всякаго вліянія на сердце. Это угнетающее вліяніе боли на сердце устраняется также вполнѣ перерѣзкой на животныхъ блуждающихъ нервовъ сердца. Сильныя кожныя раздраженія обыкновенно сразу вызываютъ расширеніе кожныхъ сосудовъ, тогда какъ слабыя, наоборотъ, съуживаютъ ихъ; въ первомъ случаѣ обыкновенно наблюдается замедленіе и даже ослабленіе сердцебіеній, тогда какъ во второмъ усиленіе и учащеніе ихъ (опыты Рёрига производились на лягушкахъ и кроликахъ). Изъ этихъ фактовъ Рёригъ заключаетъ, что слабыя по своей силѣ кожныя раздраженія, обусловливая сокращеніе кожныхъ сосудовъ и увеличивая работу сердца, вызываютъ ускореніе кровообращенія; тогда какъ сильныя раздраженія, вслѣдствіе противуположнаго вліянія на кровеносную систему, обусловливаютъ замедленіе кровяного тока. Новицкій, изучая точнымъ плетизмографическимъ путемъ вліяніе раздраженія кожи горчичниками на кровеносную систему человѣка, указалъ, что объемъ конечности вслѣдъ за появленіемъ первыхъ слѣдовъ боли начинаетъ рѣзко падать, насчетъ съуженія сосудовъ, и что по удаленіи раздражителя объемъ этотъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выравнивается, совершая при этомъ рѣзкія періодическія колебанія въ ту и другую сторону, отвѣчающія усиленнымъ періодическимъ сокращеніемъ сосудовъ. Фактъ этотъ любопытенъ, потому что онъ указываетъ, что возбужденія кожи вызываютъ не просто только сжатіе сосудовъ, но и усиленныя послѣдовательныя періодическія сокращенія ихъ, надолго переживающія время дѣйствія раздражителя. Эти періодическія сокращенія сосудовъ, слабо выраженныя до раздраженія, усиливаются вслѣдъ за нимъ и благопріятствуютъ акту кровообращенія. Кромѣ этого опыты эти подтвердили, что періодъ сильной боли въ большинствѣ случаевъ сопровождается нѣкоторымъ замедленіемъ сердцебіеній.

Вышеупомянутыя работы хотя и даютъ основаніе думать, что измѣненія въ сферѣ кровеносной системы являются послѣдствіемъ *ощущеній*, вызываемыхъ разнообразными раздраженіями кожи, тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ считаться вполнѣ доказательными въ этомъ отношеніи въ виду возможности и другого толкованія ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, выше уже было указано, что сосудодвигательные центры, а равно и центры, регулирующіе сердцебіенія и заложенные въ продолговатомъ мозгу, могутъ

быть рефлекторно вызваны къ дѣятельности раздраженіями различныхъ чувствующихъ нервовъ помимо всякаго участія полушарій головного мозга. Быть можетъ, игра сосудистаго аппарата, наблюдаемая при разнообразныхъ раздраженіяхъ кожи, является результатомъ именно этой отраженной дѣятельности регуляторныхъ сердечныхъ и сосудодвигательныхъ центровъ, а вовсе не непосредственнымъ послѣдствіемъ получаемыхъ при этихъ раздраженіяхъ ощущеній. Опыты, приводимые ниже, рѣшаютъ на нашъ взглядъ вопросъ этотъ въ пользу послѣдняго предположенія.

Изслѣдованіе вліянія щекотанія на функціи кровеноснаго аппарата у здороваго человѣка, произведенное г-жей Манассеиной, является въ этомъ отношеніи особенно важнымъ. Не могу, интереса ради, удержаться отъ передачи тутъ же того факта, который послужилъ исходной точкой всей работы. Это—старинное, относящееся къ 12 году этого столѣтія, наблюденіе д-ра Вардропа надъ больнымъ, который, вслѣдъ за перенесенной имъ тяжелой горячечной болѣзнью, представлялъ полный параличъ лѣвой руки и болѣе слабый параличъ лѣвой ноги. Въ теченіе полутора лѣтъ больного лечили постоянно отъ паралича, но вполнѣ безуспѣшно. Больной обратился къ д-ру Вардропу, тогда лейбъ-медику, который и прописалъ ему слѣдующее оригинальное леченіе: онъ велѣлъ ежедневно 3 или 4 раза щекотать ладонь парализованной руки перомъ до тѣхъ поръ, пока больной не захохочетъ. Параличъ руки уже былъ настолько выраженъ, что въ ней успѣла развиться рѣзкая атрофія мышцъ, въ особенности плеча. Кромѣ щекотанія ладони и подошвы перомъ, больному прописано было растираніе парализованныхъ конечностей утромъ и вечеромъ сухой здоровой рукой. По прошествіи нѣсколькихъ дней подобнаго леченія больной заявилъ, что парализованная рука его, висѣвшая какъ плеть, оживляется, а по истеченіи мѣсяца больной уже способенъ былъ сжимать кисть руки въ кулакъ и двигать руку какъ въ локтевомъ, такъ и въ плечевомъ сочлененіяхъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, подъ вліяніемъ продолжавшихся постоянно сеансовъ щекотанія дѣло кончилось полнымъ выздоровленіемъ больного. Имя д-ра Вардропа служило ручательствомъ за достовѣрность факта, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу почтенныхъ дѣятелей въ области практической медицины въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія.

Передъ нами, слѣдовательно, фактъ излеченія тяжелаго нервнаго страданія отъ однихъ только повторныхъ сеансовъ щекотанія кожи!

Вопросъ о вліяніи щекотанія на человѣческій организмъ какъ бы напрашивался послѣ этого на изслѣдованіе, и онъ съ особенной тщательностью былъ выясненъ въ послѣднее время г-жей Манассеиной. Плетизмографическія изслѣдованія объема конечностей показали, что подъ вліяніемъ легкаго щекотанія волосяной кисточкой кожи, лица и рукъ, наступаетъ весьма быстро рѣзкое паденіе объема конечностей; по прекращеніи же щекотанія объемъ конечности не только возстановляется, но въ большинствѣ случаевъ увеличивается на нѣкоторое время противу нормы. Эти колебанія объема руки, очевидно, обусловливаются съуженіемъ сосудовъ и послѣдовательнымъ расширеніемъ ихъ вслѣдъ за щекотаніемъ. Что въ основѣ этихъ колебаній объема конечности лежитъ актъ съуженія и послѣдовательнаго расширенія сосудовъ, то это доказывается еще термоэлектрическими изслѣдованіями поверхности кожи, а равно и сфигманометрическими изслѣдованіями давленія крови въ лучевой артеріи.

Въ самомъ дѣлѣ, при щекотаніи температура кожи падаетъ иногда на полградуса и даже на 1° Цельсія, указывая на меньшій притокъ къ ней крови вслѣдствіе съуженія сосудовъ, а боковое давленіе крови повышается вслѣдствіе увеличенныхъ препятствій къ теченію крови по съуженнымъ артеріямъ. Что касается до дѣятельности сердца, то въ большинствѣ случаевъ замѣчалось при щекотаніи легкое учащеніе сердцебіеній съ нѣкоторымъ измѣненіемъ пульсовой волны. Эффекты щекотанія не ограничиваются, однако, измѣненіями въ дѣятельности сосудистаго аппарата, но и отражаются на кожной и мышечной чувствительности, повышая временно ту и другую. Достоинъ особаго вниманія тотъ фактъ, что чѣмъ щекотливѣе бываютъ субъекты, подвергающіеся подобнаго рода опытамъ, тѣмъ рѣзче выступаютъ описанныя здѣсь явленія. Наконецъ, люди вовсе нещекотливые и не даютъ при щекотаніи никакихъ изъ описанныхъ нами явленій.

Замѣчательно, кромѣ того, еще одно обстоятельство, а именно, что болѣе сильныя раздраженія тѣхъ же частей кожи сильнымъ треніемъ, напримѣръ, сукномъ, грубой щеткой и т. д. невызывающія ощущенія щекотки, даютъ или весьма слабый, или вовсе не даютъ никакого аффекта на кровеносной системѣ. Изъ этихъ данныхъ мы уже въ правѣ были бы заключить, что описанныя измѣненія дѣятельности сердца и сосудовъ являются отраженіемъ возникающаго въ насъ *ощущенія щекотки*, а не простымъ рефлексомъ съ чувствующихъ нервовъ кожи на регуляторные центры сердца и сосудовъ. Въ пользу подобнаго толкованія говоритъ

еще, повидимому, слѣдующаго рода обстоятельство: нерѣдко одного уже приближенія кисточки къ лицу безо всякаго прикосновенія къ нему бываетъ уже достаточно, чтобы вызвать явное ускореніе сердцебіеній и уменьшеніе объема конечности; очевидно, что одного ожиданія ощущеній щекотки бываетъ достаточно для вызова указаннаго аффекта.

Къ такому же выводу относительно вліянія щекотанія на кровеносные сосуды человѣка пришелъ еще раньше Эвальдъ Геккеръ, хотя и не путемъ непосредственнаго изслѣдованія сосудистаго механизма, а путемъ умозаключенія. Онъ замѣтилъ, что актъ щекотанія всегда сопровождается видимымъ расширеніемъ зрачка, свидѣтельствующимъ о возбужденномъ состояніи при этомъ симпатическаго нерва; такъ какъ въ симпатическомъ нервѣ заключены, кромѣ того, и нервы, съуживающіе сосуды, то Геккеръ и заключилъ, что одновременно съ расширеніемъ зрачка должно происходить и съуженіе сосудовъ, не констатированное имъ, однако же, экспериментальнымъ путемъ. Это умозаключеніе, какъ мы видѣли, оправдалось на опытѣ; но Геккеръ распространилъ свой выводъ и на сосуды мозга, и въ этомъ отношеніи онъ впалъ въ ошибку, какъ это мы увидимъ ниже.

Опыты г-жи Манассеиной послужили исходной точкой работы г. Истоманова надъ вліяніемъ на кровеносную систему возбужденій различныхъ органовъ чувствъ. Подтвердивъ результаты предъидущаго изслѣдованія, онъ показалъ, что тепловыя ощущенія, вызываемыя возбужденіями кожи различными степенями холода и тепла, отражаются, хотя и въ менѣе сильной формѣ, на функціяхъ сердца и сосудовъ; внезапное возбужденіе холодомъ въ особенности кожи задней поверхности шеи обусловливаетъ очень рѣзкое сокращеніе сосудовъ, сопровождаемое паденіемъ объема конечностей и нѣкоторымъ учащеніемъ сердцебіеній; тогда какъ мѣстныя возбужденія кожи горячей водой, вызывая тотъ же аффектъ на сердцѣ, обусловливаютъ расширеніе кожныхъ сосудовъ съ увеличеніемъ объема конечностей. Сильныя же до боли термическія и механическія возбужденія сопровождаются, какъ и слѣдовало ожидать, замедленіемъ сердцебіеній и расширеніемъ кожныхъ сосудовъ. Въ этихъ опытахъ повторилась та же исторія, что и въ вышеприведенныхъ; а именно, одного приближенія пузыря съ холодной водой, безъ прикасанія его къ тѣлу, бываетъ у нѣкоторыхъ людей достаточно, чтобы вызвать рѣзкое пониженіе объема конечности и стало быть съуженіе кожныхъ сосудовъ. Очевидно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ *тепловыхъ ощущеній* на дѣятельность сердца и сосудовъ.

Что касается до вліянія болевыхъ ощущеній у человѣка, то тутъ, какъ мы видимъ, повторяется то же, что и на животныхъ; Клодъ Бернаръ и др. указали на то, что сильныя раздраженія, хотя бы электрическимъ токомъ, чувствующихъ нервовъ тѣла вызываютъ остановку сердца, могущую причинить въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть животнаго; а Гайденгайнъ показалъ, что при этихъ условіяхъ расширяются кожные сосуды—два обстоятельства, наблюдаемыя и у человѣка при сильныхъ болевыхъ ощущеніяхъ. Боль во всѣхъ случаяхъ, отражаясь на тормазящихъ и задерживающихъ приводахъ сердца и парализируя въ то же время сосуды, является такимъ образомъ условіемъ, во всякомъ случаѣ опаснымъ для организма, и стало быть явленіемъ, отъ котораго вообще слѣдуетъ предохранять человѣческій организмъ. Правда, у различныхъ людей боль отражается въ различной степени на функціяхъ сосудистаго аппарата сообразно съ индивидуальными особенностями каждаго; у однихъ, напримѣръ, хотя къ счастію и рѣдко, боль при вырываніи даже зуба можетъ быть причиной остановки сердца съ смертельнымъ исходомъ; другіе же животные и люди обнаруживаютъ крайнюю выносливость въ этомъ отношеніи.

Въ настоящее время уже имѣются свѣденія касательно вліянія и другихъ ощущеній на кровеносную систему человѣка. Раньше этого Кути и Шарпантье пытались опредѣлить на собакѣ вліяніе раздраженія различныхъ органовъ чувствъ на сердечно-сосудистый аппаратъ этого животнаго. Обстановка опытовъ ихъ заключалась въ слѣдующемъ: животное отравлялось посредствомъ кураре, парализирующаго, какъ извѣстно, окончанія двигательныхъ нервовъ въ мышцахъ, и кромѣ того, поддерживалось у него искусственное дыханіе; вслѣдствіе этого животныя во время опыта находились въ полномъ покоѣ, и соблюденіе этого условія представляется необходимымъ, такъ какъ движенія животнаго могутъ сами по себѣ видоизмѣнять кровообращеніе. Сонная артерія животнаго соединялась съ ртутнымъ манометромъ, который записывалъ какъ пульсовыя волны, такъ и высоту бокового давленія крови. Вкусовыя ощущенія вызывались дѣйствіемъ на языкъ поваренной соли, алоё, и т. д.; обонятельныя ощущенія—дѣйствіемъ на слизистую оболочку носа различныхъ ароматическихъ маселъ, бергамотоваго, лимоннаго и, кромѣ того, вліяніемъ сѣрнистаго водорода; слуховыя ощущенія—дѣйствіемъ на ухо различныхъ шумовъ, свиста, различныхъ криковъ, издаваемыхъ другой же собакой; зрительныя же ощущенія вызывались дѣйствіемъ

на глазъ дневного свѣта или свѣта лампы, ласкающихъ или угрожающихъ жестовъ и т. д.

При этихъ разнообразныхъ формахъ возбужденія органовъ чувствъ упомянутые авторы замѣтили, что сердцебіенія иногда внезапно и сильно ускорялись или, что рѣже, замедлялись (иногда на половину ихъ первоначальной частоты), а боковое давленіе крови увеличивалось или, что случалось рѣже, падало на 60 и 80 миллиметровъ, указывая тѣмъ самымъ на сильное съуженіе или расширеніе сосудовъ. Эти, сердечнососудистые эффекты не представляли ничего постояннаго, такъ какъ одинъ и тотъ же раздражитель даетъ то одинъ, то другой аффектъ, и раздраженія различныхъ органовъ чувствъ отражаются приблизительно одинаково на сердечнососудистомъ аппаратѣ; кромѣ того, авторы не могли уловить никакихъ разницъ между дѣйствіемъ такъназываемыхъ простыхъ ощущеній и такихъ, которыя рѣзко осложнялись душевными движеніями пріятнаго или непріятнаго характера и могли бы по этому быть названы эмотивными. Такъ, угрожающіе жесты или крики радости и боли отражались на сердечнососудистомъ аппаратѣ приблизительно такъ же какъ и разнообразные простые шумы, какъ возбужденіе языка посредствомъ алоё или носа сѣрнистымъ водородомъ.

Непостоянство аффектовъ, вызываемыхъ въ сосудистой сферѣ разнообразными ощущеніями, составляетъ, по мнѣнію этихъ авторовъ, характеристическую особенность, отличающую ихъ отъ тѣхъ болѣе постоянныхъ сосудистыхъ измѣненій, которыя вызываются возбужденіемъ чувствующихъ периферическихъ нервовъ вообще. Измѣненія въ дѣятельности сердца и сосудовъ, вызываемыя разнообразными ощущеніями, совершаются, повидимому, независимо другъ отъ друга; такъ, если перерѣзать блуждающіе нервы, то тѣ или иныя ощущенія уже не отражаются болѣе на сердечной дѣятельности, но продолжаютъ по прежнему дѣйствовать на сосуды.

Обращаю вниманіе еще на одно наблюденіе этихъ ученыхъ, имѣющее для насъ принципіальное значеніе: они разрушали мозговыя полушарія, или одно только корковое вещество ихъ, или вызывали закупорку сосудовъ полушарій мозга впрыскиваніемъ въ нихъ нѣкотораго количества плауноваго порошка, и послѣ этого пробовали возбуждать по прежнему разнообразные органы чувствъ; при этомъ оказалось, что, несмотря на продолжавшіяся, повидимому, нормально кровообращеніе и дыханіе, и на неприкосновенность кровообращенія въ среднихъ частяхъ головного мозга, тѣ же возбужденія органовъ чувствъ уже вовсе не отра-

жались ни на сердцѣ, ни на сосудахъ; тогда какъ возбужденіе какого нибудь периферическаго чувствующаго нерва давало свои обычные результаты. Очевидно, что указанныя возбужденія органовъ чувствъ отражались на сердечно-сосудистомъ аппаратѣ черезъ посредство тѣхъ ощущеній, которыя вызывались ими въ сферѣ корковаго вещества полушарій мозга.

Послѣ этихъ экспериментальныхъ указаній, опыты съ вліяніемъ возбужденія органовъ чувствъ у человѣка пріобрѣтаютъ особый интересъ, такъ какъ мы въ правѣ ожидать, что и у него возбужденія органовъ чувствъ должны будутъ отражаться на сердечнососудистомъ аппаратѣ черезъ посредство вызываемыхъ ими ощущеній. Впрочемъ, въ пользу этой мысли говоритъ еще рядъ другихъ фактовъ, съ которыми мы познакомимся при дальнѣйшемъ изложеніи предмета. Г-нъ Истомановъ пытался прослѣдить на людяхъ, при помощи термоэлектрическаго и плетизмографическаго способа изслѣдованія, вліяніе вкусовыхъ, обонятельныхъ, слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній на дѣятельность кровеносной системы. Для вызова вкусовыхъ ощущеній онъ прибѣгалъ къ раздраженіямъ полости рта и языка различными кислотами въ родѣ лимонной, соляной кислоты, вызывавшими рѣзкое уменьшеніе объема конечности съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ температуры кожи; такой же, но сравнительно болѣе слабый аффектъ, давали горькія вещества въ родѣ хинина. Сладкія же вещества, напротивъ того, всегда обусловливали нѣкоторое увеличеніе объема конечности и согрѣваніе поверхности кожи, указывавшія на расширеніе кровеносныхъ сосудовъ. Поваренная соль не давала какихъ бы то ни было постоянныхъ результатовъ. Изъ опытовъ въ этомъ направленіи оказалось, что ощущеніе кислаго, вызываемое лимонной кислотой, давало наиболѣе рѣзкій аффектъ съуженія сосудовъ съ соотвѣтствующимъ паденіемъ объема конечностей. Нерѣдко одного приближенія ко рту уже извѣстной субъекту лимонной кислоты или показыванія ему куска лимона было достаточно, чтобы вызвать ясное съуженіе сосудовъ конечностей. Что касается до вліянія на сердцебіенія вкусовыхъ ощущеній, то опытъ показалъ, что большинство ихъ вызываетъ нѣкоторое учащеніе сердечныхъ сокращеній. Во всякомъ случаѣ вліяніе вкусовыхъ ощущеній сказывается гораздо рѣзче на игрѣ кровеносныхъ сосудовъ, нежели на работѣ сердца.

Обонятельныя ощущенія, вызываемыя съ одной стороны вдыханіями черезъ носъ уксусной кислоты, аммiака, сѣрнистаго аммонія и запаха гніющихъ веществъ, а съ другой — вдыханіями пріятно пахнущихъ веществъ въ родѣ розоваго масла или масла

геліотропа и др., также отражаются на объемѣ конечностей, при чемъ выяснилась въ общемъ слѣдующаго рода правильность: *непріятныя* обонятельныя ощущенія вызываютъ уменьшеніе объема конечностей съ соотвѣтствующимъ съуженіемъ сосудовъ, тогда какъ *пріятныя* ощущенія сопровождаются, напротивъ того, увеличеніемъ объема конечностей и стало быть расширеніемъ ихъ сосудовъ. Термоэлектрическія изслѣдованія поверхности кожи привели къ тому же результату: непріятные запахи вызывали охлажденіе кожи, пріятные же, напротивъ того, согрѣваніе ея. Не можемъ не указать по этому поводу на нѣкоторую аналогію обонятельныхъ ощущеній съ вкусовыми, среди которыхъ одни только сладкія, пріятныя вкусовыя вещества вызываютъ расширеніе сосудовъ. Это расширеніе сосудовъ, сопровождающееся нѣкоторымъ согрѣваніемъ кожи, быть можетъ, является однимъ изъ факторовъ, обусловливающихъ субъективное чувство извѣстной теплоты и благосостоянія, какъ бы разливающихся по всему тѣлу, когда мы подвергаемся дѣйствію пріятныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній.

Что же касается до вліянія обонятельныхъ ощущеній на сердечную дѣятельность, то въ этомъ отношеніи нельзя сказать къ сожалѣнію ничего опредѣленнаго.

Естественно предположить послѣ этого, что и слуховыя ощущенія отражаются такъ или иначе на функціяхъ органовъ кровообращенія. Зная то громадное впечатлѣніе, которое производитъ музыка на человѣческій организмъ, едва ли кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что разнообразнѣйшія музыкальныя сочетанія звуковыхъ волнъ, дѣйствующія на наше ухо, оказываютъ черезъ посредство слухового нерва опредѣленное дѣйствіе на нашъ мозгъ, а черезъ него и на функціи остальныхъ органовъ тѣла. Несмотря, однако, на то, что уже Аристотель и Платонъ видѣли въ музыкѣ одно изъ наиболѣе важныхъ и необходимыхъ средствъ человѣческаго воспитанія и развитія, а Пиѳагоръ признавалъ ее полезной даже при леченіи разнообразныхъ болѣзней, вопросъ о дѣйствіи слуховыхъ впечатлѣній на функціи различныхъ органовъ тѣла, несмотря на всю важность свою, оставался до самаго послѣдняго времени совершенно не разработаннымъ. Догель первый взялся за выясненіе вліянія, оказываемаго звуковыми впечатлѣніями и музыкой вообще на органы кровообращенія у человѣка. Онъ производилъ плетизмографическія наблюденія надъ человѣкомъ, передъ ушами котораго раздавались звуки то камертона (съ резонантными ящиками), приводившагося въ колебаніе смычкомъ, то звуки скрипки, кларнета, флейты или

трубы, издававшихъ или отдѣльные тоны, или цѣлыя музыкальныя мелодіи. Рядомъ съ опытами надъ людьми имъ произведены были и опыты на животныхъ (собаки, кошки и кролики), у которыхъ онъ слѣдилъ за колебаніями бокового давленія крови подъ вліяніемъ разнообразныхъ звуковыхъ впечатлѣній.

Изслѣдованія Догеля показали, что число сердцебіеній, подъ вліяніемъ разнообразныхъ звуковыхъ впечатлѣній, болѣе или менѣе измѣняется, и въ большинствѣ случаевъ въ сторону ихъ ускоренія; это ускореніе у животныхъ, сообразно съ индивидуальными особенностями ихъ, колеблется между 6 и 50 ударами въ минуту, у человѣка же сердцебіенія учащаются обыкновенно на 6 приблизительно ударовъ въ минуту. Иногда можно бываетъ видѣть, что число сердцебіеній остается безъ измѣненія, за то въ этихъ случаяхъ вліяніе звуковыхъ впечатлѣній сказывается рѣзкимъ усиленіемъ каждаго сердцебіенія въ отдѣльности. Кролики реагируютъ вообще сильнѣе на звуковыя впечатлѣнія нежели собаки, но между послѣдними особенно чувствительными оказываются субъекты изъ породы пинчеровъ, представляющіе также рѣзкія индивидуальныя разницы.

Что касается сосудовъ, то они въ большинствѣ случаевъ при дѣйствіи звуковыхъ впечатлѣній рѣзко сокращаются у животныхъ и въ гораздо меньшей степени у человѣка. У первыхъ аффектъ этотъ выражается рѣзкимъ повышеніемъ бокового давленія крови (въ особенности у кролика), у второго же слабымъ уменьшеніемъ объема конечностей, которое, впрочемъ, обнаруживалось не всегда. Изъ опытовъ надъ человѣкомъ оказалось, что различные простые тоны отражаются не одинаково на органахъ кровообращенія; такъ тоны каммертона Mi_3, Sol_3 дѣйствуютъ слабѣе тоновъ Mi_4, Sol_4, и чѣмъ сильнѣе звукъ, тѣмъ рѣзче получаемый аффектъ. Можно сказать вообще, что измѣненія въ кровообращеніи находятся въ зависимости не только отъ высоты тона и силы его, но и отъ того, что можно было бы назвать звуковымъ оттѣнкомъ или тембромъ самаго звука. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи на человѣка дѣйствуютъ, повидимому, сильнѣе всего, при всѣхъ равныхъ остальныхъ условіяхъ, звуки флейты и кларнета, хотя этого, конечно, нельзя считать за общее правило.

Особенно интересной намъ кажется въ этихъ опытахъ роль національности, поскольку она сказывается пониманіемъ однихъ музыкальныхъ мотивовъ или пѣсенъ и полнымъ индифферентизмомъ къ другимъ. Если производить плетизмографическія наблюденія, напр., надъ татариномъ и разыгрывать передъ нимъ разнообразныя музыкальныя пьесы, то первыя рѣзкія измѣненія въ

сферѣ кровообращенія наступаютъ при звукахъ родной ему татарской мелодіи. Это наблюденіе Догеля представляется на нашъ взглядъ крайне интереснымъ, такъ какъ оно доказываетъ воочію что измѣненія въ кровообращеніи, вызываемыя дѣйствіемъ звуковъ на наше ухо, являются не простымъ аффектомъ рефлекторнаго возбужденія съ уха сосудодвигательныхъ центровъ продолговатаго мозга, но сложнымъ аффектомъ вліянія на регуляторные механизмы сердца и сосудовъ тѣхъ слуховыхъ ощущеній или представленій, которыя возникаютъ въ коркѣ мозговыхъ полушарій подъ вліяніемъ возбужденія нашего слухового аппарата. Чѣмъ больше затрогиваетъ насъ та или иная музыкальная мелодія, тѣмъ рѣзче отражается она на дѣятельности сердца и сосудовъ, тѣмъ чаще начинаетъ биться сердце и тѣмъ рѣзче сокращаются кожные сосуды; это послѣднее явленіе въ высшихъ степеняхъ своего развитія можетъ отчасти служить реальной причиной того субъективнаго ощущенія, которое выражается на обыкновенномъ языкѣ словами: «*морозъ пробѣгаетъ по кожѣ*», и возникающаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мы глубоко бываемъ потрясены звуками раздающейся передъ нами музыки.

Субъективное ощущеніе «мороза, пробѣгающаго по кожѣ» должно быть, однако, признано явленіемъ болѣе сложнаго происхожденія, такъ какъ оно сопровождается не только сокращеніемъ кожныхъ сосудовъ, но и сокращеніемъ мелкихъ кожныхъ мышцъ волосяныхъ луковицъ, вызывающимъ появленіе такъ-называемой гусиной кожи. Оба эти акта, т.-е. сокращеніе кожныхъ сосудовъ и сокращеніе мышцъ волосяныхъ луковицъ, представляются близко ассоціированными и имѣютъ свой корень въ законахъ эволюціи животныхъ формъ, такъ какъ локализація этого ощущенія у человѣка въ мѣстахъ кожи спины, волосистой части головы, наружной поверхности бедеръ и рукъ, совпадаетъ съ тѣми мѣстами кожи, на которыхъ животныя по преимуществу поднимаютъ свою шерсть въ случаяхъ дѣйствія на нихъ холода или сильно волнующихъ ихъ аффектовъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ фактомъ, доказывающимъ, подобно многимъ другимъ, единство органическаго міра. Человѣкъ не можетъ «щетиниться», не можетъ приподнимать волосъ на спинѣ и другихъ мѣстахъ тѣла, за исключеніемъ иногда головы; но явленія, лежащія въ основѣ этого движенія, т.-е. сокращеніе периферическихъ сосудовъ и сокращеніе мышцъ волосяныхъ луковицъ, наблюдаются и у него какъ подъ вліяніемъ различныхъ аффектовъ, такъ и ощущеній самаго разнообразнаго характера. Такъ какъ сокращеніе кожныхъ сосудовъ и сокращеніе мышцъ волосяныхъ луковицъ

представляютъ обычную реакцію животныхъ и человѣка на дѣйствующій на него холодъ, то сокращеніе кожныхъ сосудовъ съ сопровождающей его гусиной кожей, отъ какой бы причины эти явленія ни зависѣли, мы связываемъ, обратно по законамъ ассоціацій, съ ощущеніемъ холода, съ чувствомъ «мороза пробѣгающаго по кожѣ». О томъ, насколько сильна бываетъ эта ассоціація, можно судить по тому, что нѣкоторые нервные субъекты съ сильно развитымъ воображеніемъ бываютъ способны вызывать на себѣ гусиную кожу однимъ только *представленіемъ* о холодѣ и совершенно независимо отъ температуры, окружающей ихъ среды. Такой примѣръ приводится, между прочимъ, проф. Сѣченовымъ, и мнѣ лично привелось встрѣтить одну нервную женщину, весьма отчетливо воспроизводившую это явленіе. Вотъ, какъ намъ кажется, источникъ возникновенія этого крайне страннаго и всѣмъ извѣстнаго чувства холода, пробѣгающаго по кожѣ и вызываемаго въ насъ вообще дѣйствіемъ сильныхъ аффектовъ и ощущеній.

Чѣмъ внезапнѣе и неожиданнѣе поражаетъ наше ухо звукъ, тѣмъ сильнѣе отражается онъ на функціяхъ нашихъ органовъ и, между прочимъ, на кровообращеніи. Кому неизвѣстны, напримѣръ тѣ непріятныя ощущенія рѣзкаго учащенія и усиленія сердцебіеній съ одновременно пробѣгающей по кожѣ холодной дрожью, которыя возникаютъ въ насъ при внезапно раздающемся возлѣ трескѣ, среди глубокой тишины. Наоборотъ, при многократномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же звуковъ или мелодій, мы, какъ говорится, къ нимъ притупляемся, и тогда, какъ показываетъ плетизмографъ, они перестаютъ дѣйствовать на сердце и на сосуды — организмъ нашъ относится къ нимъ болѣе или менѣе индифферентно.

Опыты г. Истоманова надъ вліяніемъ слуховыхъ ощущеній на кровообращеніе подтвердили только-что описанные результаты, такъ какъ у него сильные шумы, а равно и музыкальные тоны въ большинствѣ случаевъ обусловливали учащеніе сердцебіеній съ одновременнымъ уменьшеніемъ, хотя и слабымъ, объема органовъ, т. е. сокращеніемъ сосудовъ конечностей. Для демонстраціи этихъ вліяній можно прибѣгнуть къ внезапному выстрѣлу изъ игрушечнаго пистолета или къ внезапному звону электрическаго колокольчика, помѣщеннаго передъ ухомъ изслѣдуемаго субъекта.

Въ общемъ мы видимъ такимъ образомъ, что музыка, учащая сердцебіенія и сокращая сосуды нашего тѣла, способствуетъ явленіямъ кровообращенія и стало быть является средствомъ, весьма

благотворнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится повысить замедленныя или почему бы то ни было ослабленныя функціи органовъ кровообращенія. Музыка является съ этой точки зрѣнія въ нѣкоторомъ смыслѣ полезной гимнастикой для нашей сосудистой системы, правильныя отправленія которой необходимы для нормальнаго теченія жизненныхъ явленій какъ въ мозгу нашемъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ органахъ нашего тѣла.

Намъ оставалось бы разобрать теперь, какъ отражаются свѣтовыя впечатлѣнія у человѣка на дѣятельности органовъ кровообращенія. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи можно сказать лишь очень немногое, такъ какъ вопросъ этотъ крайне мало разработанъ. Изъ цитированныхъ выше опытовъ Кути и Шарпантье надъ животными очевидно слѣдуетъ, что свѣтовыя ощущенія отражаются на органахъ кровообращенія учащеніемъ сердцебіеній и въ большинствѣ случаевъ сокращеніемъ сосудовъ. Детальной разработки этого вопроса на человѣкѣ пока еще не существуетъ, и на основаніи нѣсколькихъ опытовъ г. Истоманова можно лишь съ вѣроятностью заключить, что всякій переходъ отъ темноты къ свѣту и обратно отъ свѣта къ темнотѣ вызываетъ въ большинствѣ случаевъ уменьшеніе, хотя и незначительное, объема конечностей, свидѣтельствующее о сокращеніи при этомъ сосудовъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если передъ субъектомъ, находящимся нѣкоторое время въ темнотѣ и рука котораго находится въ плетизмографѣ, внезапно зажечь спичку, или газовые рожки, или электрическую лампу, или освѣтить, напримѣръ, сразу обширную аудиторію, — во всѣхъ случаяхъ наблюдается довольно рѣзкое паденіе объема руки (съуженіе сосудовъ), которое держится нѣкоторое время и постепенно уступаетъ мѣсто послѣдующему увеличенію ея объема по мѣрѣ притупленія глазъ къ свѣту. Когда сосуды руки при свѣтѣ возвратились къ нормѣ, стоитъ только внезапно устранить его, какъ объемъ руки вновь рѣзко падаетъ и съ такой же постепенностью возстановляется.

Не слѣдуетъ удивляться тому обстоятельству, что рѣзкій переходъ отъ свѣта къ тьмѣ, т.-е. другими словами, что актъ исключенія свѣтового раздраженія обусловливаетъ то же сокращеніе сосудовъ. Дѣло въ томъ, что всѣ нервные элементы, т.-е. центры и волокна подчиняются слѣдующему общему закону: они возбуждаются всякими рѣзкими колебаніями въ силѣ раздражителя, будетъ ли то свѣтъ, звукъ и тому подобное, поэтому всякія перерывистыя возбужденія нашихъ органовъ, чувствъ являются самыми сильными раздражителями нервныхъ элементовъ. Глазъ

къ тому же является органомъ, крайне чуткимъ къ внезапнымъ переходамъ отъ свѣта къ тьмѣ и обратно, и поэтому естественно, что періодически повторяющіяся затемнѣнія и освѣщенія сопровождаются съуженіемъ сосудовъ конечностей, благодаря внезапной при этомъ смѣнѣ свѣтовыхъ ощущеній. Дѣло, однако, не ограничивается только этимъ, такъ какъ вызовъ свѣтовыхъ ощущеній отражается отчасти и на сердцѣ, обусловливая нѣкоторое, хотя и слабое учащеніе его біеній. Изъ наблюденій г. Годнева оказалось, что сердце человѣка при свѣтѣ бьется чаще (на 80 сердцебіеній въ теченіе получасового промежутка), чѣмъ въ темнотѣ при совершенно равныхъ остальныхъ условіяхъ.

Итакъ, до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ точныхъ наблюденій и опытовъ относительно вліянія различныхъ свѣтовыхъ ощущеній на дѣятельность сердца и сосудовъ; на основаніи, однако, того, что различные свѣтовые лучи вліяютъ неодинаково на общій обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи, весьма, вѣроятно, что они отражаются неодинаково и на дѣятельности сердца и сосудовъ. Въ пользу той же мысли говорятъ, повидимому, и наблюденія Понза, который замѣтилъ, что душевное настроеніе меланхоликовъ рѣзко и быстро улучшается послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ комнатѣ съ краснымъ освѣщеніемъ, тогда какъ состояніе маніаковъ, буйныхъ душевно-больныхъ, замѣтно улучшается подъ вліяніемъ голубого или фіолетоваго освѣщенія. Точное выясненіе роли свѣтовыхъ ощущеній въ явленіяхъ кровообращенія принадлежитъ будущему; пока же мы въ правѣ только утверждать, что свѣтовыя ощущенія, возникающія въ насъ вслѣдствіе дѣйствія на нашъ глазъ даже просто свѣтового луча, не пропадаютъ безслѣдно для органовъ кровообращенія, а вызываютъ ускореніе сердцебіеній съ одновременнымъ усиленіемъ сокращенія периферическихъ сосудовъ.

Если простой бѣлый лучъ свѣта, дѣйствующій на глазъ, можетъ такъ отражаться на дѣятельности органовъ кровообращенія, то насколько же сильнѣе должна отражаться на нихъ вся та богатая и гармоническая игра цвѣтовъ и красокъ, которую столь совершенно воспроизводитъ современная живопись въ своихъ твореніяхъ? Яркая игра красокъ различныхъ художественныхъ произведеній, воспроизводящая тѣ или другія явленія природы, можетъ и должна отражаться на явленіяхъ кровообращенія не только тѣмъ, что ею вызывается рядъ разнообразныхъ свѣтовыхъ ощущеній, но и тѣмъ, что ею возбуждаются въ насъ тѣ или другіе чувства, аффекты или идеи, теченіе которыхъ сильно

отражается на сердцѣ и на сосудахъ, какъ это мы уже видѣли раньше и въ чемъ убѣдимся еще ниже.

Между вліяніемъ музыки и живописи существуютъ въ этомъ отношеніи большая аналогія. Колебанія свѣтового эфира по отношенію къ органамъ кровообращенія играютъ въ общемъ ту же роль, что и воздушныя звуковыя волны, а гармоническія сочетанія цвѣтовъ то же — что и звуковыя мелодіи. Это близкое сродство двухъ главныхъ представительницъ современнаго искусства, т.-е. музыки и живописи, подтверждается сверхъ того еще нѣкоторыми рѣдкими наблюденіями надъ людьми, у которыхъ воспріятіе извѣстныхъ музыкальныхъ звуковъ сопровождалось постоянно цвѣтовыми ощущеніями. Брюлль, напримѣръ, наблюдалъ двухъ братьевъ Нуссбаумеръ, у которыхъ каждый музыкальный тонъ вызывалъ опредѣленныя цвѣтовыя ощущенія. Эти послѣднія до такой степени сильно осложняли у нихъ слуховыя ощущенія, что эти молодые люди не въ состояніи были посѣщать концертовъ, такъ какъ вмѣстѣ съ музыкальными тонами у нихъ возникали ощущенія стольких красокъ, что это приводило ихъ въ сильное раздраженіе. Аналогичныя наблюденія приводятся докторами Пэдроно и Барату. Если музыкальныя мелодіи способны въ иныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ вызывать рядъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовыхъ ощущеній, то мысль о томъ, что и разнообразныя зрительныя цвѣтовыя впечатлѣнія могутъ сопровождаться въ свою очередь рядомъ звуковыхъ ощущеній, представляется невѣроятной.

Для субъектовъ какъ этого, такъ и предъидущаго типа, слѣдовало бы только допустить существованіе близкой межцентральной связи между центрами слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній, расположенными въ сѣрой коркѣ мозговыхъ полушарій; въ такомъ случаѣ возбужденіе звуковыхъ центровъ звуками могло бы распространиться по межцентральнымъ связующимъ волокнамъ до зрительныхъ центровъ и сопровождаться свѣтовыми ощущеніями и обратно. Поэтому извѣстная попытка Кастеля, о которой упоминаетъ знаменитый энциклопедистъ Дидро, а именно, попытка разыгрывать сонаты путемъ перелива цвѣтовъ, намъ кажется, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ людей не лишенной смысла. При помощи особаго сложнаго аппарата съ клавишами Кастель вызывалъ самую разнообразную игру цвѣтовъ на громадномъ вѣерѣ, и это-то составляло суть дававшихся имъ беззвучныхъ зрительныхъ концертовъ. Дидеро, между прочимъ, упоминаетъ, что такой концертъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на одного глухонѣмого, который высказалъ, что каждый цвѣтъ въ

этомъ переливѣ цвѣтовъ производитъ на него впечатлѣніе какъ бы буквы въ азбукѣ, и что комбинаціей этихъ цвѣтовъ воспроизводится какъ бы цѣлый разговоръ. Не будучи знакомъ съ природой слуховыхъ ощущеній, онъ только послѣ зрительныхъ концертовъ Кастеля понялъ, что и музыка со всѣми ея музыкальными инструментами служитъ лишь своеобразнымъ способомъ сообщенія своихъ мыслей.

Всѣ эти факты и соображенія весьма склоняютъ къ той мысли, что между вліяніемъ звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній на организмъ должна существовать большая аналогія.

Покончивъ съ вопросомъ о вліяніи разнообразнѣйшихъ ощущеній на функціи органовъ кровообращенія, намъ слѣдуетъ теперь заняться выясненіемъ того—не отражается ли такъ или иначе на явленіяхъ кровообращенія и другая болѣе сложная форма психической дѣятельности,—я разумѣю тутъ актъ *мышленія*.

Выясненіемъ этого вопроса наука всецѣло обязана строго научнымъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ итальянскаго ученаго Моссо. Помѣстивъ руку экспериментируемаго субъекта въ плетизмографъ, онъ записывалъ колебанія объема ея на закопченной бумагѣ вертящагося въ горизонтальной плоскости цилиндра; на ней отчетливо записывались пульсовыя волны и всякія другія возможныя колебанія объема руки. Во время подобнаго опыта онъ задавалъ субъекту, находившемуся подъ опытомъ, задачу помноженія, напр., 8 на 17. Во время рѣшенія въ умѣ этой задачи, при полномъ внѣшнемъ покоѣ субъекта, наблюдались постоянно рѣзкія измѣненія въ формѣ пульса, который становился ниже и на немъ рѣзче выдѣлялись вторичныя волны; кромѣ того, пульсъ весьма ясно учащался, указывая на ускореніе сердцебіеній, а общій объемъ руки становился меньше вслѣдствіе сокращенія сосудовъ. Аффектъ этотъ исчезалъ постепенно вслѣдъ за рѣшеніемъ заданной задачи.

Чѣмъ труднѣе была послѣдняя, чѣмъ большаго напряженія ума требовалось для ея рѣшенія, тѣмъ рѣзче оказывались указанныя измѣненія какъ въ формѣ пульса, такъ и въ объемѣ руки, и тѣмъ дольше длились они. Аналогичныя явленія по отношенію къ пульсу наблюдалъ еще раньше Вольфъ на душевно-больныхъ при возбужденіи въ нихъ мозговой дѣятельности. Тангофферъ съ своей стороны, наблюдая за пульсомъ при посредствѣ спеціально измѣненнаго имъ сфигмографа, тоже пришелъ къ заключенію, что умственная работа имѣетъ несом-

нѣнно опредѣленное вліяніе на характеръ пульса, но что аффектъ этотъ осложняется еще измѣненіями, зависящими отъ одновременнаго измѣненія дыхательныхъ движеній, рѣзко отражающихся, какъ извѣстно, на пульсѣ. Легко убѣдиться, однако, въ незначительности или полномъ отсутствіи этихъ косвенныхъ вліяній на пульсъ со стороны дыхательныхъ движеній, въ особенности когда рѣчь идетъ объ работѣ, не требующей особеннаго напряженія мысли, какъ это наблюдается при рѣшеніи въ умѣ легкихъ ариѳметическихъ задачъ. Поэтому описанныя Моссо измѣненія пульса при мышленіи должны быть если не всецѣло, то главнымъ образомъ приписаны прямому вліянію умственной работы на дѣятельность органовъ кровообращенія.

Всякій переходъ отъ глубокаго покоя къ мозговой работѣ, къ мышленію, сопровождается такимъ образомъ измѣненіемъ пульса и діаметра сосудовъ. Первый учащается, но сердцебіенія не только учащаются, но и усиливаются, сосуды же съуживаются и измѣняютъ какъ форму пульсовой волны, такъ и уменьшаютъ объемъ конечности. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и такая съ виду безстрастная психическая работа, какъ рѣшеніе какой-нибудь ариѳметической задачи, рѣзко отражается на функціяхъ органовъ кровообращенія и въ общемъ приблизительно такъ же какъ и большинство изъ остальныхъ уже разобранныхъ нами формъ психической дѣятельности, т.-е. аффекты, чувства и ощущенія. Каковъ смыслъ этихъ измѣненій въ сосудистой сферѣ при разнообразнѣйшихъ формахъ мозговой дѣятельности, въ чемъ ихъ цѣлесообразность и назначеніе, о томъ мы узнаемъ ниже, когда рѣчь зайдетъ объ измѣненіяхъ кровообращенія въ сферѣ головного мозга при различныхъ его состояніяхъ.

Мы видѣли до сихъ поръ, что разнообразнѣйшія чувства и аффекты, ощущенія, представленія и мышленіе отражаются помимо нашей воли на функціяхъ сердца и сосудовъ. Естественно задаться теперь вопросомъ о томъ, можетъ ли воля сама по себѣ, т.-е. самъ волевой импульсъ измѣнять по желанію работу сердца и сосудовъ? Можетъ ли она, другими словами, замедлять и ослаблять или ускорять и усиливать сердцебіенія и вызывать сокращеніе или расширеніе сосудовъ?

Опытъ вседневной жизни рѣшаетъ этотъ вопросъ, повидимому, отрицательно. Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ люди оказываются безсильными по волѣ измѣнять характеръ и частоту своихъ сердцебіеній, а равно и просвѣтъ своихъ кровеносныхъ сосудовъ, не прибѣгая при этомъ къ вызову въ своемъ воображеніи такихъ ощущеній или представленій, которыя бы затроги-

вали ихъ чувство. Выше мы уже имѣли случай указать на одного больного, которому стоило только представить себѣ свое горестное положеніе, какъ сердце тотчасъ же замедляло свои біенія, и послѣднія дѣлались крайне неправильными. Мыслимы, конечно, и обратные случаи ускоренія сердцебіеній при произвольномъ вызовѣ въ воображеніи какихъ-нибудь пріятныхъ чувствъ или аффектовъ. Такіе случаи являются, однако, вовсе недоказательными для вопроса о непосредственномъ вліяніи воли на сердце, такъ какъ въ нихъ воля дѣйствуетъ не прямо на сердце, а косвенно чрезъ вызываемыя ею тѣ или другія чувства или аффекты, которые уже, съ своей стороны, измѣняютъ дѣятельность этого органа. Сказанное о сердцѣ относится, конечно, и къ сосудамъ; трудно, конечно, себѣ представить человѣка, который бы способенъ былъ по желанію сокращать или расширять свои артеріи; но въ то же время кому неизвѣстно, что многіе могутъ по желанію краснѣть или блѣднѣть, смотря потому вызываютъ ли они въ себѣ какія-нибудь радостныя или горестныя воспоминанія; этой способностью управлять сосудами, особенно лица, отличаются нерѣдко многіе выдающіеся актеры, которые до такой степени способны входить въ роль, что переживаютъ на самомъ дѣлѣ всѣ чувства, мысли и стремленія изображаемыхъ ими лицъ.

Какъ ни трудно, однако, себѣ представить, чтобы сердце или сосуды повиновались волѣ, подобно любой мышцѣ нашего скелета, тѣмъ не менѣе въ медицинской литературѣ цитируются случаи, указывающіе, повидимому, на возможность подобнаго рода факта. Такъ, Бель могъ прямо по желанію въ значительной степени замедлять біенія своего сердца. Одинъ хорошо извѣстный американскій физіологъ обладалъ даже способностью останавливать вполнѣ свои сердцебіенія, и въ обоихъ случахъ аффектъ достигался безъ малѣйшаго наружнаго нажатія на блуждающій нервъ, т.-е. безъ той манипуляціи, при помощи которой Чермакъ могъ замедлять и останавливать біенія своего сердца. Наконецъ, въ литературѣ упоминается объ одномъ англійскомъ полковникѣ Таунсендѣ, какъ о субъектѣ, произвольно вызывавшемъ остановку своего сердца и настолько продолжительную, что онъ впадалъ отъ нея въ обморочное состояніе; тѣло его во время подобнаго опыта холодѣло, какъ бы окоченѣвало, глаза дѣлались неподвижными, и сознаніе подъ конецъ совершенно исчезало; послѣ нѣсколькихъ часовъ такого состоянія онъ вновь постепенно приходилъ въ себя; долгое время подобные сеансы сходили для

него благополучно, но однажды, произведя при многихъ свидѣтеляхъ опытъ подобнаго рода, онъ скончался вечеромъ того же дня.

Рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о возможности у человѣка произвольнаго замедленія и даже остановки сердцебіеній, въ литературѣ приводятся случаи, указывающіе, повидимому, и на возможность произвольнаго ускоренія сердцебіеній. Тьюкъ, напримѣръ, упоминаетъ объ одномъ старикѣ, членѣ лондонскаго королевскаго общества, который доказалъ ему на опытѣ свою способность ускорять по желанію свои сердцебіенія на 10 или 20 ударовъ въ минуту. Мною описанъ былъ г. Саломе (въ то время студентъ-медикъ, нынѣ врачъ), обладающій въ рѣзкой степени способностью произвольнаго ускоренія сердцебіенія, на 30—35 ударовъ въ минуту.

Ко всѣмъ этимъ случаямъ, съ виду, произвольнаго ускоренія или замедленія сердцебіеній слѣдуетъ, однако, относиться съ извѣстной осторожностью съ тѣхъ поръ, какъ Веберъ доказалъ, что произвольное измѣненіе ритма дыхательныхъ движеній прямо отражается на числѣ сердцебіеній: рѣдкое, прерываемое глубокими вздохами, дыханіе, измѣняя съ одной стороны условія внутри грудного давленія, а съ другой—способствуя накопленію угольной кислоты, раздражающей, какъ извѣстно, сердечнозадерживающіе центры въ продолговатомъ мозгу, влечетъ за собою рѣзкое замедленіе сердцебіеній; тогда какъ частое поверхностное дыханіе ведетъ къ противуположному результату. Веберъ показалъ на самомъ себѣ, что останавливая дыханіе на вздохѣ и сокращая затѣмъ энергично мышцы грудной стѣнки при закрытой голосовой щели (т.-е. при затрудненномъ выдохѣ), можно вызвать полную остановку сердца съ послѣдующимъ глубокимъ обморокомъ. Веберъ полагаетъ, что Таунсендъ вызывалъ остановку сердцебіеній именно только-что указаннымъ путемъ. Дондерсъ провѣрилъ на многихъ людяхъ факты, указанные Веберомъ, и получилъ при указанныхъ условіяхъ исчезновеніе пульса, сердечнаго толчка и сердечныхъ тоновъ.

Такимъ образомъ, для точной оцѣнки того, насколько тотъ или другой случай съ виду произвольнаго ускоренія или замедленія сердцебіеній представляетъ настоящій примѣръ непосредственнаго дѣйствія воли на сердце, слѣдуетъ прежде всего весьма тщательно опредѣлить, не участвуютъ ли въ произведеніи съ виду волевого ускоренія сердцебіеній какіе-нибудь побочные моменты, несомнѣнно вліяющіе на дѣятельность сердца, каковы, напримѣръ, вызываемыя по произволу извѣстныя идеи или чувства, измѣненный ритмъ дыханія и мышечныя движенія вообще. Такого анализа

не было примѣнено ни къ единому изъ извѣстныхъ въ литературѣ случаевъ свиду произвольной регуляціи сердцебіеній, и поэтому они для разбираемаго нами вопроса не имѣютъ доказательной силы; только встрѣтившійся мнѣ въ лицѣ г. Саломе случай произвольнаго ускоренія сердцебіеній былъ изслѣдованъ съ достаточной подробностью. Пульсъ его при помощи надлежащаго аппарата точно записывался на закопченной бумагѣ равномѣрно вертящагося барабана; рядомъ съ этимъ записывались на той же бумагѣ и дыхательныя движенія его и колебанія объема его ноги, помѣщенной въ плетизмографъ. Начало волевого импульса къ учащенію сердцебіеній и все время его дѣйствія отмѣчалось на барабанѣ значками электрическаго сигнала; субъектъ вовсе время опыта лежалъ въ полномъ покоѣ, не производя ни малѣйшихъ мышечныхъ движеній; при волевомъ импульсѣ къ ускоренію сердцебіеній онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ идеямъ или представленіямъ, которыя бы могли пробудить въ немъ тѣ или другія чувства или аффекты, и лишь слегка сосредоточивъ вниманіе на сердцѣ, прямо производилъ волевое усиліе къ учащенію сердцебіеній, аналогичное по своему характеру съ тѣмъ, какое чувствуетъ обыкновенно каждый изъ насъ при произвольномъ сокращеніи любой группы мышцъ въ тѣлѣ. Важно отмѣтить, что одного только сосредоточиванія вниманія на сердцѣ было недостаточно для ускоренія его біеній, и что для полученія послѣдняго необходимо было пускать всякій разъ въ ходъ еще и волевое усиліе къ учащенію сердцебіеній. При подобной внѣшней и внутренней, т.-е. субъективной обстановкѣ опыта, оказалось, что по желанію субъекта наступало рѣзкое учащеніе сердцебіеній, безъ какихъ бы то ни было значительныхъ измѣненій въ характерѣ и ритмѣ дыхательныхъ движеній или какихъ бы то ни было сокращеній другихъ мышцъ скелета. Одновременно съ волевымъ ускореніемъ сердцебіеній (на 35 или 40 ударовъ въ минуту) наблюдалось незначительное уменьшеніе объема конечностей, указывавшее на сокращеніе ихъ сосудовъ. Ускореніе сердцебіеній, наступавшее вслѣдъ за волевымъ импульсомъ къ учащенію сердцебіеній, росло постепенно, достигало черезъ 20 приблизительно секундъ своего максимума, и по прекращеніи этого волевого усилія столь же постепенно исчезало; характеръ этого ускоренія сердцебіеній напоминалъ совершенно тотъ, который получается у животныхъ при непосредственномъ раздраженіи ускорительныхъ центровъ сердца.

Очевидно, что описываемый нами случай является примѣромъ прямого дѣйствія воли на ускорительные центры сердца, зало-

женные въ продолговатомъ мозгу, и его легче всего объяснить себѣ тѣмъ, что у нѣкоторыхъ людей центры воли бываютъ интимнѣе связаны съ сердечно-ускорительными центрами, и притомъ связь эта оказывается болѣе проходимой для волевыхъ импульсовъ, нежели у остального громаднаго большинства людей.

Во время наблюденій надъ этимъ рѣдкимъ ускорителемъ сердцебіеній выяснился слѣдующій любопытный фактъ: по мѣрѣ повторенія другъ за другомъ волевыхъ усилій къ учащенію сердцебіеній, получаемые аффекты ускоренія выражались все слабѣе и слабѣе, и, наконецъ, наступалъ такой моментъ, когда, при всемъ желаніи субъекта, сердце оставалось какъ бы глухимъ къ возбужденіямъ воли. Субъектъ заявлялъ обыкновенно при этомъ, что онъ совершенно утомленъ, и при томъ такъ, какъ бываютъ утомлены вообще послѣ совершенія трудной мышечной работы.

Вліяніе воли на сердечную работу у нашего ускорителя сердцебіеній было настолько велико, что профессору Боткину удалось опредѣлить у него, во время волевого учащенія сердцебіеній, даже увеличеніе поперечнаго діаметра сердца, ослабленіе сердечнаго толчка и рѣзкое измѣненіе характера самого пульса. Весьма характеристической чертой являлась у этого же ускорителя сердцебіеній способность его къ произвольному сокращенію такихъ мышечныхъ группъ, которыя у большинства людей не подчиняются дѣйствію воли; такъ, онъ могъ двигать ушами, сгибать по произволу любую третью фалангу ручныхъ пальцевъ, сокращать изолированно разныя мышечныя группы бедеръ и т. д.; подчиненіе и мышцъ сердца импульсомъ воли является у него поэтому какъ бы частнымъ случаемъ только-что указанной особенности его нервно-мышечной организаціи.

Раньше мы уже указали на то, что это волевое учащеніе сердцебіеній сопровождается съуженіемъ сосудовъ, выражающимся уменьшеніемъ объема конечностей и повышеніемъ бокового давленія крови. Очевидно, что волевое возбужденіе, двигаясь отъ центровъ мозговой корки внизъ, приводитъ въ игру не только сердечно-ускорительные центры, но захватываетъ слегка и сосудодвигательные центры продолговатаго мозга, которые, будучи возбуждены, и даютъ описанный нами аффектъ сокращенія сосудовъ.

Вдумываясь въ переданный нами случай дѣйствія воли, мы видимъ, что и она отражается на сосудистомъ аппаратѣ въ общихъ чертахъ такъ же, какъ и остальныя уже разобранныя нами формы психической дѣятельности. Подобно послѣднимъ и воля,

16*

представляющая опредѣленный какъ бы конечный продуктъ возбужденнаго состоянія мозговой корки, отражается на кровообращеніи учащеніемъ сердцебіеній и съуженіемъ кровеносныхъ сосудовъ.

Можетъ ли воля непосредственно замедлять и останавливать сердцебіенія, помимо всякихъ промежуточныхъ факторовъ, о томъ нельзя сказать теперь ничего положительнаго. Нашъ субъектъ, прекрасно ускорявшій сердцебіенія, былъ совершенно безсиленъ замедлять ихъ хоть на одинъ ударъ въ минуту. Всѣ вышеприведенные изъ опыта случаи съ виду произвольнаго замедленія и остановки сердца являются въ этомъ отношеніи, въ силу отсутствія строгаго анализа, совершенно недоказательными.

Изслѣдовавъ нашего произвольнаго ускорителя сердцебіеній, я вынесъ убѣжденіе, что случаи подобнаго рода должны встрѣчаться чаще, чѣмъ это полагаютъ, и что они проходятъ незамѣченными только потому, что сами субъекты, обладающіе этой способностью, и окружающіе ихъ люди вовсе не обращаютъ на нее вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ обнародованія только-что описаннаго случая, мнѣ доставленъ былъ товарищами врачами второй еще болѣе поразительный случай произвольнаго ускоренія сердцебіеній. Это—молодой человѣкъ весьма нервный, раздражительный, который при первой же встрѣчѣ со мною могъ по желанію ускорить пульсъ съ 80—85 ударовъ въ минуту, до 120—130 ударовъ, т.-е. на 40—45 ударовъ въ минуту. У него только, во время сеанса ускоренія, появлялась непроизвольная дрожь всего тѣла, а равнымъ образомъ и болѣе энергичныя дыхательныя движенія; ни дрожью, ни измѣненнымъ характеромъ дыхательныхъ движеній нельзя было объяснить, однако, появленія столь сильнаго ускоренія сердцебіеній, такъ какъ одно только произвольное воспроизведеніе этой дрожи и подобныхъ предъидущимъ энергичныхъ дыхательныхъ движеній вовсе не сопровождалось ускореніемъ сердцебіеній и для послѣдняго требовалось спеціальное волевое усиліе субъекта. Замѣчательно, что и у этого субъекта, подобно г. Саломе, мышечная система подчинялась дѣйствію воли въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ у большинства людей: онъ могъ также точно свободно двигать ушами, третьей фалангой ручныхъ пальцевъ, различными отдѣльными группами мышцъ и т. д. Очевидно, что и у него подчиненность сердца ускорительнымъ импульсамъ воли является частнымъ случаемъ его нервномышечной организаціи, отличающейся особенно широкой подчиненностью волѣ.

Руководствуясь тѣмъ, что оба встрѣтившихся мнѣ ускорителя сердцебіеній обладали рѣзко выраженной способностью произвольнаго сокращенія такихъ группъ мышцъ, которыя у большинства людей не подчиняются волѣ, мнѣ пришла мысль воспользоваться этимъ послѣднимъ признакомъ для отыскиванія новыхъ ускорителей. И въ самомъ дѣлѣ, признакъ этотъ оказалъ мнѣ услуги. Встрѣтившись съ однимъ врачемъ, легко двигавшимъ по желанію ушами, фалангами ручныхъ пальцевъ и т. д., я спросилъ его, не можетъ ли онъ по желанію ускорять свои сердцебіенія? Получивъ въ отвѣтъ, что онъ не знаетъ объ этомъ ничего, такъ какъ никогда не пробовалъ этого дѣлать, я попросилъ его немедля приступить къ ускоренію сердцебіеній, и съ перваго же разу онъ къ удивленію своему ускорилъ свои сердцебіенія болѣе, чѣмъ на 20 ударовъ въ минуту. Поупражнявшись въ этомъ направленіи въ теченіе приблизительно мѣсяца, онъ дошелъ до такого искусства, что на публичной лекціи въ присутствіи многочисленной публики произвольно ускорилъ свои сердцебіенія съ 85 до 160 ударовъ въ минуту, т.-е. почти удвоилъ ихъ. Изслѣдовавъ такимъ же путемъ и многихъ другихъ людей, я встрѣтилъ еще двухъ субъектовъ: одного изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и одного профессора, обладающихъ способностью произвольно ускорять сердцебіенія, хотя и не въ рѣзкой степени. Мы видимъ слѣдовательно, что случаи произвольнаго ускоренія сердцебіеній встрѣчаются чаще, чѣмъ это полагали до сихъ поръ.

Всѣ подобные случаи волевого ускоренія сердцебіеній мы пытались объяснить допущеніемъ у нѣкоторыхъ людей близкой связи между центрами воли и ускорительными центрами сердца, благодаря которой импульсы воли могутъ дѣйствовать на послѣдніе центры. Возможенъ, впрочемъ, въ настоящее время и другой взглядъ на дѣло, по которому отношеніе воли къ сердцу можетъ быть поставлено въ параллель съ вліяніемъ ея на поперечно-полосатыя мышцы скелета вообще. Намъ извѣстно, что сердечная мышца есть поперечно полосатая мышца, а съ другой стороны, телефоническія изслѣдованія г. Введенскаго доказали, что въ стволѣ блуждающаго нерва у собакъ заключены, между прочимъ, и чисто двигательные нервы для сердечной мышцы. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, возможно думать, что при волевомъ ускореніи сердцебіеній, воля возбуждаетъ эти двигательные приводы сердца и обусловливаетъ учащенную дѣятельность его. Въ пользу такой мысли говорило бы, повидимому, еще и то, что

способность къ произвольному ускоренію сердцебіеній по мѣрѣ упражненія совершенствуется подобно тому какъ и управленіе мышцами нашего скелета. Впрочемъ, въ настоящее время мы можемъ считать за доказанное лишь одно, а именно, что воля у нѣкоторыхъ людей способна непосредственно ускорять сердцебіенія; что же касается до механизма, приводимаго при этомъ въ дѣйствіе,—возбуждаются ли при этомъ импульсами воли сердечноускорительные центры или особые двигательные приводы сердца,—то выясненіе всего этого принадлежитъ будущему.

И. Тархановъ.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

ПЕРІОДЪ III.

V [1]).

Миссъ Сара Чорчиль придерживалась правила, что слѣдуетъ всегда и вездѣ заботиться о личныхъ удобствахъ, насколько только возможно. И въ настоящемъ случаѣ она осталась вѣрна своему правилу. Въ тѣни, у садовой ограды, гдѣ всего прохладнѣе, былъ растянутъ на землѣ мѣховой коверъ, снятый съ пола въ гостиной; подушки беззаконно утащены съ дивана въ гостиной и положены на жесткій садовый стулъ. Не понадѣясь, видно,— и совершенно напрасно,—на свою неистощимую способность къ болтовнѣ, она натащила всякихъ книгъ, какія только нашла. У ногъ ея собачка поочередно то спитъ, то пытается ловить мухъ, большею частью безуспѣшно, и только щелкаетъ зубами. На солнцѣ неподалеку стоитъ золоченая клѣтка съ попугаемъ, такъ что если всѣ другіе рессурсы измѣнятъ ей, то она можетъ разговаривать съ попугаемъ. Но кромѣ собакъ, у ногъ ея распростерся и Райверсъ, и щекоталъ за ухомъ собаченки цвѣткомъ. Вотъ какая аркадская картина открылась глазамъ миссисъ Фортъ, когда она ушла изъ кабинета мужа въ садъ. Райверсъ сидитъ спиной къ ней! Онъ настолько мало интересуется ея приходомъ, что даже не сѣлъ такъ, чтобы увидѣть ее, когда она выйдетъ изъ дому! Она, конечно, не можетъ знать, что только за минуту передъ тѣмъ

---

[1]) См. выше: іюнь, 695 стр.

по приказанію Сары и чтобы избѣжать ея проницательныхъ глазъ, онъ пересѣлъ. Какъ имъ, повидимому, прохладно и весело; право жаль разстроивать ихъ бесѣду! Въ сущности, она лучше сдѣлала бы, если бы докончила корректуру мужа. Въ то время какъ она подходитъ къ нимъ неслышными шагами по мягкому дерну, такъ что они не сразу догадались объ ея присутствіи, новый взрывъ смѣха непріятно поражаетъ ея слухъ.

— Вамъ кажется очень весело?—сухо произноситъ она.

Сара не выражаетъ удивленія—да и странно было бы выражать его—потому что пришла сестра. Съ комфортомъ закинувъ голову на спинку стула, она продолжаетъ смѣяться, но Белинда не можетъ долѣе негодовать на веселость Райверса. Выраженіе его лица, въ то время какъ онъ вскакиваетъ на ноги и поворачивается къ ней, никакъ нельзя назвать веселымъ; какимъ однако пугаломъ должна она быть, чтобы произвести такую въ немъ перемѣну.

— Вамъ кажется очень весело?—повторяетъ она.

Она сознáетъ, что тонъ ея сухъ, что щеки покраснѣли отъ досады, а въ глазахъ свѣтится неудовольствіе, котораго она не въ силахъ побѣдить. Чѣмъ заслужилъ онъ такое обращеніе? Оно окончательно лишаетъ его слова.

— Можно мнѣ узнать, чему вы смѣялись?—настаиваетъ она, стараясь, хотя все еще неуспѣшно, быть ласковѣе и привѣтливѣе. Можетъ быть, и меня это позабавитъ?

— О! совершенные пустяки! я самъ не знаю чему смѣялся,—объясняетъ онъ съ сконфуженнымъ и несчастнымъ видомъ.—Миссъ Чорчиль говорила мнѣ, что Пончъ былъ однажды обрученъ съ попугаемъ, но такъ какъ тотъ прокусилъ ему хвостъ, то свадьба не состоялась!

Пошлость анекдота и чувство глубокаго униженія, которое слышится въ тонѣ, съ какимъ онъ это разсказываетъ, такъ мало вяжутся другъ съ другомъ, что Сара снова разражается смѣхомъ. Но ни одинъ мускулъ на лицѣ Белинды не двигается.

— Какая глупая шутка!—замѣчаетъ она, пожимая плечами.

— Онъ не нашелъ ее глупой!—возражаетъ Сара, вставая съ мѣста и инстинктивно приготовляясь къ оборонѣ, хотя она и не переставала смѣяться:—м-ръ Райверсъ можетъ, пожалуй, увѣрять теперь, что она вовсе не смѣшна; но она все-таки разсмѣшила его!

Белинда садится, но лицо ея все еще мрачно. Въ душѣ она говоритъ себѣ, что въ правѣ быть недовольной. Развѣ не удивительно, что онъ можетъ смѣяться отъ такой пошлой шутки?—да и вообще какъ можетъ онъ смѣяться—когда трагедія ихъ

взаимной жизни впервые всецѣло представилась его глазамъ! Въ настоящую минуту онъ, конечно, не веселъ, но отъ этого ей не легче. Итакъ, она для него пугало, которое мѣшаетъ ему веселиться. Ахъ! какъ времена перемѣнились! Если бы она ушла теперь отъ нихъ, нѣтъ сомнѣнія, что они снова принялись бы хохотать. Въ настоящую минуту они присмирѣли оба—это несомнѣнно. Съ неловкимъ усиліемъ пытается она вернуть себѣ хорошее расположеніе духа.

— Я боюсь, что утратила всякую способность къ юмору,— говоритъ она принужденно;—это должно быть воздухъ Оксфорда такъ дѣйствуетъ. Пончъ, неужели и ты утратишь здѣсь весь свой юморъ?

Она взяла маленькую собачку къ себѣ на колѣни и прижалась горячимъ лицомъ къ ея мордочкѣ.

— Онъ что-то потерялъ, поглядите,—говоритъ Райверсъ, ободренный ея мягкимъ тономъ и пытаясь поближе придвинуться къ ней съ нѣмымъ вопросомъ въ глазахъ.

Говоря это, онъ дотрогивается рукой до медальона, который виситъ обыкновенно на шеѣ у Понча, причемъ послѣдній постоянно старается сорвать его. Изъ медальона валится прядь волосъ.

— Какъ, Пончъ? ты носишь въ медальонѣ волосы?—спрашиваетъ молодой человѣкъ, нервно смѣясь;—чьи это волосы? Надѣюсь, твоей подруги?

— Они вѣчно вываливаются изъ медальона,—перебиваетъ Сара съ притворной досадой въ голосѣ;—дѣло въ томъ,—объясняетъ она, лѣниво усаживаясь и оглядываясь вокругъ,—что у многихъ есть страсть дарить мнѣ свои волосы—право не знаю, зачѣмъ;—а такъ какъ я не могу носить всѣ эти волосы сама, то Пончъ такъ добръ, что носитъ ихъ за меня! Ты вѣдь много уже волосъ переносилъ, Пончъ, не правда ли?

Говоря это, она подзываетъ къ себѣ собачку и углубляется въ осмотръ медальона.

— Это нѣмецкіе или англійскіе волосы, какъ вы думаете? —спрашиваетъ Райверсъ Белинду почти шопотомъ.

Лицо его улыбается, когда онъ задаетъ ей этотъ вопросъ, но эта улыбка уже не сердитъ ее. Въ одну минуту въ воображеніи ея встаетъ толпа саксонскихъ гусаръ и улановъ; теплый вѣтеръ доноситъ ароматъ цвѣтовъ. Старинный замокъ высится на фонѣ нѣмецкаго неба! Она не въ состояніи отвѣчать ему, но все же эти нѣсколько словъ вернули имъ прежнюю близость.

— Да! чьи бы это были волосы?—размышляетъ Сара, вертя

прядь въ рукахъ;—какая у меня скверная память! Белинда, не знаешь ли ты? чьи это волосы? О! это изъ тѣхъ временъ, когда вы бывали у насъ,—обращается она къ Райверсу; они похожи на *ваши*, (и она спокойно прикладываетъ прядь къ его волосамъ).—Вы не дарили мнѣ пряди своихъ волосъ?

Райверсъ вздрогнулъ. Онъ по старой памяти снова углубился въ размышленія: было ли когда на свѣтѣ другое такое хорошенькое ушко, какъ у жены профессора Форта?

— Прядь моихъ волосъ!—восклицаетъ онъ, и, падая на колѣни передъ Сарой съ преувеличенной игривостью, продолжаетъ:— если и не дарилъ раньше, то готовъ подарить теперь. Сдѣлайте одолженіе, рѣжьте гдѣ и сколько вамъ угодно,—и онъ теребитъ рукой свои густыя кудри. Миссисъ Фортъ, могу я взять ваши ножницы?

Миссисъ Фортъ низко наклонила голову надъ рабочимъ ящикомъ и какъ будто не слышала его. Прикрытыя спасительнымъ хранилищемъ иголокъ и нитокъ, руки ея трясутся. Развѣ сталъ бы онъ въ Дрезденѣ предлагать Сарѣ отрѣзать прядь своихъ волосъ даже въ шутку? Да, въ тѣ времена онъ обыкновенно и не слушалъ того, что она ему говорила!

Къ счастью для Белинды въ этотъ моментъ ее зачѣмъ-то зовутъ въ домъ, и она остается тамъ въ продолженіе десяти минутъ—и въ эти десять минутъ успѣваетъ справиться съ собой. И кстати! потому что зрѣлище, которое открылось ея глазамъ было не таково, чтобы способствовать ея успокоенію. Сара оставила свою лѣнивую позу и, выпрямившись на стулѣ, держала въ своихъ рукахъ руку Райверса. Правда, еслибы кто поближе вглядѣлся въ нихъ, то увидѣлъ бы, что лицо ея выражаетъ вовсе не нѣжность влюбленной женщины, а только любопытство и крайнее удивленіе.

— Я бы стыдилась такой руки,—объявляетъ она съ обычной откровенностью;—ваша рука похожа на руку чернорабочаго.

— Но вѣдь *я* чернорабочій,—смѣло отвѣчаетъ онъ.

И вдругъ видитъ Белинду и отнимаетъ руку.

— Право, это въ своемъ родѣ курьезная вещь,—продолжаетъ Сара довольнымъ тономъ:—ваша рука такъ же жестка и мозолиста какъ у землепашца; покажите ее Белиндѣ.

Онъ глядитъ на нее смущенно и нерѣшительно. Белинда сѣла на прежнее мѣсто и опять взяла въ руки рабочій ящикъ.

— Покажите,—говоритъ она съ напускнымъ спокойствіемъ, и онъ протягиваетъ ей руку, ладонью вверхъ.

У него по прежнему красивая, сильная рука, но она носитъ

несомнѣнные слѣды грубой, тяжкой работы. Что можетъ быть особенно трогательнаго въ рукѣ рабочаго человѣка? черный трудъ составляетъ достояніе девяти десятыхъ человѣческаго рода; а между тѣмъ, глядя на эту руку, она съ большимъ трудомъ удерживаетъ слезы.

— Вѣдь вы знаете,—говоритъ онъ,—я сообщалъ вамъ, что не могъ вынести сидячей и замкнутой конторской жизни!

— *Мы знаемъ?*—кричитъ Сара, навостривъ уши.—*Вы сообщали намъ?* Что вы хотите этимъ сказать? Вѣдь мы васъ ни разу не видѣли.

Райверсъ молчитъ, поблѣднѣвъ. Онъ совсѣмъ позабылъ о присутствіи третьяго лица. Белинда тоже не можетъ выручить его изъ затруднительнаго положенія.

— Я хочу сказать,—бормочетъ Райверсъ,—я думалъ, что я намѣревался сообщить вамъ это; я вѣдь работалъ какъ простой работникъ на желѣзномъ заводѣ у пудлинговой печи.

— Пудлинговой печи!—кричитъ Сара, которой нравится это слово,—что это за штука такая—пудлинговая печь?

— Это такая печь, въ которой желѣзо выдѣлывается изъ чугуна, и я имѣлъ честь и удовольствіе,—прибавляетъ онъ съ застѣнчивымъ смѣхомъ,—бить его кузнечнымъ молотомъ, пока оно не становилось мягкимъ.

Белинда выронила изъ рукъ работу, которую взяла-было для виду.

— Гмъ!—продолжаетъ расспрашивать Сара съ тѣмъ же интересомъ,—не мудрено, что ваши руки пострадали. А что, это очень тяжелая работа?

— Да! нельзя сказать, чтобы она была дѣтской забавой,—сухо отвѣчаетъ онъ,—но за нее хорошо платятъ и меня цѣнили за мою силу. Для этой работы надо быть очень сильнымъ.

— И вы работали цѣлый день?

— Насъ смѣняли черезъ каждые шесть или восемь часовъ. Долѣе невозможно выдержать, вслѣдствіе жары. Жара всего тяжелѣе въ этой работѣ.

Онъ умолкаетъ на минуту и разсѣянно гладитъ своей обезображенной рукой по курчавой спинѣ одной изъ собачекъ.

— Да! жаръ всего губительнѣе дѣйствуетъ. Обыкновенно на этой работѣ люди не долго выживаютъ. Жаръ убиваетъ ихъ.

Онъ говоритъ это совершенно просто, не ожидая и даже не желая вызвать состраданія. Онъ какъ будто находитъ вполнѣ естественнымъ, чтобы джентльменъ, окончившій Итонъ и Оксфордъ, работалъ у пудлинговой печи.

Итакъ, вотъ какъ онъ провелъ тѣ двадцать мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ она все прислушивалась къ стуку почтальона въ дверь! Чтожъ? все-таки его доля была легче!

Наступаетъ молчаніе, прерываемое наконецъ Сарой, тонкое ухо которой уловило звукъ шаговъ.

— Ого!—кричитъ она съ оживленіемъ,—вотъ идетъ мой небольшой отрядъ, и какъ на бѣду я позабыла ихъ имена. Белинда! поскорѣе! выручай меня!—скажи, какъ ихъ зовутъ?

Белинда поднимаетъ опущенные глаза и видитъ трехъ юныхъ джентльменовъ, которыхъ служанка предоставила ихъ собственной участи, и, съ тѣмъ презрѣніемъ къ студентамъ-первокурсникамъ, какое присуще оксфордскимъ жителямъ, не удостоила доложить о нихъ.

Они очевидно трусятъ и подталкиваютъ другъ друга.

Ясно, что домъ профессора Фортъ не особенно гостепріимное убѣжище для студентовъ первокурсниковъ. Чувство безразсудной радости шевелится въ душѣ Райверса при этой мысли.

— Должно быть, ты имъ въ самомъ дѣлѣ очень понравилась, что они рѣшились придти въ мой домъ! — говоритъ Сарѣ миссисъ Фортъ съ сухой усмѣшкой.

— Какъ они трусятъ, бѣдняжки! точь въ точь какъ и вы, бывало, обращается она къ Райверсу.

И не дожидаясь, какое дѣйствіе произведутъ на него ея слова, она встаетъ съ мѣста и медленно идетъ на-встрѣчу гостямъ.

— Я не удивляюсь, что они трусятъ,—говоритъ Сара Райверсу вполголоса. Развѣ не похоже, что она готовится спросить ихъ, что имъ угодно? Если я не поспѣшу на выручку, то и теперь легко можетъ случиться, что они обратятся въ бѣгство.

Но на этотъ разъ Сара ошиблась. Они вовсе не имѣютъ желанія обратиться въ бѣгство. Нельзя даже сказать, кого они восторженнѣе хвалятъ на обратномъ пути домой съ вечерней сигарою въ зубахъ: миссъ Чорчиль, или ея болѣе строгую сестру. Но, правду сказать, Белинда сегодня не кажется строгой.

«Къ чему буду я съ ними рѣзка? — грустно говоритъ она самой себѣ;—я уже достаточно людей оттолкнула отъ себя своей рѣзкостью».

И вотъ она очень любезно обращается съ ними, слишкомъ любезно, какъ начинаетъ казаться Райверсу, у котораго сердце сжимается ревностью, когда онъ видитъ, что она наливаетъ имъ чай своими прекрасными ручками и даритъ ихъ своей небесной улыбкой, отъ которой все лицо ея освѣщается, а глаза сіяютъ.

Но онъ не настолько догадливъ или не настолько тщеславенъ, чтобы сообразить, что его присутствіе — хотя онъ сидитъ, повидимому, забытый и обойденный—зажгло эту улыбку на ея лицѣ и въ глазахъ.

Сара тоже очень любезна, но гости нѣсколько обижены тѣмъ, что она перепутала ихъ имена.

Послѣ чаю всѣ отправляются играть въ «tennis» и веселый звукъ молодыхъ голосовъ, и смѣхъ нарушаютъ аркадскую тишину и священную неприкосновенность, доселѣ отличавшія «tennis-ground» профессора Форта. На немъ можетъ помѣститься всего только одна партія играющихъ, и Белинда, какъ любезная хозяйка, уступаетъ мѣсто своимъ прирученнымъ и счастливымъ гостямъ, несмотря на ихъ убѣжденія и просьбы. Врядъ ли стоитъ ломать голову надъ тѣмъ: охотно или неохотно принесла она эту маленькую жертву.

— А *вы* играете? — небрежно спрашиваетъ Сара Райверса, махая у него подъ самымъ носомъ лопаточкой. — Нѣтъ? Ахъ! вы предпочитаете молотъ лопаткѣ,—прибавляетъ она съ дерзкой улыбкой.

Хотя ни Беллерсъ, ни Стенли никакъ не могли понять смысла этой шутки, однако оба смѣются, и, по всей вѣроятности, Райверсъ разсердился бы на нихъ, еслибы слышалъ ихъ смѣхъ. Но какъ самая шутка, такъ и ея успѣхъ, не замѣчены имъ. И слухъ, и зрѣніе его парализованы тревожнымъ опасеніемъ: —Разсердилась она на него за то, что онъ отказался отъ участія въ игрѣ или нѣтъ? Слѣдовало ему согласиться играть или нѣтъ? Можетъ быть ему слѣдуетъ теперь уйти? И неужели, прощаясь съ нимъ, она не пригласитъ его бывать у нея въ домѣ?

Въ горлѣ у него пересохло. Не рѣшаясь снова сѣсть на старое мѣсто на травѣ у ея ногъ—хотя въ сущности этой привилегіи не отнимаютъ даже у собакъ—онъ стоитъ передъ ней, смущенный и несчастливый. Если она хочетъ этого, то они больше не увидятся.

Что до нея касается, то давнишнее счастливое настроеніе снова возвращается къ ней. Какой мягкій, ласкающій воздухъ! Какъ чудесно распѣваетъ эта простенькая на видъ птичка! и какимъ очаровательнымъ убѣжищемъ сталъ этотъ небольшой, простенькій дачный садикъ!

Онъ стоитъ передъ нею, ожидая знака, который позволитъ ему пасть къ ея ногамъ. Но она не была бы женщина, еслибы не продержала его по крайней мѣрѣ три минуты въ этой нерѣшительности.

Наконецъ Белинда спрашиваетъ его безъ всякихъ предисловій:

— И вы все еще за этимъ дѣломъ?

Съ полчаса уже прошло съ тѣхъ поръ какъ объ этомъ говорили и много другихъ предметовъ служило тэмой для разговора, но онъ сразу понимаетъ о чемъ она его спрашиваетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ со вздохомъ облегченія (такъ какъ очевидно, что она не желаетъ отдѣлаться отъ него, иначе не стала бы возобновлять прерванной бесѣды) и садится на оставленный Сарою стулъ.—Меня повысили въ должности.

Онъ умолкаетъ и ждетъ, не скажетъ ли она чего въ отвѣтъ и не поздравитъ ли его съ повышеніемъ. Но она продолжаетъ шить съ лихорадочной поспѣшностью.

— Мнѣ пришло въ голову, что человѣческія руки въ этомъ случаѣ можно замѣнить машиной,—продолжаетъ онъ—торопясь какъ человѣкъ, который не увѣренъ, что не надоѣдаетъ своему слушателю, и вслѣдствіе этого... этого моего изобрѣтенія, принятаго нашей фирмой, я былъ сдѣланъ помощникомъ мастера.

Онъ такъ рѣшительно умолкъ, что она вынуждена сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе.

— И въ свое время вы сдѣлаетесь товарищемъ и женитесь на дочери своего хозяина,—говоритъ она съ преувеличенной развязностью.

Кровь бросается ему въ лицо. Онъ ожидалъ отъ нея больше доброты. Такая шутка совсѣмъ ей не пристала, хотя онъ и не склоненъ вообще критиковать ее. Наступаетъ молчаніе. Солнечные лучи уже не такъ вертикальны, и собаки просыпаются. Пончъ ошибочно воображаетъ при этомъ, что онъ обязанъ гоняться за мячами на «tennis-ground» и за свою любезность получаетъ самые нелюбезные толчки отъ разгорячившихся игроковъ.

— Чтожъ дальше?—говоритъ Белинда, съ нервной сухостью въ голосѣ:—продолжайте.

— Другіе изобрѣтали машины этого рода,—вяло повѣствуетъ онъ, такъ какъ ея шутка лишила его всякой бодрости:—но онѣ или совсѣмъ негодились, или были невполнѣ удачны; если моя окажется удачнѣй, наша фирма возьметъ патентъ и дастъ мнѣ небольшую долю въ дѣлѣ.

— Что я говорила!—кричитъ она, смѣясь, почти визгливо,—видите, что мое предсказаніе уже на половину исполнилось.

Онъ опять вспыхнулъ, но не удостоиваетъ отвѣчать. Если она способна продолжать такую недостойную шутку, то пускай наслаждается ею одна.

— Очевидно, что нѣтъ худа безъ добра, — говоритъ онъ,

стараясь поддѣлаться подъ ея насмѣшливый тонъ.—Оказывается, повидимому, что у меня есть способность къ механикѣ. Для меня совершенная новость, что я способенъ къ чему-нибудь такому, что можетъ принести деньги; еслибы... еслибы жизнь моя шла гладко, то я могъ бы умереть, не подозрѣвая, въ чемъ заключается мой талантъ, а вѣдь это было бы очень жалко, неправда ли?

И онъ смѣется. Шутливость, оскорбившая его, давно уже покинула Белинду, и она не находитъ даже, что сказать ему на этотъ разъ. Несчастныя руки ея (даже руки могутъ имѣть печальный видъ) безсильно сложены на колѣняхъ, а большіе, отуманенные глаза видятъ призраки! Исчезли и маленькій садикъ, и уроки на «tennis-ground». Она видитъ передъ собою его будущую жизнь какъ на ладони; жизнь эта станетъ все полнѣе и полнѣе; дѣятельная работа и въ результатѣ ея благосостояніе мало-по-малу залечатъ нанесенную ею рану. И чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше для него.

Но для *нея*? Ею овладѣваетъ безумное желаніе разбередить эту рану, не давать ей закрыться, никогда, никогда. Но развѣ это возможно? Она закроется и отъ нея останется, самое большее, непримѣтный рубецъ. Онъ уже любитъ свое дѣло. Какъ иначе относится онъ къ своему труду, чѣмъ она къ своей постылой работѣ. Чувство обиды и оскорбленія снова закипаетъ въ ея сердцѣ. Онъ никогда такъ не страдалъ, какъ она; пища не была для него горька, какъ полынь, и слезы не служили ему отравленнымъ питьемъ.

— Ясно, что вы любимецъ фортуны,—говоритъ она жесткимъ голосомъ;—поздравляю васъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчаетъ онъ, задѣтый за живое;—вы нашли какъ разъ подходящее слово.

Въ его голосѣ слышится такая боль, что хотя до сихъ поръ она тщательно избѣгала его взгляда, но теперь невольно съ раскаяніемъ взглядываетъ на него.

— Простите меня,—говоритъ она, улыбаясь сквозь слезы;—вы знаете, я всегда была рѣзка, а жизнь,—добавляетъ она дрожащими губами,—не исправила меня.

При видѣ печально подергивающихся губъ милаго лица, онъ на минуту теряетъ голову.

— Если бы кто-нибудь другой сказалъ это, мнѣ было бы все равно; но отъ васъ больно выслушивать такія вещи.

Она не возражаетъ и только опускаетъ глаза. Себялюбивая радость охватываетъ все ея существо. Итакъ, пока рана еще не зажила!

VI.

— Белинда!—кричитъ звонко и весело Сара, и подходитъ вся раскраснѣвшаяся отъ игры.—Развеселись! я могу сообщить тебѣ пріятную новость.

Белинда вздрагиваетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—торопливо замѣчаетъ она, тѣмъ лучше для меня.

— М-ръ Стенли, м-ръ Беллерсъ, и м-ръ... (она забыла имя третьяго молодого человѣка, но смѣло бормочетъ себѣ подъ носъ первое попавшееся имя) и я,—мы затѣяли небольшую увеселительную прогулку на завтра. Мы вообразимъ, что завтра день твоего рожденія! Тебя прокатятъ въ лодкѣ по рѣкѣ, угостятъ кэкомъ и элемъ въ ресторанѣ и препроводятъ домой при лунномъ свѣтѣ. Что ты на это скажешь? Неужели ты намъ не благодарна за это?

Белинда нервно смѣется.

— Благодарна? разумѣется, да!

Она встаетъ со стула и прохаживается по дорожкѣ. Быть можетъ, перемѣнивъ положеніе, она скорѣе отдѣлается отъ опьяняющаго дѣйствія предъидущей бесѣды.

— Ты, кажется, ни слова ни слышала изъ того, что я тебѣ сказала,—говоритъ Сара, подозрительно взглядывая на обоихъ виновныхъ.

— Не слышала?—повторяетъ Белинда съ лихорадочной веселостью,—будто бы? Суди сама, слышала я или нѣтъ! Меня собираются катать по рѣкѣ, угощать кэкомъ и элемъ и препроводятъ домой при лунномъ свѣтѣ. Ну, что ты скажешь?

— Развѣ это не восхитительная мысль? и развѣ ты намъ не благодарна?—кричитъ Сара, успокоиваясь и развеселяясь.

— Восхитительная, въ самомъ дѣлѣ!—отвѣчаетъ мистриссъ Фортъ, все съ той же напускной веселостью.—Я была бы очень рада, я такъ люблю быть на водѣ, только...

Она внезапно умолкаетъ и непокорный взглядъ невольно обращается въ ту сторону, гдѣ находится Райверсъ. Онъ тоже всталъ и стоитъ поодаль, явно позабытый, исключенный изъ этой веселой программы.

— Только Менандеръ, должно быть, мѣшаетъ, — говоритъ Сара, дѣлая гримасу;—право, въ его годы онъ могъ бы обойтись безъ постороннихъ услугъ въ продолженіе одного какого-нибудь дня.

— Нѣтъ, не Менандеръ,—возражаетъ Белинда съ смуще-

ніемъ,—завтра, какъ нарочно, у меня праздникъ. М-ръ Фортъ уѣзжаетъ въ Лондонъ на цѣлый день, чтобы предсѣдательствовать въ археологическомъ собраніи.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?—допытывается Сара, глядя на сестру такъ пристально, что та конфузится.

— Только...—начинаетъ она и снова умолкаетъ въ нерѣшительности.

Разсудокъ убѣждаетъ ее: «Зачѣмъ его приглашать? какой смыслъ былъ бы въ этомъ приглашеніи? оно было бы и не кстати и безумно. Развѣ уже недостаточно она отравлена сегодняшнимъ днемъ? сколькими тяжкими днями и недѣлями тупого отчаянія и несноснаго труда ей придется искупать этотъ единственный сладкій день! Надо положить этому конецъ! надо положить этому конецъ!»

— Только... ничего,—говоритъ она съ притворной веселостью.

— Я удивляюсь, отчего ты колебалась?—спрашиваетъ Сара пытливо.—Не могу представить себѣ, чтобы можно было колебаться, когда предстоитъ удовольствіе. Ты развѣ часто катаешься въ лодкѣ?

— Никогда, меня никогда не приглашаютъ; вы ни разу не приглашали меня,—обращается она съ напускнымъ кокетствомъ къ восхищеннымъ молодымъ людямъ.

— Мы были бы счастливы,—кричитъ Беллерсъ, который, опираясь на то, что былъ представленъ одной минутой раньше, чѣмъ другіе, разыгрываетъ роль стараго знакомаго и берется отвѣчать за всѣхъ, но только мы... мы боялись... мы... не смѣли.

— Будьте смѣлѣе на будущее время,—возражаетъ она съ безпечнымъ смѣхомъ.—Вы должны почаще приглашать меня! Я хочу кататься на лодкѣ, хочу веселиться!

Глаза ея сверкаютъ, а щеки пылаютъ, когда она говоритъ это. Неужели предстоящее удовольствіе такъ волнуетъ ее? Она съ такимъ интересомъ распрашиваетъ обо всѣхъ подробностяхъ завтрашней экскурсіи, что едва обращаетъ вниманіе на поклонъ Райверса, подошедшаго къ ней проститься.

— Вы уходите?—равнодушно говоритъ она.—Прощайте.

И, говоря это, кладетъ на секунду свою горячую руку въ его холодную, какъ ледъ. Даже съ Беллерсомъ она простилась бы конечно, любезнѣе. Никто, кромѣ ея самой не знаетъ, съ какой силой она должна бороться противъ соблазна схватить при всѣхъ эту бѣдную, обезображенную руку, прижать ее къ сердцу, облить слезами, покрыть поцѣлуями и вообще оказать всякіе другіе знаки безумной, страстной любви.

Всего менѣе подозрѣваетъ объ этомъ онъ самъ, уходя и прилично сдерживая свое мучительное отчаяніе, пока находится у всѣхъ на виду. Но только что онъ скрылся изъ глазъ и обороняться больше не нужно, какъ она бросаетъ свое оружіе. Вниманіе ея быстро ослабѣваетъ; манеры немедленно утрачиваютъ несвойственную имъ живость, и она принимаетъ обычный ледяной видъ; юноши догадываются, что имъ пора идти по домамъ, чтобы не лишиться благоволенія миссисъ Фортъ, которое они пріобрѣли; такъ, по крайней мѣрѣ, имъ кажется. Они уходятъ, какъ только что болтовня, шутки и шалости Сары дозволяютъ имъ это. Она провожаетъ ихъ до двери, и Белинда, находя, что сноснѣе двигаться, нежели оставаться неподвижной, идетъ за ней.

Сестры облокачиваются на низенькія желѣзныя ворота, и мягкій весенній вечеръ заключаетъ ихъ въ свои объятія.

Белинда уставила мрачные глаза на раскидывающійся во всей своей славѣ надъ ея головой альпійскій ракитникъ. Какъ онъ былъ красивъ вчера при лунномъ свѣтѣ, когда своими вѣтками касался его волосъ.

— Онъ все еще не ушелъ!—говоритъ Сара сухимъ и разсудительнымъ тономъ, который очень удивилъ бы ея поклонниковъ, считающихъ ее бабочкой, если бы они его услышали.— Что ему тутъ нужно?

Она вдругъ перестаетъ посылать воздушные поцѣлуи своимъ тремъ поклонникамъ, которые безпрестанно оглядываются назадъ, не желая потерять ни одного ея взгляда. Сердце Белинды мучительно вздрагиваетъ. Значитъ, не все еще кончено; но она сдѣлала все, что могла. Ея совѣсть покойна; все же не все еще кончено! виновата ли она въ томъ, что онъ все еще не ушелъ?

— Ты не приглашала его ѣхать завтра съ нами?—спрашиваетъ Сара поспѣшно, хотя сухо.

— Нѣтъ.

— Ахъ!—съ облегченіемъ переводитъ она духъ,—ты хорошо сдѣлала.

— Простая вѣжливость требовала, чтобы его пригласить,— угрюмо замѣчаетъ миссисъ Фортъ.

Гладкій лобъ миссъ Чорчиль морщится не столько отъ тревоги, сколько отъ досады.

— Между тобой и имъ вѣжливость не у мѣста,—возражаетъ она.

Лицо Белинды краснѣетъ сильнѣе прежняго.

— Не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать,—сердито произноситъ она.

— Я хочу сказать,—хитро и отчетливо заявляетъ Сара,—что скромность лучшее оружіе мужества, вотъ, что я хочу сказать!

— Благодарю!—воскликнула Белинда, дрожа какъ листъ, съ головы до ногъ.—Благодарю отъ насъ обоихъ за твое доброе о насъ мнѣніе! *М-ръ Райверсъ!*

Эти послѣднія два слова она произноситъ нѣсколько громче, но такъ нетвердо и глухо, а онъ сравнительно отошелъ такъ далеко, что трудно даже ожидать, чтобы онъ ихъ услышалъ; но, очевидно, онъ услышалъ ихъ, потому что останавливается и нерѣшительно оглядывается на нее, не вѣря собственнымъ ушамъ.

Возможно ли, чтобы она позвала его послѣ такого невнимательнаго, жестокаго прощанія!

— М-ръ Райверсъ!—повторяетъ она такимъ же нетвердымъ голосомъ, но громче прежняго.—На этотъ разъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Онъ долженъ повѣрить своему счастію и немедленно спѣшитъ къ ней.

Сара рѣшительно снимаетъ руки съ воротъ.

— Блаженны не путающіеся въ чужія дѣла!—произноситъ она, пожимая плечами и направляясь къ дому.

Говоря это, она исчезаетъ. Белиндѣ хотѣлось бы попросить ее остаться, но гордость мѣшала. Еще Райверсъ не успѣлъ дойти до нея, какъ она уже раскаялась въ своемъ безумномъ и опрометчивомъ движеніи. Зачѣмъ она позвала его? Что она ему скажетъ, когда онъ придетъ? Въ первую минуту она ничего не говоритъ.

— Вы... вы звали меня?—спрашиваетъ онъ, запинаясь, удивленный ея молчаніемъ и взглядомъ.

— Я звала?—бормочетъ она,—да.. то-есть конечно,—я позвала васъ! Я.. я... вы завтра уѣзжаете изъ Оксфорда?

— Какъ прикажете,—отвѣчаетъ онъ.

Такъ вотъ зачѣмъ она позвала его? Чтобы сказать ему, что онъ не долженъ больше безпокоить ее своимъ присутствіемъ.

— Вамъ лучше знать, что вамъ дѣлать, — возражаетъ она съ принужденнымъ смѣхомъ;— вы, значитъ, еще не уѣзжаете завтра изъ Оксфорда?

— Я могу остаться здѣсь еще недѣлю,—отвѣчаетъ онъ недовѣрчиво.—Я отпущенъ изъ завода на цѣлую недѣлю.

Пульсъ ея сильно бьется.— «Недѣля! цѣлая недѣля»! Она поднимаетъ лицо, озаренное заходящимъ солнцемъ, и глядитъ на за-

падъ. На какое багряное ложе опускается солнце! Какой сладкой пѣсней убаюкиваетъ себя дроздъ, отходя на покой!

— Недѣлю!—громко повторяетъ она.

— Неужели вы находите, что недѣльнаго отдыха слишкомъ много для человѣка, который работалъ безъ перерыва цѣлыхъ два года?—спрашиваетъ онъ, почти оскорбленный тономъ холоднаго, какъ ему кажется, удивленія, который слышится въ ея голосѣ.—Я уѣду отсюда, если...

Онъ не договариваетъ. *Если вы этого хотите*—вотъ, что онъ собирался сказать, но остановился потому, что сказать это, значило бы предположить, что жена профессора Форта вообще интересуется имъ или его дѣлами, а онъ не считаетъ себя въ правѣ предположить это.

Она не спрашиваетъ, что онъ хотѣлъ сказать. Она стоитъ и молчитъ, устремивъ глаза въ пространство и облитая лучами заходящаго солнца.

— Вы за тѣмъ позвали меня,—говоритъ онъ вдругъ,—чтобъ сказать, чтобы я уѣзжалъ завтра?

Съ минуту она стоитъ въ нерѣшимости; снаружи она кажется спокойной, граціозной, сдержанной женщиной, въ душѣ же у ней царствуетъ буря, хаосъ и отчаянная борьба. Сказать ли ей «*да*?» Этимъ она исправитъ свою послѣднюю ошибку. Смутно она сознаетъ, это если у ней осталась хоть частица здраваго смысла, она скажетъ «*да*». Она вздыхаетъ и опускаетъ руки. Губы ея готовятся произнести роковое слово, какъ вдругъ—доносится изъ дому старческій, разбитый и раздраженный голосъ:—«Белинда, Белинда!»

«Одна недѣля!—одна ничтожная недѣля! всего на все одна только недѣля! Что значитъ одна недѣля»? Видъ ея вдругъ мѣняется.

— Меня зоветъ м-ръ Фортъ!—торопливо говоритъ она:—я позвала васъ,—она краснѣетъ, какъ зарево, и съ виноватымъ видомъ оглядывается,—назадъ, чтобы спросить васъ: не пожелаете ли, если еще не уѣзжаете завра изъ Оксфорда, присоединиться къ нашей компаніи?

VII.

Въ другихъ широтахъ ясный солнечный закатъ обыкновенно означаетъ, что за нимъ послѣдуетъ такой же восходъ солнца. А на нашемъ свободномъ островѣ это не такъ. Даже погода не желаетъ подчиняться тираніи, но поступаетъ, какъ ей забла-

горазсудится. Вы можете закрыть глаза при безоблачномъ, голубомъ небѣ и открыть ихъ подъ сѣрой дымкой только-что не окутывающей вашей собственной головы.

Въ безсонные промежутки, которыми разнообразится ночь, Белинда успѣваетъ сто разъ и на всѣ лады раскаяться въ своихъ вечернихъ дѣяніяхъ; но одна только мысль ни разу не приходитъ ей голову, что погода можетъ измѣниться и помѣшать предположенной экскурсіи.

Среди всѣхъ ея, на половину искреннихъ, плановъ уклониться отъ экскурсіи, ей ни разу не приходитъ въ голову, что можетъ пойти дождь, а потому, когда наступило утро, пасмурное и туманное, ея разочарованіе было такъ велико, что сразу видно какъ мало было правды во всѣхъ ея мечтахъ о воздержаніи. *Теперь* ей приходится испытать всю горечь отреченія, не имѣя даже возможности утѣшать себя сознаніемъ побѣды надъ собой. А между тѣмъ дождь теплый, мелкій; онъ не изливается губительными потоками надъ бѣдною землей, а мягко и кротко поитъ кусты и деревья и освѣжаетъ безъ разбора каждую былинку.

Тѣмъ не менѣе одна пара молодыхъ глазъ ненавистно взираетъ на его благодѣянія, да и другая пара старыхъ глазъ тоже недовольна въ высшей степени дождемъ. Профессоръ даже высказываетъ мысль: не лучше ли телеграфировать археологическому обществу о томъ, что онъ поставленъ въ невозможность предсѣдательствовать въ его собраніи.

— Но вѣдь вы не сахарный и не растаете!—кричитъ нетерпѣливо Белинда, стоя съ пледомъ на плечѣ и растопыривъ макинтошъ, готовый облечь таящую фигуру ея супруга:—притомъ весь день вы проведете или въ вагонѣ или въ кэбѣ.

— Не всегда легко найти кэбъ въ такой дождливый день!—возражаетъ онъ раздумчиво:—какъ я часто объяснялъ вамъ, здоровье зависитъ главнымъ образомъ отъ пустяковъ; я могу не найти кэба, выйдя изъ вагона, и промочить ноги; а этого достаточно для того, чтобы схватить сильную простуду человѣку, уже предрасположенному къ простудѣ.

— Но общество будетъ поставлено въ большое затрудненіе, и его члены будутъ огорчены,—говоритъ она, краснѣя.

Что такое она говоритъ? Какое ей дѣло до того, будутъ они огорчены или нѣтъ? До какой лжи снизошла она, она! всю жизнь бывшая воплощенной правдивостью! Но погода можетъ разгуляться, вотъ въ чемъ дѣло!

— Я могу помочь бѣдѣ, захвативъ лишнюю пару носковъ въ карманъ,—соображаетъ онъ; и она вдругъ успокаивается, по-

тому что мужъ протягиваетъ руки—не для того, чтобы въ послѣдній разъ прижать ее къ сердцу, а для того, чтобы просунуть ихъ въ рукава ватерпруфа, которые она съ готовностью подставляетъ ему.

Онъ уѣхалъ. Главная препона къ ея удовольствію, слава Богу, устранена. Еслибы только разгулялась погода! Теперь она уже больше не лицемѣритъ передъ собой. Она больше не притворяется, что желала бы выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ какое себя поставила, или что она была бы благодарна судьбѣ, если-бы та ее выручила. Не спрашивая, зачѣмъ ей это нужно, она всѣми силами души желаетъ одного: чтобы облака разсѣялись и уступили мѣсто солнцу, такому же яркому, какъ и вчерашнее.

— Кажется, нечего надѣяться на то, чтобы разгулялось!—говоритъ она тономъ, которому тщетно старается придать безпечность, Сарѣ, когда онѣ входятъ послѣ завтрака въ гостиную.

— Ни малѣйшей!—спокойно отвѣчаетъ Сара.

Съ тѣмъ умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ, благодаря которому жизнь представляется для нея однимъ сплошнымъ праздникомъ, миссъ Чорчиль приготовилась, какъ можно пріятнѣе, провести дождливый день. Въ каминѣ уже горитъ огонь, вещь далеко не лишняя въ сырую погоду; она придвинула кресло профессора, такъ какъ для нея нѣтъ ничего священнаго, и засѣла въ немъ съ романомъ изъ библіотеки. Крупный шрифтъ романа, широкія поля и пропасть титулованныхъ фамилій не грозятъ слишкомъ большимъ напряженіемъ ея уму.

— Кто-бы могъ думать это вчера?—говоритъ миссисъ Фортъ, тономъ печальной досады, не будучи въ состояніи послѣдовать философскому примѣру сестры и безпокойно бѣгая по комнатѣ.

— Дѣйствительно, никто,—безмятежно отвѣчаетъ Сара.

Равнодушное довольство, которое слышится въ ея голосѣ, непріятно дѣйствуетъ на Белинду. Собаки берутъ примѣръ съ миссъ Чорчиль: Пончъ улегся передъ каминомъ, точно зимой; кошка лѣниво растянулась подлѣ клѣтки попугая, а Полли, такъ зовутъ попугая, сердясь на ея безмятежное спокойствіе, безпокойно расхаживаетъ по клѣткѣ и время отъ времени протягиваетъ сквозь рѣшетку кривой носъ и длинную сѣрую когтистую лапу, стараясь поймать кошку за усы.

Сара смѣется.

— Тебѣ вчера такъ хотѣлось этой прогулки,—говоритъ Белинда съ досадой.

— Неужели?—зѣвая, отвѣчаетъ Сара.—Сегодня мнѣ вовсе не

хочется гулять. Мнѣ, слава Богу, и такъ хорошо. Почему ты не присядешь къ огню? Мнѣ нужно о многомъ тебя расспросить; мы теперь одни въ цѣломъ домѣ; извини (въ скобкахъ), что я считаю это въ числѣ нашихъ удобствъ; мнѣ нужно разсказать тебѣ пропасть любопытнаго про Каннъ и про бабушку. Ты прежде любила слушать ея похожденія.

— Мнѣ не холодно,—отвѣчаетъ Белинда и усаживается такъ, чтобы ей можно было глядѣть въ окно и вмѣстѣ съ тѣмъ укрыться отъ пронзительныхъ взоровъ сестры.—Разсказывай.

— Ну, такъ слушай,—начинаетъ свой разсказъ Сара,—благоразумно презирая ея хитрость:—подъ нашими комнатами въ отелѣ помѣстились какіе-то поляки, и гостиная ихъ приходилась какъ разъ надъ спальной бабушки—и каждый вечеръ, начиная съ десяти часовъ, они принимались танцовать сарабанды и мазурку, и шотландскій танецъ, и Богъ-вѣсть что еще. Ты знаешь, какъ пріятно бываетъ бабушкѣ, когда надъ ея головой пляшутъ въ то время, какъ она отправляется въ объятія Морфея.

Сара умолкаетъ, чтобы видѣть, слушаетъ ли сестра; очевидно, что она не слушаетъ, потому что сначала ничего не говоритъ, а потомъ замѣтивъ, что сестра умолкла, начинаетъ притворно смѣяться.

— Чему ты смѣешься?—рѣзко спрашиваетъ Сара.—Я еще не дошла до смѣшного.

Та умолкаетъ смущенная.

— Да и то, что ты разсказала, смѣшно,—извиняется она.

— А конецъ еще смѣшнѣе,—возражаетъ миссъ Чорчиль, снова берясь за книгу,—но ты его никогда не узнаешь!

— Какъ это глупо съ твоей стороны!—говоритъ миссисъ Фортъ, поспѣшно подходя къ камину и досадуя на то, что выдала себя,—я... я очень бы хотѣла знать, что дальше; начни пожалуйста сначала.

Но Сара неумолима. Белинда отступается отъ нея, и не рѣшаясь вернуться къ окну, тоже беретъ книгу, по временамъ бросая изъ-за нея отчаянные взгляды въ окно.

День безнадежно дождливый. Разъ или два, правда, казалось, что погода разгуляется, и начиналось нѣкоторое движеніе въ этомъ смыслѣ среди облаковъ, но все оканчивалось еще болѣе рѣшительнымъ, неумолимымъ ливнемъ. Вотъ уже и одиннадцать часовъ—часъ, когда обыкновенно погода проясняется—а солнца нѣтъ, какъ нѣтъ. Если такъ, то она могла бы исполнить свой долгъ и сказать ему, чтобы онъ уѣхалъ. Въ такомъ случаѣ,

по крайней мѣрѣ, совѣсть ея была бы спокойна. А, теперь, при чемъ она?

Двѣнадцать часовъ било; завтракъ миновалъ, и сестры снова перешли въ гостиную. Романъ давно уже выскользнулъ изъ рукъ Сары, и она погрузилась въ отрадный, невинный сонъ. Сильный звонокъ у двери заставляетъ ее вздрогнуть.

— Это противные мальчишки!—кричитъ она съ сердцемъ, вскакивая съ мѣста.—Неужели мнѣ никогда не будетъ отъ нихъ покоя? а я такъ отлично заснула.

Взглянувъ на сестру, которая, очевидно, не спала, и бдительность которой, наконецъ, вознаграждена, хотя небо и не прояснилось,—она немедленно угадываетъ, кто находится въ числѣ «противныхъ мальчишекъ». Быть можетъ, это обстоятельство усиливаетъ досаду въ ея голосѣ; она идетъ на-встрѣчу своимъ поклонникамъ, по-дѣтски протирая кулаками глаза и говоря, надувъ губы:

— Вы разбудили меня. Я такъ отлично спала.

Такія слова никакъ не способны успокоить трехъ застѣнчивыхъ, юныхъ джентльменовъ, которые и безъ того сомнѣвались въ своевременности своего посѣщенія и въ томъ пріемѣ, какой они встрѣтятъ у хозяйки дома. Во всякомъ случаѣ, на Сару-то они разсчитывали, какъ на каменную стѣну. Но вотъ подкрѣпленіе приходитъ къ нимъ съ неожиданной совсѣмъ стороны.

— Не слушайте ее!—говоритъ Белинда съ сіяющей улыбкой.—Вотъ еще выдумала спать! Дождливый день? Да, конечно, дождь идетъ, но за то какъ тепло! какой славный, теплый дождикъ! какъ онъ полезенъ для полей! фермеры молили небо о дождѣ!

Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется ей теперь тотъ самый дождь, который она только-что проклинала. Но вѣдь *онъ* тутъ! и не все ли ей равно, въ такомъ случаѣ, гдѣ быть: въ лодкѣ ли, на сверкающей поверхности рѣки, или въ небольшой, простой англійской гостиной, омраченной дурной погодой?

„Vivre ensembbe d'abord,
C'est le bien necessaire et réel,
Apres on peut choisir au hazard
Ou la terre ou le ciel“ [1]).

— Я надѣюсь, что вы простите нашъ ранній визитъ,—го-

---

[1]) Быть вмѣстѣ—вотъ необходимое и истинное благо; а затѣмъ можно избрать, какъ случится, — землю, или небо.

ворить Беллерсъ, немного ободренный, но все еще не вполнѣ спокойный духомъ;—мы... мы хотѣли узнать, какъ вы думаете на счетъ рѣки.

— На счетъ рѣки!—кричитъ Сара все еще заспанная и сердитая, бросая саркастическій взглядъ сначала въ окно, потомъ на молодого человѣка;—чтó мы по вашему лягушки или утята?

Беллерсъ такъ теряется при этихъ словахъ, что миссъ Чорчиль хохочетъ, и ея хорошее расположеніе духа возвращается къ ней.

— Такъ какъ вы ужъ пришли, то оставайтесь,—говоритъ она, просыпаясь окончательно:—не правда ли, Белинда, ты имъ позволяешь остаться. Но если мы ограничимся одними разговорами, то я опять засну; не затѣять ли намъ какую-нибудь игру.

— Отлично,—немедленно соглашается Белинда.

Щеки ея горятъ, глаза сіяютъ. Нѣтъ такого нелѣпаго или дѣтски смѣшного времяпрепровожденія, которое бы не показалось ей теперь самымъ занимательнымъ.

— Будемъ играть въ пословицы!—предлагаетъ Сара весело.— Вы не знаете этой игры?—укоризненно взглядываетъ она на Стенли, который пробормоталъ что-то о своемъ незнаніи.—Это очень просто: всѣ кричатъ, а одинъ угадываетъ,—поясняетъ она. —Шумъ бываетъ всегда страшный; другого достоинства я въ этой игрѣ не нахожу.

— Сосѣди будутъ недовольны,—весело говоритъ Белинда, качая головой,—лучше будемъ играть въ «русскій скандалъ».

— Это слишкомъ тихая игра,—возражаетъ Сара:—въ ней, временемъ приходится шептаться; нѣтъ, не надо шептаться,—доканчиваетъ она рѣшительно, украдкой взглядывая на Райверса, какъ бы въ предостереженіе.

— Хорошая комнатная игра—это въ зайца съ собаками,—предлагаетъ де-Лиль тихимъ, застѣнчивымъ голосомъ.—Мы играли въ зайца и собакъ въ домѣ, гдѣ я былъ на дняхъ въ гостяхъ; мы бѣгали по всему дому отъ чердака до погреба; было очень весело!

— Въ томъ домѣ, гдѣ вы были, навѣрное нѣтъ свекрови, которая можетъ разсыпаться отъ ветхости,—отвѣчаетъ Сара,—отвергая, хотя и не безъ сожалѣнія, предложенную ей игру:—а у насъ *есть*. Что скажетъ компанія на счетъ «почты»?

Компанія, которая вся, какъ одинъ человѣкъ, желаетъ пошумѣть въ какой бы то ни было формѣ, съ восторгомъ принимаетъ предложеніе, какъ вдругъ миссъ Чорчиль передумываетъ.

— Отчего бы намъ не потанцовать? танцы лучше всякихъ

игръ! Ужъ вѣрно кто-нибудь можетъ съиграть вальсъ, а не то можно завести органъ. Мѣста мало? мѣста достаточно; надо только вытащить всю мебель.

Сказано-сдѣлано. Старинная, почтенная, англійская мебель вытаскивается изъ комнаты. Та же участь постигаетъ священное кресло профессора, рабочій столъ Белинды, все, кромѣ фортепіано и табурета, на который немедленно садится де-Ляль, застѣнчиво заявившій, что онъ умѣетъ играть танцы.

На дворѣ идетъ дождь. Раздаются звуки вальса. Наступаетъ минута колебанія. Беллерсъ и Стенли великодушно уступаютъ другъ другу первенство, но Сара рѣшаетъ дѣло, выбравъ того, кто стоитъ ближе. Для нея все равно съ кѣмъ бы ни танцовать, лишь бы танцовать. Не говоря ни слова, Белинда очутилась въ въ объятіяхъ Райверса. Въ открытое окно слышно, какъ стучитъ дождь. Какъ давно она не танцовала! Какъ волнуетъ ее и этотъ танецъ, и эта музыка! На землѣ или на небѣ звучитъ этотъ хромой вальсъ? Послѣ одного или двухъ туровъ она проситъ остановиться.

— У меня голова закружилась,—объявляетъ она.

Онъ немедленно повинуется, и боясь, какъ бы она не упала, съ минуту удерживаетъ руку вокругъ ея таліи.

— Я такъ давно не танцовала,—говоритъ она, закрывая глаза рукой:—такъ давно! такъ давно! Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ...

Она умолкаетъ.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы...

Онъ тоже умолкаетъ. Но вѣдь она все-равно безповоротно замужемъ, хотя онъ и не въ силахъ произнести этого слова.

— Съ тѣхъ поръ,—перебиваетъ она поспѣшно,—съ тѣхъ поръ какъ мы были... въ Дрезденѣ.

— Но мы никогда не танцовали въ Дрезденѣ,—говоритъ онъ, тоже слегка запинаясь, прежде чѣмъ назвать священный для нихъ обоихъ городъ.

— Вы, можетъ быть, и не танцовали,—отвѣчаетъ она съ очаровательной, лукавой улыбкой—отъ непривычнаго радостнаго возбужденія ей стало безумно-весело—но я танцовала. Разъ вечеромъ у насъ собралось нѣсколько гвардейцевъ, и я танцовала съ однимъ или двумя изъ нихъ; это было еще до васъ.

Какъ ни отдаленна эпоха, о которой она упоминаетъ, и хотя онъ имѣлъ полную возможность лично убѣдиться во взаимномъ равнодушіи Белинды и саксонскихъ офицеровъ, но онъ чувствуетъ ѣдкую обиду и ревность къ этимъ далекимъ и во времени, и въ пространствѣ нѣмецкимъ вальсёрамъ.

— Ну а теперь наступилъ мой чередъ,—говоритъ онъ съ паѳосомъ, и такъ какъ Белинда не противорѣчитъ, то они снова вальсируютъ.

Вальсъ конченъ; терпѣливый де-Лиль начинаетъ колотить галопъ. Они должны разстаться, такъ какъ Беллерсъ, ободренный жаркими похвалами Сары, приглашаетъ Белинду, и она не смѣетъ отказаться. Райверсъ танцуетъ съ миссъ Чорчиль. Къ чему онъ пригласилъ ее? Какая надобность ему танцовать? А главное, зачѣмъ онъ такъ веселъ и оживленъ? Онъ какъ будто такъ же радъ танцовать съ Сарой, какъ и она съ нимъ. Стенли, попытавшись научить галопировать Понча, галопируетъ одинъ. Галопъ кончается. Музыкантъ любезно выкладываетъ всѣ свои сокровища и угощаетъ ихъ допотопной полькой.

Опять они вмѣстѣ, и какъ иначе танцуетъ она теперь. Беллерсъ нашелъ ее далеко неудовлетворительнымъ партнеромъ; она лѣниво танцовала и часто просилась отдыхать. Но съ Райверсомъ она неутомима. Теперь чередъ Стенли танцовать съ Сарой, и Беллерсъ, подражая его примѣру, полькируетъ одинъ. Но далеко не такъ успѣшно, какъ его другъ. Пончъ, подъ вліяніемъ научной любознательности, желающій изслѣдовать странный феноменъ, появившійся передъ его глазами, стремглавъ бросается ему въ ноги и сваливаетъ его на полъ. Музыкантъ перестаетъ играть и танцующіе тоже останавливаются.

— Будетъ!—объявляетъ Сара, отводя сестру къ окну, и рѣзко замѣчаетъ ей:—мы невѣжливы относительно этого бѣднаго мальчика; (указывая на де-Лиля) ему скучно, хотя онъ этого и не показываетъ. Притомъ такъ какъ у меня только двѣ ноги и двѣ руки, то я не могу танцовать со всѣми заразъ, а *ты* мнѣ плохая помощница. Попробуемъ что-нибудь другое!

— Охотно,—отвѣчаетъ Белинда, торопливо заглушая упрекъ, который совѣсть подсказываетъ ей, она заслужила:—что хочешь, я на все согласна.

— Балъ конченъ!—говоритъ Сара, повелительно возвращаясь къ молодымъ людямъ и хлопая въ ладоши, чтобы водворить тишину.—Но если общество желаетъ, то мы немедленно начнемъ какую-нибудь игру. Я предлагаю жмурки.

Новое предложеніе Сары встрѣчаетъ еще больше одобренія, нежели первое, такъ какъ гости уже осмотрѣлись и не такъ застѣнчивы, какъ были въ началѣ.

Сара немедленно предлагаетъ, чтобы ей завязали глаза и черезъ минуту стоитъ уже посреди маленькой комнаты съ щел-

ковымъ платкомъ на глазахъ и вытянувъ впередъ руки въ тщетныхъ усиліяхъ поймать кого-нибудь.

Остальная компанія, въ строгомъ согласіи съ обычаемъ, дергаетъ ее за платье, за волосы, за рукавъ. Но не долго; ловкимъ движеніемъ, которое немедленно вызываетъ всеобщій крикъ негодованія и обвиненія въ томъ, что она подглядѣла, она ловитъ Беллерса, и онъ въ свою очередь стоитъ съ завязанными глазами и, вытянувъ руки, старается схватить тѣхъ, кто его дергаетъ. Въ концѣ концевъ онъ ловитъ Райверса, а Райверсъ—Белинду.

Игра идетъ все оживленнѣе и оживленнѣе, въ воздухѣ пыль стоитъ столбомъ; Пончъ выражаетъ свое удовольствіе веселымъ лаемъ, а собачка Белинды забилась въ уголъ съ несчастнымъ видомъ и прижалась носомъ къ стѣнѣ.

Всѣхъ веселѣе, всѣхъ оживленнѣе, всѣхъ рѣзвѣе миссисъ Фортъ; съ разгорѣвшимися щеками, съ растрепавшимися волосами, она заткнула за поясъ даже Сару. Она такъ долго, долго была старухой. Теперь она хочетъ наверстать потерянное время.

Шумъ и гамъ въ полномъ разгарѣ. Белинда попалась вторично и стоитъ съ завязанными глазами посреди комнаты, а всѣ остальные покатываются со смѣху при видѣ ея тщетныхъ усилій поймать кого-либо изъ нападающихъ. Но вдругъ наступаетъ тишина. Шумъ, бѣготня, хохотъ—все сразу умолкло. И вмѣстѣ съ тѣмъ она ловитъ кого-то, кто не оказываетъ ни малѣйшаго сопротивленія.

— Поймала!—кричитъ она съ тріумфомъ:—кого я поймала? и срываетъ съ глазъ платокъ.

Она дѣйствительно держитъ за рукавъ Райверса, но вмѣстѣ съ тѣмъ причина, почему онъ такъ легко дался ей въ руки и почему вся небольшая, шумная компанія присмирѣла, мгновенно предстала, во всемъ своемъ ужасѣ, передъ ея растеряннымъ взоромъ.

Дверь полу-открыта и въ ней профессоръ Фортъ, съ выраженіемъ на лицѣ, которое трудно характеризовать, смотритъ на веселую забаву, затѣянную въ его отсутствіе. Это длится, впрочемъ, не долго. Черезъ секунду онъ затворяетъ дверь и уходитъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ всѣ стоятъ, глядя другъ на друга безъ словъ и безъ голоса.

Белинда растерянно переводитъ глаза съ одного изъ окружающихъ ея лицъ на другое: растрепанные волосы, красныя щеки, прерывистое дыханіе, сверкающіе глаза! Обитатели Бед-

лица могутъ пожалуй показаться болѣе степенными и разсудительными!

Мужчины не совсѣмъ-то красивы на видъ, но Сара... но она сама! Сара похожа на вакханку, и встревоженная совѣсть подсказываетъ ей, что сама она будетъ еще почище, хотя и не рѣшается провѣрить это въ зеркалѣ. Но вѣдь она сознаетъ, что во время игры Сара была скромна и смирна въ сравненіи съ ней.

— Не лучше ли намъ уйти?—спрашиваетъ, наконецъ, Беллерсъ, голосомъ ягненка, въ которомъ никто бы не узналъ веселаго шалуна, какимъ онъ былъ всего какихъ-нибудь пять минутъ тому назадъ.

— Полагаю, что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,—сухо возражаетъ Сара.

И говоря это, она поворачивается къ своей оторопѣвшей сестрѣ и говоритъ вполголоса:

— Не лучше ли тебѣ пойти спросить его, не желаетъ ли онъ къ намъ присоединиться?

Белинда покорно идетъ къ двери; ей приходится кое-какъ пробираться черезъ узкій коррядоръ, весь только-что загроможденный мебелью, и смущеніе ея растетъ. Ему, очевидно, пришлось перепрыгнуть, какъ кошкѣ, черезъ собственное кресло, чтобы добраться до собственной гостиной! Было бы новымъ оскорбленіемъ явиться къ нему въ настоящемъ растрепанномъ видѣ. Она пойдетъ въ свою комнату и приведетъ себя въ порядокъ. Не слѣдуетъ терять ни минуты времени. Щетка торопливо проводится по растрепаннымъ волосамъ; горячія руки прикладываются къ горячимъ щекамъ, въ тщетной надеждѣ охладить ихъ. Послѣ этого она идетъ къ нему.

У двери она пріостанавливается и прислушивается съ сильно бьющимся сердцемъ. Но ничего не слыхать, и она, пріободряясь, входитъ въ комнату. Онъ сидитъ у письменнаго стола въ томъ самомъ кожаномъ креслѣ, въ которомъ она провела столько скучныхъ и утомительныхъ часовъ за обязательной работой; эта мысль придаетъ ей мужество, и она подходитъ къ нему.

— Позвольте мнѣ занять ваше мѣсто,—говоритъ она робкимъ голосомъ.—Я готова.

Проходитъ цѣлая минута, прежде, нежели онъ удостоиваетъ отвѣтить. Нельзя яснѣе показать неудовольствія, какъ оставляя чужой вопросъ безъ отвѣта въ продолженіе цѣлыхъ шестидесяти секундъ. Затѣмъ:

— Очень вамъ благодаренъ,—произноситъ онъ ледянымъ то-

номъ, не переставая писать;—но я думаю, что въ теперешнемъ вашемъ настроеніи вы врядъ ли способны на серьезное занятіе.

— Что же я по вашему *пьяна*, что ли?—спрашиваетъ она съ сердцемъ; затѣмъ вспоминая какъ сильны у него причины къ неудовольствію, сдерживаетъ себя и говоритъ какъ бы въ извиненіе:

— Мнѣ очень жаль; мы поступили немного опрометчиво, но... но... я не ждала васъ съ такимъ раннимъ поѣздомъ.

Онъ ѣдко смѣется.

— Это очевидно.

— Мнѣ очень жаль,—повторяетъ она, переступая съ ноги на ногу, въ то время какъ стоитъ передъ нимъ, будучи виноватою: —но... но... погода такая дождливая, намъ нельзя было пойти гулять, и я такъ давно уже не танцовала и не играла ни въ какія игры!

Въ ея голосѣ слышна жалобная нота, и она глядитъ на него съ смутной надеждой, что онъ тронется этимъ. Но если онъ и тронутъ, то этого не замѣтно.

— Въ самомъ дѣлѣ!—язвительно отвѣчаетъ онъ.—Во всякомъ случаѣ въ слѣдующій разъ, когда вамъ придетъ такая охота, то я попрошу васъ выбрать для этого другое мѣсто, а не мой домъ,—и не превращать его въ звѣринецъ!

Она думала, что уже такъ красна, что краснѣе и быть нельзя, но жаркая струя крови, приливающей къ ея щекамъ при этихъ словахъ, убѣждаетъ ее, что она ошибалась.

До сихъ поръ стыдъ и сожалѣніе о своемъ неразуміи, вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ искупить его, были преобладающими въ ней чувствами, но теперь они смѣняются жгучимъ сознаніемъ несправедливости и ненависти къ мужу.

— Въ сущности, преступленіе не Богъ вѣсть какое,—говоритъ она жесткимъ тономъ, въ которомъ нѣтъ больше и слѣда прежняго смиренія.—Оно, быть можетъ, и глупое, но такое невинное развлеченіе въ дождливый день!

— Я долженъ буду, однако, принять мѣры, чтобы обезпечить себя отъ повторенія подобныхъ невинныхъ развлеченій въ дождливые дни,—сердито произноситъ онъ.

Въ его голосѣ слышится, или можетъ быть только кажется ей, угроза и это немедленно приводитъ ее въ раздраженіе.

— Вы забываете,—говоритъ она тихо, но чрезвычайно явственно,—что я молода. Еслибы вы женились на женщинѣ однихъ съ вами лѣтъ, тогда было бы другое дѣло; но помните, что я только что начинаю жить, тогда какъ вы уже кончаете!

Высказавъ эти любезныя слова, она идетъ къ двери, не оглядываясь, чтобы не видѣть, насколько они задѣли его. Добѣжавъ до своей комнаты, она разражается истерическими рыданіями.

— Еслибы онъ иначе къ этому отнесся, онъ могъ бы на всю жизнь привязать меня къ себѣ!—кричитъ она.

Но это, повидимому, уже слишкомъ сильно сказано.

Можно было бы подумать, что такой душъ холодной воды исправитъ самыхъ завзятыхъ гулякъ; что никогда больше небольшая компанія, такъ жестоко застигнутая врасплохъ профессоромъ этрусскихъ древностей, не оправится отъ униженія, въ какое повергъ ее презрительный взглядъ его узкихъ глазъ. Но такова сила молодости и весны, что не проходитъ и двухъ дней, какъ они уже затѣваютъ новую экскурсію.

Цѣлый долгій день, проведенный Сарой въ одиночествѣ, такъ какъ Белиндѣ пришлось искупать усиленной работой свое кратковременное бездѣлье, убѣдили Сару въ необходимости самой позаботиться о развлеченіи своей персоны. Какими-то путями, посредствомъ переписки или же встрѣчъ на нейтральной почвѣ, она завела постоянныя сношенія съ Беллерсомъ и его пріятелемъ, и они сообща составили планъ новой экскурсіи на слѣдующій день. Эта экскурсія не можетъ уже быть такъ грандіозна, потому что миссисъ Фортъ не скоро можетъ разсчитывать на дневной отпускъ; но часть дня принадлежитъ ей, и теперь когда вечера такъ длинны, ими можно воспользоваться для прогулки.

Белинда не участвуетъ въ составленіи этого плана. Но она о немъ знаетъ. Еслибы она не знала, то могла ли бы она вынести такъ покорно и терпѣливо безконечный и томительный рабочій день, отдѣляющій ее отъ ожидаемаго удовольствія. Своего рода суевѣріе мѣшаетъ ей распрашивать о подробностяхъ. Принять за несомнѣнное, что оно будетъ, значило бы рисковать, судя по аналогіи съ предъидущимъ, что оно не осуществится. Тѣмъ менѣе рѣшается освѣдомиться она: приглашенъ ли Райверсъ?

— Я даже не знаю, изъ кого состоитъ ваша компанія,—говоритъ она, наконецъ, наканунѣ вечеромъ сестрѣ, ободренная сумерками, въ которыхъ онѣ расхаживали по садику, и надѣясь, что хитрая сестра не уловитъ тайнаго смысла ея вопроса.

— Изъ кого она состоитъ?—повторяетъ Сара безпечно:—а вотъ изъ кого,—пересчитываетъ она по пальцамъ:—ты, я, м-ръ Беллерсъ, м-ръ Стенли и м-ръ де-Лиль.

— Двѣ дамы и три кавалера?—возражаетъ Белинда тономъ нетерпѣливаго вопроса.

Сара не опровергаетъ.

— Насъ должно было быть шестеро въ прошлый разъ,— говоритъ миссисъ Фортъ, послѣ краткаго молчанія.

— Да, шестеро,—соглашается Сара. Сердце Белинды сильно бьется. Она отнимаетъ руку отъ руки сестры, на которую опиралась, какъ бы затѣмъ, чтобы поднять платье; но черезъ минуту платье снова волочится по землѣ. Къ чему же она съ такой радостью глядѣла на ясный закатъ солнца. Если Сара говоритъ правду, то какое ей дѣло: будетъ завтра хорошая или дурная погода.

— Ты не пригласила м-ра Райверса? — спрашиваетъ она наконецъ съ отчаянной рѣшимостью, видя, что сестра сама ничего объ этомъ не говоритъ.

— Разумѣется, я не пригласила,—отвѣчаетъ Сара, внушительно, напирая на мѣстоимѣніе *я*. Миссисъ Фортъ не замѣчаетъ внушительнаго тона; ей не до того, когда она видитъ, что опасенія ея осуществились. Нѣсколько секундъ она совсѣмъ не можетъ говорить.

— Какъ это вѣжливо!—произноситъ она тихо, но сердито: —вѣроятно онъ потому не удостоился приглашенія, что работалъ на заводѣ, какъ чернорабочій.

— Стой!—перебиваетъ Сара спокойно;—выслушай, прежде чѣмъ скажешь что-нибудь такое, о чемъ послѣ пожалѣешь. Изволь, я сообщу тебѣ: *онъ* приглашенъ. Но, ей-Богу, я тутъ не при чемъ! М-ръ Беллерсъ пригласилъ его, а я только подумала, что это совсѣмъ некстати.

Наступаетъ утро. Закатъ не обманулъ. Погода дивная, и ужъ конечно не она помѣшаетъ сегодня прогулкѣ сестеръ. Проходитъ утро въ жаркомъ трудѣ для одной—и въ прохладномъ бездѣльѣ—для другой. Проходитъ завтракъ.

Наступаетъ часъ прогулки. Сара уже одѣта, и ей остается только застегнуть перчатки. Но Белинда, обычно такая аккуратная, а сегодня могла бы быть такою тѣмъ болѣе,—еще не появлялась. Но въ ту самую минуту какъ Сара готовится уже кликнуть ее, она входитъ. При видѣ ее, сестра вскрикиваетъ съ удивленіемъ и упрекомъ:

— Какъ! ты еще не одѣта?

— Я не ѣду, — угрюмо отвѣчаетъ Белинда, бросаясь въ кресло,—я должна отказаться отъ прогулки!

— Отказаться?—переспрашиваетъ недовѣрчиво Сара, вспоминая, съ какой страстной тревогой слѣдила Белинда наканунѣ за солнечнымъ закатомъ, —почему?

— Онъ не хочетъ отпустить меня,—отвѣчаетъ Белинда мрачнымъ, покорнымъ голосомъ:—онъ говоритъ, что боленъ.

— Боленъ? что съ нимъ такое?

— Право, забыла спросить, что именно у него болитъ сегодня: сердце или печень,—отвѣчаетъ Белинда съ апатической ироніей: —у него всегда болитъ или сердце, или печень, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда разыгрывается сплинъ.

— Во всякомъ случаѣ не понимаю, зачѣмъ ты ему нужна —тѣмъ болѣе (если я какъ слѣдуетъ понимаю тебя)—когда все это однѣ фантазіи.

— Я буду давать ему капли,—отвѣчаетъ Белинда, съ отчаяніемъ пряча лицо въ подушку кресла.—Пока вы будете кататься по рѣкѣ, я буду давать капли. А рѣка-то какъ сегодня должна быть хороша.

Она чуть не плачетъ при этихъ словахъ и, выпрямляясь на креслѣ, подозрительно взглядываетъ на сестру:

— Ты кажется совсѣмъ не огорчена; можно даже подумать, что ты рада, что я осталась дома.

— По обыкновенію ты хватаешь черезъ край,—возражаетъ спокойно Сара.—Я размышляла о томъ, что прогулка рискуетъ совсѣмъ не состояться, такъ какъ даже и я не рѣшусь бравировать предъ оксфордскимъ общественнымъ мнѣніемъ и ѣхать кататься въ обществѣ четверыхъ молодыхъ людей безъ дуэньи.

— Разумѣется,—поспѣшно хватается Белинда за эту мысль, съ чувствомъ невыразимаго облегченія:—это немыслимо.

Ей сравнительно легко будетъ подносить капли профессору Форту, если ее не будетъ терзать мучительное представленіе о рѣкѣ, о зеленыхъ ивахъ, подъ которыми проѣзжаетъ лодка, а въ ней—увы!—Райверсъ, смѣющійся остротамъ Сары, которая умѣетъ смѣшить его, какъ никто.

Разочарованіе, явственно выражающееся на розовомъ личикѣ Сары, заставляетъ Белинду устыдиться своего эгоизма.

— Я могла бы предложить миссисъ Бекеръ ѣхать съ тобой, —медленно и неохотно заявляетъ она:—миссисъ Бекеръ любитъ кататься по рѣкѣ, и она живетъ всего лишь черезъ два дома отъ насъ. Какъ ты думаешь, — прибавляетъ она, съ страстной надеждой, что Сара откажется отъ ея предложенія:—стоитъ приглашать миссисъ Бекеръ?

— Еще бы не стоитъ!—оживляется Сара, и глаза ея опять весело сверкаютъ.

Белинда уже раскаялась въ своемъ предложеніи, но ей стыдно

отступить назадъ. Она садится къ письменному столу, а Сара подходитъ къ окну.

— Я всѣхъ ихъ вижу на перекресткѣ,—объявляетъ она:— они не рѣшаются идти дальше, да и тамъ-то кажется трусятъ.

Белинда пишетъ записку: самое живучее изъ всѣхъ чувствъ — надежда — снова просыпается въ ея душѣ. Вѣдь судьба можетъ сжалиться надъ нею. Миссисъ Бекеръ можетъ отказаться; мало ли что можетъ ей помѣшать. Но, нѣтъ, судьба не сжалилась. Если она когда и бываетъ милостива къ намъ, то по собственной охотѣ, а не по нашей просьбѣ.

— Она очень рада,—объявляетъ Сара, возвращаясь съ непостижимой быстротой.

Для большей вѣрности она захотѣла сама снести записку.

— Она очень благодаритъ тебя за то, что ты о ней вспомнила; она теперь одѣвается и поспѣетъ на перекрестокъ въ одно время со мной.

Миссъ Чорчиль спѣшитъ уйти, не желая, быть можетъ, вглядываться въ лицо сестры, но сестра удерживаетъ ее.

— Я дойду съ тобой до перекрестка, — говоритъ она, поспѣшно надѣвая старую соломенную шляпу.

Но она не прошла и пяти шаговъ, какъ раскаялась въ своемъ поступкѣ. Въ послѣдніе дни она шагу не можетъ ступить, чтобы не раскаяться. Къ чему она по собственной охотѣ дастъ ему поводъ сравнивать себя, жалкую будничную труженицу, съ красивой, нарядной бабочкой-сестрой, которая такъ обаятельно хороша и такъ заразительно весела? Она готова уйти, но уже поздно. Молодые люди увидѣли ее и идутъ на-встрѣчу.

Райверсъ вздыхаетъ съ облегченіемъ. Ему снились дурные сны, и предчувствуется нехорошее. Но и сны, и предчувствіе оказываются лживыми, какъ и всѣ сны и предчувствія вообще. Вѣдь они предсказывали ему, что она не придетъ, а вотъ и она. Она явилась ему во всей своей живой прелести! И станетъ онъ обращать вниманіе на то, что на ней старая шляпка и простенькое платье! Да онъ вовсе и не принадлежитъ къ тѣмъ мужчинамъ, которые посвящены во всѣ тайны женскаго туалета. Для него женщина, которую онъ любитъ, всегда прекрасно одѣта.

— Я надѣюсь, что вамъ будетъ весело,—говоритъ она, подавая ему руку и поднимая на него печальные глаза.

— Намъ?—переспрашиваетъ онъ, мягко смѣясь, хотя сердце у него и ёкнуло,—отчего же не вамъ?

— Я не ѣду!—спокойно отвѣчаетъ она, не спуская ревни-

выхъ глазъ съ его лица, чтобы видѣть: огорченъ ли онъ этимъ извѣстіемъ.

Онъ отступаетъ шага на два, выпуская ея руку.

— Не ѣдете?—глухо повторяетъ онъ.

Его сны, его предчувствія значитъ оправдались!

— Скорѣй идемъ, скорѣй! — кричитъ Сара, увлекая всѣхъ за собой, безъ оглядки; мы уже опоздали. М-ръ Райверсъ, подержите пожалуйста надо мной зонтикъ, пока я поищу своего кармана. Я надѣла новое платье и ужасно боюсь, что въ немъ нѣтъ кармана.

Она такъ рѣшительно обращается къ нему, что ему ничего не остается, какъ повиноваться.

И прежде, нежели Белинда успѣла опомниться, они уже далеко, далеко, на пути къ рѣкѣ и зеленымъ ивамъ. Ни однимъ словомъ не выразивъ сожалѣнія о томъ, что ее не будетъ съ ними, не освѣдомившись даже о причинахъ ея отсутствія, онъ ушелъ, ушелъ, чтобы веселиться безъ нея!

Конечно, лицо его какъ будто выразило нѣкоторое разочарованіе? Но на долго ли? Вѣроятно, теперь онъ уже утѣшился и развеселился! Еслибы ея отсутствіе значило для него то же, что его отсутствіе для нея, развѣ бы онъ вообще отправился на прогулку? Развѣ бы онъ не придумалъ какого-нибудь предлога, чтобы уклониться отъ нея? Въ своей горькой и несправедливой тоскѣ она не думаетъ о томъ, что поступить такъ, значило бы скомпрометировать любимую женщину! Къ счастію для нея, ей некогда предаваться подобнаго рода размышленіямъ. Она должна немедленно идти на барщину. Правда, что утренняя работа надъ Менандромъ окончена — профессоръ и больной не разстается съ Менандромъ — но дневной трудъ ея еще не конченъ. Она еще не отбыла свое двухчасовое дежурство у полоумной свекрови, когда ея сидѣлка отпускается погулять и запастись на свѣжемъ воздухѣ тѣмъ количествомъ озона и терпѣнія, какое ей понадобится въ остальные двадцать-два часа. Мысль о своей подругѣ-невольницѣ заставляетъ Белинду съ раскаяніемъ ускорить шагъ. Какое право имѣетъ она укорачивать отдыхъ у другой невольницы.

— Не спѣшите возвращаться,—говоритъ она снисходительно сидѣлкѣ, смѣняя ее на ея посту.—Сегодня прекрасная погода; отдохните и погуляйте хорошенько; мнѣ некуда торопиться.

Хотя въ комнатѣ старухи миссисъ Фортъ жарко, какъ въ печкѣ, но кресло ея придвинуто къ самому огню. Такихъ старыхъ людей, какъ она, кровь уже больше не грѣетъ. Умственныя способности настолько въ ней омрачены, что она неспо-

собна узнавать даже тѣхъ людей, которые постоянно находятся при ней. Каждый день неизмѣнно привѣтствуетъ она свою невѣстку слѣдующей фразой:

— Кто вы, моя милая? Я васъ совсѣмъ не знаю.

Болтовня ея, которая никогда не прекращается, состоитъ изъ вопросовъ, повторяющихся ad infinitum; она расспрашиваетъ про разныхъ членовъ своей фамиліи, давно уже умершихъ, но которыхъ она считаетъ живыми и даже находящимися въ комнатѣ. Она увѣряетъ, что ея папаша только что навѣстилъ ее (еслибы онъ былъ живъ, ему было бы сто-шестьдесятъ лѣтъ), и что онъ удивительно какъ сохранилъ свою память.

Белинда садится около нея.

Не требуется особеннаго напряженія ума, чтобы повторять черезъ извѣстные промежутки, медленнымъ, но громкимъ голосомъ (такъ какъ слухъ ослабъ вмѣстѣ съ остальными способностями):

— Я—Белинда! Белинда Фортъ, жена Джемса; жена вашего сына Джемса! въ перемежку съ такими отвѣтами, на подобающіе вопросы:—онъ умеръ! онъ умеръ двадцать - пять лѣтъ тому назадъ!

Но эта бесѣда не мѣшаетъ къ сожалѣнію думать.

Они должно быть уже дошли теперь до рѣки. Неужели они всю дорогу шли въ такомъ порядкѣ, какъ выступили? Онъ съ Сарой впереди всѣхъ, а остальные сзади? Разумѣется, такъ. Если имъ обоимъ это нравится, то къ чему мѣнять? Какъ мучительно жарко отъ этого огня. Онъ палитъ ей внутренность.

Теперь они садятся въ лодку. Какую они выберутъ: одновесельную или нѣтъ? Можетъ быть, и ту, и другую. Въ такомъ случаѣ имъ придется раздѣлиться, такъ какъ ихъ шестеро. И потому какъ Белинда ломаетъ свои руки, не трудно угадать, какимъ образомъ она распредѣляетъ компанію. Въ сущности они будутъ en tête-à-tête?

Белинда совсѣмъ забыла о своей свекрови, и вкривь, и вкось отвѣчаетъ на ея вопросы.

Но вотъ входитъ профессоръ Фортъ, ежедневно являющійся на пять минутъ въ комнату матери, засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Этимъ ограничивается его роль въ ухаживаніи за ней. Къ удивленію она узнаетъ его, хотя ей и не сказали, кто онъ.

— Гдѣ твой отецъ, Джемсъ?—вотъ ея первый вопросъ.

— Онъ оставилъ насъ, матушка.

— *Оставилъ* насъ! (съ величайшимъ удивленіемъ и оживленіемъ) но гдѣ же онъ?

— На томъ свѣтѣ, матушка (очень громко).

— Вотъ какъ!—надѣюсь, что тамъ за нимъ хорошій уходъ. Если я знаю, что за нимъ хорошій уходъ, то мнѣ больше ничего не нужно.

Белинда вздыхаетъ. Она слышала все это сто разъ: сначала съ состраданіемъ и удивленіемъ, затѣмъ съ болѣзненнымъ юморомъ, наконецъ съ равнодушной апатіей, создаваемой привычкой. Сегодня это производитъ на нее новое и очень тяжелое впечатлѣніе. Такъ вотъ что такое жизнь вообще? Сначала молодость, страстно рвущаяся къ чему-то, чего никогда не достигаетъ; непрерывно манящій и не дающійся въ руки миражъ; сердце, расплачивающееся годами страданій за минутное наслажденіе; ревность, отравляющая пищу и убивающая сонъ, и все затѣмъ, чтобы въ старости превратиться въ идіота!

Наконецъ, ее отпускаютъ на свободу, и она можетъ заниматься чѣмъ ей угодно. Но какое занятіе пойдетъ на умъ въ ея теперешнемъ настроеніи? Она беретъ шляпу въ руки и идетъ гулять. Ноги безъ ея вѣдома приводятъ ея на берегъ рѣки. Она не надѣется ихъ встрѣтить. Вѣроятно ли, чтобы они такъ рано вернулись съ прогулки? Но воздухъ и движеніе успокоиваютъ ее. Передъ нею рѣка тихо и безмолвно катитъ свои спокойныя волны. У самой воды растутъ кусты, и цвѣты ихъ наклоняются къ самой водѣ. Двѣ кукушки кукуютъ; одна громко и близко, другая нѣжно и въ отдаленіи, и какъ бы перекликаются другъ съ другомъ. У самаго берега, подъ ея ногами, студентъ лежитъ въ лодкѣ и читаетъ книгу. Трое другихъ перегоняются другъ съ другомъ. Она садится на скамейку и лѣниво слѣдитъ за ними, пока, со взрывами молодого хохота, они не скрываются изъ вида. Показывается еще лодка, еще и еще; вотъ новая лодка и въ ней сидятъ дамы. Сердце ея забилось. Увы! это не ея знакомые!

Цѣлая вереница юныхъ джентльменовъ во фланелевыхъ костюмахъ проплываетъ мимо, съ веселыми возгласами. Белинда мрачно задумалась, сравнивая ихъ веселость съ своей меланхоліей, какъ вдругъ вниманіе ея привлечено оглушительнымъ голосомъ, невидимо несущимся изъ-за-угла. При звукахъ этого голоса Белинда поспѣшно вскакиваетъ со скамейки и идетъ дальше. На рѣкѣ показывается плотъ, которымъ управляетъ молодой человѣкъ, но такъ неискусно, что можно право подумать, что онъ дѣлаетъ это намѣренно. Плотъ безпрестанно натыкается на другія лодки, врѣзывается въ берегъ, но ничто не можетъ обезкуражить особу, тріумфально возсѣдающую на немъ.

— Стой! стой! — кричитъ эта особа, такъ размахивая зонтикомъ, что уже по одному этому ее можно было бы узнать.— Белинда! Белинда!

Всѣ молодые люди на берегу обернулись на зовъ. Одинъ изъ бѣлыхъ терріеровъ, сидѣвшій рядомъ со своимъ господиномъ въ лодкѣ, поднимаетъ вверхъ морду и принимается лаять.

— Джоржъ Сампсонъ катаетъ меня на плоту! — кричитъ миссъ Уатсонъ, такъ зычно, что никто изъ членовъ университета не могъ остаться въ невѣденіи на счетъ этого факта.—Его родные вернулись въ Лондонъ. Не понимаю, что заставило ихъ такъ сократить свое здѣсь пребываніе. Они собирались пробыть здѣсь недѣлю. Почему бы вамъ не присоединиться къ намъ? Я увѣрена, что вы будете рады,—обращается она къ своему кормчему, —если миссисъ Фортъ покатается съ нами. Намъ такъ весело.

Несчастный молодой человѣкъ бормочетъ что-то, что можно принять за согласіе. Отъ досады потъ выступаетъ у него на лбу, на которомъ написано такое смущеніе, что слова безсильны передать ихъ.

— Нѣтъ?—продолжаетъ та въ отвѣтъ на отказъ Белинды воспользоваться ея приглашеніемъ.—Вы не такъ любите воду, какъ Сара. Сара чувствуетъ себя на водѣ,—какъ утенокъ. Я видѣла, какъ они отчаливали; ихъ была очень веселая компанія; я предложила присоединиться къ нимъ, но они очевидно не слыхали. Отчего *вы* не поѣхали съ ними? *Васъ*, вѣрно, не пустили?

Не оборачиваясь, Белинда чувствуетъ, что весьма естественная улыбка появилась на лицахъ многихъ молодыхъ людей, слушавшихъ этотъ разговоръ, при такомъ разоблаченіи ея домашнихъ секретовъ. Нѣтъ ни одного, который бы не отложилъ въ сторону книги.

— Я не хочу васъ долѣе задерживать,—проговорила Белинда, поспѣшно прощаясь.

Но миссъ Уатсонъ вовсе не намѣрена отстать отъ нея.

— Вы бы сказали профессору, что по совѣсти считаете необходимымъ присматривать за Сарой, и судя по тому, что я сегодня видѣла, вы бы сказали сущую правду.

— Что вы хотите сказать?—возражаетъ Белинда.—Развѣ Сара,—понижаетъ она голосъ, чтобы другіе не слыхали:—развѣ она... ха! ха! ха! такъ ужасно кокетничала со всѣми ними?

— *Со всѣми ними!* — повторяетъ та съ громогласной ироніей.—Еслибы со всѣми, то бѣда была бы невелика. Въ этихъ случаяхъ множественное число служитъ ручательствомъ безвред-

ности кокетства. Но, нѣтъ!—она кокетничала преимущественно съ Райверсомъ.

Вотъ чего Белинда какъ будто добивалась и наконецъ услышала. Итакъ, это не созданіе ея безпорядочной фантазіи; должно быть, это вполнѣ очевидно, если такой грубый и поверхностный наблюдатель, какъ миссъ Уатсонъ, замѣтила это.

VIII.

„Le monde n'est jamais divisé pour moi, qu'en deux regions: celle oú elle est, et celle oú elle n'est pas".

Недѣля—цѣлая недѣля!—всего только недѣля! Вотъ два противоположныхъ способа судить о томъ или иномъ періодѣ времени: одинъ показываетъ нетерпѣливое удивленіе его продолжительности, другой—унылое сожалѣніе объ его краткости. Стоитъ ли объяснять, какое изъ этихъ двухъ сужденій прикладываетъ миссисъ Фортъ къ каникуламъ Райверса. Всего только недѣля! Сколько разъ въ продолженіе этихъ семи дней она успокоиваетъ свою совѣсть этими всемогущими тремя словечками? Стоитъ ли бороться съ собой изъ-за одной недѣли? Стоитъ ли анализировать свои чувства, вникать въ смыслъ своихъ поступковъ? Всего только недѣля! Это такой краткій срокъ, что остается только какъ можно лучше имъ воспользоваться! Надо пользоваться имъ и закрыть глаза на то, какой тяжкой цѣной придется заплатить за свое кратковременное счастіе!

Въ этомъ счастіи не однѣ только розы. Уже въ первые два дня пришлось поплатиться тяжелой, удручающей работой, обманутыми ожиданіями, неразумной ревностью—неразуміе которой она сама сознаетъ въ спокойныя минуты. Въ присутствіи Райверса ревность эта пропадаетъ безслѣдно, такъ какъ онъ не подаетъ къ ней никакихъ поводовъ. Но стоитъ ему уйти и она опять оживаетъ и кипитъ.

Рѣдко случается, чтобы одна успѣшная прогулка не породила другой и третьей. Погода стоитъ прекрасная. Сердце или печень профессора—до сихъ поръ хорошенько неизвѣстно, который изъ этихъ органовъ у него не въ порядкѣ — оправились отъ удара, нанесеннаго имъ Вальпургіевымъ днемъ, устроеннымъ его женой.

Белинда могла свободно располагать тремя вечерами, во время которыхъ каталась на лодкѣ, пила чай въ прибрежныхъ ресто-

ранахъ, рвала цвѣты на лугахъ и возвращалась домой съ наступленіемъ ночи съ руками полными цвѣтовъ, поднесенныхъ на прощанье при разставаньи у воротъ дома.

Это прощанье съ каждымъ днемъ становится нѣжнѣе. Не въ словахъ разумѣется. Между ними не сказано ни одного слова, котораго бы профессору не слѣдовало слышать, еслибы онъ высунулъ въ окошко свою голову, украшенную бархатной ермолкой.

Белинда проживаетъ свой капиталъ. Черезъ недѣлю она станетъ банкротомъ; дайте ей пожить, пока можно! Вѣроятно, Сара раздѣляетъ воззрѣніе сестры на то, что не стоитъ ломать голову надъ своимъ поведеніемъ, когда впереди имѣется всего одна недѣля. А можетъ быть она, какъ особа разсудительная, признаетъ безполезность вмѣшательства. Можетъ быть, она слишкомъ поглощена собственными дѣлами, чтобы удѣлять много вниманія дѣламъ сестры. Рѣдко когда амурныя дѣла доставляли столько хлопотъ миссъ Чорчиль.

Кокетливые пріемы, которые навѣяли на тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ офицеровъ только пріятную и сдержанную нѣжность, довели впечатлительныхъ англійскихъ юношей до бѣлокалильнаго жара.

Съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ страсть ихъ къ Сарѣ растетъ, взаимная ихъ дружба охладѣваетъ и грозитъ, наконецъ, превратиться въ настоящую вражду. Во время послѣдней экспедиціи она не могла принять букета полевыхъ цвѣтовъ изъ рукъ одного изъ нихъ, чтобы не быть немедленно заваленной другими букетами. Теперь она не можетъ выпить меньше трехъ чашекъ чаю, чтобы каждый имѣлъ возможность поднести ей чашку. Даже Беллерсъ, убѣдившись въ полной безнадежности своего поклоненія миссисъ Фортъ, теперь безусловно ухаживаетъ за Сарой, и усерднѣе, чѣмъ она этого бы желала.

— Мнѣ скоро противно будетъ на нихъ глядѣть!—кричитъ чуть не со слезами въ голосѣ эта вѣчно веселая особа, гуляя съ сестрой по саду утромъ рокового седьмого дня.—Никто изъ нихъ —этой выразительной фразой она всегда обозначаетъ благородную армію своихъ поклонниковъ—никто изъ нихъ не надоѣдалъ мнѣ такъ, какъ эти мальчишки; какъ это они не могутъ понять, что я интересуюсь не лисицей, а охотой?

— Скоро все это кончится,—медленно произноситъ Белинда.

Она говоритъ это въ утѣшеніе сестрѣ, но разумѣетъ при этомъ самое себя.

— Да, хорошо,—отвѣчаетъ Сара мрачно,—но вѣдь остается

еще сегодняшній день. Ты знаешь, что мы рѣшили покататься по рѣкѣ, и я въ минуту слабости обѣщала этому противному Белерсу. Должна сознаться,—поясняетъ она съ новымъ взрывомъ досады,—что они такъ мнѣ надоѣдаютъ, что у меня часто голова идетъ кругомъ;—поѣхать съ нимъ въ какой-то душегубкѣ, понимаешь, съ нимъ вдвоемъ. И можешь себѣ представить, я рѣшительно *не смѣю* объявить объ этомъ остальнымъ. Что мнѣ дѣлать? Не можешь ли ты,—прибѣгаетъ она къ старинной, вкрадчивой манерѣ,—объявить имъ это за меня.

Белинда улыбается горькой улыбкой воспоминанія.

— Какъ нѣкогда я должна была объявить м-ру Форту, что ты его одурачила? Нѣтъ! благодарю покорно!

Да! увы! наступилъ послѣдній день и послѣдняя прогулка. Всю предъидущую ночь и все утро Белинда испытывала ледяной ужасъ—слово это не слишкомъ сильно,—ну вдругъ что-нибудь случится и помѣшаетъ прогулкѣ. Она освѣдомляется о здоровьѣ профессора съ такой заботливостью, что краснѣетъ за свое вѣроломство. Самая нестерпимость этой мысли придаетъ ей нѣкоторое вѣроятіе. Развѣ не бываетъ въ жизни, что всего чаще случается именно то, о чемъ думать нестерпимо?

Наступаетъ назначенный часъ, встрѣча на перекресткѣ (никогда больше влюбленные юноши не дерзаютъ переступать порогъ дома, чинность котораго они нарушили) и прогулка по рѣкѣ. Сара тщательно старалась не отставать отъ сестры; Белерсъ перехитрилъ своихъ товарищей и вынудилъ ихъ довольствоваться обществомъ дамы, служившей дуэньей Сары въ первую прогулку и приглашенной изъ вѣжливости и на послѣднюю. Сарѣ ничего не остается, какъ покорно слѣдовать за своимъ поклонникомъ, а на ея лицѣ можно прочесть, что она приготовилась къ худшему.

Дошли до рѣки. Маленькая диверсія произошла во время выбора лодокъ и снабженія ихъ подушками. Это даетъ возможность Сарѣ ухватить сестру за рукавъ и отвести въ сторону.

— Все кончено,—угрюмо говоритъ она:—онъ сказалъ мнѣ, пока мы шли сюда, что если онъ хорошо читаетъ въ моихъ глазахъ, то я къ нему не равнодушна!

— А ты? что ты ему сказала?

— Что я сказала (тономъ крайняго раздраженія, сквозь которое сквозитъ невольный смѣхъ)?—я сказала ему, что онъ прочиталъ вздоръ; но ты понимаешь, что послѣ этого намъ невозможно ѣхать вдвоемъ въ душегубкѣ? что дѣлать? третьему нѣтъ мѣста; скорѣй придумай, какъ быть!

Съ минуту миссисъ Фортъ глядитъ въ пространство съ смущеніемъ, но вдругъ новая мысль возникаетъ у ней въ головѣ. Да, конечно! почему бы и не такъ? вѣдь сегодня послѣдній день! Но она не сразу рѣшается высказаться.

— Не можешь ли ты попросить миссисъ Беккеръ занять твое мѣсто,—спрашиваетъ она.

Сара нетерпѣливо пожимаетъ плечами.

— Она ни за что на это не согласится; она всегда визжитъ, когда ее катаютъ въ душегубкѣ!

Значитъ, такъ тому и быть. Что иное можетъ она предложить? Она не виновата; случай, судьба за, или, вѣрнѣе сказать, противъ нея! Она сдѣлала все, что могла.

— Вижу, что я должна принести себя въ жертву,—торопливо говоритъ она, не глядя на сестру.

Тутъ имъ приходится присоединиться къ остальной компаніи, которая ихъ зоветъ въ нѣсколько голосовъ.

Въ одно мгновеніе, точно за ней гонится чортъ или влюбленный студентъ, который, въ ея теперешнемъ настроеніи, кажется ей противнѣе и опаснѣе чорта, Сара впрыгнула въ большую лодку.

— Сестра вдругъ струсила,—говоритъ Белинда, покраснѣвъ и опустивъ глаза:—кто-нибудь изъ васъ, господа, долженъ взять меня съ собой въ душегубку.

Никто не отвѣчаетъ, и она садится въ душегубку, опираясь на чью-то протянутую руку. Кто-то вслѣдъ за ней садится въ душегубку и берется за весла. Пока они не отплыли на самую середину рѣки, и даже тогда, она не сразу рѣшается поднять глаза. Ей какъ-то совѣстно.

Маневръ этотъ изобрѣтенъ не ею; а между тѣмъ, посредствомъ этого маневра, она обезпечила себѣ послѣдній tête-à-tête съ нимъ. Она даже не знаетъ: хотѣлъ ли онъ этого? Онъ не выразилъ никакого удовольствія, что все такъ устроилось. Быть можетъ—и ревность мгновенно просыпается въ ней—ему досадно, что онъ лишенъ общества Сары. Быть можетъ, онъ теперь молча старается подавить свою досаду.

Она взглядываетъ на него украдкой и тотчасъ же убѣждается, что это не такъ. Одного мимолетнаго взгляда достаточно, чтобы она поняла въ чемъ дѣло. Онъ молчитъ, потому что онѣмѣлъ отъ радости.

Она вздыхаетъ съ облегченіемъ и улыбается.

— Что за день! — говоритъ наконецъ Райверсъ, переставая

грести и взглядывая на небо.—Я люблю рѣку; какъ мнѣ по ней скучно было въ первое время!

Белинда молчитъ.

— Дѣйствительно,—продолжаетъ онъ, переведя глаза съ неба на ея лицо:—дѣйствительно, стоило хоть разъ воспользоваться каникулами въ цѣлыхъ два года, когда удалось такъ хорошо ихъ провести.

Въ то время, какъ онъ это говоритъ, Белинда морщитъ лобъ не потому, чтобы была недовольна его словами, но потому, что они вызываютъ въ ней сомнѣніе.

— Увѣрены ли вы, — медленно произноситъ она:—что это ваши первые каникулы въ эти два года?

Онъ съ удивленіемъ глядитъ на нее.

— Конечно, да! Почему вы это спрашиваете?

— Такъ!—отвѣчаетъ она, сконфузясь.—Мнѣ говорили какъ-то, что вы были въ Лондонѣ прошлой зимой.

— Да,—спокойно говоритъ онъ, хотя все еще не безъ удивленія.—Наша фирма послала меня по дѣлу; это не были каникулы.

— Но вы съумѣли соединить дѣло съ удовольствіемъ?—неловко смѣется она.—Вы... вы были въ театрѣ.

Какъ ни трудно ей глядѣть ему въ лицо, сознавая все неприличіе такого допроса, она не спускаетъ съ него глазъ, стараясь уловить на немъ тѣнь смущенія. Но онъ не смущенъ. Онъ опять принялся-было грести, но при этомъ вопросѣ опять остановился.

— *Вы* тоже были въ театрѣ?—восклицаетъ онъ.—Неужели я проглядѣлъ васъ? Я глядѣлъ во всѣ глаза... я думалъ... я надѣялся.

Она качаетъ головой.

— Меня тамъ не было! я была не въ такомъ настроеніи, чтобы ходить въ театръ; но я слышала объ этомъ отъ лица, которое васъ видѣло въ театрѣ.

Безъ сомнѣнія, онъ теперь упомянетъ про даму, которую онъ сопровождалъ. Она нарочно умолкаетъ, чтобы онъ самъ успѣлъ сообщить объ этомъ. Но онъ оперся на весла и глядитъ передъ собой съ какимъ-то раздумьемъ.

— Вы были съ дамой, — заканчиваетъ Белинда.

— Съ дамой?—повторяетъ онъ, выходя изъ задумчивости.—Неужели? ахъ, да, я былъ съ сестрой. Бѣдная дѣвочка! ей такъ хотѣлось побывать въ театрѣ; она такъ давно не была въ немъ. Она гостила у тетки, и та подарила намъ два билета въ кресла.

Въ противномъ случаѣ,—добавляетъ онъ со смѣхомъ,—положеніе нашихъ финансовъ позволило бы намъ пойти только въ галерею.

Итакъ, все объяснилось! И какъ просто! Есть ли во всемъ этомъ хоть какой-нибудь поводъ къ недовѣрію или ревности? Кто кромѣ безумной женщины могъ бы къ этому придраться? А между тѣмъ, на этомъ мыльномъ пузырѣ она построила погибель всей своей жизни...

Догораетъ послѣдній часъ послѣдняго дня. Когда солнце зайдетъ за эти кусты, все будетъ кончено. Послѣдній часъ! Сколько вещей необходимо всегда сказать на послѣдокъ! А между тѣмъ, только одна фраза вертится и на губахъ, и въ умѣ: — мы видимся въ послѣдній разъ! Но даже и это не выговаривается. Но вотъ при видѣ приближающагося берега, родъ паники овладѣваетъ Белиндой:

— Какъ мы скоро ѣдемъ!—говоритъ она, задыхаясь.—Черезъ десять минутъ мы будемъ дома!

— Черезъ десять минутъ! — повторяетъ онъ, точно просыпаясь и только что теперь сознавая этотъ фактъ.

— И это наша послѣдняя прогулка!—глухо произноситъ она.

Киль лодки продолжаетъ такъ же быстро разсѣкать воду. Къ чему такъ быстро? ради самаго неба, къ чему такъ быстро? Само солнце—послѣднее ихъ солнце—какъ будто торопится сегодня на покой.

— Почему же послѣдняя?

Она выслушиваетъ этотъ намекъ въ мертвомъ молчаніи. Сердце у ней бьется такъ сильно, что она не сразу можетъ пролепетать:

— Но какже? вѣдь завтра ваши каникулы оканчиваются?

— А развѣ они никогда больше не повторятся?

Онъ перестать грести, но лодка плыветъ къ берегу, неудержимо плыветъ. Она качаетъ головой съ безнадежной улыбкой:

— Опять черезъ два года!

Онъ совсѣмъ вытащилъ весла изъ воды. По крайней мѣрѣ, самъ онъ не станетъ ускорять моментъ разлуки. Капли медленно стекаютъ съ веселъ. Сумерки надвигаются на всю окрестность и падаетъ теплая роса. Двѣ или три минуты проходятъ, прежде, нежели Райверсъ заговариваетъ.

— Учебный семестръ скоро кончится, и вы, вѣроятно, уѣдете изъ Оксфорда.

— Не думаю... нѣтъ, вѣроятно,—отвѣчаетъ она равнодушно.

Безсознательное разочарованіе сжимаетъ ея сердце: ей ка-

жется, что онъ очень невнимательно пропустилъ мимо ушей ея послѣднее замѣчаніе.

— Вы все лѣто пробудете здѣсь?

Почему онъ задаетъ этотъ вопросъ? Что ему до того: уѣдетъ она или останется?

— По всей вѣроятности. М-ръ Фортъ отправится въ Швейцарію, но меня не возьметъ съ собой.

— Онъ оставитъ васъ здѣсь?

— Да.

— Одну?

— Да. Если не считать общество моей свекрови.

Пауза. Стая птицъ, отправляющихся на ночлегъ, пролетаетъ надъ ихъ головами.

— И всѣ ваши знакомые разъѣдутся?

Она смѣется въ отвѣтъ и все тѣмъ же невеселымъ смѣхомъ.

— Я даже пожелаю имъ добраго пути отъ всего сердца. Я не охотница до знакомствъ.

Новая пауза. Птицы превратились въ чуть примѣтныя на горизонтѣ точки. Другая лодка тоже исчезла изъ виду, далеко опередивъ ихъ.

— Въ сущности сюда не такъ далеко изъ Іоркшира.

Опять она смѣется, хотя уже безо всякой иронiи, но все же не весело.

— Я не сильна въ географіи, но сколько мнѣ помнится, мы съ вами не сосѣди.

— Изъ Мильнтропа сюда не болѣе пяти часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ.

— Неужели?

— И снова наступаетъ молчаніе.

— Я могъ бы...—начинаетъ онъ.

Какъ у него въ горлѣ пересохло.

— Я могъ бы пріѣзжать сюда по воскресеньямъ, время отъ времени.

Она молчитъ такъ же упорно, какъ и на его первый намекъ о возможности новыхъ свиданій. Но быть можетъ, онъ лучше научился понимать ея молчаніе.

— Мы кончаемъ работу въ субботу довольно рано, а отсюда есть ранній поѣздъ, который можетъ доставить меня во-время въ понедѣльникъ.

Глаза его съ такой мольбой смотрятъ на нее, что она не осмѣливается взглянуть на него. Что можетъ она ему отвѣтить?

Въ сердцѣ ея идетъ жестокая борьба, а берегъ все ближе и ближе.

— Вотъ безумный планъ!—истерически смѣется она.

Берегъ въ десяти шагахъ.

— Оксфордъ не моя частная собственность,—говоритъ она едва слышно:—у васъ, вѣроятно, есть тутъ и другіе знакомые, кромѣ меня.

— О, конечно, конечно!—хватается онъ за этотъ намекъ съ облегченіемъ:—я буду навѣщать и ихъ.

И никто изъ нихъ не признался ни себѣ, ни другъ другу, въ томъ, что оба отлично знали, а именно: никто изъ ихъ знакомыхъ не останется въ Оксфордѣ во время каникулъ. На этомъ они разстались.

А. Э.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ

въ

ПОЛИТИКѢ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ князя Бисмарка, въ анонимной брошюрѣ, изданной въ 1878 году, выразилъ мнѣніе, что «прусская монархія будущаго должна быть соціалистическою монархіею, или она перестанетъ существовать». Около того же времени германское правительство начало съ особенною настойчивостью проводить свою программу соціальныхъ реформъ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочаго класса.

Въ чемъ же заключается политическій смыслъ этого новаго «охранительнаго соціализма»?

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ вообще тотъ фактъ, что именно монархическія правительства западной Европы относятся съ наибольшею терпимостью къ идеямъ экономическаго соціализма, и что въ Пруссіи, Австріи, Италіи и Англіи эти идеи проникли уже отчасти въ оффиціальныя сферы законодательства и управленія, тогда какъ въ республиканской Франціи соціализмъ сдерживается еще на степени революціонной или еретической доктрины. Это явленіе имѣетъ, однако, свои глубокія основанія.

Роль монархіи въ конституціонныхъ государствахъ западной Европы значительно измѣнилась со времени введенія болѣе широкаго народнаго представительства. Всеобщая подача голосовъ перемѣстила центръ тяжести политической силы въ глу-

бину большинства трудящагося населенія, находившагося до тѣхъ поръ подъ господствомъ высшихъ и среднихъ классовъ. Предпріимчивая и дѣятельная буржуазія была долго рѣшающею, первенствующею силою; она наполнила своимъ промышленнымъ духомъ, своими интересами и воззрѣніями, весь существующій строй европейскихъ обществъ. Слово аббата Сіейса, что «третье сословіе должно быть всѣмъ», стало истиною. Но вотъ, — среднее сословіе вынуждено уже защищать свои пріобрѣтенія и преимущества отъ посягательствъ рабочаго класса, подобно тому, какъ нѣкогда землевладѣльческое дворянство отстаивало свои привилегіи въ борьбѣ съ возраставшимъ могуществомъ буржуазіи. Пошатнулась вѣра въ незыблемую долговѣчность современной промышленной системы. Консерваторы прошлаго и пророки будущаго идутъ съ разныхъ сторонъ на-встрѣчу новому историческому періоду. Двѣ традиціонныя охранительныя силы Запада — поземельная аристократія и католическое духовенство, — раздѣляютъ вражду соціалистовъ къ денежному классу и явно или тайно поддерживаютъ ихъ экономическія ученія. Старые дворянскіе роды, оттѣсненные на задній планъ купечествомъ и мѣщанствомъ, видятъ для себя прямую выгоду въ подрывѣ правъ господствующаго капитализма. Служители религіи также не находятъ прежней вѣрующей паствы въ непрерывно развивающемся, свободомыслящемъ городскомъ населеніи; они съ новыми надеждами обращаютъ свои взоры на непочатые еще милліоны простыхъ работниковъ, недовольныхъ, какъ и они, настоящимъ и ожидающихъ всего отъ будущаго. Къ тѣмъ же милліонамъ пролетаріевъ, признанныхъ полноправными гражданами, протягиваетъ свою покровительственную руку и родовая аристократія, въ лицѣ своихъ болѣе дальновидныхъ представителей. На этой почвѣ появляется соціализмъ «христіанскій» или «консервативный». Въ свою очередь средняя либеральная интеллигенція на западѣ возстаетъ противъ соціализма не только потому, что она сама воспитана большею частью въ атмосферѣ промышленныхъ интересовъ и понятій, но и потому, что политическая свобода завоевана была впервые подъ знаменемъ промышленной свободы, и что принципъ государственнаго вмѣшательства можетъ легко перешагнуть за предѣлы экономической области, въ ущербъ политическимъ и общественнымъ вольностямъ.

При такихъ условіяхъ монархическая власть въ Европѣ имѣетъ предъ собою чрезвычайно благопріятную перспективу — укрѣпиться на болѣе просторномъ фундаментѣ народныхъ массъ, привязать къ себѣ ихъ матеріальные интересы и освободиться

отъ односторонняго вліянія и контроля промышленнаго класса, занимающаго преобладающее положеніе въ парламентской и общественной жизни. Монархія не можетъ связывать свою судьбу съ буржуазіею, какъ элементомъ непрочнымъ, перемѣнчивымъ и доступнымъ оппозиціонному вольнодумству; всеобщая подача голосовъ заставляетъ монархистовъ искать опоры тамъ, гдѣ есть безспорное численное большинство,—въ низшихъ слояхъ народа, которымъ рано или поздно предстоитъ имѣть соотвѣтственное большинство представителей въ парламентѣ. Изъ феодальной эпохи монархія вышла съ оттѣнкомъ буржуазнымъ; изъ буржуазной эры она можетъ выйти съ оттѣнкомъ народно-соціалистическимъ. Таково политическое значеніе новѣйшаго государственнаго соціализма въ западной Европѣ.

Очевидно, такимъ образомъ, что государственный соціализмъ не есть дѣло произвола или случайнаго личнаго убѣжденія; онъ не выдуманъ княземъ Бисмаркомъ, или кѣмъ - либо другимъ, а составляетъ логическій выводъ изъ современнаго положенія монархическихъ правительствъ въ конституціонной Европѣ. Монархія сходится вновь съ своими старыми вѣрными друзьями—феодалами и клерикалами, преобразившимися въ друзей народа,—для успѣшной борьбы съ торжествующимъ промышленнымъ сословіемъ, противъ котораго выступаютъ уже многочисленные баталіоны рабочаго пролетаріата. Проницательные государственные люди стараются заранѣе предупредить готовящіяся событія и направить движеніе по пути чисто-экономическихъ перемѣнъ мимо старинныхъ столповъ политической организаціи.

Гдѣ нѣтъ монархіи,—какъ во Франціи и въ Соединенныхъ-Штатахъ,—тамъ государственный соціализмъ не можетъ пустить корней безъ предварительнаго перехода власти въ руки вождей рабочаго населенія или честолюбивыхъ демагоговъ. Городская буржуазія, богатая знаніями, энергіею и талантами, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ государственныя силы и средства для того, чтобы обезпечить за собою фактическое преобладаніе въ республикѣ; законы и исполнители ихъ находятся всецѣло къ услугамъ экономическаго порядка, которому невольно подчиняется и всеобщая подача голосовъ. Въ республикѣ нѣтъ элементовъ, которые мѣшали бы полному проявленію господствующаго промышленнаго духа; этотъ духъ сдерживается только снизу, медленнымъ дѣйствіемъ рабочаго движенія и освѣщающихъ его попытокъ отдѣльныхъ умовъ. Образованные средніе классы свободны отъ заботъ объ укрѣпленіи къ нимъ народныхъ симпатій; они опираются на свою самостоятельную силу, умственную и

имущественную, разсчитывая избѣгнуть возможныхъ опасностей и устранить ихъ въ случаѣ нужды при помощи своевременныхъ насильственныхъ мѣръ. Ни одно монархическое правительство во Франціи не рѣшилось бы такъ безпощадно расправиться съ волненіемъ четвертаго сословія, какъ республиканецъ Кавеньякъ во время февральской революціи, или руководитель буржуазіи Тьеръ во время парижской коммуны. Гамбетта, находясь въ апогеѣ своей популярности, могъ сказать, что «нѣтъ соціальнаго вопроса», ибо большинство французовъ способно удовлетворять свою наклонность къ бережливости, благодаря счастливымъ природнымъ и экономическимъ условіямъ страны. Чтобы низшіе общественные слои не могли повліять слишкомъ сильно на составъ законодательныхъ собраній,—для этого организуется на извѣстныхъ началахъ правильное руководство всеобщею подачею голосовъ, и взамѣнъ выборовъ по округамъ, съ перевѣсомъ мѣстныхъ вліяній, предлагаются выборы по департаментскимъ спискамъ, съ перевѣсомъ вліяній болѣе общихъ, исходящихъ изъ центровъ политической жизни. Новые соціальные идеалы имѣютъ во Франціи своихъ горячихъ проповѣдниковъ и приверженцевъ, но они еще очень далеки отъ мирнаго русла сознательной политики и не выходятъ изъ области смѣлыхъ избирательныхъ программъ.

Своеобразный характеръ имѣетъ соціалистическое движеніе въ Англіи. Промышленный классъ, при всемъ своемъ могуществѣ, долженъ считаться съ вліятельною поземельною аристократіею, и взаимный антагонизмъ этихъ двухъ руководящихъ общественныхъ силъ открываетъ нѣкоторый, хотя и незначительный, просторъ стремленіямъ рабочаго сословія. При содѣйствіи лордовъ издавались законы въ защиту фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ, жертвъ капитализма, а представители промышленности съ своей стороны охотно вырабатываютъ земельные билли въ пользу фермеровъ, противъ крупнаго землевладѣнія. Подобнымъ «обмѣномъ услугъ» объясняется многое въ англійской жизни. Предводитель консервативной знати, маркизъ Солсбюри, выступаетъ въ роли защитника городскихъ пролетаріевъ и требуетъ снабженія ихъ жилищами на счетъ государства; онъ заявляетъ публично, что «въ будущемъ рабочій классъ призванъ въ значительной мѣрѣ управлять Англіею». Министръ торговли, Чэмберленъ, въ свою очередь краснорѣчиво нападаетъ на «незаслуженное возрастаніе» землевладѣльческой ренты. Каждый изъ обоихъ лагерей готовъ на радикальныя уступки насчетъ интересовъ другого; но промышленность есть сила живая и про-

грессивная, тогда какъ землевладѣніе все болѣе утрачиваетъ свою прежнюю роль въ политикѣ и въ законодательствѣ. Понятно поэтому, отчего такъ легко и быстро распространяется въ Англіи агитація противъ поземельной собственности, а нападки на капитализмъ раздаются слабо и проходятъ почти совершенно безслѣдно; —теоріи Маркса и другихъ новѣйшихъ соціалистовъ почти неизвѣстны англичанамъ, между тѣмъ какъ проекты упраздненія частной собственности на землю, выдвинутые натуралистомъ Уоллесомъ и американцемъ Генри Джорджемъ, пользуются шумнымъ успѣхомъ въ значительной части общества и печати. Государственный соціализмъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ проповѣдуется въ Германіи, можетъ проявляться въ Англіи только отрывочно, въ отдѣльныхъ случаяхъ и вопросахъ, — вслѣдствіе безусловной зависимости правительства отъ парламента, отражающаго въ себѣ главнымъ образомъ чувство и интересы среднихъ и высшихъ классовъ населенія.

II.

Насколько противорѣчивы и смутны представленія, соединяемыя съ словомъ: «соціализмъ», различными писателями, можно видѣть изъ нѣскольких авторитетныхъ примѣровъ.

Извѣстный Эмиль де-Лавеле, въ своей извѣстной книгѣ о современномъ соціализмѣ, утверждаетъ, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ есть мѣра соціалистическая. «Соціалистическія тенденціи князя Бисмарка,—говоритъ онъ, — обнаружились въ вопросѣ о взятіи желѣзныхъ дорогъ въ казенное управленіе. Доводы, приведенные для оправданія этой мѣры, могутъ быть примѣнены ко многимъ другимъ отраслямъ промышленности, ибо эксплуатація обширной желѣзно-дорожной сѣти есть одно изъ самыхъ сложныхъ промышленныхъ предпріятій. Если возложить это дѣло на государство, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно передать ему разработку рудниковъ, воздѣлываніе земель и наконецъ фабрикацію важнѣйшихъ продуктовъ, сырыхъ и мануфактурныхъ. Нѣтъ основанія останавливаться на этомъ пути, а этотъ путь логически приводитъ къ передачѣ всей вообще промышленности въ руки государства, что и составляетъ идеалъ радикальнаго соціализма» [1]). Авторъ упустилъ здѣсь изъ виду принципіальную разницу между предпріятіями, имѣющими публичный интересъ, и дѣлами чисто-частными, преслѣдующими

[1]) Le socialisme contemporaine, par *Emile de Laveleye*, 2-e edit., p 104.

цѣли личнаго обогащенія. Желѣзныя дороги принадлежать къ той же категоріи предпріятій, какъ и телеграфъ, и почта; желѣзно-дорожныя сообщенія захватываютъ даже болѣе разнообразные и важные общественные интересы, чѣмъ телеграфъ и почта,—ибо тутъ дѣло идетъ еще о безопасности многихъ человѣческихъ жизней. Притомъ желѣзныя дороги суть предпріятія монопольныя по преимуществу; публика, нуждающаяся въ правильныхъ и удобныхъ сообщеніяхъ между извѣстными пунктами, не имѣетъ свободы выбора и должна по-неволѣ подчиняться всякимъ условіямъ администраціи при пользованіи дорогою. Ничего подобнаго не представляетъ частная промышленность, съ ея свободною конкурренціею, съ ея возможностью выбора между продуктами того или другого производителя. Изъ того, что желѣзныя дороги поступаютъ въ завѣдываніе государства, нельзя никакимъ образомъ извлечь указываемые авторомъ выводы относительно воздѣлыванія земли или фабричнаго производства; въ системѣ казеннаго желѣзно-дорожнаго управленія столь же мало соціалистическаго, какъ и въ управленіи почтами и телеграфами. Если къ такимъ вещамъ привязывать соціализмъ, то все есть соціализмъ въ государствѣ, или это слово не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла.

Другой французскій писатель, Поль Жанэ, находитъ, что «англійскій налогъ для бѣдныхъ есть соціалистическое учрежденіе». Эта оригинальная мысль, которой, конечно, не предвидѣла королева Елисавета при установленіи этого налога въ XVI вѣкѣ, вытекаетъ изъ самаго опредѣленія, даваемаго авторомъ соціализму. «Соціализмомъ,—по его словамъ,—называется всякая доктрина, проповѣдующая, что государство должно исправлять существующее между людьми неравенство имуществъ и возстановлять равновѣсіе путемъ закона, отбирая у лицъ, имѣющихъ слишкомъ много, для передачи людямъ недостаточнымъ». Подъ это опредѣленіе подойдетъ и безъискусственный коммунизмъ и уравнительная система податей, и простая принудительная благотворительность; только тутъ нѣтъ настоящаго соціализма въ собственномъ смыслѣ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ ограничиваетъ идею соціализма «представленіемъ новаго и чисто химерическаго порядка распредѣленія богатствъ, при которомъ послѣднія были бы доступны всѣмъ по силѣ закона». [1]) Въ то же время Жанэ противопоставляетъ соціализму «принципъ, признанный вообще

[1]) Les origines du socialisme contemporaine, par Paul Janet. (P. 1883), pp. 2, 67—8.

всѣми правительствами, всѣми публицистами, всѣми юристами, а именно право регулировать собственность закономъ»; авторъ могъ бы прибавить, что этотъ принципъ признанъ и всѣми соціалистами. Трудно согласиться съ мнѣніемъ Жанэ, что «легче опровергнуть соціализмъ, чѣмъ опредѣлить его»,—ибо едва ли удобно опровергать то, что неясно или невѣрно опредѣлено.

Нужно замѣтить, что въ этихъ неясностяхъ и противорѣчіяхъ существуетъ нѣкоторая метода. Чѣмъ враждебнѣе относятся авторы къ требованіямъ государственнаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе раздвигаютъ они значеніе соціализма и тѣмъ охотнѣе подводятъ подъ него всякую непріятную или нежелательную мѣру. Достаточно назвать извѣстный проектъ соціалистическимъ, чтобы опорочить его въ глазахъ публики, и это соображеніе, быть можетъ безсознательное, побуждаетъ писателей прилагать компрометирующій терминъ къ предметамъ, не имѣющимъ въ сущности ничего общаго съ соціализмомъ, въ родѣ налога для бѣдныхъ или перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

Современный западно-европейскій соціализмъ не задается больше фантастическими планами переустройства всего человѣческаго общежитія на новыхъ началахъ; онъ не ищетъ также идеальнаго права на трудъ, а стремится установить и обезпечить реальное право труда. Сойдя съ заоблачныхъ высотъ на землю, въ сферу жгучихъ матеріальныхъ вопросовъ и потребностей, соціализмъ сталъ неизмѣримо опаснѣе для установленнаго экономическаго строя; онъ сталъ понятенъ рабочимъ массамъ, помогъ имъ организоваться и формулировать извѣстныя положительныя требованія. Въ основѣ этихъ требованій лежатъ слѣдующія два начала: во-первыхъ, что работникамъ должны всецѣло принадлежать продукты ихъ труда, такъ какъ трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности, и во-вторыхъ, что необходимыя орудія производства—земля, строенія, машины,—должны быть изъяты изъ числа предметовъ личной собственности. Промышленныя предпріятія, фабрики и мануфактуры, низводящія работниковъ на степень безправныхъ орудій, получаютъ въ ученіяхъ соціалистовъ новую организацію, въ которой нѣтъ мѣста отдѣльному классу хозяевъ-капиталистовъ,—рабочіе становятся хозяевами соотвѣтственно своей долѣ участія въ общемъ трудѣ, заработная плата сливается съ прибылью, результаты общаго труда распредѣляются по заслугамъ каждаго, а трудъ управляющихъ, техниковъ и прочихъ умственныхъ работниковъ вознаграждается по болѣе высокой нормѣ, соразмѣрно своей важности. Рабочіе не будутъ тогда служить товаромъ, который покупается на рынкѣ или вы-

брасывается на улицу, смотря по обстоятельствамъ; они не будутъ обречены, по мнѣнію соціалистовъ, на безвыходное прозябаніе въ усовершенствованныхъ тискахъ капитала или подъ худшимъ еще гнетомъ нужды, въ то время, какъ плоды ихъ работы доставляютъ непомѣрныя богатства немногимъ лицамъ. Соціализмъ требуетъ коренного принципіальнаго преобразованія экономической системы, а вовсе не одного только внѣшняго перемѣщенія или распредѣленія имуществъ; общее ядро различныхъ соціалистическихъ теорій заключается именно въ этой реформѣ основныхъ принциповъ существующаго хозяйственнаго порядка. Соціализмъ выдвигаетъ на первый планъ общественность, коллективность, противопоставляя ее индивидуализму современной промышленной жизни; онъ отводитъ въ резервуаръ общественности много такого, что предоставлено теперь господству личнаго интереса. Все, что истекаетъ изъ общества, изъ соціальныхъ и природныхъ условій, возвращается въ этотъ общественный источникъ, какъ достояніе всѣхъ и каждаго; на долю отдѣльныхъ лицъ достается лишь цѣнность того, что произведено ихъ трудомъ. Соединеніе многихъ рабочихъ для одного сложнаго дѣла даетъ не простую сумму результатовъ отдѣльныхъ рабочихъ силъ, купленныхъ хозяиномъ за извѣстную плату, а даетъ нѣчто гораздо больше—продуктъ комбинаціи, соединенія и раздѣленія труда, такъ что получается избытокъ дохода сравнительно съ сдѣланными затратами, сверхъ процента на капиталъ и вознагражденія усилій предпринимателя; этотъ избытокъ, зачисляемый обыкновенно въ прибыль, долженъ идти, по мнѣнію соціалистовъ, въ кассу рабочей артели. Точно также въ земледѣльческомъ хозяйствѣ отвергается присвоеніе поземельной ренты въ частную собственность, ибо та часть дохода, которая дается выгоднымъ положеніемъ участка, возрастаніемъ населенія и естественнымъ плодородіемъ почвы, не зависитъ отъ личныхъ заслугъ и трудовъ, а является слѣдствіемъ общихъ причинъ, почему и принадлежитъ какъ бы всему обществу. Право частной собственности сводится такимъ образомъ къ праву работника на свои произведенія. Идеалъ соціалистовъ можетъ расширяться во всѣ стороны, можетъ обнимать область и нравственности, и политики, доходить до чистѣйшихъ утопій или довольствоваться постепеннымъ рѣшеніемъ поставленныхъ задачъ; но экономическая сущность его остается неизмѣнною, въ какія бы формы она ни облекалась. Когда нѣтъ этого зерна и окружающихъ его предположеній, — нѣтъ и соціализма въ экономическомъ смыслѣ.

Соціалистическіе идеалы направлены не только противъ вла-

дичества капитала, но и противъ индивидуализма вообще, противъ индивидуальной свободы, выгодной для сильныхъ и убійственной для слабыхъ, противъ культа личнаго интереса, подавляющаго собою интересы общественные и моральные. Въ этомъ пунктѣ съ соціалистами сходятся консерваторы старины, защитники исчезнувшихъ корпорацій, цеховъ и общинъ. По отношеніямъ своимъ къ государственности, соціализмъ распадается на три вѣтви, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый характеръ и свою исторію. Одни надѣются достигнуть желаемыхъ цѣлей независимо отъ государства, при помощи какого-то нравственнаго порыва и воодушевленія, поддерживаемаго примѣромъ и проповѣдью, часто на полурелигіозной, мистической подкладкѣ;—такихъ дѣятелей и надеждъ очень мало въ настоящее время. Другіе желали бы разрѣшить соціальный вопросъ посредствомъ насильственнаго переворота, въ видѣ захвата власти или упраздненія ея,—это соціалисты-революціонеры, мечтающіе еще о государствѣ по своему образу и подобію, и анархисты, враги всякаго вообще государственнаго устройства. Наконецъ, третьи разсчитываютъ осуществить свои стремленія при содѣйствіи государства, посредствомъ мирныхъ и послѣдовательныхъ законодательныхъ реформъ;—это соціализмъ консервативный, государственный, который мы только и имѣемъ въ виду въ настоящемъ этюдѣ.

Государственнымъ соціализмомъ можетъ быть названо только такое направленіе законодательной и правительственной дѣятельности, которое имѣетъ непосредственную связь съ указанными выше основами и цѣлями соціализма. Государство такъ или иначе воплощаетъ въ себѣ интересы общенародные, соціальные; оно по необходимости вмѣшивается въ сферу частныхъ предпріятій и подвергаетъ ихъ законному контролю во имя общественнаго блага. Либеральная точка зрѣнія предполагаетъ свободу для добра, а не для зла, и тамъ, гдѣ индивидуализмъ дѣйствуетъ въ ущербъ всему обществу, съ нимъ неизбѣжно расходятся добросовѣстные либералы, для которыхъ, кромѣ свободы личной, существуетъ еще свобода общественная и политическая. Противники всякаго расширенія государственнаго вмѣшательства руководятся не столько сочувствіемъ къ данному кругу фактовъ, которому грозитъ это вмѣшательство, сколько чувствомъ недовѣрія и безпокойства по поводу предоставленія новыхъ полномочій органамъ государственной власти. Поэтому, какъ неосновательно было бы отыскивать слѣды соціализма въ обычной реформаторской и контролирующей дѣятельности государства, такъ и несправедливо всѣхъ вообще противниковъ неограниченнаго вмѣшательства въ

народно-хозяйственную жизнь считать безсердечными индивидуалистами, врагами неимущаго класса, нуждающагося въ оффиціальномъ покровительствѣ. Что же касается представителей государства, то для нихъ вопросъ о новыхъ правахъ и функціяхъ правительства въ соціально-экономической сферѣ является прежде всего вопросомъ объ увеличеніи могущества и вліянія.

III.

Новѣйшій государственный соціализмъ возникъ и распространился главнымъ образомъ въ Пруссіи,—странѣ съ энергическимъ и просвѣщеннымъ управленіемъ, съ хорошими административными традиціями, съ цѣлымъ рядомъ выдающихся правителей, реформаторовъ и полководцевъ. Прусское государство вызывало и оправдывало твердую вѣру въ свои силы, въ умѣнье и честность своихъ органовъ, и этимъ объясняется готовность прусскихъ теоретиковъ возложить на правительственную власть новыя обширныя задачи, касающіяся самыхъ жизненныхъ интересовъ всего населенія.

Наиболѣе авторитетнымъ теоретикомъ государственнаго соціализма признается даровитый Родбертусъ, прусскій землевладѣлецъ, имя котораго пользуется одинаковымъ почетомъ въ средѣ соціальной демократіи и консервативнаго дворянства. Смѣсь охранительныхъ тенденцій съ крайнимъ экономическимъ радикализмомъ придаетъ весьма своебразный характеръ ученіямъ Родбертуса. Горячо и рѣзко нападая на односторонній капитализмъ, онъ оказывается убѣжденнымъ собственникомъ, когда дѣло идетъ о землевладѣніи. «Соберемся около нашей ренты!» —взываетъ онъ къ землевладѣльцамъ въ своемъ трактатѣ о нуждахъ поземельнаго кредита. Поземельная собственность, по мнѣнію Родбертуса, сильно страдаетъ отъ ложнаго взгляда на нее, какъ на капиталъ; ее обременяютъ долгами и обязательствами, которыхъ она не выноситъ; ей придаютъ фиктивную капитальную цѣнность, тогда какъ она есть только вѣчная рента и ничѣмъ другимъ, кромѣ доходности, отвѣчать не можетъ. «Капиталъ добился нужнаго ему законодательства, трудъ успѣшно добивается, а землевладѣніе имѣетъ законы ему враждебные. Такъ называемая свобода землевладѣнія и запрещеніе налагать на землю реальныя повинности, — говоритъ Родбертусъ, — основаны на пустыхъ абстракціяхъ, вредныхъ для землевладѣнія и удобныхъ только для капитала. Обширныя пространства заселились бы въ сѣверной Германіи,

еслибы крупные землевладѣльцы могли раздавать участки земли работникамъ и крестьянамъ, взамѣнъ повинности доставлять извѣстное количество рабочихъ дней, въ виду недостатка рабочихъ рукъ для помѣстій. Другими словами, желательно возстановленіе барщины на условіяхъ свободнаго договора; это гораздо менѣе несогласно съ принципомъ свободы, чѣмъ возможность совершенной отдачи своего труда въ наемъ на нѣсколько лѣтъ, а не на извѣстные только дни и не непремѣнно лично» [1]).

Для Родбертуса собственность поземельная, какъ и всякая другая, есть историческая категорія, преходящее явленіе, результатъ прошлыхъ и настоящихъ хозяйственныхъ условій; для будущаго, болѣе или менѣе отдаленнаго, предвидится иное, болѣе справедливое экономическое устройство, въ которомъ государственная власть должна играть первенствующую, творческую роль. «Личности—говоритъ авторъ,—суть только атомы государства и общества, хотя и атомы высшаго порядка, чѣмъ въ физическихъ организмахъ. Природа государства и общества заключается въ организованномъ коммунизмѣ, въ противоположность коммунизму индивидуальному, проповѣдуемому въ свою пользу рабочими. Національный продуктъ — продуктъ одного только труда, но труда не только настоящихъ рабочихъ, но и прошедшихъ, не только непосредственно, но и посредственно участвовавшихъ въ производствѣ, не только матеріально, но и умственно работавшихъ. Поэтому притязаніе современныхъ рабочихъ на полный раздѣлъ между ними продуктовъ основано на недоразумѣніи; только государство, представляющее всѣ элементы прошлаго и настоящаго труда, можетъ быть общимъ собственникомъ и распредѣлителемъ; замѣнять же одну несправедливую организацію другою, столь же несправедливою—нѣтъ никакого основанія». Можно бы пожалуй замѣтить, что и современные представители государства не воплощаютъ собою того идеальнаго цѣлаго, въ которомъ соединены «всѣ элементы прошлаго и настоящаго». Народное хозяйство,—продолжаетъ однако Родбертусъ,—должно сдѣлаться хозяйствомъ государственнымъ. Чѣмъ централизованнѣе организмъ, тѣмъ совершеннѣе онъ; основы будущаго общества—общенародная собственность и распредѣляющая власть, причемъ «роль восточнаго деспота замѣнилась бы господствомъ цѣлой націи». Авторъ въ принципѣ признаетъ право собственности только на доходы съ имуществъ, а не на самыя имущества;

---

[1]) Rodbertus-Jagetzow, Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. Jena, 1869, 2-ter Bd., стр. 179 и слѣд.

производители-капиталисты исполняютъ обязанности хранителей національнаго достоянія, за что достаточно вознаграждаются рентами. Капитальная собственность, по словамъ Родбертуса, не болѣе основательна, чѣмъ поземельная, и противники послѣдней подкапываются подъ первую.

Въ своихъ письмахъ къ фонъ-Кирхману о соціальномъ вопросѣ Родбертусъ категорически отвергаетъ мысль объ устройствѣ соціалистическаго порядка, съ упраздненіемъ собственности поземельной и капитальной въ настоящее время. Онъ «не вѣритъ, чтобы общество окончило уже свои странствія по пустынѣ, и чтобы нравственная сила его была уже достаточно велика для пріобрѣтенія и удержанія обѣтованной земли свободнаго труда». Онъ хочетъ только «предложить способы, которые, не нарушая права собственности, парализовали-бы жестокій законъ предоставленнаго самому себѣ обращенія и положили-бы конецъ той аномаліи, что относительное вознагражденіе труда уменьшается по мѣрѣ того, какъ трудъ становится производительнѣе». Онъ вовсе не противъ собственности и наслѣдства, а «противъ нарушенія этихъ принциповъ во вредъ рабочимъ»; положеніе Прудона превращается у него въ другое: «собственность должна быть ограждена отъ воровства». Относительно земледѣльческаго производства Родбертусъ является оптимистомъ: вопреки ученію англійской классической школы, онъ доказываетъ, что при возрастаніи населенія и спроса на сырые продукты производительность земли не уменьшается и не требуетъ бо́льшихъ затратъ, а скорѣе наоборотъ. Не большее количество труда, а большее разнообразіе продуктовъ, системъ и потребностей увеличиваетъ ренту; напримѣръ, въ Англіи все меньшее количество рабочихъ требуется земледѣліемъ, при развитіи огородничества и скотоводства. Родбертусъ также не сторонникъ поземельной общины; общинное владѣніе въ Германіи,—говоритъ онъ,—не допускало улучшенія и расширенія обработки, чему мѣшаетъ вообще связанность поземельной собственности [1]). Онъ не разъ возвращается къ разсужденіямъ о печальномъ состояніи землевладѣльцевъ при нынѣшней формѣ поземельнаго кредита; законъ вынуждаетъ землевладѣльца отдавать капиталъ, не могущій быть отдѣленнымъ отъ земли и дающій только процентъ съ погашеніемъ,—тогда какъ достаточно было-бы обезпечивать долги рентою, на которую только

---

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage, von Dr. Rodbertus-Jagetzow. Berlin, 1875 (перепечатка 2-го и 3-го писемъ къ фонъ-Кирхману), стр. 177 и сл. 145—222 и др.

и должны были-бы ложиться ипотечныя обязательства. «Записывать землю въ видѣ капитала—это хуже требованія Шейлока».

Безъ сомнѣнія, крайняя задолженность дворянскаго землевладѣнія есть зло весьма значительное; но лекарство, предлагаемое Родбертусомъ, свидѣтельствуетъ болѣе о сочувствіи къ запутавшимся владѣльцамъ, чѣмъ о безпристрастномъ заботливомъ вниманіи къ судьбамъ сельскаго хозяйства. Изъ непомѣрнаго наростанія поземельныхъ долговъ естественно вытекаетъ выводъ о практической непригодности обычной землевладѣльческой системы, при которой имѣнія находятся въ рукахъ людей, занятыхъ военною или гражданской службою и преслѣдующихъ цѣли, далеко не хозяйственныя; на эту сторону вопроса авторъ не обращаетъ почти никакого вниманія, обвиняя во всемъ капитализмъ и его законы о кредитѣ. Наибольшее количество ипотечныхъ долговъ, по его замѣчанію, возникаетъ независимо отъ потребностей земледѣлія, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ и денежныхъ уплатъ при переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки; къ этимъ причинамъ слѣдовало-бы прибавить отчужденность большинства помѣщиковъ отъ интересовъ сельскаго хозяйства, привычку къ расточительной свѣтской жизни и неспособность къ правильной земледѣльческой культурѣ. Основывать кредитъ на рентѣ возможно было-бы только въ такомъ случаѣ, еслибы рента была постоянною, опредѣленною величиною и еслибы самое существованіе ея не зависѣло отъ искусства и желанія владѣльца. Теорія Родбертуса осуществляется отчасти въ крупныхъ привилегированныхъ майоратахъ, свободныхъ отъ поглощающей власти капитала; и однако владѣльцы майоратовъ ухитряются обременять себя долгами и разстраивать хозяйство не менѣе остальныхъ помѣщиковъ, воспитанныхъ на крѣпостномъ или барщинномъ трудѣ. Мысль о допущеніи договорной барщины въ интересахъ крупныхъ помѣстій принадлежитъ къ числу самыхъ экстравагантныхъ идей Родбертуса; она могла быть высказана только человѣкомъ смѣлымъ и независимымъ даже въ своихъ заблужденіяхъ, — настолько противорѣчитъ она установившимся взглядамъ и понятіямъ. Договорная барщина предполагаетъ нуждающееся сельское населеніе, безземельное батрачество, для поднятія котораго нужны совсѣмъ другія самостоятельныя мѣры. Барщинные договоры, вызванные крайностью со стороны поселянъ, неизбѣжно привели-бы къ фактическому возстановленію крѣпостного права, которое и въ прежнія времена возникало часто въ видѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній. Если положеніе городскихъ рабочихъ ухудшается неблагопріятными условіями долгосрочныхъ сдѣлокъ, то

это еще не оправдываетъ распространенія такихъ-же условій на землевладѣніе. «Соціализмъ для промышленности въ будущемъ, а барщина для землевладѣльцевъ въ настоящемъ,—сочетаніе довольно странное, недостаточно ясно мотивированное Родбертусомъ.

Родбертусъ былъ оригинальнымъ и сильнымъ мыслителемъ; его изслѣдованія о національной экономіи классической древности (переведенныя на русскій языкъ проф. Азаревичемъ и Тарасовымъ) заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ указаній. Будучи приверженцемъ государственнаго всевластія въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ народа, онъ не входилъ въ оцѣнку политической стороны своихъ ученій и тщательно избѣгалъ постановки соціальнаго вопроса на жгучую почву политики. Его двойственное направленіе отнимало у соціализма революціонный характеръ и открывало ему доступъ въ консервативныя сферы; оно объясняетъ также успѣхъ практической дѣятельности Лассаля въ Германіи.

Лассаль былъ практикомъ въ той области, въ которой Родбертусъ былъ теоретикомъ; оба они одинаково вѣруютъ въ великое общегерманское призваніе Пруссіи, оба они убѣжденные націоналисты и государственники. Лассаль внесъ въ народно-хозяйственныя проблемы политическій элементъ, въ видѣ требованія всеобщей подачи голосовъ; но онъ готовъ былъ сойтись съ консервативнымъ и даже реакціоннымъ (въ то время) правительствомъ Бисмарка ради экономическихъ цѣлей рабочаго класса. Консервативное министерство, находившееся въ открытомъ разладѣ съ парламентомъ, имѣло основаніе смотрѣть на Лассаля какъ на возможнаго союзника въ борьбѣ съ либеральными принципами, представляемыми промышленною буржуазіею. Лассаль проповѣдовалъ тщету бумажныхъ конституцій, которымъ придавало такое значеніе большинство образованнаго нѣмецкаго общества; онъ возводилъ силу на степень права, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ-президентъ фонъ-Бисмаркъ. Возставая противъ всякаго ограниченія правъ и полномочій государства, которое либералы хотѣли-бы низвести, по его словамъ, до роли простого будочника, Лассаль не останавливался, однако, на обратномъ предположеніи—на неудобствѣ обремененія простого будочника обширными соціальными функціями. Прусское юнкерство, стоявшее во главѣ государственныхъ дѣлъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, могло казаться неподходящимъ олицетвореніемъ всемогущей государственности въ глазахъ нѣмецкой интеллигенціи, — и винить за это либерализмъ не было въ сущности основанія.

Когда Лассаль открылъ свою агитаторскую кампанію, онъ предложилъ Родбертусу дѣйствовать вмѣстѣ, общими силами. Ихъ соединяла однородность историко-философскихъ воззрѣній и соціально-экономическихъ идеаловъ; но они расходились въ существенныхъ пунктахъ практической программы. «Лассаль хотѣлъ изъ соціалистической партіи сдѣлать политическую, — писалъ Родбертусъ уже послѣ смерти Лассаля,—а я желалъ сохранить за нею исключительно хозяйственное значеніе. Лассаль имѣлъ въ виду улучшить положеніе рабочаго класса посредствомъ общей системы производительныхъ союзовъ при денежной помощи государства; я съ своей стороны стоялъ за удержаніе принципа рабочей платы, предполагая только подвергнуть его законодательной реформѣ» [1]). Впрочемъ, для Лассаля производительные рабочіе союзы были только удобнымъ девизомъ, а не окончательною цѣлью агитаціи; «я охотно приму всякое другое средство, столь-же дѣйствительное, если вы мнѣ его предложите,—говоритъ Лассаль въ письмѣ къ Родбертусу:—я пока указалъ на устройство ассоціаціи, такъ какъ я теперь не вижу никакой другой мѣры, которая въ одно и то же время была-бы сравнительно столь легко осуществима и столь цѣлесообразна; а рабочимъ необходимо было предложить что-нибудь вполнѣ опредѣленное, осязательное (не законъ вообще), чтобы заинтересовать и увлечь ихъ». Не все еще можно сказать «черни» (dem Mob), замѣчаетъ Лассаль въ другомъ мѣстѣ, и «только потому, что рабочіе классы хотѣли-бы имѣть наглядный отвѣтъ, я предложилъ имъ ассоціацію на государственныя средства; это и будетъ, по моему мнѣнію, тѣмъ мизинцемъ, который, съ послѣдовательностью развивающейся изъ самой себя жизни, постепенно, хотя и черезъ сто или двѣсти лѣтъ», долженъ привести къ осуществленію новаго порядка вещей. «Дѣло идетъ только о практической переходной мѣрѣ, а не о теоретическомъ, принципіальномъ, окончательномъ рѣшеніи», котораго Родбертусъ ждетъ не ранѣе какъ черезъ 500 лѣтъ. Болѣе серьезное разногласіе вызывалось политикою, которую Лассаль примѣшивалъ къ своей пропагандѣ. «Безъ всеобщей подачи голосовъ, какъ практическаго орудія для проведенія нашихъ требованій,—заявляетъ онъ, — мы можемъ быть философскою школою, или религіозною сектою, но никакъ не политическою партіею. Политика и экономія такъ-же тѣсно связаны между собою какъ форма съ содержаніемъ, и только соединеніе ихъ даетъ

---

[1]) См. «Briefe von Ferdinand Lassalle an Carl Rodbertus-Jagetrow», mit einer Einleitung von Adolph Wagner. Berlin, 1878, стр. 2—3.

нѣчто живое и сильное. Всякое раздѣленіе обѣихъ сторонъ есть абстракція, и я думаю, что именно сліяніе ихъ составляетъ главную мою силу». Для Лассаля, какъ и для Родбертуса, главный основной принципъ заключается въ государственномъ вмѣшательствѣ.

Нѣмецкій государственный соціализмъ, въ лицѣ его признанныхъ вождей, носитъ на себѣ яркую патріотическую окраску. Преклоненіе предъ идеею государства не ограничивается внутреннею жизнью народа, а переходитъ естественно и на внѣшнее его величіе. «Надѣюсь дожить до того времени,—пишетъ Родбертусъ,—когда турецкое наслѣдство достанется Германіи (sic!), и нѣмецкіе солдаты или рабочіе полки будутъ стоять на Босфорѣ». По поводу этой смѣлой воинственной мечты, Лассаль высказывается въ самомъ восторженномъ тонѣ. «Меня чрезвычайно тронули эти слова,—отвѣчаетъ онъ:—ибо этотъ именно взглядъ я много разъ защищалъ напрасно предъ моими лучшими друзьями и за это они называли меня мечтателемъ. Всѣ проволочки въ восточномъ вопросѣ, поднимавшемся такъ часто съ 1839 года, имѣли для меня всегда только тотъ разумный смыслъ и связь, что вопросъ долженъ быть откладываемъ до тѣхъ поръ, пока его не рѣшитъ нѣмецкая нація». Подобно Бисмарку, Лассаль возставалъ противъ федеральнаго устройства Германіи и признавалъ себя «рѣшительнымъ сторонникомъ единаго нѣмецкаго государства». «Что я болѣе всего ненавидѣлъ въ жизни,—говоритъ онъ,—это мало-нѣмецкую партію; всякій партикуляризмъ есть мелочь и трусость» [1]. Въ подобныхъ идеяхъ и чувствахъ лежитъ уже въ зародышѣ весь государственный соціализмъ князя Бисмарка, соединенный съ культомъ внѣшняго и внутренняго могущества государственной власти.

Лассаль не обнаруживалъ особеннаго уваженія къ толпѣ, къ численному большинству; онъ вѣрилъ только въ силу ума и энергіи отдѣльныхъ лицъ, а для публики считалъ необходимымъ эффектъ, блескъ, побѣды и торжества, къ чему и стремился съ рѣдкою самоувѣренностью. Онъ ссылался на требованія «современнаго народнаго сознанія», а на вопросъ, откуда извѣстна ему сущность этого сознанія, онъ отвѣчаетъ: «что вы можете доказать себѣ и своему времени силою разума, логики, науки,—того хочетъ время. «Доказалъ ли Лассаль, что духъ времени требуетъ государственнаго соціализма? Повидимому, доказалъ—

[1] Тамъ-же, стр. 53, 56—7, и др.

относительно Германіи, судя по дальнѣйшему быстрому развитію брошенныхъ имъ сѣмянъ.

IV.

Изъ ученія съ революціоннымъ оттѣнкомъ государственный соціализмъ, какъ и слѣдовало ожидать, превратился въ весьма благонамѣренную, даже оффиціальную доктрину въ Германіи. Профессора политической экономіи, публицисты консервативнаго лагеря, пасторъ Штеккеръ съ компаніей, государственные люди и, наконецъ, (или, вѣрнѣе сказать, прежде всего) самъ имперскій канцлеръ, — возлагаютъ на государство рѣшеніе соціальной проблемы, придумываютъ способы для поднятія «меньшаго брата», рабочаго сословія, и борются на этой почвѣ съ упорнымъ либерализмомъ средняго образованнаго класса, не довѣряющаго прусской правительственной опекѣ.

«Фридрихъ Великій называлъ себя королемъ бѣдняковъ, — говоритъ князь Бисмаркъ въ одной изъ своихъ рѣчей; — отецъ нашего императора освободилъ крестьянъ, и императоръ Вильгельмъ хотѣлъ бы на старости лѣтъ осуществить еще новую реформу на пользу рабочимъ и крестьянству». Это намѣреніе высказано было императомъ еще въ тронной рѣчи 1879 года, послѣ введенія въ дѣйствіе принятаго парламентомъ закона противъ соціальной демократіи. Правительство полагало, что для исцѣленія соціальнаго недуга «недостаточно еще принять репрессивныя мѣры противъ соціалистовъ, а нужно въ то же время стремиться къ дѣйствительному улучшенію быта рабочихъ». Въ началѣ 1881 года былъ внесенъ въ рейхстагъ первый соціальный законопроектъ князя Бисмарка—объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, при денежномъ участіи государства и подъ дѣятельнымъ его контролемъ. Въ Берлинѣ учреждалось центральное имперское управленіе, которому подчинены были бы по дѣламъ страхованія всѣ германскіе рабочіе, принадлежащіе къ извѣстнымъ отраслямъ промышленности. Проектъ былъ одобренъ большинствомъ въ парламентѣ, но съ однимъ только важнымъ измѣненіемъ: сосредоточеніе всѣхъ страховыхъ кассъ въ рукахъ имперской власти было рѣшительно отвергнуто. Однако, въ этой центральной организаціи заключался для канцлера, повидимому, весь политическій смыслъ проекта, и послѣдній былъ взятъ обратно. Въ маѣ 1882 года былъ представленъ новый проектъ, болѣе сложный и запутанный;

послѣ долгаго обсужденія онъ былъ возвращенъ правительству для дальнѣйшаго пересмотра.

Тѣмъ временемъ назрѣвалъ другой вопросъ, болѣе щекотливый—о возстановленіи промышленныхъ корпорацій. Въ тронной рѣчи 17 ноября 1881 года выражено было желаніе «соединить реальныя силы христіанской народной жизни въ формѣ корпоративныхъ обществъ». Эта мысль приведена въ исполненіе въ новомъ (третьемъ по счету) проектѣ страхованія рабочихъ, внесенномъ въ рейхстагъ въ началѣ текущаго года. Для цѣлей страхованія образуются профессіональныя корпораціи, обнимающія отдѣльныя отрасли производства въ предѣлахъ всей имперіи и состоящія изъ хозяевъ или завѣдующихъ предпріятіями; гдѣ корпораціи не составляются добровольно, тамъ вводитъ ихъ имперская власть. При каждой корпораціи состоитъ рабочая коммиссія, для участія въ изслѣдованіи несчастныхъ случаевъ и въ разсмотрѣніи правилъ для предупрежденія ихъ. Рабочіе засѣдаютъ также, наравнѣ съ членами корпорацій, въ мѣстномъ третейскомъ судѣ, въ которомъ предсѣдательствуетъ чиновникъ. Имперское страховое управленіе предполагается по прежнему въ Берлинѣ. Реформа касается пока только извѣстной части рабочаго класса, именно той, которая занята въ промыслахъ, сопряженныхъ съ опасностью для жизни и здоровья работниковъ; но насколько значительно число заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ людей—можно видѣть изъ того, что правительствомъ собраны статистическія свѣденія о 93,554 предпріятіяхъ съ 1.957,548 рабочихъ (изъ нихъ 342,295 женщинъ), подлежащихъ дѣйствію новаго закона. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ произошло несчастныхъ случаевъ 29,574, изъ которыхъ 1,22 имѣли результатомъ смерть или совершенную неспособность къ работѣ; проектъ назначаетъ всѣмъ такого рода потерпѣвшимъ или ихъ семействамъ пожизненную или временную пенсію, для которой третья доля средствъ доставляется государствомъ, а двѣ остальныя доли—предпринимателями и работниками, за исключеніемъ лицъ, получающихъ плату ниже извѣстнаго минимума. По всей вѣроятности, проектъ прошелъ бы безъ особенныхъ затрудненій, еслибы въ немъ не было отведено столько мѣста опекунскому вмѣшательству центральной берлинской власти. Другой проектъ канцлера, свободный отъ этой тенденціи,—законъ о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни,—не вызвалъ серьезной оппозиціи и успѣлъ уже получить силу закона, въ іюнѣ прошлаго года. По этому закону для всѣхъ рабочихъ (кромѣ земледѣльческихъ) устраиваются общества взаимной по-

мощи или вспомогательныя кассы, со взносомъ незначительнаго процента изъ заработной платы; гдѣ эти общества не устроены хозяевами или самими рабочими, тамъ они учреждаются мѣстными общинными властями.

Князь Бисмаркъ имѣетъ еще на-готовѣ проектъ обезпеченія рабочихъ въ старости, а затѣмъ показывается въ перспективѣ возможность законодательной заботы о громадномъ большинствѣ рабочаго населенія, не подходящемъ ни подъ одну изъ соціально-политическихъ реформъ канцлера. Что же предлагается этой массѣ работниковъ, не искалѣченныхъ еще несчастнымъ случаемъ, не лежащихъ еще въ больницѣ и не достигшихъ еще старости, а страдающихъ только отъ безработицы, отъ промышленныхъ кризисовъ и отъ общаго необезпеченнаго положенія? Имъ обѣщается право на трудъ въ казенныхъ и общественныхъ сооруженіяхъ, которыя будутъ предприниматься по мѣрѣ надобности и возможности.

Соціальный вопросъ самъ по себѣ остается въ сторонѣ отъ этихъ полезныхъ проектовъ и реформъ, ибо въ нихъ нѣтъ даже отдаленнаго намека на какую-либо перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ. Въ соціально-политической программѣ германскаго правительства нѣтъ ничего соціалистическаго въ народно-хозяйственномъ значеніи этого слова: въ ней есть только одна важная сторона, имѣющая косвенную связь съ соціализмомъ,— это организація рабочаго класса въ видѣ обязательныхъ обществъ взаимной помощи и страхованія, съ нѣкоторою долею самоуправленія. Такое принудительное соединеніе рабочихъ въ обширныя корпораціи и въ мѣстные союзы можетъ со временемъ значительно усилить шансы борьбы съ капиталистами и подготовить даже образованіе тѣхъ самостоятельныхъ промышленныхъ союзовъ, которые проектировалъ Лассаль. Но оффиціальныя попытки организовать рабочее сословіе преслѣдуютъ, конечно, совсѣмъ другую цѣль, — вырвать многочисленную массу народа изъ подъ вліянія соціаль-демократовъ, замѣнить существующую уже враждебную организацію новою, болѣе надежною, и привязать всѣхъ вообще рабочихъ къ государству въ лицѣ правительства, посредствомъ крѣпкихъ матеріальныхъ интересовъ и спеціальныхъ административныхъ узъ.

Проекты князя Бисмарка даютъ болѣе широкую и смѣлую постановку тѣмъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ законовъ объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда, объ обязательномъ устройствѣ школъ на фабрикахъ и заводахъ, объ опредѣленіи нормальнаго рабочаго дня, о помощи бѣднымъ.

Если по поводу реформъ, предложенныхъ германскимъ канцлеромъ, говорятъ о соціализмѣ, то только потому, что всякое выходящее изъ ряда вмѣшательство государства въ экономическія дѣла населенія разсматривается какъ нѣчто соціалистическое, нарушающее «пріобрѣтенныя права» отдѣльныхъ гражданъ. Въ данномъ случаѣ никакія частныя права не измѣняются и не затрогиваются далѣе обычныхъ предѣловъ государственныхъ функцій.

Правда, князь Бисмаркъ—если можно такъ выразиться,—снялъ сливки съ государственнаго соціализма; онъ взялъ его внѣшнюю оболочку, наиболѣе важную для правительства,—теорію всемогущества государства въ области внутренней жизни народа. Самое содержаніе и направленіе реформаторской дѣятельности отступаетъ на задній планъ передъ торжествомъ этого принципа, который такъ долго и не безъ успѣха ограничивался либеральнымъ духомъ европейскихъ обществъ. Но еслибы дѣйствительно наружная половинка государственнаго соціализма вытѣснила собою политическую свободу, то это было бы только слѣдствіемъ слабости общественнаго мнѣнія, смѣшивающаго правительство съ государствомъ. Когда нѣмецкій министръ, писатель или публицистъ, говоритъ о государствѣ, онъ неизбѣжно ставитъ на его мѣсто понятіе правительства; такъ же точно и наоборотъ, правительственная власть именуется просто государствомъ. «Дѣловое государство (Пруссія),—читаемъ мы въ учебникѣ политической экономіи профессора Адольфа Вагнера,—легко составляетъ важнѣйшую составную часть народнаго богатства». Подъ государствомъ, очевидно, разумѣется здѣсь правительство, къ которому только и можетъ быть примѣненъ эпитетъ «дѣловое». Подстановка понятій идетъ еще далѣе: общественность замѣняется государствомъ, а послѣднее — правительствомъ, такъ что всевозможныя полномочія идеальнаго общежитія приписываются данному составу администраціи, которая, быть можетъ, вовсе не соотвѣтствуетъ общественнымъ интересамъ и желаніямъ (какъ это не разъ бывало въ Германіи).

Профессоръ Вагнеръ, оффиціальный экономистъ князя Бисмарка, возводитъ это странное смѣшеніе понятій на степень сознательной системы; для него общество, государство и правительство—одно и то же, причемъ съ удивительною легкостью получаются желанные выводы въ пользу неограниченнаго государственнаго вмѣшательства. Вагнеръ находитъ, что «нынѣшняя государственная практика, съ ея общественными (?) правами на землю, съ ея государственными имѣніями, лѣсами, заводами,

банками, путями сообщеній, казенными монополіями и налогами на общія нужды—есть соціализмъ уже въ дѣйствіи»; это было бы вѣрно, еслибы государство означало собою общество, а не стоящую надъ нимъ организованную силу. Въ другомъ мѣстѣ государство (правительство?) является уже отдѣльнымъ факторомъ народнаго хозяйства, получающимъ за свои нематеріальныя услуги денежное вознагражденіе отъ общества, въ видѣ налоговъ; государство беретъ свою долю участія въ общемъ производствѣ, какъ «скрытый участникъ» послѣдняго;—значитъ, государство не тождественно съ обществомъ, по признанію самого Вагнера. Иногда авторъ опять-таки говоритъ прямо: «народное хозяйство или—*что то-же*—государственное хозяйство». Принудительныя общественныя хозяйства основаны, по его словамъ, не на интересахъ личности, а на общихъ интересахъ вида, на «организующей власти даннаго въ народѣ порядка», наконецъ «на принципѣ организованной и организующей государственной власти» (скачокъ отъ «общихъ интересовъ вида» къ дѣйствіямъ правительства!) Говоря о «существующемъ юридическомъ порядкѣ, какъ продуктѣ свободнаго правового сознанія», Вагнеръ замѣчаетъ, что «законодательство или, короче сказать, государство можетъ измѣнять и отчасти отмѣнять институты частнаго права, имѣя на то верховную право-образную силу»; а такъ какъ государство олицетворяется правительствомъ, то послѣднее вмѣщаетъ въ себѣ творческое «свободное сознаніе» націи. Авторъ опредѣляетъ роль прусскаго государства по Платону и Аристотелю, предполагая, очевидно, что современная Пруссія принципіально ничѣмъ не разнится отъ древнихъ греческихъ республикъ [1]).

Способъ разсужденій Вагнера преобладаетъ не только въ оффиціальной, но и въ свободомыслящей и прогрессивной Германіи; повсюду правительство принимается за синонимъ государства, и споры идутъ о государственномъ вмѣшательствѣ, когда въ сущности слѣдовало бы говорить о вмѣшательствѣ правительственномъ. Противники бюрократическаго соціализма въ его нынѣшней прусской формѣ могли бы съ полнымъ правомъ сказать: «мы признаемъ неограниченное могущество и безусловную творческую силу за государствомъ, какъ идеальнымъ цѣлымъ, но мы не можемъ передать это творческое могущество измѣнчивому составу правительствъ, дѣйствующихъ отъ имени идеальнаго цѣлаго». Поставленный, такимъ образомъ, вопросъ оказался

---

[1]) Lehrbuch der politischen Oekonomie, von Adolph Wagner und Erwin Nasse. (Lpz. 1879), 1-ter Bd., стр. 32, 173—7, 199 (прим. и др.).

бы гораздо яснѣе и проще, чѣмъ представляется онъ въ безплодной полемикѣ о государственномъ вмѣшательствѣ вообще.

V.

Тогда какъ экономически-бѣдная Пруссія, съ ея многочисленнымъ рабочимъ пролетаріатомъ, съ ея блестящею и тяжелою для народа военною славою, представляетъ, повидимому, обѣтованную землю государственнаго соціализма,—въ богатой и одаренной счастливыми природными условіями Франціи принципъ невмѣшательства государства ревниво охраняется еще господствующимъ направленіемъ экономической литературы и журналистики. Французскіе республиканцы гораздо консервативнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ монархисты другихъ европейскихъ странъ. То, что повсюду получило уже право гражданства, кажется еще неблагонамѣреннымъ или ошибочнымъ во Франціи. Французская руководящая пресса отнеслась несочувственно къ земельной ирландской реформѣ 1881 года, какъ нарушившей священное право собственности лордовъ. Рядомъ съ приверженцами безусловной экономической свободы существуетъ множество сторонниковъ безусловнаго соціалистическаго устройства, и между обѣими крайностями не видно еще разумной научной середины. Понятіе соціализма нерѣдко распространяется французами на всякія вообще мѣры, клонящіяся къ регулированію частныхъ промышленныхъ предпріятій и интересовъ. Эти своеобразные консервативные взгляды проводятся весьма обстоятельно въ вышедшей недавно книгѣ извѣстнаго либеральнаго дѣятеля, Леона Сэя (внука знаменитаго экономиста), бывшаго министромъ финансовъ и президентомъ сената.

Леонъ Сэй дѣлалъ подробный фактическій обзоръ новѣйшихъ законодательныхъ и парламентскихъ попытокъ въ сферѣ соціальнаго вопроса въ Англіи, Германіи и Италіи. Онъ твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія индивидуальной свободы, даже когда послѣдняя служитъ лишь орудіемъ гнета сильныхъ надъ слабыми; онъ находитъ несправедливымъ вмѣшательство въ отношенія ирландскихъ фермеровъ къ землевладѣльцамъ, такъ какъ фермеры «добровольно (!) согласились» на невыгодныя для нихъ условія. Упомянувъ объ отсрочкахъ въ уплатѣ поземельныхъ долговъ, Сэй называетъ это «неслыханнымъ вторженіемъ государства» въ частныя сдѣлки гражданъ; подобная разсрочка предстоитъ будто-бы въ Венгріи, которую авторъ назвалъ, вѣроятно, по ошибкѣ вмѣсто

Чехія, откуда дѣйствительно поступила петиція отъ 16 земледѣльческихъ союзовъ съ указаніемъ на разсрочку, какъ на одно изъ средствъ облегченія сельскаго хозяйства. «Насиліе правительственное,—по словамъ Сэя,—заявляетъ притязаніе на столь же радикальную передѣлку общества, какъ и насиліе революціонное. То и другое уничтожаетъ свободу,—тамъ на пользу революціи, здѣсь въ пользу правительствъ». Сэй не одобряетъ и «пассивнаго оптимизма на легкой подкладкѣ laissez faire»; правители должны «поощрять сбереженіе, этотъ единственный способъ улучшить состояніе народныхъ массъ». Авторъ возлагаетъ всю свою надежду на то, что «возможно большее число лицъ достигнетъ обладанія маленькими капиталами»; мы,—говоритъ онъ,—глубоко вѣрующіе въ капиталъ и въ собственность, какъ въ два единственныя средства соціальнаго подъема, должны признать, что къ обязанностямъ государства принадлежитъ забота обо всемъ, касающемся сбереженія и могущемъ содѣйствовать увеличенію національнаго капитала» [1]). Въ глазахъ Сэя, законопроекты князя Бисмарка заражены опаснымъ соціализмомъ, точно такъ же какъ и земельные билли Гладстона; изъ его собственной «profession de foi», изложенной въ концѣ книжки, въ видѣ заключенія,—можно бы сдѣлать одинъ только выводъ, что соціальнаго вопроса вовсе не существуетъ и никакихъ мѣръ для его рѣшенія не требуется. Чтобы масса рабочихъ превратилась постепенно въ маленькихъ капиталистовъ, путемъ личныхъ сбереженій —это утопія болѣе фантастическая, чѣмъ смѣлые планы самихъ соціалистовъ. Сбереженія, и весьма значительныя, существуютъ и теперь, но одна безработица поглощаетъ ихъ сразу, не говоря уже о болѣзняхъ, о старости и неспособности къ работѣ. Недавно еще въ Парижѣ оставалось безъ дѣла нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ за бортъ экономическимъ кризисомъ; для нихъ совѣтъ Сэя—сберегать и сдѣлаться капиталистами,—звучалъ бы горькою насмѣшкою. Остановка работъ въ Анзенскихъ угольныхъ копяхъ быстро истребила всѣ сбереженія рабочихъ; такія случайности составляютъ постоянную принадлежность шаткаго быта рабочаго класса. На этой почвѣ революціонный соціализмъ легко пускаетъ корни, не встрѣчая никакого серьезнаго противовѣса со стороны буржуазной интеллигенціи, средней и высшей: нельзя же считать противовѣсомъ голое отрицаніе соціальной проблемы, дающей себя чувствовать

---

[1]) *Leon Say*, Le socialisme d'état. Conferences faites au cercle Saint-Simon. Paris, 1884, стр. 208—213.

во Франціи непрерывно, начиная съ сороковыхъ годовъ. Опираясь на принципъ невмѣшательства, какъ на каменную гору либерализма, несмотря на растущую кругомъ агитацію въ средѣ рабочихъ, руководители французскаго общественнаго мнѣнія дѣлаютъ не только экономическую, но и политическую ошибку; они отталкиваютъ отъ себя сильный по численности пролетаріатъ и заставляютъ его искать поддержки въ лагерѣ враждебномъ. События, подобныя парижской коммунѣ, не предупреждаются вѣчнымъ повтореніемъ успокоительныхъ фразъ, опровергаемыхъ жизнью на каждомъ шагу. Отрицая государственный соціализмъ, не слѣдовало бы держаться противоположной крайности—теоріи бездѣйствія, особенно при отсутствіи антагонизма между государствомъ и цѣлымъ обществомъ.

Эмиль де-Лавеле, о взглядахъ котораго мы упоминали уже выше, считается во Франціи отступникомъ отъ правовѣрной экономической доктрины только потому, что онъ признаетъ существованіе соціальнаго вопроса и сочувствуетъ нѣмецкой школѣ катедеръ-соціалистовъ. А между тѣмъ, мнѣнія и симпатіи Лавеле имѣютъ очень мало общаго съ соціализмомъ. Онъ вѣритъ въ нравственныя вліянія, которымъ отводитъ рѣшающую роль въ будущемъ повышеніи условій жизни работниковъ. «Чтобы достигнуть болѣе совершеннаго порядка вещей,—говоритъ онъ,—нужно улучшить людей, которые будутъ признаны установить и охранять его, и прежде всего нужно очистить и возвысить господствующія идеи о долгѣ и правѣ. Никакое улучшеніе не возможно, пока не становится лучше самъ человѣкъ. Нравственное возрожденіе,—вотъ источникъ истиннаго прогресса. Высшіе классы должны вѣрнѣе понимать и лучше исполнять свои обязанности; рабочіе, болѣе образованные, болѣе нравственные, будутъ пріобрѣтать собственность трудомъ и сбереженіемъ; наука будетъ увеличивать производительность земледѣлія и промышленности, и пауперизмъ, обнимающій цѣлые разряды семействъ, исчезнетъ» [1]) Это, пожалуй, идиллія, но несомнѣнно благонамѣренная,—какъ благонамѣренны и категорическія возраженія Лавеле противъ тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ теорій. Однако, французскимъ академикамъ-экономистамъ книга Лавеле кажется еще зараженною духомъ ереси. Такого рода нетерпимость въ оцѣнкѣ воззрѣній, уклоняющихся въ чемъ либо отъ традиціонныхъ началъ, затрудняетъ безпристрастную разработку вопросовъ и сообщаетъ экономическимъ школамъ узкій сектантскій оттѣнокъ.

---

[1]) Le socialisme contemporain. p. 46—7, 332—3.

Проповѣдуемый и охраняемый въ теоріи принципъ невмѣшательства поставленъ въ весьма тѣсныя границы на практикѣ, въ области законодательства и администраціи. Вѣра въ государство и въ его всемогущество, привычка ожидать отъ власти всякихъ рѣшеній и мѣропріятій—укоренены во Франціи нисколько не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Но долгая историческая борьба для достиженія свободы отразилась на характерѣ французской буржуазіи и воспитала въ ней чувство протеста противъ вмѣшательства власти въ имущественныя дѣла гражданъ; это чувство осталось и послѣ того, какъ устранены породившія его причины.

VI.

Кругъ государственнаго вмѣшательства въ Англіи все болѣе увеличивается на практикѣ, и принципы манчестерской школы примѣняются почти исключительно въ интересамъ внѣшней торговли. «Доктрина laissez faire, столь усердно излагаемая экономистами прежняго времени,—говоритъ представитель Ливерпуля въ палатѣ общинъ, Самюэль Смитъ,—удерживала государство отъ нарушенія того, что называлось «естественными законами» народнаго хозяйства. Полагали, что бѣдность и грѣхи людей составляютъ законный продуктъ всѣхъ старыхъ обществъ, и что мы не должны вмѣшиваться въ дѣйствіе естественныхъ законовъ. Эта ненавистная философія эгоизма вымираетъ теперь; мы находимъ теперь, что нашъ собственный интересъ требуетъ искорененія недуга, но прежде всего мы сознаемъ, что христіанство учитъ насъ заботиться о бѣдныхъ безпомощныхъ братьяхъ нашихъ. Насъ скандализируетъ, и совершенно основательно, контрастъ между исповѣдуемою нами религіею и свойствами нашего національнаго быта... Настанетъ, быть можетъ, время, когда пренебреженіе этими соціальными вопросами отомститъ за себя ужаснымъ образомъ. Древній Римъ палъ вслѣдствіе полнаго пренебреженія соціальными реформами; первая французская революція была наказаніемъ за беззаботно-презрительное отношеніе къ массамъ; новѣйшее рабочее движеніе есть слѣдствіе прошлыхъ вѣковъ дурного управленія и равнодушія къ участи бѣдныхъ. Если мы не удалимъ гнилыхъ осадковъ, накопившихся у основанія нашего соціальнаго строя, мы неизбѣжно готовимъ страшныя катастрофы нашимъ потомкамъ» [1]). Невольно припоминается

1) Fortnightly Review, 1883, № 5, art. „Social refor. p. 906—11.

при этомъ пророчество, высказанное Маколеемъ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, но имѣющее общій смыслъ только относительно странъ съ сильно возрастающимъ пролетаріатомъ: «возможно, что ваша республика будетъ такъ же безпощадно разграблена и опустошена въ XX столѣтіи, какъ римская имперія въ V вѣкѣ,—съ тою лишь разницею, что разрушители римской имперіи, гунны и вандалы, пришли извнѣ, а для васъ варварами будутъ граждане вашей страны и продукты вашихъ соціальныхъ учрежденій». Для Англіи роль варваровъ играетъ пока ирландская голь, вытѣсненная изъ родныхъ мѣстъ крупными хозяйствами ландлордовъ; къ этимъ враждебнымъ государству пролетаріямъ не присоединяется англійская бѣднота только потому, что она въ значительной мѣрѣ (около $1^1/_2$ милліона человѣкъ) содержится на общественный счетъ, благодаря закону о бѣдныхъ. Соціальная политика правительства не можетъ быть основана на «искусномъ бездѣйствіи», при такомъ положеніи вещей; но и въ государственный соціализмъ не вѣрятъ многіе новѣйшіе теоретики рабочаго вопроса. «Современное общество не способно дать себѣ новое устройство,—заявляетъ, напримѣръ, Генри Джорджъ, страстный проповѣдникъ соціально-религіозныхъ идей:—мы вышли изъ состоянія племенныхъ общинъ и не можемъ вернуться къ нимъ безъ отступленія вспять, связаннаго съ анархіею и, быть можетъ, съ варварствомъ. Наши правительства несомнѣнно потерпѣли бы неудачу въ соціалистической попыткѣ; вмѣсто разумнаго распредѣленія обязанностей и продуктовъ, мы имѣли бы римскую раздачу сицилійскаго хлѣба, и демагогъ сдѣлался бы вскорѣ властелиномъ» [1]). Крайніе противники, какъ и приверженцы существующаго экономическаго порядка, одинаково отвергаютъ примѣненіе началъ государственнаго соціализма.

Но въ то же время, болѣе продолжительное пользованіе національнымъ самоуправленіемъ пріучило англичанъ не ставить никакихъ преградъ свободному дѣйствію законодательства. Парламентъ можетъ сдѣлать все, кромѣ развѣ превращенія женщины въ мужчину,—какъ выражается одинъ изъ толкователей англійской конституціи. Принятіе той или другой реформы, каково бы ни было ея содержаніе, есть исключительно дѣло цѣлесообразности. Основные институты права и главнѣйшіе экономическіе интересы столь же мало изъяты изъ круга законодательной прак-

---

[1]) Progress and poverty, by *Henry George* (L. 1884), p. 227—8.

тіи, какъ и обыденные текущіе вопросы, требующіе парламентскаго разрѣшенія. Когда предлагается новый законъ, то единственная забота правительства и оппозиціи — выяснить его пользу и необходимость, или, напротивъ, вредъ и ненужность; никогда не возбуждается сомнѣніе, распространяется ли власть государства на данную категорію фактовъ. Когда обсуждался послѣдній земельный билль Гладстона, никто не справлялся, относится ли этотъ законъ къ мѣрамъ соціализма или нѣтъ; взвѣшивалось только практическое значеніе его для Ирландіи, въ связи съ общими его принципами, независимо отъ какихъ-либо предвзятыхъ теорій. Постановка вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ въ Англіи кажется намъ весьма поучительною, и мы не можемъ не остановиться здѣсь на рѣчи бывшаго товарища Гладстона по министерству, Гошена, посвященной этому предмету [1]).

«Сфера дѣятельности государства,—по мнѣнію Гошена,—никогда не расширилась бы до нынѣшнихъ ея предѣловъ, еслибъ организація его не подверглась значительнымъ перемѣнамъ. Перемѣны въ распредѣленіи политической силы произвели измѣненіе во взглядахъ на дѣятельность государства. Контроль со стороны олигархическаго правительства вызывалъ бы враждебныя чувства въ промышленныхъ классахъ; контроль парламента, находящагося подъ преобладающимъ вліяніемъ капиталистовъ и торговаго класса, внушалъ бы мало довѣрія массѣ народа. По мѣрѣ развитія болѣе демократическихъ условій, поднимавшаяся демократія стала естественнымъ образомъ требовать мѣръ въ свою пользу. Пока законодательство, приводящее къ постоянному вмѣшательству власти, могло разсматриваться только какъ отеческое, опекунское,—оно возбуждало недовѣріе. Но когда требовалось содѣйствіе государства, то къ нему обращались уже какъ къ органу и слугѣ народа. Движеніе было чисто-демократическое. Общество желало, чтобы представители его дѣйствовали въ его интересахъ; оно требовало контроля надъ личностями. Движеніе было явно соціалистическое». Вычисливъ разнообразныя новыя обязанности, обременяющія собою правительство, Гошенъ продолжаетъ: «нужна крѣпкая вѣра въ рабочій механизмъ правительственныхъ вѣдомствъ, чтобы при этихъ обстоятельствахъ расчитывать на успѣхъ. Демократія имѣетъ довѣріе къ общей контролирующей силѣ, но когда приступаютъ къ исполненію дѣла,

[1]) Въ концѣ октября прошлаго года, въ Эдинбургскомъ философскомъ институтѣ См. „Times“ (еженедѣльное изд.), отъ 9 ноября 1883.

рѣшеннаго законодательствомъ, то демократія не чувствуетъ довѣрія. Напротивъ, она неуклонно критикуетъ каждый шагъ исполнительной власти».

Гошенъ совѣтуетъ также не увлекаться идеею государства до забвенія условій его дѣятельности. «Государство — великое понятіе; но отъ возвышенныхъ мыслей мы сразу упадемъ на землю, когда вспомнимъ, что активная сила общества, въ конечномъ ея выраженіи, зависитъ отъ горячей избирательной борьбы и отъ другихъ болѣе или менѣе случайныхъ комбинацій. Если при дальнѣйшемъ развитіи эры государственнаго соціализма, мы убѣдимся, что законодательные и исполнительные органы не болѣе свободны отъ несовершенствъ и ошибокъ нашей природы, чѣмъ можно предвидѣть на основаніи опыта прошлаго,—то нація будетъ имѣть поводъ сожалѣть, что она возложила нечеловѣческія функціи и нечеловѣческія добродѣтели на управленія чисто-человѣческія». Притомъ, расширеніе обязанностей и задачъ государства связано съ постояннымъ увеличеніемъ расходовъ, что въ концѣ концовъ отзывается на народномъ благосостояніи. Нельзя также предполагать, что правительство, члены котораго принадлежатъ къ извѣстному классу общества, способно совершенно безпристрастно оцѣнивать интересы различныхъ слоевъ населенія; необходимо далѣе, чтобы значительная часть контроля надъ общественными дѣлами перешла отъ центральной власти къ мѣстнымъ управленіямъ. «Филантропы и соціальные реформаторы, стремящіеся возвысить положеніе народа, не освобождаются отъ необходимости разсмотрѣть, дѣйствительны ли ихъ способы дѣйствія,—только потому, что цѣли у нихъ высокія и чистыя. Будемъ надѣяться,—такъ закончилъ свою рѣчь Гошенъ,—что въ государственномъ соціализмѣ будущаго останется мѣсто и для тѣхъ началъ самостоятельности, независимости и естественной свободы, которыя,—если исторія научила насъ чему-нибудь,—были главными условіями, отъ которыхъ зависѣло могущество государствъ, благосостояніе общества и величіе народовъ».

Гошенъ разсуждаетъ какъ практическій государственный человѣкъ, который изъ-за громкихъ словъ и общихъ принциповъ не забываетъ реальной дѣйствительности; онъ не ждетъ хорошихъ плодовъ отъ государственнаго соціализма, возведеннаго въ систему, но онъ также не противникъ государственнаго вмѣшательства по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ. Таково именно мнѣніе большинства образованныхъ англичанъ. Благотворное и полезное для народа предпріятіе правительства всегда и повсюду встрѣ-

часть сочувствіе, не нуждаясь ни въ какихъ оправдательныхъ теоріяхъ. Государственная власть, вполнѣ солидарная съ интересами населенія, можетъ предпринимать самыя широкія и смѣлыя реформы, если послѣднія соотвѣтствуютъ общему благу народа; но эта реформаторская дѣятельность не должна измѣнять нормальныя отношенія между правительствомъ и обществомъ. Такимъ образомъ, государственный соціализмъ, какъ сознательная система, предполагаетъ цѣлый рядъ политическихъ и общественныхъ условій, которыя пока еще не существуютъ въ современной Европѣ.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Звѣзды тихо, боязливо
Рѣютъ въ небѣ голубомъ,
Чтобъ земля не пробудилась,
Убаюканная сномъ.
Темный лѣсъ такъ чутко дремлетъ;
Каждый листъ нѣмыхъ вѣтвей
Притаясь, какъ будто внемлетъ,
И гора рѣку объемлетъ
Тѣнью легкою своей.
Но что́ слышу?.. Сладко звуки
Замерли въ груди моей...
Это—голосъ твой, малютка,
Или только соловей?..

II.

ИЗЪ ШАМИСО.

Зима.

Были годы молодые,
Былъ я свѣжъ и смѣлъ...
Грѣло солнышко... Я бодро,
  Весело глядѣлъ!
О, любовь, весна и розы!
  Звѣзды и луна!
Какъ чудесны были грезы,
  И какъ грудь полна!
Но разсѣялось все это:
  Ахъ, зима пришла,
Снѣгомъ волосы покрыла,
  Свѣжесть унесла...
Все разсѣялось... Я старъ ужъ,
  Старъ, и слѣпъ, и слабъ...
Жизнь, какъ облако, уплыла...
  Умереть пора-бъ!

III.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Тишь на морѣ.

Недвижимо дремлетъ море;
Тишь и мертвенность во всемъ;
Безграничной гладкой сталью
Даль раскинулась кругомъ.
Не шелохнетъ... Не повѣетъ...
Тишь... куда ни поглядишь...
Тишь беззвучная, нѣмая,
Ужасающая тишь!..

IV.

ИЗЪ ГЕРМАНА ЛИНГА.

Возвращеніе на родину.

Я опять на родину вернулся;
Та-же все, какъ встарь, она стоитъ:
Тотъ-же воздухъ милый, тѣ-же пѣсни,—
Только все не такъ уже глядитъ.
Ропотъ волнъ по прежнему такъ сладокъ,
Птички все по прежнему поютъ,
И звонки вечернихъ стадъ несутся,
И холмы надъ озеромъ встаютъ.
Но у дома, гдѣ насъ встарь встрѣчала
Съ лаской мать въ вечерней тишинѣ,
Видѣлъ я... увы!.. чужія лица!..
О, какъ больно, больно стало мнѣ!..
И, казалось, я изъ волнъ услышалъ:
«Въ даль, несчастный, въ даль, и навсегда!
Тѣхъ, что̀ ты любилъ когда-то, нѣтъ ихъ,
И сюда не прійдутъ никогда!»

Г. Р—ковъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ТРУДА

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО И ПРОМЫШЛЕННАГО

въ Россіи.

Въ любомъ экономическомъ трактатѣ читатель встрѣтитъ утвержденіе, что цивилизація ведетъ въ развитію городской жизни, въ переселенію рабочихъ изъ деревень на фабрики и заводы; иначе говоря,—неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ будетъ относительное увеличеніе промышленнаго населенія и сокращеніе числа лицъ, занятыхъ земледѣліемъ. Въ томъ же трактатѣ читатель прочтетъ и другую истину: ему скажутъ, что производительность земледѣльческаго труда растетъ медленнѣе, чѣмъ развивается успѣшность труда промышленнаго; что стоимость производства хлѣба по мѣрѣ развитія общества возвышается сравнительно съ цѣнностью фабрикатовъ. Отсюда онъ самъ уже выведетъ заключеніе, что развитіе цивилизаціи должно сопровождаться увеличеніемъ труда, посвящаемаго хлѣбопашеству, и относительнымъ сокращеніемъ промышленнаго населенія страны. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два, повидимому, противуположныхъ, но тѣмъ не менѣе одинаково истинныхъ положенія: одно говоритъ, что развитіе промышленности ведетъ къ переполненію городовъ рабочимъ людомъ, т.-е. сокращенію числа лицъ, занятыхъ хлѣбопашествомъ; другое—что съ нимъ неизбѣжно связано относительное увеличеніе земледѣльческаго труда. Это противорѣчіе,—повторяемъ,—чисто внѣшнее: оно зависитъ отъ неточнаго формулированія совершенно вѣрной мысли. Что развитіе промышленности ведетъ къ увеличенію числа фабричныхъ рабочихъ, къ переполненію населеніемъ городовъ—это фактъ; но чтобы съ этимъ непремѣнно свя-

зано было сокращеніе земледѣльческаго труда,—это невѣрно: въ нѣкоторыхъ странахъ оно, можетъ быть, и случается, но въ цѣломъ имѣетъ мѣсто, вѣроятно, противуположное явленіе. Общества, стоящія на низкой ступени культурнаго развитія, характеризуются вовсе не тѣмъ, что они слишкомъ много времени посвящаютъ хлѣбопашеству; а тѣмъ, что у нихъ почти отсутствуетъ общественное раздѣленіе труда, такъ что самъ земледѣлецъ приготовляетъ себѣ большую часть предметовъ, служащихъ для удовлетворенія его разнообразныхъ потребностей. Точно также существеннымъ, специфическимъ результатомъ цивилизаціи является вовсе не количественное измѣненіе какого-либо опредѣленнаго характера въ распредѣлені труда между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, а качественныя, такъ сказать, перемѣны: распредѣленіе населені по различнымъ занятіямъ, спеціализація профессій, общественно раздѣленіе труда. Количественныя измѣненія могутъ совершатьс безразлично въ ту или другую сторону въ зависимости отъ естествен ныхъ условій мѣстности и развивающихся привычекъ населені плодородная почва и разнообразіе климатическихъ условій даютъ обществу обильное количество различныхъ продуктовъ земледѣль ческаго производства, служащихъ, какъ для удовлетворенія необхо димыхъ потребностей, такъ и для роскоши, вслѣдствіе чего потребле ніе этихъ продуктовъ будетъ прогрессивно развиваться, формы по требленія утончаться, сообразно чему станетъ увеличиваться коли чество труда, отдаваемаго земледѣлію. Напротивъ того, въ обиженных природою странахъ всѣ силы народа устремятся на обрабатывающу промышленность; его потребленіе будетъ развиваться, главны образомъ въ направленіи, которому удовлетворяютъ фабрики и за воды, отчего количественное отношеніе между трудомъ, отдаваемы земледѣлію и фабрикѣ, будетъ здѣсь уже не то, что въ предъид щемъ случаѣ. Разнообразіе окажется еще значительнѣе, если при нять во вниманіе, что всякая страна участвуетъ въ международно торговлѣ, что ей поэтому нѣтъ надобности все необходимое прои водить непремѣнно у себя, и потому распредѣленіе труда меж различными промышленными отраслями можетъ совершаться незав симо отъ различія въ силѣ потребленія обществомъ тѣхъ или др гихъ продуктовъ.

Но если въ отношеніи количества труда, отдаваемаго разны отраслямъ промышленности, цивилизующіяся страны представляю значительное разнообразіе, то онѣ вполнѣ согласны между собою в томъ, что касается общаго плана организаціи промышленност прежнее однообразіе занятій нарушается, рабочій энциклопедис исчезаетъ и замѣняется спеціалистомъ. На предъидущей ступени ра

витія земледѣлецъ совмѣщалъ въ себѣ и другія профессіи; сколько было тогда хлѣбопашцевъ, столько же можно было насчитать и промышленниковъ. Теперь развивается отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ добывающей; переработка продуктовъ земли ускользаетъ изъ рукъ хлѣбопашца и становится спеціальностью особаго класса лицъ, въ свою очередь неприкосновенныхъ къ земледѣлію. Въ силу извѣстныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, этотъ классъ лицъ сосредоточивается въ городахъ, почему съ развитіемъ цивилизаціи мы наблюдаемъ ростъ городского населенія въ ущербъ сельскому. Но это вовсе не значитъ, что промышленный классъ увеличивается, а земледѣльческій сокращается, или, говоря точнѣе, что трудовая сила отвлекается отъ хлѣбопашества къ другимъ занятіямъ. Если, основываясь на фактѣ увеличенія городского населенія, т.-е. перехода части сельскихъ жителей къ неземледѣльческимъ занятіямъ, можно говорить о развитіи промышленнаго класса въ ущербъ земледѣльческому, то, основываясь на параллельно-совершающемся забрасываніи хлѣбопашцами ремеслъ, съ неменьшимъ правомъ можно утверждать, что и число рукъ, занятыхъ обрабатывающей промышленностью, уменьшается, а не растетъ. Прежде почти вся масса населенія, будучи земледѣльческой, въ то же время не чуждалась и промысла; т.-е. число ремесленниковъ почти совпадало съ населеніемъ страны. Теперь промысломъ занимаются только городскіе жители; слѣдовательно число лицъ, посвящающихъ свои силы переработкѣ сырыхъ продуктовъ, сравнительно уменьшилось.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что цивилизація (предполагая размноженіе населенія равнымъ нулю) ведетъ къ уменьшенію числа лицъ, занимающихся не только земледѣльческой, но и обрабатывающей промышленностью. Это уменьшеніе есть результатъ общественнаго раздѣленія труда, спеціализаціи занятій, и оно вовсе не касается количества человѣческой силы, затрачиваемой прежде и теперь въ обоихъ большихъ отдѣлахъ производства. Если же разсуждать иначе, если считать, что уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ тѣмъ или другимъ промысломъ, равнозначительно сокращенію труда, затрачиваемаго на производство, тогда бы мы имѣли два другъ друга исключающихъ вывода. Наблюдая переселеніе рабочихъ изъ деревень въ города, мы сказали бы, что количество труда, прилагаемаго къ хлѣбопашеству, относительно уменьшается, а зная, что прежде неземледѣльческими промыслами занималось все населеніе страны, теперь же только часть его, живущая въ городахъ, мы должны заключить, что сокращенію подвергается именно та доля трудовой силы общества, которая назначается на обработку сырыхъ продук-

товъ. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого: хотя число лицъ, занятыхъ въ каждомъ отдѣлѣ промышленности, благодаря общественному раздѣленію труда, и уменьшается, но за то всякій рабочій новой организаціи производства посвящаетъ больше времени своей спеціальной профессіи, вслѣдствіе чего вся сумма труда, затрачиваемаго тамъ и здѣсь, можетъ не только остаться неизмѣнной, но и увеличиться даже при неразмножающемся населеніи.

Итакъ, остается все-таки вѣрнымъ положеніе, что вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда онъ совершается подъ руководствомъ капитала, число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, уменьшается, и промышленное населеніе сосредоточивается въ городахъ. Механизмъ этого превращенія хлѣбопашца въ фабричнаго заключается приблизительно въ слѣдующемъ.

Техническія усовершенствованія въ производствѣ, примѣняемыя спеціалистами-промышленниками, и наиболѣе всего развитіе крупной организаціи производства удешевляютъ продукты потребленія и дѣлаютъ ихъ привлекательнѣе для населенія. Вслѣдствіе этого земледѣльческій классъ перестаетъ довольствоваться предметами домашняго или кустарнаго приготовленія и обращается къ фабричнымъ. Отъ этого побочныя занятія хлѣбопашцевъ мало-по-малу сокращаются, и у нихъ остается время, которое они могутъ посвятить своему спеціальному промыслу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сокращаются и ихъ доходы. Земледѣлецъ, покрывавшій дефицитъ въ своемъ бюджетѣ сбытомъ продуктовъ кустарнаго производства, лишенъ теперь этого источника дохода; другой, хотя и не занимавшійся ремесломъ, но приготовлявшій дома значительную часть предметовъ собственнаго потребленія, нынѣ покупаетъ ихъ на рынкѣ, для чего ему нужны лишнія деньги. Въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ долженъ поналечь на земледѣліе и такимъ способомъ предупредить образованіе дефицита. Но этотъ исходъ возможенъ далеко не для всѣхъ; уже самое существованіе промысловъ, на ряду съ хлѣбопашествомъ, доказываетъ, что земли не хватаетъ для занятія всего рабочаго времени крестьянина. Поэтому, потребность въ расширеніи запашки не можетъ быть удовлетворена въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она появилась. Среди крестьянъ начнется борьба за землю, и неустоявшіе въ борьбѣ вынуждены будутъ оставить хлѣбопашество. Всего скорѣе это случится съ малоземельными хозяевами. Они могли еще вести хозяйство при другомъ подобномъ промыслѣ, или когда имъ почти не приходится тратить деньги на пріобрѣтеніе различныхъ продуктовъ потребленія. Но съ перемѣной обстоятельствъ, когда земледѣльцу остается только хлѣбопашество на участкѣ, далеко не обезпечивающемъ его потребностей, и когда, не смотря на всевозможныя старанія, ему не удается

ни прикупать земли, ни найти подсобнаго заработка, ему остается одно: перемѣнить профессію, бросить село и переселиться въ городъ, а свой участокъ уступить болѣе счастливому сосѣду.

Итакъ, развитіе промышленности, по крайней мѣрѣ, та его форма, какую мы обыкновенно наблюдаемъ въ исторіи, ведетъ къ сокращенію числа рукъ, занятыхъ хлѣбопашествомъ, и къ округленію участковъ лицъ, сохранившихъ связь съ землею. Это—естественный результатъ общественнаго раздѣленія труда, и насколько разсматриваемый процессъ обусловливается этимъ послѣднимъ, предѣлы ему будутъ положены такимъ сосредоточеніемъ хлѣбопашества, при которомъ каждый крестьянинъ обладалъ бы участкомъ земли, достаточнымъ для утилизаціи всей рабочей силы его семьи. Большаго сосредоточенія земли принципъ общественнаго раздѣленія труда не требуетъ. Если же обезземеленіе народа продолжается дальше, если участки земледѣльцевъ растутъ выше тѣхъ размѣровъ, какіе опредѣляются составомъ семьи, такъ что развивается крестьянское батрацкое хозяйство, а тѣмъ паче, если и это послѣднее разрушается, уступая мѣсто чисто-капиталистическому земледѣлію, то въ этомъ виновато уже не общественное раздѣленіе труда, не положительныя вліянія прогресса,—ибо никѣмъ еще не доказано, что крупное хозяйство обладаетъ такими преимуществами, что оно окончательно можетъ уничтожить мелкое. Это есть результатъ побочныхъ обстоятельствъ, хотя обыкновенно и сопутствующихъ прогрессу, какъ-то—безграничнаго индивидуализма, полнаго права собственности на землю и, можетъ быть, прямого воздѣйствія власти. Впрочемъ, такъ или иначе, но въ исторіи отрицательныя вліянія цивилизаціи проявили свою силу не менѣе ясно, чѣмъ положительныя, почему мы наблюдаемъ, какъ общее явленіе, что обезземеленіе народа идетъ значельно дальше, чѣмъ это требуется культурой, а отсюда вытекаютъ многія важныя послѣдствія.

Коль скоро земледѣліе основывается на наемномъ трудѣ, вытѣсненіе рабочихъ въ города подвигается впередъ очень быстро. Когда крестьянинъ хозяйничаетъ на собственномъ участкѣ, всѣ доходы поступаютъ въ его пользу и тратятся на содержаніе семьи независимо отъ того, работаетъ-ли она или нѣтъ. Поэтому можетъ случиться, и даже обыкновенно такъ бываетъ, что не все рабочее время они проводятъ въ трудѣ: часть зимы, напримѣръ, а иногда и небольшіе періоды лѣтомъ самъ хозяинъ или его семья свободны. Не смотря на это, они кормятся такъ-же, какъ и въ періодъ работъ, потому что весь продуктъ производства принадлежитъ имъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ мелкомъ хозяйствѣ земля содержитъ большее число лицъ, чѣмъ какое требуется для производства; иначе говоря, что она оп-

лачиваетъ какъ рабочее время земледѣльца, такъ и его отдыхъ. Когда-же на землѣ трудится наемный рабочій, то все его оплачиваемое время утилизируется въ пользу производства: на зиму рабочіе распускаются, въ разные періоды лѣта держатъ ихъ не одинаковое количество. Поэтому число лицъ, занятыхъ на землѣ (слѣдовательно кормящихся ею) въ капиталистическомъ хозяйствѣ строго соотвѣтствуетъ техническимъ требованіямъ производства; здѣсь нѣтъ ни одного лишняго человѣка, не тратится безполезно ни одного дня; почему привлекается къ производству значительно меньшее число лицъ, чѣмъ ихъ участвуетъ въ мелкомъ земледѣліи. Иначе говоря, все то время, какое мелкій хозяинъ посвящаетъ отдыху, въ капиталистическомъ земледѣліи исключается изъ разсчета тратъ рабочаго времени на производство и не подлежитъ оплатѣ; поэтому крупное хозяйство ведется съ меньшимъ числомъ рабочихъ, и значительная часть прежнихъ земледѣльцевъ является лишенною привычнаго заработка, а съ нимъ и средствъ существованія, и быстро пополняетъ ряды городского пролетаріата.

Такимъ образомъ, съ развитіемъ промышленности, основанныхъ на капиталистическомъ принципѣ, и тѣмъ въ сильнѣйшей степени, чѣмъ болѣе послѣдній распространяется въ земледѣліи, является усиленное изгнаніе населенія изъ деревень въ города. Причина этого, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что здѣсь строже проводится принципъ общественнаго раздѣленія труда, и экономизируется расходъ рабочей силы на производство. Къ этому вліянію техническихъ условій капиталистическаго производства присоединяются другія воздѣйствія того-же господствующаго принципа. Мелкій земледѣлецъ обрабатываетъ свой участокъ прежде всего для того, чтобы добыть себѣ пищу. А такъ какъ въ обществахъ, гдѣ господствуетъ крестьянское хозяйство, земледѣльческій классъ составляетъ большую половину населенія, то и оказывается, что направленіе земледѣльческаго производства здѣсь опредѣляется потребностью питанія страны. Затѣмъ, стремясь по возможности полнѣе использовать имѣющіяся у него средства производства, мелкій хозяинъ не оставляетъ пустующимъ ни клочка земли, а разнообразіе продуктовъ, какіе она можетъ давать, и эластичность потребностей человѣческой природы, способныхъ до безконечности приноравливаться къ имѣющимся средствамъ потребленія, дозволяютъ обращать на земледѣліе все болѣе растущее количество труда. Въ капиталистическихъ-же обществахъ хозяинъ земледѣльческаго предпріятія руководствуется въ своей дѣятельности не личными потребностями, а исключительно требованіями рынка. Сегодня эти послѣднія заставляютъ его производить хлѣбъ, а завтра можетъ быть онъ запуститъ поля въ пастбища, чтобы выращивать

на нихъ шерсть. Такимъ образомъ, направленіе земледѣльческой культуры здѣсь освобождается отъ вліянія потребности питанія населенія, тѣмъ болѣе, что развитіе международной торговли дозволяетъ сложить обязанность прокармливать общество на другія страны. Кромѣ того, богатый человѣкъ обыкновенно изъемлетъ часть земли отъ всякой культуры, предназначая ее для своего удовольствія, охоты и т. п. Поэтому, въ капиталистическихъ обществахъ меньшая площадь земли подвергается обработкѣ, и хлѣбопашество требуетъ меньшаго числа рукъ. Земля здѣсь утрачиваетъ въ значительной степени свое главное назначеніе—доставлять средства существованія населяющему ее народу,—такъ что съ размноженіемъ послѣдняго можетъ и не произойти пропорціональнаго увеличенія количества труда, прилагаемаго къ почвѣ. Результатомъ будетъ опять таки удаленіе населенія изъ деревень въ города.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что сильный ростъ городского населенія быстро развивающихся странъ, есть явленіе не нормальное, вызываемое не столько прогрессомъ промышленности, сколько неправильнымъ развитіемъ капитала, не всегда, руководящаго дѣйствіями людей во имя общественной пользы, откуда происходитъ нарушеніе естественнаго равновѣсія въ распредѣленіи труда между земледѣліемъ и другими отраслями промышленности и вытѣсненіе его изъ первой области въ послѣднія. Но и здѣсь онъ скоро оказывается лишнимъ: обрабатывающая промышленность, запросъ на продукты которой, отчасти въ силу того-же обезземеленія народа,—растетъ медленнѣе, чѣмъ средства производства,—не въ силахъ поглотить всей массы труда, вытѣсненнаго въ города и ищущаго здѣсь занятія. Естественное мѣсто этой части населенія въ земледѣльческой области—производительность которой развивается не такъ быстро, какъ растетъ успѣшность труда въ промышленности обрабатывающей,—а между тѣмъ это заставляетъ его работать на фабрикахъ. При нормальномъ ходѣ дѣла съ теченіемъ времени земледѣльческое населеніе страны должно-бы, относительно, увеличиваться, но вышеизложенное заставляетъ его уменьшаться. Неудивительно, если рабочіе, вытѣсненные съ своего естественнаго мѣста, не находятъ пріюта въ чуждой области, становятся лишними въ своемъ отечествѣ и принуждены эмигрировать. Въ Америкѣ они устраиваются такимъ образомъ, что возстановляется равновѣсіе между земледѣліемъ и другими отраслями промышленности, нарушенное въ Европѣ и заставившее ихъ покинуть родную страну: они становятся опять земледѣльцами и берутъ на себя обязанность снабжать пищей метрополію. Выходитъ, что пресловутое стремленіе населенія цивилизующихся обществъ изъ деревень въ города въ значительной степени есть нечто

иное, какъ комедія мѣстной исторіи. Всемірная-же нелюбитъ этихъ шутокъ и спѣшитъ исправить результаты не совсѣмъ умнаго фарса: земледѣльца, удалившагося съ родного поля, она устраиваетъ на землѣ-же, создавъ ему новое отечество. Поэтому промышленная исторія всего человѣчества значительно отличается отъ хода дѣла въ нѣкоторыхъ странахъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе науки. Въ послѣднихъ—успѣхи промышленности сопровождаются непрерывнымъ отливомъ населенія изъ деревень въ города; первая представляетъ колебанія въ ту и другую сторону, такъ что въ общемъ количество труда, затрачиваемаго на хлѣбопашество съ теченіемъ времени, вѣроятно, не уменьшается, а даже увеличивается. Происходитъ лишь перемѣщеніе населенія изъ одной страны въ другую: земледѣлецъ, лишенный орудій производства въ Англіи, получаетъ ихъ опять въ руки гдѣ-нибудь въ Америкѣ. Но очевидное дѣло, что съ принципіальной точки зрѣнія это перемѣщеніе является чистой случайностью. Если англичане и нѣмцы въ настоящее время заселяютъ Америку, то это потому, что соотвѣтствующія страны не имѣютъ у себя земли, свободной для поселенія. Но если найдется страна, обладающая большими незанятыми пространствами почвы, то ея пролетаріатъ, образующійся въ густо-населенныхъ пунктахъ, размѣстится по окраинамъ, и земледѣльческое населеніе въ такой странѣ не должно-бы уменьшаться съ тою быстротою, какую мы наблюдаемъ въ другихъ прогрессирующихъ странахъ. Въ такомъ положеніи находится, между прочимъ, Россія; поэтому законъ развитія городской жизни получитъ здѣсь свою особенную окраску. Эти особенности усугубляются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Россіи издавна происходитъ колонизаціонное движеніе земледѣльческаго населенія съ запада на востокъ,—движеніе, предупреждающее быстрое развитіе городской жизни. Не будь такого движенія—значительная часть земледѣльцевъ, вытѣсненная съ родного поля, стала-бы искать другихъ заработковъ, переполнила-бы города и дала-бы намъ картину какъ-бы выхваченную изъ западно-европейской исторіи.

На основаніи выше-развитыхъ положеній мы имѣемъ право высказать мысль, что напрасно будетъ ждать въ Россіи непремѣнно такого-же развитія городской жизни, какъ на западѣ; напротивъ нашъ промышленный прогрессъ долженъ-бы обойти этотъ пунктъ, на сколько городъ является станціей для населенія, которому предстоитъ устроиться опять въ роли земледѣльцевъ. И дѣйствительно, къ чему крестьянину мытарствовать въ городѣ или на фабрикѣ, пріобрѣтать здѣсь привычки трактирной цивилизаціи, отбиваться отъ земледѣльческаго труда, если въ концѣ концовъ ему предстоитъ все-таки превратиться опять въ хлѣбопашца? Не проще-ли ему прямо переселиться на новое мѣсто,

не проходя ступени городской жизни? Такъ оно въ самомъ дѣлѣ и случилось-бы, еслибы стремленіе народа къ переселенію хотя нѣсколько регулировалось чѣмъ-нибудь; еслибы у насъ смотрѣли на переселеніе не какъ на печальный результатъ любви народа къ бродяжничеству, а какъ на явленіе, весьма благопріятное для правильнаго и спокойнаго развитія общества, потому что оно предупреждаетъ образованіе излишняго и безпокойнаго промышленнаго населенія. Но какъ извѣстно, у насъ значительная часть крестьянъ, порывающихъ съ земледѣліемъ на мѣстѣ и не имѣющихъ средствъ для переселенія, стремится въ города. А такъ какъ главный источникъ заработка для городского населенія, растущаго вмѣстѣ съ обезземеленіемъ народа, весьма мало прибѣгаетъ къ помощи новыхъ рабочихъ рукъ, развиваясь главнымъ образомъ путемъ примѣненія техническихъ усовершенствованій, то оказывается, что и въ Россіи, не смотря на обиліе незанятой земли, на интенсивное стремленіе хлѣбопашца къ переселенію и сравнительную молодость прогресса, тѣмъ не менѣе уже совершенно ясно обнаружились недостатки промышленной цивилизаціи въ видѣ городского пролетаріата, легкости, съ какою возбуждаются буйныя движенія въ городахъ, и т. п. Всѣ подобныя явленія свидѣтельствуютъ, что въ Россіи довольно быстро совершается процессъ обезземеленія народа, и вопросъ въ томъ, насколько этотъ процессъ естественъ и неизбѣженъ. Какую роль играютъ здѣсь естественные факторы, способные всего больше вліять на ходъ процесса: общественное раздѣленіе труда, успѣхи промышленнаго капитализма, развитіе крупнаго капиталистическаго или батрацкаго крестьянскаго хозяйства, —и насколько весь процессъ обусловливается искусственными вліяніями положительнаго и отрицательнаго характера: законодательствомъ страны и административными воздѣйствіями, отсутствіемъ организаціи необходимой помощи народу въ различныхъ затруднительныхъ случаяхъ и т. п. Мы, однако, не думаемъ разрѣшать теперь всѣхъ этихъ вопросовъ, а остановимъ свое вниманіе на одномъ: посмотримъ, какъ сильно двинулось впередъ обособленіе земледѣльческаго промысла и въ частности развитіе батрацкаго крестьянскаго хозяйства.

Если прислушаться къ голосу общественнаго мнѣнія, то послѣднее явленіе у насъ уже недалеко. Выдающейся чертой въ исторіи земледѣлія прошедшаго двадцатилѣтія считается расчлененіе прежде однородной массы крестьянъ на два слоя: богатыхъ, „хозяйственныхъ" мужиковъ, и маломочныхъ. Въ типѣ „хозяйственнаго" мужика и видятъ зародышъ земледѣльца кулака, который въ недалекомъ будущемъ завладѣетъ всей общинной землей и заставитъ работать на себя бѣдняка-односельца. Однако, такое представленіе о хозяйственномъ мужикѣ кажется намъ несоотвѣтствующимъ даннымъ

дѣйствительной жизни. Кулакъ у насъ уже есть, и однако между нимъ и хозяйственнымъ мужикомъ огромная разница. Послѣдній не стремится къ эксплуатаціи ближняго; источникъ его благосостоянія заключается въ неустанномъ трудѣ на землѣ, а чтобы вполнѣ использовать свою рабочую силу, онъ старается расширить хозяйство. Въ этомъ стремленіи онъ дѣйствительно сталкивается съ маломочнымъ крестьяниномъ: и тому нужна земля, и онъ также ищетъ ее; но будучи экономически слабѣе, онъ не устоитъ въ борьбѣ и уступитъ ее первому. Это столкновеніе произойдетъ и въ дѣлѣ распоряженія общинной землей, и въ арендѣ частно-владѣльческой. И тамъ, и здѣсь, дѣло можетъ окончиться такимъ образомъ, что хозяйственный мужикъ станетъ еще болѣе хозяйственнымъ, а бѣдный вынужденъ будетъ окончательно бросить промыселъ. И однако, мы все-таки утверждаемъ, что въ такомъ раздвоеніи крестьянства нельзя видѣть зародыша батрацкаго хозяйства, хотя и не отрицаемъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ оно здѣсь можетъ развиться. Въ появленіи типа хозяйственнаго мужика (если это дѣйствительно новый типъ) нужно видѣть, самое большое—естественный результатъ общественнаго раздѣленія труда или, вѣрнѣе, попытки водворить у насъ послѣднее. Теперь, когда полученіе внѣ-земледѣльческаго заработка становится все труднѣе и труднѣе, а расходы крестьянъ растутъ въ громадныхъ размѣрахъ,—всякій хлѣбопашецъ, даже безъ малѣйшей тѣни стремленія къ эксплуатаціи ближняго, долженъ принимать всевозможныя мѣры къ расширенію хозяйства до такихъ размѣровъ, чтобы онъ могъ примѣнить здѣсь всю свою рабочую силу. Прежде онъ часть времени отдавалъ постороннимъ занятіямъ; другую, неутилизируемую хлѣбопашествомъ, безъ ущерба для своего благосостоянія, могъ провести въ отдыхѣ. Теперь времена перемѣнились: земледѣлію онъ можетъ и долженъ посвящать гораздо больше времени, отдыхъ оказывается причиною всѣхъ несчастій. Ему остается одно: расширять и расширять собственное хозяйство, а при ограниченномъ количествѣ земли, подлежащей эксплуатаціи, — это значитъ сокращать хозяйство другихъ. Очевидно, что стремленіе хозяйственнаго мужика къ землѣ, пока оно не превышаетъ его рабочей силы, не можетъ быть считаемо зародышемъ батрацкаго хозяйства. Оно должно существовать (и вѣроятно всегда существовало, хотя, можетъ быть, и въ меньшихъ размѣрахъ) даже если бы отсутствовала всякая возможность зародиться послѣднему, и объясняется это необходимостью нашему крестьянину полнѣе заняться хлѣбопашествомъ. Но указанное нормальное стремленіе мужика къ землѣ имѣетъ свои границы: если оно ведетъ къ такому ея сосредоточенію, что является надобность прибѣгнуть къ найму

рабочихъ, то это—уже батрацкое хозяйство, и если фактъ этотъ—явленіе не исключительное, а болѣе или менѣе быстро развивающееся, то значитъ существуютъ условія, благопріятствующія превращенію мелкаго крестьянскаго земледѣлія въ батрацкое. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ прибавить, что не всякое участіе наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ должно быть приписано зарожденію капиталистическихъ отношеній. Необходимость имѣть работника нерѣдко считается въ народномъ быту не привилегіей, а несчастіемъ, такъ какъ весьма часто она вызывается бѣдностью семьи рабочими силами, а не богатствомъ орудіями производства.

Итакъ, сколь сильно распространено въ крестьянскомъ хозяйствѣ участіе наемнаго труда?

Пытаясь отвѣтить на этотъ вопросъ, мы будемъ имѣть въ виду батрацкій трудъ, т.-е. постоянное участіе наемной силы въ хозяйствѣ, а не потребность прибѣгать къ ней временно, въ нѣкоторые періоды земледѣльческаго сезона. Хотя, разсуждая такимъ образомъ, мы и не опредѣлимъ всей наемной силы, привлекаемой къ крестьянскому хозяйству, тѣмъ не менѣе другого выхода у насъ нѣтъ, такъ какъ лишь о наймѣ крестьянами батраковъ мы можемъ привести какія-нибудь цифровыя данныя. Впрочемъ, и данныя этого рода крайне скудны, ибо хотя земскіе статистики собирали на этотъ счетъ свѣденія, но не нашли нужнымъ включать ихъ въ свои труды. Насколько намъ извѣстно, они руководствовались при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что наемный трудъ въ крестьянской средѣ развитъ очень мало, и потому для него не стоитъ отводить особой графы въ таблицахъ. Пожалѣемъ о такомъ рѣшеніи статистиковъ и приведемъ читателю тѣ отрывочныя цифровыя данныя, которыя намъ удалось встрѣтить тамъ и сямъ [1]).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ было произведено статистико-экономическое изслѣдованіе елецкаго уѣзда, орловской губерніи. Къ сожалѣнію, издатели постарались, чтобы трудъ ихъ почилъ гдѣ-нибудь въ архивѣ, такъ что при всемъ стараніи я не могъ познакомиться съ нимъ въ оригиналѣ, и нѣкоторые результаты изслѣдованія сдѣлались мнѣ извѣстными лишь благодаря сообщенію г. Хвостова географическому обществу. Въ этомъ докладѣ мы найдемъ кое-что и по интересующему насъ вопросу; именно, мы узнаемъ изъ него, что изъ 30,000 дворовъ елецкаго уѣзда, работниковъ держатъ 5% домохозяевъ. Въ семи волостяхъ тульскаго уѣзда крестьяне нанимаютъ 223 работника. Предполагая, что каждый хо-

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не дѣлаемъ ссылки на источникъ, мы беремъ данныя изъ земскихъ сборниковъ статистическихъ свѣденій по той или другой губерніи.

зяинъ держитъ по одному батраку, и зная, что всѣхъ дворовъ въ этихъ волостяхъ 6099, мы опредѣлимъ общее число крестьянскихъ хозяйствъ, эксплуатирующихъ наемный трудъ, въ 3,7% всего ихъ числа (Стат. экон. изслѣдованіе семи волостей тульскаго уѣзда, таблица, с. 39). Въ зеньковскомъ уѣздѣ полтавской губерніи наемныхъ рабочихъ (въ количествѣ 883 человѣка) держатъ всего 485 домохозяевъ, что составитъ 2,3% всего числа крестьянскихъ хозяйственныхъ единицъ уѣзда. Въ полтавскомъ уѣздѣ наемныхъ рабочихъ держатъ 521 дворъ изъ 24,620 дворовъ уѣзда, т.-е. 2,1%. Такой мелкій процентъ хозяевъ, нанимающихъ батраковъ въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ, принадлежащихъ къ мѣстности, гдѣ неравномѣрность землевладѣнія развита больше, чѣмъ вообще въ Россіи, и гдѣ поэтому капиталистическія отношенія въ крестьянской средѣ должны быть выражены яснѣе, объясняется тѣмъ, что здѣсь батрацкій трудъ нерѣдко скрытъ подъ вывѣскою „зажона", т.-е. уборки хлѣба изъ части: очень часто зажонщикъ обязуется исполнять разныя работы, кромѣ той, на которую нанялся непосредственно, и при неопредѣленности уговора объ этихъ работахъ онъ въ сущности становится батракомъ своего патрона. Въ виду этого мы попытаемся опредѣлить другимъ способомъ количество крестьянскихъ хозяйствъ, прибѣгающихъ болѣе или менѣе систематически къ наемной силѣ; предположимъ, что всѣ хозяева, владѣющіе участкомъ пахатной земли не менѣе 15 десятинъ, въ той или другой формѣ пользуются наемнымъ трудомъ, и все-таки окажется, что въ полтавскомъ уѣздѣ батрацкое хозяйство ведутъ 1260 дворовъ или 5,1% всего числа крестьянскихъ хозяйствъ.

Мы, конечно, мало могли привести прямыхъ данныхъ по вопросу о развитіи капиталистическихъ отношеній въ общинѣ, и приведенныя цифры вовсе не подтверждаютъ мнѣнія о быстрой капитализаціи крестьянскаго хозяйства: къ наемному труду прибѣгаетъ не болѣе 5% крестьянъ. Дабы еще болѣе уяснить себѣ этотъ вопросъ, мы для другихъ уѣздовъ обратимся къ фактамъ, хотя нѣсколько иного рода, но зато имѣющимъ цифровой характеръ. Если мы лишены возможности узнать число крестьянскихъ хозяйствъ, нанимающихъ работниковъ, зато у насъ есть свѣдѣнія о числѣ лицъ, поступающихъ въ батраки. Правда, эти послѣдніе работаютъ нетолько въ крестьянскихъ дворахъ, но еще, и даже главнымъ образомъ, въ помѣщичьихъ экономіяхъ; поэтому абсолютная ихъ цифра не даетъ намъ права сдѣлать положительное заключеніе въ пользу развитія батрацкаго крестьянскаго хозяйства. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда число лицъ этой категоріи вообще не велико, мы, въ виду вышесказаннаго, можемъ все-таки сдѣлать довольно вѣроятное отрица-

тельное заключеніе: если указаннымъ способомъ мы не съумѣемъ точно опредѣлить числа крестьянскихъ дворовъ, нанимающихъ батраковъ, за то, можетъ быть, намъ удастся доказать, что такихъ дворовъ не должно быть очень много, а иногда и опредѣлить максимальный ихъ процентъ.

Въ трехъ уѣздахъ тамбовской губерніи наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отпускаютъ 4,700 дворовъ. Это весь контингентъ батраковъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ. Предполагая же, что ихъ нанимаютъ исключительно крестьяне, причемъ каждый нанимающій держитъ по одному рабочему, то и въ такомъ случаѣ число домохозяевъ, прибѣгающихъ къ батрацкому труду будетъ равно 7,3%. Но такъ какъ наше предположеніе очевидно невѣрно, и значительная часть рабочихъ нанимается помѣщиками, то на долю крестьянъ останется много меньше и этихъ 7%. Въ курскомъ уѣздѣ на сельскохозяйственныя работы идутъ 2,380 человѣкъ изъ 22,254 крестьянскихъ дворовъ. Изъ этого числа 1,131 человѣкъ отправляются за предѣлы уѣзда и даже губерніи, на мѣстѣ же работаютъ 1249 человѣкъ, что будетъ меньше 6% всего числа дворовъ уѣзда. Но и изъ тѣхъ большая часть находитъ себѣ занятіе въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ уѣзда, и только небольшая доля ихъ падаетъ на хозяйства крестьянскія. Послѣднія большею частью принадлежатъ тѣмъ четвертникамъ, которые, пользуясь родовыми правами, получили при размежеваніи большіе участки земли. Въ общинѣ значитъ наемный трудъ почти вовсе не примѣняется. Въ льговскомъ уѣздѣ той же губерніи число мужчинъ-батраковъ и полѣтчиковъ простирается до 1270 человѣкъ. Какъ видно изъ таблицъ сборника стат. свѣд. по курск. губ., относящихся къ частному землевладѣнію, въ экономіи держится 684 рабочихъ, т.-е. больше половины указаннаго числа. А принимая во вниманіе, что въ „Сборникѣ“ описана лишь половина крупныхъ имѣній уѣзда и предполагая, что другая ихъ половина прибѣгаетъ къ наемному труду не рѣже, окажется, что на долю батрацкаго крестьянскаго хозяйства работниковъ вовсе не остается; иначе говоря, что такое хозяйство здѣсь почти вовсе отсутствуетъ. То же нужно сказать и о дмитровскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ общаго числа 1020 батраковъ помѣщики (да и то далеко не всѣ) нанимаютъ 900.

Мы должны удовольствоваться этими данными потому, что привести ихъ больше — не зависитъ отъ нашей воли. Правда, земскіе статистическіе комитеты издали описаніе еще нѣсколькихъ уѣздовъ Россіи, но требующіяся для насъ свѣденія сгруппированы тамъ способомъ, какимъ мы не можемъ воспользоваться для своей цѣли. Въ саратовскомъ уѣздѣ и въ четырехъ уѣздахъ рязанской

губерніи батрацкій трудъ не отдѣленъ отъ другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ по найму, какъ-то: поденщины, обработка собственнымъ инвентаремъ земли частныхъ владѣльцевъ и безлошадныхъ крестьянъ и пр. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы здѣсь батрацкое крестьянское хозяйство было развито сильнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, о которыхъ у насъ есть какія-нибудь опредѣленныя свѣденія. А объ этихъ послѣднихъ мы въ правѣ сказать, что число крестьянъ, прибѣгающихъ для обработки земли къ помощи наемнаго труда, сравнительно съ общей массой народа, совершенно ничтожно: два, три, maximum 5 хозяевъ изъ ста—вотъ и всѣ представители крестьянскаго капитализма.

Все вышеизложенное даетъ намъ право сказать, что батрацкое крестьянское хозяйство въ Россіи еще въ зародышѣ. Это не система, прочно коренящаяся въ условіяхъ современной жизни, а случайность, какая была и 100, и 200 лѣтъ тому назадъ. Гдѣ нѣтъ абсолютнаго равенства, гдѣ система хозяйства не общинная, а индивидуальная, тамъ естественно населеніе разбивается на группы, различающіяся по степени благосостоянія. Тамъ поэтому найдутся какъ совершенно обѣднѣвшіе дворы, такъ и чрезмѣрно разбогатѣвшіе. И это независимо отъ того, вступила ли страна на путь капиталистическаго промышленнаго развитія или нѣтъ. И какъ невозможно было говорить о капитализмѣ 100 лѣтъ назадъ, хотя и тогда зародыши его въ видѣ батрацкаго крестьянскаго хозяйства уже были на лицо, такъ же странно будетъ настаивать на этой идеѣ въ настоящее время, настаивать потому что 5—7% крестьянъ нанимаютъ работниковъ.

Итакъ, факты, относящіеся къ положенію батрацкаго крестьянскаго хозяйства въ Россіи, не даютъ намъ права утверждать, что обособленіе земледѣльческаго промысла замѣтно двинулось впередъ. Даже хозяйственный мужикъ, въ наши дни обратившій на себя такое вниманіе литературы, можетъ быть, вовсе не составляетъ продукта послѣдняго періода исторіи съ его пресловутымъ общественнымъ раздѣленіемъ труда. Типъ этотъ бросился намъ въ глаза не столько потому, что будто-бы въ послѣднее время онъ получилъ особенное развитіе, а гораздо больше можетъ быть по причинѣ контраста, какой онъ образуетъ съ массой пошатнувшихся домохозяевъ. При пониженіи средняго уровня хозяйственной самостоятельности, обыкновенный зажиточный крестьянинъ кажется уже богатыремъ. Мы удивляемся большому числу хозяйственныхъ мужиковъ, приписываемъ ихъ обогащенію обѣднѣніе массы народа, и подтвержденіе своему взгляду находимъ въ очевидной для всѣхъ борьбѣ за землю богатаго и бѣднаго крестьянина и въ склоненіи побѣды на сторону перваго. Источника этой борьбы мы ищемъ въ размноженіи хо-

зяйственныхъ мужиковъ, а на самомъ дѣлѣ онъ можетъ заключаться въ увеличеніи числа радовыхъ хозяевъ. Съ этой точки зрѣнія борьба за землю въ крестьянской общинѣ съ ея роковыми послѣдствіями для побѣжденныхъ (обезлошаденіе, обезземеленіе и т. п.) служитъ уже выраженіемъ не начавшагося будто бы общественнаго раздѣленія труда, требующаго концентраціи земледѣльческаго производства въ меньшемъ числѣ рукъ и выкидывающаго изъ сферы сельскаго хозяйства слабыхъ и неспособныхъ. Напротивъ, она свидѣтельствуетъ о сильнѣйшемъ стремленіи массы къ земледѣлію, объ увеличеніи числа хозяевъ, о децентрализаціи земледѣльческаго промысла, т.-е. о чемъ-то совершенно противуположномъ требованію закона промышленнаго прогресса. Это соображеніе приводитъ насъ къ необходимости поискать другихъ указаній, способныхъ освѣтить вопросъ о спеціализаціи русскаго земледѣлія. И одно изъ такихъ указаній мы имѣемъ въ нижеслѣдующемъ.

Если земледѣльческое производство въ Россіи дѣйствительно спеціализируется, если сельско-хозяйственный трудъ отдѣляется отъ промышленнаго, то прежде всего это выразится тѣмъ, что хлѣбопашеству посвятитъ свои силы меньшее число лицъ, которые за то займутся имъ спеціально, и въ результатѣ мы будемъ имѣть болѣе крупныя крестьянскія хозяйства, чѣмъ каковыя были въ дореформенную эпоху. Что же, находимъ ли мы это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли къ сельскому хозяйству въ настоящее время привлечено меньшее число лицъ сравнительно съ тѣмъ, что было двадцать лѣтъ назадъ, и правда ли, что крестьянскія хозяйства сдѣлались крупнѣе?

Отвѣтить на этотъ вопросъ простымъ сравненіемъ настоящаго съ прошлымъ мы не можемъ, ибо хотя для новѣйшаго времени у насъ и есть опредѣленныя данныя о крестьянскомъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, но прошлое его вовсе не поддается желательному цифровому выраженію. Поэтому мы должны подойти къ нашему вопросу со стороны; сравнивать мы станемъ величины несовершенно однозначныя, и только постараемся при этомъ не обидѣть провѣряемый нами законъ общественнаго раздѣленія труда. Для сравненія мы возьмемъ тѣ уѣзды черноземной полосы, которые подробно изслѣдованы земскими статистическими комитетами.

Какъ извѣстно, труды этихъ комитетовъ даютъ намъ цѣлый рядъ цифровыхъ свѣденій о крестьянскомъ хозяйствѣ настоящаго времени, по которымъ мы можемъ опредѣлить, сколько крестьянскихъ дворовъ не имѣютъ лошадей, сколько вовсе забросили хлѣбопашество, и сколько поэтому въ изслѣдованныхъ уѣздахъ находится самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Для дореформенной эпохи

мы (въ томъ же источникѣ, да и то не всегда) имѣемъ только цифру всѣхъ дворовъ и населенія, отмѣченныхъ послѣдней ревизіей. Сдѣлаемъ же самое выгодное предположеніе въ пользу закона общественнаго раздѣленія труда: допустимъ, что всѣ дворы 1858 года принадлежали хлѣбопашцамъ, и что между ними не было безземельныхъ, упавшихъ, спеціалистовъ-промышленниковъ и другихъ лицъ, бросившихъ земледѣліе,—и посмотримъ, какія перемѣны наблюдаемъ мы здѣсь въ настоящее время.

Въ пяти изслѣдованныхъ уѣздахъ тамбовской губерніи во время послѣдней ревизіи было 74,500 дворовъ; всѣ они, по нашему предположенію, занимались хлѣбопашествомъ. Въ настоящее время тамъ насчитывается дворовъ, ведущихъ хозяйство, 118,000, изъ числа которыхъ владѣютъ лошадьми 111,000; семь тысячъ безлошадныхъ, хотя и не могутъ сами вспахать поля, хозяйства, однако, не бросаютъ: для обработки земли они нанимаютъ сосѣдей, а работы, не требующія лошадиной силы, выполняютъ сами. Мы видимъ, что число самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ со времени ревизіи возросло на 50 (считая полныхъ хозяевъ, т.-е. тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ лошадь)—60% (если къ хозяевамъ причислять и безлошадныхъ, не бросающихъ надѣла). Путемъ подобныхъ же вычисленій мы узнаемъ, что число крестьянскихъ хозяйствъ въ рязанской губерніи возросло на 24—66%; въ льговскомъ уѣздѣ курской—на 47—70%.

Уже эти цифры способны заставить насъ усомниться въ томъ, что общественное раздѣленіе народнаго труда сдѣлало большіе успѣхи. Будь это такъ—мы бы совершенно ясно наблюдали отдѣленіе сельскаго хозяйства отъ другихъ отраслей промышленности, спеціализацію земледѣльческаго производства; выразилось бы это болѣе полнымъ приложеніемъ къ хлѣбопашеству трудовой силы лицъ, ему отдающихся, т.-е. увеличеніемъ размѣровъ эксплуатируемыхъ участковъ и слѣдовательно уменьшеніемъ числа хозяйствъ. Мы же видимъ, что хозяйственныхъ единицъ сдѣлалось больше, и отсюда заключаемъ, что онѣ измельчали. Правда, число самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ въ оба періода еще не выражаетъ числа лицъ, занятыхъ промысломъ, потому что рабочій составъ дворовъ тогда и теперь не одинаковъ: двадцать лѣтъ назадъ семьи были крупнѣе нынѣшнихъ, почему приращеніе хозяйствъ могло и не сопровождаться увеличеніемъ количества рукъ, прилагаемыхъ къ земледѣлію; оно могло быть просто результатомъ семейныхъ раздѣловъ. Но и не отрицая ни минуту силы приведеннаго разсужденія мы все-таки не можемъ отступить отъ высказаннаго мнѣнія, заключающагося въ томъ, что фактъ увеличенія числа крестьянскихъ хозяйствъ доказываетъ весьма

слабые успѣхи общественнаго раздѣленія труда. Ибо измельчаніе хозяйствъ, какъ слѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, значительно ослабляетъ производительную ихъ силу, и если такое измельчаніе происходитъ въ то время, когда зародившееся общественное раздѣленіе труда даетъ возможность каждому земледѣльцу, чувствующему затрудненіе въ веденіи промысла, перейти къ другому занятію, можетъ быть болѣе отвѣчающему его индивидуальнымъ наклонностямъ, то значительная часть раздѣлившихся крестьянъ вскорѣ бросила бы хлѣбопашество, земля ихъ перешла бы въ руки сильныхъ семей, и мы все-таки не замѣтили бы такого быстраго увеличенія числа хозяйствъ, какое представляется нашему наблюденію въ настоящее время. Вѣрнѣе даже предположить, что въ разсматриваемомъ случаѣ отдѣляющіеся члены большой семьи обыкновенно вовсе и не брались бы за невыгодный земледѣльческій промыселъ, а прямо приспособились бы къ иному занятію. Въ настоящее же время мы, напротивъ того, наблюдаемъ столь сильное тяготѣніе крестьянъ къ хлѣбопашеству, что нетолько просто отдѣлившіяся семьи, но и лишившіяся необходимаго инвентаря все-таки держатся промысла. Такъ, изъ 19,000 безлошадныхъ дворовъ тамбовской губерніи 7,000 продолжаютъ вести хозяйство; въ четырехъ уѣздахъ рязанской губерніи сдаютъ свои надѣлы лишь 8,000 дворовъ изъ всего числа безлошадныхъ, т.-е. меньше третьей части; въ льговскомъ уѣздѣ, курской губерніи изъ 3,500 безлошадныхъ окончательно бросили земледѣліе 800 человѣкъ, т.-е. меньше четвертой части. Очевидно, что выбиваемые изъ земледѣльческой колеи крестьяне не находятъ себѣ другого прибѣжища; будучи лишними въ данной промышленной области, они не привлекаются ни къ какому другому занятію. Значитъ, не общественное раздѣленіе труда—причина шаткаго ихъ положенія въ сферѣ земледѣлія: общественное раздѣленіе труда лишь перетягиваетъ лицъ изъ одной отрасли въ другую, а мы наблюдаемъ вытѣсненіе ихъ изъ сферы земледѣлія почти что въ пустое пространство. Не будучи причиною разрушенія крестьянскаго хозяйства, общественное раздѣленіе труда не служитъ и его коррективомъ: обезсиливающійся земледѣлецъ не находитъ какого-либо иного примѣненія своимъ силамъ и способностямъ; падающій хозяинъ долженъ все-таки продолжать хозяйничать, поддерживать хоть тѣнь своей прежней самостоятельности, потому что ни для какой другой роли онъ не нуженъ. Повидимому, исторія не можетъ окончательно порѣшить съ крестьянскимъ хозяйствомъ: она его постоянно валитъ на земь, но она же и не представляетъ ему возможности совершенно упасть: на мѣсто выбывшихъ изъ строя являются новые охотники, обреченные той же участи... и такъ дѣло идетъ безъ конца.

Измельчаніе крестьянскихъ хозяйствъ даже при сохраненіи прежняго числа рукъ, занятыхъ земледѣліемъ, доказываетъ слабое дѣйствіе основного закона промышленнаго прогресса въ той формѣ послѣдняго, въ какой онъ обыкновенно подвергался нашему наблюденію. Но мы имѣемъ основаніе утверждать даже нѣчто большее; мы можемъ съ нѣкоторой вѣроятностью допустить мысль, что за послѣднее двадцатилѣтіе въ черноземной полосѣ возросло и число лицъ, занятыхъ хлѣбопашествомъ, такъ что вмѣсто выдѣленія этого промысла изъ его ассоціаціи съ другими, повидимому, произошло еще большее ихъ единеніе; какъ будто бы не распредѣленіе, а процессъ обратный мы здѣсь наблюдаемъ. Видно это изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1858 году въ пяти уѣздахъ тамбовской губерніи было около 168,000 рабочихъ мужчинъ, теперь тамъ ихъ 217,000. Если бы всѣ они занимались хлѣбопашествомъ, въ такомъ случаѣ интересующій насъ вопросъ разрѣшился бы простымъ сравненіемъ обѣихъ цифръ. Но въ томъ-то и дѣло, что теперь, какъ и тогда, нѣкоторая часть мужчинъ отдаетъ свои силы другимъ промысламъ, и вопросъ въ томъ, какимъ способомъ изъ общей массы крестьянства выдѣлить не земледѣльческое населеніе. Относительно настоящаго момента, пожалуй, мы это сдѣлаемъ съ грѣхомъ пополамъ, стараясь по крайней мѣрѣ, чтобы грѣхъ былъ не въ нашу пользу. Именно, въ Сборникѣ Статистическихъ Свѣденій по тамбовской губерніи есть цифровыя данныя о числѣ дворовъ, занимающихся не земледѣльческими промыслами. Выдѣляя тѣ изъ нихъ, о которыхъ есть указаніе, что они принадлежатъ къ зимнимъ занятіямъ хлѣбопашцевъ, мы получимъ 24,000 дворовъ, *можетъ быть*, круглый годъ отдающихъ свои силы промыслу, а зная средній рабочій составъ семьи, можемъ опредѣлить и число мужчинъ, порвавшихъ съ землею. Но приведенная цифра очевидно преувеличена. Ибо, предполагая даже, что всѣ безземельные и забросившіе собственное хозяйство крестьяне вовсе не берутся за соху, хотя бы даже въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, мы получимъ лишь 17,000 дворовъ, исключительно преданныхъ промыслу; остальные 7,000,—если ужъ ихъ считать занимающимися промысломъ круглый годъ,—лѣтомъ отражаютъ часть силъ и на хлѣбопашество. Считая рабочій составъ безземельныхъ и упавшихъ дворовъ среднимъ по губерніи (что также будетъ преувеличеніемъ, потому что падаютъ преимущественно одиночки), мы въ 17,000 дворахъ, не занимающихся вовсе хлѣбопашествомъ, найдемъ 27,000 мужчинъ; присоединивъ къ нимъ еще 7,000 изъ дворовъ, занимающихся одновременно промысломъ и земледѣліемъ, получимъ 34,000 мужчинъ тамбовской губерніи, оторванныхъ отъ сохи, послѣ чего не трудно уже опредѣлить собственно земледѣльческое населеніе, которое и будетъ рав-

ится 183,000 взрослымъ мужчинамъ. Сколько было таковыхъ 25 лѣтъ назадъ—мы вовсе не знаемъ; сдѣлаемъ поэтому погрѣшность опять не въ свою пользу: предположимъ, что всѣ 168 тысячъ мужчинъ 1858 года занимались по лѣтамъ хлѣбопашествомъ, и все-таки окажется, что число рабочихъ земледѣльцевъ за послѣднее двадцатилѣтіе возросло не меньше, какъ на 9—10%. Дѣлая подобныя же уступки принципу общественнаго раздѣленія труда, и по отношенію къ льговскому уѣзду курской губерніи, мы получимъ тотъ же результатъ; за послѣднее двадцатилѣтіе къ земледѣлію было привлечено не менѣе 9—10% новыхъ мужчинъ.

Итакъ, что касается по крайней мѣрѣ сферы земледѣлія, въ Россіи мы не видимъ того распредѣленія занятій, какого требуетъ общепринятая теорія промышленнаго прогресса: не сокращеніе числа земледѣльцевъ, а увеличеніе его наблюдаемъ мы въ послѣднее время въ черноземной полосѣ Россіи. Сила этого заключенія очень мало подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе этого же времени площадь пашни не оставалась неизмѣнной, а расширялась подъемомъ луговъ, выгоновъ и пр. Хотя эти распашки дѣйствительно имѣли здѣсь мѣсто и даже практиковались въ большей степени, чѣмъ это допускается благоразуміемъ, тѣмъ не менѣе площадь пашни увеличилась черезъ это очень немного, такъ какъ въ черноземной полосѣ уже 20 лѣтъ назадъ подъ посѣвъ было занято 60 — 80 и больше процентовъ всей удобной земли. Принимая же во вниманіе очевидное преувеличеніе, допущенное нами при учетѣ рабочихъ земледѣльцевъ дореформенной эпохи (вспомнимъ, какую массу рукъ отнималъ въ прежнее время, напримѣръ, извозъ) мы смѣло могли бы держаться разъ высказаннаго положенія; но для осторожности мы готовы еще ограничить его; именно, согласимся, что отношеніе рабочихъ хлѣбопашцевъ къ площади запашки за послѣднее двадцатилѣтіе не измѣнилось, что въ среднемъ выводѣ на каждаго земледѣльца теперь приходится столько же пашни, сколько ея было въ дореформенную эпоху. И при такомъ ограниченіи все-таки остается неизмѣннымъ выводъ, что число хозяйственныхъ единицъ на той же площади увеличилось, а не уменьшилось, что хозяйства поэтому сдѣлались мельче; иначе говоря, что земледѣльческій промыселъ у насъ не дифференцируется, что общественное раздѣленіе труда не касается сельскохозяйственной области. Это заключеніе требуетъ внесенія поправки и въ формулированіе закона промышленнаго прогресса: если господствующій у насъ промыселъ—земледѣліе—остался внѣ сферы вліянія раздѣленія труда, то значитъ послѣднее или коснулось только собственно обрабатывающей промышленности, или оно вовсе не было процессомъ, совершавшимся въ массѣ *народнаго* труда; оно не вы-

росло изъ глубины народной жизни, а пыталось втиснуться въ нее со стороны. Неудачный исходъ попытки доказываетъ, повидимому, что форма промышленнаго развитія, какую мы намѣревались привить въ Россіи, пока намъ не по плечу; что къ желательному прогрессу мы подходимъ не съ надлежащей стороны, начинаемъ не съ того конца. Вмѣсто того, чтобы сразу пересаживать къ намъ послѣдніе плоды западно-европейской промышленной исторіи, практичнѣе было бы способствовать развитію тѣхъ формъ, какія издавна существуютъ въ Россіи. Можетъ быть, при этомъ мы придемъ къ тому же идеалу, какой руководитъ дѣйствіями нашего законодательства; а можетъ быть, внесемъ въ него тѣ или иныя поправки или даже выработаемъ собственный типъ промышленной организаціи страны. Во всякомъ случаѣ это будетъ развитіе, а не переворотъ; постепенность, какой требуетъ природа, а не скачокъ, противный ея законамъ, и при которомъ не мудрено сломать ноги, если не шею. Чуть ли не подобное членовредительство мы теперь и наблюдаемъ въ нашемъ общественномъ хозяйствѣ.

Читатель можетъ сказать, что указанное нами увеличеніе числа хозяйствъ и вытекающее отсюда уменьшеніе средняго ихъ размѣра еще не доказываетъ отсутствія дѣйствія закона общественнаго раздѣленія труда. Оно есть чисто искусственный продуктъ общиннаго владѣнія въ связи съ крѣпостью крестьянина землѣ. Община и законъ насильно держатъ крестьянина въ деревнѣ, насильно заставляютъ его быть земледѣльцемъ. Отсюда—число хозяйствъ, превышающее естественную норму. Но и при этомъ искусственномъ противодѣйствіи юридическаго закона экономическому, послѣдній все-таки можетъ проявить свое естественное вліяніе: средній размѣръ хозяйства можетъ понизиться, а земледѣліе все-таки будетъ стремиться къ сосредоточенію. При тѣхъ искусственныхъ рамкахъ, въ какія поставлено наше крестьянское хозяйство, образованіе крупныхъ единицъ будетъ только сопровождаться сильнѣйшимъ измельчаніемъ остальныхъ. Иначе говоря, мы будемъ здѣсь наблюдать нѣчто подобное тому, что встрѣчается въ развитіи частной земельной собственности: образованіе двухъ крайнихъ группъ хозяйствъ: крупныхъ, батрацкихъ, и самыхъ мелкихъ, неспособныхъ уже служить собственно сельско-хозяйственной дѣятельности, вмѣстѣ съ выпаденіемъ средней группы—типическаго крестьянскаго хозяйства. Въ пользу высказаннаго мнѣнія, пожалуй, кто-нибудь приведетъ и нѣкоторые факты. Такъ, обезлошаденіе населенія черноземной полосы въ значительной степени объясняется именно невозможностью содержать лошадь при маломъ земельномъ участкѣ; слѣдовательно, мельчайшее хозяйство—не фантазія читателя, оно—уже фактъ дѣйствительной жизни.

На эту параллель между дѣйствительнымъ закономъ развитія частной собственности и предполагаемой формулой измѣненія русскаго крестьянскаго хозяйства, мы отвѣтимъ слѣдующее. Выпаденіе среднихъ владѣній и господство крайнихъ есть такое развитіе частной собственности, которому она слѣдовала бы, вѣроятно, и въ томъ случаѣ, если бы число собственниковъ не увеличивалось. Образованіе же мельчайшихъ участковъ въ общинѣ происходитъ вопреки принципу общиннаго землевладѣнія, которое стремится къ равномѣрному распредѣленію земли. Не смотря на это стремленіе,—общее малоземеліе или,—что тоже,—скученность населенія до того уменьшаетъ надѣльную единицу, что крестьянинъ, по семейному составу получившій небольшое ихъ число, оказывается обладающимъ участкомъ, неспособнымъ къ сельско-хозяйственной эксплуатаціи. Читатель видитъ, что чрезмѣрная дробность крестьянскихъ общинныхъ участковъ есть нѣчто совершенно отличное отъ дробности мельчайшихъ участковъ при господствѣ частной собственности: тамъ измельчаніе однихъ владѣній идетъ параллельно съ округленіемъ другихъ; здѣсь одновременно уменьшаются участки и крупные, и мелкіе. Тамъ мы наблюдаемъ расхожденіе участковъ по ихъ величинѣ вверхъ и внизъ, здѣсь—общее ихъ уменьшеніе.

Но предметъ, нынѣ интересующій насъ, — не землевладѣніе, а земледѣліе, и относительная равномѣрность участковъ общинной земли еще не доказываетъ такой же равномѣрности въ величинѣ хозяйствъ. Во-первыхъ, бѣдная часть крестьянъ можетъ сдавать надѣлы богачамъ-сосѣдямъ, вслѣдствіе чего неравномѣрность пользованья значительно увеличится; во-вторыхъ, крестьяне арендуютъ помѣщичьи земли, отчего разстояніе крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ можетъ увеличиться еще больше. Поэтому, чтобы судить о специализаціи земледѣльческаго промысла—нужно обратиться къ дѣйствительнымъ хозяйствамъ крестьянства, посмотрѣть сколь большихъ размѣровъ достигаютъ крупнѣйшія изъ нихъ, составленныя изъ своей и арендованной земли, и насколько путемъ аренды увеличивается разстояніе, отдѣляющее мелкія хозяйства отъ крупныхъ. Сдачу крестьянскихъ надѣловъ мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ въ черноземной полосѣ она распространена вообще мало; главное же вниманіе обратимъ на аренду помѣщичьихъ земель и на роль, какую она играетъ въ дѣлѣ поддержанія существующаго крестьянскаго хозяйства. Вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, заключается въ слѣдующемъ. Служитъ ли аренда крестьянами помѣщичьихъ земель дѣлу осуществленія закона общественнаго раздѣленія труда, требующаго, чтобы мелкій земледѣльческій промыселъ становился крупнѣе? Способствуетъ ли аренда расчлененію крестьянскихъ хозяйствъ на круп-

ныя и мелкія и уничтоженію средней, типичной единицѣ? Или она неповинна въ такой тенденціозности и обнаруживаетъ даже противуположное стремленіе: служить сохраненію устойчивости типичнаго крестьянскаго хозяйства?

Если вѣрно такое мнѣніе, то по отношенію къ арендѣ частныхъ земель различными группами крестьянъ мы бы должны замѣтить слѣдующее явленіе: большеземельные крестьяне дадутъ и наивысшій процентъ лицъ, арендующихъ чужія угодья, и наибольшій размѣръ средняго арендная участка; разница между мельчайшей и крупнѣйшей земельной группой крестьянъ, благодаря арендѣ, еще болѣе увеличится. Посмотримъ же, наблюдается ли все это на самомъ дѣлѣ? Уже разсмотрѣніе крестьянскихъ арендъ по уѣздамъ наводитъ на мысль, что онѣ вовсе не служатъ спеціально выдѣленію изъ народной массы группы богатыхъ, а тѣмъ паче батрацкихъ хозяйствъ; это доказываетъ большой процентъ лицъ, прибѣгающихъ къ арендѣ. Такъ, въ описанныхъ четырехъ уѣздахъ рязанской губерніи арендуютъ помѣщичьи угодья 26—44% всѣхъ надѣльныхъ домохозяевъ; въ пяти уѣздахъ тамбовской губерніи число арендаторовъ колеблется между 24% (въ спасскомъ уѣздѣ, гдѣ очень мало помѣщичьихъ земель) и 50%; въ трехъ уѣздахъ курской — между 30 и 57%; въ двухъ уѣздахъ полтавской отъ 29 — 31%; въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи — 44%; въ саратовскомъ больше 60%. Приведенныя данныя еще не вполнѣ точно рисуютъ значеніе арендной земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Есть дворы, потерявшіе земледѣльческую состоятельность, лишившіеся лошади, и они къ арендѣ земель почти вовсе не прибѣгаютъ. Вопреки оспариваемому нами мнѣнію, эти упавшіе принадлежатъ обыкновенно къ самымъ малоземельнымъ, отчего средняя группа домохозяевъ, обреченная тѣмъ же мнѣніемъ на погибель, въ числѣ сохранившихся является еще болѣе преобладающей. Въ виду этого, чтобы оцѣнить значеніе аренды помѣщичьихъ земель для поддержанія крестьянскаго хозяйства, процентъ прибѣгающихъ къ найму нужно вычислить по отношенію къ массѣ лошадныхъ домохозяевъ. Сдѣлавъ это, мы узнаемъ, что въ рязанской губерніи число арендаторовъ колеблется отъ 38 до 68%, въ курской—отъ 40—70, въ тамбовской отъ 30—66, полтавской отъ 50—60%, въ саратовскомъ уѣздѣ ихъ 84%.

Такимъ образомъ, изъ примѣра десятка уѣздовъ, взятыхъ совершенно случайно, видно, что по крайней мѣрѣ половина крестьянъ черноземной полосы, ведущихъ полное хозяйство, прибѣгаетъ къ арендѣ пахатныхъ угодій. Отсюда уже можно заключить, что такая аренда обыкновенно практикуется не въ видахъ барыша, что къ ней по преимуществу прибѣгаетъ не богатый крестьянинъ, ведущій хо-

зяйство съ капиталистическимъ оттѣнкомъ, а обыкновенный, рядовой мужикъ. Еще яснѣе это будетъ видно послѣ того, какъ мы разсмотримъ аренду крестьянами помѣщичьихъ угодій въ связи съ ихъ собственнымъ землевладѣніемъ съ цѣлью хотя приблизительно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: прибѣгаетъ ли къ арендѣ малоземельный крестьянинъ съ тѣмъ, чтобы увеличить эксплуатируемый участокъ до размѣровъ, окупающихъ издержки производства, которыя превышаютъ его доходы отъ хозяйства на надѣльномъ клочкѣ; или аренда распространена главнымъ образомъ среди „хозяйственныхъ" мужиковъ, имѣющихъ порядочный доходъ и отъ собственныхъ участковъ, но все-таки стремящихся приложить всю свою рабочую силу къ хлѣпобашеству, удовлетворяя такимъ образомъ требованію закона общественнаго раздѣленія труда. Наконецъ, пользуется ли арендой богатый крестьянинъ, чтобы эксплуатировать трудовую силу своихъ бѣдныхъ односельцевъ?

При рѣшеніи этихъ вопросовъ мы главнымъ образомъ будемъ пользоваться „Сборникомъ статистическихъ свѣденій по тамбовской губерніи", гдѣ г. Романовъ раздѣлилъ всѣ общины изслѣдованныхъ уѣздовъ сообразно величинѣ надѣла на 10 группъ, причемъ въ первую группу вошли общины съ душевымъ посѣвомъ 1 — 1½ мѣры озими, что соотвѣтствуетъ ⅓—½ десятины пашни въ трехъ поляхъ; а послѣднюю образуютъ общины съ посѣвомъ не менѣе 10 мѣръ, что соотвѣтствуетъ душевому участку въ 3—4 десятины пашни. И оказывается, что, за немногими исключеніями, чѣмъ меньшій надѣлъ имѣетъ община, тѣмъ большій даетъ она процентъ хозяевъ, прибѣгающихъ къ арендѣ. Такъ, группа съ посѣвомъ 1—4 мѣры на душу даетъ 50% арендующихъ; другая, высѣвающая 5 — 7 мѣръ имѣетъ ихъ 36%, и въ третьей, съ посѣвомъ озими въ 8 — 11 мѣръ къ арендѣ прибѣгаютъ лишь 22% крестьянъ. Выражая же степень распространенія аренды въ процентномъ отношеніи арендующихъ къ числу лошадныхъ домохозяевъ, мы получимъ въ первой группѣ 70% арендующихъ, во второй—47%, въ третьей—27%.

Эти цифры, какъ видитъ читатель, вовсе не говорятъ въ пользу мнѣнія, что аренда чужихъ земель служитъ крупному и тѣмъ паче батрацкому крестьянскому хозяйству: хозяева, болѣе или менѣе обезпеченные надѣломъ, мало прибѣгаютъ къ арендѣ, которая за то широко распространена среди малоземельныхъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и величина арендуемыхъ участковъ: она простирается отъ 3 до 5 десятинъ пашни на дворъ, т.-е. далеко не достигаетъ размѣровъ, способныхъ занять все рабочее время лишь одного мужчины. Даже если присоединить наемную пашню къ надѣльной, и тогда въ самыхъ многоземельныхъ общинахъ средній эксплуатируе-

мый участокъ арендующихъ крестьянъ достигнетъ 13—15 десятинъ, т.-е. размѣровъ, хотя и превышающихъ силу одного работника, но съ которыми легко справится семья съ двумя, а тѣмъ болѣе тремя мужчинами. Впрочемъ, наше заключеніе о развитіи капиталистическихъ отношеній въ общинѣ не можетъ быть абсолютно отрицательнымъ: этого не допускаетъ свойство матерьяла, какимъ мы пользуемся. Данныя г. Романова, какъ и всѣхъ почти статистическихъ сборниковъ, пріурочены къ цѣлымъ общинамъ и ничего не говорятъ объ отдѣльныхъ хозяйствахъ. А такъ какъ члены общины не представляютъ достаточной однородности,—между ними есть дворы богатые и бѣдные,—то и цифры, относящіяся къ среднему домохозяйству, не даютъ еще правильнаго понятія о томъ, что дѣлается въ самой общинѣ, какія пертурбаціи испытываютъ тѣ или иные ея члены. Въ общинѣ съ душевымъ надѣломъ въ 3 — 4 десятины и среднимъ дворовымъ участкомъ въ 8 десятинъ будутъ такіе хозяева, которые получили надѣлъ на 5 душъ, т.-е. имѣютъ 15—20 десятинъ пашни, и другіе, однодушные, всего съ 3 — 4 десятинами запашки. Мы знаемъ, что въ этой группѣ общинъ къ арендѣ прибѣгаютъ, напримѣръ, 10% домохозяевъ. Къ какому же разряду принадлежатъ эти арендующіе: къ трехдесятинщикамъ или двадцатидесятинщикамъ? Изъ данныхъ г. Романова этого не видно, такъ какъ матерьялъ у него сгруппированъ по территоріальнымъ единицамъ, а не по экономическимъ. А между тѣмъ, значеніе аренды въ томъ и другомъ случаѣ совершенно иное: въ первомъ—она служитъ упроченію самостоятельности малоземельнаго крестьянина, въ послѣднемъ— зарожденію капитализма въ общинѣ. Впрочемъ, уже большой процентъ арендаторовъ въ тамбовской губерніи доказываетъ, что въ общемъ значеніе аренды далеко отъ покровительства капиталистическимъ отношеніямъ; насколько же существуютъ таковыя въ отдѣльныхъ случаяхъ—этого-то мы сказать и не можемъ. Сдѣлавъ эту оговорку, будемъ продолжать анализъ цифръ, заключающихся въ „Сборникѣ статистическихъ свѣденій по тамбовской губерніи“.

Мы видѣли, что по числу арендующихъ крестьянъ и по величинѣ снимаемыхъ участковъ наемъ земель служитъ главнымъ образомъ мелкому крестьянскому земледѣлію, хотя отсутствіе группировки дворовъ по экономической состоятельности и не дозволяетъ намъ положительно отвергнуть мысль объ участіи аренды земель въ развитіи крестьянскаго батрацкаго хозяйства. За то мы можемъ довольно точно опредѣлить роль, какую играетъ наемная пашня въ дѣлѣ поддержанія мелкаго хозяйства. Въ спасскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьянскія общины, смотря по принадлежности къ одной изъ четырехъ земельныхъ группъ, имѣютъ надѣльной пашни въ среднемъ отъ 1,9

до 9,6 десятинъ на дворъ. Мы знаемъ, что участокъ пашни, способный занять все рабочее время одного мужчины, равняется 8—10 десятинамъ; и вотъ въ спасскомъ уѣздѣ средній надѣлъ 65% лошадныхъ дворовъ не достигаетъ этой нормы. Благодаря же арендѣ чужихъ земель, 40 слишкомъ процентовъ этихъ домохозяевъ доводятъ эксплуатируемый участокъ до размѣровъ, способныхъ занять почти все время хозяина. Такъ, въ группѣ общинъ съ среднимъ надѣломъ 1,9 дес. на дворъ, арендующій землею домохозяинъ обрабатываетъ 8 десятинъ (считая здѣсь и паровое поле, соотвѣтствующее нанятой подъ посѣвъ площади). Другая группа съ надѣломъ 4,8 десятинъ имѣетъ 43% домохозяевъ, путемъ аренды возвышающихъ эксплуатируемый участокъ до 10 десятинъ слишкомъ; наконецъ, третья, съ надѣломъ 7 десятинъ на дворъ заключаетъ въ своей средѣ 25% такихъ членовъ, которые къ семидесятинному общественному участку присоединяютъ пятидесятинный арендованный. Въ темниковскомъ уѣздѣ изъ 10½ тысячъ лошадныхъ домохозяевъ (что составитъ 85% всѣхъ лошадныхъ крестьянъ уѣзда), надѣлы которыхъ простираются въ среднемъ числѣ до 2,8 — 4,9 десятинъ на дворъ, половина путемъ аренды возвышаетъ запашку до 8—10 десятинъ. Въ козловскомъ уѣздѣ 62% лошадныхъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ группѣ съ низшимъ надѣломъ (1,5 дес. пашни на дворъ) путемъ аренды доводятъ эксплуатируемый участокъ до 7 десятинъ; слѣдующая группа съ дворовымъ участкомъ 2 дес. пашни имѣетъ 77% домохозяевъ, благодаря арендѣ обрабатывающихъ 6,5 десятинъ. Для примѣра мы взяли самыя малоземельныя общины уѣзда; разобьемъ теперь всѣхъ крестьянъ на 3 болѣе крупныя группы и будемъ имѣть слѣдующее: группа съ надѣломъ 4 десятины пашни на дворъ имѣетъ 54% лошадныхъ домохозяевъ, благодаря арендѣ эксплуатирующихъ 9 десятинъ; слѣдующая группа съ участкомъ въ 7,6 десятинъ имѣетъ 53% хозяевъ, путемъ найма доводящихъ обрабатываемый участокъ до 12—десятинъ, цифра, превышающая надѣлъ самыхъ богатыхъ землей общинъ уѣзда, не имѣющихъ возможности арендовать чужія угодья. Въ моршанскомъ уѣздѣ 71% лошадныхъ домохозяевъ группы общинъ съ среднимъ надѣломъ 4,1 дес. пашни на дворъ путемъ аренды доводитъ эксплуатируемый участокъ до 9 десятинъ; группа 5,6 дес. на дворъ имѣетъ больше половины хозяевъ арендою возвышающихъ участокъ до 10 десятинъ; наконецъ, въ группѣ съ надѣломъ 9,6 десятинъ находится 36% хозяевъ, присоединяющихъ къ собственной пашнѣ еще 6 десятинъ арендной.

Итакъ, факты дѣйствительной жизни говорятъ совершенно противное тому, что мы склонны были допустить въ угоду общепринятой теоріи промышленнаго прогресса. По этой теоріи крестьянская

масса должна намъ представиться распавшеюся на двѣ крайнихъ группы: очень мелкихъ хозяйствъ и крупныхъ. Такъ какъ подобному расчлененію, диктуемому прогрессомъ, препятствуетъ господствующее у насъ общинное землевладѣніе, періодически уравнивающее участки домохозяевъ, то орудіемъ промышленнаго прогресса должна сдѣлаться арендованная земля, которою овладѣетъ группа многоземельныхъ крестьянъ. На дѣлѣ оказывается совершенно иное: многоземельные крестьяне въ большинствѣ случаевъ довольствуются надѣлами, а аренда въ общемъ служитъ мелкому и среднему хозяину. Благодаря арендѣ, участки малоземельныхъ крестьянъ увеличиваются въ 2—3 раза и больше, и такимъ образомъ нѣсколько приближаются къ площади, обрабатываемой большинствомъ хозяевъ многоземельныхъ.

Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы общественное раздѣленіе труда даже не коснулось народнаго земледѣлія, и чтобы арендованныя угоды не принимали ни какого участія въ развитіи этого процесса. Напротивъ, вѣроятно, многіе крестьяне, благодаря арендѣ, доводятъ эксплуатируемые участки до размѣровъ, при которыхъ они могутъ приложить къ сельскому хозяйству всю свою рабочую силу и такимъ образомъ избѣжать необходимости искать подсобнаго заработка. Встрѣчаются и батрацкія хозяйства, построенныя на арендѣ чужихъ земель; но мы утверждаемъ, что такой результатъ не составляетъ прямой и главной задачи крестьянскихъ арендъ; что роль послѣднихъ въ народномъ хозяйствѣ заключается, напротивъ того, въ поддержаніи обыкновеннаго, рядового крестьянина. Конечно, было-бы весьма интересно выразить цыфрами значеніе аренды помѣщичьихъ земель крестьянами въ томъ и другомъ отношеніи; именно, опредѣлить, насколько пользуясь арендой крестьянское хозяйство лишь удерживаетъ свое status quo, и насколько оно спеціализируется сообразно требованію закона общественнаго раздѣленія труда. Къ сожалѣнію, свойства нашего матерьяла, о чемъ мы уже говорили выше, не допускаютъ такого расчлененія. Вмѣсто положительнаго отвѣта на поставленный вопросъ, мы можемъ лишь указать на факты, свидѣтельствующіе, что въ крестьянской жизни существуютъ оба теченія. Къ вышеприведеннымъ даннымъ, рисующимъ участіе аренды въ дѣлѣ поддержанія мельчайшаго хозяина, мы присоединимъ еще примѣръ моршанскаго уѣзда. Здѣсь есть общины съ среднимъ подворнымъ надѣломъ пашни въ 1, 3—2, 2 десятины. Хозяйство на такомъ клочкѣ врядъ ли мыслимо, и не имѣй крестьяне возможности дополнить его арендованной землей, большинство ихъ, вѣроятно, бросило-бы хозяйство, а земля ихъ перешла-бы къ нѣсколькимъ лицамъ, которые благодаря именно этому, сохранили-бы свою земледѣльческую состоятельность. Теперь-же 30%—80 всѣхъ домохозяевъ или 43—90% лошадныхъ

арендуютъ помѣщичьи угодья, благодаря чему обрабатываемые ими участки увеличиваются до размѣровъ, при которыхъ вполнѣ возможно содержать лошадь, именно до 6—8 десятинъ. Тѣхъ-же результатовъ достигаютъ и слѣдующія группы общинъ, имѣющія надѣлъ въ 3—4 дес. пашни на одинъ дворъ; путемъ аренды 50—70% лошадныхъ домохозяевъ увеличиваютъ запашку до 6, 7—8 десятинъ. Шесть, семь, восемь десятинъ—это такія величины, при которыхъ, пожалуй, еще не истратится сила и одного мужчины, и которыя еле-еле составляютъ самостоятельное хозяйство. Припомнимъ, что въ моршанскомъ уѣздѣ лишь восьмидесятинный участокъ пашни даетъ крестьянину годовое продовольствіе (1, 75 четвертей ржи на каждаго члена семьи); а наши хозяйства не всегда достигаютъ этого размѣра. Но въ моршанскомъ-же уѣздѣ есть общины съ 12 десятинами надѣла. Этотъ размѣръ запашки не только даетъ семьѣ продовольствіе, но и оставляетъ 2—3 четверти ржи (что соотвѣтствуетъ 12—18 рублямъ сер.) на другіе расходы. Не смотря на это, до трети хозяевъ этой группы, арендуя помѣщичьи земли, увеличиваютъ запашку еще на 10 десятинъ, доводя ее такимъ образомъ до 20—22 десятинъ на семью. Этотъ участокъ настолько великъ, что можетъ потребовать все время двухъ мужчинъ и значительно ослабить потребность семьи въ подсобномъ заработкѣ. Здѣсь уже земледѣльческій промыселъ спеціализируется; здѣсь выдѣляется группа лицъ, живущихъ почти исключительно хлѣбопашествомъ. Въ другихъ уѣздахъ тамбовской губерніи мы могли бы наблюдать то же самое; не станемъ поэтому утомлять читателя повтореніемъ, а возьмемъ примѣръ изъ другой области, данныя о которой сгруппированы такимъ способомъ, что мы можемъ воспользоваться ими для своей цѣли. Въ черноземномъ районѣ козелецкаго уѣзда черниговской губерніи, заключающемъ около 9000 дворовъ, 4 группы крестьянъ съ надѣломъ до 9 десятинъ на хозяйство, владѣющихъ рабочимъ скотомъ, арендуютъ всѣ приблизительно одинаковое количество пашни (съ усадьбой), колеблющееся между 3,2 и 3,7 десятинами на дворъ; двѣ группы крестьянъ съ надѣломъ 9—17 десятинъ нанимаютъ по 4—4,3 десятины на дворъ. Въ обоихъ этихъ крупныхъ отдѣлахъ находится 3200 дворовъ, путемъ аренды доводящихъ эксплуатируемый участокъ до 4,5—10 десятинъ, т.-е. до размѣровъ, способныхъ много-много занять рабочую силу одного мужчины; триста дворовъ пользуются арендой для того, чтобы служить дѣлу спеціализаціи земледѣльческаго промысла, такъ какъ благодаря ей они запахиваютъ 14—18 десятинъ. Дѣлу крестьянскаго капитализма аренда служитъ въ рукахъ 60-и дворовъ, имѣющихъ собственную запашку отъ 19 до 64 десятинъ и къ ней еще присоединяющихъ 9—31 десятину арендованной пашни.

Способъ группировки данныхъ, принятый козелецкими статистиками, позволилъ намъ дольно точно опредѣлить число дворовъ, пользующихся арендой въ томъ или иномъ направленіи. И оказывается, что изъ 3560 дворовъ, арендующихъ землю всего 8—10% дѣйствуютъ въ духѣ закона общественнаго раздѣленія труда, и изъ нихъ меньше пятой доли, т.-е. меньше 2% всего числа арендаторовъ довольно ясно проявляютъ капиталистическія поползновенія. И это въ Малороссіи, гдѣ частное землевладѣніе образовало исключительно большія неравенства въ распредѣленіи собственности. Въ Великороссіи-же и того нѣтъ; здѣсь общепризнанный законъ промышленнаго развитія врядъ-ли даже замѣтно обнаружилъ свое вліяніе.

Но если въ Россіи мы не наблюдаемъ ясно выраженнаго обособленія земледѣльческаго промысла, если общественное раздѣленіе труда не требуетъ гибели мелкаго хозяина, то спрашивается, почему-же у насъ такъ много безлошадныхъ (въ изслѣдованныхъ уѣздахъ цетральной черноземной полосы оно колеблется между 18 и 40%), сдающихъ надѣлы и пр.? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ маломальски обстоятельно, чтобы исчерпать даже тотъ ограниченный матерьялъ, какой до сихъ поръ изданъ земскими статистическими бюро—потребовалось-бы, разумѣется, гораздо больше страницъ, чѣмъ мы уже написали. Въ нашемъ распоряженіи, однако, нѣтъ столько мѣста; поэтому мы ограничимся указаніемъ лишь на одну причину интересующаго насъ явленія, на которую до сихъ поръ вообще мало обращалось вниманія.

Если вычислять количество всей пашни (своей и чужой), приходящейся на одну крестьянскую лошадь въ описанныхъ земствами мѣстностяхъ центральной черноземной полосы, то окажется, что по уѣздамъ оно колеблется отъ 5, 7 до 8 десятинъ; по правиламъ-же трехпольнаго сѣвооборота на одну лошадь полагается отъ 7 до 10 десятинъ пашни (календарь Баталина). Такимъ образомъ одного наличнаго крестьянскаго скота достаточно для обработки *всей* пашни центральной черноземной полосы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ его находится даже въ избыткѣ. Слѣдовательно, на обезлошаденіе части населенія этой области Россіи нужно смотрѣть до извѣстной степени какъ на возстановленіе нормальнаго отношенія между количествомъ рабочаго скота и площадью, подлежащею обработкѣ. Иначе говоря, еслибы у каждаго крестьянина была лошадь, то значительная ихъ часть не знала-бы, что съ нею дѣлать; рабочее орудіе оставалось-бы безъ употребленія. Съ этой точки зрѣнія обезлошаденіе населенія черноземной полосы служитъ выраженіемъ его излишка въ данной области и доказательствомъ того, что общество не принимало надлежащихъ мѣръ для предупрежденія образованія этого излишка. Съ

точки зрѣнія закона промышленнаго прогресса эти мѣры, разумѣется, не нужны, ибо населеніе, не нужное для хлѣбопашества, можетъ и должно быть поглощено развитіемъ обрабатывающей промышленности. Однако, у насъ такого поглощенія не происходитъ, и потому переселеніе крестьянъ изъ черноземной полосы сохраняетъ все значеніе, какое мы ему приписали. Но проектъ выселенія всѣхъ рабочихъ, излишнихъ для хлѣбопашества, можетъ быть серьезно обсуждаемъ лишь въ предположеніи, что сельская масса въ Россіи все лѣто должна отдавать земледѣлію, не отвлекаясь для другихъ занятій, ибо только въ этомъ случаѣ всякій не нужный въ хозяйствѣ рабочій является бременемъ себѣ и другимъ Но такое предположеніе, послѣ всего, что мы говорили на предъидущихъ страницахъ, не выдерживаетъ сколько нибудь серьезной критики, ибо оно всецѣло построено на томъ самомъ принципѣ общественнаго раздѣленія труда, господство котораго въ Россіи мы только что отрицали. Въ самомъ дѣлѣ, если земледѣльческій промыселъ обособился до такой степени, что онъ занимаетъ все время хозяина, то крестьяне произведутъ огромную массу хлѣба, способную прокормить не только все земледѣльческое населеніе, но и обширный классъ фабричныхъ рабочихъ. Съ этой стороны, значитъ нѣтъ препятствій образованію спеціально-промышленнаго класса, и если дѣло только въ возможности подобнаго рода, то участь обрабатывающей промышленности у насъ обезпечена; а въ такомъ случаѣ незачѣмъ выселять избыточное населеніе изъ центра на земли окраинъ,—оно пополнитъ ряды грядущаго промышленнаго класса. Но рядовъ этихъ, какъ мы знаемъ, не образуется, что, однако, вовсе не доказываетъ, будто-бы потребность крестьянъ въ продуктахъ обрабатывающей промышленности удовлетворена достодолжнымъ образомъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что развивающійся у насъ способъ снабженія народа предметами потребленія—крупная капиталистическая промышленность, покоющаяся на спеціальномъ фабричномъ классѣ,—не соотвѣтствуетъ условіямъ переживаемаго историческаго момента. Иначе говоря, что мы должны стремиться всѣми силами поддерживать и развивать у себя мелкую промышленность, а эта послѣдняя волею исторіи соединена у насъ съ земледѣліемъ.

Такимъ образомъ, вышеразвитое положеніе о слабомъ проявленіи въ Россіи спеціализація земледѣльческаго промысла можетъ быть дополнено и выражено слѣдующимъ образомъ. Земледѣліе еще неопредѣленно долгое время будетъ соединено съ ремесломъ, сельскій хозяинъ въ своемъ лицѣ обыкновенно будетъ совмѣщать и кустаря. Коль скоро эта мысль имѣетъ хоть долю вѣроятія, то тѣмъ самымъ мы освобождаемся отъ необходимости заботиться, чтобы повсюду ра-

бочее населеніе по своимъ размѣрамъ строго соотвѣтствовало потребностямъ сельскаго хозяйства; не всякій крестьянинъ лѣтнее время цѣликомъ отдастъ хлѣбопашеству, часть его онъ можетъ затратить на ремесло. А отсюда вытекаетъ и другое заключеніе: участокъ хозяина можетъ быть большихъ или меньшихъ размѣровъ, не вліяя на его благосостояніе. Если земли у крестьянина такъ много, что она поглощаетъ весь его лѣтній трудовой сезонъ, въ такомъ случаѣ ремеслу онъ посвятитъ лишь часть свободнаго зимняго времени. Если же запашка у него очень ограничена—то главнымъ его занятіемъ сдѣлается промыселъ, отъ котораго онъ станетъ уклоняться лишь на время, необходимое для обработки своего небольшого участка земли. Съ этой точки зрѣнія нельзя указать предѣловъ нормальному крестьянскому участку,—нормальному въ томъ смыслѣ, что отступленіе отъ него внизъ неизбѣжно отразится на благосостояніи и хозяйственной самостоятельности крестьянина: чѣмъ меньше будетъ у него земли, тѣмъ больше онъ поналяжетъ на промыселъ и обратно. Единственнымъ ограниченіемъ могла-бы быть такая дробность участка, при которой нельзя содержать полный земледѣльческій инвентарь. Но оказывается, что и это обстоятельство не существенно, что и отсутствіе инвентаря не лишаетъ крестьянина хозяйственной самостоятельности. Малороссы давно вышли изъ подобнаго затрудненія, примѣняя для обработки полей „супрягу",—соединяя части инвентаря, имѣющіяся у того и другого хозяина и составляя такимъ образомъ полный сборный плугъ. Широкое распространеніе артели при обработкѣ земли въ Малороссіи—не есть случайность, а зависитъ отъ техническихъ сельскохозяйственныхъ условій. Плугъ тамъ составляется изъ 4—6 и болѣе штукъ рабочаго скота, а содержать такой инвентарь не по средствамъ обыкновеннаго хозяина. Въ Великороссіи крестьянину достаточно имѣть одну-двѣ лошади, а ихъ можно прокормить и при небольшой запашкѣ. По этой причинѣ соединеніе крестьянъ для обработки земли въ этой части Россіи развито вообще очень мало. Впрочемъ, все это было раньше, когда скученность населенія и другія соціальныя условія не препятствовали крестьянину пользоваться такимъ участкомъ земли, при которомъ онъ былъ-бы вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ. Въ послѣднее-же двадцатилѣтіе обстоятельства сильно измѣнились: явилась цѣлая масса малоземельныхъ крестьянъ,—малоземельныхъ до того, что своей запашкой они не могутъ прокормить лошадь. Если-бы наше промышленное развитіе успѣшно слѣдовало образцу, выработанному западно-европейской исторіей, то вся эта масса малоземельныхъ окончательно порвала-бы съ сельскимъ хозяйствомъ и пополнила ряды спеціальнаго промышленнаго класса. А такъ какъ этого нѣтъ, то малоземельный крестья-

нинъ не можетъ превратиться въ фабричнаго, и ему остается выбирать между ремесломъ и какимъ нибудь случайнымъ заработкомъ. Въ обоихъ случаяхъ ему незачѣмъ порывать съ собственнымъ хозяйствомъ, напротивъ, желательно, чтобы его связь съ землей по возможности укрѣпилась, чтобы его существованіе не находилось въ исключительной зависимости отъ запроса на трудъ со стороны рынка, ибо зависимость эта, при современной организаціи промышленности въ Россіи,—крайне ненадежный источникъ существованія. Однако, сохранить до конца связь съ землею малоземельному крестьянину не всегда удается. Поводомъ къ разрыву здѣсь могутъ служить какъ условія самаго хозяйства, такъ и внѣшнія обстоятельства. Участокъ крестьянина иногда такъ малъ, что не стоитъ для него содержать лошадь, а нанять для обработки не всегда есть средства. Условія сторонняго заработка въ свою очередь воспрепятствуютъ отлучаться домой для обработки земли—и значитъ опять нужны деньги. Такая и подобная ей комбинація обстоятельствъ не рѣдко вынуждаетъ бѣднаго крестьянина сдавать надѣлъ въ аренду на болѣе или менѣе продолжительное время, послѣ чего онъ уже совсѣмъ очутится между небомъ и землею. Чтобы избѣжать такой печальной перспективы, крестьяне должны выработать различные способы взаимопомощи, при которыхъ обработка почвы производилась бы соединенными силами, и слѣдовательно была-бы доступна и самымъ бѣднымъ хозяевамъ. Передъ великороссомъ теперь стоитъ тотъ-же вопросъ, какой исторія гораздо раньше задала малороссу, и если великороссійскому крестьянину дѣйствительно важно сохранить хотя какую нибудь связь съ землею, если земледѣлецъ на двухдесятинномъ участкѣ не есть послѣдній могиканъ мельчайшаго хозяина, кое-какъ доживающій свой вѣкъ—въ такомъ случаѣ мы должны ожидать здѣсь въ близкомъ будущемъ развитіе того-же соединенія хозяевъ для обработки полей, какое давно практикуется въ Малороссіи. Иначе обезземеленіе пойдетъ впередъ быстрыми шагами, а за нимъ можетъ быть легко послѣдуетъ и давно ожидаемое обособленіе земледѣльческаго производства.

Въ одной изъ своихъ прежнихъ статей мы уже ставили этотъ вопросъ, — еще болѣе широко. Тамъ мы развивали мысль, что переживаемый крестьянскимъ хозяйствамъ моментъ—критическій для мелкаго земледѣльца, что интересы цѣлой массы лицъ сельскаго населенія требуютъ широкаго приложенія къ промыслу принципа кооперацiи, измѣненія индивидуальнаго хозяйства въ общественное. Къ тому же вопросу мы теперь подошли съ болѣе узкой точки зрѣнія—обезпеченія малоземельному хозяину пользованія своимъ надѣломъ въ томъ случаѣ, когда онъ не можетъ содержать лошади.

Тамъ мы указывали на признаки того, что крестьянское хозяйство дѣйствительно пытается вступить на этотъ путь, обезпечивающій сохраненіе и дальнѣйшее развитіе общинной жизни, а съ ней и благоденствія страны. Мы приводили случаи примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ кооперацій, но примѣненія болѣе или менѣе случайнаго, спорадическаго. Въ дѣйствительной жизни фактовъ этого рода, вѣроятно, очень много, но такъ какъ они совершаются въ глуши и тиши деревенской жизни, то и легко просматриваются случайными ея наблюдателями. Въ свою очередь и земскіе статистики обращають на этотъ предметъ очень мало вниманія, почему факты кооперацій проскальзываютъ въ литературу лишь благодаря счастливой случайности. Это однако не мѣшаетъ имъ быть весьма краснорѣчивыми, въ чемъ, надѣюсь, читатель убѣдится самъ, познакомившись, напримѣръ, хотя-бы съ нижеприводимымъ фактомъ, попавшимъ въ печать, какъ и всѣ прочіе, совершенно случайно.

„Размѣръ надѣла скопинскаго крестьянина такъ невеликъ (около ½ десятины въ полѣ на душу), что даже одиночка на одной лошади можетъ справиться съ 6—8 и даже съ 10-ю душами; при одномъ, двухъ надѣлахъ ему „не у чего жить". Западная часть скопинскаго уѣзда сплошь населена государственными крестьянами; частныхъ землевладѣльцевъ здѣсь вовсе нѣтъ; взять земли въ аренду или на обработку не у кого; крестьяне сдаютъ землю въ крайности, ея далеко не хватаетъ для всѣхъ нуждающихся. Такія условія вызвали усиленный отходъ на сторону; они же приводятъ одиночекъ къ „товарищецкой" обработкѣ надѣловъ. Товарищество обыкновенно состоитъ изъ двухъ, трехъ или четырехъ семей одиночекъ; условія, на которыхъ происходитъ товарищеская обработка надѣловъ, крайне разнообразны. Вотъ, напримѣръ, товарищество двухъ одиночекъ, занимающихся различными отхожими промыслами: одинъ засѣялъ яровое на своемъ полѣ и на полѣ своего товарища и только тогда отправился на промыселъ; другой же съ ранней весны былъ въ отходѣ и возвратился лишь къ началу страдной поры, чтобы выполнить остальныя полевыя работы у себя и товарища. Или товарищество изъ четырехъ дворовъ: у одного есть лошадь, у другого—соха и прочая сбруя, третій даетъ подростка; всѣ они уходятъ на заработки, оставляя этотъ сборный хозяйственный инвентарь четвертому одиночкѣ, не имѣющему ни сбруи, ни лошади, ни подростка; онъ обрабатываетъ свой надѣлъ и надѣлы товарищей... Въ скопинскомъ уѣздѣ, какъ и вездѣ, надѣлъ семьи состоитъ не изъ сплошного участка, а изъ болѣе или менѣе значительнаго числа узкихъ полосокъ; понятно, у одиночекъ, владѣющихъ 1—2 душевыми надѣлами, эти полоски особенно мелки, что крайне затруднило бы обработку разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ ча-

стей надѣла нѣсколькихъ дворовъ однимъ изъ товарищей. Чтобы избѣгнуть такого неудобства, всѣ товарищи при каждомъ передѣлѣ общинныхъ земель идутъ въ одинъ жеребій и получаютъ всѣ свои полоски рядомъ. Этотъ способъ обработки полей практикуется и въ другихъ мѣстностяхъ, но у насъ особенно распространенъ въ западной части уѣзда" („Рус. Вѣд." 1883, № 358). Какъ видитъ читатель, мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ случайнымъ соединеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, а съ цѣлой системой, окончательное развитіе которой еще впереди.

На основаніи всего вышеизложеннаго, измѣненія, совершившіяся въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной черноземной полосы, за послѣднее двадцатилѣтіе въ общихъ чертахъ могутъ быть изображены слѣдующимъ образомъ. Естественное размноженіе населенія повело къ образованію значительнаго количества лицъ, излишнихъ для хлѣбопашества, веденнаго по обычной трехпольной системѣ. Трудъ всей этой массы нашелъ бы себѣ выгодное примѣненіе при соблюденіи одного изъ слѣдующихъ условій: еслибы система хозяйства сдѣлалась интенсивной, требующей большей затраты труда, но дающей и высшій доходъ земледѣльцу; или обрабатывающая промышленность развивалась бы столь успѣшно, что могла пріютить избытокъ земледѣльческаго класса; или, наконецъ, еслибы населеніе, излишнее въ центрѣ Россіи, размѣстилось по окраинамъ, гдѣ въ земледѣльцахъ чувствуется недостатокъ. Но исторія поступила иначе, и у насъ не случилось ни того, ни другого, ни третьяго. Развитіе интенсивнаго земледѣлія въ одной мѣстности, когда рядомъ плодороднѣйшія почвы ждутъ человѣческаго труда, вооруженнаго хотя бы самыми грубыми пріемами,—едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что ожидаемое преобразованіе хозяйства требуетъ затраты капиталовъ, а между тѣмъ, въ тотъ же періодъ времени, когда естественное размноженіе населенія дало избытокъ рабочихъ въ черноземной полосѣ, совершались всѣмъ извѣстныя преобразованія, результатомъ которыхъ явилось одновременно сокращеніе доходовъ крестьянина и увеличеніе его расходовъ. Избытокъ населенія не былъ поглощенъ и развитіемъ обрабатывающей промышленности, ибо послѣдняя, попавъ въ руки капитала, приняла такую формы и размѣры, при которыхъ она почти вовсе не нуждалась въ новыхъ рабочихъ. Оставался послѣдній и самый нормальный исходъ, это — разселеніе по незанятой территоріи. Но совершиться исключительно силами крестьянства это разселеніе не могло. Случилось потому то́, чего и слѣдовало ожидать.

Привязанное къ одному мѣсту и не находящее около себя достаточно выгодныхъ заработковъ, населеніе черноземной полосы устремило всѣ силы на земледѣліе. Такъ какъ собственная пашня

крестьянина далеко не достигаетъ размѣровъ, требуемыхъ объемомъ его рабочей силы, то крестьянство, во-первыхъ, распахало на своемъ надѣлѣ все, что способно быть засѣяннымъ, во-вторыхъ, съ жадностью кинулось на помѣщичьи земли. Однако, и тѣхъ скоро оказалось мало, и въ народной массѣ началась борьба за землю, борьба, интенсивность которой легко себѣ представить, если сообразить, что это была борьба за существованіе. Перебивая другъ друга, крестьяне набили арендныя цѣны до громандныхъ размѣровъ; но такъ какъ этимъ путемъ общее количество спрашиваемыхъ угодій увеличилось очень мало и за штатомъ земледѣлія осталось огромное число конкуррентовъ, то всѣ, не нашедшіе себѣ пріюта въ хозяйствѣ, бросились на стороннія работы и настолько же сбили здѣсь цѣны на трудъ, насколько подняли ихъ на землю. Но эту сторону дѣла мы теперь оставимъ, а посмотримъ, какимъ образомъ все это отразилось на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Всѣ, борящіеся за землю, не могли ее добыть, поэтому неизбѣжно должны были оказаться побѣжденные. Контингентъ послѣднихъ составлялся по преимуществу изъ тѣхъ домохозяевъ, которые уже таили въ себѣ задатки безсилія, которые были экономически слабѣе сотоварищей: къ нимъ принадлежали малонадѣльныя и малорабочія семьи. Они-то главнымъ образомъ и составили многочисленную группу лицъ, болѣе или менѣе порвавшихъ съ землею,—лицъ, изъ которыхъ, по примѣру западно-европейской исторіи, должно бы образоваться промышленное сословіе. Однако, это образованіе идетъ довольно туго. Выбитые изъ земледѣльческой колеи крестьяне охотно берутся за другія занятія: они переполнили рынокъ продуктами кустарнаго производства, города и фабрики—предложеніемъ труда. Они выражаютъ полную готовность отдаться историческому теченію, изъ земледѣльцевъ превратиться въ промышленниковъ. Очень можетъ быть, что оно такъ бы и случилось, если бы обстоятельства сложились иначе. Теперь же въ области промышленности мѣста имъ не находится, ибо и сама-то послѣдняя, настроившись по тому же западно-европейскому образцу, вдругъ убѣдилась, что ей придется вращаться въ очень узкихъ границахъ запроса, создаваемаго бѣднѣющимъ населеніемъ, и что она совершенно не въ силахъ поглотить массу рукъ, изгнанныхъ изъ земледѣльческой области. Крестьянамъ остался послѣдній опытъ—попробовать возвратиться къ хлѣбопашеству; и всѣ тѣ, кто имѣетъ какую-нибудь надежду успѣть въ этомъ, кто раньше того бросилъ землю, не исчерпавъ до конца средствъ удержаться на ней, кто прельстился выгодами, представившимися въ моменты оживленія промышленности, постройки желѣзныхъ дорогъ и т. п., тѣ обнаруживаютъ въ настоящее время совершенно ясное стремленіе сѣсть опять

на надѣлъ, превратиться въ хлѣбопашцевъ. Съ другой стороны, и безземельные, и обезземеливающіеся крестьяне всѣми силами держатся за хлѣбопашество или пытаются такъ или иначе къ нему пристроиться. Указанія на это встрѣчаются сплошь и рядомъ въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ русской жизни.

Такъ, полтавскіе статистики о зеньковскомъ уѣздѣ пишутъ: „Вообще со словъ Великопавловцевъ слѣдуетъ заключить, что они любятъ хлѣбопашество, видя въ немъ занятіе самое прибыльное для хозяина зажиточнаго и самое доступное для бѣднаго. Престарѣлый одинокій дідъ съ бабой, молодой ли хозяинъ съ женою и съ пятью „дрібными дітками" или же вдова съ подростающими сиротами, всякій изъ нихъ стремится „вчіпиться въ земельку", т.-е. снять десятину-другую, чтобы самому быть хозяиномъ, даже и не имѣя собственной земли. Не будетъ „лаять" стараго діда суровый „напъотець" за то, что плохо „розгина спіну", какъ иногда бываетъ, когда приходится стать въ жнива; никто не запретитъ молодой матери десять разъ покормить грудного ребенка, положеннаго тутъ же въ тѣни сноповъ; „своя нівка сама собі пани матка".

„Въ м. Боркахъ въ послѣднее время обществомъ отдаются подъ распашку малоземельнымъ односельцамъ прилегающіе къ мѣстечку песчаные бугры, состоящіе почти изъ чистаго сыпучаго песку, на которомъ засѣвается гречиха и сажается картофель. Въ Льговскомъ уѣздѣ, курской губерніи изъ 850 безземельныхъ семей до 130 арендуютъ пашню и ведутъ на ней хозяйство; въ черноземномъ районѣ козелецкаго уѣзда арендуютъ землю 50 изъ 250 семей безъ земли, и т. д. Въ газетахъ появилось извѣстіе, что „безземельные и малоземельные крестьяне за послѣднее время цѣлыми группами стали обращаться въ министерство государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ объ отдачѣ имъ въ долгосрочную аренду бездоходныхъ для казны болотныхъ пространствъ" (Рус. Кур. 1884, № 10). Сыпучіе пески, болота—все готовъ взять безземельный, только бы избѣжать перспективы превращенія въ одну изъ спицъ фабричной жизни. Лица, занятыя какой-либо изъ отраслей обрабатывающей промышленности, мелкой торговлей и т. п., тоже стремятся къ хлѣбопашеству, если не занимались имъ раньше, или сильнѣе налегаютъ на него въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ промышленное занятіе не требовало полнаго разрыва съ землею. Такъ, напримѣръ, жители промышленнаго села Богородскаго, горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи „до 1879 года земледѣліемъ вовсе не занимались, земля оставалась не раздѣленной и вся сдавалась сосѣднимъ крестьянамъ; но въ послѣднее время по настоянію бѣднѣйшей части населенія с. Богородскаго земля была раздѣлена, вслѣдствіе чего нѣкоторые

стали покупать лошадей и заниматься земледѣліемъ". „Въ послѣдніе 7 — 8 лѣтъ и особенно въ послѣдніе три года скорняжная работа значительно уменьшилась, скорняки (арзамасскаго уѣзда той же губерніи) стали часто сидѣть безъ работы и потому занялись земледѣліемъ, уже предпочитая его скорняжеству". То же самое происходитъ и съ гончарами александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи [1]. Отхожіе промышленники, каменьщики и маляры ярославскаго и борисоглѣбскаго уѣздовъ, вслѣдствіе невыгодности промысловъ, обращаются къ хлѣбопашеству, что отразилось расширеніемъ въ последнее время запашекъ. „У крестьянъ московской губерніи почти во всѣхъ уѣздахъ замѣчается стремленіе увеличить запашки насчетъ какъ своихъ пустошей, такъ и на нанимаемой у владѣльцевъ землѣ. Такое явленіе вызвано отчасти сокращеніемъ спроса на фабричныхъ рабочихъ, что заставило часть ихъ возвратиться къ сохѣ" [2]. То же самое наблюдается въ ярославской и тверской губерніяхъ. Нѣжинскіе мѣщане покупаютъ у помѣщиковъ земли, приписываются къ обществамъ и начинаютъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ; петербургскіе мѣщане снимаютъ надѣлы, забрасываемые петергофскими крестьянами; „среди калязинскихъ мѣщанъ съ каждымъ годомъ является все болѣе и болѣе желающихъ арендовать общественную землю для хлѣбопашества", и т. д. [3].

Заводскіе крестьяне темниковскаго уѣзда тамбовской губерніи, напримѣръ, почти вовсе разорились вслѣдствіе сокращенія или полной остановки заводскихъ работъ. Хотя они давно уже оставили хлѣбопашество, но теперь всѣ надежды возлагаютъ исключительно на это послѣднее и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда имъ, наконецъ, отведутъ надѣлы, которые они считаютъ своею собственностью. „Но крестьяне нисколько не скрываютъ отъ себя трудности для большинства ихъ обратиться въ настоящее время къ хлѣбопашеству. Навыка къ дѣлу они не имѣютъ, завести инвентарь крайне трудно. Однако, они увѣрены, что экономическій бытъ ихъ скоро поправится, если имъ удастся получить полный надѣлъ, и изъ земли, дѣйствительно, удобной. На первое время они будутъ по крайней мѣрѣ пользоваться выгонами, покосами, а затѣмъ постепенно заведутъ и запашки". Заводское населеніе красноуфимскаго уѣзда пермской губерніи тоже проявляетъ въ послѣднее время большее стремленіе къ хлѣбопашеству [4] и т. п.

---

[1]) Труды коммиссіи для изслѣд. куст. пром. в. IX с. 2,424, в. III, с. 78, в. VIII, с. 1603.

[2]) 1883 въ сел. хоз. отношеніи, періодъ 1-й с. 68, 63.

[3]) Нѣжинскій уѣздъ, прилож. с. 14. Матер. по статист. народн. хоз. въ петерб. губ. в. I, с. 64. тр. ком. для изс. куст. пром., в. X, с. 2624.

[4]) Сб. Ст. Св. по тамб. губ. т. 4. Тр. куст. ком. в. X, с. 2906. Приведемъ,

Такимъ образомъ, мы видимъ, что обрабатывающая промышленность, не смотря на всѣ ея успѣхи въ послѣднее двадцатилѣтіе, далеко не въ силахъ поглотить всей той массы рабочихъ какая вталкивается въ нее аграрными неустройствами; и эти изгнанники почвы должны быть возвращены землѣ. Того же требуетъ и общее экономическое состояніе Россіи; если наша внѣшняя торговля хлѣбомъ составляетъ жизненную необходимость для страны, если поэтому намъ нужно принять серьёзныя мѣры для борьбы съ американской конкурренціей, то врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что надѣяться достичь здѣсь благопріятныхъ результатовъ мыслимо не иначе, какъ поддержаніемъ и расширеніемъ мелкаго земледѣлія параллельно съ распространеніемъ культуры на неистощенныя земли окраинъ. Помѣщичье хозяйство для своего процвѣтанія требуетъ слишкомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, а крестьяне въ крайнемъ случаѣ могутъ спустить ихъ до размѣровъ, только что окупающихъ издержки производства, ибо и теперь они нерѣдко продаютъ хлѣбъ даже значительно дешевле. Но для поддержанія мелкаго хозяйства необходимо разселить избыточное населеніе центральнаго района по окраинамъ и способствовать переходу земель, нынѣ временно арендуемыхъ крестьянами, въ ихъ постоянное пользованіе. Первое необходимо потому, что радикальное преобразованіе хозяйства, съ цѣлью возвысить производительность почвы (и такимъ способомъ занять излишнее населеніе) при бѣдности народа и существованіи большихъ пространствъ некультивируемой плодородной земли, должно быть отнесено къ числу неудобоисполнимыхъ фантазій, и не дорогому интенсивному земледѣлію бороться съ экстенсивнымъ хозяйствомъ Америки, поддерживаемымъ всѣми механическими средствами, даваемыми высокоразвитой техникой. Обезпечить крестьянину, арендующему внѣнадѣльную землю, постоянное пользованіе ею необходимо уже потому что, какъ мы видѣли выше, аренда составляетъ жизненную необходимость для значительной части крестьянъ, при современной же ея неопредѣленности и постоянномъ возвышеніи съемныхъ цѣнъ, оправдываемомъ развѣ только нуждою крестьянъ

кстати слѣдующій интересный случай. Въ одно изъ нашихъ учрежденій, призванныхъ заботиться о нуждахъ сельскаго хозяйства, недавно явился крестьянинъ тверской губерніи и объяснилъ, что онъ, равно какъ и многіе другіе, оставилъ было хлѣбопашество и занялся мелкой торговлей. Но теперь и онъ, и его товарищи, убѣдившись въ ненадежности стороннихъ заработковъ, возвращаются къ прежнему занятію. Но такъ какъ земля ихъ плóха и истощена, а изъ газетъ онъ узналъ, что это горе поправимое, то онъ и проситъ, чтобы помянутое учрежденіе послало бы къ нимъ компетентное лицо, которое, ознакомившись съ мѣстными условіями, научило крестьянъ, какъ имъ хозяйничать, чтобы имѣть сносные доходы. Нечего кажется и прибавлять, что это оригинальное начинаніе мужика хозяйничать по агрономіи кончилось ничѣмъ

въ землѣ, ни одинъ арендаторъ не можетъ имѣть даже тѣни увѣ
ренности, что земля, нанятая имъ сегодня, не будетъ у него отнят
завтра, послѣ чего многимъ останется только сложить свои земле
дѣльческіе доспѣхи.

Но аграрныхъ преобразованій еще недостаточно для того, чтобы
упрочить крестьянское хозяйство и предупредить ни къ чему н
ведущее удаленіе населенія изъ деревень въ города. Половина земле
дѣльцевъ Россіи не можетъ удовлетвориться однимъ хлѣбопашествомъ
хотя бы потому, что земледѣльческій сезонъ продолжается здѣсь
всего полгода. Оно должно имѣть и другія занятія, состоящія ли
въ переработкѣ продуктовъ земледѣльческой промышленности, и
въ разныхъ отрасляхъ кустарнаго производства, или, наконецъ,
работахъ по найму въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. По
слѣдній источникъ доходовъ крестьянина съ теченіемъ врем
будетъ сокращаться, такъ какъ конкурренція заставитъ фабр
работать по возможности круглый годъ одинаково, слѣдовател
обходиться спеціально-фабричными рабочими; а уничтоженіе лѣс
и замѣна дровяного отопленія каменно-угольнымъ и нефтянымъ
чительно сократитъ заработки крестьянъ, какіе они имѣютъ те
на перевозкѣ лѣса для капиталистическихъ предпріятій, заним
этимъ въ свободное отъ сельскихъ работъ время. Остается наде
на кустарное производство. Но при настоящей промышленной не
дицѣ въ Россіи, судьба кустарнаго производства представляется кр
неопредѣленной. Различныя отрасли капиталистической продук
поддерживаемыя безъ всякаго вниманія къ тому, имѣютъ ли
шансы стать когда-либо на свои ноги или вѣчно будутъ идти
помочахъ государства, хотя въ большинствѣ случаевъ и не опра
вають возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, но произрастая на с
общества, имѣютъ полную возможность дѣйствовать разрушите
на крестьянскую промышленность, лишенную малѣйшей поддер
въ отношеніи кредита, техники и т. п. А разрушеніе кустар
производства для извѣстной полосы Россіи равносильно под
крестьянскаго земледѣлія. Поэтому, для поддержанія послѣд
кромѣ аграрныхъ реформъ необходимы и другія мѣры, способ
уравнять борьбу мелкаго производства съ крупнымъ. Необход
изслѣдовать детально, какія отрасли крупнаго производства до
и могутъ быть водворены въ Россіи, и какіе кустарные произ
находятся у порога естественной смерти, и только послѣ рѣше
основаннаго на подробномъ изученіи дѣла, принимать ту или д
гую мѣру, имѣющую въ виду интересы крупнаго и мелкаго пр
водства.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля, 1884.

ищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству.—Уголовная ста-
ика за 1879 г.; отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинитель-
ъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени
ѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту.—Новая редакція
нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ.

Петербургское дворянство, въ послѣдней сессіи своей, занималось, жду прочимъ, вопросомъ объ установленіи болѣе правильныхъ отноній между директоромъ народныхъ училищъ и губернскимъ учиымъ совѣтомъ. Эта сторона дѣятельности дворянскаго собранія лась почти незамѣченною въ нашей печати,—а между тѣмъ, она спорно заслуживаетъ вниманія, какъ характеристическая страница исторіи „пререканій" между учебнымъ вѣдомствомъ и органами управленія. Существуетъ инструкція инспекторамъ народныхъ лищъ, утвержденная въ 1871 г., т.-е. до изданія Положенія 25 мая 4 г. о начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ ст. 56 этой инкціи сказано слѣдующее: „еслибы въ губернскомъ училищномъ тѣ по какому-либо вопросу возникло разногласіе между *инспекомъ* народныхъ училищъ и прочими членами совѣта, и инспекъ не призналъ бы для себя возможнымъ согласиться съ общимъ ніемъ, то дѣло препровождается на разсмотрѣніе попечителя наго округа, котораго заключеніе, съ изложеніемъ обстоятельствъ , представляется затѣмъ на разрѣшеніе министерства народнаго свѣщенія". Съ другой стороны, въ Положеніи 25 мая 1874 г.—давшемъ должность *директора* народныхъ училищъ, вслѣдствіе инспектора народныхъ училищъ перестали быть членами губерно училищнаго совѣта—есть статья 33-я, слѣдующаго содержанія: ла въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ рѣшаются большинствомъ лосовъ, причемъ, въ случаѣ равенства ихъ, голосъ предсѣдателя

(губернскаго предводителя дворянства) даетъ перевѣсъ". Обѣ статьи, очевидно, тянутъ въ разныя стороны, что и обнаружилось съ полною силой, какъ только директоръ училищъ петербургской губерніи, еще въ 1879 г., пожелалъ направить возбудившій разногласіе вопросъ путемъ, указаннымъ въ ст. 56 инструкціи 1871 г. За него высказались всѣ *назначенные*, противъ него—всѣ *выборные* члены губернскаго училищнаго совѣта (т.-е. губернскій предводитель дворянства и два члена по выбору губернскаго земскаго собранія). Петербургское дворянство, соглашаясь съ мнѣніемъ своего предводителя, постановило, въ 1881 г., обратиться къ министерству народнаго просвѣщенія съ просьбою о согласованіи инструкціи съ положеніемъ 25 мая 1874 г. Министерство отклонило эту просьбу, основываясь на томъ, что 1) правило о рѣшеніи дѣлъ въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ по большинству голосовъ существовало уже въ положеніи 1864 г., дѣйствовавшемъ въ моментъ изданія инструкціи 1871 г., и 2) что государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта новаго закона о начальныхъ училищахъ (утвержденнаго 25 мая 1874 г.) имѣлъ въ виду означенную инструкцію и не оставилъ бы, конечно, безъ вниманія указываемое дворянствомъ противорѣчіе, еслибы оно существовало на самомъ дѣлѣ. Предводители и депутаты дворянства не убѣдились этими соображеніями министерства; находя, что ст. 56-я инструкціи ставитъ губернскаго предводителя „въ положеніе ему не подобающее и не соотвѣтствующее высокому довѣрію къ дворянству", выраженному въ Высочайшемъ рескриптѣ 25 декабря 1873 г., но полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что „нынѣ еще, быть можетъ, преждевременно было бы утруждать Государя Императора со стороны дворянства всеподданнѣйшимъ адресомъ по этому предмету", они предложили собранію возобновить прежнее ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. „Предводители и депутаты —сказано въ заключеніи доклада, принятаго собраніемъ,— льстятъ себя надеждой, что министерство, послѣ новой просьбы собранія, оцѣнитъ справедливость доводовъ дворянства и приметъ въ соображеніе то положеніе, въ которое отказъ министерства поставитъ предводителя губернскаго училищнаго совѣта. Въ дѣствительности губернскому предводителю дворянства останется только рѣшительно отказаться отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ и повергнуть на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшій докладъ о невозможности оправдать высокое довѣріе Государя Императора, при не данной ему къ тому со стороны министра народнаго просвѣщенія возможности". Вопросъ поставленъ, такимъ образомъ, преимущественно на почву сословныхъ правъ и привилегій—и это не могло быть иначе, разъ что онъ былъ возбужденъ дворянствомъ; но

ніе, во всякомъ случаѣ, остается и другое, болѣе общее и болѣе важное значеніе.

Противорѣчіе между ст. 56 инструкціи 1871 г. и ст. 33 Положенія 25 мая 1874 г. любопытно, прежде всего, съ чисто юридической точки зрѣнія [1]). Какимъ образомъ могло случиться, что при дѣйствіи положенія 1864 г., предоставлявшаго губернскому училищному совѣту рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, права совѣта были подвергнуты столь существенному ограниченію, какъ перенесеніе дѣлъ въ высшую (чисто административную) инстанцію, при несогласіи одного члена съ мнѣніемъ хотя бы всѣхъ остальныхъ? Какимъ образомъ могло случиться, что подобная аномалія не была устранена при изданіи положенія 1874 г., не только сохранившаго за губернскимъ совѣтомъ право рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, но прямо направленнаго къ поднятію роли дворянства, въ лицѣ предводителей его — предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ? Разгадкой этому служитъ, отчасти, сильно распространившійся у насъ въ послѣднее время обычай дополненія и разъясненія законовъ путемъ инструкцій, наказовъ, циркуляровъ, не утверждаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ. Способъ составленія ихъ и изданія не представляетъ достаточной гарантіи противъ уклоненій отъ первоначальной мысли законодателя; ст. 56-я инструкціи 1871 г.—только одинъ изъ многихъ примѣровъ нововведенія, облеченнаго въ форму административной мѣры, но на самомъ дѣлѣ радикально измѣняющаго закономъ установленный порядокъ. Обсуждая проектъ положенія 1874 г., государственный совѣтъ не имѣлъ надобности исправлять ошибку, допущенную въ инструкціи, какъ потому, что при несогласіи между закономъ и административнымъ распоряженіемъ преимущество всегда должно оставаться на сторонѣ перваго, такъ и потому, что въ ст. VIII мнѣнія государственнаго совѣта, утвержденнаго одновременно съ положеніемъ 25 мая, предрѣшена замѣна инструкціи инспекторамъ—наказомъ училищнымъ совѣтамъ. Высшее законодательное учрежденіе въ имперіи не могло предвидѣть, что эта замѣна заставитъ себя ждать болѣе десяти лѣтъ, что буква инструкціи, заранѣе обреченной на отмѣну, будетъ поставлена выше буквы и смысла закона, столь ясно оградившаго коллегіальный характеръ и самостоятельность дѣйствій губернскаго училищнаго совѣта. Рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ—и пріостанавливающее veto одного члена; перевѣсъ предсѣдательскаго голоса— и уравновѣшеніе большинства, даже самаго абсолютнаго,

[1]) Что противорѣчіе существуетъ, этого, какъ видно изъ вышесказаннаго, не отвергаетъ и министерство, ограничивающееся въ отвѣтѣ дворянству соображеніями чисто формальнаго свойства.

голосомъ одного директора училищъ—это такія явныя несообразности, сознательное допущеніе которыхъ законодательною властью должно быть признано безусловно немыслимымъ. Положимъ, однако, что оффиціальное толкованіе спорныхъ постановленій имѣетъ формальную точку опоры; остается еще доказать, что оно полезно и цѣлесообразно. Стоитъ ли учреждать коллегію, рѣшеніе которой можетъ быть во всякое время парализовано однимъ изъ ея членовъ? Стоитъ ли созывать представителей земства, дворянства, администраціи и духовенства, для того, чтобы въ концѣ концовъ отдать все дѣло въ руки одного вѣдомства? Послѣдовательно ли отдѣлять почетъ отъ власти, предоставляя первый—предводителю дворянства, послѣднюю—директору училищъ? Такъ ли неотложно вмѣшательство учебной администраціи въ дѣла губернскаго училищнаго совѣта, чтобы нельзя было ограничиться обычнымъ способомъ пересмотра опредѣленій, постановляемыхъ смѣшанными коллегіями—опротестованіемъ ихъ передъ сенатомъ? Искусственное превращеніе одного изъ членовъ совѣта въ господствующее надъ нимъ лицо—лучшее средство къ разрушенію того единодушія, при которомъ только и мыслима успѣшная дѣятельность совѣта. Директоръ народныхъ училищъ — спеціалистъ того дѣла, завѣдываніе которымъ ввѣрено училищному совѣту; уже это одно даетъ ему, фактически, полную возможность пріобрѣсти вліятельное положеніе въ совѣтѣ. Въ какихъ уѣздахъ авторитетъ инспекціи достигаетъ самыхъ высокихъ размѣровъ—въ тѣхъ ли, гдѣ она ревниво оберегаетъ свою власть, ссорится съ земствомъ, протестуетъ противъ всякаго вмѣшательства училищнаго совѣта въ учебную часть школьнаго дѣла, или въ тѣхъ, гдѣ она работаетъ сама и даетъ работать другимъ, стремящимся къ одной съ нею цѣли? Кто имѣлъ случай познакомиться съ уѣздною жизнью, тотъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ наблюденія, сдѣланныя нами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и отвѣтитъ утвердительно на вторую часть вопроса. То же самое можно сказать и о другомъ, болѣе обширномъ кругѣ дѣйствій—о цѣлой губерніи, съ одной лишь оговоркой: директору училищъ, дальше стоящему отъ школы и заваленному перепиской, труднѣе быть работникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово можетъ быть примѣнено къ хорошему инспектору народныхъ училищъ. Все-таки онъ можетъ сдѣлать весьма многое, если будетъ идти рука объ руку съ губернскимъ совѣтомъ, а не тащить его за собою, во имя сомнительнаго и ненужнаго права.

Намъ могутъ возразить, что Гордіевъ узелъ отношеній между училищными совѣтами и учебной администраціей долженъ быть не распутанъ, а разрѣзанъ, простымъ уничтоженіемъ училищныхъ совѣтовъ, какъ инстанціи совершенно излишней, а слѣдовательно и вред-

ной. Въ нашей литературѣ это мнѣніе было выражено недавно, съ особенною рѣзкостью, г. Дебольскимъ [1]); весьма вѣроятно, что оно имѣетъ приверженцевъ и въ административныхъ сферахъ. Училищные совѣты выставляются „тормазами учебнаго вѣдомства", безсильными къ добру; могущими только мѣшать, стѣснять, задерживать, садиться не въ свои сани. Не споримъ, можетъ быть, и есть училищные совѣты (особенно губернскіе), къ которымъ эта характеристика вполнѣ примѣнима; весь вопросъ въ томъ, составляетъ ли бездѣйствіе *неизбѣжный* удѣлъ училищныхъ совѣтовъ, зависитъ ли оно отъ самой идеи, лежащей въ основаніи ихъ устройства, или отъ другихъ, побочныхъ обстоятельствъ? Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста; ограничимся только нѣсколькими указаніями, въ нашихъ глазахъ не подлежащими сомнѣнію. Единственные возможные наслѣдники училищныхъ совѣтовъ — это инспектора народныхъ училищъ; но такъ ли много и въ такія ли условія они поставлены, чтобы они могли замѣнить собою кого бы то ни было, расширить, безъ вреда для дѣла, кругъ своихъ занятій? Возьмемъ два примѣра, знакомые намъ весьма близко. Четыре уѣзда одной изъ юго-восточныхъ губерній соединены (или, по крайней мѣрѣ, были соединены года три тому назадъ) въ вѣденіи одного инспектора. Желѣзная дорога задѣваетъ только край одного изъ этихъ уѣздовъ; пароходное сообщеніе возможно только между двумя изъ нихъ, и притомъ въ такое время года, бóльшая часть котораго соотвѣтствуетъ каникуламъ народной школы. Всѣхъ школъ, въ четырехъ уѣздахъ, гораздо болѣе ста. Что можетъ сдѣлать, при такой обстановкѣ *одинъ* инспекторъ? Даже и по одному разу въ годъ онъ не успѣетъ посѣтить каждую школу, даже по одному разу въ мѣсяцъ не успѣетъ побывать въ каждомъ городѣ, для участія въ засѣданіи училищнаго совѣта. Гдѣ училищный совѣтъ хорошо составленъ (въ особенности важны, конечно, личныя свойства предсѣдателя совѣта), тамъ дѣло идетъ хорошо; члены совѣта объѣзжаютъ школы, присутствуютъ на экзаменахъ, аккуратно собираются въ засѣданія, и инспектору остается только убѣдиться въ томъ, что все обстоитъ болѣе или менѣе благополучно. Въ сосѣднемъ уѣздѣ при иномъ составѣ совѣта, картина получается иная: школьное дѣло предоставлено самому себѣ, и рѣдкіе, по необходимости, пріѣзды инспектора не въ состояніи внести въ него движеніе и жизнь. Другой примѣръ: инспекторскій районъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній обнимаетъ собою два уѣзда, но раскинутыхъ на очень большомъ пространствѣ и съ крайне плохими путями сообще-

[1]) См. ниже: „Литературное Обозрѣніе".

нія; число школъ постоянно растетъ, приближаясь уже къ сотнѣ. Энергія инспектора не оставляетъ желать ничего лучшаго—но все-таки есть школы, не посѣщенныя имъ въ теченіе года. Ходъ школьнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ оказывается почти пропорціональнымъ степени энергіи училищнаго совѣта. Обѣ мѣстности, о которыхъ мы говоримъ, не представляютъ ничего исключительнаго; въ такихъ же или почти такихъ условіяхъ находится множество другихъ уѣздовъ. Чѣмъ больше будетъ развиваться школьное дѣло, тѣмъ больше оно будетъ требовать соединенныхъ, коллективныхъ усилій. Если уѣздные училищные совѣты, обязательно предсѣдательствуемые предводителями дворянства, съ слабо представленнымъ элементомъ земскимъ, съ искусственнымъ преобладаніемъ назначенныхъ членовъ надъ выборными, съ крайне ограниченнымъ кругомъ дѣйствій, приносли и приносятъ существенную пользу, то гораздо большаго еще можно ожидать отъ нихъ при другой организаціи и при другомъ составѣ. Труднѣе оживить дѣятельность губернскихъ училищныхъ совѣтовъ—но неисполнимою и эта задача названа быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ губернскій училищный совѣтъ необходимъ уже какъ высшая инстанція по отношенію къ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ.

Участіе общественныхъ учрежденій въ завѣдываніи школами, открываемыми по ихъ иниціативѣ и на данныя ими средства, до такой степени естественно и неизбѣжно, что сама жизнь создаетъ для этого новые органы, прямо не предусмотрѣнные, но и не запрещенные закономъ. Такими органами являются, въ нѣкоторыхъ городахъ (въ томъ числѣ и въ Петербургѣ), особыя училищныя коммиссіи, избираемыя городскими думами. Намъ случилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, близко изучить дѣятельность одной изъ этихъ коммиссій (саратовской)—и мы пришли къ убѣжденію, что ей, въ значительной степени, принадлежитъ честь широкаго и успѣшнаго развитія школьнаго дѣла, тогда, по крайней мѣрѣ, стоявшаго въ Саратовѣ не ниже, чѣмъ въ столицахъ. Тѣмъ непріятнѣе было наше удивленіе, когда мы прочли недавно въ „Новомъ Времени“ (№ 2,967) слѣдующую корреспонденцію изъ Саратова: „пребываніе здѣсь попечителя казанскаго учебнаго округа не прошло безслѣднымъ для педагогическаго міра. Согласно его предложенію, начальникъ губерніи потребовалъ упраздненія существующей при городской думѣ попечительной о городскихъ училищахъ коммиссіи... Нельзя сказать, чтобы дѣйствія коммиссіи шли въ разрѣзъ со взглядами губернскаго училищнаго совѣта на дѣло народнаго образованія, но тѣмъ не менѣе попечитель учебнаго округа призналъ существованіе коммиссіи незаконнымъ, чѣмъ и мотивировалъ свое предложеніе объ упраздненіи ея. Дума

пока не пришла ни къ какому заключенію, но нѣкоторые гласные, составляющіе большинство, высказывались за отклоненіе требованія губернатора, и предлагали, въ случаѣ надобности, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о неприкосновенности коммиссіи". Нужно надѣяться, что надобности въ ходатайствѣ не будетъ; требованіе закрыть коммиссію прямо опровергается ст. 73 городового положенія, разрѣшающею думѣ учреждать, для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями городского хозяйства и общественнаго управленія, особыя исполнительныя коммиссіи, временныя или постоянныя. Насъ интересуетъ здѣсь не столько вопросъ права, едва ли допускающій какое-либо сомнѣніе, сколько та особенность нашего бюрократическаго быта, въ силу которой возможно возбужденіе подобныхъ вопросовъ. Открывается учрежденіе, дѣйствуетъ, на глазахъ у всѣхъ, нѣсколько лѣтъ сряду, приноситъ пользу, достигаетъ цѣли, никому или по крайней мѣрѣ ничему не мѣшаетъ—и вдругъ оно оказывается, на чей-нибудь взглядъ, нарушающимъ предустановленную симметрію и подлежащимъ уничтоженію! Еслибы оно вышло изъ предѣловъ своей власти, вмѣшалось не въ свое дѣло, то и тогда достаточно было бы поставить его въ должныя границы; вѣдь не всякое же нарушеніе закона карается смертною казнью. Въ настоящемъ случаѣ ни о какомъ нарушеніи нѣтъ даже и рѣчи; въ вину коммиссіи ставится только самый фактъ ея существованія. Не далеко уйдетъ наше самоуправленіе, пока надъ лучшими его проявленіями будетъ постоянно висѣть опасность подобной катастрофы, пока отъ него будутъ требовать не только вѣрности духу и смыслу закона, но и соблюденія пунктовъ параграфовъ, хотя бы сомнительныхъ и спорныхъ.

Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, о сводѣ уголовно-статистическихъ свѣденій за 1878 г., мы указали на медленность обнародованія этихъ свѣденій, значительно уменьшающую ихъ практическую цѣнность. Промежутокъ времени между изданіемъ двухъ выпусковъ свода, сначала составлявшій около года, увеличился до двухъ, даже до трехъ лѣтъ; сводъ за 1878 г. вышелъ въ свѣтъ лѣтомъ 1883 г., т.-е. черезъ четыре съ половиною года по окончаніи обнимаемаго имъ періода. Теперь есть основаніе надѣяться на возстановленіе первоначальнаго, нормальнаго порядка; сводъ за 1879 г. появился въ печати въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ, меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ свода за 1878 г. Свѣденія, въ немъ заключающіяся, касаются по прежнему шести судебныхъ округовъ; только въ отдѣлѣ,

относящемся къ мировымъ учрежденіямъ, прибавились три губернія — уфимская, оренбургская и астраханская, въ которыхъ мировой судъ открытъ въ началѣ 1879 г. Трудно понять, почему тифлисскій судебный округъ остается до сихъ поръ внѣ сферы дѣятельности статистическаго отдѣленія министерства юстиціи. Если онъ, до послѣдняго времени, и не находился въ непосредственномъ вѣденіи министерства, то это едва ли могло служить препятствіемъ къ полученію отъ него, на общемъ основаніи, уголовно статистическихъ данныхъ.

Раскрывая уголовно-статистическій сводъ, мы всегда останавливаемся прежде всего на цифрахъ, выражающихъ взаимное отношеніе оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Общій смыслъ этихъ цифръ—теперь болѣе чѣмъ когда-либо заслуживающихъ изученія, въ виду усиленныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ—остается прежній, несмотря на небольшое увеличеніе процента оправданій въ судѣ присяжныхъ и уменьшеніе его въ коронномъ судѣ. До 1879 г., процентъ оправдательныхъ приговоровъ, произнесенныхъ присяжными, колебался между $32^1/_2$ и 38; въ 1879 г. онъ превзошелъ 38, но только на $^1/_2$% (сравнительно съ 1878 г. повышеніе составляетъ $^4/_5$%). Очевидно, что изъ такой ничтожной разницы нельзя вывести никакихъ заключеній, неблагопріятныхъ для суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ судебныхъ округовъ (одесскій) продолжаетъ рѣзко отличаться отъ другихъ высокимъ процентомъ оправданій (въ 1878 г.—49%, въ 1879 г.—$47^1/_6$%). Несмотря на эту аномалію, разница, по округамъ, между высшимъ и низшимъ процентомъ оправданій не превышаетъ, для суда присяжныхъ, $12^1/_2$% (minimum — $34^3/_4$%, въ харьковскомъ округѣ), между тѣмъ, какъ для суда короннаго она доходитъ почти до 20% (около $19^1/_2$% въ саратовскомъ округѣ, около $39^1/_2$% въ харьковскомъ). Общій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ, равнялся, въ 1879 г., 24%, между тѣмъ какъ въ 1878 г. онъ доходилъ почти до 30%. Колебаніе, такимъ образомъ, здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ сферѣ суда присяжныхъ, — другими словами, коронный судъ больше, чѣмъ судъ присяжныхъ, поддается вліянію случайныхъ обстоятельствъ. Повторяя надъ оправдательными приговорами короннаго суда ту работу, которая была сдѣлана нами по отношенію къ сводамъ 1877 и 1878 гг., т.-е. соединяя въ одну группу приговоры по дѣламъ о бродяжествѣ, оскорбленіи волостныхъ старшинъ и низшихъ полицейскихъ служителей, о взломѣ тюремъ, побѣгѣ арестантовъ и укрывательствѣ осужденныхъ, объ упускѣ арестантовъ и о нарушеніи строительнаго и пожарнаго

уставовъ [1]), а въ другую—приговоры по всѣмъ остальнымъ дѣламъ, подсуднымъ окружному суду безъ участія присяжныхъ, мы получаемъ слѣдующіе результаты. Всѣхъ подсудимыхъ по дѣламъ первой группы было 3165; изъ нихъ осуждено 2788, оправдано—377, т.-е. 11,9% (почти столько же, сколько и въ 1878 г.). По дѣламъ второй группы подсудимыхъ было 5410; изъ нихъ оправдано 1679, т.-е. 31% (въ 1878 г. — 34 1/2%). Эта послѣдняя цифра уже не такъ далека отъ той, которую даютъ приговоры суда присяжныхъ. Сводъ 1879 г. доставляетъ намъ еще одну новую точку сравненія, также приводящую къ убѣжденію, что судъ присяжныхъ вовсе не грѣшитъ крайнею слабостью. 1879-ый годъ былъ первымъ, въ продолженіе котораго, съ начала до конца, дѣйствовала особая форма суда (судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей) для дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія. Она была введена (послѣ оправданія Вѣры Засуличъ) именно съ цѣлью усиленія репрессіи по дѣламъ этого рода. И что же? Оправдательные приговоры составляютъ здѣсь почти 33 1/2%, т.-е. всего на 4 1/2% меньше сравнительно съ судомъ присяжныхъ!

Въ сферѣ мировой юстиціи судьи, назначенные правительствомъ, продолжаютъ отличаться отъ судей, избранныхъ земствомъ, большею снисходительностью къ подсудимымъ. Общій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ мировыми учрежденіями 46 губерній (по дѣламъ, входящимъ въ область свода, т.-е. могущимъ привести къ тюремному заключенію или къ одному изъ замѣняющихъ его наказаній), составляетъ, въ 1879 г., 38 1/3% (въ 1878 г. —38 2/3), т.-е. *равняется проценту оправданій, произнесенныхъ судомъ присяжныхъ*; но для девяти западныхъ губерній, гдѣ дѣйствуютъ *назначенные* мировые судьи, онъ повышается до 51 1/3% (въ 1878 г.— 52 1/4%). Если не принимать въ соображеніе этихъ губерній, процентъ оправданій понизится, для остальныхъ тридцати семи, до 34 1/2%. Ниже общей средней цифры (38 1/3) процентное число оправданій не падаетъ ни *въ одной* изъ девяти западныхъ губерній; всего меньше ихъ, сравнительно, въ губерніяхъ ковенской и минской (отъ 40 до 40 1/2%), всего больше—въ губерніяхъ виленской, гродненской и витебской (болѣе 58 1/2%). Замѣчательно, что самой высшей цифры (61 1/3%) процентъ оправданій достигъ, въ 1879 г., въ оренбургской губерніи, гдѣ мировые судьи, за невведеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, такъ же, какъ и въ западныхъ губерніяхъ, были на-

[1]) Основаніемъ къ такому соединенію служитъ то обстоятельство, что фактъ преступленія, во всѣхъ дѣлахъ этого рода, установить не трудно, а особые поводы къ оправданію подсудимыхъ, при доказанности преступленій, они представляютъ рѣдко.

значены правительствомъ. Всего меньше оправдательныхъ приговоровъ было постановлено мировыми судьями въ петербургской губерніи (около $14^1/_2\%$; въ московской губерніи ихъ почти втрое больше — $38^1/_4\%$).

Повторяясь изъ года въ годъ, разница въ числѣ оправданій, постановляемыхъ обѣими категоріями мировыхъ судей (выборными и назначенными), должна быть признана однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій, обнаруженныхъ нашею уголовною статистикою. Объяснить его вполнѣ могло бы только подробное знакомство съ содержаніемъ приговоровъ и съ условіями, въ которыя поставлена дѣятельность судей. Такое знакомство, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, недоступно для частныхъ лицъ. Всего правильнѣе было бы, какъ намъ кажется, сдѣлать его одною изъ задачъ той ревизіонной повѣрки, которой особенно часто подвергается дѣлопроизводство мировыхъ судей именно въ западныхъ губерніяхъ. Еслибы вниманіе ревизоровъ было обращено не только на точное соблюденіе мировыми судьями процессуальныхъ обрядовъ, не только на правильное и скорое движеніе дѣлъ, но и на сущность рѣшеній, еслибы недостатокъ мотивовъ, часто замѣтный въ письменномъ изложеніи приговоровъ, былъ пополняемъ бесѣдами съ самими судьями, съ чинами полиціи и прокурорскаго надзора, съ осужденными, со всѣми лицами, болѣе или менѣе близкими къ мировому суду, то въ короткое время могли бы получиться довольно полныя комментаріи къ цифрамъ, теперь поражающимъ своею загадочностью. Почему, напримѣръ, ковенская губернія, лежащая между губерніями виленскою и гродненскою и не отличающаяся рѣзко ни отъ той, ни отъ другой, превосходитъ ихъ въ полтора почти раза числомъ обвинительныхъ приговоровъ? Чѣмъ объяснить разницу въ 9% между двумя бѣлорусскими губерніями — могилевскою и витебскою? Не странно ли, что въ херсонской губерніи процентъ оправданій едва превышаетъ 30%, а въ сосѣдней съ нею подольской доходитъ почти до 50%; что въ смоленской губерніи оправдательныхъ приговоровъ на двадцать слишкомъ процентовъ меньше, чѣмъ въ сосѣдней съ нею витебской? Столь же интересно было опредѣлить причины громадной разницы въ степени строгости петербургскихъ и московскихъ мировыхъ учрежденій. Результаты оффиціальныхъ изслѣдованій по этому вопросу, если они произведены или будутъ произведены, непремѣнно слѣдовало бы довести до всеобщаго свѣденія; гласное ихъ обсужденіе пополнило бы пробѣлы, исправило бы ошибки, неизбѣжныя во всякой единичной работѣ. Пока этого не сдѣлано, возможны только предположенія, болѣе или менѣе правдоподобныя. Нѣтъ ли, напримѣръ, причинной связи между бо̀льшею, сравнительно, строгостью

ковенскихъ мировыхъ судей и сильнымъ развитіемъ въ ковенской губерніи крупнаго землевладѣнія, польскаго и въ особенности нѣмецкаго? Если эта губернія не даромъ получила прозвище „Kovenland", то не занесены ли въ нее нѣкоторые обычаи и взгляды изъ сосѣднихъ остзейскихъ губерній — въ томъ числѣ убѣжденіе въ необходимости „желѣзной руки" для „кнехта" и вообще для меньшей братіи? Намъ помнится, что уже лѣтъ десять тому назадъ сенату пришлось предать суду двухъ мировыхъ судей ковенской губерніи, за цѣлый рядъ злоупотребленій, вызванныхъ именно потворствомъ крупному землевладѣнію. Оставаясь въ предѣлахъ формальной законности, наклоненіе вѣсовъ въ эту сторону легко можетъ повлечь за собою увеличеніе числа обвинительныхъ приговоровъ. Минская губернія, сравнительно съ могилевскою, также, если мы не ошибаемся, можетъ считаться мѣстностью съ преобладающимъ крупнымъ землевладѣніемъ; не отъ этого ли зависитъ и бóльшая строгость ея мировыхъ учрежденій?.. Повторяемъ, это не болѣе какъ догадки, приводимыя нами только въ подтвержденіе нашей мысли о важности вопроса, скрывающагося за голыми статистическими цифрами.

Разсматривая процентное отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ отдѣльно по родамъ преступленій, мы встрѣчаемся съ тѣми же печальными явленіями, которыя были констатированы нами при разборѣ прежнихъ выпусковъ свода. Особенно ярко бросается въ глаза, какъ и прежде, незначительный процентъ оправданій по дѣламъ о преступленіяхъ противъ вѣры. Для суда присяжныхъ онъ составлялъ, въ 1879 г., только 10½% (для коронного суда—27⅔%). Отчасти, правда, первая изъ этихъ цифръ объясняется строгостью присяжныхъ къ обвиняемымъ въ скопчествѣ; изъ 70 подсудимыхъ этой категоріи (37 мужчинъ и 33 женщинъ) оправдано только четверо, т.-е. около 5½%. Но если и не принимать въ соображеніе обвиняемыхъ въ скопчествѣ, результатъ получится все-таки крайне неутѣшительный. Обвиняемыхъ въ богохуленіи, кощунствѣ, порицаніи вѣры, оскорбленіи святыни, отвлеченіи и отступленіи отъ вѣры, ересяхъ и расколахъ предстало передъ судъ присяжныхъ, въ 1879 г., 54; изъ нихъ оправдано только *девять*—т.-е. 16⅔%, менѣе чѣмъ по какому-либо другому разряду преступленій. Больше чѣмъ половина осужденныхъ (24 изъ 45) подверглись ссылкѣ на поселеніе, двое — ссылкѣ на житье. Слѣдующее мѣсто по строгости репрессіи занимаютъ дѣла о святотатствѣ, именно потому, что ему приписывается отчасти характеръ преступленія противъ вѣры; процентъ оправданій составляетъ здѣсь только 23%, между тѣмъ какъ для обыкновенной кражи онъ доходитъ до 31½%. Изъ числа 165, осужденныхъ за святотатство, къ каторжной работѣ присуждено

38 человѣкъ (23%), къ ссылкѣ на поселеніе—45 ($27\frac{1}{4}$%); другими словами, уголовнымъ наказаніямъ [1]) подверглась цѣлая половина осужденныхъ, между тѣмъ какъ изъ числа 13,108, осужденныхъ за кражу, къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено только 632, т.-е. около $4\frac{3}{4}$% (къ каторжной работѣ—только 22, т.-е. приблизительно $\frac{1}{6}$%). Неизмѣнно строгое отношеніе суда присяжныхъ къ святотатству тѣмъ болѣе характеристично, что по другихъ дѣламъ о кражѣ процентное число оправданій постоянно возрастаетъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ общей средней цифрѣ. Въ 1874 г. оно составляло только 22%, въ 1875—27%, въ 1877—29%, въ 1878—$30\frac{3}{4}$%, въ 1879—уже $31\frac{1}{2}$%. Теперь нельзя уже утверждать такъ рѣшительно, какъ прежде, что охраненіе собственности, въ глазахъ русскихъ присяжныхъ—задача болѣе важная, чѣмъ охраненіе жизни. Процентъ оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ все еще очень высокъ ($48\frac{3}{4}$%), хотя и нѣсколько ниже, чѣмъ въ 1878 г. Замѣчаніе, сдѣланное нами по этому поводу при разборѣ свода 1878 г., остается, однако, въ полной силѣ: оправданіемъ оканчиваются преимущественно дѣла о поврежденіяхъ менѣе важныхъ. Процентъ оправдательныхъ приговоровъ достигаетъ здѣсь $56\frac{1}{2}$%, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ о поврежденіяхъ съ смертельнымъ исходомъ онъ понижается до $39\frac{2}{3}$%, въ дѣлахъ о поврежденіяхъ, нанесенныхъ восходящимъ и другимъ родственникамъ — до $16\frac{2}{3}$%.

Переходя къ оправдательнымъ приговорамъ по дѣламъ объ убійствѣ, укажемъ, прежде всего, на одинъ неправильный пріемъ составителей свода. Въ подробной таблицѣ преступленій, распредѣляющей ихъ на 156 группъ, въ одну группу соединены дѣянія столь разнородныя, какъ оставленіе въ опасности и неоказаніе помощи съ одной стороны (улож. о наказ. ст. 1513 и слѣд.), и сокрытіе трупа мертворожденнаго незаконнаго младенца — съ другой (улож. о наказ. ст. 1460 ч. 2). Сокрытіе трупа—преступленіе sui generis, не имѣющее ничего общаго съ самовольнымъ оставленіемъ попутчика, больного и т. п., и соприкасающееся скорѣе съ дѣтоубійствомъ, въ техническомъ смыслѣ этого слова. Положимъ, что кто-нибудь пожелалъ бы опредѣлить число случаевъ, въ которыхъ источникомъ преступленія или проступка является несчастное положеніе матери, только что разрѣшившейся отъ бремени незаконнорожденнымъ младенцемъ. Съ помощью данныхъ свода точное исполненіе этой задачи представляется невозможнымъ, именно потому, что часть относящихся сюда

[1]) Мы говоримъ здѣсь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ противуположность исправительнымъ, т.-е. въ смыслѣ наиболѣе тяжкихъ наказаній.

преступленій соединена въ одну группу съ преступными дѣяніями совершенно другого свойства. Можно только догадываться, что громадное большинство преступленій, подходящихъ подъ 105 рубрику таблицы — „оставленіе въ опасности, неоказаніе помощи и сокрытіе трупа"—вызвано вышеупомянутою причиной; изъ 343 обвиняемыхъ здѣсь насчитывается только 21 мужчина, между тѣмъ какъ число обвиняемыхъ женщинъ почти вездѣ несравненно меньше числа обвиняемыхъ мужчинъ. Въ сокращенной таблицѣ преступленій, помѣщенной во главѣ второй части предисловія къ своду, 105 группа соединена въ одно цѣлое съ тремя другими (дѣтоубійство, покушеніе на дѣтоубійство и истребленіе плода). Отсюда проистекаетъ новое неудобство: читатель, знающій, что въ большинствѣ случаевъ дѣла о дѣтоубійствѣ оканчиваются благопріятно для подсудимыхъ, ожидаетъ найти противъ графы, относящейся къ этимъ дѣламъ, высокій процентъ оправданій, въ особенности для женщинъ—и усматриваетъ, не безъ удивленія, весьма небольшую цифру: $29^1/_4\%$, для женщинъ понижающуюся даже до $26^1/_2\%$ и значительно уступающую проценту оправданій по другимъ дѣламъ объ умышленномъ убійствѣ ($34^3/_4\%$). Само собою разумѣется, что это аномалія только кажущаяся —но группировка, отъ которой она зависитъ, едва ли можетъ быть названа удачной. На самомъ дѣлѣ изъ числа ста шести женщинъ, обвинявшихся въ дѣтоубійствѣ, оправдано 70, т.-е. 66%. Высокая цифра обвинительныхъ приговоровъ, оказывающаяся на лицо въ сводѣ, объясняется тѣмъ, что сокрытіе трупа мертворожденнаго незаконнаго младенца подсудно окружному суду безъ участія присяжныхъ, и что оправданіе по этимъ дѣламъ встрѣчается довольно рѣдко, какъ вслѣдствіе сравнительной незначительности наказанія, такъ и вслѣдствіе легкости обнаруженія преступленія. Изъ 283 женщинъ, обвинявшихся по 105 группѣ передъ коронныкъ судомъ, оправдано только 30, т.-е. съ небольшимъ $10^1/_2\%$. Не лучше ли было бы раздѣлить 105 группу, въ слѣдующихъ выпускахъ свода, на двѣ части, и въ общихъ выводахъ предисловія не смѣшивать ни той, ни другой съ дѣтоубійствомъ?

Помимо дѣтоубійства и истребленія плода, всѣхъ обвиняемыхъ въ умышленномъ и предумышленномъ убійствѣ было, въ 1879 г. 1862, въ томъ числѣ 1643 мужчинъ и 219 женщинъ. Въ общей массѣ обвиняемыхъ этой категоріи женщины составляютъ, такимъ образомъ, только $11^3/_4\%$; но отношеніе совершенно измѣняется, если остановиться на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видахъ убійства. Въ убійствѣ супруговъ и родственномъ, а также въ покушеніи на такое убійство, обвинялось 73 мужчины и 94 женщины; число послѣднихъ возрастаетъ здѣсь впятеро противъ обыкновенной про-

порціи и доходитъ до $56\frac{1}{3}\%$. Значеніе этой цифры, послѣ всего сказаннаго нами въ прежнихъ обозрѣніяхъ и въ статьѣ о разлученіи супруговъ, не требуетъ поясненій; повторяясь изъ года въ годъ, она становится все болѣе и болѣе краснорѣчивой. Есть еще категорія дѣлъ, по которой женщины привлекаются къ суду чаще чѣмъ мужчины: это отравленіе, въ которомъ обвинялись, въ 1879 г. (считая и случаи покушенія), 24 женщины и только 10 мужчинъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что побудительной причиной преступленія, для женщины, является и здѣсь тяжелая семейная жизнь. На эту мысль наводитъ, между прочимъ, чрезвычайно высокій процентъ оправданій; изъ 16 женщинъ, обвинявшихся въ покушеніи на отравленіе, оправдано 14 ($87\frac{1}{2}\%$). По обвиненію въ убійствѣ супруговъ и родственномъ и въ покушеніи на это преступленіе процентъ оправданій составляетъ для женщинъ $30\frac{3}{4}\%$, для мужчинъ—только $17\frac{3}{4}\%$.

При разборѣ свода 1878 г. мы сдѣлали нѣсколько общихъ выводовъ изъ цифръ, выражающихъ собою отношеніе оправданій къ обвиненіямъ, по главнымъ разрядамъ преступленій, въ сферѣ дѣйствій мирового суда. Данныя 1879 г., съ этой точки зрѣнія, вполнѣ аналогичны съ данными предшествовавшаго періода. Ниже нормы ($38\frac{1}{2}\%$) процентъ оправданій по прежнему падаетъ для дѣлъ о прошеніи милостыни ($26\frac{1}{2}\%$), для дѣлъ о присвоеніи находки и клада ($29\frac{1}{2}\%$), для дѣлъ о кражѣ ($37\frac{1}{2}\%$; послѣднія двѣ цифры — почти буквальное повтореніе соотвѣтствующихъ цифръ 1878 г.). Выше нормы процентъ оправданій по прежнему подымается для дѣлъ о мошенничествѣ ($52\frac{1}{2}\%$) и для дѣлъ о присвоеніи и растратѣ чужого имущества ($52\frac{1}{2}\%$). Та же аналогія замѣчается и между цифрами, относящимися къ различнымъ видамъ кражи и мошенничества. Въ 1878 г. всего больше оправдательныхъ приговоровъ было произнесено по дѣламъ о похищеніи лѣсныхъ матеріаловъ, о кражѣ безъ уменьшающихъ и увеличивающихъ вину обстоятельствъ и о покупкѣ завѣдомо краденаго; всего меньше—по дѣламъ объ укрывательствѣ кражи, соучастіи въ кражѣ, о покушеніи на кражу, о кражѣ съ увеличивающими вину обстоятельствами и о кражѣ съ уменьшающими вину обстоятельствами. Ту же самую картину представляетъ и сводъ 1879 г., за однимъ только исключеніемъ: по дѣламъ о похищеніи лѣсныхъ матеріаловъ въ 1878 г. процентъ оправданій былъ немного выше нормы ($40\frac{3}{4}\%$), въ 1879 г. онъ немного ниже ея (37%). Вотъ цифры обоихъ годовъ для остальныхъ группъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ названы выше, т.-е. начиная обыкновенной кражей и оканчивая кражей съ уменьшающими обстоятельствами (дроби процента мы, для краткости, откидываемъ): 42 и 45; 76 и 67; 3

и 30; 32 и 20; 24 и 24; 13 и 8; 5 и 3. Итакъ, общій характеръ отношенія остался тотъ же, обрисовавшись только еще болѣе рельефно, чѣмъ прежде. Чѣмъ шире просторъ въ выборѣ наказаній, тѣмъ меньше оправдательныхъ приговоровъ — и наоборотъ [1]). Къ тому же заключенію приводятъ цифры, касающіяся различныхъ видовъ мошенничества; всего меньше оправданій мы находимъ и здѣсь при наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину (7 и 32%), всего больше—въ дѣлахъ объ обыкновенномъ мошенничествѣ и о близко подходящихъ къ нему торговыхъ обманахъ (48 и 61).

Къ какому отдѣлу уголовностатистическихъ данныхъ мы бы ни обратились, насъ вездѣ поражаетъ ихъ сходство съ данными прежнихъ лѣтъ, иногда доходящее почти до тождества. Постоянствомъ результатовъ несомнѣнно подтверждается постоянство условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются преступленія. Возьмемъ, для примѣра, свѣденія о возрастѣ осужденныхъ (въ общихъ судебныхъ мѣстахъ). Какъ и въ 1877-мъ, какъ и въ 1878-мъ г., преступность растетъ и понижается, съ этой точки зрѣнія, совершенно правильно —растетъ до 25—30-ти-лѣтняго возраста, превышая, съ 18 до 50 лѣтъ, процентное отношеніе лицъ извѣстнаго возраста къ общей массѣ населенія, а до 18 и послѣ 50 лѣтъ уступая этому отношенію. До какой степени близки между собою даже отдѣльныя цифры, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ образцамъ: девятнадцатилѣтніе осужденные составляли въ 1877 г. 3,56% общаго числа осужденныхъ, въ 1878 г. — 3,30%, въ 1879 г. — 3,59%; осужденные въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ—17,29%, 18,50% и 17,96%; осужденные въ возрастѣ отъ 40 до 45 лѣтъ—9,06%, 9,15% и 9,16%; осужденные въ возрастѣ отъ 70 до 75 лѣтъ — 0,31%, 0,31% и 0,36%. То же сходство обнаруживается и въ данныхъ, выражающихъ собою вліяніе возраста на различные роды преступленій. Малолѣтніе (до 14 лѣтъ) по прежнему оказываются особенно расположенными къ совершенію поджоговъ; изъ ста осужденныхъ малолѣтнихъ, за поджогъ судилось въ 1878 г. 11,20%, въ 1879 г.—9,29%, между тѣмъ какъ для несовершеннолѣтнихъ (въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до 21 года) соотвѣтствующая цифра 1879 г. не превышаетъ 2,04%, для совершеннолѣтнихъ—1,71%. Для бóльшаго убѣжденія въ томъ, насколько здѣсь сильно вліяніе возраста, необходимо замѣтить, что при раздѣленіи несовершеннолѣтнихъ на двѣ группы—одну отъ 14 до 17, другую отъ 17 лѣтъ до 21 года—на долю первой придется 3,17% поджигателей, на долю второй—только 1,55%. Весьма любопытно то об-

[1]) Другое объясненіе слѣдуетъ искать только для группы дѣлъ о покупкѣ завѣдомо краденаго (см. Внутр. Обозр. № 10 В. Е. за 1888 г.).

стоятельство, что сравнительно много поджигателей встрѣчается и между стариками; между 60—70-ти-лѣтними осужденными, за поджогъ судилось 2,38%. Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что поджогъ — преимущественно орудіе въ рукахъ слабыхъ, неспособныхъ иначе проявить свое мщеніе, свою злобу. Для малолѣтнихъ, однако, это объясненіе едва ли можетъ быть признано достаточнымъ; цифра малолѣтнихъ поджигателей слишкомъ велика, чтобы можно было отнести ее къ одной только причинѣ. Ученіе о такъ-называемой пироманіи, въ особенности свойственной малолѣтнимъ, едва ли возникло безъ всякихъ основаній; наслажденіе, находимое иногда малолѣтними въ созерцаніи огня, не составляетъ, быть можетъ, спеціальной формы психическаго разстройства, но во всякомъ случаѣ требуетъ изученія какъ фактъ, непосредственно связанный съ вопросомъ о вмѣняемости. Болѣе чѣмъ вѣроятно, съ другой стороны, что значительная часть малолѣтнихъ поджигателей совершаетъ преступленіе подъ вліяніемъ той тяжелой обстановки, которая сплошь и рядомъ выпадаетъ у насъ на долю дѣтей, остающихся сиротами или слишкомъ рано отдаваемыхъ въ чужой домъ, для непосильной работы.

Другой фактъ, столь же печальный, сколько и знаменательный, это высокая цифра кражъ, совершаемыхъ малолѣтними и несовершеннолѣтними. Изъ ста осужденныхъ общими судебными мѣстами совершеннолѣтнихъ, за кражу судилось, въ 1879 г., около 45%, изъ ста осужденныхъ малолѣтнихъ—65%, изъ ста несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ—69¼%, изъ ста несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ [1]) отъ 17 лѣтъ до 21 года—61¼%. Не ясно ли, что усиленная преступность зависитъ здѣсь отъ безпомощнаго положенія, въ которомъ слишкомъ часто находятся дѣти и подростки? Главная цѣнность уголовной статистики заключается именно въ тѣхъ указаніяхъ, которыя могутъ быть почерпнуты изъ нея законодателемъ и обществомъ. Необходимость правильно-организованной заботы о дѣтяхъ—вотъ истинный смыслъ приведенныхъ нами цифровыхъ данныхъ. Распространеніе образованія—только одно изъ средствъ къ достиженію цѣли; не менѣе важно призрѣніе дѣтей, еще неспособныхъ къ работѣ, а затѣмъ доставленіе имъ работы, обставленной благопріятными во всѣхъ отношеніяхъ условіями. Если *право на трудъ*, съ легкой руки князя Бисмарка, перестало казаться исчадіемъ соціализма, страшилищемъ для собственниковъ, то прежде всего оно должно быть обезпечено именно за несовершеннолѣтними работниками, въ такой формѣ, которая ограждала

[1]) Совершенно аналогичныя цифры, только еще болѣе поразительныя (53, 60 и 62%) мы находимъ и между осужденными за кражу мировымъ судомъ.

ихъ, по возможности, отъ опасности и обязанности соблазна. О другой обязанности общества и государства—заботиться о призрѣніи престарѣлыхъ—напоминаютъ цифры, относящіяся къ бродяжеству; между осужденными въ возрастѣ свыше 70 лѣтъ, бродяги составляютъ 7½%, между тѣмъ, какъ общая процентная цифра осужденныхъ за бродяжество не превышаетъ 6%, упадая, для молодыхъ людей, до 3% и еще ниже.

Процентныя цифры осужденныхъ образованныхъ и грамотныхъ остаются въ 1879 г. почти такими же, какими онѣ были въ два предъидущіе періода. На сто осужденныхъ общими судами приходилось, въ 1879 г., неграмотныхъ—72,17%, грамотныхъ—25,84% (въ 1877 г.—27,09%, въ 1876 г.—26,11%), образованныхъ—1,99% (въ 1877 г.—2,06%, въ 1878 г.—1,96%). Неутѣшительными эти цифры представляются только съ перваго взгляда. Не говоря уже о томъ, что въ массѣ населенія число грамотныхъ растетъ съ каждымъ годомъ, а въ средѣ осужденныхъ клонится къ пониженію—весьма важно здѣсь распредѣленіе осужденныхъ между различными родами преступленій. Мы имѣли уже случай замѣтить, что грамотность, а тѣмъ болѣе образованіе, уменьшаетъ наклонность къ преступленіямъ, наиболѣе важнымъ и опаснымъ; то же самое обнаруживаютъ и статистическія данныя за 1879 г. Изъ ста осужденныхъ, получившихъ образованіе, въ разбоѣ и грабежѣ обвинялись въ этомъ году 2,59%, въ поджогѣ—0,37%, въ предумышленномъ и умышленномъ убійствѣ—1,11%, въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій—2,4%, въ кражѣ—23,52%; для грамотныхъ соотвѣтствующія цифры—5,47%, [illegible],31%, 2,08%, 5,03%, 42,72%, для неграмотныхъ—6,87%, 1,97%, [illegible],72%, 6,77% и 50,76%. Больше, сравнительно, грамотныхъ и образованныхъ людей по прежнему оказывается между осужденными за мошенничество (6,85%, образованныхъ 3,44% грамотныхъ 1,49% неграмотныхъ) и за подлогъ (4,63%, 2,45% и 0,54%); но это и не можетъ быть иначе, разъ—что совершеніе преступленія предполагаетъ извѣстную долю ловкости и своеобразнаго искусства. Между осужденными въ мировыхъ учрежденіяхъ меньше не только процентъ образованныхъ (0,79%), но и процентъ грамотныхъ (20,98%); обвиненные въ мошенничествѣ составляютъ здѣсь 3% между грамотными, 1,42%—между неграмотными.

Зависимость преступности отъ времени года не одинакова въ сферахъ вѣдомства общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій. Изъ числа осужденныхъ общими судебными мѣстами большинство совершили преступленія осенью и зимою, изъ числа осужденныхъ мировымъ судомъ—осенью и лѣтомъ. Въ особенности любопытно остановиться съ этой точки зрѣнія, на времени совершенія *кражи*. Въ

дѣлахъ, подсудныхъ общему суду, maximum кражъ упадаетъ на зиму; затѣмъ слѣдуетъ весна, потомъ осень, и наконецъ лѣто. Самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ оказывается здѣсь иногда январь, иногда февраль, самыми легкими—май, іюнь и августъ. Въ дѣлахъ, подсудныхъ мировому суду, maximum кражъ упадаетъ на лѣто, minimum — на зиму, т.-е. прямо наоборотъ въ сравненіи съ дѣлами, подсудными общимъ судамъ; самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ является іюль, потомъ августъ и сентябрь. Пріискать объясненіе этому факту довольно трудно; всего скорѣе можно предположить, что совершенію мелкихъ кражъ, подсудныхъ мировому суду, много способствуетъ слабость присмотра, лѣтомъ почти всегда менѣе бдительнаго, чѣмъ зимою, особенно въ деревняхъ.—Что касается до мѣста совершенія преступленій, то городская жизнь развиваетъ наклонность къ преступленію гораздо больше, чѣмъ сельская. Городское населеніе въ шести судебныхъ округахъ имперіи, обнимаемыхъ сводомъ, относится къ сельскому какъ 11 къ 89; между тѣмъ, изъ ста осужденныхъ, въ 1879 г., общими судами совершили преступленіе въ городѣ 27,07% (въ 1878 г.—27,67%). Еще поразительнѣе эта цифра по отношенію къ осужденнымъ мировыми судьями; она составляетъ здѣсь уже $44\frac{1}{2}$%, повышаясь для одесскаго округа до 47, для московскаго—до 58, для петербургскаго—до 70%!

Предварительное заключеніе подъ стражу въ 1879 г., какъ и прежде, примѣнялось въ слишкомъ большихъ размѣрахъ. Изъ числа осужденныхъ общими судами содержалось подъ стражей, до судебнаго рѣшенія, $42\frac{1}{2}$%; для двухъ пятыхъ изъ нихъ продолжительность ареста составляла отъ шести мѣсяцевъ до одного года, для одной десятой—отъ одного года до двухъ лѣтъ. Всего рѣже прибѣгали къ этой мѣрѣ, какъ и въ 1878 г., судебныя учрежденія харьковскаго округа, гдѣ процентъ заключенныхъ подъ стражу не превышалъ $30\frac{1}{2}$% (въ 1878 г.—$36\frac{1}{2}$%); всего чаще обращались къ ней судебныя учрежденія с.-петербургскаго округа ($52\frac{3}{4}$%) и московскаго ($49\frac{1}{2}$%). Еще менѣе утѣшительны цифры содержавшихся подъ стражей, до судебнаго рѣшенія, по постановленіямъ мировыхъ учрежденій; эта мѣра была принята противъ 53% общаго числа осужденныхъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ предварительное заключеніе продолжалось не болѣе семи дней, но для 8 проц. оно продолжалось отъ одного до трехъ, для $1\frac{1}{2}$ проц. отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; были отдѣльные случаи заключенія, продолжавшагося цѣлый годъ и даже больше. Наибольшею строгостью съ этой точки зрѣнія, отличаются мировыя учрежденія округовъ с.-петербургскаго и одесскаго (63 и $60\frac{1}{2}$%), наименьшею—мировыя учрежденія округовъ саратовскаго и харьковскаго (43 и 42%). В

требованію поручительства и залога мировыя учрежденія прибѣгають крайне рѣдко; вмѣстѣ взятыя, эти двѣ мѣры были приняты ими лишь по отношенію къ 0,65% общаго числа осужденныхъ (въ общихъ судебныхъ мѣстахъ тѣ же мѣры были приняты по отношенію къ 10¾ проц. осужденныхъ). Не мѣшало бы, какъ намъ кажется, обратить на это обстоятельство вниманіе мировыхъ судей. Представленіе залога возможно въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ, но отдачѣ на поруки непремѣнно слѣдовало бы дать на практикѣ болѣе широкое примѣненіе. До сихъ поръ уголовно-статистическій сводъ сообщаетъ свѣденія только о числѣ *осужденныхъ*, подвергшихся предварительному заключенію; весьма интересно было бы знать, какъ часто эта мѣра примѣнялась къ подсудимымъ, впослѣдствіи оправданнымъ по суду.

Законъ 3-го мая 1883 года, улучшившій положеніе раскольниковъ, необходимо долженъ былъ повлечь за собою пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій, входившихъ, до сихъ поръ, въ составъ свода законовъ. Эта работа теперь исполнена и получила окончательную санкцію. Нельзя не пожалѣть, что она была заключена въ слишкомъ тѣсные предѣлы, что главною ея задачей было внѣшнее формальное согласованіе старыхъ правилъ съ новыми началами, положенными въ основаніе реформы. Ст. 206-ая уложенія о наказаніяхъ, предусматривавшая, между прочимъ, построеніе новыхъ и починку старыхъ зданій для службы и моленія по раскольническимъ обрядамъ, а также обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя молельни, была порожденіемъ того взгляда, въ силу котораго раскольники не должны были имѣть никакихъ помѣщеній для общественной молитвы. Отсюда вытекало, совершенно логически, и строгое наказаніе для нарушителей закона (заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ), и сломка всего устроеннаго, съ продажей матеріаловъ въ пользу общественнаго призрѣнія. Теперь обстоятельства перемѣнились; за раскольническими молитвенными собраніями и раскольническими молельнями признано право на существованіе, обставленное только болѣе или менѣе стѣснительными условіями. Несоблюденіе этихъ условій нисходитъ, очевидно, на степень полицейскаго правонарушенія, наказуемаго, на общемъ основаніи, небольшимъ денежнымъ штрафомъ или непродолжительнымъ арестомъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Новая редакція ст. 206-ой, сохраняя прежнее наказаніе за устройство раскольническихъ скитовъ или „иныхъ этого рода обиталищъ“ (закономъ 3-го мая неразрѣшенное), угрожаетъ тюремнымъ заключе-

ніемъ на срокъ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ: 1) за исправленіе или возобновленіе раскольнической молельни безъ разрѣшенія губернатора; 2) за перестройку раскольническаго молитвеннаго зданія, измѣняющую общій наружный его видъ, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; и 3) за построеніе новаго раскольническаго молитвеннаго зданія или обращеніе въ молельню существующаго строенія, безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. „Построенное новое молитвенное зданіе,—говорится дальше въ текстѣ пересмотрѣнной статьи, — а также все устроенное безъ надлежащаго разрѣшенія или несогласно съ онымъ, подвергается сломкѣ или исправленію на счетъ виновныхъ". Итакъ, простое отсутствіе разрѣшенія, которое, быть можетъ, и было бы дано, обращаетъ дѣяніе въ уголовный проступокъ, наказуемый почти столь же строго, какъ и до закона 3-го мая, и влекущій за собою, сверхъ того, матеріальный ущербъ, иногда весьма значительный. Для насъ было бы, до извѣстной степени, понятно, если бы уголовнымъ проступкомъ (во всякомъ случаѣ не столь тяжко наказуемымъ) была признана постройка новой молельни вопреки отказу министра, или даже, пожалуй, такая самовольная перестройка существующей молельни, которая приблизила бы ее, въ противность намѣренію законодателя, къ типу православнаго храма; но какимъ образомъ согласить съ духомъ новаго закона уголовную кару за исправленіе ветхаго зданія, за пристройку къ молельнѣ флигеля или крыльца, отнюдь не дѣлающихъ ее похожей на церковь—это остается для насъ вопросомъ неразрѣшимымъ. Справедливо ли, далѣе, назначать зданіе къ сломкѣ только потому, что оно возведено безъ надлежащаго разрѣшенія? Одно изъ двухъ: или раскольническія молельни вовсе не должны существовать—въ такомъ случаѣ всего послѣдовательнѣе отмѣнить законъ 3-го мая; или онѣ не представляютъ ничего опаснаго и вреднаго—въ такомъ случаѣ никого нельзя сажать въ тюрьму за ихъ устройство или переустройство. Намъ могутъ возразить, что новая редакція ст. 206-ой—простая кодификаціонная работа, при исполненіи которой, по необходимости, приходилось придерживаться стараго образца; но для устраненія этого возраженія достаточно припомнить, что въ старой ст. 206 установлялось одно только наказаніе, а новая назначаетъ ихъ два, смотря по мѣрѣ вины, отмѣняя притомъ продажу матеріаловъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. Такія перемѣны несомнѣнно выходятъ за границы кодификаціи; разъ что онѣ признаны возможными, ничто не мѣшало пойти еще дальше и установить полную внутреннюю гармонію между закономъ 3-го мая и уголовнымъ кодексомъ. Еще лучше, конечно, было бы положить конецъ той нерѣшительности, слѣды

которой видны въ каждой почти строчкѣ закона 3-го мая, и регулировать положеніе раскольническихъ моленныхъ опредѣленными правилами, по возможности гуманными и широкими, а не административными постановленіями.

Существенную перемѣну къ лучшему новыя правила, обнародованныя 1-го мая, вносятъ въ ст. 205 уложенія, исключая изъ числа предусмотрѣнныхъ ею проступковъ пріобрѣтеніе раскольническихъ книгъ для употребленія въ божественной службѣ; другими словами, такое пріобрѣтеніе перестаетъ быть дѣйствіемъ, запрещеннымъ подъ страхомъ наказанія. Ничуть не болѣе преступными представляются и другія дѣйствія, перечисленныя въ ст. 205: изданіе старопечатныхъ книгъ не въ московской синодальной или единовѣрческой типографіи и продажа или распространіе какимъ-либо образомъ книгъ этого рода. А между тѣмъ за такія *преступленія* законъ продолжаетъ угрожать высокимъ денежнымъ штрафомъ, и при повтореніи ихъ въ третій разъ—даже тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до четырехъ мѣсяцевъ.

ЗАДАЧИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.

По вопросу объ арендной реформѣ.

I.

Знаменательная эпоха, нами переживаемая въ настоящее время, полна глубокаго и животрепещущаго интереса, и будущій историкъ найдетъ въ ней и поучительный выводъ изъ всей предъидущей исторіи Россіи, и ключъ къ объясненію дальнѣйшихъ судебъ нашего отечества, хотя еще и сокрытыхъ въ туманѣ грядущаго, но несомнѣнно отсюда,—отъ нашихъ дней, отъ нашихъ думъ, дѣяній и стремленій, онѣ имѣютъ получить свое направленіе и содержаніе. Быть можетъ, никогда Россія не переживала эпохи такой важности. Не говоря уже о первостепенномъ значеніи и рѣшительномъ для будущаго—современной политической исторіи Россіи (внутренней и внѣшней), мы можемъ указать на развитіе русской экономической жизни въ настоящее время, какъ на историческій моментъ, который своимъ направленіемъ и исходомъ предрѣшитъ судьбы русской исторіи на многіе вѣка.

Суждено-ли намъ повторить и блестящую, и печальную страницу экономической исторіи болѣе передовыхъ странъ Европы, пройти черезъ тѣ же испытанія и опасности? Или, быть можетъ, мы съумѣемъ избѣгнуть этихъ опасныхъ и тревожныхъ перспективъ и, умудренные опытомъ Европы, опираясь на счастливо сохранившіеся и выработавшіяся особенности нашего экономическаго быта, мы разлучимъ экономическій прогрессъ отъ соціальнаго разложенія? Или же, наконецъ, ничему не научившіеся и все позабывшіе, мы—перенявъ съ Запада одно печальное и опасное и допустивъ и у насъ возникнуть пауперизму и пролетаріату,—окажемся не въ силахъ состязаться съ передовыми націями на почвѣ прогресса и повторимъ лишь скорбную, но не блестящую сторону западно-европейской матерьяльной культуры? Мы стоимъ ногой на перепутьѣ... Повидимому, еще отъ насъ зависитъ избрать путь и рѣшить направленіе нашей экономической исторіи. Намъ необходимо ясное сознаніе и пониманіе тѣхъ элементовъ, коими нынѣ строится нашъ экономическій бытъ. Намъ надо строго различать въ каждомъ экономическомъ явленіи, въ каждой финансовой мѣрѣ, ихъ значеніе для центральнаго, верховнаго вопроса нашей эпохи. Капитализмъ съ

одной стороны есть, конечно, развитіе внѣшней матеріальной культуры, но съ другой стороны представляется опасность обращенія массы въ пролетаріевъ. Это послѣднее, впрочемъ, возможно и безъ развитія капитализма, хотя въ будущемъ и онъ расчиститъ ему поле. Чтó именно поддерживаетъ и развиваетъ народное хозяйство и чтó его разоряетъ? Вотъ вопросъ, который должны прежде всего разрѣшить изслѣдователи русскаго экономическаго быта, и который дѣйствительно не со вчерашняго дня поставленъ и посильно разработанъ русскою литературою.

Нельзя сказать, чтобы на жгучіе вопросы эти были даны окончательные отвѣты; да такихъ окончательныхъ отвѣтовъ дать и не возможно потому, что исторія не останавливается и формы жизни и быта смѣняются и измѣняются, не ожидая, покуда окончено будетъ ихъ изслѣдованіе. Однако возможно уловить направленіе этихъ смѣнъ и перемѣнъ, обобщить мелкія и единичныя явленія и найти ихъ историческій смыслъ. Должно сказать, что и въ этомъ отношеніи разработка вопросовъ нашего экономическаго быта не доведена до полнаго ихъ разъясненія. Мы знаемъ только фактъ, что состоятельность народныхъ хозяйствъ поколеблена, и что чѣмъ дальше, тѣмъ она сильнѣе подрывается; мы знаемъ, что причиною того служитъ не одно обремененіе платежами и налогами, а также и безпорядочная и разорительная краткосрочная аренда частной земли, наконецъ неурядицы и нестроенія деревенскаго быта, и т. д. Послѣднее уже выходитъ изъ сферы чисто-экономическихъ явленій и, благодаря связи съ разными трудными вопросами, осталось доселѣ менѣе всего разслѣдованнымъ. Такъ или иначе, однако, но причины народнаго обѣднѣнія мы знаемъ. Знаемъ и то, что въ прямой связи съ этимъ стоитъ и шатаніе еще недавно крѣпкихъ основъ нашей деревенской общины. Знаемъ также, что если дѣло такъ будетъ продолжаться и впредь, то двусторонній процессъ этотъ (паденіе крестьянскихъ хозяйствъ и шатаніе общины) отниметъ у насъ всякую надежду миновать то соціальное разложеніе, которое возбуждаетъ столько тревогъ и опасностей въ странахъ, опередившихъ насъ по пути экомическаго развитія. Все это—можно утверждать съ полнымъ правомъ—мы уже знаемъ достовѣрно какъ прямой результатъ разносторонней дѣловой и литературной разработки народнаго вопроса. Но изслѣдователи еще не пришли къ заключенію, ведетъ-ли это соціальное разложеніе къ капитализму въ западно-европейскомъ смыслѣ, или-же только къ кулачеству, ирландскому коттерству и пр. Еще менѣе того разработана программа тѣхъ мѣръ и той экономической и финансовой политики, которыя способны бы были свести наше экономическое развитіе съ опаснаго пути, не состав-

ляющаго уже ни для кого тайны, и направить это развитіе прямо мимо такихъ порядковъ. Безъ малаго десять лѣтъ тому назадъ, когда изученіе неурядицъ нашего экономическаго быта еще только начиналось, первыми его изслѣдователями, княземъ А. И. Васильчиковымъ и проф. Янсономъ, были формулированы нѣкоторыя мѣропріятія. Къ нимъ примкнули нѣкоторыя земства; другіе земскіе дѣятели возстали и выдвинули свой проектъ введенія интенсивнаго хозяйства. Взаимная критика этихъ программъ (съ одной стороны, кн. Васильчиковъ и пр. Янсонъ, съ другой—гг. Самаринъ и Шараповъ) обнаружила много недостатковъ и ошибокъ, но затѣмъ все-таки выходитъ до сихъ поръ, какъ будто все разнообразіе мнѣній и направленій сводится къ этимъ двумъ программамъ (если не считать программъ, уже откровенно кулацкихъ). Но первая изъ нихъ не есть выводъ изъ всего матерьяла, добытаго изслѣдованіемъ, а какъ бы предпослана изслѣдованію, наскоро выведенная въ 1875—76 гг. изъ первыхъ данныхъ, а потому безъ новой провѣрки едва-ли можетъ почитаться соотвѣтствующею современному положенію нашихъ свѣденій. Вторая же столь явно страдаетъ незнаніемъ и столь прозрачно прикрываетъ собою нѣчто, совсѣмъ не вяжущееся съ программою развитія сельскихъ хозяйствъ и крестьянской общины, что всецѣло лежитъ за предѣломъ всякаго народно-экономическаго идеала. Между тѣмъ, исторія не ждетъ и приноситъ все болѣе яркіе и богатые плоды опасныхъ условій, въ которыя поставлено народное хозяйство. Разработка программы становится съ одной стороны возможною, благодаря большему и большему знанію нашего народнаго быта, а съ другой—настоятельно необходимою, вслѣдствіе того, что вопросъ о борьбѣ съ народнымъ обѣднѣніемъ назрѣваетъ и въ земствѣ, и въ печати, и въ сферахъ правительственныхъ. Сознаніе, что откладывать эту борьбу опасно—распространяется все съ большею силою; но какъ же бороться? Гдѣ тѣ средства, коими мы могли бы остановить народное обѣднѣніе, спасти общину отъ разложенія и направить развитіе народнаго быта на путь гармоническаго прогресса не только въ культурно-экономическомъ, но и общественно-экономическомъ смыслѣ?

Намъ могутъ возразить, что формулировать програмку по многимъ причинамъ не совсѣмъ удобно, и что въ этомъ причина недостаточной разработки этой стороны народнаго вопроса. Затруднительно изслѣдовать причины нашихъ экономическихъ неурядицъ; но, оставаясь на почвѣ фактовъ и даже при этомъ по возможности разжижая краски, изслѣдованіе постепенно завоевало себѣ право гражданства въ литературѣ и въ земствѣ. Еще затруднительнѣе формулировка естественныхъ и необходимыхъ послѣдствій фактовъ, добываемыхъ изслѣдова-

ніемъ; но и тутъ писатель все же имѣетъ нѣкоторый просторъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока остается въ предѣлахъ болѣе или менѣе общихъ соображеній. Затрудненія возрастаютъ непропорціонально быстро, лишь только мы переходимъ къ третьей существенной сторонѣ изслѣдованія, къ вопросу о программѣ цѣлесообразно и послѣдовательно выработанныхъ мѣръ и средствъ для разрѣшенія задачи—охранить Россію отъ возможныхъ золъ и сохранить за нею шансы на правильное развитіе народно-экономической культуры.

Но тѣмъ не менѣе спасти народное хозяйство отъ обѣднѣнія — вотъ первая и насущная задача нашего времени. Что дальше дѣлать, — можно отложить нѣсколько разрѣшеніе такого вопроса до другого времени; но, не остановивъ народнаго обѣднѣнія, придется отказаться отъ всякихъ надеждъ и признать ихъ прекрасными иллюзіями недалекаго прошедшаго. Крѣпостное состояніе, расширившееся въ концѣ XVIII в. и окрѣпшее въ теченіе первой половины XIX в., сильно расшатало основы нашего народнаго быта. Эта недавняя старина не однажды и прежде, и послѣ, снова и снова обращала на себя вниманіе литературы и общества, и само правительство давно выразило желаніе что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи. Отсюда появилась убѣжденность (все болѣе и болѣе распространяющаяся) въ необходимости придти на помощь народному хозяйству и не поощрять далѣе народнаго обѣднѣнія,—и эта-то убѣжденность выдвинула наконецъ вопросъ о программѣ. Продолжая внимательно наблюдать за теченіемъ народной жизни, неустанно собирать и обрабатывать факты нашего экономическаго быта, объяснять ихъ и указывать ихъ причинную связь, мы убѣдились въ необходимости обратить вниманіе на самую программу борьбы со зломъ.

Прежде всего необходимо намѣтить мѣропріятія съ цѣлью сохраненія и развитія общины. Но задача эта вполнѣ зависитъ отъ другой задачи: избавить народное хозяйство отъ условій, неизбѣжно приводящихъ къ обѣднѣнію. Бѣднѣющая община будетъ поневолѣ разлагаться и уничтожаться. Вотъ почему мы нынѣ остановимся на одной сторонѣ этой задачи, именно на вопросѣ, у насъ забытомъ, но который стоитъ на первомъ планѣ во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ нынѣ обсуждается и рѣшается аграрный вопросъ (Ирландія, Англія, Италія). Изъ странъ, поставившихъ на очередь этотъ вопросъ, только въ Америкѣ и Россіи доселѣ вовсе не касаются реформы арендныго права. Въ Америкѣ это происходитъ отчасти вслѣдствіе весьма малой распространенности арендныхъ отношеній, а въ Россіи съ одной стороны вслѣдствіе вообще недостаточнаго обсужденія программы, а съ другой стороны по причинѣ громадныхъ,

повидимому, запасовъ казенныхъ земель, которыми надѣются при разселеніи вполнѣ обезпечить населеніе землею.

Изъ фактовъ, уже извѣстныхъ, видно, что 1) въ русскомъ земледѣльческомъ производствѣ господствуетъ форма крестьянскаго производства, т.-е. та форма, въ которой трудъ и капиталъ не обособились, работникъ еще остался хозяиномъ, а хозяинъ самъ воздѣлываетъ свою ниву; девять-десятыхъ русскаго земледѣльческаго производства принадлежитъ къ типу народной формы; свыше 100 милліоновъ десятинъ воздѣлывается 8 милліонами крестьянскихъ хозяйствъ; свыше 28 милліоновъ рабочихъ рукъ занято на этомъ хозяйствѣ; свыше 65 милліоновъ человѣкъ имъ содержится; почти цѣликомъ государственный бюджетъ черпаетъ свои рессурсы отъ выручки этого хозяйства. Таково громадное значеніе его въ общей экономіи нашей страны. 2) Другая форма земледѣльческаго производства, хозяйство капиталистическое весьма мало привилось у насъ въ значительной части страны; вся нечерноземная полоса и восточная половина черноземной почти незнакомы съ этою формою; вся внутренняя черноземная знаетъ ее лишь въ видѣ исключенія или опыта; лишь на окраинахъ она достигаетъ нѣкотораго развитія, въ общемъ, однако, еле составляя 1/10 всего производства. 3) Имѣя ничтожное настоящее, капиталистическое хозяйство не имѣетъ въ ближайшемъ будущемъ сколько-нибудь вѣроятныхъ шансовъ на развитіе; для его развитія необходимы капиталы, коихъ нѣтъ и не предвидится; нужны опытные и умѣлые хозяева-руководители, коихъ нѣтъ и не предвидится; нужны постоянные и готовые работники - батраки, которые еще только нарождаются и которыхъ нѣтъ покуда въ достаточномъ числѣ; словомъ, нѣтъ покуда никакихъ условій для развитія этой формы, хотя эти условія постепенно и создаются. 4) Земледѣльческое производство такимъ образомъ нетолько въ настоящее время сосредоточено въ рукахъ крестьянскаго хозяйства, но и въ своемъ развитіи и упадкѣ, прогрессѣ или регрессѣ въ ближайшемъ будущемъ вполнѣ зависитъ отъ судебъ этого хозяйства. 5) Но судьбы крестьянскаго производства у насъ далеко не рисуются радужными цвѣтами. Различныя причины вынуждаютъ крестьянское хозяйство выходить на путь арендованія частныхъ земель, краткосрочнаго и необезпеченнаго. Эта система, и безъ того тяжелая и опасная, легко обращается въ кабалу и ведетъ крестьянское хозяйство къ обѣднѣнію. А между тѣмъ, нынѣ въ Россіи свыше 20 милл. дес. воздѣлывается по этой системѣ, невыгодной для почвы и страны.

Изъ этого слѣдуетъ, что нетолько съ соціально-экономической точки зрѣнія, но и съ чисто культурно-экономической точки зрѣнія, охраненіе, поддержаніе и развитіе крестьянскаго хозяйства пред-

ставляется государственною и общественною необходимостью. Причины само собою вызываютъ всегда и представленіе о мѣропріятіяхъ, при посредствѣ которыхъ можно поправить крестьянское хозяйство. Между ними, по нашему мнѣнію, весьма важное мѣсто занимаетъ, именно, арендный вопросъ.

II.

Обремененіе народнаго хозяйства платежами, не соотвѣтствующими его доходности, представляется явленіемъ, прежде всего бросающимся въ глаза. Никто изъ занимавшихся вопросами народнаго быта нашего не отрицалъ и не отрицаетъ этого обремененія. Всѣ единодушно признаютъ непосильное обремененіе народнаго хозяйства возложенными на него платежами. Такъ г. Д. В., напечатавшій въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статью о „Современной постановкѣ крестьянскаго дѣла", замѣчаетъ: „Причины недоимокъ мы можемъ раздѣлить на два рода. Однѣ коренятся въ условіяхъ выкупа; т.-е., для иныхъ мѣстностей, вслѣдствіе ихъ недостаточной экономической состоятельности, выкупные платежи слишкомъ высоки; другія причины временныя (неурожай)". Такимъ образомъ, признается, что для части Россіи даже одни выкупные платежи, безъ другихъ окладовъ, слишкомъ высоки. Другой публицистъ того же журнала, г. П. Б., говоритъ уже спеціально о черноземной полосѣ (гдѣ, какъ извѣстно, платежи относительно доходности находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ): „Въ первые годы (послѣ реформы) ясно опредѣлились всѣ сборы и оклады, ложившіеся на небольшой крестьянскій надѣлъ, и если перевести всѣ эти сборы и оклады на деньги, то въ общемъ итогѣ окажется, что съ большимъ трудомъ можно выручить эту сумму (а чѣмъ содержать хозяйство и семью?), даже при правильномъ и удачномъ пользованіи какъ полевою, такъ и усадебною землею, доставшеюся въ надѣлъ крестьянамъ. Скоро эти итоги показали имъ, что не совсѣмъ заманчиво пользоваться этими надѣлами, но они не унывали". Тому назадъ девять лѣтъ покойный кн. А. И. Васильчиковъ спрашивалъ: какія еще нужно подыскивать причины упадка и разстройства народнаго хозяйства, когда констатирована такая общераспространенная причина, какъ непосильные платежи?

Естественно, если обремененіе народной земли платежами представляется столь несомнѣннымъ фактомъ, всѣми единодушно признаннымъ, то и устраненіе этого условія, чрезъ пониженіе платежей, невольно представляется первою и неизбѣжною мѣрою въ по-

правленіи народнаго хозяйства. Такъ посмотрѣли на этотъ вопросъ тому назадъ лѣтъ десять-двѣнадцать всѣ земства, спрошенныя податною коммиссіею. Къ тому же заключенію пришли и ученые изслѣдователи, какъ профессоръ Янсонъ и кн. Васильчиковъ, которые оба указали на пониженіе платежей, какъ на одну изъ существенныхъ сторонъ нашей экономической програмы. Наконецъ, само правительство примкнуло къ этому воззрѣнію и рѣшилось облегчить бремя народнаго хозяйства тремя мѣрами, въ совокупности составляющими очень крупное пожертвованіе со стороны государства, а именно: 1) отмѣна соляного налога (12 милліоновъ рублей); 2) пониженіе выкупныхъ платежей на сумму 15 милліоновъ ежегодно, и 3) отмѣна подушной подати. Вся сумма пожертвованія, принесеннаго государствомъ, достигаетъ 80 милліоновъ рублей ежегодно, или около 1/7 всего бюджета. Едва ли можно ожидать большаго въ этомъ направленіи. Интересно, однако, уяснить себѣ, насколько всѣ эти мѣры могутъ возстановить бюджетъ народнаго хозяйства. Извѣстно, за всѣми этими пониженіями дефицитъ народнаго хозяйства на надѣлахъ все еще достигаетъ 23½ милліоновъ рублей по 27 лишь губерніямъ. Но, оставляя даже въ сторонѣ эти разсчеты, совершенно ясно, что пониженіе платежей, для казны очень чувствительное, распредѣленное, однако, на всю массу населенія, оказывается незначительнымъ. Отмѣна подушной подати слагаетъ вчетверо больше оклада, однако, и объ ней г. Головинъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" замѣчаетъ: „Ясно, что тѣмъ, которымъ не подъ силу уплата лежащихъ на нихъ по раскладкѣ повинностей, отмѣна подушной подати сама по себѣ не поможетъ, или поможетъ очень мало".

Все это сдѣлалось теперь очевиднымъ, съ перваго взгляда, при болѣе полномъ знакомствѣ съ крестьянскимъ бытомъ; но не въ этомъ узелъ вопроса. Казна теряетъ 80—90 милліоновъ ежегоднаго дохода. Кто же заплатитъ этотъ недочетъ? Гдѣ у насъ платежныя силы внѣ народнаго хозяйства и народнаго труда? Земледѣліе у насъ—все, ибо оно одно существуетъ безъ покровительства. Промышленность мы поддерживаемъ, даже жертвуя интересами фиска (послѣдній примѣръ—кавказскій транзитъ); не она у насъ серьезная платежная сила. Значитъ, и эти 80—90 милліоновъ почти цѣликомъ заплатитъ земледѣліе. Стало быть, снятые съ народнаго хозяйства платежи будутъ возложены на него же только въ другой формѣ, быть можетъ, болѣе справедливой и равномѣрной, но не болѣе. Это станетъ совершенно ясно, коль скоро сообразить, что бюджетъ государственный не сокращается, что съ отмѣною однихъ платежей должны ихъ замѣнить другіе доходы, но внести эти доходы больше некому, какъ тому же народному земледѣлію, какъ единственному въ странѣ, все еще

держащемуся и крѣпнущемуся промыслу. Другой платежной силы, сколько-нибудь достаточной, у насъ покуда на лицо не имѣется и не предвидится. Платежи, значитъ, по существу не сложатся, а переложатся, не понизятся, а распространятся равномѣрнѣе. Что это благо и что этому слѣдуетъ только радоваться—нѣтъ сомнѣнія; но чтобы въ общемъ итогѣ бремя народныхъ платежей уменьшилось сколько-нибудь чувствительно—надежда неосновательная.

Наконецъ, еслибы уменьшеніе этого бремени и осуществилось отчасти, то кто выигралъ бы отъ этого? Вотъ, что говорилъ по этому поводу „Русскій Вѣстникъ": „Намъ остается разсмотрѣть, какое употребленіе остатковъ выкупной операціи производительнѣе: содѣйствіе переселенію, или уменьшеніе повинностей? *Мы признаемъ за неподлежащій сомнѣнію фактъ, что пониженіе повинностей въ мѣстностяхъ съ ненормальною рентою помѣщичьихъ земель поведетъ лишь къ тому, что наемная цѣна некрестьянскихъ земель настолько же возраститъ*". Въ „мѣстностяхъ съ ненормальною высотой ренты", это значитъ, что повсемѣстно въ Россіи, кромѣ многоземельныхъ окраинъ, конкурренція уже довела заработокъ рабочаго населенія до уровня минимальныхъ потребностей, распредѣляя всю остальную выручку между другими дольщиками. Въ дѣлѣ воздѣлыванія земли такими дольщиками является казна, взимающая платежи за землю, и землевладѣльцы, взимающіе за арендованную. Если, по условію мѣста и времени, конкурренція довела выручку работника до уровня наименьшихъ потребностей, а съ другой стороны, если земледѣлецъ *не можетъ обойтись* безъ арендованной земли, то совершенно ясно, что, при условіи не обезпеченнаго аренднаго права, на началахъ свободной конкурренціи, крестьянинъ заплатитъ землевладѣльцу всю выручку своего хозяйства, за вычетомъ платежа въ казну и своей заработной платы указаннаго уровня. Ясно далѣе, что съ пониженіемъ платежа въ казну поднимется не заработная плата, которая конкурренціей держится на уровнѣ потребностей, а арендная плата, которая конкурренціей гонится къ верху и сдерживается въ этомъ ростѣ только тѣмъ же уровнемъ потребностей. Публицистъ „Русскаго Вѣстника" въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе мѣтко охарактеризовалъ значеніе всѣхъ этихъ пониженій платежей и повинностей. Всѣ они переложатся въ доходы землевладѣльцевъ. Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ, говоря о цѣнности земель въ черноземной полосѣ, соглашается, „что цѣнность земель вздута, и что въ цѣну земли входитъ отчасти выручка отъ эксплуатаціи крестьянъ". При такомъ положеніи вещей совершенно ясно, куда потекутъ слагаемые правительствомъ милліоны (если только они сложатся). Цѣнность земли еще болѣе вздуется

и рента повысится. Выше мы указали причины этого явленія: аренда земли, вслѣдствіе маломѣрности надѣловъ, представляется экономическою необходимостью, а въ такомъ случаѣ, при арендѣ по системѣ свободной конкурренціи, рента возвышается до поглощенія всей выручки хозяйства, за вычетомъ лишь заработной платы и налоговъ. Очевидно, пониженіе налоговъ можетъ только тогда оказаться дѣйствительнымъ облегченіемъ народнаго бремени, если аренда земли перестанетъ быть экономическою необходимостью, или же изъ сферы арендныхъ отношеній будетъ устранена свободная конкурренція. То-есть, или расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, или обезпеченіе крестьянской аренды, реформа арендгаго права—вотъ два условія, при которыхъ пониженіе правительствомъ платежей можетъ оказать свою долю пользы, но, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не очень значительную пользу. Это соображеніе еще ярче освѣщаетъ значеніе арендгаго вопроса. Уменьшеніе платежей, возложенныхъ на народное хозяйство, не представляется мѣрою существенною въ дѣлѣ поправленія этого хозяйства, хотя обремененіе платежами и является причиною весьма существенною въ дѣлѣ экономическаго разстройства. Происходитъ это кажущееся противорѣчіе отъ того, что самое сложеніе платежей есть облегченіе почти фиктивное, такъ какъ сложенные доходы казнѣ придется взять съ того же народнаго хозяйства, въ другой формѣ, подъ другими наименованіями, быть можетъ, разложенные равномѣрнѣе; при громадности дефицитовъ крестьянскихъ хозяйствъ (на надѣлахъ) выполненное и проектированное пониженіе не можетъ значительно облегчить эти хозяйства, если даже это сложеніе налоговъ и не было лишь переверсткою ихъ между общинами, и во всякомъ случаѣ, если даже часть (по необходимости небольшая) сложенныхъ налоговъ будетъ переложена на иныя сословія и производства, а съ другой стороны, болѣе равномѣрное разверстаніе между общинами облегчитъ бремя наиболѣе угнетенныхъ общинъ, то это облегченіе, какъ справедливо указываетъ „Русскій Вѣстникъ", послужитъ всецѣло къ повышенію ренты владѣльческихъ земель, соразмѣрно пониженію повинностей.

Казна получитъ меньше, состоятельныя нынѣ общины заплатятъ даже больше, землевладѣльцы получатъ всю эту разницу въ свою пользу, а малосостоятельныя общины ничего не выиграютъ. Таково несомнѣнное значеніе всѣхъ мѣропріятій, стремящихся возстановить народный бюджетъ однимъ пониженіемъ платежей. Народное хозяйство, при такихъ условіяхъ, является тою бочкою Данаидъ, въ которую казна, земства и филантропы могутъ лить щедрою рукою платежныя благодѣянія, но для того лишь, чтобы всѣ они, черезъ это

хозяйство, фильтрировались и процѣживались частнымъ лицамъ въ формѣ ренты.

Итакъ, или расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, или обезпеченіе аренды—такова дилемма стоящаго передъ нами рѣшенія. Расширеніе землевладѣнія можетъ быть достигаемо, при наличныхъ условіяхъ, двумя путями: 1) на счетъ пріобрѣтенія частныхъ земель крестьянами, и 2) на счетъ отвода подъ крестьянское хозяйство площадей изъ казеннаго владѣнія, которое сосредоточено преимущественно въ малонаселенныхъ сѣверныхъ, восточныхъ и юговосточныхъ областяхъ. Сообразно этой двойственности рѣшенія обсуждаются и отчасти уже осуществляются два ряда мѣръ: организуется правительствомъ и земствами кредитъ для пріобрѣтенія продающихся частныхъ земель крестьянами и подвигается разработка (хотя и очень медленно подвигается) переселенческаго вопроса. Если мы признаемъ, что для крестьянъ черноземной полосы необходимо до 5-ти десятинъ на ревизскую душу, а въ не черноземныхъ, не болѣе 6 (въ виду увеличенныхъ потребностей въ сѣнокосѣ, пастбищѣ и лѣсѣ) [1]), то окажется, что необходимо прирѣзать къ нынѣшнему крестьянскому надѣлу около 40 милліоновъ десятинъ. Что эти разсчеты весьма близки къ дѣйствительной потребности—видно изъ того, что крестьянскія хозяйства арендуютъ *подъ посѣвы* свыше 20 милл. дес. частной земли. Прибавьте паровое поле, сѣнокосъ, лѣсъ, неудобныя земли, и вы съ трудомъ удовлетворите эту потребность и 40 милліонами десятинъ. Для пріобрѣтенія такого количества земли покупкою потребовалось бы болѣе милліарда рублей. Ясно, какъ еще слаба та помощь, которую можетъ дать организуемый нынѣ кредитъ въ 5 милліоновъ ежегодно! Ясно, съ другой стороны, что ожидать такого милліарднаго кредита со стороны государства было бы неблагоразумно. Наконецъ, ясно и то, что, явись даже эта сумма, на рынкѣ не нашлось бы 40 милліоновъ десятинъ продажной земли, для чего нужно, чтобы продавалась безъ малаго половина всего частнаго владѣнія. Для такой колоссальной операціи оказалась бы необходимою экспропріація путемъ законодательнымъ, какъ-то было въ 1861 году. Екатеринославское губернское земство еще въ 1876 году и представило правительству ходатайство въ этомъ духѣ, указывая на необходимость дополнительныхъ надѣловъ на началахъ 1861 года съ выкупною ссудою отъ казны. Но на это мы можемъ только замѣтить, что мы обсуждаемъ мѣры, не выходящія изъ сферы возможности. Становясь же на почву чисто теоретическую и отрѣшившись отъ практической осуществимости въ ближайшемъ будущемъ, пожалуй,

---

[1]) Проф. Янсонъ считаетъ, что нужно 8 дес.

было бы еще проще поставить вопросъ такъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ сильная партія выдвинула своею задачею такъ-называемую „національзацію земли", т.-е. сосредоточеніе всей земельной собственности въ рукахъ государства, и что у насъ существовало до Петровской реформы. Но мы обсуждаемъ здѣсь не идеальныя и мечтательныя основы аграрной организаціи, составляющія задачу будущаго и удѣлъ не нашего поколѣнія, а гораздо болѣе скромную проблемму: какъ сохранить народное хозяйство отъ обѣднѣнія? Не сходя же съ почвы возможныхъ мѣропріятій, совершенно очевидно, что было бы безполезно обсуждать вопросъ о государственномъ кредитѣ въ миллiардъ и объ экспропріаціи частныхъ земель. Тѣмъ болѣе, прибавимъ мы, что эти громадныя жертвы не оправдываются уже тѣмъ обстоятельствомъ, что аграрный строй, который бы выросъ на почвѣ этихъ крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, былъ бы выигрышъ весьма сомнительнаго свойства и достоинства, еслибы при этомъ не были реформированы и самыя условія крестьянскаго владѣнія на началахъ полнѣе гарантирующихъ равномѣрность и справедливость и лучше обезпечивающихъ отъ какого-нибудь новаго вырожденія. Устранить же народное обѣднѣніе въ настоящее время можно и не предрѣшая окончательно будущей земледѣльческой организаціи нашей страны. Поэтому, искренно сочувствуя всякому расширенію операціи народнаго поземельнаго кредита, какъ такой мѣрѣ, которая во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ отчасти поставленной жизнью скромной задачѣ: сохранить крестьянское хозяйство, мы не можемъ не признать, что операція эта въ томъ видѣ, въ какомъ она осуществляется, не вполнѣ отвѣчаетъ *объему* задачи, а расширенная до этого объема (чего не признаемъ вѣроятнымъ), она потребовала бы не только громадныхъ жертвъ, нетолько должна была бы осуществиться, опираясь лишь на право государственное, но въ самомъ своемъ примѣненіи потребовала бы слишкомъ общирнаго преобразованія, ибо не можетъ государство приносить такія жертвы и реформировать *права и интересы* населенія, если купленные этою жертвою порядки должны, въ свою очередь и въ извѣстный срокъ, выродиться въ прежніе, быть можетъ даже худшіе.

Итакъ, организуемый нынѣ правительствомъ и земствами крестьянскій поземельный кредитъ—при наличныхъ условіяхъ—столь же мало рѣшаетъ нашу проблему, какъ и пониженіе повинностей. То и другое хорошо, но лишь какъ дополненіе общихъ мѣропріятій, которыя должны шире, если не глубже, удовлетворить земледѣльческимъ потребностямъ въ обезпеченной площади для земледѣлія. Это сознавалось всѣми изслѣдователями, глубже вникавшими въ вопросъ. Отсюда то значеніе, которое пріобрѣлъ такъ-называемый переселенческій во-

просъ. Еще князь А. И. Васильчиковъ поставилъ его во главу программы. Профессоръ Янсонъ тоже отвелъ ему видное мѣсто. Многія земства поднимали о немъ вопросъ. Правительство созывало свѣдущихъ людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, организовало нѣкоторое содѣйствіе переселенцамъ въ черноземныя степи и особенно въ Азію (симбирская переселенческая контора, эмигрантскіе рейсы изъ Одессы въ Владивостокъ, отводъ казенныхъ земель въ Крыму и проч.). Все это показываетъ напряженность вниманія и общества и правительства къ вопросу переселенческому. Въ самомъ дѣлѣ, однажды начинаютъ сознавать (а знакомясь съ дѣломъ, это сознаніе неизбѣжно является), что ни пониженіе повинностей, ни поземельный кредитъ въ его настоящемъ видѣ — вопроса не рѣшаютъ, невольно обращаются всѣ чаянія и упованія на организацію переселеній на свободныя казенныя земли. Однако, тѣ же данныя, которыя столь же ясно показываютъ несостоятельность поземельнаго кредита, свидѣтельствуютъ и о несостоятельности этого новаго рѣшенія. Мы, конечно, не говоримъ о его безполезности или ненужности, —ни мало. Мы придаемъ переселенческому вопросу громадное значеніе и очень важное мѣсто въ ряду необходимыхъ экономическихъ мѣропріятій. Но мы бы желали только, чтобы это значеніе было вѣрнѣе понято и мѣсто точнѣе опредѣлено, потому что это значеніе вовсе не въ задачѣ расширить крестьянское землевладѣніе до необходимой нормы, и это мѣсто вовсе не во главѣ программы, вовсе не въ роли самостоятельнаго средства. Мы уже указывали, что для обезпеченія народа по низшей нормѣ владѣнія (5—6 дес. на ревизскую душу, 2—2½ дес. на наличную, или 1 дес. посѣва на потребителя) нужно прирѣзать къ крестьянскому владѣнію до 40 милл. дес. При переселеніи же едвали можно довольствоваться такою наименьшею нормою. Но можетъ ли казна удовлетворить и этой потребности? Всѣхъ оброчныхъ статей, коими располагаетъ казна во всей европейской Россіи — 4½ милліона десятинъ. Значитъ, таково пространство готовыхъ къ культурѣ и частью культурныхъ земель государственныхъ. Раздавши ихъ всѣ, вы удовлетворите—хорошо, если ⅒ потребности. Остаются лѣса. Исключивъ у сѣверныхъ губерній (архангельскую, олонецкую, с.-петербургскую, новгородскую, вологодскую, вятскую и пермскую), куда, конечно, нельзя направлять переселеніе, во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ европейской Россіи останется лишь 12 милл. лѣсовъ единственнаго казеннаго владѣнія, изъ коихъ развѣ въ губерніяхъ казанской и уфимской, по многолѣсью, можно бы часть расчистить подъ культуру. Остальные же лѣса, конечно, должны тщательно оберегаться. Совершенно ясно, что казна не можетъ доставить и 5 милл. десятинъ для колонизаціи въ

европейской Россіи. Правда, есть еще земли башкирскія (до 16 милліоновъ десятинъ), калмыцкія (черноземныхъ до 2 милл. дес.), наконецъ, запасныя войсковыя казачьихъ областей Дона, Кубани, Терека, Урала. Всѣ въ совокупности эти почти цѣликомъ свободныя земли, въ соединеніи съ казенными, конечно, вмѣстили бы въ себя все нуждающееся населеніе. Но все же съ перваго шага видно, что переселенія на *казенныя* земли совершенно не соотвѣтствуютъ задачѣ, и что слѣдовательно и при переселеніяхъ выдвигается опять возможный вопросъ о выкупѣ и при томъ *обязательномъ выкупѣ*, т.-е. экспропріаціи земель инородческихъ, казачьихъ или частныхъ.

Но даже и по разрѣшеніи этого затрудненія является вопросъ, чего мы достигаемъ, перешагнувъ этотъ Рубиконъ „пріобрѣтеннаго права?" Стоитъ только сообразить, что до $6^1/_2$ милліоновъ рев. душъ должны бы были переселиться на новыя мѣста для того, чтобы на старыхъ было достаточно просторно; что не менѣе 2 милліоновъ хозяйствъ должны ликвидироваться въ одномъ мѣстѣ и устроиться въ другомъ, и вы увидите, что стремиться путемъ разселенія достигнуть всей задачи было бы и утопично, и убыточно. Громадная трата капитала и труда, едва-ли даже посильная нашей странѣ, была бы, однако, не единственною и не главною даже потерею при этой операціи. Сильное разрѣженіе населенія, какъ послѣдствіе этихъ эмиграцій, принесло бы еще бо́льшіе убытки. Россія и безъ того населена слишкомъ рѣдко. Между тѣмъ, только при извѣстномъ сгущеніи населенія, цивилизація можетъ возвыситься надъ довольно первобытнымъ состояніемъ, обусловливаемымъ рѣдкостью населенія. Только населенная страна можетъ содержать хорошіе пути сообщенія; довести раздѣленіе труда до степени, при которой можно отрѣшиться отъ первобытной грубости производства; совершенствоваться вообще въ торговлѣ и промышленности; организовать школьное дѣло; содержать спеціалистовъ, техниковъ, ученыхъ, художниковъ; наконецъ, поддерживать существованіе крупныхъ интеллектуальныхъ и индустріальныхъ центровъ, этихъ двулицыхъ Янусовъ, которые представляютъ съ одной стороны клоаки нищеты, преступленія и деморализаціи, но съ другой стороны являются свѣтильниками разума и доблести, науки, прогресса, лучшихъ идеаловъ и стремленій человѣческой природы... Словомъ, значительное разрѣженіе населенія внутренней Россіи, какъ послѣдствіе разселенія, не только сопровождалось бы громадными матеріальными тратами, неизбѣжными при всякихъ сельско-хозяйственныхъ перемѣнахъ, но и явилось бы новымъ препятствіемъ на пути нашего, и такъ не очень поспѣшнаго, умственнаго и матеріальнаго прогресса. Производительность труда понизилась бы (недостатокъ раздѣленія труда): мы стали бы, въ об-

щемъ, еще бѣднѣе. Культурность была бы задержана: мы стали бы еще невѣжественнѣе. И за все это мы бы расплатились наличными нашими скудными рессурсами! Нельзя себѣ представить болѣе несчастной идеи, какъ рѣшать наши экономическія затрудненія путемъ бѣгства къ башкирамъ и калмыкамъ. Заселеніе этихъ прекрасныхъ и плодоносныхъ степей полезно и необходимо; мы достаточно уже численны и порою сгущены, чтобы выдѣлять изъ своей среды и контингентъ для колонизаціи нашихъ окраинъ; открытіе клапана свободной колонизаціи и полезно, и необходимо. Все это несомнѣнно, но пора понять, что это не есть рѣшеніе экономическихъ затрудненій нашей страны. Чѣмъ рѣшеніе переселенческаго вопроса можетъ содѣйствовать устраненію этихъ затрудненій, мы еще увидимъ ниже, а теперь, пока позволительно сказать, что ни пониженіе повинностей, ни новый организуемый кредитъ, ни переселеніе,—ни порознь, ни вмѣстѣ взятые, не даютъ искомаго рѣшенія. Искомое рѣшеніе—въ реформѣ арендныхъ отношеній.

III.

„Во всякой странѣ,—сказалъ Гладстонъ, защищая свой ирландскій земельный билль,—во всякой странѣ, пользующейся здоровымъ и правильнымъ общественнымъ строемъ, нельзя допустить полной неограниченной свободы договора“. Въ самомъ дѣлѣ, никакое современное законодательство не признаетъ права отдавать, напримѣръ, себя въ рабство по договору или предоставить контрагенту право жизни и смерти, право истязать и увѣчить. Подобные „свободные и добровольные“ договоры не будутъ признаны обязательными ни однимъ законодательствомъ. Для всякаго очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ свобода договора совершенно фиктивная, а въ дѣйствительности, одна безъисходная нужда, горькая экономическая неволя, только и можетъ понудить отречься отъ свободы, здоровья, даже жизни. Естественно, что законодательство не признаетъ подобные договоры правомѣрными, отвергаетъ ихъ обязательность и почитаетъ ихъ юридически ничтожными. Въ виду подобныхъ соображеній законодательство повсюду считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ договоры личнаго найма, въ отношенія между нанимателями и нанимаемыми. Оно понимаетъ, что пойти въ наймы, т.-е. существенно ограничить свою свободу, можно только по нуждѣ, а слѣдовательно, эта самая нужда можетъ заставить принять обязательства кабальныя. Поэтому, законодательство, дозволяя однѣ формы личнаго найма, устраняетъ другія, регулируетъ, регламентируетъ и вообще

стремится гарантировать жизнь, здоровье, имущество и, по возможности, свободу нанимаемаго. Цѣлая система законодательства возникла въ этомъ направленіи повсюду, гдѣ экономическое развитіе превращаетъ массу населенія въ сословіе наймитовъ. Вообще, можно сказать, законодательство все болѣе и болѣе проникается тѣмъ убѣжденіемъ, что дѣйствительная свобода договора можетъ существовать лишь между людьми экономически-независимыми, и что тамъ, гдѣ одна сторона заключаетъ договоръ подъ гнетомъ неотступной нужды, тамъ нѣтъ и не можетъ быть полной свободы договора, и интересы этой гонимой нуждою стороны могутъ быть легко попраны другою стороною. Поэтому, законодательство все шире и шире начинаетъ осуществлять свое вмѣшательство въ договорныя отношенія съ цѣлью огражденія слабой стороны, ея свободы, насущныхъ правъ и интересовъ. Законодательство о личномъ наймѣ, фабричное законодательство, наконецъ—ирландскій ландъ-билль являются послѣдовательными ступенями такого законодательнаго движенія. Мелкіе съемщики земли могутъ быть разсматриваемы столь же ничтожною, слабою стороною, какъ и фабричный рабочій передъ крупнымъ фабрикантомъ или заводчикомъ. Если повсюду законодательство давно уже признало необходимымъ регулировать отношенія фабрики и рабочихъ, то, не впадая въ противорѣчіе, оно должно сдѣлать то же самое и для регулированія мелкихъ арендъ. Законодательство можетъ допускать, чтобы землевладѣлецъ, сдавая землю крестьянину, взималъ въ свою пользу извѣстную часть прибыли, но оно не можетъ признать свободнымъ такой договоръ, по которому вся прибыль или даже съ частью капитала обѣщается арендаторомъ землевладѣльцу. Зачастую такое обѣщаніе à la longue даже неисполнимо и влечетъ только закабаленіе арендатора неоплатными неустойками. Этотъ случай прежде всего и предвидитъ Гладстоновскій ландъ-билль. Въ случаѣ неисправнаго платежа арендной платы, дѣло переносится на разсмотрѣніе *поземельнаго присутствія*, которое обсуждаетъ, не произошла-ли неисправность фермера отъ требованія слишкомъ высокой платы (rack-rent) и въ случаѣ, если оно находитъ требуемую плату дѣйствительно непосильной, чрезмѣрной, то можетъ отказать владѣльцу въ правѣ увольненія фермера и оставить его въ пользованіи арендуемой землей противъ воли самого помѣщика; въ случаѣ же его форменнаго протеста, принуждаетъ къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ, какіе по усмотрѣнію трибунала терпитъ арендаторъ отъ своего изгнанія съ земли. Для этого при каждомъ поземельномъ присутствіи назначаются присяжные оцѣнщики. Это ограниченіе судомъ высоты правомѣрной арендной платы составляетъ главное ограниченіе арендваго права, введенное ирландскимъ ландбиллемъ. Право отказа отъ

земли тоже обставлено ограниченіями, именно выговорено вознагражденіе въ пользу съемщиковъ за улучшенія, ими сдѣланныя; новыя сооруженія и постройки, ими сдѣланныя, обязательно погашаются вполнѣ при отказѣ отъ земли владѣльцами; еслибы даже въ договорѣ было спеціально упомянуто, что арендаторъ отказывается отъ такого вознагражденія, то такое условіе считается неимѣющимъ силы; право на вознагражденіе передается по наслѣдству; размѣръ вознагражденія обратно пропорціоналенъ величинѣ аренды. Таковы главныя общія основанія, регулирующія арендное право по ландъ-биллю 1881 года. Право отказывать отъ земли, право сдавать ее кому угодно и на какихъ угодно условіяхъ, или обращать ее подъ собственную культуру, право назначать арендную плату и по желанію возвышать ее сколько угодно, словомъ, право распоряжаться землею по усмотрѣнію—все это оставлено за собственниками земли; но 1) землевладѣльцы обязаны, въ случаѣ отказа въ землѣ, вознаградить арендаторовъ за сдѣланныя ими улучшенія и обзаведенія, при чемъ, предварительный по договору отказъ арендаторовъ отъ такого вознагражденія признается неимѣющимъ силы; 2) обѣщаніе арендаторами непосильной арендной платы признается необязательнымъ, и 3) для опредѣленія размѣра вознагражденія при отказѣ или непосильной арендной платы учреждаются спеціальные суды съ присяжными оцѣнщиками. Всякій безпристрастный и добросовѣстный человѣкъ согласится, что эти законоположенія, нисколько не нарушая правъ землесобственниковъ, только ограждаютъ права арендаторовъ отъ слишкомъ недобросовѣстной эксплуатаціи. Собственникъ остается полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ своей земли, а за арендаторомъ обезпечивается только вознагражденіе за его труды и затраты (улучшеніе, обзаведеніе), и онъ гарантируется отъ закабаленія, какъ послѣдствія неполной платы. Эта непосильная плата не можетъ быть взята съ земли, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать собственнику земли. Вотъ и все: обезпечены нѣкоторыя законныя права слабой стороны, конфискуемыя экономическимъ насиліемъ—больше ничего. Подобныя поправки въ нашемъ арендномъ правѣ могли бы быть одобрены безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ-либо законныхъ правъ и интересовъ.

Такимъ образомъ, можно признать и у насъ необходимымъ учрежденіе мѣстныхъ посредническихъ коммиссій, которыя избавляли бы мелкихъ арендаторовъ отъ плачевныхъ послѣдствій обязательствъ, несоотвѣтственныхъ силамъ и средствамъ хозяйства и земли, а равно опредѣляли вознагражденіе, слѣдуемое арендатору при отказѣ отъ земли за сдѣланныя улучшенія и обзаведенія, каковыми слѣдуетъ считать и удобреніе, и хорошую, тщательную культуру, и

посѣвъ многолѣтнихъ растеній и пр. Конечно, при осуществленіи эта мѣра требуетъ гораздо болѣе детальной разработки.

До сихъ поръ мы занимались исключительно денежною арендою, но въ Россіи весьма сильно распространена форма аренды издольной, такъ-называемая въ Малороссіи „скопщина". Злоупотребленія арендным правомъ при этой формѣ заоброчиванья земли встрѣчаются едва ли не чаще даже, нежели при денежной. Злоупотребленія эти особенно ярко сказываются тѣми мелкими приплатами трудомъ, которыя возлагаются владѣльцемъ (или оптовымъ арендаторомъ) на съемщиковъ, и которыя, вмѣстѣ взятыя, даютъ весьма крупныя и круглыя суммы. Подробныя свѣдѣнія объ этого рода приплатахъ работою приведены въ изслѣдованіяхъ земскихъ статистиковъ черниговской губерніи, при чемъ оказывается, напр., въ борзенскомъ уѣздѣ, что сверхъ обычной доли урожая съемщикъ работами уплачиваетъ за десятину до 1 р. 50 к., а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ даже до 2-хъ руб. [1]).

Эти приплаты трудомъ носятъ въ черниговской губерніи названіе „басаринокъ". Какъ онѣ обременительны, видно изъ того, что народъ уже сложилъ пословицу: „басаринокъ хуже панщины". Къ тому же эти приплаты растутъ. Въ херсонской губерніи приплаты работою носятъ названіе „выгодъ" и, достигаютъ тоже 1 р. — 1 р. 50 к., въ то время, когда ежегодная денежная плата рѣдко возвышается за 2½ руб. Намъ кажется, было бы вполнѣ справедливо даже совсѣмъ воспретить эти приплаты, которыя, особенно въ рукахъ русскихъ и еврейскихъ кулаковъ, служатъ способомъ опутывать крестьянина отработками, доплатами и пр. Экономіи, правильно ведущія хозяйство, рѣдко прибѣгаютъ къ обложенію крестьянъ „выгодами" и ограничиваются долею урожая. То же самое свидѣтельствуютъ и черниговскіе земскіе статистики [2]).

Такимъ образомъ, воспрещеніе „выгодъ", „басаринокъ" etc., будетъ направлено, главнымъ образомъ противъ кулаковъ и оптовыхъ арендаторовъ. Лучше пусть взимаютъ бо́льшую долю урожая. Конечно, договоры о „скопщинѣ" должны точно также подлежать вѣдѣнію посредническихъ коммиссій.

Этими немногими мѣропріятіями, гораздо болѣе умѣренными, нежели ландъ-билль 1881 г., исчерпываются тѣ поправки въ общенародныхъ интересахъ, которыя, не нарушая ничьихъ правъ собственности, предназначаются для огражденія законныхъ правъ слабыхъ

---

1) „Матеріали для оцѣнки зем. угодій", II, 54, 59.
2) Тамъ же, стр. 48.

сторонъ отъ экономическаго насилія и злоупотребленія. Но удовлетворяя этому требованію и составляя важный шагъ впередъ по пути упорядоченія и устроенія нашихъ земельныхъ отношеній, предлагаемыя мѣры не достигаютъ цѣли удовлетворить главной нуждѣ арендного вопроса; они не превращаютъ необезпеченной аренды въ обезпеченную, а только устраняютъ слишкомъ яркія злоупотребленія этою необезпеченностью. Но необезпеченность землепользованія здѣсь является прямымъ послѣдствіемъ правъ собственности на землю и общими обязательными мѣрами устранена быть не можетъ на почвѣ права гражданскаго. Она можетъ устраниться, однако, по добровольной иниціативѣ самихъ собственниковъ, которые, имѣя право полнаго отчужденія своей собственности, должны имѣть право отчуждать свои права и по частямъ. Наше законодательство такого отчужденія не допускаетъ, воспрещая, наприм., вѣчную аренду. Это довольно существенное ограниченіе права распоряжаться собственнымъ имуществомъ можетъ быть отмѣнено съ предоставленіемъ землевладѣльцамъ права входить съ своими арендаторами въ сдѣлки, прочно обезпечивающія за послѣдними право пользованія землею подъ условіемъ вознагражденія, согласно договору. Этимъ путемъ откроется возможность къ расширенію прочнаго землепользованія крестьянъ даже безъ расширенія ихъ землевладѣнія. И мы думаемъ, что цѣлое сословіе не можетъ же такъ долго заблуждаться въ своихъ истинныхъ интересахъ, чтобы не понять, что въ настоящее время въ Россіи интересы землевладѣльца и земледѣльца тѣсно связаны. Наше помѣстное сословіе быстро разоряется и ликвидируетъ свое землевладѣніе. Почему? По бездоходности, малодоходности и невыгодности угодій. Капиталистическое хозяйство не насадилось по причинамъ, уже достаточно обслѣдованнымъ; оно не насадится, по крайней мѣрѣ, руками старо-помѣстнаго сословія, по тѣмъ же причинамъ. Остается рентьерская эксплуатація земли, фермерское хозяйничанье. Не даромъ покойный гр. Орловъ-Давыдовъ такъ мечталъ о фермерствѣ. Но крупное фермерство на англійскій ладъ у насъ не привьется по той же причинѣ, по которой не привилось и капиталистическое хозяйство самихъ землевладѣльцевъ: нѣтъ нужныхъ капиталовъ и негдѣ ихъ взять; нѣтъ класса опытныхъ и свѣдущихъ сельскихъ хозяевъ, который могъ бы руководить капиталистическими хозяйствами; нѣтъ, наконецъ, батраковъ и покамѣстъ неоткуда имъ взяться. Остается мелкое фермерство, раздача земель по мелочамъ крестьянамъ, словомъ, ирландская фермерская система. Она у насъ и водворилась, даже не дожидаясь, покуда выйдетъ въ свѣтъ сочиненіе о насажденіи въ Россіи фермерства по конкурсу, объявленному гр. Орловымъ. Фермерство развилось у насъ уже очень широко и

даже требуетъ, какъ мы видѣли, со стороны законодательства тѣхъ же мѣръ покровительства, какъ и въ Ирландіи, гдѣ оно проявляется въ аналогичныхъ формахъ. Итакъ, все экономическое благосостояніе самого помѣстнаго сословія зависитъ у насъ отъ развитія рентьерской системы хозяйства. Только съемка земли крестьянами можетъ приносить доходъ землевладѣльцамъ, который можетъ увеличиваться только съ развитіемъ крестьянской культуры. Развитіе, слѣдовательно, этой культуры составляетъ прямой интересъ землевладѣльцевъ. Это, кажется, очевидно. Между тѣмъ, до сихъ поръ значительная часть помѣстнаго сословія дѣйствовала именно наоборотъ, встрѣчая съ недовѣріемъ всякій проектъ, клонящійся къ поддержанію и развитію крестьянскаго хозяйства. Это было еще понятно тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, но неужели суждено еще долго продолжаться этой противуестественной аберраціи мысли? Именно, подъ прямымъ вліяніемъ этого ложно-понятаго интереса происходитъ помѣстная ликвидація и переходъ земель въ руки лицъ торговаго сословія. Это сословіе, конечно, понимаетъ, почему не нужны никакія мѣры для облегченія крестьянскаго хозяйства: оно прямой наслѣдникъ и дворянской земли, и крестьянскихъ хозяйствъ, но неужели можно играть въ руку этому какъ бы конкурсному управленію, самовольно учредившемуся для дворянской и крестьянской ликвидаціи? Дайте подняться крестьянскому хозяйству, оно очень скоро сниметъ въ аренду всѣ земли и обратитъ подъ культуру громадные пустыри частныхъ имѣній. Этимъ путемъ, и только этимъ путемъ, имѣнія начнутъ приносить правильный и правильно возрастающій доходъ, и помѣстное сословіе въ своихъ земляхъ снова обрѣтетъ и экономическое обезпеченіе, и рычагъ для вліянія и значенія въ краѣ. Это ясно, а съ другой стороны, не менѣе ясно, что система мелкой краткосрочной необезпеченной аренды есть именно та система, которая рѣшительнѣе всего стоитъ преградою на пути улучшенія культуры, благосостоянія крестьянъ, слѣдовательно, доходности имѣній. Ясно, что только введеніе обезпеченной аренды вмѣсто необезпеченной, можетъ дѣйствительно упрочить доходность помѣстій и гарантировать имъ правильное возрастаніе этой доходности. Надо думать, что рано или поздно поймутъ у насъ эту нехитрую истину и сами пойдутъ на встрѣчу введенію обезпеченной арендной системы. Законодательное устраненіе злоупотребленій арендным правомъ должно будетъ скоро убѣдить наиболѣе ослѣпленныхъ. Нужно, слѣдовательно, дать только возможность заключенія между землевладѣльцами и крестьянами такихъ арендныхъ договоровъ, которые разъ навсегда обезпечивали бы крестьянамъ пользованіе арендуемыми участками, гарантируя вмѣстѣ съ тѣмъ за землевла-

дѣльцемъ возвышеніе ренты въ опредѣленные сроки, въ случаѣ увеличенія доходности. Самымъ лучшимъ случаемъ въ этихъ договорахъ былъ бы тотъ, въ которомъ рента была бы опредѣлена просто въ процентахъ чистаго дохода арендатора, причемъ размѣръ ренты опредѣлялся бы на каждое будущее пятилѣтіе, десятилѣтіе и проч., на основаніи средней сложности дохода за прошлое пятилѣтіе, десятилѣтіе и пр. Посредническія коммиссіи и здѣсь могли бы играть важную роль. Проще былъ бы тотъ случай, когда рента въ круглыхъ числахъ опредѣлялась бы на долгій срокъ въ нормальныхъ предѣлахъ, указанныхъ земствомъ или посредническою коммиссіею, и черезъ каждыя 20, 25 и проч. лѣтъ пересматривалась бы такимъ же путемъ, (конечно, въ случаѣ, если прямое соглашеніе сторонъ не состоялось). Наконецъ, можетъ быть допущена и натуральная рента (издольная) и опредѣлены способы перехода отъ одной формы въ другую.

Но для всѣхъ этихъ случаевъ, общими должны оставаться два основанія: *во-первыхъ*, неотчуждаемость, вѣчность землепользованія подъ условіемъ исправнаго платежа ренты, и *во-вторыхъ*, невозможность измѣненія размѣра ренты по волѣ одной стороны, и періодическій пересмотръ ренты съ цѣлью приведенія въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися условіями рынка, доходности и пр. „Force majeure“, какъ причина неисправности, должна служить основаніемъ для льготы, и вопросъ о „force majeure“ рѣшается, если соглашеніе не состоится, посредническою коммиссіею. Необходимо изданіе нѣсколькихъ такихъ нормальныхъ уставовъ, которые и могутъ быть вводимы по соглашенію землевладѣльца и крестьянскихъ обществъ. Можно допустить въ эти договоры особое единовременное вознагражденіе землевладѣльцу за отчужденіе навѣки одного изъ своихъ правъ — права передавать землю кому угодно. Впрочемъ, и тутъ всѣхъ частностей мы касаться не будемъ, общія же основанія достаточно выяснены. Этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе, и только этимъ путемъ откроется крестьянамъ возможность нѣкотораго „modus vivendi“ на родинѣ и будетъ въ достаточной степени умѣрено переселенческое движеніе. Но съ другой стороны, только съ открытіемъ переселенческаго движенія можно надѣяться на сколько-нибудь значительное обращеніе необезпеченной аренды въ обезпеченную. Необезпеченная аренда, хотя à la longue разоряетъ не только крестьянина-фермера, но и землевладѣльца, однако, при ея господствѣ, этотъ землевладѣлецъ зато свободнѣе распоряжается землею и можетъ — цѣною истощенія земли и разоренія имѣнія — выручить сегодня нѣсколько лишнихъ рублей. Но если открытіе свободнаго переселенческаго движенія поставитъ передъ владѣль-

цемъ такую дилемму: или лишиться съемщиковъ, готовыхъ переселиться, или войти съ ними въ договоръ обезпеченной вѣчной аренды, то тогда можно ожидать дѣйствительно довольно широкаго распространенія подобныхъ договоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе земельныхъ затрудненій безъ массоваго переселенія, безъ невыгоднаго для цивилизаціи и культуры разрѣженія населенія [1]. Вотъ почему, рѣшеніе вопросовъ переселенческаго и арендиаго, мы почитаемъ тѣсно связанными и взаимно дополняющими. Лишь энергично и единовременно проведенныя въ жизнь, эти двѣ мѣры могутъ дать необходимое облегченіе земельному хозяйству. Съ судьбою этого хозяйства, съ возможностью ему хоть какъ-нибудь оправиться —связана у насъ въ настоящее время не только послѣдняя надежда увидѣть лучшее экономическое будущее, не испытавъ по пути соціальныя неустройства запада, не только благосостояніе земледѣльцевъ, но и всего помѣстнаго сословія, а также состоятельность, культурность и могущество государства, которое единственно въ земельномъ хозяйствѣ имѣетъ главную платежную и тяглую силу.

С.

---

[1]) Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" въ августѣ 1882 г., было сообщено интересное свѣденіе о пониженіи ренты въ рязанской губерніи вслѣдствіе переселеній. Пониженіе достигло 25%. Не выгодно ли было прямо уступить эти 25% и удержать съемщиковъ на началахъ обезпеченной аренды?

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Саратовъ. — Іюнь.

Суровая зима, заставившая насъ семь мѣсяцевъ къ ряду отапливать комнаты, давно миновала. Танцовальные вечера въ клубахъ прекратились; любители хореграфическаго искусства, нарочно пріѣзжавшіе въ Саратовъ даже изъ Пензы, съ единственною и вполнѣ конечно извинительною цѣлію поплясать самимъ и посмотрѣть, какъ пляшутъ другіе—возвратились во-свояси задолго еще до разрушенія зимняго пути. Городской театръ пустъ и по обычаю ремонтируется; карточные столы если не въ полномъ комплектѣ, то частію тоже ремонтируются, и зеленое сукно, протертое безконечными записями усердныхъ партнеровъ, замѣняется новымъ. Цѣна на дрова значительно понизилась.

Все это признаки, предвѣщавшіе наступленіе весны.

На основаніи такихъ ясныхъ предвѣстниковъ и придерживаясь указаній „Крестнаго календаря", многіе изъ обывателей, страдающихъ безденежьемъ, отнесли теплое платье, какъ говорятъ у насъ въ шутку—„на сохраненіе отъ моли" въ ссудную кассу „товарищества Печенкина и К°" и выручили лѣтнее, отбывавшее свою очередь въ томъ же благодѣтэльномъ товариществѣ. Содержатель барыкинскаго вокзала на берегу Волги и другія подобныя заведенія пообчистились, покрасились и прибрались, въ ожиданіи дорогихъ гостей; не отсталъ отъ этихъ заведеній и городской бульваръ, существующій на иждивеніе городской думы. Тамъ тоже покрасили скамьи, не въ примѣръ прочимъ годамъ, пригласили на лѣто военный хоръ музыкантовъ и соорудили для нихъ бесѣдку. Кромѣ того, съ нынѣшней же весны бульваръ освѣщается небольшими фонариками. И музыка, и свѣтъ введены, разумѣется, съ благодѣтельною цѣлію—смягченія нравовъ обывателя. Въ этихъ же, надо полагать, цѣляхъ не разрѣшена продажа на бульварѣ чаю. Чай, въ особенности тотъ сортъ его, который извѣстенъ подъ названіемъ Ивана-чая, не совсѣмъ хорошо дѣйствуетъ на нервы, а разстройство нервъ обывателя не могло входить въ программу усовершенствованія бульвара, и потому чай исключенъ. Заботясь, однако же, объ улучшеніи единственнаго въ обширномъ Саратовѣ городского сада, дума обошла почему-то вниманіемъ разрушающуюся ограду бульвара. Ограда эта, если не

ошибаюсь, устроена вновь лѣтъ семь тому назадъ и стоила не малыхъ тысячъ; но съ той поры не поддерживалась, и теперь, не смотря на короткій срокъ существованія, вздумала изветшать разомъ, покачнулась, рѣзныя балясины въ звеньяхъ ослабли и вынимаются свободно. Вслѣдствіе этого, образовались большія лазейки, составляющія для нѣкоторыхъ гражданъ не малый соблазнъ. Такъ, по передачѣ одной изъ мѣстныхъ газетъ, во время происходившаго недавно на бульварѣ гулянья съ благотворительною цѣлію, входъ на которое былъ разумѣется по билетамъ за деньги, нашлись и такіе, которые, желая и удовольствіемъ воспользоваться, и четвертакъ въ карманѣ соблюсти, додумались до простой штуки — проникнуть на бульваръ не черезъ двери, у которыхъ продавались билеты, а черезъ лазейку, у которыхъ билетовъ, разумѣется, не продавалось; но тутъ помогла полиція, изловивъ даровыхъ благотворителей...

Но возвращаюсь къ веснѣ.

Итакъ, отбывъ семимѣсячный карантинъ въ искусственно поддерживаемомъ теплѣ, мы имѣли, кажется, право ожидать, что природа сжалится надъ нами и, по старой памяти, подаритъ насъ своимъ тепломъ и свѣтомъ. Многіе настолько были увѣрены въ этомъ правѣ, что заранѣе позаботились снять дачное помѣщеніе и приготовились къ выѣзду изъ города. Волга разлилась во всю ширь и затопила всѣ песчаные наносы, желтѣвшіе на поверхности ея въ видѣ безобразныхъ заплатъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ наступила страдная пора, и начались экзамены... Словомъ—всѣ явленія жизни говорили о наступившей веснѣ; но—увы!—не было самаго главнаго, именно весны, такой т.-е. весны, какая должна быть въ нашей широтѣ и какая бывала въ прежніе годы — тихая, теплая и ясная, цвѣтущая и благоухающая. Правда, выпадали часы и даже цѣлые дни, въ которые показывалась и ясная лазурь неба, свѣтлаго и привѣтливаго, и солнышко пригрѣвало своимъ блестящимъ лучомъ; но это были непродолжительныя исключенія въ постоянномъ ненастьѣ, съ безконечными сѣрыми тучами, сильными вѣтрами, дувшими попеременно со всѣхъ странъ свѣта, и то съ шумными ливнями съ грозою и градомъ, то съ мелкимъ осеннимъ дождемъ. Такая суровая погода заставляла въ первой половинѣ мая протапливать комнатныя печи, а выходить на воздухъ можно было не иначе какъ въ осеннемъ платьѣ, въ калошахъ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Весна запоздала больше чѣмъ на мѣсяцъ, а потому и зелень распускалась чрезвычайно медленно. Чѣмъ отразится такая бурная, сырая и холодная погода на земледѣліи и очень развитомъ въ нашихъ краяхъ садоводствѣ—сказать пока ничего нельзя, потому что въ то время, когда я пишу, ненастье все еще беретъ перевѣсъ надъ вёдромъ.

Не удивительно поэтому, что стосковавшійся до хандры обыватель пользуется каждымъ просвѣтомъ на небѣ, каждымъ солнечнымъ лучомъ, и спѣшитъ на воздухъ. Въ ясные послѣобѣденные часы на бульварѣ собирается такая масса гуляющихъ, что нѣтъ возможности свободно пройти по аллеѣ, а зайдешь на бульваръ слѣдующимъ утромъ и невольно поразишься послѣдствіями вчерашняго гулянья —всѣ дорожки засыпаны шелухой подсолнечныхъ сѣмянъ. Подсолнечныя сѣмячки — это нашъ характерный, такъ сказать „утробный" признакъ; безъ сѣмячекъ мы не можемъ ступить шагу, и куда бы ни шли, постоянно грыземъ зерна. И какъ грыземъ, до какого совершенства достигли мы на этомъ поприщѣ! Представьте: всыпавъ въ ротъ съ разу цѣлую горсть сѣмячекъ, мы умѣемъ грызть ихъ, отплевывать шелуху и въ то же время вести „пріятный разговоръ" съ знакомыми и даже смѣяться. Какое количество подсолнечныхъ сѣмячекъ сгрызаетъ Саратовъ, опредѣлить, разумѣется, невозможно; достовѣрно одно, что никакимъ товаромъ не торгуютъ такъ успѣшно, какъ сѣмячками; въ мелочныхъ лавочкахъ первое требованіе на нихъ, продавцовъ сѣмячекъ можно встрѣтить на углахъ перекрестковъ, а у воротъ бульвара постоянно сидятъ торговки съ полными корзинами сѣмячекъ.

Вторымъ удовольствіемъ нашимъ слѣдуетъ счесть катанье въ легкихъ лодкахъ по Волгѣ, съ музыкой и пѣньемъ. Въ нынѣшнюю весну, за постоянными почти вѣтрами и сильнымъ волненіемъ на рѣкѣ, катанье не безопасно и рискованно, такъ что нѣкоторые любители терпѣли крушеніе, были даже и утонувшіе; но все-таки катаются. Я назвалъ бы это удовольствіе поэтическимъ, если бы его не омрачали раздирающими звуками гармоники, наигрывающія вовсе ужъ не музыкальные мотивы. Довольно странно и въ самомъ дѣлѣ: нѣмецъ—относительно недавній поселенецъ въ нашихъ краяхъ, и старожилъ—татаринъ очень строги въ выборѣ музыкальныхъ инструментовъ и отдаютъ преимущество скрипкѣ. Нѣмцевъ мнѣ еще удавалось видѣть съ гармоникой въ рукахъ, но татарина никогда; въ музыкальныхъ магазинахъ поволжскихъ городовъ я встрѣчалъ даже особый сортъ скрипокъ, подъ названіемъ „татарскихъ", продававшихся не свыше 5 руб. и разбиравшихся въ очень большомъ количествѣ. Но господствующій насельникъ Волги, разставшись съ балалайкой, пристрастился къ гармоникѣ. Отчасти это и понятно, потому что ни одинъ изъ инструментовъ не обладаетъ такими грубыми и ревущими тонами, какъ гармоника, вполнѣ отвѣчающая душевнымъ свойствамъ играющаго. Наигрывая разухабистый мотивъ „съ переборомъ", покачиваясь изъ стороны въ сторону и щуря отъ

избытка удовольствія глаза, саратовецъ тончайшимъ фальцетомъ, похожимъ на кошачье мяуканье, поетъ свою безконечную „Мотаню".

Вы, можетъ быть, удивлены и, конечно, желаете знать, что это такое? Удивляйтесь! Удивляйтесь тѣмъ болѣе, что „Мотаня" составляетъ второй характерный признакъ саратовца, но уже не утробный, а духовный. „Мотаня"—это современная наша поэма, изгнавшая тѣ народныя пѣсни, которыя еще въ недавнее время пѣло поволжское населеніе. „Мотаня" пользуется у насъ теперь громадной популярностью, и изъ Саратова распространилась не только по нагорному побережью, но переплыла Волгу и захватила патріархальную степь!

Такимъ образомъ, въ вешнее и лѣтнее время свѣтлыя воды нашей рѣки покрыты множествомъ лодокъ, наполненныхъ катающеюся молодежью изъ мѣщанъ, цеховыхъ, рабочихъ. Гармоники наигрываютъ однообразный мотивъ, подъ аккомпаниментъ котораго поется „Мотаня". И Волга, свидѣтельница громкихъ событій, слышавшая полныя истинной поэзіи и исторической правды пѣсни нашихъ отцовъ, слушаетъ теперь пустой наборъ фразъ, часто лишенныхъ всякаго смысла.

Можете судить по выдержкамъ:

„Пароходъ бѣжитъ съ нарядомъ,
Двѣ Мотани сидятъ рядомъ (2)
И торгуютъ виноградомъ...
Пароходъ мѣняетъ галсъ,
У Мотани кривой глазъ"...

Ограничиваюсь этими примѣрами, можно сказать, невиннаго свойства, потому что въ различныхъ варіяціяхъ Мотани легко натолкнуться на такой цинизмъ, беззастѣнчивость котораго покоробитъ непривычнаго слушателя.

„Мотаня", не имѣетъ собственно опредѣленной формы; ее измѣняютъ, дополняютъ и передѣлываютъ, смотря по желанію, вкусу и обстоятельствамъ, пригоняя фразы къ данной минутѣ. Поется она во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, было бы только желаніе пѣть, а какъ недостатка въ этомъ не замѣчается, то можно встрѣтить такія сцены: выходятъ со двора дѣвицы—съ сѣмячками, конечно,—и собираются на углу улицы; на противоположномъ углу собираются парни. Благодѣтельная муза моментально осѣняетъ вдохновеніемъ и ту, и другую сторону, и между ними начинается пѣнье — разговоръ. Парни посылаютъ по адресу дѣвицъ подходящій случаю экспромптъ, не особенно стѣсняясь выборомъ словъ, такъ какъ главная задача состоитъ въ томъ, чтобы „выходилъ складъ", т.-е. риѳма; дѣвицы отвѣчаютъ парнямъ тѣмъ же, и продолжаясь такимъ же способомъ, пѣнье-разговоръ тянется за-полночь.

Поэзія такого свойства, въ массѣ которой „Мотаня" составляетъ только часть, пользующуюся, впрочемъ, особеннымъ почетомъ и любовію,—начинаетъ принимать на Поволжьѣ преобладающій характеръ. Не доказывается ли этимъ потеря эстетическаго чувства, огрубѣлость характера и слишкомъ ужъ поверхностное отношеніе къ жизни, въ которой на каждомъ шагу можно встрѣтить факты, вызывающіе на серьезное размышленіе и пробуждающіе въ душѣ глубокія чувства. Мы понимаемъ свойства молодости, особенности ея развитія и потребностей, не имѣемъ права требовать отъ нея житейской опытности и старческой мудрости, снисходимъ къ ея недостаткамъ; но, полагаю, это нисколько не обязываетъ насъ одобрительно относиться къ пошлости и цинизму, въ особенности когда эти непривлекательныя стороны народной жизни, усвоенныя еще изстари, мѣняются вовсе не къ лучшему, выливаясь въ такой непригладной и не взыскательной формѣ. Это—вообще, а что касается народной поэзіи, то упадокъ ея несомнѣненъ. Знатокъ мѣстной жизни можетъ безошибочно опредѣлить періоды, въ которые историческая былина Поволжья перешла въ лиризмъ, полный сердечныхъ мукъ и безъисходной тоски. Съ своей стороны, я думаю, что подобное видоизмѣненіе совершалось по мѣрѣ того, какъ привольные края наши стали заселяться посредствомъ перевода изъ внутреннихъ губерній крестьянъ крѣпостныхъ и другихъ названій. Послѣ того, что произошло, можно сказать, уже на нашихъ глазахъ, въ народномъ лиризмѣ послышалась весьма рѣзкая саркастическая и грязная нотка, которая получила вскорѣ преобладающій тонъ. Еще въ 1862 году, въ глухихъ деревняхъ Заволжья, мнѣ не одинъ разъ приходилось слышать, что въ вечернихъ хороводахъ пѣлись „новыя" пѣсни, полныя ѣдкой сатиры и чисто обличительнаго характера. Пѣсни, происхожденіе которыхъ терялось въ неизвѣстности, передавались устно и заучивались чрезвычайно охотно и быстро; составлялись онѣ правильно и въ приличной формѣ, хотя обличаемые въ нихъ герои назывались полнымъ именемъ, отчествомъ и фамиліею. Такъ, въ заволжскихъ деревняхъ мнѣ удалось услышать пѣсенку про одного управляющаго удѣльною конторою, служившаго очень давно въ одной изъ нагорныхъ губерній Поволжья. Крестьяне, пѣвшіе эту пѣсню, жили отъ той конторы за 200—300 верстъ, принадлежали совсѣмъ другому вѣдомству и во всю свою жизнь не имѣли и не могли имѣть никакихъ отношеній къ воспѣваемому ими герою. Пѣсня очевидно сложилась въ нагорной сторонѣ, въ средѣ удѣльныхъ крестьянъ, и отъ нихъ распространилась дальше. Вѣдалъ ли въ свое время, теперь уже покойникъ, какіе мотивы давало его управленіе опекаемымъ имъ крестьянамъ—преданіе о томъ умалчиваетъ; но на берегу Волги, не очень далеко отъ нашихъ мѣстъ, можно

и теперь видѣть называвшееся прежде „образцовымъ“ село, постройка котораго, прославленнымъ въ пѣсняхъ и пѣніяхъ управляющимъ, создала цѣлый рядъ легендъ и анекдотовъ, памятныхъ до сихъ поръ.

Смыслъ и цѣль подобныхъ пѣсенъ, конечно, понятны; но мало-помалу сатира перешла въ цинизмъ и опошлилась до такихъ размѣровъ, что позднѣйшимъ выраженіемъ ея явилась полнѣйшая безсмыслица, въ родѣ, напримѣръ, хоть „Мотаня“. Насколько въ самомъ дѣлѣ бѣдна содержаніемъ эта „Мотаня“, можно судить потому, что сами пѣвцы не въ состояніи объяснить страннаго ея названія. Происходитъ ли оно отъ слова мотъ—въ смыслѣ расточитель, или отъ слова мотаться что равносильно слову бездѣльничать, или наконецъ составляетъ слитное изъ двухъ словъ: „моя Таня“? Первоначальный мотивъ ея подходитъ какъ будто къ послѣднему опредѣленію, а дальнѣйшій ко второму.

Если предположить, что въ пѣснѣ отражаются именно тѣ явленія, изъ которыхъ слагается жизнь, то и Мотаня будетъ отраженіемъ интересовъ той среды, въ которой она получила свое начало. Но извѣстно, что безъ причины не бываетъ послѣдствій, и каждое явленіе находитъ для себя оправданіе въ условіяхъ жизни.

Существуетъ мнѣніе, что причина огрубѣлости нравовъ заключается въ отсутствіи какихъ бы ни было начинаній въ видахъ облагороженія душевныхъ свойствъ народа. Мнѣніе это имѣетъ большую долю правды, если принять въ разсчетъ всю безконечную Россію, но не отдѣльные пункты. Такіе центры, какъ, напримѣръ, Саратовъ, наслаждающійся Мотаней, нельзя сказать, чтобы не давали ничего для духовной пищи населенія. Положимъ, у насъ нѣтъ народнаго театра, но есть театръ городской, въ которомъ во время зимняго сезона даются по два раза въ недѣлю общедоступные по цѣнѣ за входные билеты спектакли; есть драматическое общество, бываютъ дѣтскіе спектакли въ частныхъ домахъ и даже въ начальныхъ городскихъ училищахъ, на которые, въ качествѣ зрителей, приглашаются и родители учащихся. Благодаря заботливости бывшаго предсѣдателя попечительной коммисіи объ этихъ училищахъ, В. Д. Вакурова, школа у насъ поставлена очень высоко; обучающіяся въ нихъ дѣти, хотя еще и очень маленькія, но можно сказать главные наши граждане; всѣ народные праздники и торжества устраиваются исключительно для нихъ, и вездѣ они фигурируютъ на первомъ планѣ. Преобладающее большинство учительницъ и учителей обращаются съ дѣтьми чрезвычайно гуманно и съ родителями дѣтей поддерживается тѣсное единеніе. За все время существованія школъ не встрѣчалось примѣра какой-нибудь крупной, грубой шалости со стороны дѣтей. Можетъ

ли быть, чтобы такія начала не вносили благотворнаго свѣта въ тѣ семьи, дѣти которыхъ обучаются въ школахъ.

Дальнѣйшимъ подспорьемъ школы можетъ служить общественная библіотека, за право чтенія въ которой книгъ и газетъ не требуется никакой платы. Кромѣ того, осенью и зимою происходятъ у насъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, по праздничнымъ днямъ, чтенія для народа, съ туманными картинами.

Но это и все, чѣмъ мы можемъ похвалиться. Если же сообразить, что „общедоступные" спектакли далеко не всѣмъ по карману, что общественная библіотека тоже требуетъ соблюденія извѣстныхъ правилъ и условій, а число школъ далеко не соотвѣтствуетъ размѣрамъ населенія, то очевидно будетъ, что значительная масса его остается внѣ круга цивилизаціи, и что ограниченному числу школьныхъ преподавательницъ и преподавателей бороться съ господствующею аномаліею не подъ силу. Дѣтскія торжества и празднества, сколько они ни благотворны по своимъ вліяніямъ въ будущемъ, въ данную минуту представляютъ пока внѣшнюю сторону жизни, существенное значеніе которой составляетъ внутренній ея складъ. И если только коснуться этого „нутра", сейчасъ же можно увидѣть, что жизнь населенія измѣнилась до неузнаваемости и приняла другое направленіе, такъ какъ измѣнились и самыя условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь. У насъ развивается жизнь клубная, трактирная, бульварная, уличная; но интимная жизнь семейнаго характера встрѣчается все рѣже и рѣже. Нѣтъ центровъ, способныхъ сгруппировать въ одно цѣлое тотъ или другой общественный элементъ; нѣтъ людей, которые считали бы необходимость такой сплоченности надежнымъ оплотомъ на пути нравственнаго преуспѣянія общества. Преобладаніе жизни въ одиночку и отсутствіе въ ней семейственнаго, кружковаго начала не можетъ же проходить незамѣченнымъ въ народныхъ массахъ, не послужить для нихъ хотя бы косвеннымъ примѣромъ и не отозваться неблагопріятно и на ихъ бытѣ. Могу увѣрить, что пишущій эти строки былъ бы душевно радъ, еслибы кто нибудь изъ однообщественниковъ потрудился доказать ошибочность его выводовъ и указать на „настоящую суть". Въ ожиданіи, когда разъяснится поставленный вопросъ, позволю себѣ придержаться собственнаго взгляда и иллюстрирую его нѣкоторыми фактами изъ жизни, хотя бы нашего общественнаго городского самоуправленія.

Выше я упомянулъ, что забота о начальныхъ городскихъ училищахъ была возложена думою на особое попечительство, предсѣдателемъ котораго былъ гласный думы, г. Вакуровъ. Въ послѣднее время „попечительство" это пришлось не то что упразднить, а, вѣрнѣе сказать, переименовать въ исполнительную коммиссію, которую дума имѣ-

етъ право избирать по Городовому Положенію. Составъ коммиссіи— прежняго попечительства, не измѣнился; но чтобы дать возможность г. Вакурову сохранить мѣсто предсѣдателя, дума предложила ему баллотироваться въ члены городской управы (?). Не смотря на отказъ г. Вакурова, его все-таки избрали членомъ и даже возбудили вопросъ о жалованьѣ, окончательное разрѣшеніе котораго отложили до слѣдующаго засѣданія. На засѣданіи этомъ, происходившемъ 14 мая, прежде всего возникли пренія вслѣдствіе отказа г. Вакурова отъ званія члена управы, а слѣдовательно и предсѣдателя училищной коммисіи. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла выписываю изъ мѣстной газеты „Дневникъ" № 105.

„Предсѣдатель собранія (городской голова) старался дать понять гг. гласнымъ, что отказъ этотъ объясняется тѣмъ, что поставленный въ прошломъ засѣданіи вопросъ о вознагражденіи не былъ тогда же рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Съ начала г. предсѣдатель только намекалъ на это обстоятельство, а потомъ, когда былъ поставленъ вопросъ, уполномочилъ ли г. Вакуровъ г. предсѣдателя заявить думѣ о желаніи служить за вознагражденіе?—г. предсѣдатель прямо заявилъ, что онъ лично слышалъ отъ г. Вакурова, что послѣдній согласенъ быть членомъ управы только въ томъ случаѣ, если ему будетъ назначено соотвѣтственное званію жалованье. На этомъ основаніи г. предсѣдатель предложилъ назначить новому члену вознагражденіе и просить г. Вакурова не отказываться отъ званія члена. Предсѣдатель выражалъ надежду, что при такомъ условіи г. Вакуровъ возьметъ назадъ свое заявленіе объ отставкѣ. Но большинству гласныхъ предложеніе это не понравилось. Одинъ гласный высказалъ, что онъ считаетъ неприличнымъ играть въ жмурки, находя объясненіе предсѣдателя относительно мотивовъ отказа г. Вакурова маловѣроятнымъ... Вакуровъ—сказалъ гласный—какъ человѣкъ, матеріально обезпеченный и преданный дѣлу народнаго образованія, не станетъ прибѣгать къ такому средству полученія жалованья какъ фиктивный отказъ отъ должности, на которую онъ избранъ единогласно. Если бы онъ желалъ получать вознагражденіе за свой трудъ, то заявилъ бы объ этомъ прямо, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ. Несмотря на все стараніе г. предсѣдателя убѣдить гг. гласныхъ въ вѣрности своего предположенія, несмотря на то, что ради этого имъ былъ сдѣланъ даже перерывъ, чтобы уговорить гласныхъ каждаго по одиночкѣ, собраніе большинствомъ голосовъ постановило, отклонивъ предложеніе г. предсѣдателя, благодарить Вакурова за его прежнюю службу и пригласить его участвовать въ коммисіи какъ члена училищнаго совѣта отъ города".

Послѣ того, въ 107 № „Дневника“ напечатано „разъясненіе г. Вакурова“, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

„При избраніи меня (Вакурова) членомъ управы, въ засѣданіи городской думы 14 мая, я до избранія и послѣ него лично заявлялъ думѣ о невозможности для меня принять на себя эту обязанность и, наконецъ, видя, что несмотря на мое неоднократное заявленіе объ отказѣ, поставленъ уже вопросъ о назначеніи мнѣ содержанія, я повторилъ свой отказъ уже письменно, на имя городского головы, въ самой категорической формѣ. Не могу понять, что̀ могло дать поводъ А. И. Недошивину (голова), послѣ поданнаго мною заявленія, увѣрять гг. гласныхъ, что я приму эту должность, если только мнѣ назначатъ содержаніе, на что я его вовсе не уполномочивалъ... Вся предшествовавшая моя дѣятельность въ различныхъ должностяхъ, въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ, посвященная безвозмездно городскому обществу, должна свидѣтельствовать, насколько денежныя соображенія входили въ мои разсчеты при исполненіи общественныхъ обязанностей. Напротивъ, охотно жертвуя общественнымъ интересамъ и цѣлямъ, своимъ временемъ, своими силами, трудами и знаніемъ, я не отказывался въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвовать на общее и доброе дѣло, особенно на любимое мною дѣло народнаго образованія, даже личными моими денежными средствами. Послѣ всего этого легко понять, что, привыкнувъ во всю жизнь смотрѣть обществу въ глаза прямо и служить ему безкорыстно и честно, мнѣ въ данномъ случаѣ не было никакой надобности играть съ городскою думою въ „жмурки“ и „фиктивно“, будто-бы изъ-за денегъ, отказываться отъ должности члена управы; словомъ—прибѣгать къ уловкамъ, свойственнымъ лишь тѣмъ господамъ, которые, положивъ хорошій кусокъ общественнаго пирога за пазуху, ратуютъ за его неприкосновенность“.

Такъ закончилась предсѣдательская дѣятельность въ училищномъ попечительствѣ человѣка университетскаго образованія, которому городъ обязанъ дѣйствительно очень многимъ, и отказъ его отъ предсѣдательства не замедлилъ отразиться на жизни учительницъ и учителей городскихъ школъ. Одна учительница получила отъ г. инспектора народныхъ училищъ отпускъ на каникулярное время, а городская управа тотчасъ же постановила: прекратить ей производство жалованья. Другой фактъ. Учитель, имѣя надобность въ отпускѣ, получилъ его ужъ отъ управы, но его предупредили, что отпускъ этотъ не имѣетъ значенія и долженъ быть испрошенъ у инспектора.

За послѣднее время въ дѣятельности городского общественнаго управленія накопилось столько казусовъ, что сообщаю еще о нѣкоторыхъ.

Существуетъ у насъ въ Саратовѣ Александровское ремесленное

училище, одно изъ прекраснѣйшихъ и полезнѣйшихъ учрежденій думы. Училищемъ завѣдывалъ особый совѣтъ изъ гг. гласныхъ той же думы, и вотъ, въ засѣданіи думы 23 мая былъ разсмотрѣнъ докладъ особой коммиссіи по постройкѣ „Радищевскаго музея", который вчернѣ отстроенъ еще осенью прошлаго года, — докладъ о неисполненіи Александровскимъ училищемъ взятаго имъ подряда по устройству рамъ и дверей для музея. Подрядъ взятъ училищемъ въ мартѣ 1883 г., причемъ ему отпущено на покупку лѣса 700 руб. Несмотря на столь продолжительное время, училище подряда не исполнило и на требованія коммиссіи отвѣта не давало, а 15 мая совѣтъ „сообщилъ", что училище не можетъ исполнить подряда. Получивъ такое „отношеніе", членъ коммиссіи по постройкѣ музея, г. Песковъ, отправился въ училище, чтобы опредѣлить количество заготовленнаго лѣса (это черезъ 14-ть мѣсяцевъ). Оказалось, что лѣса въ наличности только на двѣ рамы!..

Коммиссія по постройкѣ музея и совѣтъ Александровскаго училища, какъ сказано выше, состоятъ изъ гг. гласныхъ, дѣйствующихъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ думы. Спрашивается поэтому: кто, съ кѣмъ и о чемъ переписывался больше года и не проще ли было пойти и взглянуть — дѣлаются ли рамы? Но вѣдь тогда не было бы поводовъ къ докладамъ и дебатамъ, не было бы сожалѣній о напрасно потраченномъ времени и жалобъ на убытки, которые, кстати сказать, поручено взыскать коммиссіи — „какъ она пожелаетъ" (?).

Финалъ этого дѣла прочли саратовцы въ 112 № „Дневника":

„Александровское училище приняло подрядъ постройки рамъ для музея по цѣнѣ 6 р. за раму. За отказомъ училища отъ подряда, городская управа назначила на 23 мая торги, на которые явились 6 столяровъ, намѣревавшихся взять подрядъ по цѣнѣ отъ 8 до 9-ти руб. за штуку; но оказалось, что столяры ходили напрасно, — торговъ не было, а подрядъ на рамы сданъ кому-то, какъ слышно безъ торговъ, по цѣнѣ свыше 11 руб. за штуку" [1])...

---

[1]) Черезъ три дня послѣ того, какъ я отправилъ настоящее письмо, въ мѣстныхъ газетахъ появилось слѣдующее разъясненіе предсѣдателя совѣта александровскаго училища В. Д. Вакурова: „Вопросъ о постройкѣ александровскимъ училищемъ рамъ для Радищевскаго музея былъ предложенъ думѣ (на засѣданіи 23 мая) *въ совершенно извращенномъ видѣ...* Заявленіе гласнаго г. Пескова, что заготовленнаго лѣсу въ училищѣ только на двѣ рамы — *не вѣрно:* лѣсу осталось на 60 рамъ большихъ и полный комплектъ для 30 рамъ подвальнаго этажа; лѣсъ этотъ находится въ училищѣ на лицо и его можно провѣрить. Изъ заготовленнаго лѣса сдѣлано было училищемъ 63 рамы, которыя и находятся въ помѣщеніи музея" и пр., и пр.

Рамы эти въ настоящее время уже вставлены въ окна музея.

25-го мая въ думѣ происходили выборы земскихъ гласныхъ отъ города на предстоящее трехлѣтіе. Изъ общаго числа значившихся по списку представителей явилось только 13, большею частью занимающихъ оффиціальное положеніе. Между тѣмъ, избрать слѣдовало, не считая кандидатовъ, 15 гласныхъ. Выборы состоялись только потому, что два лица, случайно зашедшія въ думу, „были насильно затащены въ залу".

Но въ другихъ случаяхъ городское общественное управленіе проявляетъ энергію, достойную лучшей участи. Въ мѣстныхъ газетахъ разсказывается не одинъ случай, какъ управа, напримѣръ, взыскиваетъ недоимки налога съ недвижимыхъ имуществъ.

Н. И.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1884.

Внѣшняя политика Англіи и положеніе министерства Гладстона.—Международная конференція въ Лондонѣ.—Колоніальныя попытки европейскихъ державъ.—Закладка новаго зданія германскаго парламента.—Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи.—Столкновеніе между Сербіею и Болгаріею.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

Англія всегда занимала и занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди великихъ державъ Европы: располагая арміею, менѣе значительною, чѣмъ даже, напримѣръ, бельгійская, она поддерживаетъ свое военное могущество во всѣхъ частяхъ свѣта и сохраняетъ вліятельный голосъ въ дѣлахъ европейскаго материка. Играть эту трудную и часто опасную роль при современномъ развитіи военнаго дѣла въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта—Англіи удавалось до сихъ поръ, благодаря, между прочимъ, энергіи и искуству англійскихъ государственныхъ людей; даже такіе смѣлые дѣятели, какъ лордъ Биконсфильдъ, убѣждаются рано или поздно, что безъ многочисленныхъ военныхъ силъ весьма рискованно слѣдовать дѣятельной континентальной политикѣ. Въ прежнія времена правители Англіи покупали содѣйствіе дружественныхъ государствъ посредствомъ щедрыхъ денежныхъ субсидій, а также нанимали чужія войска за из-

вѣстную плату; эти способы процвѣтали еще во время наполеоновскихъ войнъ, но вышли изъ употребленія въ настоящее время. Военная сила не пріобрѣтается уже за деньги; она нигдѣ не продается съ аукціона для увеличенія доходовъ мелкихъ владѣтелей, какъ это было въ прошедшемъ столѣтіи въ Германіи. Англичанамъ приходится разсчитывать на свою собственную военную организацію, а эта организація остается въ общихъ чертахъ тою же самою, какою была полъ-столѣтія тому назадъ. Повсюду господствуетъ всеобщая воинская повинность, сотни тысячъ солдатъ ежегодно пополняютъ собою ряды армій, численность войскъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ давно дошла до милліонной цифры, а Англія держится старой системы вербовокъ и довольствуется сознаніемъ своего безспорнаго господства на моряхъ. Но броненосцы все болѣе нуждаются въ подкрѣпленіи сухопутными отрядами, морскія экспедиціи все чаще оказываются безсильными противъ непріятеля, дѣйствующаго на сушѣ, и военныя столкновенія все рѣже ограничиваются моремъ при нынѣшнемъ характерѣ войны,—такъ что для Англіи естественно возникаетъ вопросъ, возможно ли ей поддерживать свое вліятельное положеніе въ Европѣ при измѣнившихся военно-политическихъ обстоятельствахъ. Измѣнились также условія борьбы съ азіатскими и африканскими племенами, которыя въ былое время легко подчинялись превосходству оружія и мужества англичанъ; теперь усовершенствованныя ружья и пушки находятся во всеобщемъ употребленіи, они столь же убійственны въ рукахъ афганцевъ, зулусовъ и суданскихъ арабовъ, какъ и въ рукахъ просвѣщенныхъ европейцевъ. Неудачи лорда Биконсфильда въ Афганистанѣ и въ странѣ зулусовъ, какъ и новѣйшія усложненія въ Египтѣ, указываютъ на коренную перемѣну въ условіяхъ внѣшняго величія Англіи, а вовсе не на слабость того или другого министерства. Англія не въ состояніи выставить столько войскъ, сколько требуется для поддержки ея обширныхъ пріобрѣтеній и интересовъ; она не можетъ ни въ какомъ случаѣ соперничать съ Франціею и принуждена считаться съ нею всякій разъ, когда дѣло идетъ объ обоюдныхъ ихъ отношеніяхъ въ колоніальной политикѣ. Нерѣшительность Гладстона въ египетскомъ вопросѣ объясняется именно этимъ пониманіемъ военнаго безсилія по отношенію къ такимъ противникамъ, какъ суданскій „пророкъ", предводитель многихъ десятковъ тысячъ безстрашныхъ и хорошо вооруженныхъ арабовъ. Послать нѣсколько тысячъ солдатъ для охраны прибрежныхъ пунктовъ Краснаго моря,—это уже предполагаетъ значительныя усилія со стороны англійскаго военнаго министерства; но чтобы довести дѣло до конца и окончательно возстановить безопасность Египта, необходимо было бы отправить туда чуть ли не

половину всего наличнаго состава англійской арміи. Колоніальныя войны связаны вообще съ большими трудностями, чувствительными и для первоклассснаго военнаго государства; въ данномъ же случаѣ присоединяется еще отсутствіе достаточныхъ военныхъ силъ въ метрополіи. То, что безъ особеннаго риска могло быть сдѣлано Франціею для подавленія китайскихъ попытокъ въ Тонкинѣ, разстроило бы на долго военныя средства Англіи; быстрый успѣхъ генерала Уолеслея въ борьбѣ съ забитыми феллахами, собранными Араби-пашою, зависѣлъ отъ свойствъ тогдашняго врага и отъ счастливыхъ случайностей, повтореніе которыхъ не всегда возможно. Удачная битва при Тель-эль-Кебирѣ (въ сентябрѣ 1882 года) является лишь отдѣльнымъ эпизодомъ въ египетскомъ кризисѣ; обычные результаты побѣды не нашли своевременной опоры въ дальнѣйшихъ военныхъ мѣрахъ, требовавшихъ внушительнаго сосредоточенія войскъ въ южныхъ предѣлахъ Египта.

Съ одной стороны, традиціонная политика Англіи возлагаетъ на правительство обязанность дѣйствовать энергически въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ замѣшаны или затронуты интересы англичанъ; общественное мнѣніе, проникнутое еще гордыми идеями временъ Роберта Пиля и Пальмерстона, настойчиво взываетъ къ вмѣшательству, жаждетъ скорыхъ и рѣшительныхъ побѣдъ, пренебрегаетъ чувствами Франціи и горячо нападаетъ на миролюбиваго Гладстона,— а съ другой стороны, эта же воинственная оппозиція, захватывающая все глубже либеральные слои общества, первая возмутилась бы противъ министерства, которое осмѣлилось бы предложить введеніе всеобщей воинской повинности въ Англіи или по крайней мѣрѣ увеличеніе численности войскъ втрое или вчетверо, сообразно усилившимся потребностямъ и полномочіямъ англійскаго военнаго управленія. Въ лондонскихъ газетахъ печатается много писемъ, выражающихъ патріотическое негодованіе по поводу „позорнаго бездѣйствія“ правительства въ Суданѣ и въ другихъ мѣстахъ; консервативные ораторы жалуются на упадокъ обаянія Англіи и рѣзко осуждаютъ образъ дѣйствій кабинета; спеціальные корреспонденты телеграфируютъ изъ Египта, что они должны краснѣть за Англію и что имъ стыдно быть британскими гражданами. Всѣ эти ламентаціи, которыми переполнена значительная часть англійской печати за послѣдніе мѣсяцы, выходятъ изъ ложнаго предположенія, что Англія—такая же военная держава, какъ Франція или Германія, и что ея внѣшняя политика имѣетъ въ своемъ распоряженіи соотвѣтственные способы дѣйствія. Чувство патріотизма ослѣпляетъ англійскихъ консерваторовъ и ихъ приверженцевъ; имъ кажется, что нужна только смѣлость и рѣшимость, чтобы пойти побѣдоносно по стопамъ Питта старшаго. Они не огля-

дываются вокругъ, не видятъ громадныхъ различій между прежними и настоящими условіями военныхъ предпріятій, мечтаютъ о побѣдахъ безъ войска, объ арміяхъ безъ воинской повинности, о внѣшнемъ величіи безъ новыхъ жертвъ. Они возстаютъ противъ всякихъ уступокъ требованіямъ другихъ великихъ державъ и разсуждаютъ такимъ тономъ, точно добрая воля Англіи есть рѣшающая сила въ Европѣ. Односторонніе патріоты, обращающіе свои взоры на Египетъ, на Магадаскаръ и на всѣ страны міра, забываютъ положеніе дѣлъ въ своей собственной странѣ, забываютъ принять во вниманіе прозаическіе разсчеты, которыми обязательно должны руководствоваться отвѣтственные министры, и такимъ образомъ даютъ совершенно превратную постановку текущимъ политическимъ вопросамъ. Споры вращаются около того, почему Гладстонъ медлитъ исполненіемъ общихъ желаній, почему онъ не подчиняется господствующему настроенію и не предпринимаетъ экспедиціи для водворенія порядка въ Суданѣ, почему онъ столь внимательно выслушиваетъ заявленія Франціи и не охраняетъ исключительнаго авторитета Англіи, почему онъ, наконецъ, не ссорится съ Россіею изъ-за присоединенія Мерва и Серахса къ россійскимъ владѣніямъ, на самой границѣ Герата, этого завѣтнаго „ключа къ Индіи". Непріятные или неудобные факты даютъ матеріалъ для выводовъ о пагубномъ направленіи министерской политики; но никому не приходитъ въ голову спросить, существуютъ ли готовыя средства для достиженія желаемыхъ цѣлей и имѣетъ ли Англія возможность осуществлять широкія притязанія патріотовъ. Указать откровенно на военную слабость Англіи считалось бы непатріотичнымъ, и ни одна изъ распространенныхъ газетъ не рѣшается затронуть эту сторону вопроса, опасаясь оттолкнуть отъ себя чувствительную къ подобнымъ намекамъ публику. Толпа не терпитъ указаній, обидныхъ для ея національнаго самолюбія. Она свергнетъ вчерашнихъ любимцевъ, если они усомнятся въ ея превосходствѣ и могуществѣ; она съ увлеченіемъ послѣдуетъ за людьми, которые льстятъ ея инстинктамъ и не признаютъ ничего неосуществимаго для великой націи. Патріотическіе возгласы, какой бы пустотою ни вѣяло отъ нихъ, всегда привлекаютъ толпу и доставляютъ популярность; ссылки на славные примѣры прошлаго и на постыдныя упущенія въ настоящемъ вытѣсняютъ изъ умовъ публики тѣ низменные доводы, которые можно бы противопоставить щедрымъ общественнымъ порывамъ, руководимымъ слѣпотою чувства или честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ. Англійскіе консерваторы не щадятъ словъ для осужденія Гладстона за то, что онъ позволилъ Россіи присоединить мѣстности, пограничныя съ Афганистаномъ, или что онъ не даетъ надлежащаго отпора Франціи; публика него-

дуетъ вмѣстѣ съ ораторами и публицистами, если судить по отзывамъ печати. Чарльзъ Марвинъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій о средней Азіи, помѣстилъ въ „Times"ѣ замѣтку, изъ которой ясно вытекаетъ необходимость объявить Россіи войну за присоединеніе Мерва и Серахса: читатели вспоминаютъ подвиги Пальмерстона и рукоплещутъ такого рода заявленіямъ. Уступая иногда давленію общественнаго мнѣнія, политическіе дѣятели дѣлаютъ шагъ въ духѣ консервативныхъ требованій и затѣмъ по-неволѣ останавливаются; остановка опять вызываетъ протесты, а неудачи сдѣланныхъ шаговъ направляютъ общія надежды въ сторону оппозиціи.

Насколько безнадежны попытки отрезвить возбужденныя патріотическія чувства даже въ такой просвѣщенной странѣ, какъ Англія— можно видѣть изъ шумной полемики, вызванной статьею журнала „Fortnightly Review" о внѣшней политикѣ. Статья помѣщена во главѣ іюньской книжки журнала и подписана буквою „G", намекая какъ-будто на авторство Гладстона; написана она тономъ авторитетнымъ, властнымъ, и вдобавокъ на нее указывается еще особо въ обычномъ политическомъ обозрѣніи, въ концѣ книжки, причемъ неизвѣстный авторъ названъ „вполнѣ компетентнымъ". Статья эта,— весьма небольшая по объему, — заслуживаетъ вниманія уже потому, что она характеризуетъ свойства тѣхъ мнѣній, которыя опасно еще проповѣдывать патріотамъ въ Англіи. „Наши международныя отношенія и обязательства, отвѣтственность, возлагаемая на насъ интересами нашей имперіи, участіе, на которое мы должны и можемъ претендовать въ дѣлахъ политическаго міра, — говорится въ статьѣ, — подверглись существенному измѣненію еще за нѣсколько лѣтъ до смерти Пальмерстона. Традиціи съ трудомъ вымираютъ въ мнѣніи людей, привыкшихъ держаться ихъ. Но въ исторіи каждаго народа рано или поздно наступаетъ періодъ, когда привязанность къ традиціи должна быть провѣрена обстоятельствами,—когда осуществимость и разумность стремленій должны быть измѣряемы способностью проводить ихъ на дѣлѣ. Еслибы Пальмерстонъ жилъ теперь среди насъ, онъ видѣлъ бы Европу, превращенную въ военный лагерь, великія европейскія державы, снабженныя военною организаціею, съ которою Англія не имѣетъ возможности соперничать, и практическій контроль европейской политики въ рукахъ Германіи. Никто не можетъ предсказать, какія перемѣны, какія движенія и бѣдствія могутъ возникнуть на почвѣ дѣйствующихъ нынѣ въ Европѣ силъ. Какія бы послѣдствія ни произошли, для Англіи желательно держаться какъ можно дальше отъ столкновеній и компрометирующихъ связей; она должна признать логику фактовъ, и гдѣ она безсильна контролировать, тамъ она должна сознательно избѣгать вмѣшатель-

ства". Англичане не могутъ слѣдовать за Германіею, съ которою у нихъ нѣтъ общихъ интересовъ. Авторъ не довѣряетъ князю Бисмарку и не совѣтуетъ полагаться на его дружбу. „Германскій канцлеръ,—объясняетъ онъ, — недавно высказалъ нѣсколько вѣжливыхъ и пріятныхъ комплиментовъ нашей странѣ. Онъ не разъ дѣлалъ видъ, что слѣдуетъ за нами въ извѣстныхъ политическихъ вопросахъ, и лица, имѣвшія случай наблюдать эту картину, невольно сравнивали ее съ поведеніемъ джентльмэна, который, кланяясь дамѣ, вѣжливо пропускаетъ ее впередъ. Но никого не можетъ обмануть эта внѣшность. Если Англія была предметомъ его церемоннаго вниманія, то Германія служитъ предметомъ его первыхъ и непрестанныхъ заботъ. Если онъ снисходительно предоставилъ намъ иниціативу въ разрѣшеніи пограничныхъ споровъ Греціи или Черногоріи, и позволилъ намъ дѣйствовать по своему въ Египтѣ, то онъ поступалъ такъ, конечно, не изъ одной вѣжливости, а по совершенно другимъ причинамъ, — именно вслѣдствіе убѣжденія, что въ этихъ случаяхъ не замѣшаны важные германскіе интересы и что для него полезно, сохраняя за собою рѣшающее вліяніе, оставить намъ возиться съ противорѣчащими притязаніями, тогда какъ онъ выступаетъ передъ Портою и передъ другими державами въ роли честнаго посредника. При настоящемъ положеніи дѣлъ, Англія обыкновенно раздражаетъ Россію, приписывая себѣ сдерживающее ее вліяніе, которое въ дѣйствительности принадлежитъ не Англіи, а германской имперіи. Можетъ казаться, что Англія остановила движеніе Россіи къ Константинополю шесть лѣтъ тому назадъ; но это дѣйствіе не могло быть предпринято безъ молчаливаго согласія или содѣйствія князя Бисмарка, который, въ случаѣ неудачи нашего шага, нашелъ бы несомнѣнно другія средства для ограниченія завоеваній Россіи, невыгодныхъ очевидно для интересовъ Германіи и Австріи". Враждовать съ Франціею и Россіею нѣтъ никакого разсчета англичанамъ, хотя это было бы какъ нельзя болѣе удобно для германской дипломатіи. „Съ каждою изъ этихъ странъ, — продолжаетъ авторъ,—мы имѣемъ тѣсныя и разнообразныя отношенія, касающіяся главнымъ образомъ не европейскихъ, а азіатскихъ и африканскихъ дѣлъ. Французскіе и англійскіе интересы идутъ рядомъ, соприкасаются и встрѣчаются между собою лицомъ къ лицу во всѣхъ частяхъ свѣта, въ Ньюфаундландѣ и въ Магадаскарѣ, въ Тихомъ и индійскомъ океанахъ. Наши отношенія съ Россіею касаются будущихъ судебъ нашей индійской имперіи. Поддержаніе удовлетворительныхъ отношеній съ самою западною и съ самою восточною державами европейскаго материка должно поэтому составлять главную цѣль и предметъ нашей иностранной политики".

Авторъ освѣщаетъ свою мысль историческими примѣрами. „Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ мы смотрѣли на Россію, какъ на естественнаго нашего врага. Мы предприняли противъ нея войну тридцать лѣтъ тому назадъ; мы открыто поддерживали ея противниковъ въ борьбѣ, разгорѣвшейся двадцать-три года спустя, а когда она вышла побѣдительницею, мы приняли на себя починъ въ сокращеніи плодовъ ея торжества. Что хорошаго произвели обѣ эти попытки? Слѣдствіемъ крымской войны было возстаніе въ Индіи; слѣдствіемъ русско-турецкой войны была афганская война. Прежде нашъ антагонизмъ съ Россіею на Востокѣ былъ, по крайней мѣрѣ, понятенъ; многіе изъ нашихъ государственныхъ людей твердо вѣрили, что путь въ Индію идетъ черезъ Турцію, и что турецкая имперія служитъ оплотомъ нашего индійскаго владычества противъ наступательныхъ движеній Россіи. Только весьма немногіе алармисты думаютъ теперь, что успѣхи Россіи въ тѣхъ краяхъ могли бы подвергнуть опасности наше господство въ Индостанѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Англія могла бы, пожалуй, съ бо́льшимъ спокойствіемъ отнестись къ установленію русской власти надъ Константинополемъ, чѣмъ нѣкоторыя другія націи. Если такое событіе никогда не случится, то не столько потому, что Англія высказалась бы противъ него, сколько потому, что державы, имѣющія силу предупредить подобную случайность, Германія и Австрія, не допустятъ ея".

Другими словами, Англія должна сблизиться съ Франціею и съ Россіею по весьма простому соображенію: это единственныя державы, съ которыми она можетъ сталкиваться въ своихъ важнѣйшихъ интересахъ, но съ которыми она не въ состояніи воевать, вслѣдствіе ихъ военно-континентальнаго характера. Надѣяться на возможную поддержку другихъ государствъ, начиная съ Германіи, нѣтъ основанія; притомъ вмѣшательство въ европейскую войну неудобно и даже опасно для Англіи. Когда вражда съ противниками не представляетъ никакого практическаго исхода и угрожаетъ лишь непріятными случайностями, то не остается другого разумнаго рѣшенія, какъ только вступленіе въ дружбу и даже въ союзъ съ соперниками. Два обстоятельства подкрѣпляютъ мысль о такомъ союзѣ. Прежде всего между Россіею и Франціею предполагается нѣкоторая общность интересовъ на случай вызывающихъ дѣйствій или непомѣрныхъ притязаній Германіи; о русско-французскомъ сближеніи мечтали выдающіеся дѣятели обѣихъ странъ, какъ, напримѣръ, Гамбетта и Скобелевъ,—такъ-что комбинація, предлагаемая англійскимъ публицистомъ, опиралась бы на реальную почву. Сверхъ того, Франція окрѣпла и усилилась за послѣдніе годы, и политическая программа ея пріобрѣла устойчивость и опредѣленность, при министерствѣ

Жюля Ферри. Пока колоніальныя попытки французовъ казались еще отдѣльными, разрозненными фактами, англичане относились къ нимъ враждебно и не скрывали своего раздраженія и неудовольствія; но блестящіе результаты тонкинской экспедиціи, присоединеніе Аннама и пріобрѣтеніе важныхъ выгодъ по договору съ Китаемъ, заставили Англію измѣнить свои взгляды на „авантюристскія" предпріятія французскаго правительства. Насмѣшки, упреки и нападки лондонской прессы сразу уступили мѣсто уваженію, одобренію и дружбѣ. Англичане стали упрекать французовъ за то, что они выговорили отъ китайцевъ извѣстныя выгоды исключительно въ пользу своей торговли, а не въ пользу европейской вообще и въ томъ числѣ англійской. Сближеніе съ Франціею оказалось вдругъ желательнымъ и даже необходимымъ. Этотъ вѣскій практическій мотивъ не упущенъ изъ виду авторомъ статьи въ „Fortnightly Review". Онъ пользуется также случаемъ, чтобы косвенно выразить громкую похвалу Жюлю Ферри. „Появленіе во Франціи министра съ твердыми и опредѣленными цѣлями, въ первый разъ со времени ея бѣдствій,—замѣчаетъ онъ,—представляетъ удобный случай для соглашенія съ Франціею, подобно тому „entente cordiale", которое постарался установить Пальмерстонъ при первомъ удобномъ случаѣ и которое болѣе всего другого способно помочь намъ въ нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ". Относительно Россіи дѣйствуетъ подобный же мотивъ: оставаясь съ нею въ холодныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ, нельзя препятствовать ей подвигаться къ Герату, тогда какъ посредствомъ дружбы можно достигнуть отъ нея нужныхъ уступокъ и удалить опасность, грозящую британскому спокойствію въ Остъ-Индіи. Повидимому, устами автора говоритъ логика фактовъ. „Есть ли что-нибудь неразумное или недостойное въ такомъ предложеніи? — спрашиваетъ онъ, какъ бы предвидя протесты патріотовъ:—нашъ проектъ означаетъ лишь практическое признаніе существующаго. Какъ европейская держава, мы едва ли можемъ играть руководящую роль. Не странно ли претендовать на мѣсто, которое намъ не принадлежитъ и принадлежать не можетъ? И какую выгоду извлечемъ мы изъ усилій, направленныхъ къ этой цѣли? Мы только впутаемся въ затрудненія, которыя могутъ навлечь на насъ позоръ. Мы напрасно будемъ брать на себя обязательства, къ исполненію которыхъ мы не приготовлены, и подвергаться опасностямъ, которыхъ имѣемъ возможность избѣгнуть. Желаніе играть неподходящую роль приводитъ къ унизительнымъ неудачамъ и къ безчисленнымъ столкновеніямъ. Наши сосѣди суть наши критики, и мы можемъ быть увѣрены, что они охотно отмѣчаютъ наши промахи и разочарованія. Путь долга

и цѣлесообразной дѣятельности открытъ предъ нами; онъ обезпечиваетъ охрану цѣлости и неприкосновенности нашей имперіи".

Эти разсужденія не заключаютъ въ себѣ ничего необычайнаго; сущность ихъ сводится къ проекту новаго тройственнаго союза, который,—еслибы онъ могъ состояться,—былъ бы весьма полезенъ для Англіи. Въ другое время проектъ встрѣтилъ бы сочувствіе, но теперь онъ произвелъ эффектъ противоположный,—отчасти благодаря видимой связи его съ идеями и дѣйствіями Гладстона. Патріоты получили богатую тэму для новыхъ взрывовъ негодованія. „Капитулировать передъ требованіями Франціи относительно Египта, орошеннаго кровью англичанъ въ бояхъ съ Араби-пашою и съ Османомъ-Дигмою,—значитъ проповѣдывать измѣну. Улыбнуться Россіи въ отвѣтъ на захватъ Мерва и Серахса,—это уже просто невѣроятно!" Публика отчасти успокоилась, когда личный секретарь премьера заявилъ печатно отъ его имени, что Гладстонъ не имѣетъ ничего общаго съ статьею „Fortnightly Review" и узналъ о ней только изъ замѣтки "Times'a". Очень возможно, что однимъ изъ лицъ, близко стоящихъ къ правительству, пущенъ былъ пробный шаръ въ видѣ журнальной статьи, со всѣми оттѣнками оффиціозности, съ цѣлью вызвать обсужденіе важнаго вопроса о характерѣ дальнѣйшей политики Англіи въ Европѣ. Авторъ сдѣлалъ только одну ошибку: онъ безъ всякой надобности задѣлъ князя Бисмарка и обрисовалъ его дипломатію самымъ непріязненнымъ образомъ, въ то время какъ самъ-же признаетъ его первенствующее вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ. Наканунѣ открытія въ Лондонѣ европейской конференціи для разрѣшенія египетскаго кризиса подобная выходка противъ германскаго канцлера была очевидно неумѣстна. Оставляя въ сторонѣ эту безтактность, нужно только удивляться тому, что фактическое содержаніе статьи не было даже разобрано, какъ слѣдуетъ, противниками министерства. Мысль статьи была отвергнута, какъ непатріотичная и унизительная для Англіи,—безъ всякой серьезной оцѣнки и безъ малѣйшаго подобія опроверженія. Что Франція и Россія не руководствуются желаніями англичанъ въ своихъ поступкахъ и требованіяхъ,—въ этомъ никто не сомнѣвается; но какъ обезпечить Англію отъ неудобныхъ дѣйствій Франціи и Россіи? Гладстонъ предлагаетъ соглашеніе съ обѣими державами, а горячіе патріоты стоятъ на почвѣ вражды, не рѣшаясь, однако, высказаться за войну, какъ за средство слишкомъ нелѣпое и явно неосуществимое. Ни войны, ни соглашенія,—такова пока программа консерваторовъ, направляемыхъ маркизомъ Салисбёри и лордомъ Черчиллемъ.

Конечно, туманная недосказанность, обѣщающая нѣчто въ будущемъ, обязательна для честолюбивой оппозиціи, заимствующей свою

главную силу изъ присущихъ народу инстинктовъ внѣшняго величія. Вожди консерваторовъ остерегаются сообщить публикѣ, какимъ способомъ они предотвратили бы событія, за которыя считаютъ отвѣтственнымъ либеральное министерство Гладстона. На прямой вопросъ по этому предмету, лордъ Салисбери отвѣчалъ уклончиво въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей: „дайте мнѣ депеши изъ Парижа, Берлина, Вѣны и Константинополя, и я скажу вамъ, что надо дѣлать". Говоря проще, — „сдѣлайте меня министромъ иностранныхъ дѣлъ, и я сообщу вамъ свою иностранную политику". Лордъ Салисбери самъ даетъ противъ себя оружіе; онъ какъ бы заранѣе допускаетъ предположеніе, что, помѣнявшись мѣстами съ графомъ Гренвиллемъ, онъ могъ бы очутиться въ необходимости поступать такъ же точно, какъ и нынѣшній кабинетъ, еслибы убѣдился изъ неизвѣстной ему нынѣ дипломатической переписки, что дѣйствовать иначе невозможно. А пока популярность оппозиціи растетъ, въ ожиданіи будущихъ ея подвиговъ въ области внѣшней политики. Критическій моментъ настанетъ по окончаніи лондонской конференціи, которая должна была собраться 17 (29) іюня. Результаты англо-французскаго соглашенія, положеннаго въ основу занятій этого международнаго съѣзда, будутъ тогда отданы на судъ парламента, и въ случаѣ слишкомъ замѣтной уступки въ пользу Франціи оппозиція предложитъ выразить порицаніе министерству, причемъ большинство можетъ передвинуться въ сторону патріотовъ. Французское правительство имѣло въ виду эту возможность и значительно съузило свои требованія, чтобы облегчить положеніе сочувственнаго ему либеральнаго кабинета. Тѣмъ не менѣе извѣстіе о сдѣлкѣ съ Франціею было принято какъ признакъ отступленія Гладстона отъ самостоятельныхъ шаговъ въ египетскомъ вопросѣ; оно породило сильное безпокойство въ политическихъ кружкахъ Англіи и еще болѣе возвысило шансы консерваторовъ.

Нельзя сказать, чтобы лондонская конференція имѣла дѣло съ возвышенными интересами по отношенію къ Египту. Дѣло идетъ объ устройствѣ финансовыхъ дѣлъ этой несчастной страны для того, чтобы доходы ея жителей могли исправно поступать въ руки иностранныхъ кредиторовъ, преимущественно французскихъ и—въ меньшей мѣрѣ—англійскихъ. Непосильные государственные долги, которыми обремененъ Египетъ, совершены главнымъ образомъ при предшественникѣ нынѣшняго хедива, Измаилѣ-пашѣ, который употребилъ занятыя суммы отчасти на свои личныя прихоти и на безумную роскошь. Измаилъ-паша доживаетъ свой вѣкъ въ богатствѣ и тратитъ массу денегъ въ Парижѣ и въ Италіи, а разоренные феллахи принуждены отдавать свои скудные заработки на попол-

неніе кармановъ иностранныхъ банкировъ и спекулянтовъ, интересы которыхъ ревниво охраняются двумя могущественными державами западной Европы. Робкій намекъ нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ на справедливое пониженіе процента по этимъ ростовщическимъ займамъ возбудилъ благородный гнѣвъ въ органахъ либеральной парижской печати, съ „Journal des Débats" во главѣ. Почтенная академическая газета находится въ рукахъ сенатора Леона Сэя и профессора Леруа-Больё,—экономистовъ, для которыхъ неприкосновенность всякой биржевой сдѣлки есть одинъ изъ священныхъ догматовъ политической экономіи. Впрочемъ, кромѣ финансовыхъ дѣлъ, лондонская конференція должна также заняться вопросомъ о нейтрализаціи Суэзскаго канала.

Заботы объ устройствѣ и пріобрѣтеніи новыхъ колоній составляютъ выдающуюся черту новѣйшей иностранной политики главныхъ европейскихъ государствъ. Франція, съ свойственною ей быстротою, успѣла въ короткое время возстановить свою утраченную славу первоклассной колоніальной державы. Недавно къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ она присоединила еще Камбоджу, обширную и богатую страну между Аннамомъ и Сіамомъ. Примѣру Франціи начинаетъ слѣдовать и Германія, хотя и въ весьма незначительной еще степени. Масса нѣмецкихъ эмигрантовъ, ежегодно выселяющихся въ Америку и теряющихъ связи съ родиною, давала бы сильный контингентъ для заселенія самостоятельныхъ колоній; но сравнительная слабость германскаго военнаго флота заставляетъ Германію дѣйствовать осторожно въ этомъ отношеніи.

Одна нѣмецкая фирма заняла небольшое пространство земли въ Южной Африкѣ, близъ Капской области, и положила начало самостоятельной нѣмецкой колоніи. Англія предложила управленію Капской области взять эту колонію подъ свое покровительство, но дѣло замедлилось, и по желанію колонистовъ они приняты подъ защиту германской имперіи, о чемъ князь Бисмаркъ сообщилъ оффиціально нѣмецкому консулу въ Капштадтѣ. Англійскому правительству, очевидно, нежелательно подобное сосѣдство, и оно категорически отрицаетъ право чужой державы устраивать свои колоніи рядомъ съ англійскими. Возникъ „вопросъ" объ Ангрѣ Пекенѣ,—какъ названа спорная мѣстность португальцами. Нѣсколько запросовъ и отвѣтовъ въ парламентѣ было вызвано этимъ вопросомъ; обнародовано нѣсколько дипломатическихъ депешъ, изъ которыхъ видно, что Англія игнорируетъ фактъ признанія колоніи германскою. Между обоими правительствами ведутся еще переговоры, не приведшіе еще ни къ

какому результату. Князь Бисмаркъ не имѣетъ возможности спорить съ англичанами на моряхъ и потому не настаиваетъ на своемъ правѣ; а нѣмецкія газеты раздражаются по поводу „неслыханныхъ притязаній“ лорда Дерби и печатаютъ длинныя статьи противъ Англіи. Рѣзкій образъ дѣйствій лондонскаго кабинета по такому сравнительно ничтожному поводу озадачилъ нѣмцевъ; въ этомъ случаѣ какъ будто примѣняются на практикѣ воззрѣнія автора статьи въ „Fortnightly Review“.

Нѣмецкіе патріоты объясняютъ по своему эту странную придирчивость Англіи. „Англичане чувствуютъ,—по словамъ „Кельнской газеты“,—что свободныя еще страны свѣта могутъ въ концѣ концовъ раздѣлиться между нѣмецкою и англійскою націями. Худосочное тѣло французскаго народа не допускаетъ правильной эмиграціи; напротивъ полнокровное германство ищетъ дѣвственныхъ земель, чтобы оплодотворить ихъ нѣмецкою силою и нравственностью. Когда Германія робко сдѣлала первый шагъ черезъ океанъ, англійскіе государственные люди тотчасъ-же увидѣли предъ собою развернувшуюся проблему, будетъ-ли міръ принадлежать англійской или нѣмецкой культурѣ, и они испугались неловкихъ движеній проснувшагося исполина“. При такомъ грандіозномъ значеніи спора объ Ангрѣ-Пекенѣ нельзя уже удивляться дѣйствіямъ Англіи, и нѣмцы не имѣютъ основанія негодовать на англичанъ. Глубокомысленныя объясненія всегда дѣйствуютъ успокоительно, и хорошо имѣть ихъ въ запасѣ для всякаго непріятнаго факта. Въ дѣйствительности, Англія имѣла предъ собою проблему, но не ту міровую, о которой философствуетъ „Кельнская газета“, а гораздо болѣе простую: владычица морей не можетъ допустить, чтобы Германія стала также, вслѣдъ за Франціею, подрывать господство англичанъ въ отдаленныхъ краяхъ. Нѣтъ ничего неудобнѣе европейскаго сосѣдства въ колоніяхъ, и оно повсюду устраняется или избѣгается Англіею; это съ давнихъ временъ составляетъ одно изъ правилъ англійской политической мудрости.

Либерализмъ находится въ загонѣ въ Германіи, но судьба его, повидимому, не отражается на парламентѣ, какъ учрежденіи постоянномъ, могущемъ вмѣщать въ себѣ и консервативные, и всякіе иные элементы народной жизни. Имперское правительство торжественно показало свое уваженіе къ парламенту вообще, независимо отъ его измѣнчиваго состава, по случаю закладки фундамента новаго зданія рейхстага. Празднество 9 іюня имѣло оффиціальный, военно-придворный оттѣнокъ. Въ императорскомъ актѣ, прочитанномъ княземъ Бисмаркомъ, выражено желаніе „создать достойное мѣсто для работы за-

конодательныхъ собраній", и заявлена надежда, что до отдаленнаго будущаго „эта работа будетъ всегда посвящена порядку, свободѣ, справедливости и равной любви ко всѣмъ частямъ народа". Императоръ Вильгельмъ положилъ первый камень, и затѣмъ по очереди всѣ принцы и принцессы, сановники, министры ударяли молоткомъ. Особенно звонко раздались три удара князя Бисмарка, направленные какъ-будто противъ упорной либеральной оппозиціи. Въ фундаментъ положены документы, долженствующіе свидѣтельствовать грядущимъ временамъ о величіи и состояніи нынѣшней германской имперіи,—воззваніе къ нѣмецкому народу отъ 17 января 1871 года о возстановленіи германской императорской власти, основные законы имперіи, памятная книжка за 1884 годъ, полная коллекція имперскихъ монетъ и планъ города Берлина. Многіе выдающіеся дѣятели парламента, бывшіе и настоящіе, присутствовали въ качествѣ зрителей; палату представлялъ собою оффиціально президентъ ея, фонъ-Левецовъ.

Изъ этого торжества нѣмцы выводятъ весьма правдоподобное заключеніе, что высшіе представители власти въ Германіи не предвидятъ скораго упраздненія имперскаго сейма, ибо въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія въ долговѣчности этого института, они не стали-бы предпринимать чрезвычайно дорогую и роскошную постройку, спеціально приспособленную для парламентскихъ собраній. Это обстоятельство отчасти содѣйствовало поднятію духа въ нѣмецкомъ либеральномъ обществѣ. Съ своей стороны, правительство также достигло существеннаго успѣха во время окончившейся нынѣ (16-го іюня) сессіи рейхстага: законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ выдержалъ напоръ оппозиціи, при содѣйствіи націоналъ-либераловъ и партіи центра.

Либералы потерпѣли пораженіе тамъ, гдѣ всего менѣе можно было этого ожидать, и притомъ безъ всякаго участія правительства,—на вполнѣ законномъ основаніи. Въ Бельгіи происходили выборы для обновленія половиннаго состава нижней палаты, и значительное большинство, принадлежавшее прежде либераламъ, оказалось на сторонѣ клерикальной партіи. Министерство Фреръ-Орбана, управлявшее дѣлами болѣе шести лѣтъ, должно было уступить мѣсто умѣренно-клерикальному кабинету Малу. Клерикалы не впервые торжествуютъ на выборахъ въ Бельгіи; въ 1870 году они удивили міръ своею побѣдою и къ еще большему удивленію многихъ, пользовались ею благоразумно. Надо замѣтить, что бельгійская клерикальная партія имѣетъ испытанную политическую организацію и считаетъ въ своихъ рядахъ весьма даровитыхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей; она существуетъ независимо отъ ультрамонтановъ и не

своимъ принципамъ могла бы въ другихъ странахъ считаться весьма либеральною. Борьба партій движется на почвѣ довольно ограниченной,—въ Бельгіи нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, а избирательныя права принадлежатъ только лицамъ, уплачивающимъ прямыми налогами не менѣе двадцати нидерландскихъ гульденовъ. Причины поворота въ общественномъ мнѣніи страны не могутъ корениться особенно глубоко уже потому, что выборы происходятъ, такъ сказать, на поверхности, не захватывая многочисленныхъ низшихъ слоевъ населенія. Важнѣйшіе спорные вопросы, волнующіе бельгійскую печать, вращаются около учебнаго дѣла и избирательной реформы. Закономъ 1879 года народныя школы освобождены отъ вліянія католическаго духовенства, и теперь дѣло идетъ о возстановленіи въ нихъ религіознаго обученія. Избирательная реформа была лозунгомъ небольшой партіи прогрессистовъ, состоявшей всего изъ восьми человѣкъ, подъ предводительствомъ бельгійскаго Гамбетты—депутата Жансона, смѣлаго и краснорѣчиваго. Усилія этой партіи вызвать общественное движеніе въ пользу расширенія избирательныхъ правъ народа испугали высшіе классы, которые твердо желаютъ сохранить за собою исключительное участіе въ парламентскихъ выборахъ. Отсюда и поворотъ направо, въ сторону болѣе стойкихъ противниковъ реформы. Либералы винятъ во всемъ прогрессистовъ, которые потопили ихъ вмѣстѣ съ собою въ предпринятой реформаторской кампаніи; а прогрессисты не теряютъ своихъ надеждъ и готовятся къ новымъ усиліямъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что новое министерство, хотя и клерикальное, согласится на пересмотръ избирательнаго закона въ болѣе демократическомъ духѣ, чтобы положить конецъ агитаціи, значительно разростающейся въ народѣ.

Молодыя государства Балканскаго полуострова представляли недавно странное зрѣлище: Сербія поссорилась съ Болгаріею по всѣмъ правиламъ международнаго искусства; были тутъ и ультиматумы, и дипломатическія угрозы, и даже пограничныя столкновенія. Покровительствующія державы поспѣшили разнять спорщиковъ, и дѣло улажено безъ опасныхъ послѣдствій.

Что же побудило освобожденные отъ турокъ народы кинуться другъ на друга, забывъ объ общихъ славянскихъ интересахъ и симпатіяхъ? Въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, никакихъ симпатій не существовало и ранѣе между сербами и болгарами; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, славянское единство остается лишь пустымъ словомъ. Сербы ненавидятъ болгаръ и не стѣснялись нарушать ихъ права даже въ эпоху борьбы противъ турецкаго вла-

дичества; въ свою очередь, болгары издавна раздражены противъ сербовъ и отчасти не безъ основанія. Сербія расширялась къ югу насчетъ болгарской народности, пользуясь ея безправнымъ положеніемъ подъ турецкою властью. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, при князѣ Милошѣ, присоединена была къ сербскому княжеству, вдоль праваго берега Тимока, значительная область Краины, принадлежавшая прежде къ Виддинскому округу и населенная главнымъ образомъ болгарами. При помощи народныхъ школъ и духовенства болгарскій элементъ былъ искусственно „сербизированъ". Берлинскій конгрессъ 1878 года также сильно обидѣлъ болгаръ насчетъ сербовъ: богатыя южныя мѣстности, Нишъ, Пиротъ, Лешковацъ, Куршумлье и Вранья, не смотря на ихъ болгарское населеніе, уступлены были Сербіи. Болгары не могли забыть, что названные города до послѣдней турецкой войны находились въ предѣлахъ Дунайско-болгарской провинціи. Такъ какъ Сербія не могла получить свое естественное наслѣдство—сербскую Боснію, которая понадобилась австрійцамъ,—то она рада была увеличить свои владѣнія съ юга, надѣясь въ будущемъ „сербизировать" своихъ новыхъ болгарскихъ подданныхъ. Понятно, что болгары не могутъ быть за это благодарны сербскимъ „братьямъ". Какъ народъ тихій и мирный, привыкшій ко всякимъ невзгодамъ и обидамъ, болгары не обнаруживали открыто своихъ враждебныхъ чувствъ къ сербамъ.

Поводъ къ послѣдней ссорѣ подало бѣлградское правительство. Считая себя выше Болгаріи по рангу, въ качествѣ королевства, Сербія обратилась къ княжеству съ упреками и требованіями, выходившими за предѣлы обычныхъ дружескихъ отношеній между небольшими сосѣдними государствами. Въ Бѣлградѣ были недовольны пребываніемъ въ Болгаріи сербскихъ эмигрантовъ, которымъ удалось спастись отъ казни или заточенія послѣ прошлогодняго такъ-называемаго „мятежа" въ Тимокской области. Сербія требовала, чтобы этихъ эмигрантовъ удалили куда-нибудь подальше отъ сербской границы; затѣмъ она выразила желаніе, чтобы бывшему сербскому митрополиту Михаилу, отрѣшенному отъ должности королемъ Миланомъ, воспрещено было разъѣзжать по Болгаріи и встрѣчать въ ней сочувственный пріемъ. Притязанія сербскаго правительства показались ужъ через-чуръ высокомѣрными въ Софіи. Министры князя Александра, Цанковъ и Балабановъ, отвѣтили оригинально и не безъ остроумія: они потребовали немедленнаго очищенія пограничнаго поста близъ Брегово, по Тимоку, такъ какъ этотъ пунктъ входитъ будто бы въ составъ болгарской территоріи. Возбудивъ неожиданно совсѣмъ посторонній вопросъ, о которомъ до сихъ поръ и рѣчи не было, болгарскій кабинетъ далъ

ясно понять сербамъ, что на необычайныя требованія можно отвѣчать только такими же экстраординарными домогательствами. Чтобы сдѣлать урокъ болѣе чувствительнымъ, Болгарія привела въ исполненіе угрозу—силою занять постъ при Бреговѣ. Между тѣмъ, бѣлградскіе дипломаты и министры изслѣдовали вопросъ о Бреговской „караулѣ“ со всѣхъ сторонъ,—съ исторической, государственной, политической и военной точекъ зрѣнія. Вопросъ перешелъ въ канцеляріи могущественныхъ европейскихъ кабинетовъ, откуда вернулся въ Бѣлградъ и въ Софію въ видѣ категорическаго предписанія прекратить всякіе споры. При Бреговѣ, однако, было маленькое кровопролитіе; болгары стрѣляли въ сербовъ и побѣдоносно вытѣснили ихъ. Сербское чиновничество заговорило о готовности „лечь костьми“, и народная скупштина подтвердила эту рѣшимость въ примѣненіи къ войску. Разумѣется, всякій понималъ, что великія державы успѣютъ вмѣшаться во-время; но взаимное раздраженіе оставило свой слѣдъ и раскрыло передъ Европою одну изъ внутреннихъ болячекъ славянства.

Въ сѣверо-американской республикѣ начались лихорадочныя приготовленія къ выборамъ на должность президента Соединенныхъ штатовъ. Со времени убійства Гарфильда въ 1880 году, положеніе обѣихъ главныхъ партій—республиканской и демократической—значительно измѣнилось. Среди республиканцевъ образовался расколъ; рядомъ съ политиками по профессіи выступила группа „независимыхъ“, написавшихъ на своемъ знамени коренную реформу администраціи. Назначеніе на государственныя должности разсматривалось какъ законный способъ награды лицамъ, содѣйствовавшимъ избранію президента; личный составъ чиновничества измѣнялся сверху до низу при каждой правительственной перемѣнѣ въ Вашингтонѣ. Спеціальная профессія политикановъ вносила порчу и разладъ въ правильное дѣйствіе административной машины; добываніе мѣстъ связывалось съ агитаціею президентскихъ выборовъ, причемъ искатели заранѣе хлопочутъ въ пользу того или другого кандидата, отъ котораго могутъ ждать извѣстной доли участія въ добычѣ. Республиканцы господствуютъ почти непрерывно въ теченіе цѣлой четверти вѣка; они всегда одерживали свои избирательныя побѣды при помощи многочисленныхъ добровольныхъ агентовъ. Выпустить это оружіе изъ своихъ рукъ или оттолкнуть отъ себя массу политикановъ—они не рѣшаются, хотя и сознаютъ весь вредъ политиканства. „Независимые“ указываютъ на это, какъ на вопіющее зло; они предлагаютъ обставить замѣщеніе должностей надлежащими гарантіями, чтобы сдѣлать невозможнымъ наплывъ людей неподго-

товленныхъ или недобросовѣстныхъ въ сферу управленія. Президентскіе выборы должны быть для этого отдѣлены отъ интересовъ чиновничества. За реформу стоятъ всѣ выдающіеся и честные политическіе дѣятели: за нее принимался президентъ Гейсъ въ 1876 году, и объ ней думалъ президентъ Гарфильдъ, павшій жертвою своей рѣшимости въ самомъ началѣ своего управленія. Преемникъ Гарфильда, Арчеръ—личность безцвѣтная и мало популярная; онъ не подвинулъ вопроса впередъ, а скорѣе тормазилъ его рутинными соображеніями и пріемами. Въ концѣ настоящаго года истекаетъ срокъ его полномочій, и новый кандидатъ въ президенты уже выбранъ республиканскою партіею на общей конвенціи ея въ Чикаго, 6 іюня. Этимъ счастливымъ кандидатомъ оказался Джемсъ Блэнъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ при Гарфильдѣ и успѣвшій тогда въ короткое время возбудить неудовольствіе Англіи и другихъ державъ. Это одинъ изъ наиболѣе способныхъ и энергическихъ государственныхъ людей въ Америкѣ; онъ не имѣетъ себѣ равныхъ по личному авторитету и былъ серьезнымъ кандидатомъ въ президенты уже въ 1880 году, когда боролся успѣшно съ Грантомъ. Но онъ политикъ по профессіи, и ему не довѣряютъ „независимые“: лучшіе передовые органы нью-іоркской печати высказались рѣшительно противъ Блэна, въ ожиданіи рѣшенія демократической конвенціи, имѣющей собраться въ Чикаго въ началѣ будущаго мѣсяца. По всей вѣроятности, значительная часть республиканцевъ подастъ голоса за демократическаго кандидата, если избраніе его будетъ соотвѣтствовать требованіямъ и надеждамъ лучшей части сѣверо-американскаго народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля, 1884.

П. Н. Подлигайловъ, Мѣстное управленіе въ Россіи. С.-Петербургъ, 1884.

Книга г. Подлигайлова посвящена одному изъ самыхъ важныхъ очередныхъ вопросовъ нашего времени, но касается его далеко не со всѣхъ сторонъ; исторія мѣстнаго управленія въ Россіи изложена очень коротко; о разныхъ системахъ устройства его за границей говорится только мимоходомъ; основанія необходимой реформы намѣчены лишь слегка, въ самыхъ общихъ чертахъ. Всего лучше и всего полнѣе нарисована авторомъ картина нынѣ дѣйствующихъ порядковъ—но это предметъ слишкомъ извѣстный, чтобы о немъ можно было сказать много новаго, и заслуга г. Подлигайлова ограничивается здѣсь, по необходимости, удачной группировкой и вѣрнымъ освѣщеніемъ никѣмъ болѣе уже не оспариваемыхъ данныхъ. Несомнѣнное достоинство книги—это сочувствіе широкому, свободному развитію самоуправленія; горячность, съ которою авторъ защищаетъ свою тэму, иногда переходитъ даже въ крайность и становится тѣмъ, что французы называютъ le défaut d'une qualité. Едва ли, напримѣръ, можно согласиться съ опредѣленіемъ, которое онъ даетъ самоуправленію. „Самоуправленіе, — читаемъ мы на стр. 121,—это такой порядокъ управленія, при которомъ *все* населеніе опредѣленной территоріальной единицы, *безъ различія имущественнаго ценза*, черезъ посредство своихъ дѣйствительно выбранныхъ представителей, завѣдуетъ *рѣшительно всѣми* мѣстными дѣлами", безъ участія какихъ бы то ни было другихъ учрежденій. Понимаемое такимъ образомъ, самоуправленіе не существуетъ *нигдѣ;* опредѣленіе г. Подлигайлова соотвѣтствуетъ не дѣйствительности, а идеалу. Ошибка въ исходной точкѣ отражается и на результатахъ; слишкомъ высокая норма сравненія дѣлаетъ автора не вполнѣ справедливымъ къ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Положеніе городскихъ думъ крайне печально —это не подлежитъ ни малѣйшему спору, точно такъ же какъ и неудовлетворительность городового положенія; но все же нельзя сказать, чтобы думы находились подъ „неограниченной ферулой администраціи", чтобы „*главное* назначеніе ихъ заключалось въ удовлетвореніи обязательныхъ расходовъ". Чтобы убѣдиться въ преувели-

ченности этого вывода, стоитъ только вспомнить хотя бы исторію начальнаго обученія въ Москвѣ и Петербургѣ, со времени перехода его въ вѣденіе столичныхъ думъ. Другое преувеличеніе автора—это *ожиданіе*, что самоуправленіе (которое онъ, замѣтимъ въ скобкахъ, считаетъ возможнымъ при любомъ образѣ правленія) положитъ конецъ всякому злу и начало всякому благу. „Самоуправленіе уничтожитъ всякую сословную и капиталистическую рознь между разными классами населенія, свяжетъ индивидуальную жизнь отдѣльнаго человѣка съ коллективною жизнью общества, и будетъ способствовать полному торжеству справедливости и законности. Самоуправленіе—это солнце, одинаково разливающее свои благотворные лучи на всѣхъ и каждаго; это вѣрный залогъ человѣческаго прогресса и общаго благополучія; это интернаціонально-универсальный (!) бальзамъ противъ всѣхъ народныхъ недуговъ, общественныхъ язвъ, нищеты, голода, преступленій". Авторъ очевидно увлекся и приписалъ самоуправленію такую силу, которой оно, въ отдѣльности взятое, никогда не имѣло и имѣть не можетъ. Задача, о которой мечтаетъ г. Подлигайловъ, осуществима только путемъ глубокихъ перемѣнъ въ нравственномъ строѣ личности и въ соціально-политическомъ строѣ общества—перемѣнъ, тѣсно связанныхъ одна съ другою и зависящихъ отъ множества условій, между которыми самоуправленіе едва ли занимаетъ первое мѣсто.

Въ исторической части труда г. Подлигайлова мы замѣтили нѣсколько взглядовъ, отличающихся крайнею парадоксальностью. Екатерининское городовое положеніе авторъ называетъ „политическимъ компромиссомъ" и объясняетъ его отчасти „предвидѣніемъ печальныхъ послѣдствій", которыя могли произойти отъ введеннаго Екатериной правительственнаго дуализма (т.-е. отъ контраста между привилегіями дворянства и безправіемъ крестьянъ), отчасти „тяжелымъ впечатлѣніемъ народныхъ волненій". Желательно было бы знать, какія „печальныя послѣдствія" могли быть предупреждены той минимальной дозой городского самоуправленія, которая была дана Екатериной, съ какою „политическою" силой императрица при этомъ вступила въ сдѣлку и какимъ образомъ воспоминаніе о пугачевщинѣ могло повліять на образованіе городскихъ думъ. Если даже и допустить, что городовое положеніе было, въ глазахъ Екатерины, залогомъ мира и спокойствія въ городахъ, то не изъ городовъ же исходили тѣ „народныя волненія", на которыя намекаетъ авторъ. Еще менѣе основательнымъ кажется намъ сужденіе г. Подлигайлова о редакціонныхъ коммиссіяхъ 1859—60 г. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что онѣ „уединили крестьянскую реформу", отдѣливъ ее отъ всѣхъ остальныхъ, свели ее на вопросъ, „имѣвшій не общегосударственное, а совершенно узко-сословное значеніе", и поступили такимъ

образомъ потому, что „подчинились полному вліянію крѣпостнической партіи". Редакціонныя коммиссіи, подпавшія подъ власть крѣпостниковъ — это открытіе, принадлежащее всецѣло г. Подлигайлову; жаль, что онъ не потрудился обставить его хоть какими-нибудь фактическими данными. Ему слѣдовало бы доказать, во-первыхъ, что *одновременное* совершеніе *всѣхъ* реформъ (а не только крестьянской и административной) было когда-нибудь рѣшено въ принципѣ; во-вторыхъ, — что оно не состоялось именно по винѣ редакціонныхъ коммиссій; въ-третьихъ,—что *поштучное* (по излюбленному выраженію автора) осуществленіе реформъ *необходимо* должно было повлечь за собою ихъ искаженіе. Основныя положенія судебной реформы были утверждены черезъ полтора, судебные уставы—почти черезъ четыре года послѣ крестьянской реформы; развѣ это отозвалось на нихъ неблагопріятно, развѣ есть поводъ предполагать, что новый судъ, данный въ 1861 г., былъ бы выше того, который былъ данъ въ 1864? По мнѣнію г. Подлигайлова, лучше было отложить всѣ вообще реформы, чѣмъ совершить одну изъ нихъ (крестьянскую) отдѣльно отъ прочихъ. Кому извѣстны и памятны препятствія, съ которыми до конца должны были бороться редакціонныя коммиссіи, тотъ едва ли согласится съ этимъ мнѣніемъ. Periculum in mora несомнѣнно было на лицо, всякая отсрочка въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса — *общегосударственнаго* въ полномъ смыслѣ слова—могла обойтись слишкомъ дорогою цѣною. Нужно было, во что бы то ни стало, освободить Россію отъ главнаго изъ золъ, тяготѣвшихъ надъ нею; все остальное, въ сравненіи съ крѣпостнымъ правомъ, имѣло—если перенестись на точку зрѣнія тогдашней минуты—уже второстепенное значеніе. Возникнувъ посреди приготовленій къ одновременной передѣлкѣ всѣхъ сторонъ государственнаго устройства, реакція могла бы причинить еще больше зла, чѣмъ она принесла въ промежутокъ между отдѣльными преобразованіями.

—*Н. Г. Дебольскій*, Наше учебное вѣдомство и начальная школа. С.-Петербургъ, 1884.

Небольшая брошюра г. Дебольскаго представляетъ собою не общій обзоръ школьнаго дѣла, а опытъ разрѣшенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, отчасти удачный, отчасти неудачный. Авторъ совершенно правъ, когда доказываетъ возможность обойтись безъ попечителей (и управленій) учебныхъ округовъ, какъ излишней посредствующей инстанціи, напрасно ограничивающей свободу дѣйствія настоящихъ работниковъ учебнаго вѣдомства; когда возстаетъ противъ ненужныхъ стѣсненій, мѣшающихъ размноженію начальныхъ школъ и обусловливающихъ неподвижность и однообразіе школьнаго типа; когда признаетъ безполезнымъ искусственное поощреніе духовенства къ открытію начальныхъ школъ. Въ устахъ г. Дебольскаго

защита такихъ тезисовъ, какъ допущеніе въ начальной школѣ преподаванія на мѣстномъ нарѣчіи, какъ замѣна теперешняго каталога дозволенныхъ школьныхъ книгъ каталогомъ книгъ запрещенныхъ (т.-е. изъятіе изъ школьнаго обихода только книгъ, признанныхъ положительно *вредными*)—имѣетъ особенно важное значеніе, потому что вся предъидущая дѣятельность автора ограждаетъ его отъ подозрѣнія въ систематическомъ недоброжелательствѣ къ учебному вѣдомству. Ошибается г. Дебольскій, по нашему мнѣнію, когда усматриваетъ въ стремленіи земства къ нѣкоторой власти надъ школой—сознательное или безсознательное проявленіе *федерализма* (!), когда желаетъ уравнять земство съ другими учредителями начальныхъ школъ, когда предлагаетъ упраздненіе училищныхъ совѣтовъ, какъ „тормазовъ учебнаго вѣдомства", и сосредоточеніе въ рукахъ послѣдняго всѣхъ правительственныххъ функцій по отношенію къ начальной школѣ. Какъ бы то ни было, труды въ родѣ исполненнаго г. Дебольскимъ, несомнѣнно приносятъ свою долю пользы, напоминая правительству и обществу о ненормальномъ положеніи начальной школы и о необходимости пересмотра регулирующихъ ее законовъ.

— *Левъ Бразоль*, Мнимая польза и дѣйствительный вредъ оспопрививанія. С.-Петербургъ, 1884.
— *Д. Д. Ахшарумовъ*, Записка объ оспопрививаніи. Полтава, 1884.
— *Его же*, Болѣзнь злая корчь, или отравленіе спорыньей. Полтава, 1883.
— *М. А. Чистяковъ*, О сифилисѣ въ крестьянскомъ населеніи. С.-Петербургъ, 1884.

Всѣ эти брошюры имѣютъ значеніе не для однихъ только спеціалистовъ; съ наибольшимъ интересомъ можетъ быть прочитанъ всякимъ трудъ г. Бразоля, хорошимъ дополненіемъ къ которому служитъ первая записка г. Ахшарумова. И г. Бразоль, и г. Ахшарумовъ—убѣжденные, горячіе противники оспопрививанія. Даннымъ, ими приводимымъ и комментируемымъ, никакъ нельзя отказать въ вѣскости доказательности; во всякомъ случаѣ они достаточны для того, чтобы отвергнуть, впредь до болѣе всесторонняго изслѣдованія, обязательность оспопрививанія, которую готовы были уже провозгласить у насъ нѣкоторыя земства. Медицинская статистика, на которую преимущественно опирались защитники оспопрививанія, обращается въ рукахъ гг. Ахшарумова и Бразоля, въ могущественное орудіе противъ вакцинаціи; неправильность статистическихъ пріемовъ, господствовавшихъ до сихъ поръ и не вовсе еще оставленныхъ въ настоящее время, обнаружена г. Бразолемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Обычному тезису оспопрививателей: „со времени введенія вакцинаціи ослабѣла сила и уменьшилось распространеніе оспенныхъ эпидемій", г. Бразоль противопоставляетъ другой, прямо противоположный; онъ доказываетъ цифрами, что оспенныя эпидеміи семи-

десятыхъ годовъ во многихъ мѣстахъ превосходили своей злокачественностью злѣйшія эпидеміи прошедшаго вѣка. Къ этому слѣдуетъ прибавить положительную опасность, сопряженную съ оспопрививаніемъ (возможностѣ прививки золотухи и сифилиса, возможность воспалительныхъ процессовъ, рожи и т. п.). Если припомнить, кто и *какъ* занимается у насъ оспопрививаніемъ, особенно въ деревняхъ, то труды гг. Бразоля и Ахшарумова—въ связи съ другими работами того же направленія, вышедшими изъ-подъ пера русскихъ и иностранныхъ врачей,—должны пріобрѣсти особую важность въ глазахъ правительства, земскихъ учрежденій и всего общества.

Брошюра г. Ахшарумова объ отравленіи спорыньей обращаетъ вниманіе на одно изъ народныхъ бѣдствій, далеко не рѣдкое на югѣ Россіи. Не ограничиваясь картиной болѣзни и указаніемъ леченья, авторъ говоритъ о причинахъ, вызывающихъ появленіе рожковъ, о средствахъ предупредить его, объ очищеніи зерна отъ рожковъ и о способахъ изслѣдованія муки, въ которой подозрѣвается вредная примѣсь. Обязанная своимъ происхожденіемъ инициативѣ полтавскаго земства, работа г. Ахшарумова можетъ принести большую пользу, если результаты, къ которымъ пришелъ авторъ, будутъ доведены, вездѣ, гдѣ нужно, до свѣденія населенія. Послѣдній изъ названныхъ нами трудовъ также вызванъ заботливостью земства о народномъ здоровьѣ; ординаторъ калинкинской больницы М. А. Чистяковъ посланъ былъ медицинскимъ департаментомъ въ краснослободскій уѣздъ (пензенской губерніи) по просьбѣ тамошняго земскаго собранія, въ виду сильнаго распространенія въ уѣздѣ сифилитическихъ болѣзней. На самомъ дѣлѣ оказалось, что степень распространенія сифилиса въ данной мѣстности можетъ быть названа только среднею; но это, безъ сомнѣнія, ничуть не уменьшаетъ значенія изслѣдованій г. Чистякова. Средняя величина, простирающаяся до семи тысячъ (около одной двадцатой части населенія уѣзда)— цифра по-истинѣ поразительная; какой же процентъ должны составлять сифилитики въ тѣхъ уѣздахъ, которые наиболѣе заражены сифилисомъ?.. Необходимо замѣтить, что краснослободскій уѣздъ— мѣстность довольно глухая, населеніе его свободно отъ вреднаго вліянія большихъ городовъ, крупныхъ фабрикъ и т. п.; деревенская проституція — явленіе, не составляющее уже рѣдкаго исключенія— здѣсь еще не существуетъ. Источникомъ заразы служатъ преимущественно крестьяне, возвращающіеся изъ отхожихъ промысловъ. Если при такихъ условіяхъ поражено сифилисомъ 5% населенія, то необходимость принятія энергичныхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго развитія зла становится совершенно очевидной. Къ счастію, эта задача не такъ безнадежна, какъ думаютъ иные, признающіе леченье сифилиса мыслимымъ только въ больницахъ. Авторъ разбираемой на[...]

брошюры доказываетъ возможность и пользу амбулаторнаго леченья сифилитиковъ и указываетъ способъ организаціи его, доступный и при ограниченныхъ средствахъ. По справедливому замѣчанію г. Чистякова, борьба съ заразными болѣзнями вообще и съ сифилисомъ въ особенности принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ обязанностей земства; прибавимъ только, что на помощь ему должно придти и правительство. Безъ общихъ законодательныхъ мѣръ, безъ матеріальной поддержки, соразмѣряемой съ средствами данной мѣстности, усилія отдѣльныхъ земствъ не приведутъ къ желанной цѣли; сдѣланное въ достаточныхъ и хорошо управляемыхъ уѣздахъ будетъ парализуемо бездѣйствіемъ уѣздовъ бѣдныхъ или опутанныхъ рутиной.

— *І. М. Петриковскій.* Въ Америку! Кіевъ, 1884.
— *І. А. Немировскій.* Закулисная жизнь аптеки. Изъ записокъ фармацевта. Москва, 1883.

Какъ ни различны эти книги по своему содержанію, одно можно сказать и о той, и о другой: напрасно онѣ написаны въ полу-беллетристической формѣ, одинаково непосильной для обоихъ авторовъ. Судьба русско-еврейской эмиграціи въ Соединенныхъ Штатахъ не становится болѣе любопытной или болѣе поучительной отъ того, что параллельно съ нею изображаются, въ неумѣло-напыщенныхъ фразахъ, ощущенія разныхъ Мери,Ароновъ, Александровъ и т. п.; злоупотребленія аптекарей не выступаютъ на видъ болѣе рельефно вслѣдствіе того, что разсказъ о нихъ переплетается съ подробностями изъ жизни разсказчика. Есть, правда, особый родъ литературы, самымъ типическимъ представителемъ котораго служитъ недавно скончавшійся Чарльзъ Ридъ—литературы, ставящей себѣ задачей соединеніе романическаго интереса съ практической пользой; она берется, напримѣръ, доказать необходимость болѣе бдительнаго надзора за больницами для умалишенныхъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ занять и увлечь читателей запутанною интригой. Большого художественнаго достоинства за этимъ жанромъ признать нельзя, но все же онъ требуетъ нѣкотораго таланта, признаковъ котораго мы не видимъ, пока, ни у г. Петриковскаго, ни у г. Немировскаго. Факты ими приводимые, заслуживаютъ вниманія, но привлекли бы его въ гораздо большей мѣрѣ, еслибы для изложенія ихъ была выбрана другая, болѣе простая форма. Данныя, собранныя г. Немировскимъ, убѣждаютъ вполнѣ въ ненормальномъ положеніи аптечнаго дѣла, въ необходимости другой его постановки — но сосредоточенныя въ небольшой публицистической статьѣ, они произвели бы гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ растянутыя на двухъ стахъ страницахъ обличительной повѣсти.

—*Что читать народу?* Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами харьковской частной женской воскресной школы. С.-Петербургъ 1884.

Благодаря оригинальному пріему, употребленному составительницами этого труда, онъ можетъ занять мѣсто подлѣ или даже выше „Обзора народно-учебной литературы", изданнаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и потомъ дополненнаго, комитетомъ грамотности. Независимо отъ рецензій, мы находимъ здѣсь отзывы о книгахъ, идущіе отъ самихъ учащихся, т.-е. матеріалъ, въ высшей степени важный для оцѣнки народной и дѣтской литературы. Скажемъ болѣе: отзывы учащихся (между послѣдними есть и крестьяне, и горожане, и дѣти и подростки, и взрослые люди, такъ какъ записывались мнѣнія учениковъ и учеництъ и въ воскресной городской, и въ обыкновенной сельской начальной школѣ) дѣлаютъ разбираемую нами книгу весьма серьезнымъ вкладомъ въ народную психологію, позволяя заглянуть, съ мало извѣданной точки зрѣнія, въ народную душу. Практически полезный для всѣхъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ дѣлу воспитанія (большинство книгъ, годныхъ для народной школы, годится вѣдь и для дѣтей другихъ сословій), сборникъ харьковской воскресной школы пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, и общее значеніе, гораздо болѣе широкое, чѣмъ можно было бы думать, судя по его заглавію. Возьмемъ для примѣра, хотя бы тѣ страницы, которыя посвящены „Бирюку" Тургенева. Рецензіи этого разсказа сборникъ не даетъ вовсе—да она была бы и совершенно излишней, въ виду всѣмъ извѣстныхъ его достоинствъ, — но за то мы находимъ, отчасти въ подлинникѣ, отчасти въ извлеченіи, семь мнѣній о „Бирюкѣ", написанныхъ крестьянскими мальчиками и юношами, въ возрастѣ отъ одиннадцати до двѣнадцати слишкомъ лѣтъ. Учитель сельской школы предложилъ имъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: „Правильно ли поступилъ Бирюкъ, что отпустилъ мужика (срубившаго дерево) домой"? Утвердительно отвѣтилъ на этотъ вопросъ только *одинъ* ученикъ (такими словами: „правильно! онъ отпустилъ мужика домой, потому что пожалѣлъ его дѣтей"); остальные всѣ признали, что лѣсникъ, безъ позволенія хозяина, не долженъ былъ отпускать порубщика. У большинства, однако, этотъ суровый отвѣтъ смягчается признаніемъ, что мужикъ не былъ „настоящимъ воромъ", и похвалами Бирюку за доброту и „раздушевность". Одинъ изъ учениковъ оканчиваетъ свой отзывъ такъ: „мужикъ былъ отчаянный и дѣлался какъ разъяренный звѣрь, кричалъ и ругался, но Бирюкъ былъ кротокъ сердцемъ, все перенесъ и смилосердился. Бирюку слава!" Любопытно сопоставить крестьянскіе взгляды на Бирюка съ отзывами учениц городской воскресной школы о разсказѣ гр. Л. Н. Толстаго: „Неправедный судъ". Въ этомъ разсказѣ идетъ

рѣчь о купцѣ, обманувшемъ довѣрившагося ему товарища, сначала добившемся оправданія, но потомъ уличенномъ въ преступленіи и казненномъ по приказу царя. Учительницею былъ поставленъ вопросъ: „слѣдовало ли обманутому выпросить у царя помилованіе или хоть облегченіе казни обманщику, когда тотъ прощенья сталъ просить"? Ученицы городской воскресной школы отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно; въ сельской школѣ дѣвочки склонялись скорѣе къ утвердительному отвѣту, но мальчики твердо стояли за казнь обманщика. Въ обоихъ случаяхъ главною руководящею мыслью большинства было устрашающее значеніе наказанія: „если простить, другіе будутъ такъ поступать" — вотъ нота, повторяющаяся всего чаще. Дѣти, въ большей или меньшей степени, подчиняются, конечно, мнѣніямъ своихъ родителей; весьма интересно было бы изучить источникъ подобныхъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе и прослѣдить, съ одной стороны, насколько они отражаются въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, съ другой—насколько они измѣняются подъ вліяніемъ школы. Другихъ примѣровъ мы не приводимъ; сказаннаго нами достаточно, чтобы уяснить себѣ одну изъ главныхъ особенностей настоящаго изданія. Прибавимъ только, что оно окончательно устраняетъ всякія сомнѣнія въ способности учащихся начальной школы понимать многія изъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, написанныя не спеціально для дѣтей или народа. Какъ вѣрно и тонко, напримѣръ, прочувствованы красоты Тургеневскихъ „Пѣвцовъ" маленькими читателями и читательницами, и въ городѣ, и въ деревнѣ! „Я какъ читалъ это (описаніе пѣнія Якова),—пишетъ пятнадцатилѣтній крестьянскій мальчикъ,—у меня такъ сердце зашлося, что я не могъ сразу дочитать: духъ заняло". Мы пожалѣли отъ души, что страницы сборника, посвященныя „Запискамъ охотника", не могли быть прочитаны почившимъ художникомъ; онѣ доставили бы ему такое наслажденіе, какое онъ, по всей вѣроятности, рѣдко испытывалъ при чтеніи самыхъ восторженныхъ критическихъ о немъ статей.

Большою практичностью отличаются приложенія къ книгѣ — алфавитные указатели и въ особенности примѣрные каталоги школьныхъ библіотекъ (на сумму отъ 46 до 205 руб.). Какими побужденіями руководствовались почтенныя составительницы сборника, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по цѣнѣ его: громадный томъ въ 52½ печатныхъ листа (болѣе 800 страницъ), компактно и изящно напечатанныхъ въ два столбца, стоитъ *два* рубля! Если изданіе будетъ имѣть тотъ успѣхъ, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ, то весьма желательно было бы періодическое дополненіе его отзывами о вновь появляющихся книгахъ той же категоріи.

— *Маркъ Самойловъ*, „У моря“. Стихотворенія. С.-Петербургъ, 1884.

Нельзя не пожалѣть о трудѣ, напрасно потраченномъ авторомъ этой книги. Сдѣлать море тэмой нѣсколькихъ десятковъ стихотвореній—это такая задача, съ которою нелегко было бы справиться даже очень крупному таланту. У г. Самойлова она влечетъ за собою на каждомъ шагу натянутость сравненій, вымученность стиха; сознавая опасность однообразія, онъ старается избѣжать его—но грѣшитъ именно вслѣдствіе этихъ стараній, то манерностью формы, то вычурностью содержанія. На сцену являются то „свѣтотѣни широкихъ тревогъ“, то волны, „клокочущія губительной лавиной горъ“, то „безмолвныя груди, полныя утесами тоски“, то „вспыхивающій на мигъ тучекъ блѣдный перемигъ“, то „утесы вражды, висящіе, какъ свинецъ, средь необъятной жизни надъ плачущимъ моремъ сердецъ“, то ночной валъ, желающій „обнять жизнь смертей (?) въ чаду страстей“ и „бурнымъ сномъ на яву вмигъ прожить двѣ жизни“. Авторъ такихъ стиховъ опоздалъ на цѣлые полвѣка; они могли бы имѣть успѣхъ развѣ тогда, когда Бенедиктовъ считался великимъ поэтомъ. А между тѣмъ, г. Самойловъ не вовсе лишенъ дарованія; пьесъ, выдержанныхъ съ начала до конца, у него крайне мало, но встрѣчаются отдѣльныя мѣста, соединяющія въ себѣ теплоту чувства съ красотою формы. Такія стихотворенія, какъ „Ночь на морѣ“; „Въ мастерской“; „Катились надъ бездной двѣ быстрыхъ волны“; „Полночныя волны такъ нѣжно шептали“—выкупаютъ до извѣстной степени, многочисленные поэтическіе грѣхи автора.

— *Замѣтки присяжнаго засѣдателя*. С.-Петербургъ, 1884.

Заглавіе этой брошюры довольно заманчиво — и именно потому мы считаемъ не лишнимъ предостеречь противъ нея читателей. Насколько любопытны и поучительны впечатлѣнія, воспоминанія присяжныхъ, изложенныя искренно и правдиво, безъ предвзятой мысли, безъ декламацій, на основаніи лично пережитыхъ фактовъ, настолько же лишенъ всякаго значенія обвинительный актъ противъ новаго суда, полный общихъ мѣстъ, избитыхъ аргументовъ, хотя бы автору его и случилось попасть однажды въ число присяжныхъ засѣдателей. „Замѣтки“, о которыхъ мы теперь говоримъ, принадлежатъ именно къ произведеніямъ послѣдняго рода; перепечатанныя, если мы не ошибаемся, изъ какой-то „охранительной“ газеты, онѣ носятъ на себѣ всецѣло характеръ тенденціозныхъ передовыхъ статей, сочинить которыя можно было бы и не выходя ни на шагъ изъ помѣщенія редакціи. Какъ относились къ дѣлу присяжные, въ составъ которыхъ входилъ авторъ брошюры, какими путями они искали истины, въ какой степени серьезно понимали свои обязанности,

легче ли склонялись къ оправданію или къ осужденію, больше ли поддавались вліянію обвинительной власти или вліянію защиты, много ли выносили изъ предсѣдательскаго résumé, часто ли затруднялись поставленными судомъ вопросами, принимали ли активное участіе въ судебномъ слѣдствіи — обо всемъ этомъ мы не узнаемъ рѣшительно ничего. Оправданъ былъ, по словамъ автора, подсудимый, сознавшійся въ преступленіи, но объяснившій его крайней нуждою. Что же, предшествовали ли этому оправданію оживленные споры между присяжными? Боролся ли противъ него авторъ брошюры, и какъ были принимаемы, чѣмъ отражаемы его доводы? Что́ именно подѣйствовало на присяжныхъ—состраданіе ли къ подсудимому, или незначительность преступленія, или недостаточность слѣдствія, или краснорѣчіе защитника, или излишнее рвеніе прокурора? Отвѣчать на эти вопросы авторъ не находитъ нужнымъ; онъ слишкомъ занятъ повтореніемъ задовъ, давно уже успѣвшихъ надоѣсть на страницахъ реакціонныхъ газетъ и журналовъ. Твердитъ ли эти зады бывшій присяжный или постоянный сотрудникъ изданія — это совершенно все равно; въ первомъ случаѣ они ничуть не болѣе интересны, чѣмъ въ послѣднемъ.—К. К.

— *Peter the Great*, emperor of Russia. A study of historical biography, by *Eugene Schuyler*, Ph. D. L. D., author of „Turkistan“. 2 тома. Лондонъ, 1884.

Г-нъ Скайлеръ въ прежнее время провелъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ въ качествѣ секретаря американскаго посольства и съумѣлъ тогда хорошо ознакомиться съ русской жизнью, языкомъ и литературой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ доставлялъ англійскому „Атенею“ годичные обзоры русской литературы, въ которыхъ онъ съ хорошимъ знаніемъ дѣла отмѣчалъ главнѣйшія явленія русской научной и беллетристической литературы и указывалъ ихъ достоинства или недостатки. Позднѣе, онъ выступилъ съ обширнымъ трудомъ, посвященнымъ Туркестану: книга обращалась къ англійской или вообще европейской публикѣ, но была очень интересна и для читателей русскихъ, потому что въ ней передавались иныя подробности, не попадавшія въ нашу домашнюю печать. По этому сочиненію, характера описательнаго и публицистическаго, въ авторѣ можно было видѣть писателя съ очень цѣнными литературными качествами —стараніемъ собирать точныя свѣденія о предметѣ, вѣрнымъ пониманіемъ существенныхъ сторонъ дѣла, безпристрастіемъ, наконецъ умѣньемъ разсказывать живо и занимательно. Эти качества мы находимъ и въ настоящемъ трудѣ г. Скайлера.

Мы уже не разъ указывали, какъ сильно распространяется въ современной европейской литературѣ стремленіе къ изученію Россіи и русской исторіи. Въ послѣднее время вышелъ цѣлый рядъ книгъ

нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, за которыми даже русская требовательная критика не могла не признать весьма существенныхъ достоинствъ; нѣкоторыя изъ нихъ найдено было полезнымъ перевести и на русскій языкъ, какъ напримѣръ, сочиненіе Мэкензи Уоллеса и „Русскую Исторію" Рамбо. Въ европейской литературѣ есть теперь уже не мало писателей, весьма компетентныхъ въ изображеніи русской жизни современной и прошлой,—писателей, которымъ хорошо знакомы русская дѣйствительность и русскіе книжные матеріалы. Г-нъ Скайлеръ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ ряду этихъ писателей. Достаточно просмотрѣть его новую книгу, чтобы видѣть, какъ онъ хорошо освоился со всѣми существенными источниками для исторіи Петра Великаго въ современныхъ, оффиціальныхъ документахъ, въ сочиненіяхъ иностранцевъ и въ новѣйшихъ русскихъ изслѣдованіяхъ. Послѣднія служили автору важнымъ пособіемъ, но ему близко знакомы и первые источники, такъ что онъ могъ остаться вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ историческихъ взглядахъ и характеристикахъ.

Г-нъ Скайлеръ назвалъ свою книгу опытомъ исторической біографіи, и дѣйствительно, книга его есть не изслѣдованіе объ историческомъ значеніи эпохи, съ ея антецедентами и послѣдствіями, а именно біографія Петра Великаго. Послѣ небольшого историческаго введенія о предшествующихъ временахъ, авторъ прямо приступаетъ къ біографическому разсказу и ведетъ его по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, мало отвлекаясь въ общія опредѣленія многоразличныхъ историческихъ условій дѣятельности Петра Великаго. Онъ говоритъ объ этихъ условіяхъ именно столько, сколько нужно для объясненія дѣйствій Петра, и въ то же время совсѣмъ обходитъ тотъ спорный вопросъ о значеніи Петровской реформы, который такъ долго тянется въ русской литературѣ. Онъ вѣроятно думалъ, что этотъ вопросъ достаточно объясняется фактами, и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы совершенно правъ въ своемъ пріемѣ: для иностранныхъ читателей едва ли можетъ быть сомнѣніе въ необходимости Петровской реформы; для нихъ очевидно, что преобразованіе было единственнымъ средствомъ ввести Россію въ общее теченіе европейской цивилизованной жизни, такъ что имъ важно только познакомиться съ подробностями великаго историческаго явленія, совершившагося въ жизни могущественнаго народа.

Книга г. Скайлера обставлена всѣми необходимыми цитатами, указывающими источники его разсказа и основанія его сужденій; къ ней приложена карта Россіи временъ Петра Великаго и прекрасная гравюра съ портрета Петра, писаннаго Карломъ де-Мооромъ въ Гагѣ, въ 1717 году, и который всего больше нравился самому Петру; этотъ портретъ долго считался потеряннымъ, но г. Скайлеръ раз-

сказываетъ, что нашелъ его въ Амстердамѣ, гдѣ онъ находится во владѣніи одного семейства какъ наслѣдство отъ художника прошлаго столѣтія, которому онъ былъ подаренъ самимъ Mooромъ. Наконецъ, къ книгѣ приложенъ очень подробный именной и предметный указатель. Но мы очень пожалѣли объ одномъ недостаткѣ книги г. Скайлера. Въ первый разъ трудъ его о Петрѣ Великомъ печатался отдѣльными статьями въ американскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Scribner's Magasine", гдѣ изложеніе сопровождалось большимъ количествомъ иллюстрацій, представлявшихъ портреты историческихъ лицъ, изображенія городовъ, мѣстностей, историческихъ сценъ, предметовъ и т. д., и большею частью замѣчательно хорошо исполненныхъ. Не знаемъ, что помѣшало г. Скайлеру воспользоваться этими иллюстраціями для настоящаго изданія; но тѣ, кто знаетъ рисунки въ „Магазинѣ" Скрибнера, безъ сомнѣнія, очень пожалѣютъ объ ихъ отсутствіи въ настоящей книгѣ: дѣло въ томъ, что въ нихъ повторено было много подлинныхъ современныхъ рисунковъ, которые и сами по себѣ представляли большой историко-художественный интересъ.—А. Н.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюля, 1884.

Отголоски и сообщенія въ столичной печати, по поводу проекта университетскаго устава.—Новый уставъ православныхъ духовныхъ академій, и его сравненіе вообще съ уставами высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. — Общественное значеніе дополнительныхъ статей къ закону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ, и необходимость новыхъ мѣръ къ строгому регулированію послѣдняго.

Проектъ университетскаго устава, разсмотрѣнный въ самомъ концѣ мая въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, прошелъ, такимъ образомъ, послѣднюю законодательную инстанцію и теперь ожидаетъ своего утвержденія со стороны Верховной власти, чтобы превратиться въ законъ для шести русскихъ университетовъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Казани; университеты въ Варшавѣ, Дерптѣ и Гельсингфорсѣ, какъ извѣщаютъ газеты, остаются при прежнихъ уставахъ, и послѣдній—по причинамъ, совершенно понятнымъ: Финляндія пользуется вообще своимъ особымъ законодательствомъ. „Какъ извѣстно,—говоритъ одна изъ петербургскихъ газетъ,—проектъ университетскаго устава поступилъ въ общее собраніе государственнаго совѣта изъ общаго присутствія департаментовъ, при двухъ мнѣніяхъ: значительнаго большинства и

меньшинства трехъ за проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ (министерствомъ народнаго просвѣщенія). Существенное разногласіе произошло по вопросу объ экзаменахъ (государственныхъ); по смыслу проекта, экзамены должны производиться по окончаніи курса отчасти профессорами, отчасти назначаемыми отъ министерства народнаго просвѣщенія отдѣльно для сей цѣли лицами, или экзаменаціонными коммиссіями. Такимъ образомъ, преподаваніе въ университетѣ по смыслу проекта выходитъ одно, а экзамены—другое: во время курса нѣтъ экзаменовъ; преподавать профессоръ можетъ, какъ хочетъ (?); но студенты могутъ быть подвергаемы упражненіямъ. Большинство голосовъ соединеннаго присутствія департаментовъ высказалось противъ такого рода экзаменовъ и настаивало на сохраненіи нынѣшняго порядка экзамена. Въ общемъ собраніи принималъ участіе въ преніяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ, подписавшій проектъ университетскаго устава въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Нѣсколько голосовъ присоединилось къ мнѣнію меньшинства; послѣ оживленныхъ преній, въ журналъ засѣданія внесено до семи разногласій по отдѣльнымъ пунктамъ проекта". —Вотъ и все, или почти все, что проникло въ печать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ разсмотрѣніе проекта университетскаго устава въ государственномъ совѣтѣ.

Относительно самаго содержанія проекта устава, столичная печать, сообщивъ въ главныхъ чертахъ его сущность, почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ охарактеризовала значеніе проекта, какъ сравнительно съ прежнимъ уставомъ 1863 года, такъ и съ первоначальнымъ министерскимъ проектомъ, внесеннымъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. „Насколько можно судить,—говорится въ одной изъ петербургскихъ газетъ,—по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о содержаніи проектируемаго (государственнымъ совѣтомъ) устава, онъ представляетъ родъ *соглашенія* или *компромисса*, между первоначальнымъ проектомъ, составленнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и уставомъ 1863 г., съ цѣлью исправленія его недостатковъ, выяснившихся въ теченіе двадцатилѣтняго его дѣйствія: первоначальный проектъ имѣлъ въ виду произвести весьма *существенныя* измѣненія въ строѣ университетскаго управленія, къ невыгодѣ и потерѣ правъ совѣта и вообще профессорской корпораціи, и къ подчиненію всей университетской жизни не только надзору, но и руководству, съ начальственнымъ вліяніемъ попечителя учебнаго округа, а чрезъ него—министерства;—новый проектъ сохраняетъ самостоятельность ученой корпораціи во всѣхъ (?) ея дѣйствіяхъ, направляемыхъ къ пользѣ университета и по уставу въ распоряженіе не предоставленныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель становится къ университету *въ болѣе близкія отношенія*, онъ дѣлается его *членомъ*,

заинтересованнымъ въ ходѣ его дѣлъ; онъ входитъ въ частности университетской жизни, слѣдитъ за ходомъ преподаванія, созываетъ, когда найдетъ нужнымъ, совѣтъ, правленіе и университетскія собранія, и даже, если захочетъ, присутствуетъ въ ихъ засѣданіяхъ. Отъ такой приближенности попечителя къ университету можно ожидать только хорошихъ результатовъ, предполагая, конечно,—заключаетъ газета,—что попечителями будутъ люди искренно и сердечно, а не формально и по обязанностямъ службы только, преданные дѣлу просвѣщенія; безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ, весьма много будетъ значить личность попечителя" и т. д.

По мнѣнію другой газеты, ознакомившейся также по слухамъ съ послѣднею редакціею проекта устава, какимъ онъ вышелъ изъ государственнаго совѣта, — „предстоящее утвержденіе новаго общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ полагаетъ конецъ томительному состоянію, въ какомъ находились въ теченіе девяти мѣсяцевъ, какъ сами университеты, такъ и все, интересующееся судьбою нашего высшаго образованія, русское общество, не зная, чѣмъ кончится усиленная работа государственнаго совѣта по этому вопросу; она кончилась, насколько объ этомъ позволяютъ судить наши свѣденія, совсѣмъ не такъ, какъ пророчили наши пессимисты (?). Мы увѣрены, что русское образованное общество вполнѣ признаетъ, что государственный совѣтъ оказался и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, на высотѣ своего призванія. Отнесшись къ дѣлу съ величайшимъ вниманіемъ, какого требовала столь важная въ государствѣ реформа, онъ, совмѣстно съ министромъ народнаго просвѣщенія, выработалъ для университетовъ уставъ, въ которомъ хотя и сдѣланы нѣкоторыя уступки новымъ (т.-е. предъявленнымъ со стороны министерства) требованіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ ничего такого, чтó могло бы смутить даже наиболѣе мнительныхъ (?) друзей университетскаго образованія. Совокупная работа просвѣщенныхъ государственныхъ мужей привела противорѣчивыя мнѣнія къ *соглашенію*, въ которомъ, при усиленіи власти министра и попечителя, не упущена изъ вида и необходимая доля независимости университетской коллегіи; и если, въ силу этого соглашенія, введены постановленія, польза которыхъ требуетъ еще подтвержденія опытомъ, то, съ другой стороны, сдѣланы и такія нововведенія противъ устава 1863 года, цѣлесообразность которыхъ очевидна съ перваго взгляда".

Осторожность и условность сужденій въ печати относительно значенія проекта университетскаго устава, совершенно понятны въ виду того, что такія сужденія основываются пока на слухахъ, требующихъ подтвержденія, и сверхъ того, они во всякомъ случаѣ могутъ имѣть отношеніе къ проекту закона, а не къ самому закону въ той

окончательной формѣ, какую онъ приметъ по своемъ утвержденіи Верховною властью, и потому, высказанныя преждевременно такія сужденія рискуютъ остаться потомъ безъ почвы для себя и сражаться съ вѣтреными мельницами. Кромѣ того, и въ самихъ слухахъ, сообщаемыхъ печатью, есть нѣкоторое различіе: въ то время, когда однѣ газеты утверждаютъ, что въ государственномъ совѣтѣ было достигнуто по этому предмету „соглашеніе", другія утверждаютъ, что журналъ государственнаго совѣта представляетъ семь разногласій по отдѣльнымъ пунктамъ, и, какъ можно судить изъ приведеннаго газетою примѣра—по самымъ важнымъ. Тѣмъ не менѣе, выраженныя, по поводу слуховъ, мнѣнія и взгляды въ печати на общіе вопросы изъ университетскаго быта заслуживаютъ вниманія сами по себѣ, совершенно независимо отъ того, основательны или неосновательны тѣ слухи, которые послужили поводомъ къ заявленію подобныхъ мнѣній и взглядовъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что тѣ газеты, которыя одобряютъ въ проектѣ устава новую „приближенность" попечителя къ университету и ожидаютъ отъ нея только хорошихъ результатовъ, тутъ же уничтожаютъ свое сужденіе, ставя такіе результаты въ зависимость не отъ устава, а отъ личности попечителя, слѣдовательно отъ обстоятельства, лежащаго внѣ устава, между тѣмъ, какъ задача всякаго устава вообще именно и состоитъ въ томъ, чтобы поставить успѣхъ дѣла по возможности въ независимость отъ личныхъ, случайныхъ качествъ—даже болѣе того, назначеніе уставовъ вообще состоитъ въ томъ, чтобы парализовать въ дѣлахъ все личное и случайное; если бы, дѣйствительно, улучшить дѣло возможно было силою вліянія личности, какъ думаютъ нѣкоторыя газеты, тогда было бы несравненно проще достигать улучшенія дѣла перемѣною лицъ, а не уставовъ; но, очевидно, законодательная власть не раздѣляетъ такого взгляда—и совершенно справедливо. Точно также и другія газеты, признавъ „цѣлесообразность" того обстоятельства, что „попечитель становится теперь въ гораздо болѣе близкое отношеніе къ университету" — „очевидною", ослабляютъ, если не уничтожаютъ, свое сужденіе признаніемъ, что „личный характеръ попечителя необходимо долженъ отразиться на практическомъ примѣненіи новыхъ прерогативъ этой ближайшей власти, поставленной надъ университетомъ". Но намъ кажется несравненно болѣе очевиднымъ то, что нѣтъ никакой возможности правильно оцѣнивать значеніе какого бы то ни было устройства или порядка, если въ число условій успѣшности дѣйствія самаго механизма ставить въ то же время и на первомъ мѣстѣ личность, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ дѣло не можетъ идти не объ одномъ лицѣ, а о нѣсколькихъ: подобныя разсужденія заранѣе осуждали бы различные учебные округа, во всякомъ случаѣ, на различную судьбу.

Намъ показались не менѣе шаткими и гадательными обсужденія въ печати и другихъ существенныхъ подробностей проекта новаго устава университетовъ. Такъ, въ газетахъ полагаютъ, что „ректоръ пріобрѣтаетъ (по проекту) характеръ не старшаго члена профессорской коллегіи, облеченнаго его распорядительною властью, чѣмъ онъ, въ сущности, былъ по прежнему уставу (1863 г.), а непосредственнаго начальника университета, требованіе котораго обязаны исполнять не только лица, служащія въ канцеляріи, но и члены совѣта; впрочемъ,—прибавляетъ тутъ же газета,—и по новому уставу ректоръ, *въ принципѣ*, есть лицо выборное". А изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что именно „въ принципѣ" ректоръ и не можетъ быть названъ выборнымъ, такъ какъ, по сообщенію той же газеты, совѣтъ университета избираетъ двухъ кандидатовъ для представленія ихъ на утвержденіе министру народнаго просвѣщенія, который вовсе не стѣсненъ этимъ выборомъ и не обязанъ рѣшать между двумя представленными ему кандидатами, а можетъ представить на утвержденіе Верховной власти своего кандидата. „Такое, новое положеніе ректора,—говоритъ газета,—имѣетъ передъ прежнимъ ту выгоду, что оно становится опредѣленнѣе. Теперь онъ не будетъ находиться въ такой зависимости отъ большинства, а, становясь начальникомъ, обязуется больше сообразоваться съ интересами дѣла, чѣмъ съ интересами большинства"... „И на этомъ основаніи,—говоритъ въ заключеніе газета,—мы никакъ не считаемъ неудачнымъ шагомъ новаго законодательства по предмету, насъ въ настоящую минуту интересующему".

Шагъ этотъ, быть можетъ, въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ удачный, но во всякомъ случаѣ, совершенно независимо отъ вышеприведенныхъ соображеній, которыя скорѣе могли бы привести къ обратному заключенію, если бы только были сами правильно и опредѣленно постановлены. Въ своихъ разсужденіяхъ газета, очевидно, смѣшиваетъ понятія „опредѣленности" и „самостоятельности": все самостоятельное, по ея мнѣнію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленное—и наоборотъ. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ дѣло можетъ идти не о томъ, что проектъ устава дѣлаетъ новое положеніе ректора, сравнительно съ прежнимъ уставомъ, „опредѣленнѣе"; оно и по прежнему уставу не было неопредѣленнымъ, но только опредѣлялось иначе, нежели теперь, а именно: ректоръ, какъ лицо выборное, дѣйствовалъ прежде, хотя и опираясь на уставъ, но подъ контролемъ совѣта, и такой контроль, опирающійся въ свою очередь на уставъ, газета, очевидно, смѣшиваетъ съ зависимостью ректора отъ совѣта; и ректоръ, и совѣтъ зависѣли вмѣстѣ отъ закона. Чтобы доказать, что „ректоръ, становясь начальникомъ, обязуется больше сообразоваться съ интересами дѣла, чѣмъ съ инте-

ресами большинства",—газетѣ слѣдовало бы объяснить, почему „интересы большинства" всегда должны стоять въ противорѣчіи съ „интересами дѣла", что, кромѣ этихъ двухъ интересовъ, не можетъ быть еще третьихъ, а именно, личныхъ, направленныхъ къ укрѣпленію своего положенія, такъ какъ званіе ректора, какъ его описываетъ газета, хотя и не есть выборное, въ собственномъ смыслѣ этого слова, но въ то же время оно не имѣетъ характера несмѣняемости, и утрачивается по истеченіи срока.

Мы согласны со взглядами, высказанными въ печати на новое положеніе инспектора студентовъ и его помощниковъ,—но по совершенно другимъ мотивамъ. По прежнему уставу, инспекція была также выборная, а по проекту она будетъ назначаться административнымъ порядкомъ, властью попечителя, съ подчиненіемъ въ то же время ректору. При томъ новомъ положеніи, въ какое ставится ректоръ, и при той близости, въ какой будетъ находиться попечитель по отношенію къ университету, иначе оно не должно и быть; выборный инспекторъ, при новомъ положеніи ректора, который самъ будетъ не всегда выборнымъ лицомъ, было бы потому рѣшительною аномаліею; но газета ошибается, полагая, что такимъ образомъ инспекторъ, по проекту устава, „входитъ органически въ *общій* строй университетскаго управленія"; именно, не въ общій, а въ спеціальный строй одного внѣшняго порядка, который выдѣленъ изъ строя чисто-университетскаго управленія, въ составъ котораго входитъ, прежде всего, совѣтъ университета.

По поводу чисто-университетскаго управленія, въ нашей печати высказаны были самыя оригинальныя мнѣнія, свидѣтельствующія развѣ только о томъ, что и протекшаго столѣтія жизни русскихъ университетовъ было еще мало, чтобы въ обществѣ могли сложиться болѣе устойчивыя понятія объ университетѣ и факультетахъ, и чтобы факультеты не смѣшивались съ спеціальными школами, а самый университетъ не являлся бы случайнымъ соединеніемъ такихъ спеціальныхъ школъ подъ одною кровлею. Мы имѣемъ, напримѣръ, юридическій факультетъ, предсѣдательствуемый деканомъ, и школу правовѣдѣнія, управляемую своимъ директоромъ; но это—два различныхъ типа образовательныхъ учрежденій, которые не смѣшаетъ никогда тотъ, кому знакома университетская жизнь. Между тѣмъ въ петербургской печати разсуждаютъ такъ: „университетъ есть учрежденіе весьма сложное, жизнь котораго требуетъ для своего проявленія цѣлесообразнаго дѣйствія очень многихъ органовъ. Но въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ организмѣ, есть органы главные и второстепенные; есть такіе, безъ которыхъ жизнь цѣлаго организма не прекратилась бы совершенно, если бы они и отсутствовали, и есть такіе, безъ которыхъ жизнь эта была бы невозможна;

къ такимъ необходимѣйшимъ, существеннѣйшимъ органамъ университета принадлежатъ факультеты. Можно себѣ представить университетъ безъ ректора, безъ инспектора, даже безъ совѣта, функціи котораго могло бы, въ крайнемъ (?) случаѣ, исполнять одно лицо, напримѣръ, ректоръ или попечитель; но нельзя себѣ представить университета безъ факультетовъ". Безспорно, что въ воображеніи можно себѣ представить что угодно, даже внѣ условій природы вещей; но за то такія представленія ни къ чему и не послужатъ, ничего не объяснятъ. И у насъ, мы имѣемъ на дѣлѣ университеты безъ нѣкоторыхъ факультетовъ; напримѣръ, кромѣ дерптскаго, нигдѣ нѣтъ богословскаго факультета; въ другихъ недостаетъ медицинскаго или восточнаго и т. д. Во Франціи факультеты существуютъ совсѣмъ отдѣльно, а университетомъ (l'Université) называется то, что мы зовемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; университетъ раздѣляется потому не на факультеты, а на академіи, соотвѣтствующія нашимъ учебнымъ округамъ. Наши университетскіе порядки и самый типъ университетовъ, какъ извѣстно, заимствованъ изъ Германіи, и, соотвѣтственно тому у насъ сложились отношенія между факультетами и совѣтомъ, причемъ факультеты являются не соединеніемъ спеціальныхъ школъ подъ однимъ общимъ названіемъ, но коммиссіями, делегаціями совѣта, дѣйствующими подъ его контролемъ. Намъ говорятъ теперь, что такой порядокъ „созидалъ столкновенія, совершенно напрасныя"; но контроль всегда сопряженъ съ „столкновеніями"; слѣдуетъ ли изъ этого однако, что лучшею мѣрою къ уничтоженію такъ-называемыхъ „столкновеній" было бы ослабленіе повсюду или даже полное уничтоженіе контроля. Вообще выборное начало и безъ того несетъ на себѣ упреки за развитіе, въ своей средѣ, кумовства, пристрастія партій и т. д.; спрашивается затѣмъ, гдѣ такое кумовство можетъ развиться во всей силѣ,—въ такомъ ли обширномъ собраніи, какъ совѣтъ, или въ четырехъ стѣнахъ факультета? „Новый уставъ,—говорится въ печати,—рѣшительно поднимаетъ значеніе факультетовъ, какъ главнѣйшихъ органовъ университетской жизни"; но такое фигуральное выраженіе, какъ „поднятіе значенія", можетъ получить различный смыслъ, въ виду вышесказанныхъ соображеній, а потому надобно думать, что въ проектѣ устава окажутся какія-нибудь другія ограниченія такого подъема факультетовъ, или иначе дѣло можетъ попасть изъ Сциллы въ Харибду. Возражаютъ обыкновенно противъ компетентности совѣта въ факультетскихъ дѣлахъ, говоря: какимъ образомъ въ совѣтѣ, напримѣръ, профессоръ астрономіи будетъ рѣшать вопросъ объ избраніи профессора государственнаго права или римской словесности. Но астрономъ можетъ принять сознательное участіе въ такомъ выборѣ на томъ же самомъ основаніи, на какомъ будетъ рѣшать такой же вопросъ администраторъ, не будучи про-

фессоромъ ни одной изъ этихъ наукъ. Впрочемъ, всѣ подобные вопросы можно будетъ обсуждать съ большею основательностью и подробностью, когда самый уставъ будетъ утвержденъ и обнародованъ: тогда сдѣлаются болѣе ясными и самые мотивы того или другого постановленія.

Изъ другихъ существенныхъ сторонъ проекта устава, печать останавливается на вопросѣ о приватъ-доцентахъ, предназначаемыхъ обыкновенно въ качествѣ будущихъ замѣстителей профессоровъ, и о государственныхъ экзаменахъ. По проекту, прежніе штатные доценты, съ жалованьемъ, соотвѣтствовавшимъ уничтоженнымъ въ 1863 г. адъюнктамъ, будутъ замѣнены приватными съ жалованьемъ, назначеннымъ факультетомъ; но чѣмъ будетъ парализоваться такое злоупотребленіе, какъ напримѣръ, допущеніе къ приватъ-доцентству профессоромъ только такихъ лицъ, которые не помрачатъ его славы въ будущемъ,—это мы, вѣроятно, увидимъ послѣ, при ознакомленіи съ точными подробностями института приватъ-доцентовъ.

Относительно государственныхъ экзаменовъ нашъ журналъ высказывался часто еще въ эпоху составленія проекта устава; и кромѣ того, если вѣрить газетамъ, въ проектѣ устава, какъ онъ вышелъ изъ государственнаго совѣта, нѣтъ ничего о государственныхъ экзаменахъ; однако экзамены на ученую степень будутъ происходить хотя и въ факультетахъ, но въ присутствіи лицъ, назначаемыхъ министерствомъ, и подъ предсѣдательствомъ не декана, а лица, назначеннаго министромъ. По поводу этого нововведенія, одна газета говоритъ, что „затрудненія, создаваемыя этой реформой, будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо чувствительнѣе для самого министерства, чѣмъ для университета"; и другая газета повторяетъ почти то же самое, находя также, что подобный министерскій надзоръ за самымъ ходомъ университетскаго преподаванія „въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, только затруднитъ министерство, не принеся дѣлу существенной пользы". Мы не хорошо понимаемъ, въ чемъ тутъ можетъ затрудниться министерство: въ возможности ли у насъ, гдѣ за недостаткомъ ученыхъ остаются многія каѳедры вакантными, пріискать еще контингентъ ученыхъ, притомъ такихъ, которые могли бы правильно контролировать факультетскихъ ученыхъ; или въ возможности предупредить превращеніе студентскихъ экзаменовъ въ болѣе или менѣе ученые диспуты, по поводу экзаменовъ, между факультетскимъ и министерскимъ ученымъ, контролирующимъ перваго. Такой контроль еще возможенъ на высотѣ гимназическаго преподаванія; но при университетскомъ преподаваніи можетъ проявляться и различіе школъ, къ которымъ принадлежитъ министерскій и факультетскій ученый, и отсталость того или другого изъ нихъ въ спеціальныхъ вопросахъ науки. Для ясности нашей мысли возьмемъ живой примѣръ: представимъ себѣ, что

гражданское право читаетъ на юридическомъ факультетѣ весьма почтенный и маститый спеціалистъ К. Д. Кавелинъ; министерство присылаетъ къ нему на экзаменъ предсѣдателемъ г. Пахмана, также извѣстнаго спеціалиста по той же части; мы увѣрены, что на такомъ экзаменѣ студентамъ пришлось бы больше слушать, нежели отвѣчать самимъ. Какъ устранить подобныя неудобства экзаменаціонная инструкція—мы предвидѣть не можемъ; но знаемъ одно, что представленный нами примѣръ—еще не изъ самыхъ сложныхъ и далеко не единственный: практика может вызвать на сцену совершенно неожиданные и непредвидѣнные случаи.

Повторивъ еще разъ сказанное нами въ началѣ, а именно, что пока мы имѣемъ дѣло съ проектомъ, не только не утвержденнымъ, но и не вызвавшимъ единогласія въ государственномъ совѣтѣ, притомъ сообщеннымъ въ печати по слухамъ, — возможно говорить не о самомъ проектѣ устава, а только о мнѣніяхъ, выраженныхъ по поводу этихъ слуховъ въ печати,—перейдемъ изъ области слуховъ къ фактамъ, вполнѣ совершившимся и притомъ однороднымъ съ вышеупомянутымъ проектомъ университетскаго устава.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованъ высочайше утвержденный 20 апрѣля уставъ одного изъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующаго въ заграничныхъ университетахъ богословскому факультету, а именно: уставъ православныхъ духовныхъ академій. Со временемъ нашъ журналъ остановится подробнѣе на этомъ законодательномъ актѣ, вся важность котораго выражена вполнѣ въ его первой статьѣ, ставящей цѣлью духовной академіи—давать спеціальное образованіе „для просвѣщеннаго служенія церкви въ пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности“; въ настоящую же минуту ограничимся сравненіемъ однихъ существенныхъ данныхъ въ этомъ уставѣ съ тѣми сообщеніями, какія, мы видѣли, сдѣланы въ печати объ одновременно съ нимъ появляющимся проектомъ университетскаго устава.

Уставъ академическій имѣетъ уже одно то важное преимущество, что коллегіальное управленіе академіи окончательно подчинено не личному режиму, а учрежденію такого же коллегіальнаго характера,—именно св. синоду; это измѣняетъ, или по крайней мѣрѣ, во многомъ можетъ измѣнить то, что академія находится, по уставу, „подъ начальственнымъ попеченіемъ“ мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго (соотвѣтствуетъ свѣтскимъ попечителямъ учебнаго округа), и совѣтъ ея управляетъ „при ближайшемъ наблюденіи и руководствѣ“ ректора, не избраннаго самою академіею, но все же носящаго на себѣ выборный характеръ, такъ какъ, по уставу, онъ коллегіально назначается св. синодомъ (§ 20). Притомъ, начальственное попеченіе акаде-

міи ввѣряется лицу, во всякомъ случаѣ, не чуждому своему вѣдомству и очень часто тѣсно связанному съ академическими преданіями своими личными отношеніями къ академіи. Если уставъ академіи предоставляетъ начальственному попечителю право дѣлать совѣту академіи „письменныя предложенія къ исполненію" (§ 15), то съ другой стороны—онъ вмѣняетъ ему въ обязанность „охранять права и преимущества академіи" (§ 18). Ближайшій надзоръ за студентами академіи оставленъ по уставу въ рукахъ самого академическаго сословія: инспекторъ студентовъ назначается св. синодомъ изъ ординарныхъ профессоровъ (§ 32) академіи, а его помощники рекомендуются имъ же и представляются ректоромъ на утвержденіе преосвященнаго, изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень магистра или кандидата духовной академіи (ученая степень кандидата сохранена и въ новомъ академическомъ уставѣ, а въ проектѣ университетскаго устава она, какъ сообщаютъ газеты, только-что исключена).

Выборъ профессоровъ академіи предоставляется совѣту (§ 51), а утвержденіе — св. синоду (§ 53); только въ такомъ случаѣ преосвященный распоряжается вакансіею (съ утвержденія синода), когда совѣтъ не воспользуется своими правами (§ 52). Въ уставѣ академіи обращаетъ также на себя вниманіе, по нашему мнѣнію, весьма раціональная мѣра для приготовленія молодыхъ людей къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи: совѣтъ имѣетъ право оставлять при академіи на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ, и съ содержаніемъ въ 700 рублей. По истеченіи года, такой кандидатъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, представляетъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и назначается исправляющимъ должность штатнаго доцента, съ обязательствомъ въ два года сдать магистерскій экзаменъ, послѣ чего онъ утверждается въ своей должности (§§ 54 и 55).

Сравнивая вообще не столько самые уставы, сколько самое положеніе двухъ такихъ однородныхъ учрежденій, какъ духовная академія,—своего рода факультетъ,—и университетъ, мы должны возвратиться къ указанной нами выше ихъ особенности, которая во многихъ отношеніяхъ можетъ намъ разъяснить причину тѣхъ затрудненій, какія представляло до сихъ поръ развитіе быта нашихъ университетовъ. Въ прошедшемъ ихъ мы видимъ цѣлый рядъ усилій примирить коллегіальное начало съ личнымъ, административнымъ; этотъ именно вопросъ устраняется въ бытѣ академій, гдѣ коллегіальное начало, худо ли, хорошо ли, проводится до конца. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ коллегіальное начало, такъ и административное представляютъ въ себѣ и большія преимущества, и большіе недостатки, или неудобства. На практикѣ же выходитъ такъ, что хорошія стороны различныхъ началъ всегда и во всемъ мирно уживаются другъ съ другомъ, и борьба завязывается чаще всего между недостат-

ками двухъ противопоставленныхъ началъ. Кромѣ того, св. синодъ, во всякомъ случаѣ, какъ учрежденіе коллегіальное, представляетъ собою не только удобство однородности началъ съ академическимъ управленіемъ и бытомъ, но также и устойчивость, чего мы никакъ не можемъ требовать отъ администраціи, которая на глазахъ одного поколѣнія можетъ представлять и дѣйствительно представляетъ не только разнородныя, но иногда и противоположныя теченія. Это обстоятельство, неустранимое ничѣмъ, такъ какъ оно вытекаетъ изъ природы вещей, и служитъ главнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы университетскій быть получилъ у насъ такую же устойчивость, какую онъ представляетъ, напримѣръ, въ германскихъ университетахъ, да и во всѣхъ другихъ. Нашъ администраторъ, опытный и памятующій исторію всѣхъ нашихъ дѣлъ, всегда невольно сознаетъ, что онъ сегодня созидаетъ то, что можетъ быть не одобрено его преемниками по администраціи, и потому найдетъ себѣ не продолженіе и дальнѣйшее развитіе, а конецъ, который уступитъ въ свою очередь мѣсто началу чего-нибудь новаго. Съ этой точки зрѣнія, мы должны отдать преимущество уставу духовной академіи предъ уставами вообще всѣхъ другихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ томъ же засѣданіи государственнаго совѣта, 29 мая, гдѣ разбирался проектъ университетскаго устава, были разсмотрѣны и утверждены, какъ сообщается о томъ въ газетахъ, дополнительныя постановленія къ закону 1 іюня 1882, имѣющему весьма важное общественное значеніе, а именно: о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ. Важнѣйшія изъ этихъ новыхъ постановленій состоятъ въ слѣдующемъ: 1) министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ предоставляется въ видѣ временной мѣры, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ со введенія закона 1-го іюня 1882 г. разрѣшать пользованіе трудомъ малолѣтнихъ, находящихся въ возрастѣ отъ 12—15 лѣтъ, въ работу по шести часовъ сряду въ тѣхъ случаяхъ, если по роду производства это оказывается нужнымъ, а по свойству возлагаемой на малолѣтнихъ работы не можетъ причинить вреда ихъ здоровью, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ этихъ случаяхъ общая продолжительность работы малолѣтнихъ въ теченіе сутокъ не превышала 6 часовъ.

Въ этихъ „дополнительныхъ" постановленіяхъ наводитъ на мысль объ опасности условность и неопредѣленность ограниченія эксплуатаціи труда малолѣтнихъ: какія, именно, производства могутъ требовать непрерывной шестичасовой дѣтской работы, и какія производства не могутъ причинить вреда дѣтскому здоровью? Между тѣмъ, здоровье рабочаго населенія страны рѣшается именно способомъ эксплуатаціи дѣтскаго труда, къ которому охотно прибѣгаютъ, съ одной стороны, родители, получающіе такимъ образомъ возможность

скорѣе освободиться отъ лишняго рта, а съ другой—и сами фабриканты, такъ какъ дѣтскій трудъ обходится имъ дешевле. Такое стремленіе многихъ родителей, встрѣчаясь съ однороднымъ стремленіемъ хозяевъ, и дѣлается въ будущемъ источникомъ общественныхъ бѣдствій, а потому самое строгое регулированіе дѣтскаго труда и сведеніе его, по возможности, въ область приготовленія дѣтей къ той или другой профессіи, путемъ практики,—должно составлять предметъ весьма серьезныхъ заботъ и правительства, и общества. Каждая фабрика или заводъ должны быть разсматриваемы, по отношенію къ дѣтямъ, какъ практическія, профессіональныя школы, а потому къ нимъ должны быть примѣняемы тѣ же самыя правила и условія, какія создаются для школъ вообще. Въ виду того, было бы полезно воспретить всѣмъ фабрикамъ и заводамъ пріемъ въ такъ-называемые ученики неимѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса или выдержанія экзамена въ народныхъ училищахъ. Эта мѣра, какъ и извѣстныя условія воинской повинности, могла бы послужить вмѣстѣ новымъ побужденіемъ для родителей къ тому, чтобы позаботиться о первоначальномъ образованіи дѣтей, а пріемъ на фабрики дѣтей, сколько-нибудь развитыхъ, не дозволялъ бы отупляться ихъ способностямъ; первоначальное образованіе сдѣлалось бы и въ отношеніи фабрикъ и заводовъ такою же льготою, какая дарована грамотнымъ уставомъ о воинской повинности, и на этотъ разъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Если бы оказалось, что такая мѣра еще невозможна, какъ повсемѣстная, то нѣтъ препятствій къ введенію ея въ большихъ городахъ, гдѣ, впрочемъ, и сосредоточена вся фабричная и заводская дѣятельность. Однимъ словомъ, надзоръ за фабричными и заводскими учениками долженъ быть чисто-школьнаго характера, а потому и долженъ вестись при содѣйствіи скорѣе министерства народнаго просвѣщенія, нежели министерства финансовъ, и самое право держать учениковъ должно быть особо пріобрѣтаемо на основаніи извѣстныхъ правилъ; съ другой же стороны, такъ какъ профессіональное образованіе есть высшее по сравненію съ первоначальнымъ, то окончаніе послѣдняго должно быть непремѣннымъ условіемъ къ праву поступленія ребенка на заводъ или фабрику. Открытіе начальныхъ школъ при заводахъ и фабрикахъ есть часто одна формальность, а съ другой стороны, нельзя того требовать отъ предпринимателей, не имѣющихъ къ тому средствъ, или пользующихся дѣтскимъ трудомъ въ слишкомъ ограниченномъ числѣ, чтобы открыть самостоятельную школу.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлеви

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Дидро въ Петербургѣ. В. А. Бильбасова. Спб. 1884. Стр. 325. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ Дидро въ гостяхъ у Екатерины II, въ 1773 — 74 гг., и „несходимость“ интимныхъ бесѣдъ философа съ императрицею находятъ себѣ въ первый разъ многостороннее и обстоятельное изслѣдованіе, сопровождаемое изданіемъ, въ оригиналѣ, 67 писемъ, изъ которыхъ двѣ трети являются въ печати въ первый разъ. Авторъ, по имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаламъ, старается опредѣлить съ возможною точностью предметъ этихъ бесѣдъ, происходившихъ между четырехъ глазъ, и перечислить вопросы, которые занимали именитыхъ собесѣдниковъ. Мимоходомъ, авторъ старается защитить Дидро отъ тѣхъ нападковъ, которыми осыпали его современники за путешествіе въ Петербургъ, усматривая въ философѣ весьма житейскія и практическія побужденія. Письмо Дидро къ матери, но изъ Гаги, а не изъ Петербурга, откуда онъ вернулся въ Голландію, въ апрѣлѣ 1774 г., лучше всего обрисовываетъ характеръ философа, правильно и хорошо понимавшаго, что подобострастіе не есть лучшее средство къ пріобрѣтенію выгодъ; отказавшись отъ большихъ денегъ, которыхъ ему, впрочемъ, еще не предлагали, Дидро, прощаясь съ Екатериною II, попросилъ у нея собственную ея „чашку съ блюдечкомъ“, и кромѣ того, сказалъ императрицѣ: „Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ Вашему Величеству въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе операцій (?) правительства, или по какой другой причинѣ“. Все это представляется по меньшей степени наивнымъ, если сравнить это мѣсто письма съ тѣмъ, гдѣ Дидро отказывается отъ денежныхъ наградъ: „Я хочу сохранить полную свободу слова, когда буду говорить моимъ соотечественникамъ правду о Васъ, чтобъ они не предполагали слышать голосъ благодарности, всегда подозрительный“. Но обѣщаніе императрицы въ будущемъ деньгами поддерживать Дидро на всѣхъ его путяхъ — развѣ не могло быть разсматриваемо, какъ чистая монета, и освобождало ли оно философа отъ подозрѣнія въ „голосѣ благодарности“? Читатель найдетъ въ документахъ много и другихъ чертъ, однородныхъ съ вышеприведенною, которыя слѣдовало автору разъяснить, если онъ взялъ на себя защиту Дидро во что бы то ни стало. „Чашка съ блюдечкомъ“ — это очень скромно и вмѣстѣ весьма наивно, но, въ соединеніи съ обезпеченіемъ старости философа, эта „чашка“ получаетъ крупную матеріальную цѣнность: нельзя застраховать свою жизнь, безъ уплаты страховой преміи; и едва ли могъ иначе понимать самъ Дидро свою просьбу.

Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Г. Е. Афанасьева. Одесса, 1884. Стр. 289. Ц. 1 р. 25 к.

При всемъ обиліи великихъ людей, наканунѣ великой французской революціи, и именно во Франціи, Тюрго, тѣмъ не менѣе, и между ними занимаетъ видное мѣсто. Самостоятельное изслѣдованіе о немъ въ нашей литературѣ не первое, но оно отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что не ограничивается однимъ изученіемъ обширной иностранной литературы по этому предмету, но и присоединяетъ самостоятельный трудъ по матеріаламъ, хранящимся въ парижской Національной Библіотекѣ. Имя Тюрго занимаетъ весьма важное мѣсто въ исторіи финансовыхъ идей, а потому серьезное и подробное изслѣдованіе его министерства, когда былъ впервые выдвинутъ вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли и необходимости преобразованія старой системы налоговъ, всегда можетъ заключать въ себѣ много поучительнаго въ общественномъ и научномъ отношеніи. Мы надѣемся возвратиться къ этому почтенному труду и ближе познакомить нашихъ читателей съ его весьма интереснымъ содержаніемъ.

Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончато-крылыхъ. Соч. сэра Джона Лёббока. Перев. съ 5 англ. изд. Д. В. Аверкіева. Спб. 1884. Стр. 491. Ц. 3 р.

Имя автора объясняетъ само причину большого успѣха, какой имѣла эта книга въ Англіи, и вполнѣ оправдываетъ пользу ея перевода на русскій языкъ, сдѣланнаго весьма тщательно и весьма хорошо изданнаго, со многими рисунками въ текстѣ и съ 5-ю таблицами. Задача Лёббока состояла не столько въ описаніи обычныхъ нравовъ муравьевъ и пчелъ, которые признаются самимъ человѣкомъ идеаломъ трудолюбія и общежитія, и что сдѣлано уже многими наблюдателями,—сколько въ испытаніи ихъ умственнаго состоянія и силы ихъ чувствъ. Цѣлые семь лѣтъ Лёббокъ наблюдалъ за муравьиной общиной, которую онъ развелъ у себя же въ комнатѣ. Особенно любопытна глава, гдѣ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ муравьевъ къ своимъ родственникамъ, о способахъ сообщенія другъ съ другомъ, и о различныхъ профессіяхъ между муравьями, охотничьей, пастушеской и земледѣльческой; между муравьями оказываются даже рабовладѣльцы.

Путеводитель по Балтійской желѣзной дорогѣ. И. П. Золотницкаго Спб. 1884. Стр. 64. Цѣна 40 коп.

Путеводитель по западной Сибири. Н. Левитова. Стр. 128. Ц. 40 коп.

У насъ долго приходилось ѣздить по Россіи, справляясь по иностраннымъ гидамъ, но въ послѣднее время этотъ книжный отдѣлъ началъ пополняться—вѣрный знакъ того, что обнаружился спросъ и на такія книги; являются, значитъ, не просто проѣзжіе, но и путешественники по Россіи, желающіе знать то, что они видятъ, и приготовиться къ пути. Путеводитель по Западной Сибири едва ли не первый опытъ въ этомъ родѣ, и онъ сдѣланъ пока въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ; но путеводитель по балтійскому прибрежью богатъ всякаго рода свѣдѣніями, которыя могутъ быть интересны и не для однихъ посѣтителей морскихъ купаній.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1884 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнал «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакціи журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикам Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высла подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщ ніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (5 *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежня мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностран недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ выше указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по получeніи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

1884
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
AUG 30 1884
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.
АВГУСТЪ, 1884.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1884.

I.—ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ И ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ въ организмѣ животныхъ и человѣка.—Окончаніе.—**И. Р. Тарханова** . . . .

II.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Д. Мережковскаго** . . . .

III.—ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ и его значеніе въ русской исторіи.—I.—**Н. И. Костомарова** . . . .

IV.—ЖЕНЩИНА И ЕЯ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — Историческій очеркъ.—I.—**М. И. Кулишера** . . . .

V.—БЕЛИНДА.—Романъ, соч. Роды Броутонъ.—Періодъ III—IV. — Съ англійскаго.—Окончаніе.—**А. Э.** . . . .

VI.—БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Со статьею о жизни его, Ф. Д. Нефедова.—**А. Н. Пыпина** . . . .

VII.—ИВЕТТА.—Разсказъ Гюи де-Мопассана.—Переводъ съ рукописи. . . .

VIII.—ДОМАШНІЙ СУДЪ.—Изъ хроники южно-русскаго села.—**И. Потапенко.**

IX.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя законодательныя мѣры.—Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ.—Измѣненіе наказанія за растрату.—Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ.—Еще о „совмѣстительствѣ“.—Графъ Э. И. Тотлебенъ †. . . . . .

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе. — Разладъ въ средѣ монархическихъ партій.—Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ.—Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбёри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ о избирательныхъ правахъ женщинъ . . . .

XI.—НАКАНУНѢ ПРЕЗИДЕНТСКИХЪ ВЫБОРОВЪ.—Корреспонденція изъ Нью-Іорка.—**А. К.** . . . .

XII.—ПО ПОВОДУ НЕДОРАЗУМѢНІЙ ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ“.—**Л. Слонимскаго** .

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Афанасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу.—Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года.—Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права.—Л. С.—Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа.—Н. Поповъ. Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Часть I.—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—**А. Н.** . . . .

XIV.—СТРАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, С. Монастырскаго.—**А. В—на.** . . . .

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей“ на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ. . . . .

XVI.—ОТЪ РЕДАКЦІИ . . . .

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергій Мечъ.—Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова.—О народномъ хозяйствѣ. Г. Д.—Письма русскаго путешественника. Н. М. Карамзина. — Иліада Гомера. Н. И. Гнѣдича.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1884 г., см. ниже, на обертк[…]

ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ

и

ТѢЛЕСНЫЕ ПРОЦЕССЫ

въ организмѣ животныхъ и человѣка *).

Окончаніе.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ косвенномъ способѣ вліянія воли на функцію органовъ кровообращенія, т.-е. о вліяніи *вниманія* на сердце и сосуды. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что человѣкъ способенъ по желанію сосредоточивать свое сознаніе на какомъ-нибудь одномъ впечатлѣніи, чувствѣ или мысли изъ цѣлаго ряда ихъ, входящихъ въ извѣстный моментъ въ поле зрѣнія сознанія. При такомъ сосредоточиваніи нашего сознанія, составляющемъ суть того, что мы называемъ вниманіемъ, воспріимчивость нашихъ чувствъ рѣзко усиливается, и Фехнеръ не даромъ говоритъ, что всякое сосредоточиваніе вниманія на какомъ-нибудь чувствѣ или ощущеніи почти равнозначуще пробужденію ихъ, и наоборотъ, отвлеченіе вниманія — засыпанію ихъ. Съ этимъ воззрѣніемъ на сущность вниманія согласуются вполнѣ взгляды Гельмгольца и Дарвина и благодаря именно этой способности нашей, мы въ состояніи улавливать такіе детали въ мірѣ окружающихъ насъ явленій и предметовъ, которые бы безъ нея несомнѣнно ускользали отъ

*) См. выше: іюль, 187 стр.

насъ. При обыкновенныхъ условіяхъ здороваго состоянія организма мы не сознаемъ обыкновенно никакихъ ощущеній, которыя бы давали намъ знать о дѣятельности разнообразныхъ органовъ нашего тѣла: такъ функціи сердца, сосудовъ, кишечнаго канала, разнообразныхъ железъ и нерѣдко даже мышцъ скелета (при безсознательной ходьбѣ и т. п.), не сопровождаются развитіемъ въ нашемъ сознаніи какихъ-либо опредѣленныхъ ощущеній или представленій. А между тѣмъ, стóитъ только по желанію сосредоточить вниманіе на томъ или другомъ органѣ чувства или на какомъ-либо другомъ органѣ тѣла, какъ черезъ нѣкоторое время въ насъ возникаютъ разнообразныя ощущенія, которыя мы локализируемъ именно въ óрганѣ, на который направлено наше вниманіе. Такъ, если сосредоточить вниманіе на кончикахъ пальцевъ, то черезъ нѣкоторое время мы начинаемъ ощущать въ нихъ какое-то слабое чувство щекотанія или бѣганія мурашекъ; сосредоточивая вниманіе на слухѣ, мы даже при полной тишинѣ, начинаемъ слышать шумъ въ ушахъ; останавливая вниманіе на зрительномъ органѣ, мы начинаемъ вскорѣ замѣчать, даже при полной темнотѣ, неопредѣленный слабый свѣтъ въ глазахъ и т. д. Изъ этихъ примѣровъ уже видно, что фиксированіе нашего сознанія на различныхъ частяхъ нашего тѣла является крайне важнымъ психологическимъ моментомъ, дѣйствіе котораго можно было бы объяснить или тѣмъ, что при этомъ изъ корковаго вещества полушарій посылаются къ органамъ, фиксируемымъ нашимъ вниманіемъ, неопредѣленнаго рода импульсы, приводящіе ихъ въ своеобразное дѣятельное состояніе, обратно доносящееся до нашего сознанія или тѣмъ, что при этомъ повышается возбудимость нервныхъ участковъ мозговой корки, завѣдующихъ воспріятіемъ центростремительныхъ возбужденій, несущихся къ нимъ изъ сферы этихъ органовъ, или же наконецъ совокупностью обоихъ указанныхъ условій. Трудно точно опредѣлить въ настоящее время физіологическую основу или самый механизмъ вниманія, но изъ трехъ приведенныхъ здѣсь предположеній послѣднее намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Сердце и сосуды являются органами, могущими измѣнять свою дѣятельность при произвольномъ фиксированіи на нихъ вниманія. Это вліяніе вниманія на сердцебіеніе уже настолько извѣстно, что операцію сосчитыванія пульса врачи находятъ нужнымъ производить незамѣтно для изслѣдуемаго субъекта. Мы можемъ привести здѣсь два примѣра рѣзкаго вліянія вниманія на сердечную дѣятельность. Извѣстный профессоръ Франкъ, читая лекціи о болѣзняхъ сердца, началъ обращать свое вниманіе на

біенія собственнаго сердца, послѣ чего у него появился крайне неправильный перемежающійся пульсъ. Благодаря продолжительному путешествію, предпринятому имъ съ цѣлью отвлеченія вниманія отъ сердца, онъ избавился отъ пріобрѣтеннаго имъ болѣзненнаго припадка. Одинъ болонскій профессоръ страдалъ крайне мучительнымъ и неправильнымъ, перемежающимся пульсомъ, отъ котораго онъ избавился, по совѣту Мажанди, тѣмъ, что перестаалъ навсегда считать удары своего сердца, и такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало изъ сферы обыденной жизни.

Что касается вліянія вниманія на сосуды, то всѣмъ, конечно, извѣстно, что оно способно весьма легко вызывать расширеніе кожныхъ сосудовъ, въ особенности лица; стоитъ намекнуть только человѣку, что онъ покраснѣлъ, и съ большой вѣроятностью указанное лицо въ дѣйствительности покраснѣетъ болѣе или менѣе сильно. Теорія Дарвина о способности нашей краснѣть основывается именно на томъ, что вниманіе, сосредоточенное на опредѣленной части тѣла, мѣняетъ калибръ соотвѣтствующаго сосудистаго участка и обыкновенно вызываетъ расширеніе сосудовъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что носовыя кровотеченія усиливаются, когда на нихъ сосредоточиваютъ вниманіе.

Такимъ образомъ фактъ вліянія вниманія на дѣятельность органовъ кровообращенія является несомнѣннымъ; къ сожалѣнію мы не въ состояніи сказать большаго объ этомъ, въ высокой степени интересномъ вопросѣ, такъ какъ онъ по сіе время не подвергся точной экспериментальной разработкѣ при помощи усовершенствованныхъ и уже извѣстныхъ способовъ изслѣдованія.

Мы занимались до сихъ поръ изслѣдованіемъ того, какъ отражаются на дѣятельности сердца и периферическихъ сосудовъ нашего тѣла разнообразныя формы психической дѣятельности. Намъ слѣдуетъ теперь обратиться для полноты картины къ опредѣленію тѣхъ измѣненій, которыя наступаютъ въ *мозговомъ кровообращеніи*, при указанныхъ условіяхъ; выясненіе этого пункта дастъ намъ возможность оцѣнить цѣлесообразность уже изученныхъ нами измѣненій въ сосудистой сферѣ, при пробужденіи мозговой дѣятельности.

Для того, чтобы слѣдить за колебаніями кровообращенія въ головномъ мозгу, существуетъ нѣсколько пріемовъ. Самымъ простымъ изъ нихъ является тотъ, при которомъ изъ костей черепной крышки осторожно удаляется (трепанированіемъ) кусокъ кости и обнажается извѣстный участокъ мозговыхъ полушарій.

Образованное такимъ образомъ окошечко плотно прикрывается кускомъ стекла или прозрачной пластинкой слюды, края которыхъ фиксируются любой замазкой на костяхъ черепа. Сквозь подобное прозрачное окошечко легко бываетъ слѣдить за сосудистыми развѣтвленіями твердой мозговой оболочки, или самыхъ мозговыхъ извилинъ (по удаленіи твердой мозговой оболочки). Въ такой формѣ производили свои наблюденія Визіали, Дургемъ и др.

Другой косвенный способъ наблюденія мозгового кровообращенія сводится къ опредѣленію колебаній температуры поверхности мозговыхъ полушарій, при посредствѣ термоэлектрическихъ аппаратовъ. Приливъ крови къ головному мозгу и, стало быть, расширеніе его сосудовъ вызоветъ согрѣваніе мозга, тогда какъ съуженіе сосудовъ и анемія мозга выразятся, наоборотъ, пониженіемъ его температуры. Если вспомнить всю тонкость термоэлектрическихъ способовъ изслѣдованія, дающихъ возможность улавливать колебанія температуры даже въ $^1/_{1000}{}^0$ Ц., то понятно, что термическія наблюденія надъ головнымъ мозгомъ, при различныхъ состояніяхъ его, могутъ служить весьма точнымъ и цѣннымъ указателемъ колебаній въ немъ кровообращенія. Такимъ пріемомъ пользовался Шиффъ въ своихъ опытахъ надъ головнымъ мозгомъ животныхъ. Противъ подобнаго способа можно было бы, конечно, возразить, что самъ мозгъ при дѣятельномъ состояніи своемъ можетъ, напр., подобно мышцамъ, развивать извѣстное количество тепла и въ такомъ случаѣ наблюдаемое согрѣваніе его является выраженіемъ не одного только прилива къ нему крови, но и прибыли тепла вслѣдствіе его работы. Къ счастью, согрѣваніе, вслѣдствіе послѣдняго условія, если и происходитъ, то бываетъ настолько незначительно, сравнительно съ колебаніями температуры мозга, обусловленными приливомъ или отливомъ крови, что мало-мальски значительныя термоэлектрическія показанія могутъ быть смѣло отнесены къ колебаніямъ мозгового кровообращенія.

Брока́ съ той же цѣлью пользовался вѣнкомъ изъ нѣсколькихъ термометровъ, ртутный резервуаръ которыхъ плотно прижимался къ обнаженной отъ волосъ кожѣ черепа человѣка. Даже этимъ, сравнительно грубымъ, способомъ удалось ему уловить колебанія температуры черепа при переходѣ мозга изъ покоя въ дѣятельность.

Существуетъ, наконецъ, еще способъ изслѣдованія мозгового кровообращенія, основанный на измѣненіяхъ его объема, зависящихъ отъ большаго или меньшаго прилива и отлива отъ него

крови. Мозгъ, подобно всѣмъ другимъ органамъ нашего тѣла, претерпѣваетъ періодическія колебанія въ своемъ объемѣ, изъ которыхъ одни, болѣе мелкія, соотвѣтствуютъ пульсовымъ колебаніямъ, въ общемъ сходнымъ съ пульсовыми волнами артерій, а другія—болѣе крупнымъ дыхательнымъ колебаніямъ, подобнымъ колебаніямъ бокового давленія крови, зависящимъ отъ дыхательныхъ движеній.

Пульсовыя колебанія объема мозга сами собою понятны: каждое сокращеніе сердца періодически вгоняетъ въ артеріи мозга опредѣленную массу крови, растягивающую эти сосуды и тѣмъ самымъ увеличивающую на опредѣленную величину его объемъ; при діастолѣ, т.-е. разслабленіи сердца, артеріи спадаются и обусловливаютъ соотвѣтствующее паденіе объема мозга. Дыхательныя же колебанія объема мозга обусловливаются тѣмъ, что при началѣ каждаго сильнаго вдыханія токъ венозной крови изъ мозга къ сердцу усиливается (благодаря увеличенному присасывающему дѣйствію грудной клѣтки); органъ этотъ вслѣдствіе этого усиленно освобождается отъ крови и объемъ его неминуемо падаетъ и, наоборотъ, при началѣ акта выдыханія притокъ венозной крови изъ мозга къ сердцу затрудняется (вслѣдствіе уменьшеннаго присасывающаго дѣйствія грудной клѣтки на венозную кровь); кровь въ мозгу вслѣдствіе этого сравнительно застаивается и ведетъ къ увеличенію объема этого органа. Поэтому колебанія объема мозга должны выразиться двоякой системой волнъ: крупными, но болѣе рѣдкими дыхательными волнами колебанія объема мозга и сидящими на нихъ болѣе частыми пульсовыми волнами. Опытъ въ самомъ дѣлѣ подтверждаетъ только что сказанное. Если у собаки обнажить посредствомъ трепана опредѣленный участокъ мозга, плотно вставить въ сдѣланное въ черепной крышкѣ отверстіе стеклянную трубку, наполнить ее до половины водой, а другой конецъ ея соединить при посредствѣ гуттаперчевой трубки съ полиграфомъ Марея, то рычагъ послѣдняго описываетъ волнообразную линію, на которой отчетливо различаются большія дыхательныя волны колебанія объема мозга съ сидящими на нихъ меньшими и болѣе частыми пульсовыми волнами.

Изъ самой формы опыта уже слѣдуетъ, что волны, записываемыя рычагомъ полиграфа, служатъ выраженіемъ колебаній объема мозга. Для большей убѣдительности въ этомъ, разберемъ, что приводитъ въ нашемъ случаѣ въ движеніе рычагъ полиграфа. Онъ можетъ двигаться вверхъ и внизъ только подъ вліяніемъ періодическаго повышенія и понижения жидкости въ стек-

лянной трубкѣ (вставленной въ отверстіе черепной крышки), сгущающей и разрѣжающей воздухъ въ полиграфѣ; движенія же жидкости могутъ обусловливаться только увеличеніемъ и уменьшеніемъ объема мозга, то поднимающаго, то опускающаго столбъ жидкости въ трубкѣ. Благодаря только-что описанному приспособленію является возможнымъ слѣдить за колебаніями мозгового кровообращенія при различныхъ условіяхъ и точно записывать ихъ. Всякій мало-мальски значительный приливъ или отливъ крови отъ мозга, помимо описанныхъ пульсовыхъ и дыхательныхъ колебаній, будетъ вызывать соотвѣтствующее увеличеніе или уменьшеніе объема мозга, которыя и будутъ отмѣчаться рычагомъ полиграфа. Такого рода приспособленіемъ пользовался Салатэ при своихъ опытахъ надъ мозговымъ кровообращеніемъ у собаки при различныхъ условіяхъ.

Легко убѣдиться такимъ же графическимъ путемъ, что и человѣческій мозгъ претерпѣваетъ аналогичныя колебанія въ своемъ объемѣ. Если уставить перпендикулярно на незаросшій еще мягкій родничекъ ребенка маленькій шпенекъ, который прикрѣпленъ другимъ концомъ къ центру эластической перепонки одного полиграфа Марея и соединить полость послѣдняго при помощи гуттаперчевой трубки съ другимъ полиграфомъ, снабженнымъ пишущимъ рычагомъ, то легко видѣть, что послѣдній пишетъ волнообразную кривую, на которой замѣчаются дыхательныя и пульсовыя колебанія объема мозга. При каждомъ увеличеніи объема мозга послѣдній выпираетъ родничекъ и тѣмъ самымъ надавливаетъ на наложенный на него шпенекъ. Этотъ послѣдній своимъ приподнятіемъ надавливаетъ на воздухъ въ первомъ полиграфѣ и сгущеніемъ въ немъ воздуха вызываетъ движеніе пера второго полиграфа; при уменьшеніи объема мозга, родничекъ опускается и вызываетъ весьма понятнымъ образомъ обратное движеніе пишущаго рычага.

Въ такой же приблизительно формѣ были произведены опыты и на взрослыхъ людяхъ, у которыхъ кости черепа въ силу разныхъ патологическихъ условій были разрушены на какомъ-нибудь ограниченномъ участкѣ. Въ этихъ случаяхъ мозгъ бывалъ обыкновенно прикрытъ мягкой тканью, черезъ которую легко передавались записывающимъ аппаратомъ всѣ колебанія его объема. Для обнаруженія послѣднихъ, кромѣ указаннаго приспособленія, Моссо прибѣгъ къ еще болѣе простому графическому пріему. Листъ толстой гуттаперчи размѣромъ нѣсколько больше разрушенной части кости черепа и проткнутый насквозь въ центрѣ стеклянной трубочкой, плотно прикладывался къ костнымъ краямъ

раны и прикрывалъ цѣликомъ весь мягкій участокъ черепа. Свободный конецъ стеклянной трубки при помощи гуттаперчевой соединялся съ обыкновеннымъ полиграфомъ. Поднятія и опусканія мозга, вызывавшія соотвѣтствующія сгущенія и разрѣженія воздуха въ системѣ полиграфовъ, совершенно отчетливо записывались рычагомъ на закопченной бумагѣ равномѣрно вращавшагося цилиндра.

Всѣми этими способами легко убѣдиться, что и мозгъ взрослыхъ людей претерпѣваетъ такія же періодическія пульсовыя и дыхательныя колебанія своего объема, какія были замѣчены на собакахъ и на дѣтяхъ съ незаросшими еще родничками.

Въ правѣ ли мы на основаніи этихъ опытовъ утверждать, что мозгъ здоровыхъ людей, окруженный со всѣхъ сторонъ неподатливыми костями черепа, также подвергается этимъ періодическимъ колебаніямъ своего объема? Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ мы имѣли или искусственныя отверстія въ черепѣ, или размягченныя части черепной крышки, которыя, благодаря податливости своей, уступали напору увеличивающагося въ своемъ объемѣ мозга. Какъ же можетъ увеличиваться объемъ мозга при условіи, когда онъ заключенъ въ твердыя неподатливыя со всѣхъ сторонъ кости черепа? Благодаря изслѣдованіямъ Салатэ, мы въ правѣ отвѣтить и на этотъ вопросъ утвердительно; головной мозгъ и у здоровыхъ совершенно людей несомнѣнно представляетъ пульсовыя и дыхательныя колебанія своего объема, благодаря слѣдующаго рода механизму. Полость черепа выполняется не однимъ только мозгомъ съ его сосудами, но и такъ называемою церебро-спинальной жидкостью, расположенной между мозгомъ и его оболочками и въ которой мозгъ какъ бы плаваетъ. Эта жидкость легко переливается въ позвоночный каналъ съ уступчивыми во многихъ мѣстахъ стѣнками и изъ послѣдняго опять можетъ поступать въ черепную полость. При всякомъ переполненіи кровью мозговыхъ сосудовъ, зависитъ ли оно отъ сокращенія сердца или отъ акта выдыханія, церебро-спинальная жидкость переходитъ изъ полости черепа въ позвоночный каналъ и уступаетъ мѣсто увеличивающейся массѣ мозга и, наоборотъ, при всякомъ уменьшеніи крови въ мозгу, этотъ послѣдній спадается и вытѣсненная передъ тѣмъ церебро-спинальная жидкость вновь возвращается на свое мѣсто. Механизмъ подобнаго періодическаго увеличенія и уменьшенія объема мозга при неповрежденномъ черепѣ вполнѣ выясненъ изслѣдованіями Салатэ на собакахъ; поэтому весьма вѣроятно, что и у здороваго человѣка мозгъ подвергается пульсовымъ и дыхатель-

нымъ колебаніямъ своего объема въ зависимости отъ періодическихъ колебаній содержанія въ немъ крови.

Сказаннаго достаточно, чтобы перейти теперь къ прямой задачѣ нашей, т.-е. къ опредѣленію того, какъ отражаются на мозговомъ кровообращеніи различныя формы психической дѣятельности. Систематической разработки этого вопроса въ настоящее время, къ сожалѣнію, не существуетъ; но тѣмъ не менѣе имѣется не малое число твердо установленныхъ фактовъ, освѣщающихъ вполнѣ удовлетворительно разбираемый нами вопросъ.

Уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ Дургэмъ, а за нимъ и Визіали замѣтили на животныхъ, что при возбужденіи ихъ, при вызовѣ въ нихъ сильныхъ впечатлѣній, поверхность ихъ мозговыхъ полушарій краснѣетъ, сосуды ихъ наливаются кровью и мозгъ ихъ поднимается до краевъ отверстія въ кости, и наоборотъ, при успокоеніи животнаго получались обратныя явленія. То же самое было замѣчено Дургэмомъ на обнаженномъ въ извѣстной части своей мозгѣ женщины и Блумрёдеромъ на одномъ больномъ, у котораго вслѣдъ за трепанаціей черепа легко было слѣдить за состояніемъ мозговыхъ извилинъ. При покоѣ субъекта мозгъ опускался и поверхность его блѣднѣла, при сильныхъ же желаніяхъ, гнѣвѣ и т. д. мозговые сосуды наливались кровью и мозгъ приподнимался.

Шиффъ, изучая у животныхъ колебанія температуры мозговыхъ полушарій термо-электрическимъ путемъ, нашелъ, что при вызовѣ въ нихъ тѣхъ или другихъ ощущеній путемъ раздраженія чувствующихъ нервовъ или органовъ чувствъ, полушарія мозга согрѣвались. Особенно поучительны опыты, въ которыхъ авторъ прибѣгъ къ раздраженію глазъ у птицъ различными цвѣтными лучами: онъ проводилъ передъ глазами этихъ животныхъ кусочки бумаги, окрашенные въ яркіе красные, желтые и т. п. цвѣта и замѣтилъ, что вызываемыя при этомъ цвѣтовыя ощущенія обусловливали согрѣваніе полушарій, которое въ большей части своей несомнѣнно зависѣло отъ усиленнаго прилива къ нимъ крови.

Брока́ обратилъ свое вниманіе на колебанія температуры черепа у здоровыхъ людей при покоѣ мозга и при его дѣятельномъ состояніи; окруживъ черепъ вѣнкомъ термометровъ, онъ нашелъ, во-первыхъ, что при покоѣ температура лѣвой половины черепа превышала обыкновенно на $^{1}/_{10}$ гр. Ц. температуру правой его половины; но что при чтеніи эта разница уравнивалась на счетъ согрѣванія правой половины, причемъ переднія лобныя части черепа оказывались теплѣе заднихъ за-

тысячныхъ болѣе чѣмъ на 1^0 Ц. Очевидно, что и у человѣка психическая работа мозга сопровождается усиленнымъ приливомъ къ нему крови.

Высокій интересъ для разбираемаго нами вопроса представляютъ недавнія точныя и болѣе систематическія изслѣдованія Моссо надъ колебаніями объема мозга у людей, при различныхъ формахъ психической дѣятельности. Объектами изслѣдованія служили люди, у которыхъ кости черепа были разрушены въ опредѣленномъ участкѣ извѣстными патологическими процессами; благодаря податливости тканей, прикрывавшихъ въ этомъ мѣстѣ мозгъ, колебанія объема послѣдняго могли легко быть записаны вышеописаннымъ графическимъ способомъ. Изъ многочисленныхъ опытовъ этого автора, видно, что мозгъ, со стороны колебаній своего объема, относится весьма чутко къ различнымъ формамъ психическаго возбужденія.

При покоѣ субъекта пульсовыя колебанія объема мозга бываютъ довольно равными и равномѣрными въ теченіе довольно большого промежутка времени. Если вызвать въ изслѣдуемомъ субъектѣ какимъ-нибудь оскорбительнымъ для него замѣчаніемъ извѣстное душевное волненіе, извѣстный аффектъ, напримѣръ, пристыдить его, то вслѣдъ за этимъ наблюдается рѣзкое повышеніе пульсовыхъ колебаній объема мозга съ нѣкоторымъ учащеніемъ ихъ, проходящее постепенно по мѣрѣ успокоенія человѣка. Автору неоднократно приходилось наблюдать, что субъектъ, сидящій съ виду покойно, вдругъ безъ видимыхъ внѣшнихъ поводовъ давалъ увеличеніе объема мозга; тщательный разспросъ больного обнаруживалъ постоянно, что ему во время опыта невольно приходила на умъ та или иная мысль, приводившая его въ сильное душевное волненіе; это-то послѣднее условіе, не сказывавшееся съ виду ничѣмъ, уже обусловливало рѣзкое увеличеніе объема мозга, вслѣдствіе усиленнаго притока къ нему крови. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи опытъ, произведенный Моссо надъ одной женщиной. Наблюдая ее въ анатомическомъ институтѣ, онъ замѣтилъ, что правильныя до того пульсовыя колебанія объема ея мозга вдругъ внезапно и рѣзко увеличились безъ малѣйшаго повода съ его стороны и при полной тишинѣ вокругъ. Допросъ больной выяснилъ, что она сильно испугалась, увидѣвъ случайно на противустоявшей полкѣ черепъ, который напомнилъ ей о предстоявшей ей хирургической операціи.

Ощущенія, вызываемыя раздраженіемъ органовъ чувствъ, остаются также не безъ вліянія на пульсовыя колебанія объема

мозга; такъ при внезапномъ боѣ часовъ объемъ мозга также временно увеличивался.

Всякій вопросъ, обращенный къ субъекту, сидѣвшему подъ опытомъ, и требовавшій отъ него извѣстнаго размышленія, вызывалъ рѣзкое увеличеніе объема мозга. Такъ аффектъ этотъ достигался, когда къ нему обращались хотя бы съ вопросомъ о томъ, «сколько яицъ составитъ двѣнадцать дюжинъ»? Рѣшеніе въ умѣ различныхъ ариѳметическихъ задачъ, напр. помноженія 8 на 12, уже было достаточно, чтобы вызвать рѣзкое увеличеніе пульсовыхъ колебаній объема мозга; и что̀ при этомъ замѣчательно, такъ это то, что между увеличеніемъ объема мозга и степенью сложности задаваемыхъ задачъ существуетъ извѣстная пропорціональность: чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ большаго напряженія мысли она требуетъ, тѣмъ рѣзче и продолжительнѣе бываютъ при этомъ измѣненія объема мозга.

Эти въ высокой степени интересные опыты Моссо надъ мозговымъ кровообращеніемъ у человѣка подъ вліяніемъ различныхъ психическихъ состояній, благодаря случайно встрѣтившемуся мнѣ подходящему субъекту, были мною вмѣстѣ съ Истомановымъ провѣрены и пополнены.

Рѣчь идетъ о десятилѣтнемъ мальчикѣ, у котораго приблизительно по срединѣ лба на пространствѣ 4 или 5 квадратныхъ сантиметровъ недоставало костной ткани и мозгъ съ его оболочками былъ прикрытъ на этомъ мѣстѣ лишь кожнымъ рубцомъ и нормальной кожей. За годъ приблизительно передъ изслѣдованіемъ нашимъ, мальчикъ этотъ, послѣ случайнаго паденія съ высоты, ударился лбомъ о какой-то желѣзный предметъ и раздробилъ себѣ лобную кость, часть которой и была удалена хирургами. Кость въ этомъ мѣстѣ уже болѣе не возстановилась, но мальчикъ вполнѣ выздоровѣлъ и представлялся веселымъ, краснощекимъ и не утратившимъ, повидимому, своихъ умственныхъ способностей; онъ учится въ городской богадельнѣ. У него на мѣстѣ бывшей раны замѣчались даже на глазъ отчетливыя пульсаціи мозга, которыя легко было записать рычагомъ Мареевскаго полиграфа при помощи указанныхъ выше приспособленій. На немъ подтвердились вполнѣ заявленія Моссо на счетъ колебаній объема мозга подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ, аффектовъ и мышленія и, кромѣ того, были произведены нѣкоторые новые, на сколько намъ извѣстно, ни кѣмъ еще непродѣланные опыты. Обонятельныя ощущенія (поднесеніе къ носу паровъ уксусной кислоты, амміака); вкусовыя (лимонная кислота), раздраженія кожи холодомъ, электричествомъ, щекотаніемъ, вне-

запное раздраженіе глазъ свѣтомъ, а уха звуками сигнальной трубы, звуками рояля и т. д. вызывали отчетливое увеличеніе объема мозга, тогда какъ болевыя ощущенія, вызванныя сильнымъ щипаніемъ кожи или приложеніемъ къ ней на мгновеніе пробирки съ горячей водой, обусловливали обратный эффектъ, т. е. паденіе объема мозга. Аффекты эти представляются совершенно понятными, если вспомнить, что сосуды другихъ участковъ тѣла (конечностей) при возникновеніи указанныхъ обонятельныхъ, вкусовыхъ, кожныхъ, слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній съуживаются, а при болевыхъ ощущеніяхъ расширяются (по преимуществу сосуды кожи); съуженному состоянію сосудовъ тѣла (кромѣ мозга) соотвѣтствуетъ переполненіе мозговыхъ сосудовъ кровью, выражающееся увеличеніемъ объема мозга и наоборотъ расширенному состоянію сосудовъ тѣла соотвѣтствуетъ спаденіе мозговыхъ сосудовъ, а чрезъ это анемія мозга. Кому неизвѣстно, что сильныя болевыя ощущенія, вызываемыя, хотя бы, напримѣръ, вырываніемъ зуба, могутъ быть иногда причиной обморока съ полной потерей сознанія; наступленію такого состоянія способствуетъ кромѣ замедленія, а иногда даже остановки сердцебіеній (вызываемыхъ сильными болевыми ощущеніями), еще и констатированное нами при этихъ условіяхъ обѣднѣніе мозга кровью, обусловленное спаденіемъ его сосудовъ.

Съ другой стороны нельзя не видѣть въ этомъ спаденіи мозговыхъ сосудовъ при болевыхъ ощущеніяхъ извѣстной цѣлесообразности; анемія головного мозга, понижая его дѣятельность, его возбудимость, должна притуплять человѣка къ дѣйствію сильныхъ и продолжительныхъ болевыхъ раздражителей и тѣмъ самымъ предохраняетъ его какъ отъ цѣлой суммы непріятнѣйшихъ ощущеній, такъ и отъ пагубнаго отраженнаго дѣйствія ихъ на организмъ вообще.

Мы видимъ такимъ образомъ, что различныя формы психической дѣятельности рѣзко отражаются на мозговомъ кровообращеніи. Какъ чувства и аффекты, такъ и ощущенія, и мышленіе при возникновеніи своемъ обусловливаютъ усиленный приливъ крови къ мозгу, увеличивающій его объемъ. Это явленіе представляется крайне цѣлесообразнымъ, если вспомнить, что всякій органъ, а стало быть и мозгъ, въ дѣятельномъ состояніи нуждается въ большемъ притокѣ питательнаго матеріала, разносимаго кровью.

Мозгъ такимъ образомъ со стороны измѣненій въ немъ кровообращенія во время психической дѣятельности представляетъ явленія, совершенно обратныя тѣмъ, которыя были нами

изучены на сосудахъ конечностей. Въ первомъ возникновеніе аффектовъ, ощущеній и мышленія ведетъ къ расширенію сосудовъ, во-вторыхъ же, т.-е. въ конечностяхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ съуженію ихъ. Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, не является ли это съуженіе кровяного ложа въ остальныхъ органахъ тѣла, при разныхъ формахъ психической дѣятельности, непосредственной причиной усиленнаго прилива крови къ мозгу? Кровь, встрѣчая при этомъ большія препятствія для теченія своего по сосудамъ конечностей, должна въ избыткѣ направляться въ сосуды мозга, который столь нуждается въ ней во время своей дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія съуженіе сосудовъ конечностей при различныхъ формахъ психической дѣятельности представляется явленіемъ въ высокой степени цѣлесообразнымъ.

Впрочемъ, возможно допустить, что, кромѣ указаннаго условія, усиленному наполненію мозга кровью во время его работы способствуетъ еще и активное расширеніе мозговыхъ сосудовъ, обусловленное возбужденіемъ ихъ сосудорасширяющихъ волоконъ импульсами, исходящими изъ сферы корковаго вещества полушарій. Въ пользу этого предположенія говоритъ, повидимому, тотъ фактъ, что дѣятельное состояніе любого органа въ тѣлѣ сопровождается активнымъ расширеніемъ его сосудовъ и усиленнымъ приливомъ къ нимъ крови. Весьма, вѣроятно, что усиленный приливъ крови къ дѣятельному мозгу зависитъ отъ обоихъ указанныхъ нами условій.

Мы видимъ такимъ образомъ, что разнообразнѣйшія психическія отправленія мозга сопровождаются опредѣленными, несознаваемыми нами измѣненіями въ дѣятельности сердца и сосудовъ, крайне благопріятными для психическихъ функцій головного мозга. Такая неразрывная связь между психическими отправленіями мозга и функціями кровеносной системы выработалась, конечно, не сразу, а путемъ медленнаго усовершенствованія организаціи безконечнаго ряда поколѣній животныхъ формъ. Мозгъ, этотъ главный органъ животныхъ въ борьбѣ ихъ за существованіе, во время дѣятельности своей, нуждается болѣе чѣмъ какой-либо другой органъ тѣла въ усиленномъ притокѣ къ нему крови, и поэтому организмы, у которыхъ дѣятельность головного мозга, благодаря учащенію и усиленію сердцебіеній и сжатію периферическихъ сосудовъ тѣла, сопровождалась усиленнымъ притокомъ къ нему крови, должны были выходить побѣдителями въ борьбѣ съ ихъ конкуррентами, не обладавшими подобнаго рода приспособленіемъ. Механизмъ этотъ, вырабатывавшійся посте-

пенно, закрѣплялся путемъ наслѣдственной передачи въ ряду послѣдующихъ поколѣній, совершенствовался все дальше и дальше и достигъ уже той степени развитія, на которой мы его встрѣчаемъ въ настоящее время у высшихъ млекопитающихъ и человѣка, у которыхъ всякая мало-мальски значительная мозговая дѣятельность сопровождается въ высокой степени цѣлесообразными измѣненіями въ кровообращеніи.

Благодаря этой близкой связи между функціями мозга и кровеносной системой психическія отправленія мозга являются въ то же время и своего рода гимнастикой для органовъ кровообращенія, вызывая въ большинствѣ случаевъ усиленіе и учащеніе сердцебіеній и періодическія сжатія и расширенія сосудовъ; слѣдовательно психическія функціи мозга ускоряютъ въ общемъ кровообращеніе и тѣмъ самымъ благопріятствуютъ нормальному теченію всѣхъ физическихъ отправленій нашего организма. Нельзя поэтому не согласиться съ мнѣніемъ Итара и Сериза, по которымъ явленія питанія организма во многомъ зависятъ отъ степени развитія центральной нервной системы.

Какъ всякая гимнастика требуетъ, однако, осторожнаго примѣненія, такъ и психическая работа нашего мозга должна производиться съ опредѣленной осторожностью и въ опредѣленныхъ границахъ, перейдя которыя она уже можетъ сдѣлаться источникомъ серьезныхъ разстройствъ. Продолжительная, упорная, повторяющаяся изо дня въ день мозговая работа, сопровождаясь постояннымъ, безпрерывнымъ наплывомъ крови въ мозгъ, можетъ повести къ растяженію мозговыхъ сосудовъ, къ патологическимъ измѣненіямъ стѣнокъ ихъ и къ потерѣ ихъ упругости. На людяхъ, подвергавшихся частымъ припадкамъ гнѣва, мы можемъ убѣдиться въ томъ пагубномъ вліяніи, которое оказываютъ частые и сильные приливы крови къ мозгу на состояніе его сосудовъ: эти послѣдніе отличаются, какъ это показали посмертныя вскрытія, своей чрезмѣрной шириной. Если даже періодически повторяющіеся приливы крови въ мозговые сосуды отражаются подъ конецъ на анатомическомъ строеніи ихъ, то съ тѣмъ большимъ вѣроятіемъ можно ожидать еще болѣе глубокихъ измѣненій ихъ при продолжительномъ, чрезмѣрномъ мозговомъ трудѣ, сопровождающемся постоянно расширеннымъ состояніемъ сосудовъ. Указанныя измѣненія сосудистыхъ стѣнокъ должны повести къ замедленію мозгового кровообращенія, къ застоямъ крови въ мозгу, къ разстройствамъ обмѣна веществъ между кровью и мозговой тканью, т.-е. къ условіямъ, дѣйствующимъ весьма пагубно на психическія функціи мозга и могущимъ обусловить коренное разстройство всей духовной жизни человѣка.

Сказанное особенно относится къ дѣтскому возрасту, отличающемуся, между прочимъ, особенной растяжимостью и податливостью стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ.

Покончивъ съ вліяніемъ различныхъ психическихъ явленій на кровообращеніе, я перехожу къ выясненію того, на сколько они отражаются на органахъ дыханія. При классификаціи различныхъ системъ органовъ нашего тѣла, мы уже указали на то, что активными органами дыхательныхъ движеній являются вдыхательныя и выдыхательныя мышцы, періодически то расширяющія, то съуживающія грудную клѣтку и вызывающія соотвѣтствующее пассивное расширеніе и спаденіе легкихъ, дѣйствующихъ въ этомъ случаѣ на подобіе мѣха. Мышцы эти поперечно-полосатыя и могутъ дѣйствовать только подъ вліяніемъ возбужденій, приносимыхъ къ нимъ цереброспинальными нервными волокнами. Въ этомъ легко убѣдиться перерѣзкой всѣхъ нервныхъ вѣтокъ, связывающихъ дыхательныя мышцы съ спиннымъ мозгомъ; дыхательныя движенія, вслѣдствіе, этого прекращаются. Очевидно, что періодическіе импульсы къ дыхательнымъ движеніямъ исходятъ изъ центральной нервной системы. Какого же характера эти импульсы и изъ какой части нервной системы они исходятъ? Уже изъ того, что дыханіе продолжается и во время сна, при обморочномъ состояніи и стало быть при полномъ отсутствіи сознанія, очевидно слѣдуетъ, что дыханіе является актомъ непроизвольнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательное удаленіе у животныхъ всѣхъ частей головного мозга вплоть до продолговатаго, не уничтожаетъ способности ихъ дышать, и напротивъ того, стоитъ только разрушить извѣстную часть продолговатаго мозга, названную Флурансомъ «жизненнымъ узломъ», для того, чтобы дыхательныя движенія прекратились на всегда. Явно, что центры дыханія локализируются именно тутъ въ опредѣленномъ мѣстѣ продолговатаго мозга; изъ нихъ-то и исходятъ импульсы къ періодическимъ сокращеніямъ дыхательныхъ мышцъ.

Что же возбуждаетъ эти дыхательные центры къ дѣятельности? Изъ того факта, что перерѣзка всѣхъ возможныхъ чувствующихъ, т.-е. центростремительныхъ нервовъ не исключаетъ дыхательныхъ движеній, слѣдуетъ несомнѣнно, что движенія эти не являются продуктами рефлекторной дѣятельности дыхательныхъ центровъ. Возбужденіе этихъ центровъ обусловливается опредѣленнымъ газовымъ содержаніемъ омывающей ихъ крови, а именно, недостаткомъ въ ней кислорода и накопленіемъ въ ней угольной кислоты;

чѣмъ рѣзче бываетъ выражено подобное состояніе крови, тѣмъ чаще и сильнѣе бываютъ дыхательныя движенія, и наоборотъ при рѣзкомъ уменьшеніи угольной кислоты въ крови и сильномъ обогащеніи ея кислородомъ дыхательныя движенія становятся все слабѣе и рѣже и подъ конецъ наступаетъ такъ-называемое состояніе «апноэ», характеризующееся полнымъ прекращеніемъ дыхательныхъ движеній, причемъ животное продолжаетъ жить. Источникомъ, приводящимъ въ возбужденное состояніе дыхательные центры, является такимъ образомъ опредѣленное газовое содержаніе крови, которое потому вызываетъ *періодическую* дѣятельность дыхательныхъ центровъ, что эти послѣдніе представляютъ извѣстнаго рода препятствія къ возбужденію своему кровью; для того, чтобы вызвать нервный разрядъ въ этихъ центрахъ, требуется, чтобы возбужденіе накоплялось въ нихъ до извѣстнаго максимума, необходимаго для вызова нервнаго импульса; послѣ подобной затраты возбужденія оно снова должно мало-по-малу накопляться въ центрахъ для вызова въ нихъ новаго разряда и т. д.; отсюда и вытекаетъ періодичность дыхательныхъ движеній.

На движенія эти и стало быть на дѣятельность дыхательныхъ центровъ оказываютъ большое вліяніе всевозможныя раздраженія разнообразныхъ чувствующихъ органовъ тѣла и самихъ чувствующихъ нервныхъ стволовъ.

Сильныя раздраженія, напримѣръ, кожи, сѣдалищнаго и бедренныхъ нервовъ и т. п., электрическимъ токомъ, холодомъ и т. п., вызываютъ обыкновенно замедленіе и усиленіе дыхательныхъ движеній и въ высшихъ степеняхъ ихъ даже остановку дыханія, тогда какъ слабыя раздраженія обусловливаютъ въ большинствѣ случаевъ учащеніе дыханія съ уменьшеніемъ глубины дыхательныхъ движеній.

Среди всѣхъ этихъ центростремительныхъ нервовъ существуютъ, однако, такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ быть названы настоящими регуляторами дыхательныхъ движеній; таковыми являются, по Розенталю, блуждающій и верхнегортанный нервы. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ перерѣзать блуждающіе нервы, какъ нормальный типъ дыханій рѣзко измѣняется; они становятся въ большинствѣ случаевъ гораздо болѣе рѣдкими и глубокими. Но мы можемъ тотчасъ участить ихъ, если станемъ раздражать, хотя бы электрическимъ токомъ, верхній отрѣзокъ блуждающаго нерва, оставшійся въ связи съ продолговатымъ мозгомъ; при сильномъ раздраженіи блуждающаго нерва получается даже остановка дыханія въ фазѣ вдыханія; очевидно, что это возбужденіе

дѣйствуетъ ускоряющимъ образомъ на дѣятельность дыхательныхъ центровъ; антагонистомъ блуждающаго нерва является въ этомъ отношеніи верхнегортанный нервъ, тоже попреимуществу центростремительный нервъ, раздраженіе котораго перерывистымъ токомъ вызываетъ рѣзкое замедленіе дыхательныхъ движеній и даже остановку ихъ въ фазѣ выдыханія. Изъ сказаннаго видно, что и центры дыхательныхъ движеній снабжены регуляторными проводами, задерживающими и ускоряющими ихъ функціи.

Хотя мы и видѣли, что дыхательныя движенія возможны и безъ всякаго участія остальныхъ частей головного мозга, кромѣ продолговатаго, тѣмъ не менѣе для разбираемаго нами вопроса весьма важно знать, не оказываютъ ли какого-нибудь вліянія на функціи дыхательныхъ центровъ возбужденія, исходящія изъ сферы среднихъ частей головного мозга и въ особенности коркового вещества полушарій. Даниленскій показалъ, что искусственное раздраженіе у животныхъ хвостовой части полосатаго тѣла обусловливаетъ замедленіе дыхательныхъ движеній, предшествуемое глубокимъ вздохомъ и, наконецъ, полную остановку ихъ. Такой же аффектъ получался въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при возбужденіи надсильвіевой извилины корки полушарій мозга. При раздраженіи точекъ, находящихся у основанія головного мозга, наступаетъ обратный аффектъ, т.-е. рѣзкое учащеніе и усиленіе дыхательныхъ движеній; наконецъ косвеннымъ доказательствомъ того, что мозговыя полушарія принимаютъ участіе въ перемѣнахъ дыхательныхъ движеній, можетъ служить еще тотъ любопытный фактъ, что по удаленіи мозговыхъ полушарій раздраженіе слухового нерва въ большинствѣ случаевъ остается безо всякаго аффекта на дыханіи.

Бошеронтенъ съ своей стороны заявляетъ, что разстройства дыхательныхъ движеній, вызываемыя искусственнымъ возбужденіемъ корковаго слоя полушарій мозга у собаки, бываютъ аналогичны тѣмъ, которыя получаются при механическомъ раздраженіи какой-либо чувствующей поверхности тѣла. При возбужденіи корки полушарій чаще всего получается пять или шесть быстро слѣдующихъ другъ за другомъ дыханій, а иногда и болѣе, послѣ чего животное начинаетъ кричать отъ боли; иногда же животное дѣлаетъ при этомъ глубокій продолжительный вздохъ, а иногда и два вздоха, отдѣленныхъ между собою значительной паузой.

На человѣкѣ дыхательныя движенія записываются при помощи такъ-называемыхъ пневмографовъ, имѣющихъ различное устройство; въ общемъ они состоятъ изъ герметически замкнутаго, болѣе или менѣе длиннаго полаго цилиндра съ упругими стѣнками,

включеннаго въ поясъ, плотно охватывающій грудную клѣтку; полость этого цилиндра при помощи каучуковой трубки сообщается съ обыкновеннымъ полиграфомъ Марея. При расширеніи грудной стѣнки во время вздоха, цилиндръ растягивается и воздухъ въ немъ разрѣжается; при спаденіи же грудной стѣнки во время выдоха, цилиндръ спадается и воздухъ въ немъ сгущается; эти послѣдовательныя разрѣженія и сгущенія воздуха передаются полиграфу, который соотвѣтствующими движеніями своего пера записываетъ какъ частоту, такъ и силу дыхательныхъ движеній.

Изъ представленнаго краткаго физіологическаго очерка иннерваціи дыханія, слѣдуетъ съ очевидностью, что актъ дыханія можетъ совершаться и видоизмѣняться разнообразно, помимо всякаго участія высшихъ центровъ корки мозговыхъ полушарій. Но тѣ же физіологическія наблюденія устанавливаютъ тотъ фактъ, что и возбужденія мозговыхъ полушарій отражаются то ускоряющимъ, то задерживающимъ образомъ на актѣ дыханія. Уже на этомъ основаніи естественно предположить, что и психическія возбужденія, протекающія въ корковомъ слоѣ полушарій, должны сопровождаться тѣми или другими измѣненіями дыхательныхъ движеній; наблюденія и опыты на самомъ дѣлѣ подтверждаютъ это предположеніе.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи психическихъ явленій на дыханіе разработанъ далеко не полно, хотя наблюденія въ этомъ направленіи несравненно легче аналогичныхъ наблюденій надъ функціями органовъ кровообращенія.

Уже опытъ будничной жизни убѣждаетъ насъ въ томъ, что различные чувства и аффекты рѣзко отражаются на ритмѣ, глубинѣ и вообще на всемъ характерѣ дыхательныхъ движеній. Что такое въ самомъ дѣлѣ плачъ, сопровождающій глубокое горе, или смѣхъ при веселомъ, радостномъ чувствѣ, какъ не выраженіе рѣзко измѣненной дѣятельности дыхательнаго аппарата, осложненной опредѣленной игрой мышцъ лица и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельнымъ состояніемъ слезныхъ железъ? Хохотъ, напримѣръ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ болѣе или менѣе глубокаго вдыханія, за которымъ слѣдуетъ не одинъ, а цѣлый рядъ долго продолжающихся короткихъ отрывочныхъ выдыханій при открытой голосовой щели; воздухъ, выталкиваемый при этомъ, приводитъ въ характеристичныя колебательныя движенія голосовыя струны. При плачѣ происходитъ аналогичное измѣненіе дыхательныхъ движеній, какъ и при хохотѣ, но ритмъ ихъ и сопровождающее ихъ выраженіе лица представляются иными,

хотя сходство этихъ состояній бываетъ иногда такъ велико, что трудно бываетъ отличить лицо плачущее отъ хохочущаго. Уже изъ этихъ однихъ фактовъ явно слѣдуетъ, что чувства и аффекты въ состояніи рѣзко нарушать нормальный типъ дыхательныхъ движеній.

Этотъ выводъ подтверждается и другими наблюденіями, въ которыхъ сила чувствъ или аффектовъ бываетъ не настолько велика, чтобы выражаться въ формѣ смѣха или плача. Въ этихъ случаяхъ наблюдается только отчетливое измѣненіе ритма и глубины дыхательныхъ движеній въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ. Такъ у людей, находящихся въ веселомъ, радостномъ настроеніи, дыханія представляются учащенными и поверхностными, тогда какъ при печали или горѣ, дыханія дѣлаются болѣе рѣдкими и отдѣляются продолжительными остановками, вслѣдъ за которыми обыкновенно наступаетъ глубокій непроизвольный вздохъ, стремящійся какъ бы пополнить недостатокъ, вводимаго при этомъ въ организмъ, воздуха. Эти глубокіе отъ времени до времени вздохи являются настолько характеристичными, что ихъ въ обыденной жизни обыкновенно считаютъ за признакъ удручающаго человѣка горя, печали или какихъ-либо непріятныхъ для него заботъ. Сильный испугъ или страхъ обыкновенно сопровождается остановкой дыханія, а равнымъ образомъ и сильная боль, вызывающая въ человѣкѣ въ высокой степени непріятное чувство.

Такимъ образомъ дыхательный аппаратъ относится къ чувствамъ и аффектамъ стеническаго или астеническаго характера аналично сердцу. Стеническіе или повышающіе нервную дѣятельность аффекты ускоряютъ какъ дыханія, такъ и сердцебіенія и, наоборотъ, астеническіе аффекты замедляютъ или даже останавливаютъ и ослабляютъ какъ тѣ, такъ и другія. Только-что приведенные факты не являются, къ сожалѣнію, плодомъ систематическаго труда, произведеннаго при помощи точныхъ научныхъ способовъ изслѣдованія; да оно и естественно, если вспомнить насколько трудно на человѣкѣ, сидящемъ подъ опытомъ и окруженномъ разнообразными аппаратами, вызывать по желанію то или другое настроеніе, или тотъ, или другой аффектъ. Поневолѣ приходится довольствоваться случайными поверхностными наблюденіями надъ дыханіемъ людей, находящихся подъ господствомъ того или другого аффекта; не смотря на это, наблюденія эти являются крайне цѣнными и, можно сказать, вполнѣ доказательными.

Мы лишены почти всякихъ указаній насчетъ вліянія тѣхъ

или другихъ ощущеній на дѣятельность дыхательнаго аппарата. Правда, въ литературѣ встрѣчается нѣсколько указаній насчетъ благотворнаго вліянія музыки на больныхъ, вызывавшей обыкновенно ускореніе дыхательныхъ движеній. На основаніи этихъ наблюденій трудно рѣшить, обусловливалось ли это учащеніе дыханія дѣйствіемъ просто однихъ только звуковыхъ ощущеній, а не осложнявшихъ ихъ чувствъ, аффектовъ или идей. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ точно обставленные опыты г-жи Манасеиной надъ вліяніемъ щекотанія на человѣческій организмъ, изъ которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что слабое щекотаніе кисточкой кожи лица нѣсколько ускоряетъ дыханіе и измѣняетъ его нормальный типъ; это вліяніе бываетъ тѣмъ рѣзче выражено, чѣмъ щекотливѣе изслѣдуемый субъектъ.

Попытка къ систематическому изслѣдованію вліянія различныхъ ощущеній на дыхательныя движенія у человѣка была произведена въ нашемъ физіологическомъ кабинетѣ, при помощи точнаго графическаго метода записыванія дыхательныхъ движеній, и привела къ слѣдующему результату: вкусовыя, обонятельныя, осязательныя, слуховыя и зрительныя ощущенія, разъ они не осложняются какими-либо сильными чувствами или аффектами, вызываемыми или внезапностью раздраженій или особенной силой и сложнымъ сочетаніемъ ихъ, отражаются лишь въ слабой степени на дыханіи, вызывая чаще всего незначительное ускореніе дыхательныхъ движеній; рѣзче всего въ этомъ смыслѣ дѣйствуютъ ощущенія, вызываемыя термическими и тактильными раздраженіями кожи.

Все сказанное относится ко всевозможнымъ простымъ ощущеніямъ, возникающимъ въ сферѣ различныхъ органовъ чувствъ и притомъ къ ощущеніямъ слабой и средней силы въ обычномъ смыслѣ этого слова. При сильныхъ же ощущеніяхъ, и притомъ вызываемыхъ внезапно, наступаетъ вообще рѣзкое нарушеніе нормальнаго типа дыхательныхъ движеній, выражающееся какъ рѣзкими измѣненіями ихъ ритма, такъ и глубины. Въ этой сферѣ вліянія сильныхъ ощущеній не удалось, къ сожалѣнію, пока подмѣтить ничего постояннаго, никакой правильности.

Подобно дѣйствію ощущеній слабой и средней силы, легкая, кратковременная умственная работа не сопровождается какимъ-либо значительнымъ измѣненіемъ дыхательныхъ движеній. Измѣненіе послѣднихъ наблюдается только въ томъ случаѣ, когда процессъ мышленія совершается съ нѣкоторымъ значительнымъ умственнымъ напряженіемъ и затрудненіемъ. При этихъ условіяхъ наблюдается чаще всего замедленіе дыханія, но у однихъ—

дыхательныя движенія дѣлаются при этомъ болѣе поверхностными, у другихъ же, напротивъ, болѣе глубокими и перерываются временными остановками. Общая картина измѣненій дыхательныхъ движеній во время совершенія напряженной умственной работы такова, что человѣкъ въ этомъ состояніи стремится какъ бы къ ослабленію ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и къ временному ихъ устраненію. На дыхательныхъ движеніяхъ повторяется, такимъ образомъ, въ общемъ, тоже, что и на остальныхъ движеніяхъ нашего тѣла: энергичныя движенія вообще являются несовмѣстимыми съ трудной умственной работой, требующей во время своего совершенія физическаго покоя; описанный нами характеръ измѣненій дыхательныхъ движеній при умственномъ трудѣ служитъ частнымъ выраженіемъ этого общаго правила.

Думы и воспоминанія, осложненныя печальными, горестными чувствами или аффектами, сопровождаются, какъ и слѣдовало ожидать, замедленіемъ дыхательныхъ движеній и, наоборотъ, думы веселаго, радостнаго характера сопровождаются учащеніемъ и усиленіемъ дыханія. Сказанное легко провѣрить, прося человѣка, сидящаго подъ опытомъ, вспоминать то или другое горестное или радостное событіе своей жизни и задумываться надъ ними. Описанныя явленія обнаруживаются при этомъ даже на людяхъ самаго спокойнаго характера и, стало быть, нераздражительныхъ. Изъ опытовъ, произведенныхъ въ этомъ направленіи, оказалось, что работа мысли, осложненная страстнымъ элементомъ, т.-е. тѣмъ или другимъ сильнымъ чувствомъ негодованія или восторга, вызываетъ обыкновенно наиболѣе рѣзкія измѣненія въ дыханіи и тѣмъ болѣе выраженныя, чѣмъ глубже и шире чувство, овладѣвающее при этомъ человѣкомъ. Стоитъ, напримѣръ, попросить неожиданно какого-нибудь горячаго патріота припомнить въ умѣ факты, относящіеся къ исторіи паденія независимости его родины, какъ тотчасъ же перо полиграфа, записывающее его дыханія, указываетъ на наступленіе болѣе энергичныхъ и неправильныхъ дыхательныхъ движеній; я имѣлъ случай неоднократно наблюдать это весьма любопытное явленіе.

Интересны также измѣненія характера дыхательныхъ движеній, сопровождающія декламированіе *въ умѣ* знакомыхъ стихотвореній или прозы. Въ первомъ случаѣ, дыхательныя движенія бываютъ болѣе энергичными и болѣе правильными, нежели во второмъ, и какъ бы приспособляются къ размѣрамъ стиховъ.

Фактъ этотъ служитъ съ одной стороны подтвержденіемъ высказанной нами уже раньше мысли, а именно, что теченіе тѣхъ или иныхъ представленій во время акта беззвучнаго мышленія

сопровождается обыкновенно опредѣленными измѣненіями въ дѣятельности мышцъ нашего скелета; съ другой же на основаніи его становится понятнымъ и заявленіе Гольмса, утверждающаго, что изъ всѣхъ размѣровъ стиховъ всего легче читается и запоминается людьми тотъ, который всего ближе соотвѣтствуетъ какъ числу, такъ и глубинѣ нашихъ дыханій; дѣти, напримѣръ, дышащія несравненно чаще взрослыхъ, съ особенной легкостью запоминаютъ стихотворенія, состоящія изъ двухсложныхъ или четырехсложныхъ строкъ, тогда какъ взрослые люди, производящіе всего около 15-ти объемистыхъ дыханій въ минуту, легко овладѣваютъ ямбическимъ пентаметромъ, очень затруднительнымъ для ребенка. Гольмсъ предполагаетъ даже, что размѣръ стихотвореній у различныхъ поэтовъ до нѣкоторой степени приноравливается къ темпу ихъ дыханія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ перечисленныя измѣненія дыхательныхъ движеній, сопровождающія возникновеніе въ насъ тѣхъ или иныхъ чувствъ или аффектовъ, ощущеній, а равно и работу мысли представляются безсознательными и, стало быть, независимыми отъ воли.

Упорное вниманіе, обращаемое человѣкомъ на тѣ или другія явленія окружающаго его міра или на собственное дыханіе, обыкновенно рѣзко измѣняетъ характеръ дыхательныхъ движеній и притомъ также независимо отъ воли человѣка. Въ первомъ случаѣ дыханія ослабляются, дѣлаются поверхностными и перемежаются съ временными остановками ихъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ случаѣ, когда человѣкъ очень внимательно прислушивается къ слабымъ звукамъ, раздающимся на нѣкоторомъ разстояніи, или вглядывается въ какой-нибудь тонкій микроскопическій препаратъ и т. д.; по устраненіи подобнаго напряженія вниманія появляются также на время и съ роковой необходимостью обратныя компенсаторныя измѣненія дыханія, т.-е. сильныя и частыя дыхательныя движенія. Во второмъ же случаѣ, когда вниманіе человѣка обращено на собственное дыханіе, послѣднее дѣлается обыкновенно болѣе энергичнымъ и неправильнымъ, сравнительно съ тѣмъ, которое наблюдается у него при психическомъ и физическомъ его покоѣ.

Очевидно, что вниманіе нарушаетъ правильную ритмическую дѣятельность дыхательныхъ центровъ. На этомъ основаніи врачъ, желающій узнать настоящее число дыханій у больного при извѣстномъ состояніи его, всегда прибѣгаетъ къ отвлеченію его вниманія и производитъ эту операцію незамѣтно для больного,

такъ какъ въ противномъ случаѣ добытыя имъ числа оказались бы невѣрными.

Воля, какъ извѣстно, въ опредѣленныхъ границахъ способна управлять дыхательными движеніями въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; мы можемъ по желанію ускорять, замедлять, усиливать, ослаблять дыханіе или останавливать его, то на вздохѣ, то на выдохѣ; но всѣ эти модификаціи могутъ поддерживаться нами лишь сравнительно короткое время, послѣ чего онѣ невольно переходятъ въ противуположныя измѣненія, стремящіяся какъ бы компенсировать аффекты, вызванные произвольнымъ измѣненіемъ дыхательныхъ движеній. Такъ, напримѣръ, если мы заставляемъ себя дышать очень рѣдко и поверхностно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, то въ слѣдующій за этимъ промежутокъ времени мы невольно будемъ дышать чаще и глубже и, наоборотъ, періодъ произвольнаго учащенія и усиленія дыхательныхъ движеній замѣняется послѣдующимъ періодомъ замедленія и ослабленія ихъ. Эта невольная компенсація, зависящая отъ автоматической дѣятельности дыхательныхъ центровъ, вполнѣ гарантируетъ постоянство вводимаго въ тѣло, въ теченіе большого промежутка времени, воздуха и, стало быть, если воля и способна временно вызывать рѣзкія колебанія въ дѣятельности дыхательнаго аппарата, то частные аффекты этихъ колебаній въ общемъ результатѣ стираются противуположной компенсаторной функціей дыхательныхъ центровъ.

Почему, однако, предѣлы вліянія воли на дыхательныя движенія оказываются столь ограниченными, т.-е., другими словами, почему мы не можемъ задерживать или ускорять по желанію своего дыханія на очень продолжительное время? Это станетъ понятнымъ, если вспомнить, что основной причиной дыхательныхъ движеній служитъ раздраженіе дыхательныхъ центровъ извѣстнымъ газовымъ составомъ крови. При произвольномъ задержаніи дыханія въ крови накопляется все больше и больше угольной кислоты и кровь обѣднѣваетъ кислородомъ. Оба эти условія дѣйствуютъ по мѣрѣ усиленія ихъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ образомъ на дыхательные центры и, когда сила этого возбужденія перевѣситъ силу угнетающаго дѣйствія на нихъ воли, то неминуемо появляются дыхательныя движенія, вопреки всякимъ тормозящимъ усиліямъ воли; недостатокъ кислорода въ крови и накопленіе въ ней избытка угольной кислоты вызываютъ вслѣдъ за періодомъ произвольнаго задержанія дыхательныхъ движеній учащеніе и усиленіе ихъ. И обратно, произвольное учащеніе дыхательныхъ движеній не можетъ поддерживаться

продолжительное время потому, что при этомъ условіи кровь обѣднѣваетъ со стороны содержанія въ ней угольной кислоты и обогащается кислородомъ, вслѣдствіе чего дыхательные центры, получая все меньше и меньше возбужденій, отказываются подъ-конецъ работать, какъ это мы видимъ во время апноэ.

Естественно, что и волевые импульсы при подобномъ состояніи центровъ оказываются безсильными поддерживать усиленную періодическую дѣятельность ихъ, и что она затѣмъ должна уступить на время мѣсто болѣе рѣдкимъ и слабымъ дыхательнымъ движеніямъ. Итакъ, воля несомнѣнно можетъ оказывать тормазящее или ускоряющее дѣйствіе на дѣятельность дыхательныхъ центровъ, благодаря особымъ нервнымъ приводамъ, связывающимъ корку полушарій съ дыхательными центрами продолговатаго мозга; но вліянія эти къ счастью человѣка оказываются ограниченными, такъ какъ въ противномъ случаѣ человѣкъ владѣлъ бы всегда легкимъ и могучимъ пріемомъ для прекращенія, когда ему заблагоразсудится, своего земного существованія путемъ смертельной произвольной остановки своего дыханія.

Переходя къ еще мало разработанному вопросу касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на пищеварительную систему, мы, ради удобства изложенія, раздѣлимъ его на двѣ части: на вліяніе психическихъ явленій на движенія всего кишечнаго канала и на вліяніе ихъ на дѣятельность пищеварительныхъ железъ. Предупреждаю, что область этихъ явленій разработана крайне слабо, вслѣдствіе непреодолимой пока трудности наблюденія функцій пищеварительныхъ органовъ на нормальныхъ, здоровыхъ людяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочные, имѣющіеся уже въ литературѣ, факты бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на эту темную область явленій и рѣшаютъ разбираемый нами вопросъ, какъ увидимъ ниже, въ положительномъ смыслѣ. Напомню, прежде всего, основныя положенія изъ физіологіи иннерваціи пищеварительнаго канала. Червеобразныя, перистальтическія движенія кишечной трубки, подобно сердечнымъ сокращеніямъ, не зависятъ прямо отъ центральной нервной системы; въ пользу этого говорятъ слѣдующіе факты: перерѣзка всѣхъ нервовъ, соединяющихъ кишечный каналъ съ спиннымъ и головнымъ мозгомъ, и вырѣзываніе изъ тѣла кишечныхъ петель не прекращаютъ движенія ихъ; они все же продолжаютъ отъ времени до времени производить обычныя имъ червеобразныя движенія. Бидзеръ разрушалъ головной и спинной мозгъ у лягушекъ и наблю-

далъ за ними въ теченіе многихъ недѣль. Эти животныя, благодаря сильно развитому у нихъ кожному дыханію, способны, въ противуположность высшимъ позвоночнымъ животнымъ, поддерживать въ себѣ явленія питанія и усвоенія и при отсутствіи продолговатаго мозга. Вводя имъ искусственно въ желудокъ пищу, авторъ этотъ замѣтилъ, что она переваривалась своимъ обычнымъ путемъ и проходила всю длину пищеварительной трубки до прямой кишки. Нѣтъ основаній думать, чтобы то же явленіе не повторялось и на высшихъ позвоночныхъ животныхъ, хотя и произвести надъ ними аналогичнаго опыта, по весьма понятнымъ причинамъ, невозможно. Изъ приведенныхъ опытовъ вытекаетъ, что двигательный нервный аппаратъ для мышечныхъ стѣнокъ кишечной трубки заложенъ въ самыхъ стѣнкахъ кишечнаго канала и микроскопическое изслѣдованіе открываетъ въ нихъ нервное сплетеніе Мейснера и Ауэрбаха, весьма богатое нервными центрами, служащими, по всѣмъ вѣроятіямъ, источникомъ двигательныхъ импульсовъ, посылаемыхъ къ мышцамъ кишечной трубки. Центры эти возбуждаются омывающей кровью, подобно дыхательнымъ центрамъ.

Несмотря на указанную независимость движеній кишечныхъ петель отъ центральной нервной системы, онѣ все же въ извѣстной степени находятся подъ регуляціей. Такъ, возбужденіе блуждающаго нерва усиливаетъ и ускоряетъ червеобразныя движенія кишечныхъ петель, тогда какъ раздраженіе чревныхъ нервовъ замедляетъ и даже останавливаетъ эти движенія. Мы и тутъ, слѣдовательно, встрѣчаемся съ ускорительными и задерживающими регуляторными механизмами, подобными сердечнымъ регуляторнымъ приводамъ. Къ сожалѣнію, нормальный способъ приведенія въ дѣятельность этихъ кишечныхъ регуляторовъ намъ по сіе время неизвѣстенъ.

Движенія желудка и пищевода стоятъ, повидимому, въ гораздо болѣе тѣсной зависимости отъ центральной нервной системы, такъ какъ перерѣзка блуждающаго нерва, снабжающаго ихъ нервными волокнами, совершенно прекращаетъ ихъ движенія, т.-е. вполнѣ парализируетъ ихъ.

Что касается до вліянія раздраженія центральныхъ массъ головного мозга, то для насъ особенно цѣнными въ этомъ отношеніи являются опыты Бошефонтена надъ вліяніемъ раздраженія различныхъ точекъ корки мозговыхъ полушарій на движенія пищеварительнаго канала. Авторъ этотъ показалъ, что электрическое раздраженіе извѣстныхъ точекъ корковаго вещества полушарій головного мозга вызываетъ весьма часто усиленныя пери-

стальтическія сокращенія кишечныхъ петель, хотя и не по всей длинѣ ихъ. Съ другой стороны имъ же были замѣчены при этомъ сильныя перистальтическія сокращенія всей области выхода желудка съ послѣдующимъ замедленіемъ и даже остановкой ихъ. Изъ этихъ опытовъ, произведенныхъ на собакахъ, очевидно слѣдуетъ, что возбужденія, исходящія изъ мозговой корки, могутъ доходить до ядеръ блуждающихъ нервовъ, заложенныхъ въ продолговатомъ мозгу и вызывать или усиленіе или угнетеніе ихъ функцій. Спрашивается теперь, можно ли эти факты, добытые на собакѣ, распространить и на человѣка? На подобный вопросъ можно съ большой вѣроятностью отвѣтить утвердительно, такъ какъ физіологическое значеніе мозговыхъ полушарій въ тѣлѣ, по мѣрѣ повышенія по лѣстницѣ животнаго царства, становится все больше и больше, и область ихъ вліянія надъ функціями различныхъ органовъ становится все обширнѣе. Слѣдовательно, если на собакахъ уже возможно было установить экспериментально нѣкоторую зависимость кишечныхъ движеній отъ возбужденій мозговой корки, то съ тѣмъ большимъ правомъ мы можемъ ожидать того же отъ организма человѣка, снабженнаго болѣе сложными и развитыми мозговыми полушаріями.

Фактъ вліянія корки мозговыхъ полушарій на кишечный каналъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что и различныя формы психической дѣятельности остаются не безъ вліянія на двигательныя функціи его. Въ доказательство этой мысли можно привести лишь отрывочныя, но достовѣрныя указанія, такъ какъ систематической разработки этого вопроса, къ сожалѣнію, не существуетъ.

Страхъ или внезапный испугъ нерѣдко бываютъ непосредственной причиной поноса и непроизвольнаго выведенія изверженій, вслѣдствіе усиленныхъ перистальтическихъ движеній кишечнаго канала и паралича запирателей прямой кишки. По заявленію Дарвина, припадокъ этотъ является очень распространеннымъ среди многихъ высшихъ животныхъ, какъ напримѣръ, у медвѣдей, обезьянъ, затѣмъ у дикарей и въ меньшей степени у представителей цивилизованныхъ націй. Вѣроятная причина, обусловливающая поносъ отъ страха, лежитъ въ усиленномъ непроизвольномъ возбужденіи при этомъ двигательныхъ кишечныхъ нервныхъ приводовъ блуждающихъ нервовъ и въ усиленномъ приливѣ крови къ внутренностнымъ органамъ вслѣдствіе рѣзкаго сжатія кожныхъ сосудовъ, сопровождающаго чувство страха или внезапнаго испуга. Возможно также, что страхъ или испугъ вызываютъ параличъ сосудосжимающихъ нервовъ кишекъ, вслѣд-

ствіе чего сосуды ихъ расширяются, а при этомъ, какъ извѣстно изъ опытовъ Моро на собакахъ, съ перерѣзкой кишечныхъ нервовъ, въ полости кишекъ накопляется весьма обильное жидкое отдѣленіе, способствующее разжиженію кишечнаго содержимаго.

У многихъ людей возбужденное безпокойное настроеніе духа сопровождается весьма частыми послабленіями на низъ, которые быстро прекращаются при устраненіи причины безпокойства.

Въ такомъ же направленіи, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ, вліяютъ нерѣдко, по заявленіямъ Карпентера, и сосредоточенное вниманіе человѣка на ощущеніяхъ въ области живота при напряженномъ ожиданіи появленія кишечныхъ движеній; этого бываетъ иногда достаточно для появленія у людей, страдающихъ запорами, обильнаго испражненія. Боязнь за возможность появленія сильнаго позыва на низъ, при условіяхъ, крайне неудобныхъ для человѣка, бываетъ нерѣдко причиной, вызывающей нежеланный актъ. Въ такомъ же смыслѣ дѣйствуетъ иногда и увѣренность субъекта въ томъ, что вслѣдъ за принятіемъ того или иного средства должно наступить послабленіе на низъ; въ этомъ отношеніи въ медицинской литературѣ встрѣчаются довольно комичные случаи, въ которыхъ больнымъ давались простыя хлѣбныя пилюли въ качествѣ слабительныхъ, и результатъ оказывался блестящимъ.

Мы не имѣетъ, къ сожалѣнію, данныхъ, которыя бы указывали намъ, какъ дѣйствуютъ различныя ощущенія, представленія и мышленіе на перистальтическія движенія кишечнаго канала.

Что касается до власти воли надъ кишечными движеніями, то въ этомъ отношеніи предѣлы ея вліянія оказываются крайне ограниченными. Съ того момента, какъ произвольно разжеванная нами пища была протолкнута движеніями языка за предѣлы мягкихъ небныхъ дужекъ, актъ глотанія становится уже непроизвольнымъ. Сокращенія глотки и пищевода, проталкивающія пищу далѣе, совершаются уже отраженнымъ путемъ, вслѣдствіе раздраженія комомъ пищи центростремительныхъ нервовъ этихъ органовъ. Возбужденіе ихъ распространяется вплоть до глотательнаго центра, заложеннаго въ продолговатомъ мозгу и отсюда уже переходитъ на двигательные нервы, приводящіе въ преемственное сокращеніе мышцы глотки и пищевода. На этомъ основаніи можно удалить у животнаго всѣ части головного мозга вплоть до продолговатаго и все же введеніе пищи взади отъ небныхъ дужекъ вызоветъ глотательный актъ, передвигающій пищу вплоть до желудка. По той же причинѣ мы не въ со-

стояніи вызвать въ себѣ по произволу при пустомъ ртѣ рядъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ глотательныхъ движеній, какъ бы ни казались они съ виду произвольными. Послѣ приблизительно пяти-шести глотаній мы невольно останавливаемся въ виду полнаго безсилія нашего вызвать глотательный актъ. Дѣло объясняется просто. Для возможности совершенія полнаго глотательнаго акта требуется объектъ, подлежащій проглатыванію; при первыхъ глотаніяхъ такимъ объектомъ является слюна; но какъ только запасъ ея во рту истощится, такъ полный актъ глотанія уже дѣлается невозможнымъ; воля властна вызывать и безъ объекта для глотанія лишь ту часть глотательнаго акта, которая предназначена для переведенія пищи изъ полости рта позади отъ небныхъ дужекъ, но вторая половина глотательнаго акта для приведенія своего въ дѣйствіе нуждается уже въ объектѣ, который бы раздражалъ слизистую оболочку глотки и пищевода, какъ на это было указано выше. Такъ какъ такого объекта, т.-е. слюны, послѣ нѣсколькихъ глотаній, при пустомъ ртѣ уже не оказывается, то самый актъ глотанія дѣлается невозможнымъ.

Знаменитый Биша и физіологъ Браунъ-Секаръ обладали способностью произвольнаго вызова акта рвоты. Среди слушателей своихъ, студентовъ медицинской академіи, мнѣ удалось найти двухъ субъектовъ, обладавшихъ способностью вызывать по желанію актъ рвоты. Такъ какъ рвотой выводится наружу чрезъ полость рта содержимое изъ желудка, то фактомъ этимъ можно было бы, повидимому, воспользоваться какъ доказательствомъ того, что воля въ состояніи сокращать мышечныя стѣнки желудка и тѣмъ самымъ выжимать изъ него заключающіяся въ немъ вещества. Такое объясненіе, однако, не вѣрно, такъ какъ при актѣ рвоты главнымъ дѣйствующимъ аппаратомъ является механизмъ брюшного пресса, а дѣйствіе послѣдняго, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что субъектъ начинаетъ сильно сокращать мышцы брюшной стѣнки—при сокращенной, т.-е. опущенной и фиксированной грудо-брюшной преградѣ; послѣдствіемъ подобной игры мышцъ является сильное надавливаніе на органы брюшной полости и преимущественно на желудокъ, изъ котораго и выдавливается имѣющееся въ немъ содержимое. Мышечныя стѣнки самаго желудка если и принимаютъ, то лишь самое слабое активное участіе въ актѣ рвоты, и въ пользу этого говоритъ, повидимому, тотъ фактъ, что если замѣнить у животнаго желудокъ какимъ-либо пузыремъ, наполненнымъ водой, то дѣйствіемъ брюшного пресса можно и при этихъ условіяхъ вызвать типичный актъ рвоты.

Впрочемъ, въ желудкѣ происходитъ одно важное активное явленіе при актѣ рвоты—это расширеніе входа его, т.-е. того мѣста, которымъ онъ соединяется съ пищеводомъ. Понятно, что если бы это мѣсто было сильно сжато, то какъ бы ни было сильно давленіе мышцъ брюшного пресса на желудокъ, содержимое его не могло бы быть выведено изъ него въ направленіи къ пищеводу а отсюда ко рту. Возможно, что воля вліяетъ на эту малую, но за то важную часть всего механизма рвоты и что эта способность бываетъ развита у людей лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Причина, почему не всѣ люди обладаютъ способностью вызывать по произволу актъ рвоты, лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что они не въ одинаковой степени владѣютъ мышцами брюшного пресса, а равно и входа въ желудокъ. Я имѣлъ случай наблюдать одного студента, который, выпивъ стакана два-три воды, могъ по желанію,—стоя неподвижно, вызывать взбалтываніе воды въ желудкѣ, выражавшееся сильными звуками бульканія и переливанія, внятно слышными для окружавшихъ его лицъ. Анализъ явленія показалъ, что онъ достигалъ цѣли ловкими движеніями грудобрюшной преграды, толкавшими, а отчасти и приподнимавшими различные отдѣлы желудка. По свидѣтельству самого субъекта, результатовъ этихъ онъ достигъ путемъ постепеннаго упражненія. Возможно, что и случаи произвольнаго вызова акта рвоты встрѣчались бы намъ не столь рѣдко, если бы люди въ немъ чаще упражнялись.

Интереснымъ оказывается фактъ вызова рвоты у нѣкоторыхъ людей подъ вліяніемъ ощущеній и представленій омерзительнаго, тошнотворнаго характера. Иногда одинъ видъ рвоты у людей вызываетъ у нѣкоторыхъ присутствующихъ повтореніе того же акта. Иногда одного убѣжденія, что человѣкъ принялъ рвотное, хотя на самомъ дѣлѣ введено было внутрь какое-нибудь индифферентное средство, бываетъ достаточно для вызова рвоты. Въ литературѣ медицинской имѣются въ этомъ отношеніи достовѣрные примѣры. Мнѣ лично извѣстны двѣ женщины, изъ которыхъ у одной можно было навѣрняка вызвать рвоту, показавъ ей внезапно живую, двигающуюся лягушку, а у другой тотъ же эффектъ достигался при видѣ и запахѣ яблока. Первая объясняла себѣ такое дѣйствіе тѣмъ, что видъ лягушки вызывалъ въ ней особенно сильное чувство омерзѣнія; у второй же то же чувство вызывалось не столько видомъ, сколько запахомъ яблока, которая она не выносила.

Передавъ эти отрывочные факты касательно вліянія психи-

ческихъ возбужденій на движеніе пищеварительной трубки, обратимся теперь къ другимъ даннымъ, доказывающимъ вліяніе ихъ и на функціи различныхъ пищеварительныхъ железъ. Начнемъ для этого съ слюнныхъ железъ, отправленіе которыхъ изучено наиболѣе совершенно. Читателямъ, конечно, извѣстно, что физіологическое значеніе железъ состоитъ въ выработкѣ опредѣленныхъ химическихъ продуктовъ, которые въ растворенномъ видѣ выносятся выводными протоками железъ въ ту или иную пищеварительную полость, гдѣ они служатъ для физико-химическаго превращенія той или другой составной части воспринятой пищи. Всѣ железы для выработки выводимыхъ ими отдѣленій снабжены особенными отдѣлительными клѣтками, активно перерабатывающими питательныя вещества, приносимыя имъ кровью и лимфой, въ особые спеціальные продукты ихъ отдѣленій.

Физіологія вполнѣ установила тотъ фактъ, что процессъ нормальной фабрикаціи железами особыхъ химическихъ продуктовъ находится подъ регуляціей нервной системы. Въ этомъ очень легко убѣдиться путемъ слѣдующаго опыта: если вставить въ выводной протокъ подчелюстной железы собаки тонкую трубочку, чрезъ которую могла бы стекать слюна, то мы замѣтимъ, что при покоѣ животнаго слюна почти вовсе не вытекаетъ изъ трубки, но стоитъ только раздражить, хотя бы электрическимъ токомъ, нервную вѣтку, направляющуюся къ железѣ, такъ называемую барабанную струну (вѣтку личного нерва), какъ вслѣдъ за этимъ слюна начинаетъ вытекать струей. По устраненіи раздраженія истеченіе слюны черезъ нѣкоторое время прекращается. Опытъ показываетъ, что нервныя вліянія отражаются не только на количествѣ вытекающей слюны, но и на качественномъ составѣ ея. Такъ слюна, вызываемая раздраженіемъ барабанной струны, бываетъ жидкой, прозрачной, богатой минеральными солями, тогда какъ слюна, вызываемая возбужденіемъ симпатическаго нерва, бываетъ наоборотъ густой, богатой слизью и различными органическими составными частями. Что нервное возбужденіе дѣйствуетъ при этомъ на процессы, протекающіе въ самихъ отдѣлительныхъ клѣткахъ железы, это доказывается тѣмъ, что эти клѣтки подъ вліяніемъ возбужденія железистыхъ нервовъ рѣзко измѣняются, въ особенности въ железахъ, подготовляющихъ слизь. Важно, что возбужденіе волоконъ, усиливающихъ отдѣлительную дѣятельность железы, сопровождается рѣзкимъ расширеніемъ заключенныхъ въ ней кровеносныхъ сосудовъ, ведущихъ къ усиленному приливу крови. Эффектъ этотъ обязанъ возбужденію сосудорасширяющихъ волоконъ, заключенныхъ въ барабанной струнѣ,

и приливъ этотъ представляется крайне важнымъ для работы железы, нуждающейся въ это время въ усиленномъ притокѣ питательнаго матеріала. Сказанное о подчелюстной железѣ приложимо и къ околоушной железѣ, которая снабжена только другими анатомическими нервными приводами. Центръ слюноотдѣленія заложенъ въ продолговатомъ мозгу; изъ него-то и исходятъ центробѣжные импульсы, приводящіе въ дѣятельность слюнныя железы.

Центры слюноотдѣленія приводятся обыкновенно въ дѣятельность рефлекторнымъ путемъ, т.-е. возбужденіемъ чувствующихъ нервовъ полости рта (язычнаго и язычно-глоточнаго нервовъ) различными вкусовыми веществами, а также и возбужденіемъ многихъ другихъ нервныхъ стволовъ, заключающихъ въ себѣ чувствующіе нервы, напр. сѣдалищнаго нерва, бедреннаго и т. д.; существуютъ даже, повидимому, такія условія, при которыхъ возбужденіе чувствующихъ приводовъ тѣла вызываетъ рефлекторное угнетеніе слюноотдѣлительныхъ центровъ въ продолговатомъ мозгу съ остановкой слюноотдѣленія.

Опытъ показываетъ, что на дѣятельность слюноотдѣлительныхъ центровъ въ продолговатомъ мозгу рѣзко вліяетъ и возбужденіе различныхъ точекъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій. Такъ Бошефонтэнъ и Лепинъ замѣтили, что раздраженіе мозговой извилины, по сосѣдству съ крестообразной бороздой, вызываетъ усиленное отдѣленіе слюны какъ изъ подчелюстной, такъ и изъ околоушной железы у собакъ. Фактъ этотъ дѣлаетъ для насъ до нѣкоторой степени понятнымъ механизмъ вліянія нѣкоторыхъ психическихъ состояній на слюноотдѣленіе.

Если, какъ это дѣлалъ Клодъ-Бернаръ, вставить въ выводной протокъ железы голодной лошади трубочку, при помощи которой можно было бы слѣдить за выдѣленіемъ слюны, то стоитъ животному показать на разстояніи комокъ сѣна или овса, какъ изъ трубочки тотчасъ же начинаетъ вытекать обильная струя слюны. Эффектъ этотъ вовсе не наблюдается, если лошадь была до сыта накормлена передъ опытомъ. То же самое повторяется приблизительно и съ нами, когда мы въ голодномъ состояніи слышимъ запахъ любимаго нами блюда, или видимъ ту или другую вкусную пищу. Особенно рѣзко вліяютъ на слюноотдѣленіе кислыя пищевыя вещества, при которыхъ ротъ нашъ обильно переполняется слюной. Поэтому одного вида чего-либо кислаго, напр., лимона, уксуса, кислыхъ плодовъ вообще и т. д. бываетъ достаточно, чтобы вызвать рѣзкое отдѣленіе слюны; мало того,— одного воспоминанія объ нихъ бываетъ нерѣдко достаточно, чтобы вызвать непроизвольное отдѣленіе слюны. Фактами этими

несомнѣнно доказывается, что ощущенія и представленія, вызываемыя видомъ опредѣленныхъ предметовъ или даже простымъ объ нихъ воспоминаніемъ, отражаются усиливающимъ образомъ на процессѣ слюноотдѣленія.

Существуютъ, однако, и такія формы психическаго возбужденія, т.-е. чувствъ или аффектовъ, которыя отражаются угнетающимъ образомъ на процессѣ слюноотдѣленія и таковымъ является несомнѣнно чувство страха или испуга. Кому въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, что при извѣстной силѣ безпокойнаго, боязливаго ожиданія у насъ сильно пересыхаетъ ротъ. Фактъ этотъ уже издавна былъ подмѣченъ людьми и настолько сдѣлался общеизвѣстнымъ, что легъ даже въ основу одного древняго индѣйскаго обычая —узнавать преступника на судѣ по тому, въ состояніи ли онъ разжевать и проглотить данный ему рисъ или нѣтъ. Обычай этотъ предполагаетъ, что если преступникъ дѣйствительно виновенъ, то онъ долженъ страшиться суда, и это чувство страха исключаетъ одно изъ условій, необходимыхъ для проглатыванія разжеваннаго риса. Условіе это и заключается въ отсутствіи при этомъ слюноотдѣленія, безъ котораго немыслимо образованіе пищевого комка, подлежащаго проглатыванію. Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что этотъ древній пріемъ опредѣленія преступности человѣка не заслуживаетъ серьезнаго довѣрія, и если я упомянулъ объ немъ, то только ради его физіологическаго интереса. Такимъ подавленіемъ слюноотдѣленія чувствомъ страха или боязливаго ожиданія вѣроятно, объясняется и общераспространенный обычай большинства лекторовъ и ораторовъ запасаться стаканомъ воды, доставляющимъ услуги въ особенности въ началѣ ихъ рѣчей, когда вслѣдствіе скудости слюноотдѣленія, ротъ ихъ бываетъ сухъ и когда поэтому свободное теченіе рѣчи бываетъ нѣсколько затруднено.

Нервное возбужденіе, лежащее въ основѣ чувства страха, угнетаетъ такимъ образомъ функціи слюноотдѣлительныхъ центровъ, заложенныхъ въ продолговатомъ мозгу, и тогда рефлекторное возбужденіе ихъ пищевыми веществами съ чувствующихъ нервовъ полости рта и языка остается безъ малѣйшаго аффекта.

Свѣденія наши относительно вліянія различныхъ психическихъ состояній на остальныя железы пищеварительнаго канала представляются крайне скудными. Обстоятельство это зависитъ какъ отъ трудности наблюденія функцій этихъ железъ, при нормальныхъ условіяхъ у человѣка, такъ и отъ неполноты нашихъ знаній относительно иннерваціи этихъ органовъ. Что касается иннерваціи, то опыты надъ животными выяснили съ большей или

меньшей ясностью, что на выработку и на выдѣленіе печенью желчи имѣютъ опредѣленное вліяніе колебанія въ притокѣ къ ней крови, вызываемыя возбужденіемъ или параличемъ сосудодвигательныхъ нервовъ печени; возбужденіе печеночныхъ нервовъ, сокращая сосуды печени и уменьшая притокъ къ ней крови, обусловливаетъ уменьшеніе отдѣленія желчи и наоборотъ перерѣзка этихъ нервовъ, вызывая расширеніе печеночныхъ сосудовъ съ послѣдовательнымъ приливомъ къ нимъ крови, ведетъ къ увеличенію отдѣленія желчи. При этомъ замѣчено было, что первымъ аффектомъ раздраженія печеночныхъ нервовъ является всегда временное усиленіе тока желчи, обусловленное выталкиваніемъ ея сокращающимися стѣнками выводныхъ протоковъ. Такъ какъ нѣкоторыя вещества, въ родѣ пилокарпина, возбуждающія при введеніи въ организмъ отдѣлительные нервы слюнныхъ железъ, дѣйствуютъ также усиливающимъ образомъ и на выработку желчи, то полагаютъ, что и печеночныя клѣтки, завѣдующія приготовленіемъ желчи, также находятся подъ вліяніемъ особыхъ желчеотдѣлительныхъ нервовъ, функцію которыхъ не удалось еще выдѣлить вполнѣ удовлетворительно.

Для насъ особый интересъ представляютъ опыты Бошефонтена надъ собаками, у которыхъ раздраженіе лобныхъ извилинъ мозговыхъ полушарій вблизи крестовидной борозды, обусловливаетъ полное прекращеніе желчеотдѣленія: оказалось, что истеченіе желчи изъ трубочки, вставленной въ выводной протокъ печени, совершавшееся при покоѣ животнаго довольно быстро, (около 20 капель въ минуту), вполнѣ прекращалось при раздраженіи указанныхъ мѣстъ полушарій головного мозга. Трудно сказать, чѣмъ обусловливается эта остановка желчеотдѣленія, прекращеніемъ ли при этомъ процесса выработки желчи печенью или же просто запираніемъ выводного протока ея, препятствующимъ вытеканію желчи. Послѣднее объясненіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Каково бы ни было, однако, объясненіе факта, онъ все-же не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что возбужденное состояніе мозговой корки можетъ рѣзко отражаться на процессѣ выдѣленія желчи.

Согласно съ этимъ мы и видимъ, что нѣкоторыя сильныя душевныя волненія подавляющаго характера и сильные аффекты въ видѣ гнѣва бываютъ нерѣдко причиной быстро развивающейся желтухи. Въ медицинской литературѣ встрѣчаются несомнѣнные примѣры того, какъ люди, повидимому совершенно здоровые, послѣ сильнаго припадка гнѣва рѣзко желтѣютъ и покровы ихъ принимаютъ лимонный оттѣнокъ. Все дѣло тутъ

зависить, какъ говорятъ въ общежитіи, отъ разлитія желчи по тѣлу; на самомъ же дѣлѣ этотъ рѣзко бросающійся въ глаза припадокъ желтухи зависитъ при гнѣвѣ вѣроятно отъ того, что выдѣленіе желчи въ кишечный каналъ прекращается вслѣдствіе сжатія выводныхъ протоковъ печени и застаивающаяся отъ этого въ печени желчь всасывается кровью, омывающею печень, разносится кровообращеніемъ по всему тѣлу и окрашиваетъ покровы тѣла, а равно и бѣлочную оболочку глаза.

Намъ ничего неизвѣстно къ сожалѣнію относительно вліянія психическихъ возбужденій на дѣятельность поджелудочной железы и чисто кишечныхъ железъ, заложенныхъ въ толщѣ слизистой оболочки кишечнаго канала; и потому оставляя органы эти въ сторонѣ, мы остановимся на минуту на дѣятельности желудочныхъ железъ. Слизистая оболочка желудка снабжена многочисленными железками, приготовляющими особый желудочный сокъ, крайне необходимый для переваривания бѣлковыхъ веществъ пищи. Дѣятельность этихъ железъ не стоитъ, повидимому, ни въ какой тѣсной зависимости отъ центральной или симпатической нервной системы, такъ какъ перерѣзка всѣхъ подходящихъ къ желудку нервовъ, а равно и разрушеніе всѣхъ сосѣднихъ симпатическихъ сплетеній не отражается болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ на процессахъ отдѣленія желудочнаго сока. Нервный механизмъ, завѣдующій дѣятельностью желудочныхъ железъ, если только допустить его существованіе, долженъ быть заложенъ въ самихъ стѣнкахъ желудка. Такое заключеніе вытекаетъ изъ опытовъ надъ животными и въ особенности надъ собаками, у которыхъ производились искусственныя желудочныя фистулы, т.-е. опредѣленныя отверстія въ стѣнкѣ желудка, черезъ которыя полость послѣдняго сообщалась непосредственно съ наружнымъ міромъ. Если вставить въ такое отверстіе широкую металлическую трубку, то черезъ нее легко бываетъ собирать вырабатываемый въ желудкѣ сокъ, а съ другой легко бываетъ слѣдить и за отдѣленіемъ сока стѣнками желудка. Благодаря такому пріему, было замѣчено, что всякое механическое раздраженіе стѣнокъ желудка попадающей въ него нормальнымъ путемъ пищей или всякое механическое или химическое раздраженіе ихъ черезъ отверстіе фистулы влечетъ за собою отдѣленіе желудочнаго сока. Въ ряду подобныхъ наблюденій надъ животными съ желудочными фистулами особаго вниманія нашего заслуживаетъ слѣдующій фактъ: если животному голодному показать, напримѣръ, кусокъ мяса и наблюдать за желудкомъ черезъ фистулу, то нерѣдко можно вызвать этимъ путемъ отдѣленіе желудочнаго сока. Фактъ этотъ

можетъ служить явнымъ доказательствомъ того, что и психическое возбужденіе животнаго способно отражаться на дѣятельности желудочныхъ железъ. Съ другой стороны изъ опытовъ надъ животными извѣстно, что сильныя болевыя ощущенія, причиняемыя животнымъ раздраженіемъ и растравливаніемъ какихъ-нибудь болѣзненныхъ ранъ, обусловливаютъ рѣзкое разстройство желудочнаго пищеваренія, тѣмъ болѣе выраженное, чѣмъ сильнѣе была причиненная животному боль. Аналогичные факты наблюдались Джонсономъ и на людяхъ.

Особенно рѣзко отражаются на выдѣленіи желудочнаго сока у людей сильныя душевныя потрясенія, въ родѣ гнѣва, испуга, безпокойства и т. д. По согласному свидѣтельству Бёдда и Бемона, имѣвшихъ возможность наблюдать за пищевареніемъ въ желудкѣ людей, обладавшихъ случайными желудочными фистулами, гнѣвъ обусловливаетъ временное прекращеніе отдѣленія желудочнаго сока и рѣзкое разстройство желудочнаго пищеваренія.

Вотъ и все, что можно сказать существеннаго относительно вліянія психическихъ явленій на дѣятельность органовъ пищеваренія. Пробѣлы нашихъ знаній въ этой области, какъ видитъ читатель, громадны и будущимъ изслѣдователямъ открыто здѣсь широкое поле для новыхъ наблюденій.

Такъ какъ разнообразнѣйшія формы психической дѣятельности отражаются, какъ это мы видѣли, болѣе или менѣе рѣзко на физіологическихъ отправленіяхъ органовъ кровообращенія, дыханія и пищеваренія, то тѣмъ самымъ онѣ должны оказывать опредѣленное вліяніе и на общее питаніе и ростъ человѣческаго организма. Это уже прямо вытекаетъ изъ того, что кровь служитъ внутренней средой нашего тѣла, изъ которой всѣ тканевые элементы почерпаютъ матеріалы для своего питанія; ея нормальный составъ всецѣло зависитъ съ одной стороны отъ нормальной дѣятельности органовъ дыханія, поставляющихъ крови необходимый для жизни кислородъ и освобождающихъ ее отъ ненужной и вредной угольной кислоты, а съ другой отъ нормальной функціи пищеварительныхъ органовъ, поставляющихъ въ кровь разнообразнѣйшія питательныя вещества, нужныя для ремонта разрушающихся во время жизни тканей. Такъ какъ психическія возбужденія отражаются такъ или иначе на дѣятельности органовъ дыханія и пищеваренія, то они чрезъ это могутъ вліять измѣняющимъ образомъ и на составъ крови, ухудшая

или улучшать его. Сверхъ того, психическія возбужденія, вліяя на силу и частоту сердцебіеній и на просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ, могутъ мѣнять скорость кровообращенія, боковое давленіе крови и самое распредѣленіе крови по различнымъ провинціямъ тѣла, а всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, должны, очевидно, отражаться на питательныхъ явленіяхъ нашего тѣла или, какъ мы выразились раньше, на явленіяхъ метаморфоза или обмѣна въ немъ веществъ.

Какимъ образомъ, спрашивается, можно обнаружить эти предполагаемыя сложныя вліянія? Какъ доказать существованіе ихъ экспериментальнымъ путемъ? Первое, съ чего слѣдуетъ начать въ этомъ отношеніи, это — съ опредѣленія способа, при помощи котораго возможно слѣдить за количественной и качественной стороной явленій питанія или обмѣна веществъ въ тѣлѣ.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что всѣ элементы живыхъ тканей во время жизни разрушаются и постепенно возстановляются на счетъ составныхъ частей притекающей къ нимъ крови. Эти жизненныя явленія разрушенія и ремонта тканей неуловимы, однако, для глаза нашего, даже вооруженнаго самыми сильными увеличительными стеклами. Клѣточные элементы живыхъ прозрачныхъ перепонокъ, какъ, напримѣръ, плавательной перепонки лягушки, брыжейки, не представляютъ подъ микроскопомъ никакихъ измѣненій, уловимыхъ глазомъ, которыя бы свидѣтельствовали о совершающихся въ нихъ процессахъ жизненнаго разрушенія и возстановленія; а между тѣмъ, едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что они имѣютъ въ нихъ мѣсто. На основаніи этихъ данныхъ процессы метаморфоза тканей относятся физіологами къ ряду явленій чисто молекулярной природы. Способъ непосредственнаго наблюденія тканей съ цѣлью опредѣленія величины обмѣна веществъ въ тѣлѣ дѣлается на этомъ основаніи непримѣнимымъ. Поэтому приходится прибѣгать къ косвенному пріему оцѣнки степени обмѣна веществъ въ тѣлѣ, это — къ опредѣленію или колебаній вѣса тѣла подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, или конечныхъ продуктовъ общаго обмѣна веществъ, выводимыхъ изъ тѣла чрезъ извѣстные промежутки времени.

Характеристической особенностью взрослаго здороваго организма служитъ сохраненіе имъ болѣе или менѣе постояннаго вѣса при опредѣленномъ пищевомъ режимѣ. Такой результатъ мыслимъ только, конечно, при одномъ условіи: при полномъ равновѣсіи между процессами разрушенія и возстановленія тканей. Разъ вѣсъ взрослаго организма постепенно падаетъ, не смотря на доставляемое ему нормальное количество и качество пищи,

мы въ правѣ заключить, что процессы питанія въ немъ разстроены и что процессы возстановленія тканей упали въ немъ ниже нормы. Этотъ пріемъ въ дѣйствительности и примѣняется физіологами при оцѣнкѣ степени питанія организма и явленій обмѣна въ немъ веществъ.

Къ той же цѣли можно подойти, конечно, и другимъ путемъ, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Такъ какъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ сводится на жизненное разрушеніе тканей организма и на возстановленіе ихъ, то понятно, что чѣмъ энергичнѣе совершается обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, тѣмъ больше въ ту же единицу времени въ немъ разовьется продуктовъ расщепленія или окисленія тканей и тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ станетъ усвоиваться изъ внѣшняго міра. Продукты разрушенія тканей выводятся здоровымъ организмомъ по мѣрѣ ихъ образованія выдѣлительными органами въ формѣ угольной кислоты, мочевины, разнообразныхъ солей и т. д. и по количеству ихъ мы въ состояніи судить объ энергіи обмѣна веществъ въ тѣлѣ. Этотъ послѣдній пріемъ и примѣнялся почти исключительно при опытахъ надъ вліяніемъ возбужденій органовъ чувствъ на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ изложенію добытыхъ въ этомъ направленіи результатовъ, намъ слѣдуетъ выяснить одинъ важный для насъ въ эту минуту вопросъ, а именно, оказываетъ ли нервная система какое-нибудь *непосредственное* вліяніе на питаніе тканей? Къ сожалѣнію, всѣ сдѣланныя по настоящее время попытки къ экспериментальному рѣшенію этого вопроса на животныхъ остались въ общемъ безуспѣшными За то наблюденія надъ людьми, страдающими различными пораженіями нервной системы, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что питаніе кожи, мышцъ и суставовъ рѣзко и быстро разстраиваются при опредѣленныхъ пораженіяхъ спинного мозга, не вызывающихъ какихъ-либо рѣзкихъ измѣненій въ мѣстномъ кровообращеніи. Мысль о непосредственномъ вліяніи нервной системы на питательныя явленія въ тканяхъ не представляетъ, впрочемъ, ничего неестественнаго въ виду того несомнѣннаго факта, что раздраженіе отдѣлительныхъ нервовъ различныхъ слюнныхъ железъ вызываетъ рѣзкія измѣненія въ формѣ и составѣ составляющихъ ихъ отдѣлительныхъ клѣтокъ. Такимъ образомъ существованіе, по крайней мѣрѣ въ тѣлѣ человѣка, прямыхъ нервныхъ вліяній на питаніе тканевыхъ элементовъ, или такъ называемыхъ трофическихъ вліяній, становится крайне вѣроятнымъ, хотя и не вполнѣ еще доказаннымъ.

Каждому, конечно, должно быть понятно, что если вопросъ о существованіи нервныхъ трофическихъ вліяній является въ настоящее время еще проблематичнымъ, то тѣмъ труднѣе еще можетъ быть доказано трофическое значеніе психическихъ вліяній, т.-е. непосредственное участіе этихъ послѣднихъ въ процессахъ питанія тканевыхъ элементовъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ приводимые ниже факты касательно вліянія раздраженій различныхъ органовъ чувствъ и вызываемыхъ чрезъ это психическихъ возбужденій на явленія питанія и метаморфоза веществъ въ тѣлѣ не могутъ служить доказательствомъ трофическаго значенія психическихъ вліяній, такъ какъ въ наблюденіяхъ и опытахъ подобнаго рода измѣненія въ метаморфозѣ могутъ зависѣть отъ перемѣнъ въ функціяхъ органовъ кровообращенія, дыханія, пищеваренія и мышечной системы, а не отъ непосредственнаго участія психическихъ возбужденій въ явленіяхъ питанія тканевыхъ элементовъ. Сдѣлавъ эту оговорку во избѣжаніе недоразумѣній, я могу перейти къ изложенію тѣхъ немногихъ опытовъ, которые были сдѣланы съ цѣлью опредѣленія вліянія зрительныхъ и кожныхъ раздраженій на метаморфозъ въ тѣлѣ.

Молешоттъ былъ первымъ авторомъ, указавшимъ на то, что лягушки при свѣтѣ выдѣляютъ въ ту же единицу времени больше угольной кислоты, нежели въ темнотѣ, въ пропорціи 125 къ 100. Эта работа послужила исходной точкой многихъ другихъ, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить способъ, которымъ свѣтъ вызываетъ усиленное дыханіе тканей. Дѣло въ томъ, что свѣтъ представляетъ для живыхъ тканей довольно сильнаго раздражителя, могущаго вызывать усиленное разрушеніе, расщепленіе ихъ. Такъ вырѣзанная только-что изъ тѣла мышца при свѣтѣ выдѣляетъ больше угольной кислоты, нежели въ темнотѣ; и другія вырѣзанныя изъ тѣла живыя ткани представляютъ ту же особенность. Свѣтъ является не только раздражителемъ глазъ, но и кожи, какъ это вытекаетъ изъ любопытныхъ опытовъ Введенскаго. Такъ лягушка съ перерѣзанными зрительными нервами, т.-е. въ полномъ смыслѣ слѣпая, поворачиваетъ нѣсколько голову къ свѣту, широко раскрываетъ носовое отверстіе, обращенное къ свѣту и горловой мѣшокъ больше съуживается на тѣневой, нежели на освѣщенной сторонѣ. Чувствительность на освѣщенныхъ мѣстахъ кожи какъ у лягушки, такъ и у человѣка повышается—и т. д. Факты подобнаго рода доказываютъ несомнѣнно, что свѣтъ можетъ дѣйствовать на организмъ и не вызывая въ немъ зрительныхъ впечатлѣній. Въ присутствіи зрительныхъ органовъ дѣйствіе свѣта на организмъ выражается еще рѣзче,

какъ это видно изъ опытовъ того же Молешотта, въ которыхъ онъ сравнивалъ при равныхъ остальныхъ условіяхъ количества выдыхаемой угольной кислоты ослѣпленными и нормальными лягушками при свѣтѣ. Первыя выдѣляли меньше этого газа, нежели послѣднія, въ пропорціи 100 къ 114. Такіе же результаты были получены Сельми и Піачентини на собакахъ, курахъ, голубяхъ, причемъ авторы эти выяснили, кромѣ того, что изъ цвѣтныхъ лучей желтые оказываются наиболѣе дѣятельными, за ними идутъ синіе и подъ конецъ фіолетовые. Что увеличенное выдѣленіе угольной кислоты при свѣтѣ зрячими животными сравнительно съ слѣпыми не зависитъ отъ большей подвижности первыхъ, доказательствомъ тому могутъ служить опыты Хассановича, показавшіе, что и лягушки, неспособныя къ передвиженію вслѣдствіе перерѣзки спинного мозга, со стороны выдѣленія угольной кислоты не представляютъ никакихъ значительныхъ разницъ отъ животныхъ нормальныхъ. Поттъ, работая надъ вліяніемъ цвѣтныхъ лучей на дыханіе домашней мыши, пришелъ къ результатамъ, сходнымъ съ предъидущими; наиболѣе яркіе желтые лучи оказывали наиболѣе сильное дѣйствіе. Впрочемъ, такое дѣйствіе цвѣтныхъ лучей не подтверждается болѣе новѣйшими опытами Молешотта и Фубини, по которымъ усиленное выдѣленіе угольной кислоты у млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся наступаетъ при дѣйствіи сине-фіолетовыхъ и красныхъ лучей.

Особенный интересъ представляютъ для насъ опыты Платена надъ кроликами. Для устраненія закрыванія вѣкъ послѣднія укрѣплялись липкимъ пластыремъ; когда же требовалась темнота, то на глаза животныхъ надѣвался родъ деревянныхъ очковъ, на кольца которыхъ навинчивались непрозрачныя деревянныя крышки. Такимъ образомъ глаза животныхъ оказывались совершенно изолированными отъ свѣта. Изслѣдуя количества поглощаемаго кислорода и выдыхаемой угольной кислоты при указанныхъ условіяхъ, авторъ этотъ нашелъ, что количества кислорода, потребленныя въ темнотѣ и при свѣтѣ, относятся какъ 100 къ 116, а количество выдохнутой угольной кислоты, какъ 100 къ 114.

Этотъ выводъ несомнѣнно доказываетъ, что свѣтъ, дѣйствующій чрезъ глазъ, увеличиваетъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, т.-е. какъ процессы возстановленія, такъ и процессы разрушенія веществъ въ организмѣ; а такъ какъ въ основѣ развитія различныхъ живыхъ силъ въ организмѣ лежитъ процессъ превращенія веществъ въ тѣлѣ, то стало быть, свѣтъ, вліяя на организмъ

черезъ глазъ, увеличиваетъ всю жизненную энергію его. Годневъ приводитъ факты, доказывающіе, что свѣтъ, дѣйствующій на глазъ человѣка, обусловливаетъ усиленное разрушеніе и бѣлковыхъ веществъ, входящихъ въ составъ его тканей,—такъ какъ люди при свѣтѣ выдѣляютъ въ ту же единицу времени больше мочевины, чѣмъ въ темнотѣ; такъ какъ мочевина является однимъ изъ главныхъ продуктовъ разрушенія или расщепленія бѣлковъ тѣла, то по количеству ея, выводимому тѣломъ, мы въ правѣ судить о степени разрушенія бѣлковыхъ веществъ въ организмѣ.

Можно впрочемъ и инымъ путемъ убѣдиться въ томъ, что обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ увеличивается при дѣйствіи на организмъ свѣта; это—по паденію вѣса голодающихъ животныхъ при свѣтѣ и темнотѣ. Нѣкоторые авторы замѣтили даже на млекопитающихъ животныхъ, что во всякомъ періодѣ голоданія потери въ вѣсѣ днемъ бываютъ больше, нежели ночью. Фубини опытами надъ голодающими лягушками окончательно установилъ, что вѣсовыя потери при свѣтѣ у лягушекъ зрячихъ и слѣпыхъ относятся какъ 2,29 къ 1, т.-е. у первыхъ потеря эта болѣе чѣмъ вдвое, нежели у вторыхъ. Съ этимъ согласны и опыты Годнева надъ кошками.

Что касается до фактовъ, доказывающихъ благотворное дѣйствіе свѣта на возрожденіе тканей, то въ этомъ отношеніи давно уже извѣстно (Гэммондъ), что раны у людей заживаютъ, повидимому, быстрѣе, если онѣ подвергаются по временамъ дѣйствію свѣта. Раны кожи заживаютъ быстрѣе у животныхъ, сидящихъ при свѣтѣ, нежели у тѣхъ, которыя пребываютъ въ темнотѣ (Годневъ). Согласно съ этимъ и возстановленіе функцій поврежденныхъ нервовъ и мышцъ идетъ быстрѣе при свѣтѣ, чѣмъ въ темнотѣ.

Такъ какъ вся сумма приведенныхъ здѣсь фактовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи свѣта на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, то естественно предположить, что свѣтъ долженъ способствовать развитію и росту животныхъ и человѣка. Эдвардсъ изслѣдованіемъ развитія лягушечныхъ яицъ и головастиковъ несомнѣнно доказалъ это положеніе. Но насъ должны интересовать въ этомъ отношеніи гораздо болѣе опыты надъ развитіемъ млекопитающихъ животныхъ, и въ этомъ отношеніи опыты Годнева надъ развитіемъ котятъ одного помёта показали, что при равныхъ остальныхъ условіяхъ, животныя, подвергавшіяся дѣйствію свѣта, развивались лучше и больше прибывали въ вѣсѣ, нежели животныя, находившіяся въ темнотѣ. Горбацевичъ, работая въ томъ же направленіи надъ развитіемъ

щенятъ, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ вообще извѣстные лучи свѣта благопріятствуютъ развитію и росту млекопитающихъ и что сильнѣе всего дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи наиболѣе яркіе, т.-е. красные и оранжевые лучи. Итакъ, свѣтъ, дѣйствующій на организмъ высшихъ животныхъ главнымъ образомъ чрезъ глазъ, вызывая свѣтовыя ощущенія, благопріятствуетъ общему обмѣну веществъ въ тѣлѣ, а отсюда развитію и росту тѣла и повышаетъ всѣ его жизненныя отправленія.

Медицинская литература изобилуетъ фактами, доказывающими, что отсутствіе или даже недостатокъ свѣта служитъ причиной многихъ заболѣваній, вытекающихъ изъ недостаточнаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ, и итальянская пословица, гласящая, что «куда не проникаетъ свѣтъ, туда входитъ болѣзнь», является вполнѣ справедливой.

Кому неизвѣстно то состояніе подавленности и угнетеннаго настроенія духа, которыя нерѣдко испытываемъ мы въ сѣрые осенніе дни, подъ небомъ, покрытымъ со всѣхъ сторонъ свинцовыми тучами и, наоборотъ, веселое, возбужденное состояніе и прекрасное самочувствіе, испытываемое нами въ яркіе солнечные дни. Причины этого различія въ самочувствіи кроются, между прочимъ, въ различной энергіи, съ которой совершаются процессы обмѣна веществъ въ нашемъ тѣлѣ при различной силѣ освѣщенія. Яркій солнечный свѣтъ, увеличивая въ нашемъ организмѣ обмѣнъ веществъ, обусловливаетъ наплывъ жизненной энергіи, тогда какъ темные сѣрые дни, вызывая противуположное состояніе, сопровождаются вялостью, апатичностью всѣхъ нашихъ жизненныхъ функцій.

Для разбираемаго нами вопроса было бы важно рѣшить, насколько указанныя вліянія свѣта на организмъ являются послѣдствіемъ вызываемыхъ имъ свѣтовыхъ ощущеній. Раньше мы уже имѣли случай указать, что свѣтовое возбужденіе глазъ отражается на дѣятельности органовъ кровообращенія только при цѣлости корки мозговыхъ полушарій, т.-е. только при цѣлости той части мозга, въ которой заложены механизмы воспроизведенія различныхъ сознательныхъ ощущеній вообще и въ томъ числѣ свѣтовыхъ. На этомъ основаніи намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что описанные нами эффекты вліянія свѣта на обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ у высшихъ млекопитающихъ и человѣка являются въ главной части своей послѣдствіемъ возникающихъ въ сознаніи нашемъ свѣтовыхъ ощущеній. Для окончательнаго же рѣшенія этого вопроса недостаетъ опытовъ съ опредѣленіемъ дѣйствія свѣта на обмѣнъ веществъ у животныхъ зрячихъ, но

съ удаленными полушаріями. Подобные опыты, очень легко осуществимые, могли бы окончательно рѣшить этотъ въ высшей степени интересный вопросъ.

Кожныя ощущенія, вызываемыя, напримѣръ, раздраженіемъ кожи морской солью или горчичниками и т. п., увеличиваютъ, какъ показали опыты Цунца и Пальцова, количество выдыхаемой угольной кислоты. Въ такомъ же родѣ,—говоритъ проф. Фойтъ (глубокій знатокъ, въ наше время, обмѣна веществъ въ тѣлѣ),—должны дѣйствовать и возбужденія другихъ органовъ чувствъ, напримѣръ, слуховаго аппарата музыкой или сильными звуками и шумами, а равно и всякія другія психическія возбужденія нервной системы чувствами радости, и т. д. Къ сожалѣнію, въ наукѣ нѣтъ никакихъ экспериментальныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Что различныя душевныя состоянія могутъ оказывать сильное вліяніе на общее питаніе организма, въ томъ едва ли можно сомнѣваться, опираясь на опытъ вседневной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, чувства и аффекты угнетающаго или подавляющаго характера въ родѣ чувствъ горя, печали, безпокойства и т. д., при длительномъ дѣйствіи ихъ, обыкновенно сопровождаются исхуданіемъ тѣла, паденіемъ его вѣса и т. д. Въ этомъ отношеніи особенно интересны наблюденія Мильнера надъ заключенными въ тюрьмахъ; изъ вѣсовыхъ измѣреній, произведенныхъ этимъ авторомъ, оказалось, что арестанты, находившіеся еще подъ слѣдствіемъ и участь которыхъ была еще не рѣшена, постоянно падали въ вѣсѣ, если только не давали имъ усиленной порціи пищи; тогда какъ арестанты, участь которыхъ уже была порѣшена, увеличивались въ вѣсѣ и безъ усиленной порціи. Очевидно, что эта разница обусловливалась безпокойно-боязливымъ настроеніемъ духа первыхъ и сравнительно спокойнымъ, примирившимся душевнымъ состояніемъ вторыхъ.

Вопросъ о томъ, какъ измѣняется метаморфозъ веществъ въ тѣлѣ подъ вліяніемъ процесса мышленія, неоднократно служилъ предметомъ изслѣдованія ученыхъ. Къ сожалѣнію, результаты, полученные различными изслѣдователями, представляются весьма разнорѣчивыми. Исходя изъ того, что мозгъ является органомъ, наиболѣе богатымъ фосфоромъ, и что въ основѣ всякой функціи органа лежитъ вообще разрушеніе составляющаго его вещества, полагали, что мозговая дѣятельность должна сопровождаться усиленнымъ выведеніемъ изъ тѣла фосфорно-кислыхъ солей. Экспериментальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не привели, однако, къ какимъ-нибудь согласнымъ результатамъ; такъ, одни

изслѣдователи дѣйствительно находили при мозговой работѣ увеличеніе выдѣлявшихся фосфатовъ мочей, тогда какъ другіе пришли въ этомъ отношеніи къ отрицательнымъ выводамъ. Ту же участь раздѣляетъ и вопросъ относительно вліянія процесса мышленія на обмѣнъ бѣлковыхъ веществъ въ нашемъ тѣлѣ и выдѣленіе угольной кислоты и мочевины. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ въ высокой степени важный, остается такимъ образомъ открытъ для будущихъ изслѣдованій.

Переходя теперь къ вопросу о вліяніи психическихъ явленій на отправленія выдѣлительныхъ органовъ, т.-е. почекъ и потовыхъ желѣзъ, я считаю необходимымъ сначала описать вкратцѣ иннервацію этихъ органовъ.

Къ почкѣ подходятъ нервныя волокна, послѣ перерѣзки которыхъ мочеотдѣленіе усиливается. Это усиленіе мочеотдѣленія зависитъ, повидимому, отъ усиленнаго наплыва крови въ парализованные и, стало быть, расширенные сосуды почекъ, вслѣдствіе чего фильтрація изъ крови воды и негодныхъ продуктовъ обмѣна въ мочевые пути увеличивается. Искусственное раздраженіе этихъ волоконъ, вызывая съуженіе почечныхъ сосудовъ и уменьшенный притокъ къ нимъ крови, обусловливаетъ уменьшеніе почечнаго выдѣленія. Такъ какъ актъ мочеотдѣленія зависитъ частью отъ явленій фильтраціи жидкихъ веществъ крови въ мочевые пути, то становится понятнымъ, что всѣ условія, увеличивающія давленіе крови въ сосудахъ, повышаютъ мочеотдѣленіе, а таковыми являются самыя разнообразныя возбужденія чувствующихъ нервовъ, въ томъ числѣ и органовъ чувствъ. Такъ какъ возбужденіе и корки мозговыхъ полушарій повышаетъ, какъ это мы видѣли, при извѣстныхъ условіяхъ боковое давленіе крови, то естественно предположить, что и психическія возбужденія, протекающія въ сферѣ корки мозговыхъ полушарій и возбуждающія энергичную дѣятельность органовъ кровообращенія, должны повышать мочеотдѣленіе. О томъ, вліяетъ ли нервная система непосредственно на почечные элементы помимо вызываемыхъ ею измѣненій въ кровообращеніи, т.-е. существуютъ ли настоящіе мочеотдѣлительные нервы, подобные слюноотдѣлительнымъ, мы не имѣемъ пока ни малѣйшаго представленія.

Что касается до потовыхъ железъ, разсѣянныхъ въ числѣ нѣсколькихъ милліоновъ въ кожѣ человѣка, то дѣятельность ихъ стоитъ несомнѣнно въ зависимости какъ отъ кожнаго кровообращенія, такъ и отъ нервной системы непосредственно. Одного при-

тока крови въ кожѣ оказывается недостаточно для вызова потоотдѣленія; требуется, кромѣ того,—какъ это показали опыты Люксингера, Навроцкаго и др.—чтобы нервы, подходящіе къ потовымъ железамъ, находились въ возбужденномъ состояніи. Можно вызвать у молодыхъ котятъ, напримѣръ, отдѣленіе пота даже въ совершенно вырѣзанной, но еще живой ногѣ путемъ раздраженія подходящихъ къ ней нервовъ. Намъ извѣстно, кромѣ того, что нервные центры, завѣдующіе потоотдѣленіемъ, заложены какъ въ спинномъ, такъ и въ одной части головного мозга, а именно въ продолговатомъ мозгу. Центры эти могутъ приводиться въ дѣятельность отраженнымъ путемъ, посредствомъ раздраженія различныхъ чувствующихъ нервовъ. О томъ, можно ли вызвать потоотдѣленіе посредствомъ раздраженія корковаго вещества мозговыхъ полушарій нельзя въ настоящее время сказать ничего положительнаго, вслѣдствіе отсутствія опытныхъ данныхъ.

Систематической разработки вопроса о вліяніи различныхъ психическихъ состояній на мочеотдѣленіе и потоотдѣленіе къ сожалѣнію не существуетъ, и намъ остается довольствоваться пока весьма скудными указаніями въ этомъ направленіи. Мы можемъ только пока утвердительно сказать, что различныя психическія возбужденія отражаются иногда рѣзко на дѣятельности почекъ и кожи. Такъ, по наблюденіямъ Дарвина и Тюка, чувства страха, испуга, безпокойнаго душевнаго волненія, сопровождающіяся обыкновенно съуженіемъ сосудовъ и повышеніемъ давленія крови, увеличиваютъ мочеотдѣленіе подобно холоду. Тѣ же самые чувства и аффекты въ высшихъ степеняхъ своихъ могутъ обусловливать не только увеличенное выдѣленіе мочи, но и появленіе въ ней ненормальныхъ составныхъ частей, а именно сахара, какъ на это указываютъ наблюденія Шмитца и Томази.

Намъ, къ сожалѣнію, болѣе ничего неизвѣстно относительно вліянія различныхъ другихъ формъ психической дѣятельности, т.-е. ощущеній, акта мышленія и воли на дѣятельность почечнаго аппарата; разработка этихъ вопросовъ лежитъ впереди, хотя съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что всѣ формы психической дѣятельности, вызывающія болѣе энергичное кровообращеніе съ повышеніемъ бокового давленія крови, должны сопровождаться увеличеніемъ мочеотдѣленія.

Вліяніе различныхъ психическихъ состояній на потоотдѣленіе намъ извѣстно нѣсколько больше, благодаря прекраснымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи Вейриха. Слѣдя за количествами испарины, выдѣляемой кожей человѣка, при помощи особаго

приспособленія и при различныхъ условіяхъ, авторъ этотъ пришелъ къ крайне цѣннымъ для насъ выводамъ. Изъ психическихъ вліяній особенно рѣзко отражаются усиливающимъ образомъ на отдѣленіе пота и въ общемъ испарины психическія возбужденія или душевныя движенія, т.-е. чувства и аффекты (на 50%); они занимають въ ряду условій, повышающихъ испарину, второе мѣсто послѣ энергичныхъ мышечныхъ движеній, наисильнѣе всего увеличивающихъ количество испарины. Затѣмъ и мозговой трудъ въ формѣ процесса мышленія, напримѣръ, ученаго, сидящаго за своимъ рабочимъ столомъ, также увеличиваетъ испарину выше средняго количества ея при полномъ покоѣ. Замѣчательно, что послѣ утомленія, какого бы происхожденія оно ни было, зависитъ ли оно отъ усиленной умственной или мышечной работы, испарина рѣзко понижается и держится ниже средняго уровня ея при покоѣ. Кромѣ того, чувства и аффекты подавляющаго, угнетающаго характера рѣзко понижаютъ, подобно утомленію, среднее количество испарины (на 10—15%).

Весьма вѣроятно, что и разнообразныя ощущенія, вызываемыя раздраженіемъ различныхъ чувствующихъ поверхностей тѣла, должны отражаться такъ или иначе на потоотдѣленіи. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ пока еще не разработанъ.

О томъ, что психическія состоянія въ самомъ дѣлѣ рѣзко отражаются, и притомъ разнообразно, на потоотдѣленіи, можно судить еще по тому, что при чувствѣ страха, испуга, тѣло наше покрывается обильнымъ потомъ. Кромѣ того, не безъинтересно извѣстное, вѣроятно, многимъ явленіе рѣзкаго и внезапнаго овлажненія ладонной поверхности руки, когда передъ подачей ея при здорованіи человѣкъ опасается, чтобы она не сдѣлалась влажной и не произвела тѣмъ самымъ непріятнаго впечатлѣнія. Одного опасенія объ этомъ уже бываетъ достаточно, чтобы у многихъ вызвать усиленную испарину именно на ладонной поверхности рукъ.

Остается сказать здѣсь еще нѣсколько словъ относительно молочныхъ железъ, приготовляющихъ, какъ извѣстно, молоко, которое можетъ быть также разсматриваемо какъ особое выдѣленіе, не нужное для самого индивидуума, вырабатывающаго этотъ продуктъ. Отражаются ли различныя психическія состоянія и на отдѣленіи молока?

Изъ работъ Рёрта и Лафона намъ извѣстно, что къ молочнымъ железамъ у животныхъ (козы) подходятъ различныя нервныя волокна, изъ которыхъ одни оканчиваются въ сосудахъ, другія въ стѣнкахъ выводныхъ молочныхъ протоковъ, третьи же

въ долькахъ молочной железы, теряясь среди составляющихъ ихъ отдѣлительныхъ клѣточныхъ элементовъ. Перерѣзка однихъ изъ этихъ волоконъ, сопровождаясь расширеніемъ сосудовъ железы и наплывомъ въ нее крови, обусловливаетъ усиленіе отдѣленія молока; раздраженіе этихъ волоконъ ведетъ къ уменьшенію отдѣленія молока, тогда какъ раздраженіе другихъ нервныхъ вѣтокъ обусловливаетъ увеличеніе отдѣленія молока. Такъ какъ волокна эти связываютъ молочныя железы со спиннымъ мозгомъ, то весьма вѣроятно, что центральная нервная система оказываетъ опредѣленнаго рода дѣйствіе на процессъ подготовленія и выдѣленія молока какъ путемъ измѣненія просвѣта кровеносныхъ сосудовъ и выводныхъ протоковъ железы, такъ и путемъ непосредственнаго вліянія на функціи отдѣлительныхъ элементовъ молочной железы. О томъ, гдѣ заложены нервные центры, управляющіе функціями молочныхъ железъ, мы не въ состояніи сказать въ настоящее время ничего положительнаго. Намъ было важно только указать на эти уже установленные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что процессъ отдѣленія молока находится подъ регуляціей центральной нервной системы. Послѣ этого нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и различныя психическія состоянія могутъ такъ или иначе отражаться на функціяхъ молочныхъ железъ. Примѣрами тому могутъ служить наблюденія Симона, Тимана, Шерера, Карпентера и др., изъ которыхъ видно, что гнѣвъ можетъ рѣзко мѣнять какъ количество, такъ и составъ молока и дѣлать его даже вреднымъ для организма ребенка.

Этимъ я заканчиваю перечисленіе главныхъ фактовъ касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на физіологическія отправленія различныхъ системъ органовъ нашего тѣла. Мы можемъ провѣрить добытыя нами данныя путемъ изслѣдованія такого физіологическаго состоянія нашего организма, при которомъ психическія отправленія нашего мозга совершенно или въ значительной степени отсутствуютъ. Такимъ состояніемъ является нормальный сонъ животныхъ и человѣка. Если все то, что было сказано на счетъ вліянія различныхъ психическихъ состояній на тѣлесныя функціи организма, вѣрно, то сонъ долженъ сопровождаться измѣненіемъ функцій органовъ обратнымъ тому, какое наблюдается въ нихъ при возникновеніи въ насъ различныхъ психическихъ возбужденій, т.-е. при дѣятельномъ бодрствующемъ состояніи организма. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе состоянія органовъ во время сна представляетъ для излагаемаго нами предмета высокій интересъ.

Какъ въ явленіяхъ окружающей насъ природы наблюдаются болѣе или менѣе часто повторяющіеся періоды, такъ и въ жизни человѣка и животныхъ съ хорошо развитою нервной системой мы замѣчаемъ наклонность къ перемежкѣ работы съ покоемъ; бодрствующее дѣятельное состояніе мозга и мышечной системы замѣняется черезъ извѣстный промежутокъ времени состояніемъ покоя, и человѣкъ невольно засыпаетъ. При физіологическихъ условіяхъ такія перемежки между бодрствованіемъ и сномъ должны повторяться изо-дня въ день, и человѣкъ, работая днемъ, ночью засыпаетъ. Характеристической особенностью сна является прекращеніе сознательной произвольной дѣятельности *головного* мозга, обусловливающее полное разслабленіе мышцъ нашего скелета. Мозгъ, стало быть, подобно сердцу, періодически разслабляющемуся во время діастолы послѣ каждаго сокращенія, представляетъ также періодическія перемежки между работой и покоемъ, вслѣдствіе чего многіе физіологи выражаются о снѣ какъ объ діастолѣ церебральной дѣятельности.

Чѣмъ, спрашивается, вызывается подобное періодически повторяющееся недѣятельное состояніе головного мозга? Нѣкоторыя животныя, лягушки, сурки, медвѣди и др. могутъ переходить въ продолжительный сонъ, въ такъ-называемую зимнюю спячку, подъ вліяніемъ холода зимы. Этотъ холодъ замедляетъ и ослабляетъ колебанія и разложенія частичекъ, изъ которыхъ выстроены клѣтки тѣла и въ особенности нервныхъ молекулъ, вслѣдствіе чего всѣ жизненныя отправленія рѣзко ослабляются, а иногда почти останавливаются — исчезаетъ сознаніе, всѣ психическія функціи, мышечныя движенія и кое-какъ поддерживаются растительные процессы въ организмѣ. Первые теплые весенніе лучи, согрѣвая этихъ животныхъ, пробуждаютъ въ нихъ нормальныя отправленія. Между зимней спячкой и нормальнымъ сномъ существуетъ съ качественной стороны не мало аналогій.

Нормальный, ежедневно повторяющійся сонъ отличается отъ зимней спячки главнымъ образомъ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ причины пониженной дѣятельности организма кроются въ немъ самомъ, въ истощеніи человѣка и главнымъ образомъ его мозговыхъ полушарій, которыя не въ состояніи, благодаря пониженной до нельзя молекулярной дѣятельности нервныхъ центровъ, вырабатывать сознаніе и волю.

Аффектъ, достигаемый въ зимней спячкѣ вліяніемъ холода на организмъ, при нормальныхъ условіяхъ повторяется ежедневно, благодаря опредѣленнымъ внутреннимъ измѣненіямъ, возникающимъ въ организмѣ послѣ дневного бодрствованія. Нельзя, однако,

утверждать, чтобы наступленіе нормальнаго сна не зависѣло въ извѣстной степени отъ внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условій: всѣмъ извѣстно, что нормальный сонъ наступаетъ легче всего при устраненіи внѣшнихъ впечатлѣній, свѣтовыхъ, звуковыхъ и другихъ раздраженій нашихъ органовъ чувствъ. Поразительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить замѣчательный случай, описанный Штрюмпелемъ. Нѣкій юный сапожникъ страдалъ всеобщей нечувствительностью кожи, обонянія, вкуса, и получалъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра чрезъ посредство только праваго глаза и лѣваго уха. Стоило только прикрыть этотъ глазъ и закупорить это ухо, какъ больной черезъ 2—3 минуты впадалъ въ глубокій сонъ. Изъ этого наблюденія видно, насколько важны для поддержанія бодрствующаго, дѣятельнаго состоянія нашего мозга, т.-е. сознанія,—впечатлѣнія, получаемыя нами изъ внѣшняго міра чрезъ наши органы чувствъ, и насколько цѣлесообразна наклонность человѣка устранять всякія внѣшнія впечатлѣнія передъ нормальнымъ засыпаніемъ.

Конечно, степень истощенія мозга можетъ въ иныхъ случаяхъ быть настолько велика, что сонъ наступаетъ, не взирая ни на какія внѣшнія раздраженія нашихъ органовъ чувствъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, на солдатахъ во время войнъ, спящихъ при громѣ пушекъ. Но все же при обыкновенномъ истощеніи, наступающемъ подъ конецъ обычнаго рабочаго дня, внѣшнія впечатлѣнія могутъ затруднять наступленіе нормальнаго сна.

Впрочемъ, какъ во время бодрствованія, такъ и во время сна сказывается сила привычки къ опредѣленнымъ возбужденіямъ, и тогда отсутствіе или прекращеніе этихъ возбужденій является условіемъ или затрудняющимъ наступленіе сна, или прерывающимъ уже наступившій сонъ. Въ подтвержденіе этого стоитъ только вспомнить, какъ въ силу привычки необходима бываетъ для нѣкоторыхъ дѣтей пѣсня при убаюкиваніи и какъ невольно просыпается курьеръ, ѣдущій, напримѣръ, день и ночь на тройкѣ, при остановкахъ на станціяхъ или мельникъ—при прекращеніи шума мельничнаго колеса. Очевидно, что привычныя впечатлѣнія уже не дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на мозгъ и что напротивъ того прекращеніе ихъ, вызывая перемѣну въ состояніи нашихъ центральныхъ нервныхъ аппаратовъ, обусловливаютъ актъ просыпанія.

Между сномъ и бодрствованіемъ существуетъ безчисленное множество переходныхъ степеней, при которыхъ головной мозгъ нашъ истощается не въ одинаковой степени и притомъ неоди-

наково въ различныхъ частяхъ своихъ. Одни психическіе центры могутъ во время сна еще оставаться дѣятельными и работать подъ вліяніемъ слѣдовъ дневныхъ возбужденій,—отсюда отрывочныя сновидѣнія и грезы, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ вызывать соотвѣтствующія движенія въ мышцахъ и давать картину сомнамбулизма. Несвязность, нелогичность сновъ и грёзъ обусловливается недостаткомъ неразрывной цѣпи представленій, вслѣдствіе недѣятельнаго состоянія различныхъ центровъ мозговой корки. Объектированіе же сновъ, видѣніе ихъ какъ бы наяву, зависитъ отъ отсутствія контроля нашихъ органовъ чувствъ, находящихся во время нормальнаго сна въ покоѣ.

Глубокій сонъ характеризуется отсутствіемъ грёзъ и сновидѣній и полнымъ покоемъ и разслабленнымъ состояніемъ нашей мышечной системы. Для нашей цѣли важенъ именно такой сонъ, такъ какъ онъ не осложняется никакими психическими явленіями, которыя могли бы отражаться на дѣятельности разнообразныхъ органовъ нашего тѣла. Для преслѣдуемой нами задачи, кромѣ того, еще важно знать, бываетъ ли сонъ одинаково глубокъ во все время его продолженія.

Сонъ, по наблюденіямъ Кольшютера, бываетъ всегда глубже въ началѣ, послѣ чего онъ становится все болѣе и болѣе поверхностнымъ, легкимъ, чуткимъ, такъ что для пробужденія спящаго человѣка требуется, по мѣрѣ теченія сна, все болѣе и болѣе слабыя внѣшнія раздраженія. Авторъ этотъ опредѣлялъ глубину сна по силѣ звука, нужнаго для пробужденія человѣка въ различные періоды сна; звуки же различной силы производились ударомъ падающей съ различной высоты гири объ твердую подставку; чѣмъ съ большей высоты падала гиря, тѣмъ сильнѣе, конечно, былъ производившійся ею звукъ.

Сонъ достигаетъ своей максимальной глубины въ теченіе перваго часа и затѣмъ ослабѣваетъ сначала быстро, а потомъ медленнѣе, вплоть до просыпанія. По Мёнинггофу и Пицбергену сонъ бываетъ глубже всего послѣ третьей четверти второго часа. Затѣмъ глубина сна опять на нѣкоторое время усиливается и подъ конецъ опять постепенно падаетъ вплоть до просыпанія.

Въ чемъ же заключаются внутреннія въ организмѣ самомъ развивающіяся причины сна? Всѣ авторы согласны въ томъ, что причины сна кроются въ переутомленіи центральной нервной системы и въ особенности мозговыхъ полушарій. Обходя молчаніемъ рядъ болѣе старыхъ теорій, я укажу здѣсь на химическую теорію Оберштейнера, по которой во время дневной дѣятельности въ головномъ мозгу накопляются продукты разрушенія,

разложенія нервной ткани и другихъ органовъ, имѣющіе кислотный характеръ и обусловливающіе недѣятельное состояніе нервныхъ центровъ головного мозга.

Прейеръ полагаетъ, что кислота эта и есть молочная кислота, и искусственнымъ введеніемъ молочно-кислаго натра онъ пытался вызывать сонъ, что ему, повидимому, и удавалось и съ тѣмъ не согласны, между прочимъ, нѣкоторые другіе изслѣдователи. Пфлюгеръ же полагаетъ, что недѣятельное состояніе мозговыхъ полушарій во время сна обусловливается истощеніемъ запаса въ нихъ внутри-молекулярнаго кислорода. Бинцъ держится, повидимому, точки зрѣнія Оберштейнера и Прейера и причиной утомленія головного мозга, обусловливающей сонъ, считаетъ накопленіе въ мозгу въ теченіе дня кислыхъ продуктовъ разложенія мозгового вещества или общаго обмѣна веществъ, парализирующихъ функціи нервныхъ центровъ. Во время сна продукты эти, образуясь въ меньшемъ количествѣ, вымываются кровью и тогда наступаетъ пробужденіе. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ тотъ фактъ, что всѣ снотворныя вещества, каковы: морфій, хлороформъ, эѳиръ, молочная кислота и т. д. въ слабыхъ и нейтральныхъ растворахъ обусловливаютъ рѣзкое, даже морфологическое измѣненіе, живой протоплазмъ нервныхъ центровъ головного мозга, тогда какъ другія вещества подобнаго вліянія не оказываютъ. Снотворныя вещества, благодаря химическому сродству къ протоплазмѣ нервныхъ центровъ, соединяются съ нею и дѣлаютъ ее неспособной къ тѣмъ превращеніямъ и расщепленіямъ, которыя лежатъ въ основѣ дѣятельнаго состоянія нервныхъ центровъ. Клѣтки при этомъ оказываются какъ бы неспособными къ молекулярнымъ движеніямъ и измѣненіямъ, лежащимъ въ основѣ развитія сознанія и воли. Вѣроятнѣе всего, что причина сна кроется, какъ въ накопленіи въ нихъ продуктовъ жизненнаго обмѣна веществъ, такъ и въ недостаткѣ въ нихъ внутри-молекулярнаго кислорода, необходимаго для жизнедѣятельности всякой живой протоплазмы и въ особенности протоплазмы нервныхъ центровъ.

На основаніи всего этого мы видимъ, что мозговыя полушарія во время сна должны быть менѣе или даже вовсе недѣятельными, и стало быть, какъ раздражительность ихъ, такъ и способность ихъ вырабатывать импульсы, необходимые для возникновенія психическихъ явленій, а равно и произвольныхъ движеній, должны быть крайне пониженными. Отсутствіе психическихъ явленій при глубокомъ снѣ вытекаетъ изъ непосредственныхъ наблюденій надъ людьми, находящимися въ этомъ состояніи;

пониженная же раздражительность корки мозговыхъ полушарій во время сна можетъ быть доказана экспериментальнымъ путемъ. Щенки отъ двухъ до шести-недѣльнаго возраста представляются особенно удобными объектами для опытовъ надъ нормальнымъ сномъ. Они при извѣстной тишинѣ и послѣ нѣсколькихъ поглаживаній крайне быстро засыпають даже послѣ того, какъ у нихъ былъ вскрытъ черепъ и обнаженъ головной мозгъ. Какъ извѣстно, на поверхности корки мозговыхъ полушарій существуютъ ограниченныя двигательныя психомоторныя площади, искусственное раздраженіе которыхъ электрическимъ токомъ вызываетъ движенія въ опредѣленныхъ членахъ тѣла. Если во время бодрствованія у щенка опредѣлить ту силу электрическаго тока, при которой появляются первые ясные слѣды такихъ движеній, то послѣ засыпанія ихъ нормальнымъ сномъ, то же раздраженіе тѣхъ же точекъ мозга остается безъ всякаго аффекта; для вызова послѣдняго приходится увеличить силу раздражающаго тока. Очевидно, что при нормальномъ снѣ раздражительность корки мозговыхъ полушарій падаетъ. Такой же аффектъ, но въ еще болѣе рѣзкой степени, наблюдается и при снѣ, искусственно вызванномъ дѣйствіемъ различныхъ снотворныхъ веществъ въ родѣ хлороформа, эѳира и т. д.

Любопытно, что послѣ дневного бодрствованія оба полушарія головного мозга не въ одинаковой степени истощаются; лѣвое утомляется, повидимому, больше праваго и это представляется вполнѣ естественнымъ, если вспомнить, что центры рѣчи, а равно и двигательные центры для членовъ правой половины тѣла исключительно заложены въ коркѣ лѣваго полушарія, тогда какъ въ правомъ полушаріи заложены двигательные центры для лѣвыхъ конечностей, а центръ рѣчи бываетъ, повидимому, слабо развитъ. Большинство людей употребляетъ во время бодрствованія по преимуществу правую руку и, стало быть, бываетъ правшами по рукѣ, но лѣвшами по мозгу; у лѣвшей же, которыхъ вообще не много, дѣло происходитъ наоборотъ. Изъ сказаннаго очевидно, что у большинства людей, наиболѣе дѣятельнымъ полушаріемъ во время дня является лѣвое полушаріе, вслѣдствіе чего оно и должно болѣе утомляться, нежели правое. Обнаружить этотъ фактъ очень легко во время первыхъ двухъ часовъ глубокаго сна у человѣка. Если, какъ на это указала г-жа Манасеина, раздражать у людей спящихъ заостренной палочкой различныя мѣста лица и шеи, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ рефлекторное, отмахивающее движеніе производится лѣвой рукой, управляемой правымъ полушаріемъ. Очевидно, что во время сна пра-

вое полушаріе, менѣе утомленное, беретъ на себя роль лѣваго полушарія, отдыхающаго вслѣдствіе бо́льшаго дневного истощенія.

Интересно знать, въ какомъ состояніи находится спинной мозгъ во время нормальнаго сна животныхъ. Для выясненія этого вопроса произведены были опыты въ слѣдующей формѣ. У щенковъ за нѣсколько дней до опыта перерѣзался спинной мозгъ надъ мѣстомъ отхожденія изъ него нервовъ, направляющихся къ нижнимъ оконечностямъ. Нижняя половина тѣла являлась, такимъ образомъ, объединенной отъ передней произвольной, и въ нижнихъ конечностяхъ можно было вызывать лишь рефлекторныя движенія. Если усыпить нормальнымъ путемъ подобное животное, то въ то время, какъ въ переднихъ конечностяхъ развивалась во время сна извѣстная степень нечувствительности къ болевымъ раздраженіямъ, въ заднихъ, управляемыхъ нижнимъ отрѣзкомъ спинного мозга, не наблюдалось никакихъ измѣненій въ ихъ рефлекторной дѣятельности; онѣ оставались одинаково дѣятельными. Очевидно, что центры спинного мозга, объединенные перерѣзкой отъ головного мозга, не представляютъ той періодичности въ истощеніи и возстановленіи, которая столь отчетливо присуща механизмамъ головного мозга, и это положеніе еще съ большей убѣдительностью доказываетъ, что сонъ есть результатъ недѣятельнаго состоянія мозговыхъ полушарій.

Такое заключеніе, впрочемъ, представляется совершенно естественнымъ, если вспомнить, что головной мозгъ во время бодрствованія находится безпрерывно въ дѣятельномъ состояніи вслѣдствіе постоянной смѣны разнообразныхъ впечатлѣній свѣтовыхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ осязательныхъ и др., постоянно вторгающихся въ него изъ внѣшняго міра; бодрствованіе поэтому служитъ выраженіемъ безпрерывно дѣятельнаго состоянія головного мозга, тогда какъ спинной мозгъ работаетъ только рефлекторно съ перерывами подъ вліяніемъ возбужденій, несущихся къ спинно-мозговымъ центрамъ изъ сферы чувствующей поверхности кожи и изъ центральныхъ аппаратовъ головного мозга.

Естественно поэтому, что спинной мозгъ не нуждается въ продолжительныхъ паузахъ покоя, свойственныхъ мозговымъ полушаріямъ и выражающихся извнѣ въ формѣ того, что́ принято называть нормальнымъ сномъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что глубокій сонъ характеризуется главнымъ образомъ недѣятельнымъ состояніемъ цент-

ровъ корки мозговыхъ полушарій и вслѣдствіе этого — отсутствіемъ психическихъ отправленій, сознанія и воли.

Любопытно взглянуть, какъ измѣняются при этомъ функціи разнообразныхъ системъ органовъ. На мышечной системѣ намъ нечего, конечно, останавливаться, такъ какъ она наглядно бываетъ въ разслабленномъ состояніи. Наблюдая путемъ плетизмографа за измѣненіями въ органахъ кровообращенія, наступающими у человѣка при переходѣ его изъ состоянія бодрствованія въ сонъ, Моссо пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ. Пульсъ въ сосудахъ руки (а, стало быть, и сердцебіенія) при этомъ замедляется приблизительно на 6—8 ударовъ въ минуту. Каждая пульсовая волна дѣлается полнѣе, выше и представляетъ большее количество вторичныхъ колебаній, обусловленныхъ разслабленнымъ состояніемъ сосудистыхъ стѣнокъ; къ такому же результату, по отношенію къ пульсу, пришелъ и Мандини. Благодаря этому разслабленію сосудистыхъ стѣнокъ, сосуды конечностей наполняются больше кровью и объемъ конечностей при засыпаніи вслѣдствіе этого увеличивается; на этомъ основаніи слѣдуетъ ожидать, что боковое давленіе крови въ артеріяхъ падаетъ, и манометрическія опредѣленія кровяного давленія, произведенныя мною на щенкахъ, вполнѣ подтвердили это ожиданіе; при засыпаніи общее, среднее, боковое давленіе крови рѣзко падаетъ. Зато въ мозговомъ кровообращеніи, происходятъ обратныя измѣненія, какъ это показали уже давно опыты надъ животными и людьми—Дургэма, Визіали, Блумрѣдера, и какъ съ особенной отчетливостью показали послѣднія точныя графическія изслѣдованія Моссо надъ колебаніями объема мозга у людей, представлявшихъ частичные деффекты черепныхъ костей; мозгъ во время сна несомнѣнно обѣднѣваетъ кровью и объемъ его падаетъ.

На это анемичное состояніе мозга никакъ не слѣдуетъ, однако, смотрѣть, какъ на причину недѣятельнаго состоянія головного мозга, а какъ на послѣдствіе его. Правда, это состояніе анеміи благопріятствуетъ поддержанію мозгового покоя; но оно является роковымъ послѣдствіемъ тѣхъ измѣненій въ общемъ кровообращеніи, которыя обусловливаются исключеніемъ на время функцій мозговыхъ полушарій. Въ самомъ дѣлѣ, замедленныя и ослабленныя сердцебіенія, расширенное состояніе сосудовъ конечностей и вѣроятно всего тѣла (за исключеніемъ мозговыхъ сосудовъ) и, наконецъ, самое состояніе покоя мозговыхъ полушарій во время сна, должны, конечно, повести къ уменьшенному притоку крови къ мозгу, къ спаденію его сосудовъ, т.-е. къ временной анеміи этого органа.

Колебанія въ притокѣ крови къ мозгу, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онѣ наблюдаются при снѣ и бодрствованіи, могутъ вліять лишь въ качествѣ условій видоизмѣняющихъ дѣятельность мозговыхъ нервныхъ аппаратовъ, обыкновенно повышающихъ ее при усиленномъ приливѣ къ нимъ крови и, наоборотъ, понижающихъ при ослабленномъ орошеніи ихъ кровью; но колебанія эти сами по себѣ отнюдь не служатъ моментами, опредѣляющими дѣятельность или покой центральныхъ мозговыхъ механизмовъ, подобно тому какъ усиленная или уменьшенная доставка пищи цѣлому организму вовсе еще не служитъ непосредственной причиной, побуждающей его къ работѣ. На основаніи всего сказаннаго и выработалось убѣжденіе, что анемія мозга, сопровождающая состояніе сна, отнюдь не служитъ причиной послѣдняго, а наоборотъ послѣдствіемъ недѣятельнаго состоянія мозга.

Дыханіе во время сна представляетъ также рѣзкія отличія отъ того, какимъ оно бываетъ обыкновенно при бодрствованіи. Такъ во время сна преобладаетъ, какъ на это указалъ Моссо, такъ называемое грудное, а во время бодрствованія брюшное дыханіе; другими словами, при бодрствованіи увеличеніе полости грудной клѣтки при каждомъ вдыханіи совершается преимущественно на счетъ сокращенія, и стало быть опусканія грудобрюшной преграды, надавливающей на брюшныя внутренности и выпячивающей чрезъ это переднія брюшныя стѣнки; вслѣдствіе этого этотъ типъ дыханія и названъ брюшнымъ дыханіемъ; во время же сна, напротивъ того, начинаютъ преобладать дыхательныя мышцы, расширяющія грудную клѣтку, и такъ какъ при этомъ сокращенія грудобрюшной преграды бываютъ крайне ослаблены, а чрезъ это и выпячиванія кпереди брюшныхъ стѣнокъ бываютъ несравненно слабѣе, то весь типъ дыханія становится по преимуществу груднымъ; при этомъ расширеніе грудной клѣтки сопровождается нерѣдко вслѣдствіе разслабленнаго состоянія грудобрюшной преграды впаденіемъ брюшной стѣнки, чего никогда не бываетъ при бодрствованіи.

Дыханіе становится болѣе медленнымъ и поверхностнымъ, и вслѣдствіе этого человѣкъ во время сна выдыхаетъ и вдыхаетъ несравненно меньше воздуха чѣмъ при бодрствованіи; такъ субъекты, бывшіе подъ наблюденіемъ Моссо, при бодрствованіи выдыхали въ теченіе 2 минутъ отъ 10 до 12 литровъ воздуха, тогда какъ во время сна количества воздуха, колебались между полутора и $5^1/_2$ литрами за тотъ же промежутокъ времени. Иногда вдыханія бывали настолько слабыми, что воздухъ, притягивав-

шійся при этомъ легкими, не въ состояніи былъ преодолѣть препятствія столба воды даже въ 2 сантиметра.

Легкій шумъ, или звуки голоса, раздающіеся возлѣ спящаго, свѣтъ падающій на закрытыя вѣки, прикосновеніе къ тѣлу и т. д. всѣ эти сами по себѣ незначительныя раздраженія вызываютъ, какъ показали опыты Моссо, ясныя измѣненія въ дѣятельности органовъ кровообращенія и дыханія, не смотря на то, что они могутъ вовсе не сопровождаться пробужденіемъ человѣка. Такъ всѣ эти формы раздраженія вызываютъ нѣкоторое ускореніе пульса, сокращеніе сосудовъ конечностей съ уменьшеніемъ ихъ объема и приливъ крови къ головному мозгу, вызывающій увеличеніе его объема, дыханіе же при этомъ дѣлается болѣе частымъ и энергичнымъ.

Эти измѣненія, вызываемыя въ спящемъ человѣкѣ дѣйствіемъ указанныхъ раздражителей, имѣютъ высокую цѣлесообразность, такъ какъ изъ нихъ слѣдуетъ, что во время сна головной мозгъ все же отвѣчаетъ на самыя повидимому минимальныя внѣшнія раздраженія, вызывая такія измѣненія въ кровообращеніи и дыханіи, которыя необходимы для дѣятельности мозга въ моментъ его пробужденія. Моссо полагаетъ, что измѣненія въ органахъ кровообращенія и дыханія, вызываемыя во время сна дѣйствіемъ на органы чувствъ слабыхъ внѣшнихъ раздраженій, зависятъ отъ возбужденія ими психическихъ центровъ корки полушарій, не переходящаго однако за порогъ сознанія и протекающаго слѣдовательно въ формѣ безсознательныхъ психическихъ актовъ.

Механизмъ этотъ долженъ былъ совершенствоваться постепенно въ безконечномъ ряду поколѣній животныхъ формъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая наиболѣе сложными, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе должны были выживать и побѣждать тѣ организмы, которые во время сна всего легче реагировали на самыя легкія внѣшнія раздраженія учащеніемъ сердцебіеній, приливомъ крови къ мозгу и учащеніемъ, и усиленіемъ дыханія; при этихъ только условіяхъ, благопріятствующихъ энергичной дѣятельности головного мозга, животные организмы могли съ успѣхомъ бороться съ своими врагами и не дѣлаться жертвой ихъ во время сна.

Весьма интереснымъ является наблюденіе многихъ авторовъ, изъ котораго видно, что психическія возбужденія, протекающія во время сна человѣка въ видѣ грезъ и сновидѣній, вызываютъ, совершенно независимо отъ внѣшнихъ раздраженій, приливъ крови къ мозгу, учащеніе и усиленіе сердцебіеній и усиленіе дыхательныхъ движеній, т.-е. рядъ явленій, аналогичный тому, какой по-

лучается при пробужденіи человѣка. Эти наблюденія драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что могутъ служить прямымъ подтвержденіемъ того, что и психическіе акты, протекающіе внѣ сферы нашего сознанія, могутъ отражаться вышеуказаннымъ путемъ на органахъ кровообращенія и дыханія.

Намъ ничего почти неизвѣстно относительно состоянія, въ которомъ находятся пищеварительные органы во время сна, за исключеніемъ развѣ того, что движенія желудка повидимому прекращаются, какъ на это указываетъ Бушъ, и что дѣятельность слюнныхъ железъ, а равно и слизистыхъ носовыхъ железъ рѣзко падаетъ. Каждому, конечно, извѣстно, что ротъ во время сна даже при закрытомъ состояніи пересыхаетъ и что истеченіе изъ носу, напримѣръ даже во время сильнаго насморка, совершенно прекращается.

Что касается до общаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ или метаморфоза, то и онъ во время сна рѣзко падаетъ, какъ отъ отсутствія мышечныхъ движеній, такъ и отъ отсутствія дѣятельности органовъ чувствъ и сопряженныхъ съ ними психическихъ функцій мозга; изслѣдованія Буссенго, Геннеберга, Шарлинга, Петтенкофера, Фойта, Либермейстера и др. показали, что какъ количества поглощаемаго кислорода, такъ и выдыхаемой угольной кислоты во время сна рѣзко падаютъ, а равнымъ образомъ уменьшается количество выводимыхъ изъ тѣла продуктовъ обмѣна бѣлковыхъ веществъ, т.-е. мочевины и т. д.

Что касается до функцій выдѣлительныхъ органовъ, т.-е. до процессовъ выдѣленія пота и мочи, то несомнѣнно, что они совершаются во время сна гораздо слабѣе, нежели при бодрствованіи; относительно пота это доказано Вейрихомъ, а относительно мочи—Кинке.

Интересныя измѣненія наблюдаются во время сна въ состояніи зрачка. Зрачекъ при наступленіи сна безъ исключенія съуживается и тѣмъ больше, чѣмъ глубже сонъ. Всякія же возбужденія органовъ чувствъ во время сна, не вызывающія даже пробужденія, всякія психическія отправленія при бодрствованіи вызываютъ расширеніе зрачковъ, вѣроятно, вслѣдствіе возбужденія центровъ, расширяющихъ зрачокъ; вообще принимаютъ, что съуженное состояніе зрачковъ во время сна обусловливается менѣе возбужденнымъ состояніемъ симпатическаго нерва, который, какъ извѣстно, завѣдуетъ актомъ расширенія зрачка. Бошефонтенъ показалъ на собакахъ, что раздраженіе корковаго вещества полушарій мозга обусловливаетъ расширеніе зрачка; такъ какъ то же самое съ большою вѣроятностью можно предположить вѣрнымъ

и для человѣка и такъ какъ во время сна корка полушарій мозга находится въ недѣятельномъ состояніи, то естественно, что сонъ сопровождается рѣзкимъ съуженіемъ врачка.

Изъ этого краткаго физіологическаго очерка мы видимъ, что измѣненія въ отправленіяхъ различныхъ органовъ во время сна являются обратными тѣмъ, какія наблюдаются при возникновеніи въ насъ различныхъ психическихъ функцій, и такъ какъ сонъ, какъ мы это видѣли, характеризуется главнымъ образомъ прекращеніемъ психической дѣятельности нашего мозга, то указанные результаты изслѣдованія функцій органовъ во время сна являются краснорѣчивымъ подтвержденіемъ добытыхъ уже раньше данныхъ касательно вліянія различныхъ психическихъ состояній на тѣлесныя функціи организма.

Сказаннымъ исчерпываются пока главные факты, относящіеся къ предмету настоящей статьи. Мы видимъ, что на почвѣ жизненныхъ молекулярныхъ движеній нервныхъ центровъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій выростаетъ міръ психическихъ явленій, который въ свою очередь отражается на тѣлесныхъ отправленіяхъ организма. Если согласиться съ Дюбуа-Реймономъ въ томъ, что для ума человѣческаго останется навсегда непонятнымъ и неприступнымъ тотъ путь, которымъ физическое движеніе центральныхъ нервныхъ молекулъ переходитъ въ психическое возбужденіе, то все же обширная область взаимодѣйствій между міромъ психическихъ и тѣлесныхъ функцій организма остается вполнѣ доступной для изслѣдованія. *Сущность* того или иного психическаго акта недоступна, правда, уму человѣческому; но въ такой же мѣрѣ не поддается нашему пониманію и сущность всякихъ другихъ, хотя бы чисто физическихъ явленій электричества, магнетизма и т. д. Физики тѣмъ не менѣе, не претендуя на знаніе *сущности* электрическихъ и магнитныхъ силъ, упорно занимались и занимаются изслѣдованіемъ условій возникновенія ихъ, дѣйствія ихъ на явленія и тѣла окружающаго міра и обратнаго воздѣйствія послѣднихъ на эту силу; благодаря такому направленію труда, выросли, какъ извѣстно, обширныя ученія объ электричествѣ, магнетизмѣ и т. д., имѣющія важное значеніе и приносящія обширныя практическія услуги человѣчеству.

Современная психо-физіологія придерживается того же благотворнаго пути при изученіи психическихъ явленій. На всякое психическое возбужденіе она смотритъ какъ на силу, воз-

никающую на реальной почвѣ жизненныхъ физико-химическихъ измѣненій нервныхъ центровъ корковаго вещества мозговыхъ полушарій и изучаетъ условія возникновенія психическихъ явленій, дѣйствіе на нихъ тѣхъ или иныхъ вліяній, данныхъ какъ въ самомъ организмѣ, такъ и въ окружающей его средѣ и наконецъ обратное воздѣйствіе психическихъ возбужденій на тѣлесныя функціи организма. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что только этимъ путемъ можетъ выработаться правильный взглядъ на отношенія между психической дѣятельностью и физической жизнью и на тѣ условія, при которыхъ мыслимо гармоничное развитіе духовныхъ и физическихъ силъ организма.

И. Тархановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОСЕННЕЕ УТРО.

Непривѣтное утро въ туманѣ сѣдомъ
Для кого ты, зачѣмъ поднялось?
Безъ румяныхъ лучей въ полумракѣ сыромъ
Ты слезами дождя залилось...

О, зачѣмъ ты съ осеннихъ, угрюмыхъ небесъ
Заглянуло съ усмѣшкой нѣмой,
Проникая межъ бархатныхъ складокъ завѣсъ,
Въ благовонный, роскошный покой,—

На помятое платье съ увядшимъ цвѣткомъ,
На бокалъ недопитый вина,
Эту спальню красавицы блѣднымъ лучемъ
Пробуждая отъ нѣги и сна.

О разсвѣтъ, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день—только новый позоръ,—
И горитъ отъ стыда молодое чело,
И поникъ отуманенный взоръ.—

Для чего ты, какъ воръ, незамѣтно проникъ
Къ бѣдняку въ его скорбный пріютъ?
Утомленныя очи смежая на мигъ,
Онъ забылъ недоконченный трудъ;

У него ты похитилъ минутный покой,—
День борьбы и заботъ впереди,
День постылой работы онъ видитъ съ тоской
Въ наболѣвшей, разбитой груди.—

И зачѣмъ ты къ больному на ложе проникъ?
Передъ мертвеннымъ блескомъ твоимъ
Отвратилъ онъ свой блѣдный, измученный ликъ,—
Новый день—день страданій предъ нимъ.—

И зачѣмъ въ эту келью, печальный разсвѣтъ,
Въ этотъ міръ упоительныхъ грезъ,
Гдѣ такъ страстно мечталъ одинокій поэтъ,
Ты заботу и горе принесъ?

Его лампа померкла въ холодныхъ лучахъ,
Онъ перо покидаетъ съ тоской;
И трепещетъ слеза въ его скорбныхъ очахъ,
Онъ безсиленъ и нѣмъ предъ тобой...

О, зачѣмъ тебѣ было надъ міромъ вставать
Передъ этимъ мучительнымъ днемъ?
О, зачѣмъ ты намъ не далъ на вѣкъ задремать
И забыться во мракѣ ночномъ?

Ноябрь, 1883.

---

* * *

Въ борьбѣ на жизнь и смерть не сдамся я врагу,—
Тебѣ, гнетущій рокъ, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мірозданья...

Нѣтъ! капля первая всей крови пролитой
На вѣкъ лицо земли позоромъ осквернила,—
И каждый василекъ на нивѣ золотой,
И въ небѣ каждый лучъ свѣтила.

Одинъ угрюмый взоръ потупленныхъ очей
Затмилъ блестящій пиръ ликующей природы,
И майскую зарю въ коронѣ изъ лучей,
И голубые небосводы.

Могучая гроза ударами громовъ
Не можетъ заглушить мой ропотъ дерзновенный:
Мучительный онъ—въ музыкѣ міровъ,
Въ живой гармоніи вселенной...

Къ чему мнѣ пурпуръ розъ и трели соловья,
И тишина ночей съ ихъ дѣвственною лаской?..
Ужель ты прячешься, природа, отъ меня
Подъ обольстительною маской;

Ужель безчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты брилліантами созвѣздій убрана,
И нарумянена зарею,

Чтобъ обмануть меня, нарядомъ ослѣпить
И скрыть чудовищность неправды воніющей,
Чтобъ убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей;

Что бъ сталъ я вновь рабомъ, смирясь и позабывъ
Всѣ язвы нищеты, всѣ ужасы разврата,
И негодующій, и мстительный порывъ
За брата, гибнущаго брата!

Декабрь, 1883.

НА РАСПУТЬИ.

Жить-ли мнѣ, забывъ мои страданья,
Горечь слезъ, сомнѣній и заботъ,
Какъ цвѣтокъ, безъ проблеска сознанья,
Ни о чемъ не думая, живетъ,—

Ничего не видитъ и не слышитъ,
Только жадно впитываетъ свѣтъ,
Только нѣгой молодости дышетъ,
Теплотой ласкающей согрѣтъ...

Но кипятъ недремлющія думы,
Но въ груди сомнѣнье и тоска,—
И мнѣ стыдно жребій мой угрюмый
Промѣнять на счастіе цвѣтка...

Жить-ли мнѣ одною мыслью смѣлой
Высоко, какъ царственный орелъ,
Побѣдивъ коснѣющее тѣло
И стихій гнетущій произволъ,

Чтобъ мой духъ въ стремленьи горделивомъ,
Отъ всего земного отрѣшенъ,
Охвативъ весь міръ однимъ порывомъ,
Просіялъ, любовью озаренъ?..

Но соблазномъ тайныхъ обольщеній
Призракъ счастья ласково манитъ,
Мнѣ въ объятьяхъ страстныхъ упоеній
Цѣлый рай обманчиво сулитъ...

И усталъ я вѣчно сомнѣваться,
Я разгадки требую съ тоской,
Чтобъ чему-бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой!

Эти думы—не мечты досуга,
Не созданье юношескихъ грезъ;
Это боль тяжелаго недуга,
Роковой, мучительный вопросъ.

Мнѣ не надо лживыхъ примиреній,
Я отъ грозной правды не бѣгу:
Пусть погибну жертвою сомнѣній,—
Предъ собой ни въ чемъ я не солгу!

Испытавъ весь ужасъ отрицанья,
До конца свободы не отдамъ,
И послѣдній крикъ негодованья
Я, какъ вызовъ, брошу небесамъ!

Декабрь, 1883.

Д. Мережковскій.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ*).

I.

У людей съ громаднымъ умомъ и сильною волею, людей способныхъ къ разносторонней дѣятельности, бываютъ, однако, предметы, которымъ они предаются болѣе чѣмъ другимъ и такъ сказать *показываютъ* къ нимъ пристрастіе. У Петра Великаго было такое пристрастіе къ водѣ. Плавать по водѣ, направлять

---

*) При составленіи настоящей монографіи служили слѣдующіе источники:

1) Записки фельдмаршала Миниха, 1874. 2) Записки леди Рондо. Изд. 1874. 3) Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie, ч. III, IX, XVI. 5) Арх. кн. Воронцова, т. II. 6) Времен. общ. ист. и др. XIX. 7) Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1862—1867. 8) Русск. Арх., изд. Бартеневымъ 1865, 1866, 1868, 1874, 1878, 1883 гг. 9) Сборн. русск. истор. общ. т. III, V, VI, XV, XX. 10) Маркизъ Шетарди, Пекарскаго. 1862. 11) Записки Манштейна о Россіи 1727—1744, изд. 1875. 12) Записки Миниха, сына фельдмаршала. 1817. 13) La Russie il y a cent ans. 1858. 14) Полн. Собр. Зак. томы VII, VIII, IX, X, XI. 15) Отеч. Записки Свиньина 1825 года, примѣчанія на Записки Манштейна. 16) Записки Нащокина 1842 г. 17) Записка кн. Якова Шаховскаго, изд. 1810. 18) XVIII вѣкъ, Бартенева, 4 т. 1868—1869. 19) Историческія бумаги К. К. Арсеньева, изд. Пекарскимъ въ 1872. 20) Галемъ, Жизнь фельдм. Миниха, изд. 1806. 21) Hermanns Geschichte des Russisch. Staats. т. IV, V. 22) Соловьева Истор. Россіи, т. XVIII—XXI. 23) Историч. статьи Хмырова, изд. 1873. 24) Keralio, Histoire de la guerre des Russes et des Imperiaux contre les Turcs en 1736, 1737, 1738, et 1739. Vol. 1—2. Paris 1780. 25) Казнакова, Описаніе Ладожскаго канала, въ Ж. М. Путей Сообщ. 1856. 26) Рукописи государствен. архива: письма императрицы Анны Ивановны, бумаги, реляціи, приказы и письма фельдмаршала Миниха.

воду, такъ чтобъ она приносила человѣку пользу и не причиняла вреда—то были излюбленныя занятія Петра. Водоплаваніе до того занимало его существо, что онъ вздумалъ основывать по срединѣ материка въ Воронежѣ гавань и не глубокодонный Донъ хотѣлъ сдѣлать прямымъ путемъ въ Черное море. Многоводный Петербургъ, его созданіе, былъ его избраннымъ «парадизомъ», куда онъ волею и неволею тянулъ обитателей со всего своего широкаго государства, и никто не смѣлъ ему жаловаться на сырой и нездоровый воздухъ этого парадиза. Устройство доковъ, прорытіе каналовъ, постройка и спускъ на воду суденъ—все это было пріятно сердцу Петра и доставляло ему поводы проявлять праздничныя удовольствія. Понятно, что, при такой любви къ водѣ, государь русскій и на Руси, и за границей искалъ людей, которые бы, подобно ему, любили тѣ же водяныя упражненія и могли быть вѣрными и способными исполнителями его начертаній. И никто въ этомъ отношеніи не былъ великому государю до такой степени подходящимъ человѣкомъ какъ Минихъ, такъ же какъ Петръ, разносторонній, ко всему способный, подвижной, неутомимый и такъ же до страсти лелѣявшій водяное дѣло. Минихъ былъ уроженецъ края, лежащаго при Нѣмецкомъ морѣ. Край этотъ въ приморьѣ, между Везеромъ и Бременскою областію съ востока, епископствомъ мюнстерскимъ и графствомъ Остфрисландскимъ съ запада и брауншвейгскаго курфиршества владѣніями съ юга, съ XII вѣка заключалъ въ себѣ два отдѣльныя графства—Ольденбургское и Дельменгорстское, которыя въ началѣ XIV вѣка соединились въ одно владѣніе, но потомъ не разъ снова раздѣлялись и снова соединялись. Въ половинѣ XV вѣка сынъ графа ольденбургскаго Дитриха Христіанъ былъ избранъ датскимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ судьба этого края тѣсно связывалась съ судьбою Даніи, хотя по временамъ тамъ являлись отдѣльные владѣтели, а съ половины XVII вѣка оба графства прочно вошли въ датскія владѣнія. Вообще, край этотъ, по своему топографическому положенію, былъ чрезвычайно обиленъ водою и подвергался частымъ наводненіямъ, а одна изъ волостей, на которыя раздѣлялся этотъ край, Вюстеляндъ (Die Vogtey Wüsteland), гдѣ родился Минихъ, была совершеннымъ болотомъ; проведеніе каналовъ и устройство плотинъ, шлюзовъ и мостовъ было дѣломъ первой необходимости для обитателей; безъ этого тамъ и жить было невозможно.

Родъ Миниховъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, и члены этого рода изъ поколѣнія въ поколѣніе занимались дѣломъ построенія плотинъ и вообще воднымъ дѣломъ: прадѣдъ и

дѣдъ нашего Миниха были главными плотиностроителями въ своей маленькой вюстеляндской волости, а отецъ его, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ, служилъ въ датской службѣ съ чиномъ подполковника, и потомъ получилъ отъ датскаго короля званіе главнаго надзирателя надъ плотинами и всѣми водяными работами въ графствахъ ольденбургскомъ и дельменгорстскомъ. Онъ получилъ дворянское достоинство, которое утверждено было впослѣдствіи императоромъ Леопольдомъ въ 1702 году. Будучи на датской службѣ въ означенной выше должности, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ проживалъ съ своимъ семействомъ въ своемъ имѣніи въ деревнѣ Нейнгунтторфѣ и тамъ у него, отъ брака съ Софіею-Катериною, урожденною фонъ-Эткенъ, родился 9-го мая 1683 г. второй сынъ, Бурхардъ-Христофъ, герой настоящаго жизнеописанія.

Еще въ нѣжномъ дѣтствѣ и потомъ въ отрочествѣ онъ показывалъ необыкновенныя способности, всему скоро выучивался, все легко перенималъ. Будучи девяти лѣтъ, онъ срисовывалъ чертежи и планы, сопровождалъ родителя въ его поѣздкахъ по служебной обязанности и переписалъ составленную отцомъ его книгу о водяныхъ работахъ въ ольденбургскомъ графствѣ. Мальчикъ для своихъ чертежей не имѣлъ другихъ инструментовъ, кромѣ купленныхъ имъ на сбереженіе, оставшееся отъ путевыхъ издержекъ въ Курляндію, куда онъ провожалъ сестру свою, вышедшую тамъ замужъ. Въ 1699 году Антонъ-Гюнтеръ оставилъ датскую службу и получилъ должность въ сосѣднемъ остфрисландскомъ княжествѣ. Молодой Бурхардъ-Христофъ продолжалъ учиться, пріобрѣлъ основательныя математическія познанія, выучился по-французски. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, отецъ отпустилъ его во Францію, гдѣ молодой человѣкъ вступилъ въ военную службу по инженерной части, но вскорѣ оставилъ ее, услыхавши, что между Франціею и Германіею будетъ война: ему пришлось бы воевать противъ соотечественниковъ и участвовать въ пролитіи нѣмецкой крови. Покинувши Францію, онъ опредѣлился въ Германіи въ гессенъ-дармштадтскій корпусъ, готовившійся воевать съ французами. Въ то время у нѣмецкой молодежи разгорался патріотическій фанатизмъ. Со словъ манифеста, обращеннаго ко всѣмъ вообще нѣмцамъ, они кричали, что французы — наслѣдственные враги нѣмецкаго племени, что они постоянно злословятъ и унижаютъ нѣмецкій народъ; не забытыя еще свирѣпства, допущенныя французами при покореніи Эльзаса, — придавали этой враждѣ оправданіе необходимости возмездія. Такой духъ господствовалъ тогда между всѣми

нѣмцами, исключая баварцевъ, которые одни были тогда союзниками Франціи. Минихъ, получивши чинъ капитана, данный ему потому, что въ немъ замѣтили необыкновенныя по лѣтамъ свѣденія въ военномъ дѣлѣ, участвовалъ въ осадѣ и покореніи города Ландау, гдѣ гессенъ-дармштадтское войско трудилось вмѣстѣ съ баденцами. Но скоро послѣ того гессенъ-дармштадтское войско отступило; отецъ Миниха пригласилъ сына къ себѣ и убѣдилъ его занять должность главнаго инженера въ остфрисландскомъ княжествѣ. Это случилось въ 1702 году, именно въ тотъ годъ, когда Антонъ-Гюнтеръ получилъ отъ императора утвержденіе въ дворянскомъ достоинствѣ, пожалованномъ ему датскимъ королемъ. Молодой Минихъ не долго жилъ у остфрисландскаго князя Эбергарда, служа по инженерной части. Его манила въ Дармштадтъ сердечная любовь. Тамъ приглянулась ему двора гессенъ-дармштадтскаго фрейлина Христина-Лукреція Вицлебенъ, красивая особа двадцати лѣтъ отъ рода. Миниху было двадцать-два года. Это произошло въ 1705 году. Онъ вступилъ въ брачный союзъ съ этой особой, которая стала его подругой въ истинномъ значеніи этого слова, преданною ему до своей кончины и раздѣлявшей съ нимъ всѣ его труды и опасности.

Въ то время гессенъ-кассельскій корпусъ выступилъ на военное поприще противъ Франціи, на англо-голландскомъ жалованьѣ. Минихъ опредѣлился въ этотъ корпусъ и скоро получилъ маіорскій чинъ. Онъ былъ въ походахъ, предпринятыхъ подъ предводительствомъ Евгенія Савойскаго и герцога Марльборо и имѣлъ возможность присмотрѣться къ воинскимъ пріемамъ этихъ величайшихъ своего вѣка полководцевъ. Подъ начальствомъ Евгенія, Минихъ участвовалъ при очищеніи отъ французовъ верхней Италіи, и хотя гессенцы потерпѣли-было пораженіе при Кастильоне, но скоро Евгеній поправилъ дѣло, поразивши французовъ при Туринѣ, и предпринялъ вторженіе въ Провансъ, окончившееся единственно покореніемъ Сувы. Но потомъ, когда французы совсѣмъ оставили Италію, Евгеній перенесъ оружіе въ Нидерланды, гдѣ воевалъ уже Марльборо, и гессенъ-кассельскій корпусъ направился туда же; въ немъ продолжалъ служить Минихъ. Въ 1708 году онъ находился въ битвѣ при Уденарѣ: то была первая генеральная битва, въ которой пришлось быть нашему герою; онъ находился также при долговременной осадѣ и взятіи Лилля, при взятіи Брюгге и Гента. Послѣ того открылись мирные переговоры, и гессенъ-кассельскій корпусъ отступилъ на зимовку въ Германію. Слѣдовавшая затѣмъ зима была необыкновенно суровая и жестокая: это—та зима, которая у насъ

въ Малороссіи истребила значительную часть шведскихъ силъ, заведенныхъ туда Карломъ XII. Мирныя попытки не имѣли успѣха, и съ весны 1709 года опять начались военныя дѣйствія между нѣмцами и французами. Минихъ съ гессенъ-кассельцами участвовалъ во взятіи Турнэ и въ битвѣ при Мальплакэ, кровопролитнѣйшей изъ всѣхъ битвъ въ XVIII вѣкѣ (31 августа, или 11 сентября н. с., 1709 г.). Въ слѣдующихъ годахъ 1710 и 1711, нѣмецкія войска почти не принимали участія въ войнѣ, а въ 1712, когда уже въ Утрехтѣ происходили переговоры между враждовавшими сторонами и все въ Европѣ клонилось къ миру, служившій подъ знаменами принца Евгенія голландецъ генералъ Абермерль получилъ приказаніе отъ своего главнаго командира охранять устроенные для войска магазины съ запасами. Но Англія вела переговоры съ Франціею о мирѣ, и вслѣдствіе этого англійскія войска внезапно отступили отъ Евгенія; отброшенный Евгеній не могъ подать помощь отряду, охранявшему магазины; Абермерль былъ взятъ въ плѣнъ со множествомъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Въ этотъ день и служившій въ гессенъ-кассельскомъ войскѣ подполковникъ Минихъ былъ проколотъ въ нижнюю часть живота, лишился чувствъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Съ нимъ обращались очень человѣколюбиво и внимательно, перевязали ему рану, ухаживали за нимъ, и когда онъ сталъ подниматься съ постели, отправили въ качествѣ военно-плѣннаго куда-то во Францію (въ Парижъ или въ Камбре?). Тамъ продолжали ему оказывать врачебное пособіе, а между тѣмъ, онъ познакомился съ знаменитымъ архіепископомъ Фенелономъ. О бесѣдахъ съ этимъ человѣкомъ Минихъ любилъ вспоминать уже въ старости какъ о пріятнѣйшихъ минутахъ въ жизни, проведенныхъ въ сообществѣ съ такимъ свѣтлымъ умомъ [1]).

Минихъ оправился и получилъ свободу. Война за испанское наслѣдство прекратилась. Минихъ прибылъ въ Кассель, получилъ чинъ полковника и, находясь еще два года въ гессенъ-

---

[1]) Между прочимъ, оставались долго у Миниха воспоминанія о томъ, какъ Фенелонъ, по случаю какого-то богородичнаго праздника, говорилъ въ церкви, что не слѣдуетъ Богоматери воздавать почести какъ божеству и посредницѣ между Богомъ и людьми: за такія слова, по замѣчанію Миниха, проповѣдникъ въ сосѣднемъ краѣ въ австрійскихъ Нидерландахъ подвергся бы обвиненію въ ереси и посрамленію. По поводу ранней смерти наслѣдника французскаго престола, герцога Бургонскаго (родителя Людовика XV), Фенелонъ выразился, что вѣрно Богъ не жалуетъ Францію, когда отнимаетъ у нея принца, который былъ бы хорошимъ королемъ.

кассельской службѣ, занимался своимъ любимымъ съ дѣтства водянымъ дѣломъ—онъ наблюдалъ за устройствомъ канала и шлюзъ въ Карльсгавенѣ. Но его чрезвычайно живой нравъ и потребность сильныхъ ощущеній увлекали туда, гдѣ могла открыться ему военная дѣятельность. Западъ Европы умиротворился, но на востокѣ еще не кончилась великая сѣверная война. Въ 1716 году Минихъ поступилъ въ службу курфирста саксонскаго и короля польскаго Августа. Онъ устроилъ польскую коронную гвардію, произведенъ былъ въ чинъ генералъ-маіора и получалъ четырнадцать тысячъ рейхсталеровъ годового жалованья. Ему было тамъ не дурно. Но онъ не поладилъ съ нѣкоторыми особами и, главное, не ужился съ гр. Флеммингомъ, любимцемъ короля Августа. Уже прежде многіе генералы чрезъ этого человѣка оставляли польскую службу. И Миниху пришлось то же испытать. Минихъ съ 1719 г. сталъ себѣ выискивать иного отечества. Онъ колебался, къ кому ему пристать изъ двухъ соперниковъ: къ Карлу XII или къ Петру I. Но Карлъ положилъ свою буйную голову подъ Фридрихсгамомъ, и Минихъ остановился на Петрѣ. Онъ познакомился съ его посланникомъ въ Варшавѣ, княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, передалъ ему для сообщенія царю свое сочиненіе о фортификаціи. Этимъ путемъ Петру сталъ извѣстенъ Минихъ, и въ слѣдующемъ 1720 году кн. Григорій Долгорукій предложилъ Миниху ѣхать въ Россію и тамъ служить въ должности генералъ-инженера, обѣщая немедленное повышеніе въ чинъ генералъ-поручика. Минихъ, какъ видно, уважалъ Петра и очень хотѣлось ему попасть въ службу къ такому государю, о преобразовательныхъ подвигахъ котораго трубили тогда въ Европѣ. Минихъ согласился тотчасъ и не сдѣлалъ даже съ россійскимъ посломъ никакихъ письменныхъ условій: впослѣдствіи, поближе увидѣвши Россію, онъ счелъ умѣстнымъ ограничить свою излишнюю довѣрчивость. Минихъ не открылъ королю Августу своего намѣренія поступить въ русскую службу, а сказалъ, будто ѣдетъ къ старому отцу на свою родину. Выѣхавши изъ Варшавы, онъ чрезъ Кенигсбергъ и Ригу проѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ февралѣ 1721 года.

Съ этого времени Минихъ сталъ всецѣло принадлежать Россіи, и его имя вступило въ рядъ именъ знаменитыхъ дѣятелей въ русской исторіи. Ему было 37 лѣтъ роду. Онъ былъ высокъ ростомъ, чрезвычайно статно сложенъ, красивъ лицомъ; его высокій открытый лобъ и быстрые проницательные глаза съ перваго раза выказывали то величіе духа, которое заставляетъ любить, уважать и во всемъ повиноваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по-

казался очень моложавъ по своимъ лѣтамъ. Многіе въ русской службѣ, отличавшіеся въ войнѣ противъ шведовъ, были старѣе новаго пришельца лѣтами и временемъ службы и оставались въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. Особенное предпочтеніе новопоступившаго было бы для нихъ оскорбительно. Притомъ, Петру самому хотѣлось испытать новичка. Царь приказалъ ему сопровождать его въ разныхъ поѣздкахъ, показалъ ему самъ адмиралтейскую верфь въ Петербургѣ, съѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Кронштадтъ, потомъ въ Ригу, обозрѣвалъ разныя укрѣпленія и со вниманіемъ слушалъ замѣчанія Миниха, дѣлалъ при его глазахъ смотръ войскамъ, и также по этому поводу выслушивалъ его рѣчи, между тѣмъ, въ чинъ его не производилъ, какъ надѣялся Минихъ, получивши обѣщаніе отъ кн. Долгорукаго. Неожиданный случай порѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Миниха. Царь съ кружкомъ приближенныхъ находился въ Ригѣ. Минихъ съ ними былъ также. Вдругъ ударъ молніи зажегъ колокольню церкви св. Петра. Государь хотѣлъ исправить разрушенное и возобновить въ прежнемъ видѣ, и потребовалъ отъ рижскаго магистрата рисунокъ бывшаго зданія. Но въ магистратѣ рисунка не сохранилось. На счастье Миниха, онъ въ отведенномъ ему помѣщеніи прямо противъ церкви св. Петра, сидя у окна, отъ нечего дѣлать срисовалъ для себя колокольню. Объ этомъ зналъ нѣкто баронъ Вальдекеръ, командиръ ордена Іоаннитовъ, выдававшій себя за посланника трирскаго курфирста, а на самомъ дѣлѣ бывшій агентомъ претендента на англійскій престолъ, Стюарта, и пріѣзжавшій въ Россію провѣдать: нельзя ли расположить къ претенденту царя Петра? Когда въ магистратѣ не оказалось рисунка колокольни, Вальдекеръ сказалъ Ягужинскому, что такой рисунокъ есть у Миниха. Ягужинскій вытребовалъ его у Миниха и представилъ царю, а царь, вспомнивъ о томъ, что Миниху обѣщано повышеніе въ чинѣ, приказалъ выдать ему патентъ на чинъ генералъ-лейтенанта. Но патентъ былъ подписанъ годомъ впередъ—22 мая 1721 года, и Миниху все-таки пришлось прослужить еще цѣлый годъ въ чинѣ генералъ-маіора. Минихъ долженъ былъ принять съ благодарностью эту царскую милость. Но тутъ Минихъ сообразилъ, что если кн. Долгорукій обѣщалъ ему повышеніе чиномъ немедленно, а оно не послѣдовало такъ скоро, какъ можно было надѣяться, то, значитъ, нельзя довѣрять русскому правительству безусловно. Теперь только онъ представилъ кондиціи, на которыхъ онъ обязывался служить Россіи въ теченіе пяти или шести лѣтъ—наблюдать надъ гидравлическими ра-

ботами, но только на балтійскомъ побережьѣ, съ тѣмъ, чтобы ему выдавалось по его востребованію все необходимое.

Но тамъ же въ Ригѣ получилъ Минихъ печальное извѣстіе о кончинѣ своихъ обоихъ родителей, одного за другимъ, и для устройства своихъ дѣлъ отпросился въ Ольденбургъ. Онъ посѣтилъ свою родину, и то было послѣдній разъ въ его жизни, хотя его постояннымъ желаніемъ было подъ старость воротиться туда. Его старшій братъ, главный смотритель водяного дѣла, назначенный датскимъ королемъ, оспаривалъ отцовское завѣщаніе, которымъ оставлялось все отцовское имѣніе не ему, а второму сыну. Христофъ Минихъ уладилъ споръ съ братомъ, примирился съ нимъ и воротился въ Россію.

Заботясь о Петербургѣ, своемъ любимѣйшемъ произведеніи, Петръ безпокоился о томъ, что водяное сообщеніе новопостроеннаго города со внутренними странами Россіи затрудняется порогами на рѣкѣ Тоснѣ при ея впаденія въ Неву. Царь хотѣлъ устроить шлюзу, провести обводный каналъ и проложить дорогу по берегу Невы отъ Шлиссельбурга до Петербурга. Все это исполнилъ Минихъ. Петръ поручилъ ему начертать планъ рогервикской гавани, которую царь намѣревался строить. Минихъ представилъ его царю.

Въ 1723 году Миниха ожидала другая болѣе важная и сложная гидравлическая работа. Еще съ 1710 года начатъ былъ ладожскій каналъ съ цѣлью дать возможность плавающимъ судамъ избѣжать Ладожскаго озера, чрезвычайно безпокойнаго и бурнаго въ осеннее время, гдѣ каждый годъ пропадало множество судовъ. Работы шли подъ надворомъ генералъ-маіора Писарева и шли чрезвычайно медленно. Когда въ 1723 году Петръ возвращался изъ персидскаго похода и остановился въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что Ладожскаго канала сдѣлано было за такое продолжительное время едва только на двѣнадцать верстъ. Петръ находилъ, что нужно поручить надзоръ за канальными работами другому лицу. Генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ указалъ царю на Миниха. Царь видѣлся съ Минихомъ, слушалъ его соображенія и поручилъ посѣтить каналъ и удостовѣриться, точно ли вода въ Ладожскомъ озерѣ то возвышается, то понижается и нужно ли, сообразно съ этими измѣненіями уровня воды въ озерѣ, проводить каналъ? Минихъ совершилъ эту поѣздку. Жители береговъ Ладожскаго озера увѣрали, будто вода въ озерѣ въ теченіе семи лѣтъ возвышается на семь футовъ, а въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ на столько же опускается; но Минихъ, опытный и свѣдущій въ за-

конахъ гидравлики, нашелъ, что въ такой степени различіе въ повышеніи и пониженіи уровня воды невозможно, и хотя оно собственно и существуетъ, но не достигаетъ болѣе трехъ футовъ. По возвращеніи Миниха изъ поѣздки, между инженерами возникло разногласіе по вопросу о направленіи, какое слѣдуетъ избрать для канала, и царь Петръ назначилъ коммиссію изъ свѣдущихъ людей, которая должна была разсмотрѣть и рѣшить этотъ вопросъ. Генералъ-маіоръ Писаревъ, завѣдывавшій до того времени канальною работою, былъ въ числѣ членовъ этой коммиссіи. Онъ доказывалъ, что прорытыя двѣнадцать верстъ слѣдуетъ оставить въ ихъ настоящемъ видѣ, а остальныя 92 версты (протяженіе всего канала должно было составлять 104 версты) —рыть каналъ, для сокращенія издержекъ, возвысивши двумя аршинами надъ обычною водою и только однимъ аршиномъ глубже воды въ озерѣ, заключивъ эти 92 версты между двумя шлюзами, чтобы воду поднять выше уровня. Большинство членовъ коммиссіи одобрили мнѣніе Писарева, потому единственно, что Писареву покровительствовалъ всесильный Меншиковъ. Только инженеръ Ленъ предлагалъ нѣкоторое измѣненіе. Минихъ опровергалъ обоихъ и доказывалъ, что маленькія рѣчки, на которыя полагали надежды, что онѣ будутъ наполнять каналъ своею водою, до того мелководны, что каналъ въ теченіе лѣта можетъ оставаться безводнымъ. Петръ, слыша такое разнорѣчіе, передалъ дѣло на обсужденіе сената, но сенаторы, кромѣ того, что мало смыслили въ гидравликѣ, смотрѣли главнымъ дѣломъ на то, какъ бы угодить Меншикову. Меншиковъ же не полюбилъ Миниха и говорилъ: быть можетъ, Минихъ генералъ хорошій, но въ канальномъ дѣлѣ немного смыслитъ. Князь Григорій Долгорукій, тотъ самый, который пригласилъ Миниха въ Россію изъ Варшавы, теперь сообщилъ Миниху, что Писаревъ оговариваетъ его передъ царемъ, будто онъ, Минихъ, хочетъ царя обмануть и провести. Минихъ, человѣкъ самолюбивый и горячій, сказалъ: «Если каналъ поведется такъ, какъ хочетъ Писаревъ, то онъ никогда не будетъ оконченъ. Пусть государь посмотритъ собственными глазами и тогда скажетъ, что Минихъ правъ». Объ этомъ передали государю, и Петръ пожелалъ вмѣстѣ съ Минихомъ и другими обозрѣть каналъ. Осенью 1723 года Петръ отправился въ путь. Пришлось пробираться верхомъ по болотистому бездорожью. Лошади съ трудомъ ступали по топкой почвѣ. Минихъ, слѣдуя за царемъ, показывалъ ему, что невозможно по болоту вести каналъ отъ семи до девяти футовъ выше обычнаго уровня воды. «Я вижу, что вы достойный чело-

вѣкъ!»—сказалъ ему Петръ по-голландски. Вечеромъ доѣхали до деревни Черной. По причинѣ обилія таракановъ въ избахъ, царь не рѣшился ночевать въ людскомъ жильѣ и приказалъ раскинуть для себя шатеръ, гдѣ провелъ ночь при большомъ осеннемъ холодѣ. Тутъ Писаревъ употребилъ всѣ усилія, какъ бы не допустить государя ѣхать далѣе, чтобъ государь не увидалъ его дурной работы при деревнѣ Дубнѣ. Сторону Писарева держалъ царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ: онъ представлялъ царю, что дальнѣйшая ѣзда повредитъ его здоровью. Блюментростъ обратился и къ Миниху и говорилъ ему: — Вы отваживаетесь на опасное дѣло. Вы тащите государя въ путь, когда онъ слабъ, а путь этотъ совершать можно только верхомъ и то съ большимъ трудомъ. Ну, если онъ найдетъ не такъ, какъ вы ему докладывали, то для васъ произойдетъ большое огорченіе! «Пойдемте вмѣстѣ со мною къ государю!» —сказалъ Минихъ. Царь тогда одѣвался. «Благодареніе Богу,—сказалъ царю Минихъ,—что ваше величество приняли на себя трудъ лично обозрѣть этотъ каналъ! Ваше величество еще ничего не видали. Извольте проѣхать до Дубны, чтобъ дать сообразное повелѣніе о продолженіи канала». «Для чего это?»—спросилъ Петръ. —Минихъ отвѣчалъ: «Вся начатая работа на двѣнадцать верстъ до Бѣлозерка должна измѣниться! Это потребуетъ много денежныхъ издержекъ, и если ваше величество того не увидите сами, то партія Писарева будетъ увѣрять, что перемѣны сдѣланы напрасно, деньги потрачены, и тотъ, кто будетъ завѣдывать работами—пропадетъ». Петръ былъ очень утомленъ, однако велѣлъ подать себѣ лошадь и произнесъ: «Ѣдемъ до Дубны». Еще не достигши Дубны, царь обозрѣлъ часть работъ Писарева на пятнадцать верстъ. Онѣ ему очень не понравились. Петръ соскочилъ съ лошади, легъ животомъ на землю и показывалъ рукою Писареву, что берегъ канала идетъ не по одной линіи, что дно его не вездѣ равной глубины, что безъ всякой нужды сдѣланы кривизны, что не построено плотины и такъ далѣе. «Григорій, —сказалъ ему царь,— есть два рода ошибокъ: однѣ происходятъ отъ незнанія, другія оттого, что не слѣдуютъ собственному зрѣнію и прочимъ чувствамъ. Послѣднія непростительны». Писаревъ вздумалъ-было оправдывать себя и сталъ доказывать, что почва холмистая. Но Петръ всталъ на ноги, оглядѣлъ кругомъ себя и спросилъ: «Гдѣ же холмы?—Ты, я вижу, настоящій негодяй!» Всѣ тогда думали, что Петръ отколотитъ Писарева дубинкою, и самъ Писаревъ былъ бы доволенъ, еслибъ

такъ случилось, потому что тогда могъ бы онъ скорѣе получить себѣ прощеніе. Но царь сдержалъ себя.

Это была полная побѣда Миниха надъ своими противниками; царь поручилъ ему строеніе канала. За то Минихъ съ тѣхъ поръ нажилъ себѣ врага въ Меншиковѣ.

Черезъ годъ, осенью 1724 года, Петръ, по данному заранѣе обѣщанію, прибылъ на каналъ осмотрѣть работы Миниха. Сошедшись съ Минихомъ, онъ приказалъ спустить воду и собственноручно, взявши заступъ, сталъ прокапывать плотину, ее удерживавшую. Вода ринулась въ каналъ съ быстротою. Вблизи стоялъ маленькій ботикъ. Петръ вошелъ въ него и приказалъ Миниху садиться. Ботикъ понесло по теченію канала, прорытаго Минихомъ, по одному извѣстію (Büschings Magaz. III, 402) на четыре версты, а по другому (Записки Миниха-сына, изд. 1817) на десять или двѣнадцать. Петръ, всегда и вездѣ до страсти любившій плавать, пришелъ въ восторгъ, безпрестанно скидалъ съ головы шляпу, махалъ ею и кричалъ: «ура! ура!» Совершивши пробное плаваніе, Петръ обнялъ и расцѣловалъ Миниха. «Этотъ каналъ,—произнесъ царь,—будетъ имѣть важное значеніе. Онъ будетъ доставлять средства пропитанія Петербургу, Кронштадту, а равно и строительные матеріалы, и окажетъ содѣйствіе торговлѣ Россіи съ остальною Европою». Возвращаясь въ Петербургъ, царь приказалъ ѣхать туда же и Миниху. Прибывши въ Петербургъ, Петръ сказалъ Екатеринѣ: «труды моего Миниха радуютъ меня и подкрѣпляютъ мое здоровье. Недалеко то время, когда мы съ нимъ сядемъ въ шлюпку въ Петербургѣ и выйдемъ на берегъ въ Москвѣ, въ Головинскомъ саду». На другой день Петръ вмѣстѣ съ Минихомъ явился въ сенатѣ и предъ всѣми сенаторами произнесъ: «я нашелъ человѣка, который мнѣ окончитъ ладожскій каналъ. Еще въ службѣ у меня не было такого иностранца, который бы такъ умѣлъ приводить въ исполненіе великіе планы, какъ Минихъ! Вы должны все дѣлать по его желанію!» Послѣ ухода царя Ягужинскій сказалъ Миниху: «генералъ! мы будемъ ожидать вашихъ приказаній». Петръ тогда поручилъ Миниху дирекцію надъ постройкою канала. Сначала работало надъ нимъ шестнадцать тысячъ человѣкъ, теперь Петръ назначилъ двадцать-пять тысячъ. Царь далъ Миниху обѣщаніе, по выходѣ въ отставку стараго Якова Васильевича Брюса, дать Миниху должность генералъ-фельдцейгмейстера и директора надъ всѣми казенными и частными постройками. Петръ не дожилъ до окончанія Минихомъ Ладожскаго канала.

Настало новое царствованіе. Минихъ понялъ, что онъ попалъ въ такую страну, гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, и постарался обезпечить себя новыми кондиціями. Онъ представилъ для утвержденія императрицею проектъ, которымъ обрекалъ себя на службу Россіи еще на десять лѣтъ, послѣ которыхъ оставлялъ за собою право уѣхать. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ онъ могъ воспитывать дѣтей своихъ за границею. Минихъ просилъ себѣ обѣщаннаго Петромъ чина фельдцейгмейстера съ тѣми выгодами, которыми пользовался его предшественникъ Брюсъ. Онъ просилъ себѣ въ даръ нѣсколько предметовъ недвижимой собственности: островокъ на Невѣ близъ Шлиссельбурга, деревню Ледневу, лежащую посреди устроеннаго имъ канала, старый дворецъ въ Ладогѣ и домъ въ Петербургѣ. На случай войны съ Даніей и Англіею Россія должна была гарантировать его имущества, находящіяся во владѣніи этихъ державъ, или вмѣсто тѣхъ имуществъ отвести ему соотвѣтствующія помѣстья въ Россіи. Ему отданы въ диспозицію всѣ таможенные и кабацкіе сборы на Ладожскомъ каналѣ.

Екатерина не успѣла утвердить договора съ Минихомъ. Онъ утвержденъ былъ при ея преемникѣ Петрѣ II, но и то не вполнѣ, потому что Минихъ получилъ званіе главнаго директора надъ фортификаціями, а не чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, котораго онъ желалъ, опираясь на обѣщаніе, данное Петромъ Великимъ. Паденіе Меншикова, не любившаго Миниха, проложило послѣднему дальнѣйшій путь къ возвышенію. Съ Долгорукими, замѣнившими во вліяніи надъ царемъ Меншикова, Минихъ скорѣе сошелся, чѣмъ съ Меншиковымъ. Когда въ январѣ 1728 года Петра увезли въ Москву, Миниха оставили въ Петербургѣ и поручили ему управленіе Ингерманландіею, Кареліею и Финляндіею съ главною командою надъ войсками, тамъ расположенными, а 25 февраля того же года въ день коронаціи государя пожаловали ему графское достоинство. Одно вниманіе къ нему верховной власти слѣдовало за другимъ. Въ этомъ же году оконченъ былъ совершенно Ладожскій каналъ и по немъ открылось судоходство: по этому поводу верховный тайный совѣтъ прислалъ ему благодарный адресъ за совершеніе такого важнаго предпріятія. Значеніе Миниха въ государствѣ увеличилось съ дарованіемъ ему должности генералъ-губернатора въ Петербургѣ. Это произошло оттого, что въ качествѣ главнаго командира надъ войсками онъ имѣлъ право производства въ чины и переводовъ лицъ, служившихъ подъ его командою, а изъ такихъ лицъ было много, находившихся въ родственныхъ и покровительственныхъ

связяхъ съ представителями знатныхъ родовъ, и послѣдніе, ходатайствуя за своихъ кліентовъ, обращались къ Миниху съ просьбами. Въ числѣ высокихъ особъ, нуждавшихся тогда въ Минихѣ, была цесаревна Елисавета, ходатайствовавшая о какомъ-то подпоручикѣ.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ, совершенныхъ Минихомъ въ это время, былъ проектъ учрежденія инженернаго корпуса и минерной роты (саперовъ) и заведенія спеціальной школы для приготовленія свѣдущихъ офицеровъ по этой части (указъ іюня 3, 1728 г. П. С. З. VIII, 5278 ст.). Въ слѣдующемъ, 1729 году, по кончинѣ генералъ фельдцейгмейстера Гинтера[1]), Минихъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ и артиллеріи.

Осенью 1728 года Минихъ вторично вступилъ въ бракъ. Первой жены его не стало въ живыхъ еще въ 1727 году. Новая супруга Миниха называлась Варвара-Елеонора, она была вдова оберъ-гофмаршала Салтыкова, урожденная баронесса Мальцанъ, природная нѣмка. На счастье Миниху и вторая подруга жизни, какъ и первая, оказалась добродѣтельною женщиною, искренно была предана ему и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляла всѣ коловратности судьбы, его постигавшія.

Наступило новое царствованіе—Анны Ивановны. Минихъ, благоразумный человѣкъ и при томъ сознававшій, что онъ въ Россіи—иностранецъ, не вмѣшивался въ политическія затѣи верховниковъ, пытавшихся ограничить самодержавную власть, и не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Когда Анна объявила себя самодержицею, Минихъ сблизился съ Остерманомъ и тотъ представилъ его новой государынѣ и ея любимцу Бирону. Обоимъ онъ понравился и съ новымъ царствованіемъ сталъ пріобрѣ-

---

[1]) Покойный Хмыровъ, самъ будучи артиллеристомъ и знакомый съ подробностями артиллерійскаго искусства, сильно порицаетъ Миниxово управленіе артиллерійскою частію, говоритъ, что Минихъ взялся за то, къ чему не былъ подготовленъ и, между прочимъ, выставляетъ на видъ, что въ царствованіе Петра II, его артиллерійская наука служила только на устройство потѣшныхъ огней, на утѣху государя, еще не вышедшаго изъ ребячества. Конечно, спеціалистъ можетъ легко найти всякія погрѣшности и недостатки въ управленіи артиллеріею Минихомъ, но историкъ не можетъ останавливаться на этомъ, а долженъ имѣть въ виду конечные результаты. Такія событія, какъ взятіе Гданска, покореніе Очакова, Ставучанская побѣда, гдѣ успѣхъ зависѣлъ въ значительной степени отъ миниховой артиллеріи, достаточно побуждаютъ не принимать во вниманіе мелкія замѣчанія спеціалистовъ. Это почти то же, что случилось въ близкое къ намъ время. Очень многія почтенныя и свѣдущія въ военномъ дѣлѣ лица порицали реформу, произведенную въ управленіе военнымъ министерствомъ Милютина, но лучшимъ отвѣтомъ имъ всѣмъ можетъ служить послѣдняя турецкая война, гдѣ такъ блистательно показало себя войско.

тать болѣе значенія. Онъ получилъ давно желанный чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, а по смерти стараго князя Трубецкого должность президента военной коллегіи, въ которой до того времени онъ былъ вицепрезидентомъ. Пребывая постоянно въ Петербургѣ въ должности мѣстнаго генералъ-губернатора и оставивъ по себѣ память въ лѣтописи Петербурга очищеніемъ рѣки Мьи (Мойка) и устройствомъ нѣсколькихъ мостовъ и каналовъ, Минихъ посѣщалъ императрицу въ Москвѣ, и все болѣе и болѣе сближался съ Остерманомъ и Бирономъ. Остерманъ настроилъ Миниха предложить императрицѣ учредить вмѣсто уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта кабинетъ, высшее правительственное мѣсто, которое служило бы посредствующимъ органомъ между высочайшею особою и правительствующимъ сенатомъ. Первоначально Минихъ предложилъ въ этотъ кабинетъ трехъ сановниковъ—Остермана, Головкина и кн. Черкасскаго, но Анна Ивановна сама пожелала прибавить къ нимъ самого Миниха. Минихъ отговаривался, находя, что онъ, какъ иностранецъ, недостаточно знакомъ съ внутреннею политикою Россіи, но императрица настояла, чтобы Минихъ непремѣнно вступилъ въ число членовъ кабинета по военнымъ и внѣшнимъ дѣламъ. Въ 1731 году Минихъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной съ цѣлію найти и установить мѣры для уничтоженія безпорядковъ въ войскѣ и такъ устроить, чтобъ войско содержалось въ порядкѣ безъ народнаго отягощенія. Въ качествѣ начальника этой коммиссіи Минихъ совершилъ нѣсколько преобразованій въ устройствѣ воинской части въ Россіи; онъ начерталъ новый порядокъ для гвардіи, полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ, образовалъ два новыхъ гвардейскихъ полка: измайловскій и конной гвардіи, завелъ тяжелую конницу, такъ-называемыхъ кирасировъ, измѣнивъ въ кирасировъ три драгунскихъ полка, далъ самостоятельный видъ инженерной части, прежде слитой съ артиллерійскою, и учредилъ Сухопутный кадетскій корпусъ, въ которомъ шляхетскихъ дѣтей русскихъ и лифляндскихъ отъ 13 до 18 лѣтъ обучать слѣдовало ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, верховой ѣздѣ, фехтованію, стрѣльбѣ и всякому воинскому строю. Кромѣ того, принято было во вниманіе, что въ государствѣ нужно не только военное, но и политическое, и гражданское образованіе, и притомъ не всѣ способны къ военной службѣ, и въ этихъ видахъ положено имѣть учителей иностранныхъ языковъ, преподавать исторію, географію, юриспруденцію, танцованіе, музыку и прочія науки, какія сочтутся полезными, смотря по природной способности воспитанниковъ. Сначала число учащихся опредѣ-

лено въ двѣсти, потомъ въ 300 человѣкъ; на помѣщеніе ихъ отдали на Васильевскомъ Островѣ домъ кн. Меншикова, конфискованный послѣ его ссылки, а на содержаніе всего корпуса опредѣлена была сумма, которая увеличивалась при умноженіи числа учащихся. Обращено также вниманіе и на дѣтей военныхъ не дворянскаго званія. При гарнизонныхъ пѣхотныхъ полкахъ учреждались школы, куда собирали для обученія мальчиковъ отъ 7 до 15 лѣтъ, рожденныхъ во время нахожденія отцовъ ихъ на службѣ, но отнюдь не тѣхъ, которые родились уже тогда, какъ родители ихъ были въ отставкѣ. Это постановлялось на томъ принципѣ, что сыновья служилыхъ должны сами быть служилыми. Этою мѣрою думали сократить рекрутскіе наборы въ видахъ облегченія народа. Минихъ, хотя былъ по происхожденію нѣмецъ и до смерти оставался съ привязанностію къ своей національности, но нигдѣ не показывалъ того высокомѣрнаго отношенія къ русскимъ, какимъ отличались служившіе въ Россіи нѣмцы. Петръ Великій для приманки иностранныхъ офицеровъ въ русское воинство установилъ иностранцамъ, служащимъ въ русскомъ войскѣ, производить двойное жалованье противъ природныхъ русскихъ. Такъ и оставалось это правило; Минихъ первый созналъ несправедливость такого различенія и уравнилъ тѣхъ и другихъ въ одинаковой степени. За это онъ пріобрѣлъ навсегда любовь русскихъ. Въ числѣ полезныхъ учрежденій по военной части, указанныхъ Минихомъ въ это время, были заведеніе провіантскихъ магазиновъ для продовольствія войскъ, госпиталей для увѣчныхъ солдатъ; приняты разныя мѣры къ правильному обмундированію и вооруженію войскъ; учреждены генеральные смотры. Устроено было двадцать полковъ украинской ландмилиціи изъ однодворцевъ Бѣлогородскаго и Сѣвскаго разрядовъ, разселивши ихъ и надѣлившии пахатною землею по линіи укрѣпленій, возводимыхъ между Днѣпромъ и Сѣвернымъ Донцомъ и по Сѣверному Донцу до казачьихъ донскихъ городовъ. Подобное населеніе послѣдовало по царицынской линіи. Вмѣсто предполагаемыхъ при Петрѣ Первомъ шести тысячъ поселенцевъ на украинской линіи, теперь назначалось двадцать тысячъ. Наборъ и устроеніе новоучреждаемой украинской линіи возлагалось на генерала Тараканова. На царицынской милиціи по берегамъ Илавли и Медвѣдицы послѣдовало подобное же населеніе изъ казаковъ подъ атаманствомъ Персидскаго.

Минихъ своими совѣтами содѣйствовалъ къ переѣзду двора изъ Москвы въ Петербургъ. Какъ иностранецъ и по здравому разсудку сторонникъ петровской реформы, онъ не былъ распо-

ложенъ къ пребыванію двора въ Москвѣ, гдѣ было ощутительно вліяніе партіи, не разстававшейся съ воспоминаніями старой московской Руси и не терпѣвшей всякой иноземщины. Послѣ того какъ императрица обжилась въ Петербургѣ, Минихъ упросилъ ее обозрѣть доверщенный имъ каналъ и, такъ сказать, освятить его своимъ личнымъ вниманіемъ. Императрица прибыла въ Шлиссельбургъ и оттуда отправилась по всей длинѣ канала въ яхтѣ, которую сопровождали восемьдесятъ судовъ. Такъ доплыли они до рѣки Волхова на протяженіи сто-четырехъ верстъ. Два огромныхъ шлюза на обоихъ концахъ длины канала замыкали каналъ и держали въ немъ воду, которой средняя высота достигала до сажени. По шестнадцати меньшихъ шлювовъ устроено было на сѣверной и на южной сторонѣ канала, шедшаго отъ запада къ востоку. Эти шлюзы служили для того, чтобъ накопившаяся лишняя вода выливалась въ озеро, а маленькія рѣчки: Назія, Шалдиха, Кабона и другія, принося въ каналъ свои воды, въ лѣтнее время не заносили съ собою массъ песка и тины.

Съ Остерманомъ Минихъ, какъ было сказано, вначалѣ очень сблизился, но когда государыня сдѣлала его членомъ кабинета, Остерманъ измѣнился къ нему въ своихъ чувствованіяхъ. Еще болѣе внутренно сталъ ненавидѣть Миниха Биронъ. Государыня, видя въ Минихѣ очень умнаго, разносторонне свѣдущаго человѣка и при томъ преданнаго ея интересамъ, все болѣе и болѣе подчинялась его совѣтамъ и привязывалась къ нему. Биронъ боялся, чтобъ умный Минихъ не оттѣснилъ его отъ высочайшей особы, такъ какъ самъ Биронъ не обладалъ ни большимъ умомъ, ни образованностью, и всечасно чувствовалъ свою собственную малость передъ Минихомъ. Не взлюбили Миниха оберъ-шталмейстеръ Левенвольде и канцлеръ гр. Головкинъ. Оба они чувствовали, что Минихъ ихъ даровитѣе и умнѣе; оба возбуждали, вмѣстѣ съ Остерманомъ, противъ Миниха любимца императрицы. Биронъ и Левенвольде устроили за поведеніемъ Миниха надзоръ, приставили фискаловъ, которые должны были вывѣдывать его намѣренія или побудить на какой-нибудь шагъ, который могъ бы ему повредить въ милости императрицы. Но Минихъ былъ не таковъ, чтобъ его можно было такими мѣрами подвести. Минихъ жилъ во дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы. Биронъ задумалъ вытѣснить его оттуда, чтобы по крайней мѣрѣ такая близость помѣщенія не возбуждала въ немъ опасенія, что онъ можетъ легко замѣнить для Анны Ивановны его, Бирона. Воспользовавшись чрезвычайною любовію къ себѣ императрицы, онъ представилъ ей, что надобно очистить помѣщеніе во дворцѣ для

племянницы императрицы, прибывшей въ Петербургъ; а на нее императрица смотрѣла какъ на свою преемницу. Миниху объявили, что ради этой причины, онъ долженъ перебраться за Неву. Минихъ повиновался тѣмъ болѣе, что тутъ была благовидная причина; за Невою, на Васильевскомъ Островѣ находился кадетскій корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Минихъ. Биронъ такъ безцеремонно распоряжался, что не оставилъ фельдмаршалу даже времени перевезти свою мебель. Но соперники Миниха этимъ не довольствовались. Они искали повода удалить его вовсе изъ столицы. Случай къ тому представился.

Король польскій Августъ, долговременный союзникъ Россіи, скончался 11 февраля 1733 года. Въ Польшѣ возникло двѣ партіи: одна хотѣла избрать въ преемники Августу сына его, курфирста саксонскаго, другая—Станислава Лещинскаго, уже нѣкогда избраннаго въ санъ короля по настоянію шведскаго короля Карла XII. Дворы россійскій и вѣнскій благопріятствовали курфирсту саксонскому, потому что онъ обѣщалъ, сдѣлавшись королемъ, утвердить прагматическую санкцію, актъ, по которому императоръ римскій Карлъ VI передавалъ свои наслѣдственныя владѣнія дочери своей Маріи-Терезіи, а россійскому двору—не препятствовать проведенію въ достоинство герцога курляндскаго любимца императрицы Анны Ивановны, Бирона. Франція, напротивъ, поддерживала Станислава Лещинскаго. Фельдмаршалъ Ласси, отправленный съ 20,000 русскаго войска въ Польшу, содѣйствовалъ избранію курфирста саксонскаго подъ именемъ Августа III и преслѣдовалъ партію Станислава Лещинскаго, который засѣлъ въ городѣ Гданскѣ. 22 февр. 1732 г. Ласси съ 12,000 войска осадилъ Гданскъ. Но у осажденныхъ было силы болѣе и война шла нерѣшительно, ограничиваясь стычками между осажденными, дѣлавшими вылазки, и казаками. Тогда Биронъ, съ цѣлію сбыть съ глазъ императрицы Миниха, убѣдилъ ее отправить въ Польшу Миниха съ войскомъ противъ Лещинскаго. Миниху самому не было противно такое порученіе, такъ какъ онъ съ юности любилъ военное дѣло, а придворныя интриги не могли удовлетворять его.

Минихъ прибылъ къ Гданску 7 марта 1734 года и принялъ главную команду надъ остававшимся тамъ россійскимъ войскомъ, вытребовавъ себѣ еще нѣсколько свѣжихъ силъ.

Сначала Минихъ послалъ къ обитателямъ Гданска грозный манифестъ, требовалъ покорности королю Августу Третьему и выдачи Станислава Лещинскаго, въ случаѣ отказа угрожалъ разорить городъ до основанія и покарать грѣхи отцовъ на чадахъ

чадъ ихъ. На такое заявленіе не послѣдовало покорности. Но Минихъ принужденъ былъ отказаться отъ покушеній приводить въ исполненіе свои угрозы: у него недоставало осадной артиллеріи. Но вотъ изъ Саксоніи прибыли мортиры, провезенныя черезъ прусскія владѣнія въ телѣгахъ подъ видомъ экипажей герцога вейсенфельскаго, а изъ Польши пришла прочая, русская артиллерія: тогда началось метаніе бомбъ въ городъ. Осада Гданска продолжалась 135 дней. Поляки партіи Лещинскаго пытались извнѣ подавать помощь осажденнымъ нападеніями на русскихъ, но были разбиваемы русскими отрядами. Осажденные надѣялись на прибытіе французской флотиліи, которая, какъ надѣялись, привезетъ имъ свѣжихъ силъ. Но французскіе корабли привезли и высадили къ нимъ на берегъ только 2,400 человѣкъ. Затѣмъ къ Миниху пришла на помощь саксонская военная сила, а 12 іюня русская флотилія въ числѣ 29 судовъ вошла въ Гданскій рейдъ и привезла Миниху еще орудій. Бомбардировка усилилась. 19 іюня Минихъ потребовалъ снова сдачи. Осажденные выпросили три дни на размышленіе. Послѣ многихъ переговоровъ французское войско вышло съ тѣмъ, что ихъ отвезутъ въ одинъ изъ нейтральныхъ портовъ Балтійскаго моря и отправятъ оттуда во Францію. Они надѣялись, что ихъ отвезутъ въ Копенгагенъ, но ихъ отвезли въ Лифляндію, разставивши тамъ на квартиры, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправили во Францію.

28 іюня гданскій магистратъ выслалъ къ Миниху парламентера. Минихъ требовалъ покорности королю Августу и выдачи Станислава Лещинскаго со главнѣйшими приверженцами. На другой день магистратъ извѣстилъ Миниха, что Станислава невозможно выдать, потому что онъ убѣжалъ, переодѣвшись въ крестьянское платье. Минихъ сильно разсердился, велѣлъ-было опять начать бомбардированіе; наконецъ, 30 іюня принялъ покорность города и дозволилъ находившимся въ городѣ польскимъ панамъ ѣхать куда пожелаютъ, приказавши арестовать только трехъ лицъ: примаса, пана Понятовскаго и француза маркиза де-Монти: ихъ отвезли въ Торунъ. Такъ окончилась эта осада, во время которой русскіе потеряли восемь тысячъ солдатъ и двѣсти офицеровъ. На городъ Гданскъ была наложена контрибуція въ два милліона. Но императрица скинула прочь половину этой суммы.

Минихъ вернулся въ Петербургъ съ торжествомъ. Его недоброжелатели пытались очернить его дѣйствія, распускали подозрѣнія, что Минихъ бралъ съ непріятеля взятки и завѣдомо

далъ возможность Станиславу Лещинскому уйти. Но все это не повредило Миниху.

Вслѣдъ за тѣмъ затѣвалась другая война, куда также пришлось отправляться Миниху, къ удовольствію, какъ его самого, такъ и его враговъ, которые радовались тому, что его можно подъ какимъ бы то ни было предлогомъ удалить изъ столицы. То была война съ Турціею.

Турція вела войну съ Персіею уже нѣсколько лѣтъ. Чтобы поразить персіанъ на сѣверной сторонѣ въ то время, когда персидскія силы направлялись къ югу, крымскіе татары, данники турецкой державы, получили повелѣніе вторгнуться въ Персію, и какъ ближайшій путь лежалъ черезъ русскія владѣнія, то они не затруднились проходить черезъ нихъ, нарушая тѣмъ нейтралитетъ Россіи. Такъ въ 1732 году столкнулись они на берегу рѣки Терека съ русскимъ отрядомъ, находившимся подъ командою генерала принца гессенъ-гомбургскаго. Произошла битва; въ ней легло до тысячи татаръ, до четырехъ-сотъ русскихъ. Россія дипломатическимъ путемъ жаловалась Турціи за нарушеніе нейтралитета и не получила удовлетворенія; напротивъ— Турція снова послала крымскаго хана съ 70,000 войска черезъ русскія владѣнія въ Персію. Турецкая сила на этотъ разъ потерпѣла отъ персіянъ жестокое пораженіе. Тогда бывшій въ Константинополѣ россійскимъ посломъ Неплюевъ заявилъ своему правительству мнѣніе, что теперь настало удобное время отплатить Турціи за унизительный для чести русскаго имени прутскій миръ. При дворѣ оберъ-шталмейстеръ Левенвольде поддерживалъ то же мнѣніе. Остерманъ, всегда разсудительный и осторожный, не совѣтовалъ поддаваться такимъ обольстительнымъ надеждамъ и не отваживаться дразнить Турцію, потому что она еще сильна; по его взгляду достаточно было ограничиться усмиреніемъ татаръ, такъ какъ это не поведетъ къ разрыву съ Турціею: падишахъ недоволенъ самовольствомъ своего данника, крымскаго хана, но не можетъ удержать его въ повиновеніи. Фельдмаршалъ Минихъ, впослѣдствіи горячій сторонникъ войны съ Турціею, на этотъ разъ примыкалъ къ Остерману. Онъ желалъ войны, но такой, которая бы началась не отъ прямого вызова Россіею. Пробывши, послѣ гданскаго дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Минихъ долженъ былъ отправиться къ войску, оставленному въ Польшѣ, такъ какъ въ Польшѣ оставалось еще много противниковъ короля Августа III. Дѣла съ Турціею, между тѣмъ, стали обостряться. Персидскій шахъ Кули-ханъ соглашался было уже примириться съ Турціею, но русскій посланникъ въ

Персіи, князь Сергѣй Голицынъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ не допустить до такого примиренія—и успѣлъ: персидскій шахъ сталъ по отношенія къ Россіи обязанъ благодарностью, потому что Россія тогда уступила Персіи пріобрѣтенія Петра Перваго—Баку, Дербентъ и даже крѣпость св. Креста. Подъ вліяніемъ Россіи персидскій шахъ опять возобновилъ войну съ Турціею. Тогда и петербургскій дворъ, заручившись союзомъ съ Персіею, открыто рѣшился на войну, но не прямо съ Турціею, а съ татарами, подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе безпрестанно чинятъ набѣги и въ послѣднее время два раза нарушали нейтралитетъ Россіи проходомъ своего войска черезъ русскія области. Начать непріязненныя дѣйствія противъ татаръ долженъ былъ Вейсбахъ, кіевскій генералъ-губернаторъ. Но онъ въ то самое время умеръ. Преемникъ его, генер.-лейтенантъ Леонтьевъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ Митаву къ Аннѣ Ивановнѣ депутатомъ отъ генералитета, выступилъ въ походъ, но то было уже въ октябрѣ, въ дурную погоду, и онъ воротился назадъ, потерявши девять тысячъ воиновъ, погибшихъ не отъ непріятельскаго оружія, а отъ болѣзней и лишеній. Въ это время послано Миниху порученіе перейти съ своимъ войскомъ изъ Польши въ Украину и идти съ нимъ въ походъ противъ татаръ.

Поручивъ вести за собою въ Украину армію генералу принцу гессенъ-гомбургскому, Минихъ поѣхалъ въ Павловскъ, на Дону, сдѣлалъ тамъ распоряженія о нагрузкѣ на суда артиллеріи и припасовъ, необходимыхъ для предположенной осады Азова, потомъ прибылъ въ Украину, осмотрѣлъ украинскую линію отъ Днѣпра до Донца, гдѣ нашелъ шестнадцать крѣпостей, каждая съ землянымъ брустверомъ, съ контръ-эскарпомъ, со рвомъ, наполненнымъ водою, а между 19 укрѣпленіями этими возведены были редуты разнаго размѣра. Минихъ объѣхалъ всю эту линію, охранявшуюся, какъ выше было сказано, ландмилиціею изъ поселенныхъ однодворцевъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія о разстановкѣ карауловъ и замѣтилъ, что въ бахмутской провинціи линія остается открытою и на совершенное приведеніе ея въ надлежащее положеніе необходимы работы. Съ этой цѣлью Минихъ потребовалъ 53,263 человѣка рабочихъ. Управлявшій тогда малороссійскимъ краемъ, князь Шаховской, въ отвѣтъ на такое затребованіе, доносилъ правительству, что такого рода работы будутъ крайне разорительны для народа. Минихъ съ своей стороны доносилъ, что, обозрѣвши тогдашнее состояніе Украины, онъ ясно видитъ, что разореніе народа дѣйствительно замѣтно, но оно происходитъ не отъ работъ, а

отъ дурного управленія, во главѣ котораго стоялъ Шаховской; полковниками и сотниками ставятся люди неспособные, вездѣ стараются разбогатѣть на счетъ подчиненныхъ, люди богатые стараются отлынивать отъ службы, и только бѣдныхъ посылаютъ въ походы. Казаки, недовольные несправедливостями своего начальства, убѣгаютъ и пристаютъ къ владѣльцамъ земель, обѣщающимъ поселенцамъ льготные годы, иные же бѣгутъ къ татарамъ, и вмѣстѣ съ ними идутъ воевать противъ Россіи. Отъ этого вообще казачество въ гетманщинѣ умалилось: прежде бывало можно было собрать казаковъ тысячъ сто, а въ послѣднее время, когда объявленъ былъ походъ Леонтьева въ Крымъ, ихъ едва набралось двѣнадцать тысячъ семьсотъ тридцать. Тутъ Минихъ сошелся съ запорожцами, которыхъ онъ нашелъ въ воинскомъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ малороссійскихъ городовыхъ казаковъ, и съ запорожскими старшинами имѣлъ совѣщаніе въ Царичинкѣ. Запорожцы дали ему совѣтъ выступить въ походъ въ степь съ ранней весны, когда еще не совершенно высохнутъ воды отъ тающихъ снѣговъ, а молодая трава еще не будетъ сожжена. Минихъ нашелъ этотъ совѣтъ подходящимъ и въ мартѣ съѣздилъ къ Азову, съ котораго надлежало начинать военныя дѣйствія. Онъ поручилъ вести осаду Азова генералу Левашову, а самъ возвратился къ своему войску въ Украину, снова совѣтовался съ запорожскими старшинами и десятаго апрѣля двинулся въ походъ въ степь. Съ нимъ было 54,000 войска россійскаго и 12,000 казаковъ (5,000 донскихъ, 4,000 украинскихъ и 3,000 запорожцевъ). По извѣстію жизнеописателя Минихова, обозъ, отправлявшійся съ этою военною силою, простирался до девяти тысячъ возовъ, и на каждый полкъ приходилось ихъ двѣсти-пятьдесятъ. Однихъ маркитантовъ было до семи тысячъ. Весь обозъ не пошелъ съ войскомъ, но значительная часть его съ тяжелою артиллеріею поручена была князю Трубецкому, который долженъ былъ доставить боевые и съѣстные припасы въ сопровожденіи оставленной для того части войска, прежде разставленной въ болѣе отдаленномъ краѣ на квартирахъ.

Армія двинулась въ степь пятью колоннами, находившимися подъ командою генераловъ Шпигеля, принца гессенъ-гомбургскаго, Измайлова, Леонтьева и Тараканова. Самъ главнокомандующій Минихъ шелъ въ авангардѣ: запорожцы говорили, что на пути своемъ русское войско найдетъ себѣ кормъ и фуражъ. Минихъ довѣрился имъ и не очень заботился о скорѣйшемъ подвозѣ запасовъ княземъ Трубецкимъ, а этотъ князь такъ мед-

лилъ, что дошелъ тогда уже, когда Минихъ окончилъ свой походъ. Для обезпеченія сообщенія войску съ Украиною Минихъ, на пути чрезъ степь, приказывалъ устраивать редуты на разстояніи пяти и десяти верстъ одинъ отъ другого и оставлять въ каждомъ по десяти солдатъ и по тридцати казаковъ подъ наблюденіемъ оберъ-офицера, а на трехъ большихъ ретраншементахъ отъ 400 до 500 человѣкъ со штабъ-офицеромъ.

Послѣ незначительныхъ стычекъ съ непріятелемъ колонны Шпигеля, армія 28 мая приблизилась къ Перекопу. Перекопскій перешеекъ былъ прокопанъ рвомъ длиною на семь верстъ: ровъ шириною доходилъ до двѣнадцати, а глубиною до семи саженъ. За этимъ рвомъ былъ валъ, высотою до 70 футовъ отъ вершины до дна рва. Шесть каменныхъ башенъ прикрывали всю линію вала; за этимъ валомъ была крѣпость перекопская. Ханъ, какъ сообщали плѣнники, стоялъ недалеко со ста-тысячнымъ войскомъ.

Минихъ началъ съ того, что написалъ хану, извѣщалъ его, что пришелъ съ войскомъ наказать татаръ, производившихъ набѣги на русскія владѣнія, и просилъ хана добровольно впустить въ Перекопскую крѣпость русскій гарнизонъ и признать надъ собою первенство россійской императрицы; иначе—онъ грозилъ опустошить весь Крымъ. Ханъ прислалъ мурзу съ отвѣтомъ въ такомъ смыслѣ: ханъ состоитъ данникомъ турецкаго государя и не хочетъ измѣнять ему; въ Перекопъ не можетъ впускать русскихъ, потому что тамъ помѣщенъ турецкій гарнизонъ не отъ крымскаго хана, а отъ самой Турціи; татары не подавали повода къ войнѣ, а если чинили набѣги, то это дѣлали ногаи, и русскія войска могутъ съ ними расправляться какъ дѣлалось и прежде: эти люди, хотя и состоятъ подъ властію хана, но не всегда послушны этой власти и позволяютъ себѣ своевольства. Въ довершеніе ханъ просилъ фельдмаршала пріостановить военныя дѣйствія и тогда уже вступить въ объясненія.

Но Минихъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы проводить время въ объясненіяхъ. Отправивши мурзу ханскаго съ отказомъ, фельдмаршалъ на другой день еще до разсвѣта послалъ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ вправо по направленію къ перекопской линіи, и въ то же время русское войско двинулось всею массою влѣво. Татары, обманутые фальшивымъ движеніемъ двухъ-тысячъ-пятисотеннаго отряда, бросились на него, и вдругъ нежданно увидали русскія силы совсѣмъ на другой сторонѣ. Русскіе дошли до рва и на короткое время остановились. Ровъ былъ очень широкъ. Но ровъ этотъ былъ сухъ. Солдаты спустились на дно, а оттуда стали карабкаться на валъ. Вмѣсто лѣстницъ имъ слу-

жили пики, штыки и рогатки. Задніе подсаживали переднихъ и потомъ, держась за нихъ, сами взбирались, и такъ добрались на вершину вала подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Такая неустрашимость поразила татаръ: они бѣжали. Въ башняхъ сидѣли турецкіе янычары. По приказанію Миниха принцъ гессенъ-гомбургскій послалъ санкт-петербургскаго гренадерскаго полка капитана Манштейна съ шестьюдесятью человѣкъ его роты къ одной изъ башенъ. Гренадеры прорубили двери; Манштейнъ вошелъ внутрь и потребовалъ сдачи. Янычары безусловно согласились и стали класть оружіе, но тутъ между гренадерами и янычарами возникъ споръ, а потомъ и драка: янычары убили шестерыхъ и ранили шестнадцать гренадеровъ; гренадеры перекололи всѣхъ янычаръ, а ихъ было въ башнѣ сто шестьдесятъ. Тогда янычары, сидѣвшіе въ прочихъ башняхъ, покинули ихъ и бѣжали вслѣдъ за татарами. Минихъ потребовалъ отъ перекопскаго коменданта сдачи: обѣщано было проводить всѣхъ до приморской пристани для отплытія въ Турцію. Комендантъ на все согласился. Но когда турки положили оружіе, ихъ всѣхъ объявили военноплѣнными подъ тѣмъ предлогомъ, что, вопреки мирному договору, задержано было двѣсти русскихъ купцовъ, и когда имъ возвратятъ свободу, тогда и взятые въ Перекопѣ турки будутъ отпущены въ отечество.

Городъ Перекопъ, заключавшій въ себѣ до 800 деревянныхъ домовъ и окруженный стѣною изъ песчаника, разсыпавшагося отъ пушечныхъ выстрѣловъ, былъ тотчасъ занятъ однимъ русскимъ полкомъ, а 4 іюня Минихъ отправилъ генералъ-лейтенанта Леонтьева съ десятью тысячами къ Кинбурну. Съ оставшимися генералами Минихъ держалъ военный совѣтъ,—что дѣлать далѣе. Многіе были такого мнѣнія, что не слѣдуетъ забиваться въ глубь страны, такъ какъ продовольствія для войска оставалось не болѣе какъ на двѣнадцать дней, а лучше укрѣпиться у Перекопа и подождать прибытія кн. Трубецкого съ обозомъ. Но Минихъ противился этому и настаивалъ, что надобно идти впередъ и нанести страхъ татарамъ; онъ надѣялся, что обозъ поспѣетъ и догонитъ ихъ, а еслибы и запоздалъ, то войско можетъ продовольствоваться на счетъ непріятельскаго края.

И пошло войско по безводной пустынѣ въ глубину крымскаго полуострова. Татары умышленно портили воду, и безъ того скудную въ колодцахъ. Ихъ летучіе отряды безпокоили войско, двигавшееся четвероугольникомъ. Когда расположилось войско на дневку въ Бальчикѣ, къ нему приблизились татары. Откомандированный противъ нихъ генералъ-маіоръ Гейнъ хотя не по-

терпѣлъ пораженія, но не исполнилъ въ точности порученія, даннаго фельдмаршаломъ, и за это немедленно былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Минихъ чрезвычайно строго относился къ дѣлу дисциплины въ войскѣ. Пошли дни за днями. Жара была нестерпимая. Солдаты пропадали отъ жажды и зноя. Подвозъ ожидаемыхъ запасовъ не приходилъ по медленности князя Трубецкого. Генералъ принцъ гессенъ-гомбургскій, уже прежде враждовавшій съ Минихомъ, а за нимъ и другіе генералы, въ числѣ ихъ и близкій родственникъ Бирона, носившій ту же фамилію, распускали о Минихѣ между подчиненными упреки, что онъ для удовлетворенія своего честолюбія губитъ цѣлое войско и поступаетъ совсѣмъ противъ желанія и предписаній петербургскаго двора. Къ счастію Миниха, войско, все еще не дождавшись князя Трубецкого съ обозомъ, вдругъ нашло себѣ продовольствіе. На десятый день пути отъ Перекопа достигло оно города Хазлейва (Козловъ-Евпаторія) и вошло туда безъ всякаго сопротивленія: всѣ мусульманскіе обитатели этого города заранѣе убѣжали оттуда, успѣвши взять съ собою, что возможно было, на скорую руку, и зажгли за собою дома христіанскихъ купцовъ. Но бѣжавшіе всего съ собою забрать не были въ состояніи. Русскіе въ опустѣломъ и полуобгорѣломъ городѣ отыскали закопанныя въ землѣ драгоцѣнности — золото, серебро, жемчугъ; мѣди, желѣза и свинцу была громада, рису и пшеницы было такое изобиліе, что Минихъ раздалъ ихъ въ качествѣ провіанта солдатамъ на тридцать-четыре дня.

Кромѣ этого, русскіе успѣли захватить десять тысячъ барановъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота, и это было очень кстати, такъ какъ солдаты уже двѣ недѣли не ѣли ничего мясного.

Простоявши пять дней въ Хазлейвѣ съ цѣлію дать время хлѣбопекамъ изготовить для солдатъ хлѣбъ и сухари, Минихъ двинулся далѣе. Онъ выбралъ путь вблизи моря: татары не ожидали, что русскіе пойдутъ туда и не дѣлали опустошенія; поэтому русскіе могли на этомъ пути доставать фуражъ: Минихъ распустилъ между непріятелями слухъ, будто возвращается къ Перекопу.

Между тѣмъ 27 іюня войско приблизилось къ ханской столицѣ Бахчисараю. Минихъ оставилъ большую часть войска съ багажемъ, поручивъ начальство Шпигелю, а самъ съ другою частью обошелъ горы, и русскіе на разсвѣтѣ были подъ самымъ городомъ. Татары не ждали этого и чрезвычайно удивились, увидавши тамъ русскихъ въ такую пору. Они напали на донскихъ казаковъ и на владимірскій пѣхотный полкъ, успѣли принудить податься назадъ, и отняли одну пушку. Но когда подо-

спѣлъ генералъ Лесли съ пятью другими полками, татары тотчасъ бѣжали. Паническій страхъ напалъ на всѣхъ жителей Бахчисарая. Они покинули свои дома, хватали съ собой, чтó могли схватить, и бѣжали въ горы.

Въ Бахчисараѣ въ то время было двѣ тысячи домовъ: треть ихъ принадлежала христіанамъ греческаго происхожденія. Русскіе все сожгли. Красивый ханскій дворецъ, состоявшій изъ многихъ зданій и окруженный садами, былъ обращенъ въ пепелъ. Сгорѣлъ домъ іезуитскій съ библіотекою. Сами іезуиты заранѣе ушли изъ города.

Расправившись съ Бахчисараемъ, Минихъ 29 іюня отвелъ свое войско на рѣку Альму. Туда прибылъ и обозъ, который шелъ съ Минихомъ, на него нападали татары, но не удачно.

3 іюля главнокомандующій отрядилъ генераловъ Измайлова и Магнуса Бирона съ восемью тысячами солдатъ и двумя тысячами казаковъ на Акмечеть (нынѣ Симферополь), столицу Калги-салтана и его мурзъ. Русскіе не нашли ни души въ городѣ: еще за два дни жители ушли оттуда. Русскіе ограбили все, чтó могли найти, и сожгли весь городъ, имѣвшій тогда тысячу восемьсотъ деревянныхъ домовъ.

Минихъ намѣревался идти на Кафу, самый богатый и многолюдный городъ на черноморскомъ побережьѣ. Но этому воспротивились на военномъ совѣтѣ всѣ генералы.

Они представляли, что треть войска хвораетъ и многіе до того ослабѣли, что не въ состояніи далѣе двигаться, между тѣмъ на этомъ пути не представлялось впереди никакихъ надеждъ на доставку продовольствія людямъ и лошадямъ, такъ какъ татары, ожидая своихъ непріятелей, выжгли всѣ окрестности Кафы на далекое пространство. Вдобавокъ усилились жары. Минихъ долженъ былъ удержать свой воинственный задоръ и повернуть въ Перекопу. Войско достигло Перекопа 17 іюля и ко всеобщему удовольствію встрѣтили генерала Аракчеева, который привезъ изъ Украйны хлѣбные запасы, а съ нимъ прибыли маркитанты и привезли большое количество вина и всякаго съѣстного продовольствія. Итакъ, послѣ многихъ трудовъ и лишеній, войско чувствовало изобиліе. Къ умноженію радости пришло извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ взялъ Кинбурнъ, не потерявши ни одного человѣка: турки сдали его безъ боя и по капитуляціи вышли изъ крѣпости въ числѣ двухъ тысячъ; двѣсти пятьдесятъ христіанскихъ невольниковъ, содержавшихся въ крѣпости, получили свободу. Русскіе въ Кинбурнѣ нашли много скота и овецъ. Минихъ приказалъ взорвать порохомъ перекопскія укрѣпленія

и 28 іюля двинулся въ Украину. Татары не безпокоили возвращавшееся русское войско. Генералъ Леонтьевъ присоединился къ главному войску.

На берегу рѣки Самары Минихъ произвелъ смотръ своему войску. Не было ни одного полка, гдѣ бы количество служащихъ достигало полнаго комплекта: въ тѣ времена полный комплектъ пѣхотнаго полка простирался до 1575 человѣкъ со включеніемъ офицеровъ, а комплектъ коннаго полка — 1231 человѣкъ. На лицо не оказалось теперь ни одного, гдѣ было бы болѣе 600 человѣкъ. Между тѣмъ, достовѣрно было извѣстно, что число убитыхъ непріятелемъ не превышало двухъ тысячъ. Войско умалилось отъ болѣзней и лишеній. Много содѣйствовала этому медленность кн. Трубецкого и неисправность коммисаріата въ доставкѣ жизненныхъ средствъ въ пору. Но и самъ фельдмаршалъ Минихъ обвинялся за то, что не жалѣлъ солдатъ своихъ, водилъ ихъ во время лѣтняго дневного зноя, не давалъ отдыха и слишкомъ легко относился къ недоставленію кн. Трубецкимъ продовольствія, надѣясь кормить войско на счетъ непріятельской страны. Походъ въ Крымъ стоилъ Россіи до тридцати тысячъ человѣкъ. Противникъ Миниха, принцъ гессенъ-гомбургскій возстановилъ противъ него генераловъ, а отъ послѣднихъ ропотъ на фельдмаршала переходилъ къ штабъ- и оберъ-офицерамъ и доходилъ даже до рядовыхъ.

По прибытіи въ Украину, Минихъ, въ предупрежденіе татарскихъ зимнихъ набѣговъ черезъ ледъ днѣпровскій въ гетманщину и Слободскую Украину, сдѣлалъ распоряженіе съ первыхъ заморозовъ рубить ледъ на рѣкахъ и для этого употреблять солдатъ и сгонять народъ. Это возбуждало ропотъ и между солдатами, и жителями селъ, да и не достигало цѣли, потому что въ февралѣ 1737 года татары черезъ Днѣпръ у Келеберды ворвались въ Украину; защищавшій проходъ генералъ Лесли былъ убитъ и много офицеровъ взято въ плѣнъ.

Принцъ гессенъ-гомбургскій не ограничился возбужденіемъ противъ Миниха генераловъ его арміи, а еще написалъ и послалъ на фельдмаршала доносъ герцогу Бирону, и хотя Биронъ прислалъ этотъ доносъ самому Миниху, но при дворѣ онъ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Этимъ не замедлили воспользоваться Миниховы недоброжелатели и завистники. Хотя главный врагъ Миниха, оберштальмейстеръ Левенвольде, умеръ, но въ самомъ кабинетѣ желали унизить фельдмаршала, рѣшили подвергнуть въ военномъ совѣтѣ обсужденію поступки Миниха и указать причины большой потери войска. Предсѣдательство въ

этомъ совѣтѣ принадлежало фельдмаршалу Ласси, который во время Минихова похода въ Крымъ черезъ Перекопъ, осаждая полтора мѣсяца Азовъ, принудилъ его къ сдачѣ и потомъ шелъ на соединеніе съ Минихомъ, но узнавши, что Минихъ уже возвращается, самъ повернулъ въ Слободскую Украину. Теперь ему поручалось разбирать дѣйствія своего товарища, въ послѣднее время пріобрѣвшаго такую славу и значеніе, что становился выше его. Ласси отклонилъ отъ себя такое порученіе. Никѣмъ другимъ не былъ онъ замѣненъ и такъ слѣдствіе надъ поступками Миниха не производилось, а императрица Анна не только не показала Миниху своего неблаговоленія, но еще наградила его помѣстьями въ Украинѣ, находившимися въ распоряженіи покойнаго Вейсбаха.

Весною 1737 года опять предпринятъ былъ походъ противъ турокъ. Петербургское правительство заключило конвенцію съ вѣнскимъ дворомъ о взаимномъ дѣйствіи войскъ противъ турокъ, произведенъ новый рекрутскій наборъ 40,000 человѣкъ, сдѣланы распоряженія объ устройствѣ магазиновъ, а въ Брянскѣ положено было на верфи строить плоскодонныя суда для спуска ихъ на Днѣпръ.

Въ концѣ марта 1737 года генералъ-фельдмаршалъ Минихъ далъ ордеръ, чтобы все войско, котораго число простиралось отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ, было готово къ походу черезъ двадцать-четыре часа по полученіи ордера. Въ началѣ апрѣля всѣ вышли съ квартиръ, гдѣ были на зиму поставлены. Съ конца апрѣля по 6 мая (н. с.) войско переправилось черезъ Днѣпръ въ трехъ пунктахъ: у Переволочной, у Орлика и у Кременчуга. 3 іюня (н. с.) всѣ отдѣлы соединились на рѣкѣ Омельникѣ; съ 25 (н. с.) іюня по 2 іюля (н. с.) армія переправилась черезъ Бугъ. Желая скрыть свои настоящія намѣренія, Минихъ всѣмъ показывалъ видъ, что направляется къ Бендерамъ. Онъ таился даже отъ поляковъ, которые казались союзниками. Когда къ генералъ-фельдмаршалу пріѣхалъ адъютантъ польскаго короннаго гетмана Потоцкаго, Минихъ, угощая его, предложилъ тостъ за счастливый успѣхъ русскаго оружія подъ Очаковымъ, но въ то же время, въ видѣ особаго къ нему довѣрія, сообщилъ предположенный маршрутъ къ Бендерамъ.

Полякъ, присланный за тѣмъ, чтобы провѣдать, куда поведетъ свое войско Минихъ, находился въ недоумѣніи и не зналъ, что донести тѣмъ, которые дали ему порученіе. Тѣмъ труднѣе было узнать о планахъ Миниха туркамъ. Они на всякій случай

ждали его у Бендеръ, но послали значительное подкрѣпленіе къ Очакову.

Минихъ ускорилъ свой походъ и направлялся къ Очакову, желая дойти туда ранѣе, чѣмъ непріятель успѣетъ тамъ собраться съ силами. Но тяжелая артиллерія, боевые и съѣстные запасы слѣдовали по водѣ и этимъ завѣдывалъ все тотъ же князь Трубецкой, заявившій себя въ прошлый походъ нераспорядительностью. И теперь произошло то же. Когда Минихъ со всею арміею уже приближался къ Очакову, князя Трубецкого тамъ не было, хотя онъ долженъ былъ придти туда ранѣе войска. Войско очутилось безъ фуража, безъ дровъ, безъ фашинъ, и лѣса кругомъ не было близко, чтобъ достать необходимыя принадлежности. Современники находили страннымъ такую довѣрчивость Миниха къ человѣку, уже показавшему свою неспособность. Злые языки того времени приписывали причины снисходительности фельдмаршала къ кн. Трубецкому вниманію къ женѣ послѣдняго, знаменитой красавицѣ своего вѣка. Князь Трубецкой впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что въ то лѣто на Днѣпрѣ воды было мало и потому при перевозкѣ черезъ пороги потрачено было времени больше, чѣмъ бы въ обычное время требовалось.

Подошедши къ Очакову ночью съ 10 на 11 (нов. ст.) іюля и увидавши пожаръ предмѣстій, зажженныхъ, въ виду приближенія русскихъ, самимъ очаковскимъ комендантомъ, утромъ 11 (н. с.) въ лагерѣ, расположившемся между устьемъ Днѣпра и Чернымъ моремъ, Минихъ собралъ военный совѣтъ и на немъ заявилъ, что медлить нельзя, чтобъ не дать непріятелю времени подвести къ Очакову свѣжія силы, и надобно со всевозможною скоростью брать Очаковъ. Минихъ надѣялся, что флотилія кн. Трубецкого придетъ скоро и войско не будетъ надолго поставлено въ затруднительное положеніе.

Сперва думали рыть траншеи и насыпать редуты, но земля оказалась чрезмѣрно твердою. Къ счастію русскихъ, около города были сады съ земляными оградами. Русскіе обратили ихъ себѣ въ редуты. Въ одномъ такомъ саду поставили тяжелую артиллерію и начали метать бомбы, которыя, лопаясь въ крѣпости, производили тамъ пожары. 13-го (н. с., или 2-го ст. ст.) іюля за часъ до разсвѣта вспыхнуло пламя въ томъ углу, гдѣ, какъ знали по плану, который заранѣе успѣлъ добыть себѣ Минихъ, находился пороховой магазинъ. Туда направили выстрѣлы.

Между тѣмъ, чтобы отвлечь осажденныхъ и не дать имъ тушить пожаръ, Минихъ, въ надеждѣ выманить ихъ въ иную сторону, приказалъ начать общій приступъ. На правомъ крылѣ

командовали генералы: Румянцевъ и Биронъ, на лѣвомъ—Кейтъ и Левендаль. Самъ генералъ-фельдмаршалъ подкрѣплялъ идущихъ на приступъ, подвергая себя лично опасностямъ — подъ нимъ убита была лошадь. При немъ неразлучно находился принцъ Антонъ-Ульрихъ брауншвейгскій, котораго уже мѣтили въ женихи племянницѣ императрицы. Войско достигло рва, шириною въ 12 футовъ; отважнѣйшіе спускались въ него и оттуда напрасно пытались взобраться на противоположную сторону; поражаемые непріятельскими выстрѣлами сверху, они падали цѣлыми грудами. Такъ прошло времени около двухъ часовъ. Не въ силахъ будучи вскарабкаться, они стали отступать. Генералъ Румянцевъ первый замѣтилъ, что огонь, произведенный русскими бомбами, близится къ пороховому магазину, и опасаясь, чтобъ взрывъ не повредилъ осаждающимъ, далъ знакъ къ отступленію. Лѣвое крыло увлеклось отступленіемъ праваго. Выскочило изъ крѣпости нѣсколько сотъ турокъ и ударило на отступавшихъ, многихъ перебили турки, а раненые не въ силахъ были поспѣвать за другими: дѣло походило на бѣгство. Если бы сераскиръ и комендантъ очаковской крѣпости догадались и ударили всею силою на бѣгущихъ, выигрышъ былъ бы на сторонѣ турокъ, а русскіе принуждены были бы оставить осаду. Минихъ пришелъ въ страшное волненіе. Артиллерія поправила дѣло.

Съ ужасающимъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ, а вслѣдъ затѣмъ показалось бѣлое знамя и къ русскому главнокомандующему явился турецкій адъютантъ просить перемирія на нѣсколько часовъ. Минихъ понялъ, въ чемъ дѣло, отвергъ предложеніе и требовалъ, чтобъ весь турецкій гарнизонъ сдался военноплѣннымъ въ теченіе одного часа, иначе грозилъ никому не оказать пощады. Сераскиръ, между тѣмъ, пославши къ Миниху этого адъютанта, затѣвалъ съ частью гарнизона пробраться изъ крѣпости къ морю и убѣжать, сѣвши на турецкія галеры въ то время, когда начнутъ составлять статьи капитуляціи. Но его съ бывшими при немъ турками не допустили до моря русскіе гусары и казаки, вогнали въ крѣпость, а за ними и сами туда ворвались и начали избивать турокъ. Тогда сераскиръ послалъ къ генералъ-фельдмаршалу другого адъютанта объявить, что сдается безусловно. Ворота крѣпости отворились; гарнизонъ положилъ оружіе и былъ отведенъ военноплѣннымъ въ русскій лагерь. Около двухъ сотъ [1]), а по другому извѣстію до двухъ тысячъ [2]), турокъ успѣли добраться до галеръ,

[1]) Манштейнъ, русск. перев. стр. 104.
[2]) Büschings Magazin, III. стр. 449.

но многіе не могли туда попасть, потому что кормчіе, увидя, что городъ взятъ русскими, поспѣшно снялись съ якоря и подняли паруса, а турки изъ Очакова, хотѣвшіе уплыть съ ними, бросились за судами вплавь и, ослабѣвши, потонули. Иные, прежде отвода гарнизона въ плѣнъ, были заколоты ворвавшимися въ крѣпость русскими. Семнадцать тысячъ труповъ турецкихъ было погребено русскими 20 іюля (н. с.). Большое число погибло ихъ подъ развалинами разрушавшихся стѣнъ и зданій. При взрывѣ пороховаго магазина погибло ихъ болѣе шести тысячъ, а за этимъ взрывомъ загорѣлось еще два такихъ магазина, причемъ погибло не мало и русскихъ, бросившихся уже въ покоренный городъ на грабежъ.

Изъ турецкаго гарнизона, въ началѣ состоявшаго въ числѣ двадцати тысячъ, сдалось военно-плѣнными только три тысячи пять-сотъ человѣкъ и въ числѣ ихъ — сераскиръ Яйа, очаковскій комендантъ Мустафа-ага и триста офицеровъ. Нѣсколько сотъ христіанскихъ невольниковъ получили свободу, пятьдесятъ-четыре грека вступили въ русскую службу въ гусары. У россіянъ убито 68 офицеровъ и 987 рядовыхъ съ унтеръ-офицерами, а ранено около ста офицеровъ и 2,703 рядовыхъ.

Ожидая, что турки будутъ стараться отнять у русскихъ Очаковъ, Минихъ приказалъ со всевозможнѣйшею скоростію исправить по возможности разрушенныя стѣны, построить деревянныя избы для жилья и снабдить городъ необходимыми средствами къ жизни, намѣреваясь помѣстить въ немъ русскій гарнизонъ. Онъ оставилъ въ Очаковѣ двѣнадцать пѣхотныхъ баталіоновъ, два драгунскихъ полка и двѣ тысячи казаковъ, назначивъ надъ всѣми начальникомъ генерала Бахметева, а всю остальную армію отвелъ за шестьдесятъ верстъ отъ Очакова, гдѣ 15 (26) іюля присоединился къ ней генералъ Леонтьевъ, остававшійся въ резервѣ съ тяжелымъ обозомъ. Обозъ, съ которымъ слѣдовалъ князь Трубецкой, продолжалъ плыть и раздѣлился на двѣ части: передняя достигла Очакова въ августѣ, а задняя уже въ сентябрѣ. Походъ очаковскій совершился безъ него, какъ и прошлый годъ походъ крымскій.

Сообразно плану и инструкціямъ, Минихъ долженъ былъ теперь идти на Бендеры, но онъ узналъ, что на всемъ пути до Бендеръ татары выжгли поле и невозможно будетъ имѣть фуража; сверхъ того и войско россійское умалилось: павшихъ въ битвахъ было сравнительно немного: 11,060 человѣкъ солдатъ и 5,000 казаковъ умерло во время похода отъ болѣзней, особенно отъ поноса и скорбута. Нѣмецъ приписываетъ эти болѣзни

приверженности русскихъ къ постамъ, которая такъ велика, что даже разрѣшеніе св. сѵнода употреблять въ постные дни мясо на нихъ не дѣйствовало. Гораздо вѣрнѣе кажется намъ, что нездоровью русскихъ содѣйствовало то, что въ походахъ солдатъ ложился на сырой землѣ, и въ войскѣ недоставало врачей, хотя въ каждой ротѣ полагался хирургъ и подхирургъ, но изъ нихъ очень мало свѣдущихъ; были кромѣ того фельдшера, но тѣ умѣли только стричь и брить. Вообще во врачебныя должности поступали по волѣ начальства, а не по ученію. Набирали изъ простыхъ рекрутъ людей, которые, по назначенному для нихъ занятію, нуждались въ предварительномъ обученіи, а этого не было; начальство изъ рекрутъ опредѣляло и въ музыканты, хотя бы опредѣляемый не имѣлъ ни подготовки, ни природныхъ способностей къ музыкѣ. Подобный порядокъ былъ и въ опредѣленіи врачей. 1 (11) августа Минихъ перевелъ свое войско близъ устья рѣки Чичаклея, впадающей въ Бугъ, на другой берегъ Буга. 20 августа (1 сентября) онъ съѣздилъ въ Очаковъ, осмотрѣлъ работы по укрѣпленію Очакова и Кинбурна и, вмѣсто Бахметева, отпросившагося по болѣзни въ отставку, назначилъ комендантомъ генерала Штофельна, потомъ, воротившись къ своей арміи, повелъ ее въ Малороссію, гдѣ разставилъ на зимнихъ квартирахъ, а самъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Полтаву.

Во время похода Миниха къ Очакову фельдмаршалъ Ласси съ 40,000 войска совершилъ блистательный походъ въ Крымъ черезъ Сивашъ въ бродъ, къ удивленію и своихъ генераловъ, и непріятеля: и тѣ, и другіе почитали такое дѣло невозможнымъ. Онъ прогналъ хана, думавшаго загородить ему путь, взялъ и разорилъ городъ Карасубазаръ, въ которомъ было до 6,000 домовъ, распустилъ отряды, истребившіе до тысячи татарскихъ деревень и набравшіе много скота и овецъ, и вернулся на Молочныя Воды, а оттуда въ октябрѣ перешелъ въ Слободскую Украину, гдѣ расположилъ свое войско по берегамъ Донца и его притоковъ.

Взятіе Очакова въ Константинополѣ произвело волненіе и страхъ. Смѣнили великаго визиря, на его мѣсто назначили бывшаго бендерскаго сераскира, а новому бендерскому сераскиру Генцъ-Оли-пашѣ разомъ съ татарскимъ ханомъ велѣно добывать Очаковъ. Минихъ, услыхавши объ этомъ, послалъ туда подкрѣпленіе, но Штофельнъ, не дождавшись отъ главнокомандующаго вспоможенія, заставилъ турокъ снять осаду. Очаковъ, находясь въ рукахъ покорившихъ его русскихъ, продолжалъ пребывать въ

разоренія; недоставало строительныхъ матеріаловъ; судоходный подвозъ всего необходимаго происходилъ медленно. Между людьми, составлявшими гарнизонъ, появились смертоносныя болѣзни отъ массы гніющихъ труповъ и людскихъ, и скотскихъ. Число солдатъ изъ восьми тысячъ, оставленныхъ тамъ генералъ-фельдмаршаломъ, осталось только пять тысячъ, да и изъ тѣхъ до тысячи человѣкъ было больныхъ и неспособныхъ къ бою. Съ войскомъ въ такомъ положеніи пришлось Штофельну встрѣтить турокъ, появившихся 29 октября (н. с.). Они безпрестанно палили и метали бомбы въ крѣпость; русскіе оборонялись упорно и дѣятельно, терпя всевозможныя лишенія: большая часть ихъ должна была постоянно находиться подъ открытымъ небомъ въ дождливую и сырую погоду за недостаткомъ помѣщеній. Но и положеніе турокъ было малымъ легче: ихъ мучила осенняя дождливая погода, распространились болѣзни и смертность, пропадала отвага. Десять тысячъ ихъ бѣжало, не смотря на то, что за побѣгъ грозили имъ смертью и нѣсколькимъ пойманнымъ бѣглецамъ отрубили головы на страхъ прочимъ. Наконецъ, 10 ноября (н. с.) они всѣ ушли отъ Очакова, покинувши въ добычу русскихъ свой огнестрѣльный запасъ.

При Минихѣ во время очаковскаго похода былъ австрійскій резидентъ или военный агентъ, посланный для наблюденія за ходомъ войны, подобно тому, какъ такое же лицо находилось со стороны Россіи при войскѣ имперскомъ. Австрійскій агентъ, по прозвищу Беренклау, писалъ къ своимъ донесенія съ рѣзкими сужденіями о русскомъ войскѣ, замѣчая, что русскіе солдаты храбры и выносливы, но русскіе генералы таковы, что годятся быть развѣ капитанами. Миниху досталось въ руки это донесеніе, и онъ сильно раздражился не только противъ Беренклау, но и вообще противъ Австріи, которую и раньше не долюбливалъ. Съ такимъ непріязненнымъ чувствомъ онъ отнесся неодобрительно къ предложенію Австріи послать русскія военныя силы въ Венгрію для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійскими войсками противъ турокъ. Минихъ находилъ, что Россіи лучше вести войну отдѣльно отъ Австріи и начать взятіемъ Хотина и Бендеръ и покореніемъ Молдавіи.

Миниха мнѣніе очень уважали, въ особенности послѣ двухъ его блестящихъ побѣдоносныхъ походовъ. По его плану начался новый походъ въ 1738 году. Армія въ 50,000, включая въ то число и казаковъ, перешла Днѣпръ у Переволочной и направилась къ предѣламъ турецкихъ владѣній. Турки думали остановить ходъ русскаго войска на переправахъ черезъ рѣчки

Кодыму и Саврань, но безуспѣшно. Начался вслѣдъ за тѣмъ утомительный походъ по безводной степи, пагубный для лошадей, скота и самихъ людей. Съ большими затрудненіями дошелъ Минихъ до Днѣстра и въ началѣ августа сталъ лицомъ къ лицу съ турецкимъ войскомъ, расположеннымъ на другомъ берегу. Переправа была неудобна. Минихъ двинулся вдоль берега. Турки думали, что онъ ищетъ мѣста для переправы, но Минихъ на этотъ разъ нашелъ умѣстнымъ пріостановить дальнѣйшее движеніе; въ Молдавіи свирѣпствовала зараза: вести туда армію было бы до крайности безразсудно. Минихъ отступилъ за Бугъ и расположилъ свое войско на зимнихъ квартирахъ въ Малороссіи.

Австрійскій посолъ въ Петербургѣ, Ботта, старался представить послѣдній походъ Миниха въ неблагопріятномъ свѣтѣ, доказывалъ, что Миниху было возможно продолжать военныя дѣйствія, и онъ довелъ петербургское правительство до того, что Миниху посланъ былъ указъ идти далѣе и взять Бендеры и Хотинъ. Минихъ въ согласіи съ военнымъ совѣтомъ представлялъ, что идти въ Молдавію и Валахію было невозможно, иначе онъ погубилъ бы все войско напрасно, и ничего теперь до слѣдующей весны предпринимать не слѣдуетъ.

Также безплодна была военная дѣятельность фельдмаршала Ласси; въ томъ же году Ласси долженъ былъ взять Кафу, но не могъ до ней добраться, потому что окрестный край былъ такъ опустошенъ, что русскіе не могли найти ни себѣ пристанища, ни фуража для лошадей. Притомъ флотилія, которая выступала изъ Азова съ цѣлію доставлять провіантъ сухопутному войску, была разбита бурею. Ласси въ октябрѣ воротился въ Слободскую Украину, ничего не сдѣлавши.

Зимою татары, въ отместку русскимъ, сдѣлали набѣгъ, направляясь на придонецкій край, но не успѣли прорвать украинской линіи; только разсѣянные татарскіе загоны сожгли нѣсколько деревень.

Въ мартѣ 1739 года Минихъ прибылъ изъ Петербурга въ Украину къ своему войску. Онъ намѣревался въ этотъ годъ совершить походъ черезъ польскія области и потому назначилъ сборный пунктъ въ Кіевѣ. Но какъ войско разставлено было на широкомъ пространствѣ, то нѣкоторыя части его квартировали далеко, и могли явиться на сборное мѣсто не ранѣе начала іюня. Во всемъ войскѣ было тогда шестьдесятъ-пять тысячъ человѣкъ, другіе простираютъ число его (считая 13,000 казаковъ) до 78,000. Они находились подъ командою генераловъ Румян-

цева, Карла и Густава Бироновъ, братьевъ любимца, Левендаля, завѣдывавшаго артиллеріею, принца Голштейна, кн. Репнина, Хрущова, Фермора, Бахметева и другихъ. Перешедши Днѣпръ, войско двинулось разными колоннами чрезъ Васильковъ. Польскій коронный гетманъ учредилъ изъ мѣстной шляхты милицію для наблюденія, чтобъ не допускать русскихъ совершать безчинствъ и оскорбленій жителямъ.

Минихъ, какъ и въ предшествовавшіе походы, старался поступать такъ, чтобъ непріятели не могли узнать—какимъ путемъ онъ пойдетъ, и теперь пустилъ слухъ, что хочетъ идти на Бендеры. По этому слуху командиръ турецкой арміи сераскиръ Вели-паша простоялъ у Бендеръ напрасно пятнадцать дней, а потомъ, услыхавши, что русское войско подходитъ къ рѣкѣ Збручу, отправился туда препятствовать переходу русскихъ черезъ Днѣстръ. Но Минихъ, объявлявшій всѣмъ, что намѣренъ тамъ переходить Днѣстръ и идти на Хотинъ, не думалъ на самомъ дѣлѣ совершать перехода въ этомъ мѣстѣ по причинѣ крутыхъ береговъ, а оставилъ тамъ лагерь съ частью арміи, самъ же съ двадцатью тысячами пошелъ искать другой переправы, приказавши каждому солдату взять съ собою хлѣба на шесть дней. Онъ нашелъ удобную переправу близъ польской деревни Синковцы, отстоявшей отъ Хотина верстъ на сорокъ. Мосты для переправы арміи поспѣли въ одну ночь, и отрядъ, шедшій съ Минихомъ, весь перешелъ благополучно. Турки изъподъ Хотина не могли поспѣть, чтобы препятствовать переправѣ за утесистыми горами и ущельями, находившимися на ихъ пути. Остальная русская армія шла къ той же переправѣ, отдѣлываясь отъ татарскихъ нападеній и замедляясь, кромѣ того, дождливою погодою. Она дошла до Синковецъ только 7 августа н. с. и нашла мосты, устроенные русскими, уже сорванными отъ напора воды, такъ что не безъ труда пришлось русскимъ собирать бревна и доски, изъ которыхъ нѣкоторыя были унесены водою до самаго Хотина. Только 15 августа (н. с.) переправились русскіе и за собою истребили мосты совершенно.

Тогда сераскиръ Вели-паша замыслилъ заманить русскаго военачальника съ его войскомъ внутрь турецкой страны и, окруживши со всѣхъ сторонъ, погубить въ конецъ. У сераскира было тридцать тысячъ. Будучи увѣренъ въ превосходствѣ своихъ силъ предъ русскими, сераскиръ не задумался оставить не занятымъ и свободнымъ для русскаго войска проходъ чрезъ Прекопскія тѣснины, которыя уподоблялись древнимъ Ѳермопиламъ: говорили, что тамъ десять человѣкъ могутъ остановить многотысячное войско.

Но у русскихъ были благопріятели между турецкими подданными; то были молдаване и валахи: они сообщили русскимъ о незанятомъ проходѣ. Ихъ такъ много являлось къ Миниху съ изъявленіемъ готовности служить русской императрицѣ, что генералъ-фельдмаршалъ составилъ изъ нихъ цѣлый полкъ, назначивъ надъ нимъ командиромъ сына бывшаго молдавскаго господаря, Кантемира. Эти-то союзники, связанные съ русскими одною вѣрою, показали имъ дорогу, и русскіе не только прошли удобно черезъ тѣсный путь, но и провели туда всю тяжелую артиллерію и багажъ. Войско очутилось на просторной равнинѣ. Вели-паша не только не раскаялся въ своей оплошности, напротивъ, былъ очень доволенъ, думая, что теперь-то можетъ легко взять въ полонъ всю русскую армію. 16 (27) августа русское войско стояло лицомъ къ лицу съ турецкимъ. Впереди стоялъ Вели-паша на высокомъ мѣстѣ у деревни Ставучанъ, въ станѣ, укрѣпленномъ баттареями. Влѣво отъ русскихъ расположился хотинскій паша Кальчакъ съ серденгестами (т.-е. безпощадными); онъ былъ прикрытъ лѣсами и неприступными горами. Вправо стоялъ Енть-Али-паша съ турецкою кавалеріею или спагами: его войско упиралось съ боку въ горы, которыя тянулись до рѣки Прута. Позади русскихъ стоялъ ханъ Исламъ-Гирей съ бѣлогородскою ордою. Непріятели замкнули русскихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе устроились тремя четвероугольниками и отбивались отъ нападеній успѣшно. Но имъ невозможно было добывать фуражъ и даже выпускать лошадей и скотъ пастись. Положеніе наступало ужасное, почти такое же, какъ при Петрѣ на берегахъ Прута. Приходилось либо сдаваться, либо отчаянно пытаться вырваться. Минихъ, окинувъ глазами непріятельскій станъ, замѣтилъ, что протекавшая влѣво отъ непріятельскаго стана болотистая рѣчка [1]) не такъ непроходима, какъ полагали турки, оставивъ эту сторону безъ укрѣпленій въ увѣренности, что сама природа защищаетъ ихъ тамъ достаточно; Минихъ сообразилъ, что туда возможно пройти, помостивши по болоту фашины и построивши на рѣчкѣ мосты. И вотъ Минихъ даетъ приказъ отряду (состоявшему изъ шести пѣхотныхъ полковъ, двухъ драгунскихъ, четырехъ сотъ пикинеровъ и нѣсколько легкой кавалеріи), подъ начальствомъ генераловъ Левендаля и двухъ Бироновъ, идти вправо: тамъ начинають возводить баттареи, везутъ туда тридцать пушекъ и четыре мортиры, начинается усиленная пальба и пушечная, и ружейная, и все это дѣлается только съ тѣмъ, чтобъ завлечь

[1]) Одни называютъ ее Шуланецъ, другіе Шубанецъ.

туда турокъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ другого конца. Между тѣмъ, въ то же время влѣво везутъ фашины, бревна, доски, гатятъ болото, наводятъ мосты; турки не понимаютъ этого движенія и сосредоточиваютъ свои усилія на томъ концѣ, гдѣ русскіе палятъ и напираютъ; турки допускаютъ до того, что русскіе навели на рѣчкѣ двадцать-семь мостовъ, проложили себѣ дорогу черезъ болото и очутились при подошвѣ возвышенія, на которомъ располагался главный турецкій станъ сераскира. Въ два часа по-полудни турецкая конница сдѣлала на нихъ нападеніе, но была отбита. Русскіе идутъ все выше и выше, все ближе и ближе къ непріятельскому стану. Въ пять часовъ сдѣлали на русскихъ нападеніе янычары: они порывались свирѣпо, но ихъ также прогнали ружейными и пушечными выстрѣлами. Въ семь часовъ русскіе были уже на высотахъ, но не застали тамъ уже никого, только пылалъ турецкій лагерь. Всѣ турки обратились въ бѣгство, покинувши сорокъ-восемь орудій, больше тысячи разбитыхъ шатровъ и большое количество запаса какъ боевого, такъ и продовольственнаго. На полѣ лежало болѣе тысячи турецкихъ труповъ. Русскіе потеряли въ этотъ день только семьдесятъ человѣкъ.

Побѣда была полная и неслыханная, такъ какъ она была первая битва русскихъ съ турками въ открытомъ полѣ. На другой день утромъ побѣдитель двинулся скорымъ маршемъ съ тридцатью тысячами своего войска къ Хотину. Туда уже успѣлъ принести роковое извѣстіе самъ хотинскій губернаторъ Кальчакъ-паша, растерявши свой десятитысячный хотинскій гарнизонъ на Ставучанскомъ полѣ. Всей вооруженной силы въ Хотинѣ оставалось только девятьсотъ человѣкъ; Кальчакъ-паша считалъ невозможнымъ защищаться и послалъ къ русскому главнокомандующему предложеніе сдаться на капитуляцію. Минихъ отвѣчалъ, что не хочетъ знать ни о какой капитуляціи, и требовалъ, чтобъ гарнизонъ сдался военноплѣннымъ; онъ дозволялъ только отправить въ Турцію женщинъ, находившихся въ крѣпости. Кальчакъ-паша согласился на все. Только онъ одинъ отправилъ свой гаремъ. Прочіе оставили своихъ женъ съ собою и послѣдовали съ ними въ плѣнъ. Генералъ Хрущовъ сдѣланъ былъ комендантомъ Хотина, который тогда достался русскимъ съ превосходными укрѣпленіями и со 179 орудіями.

Сентября 9 и 10 н. с. русскіе перешли Прутъ. Молдавскій господарь Гика бѣжалъ передъ сыномъ бывшаго господаря Димитрія Кантемира, лишеннаго Турціею власти за приверженность къ Россіи. Гика убѣжалъ изъ Яссъ такъ поспѣшно, что покинулъ и знамена, и орудія, и свой бунчукъ—знакъ власти, даро-

ванный ему отъ султана. Минихъ послалъ впередъ къ Яссамъ Кантемира съ трехтысячнымъ отрядомъ волоховъ, драгуновъ и гусаръ, а самъ слѣдовалъ за нимъ. Депутаты отъ молдавскихъ бояръ явились къ генералъ-фельдмаршалу съ покорностью и просили принять Молдавію въ подданство Россіи. Минихъ обнадежилъ ихъ благосклонностью императрицы. Послѣ того 14 сент. н. с. онъ заключилъ съ боярами договоръ: бояре обѣщали содержать двадцать тысячъ россійскаго войска. Предположили укрѣпить Яссы, и съ этой цѣлью Минихъ обозрѣлъ мѣстность и составилъ планъ крѣпости; бояре обѣщали содержать нѣсколько тысячъ піонеровъ, которые возьмутся за эту работу. Генералъ-фельдмаршалъ оставилъ въ Яссахъ русскій гарнизонъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Шипова, а самъ отправился къ своей арміи (21 іюля н. с.).

Минихъ намѣревался идти на Бендеры и покорить буджацкихъ татаръ, за тѣмъ у него былъ планъ перейти Дунай и вступить въ средину турецкой имперіи. Въ его воображеніи рисовалась уже надежда покорить Константинополь и разрушить владычество оттоманское въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ и о собственномъ возвеличеніи. Радушный пріемъ въ Яссахъ, оказанный ему молдавскими боярами, ободрялъ его: Миниху мерещилась уже возможность сдѣлаться господаремъ или княземъ молдавскимъ въ подданствѣ русской императрицѣ, точно такъ какъ Биронъ, камергеръ государыни, сдѣлался уже герцогомъ Курляндскимъ.

Неожиданное для него событіе прервало всѣ его намѣренія и надежды.

Австрійскія войска, воевавшія съ турками, далеко не были такъ счастливы, какъ русскія. Они терпѣли пораженія за пораженіями и, наконецъ, генералъ Нейпергъ, имѣвшій полномочіе заключить съ непріятелемъ миръ, если найдетъ это необходимымъ, воспользовался своимъ правомъ и заключилъ съ великимъ визиремъ договоръ, которымъ императоръ возвращалъ Турціи всѣ сдѣланныя его войсками пріобрѣтенія и въ числѣ ихъ укрѣпленный Бѣлградъ, гдѣ еще держался австрійскій гарнизонъ. Извѣстіе объ этомъ какъ снѣгъ на голову неожиданно смутило русскаго фельдмаршала, который только и помышлялъ, что о новыхъ военныхъ подвигахъ противъ турокъ совмѣстно съ австрійскими войсками. Минихъ написалъ сообщившему извѣстіе о мирѣ австрійскому генералу Лобковицу письмо рѣзкое и справедливое: онъ указывалъ въ немъ, что миръ, заключенный съ турками среди полныхъ успѣховъ русскаго оружія, до крайности

невыгоденъ для интересовъ самой римской имперіи и несовмѣстимъ съ тѣмъ уваженіемъ къ россійской императрицѣ, на которое послѣдняя, какъ союзница, имѣла право. Дѣйствительно, австрійцы слишкомъ мало заботились объ уваженіи къ Россіи. Когда находившійся при австрійскомъ войскѣ, русской службы полковникъ Броунъ спросилъ генерала австрійскаго Нейперга: «Не постановлено ли въ бѣлградскомъ договорѣ условій, касающихся Россіи?» то получилъ такой отвѣтъ: «Мы для Россіи и такъ много сдѣлали въ настоящую войну». Это была вопіющая неправда, такъ какъ въ теченіе всей войны русскія войска одерживали блестящія побѣды, а имперскія терпѣли пораженія,—потому что въ политикѣ императора какъ и въ штабѣ войска происходилъ безпорядокъ: бывшій передъ тѣмъ главнокомандующій Валлисъ долженъ былъ, по волѣ императора, передать свое полномочіе на заключеніе мира генералу Нейпергу и, оскорбленный этимъ, старался всякими путями вредить своему сопернику, а генералы его партіи—генераламъ партіи Нейперга; Нейпергъ имѣлъ неблагоразуміе поѣхать въ непріятельскій станъ, не взявши заложниковъ, а Валлисъ умышленно не допустилъ до него въ пору императорскаго курьера, который везъ императорское предписаніе не заключать мира съ условіемъ сдачи туркамъ Бѣлграда. Поставивши себя заранѣе въ невыгодное положеніе своею неумѣстною поѣздкою въ турецкій станъ и отдавшись на волю посредника французскаго посла, мирволившаго туркамъ, Нейпергъ, не получивъ новаго императорскаго предписанія, долженъ былъ уступить требованіямъ верховнаго визиря, который не хотѣлъ слышать о мирѣ безъ возврата Бѣлграда. Императоръ Карлъ VI, увѣдомляя письмомъ русскую государыню о заключенномъ мирѣ, выражался, что онъ со слезами на глазахъ извѣщаетъ объ этомъ мирѣ съ великимъ визиремъ, но этотъ миръ онъ долженъ теперь сохранять ради сдержанія даннаго слова. Нейпергъ получалъ секретныя инструкціи объ этомъ мирѣ не отъ императора, а отъ его зятя, герцога Лотарингскаго, будущаго императора Франца I, и отъ главнаго министра Цинцендорфа; заключая съ визиремъ договоръ, Нейпергъ говорилъ: «многіе подумаютъ, что мнѣ за такой договоръ, по возвращеніи въ Вѣну, снимутъ голову, но я этого ни мало не боюсь!» И дѣйствительно, Нейпергъ, сдавши туркамъ Бѣлградъ, который могъ еще долго сопротивляться, хотя и былъ арестованъ, но не подвергся дальнѣйшему преслѣдованію, благодаря протекціи сильной стороны въ государствѣ. Самъ императоръ Карлъ VI былъ имъ очень недоволенъ и выражался, что еслибъ

у него были такіе полководцы, какъ Минихъ, то ему не пришлось бы заключать такого постыднаго мира.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ де-Вильнёвъ также сильно и искусно хлопоталъ о прекращеніи войны между Россіею и Турціею. Онъ казался благожелателемъ Россіи, но на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ въ тайныхъ видахъ своего правительства. Франція, да не только Франція, но и вся Европа смотрѣли съ завистью на возвышеніе Россіи. Съ такимъ храбрымъ и устойчивымъ войскомъ, какимъ было русское войско, съ такимъ отважнымъ и предпріимчивымъ полководцемъ, какъ Минихъ, Россія могла овладѣть Константинополемъ, утвердить свое могущество на Балканскомъ полуостровѣ и захватить въ свое распоряженіе всю восточную торговлю. Этого не хотѣли допустить, а этого, однако, боялись въ виду подвиговъ и дарованій Миниха: не даромъ взятый имъ въ плѣнъ турецкій паша говорилъ, что еслибъ у турокъ былъ такой генералъ какъ Минихъ, то война бы для Турціи кончилась иначе!

По соображеніямъ Миниха, Россія могла еще вести войну одна, безъ содѣйствія Австріи; но не такъ рѣшили на верху. Австрійское правительство давно уже совѣтовало прекратить войну и положиться на посредство французскаго посланника въ Константинополѣ, и эти совѣты имѣли успѣхъ еще въ маѣ 1738 года. Остерману, по просьбѣ французскаго короля и по внушенію австрійскаго двора, императрица повелѣла послать Вильнёву полномочіе дѣйствовать со стороны Россіи въ случаѣ заключенія мира съ Турціею. Для сношенія съ Вильнёвомъ избрали итальянца Каньони (или Канжони), бывшаго въ Россіи совѣтникомъ въ камперъ-коллегіи: онъ повезъ отъ императрицы Вильнёву орденъ св. Андрея, осыпанный бриліантами, а супругѣ его какія-то драгоцѣнныя вещи. Минихъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Остерманъ не могъ воспрепятствовать посылкѣ отъ императрицы полномочія Вильнёву, давая тѣмъ какъ бы знать, что Остерманъ самъ не былъ расположенъ къ такой довѣрчивости; а Шлоссеръ въ своей Исторіи XVIII вѣка говоритъ, что этотъ итальянецъ, пользовавшійся довѣренностью императрицы, отправившись къ французскому посланнику, былъ подкупленъ послѣднимъ (Gesch. des XVIII Jahrhund. I, 314). Историкъ, написавшій спеціальное сочиненіе объ этой войнѣ, замѣчаетъ, что тогда съ обѣихъ сторонъ давались деньги и такимъ образомъ уладились всѣ препятствія и недоразумѣнія (Keralio, t. II, 251).

Мирный договоръ составился 7 октября 1733 года. Азовъ уничтожался. Пустое мѣсто, гдѣ прежде былъ построенъ этотъ

городъ, служило теперь барьеромъ между русскими и турецкими границами. Русскіе оставили за собою право построить себѣ крѣпость на донскомъ островѣ, гдѣ Черкасскъ, а турки—крѣпость на кубанской сторонѣ въ разстояніи тридцати верстъ отъ Азова. Таганрогъ русскіе обязались не возобновлять. Очаковъ и Хотинъ возвращались Турціи. Однако Россіи давалось нѣкоторое территоріальное пріобрѣтеніе. На западной сторонѣ отъ Днѣпра рубежъ съ Турціею оставленъ былъ по прежнему, но на восточной сторонѣ пограничная линія измѣнялась: «начавъ отъ востока или начала рѣки Заливы Конскія Воды имѣетъ ведена быть прямая линія до западнаго истока или начала рѣки Большой Берды и всѣ земли и воды, лежащія внутри между помянутыми рѣками: Днѣпромъ, Заливою Конскихъ Водъ, помянутой линіею и рѣкою Большой Берды, Оттоманской имперіи остаться имѣютъ, а всѣ тѣ земли и воды, лежащія по другой сторонѣ, то-есть внѣ помянутыхъ рѣкъ и линій Всероссійской Имперіи да останутся, изъявъ... что касается до земли, лежащей между помянутой рѣкою Большой Берды даже до рѣки Міуса границы такимъ образомъ опредѣлены да пребудутъ какъ онѣ поставлены были мирнымъ трактатомъ 1700 г.». (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. X, стр. 915).

Минихъ еще въ 1738 году получилъ отъ императрицы на пергаменѣ уполномочіе заключить миръ съ непріятелемъ, когда найдетъ нужнымъ, но не хотѣлъ пользоваться, подобно Нейпергу, своимъ полномочіемъ, хотя долго хвалился этимъ документомъ, какъ доказательствомъ большого довѣрія къ нему со стороны императрицы. Еще менѣе могъ желать онъ имъ воспользоваться послѣ счастливыхъ для Россіи военныхъ дѣйствій 1739 г. Получивши извѣстіе о заключеніи въ Бѣлградѣ мира союзниками Россіи, онъ думалъ, что Россія одна безъ союзниковъ въ силахъ будетъ продолжать войну и хотѣлъ въ томъ убѣдить верховную власть, а потому разставилъ свои войска въ Молдавіи. Но въ октябрѣ онъ получилъ предписаніе вывести войско въ предѣлы россійскихъ владѣній. Онъ перевелъ его чрезъ Днѣстръ и вернулся въ Украину. Въ ноябрѣ генералъ Левендаль сдалъ Хотинъ турецкому пашѣ, присланному отъ своего правительства для обратнаго пріема крѣпости въ турецкое владѣніе.

Минихъ прибылъ въ Санктпетербургъ наканунѣ 14 февр., дня, назначеннаго для торжества въ честь заключенія мира. Русское правительство не могло быть втайнѣ довольно этимъ миромъ послѣ недавнихъ успѣховъ русскаго оружія, но должно было показывать радость, такъ какъ миръ былъ заключенъ по желанію

Россіи, заявленному въ прошломъ 1738 году. Утромъ 14 февраля отправлялся во всѣхъ столичныхъ церквахъ благодарственный молебенъ объ окончаніи войны. Герольды разъѣзжали по улицамъ и бросали въ народъ золотые и серебряные жетоны; въ дворцовой галлереѣ были принимаемы императрицею и членами царской семьи всѣ участники войны, начиная отъ фельдмаршаловъ Миниха и Ласси и кончая оберъ-офицерами и унтеръ-офицерами; посыпались награды; всѣхъ щедрѣе былъ награжденъ Биронъ, который не только не участвовалъ въ войнѣ, но, вѣроятно, много содѣйствовалъ заключенію мира, такъ какъ онъ имѣлъ неограниченную власть надъ сердцемъ государыни, руководилъ всѣми ея дѣйствіями и вмѣстѣ съ тѣмъ находился самъ подъ вліяніемъ австрійской политики: ему подарили золотой, осыпанный бриллiантами кубокъ, въ который вложенъ былъ императорскій указъ въ рентерею о выдачѣ герцогу курляндскому пятьсотъ тысячъ рублей; Минихъ, Ласси и всѣ ихъ генералы получили по золотой шпагѣ, сверхъ того Миниху дали ежегодной пенсіи 5,000 р., а Ласси — 3,000 р., кабинетъ-министръ Волынскій получилъ единовременно 20,000 р.; Левенвольде и кн. Черкасскій перстни отъ 5 до 6 тысячъ рублей цѣною, а генералъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, портретъ государыни цѣною отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Въ этотъ же день всеобщаго торжества объявлено всему народу освобожденіе отъ взноса подушныхъ денегъ на слѣдующее затѣмъ полугодіе. Многимъ знатнымъ лицамъ, въ ознаменованіе радости торжества, дозволено было брать изъ казны заимообразно деньги безъ процентовъ. На другой день императрица собственноручно раздавала знатнымъ лицамъ медали, нарочно на тотъ случай отчеканенныя, большія въ 50, а меньшія въ 30 червонцевъ, а народу снова разбрасывали жетоны. Тогда всѣ царскіе придворные были щедро одарены; даже служитель, ходившій за любимою собаченкою государыни, получилъ три тысячи рублей. Императрица изъ оконъ своего дворца любовалась зрѣлищемъ, какъ народъ по данному сигналу кидался на жаренаго быка, выставленнаго на площади и черпалъ водку, струившуюся фонтаномъ въ большіе бассейны.

Среди всеобщаго ликованія одна душа не раздѣляла его, душа человѣка — виновника торжества, фельдмаршала Миниха. Онъ видѣлъ, что другіе торжествуютъ то, что для него было утратою. Идея, волновавшая Европу уже третье столѣтіе, готова была осуществиться, наступало, казалось, время разрѣшенія задачи, брошенной Европѣ Азіею еще въ XV вѣкѣ, и разрѣшителемъ ея судьба избирала его, Миниха! Сколько разъ толковали европей-

скіе политики объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о возстановленіи свободной христіанской государственной жизни на Балканскомъ полуостровѣ! Но взаимныя недоразумѣнія христіанскихъ державъ между собою препятствовали имъ соединиться для взаимно-сознаваемой цѣли. Теперь, казалось, близко было разрѣшеніе задачи. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ русскаго войска, предводимаго Минихомъ, едва ли можно было сомнѣваться, какъ и въ невозможности турецкимъ силамъ бороться противъ русскихъ. Кромѣ того для удовлетворенія личныхъ выгодъ предстояли великія надежды честолюбію Миниха. Молдавія добровольно отдавалась въ распоряженіе русской государыни; побѣдитель турокъ надѣялся сдѣлаться господаремъ молдавскимъ подъ верховною властію Россіи, точно такъ, какъ прежніе господари признавали надъ собою верховную власть оттоманской державы. Мечты Миниха внезапно разрушились. Потерялъ онъ свои честолюбивыя надежды; потеряла съ нимъ разомъ и Россія. Не только ускользнуло отъ ней чаемое господство на востокѣ, но опасности угрожали ей еще съ запада. Коварные друзья и тайные недруги готовились вредить ей. Они могли тогда уразумѣть, что у руководящихъ судьбою Россіи—нѣтъ политической проницательности, что при самыхъ блестящихъ успѣхахъ русскаго войска, русское государство всегда можетъ остаться въ проигрышѣ по бездарности и невѣжественности тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ веденіе дипломатическихъ сношеній.

Во время своихъ походовъ Минихъ не оставлялъ военнаго управленія, тѣмъ болѣе, что по зимамъ онъ проводилъ значительную часть времени въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ періодъ его воинскихъ дѣйствій противъ турокъ совершено было не мало важнаго по военному вѣдомству.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ явленій этого рода было устройство постоянныхъ помѣщеній для гвардейскихъ солдатъ въ Петербургѣ. По возвращеніи фельдмаршала въ столицу уже послѣ окончанія войны, Минихъ, въ видахъ заботливости о подчиненныхъ ему офицерахъ, испросилъ у государыни указъ, дозволявшій выходить въ отставку прослужившимъ двадцать лѣтъ; но когда стали разсматривать поступившія прошенія объ отставкѣ, то замѣтили, что многіе, будучи еще молоды и здоровы, просили объ увольненіи отъ службы, какъ прослужившие уже опредѣленное число лѣтъ, а это происходило оттого, что, по тогдашнимъ обычаямъ, дворянъ записывали въ военную службу еще въ дѣтствѣ, иныхъ даже тогда, когда они еще лежали въ колыбели. Тогда Минихъ самъ принужденъ былъ просить объ отмѣнѣ этого

указа, а другіе кабинетъ-министры дѣлали ему выговоры, что очень огорчало фельдмаршала всегда чувствительнаго, когда оскорблялось его самолюбіе.

Между тѣмъ едва окончилась турецкая война, какъ стали возникать опасенія объявленія войны со стороны Швеціи. Въ этой странѣ постоянно происходили раздоры между правительственными партіями. Одна изъ нихъ, носившая кличку партіи шляпъ, думала о возмездіи Россіи за недавнее пораженіе, нанесенное Петромъ Великимъ; другая, которую прозвали партіею шапокъ или колпаковъ—хотѣла сохранить миръ съ Россіею и вообще избѣгать войны.

На сторонѣ мира былъ и самъ тогдашній король. Но воинственная партія, руководимая французскими внушеніями, находившая себѣ опору вообще въ туземной молодежи, думала, что Швеціи слѣдуетъ вмѣшаться въ войну, возникшую между Россіею и Турціею во вредъ Россіи, и отправила въ Турцію тайнымъ агентомъ съ депешами шведскаго маіора Синклера.

Объ этомъ заблаговременно провѣдалъ русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Бестужевъ и сообщилъ своему правительству. Русскіе снеслись съ польскимъ правительствомъ и предположили задержать Синклера, когда онъ будетъ слѣдовать черезъ польскія владѣнія, и отнять у него депеши, съ которыми онъ ѣздилъ въ Турцію. Получившіе такое порученіе капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій напали на дорогѣ на Синклера, ѣхавшаго вмѣстѣ съ французскимъ купцомъ, заманили его въ лѣсъ, застрѣлили и отняли бумаги. Въ какой степени принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ самъ Минихъ—неизвѣстно, хотя по предписанію верховнаго правительства онъ отрядилъ офицеровъ арестовать Синклера и овладѣть его бумагами, но приказывалъ ли убить его—на это нѣтъ доказательствъ. Русское правительство отреклось отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, а офицеры, расправившіеся съ Синклеромъ, были сосланы въ Сибирь. Была у нѣкоторыхъ мысль—взвалить всю отвѣтственность въ этомъ поступкѣ на Миниха, такъ какъ онъ имѣлъ отъ императрицы полномочіе во всемъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и у него были открытые бланки съ подписомъ. Какъ бы то ни было, только послѣ этого событія шведы энергичнѣе стали раздувать въ своемъ обществѣ вражду къ Россіи и дѣлать приготовленія къ войнѣ съ нею. Объ этомъ сообщалъ въ Петербургъ русскій посланникъ изъ Стокгольма, и Россія съ своей стороны должна была заботиться объ оборонѣ. Минихъ самъ отправился обозрѣвать укрѣпленія Кронштадта, Шлиссельбурга, Кексгольма. Царскимъ указомъ было повелѣно рас-

предѣлить по полкамъ и снарядить къ работамъ солдатъ, а въ помощь имъ выписать изъ Ярославля каменщиковъ по вольнымъ наймамъ. Въ такихъ работахъ проходило лѣто 1740 года.

Между тѣмъ въ октябрѣ произошло внезапное, хотя и несовсѣмъ неожиданное событіе. 5 числа этого мѣсяца императрица, не задолго возвратившаяся въ столицу изъ лѣтняго пребыванія въ Петергофѣ, по своему обыкновенію, въ полдень обѣдала вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ любимцемъ Бирономъ. Вдругъ съ нею сдѣлался болѣзненный припадокъ—тошнота, головокруженіе, рвота и наконецъ лишеніе всѣхъ силъ: она упала безъ сознанія; ее унесли и уложили въ постель. Уже нѣсколько лѣтъ она страдала болѣзнію въ мочевыхъ органахъ, но такихъ припадковъ, какъ теперь, съ нею не бывало. Призваны были врачи: архіатеръ Фишеръ и придворный врачъ Рибейра Санхецъ, португалецъ по происхожденію. Они различно отнеслись къ болѣзни императрицы. Первый внушительно сказалъ, что, вѣроятно, Европѣ скоро придется надѣть трауръ; второй, напротивъ, не признавалъ, чтобъ случившійся съ государынею припадокъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Биронъ послалъ своего сына извѣстить о случившемся принцессу Анну. Принцесса не приняла его, а ея фрейлина и любимица Юліана Менгденъ передала ему, что принцесса очень огорчена болѣзнію императрицы и постарается сама навѣстить свою тетку.

Тогда же Биронъ позвалъ оберъ-гофмаршала, графа Левенвольде. «Императрицѣ дурно,—сказалъ онъ:—поѣзжайте скорѣе отъ имени императрицы къ Остерману, сообщите ему, что̀ случилось, и спросите, что̀ онъ посовѣтуетъ намъ дѣлать»?—Надобно позвать кабинетъ-министровъ,—сказалъ Левенвольде и уѣхалъ къ Остерману.

Хитрый дипломатъ когда-то удачно и кстати притворялся больнымъ, когда при воцареніи Анны Ивановны шелъ вопросъ объ ограниченіи самодержавной власти; теперь онъ снова былъ почти въ такомъ же щекотливомъ положеніи, но ему притворяться необходимости не предстояло: онъ уже пять лѣтъ дѣйствительно страдалъ подагрою, съ трудомъ ступалъ на ноги и почти не выходилъ изъ дома.

Отправивши Левенвольда, самъ Биронъ пошелъ къ государынѣ.

Больная пришла въ себя, но была очень слаба.

— Мнѣ дурно, герцогъ—сказала она:—чуть ли не приходитъ мой послѣдній часъ! Я покорна Божіей волѣ! Но что послѣ меня станетъ съ имперіею—подумать страшно! Мнѣ поставятъ

въ вину стеченіе обстоятельствъ, въ какихъ я оставлю Россію!
—Богъ будетъ милостивъ—сказалъ Биронъ:—не тревожьте себя, государыня, думами о судьбѣ Россіи, потому что всякое волненіе усиливаетъ вашу болѣзнь. Все земное управляется волею провидѣнія!

— Правда,—сказала государыня: — позовите министровъ и слушайте, что̀ они будутъ говорить!

— Они должны явиться сюда скоро въ ожиданіи куртага, потому что сегодня воскресенье, — сказалъ герцогъ: — какъ только соберутся, мы тотчасъ приступимъ къ совѣщанію.

— Пошлите къ Остерману!—сказала государыня:—дали ли знать принцессѣ?

Биронъ отвѣчалъ, что то и другое сдѣлано. Въ это время вошла въ опочивальню государыни принцесса Анна. Биронъ вышелъ и встрѣтилъ Левенвольда, воротившагося отъ Остермана.

Когда оберъ-гофмаршалъ сообщилъ Остерману о припадкѣ съ государыней, Остерманъ произнесъ:—Боже сохрани ея величество. Но когда вслѣдъ затѣмъ Левенвольде спрашивалъ: что дѣлать на случай смерти императрицы, Остерманъ отвѣчалъ:—я думаю, ея величество не измѣнитъ своей прежней воли. Еще до брака принцессы Анны, она объявляла, что желаетъ учинить своимъ наслѣдникомъ сына, когда тотъ родится отъ принцессы Анны. Теперь этотъ сынъ рожденъ. Надобно составить манифестъ, провозглашающій Ивана Антоновича будущимъ императоромъ.

— Но преемникъ императрицы еще въ колыбели,—сказалъ Левенвольде...—Слѣдуетъ установить правительство до его совершеннолѣтія!

— Я не знаю, —отвѣчалъ Остерманъ:—какая въ томъ будетъ воля ея величества. Но мнѣ кажется, сама природа тутъ указываетъ: у малолѣтняго императора есть мать; она и будетъ правительницею, только при ней надобно будетъ учредить совѣтъ, а въ числѣ членовъ этого верховнаго совѣта можетъ быть герцогъ курляндскій.

Этотъ отвѣтъ не понравился Бирону, когда его передалъ ему Левенвольде. Любимецъ думалъ, что Остерманъ будетъ подогадливѣе и сразу скажетъ, что регентомъ слѣдуетъ назначить его, Бирона. Но дипломатъ хотѣлъ уклониться до поры до времени и выждать, что̀ скажутъ другіе: ему самому не хотѣлось явиться первымъ въ такомъ предпріятіи, которое можетъ и не удаться.

Биронъ, недовольный двусмысленнымъ отвѣтомъ Остермана, произнесъ: «какой совѣтъ можетъ быть тамъ, гдѣ много головъ? У каждой головы своя собственная мысль!»

Его снова позвали къ императрицѣ; онъ сообщилъ ей отвѣтъ Остермана, императрица похвалила Остермана и говорила:

— Я хочу все устроить, что только будетъ зависѣть отъ меня. Остальное—въ волѣ Божіей! Знаю, что оставляю императора-младенца въ грустномъ положеніи. Ни онъ самъ, ни его родители не способны совершить что-нибудь. Отецъ—человѣкъ безъ дарованій и не можетъ служить поддержкою малолѣтнему сыну. Мать принцесса—не глупа, но у ней есть отецъ, герцогъ мекленбургскій—тиранъ своихъ подданныхъ. Онъ явится въ Россію и здѣсь начнетъ поступать такъ, какъ поступалъ въ своемъ мекленбургскомъ владѣніи. Память моя покроется позоромъ! Нѣтъ, ни отецъ, ни мать не годятся, чтобъ государствомъ править!

Биронъ успокоивалъ государыню, но что говорилось у него съ императрицею по вопросу объ управленіи государствомъ во время малолѣтства будущаго императора—это остается неизвѣстнымъ, потому что свидѣтелемъ ихъ тогдашней бесѣды не былъ никто.

Вышедши изъ опочивальни императрицы, любимецъ увидался съ Бестужевымъ, Черкасскимъ и Минихомъ. Неизвѣстно навѣрно, посылалъ ли за ними Биронъ, или они сами явились къ куртагу: тогда при дворѣ сходились вельможи къ государынѣ на куртаги по воскресеньямъ и четвергамъ.

Любимецъ передалъ имъ, что императрица твердо стоитъ на прежней своей волѣ—объявить наслѣдникомъ своимъ сына принцессы Анны, но не считаетъ обоихъ ихъ родителей способными управлять государствомъ. Биронъ просилъ ихъ съѣздить къ Остерману и услышать отъ него мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать въ такія критическія минуты.

Князь Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерману, сѣвши вмѣстѣ въ одной каретѣ; Минихъ отправился туда же впереди ихъ въ особомъ экипажѣ. Дорогою Бестужевъ и Черкасскій разговаривали между собою о событіяхъ дня и оба сходились на той мысли, что надобно предложить регентство герцогу курляндскому. Пріѣхавши къ Остерману, они не скоро могли добиться отъ него желательнаго для себя отвѣта. О наслѣдствѣ Ивана Антоновича онъ не пускался въ разсужденія. «Государыня,—сказалъ онъ:—назначаетъ своимъ преемникомъ внука, сына своей племянницы, принцессы Анны, а воля самодержавной государыни есть законъ. Итакъ необходимо составить манифестъ объ объявленіи преемникомъ императрицы Анны Ивановны принца Ивана Антоновича и объ учиненіи ему присяги на вѣрность».

Но заговорили о томъ, кому поручить правленіе до совершеннолѣтія будущаго императора, Остерманъ сказалъ:

— Дай Господи государынѣ моей много лѣтъ здравствовать! Мы сейчасъ напишемъ манифестъ о престолонаслѣдіи, а о регентствѣ — это дѣло другое. Дѣло важное — надобно подумать! Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только природными русскими! Я иноземецъ, и мнѣ такое рѣшеніе не подъ-стать!

Бестужевъ, видя, что Остерманъ отвиливаетъ, сказалъ: «странно, графъ, что вы себя называете иноземцемъ, когда вы такъ долго занимали первую должность въ россійскомъ государствѣ и правили всѣми государственными дѣлами!.. Вы болѣе русскій, чѣмъ двадцать тысячъ другихъ, называющихъ себя русскими по происхожденію. Мы не затѣмъ къ вамъ пріѣхали, чтобъ навязывать вамъ чужое мнѣніе, а затѣмъ, чтобъ слышать ваше собственное отъ васъ самихъ. Безъ этого намъ и пользы нѣтъ отъ участія въ нашихъ совѣщаніяхъ».

Остерманъ началъ объяснять, что его словъ не поняли и, по своему обыкновенію, вывертывался такъ, что, по неясности способа его выраженія, слушавшіе не могли уразумѣть, что онъ сказать хочетъ. Когда его, какъ говорится, уже приперли къ стѣнкѣ, а онъ долженъ былъ такъ или иначе высказаться, что думаетъ о предоставленіи регенства Бирону, Остерманъ произнесъ, что, по его личному убѣжденію, регентство не должно быть въ болѣе достойныхъ рукахъ, какъ у герцога, и его избраніе въ этотъ санъ было бы самою благоразумною мѣрою. Но тѣмъ и ограничился Остерманъ, всегда въ важныхъ дѣлахъ выражавшійся темно и нерѣшительно. Кабинетъ - министры уѣхали отъ него, не добившись того, за чѣмъ пріѣзжали. Немедленно послѣ ихъ отъѣзда Остерманъ пригласилъ кабинетъ - секретаря Яковлева и продиктовалъ ему проектъ манифеста о престолонаслѣдіи... Еще этотъ манифестъ не былъ готовъ, какъ изъ дворца уже присылали за нимъ, и Остерманъ принужденъ былъ отослать его написаннымъ вчернѣ.

Воротившись отъ Остермана, кабинетъ-министры явились къ Бирону. Они извѣстили его, что Остерманъ сейчасъ принимается за манифестъ, а о регентствѣ говоритъ, что съ нимъ торопиться нечего и слѣдуетъ подумать. Пришелъ Левенвольде. Тогда Биронъ произнесъ передъ ними такую рѣчь:

— Великое несчастіе меня постигаетъ, господа. Я теряю государыню благодѣтельницу, которая почтила меня неизмѣримою милостію и довѣренностію. Послѣ нея чего добраго мнѣ ждать здѣсь въ Россіи, кромѣ неблагодарности и ненависти къ себѣ! Но я безпокоюсь не такъ о себѣ, какъ о Россійской имперіи, а я долго, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовалъ ея благо-

состоянію. Наслѣдникъ престола—восьми-недѣльный младенецъ въ колыбели, его назначеніе еще не оглашено и кто знаетъ, какъ отнесется къ нему народъ, который въ прежнія времена бывалъ недоволенъ въ малолѣтство государя! А нынѣ вонъ какія обстоятельства! Шведы не перестаютъ вооружаться и, конечно, воспользуются худымъ положеніемъ Россіи, когда въ ней откроются несогласія и безпорядки. Россіи нужно такое правительство, чтобъ оно умѣло держать народъ въ порядкѣ и обуздывать его.

— Вы слыхали, графъ, — сказалъ онъ, обратившись къ Миниху:—думаютъ устроить у насъ правительство на польскій образецъ, состоящее изъ многихъ лицъ?—Биронъ намекалъ на отвѣтъ Остермана, привезенный Бирону чрезъ Левенвольде.

— Я не слыхалъ!—отвѣчалъ Минихъ.

— Это,—замѣчалъ Бестужевъ,—противно было бы существу россійскаго правительства и духу нашей націи, издавна привыкшей къ единовластію. Опытъ намъ это показалъ достаточно одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда избирали на престолъ государыню Анну Ивановну. Это до того очевидно, что и толковать объ этомъ нечего. Надобно регентство поручить одному лицу. Герцогу курляндскому регентомъ быть!

Тутъ кто-то, кажется, для соблюденія приличія (можетъ быть, и самъ Бестужевъ), произнесъ: не безпрепятственно ли будетъ со стороны чужихъ государствъ, когда родители его величества будутъ обойдены?

Князь Черкасскій сталъ что-то говорить Левенвольду тихонько, а Левенвольдъ громко сказалъ: — не шепчитесь, говорите велегласно!

Бестужевъ въ свою очередь продолжалъ начатое:

— Родителямъ будущаго императора правленіе поручать нельзя, да и государыня императрица этого не желаетъ! Если дать власть принцу брауншвейгскому, онъ надѣлаетъ большихъ хлопотъ Россіи. Онъ—племянникъ римскаго императора и шуринъ прусскаго короля. Онъ отдастъ Россію въ волю чужихъ государствъ, впутаетъ ее въ ихъ взаимныя несогласія и вооружитъ противъ нея многіе имперскіе дворы; а намъ надобно соблюдать со всѣми равное согласіе, отнюдь не вмѣшиваясь въ ихъ домашнія дѣла, до насъ не касающіяся.

— Онъ человѣкъ горячій,—сказалъ кн. Черкасскій: — онъ будетъ стараться сдѣлаться генералиссимусомъ, а получивши полную высшую власть надъ войскомъ, всецѣло отдастся въ диспозицію вѣнскаго двора. Притомъ же, нравъ принца браун-

швейгскаго намъ неизвѣстенъ, а нравъ герцога курляндскаго мы давно знаемъ!

Левенвольде повторялъ то же.

Бестужевъ продолжалъ:

— Сама принцесса Анна — женщина своенравная, какъ и ея родитель; притомъ у нея нѣтъ достаточныхъ познаній въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, и она совершенно не подготовлена къ тому, чтобъ нести на себѣ тяжелое бремя управленія государствомъ. Нѣтъ никого, кто бы такъ способенъ былъ къ принятію на себя должности регента, какъ герцогъ курляндскій. Онъ благоразуменъ, онъ смѣлъ, неустрашимъ, онъ знаетъ всѣ интересы нашей страны! Надѣюсь, почтенные господа согласятся со мною, что намъ теперь остается просить императрицу поручить послѣ себя до совершеннолѣтія будущаго императора Ивана Антоновича регентство надъ имперіею герцогу курляндскому.

— И я тоже полагаю, — сказалъ кн. Черкасскій. — Его личная польза въ отношеніи собственнаго герцогства связана съ пользою и благоденствіемъ Россіи. Уже ради одного опасенія за свое собственное герцогское владѣніе, находящееся въ распоряженіи Россіи, онъ будетъ стараться о ея государственныхъ дѣлахъ на столько, чтобъ всегда быть въ состояніи дать въ нихъ безукоризненный отчетъ. Мы окажемъ великую услугу нашему отечеству, если начнемъ утруждать герцога нашею общею просьбою, дабы онъ благоволилъ на будущее время обратить свое вниманіе къ попеченію о нашемъ государствѣ.

Фельдмаршалъ Минихъ принялъ сторону товарищей: хотя внутренно онъ Бирона не терпѣлъ, но тутъ горячѣе прочихъ сталъ просить его — принять на себя регентство. — Мы знаемъ, — говорилъ фельдмаршалъ, — превосходныя качества характера вашего, герцогъ. Мы убѣждены, что никто, кромѣ васъ, до такой степени не свѣдущъ во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ россійскаго государства и никто не будетъ принятъ русскою націею съ такимъ восторгомъ, какъ всѣ министры наши за все время царствованія императрицы Анны Ивановны привыкли къ вашему образу дѣйствій и никому не станутъ такъ охотно повиноваться, какъ вамъ. А вотъ что говорили о принцѣ брауншвейгскомъ, такъ я скажу: былъ онъ при мнѣ двѣ кампаніи, и я все-таки не узналъ — что онъ такое: рыба ли онъ или мясо!

«Отецъ мой, — замѣчаетъ по этому поводу сынъ фельдмаршала въ своихъ запискахъ, — находился тогда въ такомъ щекотливомъ положеніи, въ какомъ только честный человѣкъ когда-

либо очутиться можетъ. Уже давно всѣ привыкли обращаться къ любимцу съ гнусною лестью; императрицѣ это нравилось, напротивъ, всякое невниманіе къ нему она принимала за оскорбленіе самой себѣ. Хотя врачи мало подавали надежды на выздоровленіе императрицы, но изъ нихъ тогда еще никто не рѣшился бы утвердительно сказать, что ея кончина близка. Если жъ бы случилось, что она оправилась отъ своего недуга, то черезъ недѣлю гибель постигла бы того, кто бы дерзнулъ въ то время обращаться съ герцогомъ такъ, какъ требовала справедливость. Примѣръ Волынскаго былъ еще свѣжъ и всѣмъ памятенъ. Кто взвѣситъ тогдашнія обстоятельства,—продолжаетъ Минихъ-сынъ въ своихъ запискахъ,—тотъ не поставитъ моему родителю въ вину его поступка и не назоветъ его несоотвѣтствующимъ съ здравымъ разсудкомъ».

Герцогъ, выслушавши втайнѣ желанное для него предложеніе, сказалъ:

— То, что̀ я слышу отъ васъ, меня крайне бы изумило, еслибъ я не былъ увѣренъ, господа, что единственнымъ побужденіемъ къ этому была искренняя ко мнѣ любовь и дружественное расположеніе. Но сами разсудите: много ли въ русской публикѣ людей, такъ дружелюбно расположенныхъ ко мнѣ какъ вы! Всѣ только и твердятъ, что я иноземецъ; благоволеніе императрицы ко мнѣ возбудило противъ меня завистниковъ, и я уже не разъ замѣчалъ съ прискорбіемъ, какъ мои чистѣйшія намѣренія обезображивались гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ тогда, когда я получу верховную власть? До сихъ поръ императрица защищала меня отъ враговъ, а кто будетъ стоять за меня и оборонять меня, когда не станетъ моей благодѣтельницы? Я такъ богато награжденъ милостями моей государыни, что послѣ нея мнѣ уже ничего не остается желать, какъ только, отказавшись отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, удалиться на родину и жить себѣ тамъ частнымъ человѣкомъ, оставаясь, если позволите, вашимъ неизмѣннымъ другомъ.

— Вы, герцогъ, не имѣете права отвергать предлагаемое вамъ могущественною націею. Это не человѣческое дѣло; оно совершается по волѣ Божіей! Вы дурно заплатите за тѣ милости, которыми такъ обильно почтила васъ императрица,—говорили другіе.

— Я лучше другихъ знаю свою неспособность! — сказалъ Биронъ.

— А мы думаемъ, герцогъ,—сказалъ Минихъ, — что милліоны людей, осчастливленныхъ вашимъ правленіемъ, будутъ за

васъ молить Бога! Ваша свѣтлость, примите весла правленія въ ваши крѣпкія руки, мы же всѣ вамъ искренно преданы и я, какъ прежде былъ, такъ и впередъ пребуду вашимъ вѣрнѣйшимъ слугою!

— Если, — сказалъ наконецъ Биронъ, — меня что-нибудь можетъ принудить къ принятію на себя такого непосильнаго бремени, то развѣ только признательность къ великимъ благодѣяніямъ императрицы, привязанность къ ея высокой фамиліи и усердіе къ славѣ и благоденствію россійской имперіи; но я не могу на это рѣшиться, какъ только услышавши согласное желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ патріотовъ. Пусть, если угодно, завтра утромъ соберется совѣтъ изъ знатнѣйшихъ особъ, сенаторовъ, генералитета и придворныхъ чиновъ; прежде пусть всѣ признаютъ молодого принца Ивана Антоновича преемникомъ на престолъ государыни Анны Ивановны, а потомъ установятъ правительство до его совершеннолѣтія, пусть только разсудятъ, согласно съ графомъ Остерманомъ, и чрезъ него представятъ императрицѣ.

Герцога тутъ снова позвали къ больной государынѣ, а Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и князя Трубецкого въ другой покой и тамъ всѣ трое стали составлять духовную объ учрежденіи регентства и предположили подать ее къ подписи императрицѣ въ слѣдующее утро. Писалъ ее тотъ же Андрей Яковлевъ, который работалъ у Остермана. Въ этой духовной было постановлено: на случай кончины императрицы, и впредь до совершеннолѣтія будущаго государя будетъ управлять въ теченіе семнадцати лѣтъ государствомъ герцогъ курляндскій и во все это время завѣдывать всею сухопутною и морскою силою, распоряжаться государственною казною, стоять во главѣ надъ всѣми государственными учрежденіями, руководить всѣми сношеніями съ иностранными державами и прилагать заботы о воспитаніи молодого императора. На содержаніе регенту опредѣляли ежегодную сумму въ количествѣ 600,000 рублей.

Когда эту духовную составляли, въ другомъ покоѣ, тамъ, гдѣ оставленъ былъ Минихъ, сошлись другіе вельможи: кн. Куракинъ, адмиралъ Головинъ, гр. Головкинъ, генералъ Ушаковъ. Минихъ всѣхъ этихъ господъ принялся настраивать въ пользу регентства Биронова. Легко было фельдмаршалу всѣхъ ихъ расположить къ этому, потому что каждый изъ нихъ, не питая никакого дружелюбнаго сочувствія къ герцогу курляндскому, руководствовался такими же соображеніями, какъ и уговаривавшій ихъ фельдмаршалъ. Когда духовная была готова, сочинители

вышли изъ того покоя, гдѣ ее составляли, и князь Трубецкой прочиталъ ее собравшимся господамъ передъ дверьми царской опочивальни. Всѣ слушали и одобряли; ближе всѣхъ къ чтецу стоялъ кн. Черкасскій.

Утромъ 6-го октября пріѣхалъ во дворецъ Остерманъ. Стараго дипломата внесли во дворецъ въ креслахъ, потому что онъ съ чрезвычайнымъ трудомъ могъ ступать на ноги. Его встрѣтилъ Минихъ и сообщилъ, что уже всѣ вельможи настойчиво упрашивали герцога принять на себя регентство, но герцогъ все колеблется. Дипломатъ, заслыша это, вдругъ измѣнилъ свой вчерашній тонъ; вмѣсто двусмысленныхъ неясныхъ выраженій онъ, казалось, приходилъ въ восторгъ отъ всеобщаго желанія избрать регентомъ герцога курляндскаго, произнесъ отъ себя совершенное согласіе и прибавилъ, что если герцогъ будетъ еще долѣе упрямиться, то надлежитъ утруждать императрицу просьбами, чтобы она съ своей стороны расположила его принять предлагаемое регентство. Такимъ образомъ, Андрей Ивановичъ Остерманъ поступилъ здѣсь какъ искуснѣйшій дипломатъ: онъ не выставился впередъ рьянымъ сторонникомъ Бирона, чтобы не подвергнуться нареканіямъ, еслибы возвышеніе герцога почему-нибудь не состоялось, а теперь безбоязненно объявилъ себя въ его пользу, когда былъ увѣренъ, что между вельможами никто не показываетъ къ герцогу недоброжелательства.

Остермана въ креслахъ внесли въ опочивальню императрицы. Съ нимъ были тамъ князь Черкасскій и Биронъ. Остерманъ представилъ къ подписи государынѣ два акта: одинъ былъ составленъ имъ самимъ, другой Бестужевымъ съ товарищами. Первый, манифестъ о престолонаслѣдіи принца Ивана Антоновича съ приложеніемъ присяжнаго листа, былъ сразу подписанъ государынею, а другой—она положила себѣ подъ изголовье. Подписывая первый, она спросила Остермана:—кто писалъ это? и получила отвѣтъ:—я, вашъ нижайшій рабъ! Просмотрѣвши другой, императрица взглянула на Бирона и произнесла: развѣ тебѣ это нужно? Вельможи вышли изъ опочивальни въ совершенномъ недоумѣніи о судьбѣ второго акта. Относительно перваго акта, императрица хотя безъ возраженія его подписала, но ея сердце предчувствовало, что высокая судьба, которую императрица предопредѣляла младенцу, не будетъ прочною, и послѣ подписанія манифеста императрица говорила, что съ меньшею тревогою подписывала мирный договоръ съ Турціею, чѣмъ этотъ манифестъ.

Биронъ горячо желалъ сдѣлаться регентомъ, но принужденъ

былъ обстоятельствами играть въ смиреніе, а его угодники-министры, въ душѣ его не любившіе, продолжали настаивать на своихъ просьбахъ о принятіи имъ регентства. Дни за днями проходили; императрица не показывала ни малѣйшихъ надеждъ къ выздоровленію, напротивъ, все болѣе и болѣе слабѣла, духовной все не подписывала. Потерявши, наконецъ, терпѣніе, угодники герцога курляндскаго прибѣгнули къ такому извороту. Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и, при незнаніи послѣднимъ русскаго языка, еще кн. Трубецкого; вмѣстѣ всѣ трое измыслили составить позитивную декларацію отъ имени сената, генералитета и разныхъ высокихъ чиновъ лицъ, какъ бы вмѣстѣ изображавшихъ собою цвѣтъ русской націи. Въ этомъ актѣ излагалась просьба къ государынѣ о назначеніи послѣ себя регентомъ герцога курляндскаго въ такомъ же смыслѣ, какъ было изложено въ духовной. Минихъ и здѣсь подписался первымъ. «Истинно за тебя вѣрно стоять и яко честный человѣкъ помощь оказывать буду», сказалъ онъ Бирону! Устроили подписку въ министерскихъ покояхъ. Приглашали духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ первыхъ двухъ ранговъ, вводя въ комнаты по нѣскольку лицъ, какъ будто съ цѣлью избѣжать тѣсноты и замѣшательства. Предполагали распространить эту подписку и на болѣе второстепенныхъ чиновныхъ лицъ, надѣясь, что каждый изъ такихъ, видя, что уже прежде подписались лица чиновъ поважнѣе, не задумается приложить свою руку, выражая согласіе. Подписывавшіеся всѣ руководились такимъ же страхомъ привязанности къ любимцу высочайшей особы, какимъ руководился фельдмаршалъ. Биронъ продолжалъ держать себя не участвующимъ во всемъ, что творилось, и съ притворнымъ любопытствомъ спрашивалъ Бестужева: что это люди идутъ въ кабинетъ? а узнавши, въ чемъ дѣло, спросилъ: оставляется ли каждому поступать по своей волѣ? Бестужевъ отвѣтилъ: да.

Въ то же время дѣлались усилія побудить принцессу Анну и ея супруга присоединиться къ общему желанію. Для воздѣйствія на нихъ избранъ былъ баронъ Менгденъ, отецъ Юліаны Менгденъ, любимой фрейлины принцессы Анны. Этотъ баронъ, нѣмецъ до мозга костей, всѣмъ своимъ соплеменникамъ при дворѣ внушалъ, что непремѣнно слѣдуетъ Бирона сдѣлать регентомъ для поддержанія власти нѣмцевъ въ Россіи, иначе всѣ нѣмцы пропадутъ отъ злобы къ нимъ русскихъ. На принцессу, однако, онъ не оказалъ большого вліянія. Анна Леопольдовна дала ему такой отвѣтъ:—вы знаете, я и прежде удалялась отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, а теперь еще менѣе

отважусь на какое-нибудь подобное вмѣшательство. Императрица, хотя и находится въ опасномъ положеніи, но, при ея еще не старыхъ лѣтахъ возраста, она еще можетъ выздоровѣть при Божіей помощи. Я ни за что на свѣтѣ не стану безпокоить ее чѣмъ-нибудь такимъ, чтб напоминать ей можетъ о близкой смерти. Когда ея величеству угодно было назначить преемникомъ своимъ моего сына, то, вѣроятно, она сама соизволитъ объявить свою высочайшую волю относительно управленія государствомъ во время его малолѣтства. Я предоставляю это благоусмотрѣнію ея величества.

Въ самомъ дѣлѣ, Анна Ивановна уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду боялась призрака смерти и даже запретила возить мертвыхъ мимо ея дворца. Принцесса Анна, передавая все это Менгдену, сочла нужнымъ присовокупить, что ей, впрочемъ, непріятнымъ не будетъ, если императрица назначитъ герцога регентомъ или вообще дастъ ему послѣ себя какое-либо участіе въ верховномъ правительствѣ.

Биронъ, всегда близкій къ особѣ императрицы и безпрестанно посѣщавшій больную, сколько разъ ни пытался направить ее къ тому, чтобы она сама изъявила ему желаніе окончить дѣло о регентствѣ,—не достигалъ своей цѣли.

Однажды, по этому поводу, императрица сказала ему: «жаль мнѣ тебя, Биронъ, безъ меня тебѣ не будетъ счастья». Наконецъ, 16 октября, когда императрицѣ стало очень худо и присутствовавшіе ожидали скорой кончины, ему таки удалось ввести къ императрицѣ Остермана: не знаемъ подлинно, самъ ли Остерманъ явился или императрица его потребовала. Тутъ она вынула изъ-подъ изголовья духовную и подписала. Тогда Остерманъ и Биронъ вышли изъ царской опочивальни съ торжествующимъ видомъ и Биронъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ угодникамъ: Господа! вы поступили какъ древніе римляне!

Что хотѣлъ сказать этимъ курляндскій герцогъ—мы не знаемъ. Такъ разсказываетъ сынъ фельдмаршала Миниха.

По словамъ самого герцога курляндскаго, въ его запискѣ, посланной изъ мѣста своей ссылки въ Ярославлѣ императрицѣ Елисаветѣ, дѣло было такъ: Биронъ, вошедши въ опочивальню императрицы, засталъ тамъ Остермана. Государыня держала въ рукахъ духовную и готовилась ее подписывать. Биронъ умолялъ ее не дѣлать этого, представляя, что отказъ государыни подписать этотъ документъ будетъ награжденіемъ за всю многолѣтнюю службу его императрицѣ. Государыня, послушавши любимца, положила бумагу снова подъ изголовье. Въ теченіе

нѣсколькихъ дней послѣ того онъ отклонялъ императрицу отъ исполненія этого замысла. Наконецъ, тринадцать знатнѣйшихъ сановниковъ вошли въ ея опочивальню и подали просьбу, подписанную уже 190 лицами; изъ этой просьбы государыня могла увѣдать о всеобщемъ желаніи видѣть ея любимца регентомъ россійскаго государства, во время малолѣтства будущаго императора Ивана Антоновича. Тогда императрица Анна Ивановна приказала позвать Остермана и подписала духовную, а подписавши, отдала постоянно находившейся при ея особѣ подполковницѣ Юшковой, которая спрятала этотъ важный документъ въ шкафъ съ драгоцѣнностями.

Въ послѣдующіе затѣмъ часы, здоровье императрицы являлось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. 17 октября, въ пятницу около полудня почувствовала больная, что у ней отнялась нога. Къ ней вошли принцессы—Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна. Императрица, будучи еще въ полномъ сознаніи, говорила, прощалась съ ними. Къ вечеру сдѣлались съ нею такіе мучительные припадки, что видѣвшіе ихъ не могли не пожелать, чтобы Богъ скорѣйшею кончиною избавилъ страдалицу отъ такихъ мукъ. Въ девять часовъ явилось придворное духовенство съ пѣвчими. За нимъ вступила въ опочивальню толпа близкихъ къ государынѣ вельможъ. Совершался обрядъ соборованія елеемъ. Императрица, проводя взорами по толпѣ господъ, наполнившихъ комнату, замѣтила Миниха и сказала ему: прощай, фельдмаршалъ! Потомъ, обводя угасавшіе глаза по другимъ и уже не будучи въ силахъ распознать кого-нибудь, она произнесла: всѣ, прощайте! Съ этими словами императрица испустила дыханіе.

Н. Костомаровъ.

ЖЕНЩИНА

и

ЕЯ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Историческій очеркъ.

Если вообще научное изученіе явленій общественной жизни и установленіе законовъ ихъ развитія возможно лишь съ помощью сравнительно-историческаго метода, то для насъ, для русской науки, примѣненіе сравнительно-историческаго метода является безусловною необходимостью. Какую бы отрасль общественныхъ отношеній мы ни взяли, мы въ одной Россіи можемъ найти всѣ ступени развитія этихъ отношеній. Достаточно вспомнить, что у насъ вмѣстѣ съ инородцами, руководствующимися своими обычными нормами, есть мѣста, въ которыхъ дѣйствуетъ римское право и французскій Code civile. Въ виду этого у насъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, умѣстно сравнительно-историческое изученіе общественныхъ явленій и правовыхъ отношеній, такъ какъ только такимъ путемъ мы можемъ изучить правовыя и общественныя отношенія, господствующія во всей странѣ. Изучая, напримѣръ, X-й томъ, мы знакомится съ гражданскимъ правомъ, дѣйствующимъ лишь на сравнительно незначительномъ пространствѣ и среди сравнительно незначительной части населенія. По отношенію къ занимающей насъ части гражданскаго права, къ имущественному положенію женщины, мы находимъ на пространствѣ, занимаемомъ Россіей, всевозможныя ступени развитія, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія, мы на-

ходимъ всевозможныя нормы, опредѣляющія имущественное положеніе женщины. Такъ, мы встрѣчаемъ пріобрѣтеніе жены чрезъ посредство калыма; далѣе приданое, даваемое невѣстѣ въ видѣ платья и другихъ движимыхъ вещей; затѣмъ приданое изъ движимаго и недвижимаго въ качествѣ выдѣла, сопровождаемое институтомъ раздѣльности имуществъ,—встрѣчаемъ и такъ-называемую дотальную систему, т.-е. право мужа на доходы и плоды приданаго, причемъ остальное имущество, могущее быть у жены, составляетъ ея отдѣльную собственность, на которую не распространяется право пользованія мужа; встрѣчаемъ далѣе общность имущества въ видѣ правила, и раздѣльность имуществъ, дотальную систему въ видѣ дозволеннаго института, зависящаго отъ взаимнаго соглашенія. Спрашивается теперь, какъ же при такихъ условіяхъ изучать только ограниченное количество нормъ объ этомъ предметѣ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ X-мъ томѣ? Если мы исходимъ отъ этихъ нормъ, мы теряемъ историческую перспективу какъ по отношенію къ прошлому этой сферы отношеній, такъ и по отношенію къ будущему; мы не знаемъ, ни откуда онѣ исходили, ни куда онѣ идутъ; мы не знаемъ того мѣста, которое занимаютъ черты имущественныхъ отношеній, какъ онѣ охарактеризованы въ X-мъ томѣ и въ историческомъ развитіи этихъ отношеній вообще; словомъ, мы не знаемъ законовъ развитія этихъ отношеній, которые сами собою даются при изученіи обширнаго матеріала, представляемаго нормами, существующими во всей Россіи.

Конечно, есть еще юристы, не только практики, но и теоретики, которые не чувствуютъ потребности въ такихъ вещахъ, какъ законы развитія общественныхъ явленій и нормъ права. Для нихъ эти слова представляютъ не только звукъ пустой, но и предметъ глумленія надъ эволюціонистами. Они признаютъ задачею юриспруденціи истолкованіе дѣйствующихъ нормъ и подведеніе ихъ подъ какія-нибудь общія логическія категоріи, т.-е. въ ихъ глазахъ юриспруденція есть не наука, а искусство, необходимое для практическихъ цѣлей — примѣненія закона къ частному случаю.

Но если для западно-европейскаго юриста, для французскаго, нѣмецкаго, и возможно ограничиться изученіемъ одного опредѣленнаго кодекса и способовъ его толкованія, то для русскаго юриста, какъ я уже сказалъ, изученіе однихъ нормъ X-го тома, регулирующихъ данный кругъ отношеній, должно считаться совершенно недостаточнымъ, ибо, какъ я уже упоминалъ выше, у насъ дѣйствуютъ и признаются обязательными не только однѣ

нормы X-го тома. А разъ приходится изучать многообразныя нормы объ одномъ и томъ же правовомъ институтѣ, начиная отъ низшихъ въ культурномъ смыслѣ и кончая высшими, то и слѣдуетъ располагать ихъ такимъ образомъ, чтобы можно было видѣть, какъ изъ данныхъ зародышей, изъ данныхъ элементарныхъ правилъ развились болѣе сложные юридическіе нормы и институты, т.-е. разсматривать и излагать предметъ съ помощью сравнительно-историческаго метода.

Для того, чтобы можно было приступить къ сравнительно-историческому изложенію какого-либо института по дѣйствующимъ у насъ нормамъ, необходимо, конечно, для облегченія дѣла позаботиться о томъ, чтобы эти нормы были собраны воедино, чтобъ онѣ представляли собою сборникъ, который легко осмотрѣть и которымъ можно пользоваться для характеристики данной сферы отношеній.

Вотъ почему собственно по отношенію къ области гражданскаго права нельзя не придавать громаднаго значенія труду, предпринятому профессоромъ Малышевымъ подъ названіемъ «Курсъ *общаго* гражданскаго права Россіи». Этотъ курсъ, 1-й томъ котораго вышелъ еще въ 1880 году, заключаетъ въ себѣ не только законы X-го тома, но и законы Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края, Бессарабіи, русское обычное право, обычное право инородцевъ и т. д. Приходится глубоко сожалѣть о томъ, что курсъ этотъ остановился на первомъ томѣ, гдѣ исчерпана только область семейныхъ отношеній. Послѣ этого вступленія, необходимаго еще въ настоящее время для обоснованія сравнительно-историческаго метода, который, по моему мнѣнію, является спасительнымъ для всей общественной науки вообще, я приступаю къ предмету моей статьи.

I.

Такъ-называемая купля женъ есть не что иное, какъ символъ мира между враждебными до того общинами. Брачное единеніе между мужчиной изъ одной общины и женщиною изъ другой общины есть не что иное, какъ установленіе мира и единенія между различными общинами. Въ данномъ случаѣ это единеніе выражается въ томъ, что представители одной общины даютъ представителямъ другой общины лошадей, скотъ, оружіе и впослѣдствіи другого рода предметы и даже деньги, и взамѣнъ этого получаютъ женщину. Я не стану излагать здѣсь тѣхъ до-

водовъ и фактическихъ данныхъ, по которымъ я пришелъ къ такому заключенію относительно первобытнаго характера такъ-называемой купли женъ. Я укажу лишь на то, что въ тѣ ранніе времена, когда возникаетъ такъ-называемая купля женъ, купля вообще не имѣетъ того характера, какой она носитъ въ настоящее время. Продажа вещи не есть пріобрѣтеніе предмета одной стороной у другого съ барышемъ, а есть обмѣнъ въ полномъ смыслѣ этого слова, причемъ не допускается и мысли о барышѣ.

Исходя изъ этого положенія, а также на основаніи другихъ соображеній, одинъ изъ этнологовъ, котораго цитируетъ г. Зиберъ въ своихъ «Очеркахъ первобытной экономической культуры», голландецъ Вилькенъ, въ свою очередь отрицаетъ за актомъ купли женъ характеръ торговой сдѣлки и видитъ въ платѣ за невѣсту не что иное, какъ выкупъ мести, плату за обиду, наносимую общинѣ при отнятіи у нея дѣвушки-невѣсты. Извѣстно, что до того времени, когда устанавливается плата за невѣсту, ее похищаютъ. Такимъ образомъ, разсуждаетъ Вилькенъ, первоначально съ бракомъ, съ насильственнымъ увозомъ женщины изъ племени, было соединено понятіе обиды, и вотъ за эту-то обиду и платитъ женихъ и въ позднѣйшія времена, когда похищеніе, насильственный увозъ совершаются только символически (Зиберъ, стр. 302—306). Г. Зиберъ вполнѣ усваиваетъ эту теорію и полагаетъ, что происхожденіе платы за невѣсту изъ пени или жертвы за превращеніе мести удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ и объясняетъ всѣ извѣстные намъ факты. Я укажу здѣсь на одинъ разрядъ фактовъ, который никакимъ образомъ не можетъ быть разъясненъ теоріей Вилькена. Я говорю объ извѣстномъ намъ еще изъ Библіи способѣ пріобрѣтенія женъ съ помощью личнаго труда: «Іаковъ полюбилъ Рахиль, и сказалъ: я буду служить тебѣ семь лѣтъ за Рахиль, младшую дочь твою. Лаванъ сказалъ (ему): лучше отдать мнѣ ее за тебя, нежели отдать ее за другого кого; живи у меня. И служилъ Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ» (Бытія, XXIX, 18—20). По исландскому праву, женщина-невѣста также пріобрѣталась съ помощью работы, производимой женихомъ (Gans, Erbrecht, IV, стр. 482).

Да зачѣмъ намъ ходить далеко. Въ правилахъ свода степныхъ законовъ мы встрѣчаемъ статью 347, въ которой говорится о пріобрѣтеніи невѣсты *личнымъ трудомъ жениха* или о такъ-называемой отработкѣ калыма. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: «Кто, не *имѣя возможности* внести за невѣсту калымъ, *вступитъ въ семейство отца ея* или родственниковъ ея, съ

тѣмъ, чтобы заработать требуемый за нее калымъ» и т. д. Точно также, если бракъ совершенъ убѣгомъ, то мужъ обязанъ post factum, если онъ не въ состояніи уплатить калыма, прослужить родителямъ невѣсты опредѣленное время, но не долѣе одного года (Малышевъ, стр. 311—312).

Точно также обычай отрабатыванія существовалъ у Якутовъ. Если женихъ сговоренной невѣсты окажется не въ состояніи платить всего или части калыма,... то, буде было совокупленіе, бракъ не уничтожается, а калымъ платится какъ обыкновенный долгъ посредствомъ зарабатыванія. (Малышевъ стр. 310).

Еще менѣе этого, теоріею происхожденія платы изъ выкупа мести можетъ быть объясненъ обычай обмѣна невѣстъ между двумя племенными общинами. Такъ, у бурятъ, можно безъ калыма промѣняться дочерьми, одинъ за своего сына, а другой за своего. Точно также и у тунгузовъ случается, что безъ платежа скота обмѣниваются дочерьми (Малышевъ, стр. 307, 309). Этотъ обычай обмѣна или промѣна вошелъ даже въ сводъ степныхъ законовъ (тамъ же, стр. 311). О существованіи обмѣна въ Закавказьѣ мы узнаемъ изъ адатовъ въ самурскомъ округѣ. Бываетъ,— говорится тамъ,—что мужчина, бравши въ замужество за себя изъ какого-нибудь семейства женщину, обязался отдать въ то же семейство свою сестру, дочь, или находящуюся въ опекѣ его дѣвушку за одного изъ членовъ его въ замужество,—въ такомъ случаѣ онъ не платитъ іолъ-пули (условленная плата за невѣсту) и обмѣнъ этотъ называется башабашъ. Бываетъ иногда, что при такомъ обмѣнѣ женщинъ, одна изъ нихъ взрослая, достигнувшая лѣтъ, въ которыя дозволяется вступать въ бракъ, а другая, долженствующая поступить взамѣнъ ея, малолѣтняя; въ такомъ разѣ мужчина, женившійся на взрослой, отдавая малолѣтнюю, доплачиваетъ условленную сумму денегъ тому семейству, изъ котораго беретъ взрослую дѣвушку. (тамъ же, стр. 317).

Эти факты, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, показываютъ уже, что въ платѣ за невѣсту дѣло идетъ, очевидно, не объ искѣ, не о выкупѣ за месть, а о чемъ-то другомъ. Я этимъ не хочу сказать, что я вижу въ отрабатываніи за невѣсту или въ обмѣнѣ чисто-экономическую сдѣлку пріобрѣтенія, купли невѣсты. Если мы обратимъ вниманіе на библейскій разсказъ о томъ, какъ Іаковъ познакомился съ Рахилью, то мы увидимъ, что при первой встрѣчѣ онъ ей говоритъ, что онъ родственникъ отцу ея (ст. 12). Въ этомъ вся суть. Чужеплеменникъ не можетъ входить ни въ какія мирныя сношенія съ племенемъ, къ которому онъ не принадлежитъ, и для

того, чтобы установить такія мирныя отношенія, необходимо прибѣгнуть къ установленію родства, хотя бы фиктивнымъ способомъ, *посредствомъ общенія имущества и жизни*. Такая связь и устанавливается посредствомъ вступленія въ чужую общину въ качествѣ члена ея. Взаимный обмѣнъ какими-либо предметами въ свою очередь служитъ на первобытныхъ ступеняхъ развитія средствомъ установленія связи. На самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры, какъ я уже указалъ въ другомъ мѣстѣ, установленіе мирныхъ отношеній между стороною жениха и стороною невѣсты выражается въ томъ, что сторона жениха отдаетъ сторонѣ невѣсты всѣ тѣ орудія и предметы, съ помощью которыхъ совершалось насильственное отнятіе невѣсты, отдается оружіе, лошади и т. д., но съ теченіемъ времени установленіе мирныхъ связей совершается вообще чрезъ посредство взаимныхъ подарковъ.

Представители той общины, къ которой принадлежитъ женихъ, даютъ тѣ или другія вещи представителямъ той общины, къ которой принадлежитъ невѣста, въ свою очередь и послѣдніе отдариваютъ первыхъ. Это и есть матеріальное выраженіе, внѣшній символъ установившихся мирныхъ отношеній.

Я не могу здѣсь подробно останавливаться на символическомъ значеніи подарковъ на раннихъ ступеняхъ культуры; поэтому я ограничусь только указаніемъ на обычаи, существующіе по этому предмету у части русскихъ лопарей-фильмановъ, обычаи, характеризующіе значеніе подарковъ вообще, а слѣдовательно и подарковъ при заключеніи брачныхъ союзовъ. Фильманы обнаруживаютъ особенное пристрастіе къ подаркамъ. «Получивъ подарокъ, они считаютъ своею обязанностью непремѣнно отдарить. Въ свободное время русскіе нерѣдко ходятъ въ гости къ фильманамъ, если тѣ живутъ неподалеку, и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую-нибудь дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое считается лакомствомъ у фильмановъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Если къ фильману пріѣдетъ какой-нибудь гость почетный, то, угостивъ его по возможности лучше, онъ даритъ его самымъ лучшимъ оленемъ изъ своего стада. Одинъ чиновникъ разсказываетъ, что на пути своемъ, въ тундрѣ, встрѣтился онъ съ незнакомымъ ему богатымъ фильманомъ. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій фильманъ вытаскиваетъ норвежскую серебряную монету и подаетъ ему. Тотъ не счелъ возможнымъ отказаться, такъ какъ былъ знакомъ съ этимъ обычаемъ фильмановъ, и предложилъ въ обмѣнъ стаканъ рому. Отказаться отъ подарка, пред-

лагаемаго фильманомъ, значитъ — нанести этому послѣднему сильное оскорбленіе» [1]).

Изъ такихъ-то подарковъ, даваемыхъ при заключеніи браковъ, и возникаютъ съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ ниже, имущественныя права женщинъ, выходящихъ замужъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ именемъ института приданаго.

К. Д. Кавелинъ въ извѣстной статьѣ его, посвященной разсмотрѣнію первобытныхъ формъ брака, высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что находитъ совмѣстное существованіе приданаго и платы за невѣсту. «Одно,—говоритъ онъ,—исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было-бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту — юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ». (Кавелинъ, Сочин., ч. III, стр. 243). «Пока невѣсты продавались,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ихъ родные получали калымъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе и, слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно, старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ». (Тамъ же, IV, стр. 177—178).

Гриммъ, въ свою очередь, находилъ несовмѣстимость платы за невѣсту и приданаго; ибо, говоритъ Гриммъ, разъ невѣста покупалась, она сама была товаромъ, соотвѣтствующимъ дававшейся цѣнѣ, и если отецъ выговаривалъ себѣ плату, то зачѣмъ же ему было уменьшать ее, давая за невѣстой извѣстный эквивалентъ. Гриммъ не пробуетъ разъяснить себѣ этого противорѣчія и ограничивается только констатированіемъ факта, что уже въ са-

---

[1]) Матвѣевъ. „Сборникъ народныхъ юридич. обычаевъ“, I, отд. 2, стр. 83—84).

мыя ранніе времена дочери при уходѣ изъ дома своихъ родителей снабжались предметами и подарками [1]).

Г. П. Ефименко въ своей статьѣ о «Приданомъ» останавливается на вопросѣ, возбужденномъ въ нашей литературѣ г. Кавелинымъ, и, въ свою очередь, признаетъ, что такія явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе за ними приданаго суть *разнородныя* явленія, но въ то же время доказываетъ на основаніи фактовъ и другихъ соображеній, что эти явленія могутъ легко уживаться и что, слѣдовательно, институтъ приданаго существуетъ одновременно съ покупкою невѣстъ. «Не надобно забывать,—говоритъ г. Ефименко,—что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: подарки дарятъ—отдарковъ глядятъ, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе» [2]).

Но въ томъ-то и дѣло, что дары и отдариванія суть явленія не заключающія въ себѣ внутренняго противорѣчія, а, напротивъ, тѣсно связанныя между собою, такъ какъ являются символомъ единенія между общинами. Если дары даются только одною стороною и взамѣнъ ихъ не получается ничего, то это является на первобытныхъ ступеняхъ культуры признакомъ подчиненія одной стороны другой, признакомъ вражды, а не мира, который устанавливается благодаря данному брачному союзу.

Я уже сказалъ выше, что только впослѣдствіи изъ подарковъ возникаетъ и образуется институтъ приданаго, и что на первыхъ порахъ подарки являются признакомъ единенія между двумя общинами и идутъ въ руки не только жениха и невѣсты, а въ руки цѣлой массы представителей этихъ двухъ, входящихъ въ родственный союзъ, общинъ.

Такъ, между прочимъ, по 47 ст. Уложенія монголо-калмыцкихъ племенъ 1640 г. требуется, чтобы въ уплатѣ за невѣсту жениху помогало 10 семей, при чемъ каждый, кто оказалъ ему помощь лошадьми или коровою, имѣетъ право получить изъ приданаго невѣсты лишнее платье, а за овцу небольшую вещь (Малышевъ, стр. 304—305).

Очевидно, слѣдовательно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ

---

[1]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, s. 429.

[2]) Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, III, стр. 105.

дѣло съ актомъ, совершаемымъ не женихомъ и невѣстою, и не отдѣльными главами семействъ, но цѣлыми группами. То же вытекаетъ изъ постановленій, которыя мы находимъ въ адатахъ горскихъ племенъ кумыкскаго округа. «Мужчина,—сказано тамъ,—желая посватать избранную дѣвушку, обращается прежде всего къ почетнымъ и объявляетъ имъ свое намѣреніе. Почетные идутъ къ родственникамъ той дѣвушки и заключаютъ условіе калыма... Чрезъ почетныхъ же передаются невѣстѣ (?) всѣ подарки жениха и дѣлается угощеніе ея роднымъ, *послѣдніе же дѣлаютъ разные подарки почетнымъ* (тамъ же, 312).

Такимъ образомъ очевидно, что подарки дѣлаются представителями цѣлой общины такимъ же представителямъ другой общины, при чемъ эти подарки идутъ не исключительно въ пользу невѣсты или жениха, а въ пользу цѣлой массы представителей двухъ коллективныхъ группъ.

Участіе общинъ въ подаркахъ и отдариваніи видно, между прочимъ, изъ русскихъ народныхъ обычаевъ. Въ архангельской губерніи невѣста даритъ шелковые и бумажные платки священнику, жениху, свату, сватьѣ, поѣзжанкамъ и пр. свадебникамъ, изъ ближайшихъ жениху родственниковъ; подарки бываютъ разнообразные и довольно значительные: отцу жениха подносится чаще всего рубаха съ портками, матери лучшій скроенъ съ подкладью (кусокъ парчи на сборникъ съ изнанкой), рубаха, сарафанъ, братьямъ жениха — красныя рубахи, сестрицамъ и всѣмъ роднымъ по платку и другіе предметы одежды, смотря по состоянію невѣсты. Дары эти, называемые приносами и здарьемъ, также выговариваются на сговорѣ или при сватовствѣ. Въ с. Пингишахъ безъ здарья свадьба не совершается, хотя бы женихъ и хотѣлъ; родители его не перенесутъ безчестья не получить даровъ на свадьбѣ сына.

Въ селѣ Лямицѣ, когда невѣста всѣхъ одаритъ, ея родня похваляется: «У васъ поѣзда много, а у нашей невѣсты еще осталось даровъ». Родители и родственники жениха въ свою очередь обязаны отдарить молодую, что иногда стоитъ имъ вдвое дороже полученнаго. Сверхъ того, невѣста получаетъ отъ своихъ родственниковъ, при объѣздѣ ихъ передъ свадьбой, деньгами отъ 3 до 50 к. съ каждаго. Жениховы гости дарятъ ее свадебными пряниками; при подчиваніи водкой или пивомъ гостей, она получаетъ отъ нихъ мѣдныя или серебряныя монеты.

Въ Малороссіи на сговорѣ невѣста даритъ жениха платкомъ, а онъ кладетъ ей отдарокъ отъ 10 к. до 2 руб. с., смотря по своему состоянію. Потомъ невѣста подноситъ подарки наречен-

ному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч. — всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три каленкору на рукава для рубахи. Свекровь же отдариваетъ аршиномъ тафтяной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Отдарки идутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бывали отъ 2 к. асс. до 10 к. с.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкой губерніи невѣста послѣ обдариванія жениховцевъ, обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ, подчуя ихъ водкою и собирая себѣ подарки; женщины дарятъ ее сорочками и кусками разныхъ матерій, величиною въ 1/4 аршина, а мужчины суконными чулками, платками и деньгами [1]).

Уже г-жа А. Ефименко обратила вниманіе на важную роль подарковъ по обычному праву. «Подарки,—говоритъ она,—составляютъ видную часть брачнаго договора. Обѣ стороны, въ полномъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, надѣляются ими обоюдно». На основаніи судебныхъ разбирательствъ въ волостномъ судѣ, бывшихъ въ рукахъ г-жи Ефименко, она указываетъ, что подарки при бракахъ имѣютъ среди крестьянъ спеціальное значеніе. «Они всегда даются подъ условіемъ имѣющаго состояться брачнаго союза, и если дѣло разстраивается, стороны теряютъ право удерживать подарки и обязываются ихъ возвратить» [2]). Какъ говорится въ одномъ изъ приводимыхъ ею рѣшеній, подарки даются «для вѣрности даннаго слова», т.-е. ими устанавливается единеніе между двумя общинами.

II.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія брачная сдѣлка теряетъ характеръ сдѣлки, заключаемой между двумя общинами, и все болѣе и болѣе становится сдѣлкою, заключаемою между двумя большими семьями—родами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и подарки, идущіе отъ жениха невѣстѣ и отъ невѣсты жениху, получаютъ болѣе тѣсное назначеніе. Подарки отъ жениха и его родни идутъ въ пользу родителей невѣсты и самой невѣсты, или, говоря терминами, употребляемыми въ нашемъ обычномъ правѣ, становятся тѣмъ, что называется кладкой, между тѣмъ какъ прежде они были

[1]) См. между прочимъ Смирнова, Очеркъ семейныхъ отношеній по обычному праву, Москва, стр. 252—253.

[2]) А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, стр. 15, 20.

выводными деньгами, т.-е. платой за выходъ невѣсты изъ данной общины. Въ то же время подарки, дававшіеся роднею невѣсты жениху и его роднѣ, превращаются въ приданое, даваемое невѣстѣ.

Измѣненіе въ характерѣ и назначеніи подарковъ совершается медленно и притомъ одновременно съ измѣненіями въ бытовыхъ условіяхъ жизни, съ распаденіемъ общинно-племенной организаціи, съ распаденіемъ первоначальныхъ братствъ на задруги, роды, большія семьи. На первыхъ порахъ положеніе дѣвушки, выходящей замужъ, нисколько не измѣняется при распаденіи первобытной общины на родовыя группы. Въ виду того, что на этихъ ступеняхъ культуры господствуютъ экзогамическія формы брака, т.-е. дѣвушка выходитъ изъ своей общины, а затѣмъ изъ своего рода въ другую общину, въ другой родъ, она не можетъ усвоить себѣ ничего ни изъ общинной, ни изъ родовой собственности. Мало того, такъ какъ родъ теряетъ въ ней работника съ переходомъ ея въ другой родъ, то онъ получаетъ за нее выводныя деньги. Но съ теченіемъ времени начинаетъ вырабатываться другое воззрѣніе, заключающееся въ томъ, что дѣвушка, выходя изъ своего рода, оставляетъ въ общемъ родовомъ хозяйствѣ плоды своего труда и, слѣдовательно, имѣетъ право на полученіе извѣстнаго вознагражденія. Въ этомъ и заключается смыслъ тѣхъ подарковъ, которыми снабжаетъ ее родня ея предъ выходомъ въ замужество. Недвижимое имущество составляетъ еще на этой ступени культуры достояніе всей общины, но части движимаго имущества, принадлежащаго отдѣльнымъ родамъ, могутъ быть отдаваемы и дѣвушкѣ, переходящей изъ своего рода въ другой, могутъ сопровождать ее, какъ ея пожизненное достояніе, и только послѣ ея смерти должны быть возвращены ея роду. Въ то же время и прежнія выводныя деньги все болѣе и болѣе теряютъ характеръ платы за невѣсту.

Деньги, получаемыя представителями рода, сводятся къ минимуму, получаютъ только символическое значеніе;— напротивъ, подарки, достававшіеся самой невѣстѣ, все болѣе и болѣе возрастаютъ, и вмѣстѣ съ подарками, полученными отъ ея собственной родни, являются средствомъ для обезпеченія ея на случай вдовства, становятся ея приданымъ.

Этимъ фактомъ объясняются тѣ недоразумѣнія, которыя возникали и возникаютъ у изслѣдователей источниковъ древняго права у европейскихъ народовъ и, между прочимъ, у изслѣдователей древне-германскаго права. Тамъ вдругъ цѣна за невѣсту — pretium — часто превращается въ dos, и изслѣдователи затруд-

няются опредѣлить, откуда шла эта dos, отъ родни невѣсты, или отъ родни жениха. Но въ томъ-то и дѣло, что когда съ теченіемъ времени и то, что дается роднею невѣсты, и то, что дается роднею жениха, шло въ пользу невѣсты для обезпеченія ея,—и то и другое получаетъ часто одно и. то же наименованіе. Что и деньги, дававшіяся женихомъ невѣстѣ, назывались dos и вмѣстѣ съ тѣмъ служили матеріальнымъ обезпеченіемъ для невѣсты, видно, между прочимъ, изъ словъ одного изъ старинныхъ англійскихъ юристовъ Флетты [1]).

По закону вестготовъ, цѣна за невѣсту поступаетъ въ руки представителей рода, но уже въ законахъ лангобардовъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что такъ-называемая meta поступаетъ въ руки самой невѣсты. (Grimm, стр. 423).

По бургундскому закону то, что женихъ даетъ за невѣсту, носитъ названіе wittemo—вдовья часть. Уже изъ этого названія видно, что то, что дается женихомъ, идетъ исключительно для обезпеченія жены на случай вдовства. Да и у другихъ европейскихъ народовъ такъ-называемая цѣна за невѣсту, даваемая представителемъ рода, превращается въ символическое дѣйствіе, только напоминающее прежнюю продажу, и возрастаетъ та сумма, которая дается самой невѣстѣ въ обезпеченіе ея. Такъ, по франкскому закону, невѣста пріобрѣтается per solidum et denarium, т.-е. посредствомъ символическаго обряда купли (Grimm, стр. 424).

Этотъ обрядъ имѣетъ такое же значеніе, какое онъ имѣлъ въ Римѣ при coemptio и какое онъ имѣетъ у насъ, напр. въ Малороссіи, гдѣ народъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ свое воззрѣніе на остатокъ старинной продажи невѣстъ, сохранившійся въ свадебныхъ обычаяхъ: «для подиву дівку продають», говоритъ малороссійская поговорка.

Таковъ же ходъ развитія въ этой области явленій и у другихъ народовъ. Сначала невѣста совмѣстно съ другими представителями рода получаетъ подарки, но съ теченіемъ времени получаютъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе деньги и вещи, получаемыя самою невѣстою.

У инородцевъ-мусульманъ кладка называется калымомъ или мехръ (покупная цѣна за невѣсту).

По обычаю татаръ, половина калыма идетъ на наряды невѣсть, а другая половина выдается ей на руки или остается у отца.

[1]) Dos quidem est id, quod liber homo dot sponsae suae ad ostium ecclesiae propter onus matrimonii et naptias futuras ad sustentotionem uxoris et ad liberorum educationem, cum fuerint procreati, si vir praemoriatur (Gans. Erbrecht, стр. 339).

У кавказскихъ осетинъ, «каждый изъ молодыхъ людей, задумавши жениться, платитъ самъ, или родители его, отцу невѣсты калымъ, наличными деньгами или, вмѣсто оныхъ, оружіемъ, разными цѣнными вещами и скотомъ». «Предки осетинъ, установивши обычай брать калымъ за дочерей отъ жениховъ ихъ, имѣли благую цѣль, чтобы часть калыма этого была употреблена на нарядъ невѣсты, а остальная часть должна была остаться въ полномъ ея распоряженіи, но послѣдователи установившихъ это правило употребили его во зло, такъ что отецъ дочерей, выдаваемыхъ замужъ, беретъ за нихъ условленную плату въ свою пользу, нисколько не заботясь о будущемъ ея счастьи, отчего и произошло, что нѣкоторые мужья, къ стыду ихъ, смотрятъ на жену свою, какъ на купленную, а таковая женщина, видя стѣсненное свое положеніе, грустить и забываетъ чувства благодарности къ родителямъ ея». Посему циркуляромъ начальника военно-осетинскаго округа постановлено: «плата калыма оставляется по прежнему, но только третья часть калыма должна принадлежать собственно самой невѣстѣ, въ видѣ приданаго и кромѣ платья ея, на обезпеченіе въ случаѣ смерти мужа, уплатившаго калымъ» [1]).

По мусульманскому кодексу шаріату, стоящему по своимъ опредѣленіямъ о бракѣ весьма близко къ первобытнымъ понятіямъ, право на кладку пріобрѣтается женою не въ силу договора, но только въ силу совершенія брака. Въ случаѣ неназначенія по договору кладки, размѣръ ея предполагается такимъ, какой обыкновенно дается женщинамъ изъ ея рода или равнымъ ей по рожденію, красотѣ и особеннымъ дарованіямъ, но не можетъ превышать традиціоннаго размѣра кладки, т.-е. пятисотъ диргемовъ. Если бракъ заключенъ былъ безъ договора о кладкѣ, и если мужъ сдѣлалъ женѣ какой-либо подарокъ до совершенія брака, то предполагается, что этотъ подарокъ составляетъ кладку, развѣ бы жена, до совершенія брака, выговорила, что она на то не согласна и потребовала что-либо сверхъ того (Шар., II, 19, ст. 588, 589 и 607). Изъ приведенныхъ постановленій очевидно, что первобытная кладка въ мусульманскомъ кодексѣ уже измѣнила свой характеръ. Она является исключительнымъ достояніемъ невѣсты, но отнюдь не ея родителей.

По русскому обычному праву, кладка вручается отцомъ жениха или старшимъ въ его домѣ, или сватомъ, или самимъ женихомъ

---

[1]) Сборн. свѣд. о Кавк. т. II, стр. 305 и 312. См. также Малышева, стр. 305.

отцу невѣсты или ея матери, а если родителей нѣтъ въ живыхъ, старшему въ ея домѣ, или же самой невѣстѣ.

Кладка принадлежитъ только невѣстѣ и если поступаетъ въ распоряженіе отца ея, то употребляется имъ, сообразно назначенію ея, на покрытіе свадебныхъ расходовъ, на приданое, на подарки и наряды невѣстѣ, на покупку подарковъ жениху или его роднымъ; остатокъ же отъ этихъ расходовъ поступаетъ въ пользу невѣсты (Малышевъ, стр. 302).

На болѣе позднихъ ступеняхъ культуры кладка—или такъ-называемыя на народномъ языкѣ «наградныя деньги» невѣстѣ,—не исчезаетъ, а продолжаетъ существовать въ формѣ института, получающаго другое названіе—утренній даръ, предбрачный даръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предбрачный даръ въ отличіе отъ кладки не дается, а только обезпечивается на имуществѣ мужа на случай вдовства.

На основаніи того, что въ нѣкоторыхъ древнихъ источникахъ права утренній даръ (Morgengabe) встрѣчается рядомъ съ кладкой, утреннему дару приписывается самостоятельное значеніе, т. е. говорятъ, что это не кладка, не плата за невѣсту, не pretium, которыя даются обыкновенно до свадьбы, а подарокъ, даваемый на другое утро послѣ свадьбы въ видѣ наградныхъ денегъ, въ видѣ платы за дѣвичество. Но мы уже знаемъ, что кладка въ свою очередь возникаетъ изъ подарковъ, что она также получаетъ у многихъ народовъ значеніе цѣны за дѣвичество, между прочимъ, у болгаръ и у мусульманскихъ народовъ. Мы знаемъ дальше, что и у насъ кладка носитъ также названіе наградныхъ денегъ. Все это вмѣстѣ приводитъ къ заключенію, что утренній даръ не есть нѣчто самостоятельное, а составляетъ часть той же кладки, причемъ, какъ уже указалъ Гриммъ, и во многихъ древнихъ источникахъ права, между прочимъ, по вестготскому праву, утренній даръ смѣшивается съ pretium, съ dos, и по тѣмъ же источникамъ, дается не на другое утро послѣ свадьбы, а выговаривается заранѣе (Grimm, стр. 442).

Изъ данныхъ, которыя приведены до сихъ поръ, очевидно, что различныя названія, даваемыя кладкѣ, соотвѣтствуютъ различіямъ въ характерѣ этой кладки. Кладка имѣетъ значеніе выводныхъ денегъ, pretium'a, когда она дается всѣмъ представителямъ чужой общины. Она имѣетъ значеніе утренняго дара, — наградныхъ денегъ, платы за дѣвичество,—когда та часть ея, которая дается невѣстѣ, возрастаетъ сравнительно съ тѣмъ, что дается родителямъ ея. Она получаетъ значеніе приданаго, dos, вдовьей доли, wittemon'a, предбрачнаго дара, когда идетъ исключительно въ пользу жены для обезпеченія ея на случай вдовства.

По еврейскому праву кладка носитъ названіе «утренній даръ» или «оправа» и обязательно вносится въ актъ вѣнчанія —кетубу. Когда женятся на дѣвицѣ, то назначаютъ ей 200 зузовъ; если женятся на вдовѣ, назначаютъ ей только 100 зузовъ, на случай смерти, или развода. Хотя бы мужъ не далъ женѣ письменнаго акта (кетубы), она получаетъ 200 зузовъ, если это было первое ея замужество и 100 зузовъ, если, вступая въ бракъ, она была вдовою; потому что это есть право, установленное закономъ. У евреевъ-караимовъ оправа или кладка называются также цѣною невинности.

По законамъ Арменопуло, предбрачный даръ дается женщинѣ, внесшей приданое. «Если же она внесла часть приданаго, то получаетъ изъ предбрачнаго дара настолько, насколько дала приданаго, ибо надлежитъ во всѣхъ случаяхъ, а особливо въ бракахъ, наблюдать равенство и справедливость такъ, чтобы жена, ничего не давшая, ничего и не получила. Жена, не принесшая мужу приданаго, не можетъ присвоивать мужняго имѣнія въ счетъ предбрачнаго дара» (Арм. IV, II, § 12 и 15).

Мы увидимъ ниже, что на раннихъ ступеняхъ культуры количество приданаго соотвѣтствовало количеству предметовъ, даваемыхъ въ качествѣ кладки.

Въ одномъ изъ наиболѣе развитыхъ законодательствъ, финляндскомъ уложеніи, до недавняго времени существовали слѣдующія постановленія о предбрачномъ дарѣ: прежде вѣнчанія женихъ долженъ опредѣлить невѣстѣ предбрачный даръ, или въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ состоящій, а не въ обоихъ вмѣстѣ, во всякомъ случаѣ, на дѣвицѣ онъ женится или на вдовѣ. Если предбрачный даръ назначенъ въ земляхъ и въ недвижимомъ имѣніи, въ уѣздѣ состоящемъ, или въ домахъ и земляхъ, находящихся въ городѣ, родовое то будетъ или благопріобрѣтенное, и если по смерти мужа или въ то время, когда придется ей этотъ даръ выдѣлить, достаточна для того будетъ *третья доля той части*, которая принадлежитъ мужу въ общемъ ихъ движимомъ или недвижимомъ имѣніи, то жена да воспользуется имъ сполна, а еслибы брачный даръ превышалъ третью долю, то однакоже *не имѣетъ она права получить больше этой доли*. Если предбрачный даръ назначенъ въ движимомъ имуществѣ и на него достаточна будетъ *десятая доля* оставшейся по смерти мужа части, слѣдующей ему изъ общаго ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія, то жена да воспользуется имъ сполна. А если онъ болѣе десятой доли, то уравнивается съ этой долей. Предбрачный даръ, въ движимомъ имуществѣ состоящій, остается

всегдашнею собственностью жены. Мужъ не долженъ давать женѣ своей въ предбрачный даръ больше, чѣмъ здѣсь сказано; не можетъ дать менѣе.

Если вспомнить, что и по древнему закону вестготовъ maximum того, что женихъ могъ дать невѣстѣ, опредѣлялось *десятою* частью его имущества (l. Visig. III 1, 5), а по франкскому кодексу оно не должно было превышать *третьей* части (l. Rip. 37, 2), то мы поймемъ тѣсную связь существовавшихъ до послѣдняго времени въ Финляндіи постановленій о предбрачномъ дарѣ съ нормами древнихъ кодексовъ о кладкѣ.

Такъ какъ предбрачный даръ на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры не дается невѣстѣ, а только обезпечивается на имуществѣ мужа на случай вдовства, то онъ служитъ основаніемъ къ возникновенію права вдовы послѣ умершаго мужа на указную долю, legitima. Такъ какъ о правахъ наслѣдованія вдовы намъ придется еще говорить отдѣльно, то мы коснемся тамъ и тѣхъ опредѣленій о предбрачномъ дарѣ, которыя способствовали возникновенію указной доли вдовы на случай смерти мужа. Теперь же мы перейдемъ къ такъ - называемому приданому въ собственномъ смыслѣ, т.-е. къ тому имуществу, которое дается роднею невѣсты и сопровождаетъ ее въ замужество.

III.

Мы уже видѣли выше, что на раннихъ ступеняхъ культуры одновременно съ кладкой, даваемой женихомъ невѣстѣ, является приданое, имѣющее на первыхъ порахъ лишь форму подарковъ, даваемыхъ роднею невѣсты.

Мусульманскіе законы,—говоритъ г. Малышевъ,—на ряду съ кладкою или калымомъ (мехръ) отъ жениха, *не опредѣляютъ приданаго* отъ семьи невѣсты, но оно подчиняется у нихъ общимъ правиламъ *о дареніяхъ* (стр. 485).

У монголо-калмыцкихъ племенъ въ уложеніи 1640 г. была постановлена плата за невѣсту отцу ея и въ то же время требовалось, чтобы за такими невѣстами давали приданое соотвѣтственно взятому за нихъ платежу.

У татаръ, черемисовъ, чувашей и вотяковъ, казанской губерніи, приданое также обыкновенно дается по калыму [1]).

---

[1]) Миллеръ. Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ. Спб. 1791 г. стр. 69—71.

Такой же обычай встрѣчаемъ мы и у русскихъ крестьянъ. «До сихъ поръ,—говоритъ г. Ефименко,—у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на пиросмотринахъ» [1]).

По русскому обычному праву, назначеніе приданаго дѣтямъ составляетъ, если не строго юридическую, то естественную нравственную обязанность добрыхъ родителей. Въ силу этого убѣжденія, приданое заготовляется родителями заблаговременно, иногда еще съ малолѣтства дочерей, или по мѣрѣ того, какъ онѣ подростаютъ. Платное приданое заготовляетъ обыкновенно мать, вмѣстѣ съ дочерями, а отецъ исподволь покупаетъ то, чтò нельзя завести домашнимъ трудомъ. Приданое дается по обычаю не только родителями, но и всѣми, входящими въ составъ семьи членами, а именно братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ и т. д. Въ приданое даются обыкновенно движимыя вещи, какъ-то: икона, одежда, домашняя утварь, банникъ, скотъ, деньги, хлѣбъ и проч.

Въ Малороссіи платное приданое называется скрынею или худобою. Въ скрыню кладутъ полотно, хустки, рушники, настольники, скатерти, килимы, рядна, лижныки (суконныя одѣяла), подушки, запаски, плахты и платки; а худобою называются корсеты, юбки, свиты, баранки и чоботы, вообще то, чтò покупается а не приготовляется дома. (Чубинскій, Труды этногр. эксп. VI, стр. 54, 55, 304—308).

У монголо-калмыцкихъ племенъ за невѣсту даются верблюды, лошади, коровы и овцы; соотвѣтственно тому количеству скота, которое дается за невѣстою, полагается приданаго платья, а также верблюды, лошади и домашняя утварь. (Малышевъ, 304—305).

У самоѣдовъ архангельской губерніи родители невѣсты взамѣнъ платы снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ нюками (оленьи шкуры, которыми покрывается чумъ), женскаго платья, хлѣба, масла, оленины, одѣяла, постели и пр. Приданое складывается на санки, число которыхъ пропорціонально числу оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту; именно на каждый десятокъ оленей полагаются однѣ санки. Одинъ изъ пары оленей, которымъ запряжены сани, выбирается изъ числа оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту, и назадъ родителямъ невѣсты тѣ олени не возвращаются. Даются еще двое саней, изъ которыхъ одни съ мужскою одеждою и снарядами для про-

[1]) Зап. Геогр. Общ., т. III, стр. 107.

мысловъ, вещами, предназначенными на подарокъ жениху; на другихъ ѣдетъ невѣста. (Матвѣевъ, 2, стр. 178).

У корелъ, въ свою очередь, одновременно съ платой существуетъ приданое. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ, ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ. Родственники молодого, присутствующіе тутъ же, цѣнятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Кореліи молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ, и поѣздъ, получивъ приданое, возвращается домой. Когда пріѣзжаютъ домой, то молодая раскладываетъ для показа на столъ свое приданое и, кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобъ та выбрала для себя новую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундуки, чѣмъ заканчивается свадьба. (Тамъ же, стр. 107—108).

Приданое передается въ домъ жениха по русскому обычному праву до бракосочетанія или одновременно съ нимъ, но иногда и послѣ бракосочетанія. «Женихи стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Поэтому все приданое, кромѣ платья, приготовленнаго для невѣсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ, не отказали въ приданомъ. Деньги и ряженое количество хлѣба отдаются напередъ, до заключенія брака; скотъ, корову или быка уводятъ также до брака... Проводивъ невѣсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближнюю родственницу свою, запостельную сватью, съ постелью и платнымъ приданымъ невѣсты въ домъ жениха... Послѣ вѣнца, сватья приглашаетъ родныхъ осмотрѣть у молодой приданое: «Сундуки у молодой не порозны»,—говоритъ она,—«смотрите!»

У татаръ казанской губ. приданое отправляется въ домъ жениха одновременно съ отъѣздомъ замужней татарки изъ родительскаго дома. Въ день отъѣзда, во время укладки вещей и приданаго отъѣзжающей, родня и знакомые приходятъ къ ней смотрѣть ея вещи и приданое. У чувашъ и черемисъ приданое отвозится въ домъ жениха одновременно съ невѣстою, до вѣнчанія; у ингушъ, осетинъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и другихъ горскихъ племенъ Кавказа магометанскаго вѣроисповѣданія бракосочетаніе (накахъ) совершается въ домѣ невѣсты, а затѣмъ, по уплатѣ калыма или условленной части его, увозятъ невѣсту вмѣстѣ съ приданымъ въ домъ жениха.

Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ видно, что приданое на той ступени развитія, которая очерчена этими данными, состоитъ исключительно изъ движимаго имущества, изъ того, что̀ можетъ быть уложено въ коробъ, скрыню, изъ того, что можетъ быть принесено, отчего это приданое и носитъ названіе «коробья», «скрыни», «приносу», Eingebrachtes. Затѣмъ это приданое въ собственномъ смыслѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ досталось невѣстѣ отъ калыма, составляетъ ея исключительное достояніе. Она не можетъ получить больше отъ своего рода, отъ своихъ родителей, такъ какъ она не имѣетъ права наслѣдованія въ своемъ родѣ и должна ограничиваться тѣмъ, что̀ ей дано во время свадьбы, но достояніе ея въ то же время не можетъ быть уменьшено ея мужемъ, принадлежитъ ей, а не ему.

Такія опредѣленія относительно характера и судьбы приданаго мы находимъ и въ древнихъ источникахъ права у европейскихъ народовъ, и въ обычномъ правѣ нашихъ инородцевъ и крестьянъ.

У лангобардовъ одновременно съ кладкой существовало и приданое въ собственномъ смыслѣ, т.-е. родители и вообще родня невѣсты давали за нею извѣстные предметы движимаго имущества, носившаго названіе faderfium. Оно давалось въ день выхода въ замужество и этимъ невѣста должна была ограничиваться [1]).

Таково же было положеніе женщины въ имущественномъ отношеніи и у другихъ германо-романскихъ народовъ на раннихъ ступеняхъ культуры (Grimm, стр. 449).

Лопари,—по словамъ фонъ-Пошмана,—даютъ въ приданое оленей, и эти олени называются безсмертными: это означаетъ, что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно. (Матвѣева, Отд. 2, стр. 27).

У корелъ приданое также, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, возвращается ея роднымъ (Тамъ же, стр. 108).

Въ проектѣ свода степныхъ законовъ 1841 г. постановлено: Въ числѣ вещей, составляющихъ отдѣльную собственность жены, считаются: одежды, нарядъ, деньги, скотъ и другая движимость, подаренные ей до свадьбы въ приданое. (Ст. 61. См. также Малышева, I, стр. 539).

---

[1]) Leg. Long. II, 14, 15. См. также Gans Erbrecht III, стр. 175, 188, 206). Или, говоря словами лангобардскаго закона: in hoc sibi sit contenta de patris aut fratris substantia quantum ei pater aut frater in die nuptiarum dederit et amplius non requirat. Послѣ смерти жены приданое это переходило къ ея дѣтямъ или родственникамъ. (Leg. Long. I. 9, 12. Gans. III, s. 176).

По русскому обычному праву, мужъ по смерти бездѣтной жены возвращаетъ безусловно все ея дѣвичье имущество, т.-е. «коробью», ея прежней семьѣ. «Въ рѣшеніяхъ судовъ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, тростянской, самарскаго уѣзда, нѣтъ вовсе случаевъ взысканія съ мужа имущества, то-есть, коробьи покойной жены, такъ какъ мужъ по совѣсти долженъ возвратить его семьѣ покойной. Въ тростянской волости мужъ не наслѣдуетъ даже постели покойной жены; ему дается только благословенная икона. Между тѣмъ въ елховской и алексѣевской волостяхъ того же самарскаго уѣзда, постель всегда оставляется мужу покойной, и волостной судъ, присуждая ему постель, обыкновенно ссылается на общеизвѣстный мѣстный обычай» (Матвѣевъ. Отд. I, стр. 27, 28). При разводѣ или расходкѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена также получаетъ обратно свое приданое (Ефименко. Прид., стр. 110). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ г-жи Ефименко, дѣлаютъ открыто перечень всѣхъ вещей, которыя даются за дѣвушкой, чтобы она могла принести ихъ въ цѣлости назадъ, если случится ей вернуться въ родную семью.

«Интересно наблюдать,—говоритъ еще г-жа Ефименко,—какъ сами крестьянки держатся за право неприкосновенности ихъ имуществъ. Кроткая, слабая женщина ожесточается, когда задѣвается это ея право. Она готова перенести всякія мученія, лишь бы сохранить имущество, на которое мужъ иногда, чаще въ пьяномъ видѣ, заявляетъ свои притязанія. Женщины жестоко порицаютъ и смѣются надъ тою изъ нихъ, которая, живя въ согласіи съ мужемъ, позволяетъ ему распоряжаться своимъ имуществомъ. Этотъ фактъ, встрѣчающійся изрѣдка въ крестьянствѣ, служитъ у женщинъ наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ браковъ по любви. «Живи съ мужемъ по любви, да по согласію, говорятъ онѣ, такъ онъ и выманитъ все твое добро, ни съ чѣмъ и останешься». Онѣ готовы цѣлую жизнь вести съ мужьями жестокую борьбу для огражденія своихъ имущественныхъ правъ» (Изслѣд. нар. жизни), стр. 93—95).

Вотъ изъ этихъ-то ростковъ, изъ этихъ элементарныхъ правилъ о приданомъ и выросъ тотъ институтъ приданаго, который мы находимъ въ X-мъ томѣ нашего Свода законовъ и въ нормахъ феодальнаго періода исторіи европейскихъ народовъ. Иначе говоря, приданое, какъ выдѣлъ изъ всего семейнаго имущества, движимаго и недвижимаго, сопровождаемый раздѣльностью имущества супруговъ, есть ближайшая ступень въ развитіи института приданаго. Но если это такъ, если приданое, въ качествѣ

выдѣла, слѣдуетъ непосредственно за очерченнымъ нами періодомъ, то самъ собою рѣшается вопросъ, кому на этой ступени развитія принадлежало это приданое, кто имѣлъ на него право, жена или мужъ, кому оно давалось. Вопросъ этотъ рѣшается въ смыслѣ совершенно противоположномъ тому, какъ рѣшилъ его покойный Оршанскій. Мы видѣли, что на очерченной нами ступени развитія приданое составляло принадлежность жены, давалось ей ея роднею для обезпеченія ея. Понятно, что когда съ теченіемъ времени приданое получило характеръ выдѣла дѣвушки-невѣсты изъ всего семейнаго имущества, то и право на этотъ выдѣлъ принадлежало ей, а не какому-то постороннему человѣку, берущему ее въ жены. Приданое въ формѣ выдѣла есть предварительное полученіе наслѣдства по случаю замужества, но въ такомъ случаѣ и право на это наслѣдство принадлежитъ той, которая получила въ этомъ періодѣ право наслѣдованія, а не пришлому человѣку. Такимъ образомъ, ходъ развитія отношеній мужа и жены къ приданому будетъ совершенно обратный тому, который указанъ Оршанскимъ. Оршанскій (стр. 246) усвоилъ мнѣніе Мацѣёвскаго, по которому права жены на приданое развиваются медленнѣе и позже, чѣмъ права мужа, между тѣмъ какъ дѣло выходитъ на оборотъ, а именно права мужа на приданое развиваются гораздо позже, чѣмъ права жены.

Указавъ въ настоящей статьѣ первые шаги въ развитіи имущественнаго положенія женщины, или вѣрнѣе на исходныя точки въ этомъ развитіи, я намѣренъ въ слѣдующій статьѣ прослѣдить дальнѣйшее развитіе имущественныхъ отношеній женщины по той схемѣ, на которую я уже указалъ вскользь въ началѣ этой статьи.

Полная раздѣльность имуществъ на раннихъ ступеняхъ культуры, имущественная самостоятельность женщины можетъ подлежать спору на томъ основаніи, что такая самостоятельность въ сферѣ имущественныхъ отношеній не соотвѣтствуетъ личнымъ отношеніямъ, существующимъ между супругами на этихъ ступенахъ культуры. Неужели мыслимо полноправіе женщины въ имущественномъ отношеніи при безправіи въ личныхъ отношеніяхъ? Возраженіе это можетъ быть выражено въ болѣе конкретной формѣ: мужъ имѣетъ полную возможность убить жену и въ то же время ея имущество остается неприкосновеннымъ для него. Какъ объяснить такое внутреннее противорѣчіе?

Мы уже указывали выше, что неприкосновенность имущества жены для мужа находитъ полное объясненіе въ господствующихъ бытовыхъ формахъ—въ родовомъ бытѣ. Общій и верховный прин-

ципъ, которымъ руководятся люди въ то время, тотъ, что имущество не можетъ выходить изъ предѣловъ рода и если какая бы то ни было часть родового достоянія сопровождаетъ члена даннаго рода въ другой родъ, то лишь до его смерти, послѣ которой имущество это подлежитъ возврату въ прежній родъ. Въ виду этого основного принципа, имущество жены при экзогамической формѣ брака, т.-е. когда жена берется изъ другого рода, безусловно неприкосновенно для мужа. Съ теченіемъ времени родовая организація ослабѣваетъ, тѣмъ не менѣе принципъ неприкосновенности имущества жены для мужа сохраняется, какъ освященный обычаемъ.

Что касается личнаго безправія женщины на раннихъ ступеняхъ культуры, то безправіе это нисколько не больше безправія чужеродца вообще въ тѣ времена. Мужъ можетъ, конечно, убить жену, такъ какъ жизнь ея не находится подъ охраною чужого рода, но такой образъ дѣйствія можетъ вызвать месть членовъ того рода, къ которому жена принадлежала, и насколько извѣстно изъ жизни первобытныхъ народовъ, убійство и вообще дурное обращеніе мужа съ женою дѣйствительно вызываетъ месть ея родичей. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, женщина, выданная замужъ, при господствѣ родовыхъ связей, не является столь безправной, какъ привыкли думать. Наконецъ, самая сдѣлка, по которой пріобрѣтается жена—купля, какъ я старался доказать въ началѣ статьи, вовсе не имѣетъ того характера, какой придаютъ этой сдѣлкѣ. Покупная цѣна, даваемая за невѣсту, не приравниваетъ женщину къ вещи, которою покупщикъ можетъ располагать по произволу, а есть символическій знакъ, съ помощью котораго устанавливаются извѣстныя отношенія между членами различныхъ общинъ, различныхъ родовыхъ группъ.

Такимъ образомъ, между личными и имущественными отношеніями супруговъ на раннихъ ступеняхъ культуры, внутренняго противорѣчія не существуетъ и только съ теченіемъ времени, когда такое противорѣчіе дѣйствительно образуется, имущественная самостоятельность женщины все болѣе и болѣе исчезаетъ.

М. Кулишеръ.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

Окончаніе.

ПЕРІОДЪ III.

IX [1]).

Кончилась недѣля, и Райверсъ уѣхалъ. Жизнь Белинды потекла по старому. Погода перестала интересовать ее. Идетъ дождь или свѣтитъ солнце—ей все равно. Съ барометромъ она больше не совѣщается, за облаками не наблюдаетъ. Колокольчикъ у двери можетъ звонить сколько угодно, а она и ухомъ не ведетъ, когда сидитъ за Менандромъ или ведетъ душеспасительную бесѣду съ свекровью о томъ: когда и какъ схороненъ супругъ послѣдней. Никакихъ пикниковъ и прогулокъ нѣтъ и въ поминѣ. Сама Сара, слишкомъ поздно убѣдившаяся въ опасности подобныхъ экскурсій, ограничивается съ толпой своихъ поклонниковъ безопасной игрой въ «lawn-tennis» на глазахъ у многочисленной публики, причемъ имъ нѣтъ возможности читать мысли въ ея глазахъ, или по крайней мѣрѣ сообщать ей о результатахъ такого чтенія. Жизнь миссисъ Фортъ вошла въ ту колею, въ которой протекала до пріѣзда Сары, но какъ перемѣнилось ея настроеніе! Куда дѣвалось мрачное недовольство, глухая борьба, рѣдкіе взрывы злобнаго смѣха и непрерывная и ѣдкая иронія? *Теперь*, если профессоръ бываетъ сердитъ, она добродушно пожимаетъ плечами. Онъ старъ! Онъ никого не хочетъ обидѣть! Онъ просто боленъ! Какое ей въ сущности до этого дѣло? Развѣ это

---

[1]) См. выше: іюнь, 247 стр.

можетъ задѣть ее? Если онъ держитъ ее за работой гораздо долѣе положеннаго срока, она только сильнѣе наслаждается вечерней прогулкой въ саду и видомъ, и запахомъ распускающихся цвѣтовъ. Если онъ жалуется на боль въ сердцѣ или на печень, или на сплинъ, она готова всему вѣрить и симпатизировать, рекомендовать лекарства и сама подавать ихъ.

Никогда еще Сара не была такъ озадачена и сбита съ толку поведеніемъ сестры. Дѣло въ томъ, что хорошее настроеніе ея длится изо-дня въ день. Сознаніе, что за ней зорко слѣдятъ, и нежеланіе выдать себя могли бы сообщить ей обманчивую и кратковременную веселость, но не такое ясное, бодрое расположеніе духа, которое не измѣняется во все время, пока Сара гоститъ у сестры. И не почта, какъ сначала предполагала миссъ Чорчиль, помогаетъ ей въ этомъ.

Приходъ почтальона, очевидно, нисколько ее не волнуетъ; она не выказываетъ также ни малѣйшаго стремленія перехватывать свои собственныя письма — худшій изъ признаковъ на небосклонѣ супружеской жизни. Слѣдовательно, не тайная переписка придаетъ ей такой довольный и цвѣтущій видъ. Чтобы этотъ заводскій чернорабочій или, какъ тамъ его, мастеръ, что ли, получилъ вторичный отпускъ — представляется Сарѣ совсѣмъ невѣроятнымъ. Чтобы Белинда питала надежду съѣздить въ Мильнтропъ — кажется еще невѣроятнѣе. А чтобы она, удовольствовавшись тѣмъ, что увидѣла свою утраченную любовь, примирилась съ своей будничной жизнью и отказалась отъ прежняго — это кажется всего невѣроятнѣе.

Сара зорко слѣдитъ за сестрой: она видитъ, какъ ея строгія губы раздвигаются порою безпричинной, казалось бы, улыбкой; слышитъ, какъ она напѣваетъ про себя, поливая цвѣты, ловитъ ее иногда бѣгающей въ саду съ собаками. Но не можетъ уловить ея тайны. А время идетъ себѣ, да идетъ. Весеннія празднества, которыми обыкновенно заключается учебный семестръ въ Оксфордѣ, — окончены. Миссисъ Фортъ, провожая сестру, участвовала въ нихъ: она ѣздила и на балы, и въ театръ, но вездѣ и всегда проявляла спокойную, умѣренную веселость, равно не похожую и на неестественное оживленіе во время игры въ жмурки, и на апатичную угрюмость прежняго времени.

Вмѣстѣ съ семестромъ кончается срокъ пребыванія Сары у сестры, и на другой день послѣ ея отъѣзда, профессоръ направитъ свой путь въ Бернскій Оберландъ.

Наступило утро, когда миссисъ Фортъ предстоитъ разстаться съ сестрой. Въ послѣдній разъ Сара прохаживается по садику,

гдѣ она такъ часто гуляла съ Белиндой. Миссисъ Фортъ пришла къ ней изъ дому съ улыбкой, не успѣвшей отлетѣть съ ея лица.

— Ты какъ будто довольна?—могу я спросить, чѣмъ именно?

— О! пустяки! — отвѣчаетъ Белинда, снова готовая расхохотаться.—Собственно говоря, не хорошо смѣяться надъ ней, но такъ трудно удержаться. М-ръ Фортъ только-что прочиталъ ежедневныя молитвы своей матери, а она замѣтила ему послѣ того: —ты очень хорошо читаешь, мой другъ, но когда ты станешь постарше, то будешь читать еще лучше!

Сара тоже смѣется, но не особенно весело.

— И это единственная собесѣдница, съ которой тебѣ предстоитъ «tête-à-tête» въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ!

Белинда наклоняетъ свою хорошенькую головку въ знакъ отвѣта.

— Это чудовищно!—продолжаетъ миссъ Чорчиль съ усиленной энергіей гнѣва. — Это невѣроятно! мнѣ хочется пойти и высказать ему, что я о немъ думаю! Гдѣ онъ?—Съ угрожающимъ видомъ взглядываетъ она на окна дома.—Пусти меня, я хорошенько отчитаю его, пока онъ укладываетъ чемоданъ.

Въ ея голосѣ и на ея фарфоровомъ розовомъ личикѣ выражается такая рѣшимость, что Белинда со страхомъ удерживаетъ ее за руку.

— Не дѣлай этого! — это было бы безполезно. Развѣ ты позабыла пословицу о томъ, что не слѣдуетъ совать пальца «entre l'arbre et l'écorce?» Къ тому же я... я не хочу вовсе съ нимъ ѣхать.

При этихъ словахъ она слегка отворачиваетъ голову.

— Неужели ты думаешь, что онъ былъ бы пріятнымъ спутникомъ?—продолжаетъ она поспѣшно, видя, что сестра не отвѣчаетъ, а только пытливо глядитъ на нее.—Развѣ ты не помнишь, какъ намъ бывало стыдно, когда онъ считалъ гроши въ Дрезденѣ? Ѣхать съ нимъ путешествовать—значило бы обрекать себя непрерывно краснѣть за него.

— Конечно, тутъ предстоитъ выбирать изъ двухъ золъ,—спокойно замѣчаетъ Сара.—Не знаю, можетъ быть, меня ослѣпляетъ моя прежняя страсть, но лично я бы выбрала его.

— Неужели?

— Четыре мѣсяца! — повторяетъ миссъ Чорчиль, почти съ ужасомъ.—Сколько разъ въ продолженіе этого долгаго времени ты повторишь ей, кто ты такая и кто когда умеръ и похороненъ?

— Быть можетъ, въ концѣ-концовъ я тоже увѣрую, что

мой свекоръ живъ,—говоритъ Белинда, но съ такой неподдѣльной ясностью, что Сара снова съ удивленіемъ взглядываетъ на нее.

— Четыре мѣсяца, — въ третій разъ повторяетъ она.—Неужели ты хочешь увѣрить меня, что безъ ужаса смотришь на такую перспективу?

— Конечно, это меня ужасаетъ.

Но въ голосѣ ея не только не слышно ужаса, но даже и простого недовольства.

— Какъ ты предполагаешь прожить это время?

— Какъ живутъ всѣ люди вообще.

Она опустилась на колѣни на зеленый дернъ и срѣзаетъ цвѣты для дорожнаго букета сестры.

— Буду ѣсть, пить, спать, зѣвать.

— И ты увѣрена, что никакого *другого* развлеченія у тебя не будетъ?—внезапно спрашиваетъ Сара.

На минуту садовые ножницы въ рукахъ миссисъ Фортъ перестаютъ рѣзать цвѣты, и краска заливаетъ не только ея лицо, но даже и бѣлую шею.

— Я... я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать,—холодно произноситъ она,—о какомъ такомъ развлеченіи ты толкуешь?

— Белинда, — говоритъ Сара, опускаясь передъ ней на колѣни и хватая ее за руки,—нельзя ли мнѣ снова пріѣхать и раздѣлить твое одиночество? Я, можетъ быть, и не особенно интересная собесѣдница, но все же тверже помню немногіе, извѣстные мнѣ факты, нежели твоя бѣдная свекровь. Позволь мнѣ пріѣхать, пожалуйста, позволь.

Но руки, которыя она сжимаетъ съ такой мольбой, не отвѣчаютъ на ея пожатіе. Лицо сестры, отворачивающееся отъ нея, не выражаетъ и тѣни удовольствія при этомъ предложеніи. Безумное подозрѣніе мелькаетъ въ умѣ миссисъ Фортъ: что настоящее предложеніе Сары находится въ связи съ стремленіемъ Райверса навѣдываться въ Оксфордъ, что, быть можетъ, это условлено между ними и что въ этомъ-то и заключается секретъ ея желанія повторить свой визитъ въ Оксфордъ. Словомъ, чего только не придумаетъ безумная ревность, нашептывающая всякій вздоръ уму, готовому вѣрить ея внушеніямъ.

Подъ предлогомъ составленія букета, Белинда отняла свои руки, но спокойствіе покинуло ее: нераскрывшіеся бутоны такъ же безжалостно срѣзываются ея ножницами, какъ и распустившіеся цвѣты.

— И ты откажешься отъ поѣздки въ Шотландію,—говоритъ она сухо:—но что же скажетъ на это бабушка?

— Мнѣ рѣшительно все равно, что она скажетъ, — отвѣчаетъ Сара, скрывая глубокое разочарованіе въ томъ, какъ было принято ея предложеніе сестрой:—ты знаешь, что я никогда не обращала вниманія на слова бабушки и что въ этомъ, полагаю, и заключается тайна ея предпочтенія. Если бабушка единственное препятствіе...

— Я не могу быть такой эгоисткой,—поспѣшно перебиваетъ Белинда сестру.

— Ты не будешь эгоисткой, такъ какъ я сдѣлаю только то, что мнѣ нравится,—настаиваетъ Сара.—Думай, какъ хочешь, но мнѣ будетъ это пріятно.

Белинда поднялась съ колѣнъ и принялась рѣзать розы съ куста для своего букета.

— Это совсѣмъ лишнее, — говоритъ она, съ лихорадочной поспѣшностью срѣзая цвѣты:—ты борешься съ вѣтреными мельницами. Я не жалуюсь, я не боюсь одиночества. Я не считаю себя, какъ ты, несчастной, если пробуду пять минутъ наединѣ сама съ собой.

Въ ея словахъ слышится такое нетерпѣніе, что Сара неохотно уступаетъ и больше не возвращается къ этому вопросу. Кэбъ стоитъ у подъѣзда. Багажъ уже помѣщенъ на имперіалѣ, причемъ дѣло не обошлось безъ брани со стороны извощика. Пончъ, по просьбѣ миссисъ Форгъ, остается гостить у ней, чему ея собственная собачка нисколько не сочувствуетъ.

Наступила минута разставанья. Сара очевидно желаетъ проститься съ сестрой безъ свидѣтелей. Она отводитъ сестру обратно въ гостиную и запираетъ дверь.

— Белинда,—говоритъ она, холодно поцѣловавъ сестру и глядя ей въ лицо съ той серьезностью, которую раза два или три въ жизни, не болѣе, видѣла миссисъ Форгъ на веселомъ кукольномъ личикѣ сестры,—Белинда, я умываю руки въ твоей судьбѣ. Я хотѣла помочь тебѣ, какъ могла. У меня нѣтъ причины говорить это, я ничего не знаю и ты мнѣ ничего не скажешь, но я не могу не думать, что ты губишь себя, а съ собой и Давида Райверса!

И съ этими словами уѣзжаетъ. Уѣзжаетъ, не выглянувъ ни разу въ окно кэба, не махнувъ рукой на прощанье, позабывъ даже проститься съ собаками.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Белинда не двигается съ мѣста. Затѣмъ бросается въ кресло профессора и закрываетъ лицо

руками. Ей хочется провалиться сквозь землю. Дневной свѣтъ рѣжетъ ей глаза. Ей хотѣлось бы закрыть ставни и забиться въ темный уголокъ. *Она губитъ себя, а съ собой и Давида Райверса!* Въ ушахъ у нея звенитъ. Много ли, мало ли остается она въ этомъ положеніи,—она не знаетъ. Но наконецъ негодованіе, просыпающееся въ ней, прогоняетъ стыдъ и она встаетъ съ мѣста.

Какъ не стыдно ея сестрѣ говорить ей такія вещи!—какое право, какой, хотя бы малѣйшій, предлогъ есть у ней такъ оскорблять ее? *Губитъ себя*! Скажите, пожалуйста! неужели исполнять съ строгой добросовѣстностью всѣ скучнѣйшія и даже противныя обязанности самой безотрадной жизни значитъ губить себя? Неужели быть безвозмезднымъ секретаремъ, сидѣлкой безъ жалованья, «souffre-douleur» безъ всякой надежды на избавленіе, узницей, оковы которой можетъ разрушить одна только смерть—значитъ губить себя? Если да, то она давнымъ давно погубила себя.

Она саркастически смѣется, лихорадочно прохаживаясь по комнатѣ! Если бы только Сара дала ей время это сдѣлать, то она нашла бы, что ей отвѣтить. Но и это настроеніе проходитъ. Мало-по-малу гнѣвъ ея укладывается и другой голосъ просыпается въ душѣ. Губить себя! не значитъ ли это быть женой человѣка, котораго терпѣть не можешь, надъ слабостями котораго въ тайнѣ смѣешься, а отъ случайнаго прикосновенія содрогаешься? не значитъ ли это ждать не дождаться отъѣзда нелюбимаго мужа, считать часы, остающіеся до отъѣзда сестры, жить и дышать только одной надеждой, въ которой не смѣешь сознаться самой себѣ? Не значитъ ли это губить себя?!

Она опять закрываетъ лицо руками, и снова нестерпимымъ кажется ей дневной свѣтъ. А внутренній голосъ съ неумолимой ясностью и отчетливостью твердитъ:—да! да! да!

. . . .

Часа два спустя, профессоръ, поднявъ лицо, раскраснѣвшееся и разсерженное отъ продолжительной укладки чемодана, видитъ входящую къ нему блѣдную жену.

— Я пришла помочь вамъ,—кротко говоритъ она, но апатичнымъ и безучастнымъ голосомъ.

— Вы немножко поздно спохватились объ этомъ, — нелюбезно отвѣчаетъ онъ.—Еслибы я дожидался вашей помощи, то не далеко бы уѣхалъ.

— Я прощалась съ Сарой,—отвѣчаетъ она въ свое извиненіе и безъ всякаго раздраженія въ голосѣ.

— Она уѣхала ровно три съ половиною часа тому назадъ,— сухо возражаетъ онъ, взглядывая на часы.

Она больше не оправдывается, но опустясь на колѣни на полъ, начинаетъ безцѣльно перебирать дрожащими руками книги, разсѣянныя по ковру.

— Пожалуйста, осторожнѣе!—рѣзко кричитъ онъ,—вы не помогаете мнѣ, а только производите безпорядокъ.

— Ихъ слѣдуетъ уложить, неправда ли?—спрашиваетъ она, поднимая тяжелый «in-folio» и смиренно взглядывая на мужа.

— Я вынужденъ оставить Августина, Иринея и многія другія справочныя книги, такъ какъ везти ихъ съ собой было бы слишкомъ дорого, — отвѣчаетъ онъ, глядя сквозь очки на свои разбросанныя сокровища.—Я впрочемъ не особенно жалѣю объ этомъ, такъ какъ не беру съ собой секретаря...

Какъ она поблѣднѣла!—не больна ли она?

— А почему же вы не берете секретаря?—спрашиваетъ она тихимъ голосомъ.—Почему вы не берете *меня?*

Онъ переводитъ очки съ Иринея на ея лицо; но очевидно ему пріятнѣе было глядѣть на перваго, чѣмъ на второе.

— Вы ни разу не выразили желанія ѣхать со мной,—холодно отвѣчаетъ онъ.

Она опускаетъ голову, и сознаніе виновности вызываетъ краску на блѣдныхъ щекахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — но вѣдь я думала, что я вамъ не нужна.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ молчитъ довольно долго, а сердце у ней бьется, бьется. Вдругъ онъ приметъ ея предложеніе. Но первыя же слова, которыя онъ произноситъ, успокоиваютъ ее.

— Я не вижу причины измѣнять свой планъ, — отвѣчаетъ онъ тономъ, ясно показывающимъ, какъ ему непріятно ея предложеніе.—Я ѣду ради здоровья, а вамъ, на ваше счастье, нѣтъ въ этомъ надобности.

Она вздыхаетъ съ облегченіемъ. Но теперь, когда опасность быть услышанной кажется не такой близкой, угрызенія совѣсти сильнѣе заявляютъ о себѣ. Обидная фраза Сары снова звучитъ въ ея ушахъ.

— Вы... вы забываете, что я остаюсь здѣсь совсѣмъ одна,— говоритъ она, нервно роясь въ только-что уложенномъ чемоданѣ.

— Съ вами остается моя матушка.

Она пожимаетъ плечами.

— Неужели ее можно считать обществомъ?

При такой капризной и несвоевременной оппозиціи, лобъ его сбирается въ сердитыя складки.

— Если вы такъ боитесь остаться наединѣ съ самой собой, то можете пригласить сестру пріѣхать раздѣлить съ вами одиночество.

Опять она виновато опускаетъ голову.

— Она... она не можетъ ко мнѣ пріѣхать.

— Я такъ и зналъ,—отвѣчаетъ онъ съ непріятной улыбкой, но врядъ ли вы можете упрекать меня за это.

Новая пауза. Она безцѣльно обертываетъ бумагой томы, которые не нужны ему и не отправятся въ Альпы. Она сдѣлаетъ послѣднее усиліе. Если оне останется втунѣ, никто, даже Сара, не будетъ имѣть право ее порицать.

— Вы не думаете о томъ, что я буду здѣсь очень скучать одна?—спрашиваетъ она, робко взглядывая на него.

— Вы всегда говорили мнѣ,—что не любите, мало того, терпѣть не можѣте всякія развлеченія, — раздражительно отвѣчаетъ онъ.

— Не теперь,—не теперь!—лихорадочно заявляетъ она.— Прежде я не любила, а теперь люблю. И даже еслибы не любила, то подумайте... четыре мѣсяца пробыть совсѣмъ одной!

— Вы очень преувеличиваете,—рѣзко возражаетъ онъ. Многіе изъ жителей Оксфорда уѣзжаютъ не раньше конца іюля, и многіе другіе возвращаются въ началѣ сентября.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло,—волнуется она.—Они мнѣ не помогутъ.

Онъ молча пожимаетъ плечами, какъ человѣкъ, не удостоивающій терять словъ съ такимъ безразсуднымъ собесѣдникомъ.

— Вспомните, вѣдь я молода,—говоритъ она жесткимъ, хотя и тихимъ голосомъ, вставая съ колѣнъ и подходя къ нему.

— Мнѣ трудно забыть объ этомъ,—вы такъ часто твердите мнѣ о своей молодости,—отрѣзываетъ онъ.

— Только потому, что вы какъ будто постоянно забываете объ этомъ,—возвышаетъ она голосъ.

— Признаюсь, что не понимаю, какую роль во всемъ этомъ играетъ ваша молодость,—подсмѣивается онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вспыхиваетъ она, какъ огонь.—Многіе мужчины сочли бы, что я слишкомъ молода, чтобы быть предоставленной самой себѣ... что я могу... попасть въ затруднительное положеніе.

Онъ снимаетъ очки, протираетъ ихъ и, снова надѣвъ на носъ, глядитъ на нее.

— Я полагаю, что послѣднее сказано въ шутку, хотя признаюсь, не понимаю, въ чемъ ея соль.

— Я такъ люблю шутки,—горько возражаетъ она,—и мы такъ часто шутимъ другъ съ другомъ,—неправда ли?

— Мнѣ трудно признать такое замѣчаніе серьезнымъ,—огрызается онъ.—Какія затрудненія могутъ предстоять вамъ подъ кровомъ вашего собственнаго дома и при спокойномъ выполненіи вашихъ обязанностей? Я считаю ваши опасенія совершенно неосновательными.

Вмѣсто отвѣта, она вдругъ отходитъ отъ него. Тягостное признаніе, готовое сорваться съ ея устъ, замираетъ.

— Вы, очевидно, питаете ко мнѣ самое лестное довѣріе,—вторитъ она его тону.—Не знаю только, чѣмъ я его заслужила.

Профессоръ не отвѣчаетъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на книгахъ съ видомъ человѣка, считающаго вопросъ поконченнымъ.

Жена нерѣшительно наблюдаетъ за нимъ.

— Не понимаю, къ чему намъ ссориться,—говоритъ она, наконецъ, смущеннымъ голосомъ.—Я вовсе не затѣмъ пришла сюда. Я пришла просить васъ... совсѣмъ серьезно... (онъ не замѣчаетъ легкаго колебанія, съ какимъ она произноситъ эти слова) взять меня съ собой.

На такую категорическую просьбу ему нельзя не отвѣтить также категорически.

— Окончательно ничего не понимаю,—съ неудовольствіемъ произноситъ онъ.—Подъ конецъ, когда всѣ мои планы обдуманы и вполнѣ составлены, и не могутъ быть измѣнены безъ большихъ для меня хлопотъ, вы вдругъ желаете поставить ихъ вверхъ дномъ. Еслибы у васъ были основательные доводы... (Богу извѣстно, что у нея есть основательные доводы, но, взглянувъ на суровое, отталкивающее лицо мужа, она чувствуетъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ скажетъ ихъ ему)... но такъ какъ,—продолжаетъ онъ съ видомъ холоднаго судьи и не считая нужнымъ докончить первой фразы,—все это очевидно пустой капризъ...

— Это не капризъ,—перебиваетъ она.

— Если такъ, то докажите,—и онъ поворачивается къ ней спиной.

Она дѣлаетъ жестъ, что уступаетъ силѣ обстоятельствъ. Къ чему бороться далѣе? Но что-то толкаетъ ее употребить послѣднее усиліе.

— Вы знаете, что у женщинъ не бываетъ доводовъ,—смѣется она смѣхомъ, похожимъ больше на рыданіе,—но иногда ин-

стинктъ лучше руководить ими. Я думаю... я полагаю, что будетъ лучше, если вы возьмете меня съ собой.

Онъ сердито поворачивается къ ней, взбѣшенный ея настойчивостью.

— Быть можетъ, вы будете такъ добры и выскажете мнѣ причины, побуждающія васъ толковать объ этомъ, конечно, если въ нихъ есть хоть капля здраваго смысла.

— Я не буду мѣшать вамъ,—смиренно продолжаетъ она, и доходитъ до того, что кладетъ свою красивую руку на рукавъ его сюртука:—конечно, мое общество не можетъ быть для васъ интересно, но я могла бы быть вамъ полезна; я могу укладывать и раскладывать ваши вещи; я знаю всѣ ваши привычки. Странно было бы (съ печальной усмѣшкой), еслибы я ихъ не знала,—и еслибы у васъ повторялись ваши припадки, я могла бы ухаживать за вами!

Она все сказала и теперь, замирая, ждетъ рѣшенія своей участи. Съ минуту онъ молча и подозрительно глядитъ на нее.

— Это будетъ совершенно безполезной тратой денегъ,—говоритъ онъ, наконецъ.

— Я не разсчитываю ни на какія удобства,—продолжаетъ упрашивать она тѣмъ ревностнѣе, чѣмъ страстнѣе жаждетъ отказа:—я не пью вина и не много ѣмъ.

— Вотъ еще выдумали!—сердито подсмѣивается онъ.—Неужели вы такъ наивны, что воображаете, что въ гостинницахъ справляются объ аппетитахъ, когда пишутъ счеты?

— Я готова ѣхать въ третьемъ классѣ, мнѣ не нужно отдѣльной комнаты, я готова на всякія лишенія,—умоляетъ она.

— Вѣрно, вѣрно!—сердится онъ,—но все-таки это увеличитъ путевыя издержки вдвое.

— А хотя бы?—твердо произноситъ она, такъ какъ не притворно рѣшила до конца отстаивать свою просьбу,—что-жъ за бѣда? вы богаты и... понижая голосъ... у васъ нѣтъ наслѣдниковъ.

Быть можетъ, послѣдній доводъ не особенно удаченъ. Никто не любитъ, чтобы ему напоминали, что онъ будетъ послѣдній въ родѣ.

Во всякомъ случаѣ лицо профессора при этихъ словахъ стало сердитѣе прежняго.

— Довольно объ этомъ,—произноситъ онъ съ твердостью, не допускающей возраженій.—Я рѣшилъ по причинамъ, которыя считаю вполнѣ уважительными, ѣхать одинъ и не перемѣню этого рѣшенія.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчаетъ она, кивая въ знакъ согласія, причемъ щеки ея покрываются радостнымъ румянцемъ, а глаза весело сверкаютъ:—конечно, вамъ лучше знать, какъ вамъ поступать, но я слыхала отъ добрыхъ людей, что «погонишься за мелкимъ и потеряешь крупное».

X.

Профессоръ съ недѣлю, какъ уѣхалъ. За это время миссисъ Фортъ имѣла случай испытать искренность своего стремленія къ одиночеству. Быть можетъ, чистая совѣсть поддерживаетъ въ ней бодрость духа. Всѣ мы знаемъ, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ, что нѣтъ лучше вещи въ мірѣ, какъ спокойная совѣсть; что ничто не придаетъ такого аппетита и не производитъ такого радостнаго возбужденія. А кто можетъ въ этомъ отношеніи поспорить съ Белиндой? Развѣ она не старалась изо всѣхъ силъ, чтобы мужъ взялъ ее съ собой? и когда онъ на отрѣзъ отказалъ ей въ этомъ, развѣ она не позаботилась, какъ самая вѣрная жена, уложить съ нимъ рѣшительно все, что могло ему понадобиться во время санитарной экскурсіи, за одиночество которой *она*, по крайней мѣрѣ, не отвѣтственна.

Развѣ она забыла его спиртовую лампу? или его пуховое одѣяло? или его подушку, надуваемую воздухомъ? Развѣ она позабыла, какъ могла бы сдѣлать другая, хотя бы и добродѣтельная жена, уложить жестянку съ удобоваримыми бисквитами? Или капли отъ припадковъ сердца, или пилюли отъ печени, или катышки отъ сплина?

Что, кромѣ сознанія тщательно и великодушно исполненнаго долга, могло заставить ее такъ дружески махнуть рукой на прощанье и съ такой ясной улыбкой прокричать вслѣдъ:—bon voyage! Прикинуться печальной отъ того, что онъ уѣзжаетъ, было бы нелѣпо, и онъ повѣрилъ бы этому такъ же мало, какъ и она сама! Но она безъ всякаго лицемѣрія пожелала ему добраго пути.

Возвращаясь домой, она останавливается, чтобы поднять маленькій камешекъ. Онъ такъ ярко сверкаетъ.

Что это? не агатъ ли или бериллъ?

Ба!—она бросаетъ его снова на землю, это простой голышъ, но недавній дождь и теперешнее яркое солнце временно превратили его въ бриллiантъ.

Но такая же точно блестящая метаморфоза произошла со

всѣмъ, что она видитъ. Никогда еще кусты не казались такими цвѣтущими, никогда еще ея маленькая, мѣщанская гостиная не представлялась такой парадной. Даже собаки, давно знакомыя собаки, сегодня кажутся какими-то веселыми гостьями, а пошлости, изрекаемыя попугаемъ съ оксфордскимъ, кислымъ акцентомъ, звучатъ сегодня совсѣмъ иначе.

Она расхаживаетъ по комнатамъ, точно обозрѣваетъ свои владѣнія. Теперь они принадлежатъ ей безраздѣльно, ей одной. Собаки тоже какимъ-то чутьемъ догадываются, что теперь на ихъ улицѣ праздникъ, что онѣ могутъ беспрепятственно валяться на креслахъ и дразнить кошку, сколько душѣ угодно. Что въ домѣ нѣтъ больше разстроенныхъ нервовъ, худого пищеваренія и учености. Проходятъ часы и дни, а собаки и ихъ хозяйка все такъ же веселы и не унываютъ.

Ежедневно видитъ послѣдняя, какъ проѣзжаютъ мимо ея оконъ экипажи, тяжело нагруженные и увозящіе ея земляковъ на всѣ четыре стороны свѣта. Она напутствуетъ ихъ добрыми пожеланіями, но ни капельки не завидуетъ имъ.

Ей хорошо и дома, ей и въ Оксфордѣ весело и пріятно. Даже прощальныя слова Сары, показавшіяся сначала такими язвительными, постепенно утрачиваютъ свое жало. Сначала она вспоминаетъ о нихъ съ негодованіемъ, затѣмъ равнодушно, а наконецъ съ нѣкотораго рода философскимъ пренебреженіемъ.

— Такія клеветы оскорбительны для тѣхъ, кто ихъ говоритъ, а не для тѣхъ, противъ кого онѣ направлены,—утѣшаетъ она себя.

Она не безъ удовольствія перебираетъ въ умѣ кругъ хорошо исполненныхъ ею обязанностей. Никто не могъ бы быть добросовѣстнѣе ея въ этомъ отношеніи, принимая во вниманіе характеръ этихъ обязанностей. Въ довершеніе всего она добровольно наложила на себя новое занятіе, которое намѣревается выполнить во время отсутствія мужа: она рѣшила составить новый каталогъ его библіотеки и поднести ему этотъ сюрпризъ, когда онъ вернется. Что касается ежедневнаго дежурства у свекрови, то она не только не пренебрегаетъ имъ, но еще удлинила на цѣлый часъ свое пребываніе въ ея комнатѣ. Сидѣлка готова цѣловать у ней ноги за такое облегченіе ея труда.

. . . .

Іюнь на исходѣ. Сегодня второе воскресенье, которое предстоитъ миссисъ Фортъ провести въ одиночествѣ. Первое не было отмѣчено ничѣмъ особеннымъ. Белинда и не ждала ничего особеннаго. Правда, что она даже самой себѣ не признается, что

ждеть вообще чего-нибудь особеннаго отъ всѣхъ воскресныхъ дней. Тѣмъ не менѣе, сегодня она проснулась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что должна найти предлогъ, чтобы объяснить его самой себѣ. Воздухъ такой чудный. Запахъ скошеннаго сѣна доносится до самаго города; онъ ощутителенъ на улицахъ и на рынкѣ, тѣмъ болѣе на ея загородной виллѣ. Она всегда любила воскресные дни; это ея любимый день, въ особенности въ городѣ съ такимъ сильнымъ колокольнымъ звономъ, какъ Оксфордъ.

Она одѣвается съ твердымъ рѣшеніемъ ничего не измѣнять въ своемъ обычномъ воскресномъ нарядѣ и ничего не прибавлять къ нему. Поступить иначе—значило бы сознаться самой себѣ, что чего-то ждешь отъ этого воскресенья. Быть можетъ, ею руководитъ также безсознательное суевѣріе, по которому ждать чего-нибудь заранѣе, значитъ навѣрное не дождаться.

Она читаетъ молитвы для своей свекрови съ такой же набожной отчетливостью, какъ еслибы эта бѣдная старая лэди могла понять, или хотя бы только замѣтить, что ей читаютъ. Сама она находитъ это дѣло вполнѣ безполезнымъ. Но мужъ поручилъ ей его и она не желаетъ оставить его невыполненнымъ. Окончивъ молитвы и сообщивъ свекрови извѣстіе о смерти ея мужа, которое она принимаетъ съ обычнымъ, радостнымъ удивленіемъ, Белинда весело надѣваетъ шляпу, чтобы идти въ церковь.

По дорогѣ ей припоминается другая одинокая прогулка въ церковь въ Фолькстонѣ, ей припоминается тогдашняя жестокая стужа, окованная льдомъ земля и ея собственное, еще болѣе оледенѣлое сердце. Какъ сильно все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, и земля, и она сама. Отчего перемѣнилась земля, понятно:—наступило лѣто. Но отчего въ ней произошла такая перемѣна? Этотъ вопросъ она предпочитаетъ оставить безъ отвѣта.

Церковная служба коротка и приспособлена къ современному нетерпѣнію, заставляющему насъ дивиться терпѣливости нашихъ предковъ. Но Белиндѣ и эта служба кажется продолжительной. Поетъ ли она, стоитъ ли она на колѣнахъ или внимательно слушаетъ, одна, одна неотступная мысль преслѣдуетъ ее:—когда это будетъ? Гдѣ это будетъ? Какъ долго это продлится? Эта мысль не покидаетъ ее у дверей церкви, но слѣдуетъ за нею по пятамъ, по дорогѣ, залитой солнцемъ. Ахъ! вотъ и цвѣты! вотъ и отвѣтъ.

На перекресткѣ, неподалеку отъ ея дома, въ сторонѣ отъ расходящихся изъ церкви людей и на глазахъ одного только торговца молокомъ, который беспечно посвистываетъ, склоняясь

надъ своимъ грузомъ—стоитъ онъ. Хотя каждое мгновеніе, со времени ихъ разлуки, было только преддверіемъ и предуготовленіемъ къ настоящему моменту, она вздрагиваетъ отъ удивленія, какъ будто то, что она видитъ, было для нея сюрпризомъ.

— *Вы* здѣсь?—произноситъ она голосомъ, выражающимъ крайнее удивленіе, которое казалось бы натуральнымъ, еслибы только голосъ не дрожалъ и не ломался.—Вы, кажется, свалились съ облаковъ?

Онъ не тотчасъ отвѣчаетъ. Онъ еще не сладилъ съ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, какое всегда производитъ на него ея появленіе, когда онъ нѣкоторое время не видѣлъ ее. Это впечатлѣніе можно сравнить съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ при видѣ Ніагары, океана или вообще чего-нибудь великаго и грандіознаго. Она гораздо красивѣе, чѣмъ онъ ее себѣ представлялъ! какой у нея набожный, цѣломудренный видъ. Вѣроятно, и другія женщины до нея держали въ рукахъ большіе молитвенники по выходѣ изъ церкви, но для него это представляется зрѣлищемъ такой красоты, граціи и святости, какого еще никогда не бывало въ мірѣ. Наконецъ:

— Развѣ это васъ удивляетъ?—спрашиваетъ онъ, все еще не вполнѣ опомнившись,—помните...

— Я боюсь, что всѣ ваши знакомые разъѣхались,—торопливо перебиваетъ она его.

— Вы думаете?—отвѣчаетъ онъ, съ равнодушіемъ, которое не пытается даже скрыть,—вѣроятно, даже можно сказать навѣрное.

Ужъ не молитвенникъ ли дѣлаетъ ее такой неприступной?

— Вы пріѣхали изъ Іоркшира? — поспѣшно спрашиваетъ она, не давая ему опомниться и желая, повидимому, вести разговоръ въ томъ вѣжливомъ и церемонномъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала.

— Да.

— Вамъ вѣрно было жарко въ вагонѣ?

— Я ѣхалъ ночью.

— Вы любите ночные поѣзда? Я ихъ не люблю; но потому, конечно, что не могу спать. Вы, можетъ быть, спите?

— Я не спалъ.

Послѣднія слова звучатъ какъ бы упрекомъ. Что съ ней сдѣлалось? Неужели для того, чтобы выслушивать эти холодныя банальности, онъ мчался къ ней цѣлую ночь на всѣхъ парахъ, не смыкая глазъ, забывая о покоѣ? Спалъ ли онъ, когда надѣялся ее увидѣть? Какъ это правдоподобно!

Они подходятъ къ воротамъ дома и останавливаются. Она не проситъ его войти и вообще не проявляетъ никакого стремленія къ гостепріимству. Но этого онъ не ждетъ и не желаетъ. Онъ даже отказался бы войти, еслибы она его и пригласила. Онъ не желаетъ вкушать хлѣба-соли подъ кровлей профессора Форта. Что-то подсказываетъ ему, что она не долго простоитъ у воротъ и что если онъ не воспользуется настоящимъ моментомъ, то она уйдетъ и онъ можетъ вернуться въ Мильтропъ, съ чѣмъ пріѣхалъ.

— Вамъ понравится здѣшній воздухъ послѣ вашего мильтропскаго дыма,—съ улыбкой говоритъ она, берясь за щеколду.

— Что вы дѣлаете обыкновенно въ воскресенье послѣ полудня?—поспѣшно спрашиваетъ онъ.—Какъ вы проводите время?

— Что я дѣлаю?—что вы хотите этимъ сказать?

— Ходите ли вы въ церковь?—торопится онъ, засовывая руки въ карманы, чтобы не поддаться желанію схватить ее за руки и удержать.

Она взглядываетъ на домъ, точно собирается бѣжать отъ него.

— Н-нѣтъ,—медленно произноситъ она:—очень рѣдко.

— Что же вы дѣлаете? гуляете?

— Иногда, какъ случится, если нѣтъ дождя, если я расположена.

— И... и у васъ есть какое-нибудь любимое мѣсто для гулянья?

Она опять взглядываетъ на домъ, изъ котораго несется нетерпѣливый лай собакъ, докладывающій ей, что онѣ знаютъ, что она пришла и спрашиваютъ ее, почему она медлитъ.

— Н... нѣтъ!—говоритъ она, отворяя калитку.—Разумѣется, стыдливо торопится она,—я люблю коллегіальные сады; кто же ихъ не любитъ; но,—съ внезапнымъ раскаяніемъ въ этой уступкѣ,—я не часто туда хожу, потому что туда не пускаютъ собакъ.

Она отворила калитку и вошла. Ему остается одно только мгновеніе.

— Который вашъ любимый садъ? Куда вы чаще ходите?—съ отчаяніемъ кричитъ онъ ей вслѣдъ.

— Не знаю; у меня нѣтъ любимаго; я всѣ люблю одинаково.

— Это значитъ, что вы не хотите мнѣ сказать,—говоритъ онъ съ страстнымъ разочарованіемъ въ голосѣ и снявъ шляпу, поворачивается, чтобы уходить.

Но въ то время, какъ онъ тихо бредетъ по дорогѣ, говоря себѣ, что разъигралъ дурака, до него доносится какъ бы шопотъ:

— Многимъ нравится всего болѣе садъ коллегіи св. Бригитты.

Белинда по обыкновенію окончила полдникъ въ одиночествѣ. Главное и, быть можетъ, единственное преимущество одиночнаго вкушенія пищи состоитъ въ томъ, что вы не обязаны ѣсть, когда вамъ не хочется.

Для Понча и его подруги осталось навсегда загадкой, почему въ это воскресенье ихъ такъ щедро накормили ростбифомъ.

Послѣ полдника Белинда отправляется по обыкновенію дежурить въ комнату свекрови. Сегодня ей приходится просидѣть съ ней долѣе обыкновеннаго, такъ какъ сидѣлка, привыкнувъ къ снисходительности своей молодой госпожи, опаздываетъ на цѣлыхъ двадцать минутъ. Но вернувшись, впервые находитъ молодую миссисъ Фортъ недовольной и въ нетерпѣніи. И однако, оставивъ комнату свекрови, она какъ будто сама не знаетъ, что ей съ собой дѣлать.

Собаки глядятъ на нее: одна—лежа, другая—сидя, стараясь прочитать свою судьбу въ ея глазахъ. Право было бы стыдно обмануть ожиданія этихъ бѣдныхъ животныхъ. Она не пойдетъ въ садъ, а возьметъ ихъ съ собой въ поле. И однако не зоветъ ихъ. Въ сущности не слѣдуетъ баловать ихъ и стѣснять свою свободу, взявъ ихъ съ собой.

Она пойдетъ куда глаза глядятъ, безъ всякаго опредѣленнаго, заранѣе составленнаго плана. Но странное дѣло: послѣ нѣкоторыхъ колебаній глаза приводятъ ее въ садъ св. Бригитты.

Переплетающіяся верхушки вязовъ надъ головой; подъ ногами густой коверъ полевыхъ цвѣтовъ; слѣва небольшая классическая рѣчка и паркъ съ сѣрымъ оленемъ; справа священный коллегіальный лугъ, который никогда не попирается ничьей посторонней ногой, кромѣ косцовъ, только-что сложившихъ въ копны душистую траву.

Вверху, внизу, кругомъ—тишина и спокойствіе. Хотя этотъ садъ и лучше другихъ, но его неохотно посѣщаетъ публика. Воскресные гуляки, клерки и модистки не ходятъ въ него. Онъ почти пустыненъ и какъ будто принадлежитъ ей одной. Съ каждымъ воскресеньемъ, по мѣрѣ того какъ городъ дѣлается безлюднымъ, садъ будетъ все болѣе и болѣе принадлежать ей.

Она медленно идетъ по аллеѣ; никто не можетъ сказать, чтобы она сегодня спѣшила болѣе чѣмъ обыкновенно. Она направляетгя къ скамейкѣ, которую обыкновенно никто у ней не оспариваетъ. Но сегодня она издали видитъ, что кто-то сидитъ на ней. И должно быть, знакомый, потому что, завидя ее, торопливо идетъ ей на встрѣчу, веселый и довольный. Ага! сегодня не такъ, какъ тогда въ Grosse-Garden. *Сегодня* не она пришла

первая. Сегодня ее не заставляютъ ждать. Хотя, конечно, нельзя и сравнивать того и этого раза. *Никто* не скажетъ, что *сегодня* она идетъ на rendez-vous.

Онъ не считаетъ нужнымъ извиниться или объяснять свое появленіе и не обращаетъ никакого вниманія на ея тщетныя и неловкія усилія представиться удивленной.

— Итакъ мы опять встрѣтились!

— Сядемъ здѣсь,—указываетъ онъ на скамейку, съ которой только-что всталъ.

Съ минуту она колеблется, затѣмъ нерѣшительно отвѣчаетъ:

— Пожалуй; я каждое воскресенье сижу здѣсь.

Право же она ни въ чемъ не отступаетъ отъ обычныхъ привычекъ. Онъ садится рядомъ, но не очень близко, потому что видитъ, какъ она со страхомъ мѣряетъ разстояніе между ними; но безпокоиться право не о чемъ: они сидятъ достаточно далеко другъ отъ друга. Какъ тихо вокругъ! Не слышно голоса человѣческаго и даже колокольный звонъ не долетаетъ изъ города. Всѣ, должно быть, въ церкви. Неужели она въ самомъ дѣлѣ тутъ съ нимъ? Можетъ быть, если онъ заговоритъ, она этому повѣритъ.

— Итакъ вы здѣсь совсѣмъ одни?

— Со мной собаки.

— Но кромѣ собакъ никого? ваша сестра не съ вами?

— Развѣ вы думали, что она здѣсь? развѣ вы ожидали найти ее здѣсь? — поспѣшно спрашиваетъ миссисъ Фортъ, при чемъ яркая краска заливаетъ ея лицо.

Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ этого румянца, но знаетъ только, что онъ очень ей присталъ. Господи! существовала ли когда другая такая прелесть на свѣтѣ?

— Я... я не знаю,—разсѣянно отвѣчаетъ онъ,—я... я совсѣмъ не думалъ объ этомъ.

Ошибочно перетолковывая его чувства, какъ мы часто это дѣлаемъ относительно тѣхъ людей, которые черезъ-чуръ или недостаточно интересуютъ насъ,—она приписываетъ нерѣшительность его отвѣта совсѣмъ не той причинѣ, какая есть въ дѣйствительности.

— Сара предлагала мнѣ остаться со мной,—сухо говоритъ она, выпрямляясь и глядя передъ собой,—но я не могла быть такой эгоистной и принять отъ нея эту жертву. Я не рѣшусь никого осуждать на такую скучную жизнь, какъ моя.

Въ ея тонѣ слышится раздраженіе, котораго онъ не умѣетъ объяснить себѣ; но не перебиваетъ ее. Онъ готовъ вѣчно слушать музыку ея словъ.

— Я не по своей винѣ осталась здѣсь одна,—продолжаетъ она, не безъ рѣзкости:—я хотѣла ѣхать въ Швейцарію вмѣстѣ съ м-ромъ Фортомъ. Я просила его взять меня съ собой.

— И онъ отказалъ?—спрашиваетъ онъ съ глубокимъ недовѣріемъ въ голосѣ.

Она хотѣла осчастливить своимъ присутствіемъ человѣка, и онъ могъ отказать ей. Хотѣлось бы знать, какъ она просила его? Обнявъ его шею? Со слезами и поцѣлуями? Онъ содрогается.

— Ему было неудобно взять меня,—равнодушно отвѣчаетъ она:—это не входило въ его разсчеты.

Въ сердцѣ молодого человѣка загорается такой огонь негодованія, что слова бессильны передать его. Но часть этого жара прорывается въ его отвѣтѣ:

— Онъ нашелъ неудобнымъ взять васъ съ собой и не нашелъ удобнымъ оставаться съ вами, и такимъ образомъ вы теперь однѣ и скучаете.

Что-то въ его тонѣ, какая-то иронія пополамъ съ бѣшенствомъ снова будитъ уснувшую-было въ ней тревогу.

— Я одна,—поспѣшно отвѣчаетъ она,—но мнѣ не скучно; никогда еще въ жизни мнѣ не было менѣе скучно, чѣмъ теперь; я не вижу, какъ проходятъ дни.

— Но вы только-что сказали... — возражаетъ онъ, сбитый съ толку противорѣчіемъ въ ея показаніяхъ.

— Что за дѣло до того, что я сказала? — перебиваетъ она съ короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.—Кому же мнѣ и противорѣчить, какъ не самой себѣ.

Проходитъ престарѣлая чета, рѣдкіе изъ гуляющихъ въ этомъ саду.

Белинда рада ихъ появленію. Она желала бы, чтобы публики было больше. Пусть не думаютъ, что она скрывается отъ глазъ публики.

Когда они проходятъ, она невольно возвышаетъ голосъ. Она ничего не говоритъ такого, чего бы другіе не могли слышать! Какое счастіе, когда нечего скрывать отъ глазъ цѣлаго свѣта.

По мѣрѣ того, какъ часы бѣгутъ, ея счастливое настроеніе все растетъ и растетъ. Но какъ они бѣгутъ! Она не можетъ не знать этого, такъ какъ съ вершины кардинальской башни, возвышающейся надъ деревьями, звучные колокола возвѣщаютъ о каждой протекшей четверти часа. Какъ скоро они слѣдуютъ другъ за другомъ! Сколько уже ихъ пронеслось? Она не рѣшается освѣдомиться объ этомъ. Хотя и неизвѣстно почему. Вѣдь то же самое повторяется каждое воскресенье. Она всегда поздно воз-

вращается съ прогулки въ этотъ день. Наконецъ, она вздрагиваетъ, когда семь часовъ торжественно бьютъ въ воздухѣ, и встаетъ съ мѣста.

— Уже семь часовъ! —торопливо говоритъ она.—Мы должны идти или насъ запрутъ.

Быть запертымъ съ ней въ этомъ зеленомъ гнѣздѣ съ звѣздами надъ головой, вмѣсто ночниковъ! Какъ можетъ она дѣлать такія предположенія! Нѣсколько минутъ проходятъ прежде чѣмъ онъ успѣваетъ настолько справиться съ безумнымъ волненіемъ, вызваннымъ ея словами, чтобы отвѣтить съ достаточнымъ спокойствіемъ:

— Если вы каждое воскресенье гуляете здѣсь, то полагаю, что придете сюда и въ будущее воскресенье?

— Но *вы* не пріѣдете! —кричитъ она, останавливаясь,—они уже медленно уходятъ изъ сада,—и взглядывая на него.

— Вы мнѣ это запрещаете?—тихо спрашиваетъ онъ.

— Да, запрещаю! —волнуется она: —да, да, да! то-есть,—поправляется она,—конечно, вы вольны поступать, какъ вамъ вздумается, я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ,—нервно смѣется она,—то я скажу, что это будутъ лишнія издержки... какъ и на мое путешествіе въ Швейцарію. Не совсѣмъ прилично напоминать вамъ объ этомъ, но вѣдь вы знаете, что вы бѣдны до тѣхъ поръ, пока патентъ еще не взятъ,—лихорадочно улыбается она.—Я не могу позволить, чтобы вы бросали деньги за окно.

— А въ воскресенье черезъ двѣ недѣли?

Отвѣтъ ея заставляетъ себя долго ждать. Ему предшествуетъ внутренняя борьба, которая не скоро оканчивается.

Если она запретитъ ему пріѣзжать, онъ послушается, такъ какъ слушается каждаго ея слова, и тогда ей придется одной просидѣть на скамейкѣ, присутствуя при томъ, какъ часы бьютъ четверти, а высокая башня высится въ небѣ. Когда, наконецъ, она рѣшается отвѣтить,—отвѣтъ оказывается простой уловкой.

Но зачѣмъ же отвѣчать прямо. Такіе вопросы всего лучше оставлять безъ отвѣта.

— Въ воскресенье черезъ двѣ недѣли? —переспрашиваетъ она съ игривымъ смѣхомъ.—Къ тому времени мы всѣ можемъ умереть. Я такъ долго впередъ не загадываю.

XI.

Какъ? уже августъ на дворѣ? И даже не первая половина, которая можетъ потягаться, относительно зноя, съ іюлемъ, а конецъ, болѣе похожій на сентябрь мѣсяцъ. По утрамъ чувствуется уже нѣчто осеннее въ воздухѣ, хотя въ полдень все еще царитъ жаркое лѣто. Когда Белинда гуляетъ по саду, то подолъ ея платья становится сыръ отъ росы, а по носу ее задѣваютъ воздушныя паутинки.

Оксфордъ безлюднѣе чѣмъ когда-либо. Черезъ недѣлю, или около того, обитатели его начнутъ возвращаться во-свояси, но въ настоящую минуту онъ—чистая пустыня. И въ этой пустынѣ разгуливаетъ миссисъ Фортъ. Она совершаетъ прогулки въ сосѣднія деревни; работаетъ въ садикѣ, составляетъ каталогъ и читаетъ вслухъ молитвы для своей свекрови. А по воскресеньямъ засѣдаетъ на обычномъ мѣстѣ на скамейкѣ въ саду св. Бригитты: по очереди то одна, то не одна.

Хотя Райверсъ не просилъ вторично позволенія пріѣзжать въ Оксфордъ черезъ воскресенье и хотя она не разрѣшила ему этого, но признала за фактъ, что черезъ каждое воскресенье будетъ встрѣчать его въ саду такъ же неизбѣжно, какъ и вязы, и кардинальскую башню. Безъ сомнѣнія, отдыхъ и чистый воздухъ необходимы ему послѣ его двухъ-недѣльныхъ трудовъ. И если онъ находитъ возможнымъ тратить деньги на проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ погонѣ за ними, то, конечно, это его дѣло и ей неприлично въ него вмѣшиваться. Свиданія ихъ происходятъ безо всякой таинственности. Она ни отъ кого ихъ не скрываетъ. И даже въ письмахъ своихъ къ профессору, въ числѣ прочихъ извѣстій, упоминаетъ о томъ, что встрѣтила м-ра Райверса. Зачѣмъ ей лишать себя такого невиннаго удовольствія? Мы всѣ рабы привычки и ей трудно было бы теперь обойтись безъ этихъ воскресныхъ встрѣчъ.

Отъ одной мысли о такомъ лишеніи у нея пробѣгаетъ морозъ по спинѣ. Она поставила свои отношенія къ Райверсу на такую ногу, что никто не могъ бы къ нимъ придраться, и строго придерживается установившихся правилъ. Одинъ человѣкъ только могъ бы протестовать—это ея мужъ; но онъ не только не протестуетъ, но не считаетъ даже нужнымъ упомянуть хотя бы однимъ словомъ объ ея сообщеніи. Онъ посвятилъ двѣ мелко исписанныя страницы инструкціямъ, гдѣ она найдетъ одинъ томъ

Оригена, но не удостоилъ или не успѣлъ ни слова сказать о Райверсѣ.

Еслибы что-нибудь могло увеличить спокойствіе, какимъ она наслаждается, то какъ разъ это обстоятельство. Ясная и цвѣтущая, съ безмятежно уснувшей совѣстью проводитъ она дни въ мечтательномъ ожиданіи. Она считаетъ воскресенья, когда онъ не пріѣзжаетъ, преддверіемъ къ тѣмъ, когда онъ является.

Сегодня онъ долженъ быть и она сидитъ за своимъ одинокимъ полдникомъ и отъ счастія ничего не ѣстъ, какъ вдругъ у двери раздается звонокъ. Кто бы это былъ? Неужели Райверсъ? Это совсѣмъ невѣроятно, такъ какъ онъ всегда выказывалъ такую неохоту переступать за порогъ ея домъ. Неужели это мужъ возвратился такъ неожиданно? Она вся похолодѣла. Неужели...

Безполезно ломать далѣе голову, такъ какъ отвѣтъ на лицо.

— Кажется, я какъ разъ во время!—кричитъ миссъ Уатсонъ, отталкивая служанку и вваливаясь въ комнату, которую всю наполняетъ своей персоной, своимъ клѣтчатымъ платьемъ и своей сѣдой гривкой.—Какъ вкусно пахнетъ ростбифомъ! я голодна какъ волкъ!

Белинда встала съ мѣста, но досада, всегда и всѣми неизбѣжно ощущаемая при видѣ миссъ Уатсонъ, на этотъ разъ смягчается мыслью, что все же это не профессоръ.

— Я могу провести съ вами цѣлыхъ четыре или пять часовъ! — кричитъ гостья съ громогласной веселостью, снимая шляпку, перчатки и мантилью. — Я ѣду въ Ренбэри къ Сампсонамъ. Они меня не ждутъ, я готовлю имъ сюрпризъ. Они такъ всегда носятся съ своимъ имѣніемъ въ Бланкширѣ, что я рѣшила сама удостовѣриться, стоитъ ли оно такихъ похвалъ. Но воскресные поѣзда такъ странно распредѣлены, что мнѣ приходится пробыть здѣсь все утро. Но нѣтъ худа безъ добра. Я могу провести съ вами добрыхъ четыре часа.

Въ головѣ Белинды немедленно начинаются разсчеты. Теперь часъ пополудни. Черезъ четыре часа будетъ пять часовъ: слѣдовательно она на цѣлый часъ опоздаетъ на свою обычную прогулку въ садъ св. Бригитты. Ему придется цѣлый часъ ждать ее. При этой мысли такое сильное волненіе, до того несоразмѣрное съ неважностью обстоятельства, вызвавшаго его, что даже пугаетъ ее, овладѣваетъ ею.

— Увѣрены ли вы, что застанете Сампсоновъ дома?—что если они уѣхали куда-нибудь?—спрашиваетъ она, насильно принуждая себя говорить.

— Ба!—безпечно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ,—если они уѣхали,

то экономка пріютитъ меня. Когда господъ нѣтъ дома, то отъ прислуги узнаешь всю ихъ подноготную.

Белинда неодобрительно пожимаетъ плечами въ отвѣтъ.

— Никогда не имѣла такой хорошей говядины! — продолжаетъ миссъ Уатсонъ съ жаромъ. — Прислуга, вѣроятно, съѣстъ добрую половину. Вѣдь вамъ одной не одолѣть такого большого куска. Почему вы однѣ? Вы, надѣюсь, не поссорились съ мужемъ? — какъ-то странно васъ видѣть совсѣмъ одной, когда городъ представляетъ изъ себя пустыню. Кстати, что здѣсь дѣлаетъ Райверсъ?

Еслибы спасеніе ея жизни и души зависѣло отъ неподвижности, то и тогда Белинда не могла бы не вздрогнуть. Ей остается только надѣяться, что миссъ Уатсонъ этого не замѣтила.

— М-ръ Райверсъ? — лепечетъ она.

— Да!. м-ръ Райверсъ, если это вамъ лучше нравится! — громко хохочетъ миссъ Уатсонъ. — Давидъ Райверсъ, нашъ старинный пріятель, — Давидъ Райверсъ! Вы не знали, что онъ здѣсь? Онъ не былъ у васъ?

Белинда переводитъ духъ и отчетливо произноситъ:

— Нѣтъ!

Въ сущности вѣдь она не лжетъ, — вѣдь она говоритъ правду! Онъ не былъ въ ея домѣ.

— Гмъ! — говоритъ миссъ Уатсонъ, кусая ногти, — это странно!

Такъ какъ это не вопросъ и такъ какъ миссисъ Фортъ не увѣрена, что голосъ ей не измѣнитъ, она предпочитаетъ благоразумно промолчать.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ — продолжаетъ ея гостья кусать ногти и вопрошать. — Теперь самое глухое время каникулъ; въ городѣ нѣтъ ни души! Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не доберусь до истины.

Глаза ея такъ и впились въ миссисъ Фортъ, и та принуждена была сказать что-нибудь.

— Въ самомъ дѣлѣ, — слабо улыбается она: — спросите лучше у него.

— Только бы мнѣ его поймать, — да онъ въ руки не дается. Я столкнулась съ нимъ носъ къ носу въ церковной улицѣ, но прежде нежели успѣла ротъ разинуть, онъ ускользнулъ отъ меня какъ угорь. Если припомните, мы считали его одно время въ Дрезденѣ глуховатымъ, но я не знала, что онъ также и подслѣповатъ! Какъ хотите, а всегда есть что-то «louche» въ человѣкѣ, намѣренно избѣгающемъ знакомыхъ ему порядочныхъ женщинъ, неправда ли?

Она такъ настаиваетъ, что Белинда вынуждена пробормотать:

— Да,—правда.

Когда ростбифъ вынесенъ изъ столовой, послѣ того какъ миссъ Уатсонъ оказала ему подобающую честь, онѣ переходятъ въ гостиную.

— Вы должны извинить меня,—церемонно объявляетъ Белинда.—Я всегда провожу слѣдующіе два часа съ моей свекровью.

— Ну!—не церемоньтесь со мной; не трудитесь меня занимать; я сама займу себя. Вотъ книги, журналы,—перебираетъ она вещи на столѣ:—я не соскучусь.

И дѣйствительно, въ продолженіе слѣдующихъ двухъ часовъ, Белинда видитъ во окно, какъ она бѣгаетъ по саду, обрывая немногія сливы на садовой стѣнѣ и стараясь заглянуть въ окна сосѣднихъ домовъ, слышитъ, какъ она хлопаетъ дверями, выдвигаетъ ящики у столовъ и пр.

На минуту тревога просыпается въ умѣ миссисъ Фортъ. Какъ бы она не выкопала какой бумаги, записки? Но, нѣтъ; улыбка гордости и самодовольства появляется на лицѣ Белинды. Ей нечего прятать, миссъ Уатсонъ не найдетъ въ ея бѣдныхъ архивахъ ничего такого, чего бы не могъ прочитать весь свѣтъ.

Два часа прошли. Теперь четверть четвертаго—время, когда она обычно надѣваетъ шляпку, перчатки и идетъ, счастливая, въ садъ гулять. Ясно, что сегодня ей нельзя туда идти. Рѣшительно не похоже, чтобы миссъ Уатсонъ намѣревалась скоро двинуться съ мѣста съ профессорскаго кресла, куда она залѣзла.

— Я все осмотрѣла,—объявляетъ она весело:—я люблю ознакомиться со всѣми закоулками въ домѣ. Одна дверь заперта у васъ на ключъ; это дверь въ святилище профессора, неправда ли?

— Онъ требуетъ, чтобы я запирала кабинетъ въ его отсутствіи,—отвѣчаетъ леденымъ тономъ жена профессора, такъ какъ не любитъ, чтобы рылись въ его книгахъ и бумагахъ.

— Вы потомъ мнѣ его покажите,—безмятежно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ:—я вѣдь не тороплюсь. Я даже подумываю пробыть до послѣдняго поѣзда и отобѣдать съ вами; никакихъ особыхъ приготовленій не требуется, вы дайте мнѣ то, что сами кушаете: котлетку или что-другое.

— Этотъ поѣздъ идетъ очень тихо,—поспѣшно заявляетъ Белинда.

— Желала бы знать, съ какимъ поѣздомъ пріѣхалъ Райверсъ.

Онъ, конечно, пріѣхалъ всего на одинъ день, и чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе «louche» мнѣ это представляется.

Белинда не садится. Въ тщетной надеждѣ, что гостья скорѣе уйдетъ, если она не будетъ сидѣть, она подходитъ къ окну и поправляетъ штору, которая вовсе въ этомъ не нуждается.

— Странное мѣсто онъ выбралъ для интриги, неправда ли?—продолжаетъ размышлять миссъ Уатсонъ.—Я всегда слышала, что здѣсь такъ зорко слѣдятъ другъ за другомъ; но, быть можетъ, онъ этимъ самымъ думаетъ отвести всѣмъ глаза?

Быть можетъ, Белинда и отвѣтила что-нибудь, но этого не слышно, потому что штора шумитъ. Вся кровь кинулась ей въ лицо. *Интрига*! неужели онъ для *интриги* пріѣзжаетъ въ Оксфордъ?—интрига съ кѣмъ? *Интрига*!—неужели и другіе люди, кромѣ миссъ Уатсонъ, назовутъ это такъ?

— Я скажу объ этомъ его матери, лэди Маріонъ, въ первый же разъ какъ встрѣчу ее,—говоритъ миссъ Уатсонъ рѣшительно.—Поступить иначе, было бы не по дружески. Я съ ней незнакома, но мы съ ней близки въ нѣкоторомъ смыслѣ. Я пробыла шесть мѣсяцевъ въ пансіонѣ въ Брюсселѣ вмѣстѣ съ ея кузиной. А поведеніе ея сына очень и очень «louche».

Судя потому, какъ она повторяетъ это слово, оно, должно быть, ей очень нравится. Бьетъ пять часовъ, и Белинда доведена до послѣдней степени отчаянія. Ей кажется (хотя это только на ворѣ шапка горитъ), что миссъ Уатсонъ намекаетъ на нее и ее имѣетъ въ виду, напирая на это слово. Пять часовъ! Онъ уже цѣлый часъ ждетъ ее въ саду. Наконецъ:

— Я думаю,—говоритъ она, открыто взглядывая на часы, на которые до сихъ поръ бросала взгляды только украдкой,—что если вы хотите попасть на поѣздъ — послѣдній вамъ покажется очень утомительнымъ—то вамъ пора идти!

— Пора?—равнодушно переспрашиваетъ гостья.—Не бѣда, если и опоздаю, я скоро хожу.

Она завязываетъ шляпку и поправляетъ гривку съ убійственной медленностью; останавливается среди этого занятія, чтобы разсмотрѣть какую-то вещицу и разспросить, откуда она, кѣмъ и когда куплена?—на прощаньѣ (не даромъ говорятъ, что ни одна англичанка не умѣетъ прощаться) изливается въ цѣломъ потокѣ рѣчей, въ которыхъ главную роль играетъ слово «louche». Но наконецъ уходитъ. Не прежде чѣмъ она завернула за уголъ и Белинда убѣдилась, что она не намѣрена возвращаться, по своей привычкѣ, назадъ, чтобы сызнова накинуться на свою жертву,—Белинда бѣжитъ въ свою комнату, поспѣшно одѣвается и, какъ

стрѣла, пущенная изъ лука, несется въ садъ. Сегодня въ ней нѣтъ напускного равнодушія и спокойствія; она не прикидывается, что идетъ безъ всякой опредѣленной цѣли, куда глаза глядятъ. Сегодня она не въ состояніи разыгрывать свою маленькую комедію.

Вѣдь она уже опоздала на цѣлый часъ съ четвертью! Застанетъ ли она еще его въ саду? Хватитъ ли у него терпѣнія такъ долго ждать ее? Во всей природѣ и въ жизни вообще нѣтъ другого вопроса, на который бы стоило отвѣчать.

Прохожіе странно поглядываютъ на нее, какъ ей кажется. До сихъ поръ она никогда не обращала вниманія на прохожихъ и не заботилась о томъ, что́ они про нее подумаютъ. Но сегодня ей кажется, что всѣ они читаютъ у ней на лицѣ ея преступную тайну. *Интрига*! Вотъ, значитъ, какъ это зовется на ихъ языкѣ! Она находится въ *интригѣ* и они какими-то судьбами узнали про это!

Когда она входитъ въ садъ, на-встрѣчу ей попадается смиренная влюбленная парочка. Проходя мимо нея, они смѣются, конечно, своему собственному веселью, но она принимаетъ ихъ смѣхъ на свой счетъ. Они знаютъ, что она, замужняя женщина, спѣшитъ на свиданіе. Самыя птицы какъ будто насмѣшливо чирикаютъ, а кусты укоризненно шелестятъ листьями. Ну пусть ихъ!

Страшно будетъ вспомнить обо всемъ этомъ, но теперь, но въ настоящую минуту только одно важно:—тамъ ли онъ?

Но прежде, чѣмъ она дошла до скамейки, вопросъ этотъ разрѣшенъ. Она такъ внезапно наткнулась на него, что не успѣла умѣрить шагъ и принять болѣе спокойный видъ.

Онъ видѣлъ, какъ она бѣжала на-встрѣчу ему, какъ она запыхалась, какъ она блѣдна, и какая отчаянная тревога въ въ ея глазахъ.

Сегодня безполезно всякое притворство. Но, по правдѣ сказать, онъ самъ не въ лучшемъ видѣ, и врядъ ли имѣетъ право критиковать ее. Пожалуй даже, она менѣе взволнована, чѣмъ онъ, потому что можетъ говорить, а онъ не можетъ.

— Вы не ушли!—говоритъ она, едва переводя духъ.—Я боялась, что́ вы уйдете.

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ обѣ ея руки въ свою (никогда до сихъ поръ не держалъ онъ обѣихъ ея рукъ въ своей рукѣ, а только одну, да и то всего лишь одну секунду) и глядитъ на нее съ блѣдной и нѣмой страстью. Даже тогда, когда они усаживаются на свою скамейку,—а ужъ какъ они добрались до

нея, они и сами не помнятъ,—опять-таки она первая заговариваетъ, но не затѣмъ, чтобы попросить его выпустить ея руки. Быть можетъ, въ своемъ волненіи она не замѣчаетъ, что онъ держитъ ихъ.

— Меня задержала миссъ Уатсонъ,—говоритъ она прерывисто:—она пріѣхала... и пробыла четыре часа... Она видѣла васъ!

Онъ киваетъ головой въ знакъ согласія.

— Да.

Очевидно, онъ не въ силахъ произнести что-либо, кромѣ односложныхъ словъ.

— Она спрашивала, зачѣмъ вы пріѣхали сюда,—продолжаетъ Белинда также поспѣшно, но болѣе связно.

— Да?

Можно подумать, что онъ не слушаетъ, такъ разсѣянъ и задумчивъ его голосъ. Онъ еще не въ состояніи понять что-либо, кромѣ того, что ея ручки въ его рукахъ. Еслибы онъ могъ думать о миссъ Уатсонъ, то вѣроятно почувствовалъ бы къ ней благодарность, такъ какъ въ сущности ей обязанъ этимъ.

— Она говорила,—продолжаетъ Белинда, дрожа и виновато глядя на ихъ сжатыя руки,—что вы, должно быть, пріѣзжаете сюда ради интриги.

Она умолкаетъ и затѣмъ прибавляетъ почти шопотомъ:

— Она не должна больше этого говорить.

Теперь онъ слушаетъ. Въ ея взглядѣ и тихомъ голосѣ есть нѣчто такое, чтò приковываетъ его вниманіе.

— Что вы хотите сказать?—спрашиваетъ онъ, задыхаясь.

— Я хочу сказать, что вы не должны больше пріѣзжать сюда.

Она не глядитъ на него, говоря это, не желая, можетъ быть, видѣть того страшнаго впечатлѣнія, какое должны произвести ея слова. Но онъ молчитъ такъ долго и упорно, что ей наконецъ становится страшно. Ужъ не убила ли она его своими словами? или, быть можетъ, онъ согласенъ съ нею (послѣдняя мысль не менѣе горька, чѣмъ первая).

Она рѣшается, наконецъ, украдкой взглянуть на него, какъ вдругъ онъ заговариваетъ и звукъ его голоса говоритъ ей, что первое ея предположеніе ближе къ истинѣ.

— Я не долженъ больше пріѣзжать сюда?

— Нѣтъ; я думаю, что не должны!

— Я не долженъ больше пріѣзжать въ Оксфордъ?

— Нѣтъ.

— Я не долженъ больше видѣться съ вами?

— Нѣтъ.

— Ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ?

Она только наклонила голову, не будучи въ силахъ говорить.

— *Никогда?*

Она снова киваетъ головой.

Въ его голосѣ слышится такая мучительная агонія, что языкъ отказывается служить!

— Мы должны жить всю нашу остальную жизнь другъ безъ друга?

Новое наклоненіе головы.

— И вы можете перенести это?—впрочемъ, разумѣется,—поправляется онъ съ горькимъ смиреніемъ,—почему же вамъ и не перенести этого? Вамъ это будетъ даже совсѣмъ не трудно. Ну, чтожъ, я тоже постараюсь перенести это!

Онъ выпустилъ ея руки и закрылъ лицо своими. Она можетъ уйти. Онъ всегда слушался ее, послушался и теперь. Но чего же она сидитъ? Отчего не уходитъ? Тоскливые взоры ея разсѣянно блуждаютъ вдоль длинной прямой аллеи. Милая, зеленая аллея! Милая, важная башня! Милыя, щебечущія птички! прощайте! прощайте навсегда, потому что она не въ силахъ будетъ снова взглянуть на васъ!

Отъ отчаянія она безпокойно задвигалась на мѣстѣ, и, въ одну секунду, онъ опустилъ руки и глядитъ на нее съ испуганной мукой въ глазахъ.

— Вы уже уходите?

— Нѣтъ еще... не сейчасъ,—слабо отвѣчаетъ она:—я не тороплюсь. Я могу пробыть какъ и всегда, если желаете.

Если онъ желаетъ! Несмотря на всю душевную муку, онъ смѣется.

Затѣмъ наступаетъ долгое, долгое молчаніе.

Садъ безлюднѣе обыкновеннаго. Ни одна душа не нарушаетъ ихъ безусловнаго уединенія. Только важная башня отмѣчаетъ бѣгущее время.

Она первая заговариваетъ.

— Я не хочу, чтобы вы были несчастны,—чуть не плачетъ она надъ его испорченной молодой жизнью.—Я бы хотѣла, чтобы вы были счастливы.

— И я бы хотѣлъ. Укажите, какъ это сдѣлать.

— О, если бы я могла! о, если бы все было такъ, какъ...

— Какъ передъ поѣздкой въ Везенштейнъ?

Эти слова какъ будто пробуждаютъ его изъ летаргіи отчаянія. Прежде нежели она успѣваетъ опомниться, руки ея опять въ его рукахъ, а глаза его глядятъ на нее такъ странно, что она не выдерживаетъ ихъ взгляда и опускаетъ свои.

— Мы можемъ вообразить, что мы въ Везенштейнѣ, неправда ли?—говоритъ онъ съ трепещущей, лихорадочной улыбкой:—тамъ былъ такой же зеленый, спокойный, тѣнистый уголокъ, какъ и здѣсь. Вы помните? какъ странно, что мы никогда о немъ не говорили раньше, не правда ли? Отчего намъ не поговорить теперь? Вы сидѣли на травѣ, а я лежалъ у вашихъ ногъ! Помните? Да... я вижу, что помните. Вы дали мнѣ свою руку. Впрочемъ, нѣтъ, моя ледяная красавица, вы мнѣ ее не давали. Я самъ взялъ ее и поцѣловалъ! Хотите, я покажу, какъ я ее цѣловалъ? Вотъ такъ... и такъ... и такъ! (страстно прикладываясь губами и къ ладони, и къ пальцамъ); а затѣмъ... затѣмъ я обнялъ васъ! Можно ли этому повѣрить? и однако я говорю правду... когда-то я держалъ васъ въ своихъ объятіяхъ и *выпустилъ васъ!* О! Боже! лучше бы я умеръ!

Буря его страсти захватила и ее.

— Да! лучше бы вы умерли!—отчаянно вскрикиваетъ она и безъ всякаго сопротивленія, нѣтъ... съ страстной покорностью даетъ ему тотъ поцѣлуй, который оставался за ней два съ половиной года. Только одинъ поцѣлуй! Одно чудное, упоительное мгновеніе, и затѣмъ наступаетъ пробужденіе! Она вырывается изъ его рукъ.

— Что... что такое было съ нами?—лепечетъ она, отдаляясь отъ него.

Но онъ не такъ скоро приходитъ въ себя.

— За вами оставался этотъ поцѣлуй съ самаго Везенштейна!—кричитъ онъ дико и почти съ торжествомъ.

И снова воцаряется тишина. Если только такъ можно назвать звонъ въ ушахъ и стукъ въ вискахъ.

— Я полагаю,—произноситъ она наконецъ съ великимъ трудомъ, точно разучилась говорить:—что этого... этого слѣдовало ожидать... все это время... да! но только я... не предвидѣла этого... Я думаю, что мнѣ никто не повѣритъ... но... я не предвидѣла этого! а вы?

Онъ не отвѣчаетъ.

Онъ все еще находится подъ впечатлѣніемъ этого, давно обѣщаннаго и, наконецъ, даннаго, блаженнаго поцѣлуя.

— Неужели,—говоритъ она, пронзительно и съ мрачнымъ

упрекомъ въ голосѣ взглядывая на него: — неужели вы предвидѣли... вы знали... вы думали...

— Я ничего не думалъ!—кричитъ онъ, приходя въ себя отъ ея горькаго упрека.—О, милая, неужели вы такого дурного обо мнѣ мнѣнія, и думаете, что я намѣренно привелъ васъ къ этому? Говорю вамъ, что я ни о чемъ не думалъ! Я только зналъ, что въ продолженіе двухъ часовъ, черезъ каждыя двѣ недѣли вы позволяете мнѣ жить! вы допускаете меня наслаждаться вашимъ обществомъ, этого съ меня было довольно! Я не заглядывалъ впередъ!

Она вернулась на скамью и забилась въ уголъ.

— Я думаю,—говоритъ она, безнадежно качая головой,—что въ сущности, мы оба жили нашими воскресеньями!

Потомъ добавляетъ со стономъ:

— О! я думала, что намъ обоимъ можно вѣрить!

Онъ не садится, но стоитъ передъ ней, виноватый и несчастный, ожидая рѣшенія своей участи.

— Я не очень печалюсь за васъ,—продолжаетъ она, поднимая на него мрачные глаза.—Вы ошибаетесь, если думаете, что я васъ очень жалѣю. У васъ есть работа,—какъ часто я васъ ревновала къ ней и къ той власти, какую она имѣетъ надъ вами! Вамъ лучше будетъ теперь! ваша мать, напримѣръ, была бы рада, что все такъ обошлось. Вы не будете больше отвлекаться отъ дѣла! не будете бросать деньги на безумныя поѣздки по желѣзной дорогѣ! это почти такъ же выгодно, какъ и сдѣлаться партнеромъ фирмы!

Она взглядываетъ на него по временамъ, чтобы видѣть, больно ли ему отъ наносимыхъ ударовъ. Но онъ стоитъ, опустивъ голову, поблѣднѣвъ какъ смерть, и терпѣливо слушаетъ.

— Но кто скажетъ *мнѣ*,—продолжаетъ она, опустивъ безнадежно руки и разсѣянно взглядывая на небо, на которое всѣ мы глядимъ въ минуту горя, хотя никогда не получаемъ отъ него облегченія:—что теперь *мнѣ* дѣлать?

Жестокость къ нему онъ перенесъ, какъ мужчина, но ея жалобы свыше его силъ.

— Я скажу, что вамъ дѣлать,—говоритъ онъ торопливымъ, прерывистымъ шопотомъ, садясь рядомъ съ ней. — Хотите меня выслушать? въ сущности до сихъ поръ намъ приходилось довольствоваться такимъ малымъ, что я даже не понимаю, какъ могли бы просуществовать съ этимъ такое долгое время. Что можетъ намъ помѣшать... почему бы намъ...

— Стойте!—кричитъ она, отталкивая его отъ себя.—Я знаю,

чтò вы хотите сказать; я знаю такъ хорошо, какъ если бы вы уже сказали!

Ужасъ, выражающійся въ ея глазахъ, ея отчаянный жесть лишають его послѣдняго самообладанія.

— Вы сказали, что не жалѣете меня, — произноситъ онъ чуть не съ рыданіемъ, — и вы, конечно, правы; но я все же прошу васъ... пощадить меня! я не въ своемъ умѣ. Я не имѣлъ права такъ... напугать... такъ оскорбить васъ.

— Я нисколько не оскорблена, — отвѣчаетъ она медленно и ясно: — *это* доказываетъ, полагаю, какъ я низко упала. Я остановила все, потому... потому, что я знала, что если дамъ вамъ договорить... то... не скажу... вамъ... нѣтъ, а скажу... да.

Она умолкаетъ, чтобы перевести духъ. Но несмотря на признаніе себя побѣжденной, высказанное ею, и его побѣду, что-то въ ея взглядѣ держитъ его на почтительномъ разстояніи.

— Но... — продолжаетъ она съ мольбой въ глазахъ и съ похудѣвшимъ и вытянутымъ лицомъ: — если вы... такой, какимъ я васъ всегда считала... если я не ошиблась въ васъ... то вы... никогда не договорите того, чтò хотѣли сказать.

Наступаетъ гробовое молчаніе. Она не спускаетъ съ него глазъ, пока не убѣждается, что одержала верхъ въ своей странной борьбѣ.

— А теперь, — говоритъ она съ сухими глазами и рѣшимостью въ голосѣ: — идите! я говорила неправду, когда сказала, что не жалѣю васъ... О! нѣтъ, я очень васъ жалѣю! очень! ну, уходите! къ чему плакать! терпѣть не могу, когда мужчина плачетъ. Богъ съ вами! Богъ васъ благослови! уходите!

И онъ, послушный какъ всегда, уходитъ!

ПЕРІОДЪ IV.

I.

Еще годъ уплылъ въ жизни профессора, миссисъ Фортъ, Сары и всѣхъ другихъ нашихъ знакомыхъ. «Отрывки изъ Менандра» вышли въ свѣтъ, и такъ какъ цѣлыхъ три человѣка прочитали ихъ, то можно сказать, что они имѣли успѣхъ. И этотъ успѣхъ подвинулъ профессора снова зарыться въ твореніяхъ отцовъ церкви; онъ погнался теперь за другими отрывками. Но въ настоящее время ему приходится рыться въ нихъ одному: его секретарь свалился съ ногъ; ломовая его лошадь надорвалась отъ непосильнаго груза и ее пришлось отпустить на подножный кормъ. Прошли долгіе мѣсяцы безотрадной, неустанной работы, и оглядываясь назадъ впослѣдствіи, Белинда только дивилась, что раньше не заболѣла! Долгіе мѣсяцы непрерывнаго прилежанія и просиживанія, согнувшись въ три погибели, надъ манускриптами и корректурами, при полномъ отсутствіи моціона и отдыха, сдѣлали свое дѣло. Белинда сама не хотѣла ни гулять, ни отдыхать. Мысль работаетъ вялѣе, память слабѣе, — а вся цѣль ея жизни теперь — убить то и другое, — отъ утомленія непосильной работой. Да для чего и для кого стала бы она щадить себя? Она будетъ работать, пока не свалится съ ногъ. Что касается профессора, то онъ съ удовольствіемъ относился къ такой метаморфозѣ; она пришлась ему какъ нельзя болѣе кстати: какъ и всегда, онъ былъ безучастенъ ко всему, что лично до него не касается, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякій болѣзненный человѣкъ, относился съ безусловнымъ недовѣріемъ къ чужимъ недугамъ и къ тому, чтобы кто-нибудь, кромѣ него самого, могъ быть боленъ, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день жена его не свалилась съ ногъ. Какъ она была этому рада! Она молила небо объ одномъ только, чтобы ей больше не вставать! Но небо судило иначе. Отъ чего бы ни суждено было миссисъ Фортъ умереть, она умретъ не отъ нервнаго разстройства, противъ котораго внимательные доктора единодушно предписали немедленную перемѣну обстановки, отдыхъ, развлеченіе. Профессоръ всегда сердится на всѣхъ, кто боленъ, но когда болѣзнь влечетъ за собой остановку въ работѣ, дорогое леченіе и еще болѣе дорогое путешествіе, то негодованіе его такъ сильно, что не находитъ словъ для своего выраженія. Онъ также сердитъ на Белинду за то,

что она заболѣла, какъ та сердита на себя за то, что выздоровѣла. До послѣдней минуты она надѣялась умереть, и онъ, послѣ того, какъ она оказалась такого слабаго здоровья, тоже радъ былъ бы отдѣлаться отъ нея. И вдругъ она остается въ живыхъ, да еще вынуждаетъ его израсходоваться на поѣздку на Англійскія Озера. Онъ готовъ думать, что она сдѣлала это нарочно.

. . . .

Сегодня все утро шелъ дождь и принудилъ нетерпѣливыхъ постояльцевъ гостиницы Лоудъ въ Уиндермирѣ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Послѣ завтрака нѣсколько прояснѣло и въ гостиной второго этажа стало веселѣе, тѣмъ болѣе, что профессоръ Фортъ не находится въ ней, да и самая гостиная не его.

Такъ какъ сестра Белинды и ея бабушка изъявили желаніе съѣхаться здѣсь съ ней, то профессоръ Фортъ милостиво разрѣшаетъ женѣ пользоваться ихъ гостиной, тѣмъ болѣе, что самъ рѣшительно заявилъ, что средства не позволяютъ ему нанять гостиную для жены.

Въ одномъ изъ большихъ креселъ, обтянутыхъ волосяной матеріей, засѣдаетъ миссисъ Чорчиль, безмятежно наблюдая за выгружающейся почтовой каретой. Въ извѣстные годы, при ровномъ характерѣ и полномъ бездушіи, люди часто какъ бы застываютъ въ одномъ и томъ же состояніи. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ миссисъ Чорчиль, она не перемѣнилась. Время не прибавило новыхъ морщинъ къ старымъ и тѣ же ямочки на щекахъ появляются, когда она улыбается. На кушеткѣ, по праву больной, лежитъ Белинда, съ остриженными и курчавыми волосами; а изъ окна высунулась Сара и съ лихорадочнымъ интересомъ наблюдаетъ за дѣйствіями семейства, живущаго этажемъ ниже, въ квартирѣ съ балкономъ, на которомъ поочередно появляются члены семьи, о чемъ Сара немедленно докладываетъ своимъ собесѣдницамъ.

— Ихъ два брата и двѣ сестры, и одна жена,—оживленно возвѣщаетъ она.—Я еще не знаю, котораго изъ двухъ братьевъ она жена, ни тотъ, ни другой не особенно ею занимаются!

— Можетъ быть, на ней женились изъ-за денегъ,—отвѣчаетъ миссисъ Чорчиль.—Боже мой!—возвращается она къ созерцанію почтовой кареты,—какъ тяжело этимъ бѣднымъ лошадямъ; онѣ всѣ въ мылѣ!

— Они всѣ теперь вышли на балконъ,—повѣствуетъ Сара съ восхищеніемъ:—Белинда, иди скорѣй и погляди!

— Я вѣрю тебѣ на слово,—лѣниво отвѣчаетъ Белинда.

— Тяжело видѣть такую жестокость,—замѣчаетъ миссисъ

Чорчиль совершенно спокойнымъ голосомъ, продолжая свои наблюденія.

— Они играютъ въ воланъ,—заявляетъ Сара.—Какъ жаль, что у насъ нѣтъ волановъ.

— Съ кѣмъ бы ты играла въ воланъ? со мной или съ профессоромъ?—сухо вопрошаетъ бабушка.

— Они уронили воланъ на дорогу,—продолжаетъ разсказывать Сара съ крайнимъ увлеченіемъ.—Теперь къ нимъ присоединился еще господинъ; это не можетъ быть третій братъ. Онъ держитъ съ ними пари на одинъ шиллингъ, кто перелѣзетъ черезъ балконъ, спустится по перекладинѣ и достанетъ воланъ. Какой дуракъ, если онъ это сдѣлаетъ! Но я, право, его гдѣ-то видѣла! Хоть бы онъ посмотрѣлъ вверхъ! Ахъ! бабушка! Белинда! бабушка! да это... молодой Беллерсъ.

На этотъ разъ обѣ слушаются ея призыва; но потому ли, что ихъ шаги громче, нежели они думали, или почему другому, но стоящіе на балконѣ господа какъ разъ въ эту самую минуту подымаютъ вверхъ голову и наши дамы поспѣшно отскакиваютъ отъ окна.

— Молодой Беллерсъ! бѣдный Беллерсъ! — кричитъ Сара, бросаясь въ кресло:—молодой Беллерсъ и душегубка!—Белинда, помнишь душегубку?

— Еще бы не помнить!

— Желала бы я знать, есть здѣсь душегубка, въ который бы я могла съ нимъ покататься?—озабоченно продолжаетъ миссъ Чорчиль. — Бабушка, вы знаете, конечно, что въ душегубкѣ могутъ помѣститься только двое? Но если вы будете настаивать, въ интересахъ благопристойности, чтобы мы васъ взяли съ собой, то милости просимъ.

Миссисъ Чорчиль смѣется.

— Вѣдь рѣшеніе этого вопроса не такое спѣшное, неправда ли? — отвѣчаетъ она, подхватывая шутку,—и такъ какъ душегубки нѣтъ еще, а коляска у подъѣзда, то, полагаю, мы можемъ ѣхать кататься.

— Онъ увидитъ меня, когда я буду садиться, — кричитъ Сара, торопливо подбѣгая къ зеркалу и надѣвая шляпку.—Вѣдь они такъ же подглядываютъ за нами, какъ и мы за ними. Ну, и пускай его! я надѣюсь, что умѣю садиться въ экипажъ не хуже всякой другой женщины въ Англіи!

Онѣ уѣхали, а Белинда пересѣла къ окну. Какой гвалтъ подымаетъ семья нижняго этажа! Не можетъ быть, чтобы они играли въ воланъ! они играютъ въ какую-нибудь болѣе шумную

игру. Похоже на то, какъ еслибы они швыряли стульями другъ въ друга. Какъ отчетливо слышится ей голосъ Беллерса. Какъ странно волнуетъ онъ ее! Лучше бы онъ сюда не пріѣзжалъ. Съ нимъ связано столько мучительныхъ и сладкихъ воспоминаній.

Въ эту минуту раздается стукъ колесъ. Неужели бабушка и Сара уже возвратились? Она высовываетъ свою красивую, кудрявую головку изъ окна. Нѣтъ! это въ почтовой каретѣ перемѣняютъ лошадей; а затѣмъ «char-à-banc» разгружаетъ своихъ пассажировъ съ одеревенѣлыми ногами. А теперь для разнообразія интереса подходитъ пароходъ къ небольшой пристани. Привезъ ли онъ новыхъ жильцовъ въ отель, которые бы внесли свѣжій элементъ за табльдотъ и матеріалъ для соображеній, свойственныхъ обитателямъ отелей, на счетъ взаимныхъ привычекъ и характеровъ? На пароходѣ пропасть народа, яблоку некуда упасть. Но кажется, что никто не намѣренъ сходить съ него.

Нѣтъ, однако, одинъ пассажиръ сошелъ и переходитъ теперь черезъ набережную съ дорожнымъ ранцемъ за спиной; это по всей вѣроятности—туристъ. Весьма вѣроятно какой-нибудь оксфордскій туземецъ, съ Платономъ въ чемоданѣ, являющійся, чтобы пофилософствовать на лонѣ природы. Если такъ, то, быть можетъ, онъ ей знакомъ—по крайней мѣрѣ по виду. Она протираетъ глаза. Что это ей померещилось? Она плохо видитъ или, быть можетъ, въ этомъ человѣкѣ есть нѣкоторое сходство съ тѣмъ, кто... Нѣтъ! это вѣрно появленіе Беллерса и пробудившіяся воспоминанія вводятъ ее въ заблужденіе. Или, быть можетъ, болѣзнь ослабила ея зрѣніе. Онъ подходитъ все ближе и ближе. Она высунулась изъ окна, чтобы лучше видѣть. Но вдругъ съ легкимъ крикомъ откидывается назадъ въ кресло. Она не ошиблась! Съ минуту она лежитъ неподвижно. Она рада! да! она рада, что не умерла! Но зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Неужели онъ узналъ, что она тутъ, и пріѣхалъ, чтобы увидѣть ее. Но нѣтъ, этого не можетъ быть. Она знаетъ его; она запретила ему показываться ей на глаза и онъ ни за что не нарушитъ даннаго слова. Значитъ, это простой случай. Какой счастливый, блаженный случай! за случай никто не отвѣчаетъ! Случай не можетъ тяготить ничьей совѣсти. И всѣ послѣдствія случая можно принять съ легкимъ сердцемъ.

Шумъ подъ окнами говоритъ ей, что подъѣхала новая почтовая карета и перемѣняетъ лошадей. Паническій страхъ овладѣваетъ ею. Что ручается ей, что онъ не зашелъ сюда на минуту и не уѣдетъ немедленно? Она снова бросается къ окну, но

на этотъ разъ прикрывается занавѣской. Двое или трое пассажировъ вышли изъ отеля и садятся въ карету. Багажъ ихъ втаскивается на имперіалъ. Ей хорошо видны всѣ путешественники и, слава Богу, между ними его нѣтъ. Она переводитъ духъ. Во всякомъ случаѣ онъ пробудетъ здѣсь до завтра и конечно будетъ обѣдать за табльдотомъ.

Радостная улыбка появляется на ея лицѣ. У ней есть передъ нимъ преимущество. Она знаетъ, что онъ здѣсь, а онъ не ожидаетъ увидѣть ее. Какъ это его поразитъ? Не выдастъ ли онъ себя? Но, нѣтъ, онъ теперь окрѣпъ и возмужалъ. Одного бѣглаго взгляда достаточно было, чтобы увидѣть, что это не прежній юноша. Въ сердцѣ ея шевелится сожалѣніе объ отлетѣвшей юности, которая безусловно принадлежала ей. Нѣтъ! онъ не выкажетъ волненія! развѣ только немного поблѣднѣетъ. Что до нея касается, то она не поблѣднѣетъ и не покраснѣетъ.

Мысли ея внезапно прерваны стукомъ въ дверь. Прежде нежели она успѣваетъ крикнуть:—войдите! вбѣгаетъ запыхавшійся отельный слуга, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы круглую недѣлю хронически врываться въ комнаты жильцовъ, кладетъ передъ ней записку, и прежде нежели она успѣваетъ спросить, откуда и отъ кого—исчезаетъ. Но въ разспросахъ нѣтъ и надобности. Этотъ почеркъ слишкомъ хорошо знакомъ ей, хотя она всего только два раза въ жизни видѣла его. Воспоминаніе о первыхъ двухъ разахъ налетаетъ на нее, какъ буря: воспоминаніе о томъ мучительномъ утрѣ въ Дрезденѣ и объ адскомъ зимнемъ вечерѣ въ Фолькстонѣ. Она безпомощно глядитъ на печать—письмо запечатано—и на подпись. Да! и почеркъ его перемѣнился: онъ тверже, мужественнѣе, безчувственнѣе. Она долго вертитъ письмо въ рукахъ, не рѣшаясь его распечатать. Что можетъ онъ ей писать? Во всякомъ случаѣ письмо не многосложно. Всего нѣсколько строкъ:

«Сейчасъ прочиталъ ваше имя въ спискѣ пріѣзжихъ; повѣрьте, что только случай привелъ меня сюда. Долженъ ли я уѣхать? Если не увижу васъ за табльдотомъ, то приму это за знакъ, что я долженъ уѣхать».

«Д. Р».

Долго спустя послѣ того какъ она прочитала письмо—вовсе не хитрое и не многосложное—она глядитъ на него пристальнымъ взглядомъ, съ глубокимъ разочарованіемъ въ сердцѣ. Но чего же, однако, она ожидала отъ него. Неужели въ письмѣ, довѣренномъ безпечной, посторонней рукѣ, онъ могъ написать

что-нибудь более интимное и компрометирующее ее. Ей оскорбительно даже предположеніе объ этомъ, но какъ жестоко съ его стороны сваливать на нее все бремя отвѣтственности; какъ жестоко выводить ихъ встрѣчу изъ сферы случайности, которой она было такъ обрадовалась.

Если онъ предоставляетъ рѣшеніе ей, то рѣшеніе это заранѣе должно быть ему извѣстно. Онъ, вѣроятно, сдѣлалъ это намѣренно. Это очень добродѣтельно съ его стороны, но какъ холодно, холодно, какъ жестоко! Не даромъ она сразу же увидѣла по его лицу, что онъ перемѣнился. Онъ сталъ, наконецъ, благоразуменъ. Прекрасно: онъ никогда не узнаетъ, что она не такъ благоразумна, какъ онъ.

Она сердито мнетъ письмо и, заслышавъ за дверью смѣхъ Сары, прячетъ его въ карманъ. И какъ разъ во-время, потому что Сара влетаетъ въ комнату, какъ ураганъ.

— Ну, что?—кричитъ она,—ты наблюдала за нимъ, какъ я тебѣ поручила? Что онъ знаетъ, что я здѣсь? гдѣ онъ? что онъ дѣлалъ?

Въ первую минуту миссисъ Фортъ растерянно глядитъ на сестру, не понимая, про кого она говоритъ.

— Кто?—съ трудомъ выговариваетъ она,—развѣ?.. О! (съ принужденнымъ смѣхомъ, догадываясь, наконецъ, о комъ идетъ рѣчь), конечно! но должна сообщить тебѣ худыя вѣсти: онъ отправился въ душегубкѣ—я не думаю, впрочемъ, чтобы здѣсь эти лодки назывались душегубками—съ дѣвушкой въ красномъ.

— Неужели?—восклицаетъ Сара, прикидываясь, что падаетъ въ обморокъ на диванъ:—когда такъ, бабушка поскорѣй перерѣжьте снурки у моего корсета и сожгите всѣ гусиныя перья, какія здѣсь найдете, мнѣ ничего больше не остается, какъ упасть въ обморокъ.

II.

Комната профессора, такъ же какъ и Белинды, находится подъ крышей. Экономнымъ людямъ, какъ извѣстно, не слѣдуетъ бояться лѣстницъ въ гостинницахъ, и профессоръ забрался поэтому на чердакъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ, безконечная лѣстница, по которой миссисъ Фортъ приходилось карабкаться, чтобы добраться до своей мансарды, утомляла ее, ослабѣвшую послѣ болѣзни. Но теперь она поправилась настолько, что не боится лишній разъ прогуляться по лѣстницѣ, даже безъ крайней надобности. Какъ бы

то ни было, а только крайняя нужда можетъ заставить ее, за полчаса до возвращенія Сары, постучаться въ дверь мужа, а затѣмъ нерѣшительно заглянуть въ нее.

— Кто тамъ? Зачѣмъ отворяете дверь и производите сквозной вѣтеръ? Пожалуйста заприте дверь!—кричитъ сердитый голосъ изнутри.

Она входитъ и запираетъ за собою дверь. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія, профессору приходится изощряться для того, чтобы найти мѣсто для своихъ вещей, и принадлежности его туалета должны лѣпиться вдоль стѣны. И постель, и полъ завалены фоліантами, и за исключеніемъ умывальника, нѣтъ такого мѣстечка, гдѣ бы не громоздились книги.

На одномъ изъ стульевъ сидитъ обитатель этого чердака; мѣховое пальто окутываетъ его тощую фигуру, на головѣ красуется теплая ермолка, а подъ ногами помѣщена бутылка съ горячей водой; на худыхъ колѣняхъ стоитъ пюпитръ, а чернильницу онъ держитъ въ лѣвой рукѣ.

— Пожалуйста, осторожнѣе!—рѣзко замѣчаетъ онъ, увидѣвъ жену:—развѣ вы не видите, что наступили на Тертулліана?

Она не видала, но тотчасъ же исправляетъ свою оплошность.

— Кажется, я просилъ, чтобы меня не безпокоили сегодня,— продолжаетъ онъ, видя, что она молчитъ и не поясняетъ причины своего появленія:—такъ какъ мнѣ приходится нести одному все бремя труда (съ укоризненнымъ взглядомъ на ея праздную и очевидно выздоравливающую красоту), то я долженъ очень спѣшить. Конечно, у васъ есть основательныя причины нарушить мои правила?

— Я думала, что вы удивитесь, если не увидите меня сегодня за табльдотомъ,—холодно отвѣчаетъ она,—а потому пришла сказать вамъ, что не намѣрена идти сегодня въ столовую, и хотѣла спросить: не имѣете ли вы чего противъ этого?

— Неужели вамъ опять нездоровится?—спрашиваетъ онъ съ внезапной тревогой во взглядѣ.

Она качаетъ головой, горько улыбаясь. Слишкомъ очевидно, что эта тревога вызывается не заботой объ ея здоровьѣ, но боязнью, что ему придется снова тратиться на докторовъ.

— Нѣтъ, успокойтесь.

— Вы, однако, очень запыхались,—замѣчаетъ онъ съ досадой.

— Не болѣе, чѣмъ это неизбѣжно, когда приходится карабкаться на чердакъ,—угрюмо отвѣчаетъ она.

Должно быть, ея видъ успокоилъ его на счетъ ея здоровья, потому что онъ снова обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ,—говоритъ она рѣзко, убѣдившись, что онъ намѣренъ игнорировать ея присутствіе.

Онъ дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія и скуки.

— Мнѣ кажется, что никакого отвѣта и не требуется. Вы, конечно, заявили сегодня утромъ содержателю гостинницы о своемъ намѣреніи не приходить за табльдотъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ нѣчего и думать объ этомъ. По правиламъ гостинницы всякій обѣдъ, если заранѣе не отказаться отъ него, становится на счетъ, а я, право, не въ состояніи нести такія безумныя издержки.

Тонъ его заставляетъ ее покраснѣть.

— Никакихъ издержекъ не будетъ, если я не велю подать себѣ обѣдъ въ комнату, а я именно желаю поститься.

— И подвергнуться риску снова заболѣть?—кричитъ онъ недовольнымъ голосомъ.—Покорнѣйше прошу васъ не дѣлать этого.

— Я напьюсь чаю у бабушки въ гостиной. Бабушка, конечно, не пожалѣетъ чашки чаю для меня.

— Покорнѣйше прошу васъ не дѣлать этого,—повторяетъ онъ, разсерженный ея тономъ, или тѣмъ, что ему помѣшали работать.—Ваша бабушка, конечно, вольна поступать, какъ ей угодно, но такъ какъ извѣстный фактъ, что счеты лицъ, дозволяющихъ себѣ такую безсмысленную роскошь, какъ отдѣльную гостиную и особо сервированный чай, увеличиваются немедленно и несоразмѣрно, то я прошу васъ подчиняться общимъ правиламъ.

Онъ такъ удивленъ молчаніемъ, съ какимъ она выслушиваетъ это требованіе, что сердито взглядываетъ на нее и видитъ, что она стоитъ неподвижно и глядитъ на него съ невыразимой улыбкой.

— Итакъ *вы* хотите, чтобы я обѣдала въ столовой?—говоритъ она съ нѣкоторой напыщенностью:—*вы* требуете этого?

— Я не вижу причины уклоняться отъ обычныхъ правилъ,—возражаетъ онъ съ досадой.—Вы, кажется, совсѣмъ оправились отъ болѣзни и трудно даже повѣрить, чтобы вы когда-нибудь были больны, а ничто такъ не вредно, какъ прихоти мнимыхъ больныхъ.

— Вы, вѣроятно, говорите это по опыту?—отвѣчаетъ она съ спокойной дерзостью.

Краска бросается въ его высохшее, какъ пергаменъ, лицо.

— Вы намекаете, какъ уже часто дѣлали раньше, что я malade imaginaire.

Она безпечно пожимаетъ плечами.

— Я не думаю и никогда не думала, чтобы вы были на половину такъ больны, какъ это воображаете.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, вы скоро убѣдитесь въ противномъ.

Слова его и взглядъ такъ многозначительны, что съ минуту она испуганно глядитъ на него, но онъ указываетъ ей на дверь рукой, не будучи въ состояніи отъ досады проговорить ни слова. Но впечатлѣніе изглаживается прежде, нежели она сходитъ съ лѣстницы.

— Ба!—говоритъ она самой себѣ,—онъ переживетъ всѣхъ насъ!

. . . .

Колоколъ, призывающій къ табльдоту, уже прозвонилъ и жильцы направились въ большую, свѣтлую столовую, гдѣ скоро разсѣлись за двумя длинными столами, замѣтно пустѣющими по мѣрѣ того, какъ сезонъ подвигается впередъ. Белинда сѣла на свое мѣсто. Супъ уже съѣденъ, а *его* все еще нѣтъ. Какъ эти господа, напротивъ нея, пялятъ на нее глаза.

Она отчаянно обмахивается вѣеромъ, но профессоръ проситъ ее перестать, потому что боится простудиться.

— Куда запропастился Беллерсъ съ красной барышней; должно быть, онъ опрокинулъ ее въ воду и утопилъ. По дѣломъ ей!—шепчетъ Сара на ухо сестрѣ.—Ахъ, Боже мой!

Послѣднее восклицаніе заставляетъ Белинду вздрогнуть, причемъ она не можетъ рѣшить: видѣлъ или не видѣлъ это движеніе вошедшій въ это время въ залу новый пріѣзжій, которому слуга почтительно пододвигаетъ стулъ за другимъ столомъ.

— Ты знала, что онъ здѣсь?—спрашиваетъ Сара очень тихо.

Но Белинда не отвѣчаетъ. Безумная радость сжимаетъ ей горло.

— Неужели ты знала?—настаиваетъ та:—неужели?...

— Чтожъ ты воображаешь развѣ, что я за нимъ послала?—спрашиваетъ Белинда, задыхаясь.—Виновата ли я, что онъ сюда пріѣхалъ?

Глаза ея свѣтятся такимъ гнѣвомъ, что Сара считаетъ болѣе благоразумнымъ замолчать.

— Вы ничего не ѣдите!—замѣчаетъ профессоръ, глядя на

ея пустую тарелку:—платить за вашъ обѣдъ, значить по-просту бросать деньги за окно.

— Хуже было бы, еслибы я стала насильно ѣсть, когда мнѣ не хочется,—отвѣчаетъ она съ досадой и на этомъ прекращается ихъ супружеская бесѣда.

Обѣдъ тоже конченъ и всѣ переходятъ изъ столовой въ сѣни и оттуда на лужокъ передъ гостинницей и на набережную. Белинда тоже идетъ на пристань, такъ спокойно, какъ только можетъ и, облокотившись на перила, смотритъ внизъ на мутную воду. Вечеръ сырой и холодный, и совсѣмъ не похожъ на лѣтній. Большинство публики, пожимаясь, уходитъ обратно въ гостинницу. Другіе возвращаются, закутанные въ теплые пальто и пледы.

Неужели имъ холодно? ей жарко, какъ въ самый знойный лѣтній день. Глаза ея устремлены въ сердитыя, мутныя волны, разбивающіяся о берегъ. За ея спиной раздаются шаги прохожихъ, гуляющихъ взадъ и впередъ, куря и болтая. Кто-то нерѣшительно останавливается около нея.

— Вы получили мою записку?

— Да,—отвѣчаетъ она, шопотомъ, не глядя на него, не выражая удивленія отъ его прихода и пренебреженія обычными формулами вѣжливости;—но вы не должны ошибочно толковать мое присутствіе за столомъ. Мой... мой... м-ръ Фортъ настаивалъ на этомъ по весьма прозаической причинѣ,—поясняетъ она, покраснѣвъ до ушей.—Онъ не желалъ, чтобы мой обѣдъ пропалъ даромъ.

— Вы были больны?

— Ничего особеннаго. Я заработалась.

— *Заработались*!—повторяетъ онъ съ ужасомъ въ голосѣ.— Неужели вашъ... но кто же въ этомъ виноватъ?

— Никто, кромѣ меня самой,—отвѣчаетъ она, словами Дездемоны, въ которыхъ столько же правды, какъ и въ словахъ жены Мавра.—Ну, а вы какъ поживаете? во всякомъ случаѣ *васъ* работа не свалила съ ногъ,—прибавляетъ она съ меланхолической улыбкой.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Васъ трудно свалить съ ногъ,—замѣчаетъ она, чуть не съ упрекомъ.—А между тѣмъ мужчины легче умираютъ, нежели женщины; только вы умираете, когда не хотите этого, а мы не можемъ умереть, когда хотимъ: такъ всегда бываетъ въ лучшемъ изъ міровъ.

— Неужели вы желали умереть?—спрашиваетъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Да,—мечтательно отвѣчаетъ она.—Нѣтъ... да, то-есть въ такомъ случаѣ, еслибы я могла вернуться сюда опять, еслибы мнѣ не понравилось на томъ свѣтѣ; а вы? но, нѣтъ, конечно, вамъ было бы жаль разстаться съ вашимъ «молотомъ» и патентомъ; кстати: что патентъ? взятъ уже?

— Неужели вы помните про патентъ?—кричитъ онъ съ восхищеннымъ смѣхомъ.

— Помню ли я?—съ нѣкотораго рода гнѣвомъ возражаетъ она:—неужели, еслибы я собиралась взять патентъ, вы бы забыли про это!

— Это уже теперь старая исторія,—отвѣчаетъ онъ, все еще нервно смѣясь:—патентъ взятъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Наша фирма съ успѣхомъ примѣнила его; другія послѣдовали нашему примѣру и...

— И вы на дорогѣ стать богачемъ и лордомъ-мэромъ. Помните, я всегда говорила вамъ, что вы будете лордомъ-мэромъ, вы любимецъ счастія.

— Любимецъ счастія! да! вы говорили мнѣ это въ Оксфордѣ и эта шутка такъ понравилась вамъ, что вы ее охотно повторяете,—упрекаетъ онъ ее съ горечью въ голосѣ.

— На васъ не угодишь! — истерически смѣется она:—чего же вамъ еще надо?

— Белинда! ты съума сошла, ты вѣрно хочешь простудиться и опять заболѣть. Ахъ! это вы,—свысока и небрежно удостоиваетъ миссъ Чорчиль узнать собесѣдника сестры.

Въ тонѣ голоса Сары и въ манерѣ, съ какой она беретъ сестру за руку и уводитъ съ собой, чувствуется такая рѣшимость, что нужно было бы имѣть болѣе чистую совѣсть, чтобы сопротивляться ей.

— Я... я поджидала тебя,—лепечетъ она.

— А Давидъ помогалъ тебѣ? къ сожалѣнію, меня задержали. Беллерсъ увидѣлъ меня и разсказалъ мнѣ про красную барышню. Она играетъ на цитрѣ, кажется, въ этомъ ея главное очарованіе. Я тоже буду играть на цитрѣ.

III.

Хотя, по замѣчанію профессора Форта, трудно повѣрить, что жена его была когда-нибудь больна, однако до сихъ поръ, на правахъ выздоравливающей и не разсчитывая на ея силы, ее исключали изъ дальнихъ экскурсій, предпринимаемыхъ ея бабуш-

кой и сестрой въ окрестности. Но сегодня утромъ ее, очевидно, признаютъ настолько здоровой, чтобы вернуться къ прежнему образу жизни.

— Мнѣ приходится обратиться къ тебѣ за содѣйствіемъ,— говоритъ миссъ Чорчиль, идя на встрѣчу сестрѣ, которая входитъ въ гостиную бабушки, сіяя здоровьемъ и свѣжестью.—Бабушка окончательно отказывается сопровождать меня на прогулки. Она никогда не любила природы, неправда ли, бабушка? Что касается меня, то по причинамъ, мнѣ одной извѣстнымъ, я намѣрена провести сегодняшній день въ Конистонѣ и не вижу резона почему бы тебѣ не ѣхать со мной.

Необыкновенная положительность ея тона и рѣшительность взгляда можетъ заставить подумать, что она ждетъ сопротивленія. Но если таковое и проявляется, то молча.

— Пожалуйста, поѣдемъ,—съ жаромъ настаиваетъ Сара;— если ты будешь все сидѣть дома и казаться такой здоровой, то тебя непремѣнно снова запрягутъ въ Менандра.

Белинда смѣется не совсѣмъ натурально.

— Вотъ и видно, какъ ты отстала въ своихъ понятіяхъ; Менандръ уже три мѣсяца тому назадъ вышелъ въ свѣтъ.

— Я увѣрена, что онъ оставилъ по себѣ кучу младшихъ братцевъ,—легкомысленно заявляетъ Сара:—ну, что ты скажешь?

— Ты думаешь, что можно рискнуть ѣхать за-городъ? Посмотри на облака; не похоже ли, что будетъ дождь.

Белинда идетъ къ окну, говоря это, и показываетъ на небо.

— Ахъ! небо здѣсь всегда такое,—сухо возражаетъ Сара. —Скорѣе отвѣчай: да или нѣтъ.

— Я спрошу м-ра Форта, можетъ ли онъ обойтись безъ меня, —неохотно говоритъ Белинда, выходя изъ комнаты.

— Скажи ему, что ему это не будетъ стоить ни гроша, что никакихъ расходовъ его не заставятъ платить,—кричитъ ей вслѣдъ Сара.

Белинда скоро возвращается.

— Ну?

— Онъ ничего не имѣетъ противъ моей поѣздки,—отвѣчаетъ Белинда, повѣся носъ.

— Ты старалась, чтобы онъ не пустилъ тебя, и не успѣла въ этомъ,—смѣется Сара.

— Ты слишкомъ проницательна,—отвѣчаетъ Белинда, покраснѣвъ и съ досадой, показывающей, что сестра попала въ цѣль:—ты поставила на своемъ, какъ ты это всегда умѣешь сдѣлать. Я ѣду съ тобой и конченъ разговоръ.

Поданъ экипажъ. Сара уже усѣлась въ него и обмѣнивается любезностями съ кѣмъ-то, кто стоитъ на балконѣ надъ ея головой. Белинда нарочно копалась за своимъ туалетомъ въ надеждѣ, что налетитъ буря и помѣшаетъ прогулкѣ.

Но тщетно. Небо окончательно проясинвается. Выходя изъ сѣней, она украдкой оглядывается кругомъ. Да, онъ здѣсь! Его голосъ, который, не будь Сары, цѣлый день раздавался бы въ ея счастливыхъ ушахъ, говоритъ ей:

— Вы уѣзжаете?

— Да,—говоритъ она съ невольной жалобной нотой въ голосѣ и взглядываетъ съ печалью въ его глаза:—на цѣлый день; гулять! пожелайте мнѣ веселиться!

Она садится въ экипажъ и громкимъ, яснымъ голосомъ приказываетъ кучеру:—въ Конистонъ!

— Я вижу, что ты желаешь, что бы всѣ узнали, куда мы ѣдемъ, —иронизируетъ Сара.

— Я думала, что тебѣ будетъ пріятно, если Беллерсъ узнаетъ, куда мы ѣдемъ,—огрызается Белинда.

. . . .

— Белинда! — говоритъ ея сестра, когда онѣ пріѣхали на мѣсто своего назначенія и успѣли уже вдоволь нагуляться и наскучаться:—Белинда! — и въ голосѣ ея слышится торжество — видишь, тамъ между деревьями кто-то двигается? да? такъ я и думала.

И вдругъ съ рѣзкой перемѣной въ голосѣ, въ которомъ слышится теперь искренняя досада: — зачѣмъ только онъ привезъ съ собой этого неотвязнаго Давида!

— Я слышалъ, какъ вы приказывали кучеру ѣхать къ Конистонъ,—шепчетъ послѣдній на ухо Белиндѣ.

Она отворачиваетъ голову, покраснѣвъ какъ вишня.

И послѣ этого какъ-то само собой выходитъ, что они идутъ гулять вмѣстѣ.

— Сколько времени вы здѣсь пробудете?—спрашиваетъ она у него внезапно.

Она вовсе не хотѣла задавать ему этого вопроса и горько раскаивается, произнеся его, но онъ сорвался нечаянно.

— Я уѣду, когда вы мнѣ прикажете.

Она сморщиваетъ лобъ отъ боли и отъ гнѣва.

— Вы не имѣете права сваливать на меня всю отвѣтственность, — говоритъ она съ негодованіемъ:—это не великодушно. Вы сами можете рѣшить, какъ вамъ слѣдуетъ поступить.

— Вѣдь я уже разъ оказался несостоятельнымъ, а потому и не довѣряю больше самому себѣ.

Она, поблѣднѣвъ, какъ смерть, опускаетъ глаза.

— Это была *моя* вина,—тихо отвѣчаетъ она.

— Нѣтъ! не ваша. Можетъ быть, то обстоятельство, что вы опоздали въ тотъ день, только ускорило развязку, но она была неизбѣжна.

— Поступайте, какъ считаете лучше, — лепечетъ она въ слезахъ.

— Если такъ, то я остаюсь; я считаю за лучшее остаться. Обстоятельства перемѣнились. Я тогда былъ захваченъ врасплохъ. Теперь я буду на-сторожѣ. Теперь вы можете быть вполнѣ спокойны.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? — вздрагиваетъ она, испугавшись, хотя, быть можетъ, и слишкомъ поздно, его отчаяннаго взгляда и дикаго торжества въ глазахъ:—увѣрены ли вы?

И впродолженіе цѣлой недѣли имѣетъ случай сама убѣдиться въ этомъ.

. . . .

— Какъ это несносно! — говоритъ съ досадой миссисъ Чорчиль.

Время какъ разъ послѣ завтрака и она сидитъ за столомъ, передъ раскрытымъ пюпитромъ, на которомъ лежатъ разныя бумаги и въ числѣ ихъ счетъ изъ гостинницы. Обычная ясность духа измѣнила ей. Содержатель гостинницы только-что вышелъ изъ комнаты.

— Такъ какъ мы въ родствѣ, то трудно объяснять всѣмъ и каждому, что мы не отвѣтственны за его эксцентричности, —продолжаетъ миссисъ Чорчиль съ усиливающейся досадой.

— Небо такъ, очевидно, создало васъ другъ для друга, что никакъ нельзя разубѣдить ихъ въ томъ, что вы не мужъ и жена, — говоритъ Сара веселымъ голосомъ, стоя у окна.—Я видѣла недовѣріе въ глазахъ содержателя гостинницы, когда вы такъ старательно объясняли ему, что онъ вашъ внукъ; онъ очевидно дивился, зачѣмъ вы говорите такую явную и вздорную неправду.

— Онъ споритъ изъ-за всякаго гроша, я увѣрена, что они охотно заплатили бы ему, только бы онъ уѣхалъ,—продолжаетъ миссисъ Чорчиль, съ негодованіемъ.—Кончится тѣмъ, что онъ насъ выживетъ отсюда! Ахъ! Белинда, душа моя, ты здѣсь? прости пожалуйста, но слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь, и ты, право, входишь въ комнату точно тѣнь какая, такъ что и не услышишь.

— Не безпокойтесь,—успокоиваетъ ее Белинда, хотя лицо у ней горитъ.—Я постараюсь на будущее время входить съ большимъ шумомъ; а теперь думаю будетъ лучше, если я уйду.

Говоря это, она направляется къ двери, тихо затворяетъ ее за собой и рѣшительными шагами взбирается вверхъ по лѣстницѣ на чердакъ своего супруга.

Она застаетъ его за такимъ же точно занятіемъ, какъ и бабушку. По крайней мѣрѣ передъ нимъ тоже лежатъ бумаги и счетъ.

— Я готовился призвать васъ на помощь, — говоритъ онъ, взглядывая на нее въ ту минуту, какъ она входитъ.—Я желалъ спросить васъ о нѣкоторыхъ статьяхъ въ этомъ счетѣ, такъ какъ лично не имѣю о нихъ ни малѣйшаго понятія. Вотъ здѣсь, 15 числа показаны двѣ почтовыхъ марки; бутылка воды аполлинарисъ—18 и конверты—19. Дѣйствительно вы брали все это или оно попало въ счетъ, только благодаря невниманію содержателя гостинницы и въ такомъ случаѣ я взыщу съ него за такую преступную небрежность.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что счетъ вѣренъ, да и не все ли равно.

— По моему мнѣнію, вовсе не все равно; вы, надѣюсь, не позабыли того, что было вчера, и можете по крайней мѣрѣ сообщить мнѣ: приказывали ли вы подать себѣ бутылку зельтерской воды?

— Да, приказывала подать себѣ двѣ, три, полдюжины бутылокъ!

Онъ взглядываетъ на нее съ довольно понятнымъ раздраженіемъ.

— Вы, кажется, намѣрены по какой-то, для меня непонятной, причинѣ, помѣшать моему намѣренію, но это не такъ важно, такъ какъ я рѣшилъ немедленно оставить это мѣсто, гдѣ меня обсчитываютъ, благодаря, конечно, родству съ вашей бабушкой.

До сихъ поръ она безпечно глядѣла передъ собой, но при упоминовеніи о предполагаемомъ отъѣздѣ, безпечность ея пропадаетъ, а щеки блѣднѣютъ.

— Вы собираетесь отсюда уѣхать?—спрашиваетъ она тихимъ голосомъ и прибавляетъ съ ироніей: — но вѣдь гдѣ бы вы ни поселились, вамъ придется платить за почтовыя марки, которыя я покупаю, и за зельтерскую воду, которую я пью.

— Дѣло не въ однихъ только издержкахъ, — возражаетъ онъ, слегка покраснѣвъ отъ ея тона:—но я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что здѣшній воздухъ для меня нездоровъ; я хуже

сплю съ тѣхъ поръ, какъ сюда пріѣхалъ, и біенія сердца значительно усилились. Я знаю, что вы всегда смотрите недовѣрчиво, когда я говорю о своихъ болѣзняхъ.

— Неужели?—отвѣчаетъ она съ разсѣяннымъ видомъ, точно не думаетъ о томъ, чтó говоритъ. — Извините; я это дѣлаю не нарочно.

— Я написалъ въ гостинницу Лодоръ, на берегу Дервентскаго озера, чтобы намъ приготовили комнаты. Отсюда почтовая карета уходитъ въ одиннадцать часовъ утра и...

— Неужели вы хотите сказать, что мы *завтра* уѣзжаемъ отсюда?—перебиваетъ она, задыхаясь.

Глаза ея расширены, а голосъ грубъ, какъ она сама это сознаетъ.

— Это *невозможно*!—говоритъ она, тихо и торопливо:—вы не спросили меня, не посовѣтовались со мной. Какимъ образомъ можетъ воздухъ одного озера быть здоровѣе другого? все это фантазіи, чистыя фантазіи! Вы сами говорили мнѣ на дняхъ, что не слѣдуетъ поддаваться болѣзненнымъ фантазіямъ.

Онъ медленно отводитъ глаза отъ счета, въ которомъ до сихъ поръ старательно доискивался неточностей, и пронзительно вглядывается въ нее.

— Вамъ, кажется, очень не хочется уѣзжать отсюда? отчего это?

Въ его тонѣ есть или, по крайней мѣрѣ, слышится ей что-то такое, чтó сразу заставляетъ умолкнуть ея возраженія. Но внезапная ярость овладѣваетъ ею, безумное желаніе сказать ему, *почему* она не хочетъ уѣзжать, сказать ему все, все.

Онъ давно уже опять углубился въ счетъ, когда она, наконецъ, произноситъ покорнымъ тономъ:

— Дилижансъ уходитъ въ одиннадцать часовъ, говорите вы? хорошо, я буду готова къ этому времени.

Говоря это, она встаетъ и направляется къ двери.

— Если увидите слугу, то скажите, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ содержателя гостинницы,—говоритъ ей вслѣдъ супругъ: — онъ никогда не приходитъ на мой звонокъ, а въ этомъ счетѣ много статей, которыя я рѣшительно не могу допустить.

Покорно исполнивъ его порученіе, миссисъ Фортъ идетъ снова въ гостиную бабушки и заглядываетъ въ нее.

— Бабушка здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Сара съ своего обычнаго сторожевого поста у окна.—Сказать тебѣ по правдѣ, я порядкомъ задала ей за ея невѣжливость съ тобой; она такъ же хорошо, какъ и я,

видѣла, что ты входишь въ комнату. Я страхъ какъ разсердила ее,—добавляетъ она, смѣясь,—сказавъ ей, что она несомнѣнно становится глуха.

— Ей не придется больше сердиться на пребываніе здѣсь м-ра Форта.

— Ужъ не умираетъ ли онъ?—спрашиваетъ Сара съ оживленіемъ и бѣжитъ къ сестрѣ.

— Онъ грозитъ, что умретъ, если еще здѣсь пробудетъ, и завтра утромъ мы уѣзжаемъ въ Дервентъ.

— И ты согласилась?—тономъ крайняго удивленія спрашиваетъ Сара.

Отвѣтъ ея сестры кажется не совсѣмъ у мѣста.

— Сара,—произноситъ она медленно и поблѣднѣвъ сильнѣе прежняго:—помнишь, ты разъ сказала мнѣ, что я гублю себя и... вмѣстѣ съ собой Давида Райверса.

— Да, помню!—отвѣчаетъ та сухо.

— Почему же, — почти шопотомъ продолжаетъ разспрашивать миссисъ Фортъ,—ты больше не повторяла мнѣ этого?

Миссъ Чорчиль поднимаетъ брови.

— Душа моя,—откровенно заявляетъ она:—ты приняла мое первое предостереженіе не въ такомъ духѣ, чтобы поощрить меня къ дальнѣйшимъ совѣтамъ.

Белинда опустила голову на грудь.

— Ты была не далека отъ правды въ то время,—слабо произноситъ она,—а теперь ближе къ ней чѣмъ когда-либо.

Наступаетъ молчаніе. Сара расхаживаетъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Быть можетъ, признаніе сестры не было для нея неожиданностью. По крайней мѣрѣ лицо ея не выражаетъ ни малѣйшаго удивленія.

— Ты уѣзжаешь? — внезапно останавливается она передъ сестрой:—но кто помѣшаетъ ему послѣдовать за тобой?

Губы Белинды дрожатъ.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, если я не велю ему.

Глаза ея печально глядятъ въ окно на горы и на озеро. Вершины первыхъ все еще таинственно окутаны утреннимъ туманомъ, но озеро все залито солнечными лучами. Завтра, завтра онъ собирался покатать ее по озеру.

Вдругъ унылая покорность въ ней смѣняется болѣе сильнымъ взрывомъ отчаянія.

— О чемъ я думаю?—кричитъ она,—я совсѣмъ позабыла! Я его больше не увижу; онъ долженъ былъ уѣхать по дѣлу въ

Мильнъ-Торпъ и не вернется до завтра. А когда вернется, то насъ уже здѣсь не будетъ!

— Онъ поѣдетъ за вами съ слѣдующей же почтовой каретой!—замѣчаетъ Сара съ циническимъ здравомысліемъ.

Белинда издаетъ слабый стонъ.

— Я должна написать ему!

— Ради Бога не дѣлай этого!—разубѣждаетъ Сара.—*Никогда* не пиши писемъ! хотя бы ты нарушала всѣ остальныя правила, но этого одного держись неукоснительно. Во всемъ подлунномъ царствѣ,—добавляетъ миссъ Чорчиль съ скромной гордостью,—не найдется двухъ строкъ, написанныхъ мною.

— Если я не напишу, онъ конечно разыщетъ насъ, если только я не объявлю въ гостинницѣ, что не желаю, чтобы ему сообщали нашъ адресъ.

— Этого никакъ не слѣдуетъ дѣлать,—сухо замѣчаетъ Сара:—врядъ ли будетъ благоразумно брать въ повѣренные слугъ отеля.

Наступаетъ молчаніе. Миссъ Чорчиль продолжаетъ безпокойно прохаживаться взадъ и впередъ.

— Я полагаю,—вздыхаетъ она наконецъ съ нетерпѣніемъ,—что въ концѣ-концовъ это придется сдѣлать мнѣ. Наши роли перемѣнились. Всю мою жизнь я просила тебя исполнять за меня непріятныя порученія—а теперь мнѣ приходится оказать ту же услугу тебѣ. Полагаю, что *я* должна сообщить ему.

— *Ты?* — внезапно поворачивается Белинда съ страстнымъ неодобреніемъ такого проэкта и въ голосѣ, и во взорѣ, причемъ дремлющая въ ея груди безсмысленная ревность снова пробуждается.—Почему именно *ты*?

— Можетъ быть, ты предпочитаешь, чтобы ему сказала бабушка?—спокойно спрашиваетъ Сара.—Кто-нибудь да долженъ же сообщить ему, и неужели ты думаешь, что я особенно гонюсь за этой честью!

— Скажи ему какъ можно деликатнѣе,—проситъ Белинда.

— Неужели ты воображаешь, что мое сообщеніе убьетъ его? —иронизируетъ Сара:—помнится, ты опасалась когда-то, что смерть отца убьетъ его, и однако онъ остался живъ! Нѣтъ! мужчину не такъ-то легко убить!

IV.

Свершилось. Почтовая карета выѣхала въ одиннадцать часовъ. Въ числѣ пассажировъ внутреннихъ мѣстъ, она увезла старательно укутанную фигуру профессора Форта, а въ числѣ пасса-

жировъ наружныхъ мѣстъ, ищущихъ спасенія отъ дождя подъ зонтиками, находится его жена.

— Никогда еще въ жизни такъ не радовалась,—объявляетъ миссисъ Чорчиль, отходя отъ окна къ камину послѣ окончательныхъ нѣжныхъ кивковъ отъѣзжающимъ родственникамъ.

— Ни даже тогда, когда впервые назвали его внукомъ?—спрашиваетъ язвительно Сара.

Миссисъ Чорчиль краснѣетъ.

— Бѣдняжка!—продолжаетъ Сара съ искреннимъ состраданіемъ въ голосѣ; глядя вслѣдъ отъѣзжающему экипажу.

— Никогда не могла понять, почему ты сожалѣешь о ней, —замѣчаетъ старуха съ раздраженіемъ:—большая ошибка судить о чужихъ чувствахъ по своимъ собственнымъ.

— Полагаю, что никому нѣтъ обиды въ томъ, что я пожалѣю ее за то, что ей предстоитъ насквозь промокнуть.

И нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи миссисъ Фортъ заслуживаетъ сожалѣнія по пріѣздѣ въ гостинницу Лодоръ, когда она слѣзаетъ съ имперіала, промокшая до костей.

— Вы сами виноваты,—объявляетъ профессоръ Фортъ, вылѣзая, сухъ и невредимъ, извнутри кареты:—еслибы вы послушали моего совѣта...

— Я никого не виню, — апатически перебиваетъ она:—не большая бѣда промокнуть; скоро опять буду суха.

— Только бы вы не простудились,—тревожится профессоръ хотя не отъ избытка нѣжности къ своей рабочей машинѣ:—непремѣнно выпейте стаканъ горячей воды съ водкой, для предохраненія себя отъ простуды.

— Я не простужусь, — отвѣчаетъ она, но покорно исполняетъ его желаніе.

Она просыпается рано поутру и въ назначенное время выходитъ въ сѣни, ожидая звонка, призывающаго къ завтраку.

— Надѣюсь, что вы оправились отъ послѣдствій вчерашней неосторожности,—говоритъ голосъ за ея спиной.

Она вздрагиваетъ.

— Никакихъ послѣдствій и не было,—пожимаетъ она плечами.

— Въ такомъ случаѣ,—объявляетъ сухо ея супругъ,—и такъ какъ по всѣмъ другимъ признакамъ вы вполнѣ выздоровѣли, то полагаю, что имѣю право предложить, чтобы вы вернулись къ нормальному образу жизни, который былъ прерванъ такъ долго и съ такимъ неудобствомъ для меня.

Белинда улыбается. Она отлично знаетъ, что только присут-

ствіе бабушки и Сары мѣшало до сихъ поръ ему снова запречь ее въ ярмо. Ясно, что при первой же возможности онъ долженъ снова запречь ее. Но, что за бѣда?

— Я вполнѣ съ вами согласна, — торопливо соглашается она.—Я не имѣю никакого права на дальнѣйшую праздность. Послѣ такого продолжительнаго отдыха, полезно немного поработать.

Но взгляды людей на количество работы, не превышающей человѣческія силы, очевидно бываютъ разные.

Послѣ завтрака, когда они взбираются въ спальню профессора, которая служитъ также и кабинетомъ, онъ кладетъ передъ Белиндой почтенную груду писемъ, на которыя ей слѣдуетъ отвѣтить, сообразуясь съ данными ей инструкціями. Но если количество ихъ и испугало ее, то она этого не высказываетъ. Солнце невыносимо печетъ, и въ маленькой конуркѣ, которая въ десять разъ меньше оксфордскаго кабинета профессора, но гдѣ окно также тщательно заперто, нестерпимо душно. Голова у нея, отвыкшая отъ духоты, начинаетъ болѣть и кружиться, но она не жалуется.

Бьетъ часъ. Она слышитъ веселые голоса людей, идущихъ полдничать. Профессоръ—не особенный приверженецъ полдника, даже и тогда, когда онъ можетъ съѣсть его на чужой счетъ. Въ гостинницѣ же онъ безусловно возстаетъ противъ полдника. Но ей нельзя жаловаться. Онъ готовъ раздѣлить съ ней свою трапезу: бисквиты, купленные въ лавкѣ, такъ что имъ не придется фигурировать въ счетѣ гостинницы, и воду съ примѣсью водки — послѣдняя тоже пріобрѣтена на сторонѣ. Она отказывается отъ водки, отказалась бы также и отъ бисквитовъ, потому что въ такой духотѣ и при головной боли ей совсѣмъ не до ѣды; но боится его воркотни.

Бьетъ два часа! три! половина четвертаго! четыре! А груда писемъ все не уменьшается. Наконецъ, перо падаетъ изъ ея онѣмѣвшихъ пальцевъ.

— Прошу извинить меня, я больше не могу; мнѣ дурно.

— Вамъ дурно?—значитъ вы опять простудились, благодаря вашей вчерашней неосторожности.

— Простудилась?—нѣтъ, я просто устала отъ работы. Могу я идти?

— Къ чему вы спрашиваете?—возражаетъ онъ съ досадой, глядя на неоконченную работу.—Развѣ я когда стѣсняю вашу свободу? я считаю себя въ правѣ требовать только одного, чтобы вы не подвергали себя простудѣ и опасности заболѣть.

Она не заставляетъ повторять себѣ два раза этихъ словъ и уходитъ, счастливая и довольная, что можетъ вырваться на свѣжій воздухъ.

Она идетъ куда глаза глядятъ, сознавая одно только, что съ каждымъ шагомъ уходитъ дальше отъ *него*. Но на долго ли? вѣдь все равно: рано или поздно придется вернуться къ нему— только смерть можетъ освободить ее отъ него.

Погруженная въ свои печальныя размышленія, она не слышала приближающихся шаговъ, и вскрикиваетъ, когда чья-то рука тихонько дотрогивается до ея плеча.

— Какъ? это вы?

— Да, я.

— Развѣ Сара не передала вамъ?

— Да, передала.

— И вы такъ-то слушаетесь меня?

Онъ молчитъ.

— Это-то ваше хваленое великодушіе и послушаніе?

— Я уѣду, если вы сами мнѣ это прикажете; но только вы сами, а не кто-либо другой.

Она молчитъ.

— Я уѣду, если вы скажете, что я долженъ уѣхать, и останусь, если вы этого пожелаете.

Она съ тоской глядитъ кругомъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Что же вы рѣшаете? Ѣхать мнѣ или оставаться?

Голосъ его становится все настойчивѣе и повелительнѣе.

— *Я жду! рѣшайте, какъ быть*!

Ужасное будущее! ужасное прошлое! ужасное настоящее! Она боролась изъ всѣхъ силъ. Никто не можетъ сказать, что она не боролась.

— *Что же?* Что вы скажете: уѣзжать мнѣ или оставаться?

— Оста...вать...ся!—произноситъ она наконецъ едва слышно.

Мало-по-малу она поднимаетъ на него свое измученное лицо и говоритъ:

— Пора идти домой.

Онъ молча повинуется и они идутъ обратно въ гостинницу; но не успѣли пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ наступаетъ быстрая перемѣна погоды, столь обычная въ горахъ. Налетаетъ буря и крупныя капли дождя хлещутъ имъ прямо въ лицо. У ней нѣтъ ни зонтика, ни макинтоша, и легкое платье ея скоро пробито насквозь.

Съ тревожной заботливостью онъ обнимаетъ ее одной ру-

кой. Первымъ ея движеніемъ отскочить отъ него; но опомнившись, она покорно подчиняется.

V.

Вечеръ. Зябкость профессора Форта побѣдила его скупость, и на его чердачкѣ огонь горитъ въ камелькѣ. Но онъ одинъ сидитъ у огня и грѣетъ свои застывшія руки. Жены его нѣтъ дома. Она стоитъ на деревенскомъ мостикѣ, который ведетъ въ лѣсъ и къ водопаду... и не одна.

Отнынѣ она всегда будетъ опираться на эту руку, и что за дѣло, какою цѣной она купила это счастіе.

— Неужели ты долженъ уѣхать?—спрашиваетъ она, вздыхая:—неужели это неизбѣжно и ты *непремѣнно* долженъ ѣхать?

— Непремѣнно!—отвѣчаетъ онъ также уныло:—иначе поступить невозможно; надо многое устроить и я долженъ сдѣлать это лично; мнѣ нужно также съѣздить въ Мильнъ-Торпъ, заглянуть на заводъ.

Она поднимаетъ голову.

— А... это... не повредитъ тебѣ?—быстро и тревожно спрашиваетъ она.—Это не отразится на твоемъ будущемъ?

— Конечно нѣтъ! конечно нѣтъ! — поспѣшно успокоиваетъ онъ ее:—съ какой стати? Какое можетъ быть отношеніе между частной жизнью человѣка и его общественными занятіями? Какое кому дѣло, что я...

— Увезъ чужую жену,—доканчиваетъ она тихимъ, жесткимъ тономъ.—Почему ты не договариваешь? Разъ мы не боимся поступка, нечего бояться словъ.

И хотя на дворѣ уже темно, но онъ угадываетъ мучительный румянецъ, сопровождающій эти слова. И снова острая боль, отравившая первые моменты его побѣдоноснаго счастія, сжимаетъ его сердце.

— Ты не долго пробудешь въ отсутствіи? ты не на долго оставишь меня одну? ты вернешься такъ скоро, какъ только можно?

— Неужели въ этомъ можетъ быть сомнѣніе?—Въ его тонѣ слышится почти иронія. Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ и полу-успокоительно, полу-робко гладитъ ея волосы.

— Постарайся не очень презирать меня!—шепчетъ она съ рыданіемъ, и несмотря на темноту прячетъ голову на его груди.—Конечно, ты не можешь не презирать меня, но постарайся хорошенько скрыть это, чтобы я не замѣтила.

Не бредитъ ли онъ? неужели это его богиня высказываетъ такую жалкую мольбу? неужели это онъ святотатственно внимаетъ ей?

— Какъ проживу я эти дни безъ тебя,—стонетъ она:—о, возвращайся скорѣе, скорѣе, скорѣе! Какими глазами я буду смотрѣть на него, зная то, что я замышляю противъ него? Если онъ скажетъ мнѣ хоть одно доброе слово, я пропала! Къ счастью, онъ никогда не говоритъ мнѣ такихъ словъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ крѣпче прижимаетъ ее къ себѣ. Какими словами можно утѣшить ее? Безъ сомнѣнія, эта молчаливая ласка, говорящая о его любви и состраданіи, лучше всякихъ словъ.

— Мнѣ постоянно будетъ казаться, что я надоѣла тебѣ,— шепчетъ она и шопотъ ея прерывается рыданіями:—обѣщай, что ты не разлюбишь меня, обѣщай! Помни, что кромѣ тебя у меня въ цѣломъ свѣтѣ не будетъ никого и ничего; и что если ты измѣнишь мнѣ, я потеряю все, все! Но какая польза въ обѣщаніяхъ,—съ отчаяніемъ доканчиваетъ она:—вѣдь это не зависитъ отъ человѣка. Если я надоѣмъ тебѣ, ты разлюбишь меня и дѣлу конецъ!

Она вырвалась отъ него и отстранила его отъ себя, какъ бы впередъ отрекаясь отъ него. Онъ охватываетъ голову руками, точно боится за свой разсудокъ.

— Когда ты говоришь такія вещи,—кричитъ онъ прерывающимся голосомъ,—мнѣ кажется, что я съума схожу. *Я* разлюблю тебя! *Я*! *Я*! О! моя любовь, моя богиня, моя королева!— и падаетъ на колѣни, цѣлуетъ подолъ ея платья,—еслибы ты знала, какъ я мучусь мыслью, что *ты* разлюбишь меня, что *ты* найдешь, что я не стою той жертвы, какую ты мнѣ приносишь! что моя личность и моя любовь покажутся тебѣ недостаточной замѣной всего того, чего ты лишишься!

Онъ умолкаетъ, прислоняя голову къ ея дрожащимъ колѣнямъ и его слезы смачиваютъ ея платье.

Сила его волненія немного успокоиваетъ ее. Какъ бы то ни было, а теперь пока она ему еще не надоѣла. Она почти покровительственно кладетъ руку на его голову.

— Да! — говоритъ она,—ты одинъ замѣнишь мнѣ все и кромѣ тебя мнѣ ничего не нужно.

На слѣдующее утро онъ уѣзжаетъ, она остается коротать дни безъ него, какъ только умѣетъ.

«Какъ я проживу безъ него?» спрашиваетъ она себя, стоя у окна въ комнатѣ мужа и разсѣянно глядя въ окно, сквозь

запыленное стекло, черезъ которое трудно что-нибудь видѣть, и дожидаясь, пока мужъ приступитъ къ обычной работѣ.

Онъ входитъ неслышно и она не знаетъ, слышалъ онъ ея восклицанія или нѣтъ.

— На что вы смотрите?—спрашиваетъ онъ.

Она вздрагиваетъ.

— Я... я гляжу на дождь.

— Я надѣюсь,—возражаетъ онъ сухо,—что вы удовольствуетесь этимъ; я положительно требую, чтобы вы не выходили во время дождя на улицу, такъ какъ можете снова заболѣть, какъ это уже чуть было вчера не случилось.

— Хорошо,—покорно отвѣчаетъ она.

Она одна сходитъ сегодня за табльдотъ. Профессоръ, страдающій мнимымъ или дѣйствительнымъ нездоровьемъ, остался въ своей комнатѣ (онъ, конечно, заранѣе предупредилъ содержателя гостинницы, что не будетъ обѣдать) и довольствуется чашкой бульона, сидя у камина.

Белинда сидитъ за столомъ рядомъ съ одной дамой и ея мужемъ, съ которыми довольно коротко сошлась за это время. Но сегодня она вѣжливо отклоняетъ всѣ ихъ попытки къ дружеской бесѣдѣ. Пусть впослѣдствіи не говорятъ, что она навязывала имъ свое общество, злоупотребляя ихъ невѣдѣніемъ.

И вотъ наконецъ конченъ одинъ день и наступаетъ ночь. О! эти ужасныя ночи, когда безсонница смѣняется кошмаромъ и обратно, и не знаешь, что хуже! Порою ей хочется признаться во всемъ кому-нибудь, посовѣтоваться. Быть можетъ, это не такъ худо, какъ кажется! Вѣдь эти вещи случаются каждый день!

Отъѣздъ ея не будетъ горестью для мужа, а скорѣе желанной экономіей!

Она горько смѣется. Онъ будетъ радъ, что отдѣлался отъ нея. До сихъ поръ всѣ, съ кѣмъ она ни жила, бывали рады отдѣлаться отъ нея! Вѣдь бабушка едва могла скрыть свою радость, что она ее оставляетъ. Профессоръ Фортъ тоже будетъ радъ. А придетъ время, когда и *онъ*, быть можетъ, будетъ тяготиться ею! О! какая страшная мука скрыта въ этой мысли! Она будетъ видѣть, какъ мало-по-малу она надоѣстъ ему! Какъ честный человѣкъ, онъ будетъ стараться скрывать это; но развѣ это можетъ отъ нея укрыться? Она будетъ ревновать къ воздуху, который будетъ касаться его лица; каждый день она будетъ вопрошать себя: — *Тотъ ли* онъ, какъ былъ? Не перемѣнился ли? *Такъ* же ли любитъ меня? И каково это будетъ видѣть, какъ его любовь будетъ постепенно угасать. Что можетъ привязать

его къ ней? Не честь, потому что она порвала съ честью; не истинная любовь, потому что истинная любовь опирается на уваженіи, а она должна проститься съ уваженіемъ; отнынѣ она обречена на вѣчный стыдъ. Холодный потъ выступаетъ у ней на лбу. Ждетъ или нѣтъ насъ адъ въ будущей жизни,—а она уже въ здѣшней попала въ адъ.

Наконецъ наступаетъ послѣдній день:—послѣдній изъ тѣхъ, которые отдѣляютъ ее отъ утра, когда она встрѣтитъ его на Кесвикской станціи, отрекшись ради него и на вѣки отъ мужа, друзей и добраго имени.

Безсонныя, мучительныя ночи; дни, исполненные безъисходной тоски, до того разстроили ея нервы, что она наканунѣ того, чтобы заболѣть нервной горячкой. При малѣйшемъ шумѣ, она готова кричать. Она по обыкновенію за работой въ комнатѣ мужа и сѣла такъ, чтобы не видѣть его лица, въ то время какъ пишетъ. Слишкомъ горькое чувство раскаянія внушаетъ ей видъ его сморщеннаго лица и сгорбленной фигуры. Бѣдный старикъ! чѣмъ онъ виноватъ передъ нею, что она собирается нанести ему смертельный ударъ, — смертельный, если не для его сердца, то для его чести. По какому праву она готовится сразить его изъ-за угла? Потому что онъ старъ, боленъ и раздражителенъ? Но развѣ онъ не былъ такимъ, когда она выходила за него замужъ? Какъ далекъ онъ отъ мысли подозрѣвать ее? Онъ, можетъ быть, требователенъ и не ласковъ, но какъ сильно его довѣріе къ ней!

— У васъ какъ будто лихорадка!—говоритъ онъ.

Въ его голосѣ ей почудилась нѣкоторая доброта или участіе, и въ одну минуту она падаетъ на колѣни. Еще не поздно! Она все скажетъ ему.

— Чортъ бы васъ побралъ—сердито кричитъ онъ.

Какъ онъ ни раздражителенъ, а такое выраженіе и ему въ рѣдкость и доказываетъ, что мѣра терпѣнія его переполнилась.

— Вы закапали чернилами Григорія Назіанзина!

Съ минуту она стоитъ на колѣняхъ, оглушенная. Затѣмъ медленно приходя въ себя и вполнѣ исцѣленная отъ желанія принести повинную, она лепечетъ:

— Извините,—я... я уронила перо и хотѣла поискать его на полу.

Часы протекаютъ. Ей кажется, что они бѣгутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что время не двигается. Ни съ кѣмъ, кромѣ мужа, Белинда больше не разговариваетъ. Она сухо и холодно относится ко всякой попыткѣ заговорить съ нею добрыхъ людей, привлеченныхъ ея красотой и видимымъ одиночествомъ (профессоръ

продолжаетъ сидѣть въ своей комнаткѣ и питаться однимъ бульономъ). Она довольно грубо отогнала отъ себя маленькаго ребенка, съ которымъ прежде часто играла. Никто изъ нихъ не долженъ впослѣдствіи жаловаться на то, что она навязывала имъ свое общество, которое они будутъ считать для себя позорнымъ.

Наступаетъ часъ обѣда и Белинда стоитъ у дверей отеля и дышетъ свѣжимъ воздухомъ. На улицѣ ей немного легче, чѣмъ въ четырехъ стѣнахъ. Сегодня опять выпалъ дождливый денекъ; солнца не было видно цѣлый день, но теперь передъ самымъ закатомъ оно появилось на небѣ и вся природа кругомъ засіяла въ обновленной красѣ. Белинда глядитъ на окружающее ее великолѣпіе сухими, тоскливыми глазами и съ пересохшимся отъ внутреннихъ слезъ горломъ. О! какой жестокій, страшный, красивый міръ! Ей было бы легче жить, еслибы ее окружала мерзость запустѣнія; слишкомъ великъ контрастъ между внѣшней красотой, окружающей ее, и безобразнымъ хаосомъ, царствующимъ внутри ея. Краса солнечнаго заката такова, что привлекла къ окнамъ многихъ зрителей. Небольшая группа людей послѣдовала примѣру миссисъ Фортъ и вышла на дорогу. Лэди, съ которой она познакомилась въ началѣ своего пребыванія въ Лоудѣ, стоитъ возлѣ нея.

— Отчего вы не хотите больше съ нами разговаривать? — обращается она къ ней съ удивленіемъ въ голосѣ: — я боюсь, — добавляетъ она, смѣясь, — что вы думаете, что мы не совсѣмъ порядочные люди, что, быть можетъ, даже не обвѣнчаны! Мамá встрѣтила такихъ господъ въ Спа въ прошломъ году, и это было ужасно, такъ какъ она чуть было не подружилась съ ними!

Она вдругъ умолкаетъ, потому что слушательница ея поблѣднѣла, какъ смерть, и съ трудомъ глотаетъ слезы. О! жестокій, насмѣшливый свѣтъ! когда перестанетъ онъ смѣяться надъ ея тоской!

Ночь наступила. Она идетъ проститься съ мужемъ. Часто прежде она пренебрегала этой церемоніей, но сегодня, по странному чувству противорѣчія, она находитъ нужнымъ соблюдать всѣ формы вѣжливости.

Она находитъ его у камина; пустая чашка отъ бульона стоитъ возлѣ него и онъ грѣетъ свои безкровныя руки надъ погасающимъ огнемъ.

— Я пришла проститься съ вами.

— Прощайте.

Церемонія окончена и онъ ждетъ, чтобы она удалилась, но она не уходитъ, удерживаемая желаніемъ броситься къ его ногамъ

и разсказать ему все. Бѣдный старикъ! Какъ онъ старъ и слабъ, и одинокъ!

— Вы не больны?—спрашиваетъ она нерѣшительно.

— По вашему мнѣнію, я никогда не бываю боленъ,—сухо отвѣчаетъ онъ.—Я пользуюсь самымъ крѣпкимъ здоровьемъ. Еслибы я сказалъ вамъ, что боленъ, вы бы мнѣ не повѣрили!

— О, нѣтъ,—съ раскаяніемъ заявляетъ она.—Я вѣрю, что вы часто, часто бываете нездоровы. Не могу ли я быть вамъ полезна?

— Вы можете затворить дверь,—отвѣчаетъ онъ съ ироніей, —вещь, которой съ самого начала моего знакомства съ вами я не могъ добиться отъ васъ; а такъ какъ мнѣ пора ложиться спать, то я попрошу васъ затворить ее *снаружи*!

VI.

И вотъ теперь приходится переживать ночь. Съ какимъ страхомъ слѣдила она за наступающими сумерками и ждала ночи; но никакое ожиданіе не сравнится съ тѣмъ, что̀ приходится переживать въ дѣйствительности во время этихъ тяжкихъ, нескончаемыхъ часовъ, сражаясь съ страшными батальонами мыслей и угрызеній совѣсти, преслѣдующими даже и во снѣ. Но сегодня она и не пытается ложиться спать. Не раздѣваясь, просиживаетъ она цѣлую ночь и пишетъ, пишетъ одно за другимъ прощальныя письма къ тому, кто, отдѣленный отъ нея тонкой перегородкой, кашляетъ и ворочается въ безпокойномъ и некрѣпкомъ стариковскомъ снѣ. Сколько такихъ писемъ написала она. По крайней мѣрѣ дюжину. Но не успѣетъ она написать одно, какъ тутъ же разрываетъ. Какъ просить прощенія въ томъ, чего нельзя простить? Какъ заявлять о своемъ раскаяніи въ грѣхѣ, когда дѣйствія доказываютъ, что она въ немъ не раскаялась? Къ чему оскорблять его такимъ образомъ? Наступаетъ разсвѣтъ и она пишетъ наконецъ всего три строчки, которыя, не перечитывая, чтобы и ихъ не разорвать, кладетъ въ конвертъ и запечатываетъ. Въ нихъ нѣтъ ни мольбы о прощеніи, ни раскаянія.

«Я уѣзжаю отъ васъ навсегда. Я считаю, что была для васъ такой дурной женой, хуже которой вы и сами не можете считать меня.

Белинда».

Проработать всю ночь ради такого результата! Она идетъ

къ окну вся окоченѣлая и одеревенѣлая. Жребій брошенъ, теперь уже нѣтъ возврата! Теперь надо примириться съ своей судьбой, какова бы она ни была! Она отходитъ отъ окна и случайно взглядываетъ въ зеркало. Что за лицо! Какіе темные круги подъ глазами! Какія бѣлыя, пересохшія губы! Но хуже всего выраженіе! Да! въ этомъ выраженіи есть что-то новое и невыразимое! У ней уже явился тотъ жалобный и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающій взглядъ, какой бываетъ у всѣхъ такихъ женщинъ. Ну, чтожъ дѣлать! и съ этимъ надо примириться.

Терять время больше не приходится. Она неслышно ходитъ по комнатѣ и собирается въ путь. Она снимаетъ свое обручальное кольцо и, завернувъ его вмѣстѣ съ немногими, жалкими драгоцѣнностями, подаренными ей мужемъ, кладетъ возлѣ письма. Потомъ взбудораживаетъ постель, чтобы было похоже, что она спала на ней, чего достигнуть не такъ легко, какъ кажется. Трудно придать постели, на которую никто не ложился, какъ разъ тотъ самый видъ, какой ей придаетъ спящій человѣкъ. Послѣ того она раздѣвается. Когда ей приносятъ теплую воду, она одѣвается заново и, положивъ письмо и пакетъ съ вещами на видномъ мѣстѣ, на комодѣ, который служитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и туалетомъ, спускается внизъ.

Она приказала привести ей извощика. Эта издержка не падетъ на счетъ профессора. Она вернетъ ему деньги съ первой же почтой. Да! но *чьи* это будутъ деньги? Жаркая краска заливаетъ ея лицо и она закрываетъ руками свое жалкое лицо.

Три минуты истекло сверхъ назначеннаго срока, а извощика еще нѣтъ. Быть можетъ, ея приказанія не поняли и извощикъ совсѣмъ не пріѣдетъ! Но не успѣла эта жалкая надежда—которую врядъ ли даже можно назвать надеждой—зародиться въ ея сердцѣ, какъ она тотчасъ же пропадаетъ. Открытый кабріолетъ быстро катитъ къ подъѣзду. Но, можетъ быть, это не ея кабріолетъ! Вѣдь и другіе могли также заказать извощика. Быть можетъ, этотъ экипажъ предназначается для кого-нибудь другого. Но и это самообольщеніе разсѣевается.

— Экипажъ готовъ, сударыня, — говоритъ слуга, подходя къ ней.

— Вы увѣрены, что это мой экипажъ?—спрашиваетъ она, цѣпляясь за послѣднюю надежду.—Вы увѣрены, что никто другой не заказывалъ экипажа? что никакого недоразумѣнія быть не можетъ.

— Никакого, сударыня.

Ей ничего не остается, какъ сѣсть въ экипажъ, и она въ него садится. Въ это время слуга совсѣмъ невинно спрашиваетъ.

— Вы вернетесь къ обѣду, сударыня?

Въ одну секунду предательская краска заливаетъ ей лицо. Ужъ не подозрѣваетъ ли онъ ее? Ужъ не съ намѣреніемъ ли задалъ онъ этотъ вопросъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она едва слышно.

И вотъ экипажъ отъѣзжаетъ. Жребій брошенъ! Ничто не остановило ее. До самой послѣдней минуты она надѣялась, что ее задержатъ. Но, нѣтъ, увы! никакой помѣхи не произошло. Никому нѣтъ до нея дѣла, ни Богу, ни людямъ!

Какъ скоро онъ ѣдетъ! Она приказываетъ ему ѣхать тише; и затѣмъ, повинуясь новому и противорѣчивому желанію поскорѣй покончить со всѣмъ этимъ, приказываетъ ѣхать скорѣе. И снова мысли безчисленныя, какъ песчинки, быстрыя, какъ молнія, проносятся у нея въ мозгу. Въ ушахъ внезапно звенитъ фраза изъ «Sartor Resartus», Карлейля, позабытаго въ гостинницѣ кѣмъ-то изъ путешественниковъ и случайно попавшагося вчера подъ руку. «Любите не удовольствіе; любите Бога—вотъ любовь, не знающая конца». Зачѣмъ эта фраза преслѣдуетъ ее именно теперь. Какъ онъ скоро ѣдетъ! Ужъ видна станція вдали. Такъ же скоро везли ее и въ церковь въ то утро, когда была ея свадьба. Съ какой страшной отчетливостью припоминаются ей всѣ подробности того часа. Она сидѣла въ тупомъ и нѣмомъ отчаяніи, а Сара рыдала, убѣждая ее, что еще не поздно! Сара была права, и теперь еще не поздно. О! зачѣмъ нѣтъ съ ней теперь Сары?

По мѣрѣ того, какъ экипажъ приближался къ цѣли ея назначенія, агонія ея возрастаетъ. Холодный потъ выступаетъ на лбу. *Еще не поздно*! Это написано огненными буквами на холмахъ, мимо которыхъ она проѣзжаетъ, на голубой поверхности озера и на синемъ сводѣ неба. *Еще не поздно*! Какъ ясно читаетъ она эти слова! Въ нихъ есть что-то повелительное! *Еще не поздно*! Неужели она осмѣлится не повиноваться имъ.

— Стой!—кричитъ она внѣ себя.

Но волненіе ея такъ сильно, а въ горлѣ такъ пересохло, что слова не вылетаютъ изъ него. Лошадь продолжаетъ быстро бѣжать.

— Стой!—повторяетъ она и снова голосъ ей не повинуется и лошадь бѣжитъ дальше.

— Стой!—пересиливаетъ она, наконецъ, свое волненіе и на этотъ разъ кучеръ услышалъ ее и останавливается.

— Ступайте назадъ!—продолжаетъ она, и видя его изумленіе, объявляетъ:—Я забыла нужную вещь въ гостинницѣ!

— Мы пропустимъ поѣздъ, сударыня,—отвѣчаетъ онъ, вѣжливо и наставительно:—у насъ очень мало времени.

— Ступайте назадъ!—повторяетъ она, и кучеръ, хотя и дивится, но повинуется.

Она откидывается назадъ и закрываетъ лицо руками. Что она сдѣлала? Но она запрещаетъ себѣ думать или размышлять объ этомъ. И, однако, ея старанія, быть можетъ, тщетны. Если во время ея отсутствія письмо было найдено, то она напрасно вернулась.

— Какъ вы тихо ѣдете!—кричитъ она,—скорѣй, скорѣй!

Какъ могла она находить это разстояніе короткимъ? Оно непостижимо, нескончаемо длинно! Вотъ показывается гостинница! Нѣсколько человѣкъ стоитъ въ дверяхъ. Слышали они что-нибудь? Объ этомъ ли они говорятъ? Кабріолетъ у подъѣзда. Поспѣла ли она во время? Ей кажется, что между зѣваками воцарилось какое-то зловѣщее молчаніе. Она не смѣетъ взглянуть въ лицо слуги, который помогаетъ ей выдти изъ экипажа. Она какъ молнія несется по лѣстницѣ. Поспѣла ли она во время? Она добѣжала до своей комнаты и какъ вихрь врывается въ нее. Поспѣла ли она во время? Одинъ взглядъ и отвѣтъ готовъ. Да? она не опоздала! О! какъ легко стало отъ этой мысли! Письмо и пакетъ лежатъ на прежнемъ мѣстѣ, нетронутые. Да! она не опоздала! И при всемъ томъ—до того мы, люди, вообще не логичны въ своихъ чувствахъ,—она какъ будто и разочарована тѣмъ, что ея желаніе исполнилось. Еслибы письмо было найдено, судьба ея была бы рѣшена. А теперь ей снова приходится бороться. А можетъ ли она надѣяться, что выдержитъ борьбу? Она беретъ письмо въ руки и нѣсколько секундъ стоитъ въ нерѣшительности. Отчаянное рѣшеніе зарождается въ ея душѣ и выражается на ея растерянномъ лицѣ.

Такъ какъ онъ еще не получалъ письма, то она сама передастъ ему его. Она сообщитъ ему, при какихъ обстоятельствахъ оно было написано. Въ *этомъ* будетъ ея искупленіе.

Не давая себѣ времени на раздумье, она поспѣшно идетъ въ комнату мужа и стучится въ дверь. Отвѣта нѣтъ и она снова стучится. И опять не получаетъ отвѣта. Быть можетъ, онъ вышелъ. Она отворяетъ дверь и входитъ. Нѣтъ, онъ сидитъ на обычномъ мѣстѣ за импровизированнымъ письменнымъ столомъ. Онъ вѣрно не слышалъ. Поза его несовсѣмъ обычная, такъ какъ онъ очевидно сидитъ праздно и голова у него склонилась на

грудь. Онъ, вѣроятно, думаетъ и, конечно, выбранитъ ее за то, что она ему помѣшала. Но что-жъ дѣлать? Небу извѣстно, что онъ имѣетъ полное право бранить ее!

— Могу я переговорить съ вами?

Голосъ ея какъ-то особенно гулко раздается среди безмолвія комнаты. Отвѣта нѣтъ, и мужъ не двигается и ничѣмъ не даетъ знать, что замѣтилъ ея присутствіе. Какъ это странно! Она говорила громко и отчетливо, а онъ не глухъ. Онъ, вѣроятно, заснулъ, хотя странно! никогда не спитъ въ это время! Холодный ужасъ охватываетъ ее, но она старается преодолѣть его. Нервы ея потрясены. Почему ему было и не заснуть? Старикамъ часто дремлется.

Побѣждая безыменный, безсмысленный страхъ, овладѣвшій ею, она твердо подходитъ къ нему, кладетъ руку ему на плечо и заглядываетъ въ лицо. Черезъ секунду отчаянный звонокъ раздается на всю гостинницу, и когда испуганные жильцы и слуги сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, они находятъ миссисъ Фортъ распростертой на полу рядомъ съ своимъ мужемъ и такою же безчувственной, какъ и онъ. Но только ее они приводятъ въ чувство черезъ нѣкоторое время, что же касается его, то онъ навѣки оправданъ въ обвиненіи, что онъ—malade imaginaire, и каѳедра профессора этрусскихъ древностей въ Оксфордѣ свободна!

А. Э.

БЕЛЛЕТРИСТЪ-НАРОДНИКЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

—Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Два тома. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1884.

Писатели, которые въ настоящее время выдѣляютъ, или хотятъ выдѣлить, себя въ особую группу, опредѣляемую названіемъ «народничества», указываютъ цѣлый рядъ своихъ предшественниковъ въ старой литературѣ 60-хъ годовъ,—публицистовъ, ученыхъ, поэтовъ,—и въ числѣ послѣднихъ ставится съ особеннымъ уваженіемъ имя Левитова. Уваженіе—вполнѣ заслуженное; это былъ писатель, несомнѣнно даровитый и оригинальный,—но любопытно опредѣлить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ дѣятельность Левитова можетъ подтверждать тѣ оригинальныя теоріи, которыя теперь высказываются нерѣдко подъ именемъ «народничества» и обыкновенно съ притязаніемъ на исключительную непогрѣшимость.

Нельзя не порадоваться, что сочиненія Левитова собраны теперь въ цѣльномъ изданіи. Такое изданіе облегчитъ обзоръ дѣятельности писателя и историческую оцѣнку художественнаго и общественнаго содержанія, представляемаго его трудами, и дастъ любителямъ литературы возможность обновить въ своей памяти произведенія, занимающія одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ, посвященной народу. Біографія, приложенная къ настоящему изданію, познакомитъ и съ характерной личностью самого писателя.

Левитовъ принадлежитъ дѣйствительно къ числу замѣчатель-

нѣйшихъ писателей, начавшихъ свою дѣятельность въ 60-хъ г., и которые останутся въ исторіи литературы своеобразными представителями того времени, времени великой національной реформы. Характеризуя условія, въ которыхъ возникла и развилась дѣятельность Левитова, его біографъ говоритъ: «Это было время пробужденія общественной мысли, сознанія вѣковыхъ заблужденій и зла, и вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнаго исканія идеаловъ со стороны лучшихъ людей того времени. Во главѣ движенія сталъ царь, по волѣ котораго разбились желѣзныя цѣпи рабства, рухнулъ старый отжившій строй и начался новый періодъ въ жизни русскаго народа. Отмѣна крѣпостного права и другія реформы, послѣдовавшія за крестьянскою, призывали къ дѣятельности общественныя силы, открывали для всего юношества, безъ различія званій, широкій путь къ образованію и намѣчали, въ перспективѣ, дальнѣйшій ходъ развитія нашей гражданственности. Все, что было тогда молодого, свѣжаго и бодраго, — все это съ пламеннымъ восторгомъ отозвалось на призывъ верховнаго вождя Россіи и спѣшило приняться за дорогое всѣмъ дѣло и работать, не зная устали, съ тѣмъ, чтобы провести въ жизнь новыя и гуманныя начала, положенныя въ основу реформъ Царя-Освободителя. То было какое-то особенное время... Точно, послѣ безконечно-долгой и страшно суровой зимы, снизошла вдругъ на русскую землю плѣнительно-кроткая, вся сіяющая и теплая весна»...

Общественное движеніе, возбужденное этой весной, отразилось и въ литературѣ:

«Оно, — говоритъ г. Нефедовъ, — вызвало къ дѣятельности цѣлый рядъ новыхъ писателей, занявшихъ въ литературѣ совершенно особое мѣсто. Первыми изъ такихъ писателей явились Н. Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и Помяловскій; за ними — Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, Засодимскій и многіе другіе. Въ русскую литературу, какъ у насъ потомъ стали выражаться, вышелъ теперь «разночинецъ». Выступивъ продолжателями литературныхъ традицій школы Гоголя, новые писатели скоро, однако, пошли самостоятельнымъ путемъ и поставили себѣ иныя задачи. Манифестомъ 19 февраля уничтожено крѣпостное состояніе крестьянъ, и много-милліонный народъ получилъ права гражданства. Писатели сороковыхъ годовъ — и во главѣ ихъ Тургеневъ—раскрывали въ своихъ произведеніяхъ всю неправду и вопіющее зло крѣпостного права, въ художественныхъ образахъ и картинахъ они воспроизводили крестьянскій міръ и показывали, что мужикъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, и тѣмъ бу-

дили общественную совѣсть, вызывая симпатіи и искреннее участіе къ порабощенному классу. Народъ и его жизнь стали предметомъ вниманія и новыхъ писателей. Уступая своимъ предшественникамъ въ силѣ художественнаго воспроизведенія жизни и созданія типовъ, молодые писатели съ горячей любовью принялись за изображеніе народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Они сдѣлались не только живописцами или ваятелями, но даже изслѣдователями, публицистами и комментаторами описываемыхъ ими жизненныхъ явленій. Суждено ли будетъ произведеніямъ новыхъ писателей занять мѣсто въ исторіи русской литературы, или нѣтъ,—рѣшеніе этого вопроса было бы теперь преждевременно; но что произведенія писателей шестидесятыхъ годовъ займутъ мѣсто въ исторіи русской культуры, — это едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

«Большинство писателей шестидесятыхъ годовъ вышли или изъ среды духовенства, или мелкаго чиновничества, или прямо изъ народа. Родившіеся въ скромной обстановкѣ, они воспитывались среди нужды и всевозможныхъ невзгодъ; громадныхъ усилій и страшнаго напряженія энергіи стоило имъ добиться образованія и не затеряться въ массѣ. Благодаря, исключительно, богатству природныхъ силъ и таланта, они успѣли выбиться изъ своей среды,—среды часто грубой, невѣжественной и, подъ часъ, жестоко преслѣдующей людей именно за то, что послѣднимъ суждено было занять иное мѣсто въ жизни. Глубокой горечи, жгучихъ страданій и невообразимыхъ лишеній полна жизнь писателей, вышедшихъ изъ народа или разночинства: жизнь такихъ людей заслуживаетъ полнаго вниманія и знакомства съ нею. Только тогда будутъ понятны ихъ литературныя произведенія и возможна безпристрастная оцѣнка всѣхъ этихъ «очерковъ», «набросковъ» и т. п. Изъ перечисленныхъ выше писателей уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ,—они рано сошли въ могилу; въ живыхъ теперь два—три человѣка. Но то литературное теченіе, которое съ ними началось, не остановилось и продолжаетъ существовать. Это явленіе представляетъ, само по себѣ, фактъ въ высшей степени любопытный и требующій серьезнаго изученія» [1]).

Любопытный *историческій* вопросъ состоитъ въ томъ, внесъ ли въ этомъ случаѣ «разночинецъ» какой-либо новый элементъ, не виданный прежде въ литературѣ, или же онъ только развивалъ намѣченныя раньше направленія общественной мысли и поэтическаго творчества; отвоевалъ ли новую область или только вос-

---

[1]) Собр. сочин. Левитова, I, стр. V, VII—VIII.

пользовался сложившимися на минуту благопріятно обстоятельствами, чтобы полнѣе высказать мысль или нарисовать картину, какія представлялись уже и наканунѣ 60-хъ годовъ. Съ опредѣленіемъ этого вопроса выяснится — въ области поэтическаго творчества, — насколько «народничество» можетъ быть въ правѣ считать себя открытіемъ, невѣдомымъ прежде новымъ началомъ. Параллельный вопросъ представится, конечно, и въ области началъ общественно-экономическихъ. Мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ только первымъ и остановимся сначала на біографіи нашего писателя.

Левитовъ былъ дѣйствительно *разночинецъ*, сынъ деревенскаго дьячка. Мы видѣли недавно [1]), что народническіе писатели именно придаютъ значеніе тому обстоятельству, что въ нашей новѣйшей литературѣ стали выступать дѣятели изъ этого общественнаго класса, и приписываютъ имъ внесеніе новаго характера въ самое содержаніе и строй литературы. Но пусть они не преувеличиваютъ этого обстоятельства. Происхожденіе писателя можетъ имѣть свою важность въ эпизодическихъ подробностяхъ литературной исторіи; но можетъ и совсѣмъ не имѣть значенія въ общемъ широкомъ движеніи литературной идеи. Эта идея, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ отражающая внутренніе успѣхи просвѣщенія и національнаго самосознанія, слишкомъ глубоко коренится въ жизни, чтобы зависѣть отъ случайностей происхожденія и паспорта: въ кругу спеціальныхъ отношеній на писателя или общественнаго дѣятеля могутъ вліять память объ его происхожденіи, особенности его среды и воспитанія; эта память и эти особенности часто налагаютъ извѣстный отпечатокъ на личный характеръ, на исторію развитія; но было бы странно, пожалуй даже уродливо, еслибъ они сопровождали писателя въ вопросахъ науки, высшаго поэтическаго творчества, въ вопросахъ обще-національнаго значенія,—или, если «разночинецъ» (или человѣкъ другого общественнаго положенія) дѣйствительно сохранитъ свою спеціальную сословность въ этихъ широкихъ вопросахъ, это будетъ только недостатокъ и узкая исключительность. Геній и талантъ никогда не были ограничены какими-нибудь опредѣленными ступенями общественной лѣстницы, и первостепенные дѣятели литературы и самой государственной жизни нерѣдко выходили изъ «разночинцевъ». Въ концѣ XVII-го вѣка родился въ царской семьѣ геніальный человѣкъ, которому суждено было произвести переворотъ въ исторіи русскаго народа; въ первые годы XVIII-го

[1]) Въ отвѣтѣ на „Открытое письмо“ г. Златовратскаго.

столѣтія въ семьѣ крестьянской родился другой великій человѣкъ, труды котораго оказали могущественное вліяніе на судьбу русскаго просвѣщенія. Старая литература до-петровскаго времени писалась по преимуществу «разночинцами» (т.-е. духовными лицами изъ всякихъ сословій, но особенно низшихъ), но эти разночинцы не смогли сдѣлать ее народной; съ другой стороны съ XVIII-го столѣтія вопросъ о народѣ былъ, наоборотъ, поднимаемъ по преимуществу не людьми изъ народа и не разночинцами, а именно писателями изъ помѣщичьяго, даже аристократическаго класса. Непосредственные предшественники новѣйшихъ народниковъ, писатели сороковыхъ годовъ, западники и славянофилы, были какъ нарочно вовсе не разночинцы; напримѣръ, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ — Тургеневъ, Искандеръ, Грановскій, Кавелинъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Самаринъ, Хомяковъ, Кошелевъ и пр. и пр. Когда въ нашей литературѣ прошелъ этотъ рядъ именъ, смѣшно настаивать на томъ, будто введеніе народной идеи было въ особенности дѣломъ разночинцевъ. Факты на лицо; слѣдуетъ только, точнѣе сообразуясь съ ними, опредѣлить, въ чемъ собственно состояла роль разночинцевъ, если она дѣйствительно была чѣмъ-нибудь спеціально заявлена. Исторія показала бы, что эта идея возникла независимо отъ вопроса о томъ, какого званія были защищавшіе ее дѣятели, и развивалась потомъ писателями изъ всякихъ сословій, если только талантъ и образованіе помогали имъ уразумѣть ея значеніе.

Мы не думаемъ, впрочемъ, сказать, чтобы этотъ общественный элементъ вовсе ничѣмъ не заявилъ себя въ новѣйшей литературѣ. Многіе изъ писателей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были въ самомъ дѣлѣ разночинцы, напримѣръ, кромѣ Левитова, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Щаповъ и др.; собравъ вмѣстѣ то особенное, что̀ они вносили въ свои труды, какъ люди извѣстнаго общественнаго слоя, мы найдемъ, что это было болѣе близкое, непосредственное знаніе извѣстныхъ сторонъ быта, народнаго обычая и языка, болѣе интенсивное чувство народной тяготы; это могло имѣть, и дѣйствительно имѣло, свою не малую важность въ разработкѣ *частностей* вопроса, но это не было что-нибудь, въ *принципѣ* раньше неизвѣстное литературѣ. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ самомъ принципѣ, Левитову, Рѣшетникову и пр. предшествовали Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, даже Мельниковъ, Писемскій и Потѣхинъ, и въ частности писатели, какъ Кокоревъ (авторъ «Саввушки»). Тѣ, кто настаиваютъ на роли «разночинца», упускаютъ изъ виду одно весьма существенное обстоятельство, а именно: прежнее положеніе печати

и самыя условія историческаго роста направленій. Въ сороковыхъ годахъ было физически (по цензурнымъ причинамъ) немыслимо такое изображеніе народной жизни, какое мы встрѣчаемъ съ шестидесятыхъ годовъ, т.-е., когда самимъ правительствомъ была заявлена крестьянская реформа или, другими словами, признано существованіе самого народнаго вопроса и тяжкаго положенія крестьянскихъ массъ. До этого времени существованіе этого труднаго положенія вовсе не признавалось, потому что все считалось обстоящимъ благополучно и литературѣ въ особенности не дозволялось «соваться» во внутренніе вопросы общества и государства: надо еще удивляться, что тогда могли появиться «Записки охотника», или «Деревня» и «Антонъ Горемыка» Григоровича. Оцѣнивши эти простыя обстоятельства, мы безъ особеннаго труда поймемъ, почему народная тэма, тронутая Тургеневымъ, не была высказана шире и не развита дальше другими писателями уже въ то время. Вмѣстѣ съ тѣмъ литературныя идеи развиваются обыкновенно съ извѣстной постепенностью въ виду степени пониманія самого общества: нужно было сначала намѣтить общую тэму, возбудить къ ней интересъ, чтобы затѣмъ въ литературѣ возможно было прочное дальнѣйшее развитіе этой тэмы, обработка подробностей и болѣе настойчивое указаніе самого вопроса. Это послѣднее и дѣлали потомъ писатели слѣдующаго литературнаго поколѣнія, — тѣ писатели которыхъ хотятъ теперь заносить въ спеціальную группу народничества, приписывать имъ какъ бы *новое* литературное *направленіе*, когда въ дѣйствительности они бывали достойными продолжателями ранѣе начатаго дѣла, но не изобрѣтателями новой идеи.

Въ той же мѣрѣ не были изобрѣтателями и другіе писатели, историки и публицисты, которыхъ причисляютъ къ основателямъ народничества его приверженцы. Указываютъ напримѣръ, на историческія и бытовыя теоріи Щапова; но русская исторіографія уже очень давно представляетъ примѣры такой точки зрѣнія, гдѣ указывалась народная сторона исторіи, проявленіе въ ней народнаго бытоваго начала и многозначительная роль общины. Такого рода идеями еще либералы двадцатыхъ годовъ оспаривали исторію Карамзина (Н. М. Муравьевъ, М. А. Фонъ-Визинъ); съ идеей народа, хотя и не понятой, носился Полевой; на бытовомъ началѣ строились историческія ученія Соловьева, Кавелина, Костомарова, П. Кирѣевскаго, К. Аксакова. Все это гораздо ранѣе народничества настаивало на признаніи народной личности и ея историческаго права, и писатели новой школы были только продолжателями ранѣе заявленнаго ученія; быть можетъ, они вносили въ

свои взгляды больше непосредственнаго чувства, больше поэтической идеализаціи народной старины, ея общинно-вѣчевыхъ началъ, но свою долю новыхъ историческихъ указаній въ этомъ смыслѣ они не всегда могли доказать достаточными аргументами. Труды этого рода имѣютъ свое значеніе въ судьбахъ нашей исторіографіи, но едва ли составятъ въ ней эпоху, какъ заявленіе новаго принципа. Наконецъ нѣчто подобное происходило и въ общественно-экономическихъ теоріяхъ народничества.

Но, какъ мы сказали, «разночинцы» въ своей литературной дѣятельности приносили одну существенную черту, хотя не совершенно новую, но все-таки, въ періодъ 60—70-хъ годовъ, болѣе замѣтную чѣмъ прежде—именно, черту *личнаго* непосредственнаго *опыта* той жизни, которую они брались изображать. Назовемъ знаменитыхъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова, чтобы опредѣлить эту черту. Никакой поэтическій талантъ не въ состояніи нарисовать такой картины безъ прямого знакомства воочію съ глухими, забытыми захолустьями народной жизни. Поэтому біографія писателей того круга, къ которому принадлежалъ и Левитовъ, можетъ представить особенный интересъ—съ одной стороны объясненіемъ ихъ личнаго отношенія къ изображаемому быту, съ другой,—исторіею того, какъ поэтическій талантъ находилъ свою дорогу для этихъ изображеній подъ впечатлѣніями того времени. Біографія нерѣдко становится здѣсь необходимою долей критики.

Александръ Ивановичъ Левитовъ родился въ 1835 году, въ селѣ Добромъ, лебедянскаго уѣзда, тамбовской губерніи; отецъ его былъ дьячкомъ и, кромѣ того, содержалъ постоялый дворъ и деревенскую школу. Мальчикъ рано выучился грамотѣ и прежде, чѣмъ самъ поступилъ въ школу (лебедянское духовное училище), уже помогалъ отцу въ его деревенской школѣ. Когда пришло время самому отправляться въ духовное училище, Левитовъ отлично выдержалъ экзаменъ и оказался вообще такъ хорошо приготовленнымъ, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ городскомъ училищѣ ему разрѣшено было оставаться дома въ селѣ и являться въ училище только на экзамены. Онъ хорошо сдалъ и окончательный экзаменъ, послѣ котораго ему предстояло перейти въ семинарію въ Тамбовѣ. Эта семинарія была того типа, который съ тѣхъ поръ былъ много разъ описанъ въ очеркахъ Помяловскаго и въ разныхъ другихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ: быть можетъ, здѣсь можно было чему-нибудь научиться, но общій тонъ семинарскаго быта отличался извѣстной аскети-

ческой дисциплиной и полудикими нравами бурсы. Левитовъ, прожившій долго дома, гдѣ хотя и много долженъ былъ работать, но оставался на свободѣ домашнихъ и сельскихъ отношеній, не былъ приготовленъ къ этой семинарской жизни, гдѣ были для него новы и капризная свирѣпость начальства, и грубые обычаи сотоварищей. Мягкій любящій характеръ, поэтическія наклонности, сказавшіяся въ немъ очень рано и очень опредѣлительно, наконецъ его физическое сложеніе не шли къ этой средѣ, гдѣ его внутреннія потребности не находили себѣ ни отзыва, ни опоры, и гдѣ напротивъ деликатныя свойства его натуры были лишнимъ поводомъ и къ нападкамъ товарищей и къ придиркамъ педагоговъ. Къ счастью, у Левитова нашелся товарищъ, съ которымъ его тѣсно сблизили общіе интересы, именно любовь къ литературѣ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ большой силачъ и доставилъ ему полную защиту противъ бурсацкихъ нападеній. Этотъ товарищъ былъ нѣкто Соколовъ, съ которымъ впослѣдствіи Левитовъ пѣшкомъ ушелъ въ университетъ и еще разъ жилъ вмѣстѣ въ Петербургѣ.

«Соколовъ,—разсказываетъ біографъ,—какъ и Левитовъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи и, при обладаніи громадными физическими силами, не только приводилъ въ священный трепетъ своихъ товарищей—риторовъ, но заставлялъ съ уваженіемъ относиться къ своей особѣ философовъ и даже пользовался благосклоннымъ вниманіемъ со стороны богослововъ. Такова была популярность этой личности между семинаристами всѣхъ трехъ отдѣленій. Съ Левитовымъ ихъ сблизила общая страсть къ чтенію,—страсть, которой они удовлетворяли и у себя на убогой квартирѣ, просиживая за чтеніемъ книгъ далеко за полночь, и нерѣдко въ классныхъ комнатахъ семинаріи. Любимыми ихъ писателями въ области изящной литературы были Шиллеръ, Гёте, Диккенсъ, Тэккерей и Жоржъ-Зандъ, а изъ русскихъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и, позднѣе, Гоголь [1]).

Левитовъ благополучно перешелъ во второй курсъ семинаріи, носящій названіе философіи, но здѣсь его семинарское ученіе кончилось, и самымъ фатальнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что въ семинарію поступилъ новый инспекторъ, монахъ Іеронимъ, типическій представитель той педагогіи стараго времени, которая не допускала въ воспитанникахъ ни малѣйшаго отступленія отъ принятаго обычая, никакой самостоятельной работы мысли и въ особенности не терпѣла свѣтской литературы. Между тѣмъ, Ле-

---

[1]) Собран. соч. Левитова, I, стр. XXII.

витовъ былъ уже извѣстенъ въ семинаріи своимъ «сочинительствомъ» и вскорѣ былъ уличенъ самимъ инспекторомъ въ чтеніи англійскихъ романовъ. Началось упорное и злостное преслѣдованіе. Однажды самъ инспекторъ отправился на семинарскую квартиру, гдѣ жилъ Левитовъ, и въ полночь засталъ его съ товарищами за чтеніемъ «Мертвыхъ Душъ». Поймавшій его на мѣстѣ «преступленія», инспекторъ не выбиралъ выраженій своего гнѣва; Левитовъ не выдержалъ и отвѣчалъ грубо. Дѣло закончилось безобразно. «Меня обвинили, безъ суда и слѣдствія,— разсказывалъ Левитовъ,—въ приводѣ на квартиру женщинъ, въ непотребномъ ругательствѣ своего начальника и приговорили къ воспріятію розогъ. Іеронимъ отлично понималъ, что такого рода наказаніе для меня гораздо будетъ чувствительнѣе, чѣмъ исключеніе изъ семинаріи. Съ минуты приглашенія меня и всего класса въ экзекуторскую, я потерялъ сознаніе... Что было потомъ, я не знаю; знаю только, что я былъ приговоренъ къ смерти; у меня открылась нервная горячка, и я очнулся только черезъ мѣсяцъ и въ больницѣ». Оправившись отъ болѣзни, Левитовъ окончилъ и философскій курсъ и, хотя съ уменьшенною отмѣткою въ поведеніи, назначенъ былъ къ переводу въ богословское отдѣленіе; но онъ уже не остался въ семинаріи. Вопросъ о будущемъ былъ рѣшенъ окончательно. Вмѣстѣ съ Соколовымъ, они рѣшили идти въ университетъ, списались съ знакомыми, которые учились уже въ московскомъ университетѣ и медицинской академіи; тѣ одобрили ихъ рѣшеніе. Левитовъ написалъ къ отцу; тотъ былъ совершенно противъ его затѣи, но Левитовъ стоялъ на своемъ. Въ письмахъ къ домашнимъ онъ изображалъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ свои надежды на будущее, которыя и самъ, вѣроятно, искренно питалъ, но въ данную минуту положеніе было очень трудное: онъ отправился въ Москву пѣшкомъ съ нѣсколькими рублями въ карманѣ.

«Еще въ пятидесятыхъ годахъ,—разсказываетъ біографъ,— между учащейся молодежью въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ обнаружилось стремленіе къ поступленію въ университеты и другія высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства; а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ это стремленіе до такой степени завладѣло умами воспитанниковъ семинарій, что они массами эмигрировали въ столичные и другіе университетскіе города. Большинство этихъ бѣглецовъ, люди безъ всякихъ средствъ, не имѣли почти никакого представленія о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди; какъ они поступятъ въ университетъ или академію, на что будутъ содержать себя въ продолженіе

курса и т. п. Они чувствовали неудовлетворенность въ той обстановкѣ, въ которой жили и воспитывались, и потому искали выхода; выходъ былъ единственный—пробраться въ университетъ... Одни изъ нихъ умѣли устроиться и благополучно оканчивали курсъ, другіе и, можетъ быть, самые талантливые, — не выдерживали борьбы съ суровыми условіями жизни и гибли подъ ударами жестокой судьбы» [1]).

Весь путь отъ Тамбова, разсказываетъ біографъ, Левитовъ и Соколовъ совершили пѣшкомъ съ легкими котомками за плечами, нѣсколькими рублями въ карманѣ и толстыми палками въ рукахъ. Левитовъ завернулъ на родину повидаться и проститься съ родными; но отъ матери скрыли настоящую цѣль его путешествія, чтобы не разстроить ее. Отецъ немного проводилъ его, далъ ему пять рублей, благословилъ и махнулъ рукою. Въ Москвѣ странниковъ ожидало разочарованіе: они узнали, что тамъ трудно ожидать полученія стипендіи, на что они разсчитывали, и имъ посовѣтовали «махнуть» въ Петербургъ въ медицинскую академію. Они «махнули».

Началась новая бѣдственная эпоха въ жизни Левитова: бывали иногда удачи, свѣтлыя минуты, но гораздо чаще неудачи и настоящія несчастія. Друзья все еще были исполнены надеждъ, которыя и не совсѣмъ ихъ обманули; но уже начинались бѣды. Началось съ того, что мать Левитова узнала отъ кого-то правду о бѣгствѣ сына и была поражена какъ громомъ этимъ извѣстіемъ: оно такъ потрясло бѣдную женщину, что черезъ два дня она умерла. Сынъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ объ ея смерти. Дома дѣла разстраивались: отецъ началъ попивать, и только благодаря бабушкѣ, семья не разбрелась по чужимъ людямъ. Между тѣмъ, Левитовъ успѣшно выдержалъ экзаменъ и въ августѣ 1855 года сталъ студентомъ медицинской академіи. Онъ былъ въ величайшемъ восторгѣ отъ этого успѣха и снова предался самымъ розовымъ надеждамъ не только на устройство своихъ собственныхъ дѣлъ, но и на обезпеченіе семьи, т.-е. сестры и младшаго больного брата. Онъ былъ увѣренъ, что получитъ стипендію или поступитъ «на казну», но стипендія приходила не вдругъ, и ему съ самаго начала пришлось бѣдствовать, потому что всѣ средства его ограничивались небольшими пособіями отъ родныхъ. Съ самаго начала сказывается и крайняя непрактичность, доходившая иногда до полной наивности: между прочимъ, Левитовъ не поступилъ съ самаго начала на

[1]) Тамъ-же, I, стр. XXXIII.

казенный счетъ потому только, что опоздалъ подать объ этомъ прошеніе. Но бывали и счастливые случаи: онъ сдалъ благополучно репетиціи и со второго полугодія поступилъ «на казну»; другимъ счастливымъ случаемъ было знакомство съ военнымъ докторомъ Б. И. Маляго, который принималъ въ немъ самое искреннее участіе. Каждая маленькая удача всегда имѣла то дѣйствіе, что Левитовъ тотчасъ забывалъ испытанныя бѣды и начиналъ строить самые увѣренные планы будущаго благополучія для себя, а также для сестры и брата, которымъ, къ сожалѣнію, не пришлось увидать въ дѣйствительности исполненія его прекрасныхъ предположеній.

Въ академіи Левитовъ жилъ въ тѣсномъ студенческомъ кружкѣ, гдѣ, кромѣ упомянутаго Соколова, было нѣсколько способныхъ и честныхъ юношей и хорошихъ товарищей: они вели обычный студенческій образъ жизни, много работали и читали, не прочь были повеселиться, когда находилось нѣсколько лишнихъ рублей, а у Левитова уже высказалась потребность поэтическаго творчества, которую съ жаромъ поддерживали и товарищи.

«Левитовъ,—разсказываетъ біографъ,—былъ любимцемъ и душою общества въ этомъ студенческомъ кружкѣ. Его замѣчательная и тонкая наблюдательность, природная веселость и разсказы, блещущіе неподдѣльнымъ остроуміемъ и юморомъ, всегда оживляли студенческія бесѣды и приводили въ восторгъ всѣхъ слушателей. Наружность Левитовъ имѣлъ самую симпатичную. Немного выше средняго роста, тонкій и стройный, съ овальнымъ лицомъ, щеки котораго горѣли яркимъ румянцемъ, и длинными бѣлокурыми волосами, падавшими локонами по самыя плечи; глаза сѣрые, вдумчивые и свѣтившіеся умомъ. Голосъ у него былъ грудной теноръ, тихій, пѣвучій и глубокій, словно онъ исходилъ изъ самаго сердца. Достаточно было одного взгляда на это лицо и услышать голосъ, чтобы вы почувствовали себя почему-то такъ хорошо и легко: лицо это, то оживленное, веселое и все сіяющее отъ добродушнаго смѣха, то задумчивое, съ выраженіемъ какой-то кроткой грусти, участія и любви, то снова веселое и смѣющееся... Товарищи любили и умѣли цѣнить Левитова»... [1]).

Въ этотъ первый годъ своего студенчества Левитовъ уже читалъ товарищамъ свой первый литературный опытъ подъ названіемъ: «Сельскій праздникъ», напечатанный впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Типы и сцены сельской ярмарки».

---

[1]) Тамъ же, стр. XLV.

Дѣла его шли, однако, плохо: онъ мечтаетъ на сберегаемыя отъ стипендіи деньги съѣздить домой, и проигрывается въ карты; приходитъ время экзаменовъ, но вмѣсто анатоміи голова занята Ребеккой Шарпъ (извѣстной героиней Тэккерея, которая была его «первой любовью») и фигурами его деревенскаго разсказа,— и въ его голову закрадывается смутное сознаніе какой-то ошибки; наконецъ передъ самымъ экзаменомъ онъ заболѣваетъ — приходится или оставаться на другой годъ въ курсѣ, или перейти въ университетъ. Ему кажется теперь, что ему надо было не учиться медицинѣ, которая не по его натурѣ, а поступать на филологическій факультетъ. Лѣто онъ прожилъ у доктора Малиго и раздумывалъ о переходѣ въ московскій университетъ, но тутъ, осенью 1856 года, съ нимъ стряслась новая ужасная бѣда. По разсказу сестры Левитова, «что-то изъ академіи вынудило его удалиться. Объ этомъ братъ никогда мнѣ не говорилъ, это какая-то ужасная тайна и я увѣрена, что онъ самъ старался забыть ужасную истину. Событіе это окончательно надломило его силы, испортило характеръ и омрачило его чистую душу. А товарищъ его и родственникъ, Е. И. Щепотьевъ, вскорѣ по удаленіи брата изъ акамеміи, умеръ: одни говорили, что онъ застрѣлился, а другіе, что ядъ принялъ» [1]). Біографъ не разъясняетъ этого происшествія, но въ результатѣ Левитовъ очутился въ Вологдѣ, въ качествѣ фельдшера: видимо, онъ былъ выключенъ изъ академіи и долженъ былъ въ своей ссылкѣ выслуживать въ должности фельдшера полученную имъ сумму стипендіи. Чтó съ нимъ дѣлалось тамъ— неизвѣстно, но въ Вологдѣ онъ остался недолго: ему здѣсь объявили, что настоящимъ его пребываніемъ назначенъ городъ Шенкурскъ, въ архангельской губерніи. Время, проведенное имъ на сѣверѣ, несомнѣнно было одно изъ самыхъ тяжелыхъ въ его жизни; онъ не любилъ говорить о немъ, изрѣдка только упоминалъ потомъ пріятелямъ о своихъ тяжелыхъ испытаніяхъ, и немногими чертами отразилось пребываніе его на сѣверѣ въ его произведеніяхъ. Здѣсь, повидимому, началась и та несчастная слабость, которая, вмѣстѣ съ житейскими неудачами, такъ изломала внутреннюю жизнь и матеріальный бытъ Левитова: добрые сострадательные люди увѣрили его, что отъ всякихъ бѣдъ можно найти утѣшеніе въ винѣ, и сами предлагали это утѣшеніе... Единственнымъ біографическимъ матеріаломъ объ этомъ времени осталось нѣсколько сохранившихся писемъ его домой и писемъ

---

[1]) Тамъ же, стр. LI.

пріятелей къ нему изъ Петербурга. Въ письмѣ къ сестрѣ Левитовъ даже не указывалъ своего адреса, и дома думали, наконецъ, что онъ умеръ. Товарищескій кружокъ не забывалъ его и настойчиво убѣждалъ его къ литературному труду. Въ началѣ 1857 года, пріятель его Соколовъ писалъ ему:

«Не знаю почему, а я предчувствую, что твой «Праздникъ» будетъ веселымъ для тебя праздникомъ и увѣренъ, что предчувствіе меня не обманетъ, потому что уже не разъ испыталъ на себѣ вѣрность этого предвѣстника. Одно то уже можетъ быть хорошимъ ручательствомъ успѣха первыхъ твоихъ опытовъ, что письма твои, особенно ко мнѣ, произвели сильное впечатлѣніе даже на моихъ нумерныхъ товарищей, каковы, напр., Б—скій и К—овъ, а эти грубыя натуры не скоро расшевелишь» [1]).

Не забылъ о Левитовѣ и докторъ Маляго. Онъ хлопоталъ у медицинскаго начальства объ освобожденіи Левитова изъ его заточенія; успѣлъ добиться перевода его въ городъ Вельскъ, вологодской губерніи; въ 1858 году посылаетъ ему денегъ на возмѣщеніе стипендіи и на проѣздъ въ Петербургъ,—но Левитовъ, повидимому, не внесъ денегъ и даже не отвѣчалъ своему покровителю. Вѣроятно, онъ совсѣмъ тогда потерялся и не былъ въ силахъ справиться съ своими обстоятельствами. Соколовъ продолжалъ писать ему въ ссылку и убѣждалъ приняться за литературную работу. «Богъ далъ тебѣ большія способности,—писалъ ему Соколовъ въ январѣ 1859 года:—зачѣмъ же ты не пользуешься ими, какъ мужикъ пользуется своими руками? Ты началъ прекрасную повѣсть, зачѣмъ же не кончить ее? Ты зналъ Успенскаго [2]): посмотри-ка, какъ онъ теперь упрочилъ свое положеніе! Я знаю, что онъ далеко уступитъ тебѣ по способностямъ,—я читалъ его нѣкоторыя повѣсти. Клянусь тебѣ своей совѣстью, что «Змѣй» Успенскаго, помѣщенный имъ въ «Современникѣ» и такъ много расхваленный, гораздо хуже твоего «Праздника», который ты началъ писать въ послѣднее время твоего пребыванія въ Петербургѣ. Отчего же ты не кончаешь его? Прошу тебя, продолжай свою работу—это единственное средство выйти тебѣ изъ дурного положенія». Наконецъ въ мартѣ Соколовъ получилъ отъ Левитова третью главу «Сельскаго праздника» для передачи въ редакцію «Сына Отечества», Старчевскаго.

Въ 1859 году Левитовъ получилъ, наконецъ, свободу.

---

[1]) Тамъ же, стр. LVII.

[2]) Рѣчь идетъ о Ник. Успенскомъ.

Въ его семьѣ произошли, между тѣмъ, большія перемѣны. Отецъ его женился во второй разъ; сестрѣ его жилось очень трудно въ новой семьѣ, и она переселилась къ роднымъ; затѣмъ, она получила откуда-то извѣстіе, что братъ ея умеръ; наконецъ, богатые родственники, не спросясь ея самой, выдали ее замужъ за дьячка—случилось то, чего, бывало, такъ боялся ея братъ и отъ чего онъ надѣялся непремѣнно избавить ее, зная хорошо бытъ сельскаго, особенно низшаго, духовенства. Къ счастію, однако, мужъ сестры Левитова оказался человѣкомъ хорошимъ, и новая семья зажила согласно; ко времени освобожденія Левитова у нихъ была уже дочка. Въ августѣ 1859 года Левитовъ неожиданно явился къ сестрѣ убогимъ странникомъ, въ которомъ она не вдругъ его узнала. Получивъ свободу, Левитовъ весь путь отъ Вологды до Лебедяни сдѣлалъ пѣшкомъ. Это странствіе потребовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ: чтобы не погибнуть съ голоду и получить какія-нибудь средства для дальнѣйшаго пути, онъ останавливался въ селеніяхъ, нанимался писать въ волостныхъ правленіяхъ, получая за трудъ по полтиннику въ недѣлю. Въ одномъ правленіи онъ привелъ въ порядокъ ревизскія сказки; за это голова далъ ему три рубля и сверхъ того довезъ до города. Съ тремя рублями дошелъ онъ до Москвы. «Пришелъ онъ изъ Вологды больной, истомленный и убитый,—разсказываетъ его сестра,—явился онъ почти раздѣтымъ и въ какихъ-то опорышахъ, вмѣсто сапогъ. Вмѣсто кожи на подошвахъ были куски мяса, и въ это мясо врѣзались клочки холста, которымъ были завернуты его мученическія ноги. Я отмыла эти мѣста своими горючими слезами, залечила раны не дорогими лекарствами, но любовью и попеченіями.»

Мало-по-малу Левитовъ оправился, окрѣпъ физически и нравственно, началъ искать себѣ занятій и снова носится съ планами устроить свои дѣла и помочь сестрѣ. Онъ надѣется получить мѣсто учителя, продолжаетъ писать, мечтаетъ поступить въ московскій университетъ. Но дѣла все не улаживались, наконецъ, весной 1860 года, онъ во второй разъ пустился въ Москву. Денегъ не было, бабушка и сестра заложили кое-что изъ платья, и Левитовъ съ нѣсколькими рублями отправляется въ дорогу пѣшкомъ. Сестра обѣщала еще выслать денегъ въ Москву. Этотъ путь снова окружилъ его впечатлѣніями степной природы, которыя потомъ дали столько прекрасныхъ страницъ въ его степныхъ разсказахъ. Въ Москвѣ, разсказываетъ біографъ, у него не было никого знакомыхъ. Пока не вышли деньги, взятыя изъ дома сестры (13 р.), онъ ночевалъ на постоялыхъ дворахъ и

обѣдалъ на Толкучкѣ; истощились средства—онъ перенесъ свои ночлеги на москворѣцкую набережную: здѣсь онъ спалъ или въ пустыхъ лодкахъ, или въ необитаемой будкѣ; свелъ знакомство съ будочниками, которые кормили его и угощали своимъ тютюномъ... Дни онъ проводилъ на бульварахъ и ежедневно ходилъ справляться въ почтамтъ: не получены ли на его имя деньги; но всякій разъ возвращался съ обманутыми ожиданіями. Относительно поступленія въ университетъ онъ ничего не могъ добиться. Случайно пришлось ему встрѣтиться съ однимъ изъ бывшихъ своихъ товарищей по семинаріи: тотъ не только не оказалъ поддержки Левитову, но не позволилъ даже безпріютному переночевать въ своей хорошей квартирѣ. Не зная, что съ собою дѣлать, Левитовъ идетъ въ Тулу, гдѣ служилъ чиновникомъ одинъ изъ его родственниковъ; но въ Тулѣ узналъ, что родственникъ этотъ переведенъ на службу въ Архангельскъ; пришлось, не отдохнувши какъ слѣдуетъ, возвращаться обратно въ Москву... На счастье, въ почтамтѣ ждали уже Левитова деньги, присланныя сестрою: она продала двухъ воловъ отца и вырученныя деньги отослала брату. Въ этотъ же день онъ нанялъ себѣ на Грачевкѣ маленькую комнату «съ небилью» [1]).

Бѣдный Левитовъ продолжалъ, однако, работать, но онъ такъ мало довѣрялъ своимъ литературнымъ силамъ, что нужно было вмѣшательство посторонняго человѣка—наборщика изъ типографіи «Русскаго Вѣстника»,—чтобы ввести его, наконецъ, въ литературу. Мы упомянули, что онъ послалъ «Сельскій праздникъ» въ «Сынъ Отечества», но разсказъ былъ тогда еще не конченъ и это, вѣроятно, помѣшало появленію его въ печати; Левитовъ объяснялъ себѣ это недостатками разсказа, хотя Соколовъ тогда настойчиво увѣрялъ его въ большихъ достоинствахъ его работы. Теперь, кромѣ этого разсказа (переименованнаго въ «Ярмарочныя сцены»), у Левитова были еще наброски «Цѣловальничихи», «Сладкаго житья» и пр.

Въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ на Грачевкѣ жилъ упомянутый наборщикъ, уже старый человѣкъ; онъ познакомился съ Левитовымъ, заинтересовался имъ, и увидѣвъ его рукописи, пожелалъ прослушать сочиненія молодого человѣка. Наборщикъ съумѣлъ оцѣнить достоинства прочитаннаго и посовѣтовалъ Левитову прямо обратиться къ Аполлону Григорьеву (принимавшему тогда участіе въ редакціи «Русскаго Вѣстника»), и когда Левитовъ продолжалъ недоумѣвать и не довѣрять себѣ, почтенный

[1]) Тамъ же, стр. LXXIII.

наборщикъ предложилъ самъ снести къ Григорьеву его рукопись. Черезъ два дня получился отвѣтъ: Григорьевъ очень желалъ видѣть автора: онъ встрѣтилъ Левитова самымъ радушнымъ образомъ и расхвалилъ его «Ярмарочныя сцены»; по одеждѣ Левитова онъ, конечно, увидѣлъ его нищету. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Левитову предложили мѣсто помощника секретаря въ редакціи журнала, а въ счетъ гонорара за принятый разсказъ онъ получилъ сто рублей. Эта удача опять заставляетъ Левитова забыть всѣ свои бѣды и наполняетъ его самыми розовыми надеждами: онъ увѣренъ, что поступитъ въ университетъ, что въ состояніи будетъ посылать сестрѣ много денегъ (теперь посылалъ 15 руб.), предполагаетъ весной пріѣхать въ Лебедянь, совѣтуетъ сестрѣ «надѣяться на него, какъ на каменную гору»... Онъ былъ какъ нельзя больше доволенъ своимъ положеніемъ, свелъ новыя знакомства — съ В. Слѣпцовымъ, Бабиковымъ, И. Кельсіевымъ, М. Я. Свириденко, А. А. Козловымъ (завѣдывавшимъ тогда редакціей «Московскаго Вѣстника», теперь профессоромъ кіевскаго университета) и пр. Но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Левитовъ заболѣлъ и слегъ въ больницу, и хотя мѣсто въ редакціи было оставлено за нимъ, онъ по выздоровленіи почему-то не возвратился въ редакцію «Русскаго Вѣстника», гдѣ, между тѣмъ, разсказъ его, одобренный Григорьевымъ, былъ возвращенъ ему, такъ какъ Леонтьевъ нашелъ разсказъ не соотвѣтствующимъ направленію журнала.

Наконецъ, въ первыхъ нумерахъ «Московскаго Вѣстника» 1861 года, труды Левитова въ первый разъ явились въ печати: это было «Сладкое житье», третье по времени произведеніе Левитова. «Ярмарочныя сцены» были имъ отосланы въ журналъ Достоевскаго «Время» и были тамъ напечатаны нѣсколько позднѣе (августъ 1861). Тамъ же напечатано было вполнѣ и «Сладкое житье», не оконченное въ «Московскомъ Вѣстникѣ», за прекращеніемъ этого журнала. Въ «Русской Рѣчи» 1861 года появились «Цѣловальничиха» и «Проѣзжая степная дорога». Біографъ замѣчаетъ, что редакція «Времени» заплатила Левитову по 15 р. съ листа.

Съ этихъ поръ въ журналахъ, московскихъ и петербургскихъ, большихъ и маленькихъ, начинаютъ появляться довольно часто очерки и разсказы Левитова: въ «Зрителѣ» — второй очеркъ «Степная дорога», «Мірской судъ» («Расправа»), «Дурочка»; въ «Развлеченіи» — «Дорожный очеркъ» («Насупротивъ»), и т. д. Но московскіе журналы были не долговѣчны; уже вскорѣ прекратились «Московскій Вѣстникъ», «Русская Рѣчь», «Зритель». Левитовъ вскорѣ перебрался въ Петербургъ, сдѣлалъ много новыхъ

знакомствъ въ литературныхъ кружкахъ, особенно молодыхъ; цѣлый рядъ его статей и разсказовъ является въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ мірѣ», «Очеркахъ», «Народномъ Богатствѣ», «Искрѣ» (подъ псевдонимомъ Ивана Сизова), позднѣе въ «Современникѣ» и «Вѣстникѣ Европы». Въ эти годы онъ наѣзжалъ въ Москву, гдѣ у него былъ свой дружескій кружокъ. Въ первыхъ 60-хъ годахъ познакомился съ нимъ и авторъ біографіи. «Левитову было съ небольшимъ двадцать-восемь лѣтъ,—разсказываетъ біографъ.—Симпатичное лицо, густые свѣтлорусые волосы, маленькая бородка и пѣвучій голосъ; въ обхожденіи съ близкими его людьми и молодежью, которую онъ всегда и искренно любилъ, радовался ея радостями и сочувствовалъ всѣмъ ея прекраснымъ стремленіямъ — сказывалась задушевность. Въ немъ столько еще было свѣжести и огня, столько веселаго юмора и любви къ людямъ, что никто не могъ бы и подумать, что видитъ передъ собою человѣка, такъ много перенесшаго въ своей жизни и такъ глубоко несчастнаго. Только привычный глазъ могъ подмѣтить въ немъ слѣды пережитаго: какое-то по временамъ нервное подергиваніе плечами, вздрагиваніе, порою тихая грусть и долгій, безмолвно устремленный взглядъ на собесѣдника заставляли догадываться о прошломъ» [1]).

Въ Петербургѣ ему жилось тяжело: климатъ и безденежье опять привели его въ Москву; онъ думалъ совсѣмъ распроститься съ столичною жизнью и найти себѣ мѣсто учителя гдѣ-нибудь въ провинціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву во второй половинѣ 60-хъ годовъ, московскіе друзья едва узнали его, — такъ онъ измѣнился и похудѣлъ. Ему удалось, въ августѣ 1866 г., получить мѣсто учителя русскаго языка въ Ряжскѣ (экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя онъ сдалъ во время жизни своей въ Петербургѣ), но не прошло мѣсяца, какъ онъ уже сдѣлалъ открытіе, что желаніе быть учителемъ было «величайшею изъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ жизни глупостей». Въ октябрѣ 1866 онъ снова былъ въ Москвѣ; дѣла были въ томъ же положеніи; о своихъ домашнихъ онъ давно не имѣлъ никакихъ свѣденій; безденежье и заботы кончались обращеніемъ къ вину. Онъ взялъ - было уроки въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій и хорошо началъ дѣло, но опять не выдержалъ и бросилъ учительство. Все это время онъ нанималъ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ города, въ какомъ-нибудь подвалѣ или полу-развалившемся флигелѣ, голодалъ и холодалъ, попадалъ въ

[1]) Тамъ же, стр. XCI.

больницу и иногда поселялся у пріятелей, когда подвальная жизнь становилась слишкомъ тяжела. Но онъ все еще не падалъ духомъ, любилъ свой дружескій кружокъ, гдѣ молодые идеалисты разыскивали истину и высшія цѣли жизни. «Какъ ни много онъ былъ искушенъ жизнью и людьми,—разсказываетъ біографъ,—сколько ни вынесъ тяжелыхъ испытаній и неудачъ, но постоянно увлекался, слушая молодыя рѣчи, и вѣрилъ, какъ только можетъ вѣрить юноша, не успѣвшій еще оставить школьной скамейки. При всемъ томъ Левитовъ умѣлъ всегда сразу опредѣлять личность и ея достоинства и, за рѣдкими лишь исключеніями, предсказанія Александра Ивановича всегда сбывались. Разочарованія въ людяхъ отзывались на немъ всегда тяжело. Въ выраженіяхъ своихъ симпатій и антипатій онъ никогда не стѣснялся»... Въ 1866 году онъ опять переѣзжаетъ въ Петербургъ; но литературная работа обезпечивала его плохо, болѣзнь заставляла думать о деревнѣ и онъ уѣхалъ изъ Петербурга, получивши черезъ кого-то изъ знакомыхъ мѣсто помощника начальника станціи, по Николаевской желѣзной дорогѣ; черезъ полгода онъ бросаетъ эту службу и возвращается опять въ Петербургъ. Среди бѣдствій и болѣзней продолжается пьянство, отъ котораго онъ лечится у мѣщанина Рукина, и послѣ того пишетъ къ одному московскому пріятелю: «послѣ леченія я не могу, безъ крайняго омерзѣнія, вспомнить, какъ это я жралъ водку и особенно пиво. При одномъ воспоминаніи все нутро переворачивается вверхъ дномъ... Теперь только понятны мнѣ тѣ гибельныя сумасбродства, которыя продѣлываютъ пьяные люди!»

Въ августѣ 1870 Левитовъ пріѣхалъ въ Москву, поселился опять въ захолустьѣ, на краю города, бѣдствовалъ; разстроенное здоровье требовало леченія, на которое не было денегъ. Желаніе посѣтить родныя мѣста овладѣло имъ до такой степени, что однажды, осенью, въ проливной дождь онъ бросилъ свою каморку и пустился пѣшкомъ въ тамбовскія степи; одинъ изъ знакомыхъ, случайно навѣстивши его въ это время и услышавъ, что онъ ушелъ, отправился его разыскивать и нашелъ его на серпуховской дорогѣ,—онъ лежалъ въ канавѣ въ совершенномъ изнеможеніи и почти безъ сознанія. Одинъ изъ пріятелей взялъ его къ себѣ; друзья дѣлали для него что могли, но не въ состояніи были вполнѣ помочь ему. Въ это время явился къ нему неожиданно меньшой его братъ, въ одеждѣ монастырскаго послушника; Левитовъ узналъ отъ него, что сестра ихъ давно овдовѣла и осталась безъ всякихъ средствъ съ маленькими дѣтьми, что у отца новое и большое семейство. .

Левитовъ продолжалъ однако работать и теперь, хотя условія для работы были самыя неблагопріятныя; въ эту пору особенно занимала его давнишняя мысль о цѣльномъ большомъ произведеніи; но за недостаткомъ спокойнаго досуга романъ не двигался, и въ это время Левитовъ выдѣлилъ изъ него одинъ отрывочный эпизодъ, подъ названіемъ «Говорящая обезьяна»: по этой отрывочности Левитовъ не нашелъ тогда мѣста этому разсказу и онъ былъ напечатанъ послѣ его смерти въ 1879 году. Въ началѣ 1871 Левитовъ опять уѣхалъ въ Петербургъ; московское и петербургское пьянство приводило къ послѣдствіямъ, которыя начинали пугать его, и онъ снова лечится у мѣщанина Рукина. Періоды трезвости были, однако, и послѣ непродолжительны и дѣла его не поправлялись. Послѣдніе годы его жизни были не прерывавшимся рядомъ лишеній, болѣзни, отрывочной работы, пьянства и страданій. Онъ еще разъ поступаетъ учителемъ въ Козловъ, задумываетъ изданіе собственнаго журнала (на которое, впрочемъ, не получаетъ разрѣшенія), завѣдуетъ одно время редакціей иллюстрированнаго журнала «Сіяніе» и т. д.; но неудачи его преслѣдовали и въ нихъ часто виновата была его собственная невыдержанность и непрактичность. Послѣдніе годы онъ прожилъ большею частью въ Москвѣ; въ эти годы уже выходили одно за другимъ отдѣльные сборники его сочиненій; они расходились, но объ нихъ мало говорили въ литературѣ, и это еще больше тяготило Левитова. Его все еще не покидала мысль о романѣ, гдѣ онъ хотѣлъ показать положительныя и отрицательныя стороны русской жизни, но затѣмъ надежда окончить романъ опять оставляла его и онъ приходилъ въ отчаяніе. Съ начала 1875 года онъ наконецъ серьезно и окончательно заболѣлъ; онъ сталъ быстро худѣть, его одолѣвалъ постоянный кашель; болѣзнь, противъ которой не дѣлалось ничего, дѣлала быстрые успѣхи, и въ январѣ 1877 года онъ умеръ въ университетской клиникѣ, на 42 году жизни.

Съ 1850-хъ годовъ, и особливо съ новаго царствованія, давшаго просторъ народному интересу въ литературѣ, народная жизнь послужила тэмой для множества произведеній художественныхъ и мнимо-художественныхъ, романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, сценъ и т. д. Какъ мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, тэма народной жизни трактовалась въ этихъ произведеніяхъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія и въ различномъ духѣ: изображались тяжелыя преданія крѣпостныхъ временъ, и патріар-

хальныя добродѣтели народа; забитость и невѣжество народа, и возвышенность народнаго духа, передъ которой ничтожны люди образованные (конечно, образованные «на иностранный ладъ»), и т. п.; являлись безхитростные партизаны народа, въ родѣ Павла Якушкина, и люди, сознательно желавшіе народнаго блага, и наконецъ люди, внѣшнимъ образомъ знакомые съ народнымъ бытомъ и любившіе выставлять себя великими знатоками и истинными истолкователями мыслей народа, а на дѣлѣ весьма къ нему хладнокровные и даже не далеко стоявшіе отъ его несомнѣнныхъ враговъ. Словомъ, въ литературѣ и, между прочимъ, въ литературѣ беллетристической, отражались самыя разнообразныя отношенія къ народу, существовавшія въ жизни. Но первая эпоха крестьянской реформы дала особенную силу лучшимъ сторонамъ общественнаго настроенія и одушевила лучшіе таланты искреннимъ стремленіемъ служить народному дѣлу. Таковъ былъ кружокъ молодыхъ беллетристовъ, дѣйствовавшихъ съ 60-хъ годовъ и отчасти дѣйствующихъ до сихъ поръ: Николай и Глѣбъ Успенскіе, В. Слѣпцовъ, Бабиковъ, Рѣшетниковъ, Нефедовъ, Златовратскій, и другіе, примкнувшіе къ нимъ позднѣе. И въ кругу этихъ писателей отношеніе къ народной тэмѣ было не одинаково: однихъ поражали картины народнаго бѣдствія, создаваемаго давнишнею безправностью и трудными внѣшними условіями, и вмѣстѣ крайняя нищета народной мысли и нравственный упадокъ, котораго эти писатели не хотѣли скрывать отъ себя и отъ общества; другіе, въ противовѣсъ пессимистическому взгляду, отыскивали лучшія черты народнаго характера и его высокія нравственныя достоинства, уцѣлѣвшія въ трудномъ историческомъ испытаніи, или старались выработать безпристрастное отношеніе къ содержанію народнаго быта и т. д. Съ различіемъ содержанія различно было настроеніе писателей—то мягкое почти до сантиментальности, то элегическое то желчное. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, разсказчики изъ народнаго быта уже не довольствуются данной художественной формой и сливаютъ разсказъ съ экономическими и общественно-моральными разсужденіями. Въ этой группѣ писателей изъ народнаго быта 60-хъ и 70-хъ годовъ, Левитовъ занимаетъ свое особое мѣсто и носитъ совершенно своеобразный литературный характеръ. Его понятія и его талантъ складывались въ ту прекрасно оживленную пору конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, которая именно способна была поднять и одушевить лучшія идеалистическія стремленія юности, и у людей, способныхъ къ серьезному нравственному запросу, къ искреннему убѣжденію, закрѣпить навсегда сознаніе общественнаго

долга и правды. Левитовъ отъ природы надѣленъ былъ мягкой, любящей душой и рано сказавшейся поэтической мечтательностью; въ ранніе годы его дѣтства и юности не много было благопріятныхъ условій, которыя помогли бы правильно развиться его врожденнымъ качествамъ, усилить ихъ серьезнымъ образованіемъ и здравымъ жизненнымъ опытомъ. Надо удивляться, какъ эти свойства его характера и дарованія могли уцѣлѣть въ той ужасной обстановкѣ, въ какой протекала его молодость, какъ среди постигавшихъ его тяжкихъ испытаній не ожесточилась эта душа и не потухло дарованіе. Но довольно было ему встрѣтить не много сочувствія, найти себѣ пищу въ случайно попавшихся книгахъ, чтобы его внутренняя работа нашла себѣ опору: его школа (семинарія и медицинская академія) не дали ничего для воспитанія его художественнаго сознанія, а семинарія дѣлала все, чтобы убить и извратить его; его настоящей и единственной школой были Диккенсъ, Тэккерей и Гоголь, которыми онъ зачитывался и восторгался до самозабвенія; три, четыре товарища, подобнымъ образомъ разбуженныхъ высокими художественными созданіями своей и чужой литературы, составляли все его общество. Идутъ затѣмъ годы какой-то непонятной ссылки, навсегда надломившей его личную жизнь, и однако онъ выходитъ изъ нея съ произведеніями, которыя сразу обратили вниманіе на молодого писателя. А. Григорьевъ, который при всѣхъ своихъ странностяхъ былъ человѣкъ со вкусомъ, съ самаго начала очень вѣрно замѣтилъ (если біографъ точно передаетъ его отзывъ), что у Левитова было что-то гоголевское, но свое и самобытное, что онъ вносилъ въ литературу новую и свѣжую струю. Дѣйствительно, на Левитовѣ можно замѣтить, что онъ былъ воспитанъ Гоголемъ (а вмѣстѣ Диккенсомъ и Тэккереемъ) или, лучше сказать, что эти писатели помогли развиться его собственной чертѣ —той глубокой, любящей вдумчивости, съ какой онъ всегда относится къ своимъ героямъ, раскрывая лучшія человѣчныя движенія ихъ души и глубину постигающаго ихъ горя, или давая видѣть читателю весь ужасъ ихъ нравственнаго паденія и испорченности. Левитовъ не разъ полушутя жалуется, что его произведеніямъ вредитъ излишество лиризма, и дѣйствительно, его разсказы пересыпаны лирическими эпизодами, которые иногда, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ вредятъ художественности исполненія, но выдаютъ намъ симпатичную душу писателя и волнующія ее ощущенія. Волнуетъ его судьба человѣческой личности: ея исторію онъ проводитъ передъ нами въ картинахъ, поражающихъ жизненной правдой, исполненныхъ истинно-художествен-

ными достоинствами, и эти картины такъ овладѣваютъ имъ, что онъ не можетъ не высказать своего личнаго отношенія къ изображаемымъ лицамъ и нравамъ,—не разсужденіями и моральными трактатами, а именно лиризмомъ, изліяніями своего возбужденнаго чувства, своей радости или, всего больше, своей скорби. Лиризмъ чередуется съ тѣмъ юморомъ, параллели или первообразы котораго опять находимъ у Гоголя и Диккенса. Но самобытное, что̀ отличаетъ его не только отъ Гоголя, но и отъ непосредственныхъ предшественниковъ, затронувшихъ народный бытъ (какъ Тургеневъ, Григоровичъ), есть, во - первыхъ, близкое знаніе подробностей народнаго быта и, во-вторыхъ, пристальное вниканіе во внутреннюю жизнь изображаемыхъ имъ лицъ; знаніе быта у него дѣйствительно замѣчательное,—образчикомъ его можетъ служить одушевленный, колоритный языкъ, какъ въ его собственномъ разсказѣ, такъ и въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Другой предметъ лиризма Левитова составляютъ изображенія природы. Онъ страстно любитъ эту степную природу средней восточной Россіи, гдѣ прошла его юность, гдѣ онъ нѣсколько разъ совершалъ свои пѣшеходныя странствія, то съ идеалистическими надеждами устроить свое будущее, то разбитый и съ отчаяніемъ искавшій пріюта на родинѣ. «Природа у меня всегда на первомъ планѣ»,—замѣчаетъ Левитовъ въ одномъ разсказѣ, тэма котораго наводила его на мрачныя мысли.—«Природа лучше всего, что̀ только я узналъ во всю мою жизнь. Блистая нѣкогда неподдѣльной красотой въ мои дѣтскіе глаза, она заставила меня искренно полюбить ее» [1]), и дѣйствительно, онъ безпрестанно обращается къ природѣ. Можно положительно сказать, что изображенія природы у Левитова нерѣдко равняются съ знаменитыми ландшафтами, нарисованными Тургеневымъ; ихъ разница въ томъ, что Тургеневъ рисуетъ свои картины какъ чистый художникъ, удивительно схватывая всѣ тонкіе оттѣнки формъ и красокъ; Левитовъ относится къ природѣ лирически — онъ любитъ одушевлять ее, самъ хочетъ дѣлить ея жизнь и дѣйствительно часто заставляетъ ее говорить человѣческимъ языкомъ (иногда впадая даже при этомъ въ крайность), вмѣшиваться въ человѣческую жизнь, то съ лаской, то съ грозой, заставляетъ ее вспоминать свое прошлое и прошлое жившихъ среди нея людей (напомнимъ въ «Уличныхъ картинкахъ» изображеніе стараго лѣса). Въ его наслажденіи степной природой—не одно наслажденіе ею самой; его всегда провожаетъ мысль, какъ тѣсно свя

---

[1]) Собр. сочин. II, стр. 116.

зана съ этой природой людская жизнь, какъ много говоритъ эта природа свѣжему впечатлительному дѣтству и юности, или какой мрачный контрастъ и какой укоръ представляетъ нерѣдко ея глубокая красота съ безобразіями совершающейся подлѣ жизни.

Внѣшній горизонтъ произведеній Левитова не былъ обширенъ. Онъ описывалъ и разсказывалъ только и исключительно то, чтó самъ зналъ и видѣлъ. Его біографія указываетъ намъ очень опредѣленно этотъ горизонтъ: сельская жизнь,—въ которой много его личныхъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній и опыта, — сельская жизнь крестьянъ, деревенскаго духовенства, мѣщанства и купечества; въ столицахъ — жизнь бѣднаго люда, въ комнатахъ «снебилью», въ закоулкахъ и трущобахъ «дѣвственныхъ улицъ» (иначе, по словамъ Левитова, называемыхъ «у чорта на куличкахъ»); жизнь подгороднаго люда (шоссейныя картинки), въ конецъ перепорченнаго и развращеннаго, съ вліяніями трактирной цивилизаціи и городской распущенности; жизнь маленькаго уѣзднаго города; картины изъ воспоминаній стараго быта; изображенія юношескихъ мечтаній и стремленій того поколѣнія, къ которому онъ самъ принадлежалъ; много разъ повторенныя и ужасныя картины пьянства, въ которыхъ, къ сожалѣнію, самъ онъ является не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ [1]).

Задачи его творчества, быть можетъ, не были такъ трудны и сложны какъ у романиста, который берется изображать запутанныя явленія и мудреные характеры изъ высшихъ и среднихъ круговъ общества, и разсказъ Левитова льется свободно, точно живой разсказъ много видавшаго человѣка; выводимые имъ люди какъ будто просто портреты знакомыхъ ему лицъ, — но всматриваясь ближе, нельзя не видѣть, что въ этихъ простыхъ по внѣшности, не сложныхъ по сюжету, разсказахъ, мы имѣемъ передъ собой чисто художественное возсозданіе жизни, а вовсе не простую фотографію. Лица, изображаемыя Левитовымъ—лица типическія, въ которыхъ является передъ нами не единичный случайный портретъ, а характерный представитель цѣлой стороны жизни даннаго круга.

Какъ относится Левитовъ къ изображаемому имъ міру? Мы уже замѣтили, что господствующая черта его таланта, особенно

---

[1]) Было бы долго указывать пьесы Левитова по этимъ рубрикамъ, которыя притомъ иногда смѣшиваются въ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Въ настоящемъ изданіи картины сельскаго быта собраны по преимуществу въ первомъ томѣ; во второмъ собраны больше разсказы о городской (петербургской и московской) и подгородной жизни.

отличающая его отъ его сверстниковъ, писателей изъ народнаго быта, есть теплое гуманное чувство, не покидающее его никогда, не закрываемое ни сатирой, ни раздраженіемъ. Предметъ былъ таковъ, что было мѣсто и для того, и для другого; но надъ ними все-таки господствуетъ это мягкое, сердечное настроеніе, которое, при встрѣчѣ съ мрачными явленіями жизни, переходитъ гораздо чаще не въ раздраженіе, а въ тяжелую скорбь.

Біографъ замѣчаетъ, что Левитовъ не принадлежалъ ни къ какой тогдашней партіи, что онъ стоялъ внѣ ихъ, какъ художникъ. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что въ своемъ трудѣ Левитовъ дѣйствительно смотрѣлъ на жизнь и людей не съ точки зрѣнія теоріи (мы и не думаемъ, чтобы онъ выработалъ себѣ какую-нибудь опредѣленную общественную теорію), а черезъ призму поэзіи и чувства; но все-таки онъ и не относился индифферентно къ существовавшимъ партіямъ. Еще задолго до того, какъ онъ въ первый разъ выступилъ въ печати,—когда его первый разсказъ приводилъ въ восхищеніе двухъ-трехъ его друзей студенческаго кружка,—онъ уже былъ въ глазахъ этихъ друзей человѣкомъ извѣстнаго *направленія*. Въ одномъ изъ цитированныхъ нами писемъ, одинъ изъ его друзей, Соколовъ, восторгаясь «Сельскимъ праздникомъ», находя въ немъ «грацію описаній и юморъ, какіе не всегда найдешь у Гоголя и Тургенева», замѣчаетъ (въ январѣ 1857 года): «надѣюсь при этомъ, что ты будешь вѣренъ своему направленію и сохранишь идею до конца» [1]). Позднѣе, въ началѣ 60-хъ годовъ, дружескій кружокъ, которому принадлежали сочувствія Левитова, былъ кружокъ съ болѣе или менѣе опредѣленными мнѣніями, именно съ тѣми, которыя всецѣло преданы были ожидаемому и какъ будто совершавшемуся освободительному обновленію русской жизни. Это и была «идея», которая чувствовалась въ его раннемъ дружескомъ кругу. Самъ біографъ неоднократно подтверждаетъ, что симпатіи Левитова всегда принадлежали лучшимъ стремленіямъ новыхъ поколѣній, и упоминаетъ, что эпиграфомъ къ своему задуманному роману онъ выбралъ стихи Некрасова: «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ» и пр. [2]). Такимъ образомъ Левитовъ не былъ безразличенъ къ существовавшимъ тогда общественнымъ направленіямъ, и Леонтьевъ былъ послѣдователенъ, когда отказался напечатать первый разсказъ Левитова, какъ несоотвѣтствующій направленію его журнала. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ произведенія

[1]) Тамъ же, стр. LVII.
[2]) Тамъ же, стр. CXIV.

Левитова касались общественнаго вопроса, характеръ его мыслей едва ли подлежитъ сомнѣнію, хотя его непосредственный поэтическій трудъ вовсе не требовалъ принадлежности къ какому-нибудь опредѣленному кружку, — по самой сущности этого труда.

Левитовъ несомнѣнно принадлежалъ къ той группѣ русскаго общества и литературы, которая, встрѣчая съ полнымъ сочувствіемъ реформы прошлаго царствованія, ждала все большихъ успѣховъ просвѣщенія и общественной самодѣятельности. Въ *этомъ* смыслѣ онъ и былъ *народникомъ*, какъ были народниками всѣ лучшіе дѣятели русской литературы съ конца 1850-хъ годовъ, работавшіе въ прогрессивномъ направленіи, — потому что искомыя блага просвѣщенія и общественной самодѣятельности всего больше необходимы были именно для народа, и сочувствія къ народу, благія общественныя пожеланія для него, не имѣли другого смысла. Люди изъ народа, «разночинцы», примыкавшіе къ этому движенію, не измѣняли его смысла, не вносили въ него ничего по существу новаго, и только помогали разработкѣ вопроса тѣмъ частнымъ знаніемъ его отдѣльныхъ сторонъ, какимъ они обладали, выраженіемъ того чувства, которое у нихъ могло особливо наболѣть. Подъ конецъ, какъ извѣстно, стала складываться — исходя изъ разныхъ источниковъ — та особая литературная группа, которая присвоивала своимъ мало выясненнымъ идеямъ спеціальное названіе и привилегію «народничества». Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, въ свою генеалогію, т.-е. въ число своихъ предшественниковъ или первыхъ дѣятелей, оно, въ ряду многихъ другихъ писателей 60-хъ и 70-хъ годовъ, зачислило и Левитова. Намъ это кажется большимъ заблужденіемъ: тотъ Левитовъ, какого мы видимъ въ его сочиненіяхъ, *не есть* писатель новѣйшаго народническаго стиля. Въ этомъ не трудно убѣдиться, вникнувъ въ его представленія о народѣ.

Въ общемъ, Левитовъ глубоко любитъ народъ, какъ любитъ человѣкъ свою родину, свое отечество. Родившись, много живши въ средѣ народа, Левитовъ былъ близокъ къ нему, умѣлъ хорошо понимать его радости и печали и дѣлить ихъ; но какъ человѣкъ сознательный, онъ не былъ слѣпъ къ темнымъ сторонамъ и недостаткамъ народной жизни. Его идеальный народъ былъ въ будущемъ, — это долженъ былъ быть народъ просвѣщенный и самодѣятельный; но Левитовъ очень остерегся бы идеализировать народъ такъ какъ онъ есть, въ томъ настоящемъ видѣ, въ которомъ хранится еще столько мрачныхъ наслѣдій прошедшаго и столько современнаго безсознательнаго невѣжества

и дикости. Онъ любилъ народную старину, обычай, пѣсню, какъ поэтическую сторону народнаго быта; онъ съ теплымъ чувствомъ рисовалъ картинки сельской жизни, гдѣ, хотя бы и въ грубоватой формѣ, неизбѣжной въ тяжеломъ быту, выражались человѣчныя отношенія, чувства правды и добра, но онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы видѣть въ народной жизни патріархальную Аркадію или наилучшую общественную организацію. Если сравнить его съ новѣйшими идеализаторами народа, мы найдемъ между ними не одно рѣзкое противорѣчіе. Левитовъ не склоненъ видѣть въ народномъ міросозерцаніи готовую мудрость, готовыя формы бытовой справедливости; въ сущности, онъ и не ставитъ такихъ широкихъ вопросовъ; онъ смотритъ на народную жизнь въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ и не дѣлаетъ выводовъ, превышающихъ эти проявленія или имъ противорѣчащихъ. Въ его разсказахъ вообще найдутся обильныя черты для характеристики тѣхъ традиціонныхъ нравовъ, самобытныхъ, «нетронутыхъ», «не испорченныхъ западной цивилизаціей» и т. д. Эта тэма мудрой народной патріархальности, какъ извѣстно, еще со временъ Петра давала богатую пищу консерваторамъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ оттѣнка Аракчеевскаго и кончая Маниловскимъ. Въ преувеличенную идеализацію этой патріархальности, какъ извѣстно, нерѣдко впадаетъ и новѣйшее народничество. У Левитова, который вообще не задавался никакими теоретическими рѣшеніями—именно расточаемыми столь обильно новѣйшимъ народничествомъ — едва ли найдется какая-нибудь фальшивая черта этого рода. Онъ даетъ напротивъ правдивую картину этихъ нравовъ, вѣрность которой едва ли заподозритъ кто-нибудь, нѣсколько знакомый съ ними. Было бы долго перечислять примѣры, масса которыхъ разсыпана во всѣхъ его разсказахъ. Укажемъ нѣсколько образчиковъ.

Народный бытъ представляется Левитову не только въ его настоящей минутѣ, но въ цѣльномъ представленіи съ его давнимъ и недавнимъ прошедшимъ. Его очерки изъ народной старины («Аховскій посадъ», воспоминанія лѣса въ «Уличныхъ картинкахъ» и др.) отличаются такими поэтическими достоинствами, что ихъ можно поставить рядомъ съ лучшими произведеніями этого рода въ нашей литературѣ, хотя они и остались не достаточно выработанными. Времена крѣпостного права внушили ему нѣсколько разсказовъ («Моя фамилія, изъ воспоминаній временно-обязаннаго»; «Мое дѣтство»), гдѣ проходитъ передъ нами правдивая психологія человѣка, выросшаго подъ

крѣпостнымъ правомъ и ожесточеннаго имъ [1]). Съ отраженіями крѣпостнаго права читатель не разъ встрѣтится и въ другихъ разсказахъ. Современная крестьянская жизнь представляется особенно въ обыденныхъ, типическихъ картинахъ, выбранныхъ не для эффекта, а именно по ихъ типичности,—въ картинахъ, то мягкихъ и привлекательныхъ, когда писатель встрѣтится съ теплыми и разумными людскими отношеніями, то (и это гораздо чаще) въ картинахъ мрачныхъ и отталкивающихъ, когда его поражаетъ грубое безсердечіе и испорченность мнимой Аркадіи. Картины перваго рода (назовемъ разсказы: «Степные выселки», «Бабушка Маслиха», «Сельское ученіе—степная идиллія») принадлежатъ къ лучшимъ изображеніямъ народнаго быта, какія только есть въ нашей литературѣ; но объемъ свѣтлыхъ подробностей, къ сожалѣнію, перевѣшивается массой страданія и испорченности, корень которыхъ, кромѣ тяжелыхъ внѣшнихъ условій, современныхъ и наслѣдованныхъ отъ исторіи, лежитъ и въ давней заброшенности народнаго нравственнаго воспитанія, и въ неразвитости народнаго ума. Теперь нерѣдко высказывается прямо или косвенно мысль, что народное бытовое преданіе хранитъ въ себѣ драгоцѣнные задатки разумнаго нравственнаго быта и общественнаго распорядка: намъ указываютъ эти задатки въ преданіяхъ обычнаго права, рисуютъ глубокія нравственныя основы общины, изображаютъ «власть земли» и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ изображеніяхъ есть доля правды: вѣковая практика быта, хотя и лишеннаго воздѣйствій здраво поставленной школы и почти предоставленнаго самому себѣ, не могла не выработать извѣстныхъ общихъ понятій справедливости и общественной пользы; но не должно забывать, что эти понятія, въ ихъ тѣс-

---

[1]) Герой одного изъ этихъ разсказовъ вспоминаетъ, напр., о случаяхъ такого ожесточенія:

..."Моя злость отогнала отъ меня человѣка, котораго или я полюбилъ, или который былъ для меня такъ или иначе полезенъ.

— "Ну-да, ну-да!—тихо шепчу я себѣ.—Иди себѣ, откуда пришелъ съ своими нѣжностями,—проваливай, братъ! Мнѣ все равно. Я жилъ и безъ тебя. Я ко всему привыкъ, потому что все вынесъ... Любопытно было бы хоть на минутку взглянуть, какъ бы ты заежился въ моей шкурѣ... Ха, ха, ха!..

"Новая и еще больше жгучая волна наслажденія вливается тогда въ грудь мою, потому что въ глазахъ моихъ ясно рисуется въ это время безграничная помлость людей, почему-либо близкихъ мнѣ, которые въ сношеніяхъ со мной ни чуть не подозрѣваютъ, что во мнѣ все происходитъ наоборотъ, чѣмъ у нихъ; часто случается, что они утѣшаютъ меня во время такого безпощаднаго и язвительнаго внутренняго смѣха, который, если бы они услышали, такъ въ моментъ бы умерли. какъ отъ укушенія ядовитой змѣи"... (Собр. сочин. I, стр. 570).

номъ кругѣ дѣйствія, остаются зачаточными и элементарными, не испытавшими широкаго примѣненія въ болѣе сложныхъ общественныхъ условіяхъ, и внѣ другихъ средствъ общественности бываютъ безсильны, — мы видимъ дѣйствительно, что для самаго народа онѣ очень часто остаются только фразой и на дѣлѣ слишкомъ часто исчезаютъ подъ тѣми дурными инстинктами, которымъ слишкомъ мало противодѣйствовали условія народнаго воспитанія. Левитовъ не мудрствовалъ лукаво и его разсказы съ глубокой ироніей могли бы отвѣтить на трогательныя изображенія общинной правды и «власти земли». Назовемъ разсказы: «Деревенскій случай», «Расправа», «Сказка и правда» и пр. Общинная правда исчезала очень легко — по желанію перваго богатаго мужика, который въ состояніи былъ перепоить «міръ» въ кабакѣ; власть земли не мѣшала крайнимъ несправедливостямъ въ средѣ своихъ же, тѣмъ болѣе несообразнымъ и возмутительнымъ, что «міръ» всегда знаетъ или можетъ знать всю правду о своихъ односельчанахъ. Въ разсказахъ Левитова не скрыта та обычная черта, что обиліе благочестивыхъ и разумныхъ сентенцій становится въ патріархальномъ быту только одеждой наглаго лицемѣрія или низменнаго лганья. Идеализаторы народа множество разъ изображали въ розовыхъ чертахъ крѣпость народнаго преданія, противопоставляя ее новѣйшей городской испорченности, и рисовали идиллическія картины быта, основаннаго на старинныхъ строгихъ правилахъ «Домостроя». Левитовъ, не задаваясь тенденціями, разсказываетъ обычныя проявленія этого преданія, и въ результатѣ получается рядъ тягостныхъ, часто возмутительныхъ картинъ стараго обычая. Слишкомъ часто этотъ бытъ въ духѣ преданія (какъ въ крестьянствѣ, такъ и въ купеческой средѣ, сохраняющей преданіе) представляется картиной грубаго насилія сильныхъ надъ слабыми, мужчинъ надъ женщинами, старшихъ надъ дѣтьми. Типическій глава семьи держитъ ее въ «грозѣ» и «острасткѣ»; эта гроза проявляется не то что въ суровомъ домоправительствѣ, а зачастую просто въ безсмысленномъ битьѣ, большею частью, конечно, въ пьяномъ видѣ: послѣдствіемъ бываетъ то, что цѣлая семья бываетъ «юродивая и ошалѣлая» («Сладкое житье», I, стр. 76); дѣти заколачиваются до полоумства («Новый колоколъ», «Блаженненькая», «Графчикъ»); положеніе дѣвушки въ семьѣ до послѣдней степени безправное, ея замужество совершается тѣмъ самымъ способомъ, какой безчисленное множество разъ описывается въ пѣсняхъ, оплакивающихъ судьбу молодой женщины въ чужой семьѣ подъ властью злого свекра и злой свекрови.

Изъ множества примѣровъ этого рода выберемъ одну цитату изъ разсказа «Горбунъ»:

...„Въ спальнѣ робкая рѣчь старухи учила ребенка, такъ же тихо и смирно, протянуть до гроба оживающую жизнь, какъ дотягиваетъ ее сама учительница. И слушая матерніе разсказы, дѣвочка скоро научилась, какъ и мать, широко и безсмысленно раскрывать глаза и безсильно дрожать беззащитною головой, когда какое-нибудь дѣтское горе разражалось надъ нею,—безъ блеска въ глазахъ и безъ обыкновенныхъ радостныхъ криковъ встрѣчать неожиданно нахлынувшее счастье и даже пугаться этого счастья, потому-что все, что только могли услышать молодыя уши въ такъ рѣдко оживающей спальнѣ,—все это говорило молодому сердцу о томъ только, что хотя и много растетъ въ степной сторонѣ всякихъ красивыхъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, зато неминуемо гибнетъ въ этой сторонѣ всякая, сколько-нибудь живая душа дѣвичья, которой еще никогда не давала и, вѣроятно, никогда не дастъ, какъ слѣдуетъ, расцвѣсть *степная старинная дурь...*» (т. I, стр. 236).

Не мало было также говорено о разумномъ консерватизмѣ народа, который-де потому чуждался нововведеній, что они были противны его національному существу; потому, напримѣръ, чуждался новой школы, что она не сходилась съ его понятіями о просвѣщеніи, и т. п. Въ пятидесятыхъ годахъ такіе народолюбцы, какъ Даль, были даже вообще противъ народной грамотности; въ настоящее время мнимые друзья народа и хранители его идей продолжаютъ возставать противъ новой школы, какъ, напримѣръ, недавно, по поводу дѣятельности покойнаго барона Н. А. Корфа. Не разъ уже было объяснено, почему народъ не довѣрялъ нововведеніямъ,—обыкновенно они являлись въ его среду черезъ посредство чиновничества, которому онъ имѣлъ много причинъ не довѣрять, по приказамъ, которые не хотѣли обращать никакого вниманія на собственные взгляды или недоумѣнія народа;—но нельзя скрыть, что въ этой враждѣ народа къ нововведеніямъ играло свою роль и простое незнаніе, давнишняя неподвижность, суевѣрный страхъ передъ тѣмъ, чего не знали отцы и дѣды, та народная «темнота», которая есть вовсе не одна фраза, но дѣйствительный фактъ. Левитовъ коснулся вопроса о школѣ въ разсказѣ: «Передъ открытіемъ сельскихъ школъ» (рѣчь идетъ объ открытіи школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ). Слухи объ открытіи училищъ ужасно перепугали народъ.

«По крайней мѣрѣ за полгода передъ открытіемъ школъ, сельскій людъ, и теперь еще называющій себя темнымъ людомъ, вмѣсто обыденныхъ разговоровъ о письмахъ и посылкахъ отъ отцовъ, сыновей, мужей и братьевъ, работавшихъ по зимамъ въ разныхъ городахъ,—вмѣсто толковъ объ урожаяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о подушномъ, о домашнемъ скотѣ,—заговорилъ другъ съ другомъ самымъ секретнымъ и пугливымъ шопотомъ.

«Шептавшіеся люди представляли собою олицетвореніе крайняго испуга. Многія женщины плакали, многія сердились и били тѣхъ, кто подвертывался имъ подъ руку: было ли то животное, ожидавшее подачки, или привыкшее къ ласкамъ дитя—и, вообще, на всемъ селѣ лежала печать унынія и невыносимой тоски» (т. I, стр. 592).

Можетъ показаться каррикатурнымъ преувеличеніемъ, что заведеніе по селамъ училищъ представлялось, наконецъ, народу въ связи съ приходомъ антихриста... Однимъ казалось, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы брать въ полки бабъ и дѣвокъ:

«У пылающей печки, опершись на рогачъ, стоитъ мать,—передъ ней стоитъ сосѣдка съ глазами, свѣтящимися въ одно и то же время и печалью и любопытствомъ.

Обѣ онѣ шепчутся о чемъ-то странномъ, чего прежде я никогда не слыхивала. Сквозь слезы онѣ, торопливо перебивая другъ друга, толкуютъ о какой-то *школѣ*, о какомъ-то *ужбилищѣ*, куда скоро потянутъ всѣхъ до единаго: и мужиковъ, и бабъ, и парней, и дѣвокъ; а оттуда, какъ только высмотрятъ, кто посильнѣе, того сейчасъ въ солдаты...

— Што ты мелешь пустое!—тихо возражаетъ сосѣдка матери.—Да нну пору наша сестра-баба куда здоровѣе мужика выходитъ! Стало такую и тащи въ солдаты...

— Стало и потащутъ,—утвердительно отвѣчаетъ мать:—потому приказъ такой вышелъ, штобы были полки такіе—изъ бабъ и дѣвокъ. На то на самое и ужбилишша энти открываютъ по селамъ.

— Да што же, у нихъ мужчинской-то силы мало, што-ли?

— Да должно мало! Не хватаетъ, надо полагать... Должно еще и бабья шкура понадобилась...

Съ печи слышится протяжный и дребезжащій голосъ бабки, которая тоже, въ свою очередь, подстаетъ къ разговору.

— Это вотъ, должно, какъ передъ французомъ слухи тоже прошли,—протягиваетъ она.—Быть набору съ дѣвокъ и бабъ безпремѣнно, потому, говорятъ, однимъ мужикамъ съ *имъ* совладать никакъ невозможно. *Онъ* тогда—французище-то энтотъ,—такъ то ли наступалъ люто!» (т. I, стр. 593—594).

Другіе прямо разсуждаютъ объ антихристѣ:

«Всѣ эти навожденія идутъ отъ *него*, который уже теперь народился, и который, будучи теперь только трехъ годовъ, уже разрываетъ на себѣ однимъ махомъ по семи кованыхъ желѣзныхъ цѣпей...

— По иностраннымъ землямъ *онъ* уже давно пошелъ,—слышится мнѣ.—Въ Москвѣ всѣ говорятъ... Тамъ знаютъ...

— «Далеко еще, слава Богу! Только есть ужъ и у насъ кое-что эдакое... Напускъ наводитъ и на насъ... Табакъ, вонъ, сперва напустилъ, — за нимъ, вонъ, картошка пошла, тыква, ну, а теперича вотъ сами видите... Теперича желательно ему *ужбилищией* насъ оплесть. Въ короткихъ сертукахъ учить-то насъ попринаѣдутъ... Сказано: разлетятся, передъ послѣднимъ концомъ свѣта, по всѣмъ градамъ и селамъ птицы съ желѣзными носами...» (Тамъ же, стр. 601—602).

Страхи были совершенно напрасны: когда наконецъ настало

открытіе училища, въ село пріѣхалъ «окружной» и привезъ учителя изъ семинаристовъ, который на первыхъ же порахъ свелъ съ мужиками большую дружбу въ сосѣдствѣ кабака и оказался самымъ душевнымъ человѣкомъ: онъ привезъ съ собой гитару и доставилъ удовольствіе всему селу, залихватски наигрывая на ней знакомыя пѣсни.

Эти черты—вовсе, однако, не грубая каррикатура; напр. картофель, который нѣкогда съ великимъ трудомъ вводили въ народное хозяйство, народъ считалъ чортовымъ яблокомъ, и приказы сѣять его вызывали настоящіе бунты; преданія о табакѣ извѣстны; толки о наборѣ полковъ изъ дѣвокъ, даже для отсылки въ чужіе края, повторялись періодически. Народное легковѣріе существуетъ не у насъ однихъ; но такое фантастическое направленіе его составляетъ нашу особенность и сколько въ немъ участвуетъ крайняя темнота, ребяческое состояніе народнаго ума, это не требуетъ объясненій [1]).

Подобныя картины народнаго невѣжества, безправія, испорченности Левитовъ приводитъ и изъ жизни другого простонароднаго слоя—бѣднаго городского населенія (напр., въ московскихъ захолустьяхъ), и населенія подгороднаго, гдѣ на народную почву прямо ложатся вліянія городской испорченности. Назовемъ цѣлый длинный рядъ разсказовъ, собранныхъ во второмъ томѣ сочиненій Левитова: «Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ», «Счастливые люди», «Московскія уличныя картины», «Хорошія воспоминанія», «Не сѣютъ, не жнутъ»; «Безпріютный», «Шоссейный день», «Безпечальный народъ» и др. Левитовъ и здѣсь былъ наблюдателемъ компетентнымъ: мы видѣли изъ его біографіи, что ему случалось много живать въ московскихъ трущобахъ, въ которыя загоняла его крайняя нужда; его разсказы не были (какъ бывало даже у лучшихъ нравоописателей) основаны только на немногихъ дѣйствительно подсмотрѣнныхъ фактахъ, потомъ обильно дополненныхъ и подкрашенныхъ фантазіей, напротивъ, у него была масса самыхъ подлинныхъ наблюденій.

Нашъ писатель не могъ обойти еще одного элемента народной жизни—сельскаго духовенства; онъ касается его вообще мимоходомъ, но остается одно, болѣе отрицательное, впечатлѣніе: духовенство играетъ меньше роли, чѣмъ было бы желательно для нравственнаго воспитанія народа. Народъ, безъ со-

---

[1]) Ср. еще подобные эпизоды деревенскихъ и городскихъ слуховъ и страховъ— т. I, стр. 345—350; II, стр. 482 (толки о московской выставкѣ).

мнѣнія, религіозенъ и представляетъ податливую почву для авторитетнаго религіозно-нравственнаго вліянія, но это вліяніе, вообще говоря, отсутствуетъ. Религіозность остается для громаднаго большинства внѣшнею, мало проникающею въ самую жизнь: отдать дочь въ «чернички» т. е. рѣшить впередъ всю ея судьбу, не спросясь ея самой, слить колоколъ въ церковь («Новый колоколъ»), сдѣлать въ церковь иное пожертвованіе («Яковъ Петровичъ Сыроѣдъ», «Барочникъ Картузовъ»), завести у себя въ домѣ юродиваго («Вѣрное средство отъ разоренья») и т. п., полагается достаточнымъ средствомъ для религіознаго примиренія совѣсти, и затѣмъ совершившій эти добрыя дѣла считаетъ себя въ правѣ продолжать свои практическія безобразія—онъ откупился отъ грѣха и отъ голоса своей совѣсти. Чернички, юродивые остаются какой-то искупительной жертвой, не измѣняющей хода вещей. Левитовъ рисуетъ (въ «Сыроѣдѣ») привлекательную личность христіанскаго филантропа въ лицѣ сельскаго дьякона, но онъ остается рѣдкимъ исключеніемъ; обыкновенно нравственный бытъ деревни остается на произволѣ судьбы. Деревенская школа, управляемая причетниками — въ разсказахъ Левитова есть еще старая школа, та, въ которой, бывало, «*мастеръ* (такъ звали по селамъ учителей того времени) не только-что наказывалъ или билъ, а просто звѣрски тиранилъ своихъ учениковъ» [1]), и гдѣ, бывало, выучка доставалась парню цѣною «изуродованія»...

Наконецъ все это завершается цѣлымъ рядомъ разсказовъ, рисующихъ безотрадную картину народнаго пьянства. Оно сопровождаетъ насъ всюду: рѣдкій эпизодъ народнаго быта обходится здѣсь безъ кабацкихъ сценъ, иногда цѣлымъ «міромъ». Такъ выходило, конечно, по необходимости: вино играетъ такую обширную и фатальную роль въ жизни крестьянина и всего низшаго класса народа, что правдивый разсказчикъ и не могъ миновать этой черты. Безъ вина не обходится ни горе, ни радость, ни дѣло, ни бездѣлье; пьютъ не только мужчины, но и женщины; ласковый отецъ даетъ винца мальчишкѣ-сыну, мать, чтобы успокоить ребенка въ колыбели, даетъ ему хлебнуть водки. Дѣйствіе вина почти исключительно одуряющее; веселье кончается всего чаще дракой и даже убійствомъ; глава семейства пропиваетъ послѣднія деньги, свирѣпствуетъ дома, калѣчитъ дѣтей (см. тѣ же названные выше разсказы изъ московской жизни, также «Типы и сцены сельской ярмарки», «Цѣловальничиха»,

---

[1]) Т. I, стр. 591; ср. I, стр. 81 и др.

«Горбунъ», «Расправа», «Блаженненькая», «Именины сельскаго дьячка», и т. д.). Не говоря о томъ, что пьянство само по себѣ есть несчастная физическая и нравственная болѣзнь, оно производитъ страшное разрушеніе во всемъ быту, разоряетъ семьи, подавляетъ въ человѣкѣ разумъ и нравственное чувство. Левитовъ не входитъ въ разсужденіе о томъ, откуда идетъ это явленіе и чѣмъ можно было бы помочь этой народной бѣдѣ; но онъ не закрываетъ глазъ отъ того, что̀ видѣлъ (и что̀ всякій желающій можетъ видѣть) на каждомъ шагу; только въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ онъ дѣлаетъ попытку, такъ сказать психологіи пьянства и указываетъ въ «запивохѣ» не всегда дурного, но нерѣдко несчастнаго человѣка, который не знаетъ другого выхода изъ своего бѣдственнаго положенія, кромѣ извѣстной торной дороги... Писатели, какъ Левитовъ, касавшіеся этой черты народнаго быта въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, нерѣдко подвергались осужденіямъ: имъ приписывали любовь къ грязи, ихъ обвиняли въ желаніи видѣть только темныя стороны народной жизни и преувеличивать ихъ, даже просто въ клеветѣ на народъ. Насколько эти обвиненія несправедливы, можно видѣть уже изъ того, что само правительство въ послѣдніе годы подняло вопросъ, и спрашивало «свѣдущихъ людей», о мѣрахъ къ уменьшенію народнаго пьянства, — хотя питейный сборъ составляетъ очень важную статью государственнаго бюджета. Писатели просто не могли обойти этого предмета, потому что онъ въ дѣйствительности занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто въ нашей «національной жизни».

Наблюденіе простонароднаго быта, особливо въ городскомъ пролетаріатѣ, оставляло въ писателѣ самое мрачное впечатлѣніе; онъ не разъ высказывалъ его въ лирическихъ отступленіяхъ.

«И оно,—говоритъ онъ въ разсказѣ «Аркадское Семейство», — это безалаберное море безалаберныхъ дѣлъ людскихъ — шумно катится предъ глазами моими, одинаково безправно топящее и безправно выносящее на берегъ жильцовъ своихъ. Привыкли глаза мои не слѣпнуть отъ ослѣпляющаго блеска волнъ того моря,—уши мои не глохнутъ отъ грохота, и если что-нибудь иногда мѣшаетъ моему обыкновенному, постоянному занятію смотрѣть на это море и думать о немъ, такъ это только выраженное уже мною желаніе физической силы, чтобы, съ одной стороны, помочь какому-нибудь храброму и честному пловцу жизненнаго океана, который спасши менѣе сильныхъ, самъ тонетъ теперь, теряя послѣднія силы; съ другой, чтобы стукнуть въ лобъ негодяя, который изъ труповъ, утопленныхъ имъ, сдѣлалъ себѣ широкій, покойный плотъ и съ улыбкой добродѣтели подъѣхалъ на немъ къ мирному берегу... Но и безъ меня невинное спокойствіе этой физіономіи самымъ гнуснымъ образомъ исковеркается и ужаснется при видѣ чорта, который неизбѣжно встрѣтитъ ее въ жаркой банѣ ада»... (т. II, стр. 116).

Въ другомъ мѣстѣ того же разсказа онъ говоритъ:

«По истинѣ скажу, что предметъ, къ которому толкаетъ меня теперь дума моя, именно таковъ, къ которому подходить и отъ котораго отходить нужно не иначе, какъ вымывши руки самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Но подходя къ Аннѣ Петровнѣ съ вымытыми руками, я вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаюсь всею терпимостью, къ какой я только способенъ и за одно уже смываю съ себя чувство ненависти и къ Аннѣ Петровнѣ, и къ лицамъ въ родѣ ея, долгое обращеніе съ которыми отразилось на мнѣ такъ несчастливо, что мнѣ нужно вооружиться всею твердостью мысли для того, чтобы разумно отречься отъ злости на нихъ, ибо отъ вѣка не знали они, что творили, и увы, до самаго гроба не будутъ знать, что будутъ творить... Не на ваши головы падутъ грустные результаты нашей безмѣрной, національной дури!..» (тамъ же, стр. 120).

Но надъ мрачными думами въ душѣ писателя всегда брало верхъ то кроткое, любящее настроеніе, которое въ дѣйствительности составляло глубочайшую основу его характера. Отождествляя себя съ иными своими героями, Левитовъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«Яркіе цвѣты моей молодости были безжалостно сожжены бурнымъ наплывомъ какихъ-то огненныхъ, невѣданныхъ мною тогда думъ, которыя, въ видахъ ихъ разрѣшенія, неудержимо повлекли меня на тѣсное знакомство съ людьми, отъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ближніе убѣгаютъ за тысячи верстъ... Тотъ суровый міръ, въ которомъ она вращалась и вращается, безъ остатка выгналъ изъ моего сердца всѣ тѣ злыя движенія, руководствуясь которыми человѣкъ эгоистически около одного себя группируетъ какъ можно больше жизненныхъ благъ, увеличивая тѣмъ массу всеобщаго зла. Въ непобѣдимое терпѣніе заковали тѣло мое печальныя картины страдающаго міра, — и чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ непроглядно-темный фонъ ихъ, тѣмъ больше и больше наплываетъ въ душу мою любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ и эти картины, такъ одушевленныя воплями безконечной гибели безконечнаго множества людей, были бы мертвы...» (тамъ же, стр. 496—497).

И дѣйствительно, писатель не былъ вовсе пессимистомъ. Въ искренности его словъ убѣждаетъ весь господствующій тонъ его разсказовъ. Съ какой любовью онъ останавливается на всѣхъ тѣхъ лицахъ и людскихъ отношеніяхъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ мягкое, человѣчное чувство; какъ тепло онъ рисуетъ картины материнской любви, дѣтской наивности, стариковскаго добродушія и любящей заботы, или выискиваетъ, въ загрубѣвшей отъ нищеты или ожесточенной жизни, примѣры добра, снисхожденія къ ближнему, защиты слабаго; съ какимъ горькимъ сочувствіемъ рисуетъ онъ незаслуженное, беззащитное страданіе, и т. п. Цѣлый рядъ лицъ и эпизодовъ подобнаго рода проходитъ въ его разсказахъ изъ всѣхъ періодовъ его писательства. Назовемъ разсказы: «Цѣловальничиха», «Горбунъ», «Безпріютный», «Степные выселки», «Сыроѣдъ» (любопытная личность сельскаго дьякона), «Бабушка

Маслиха», «Дворянка» (старуха-черничка Забаиха) и пр. Нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ мы опять не затруднимся причислить къ лучшему, чтб есть въ нашей литературѣ о народѣ... Но роковымъ образомъ эти стороны, вызывающія сочувствіе писателя, всего чаще занимаютъ въ жизни лишь второстепенное мѣсто и роль страдательную. Подобныя личности скрашиваютъ нравственную нищету деревни, но они не въ состояніи помочь ей... Укажемъ здѣсь, кстати, въ ряду сочувственныхъ писателю типовъ, двухъ птицелововъ-любителей: это—деревенскій пономарь и отставной унтеръ, въ разсказѣ «Сельское ученіе»; этотъ прелестный эпизодъ можетъ напомнить знаменитыхъ «Пѣвцовъ» Тургенева.

Выше мы замѣтили, что эти изображенія народной жизни у Левитова были вообще результатомъ близкаго, внимательнаго наблюденія, что въ нихъ нерѣдко можно встрѣтить подробности чисто автобіографическаго характера. Біографъ Левитова отчасти указалъ такіе эпизоды и ихъ можно было бы еще умножить: описаніе «Степной дороги» во многихъ случаяхъ передаетъ собственныя приключенія и размышленія автора [1]); «Петербургскій случай», гдѣ чиновникъ Померанцевъ, погружаясь въ воспоминанія своей юности, теряетъ разсудокъ, весь переполненъ собственными воспоминаніями писателя — о семинарскомъ бытѣ, экзаменахъ, товариществѣ, педагогическихъ истязаніяхъ, ученическихъ сочиненіяхъ, сельскомъ духовенствѣ и т. д. [2]); разсказъ «Говоря-

---

[1]) Напр. т. I, стр. 138 и др.

[2]) Т. II, стр. 700, 705, 711, 713, и др. Укажемъ здѣсь еще любопытныя разсужденія сумасшедшаго Померанцева о русской литературѣ:

„— Какая такая литература? Нравовъ нѣтъ! Есть чортъ знаетъ что, которое всегда прощать должно, а темъ для литературы нѣтъ... Слѣдовательно? Ну и ея нѣтъ .. Смѣяться даже лѣнь надъ этимъ безъисходнымъ никуда-негодяйствомъ...

— Ну, что тамъ еще? Что у тебя еще есть?—спрашивалъ у безотвѣтно молчавшей стѣны Иванъ Николаевичъ.—Пушкинъ-то? Пріятно слышать! Ха, ха, ха! Руслана и Людмилы я никогда не видалъ и видѣть нужды не имѣю...

— А впрочемъ, Ваня, я люблю Пушкина, какъ личность. Я злюсь тогда, когда читаю, чтб онъ произвелъ—и вотъ видишь почему (тутъ Иванъ Николаевичъ понизилъ до шопота голосъ): — потому что оно могло быть лучше сдѣлано. Понимаешь, лучше!..

— А то у васъ, Ваня,—говорилъ онъ,—Гоголь былъ, такъ, вѣдь, это тоже опять бѣда! Нашему брату, который самъ до всего долженъ додумываться, его и читать-то, по настоящему, не слѣдуетъ. Околѣть можно отъ этого горькаго смѣха, отъ этого смертнаго унынія. „Смѣхомъ моимъ горькимъ посмѣюся"! написали на его могилѣ. Славный девизъ! Вотъ гербъ! Какъ это, Ваня? Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего прекраснаго далека!.. Забылъ подлинныя слова... Онъ далъ намъ нравы! Или не то, что далъ, а научилъ насъ подмѣчать въ людяхъ настоящіе нравы. Это—основатель

щая обезьяна», составляющій эпизодъ изъ оставшагося неконченнымъ романа «Сны и факты», также глубоко проникнутъ чисто личными мечтами и размышленіями писателя. Самый эпизодъ остался недоконченнымъ и невыясненнымъ; все его содержаніе состоитъ въ монологѣ героя, молодого художника, который пишетъ какъ будто прощальное письмо къ пріятелю и отдается размышленіямъ, ведя въ то же время борьбу съ «господиномъ алкоголемъ». «Говорящая обезьяна» принадлежитъ къ послѣднимъ работамъ Левитова и въ ней больше чѣмъ гдѣ-либо сказалось мрачное настроеніе его послѣднихъ лѣтъ, отягощенное его матеріальными бѣдствіями, и борьба идеальныхъ стремленій съ отчаяніемъ. Молодой художникъ (какъ самъ писатель) видимо теряетъ нравственное равновѣсіе; его томитъ неприложимость его идеаловъ къ дѣйствительности и въ своемъ отчаянномъ монологѣ онъ высказываетъ многое, чѣмъ именно могъ бы воспользоваться біографъ писателя. Таковы, напр., воспоминанія молодого художника о товарищахъ молодости; эти товарищи — типы молодежи 60-хъ годовъ, безъ сомнѣнія собственные пріятели и сверстники Левитова [1]); это — ихъ и свои собственныя молодыя надежды и идеалы оплакиваетъ Левитовъ, влагая отчаянныя жалобы въ уста молодого художника, борющагося съ «г. алкоголемъ» [2]).

Сводя вмѣстѣ наши замѣтки, мы приходимъ къ выводу, что Левитовъ былъ несомнѣнно «народникъ»—въ томъ самомъ смыслѣ, какъ всѣ лучшіе писатели конца 50-хъ и 60-хъ годовъ, эпохи нашего общественнаго возрожденія, то-есть въ смыслѣ самаго искренняго сочувствія къ народу и стремленія служить его благу, но стремленія, еще не переходившаго въ теоретическія преувеличенія и неумѣренную идеализацію. Тогда не было этого термина, но это отношеніе къ народу, безспорно сочувственное, не было похоже на новѣйшее народничество, какъ бы послѣднее ни засчитывало Левитова въ свои предшественники. Левитова невозможно отдѣлить отъ предшествующей литературы, отъ Гоголя и его преемниковъ: онъ связанъ съ ними и воспитаніемъ своего таланта, и литературными пріемами, представляющими

русской литературы. Безъ него мы не поняли бы Диккенса, ни Тэккерея, и все пробавлялись бы дурацкими эпопеями о корнетахъ Z и о княжнахъ X.

— А при немъ, Ваня, и мы въ нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее"... (стр. 719—722).

[1]) Т. II, стр. 736—743.

[2]) Укажемъ особенно тамъ же, стр. 740.

развитіе его стиля; не даромъ два характерные эпиграфа изъ Гоголя поставлены имъ во главѣ его перваго произведенія. Въ частности его понятія принадлежать вполнѣ прогрессивному идеализму 60-хъ годовъ, еще не знавшему народническаго сектантства, хотя, какъ дѣйствительный поэтъ, онъ не гонялся за теоретическими тонкостями. Историческая критика и не можетъ отрывать писателя отъ того корня, изъ котораго онъ выросъ, и отъ тѣхъ отношеній, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Мы думаемъ, что и новѣйшее народничество, если оно находитъ родственныя себѣ черты у Левитова, было бы ближе къ истинѣ, признавши и свои собственные корни въ тѣхъ давнишнихъ стремленіяхъ литературы, отъ которыхъ теперь оно хочетъ выдѣлиться. Литературная идея только увеличиваетъ свое значеніе, когда можетъ указать свои давніе зачатки въ прошедшемъ. Если есть въ народничествѣ что-либо дѣйствительно новое, то пусть оно и укажетъ его опредѣленно и назоветъ его прямые источники, не дѣлая сомнительныхъ историческихъ ссылокъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи: оно исполнено весьма внимательно, прекрасно напечатано; біографія, составленная г. Нефедовымъ, написана очень живо и хорошо рисуетъ симпатичную личность несчастнаго писателя. Можно было бы пожелать, въ иныхъ случаяхъ, болѣе точнаго объясненія нѣкоторыхъ фактовъ біографіи (напр., исключеніе изъ медицинской академіи, послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ и въ Москвѣ) и личныхъ взглядовъ Левитова на общественныя явленія того времени: то и другое было бы вѣроятно возможно. Наконецъ, было бы очень не лишнее дать библіографическія указанія о томъ, гдѣ и когда появлялись сочиненія Левитова, а также указаніе его мелкихъ статей, не вошедшихъ въ настоящее изданіе.

А. Пыпинъ.

ИВЕТТА.

Разсказъ Гюи де-Мопассана.

Переводъ съ рукописи.

I.

Выходя изъ кафе Ришъ,—Жанъ де-Сервиньи сказалъ Леону Савалъ:

— Пройдемся пѣшкомъ, пожалуйста. Погода такъ хороша, что жалко брать извощика.

А пріятель отвѣчалъ:

— Пожалуй.

Жанъ продолжалъ:

— Теперь не болѣе одиннадцати часовъ. Мы поспѣемъ за долго до полуночи. Потому нечего торопиться.

Оживленная толпа кишѣла на бульварѣ,—какъ это всегда бываетъ въ лѣтнія ночи. Толпа веселая, болтливая, которая ѣстъ, пьетъ, движется, шумитъ и течетъ точно рѣка. На извѣстныхъ пунктахъ яркій свѣтъ проливался изъ какого-нибудь кафе на группы людей, засѣдавшихъ за столиками, съ бутылками и стаканами, загромождавшими путь спѣшившей толпѣ. А по мостовой быстро проносились фіакры съ красными, голубыми или зелеными фонарами, и на яркомъ фонѣ залитыхъ огнями фасадовъ кафе на одно мгновеніе вырѣзывался тощій и движущійся силуэтъ лошади, профиль кучера на высокихъ козлахъ и темный кузовъ кареты.

Оба пріятеля шли тихимъ шагомъ, съ сигарами въ зубахъ, во

фракахъ, неся пальто на рукѣ. Въ петлицахъ у нихъ красовались цвѣтки, а шляпы были надѣты на бекрень,—небрежность, которую позволяютъ иногда себѣ люди, хорошо пообѣдавшіе, когда на дворѣ тихо и тепло.

Они были дружны съ самой школьной скамейки, любили другъ друга сильно, крѣпко и преданно. Жанъ де Сервиньи высокій, изящный, красивый малый, щеголь и «bonvivant», свѣтскій человѣкъ, остроумный, легкомысленный, скептикъ, способный къ увлеченіямъ, энергическій и нерѣшительный, готовый на хорошее, какъ на дурное, эгоистъ по принципу и великодушный порывами, проживалъ свои доходы съ аккуратностью и веселился по правиламъ гигіены. Равнодушный и страстный, онъ легко воспламенялся и скоро охладѣвалъ; самые противуположные инстинкты боролись въ немъ и онъ повиновался всѣмъ безъ исключенія, но въ концѣ концовъ въ немъ всегда бралъ верхъ разсудокъ парижанина, который себѣ на умѣ, и логика котораго, какъ у флюгарки, заключается въ томъ, чтобы всегда поворачиваться въ сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, и пользоваться всѣми обстоятельствами, не давая себѣ труда создавать ихъ.

Его товарищъ, Леонъ Саваль, тоже богатый, былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ колоссовъ, на которыхъ заглядываются женщины на улицахъ. Онъ походилъ на живой монументъ, и былъ такъ же породистъ и типиченъ, какъ тѣ образцовыя произведенія и модели, что являются на выставкахъ. Онъ былъ даже слишкомъ красивъ, слишкомъ великъ, слишкомъ толстъ, онъ грѣшилъ избыткомъ хорошихъ качествъ и вскружилъ голову безчисленному множеству женщинъ.

Когда они подходили къ «Vaudeville», онъ спросилъ:

— Ты предупредилъ эту даму о своемъ намѣреніи представить меня ей?

Сервиньи разсмѣялся.

— Предупреждать маркизу Обарди! Развѣ ты предупреждаешь кучера омнибуса, что сядешь въ его экипажъ на углу бульвара?—Саваль, сбитый немного съ толку, спросилъ:

— Да ктожъ она такая въ сущности,—эта барыня?

И пріятель отвѣчалъ:

— Выскочка, прелестная авантюристка, появившаяся въ одинъ прекрасный день богъ вѣсть откуда, но умѣющая съ шикомъ жить. Да и какое намъ дѣло! Говорятъ, что ея настоящее имя, ея дѣвическое имя, такъ какъ она такъ и осталась дѣвой,—только конечно не невинной,—Октавія Барденъ, и изъ этого она произвела сокращенно Обарди.

— Она, впрочемъ, очень милая женщина, и ты неизбѣжно сдѣлаешься ея любовникомъ, благодаря своей наружности. Нельзя безнаказанно ввести Геркулеса въ Мессалинѣ. Прибавлю, что хотя доступъ въ этотъ домъ такъ же легокъ какъ на любой базаръ, но вовсе не обязательно покупать то, что на немъ продается. Тамъ занимаются любовью и картежной игрой, но не принуждаютъ ни къ тому, ни къ другому. Выходъ такъ же свободенъ, какъ и входъ. Она поселилась въ кварталѣ de l'Etoile, кварталѣ подозрительномъ, года три тому назадъ, и открыла свои салоны для той континентальной шушеры, которая является въ Парижъ изощряться въ своихъ разнообразныхъ, опасныхъ и преступныхъ талантахъ.

— Я познакомился съ нею! Какимъ образомъ? Не помню. Я бываю тамъ, какъ и всѣ мы, потому что тамъ играютъ въ карты, потому что женщины тамъ легкихъ нравовъ, а мужчины безчестны. Я люблю этотъ міръ флибустьеровъ, увѣшанныхъ разнообразными иностранными орденами. Всѣ они благородны, всѣ титулованы, всѣ неизвѣстны въ своихъ посольствахъ, за исключеніемъ шпіоновъ. Всѣ толкуютъ про честь ни къ селу, ни къ городу, хвалятся своими предками неизвѣстно къ чему, повѣствуютъ обстоятельства своей жизни, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ, лгутъ, хвастаютъ, плутуютъ въ картахъ, бываютъ храбры по неволѣ, на манеръ убійцъ, которые не могутъ же грабить людей, не подвергая опасности свою жизнь. Короче сказать: это осторожная аристократія. Я ихъ обожаю. Ихъ интересно раскусить, изучить, забавно слышать. Они часто остроумны и никогда не бываютъ банальны, какъ французскіе чиновники. Ихъ жены всегда хорошенькія и съ какимъ-то привкусомъ иностраннаго проходимства, благодаря таинственному прошлому, протекшему, быть можетъ, въ исправительномъ домѣ. У нихъ вообще чудные глаза и несравненные волосы. Наружность, подходящая вполнѣ къ ихъ роли; ихъ грація опьяняетъ, ихъ прелесть толкаетъ на безразсудные поступки, ихъ порочное очарованіе непреодолимо! Онѣ всѣ завоевательницы на манеръ прежнихъ кондотьеровъ, хищныя животныя, настоящія самки хищныхъ птицъ. Я ихъ также обожаю.

Маркиза Обарди типъ этихъ изящныхъ плутовокъ; особа зрѣлыхъ лѣтъ, но все еще прекрасная, очаровательная кошечка; видно, что она порочна до мозга костей. У ней очень весело проводятъ время: играютъ въ карты, танцуютъ, ужинаютъ... словомъ, пользуются всѣми развлеченіями свѣтской жизни.

Леонъ Саваль спросилъ:

— Ты былъ ея любовникомъ?—и, можетъ быть, и теперь еще состоишь имъ?

Сервиньи отвѣчалъ:

— Не былъ,—и никогда не буду. Я ѣзжу главнымъ образомъ для дочери.

— Ахъ!—у нея есть дочь?

— Есть ли у нея дочь? Настоящій перлъ, mon cher! Это главная приманка въ этомъ вертепѣ. Высокаго роста, красавица восемнадцати лѣтъ, совершенная блондинка, въ противоположность матери, которая совершенная брюнетка, всегда весела, всегда готова рѣзвиться; хохочетъ безъ умолку и танцуетъ до одури. Кому она достанется? — кому она принадлежала? Неизвѣстно. Насъ человѣкъ десять, чающихъ движенія воды. Такая дочь у такой женщины, какъ маркиза—это цѣлый капиталъ. А какъ онѣ ловко ведутъ свою игру, эти двѣ бестіи, чудо! Ничего не разберешь. Можетъ быть, онѣ ждутъ: не подвернется ли какой-нибудь претендентъ... болѣе выгодный, нежели я. Но, ручаюсь тебѣ, что поставлю на своемъ, при же первой же возможности. Впрочемъ, долженъ тебѣ признаться, что эта дѣвушка, Иветта, меня сбиваетъ съ толку. Она—загадка. Если она не самое страшное чудовище коварства и испорченности, какое я встрѣчалъ въ въ жизни, то безъ сомнѣнія она настоящій феноменъ невинности, какой когда-либо только существовалъ. Или она помогаетъ планамъ матери съ изумительнымъ искусствомъ, чтобы продавать и перепродавать давно уже несуществующую невинность, или же она не подозрѣваетъ, съ чистой и непорочной безпечностью невинной дѣвушки, о томъ, что творится въ материнскомъ домѣ.

— Красавица изъ ряду вонъ, сложена какъ богиня, восемнадцати лѣтъ, гибкая какъ Діана, изящная во всѣхъ движеніяхъ, царственнаго вида и осанки, она такъ спокойно вращается въ этой подлой средѣ, что это можетъ быть только наивная безмятежность невинной души или безстыдное нахальство. Изумительный отпрыскъ авантюристки, выросшій на навозѣ, подобно рѣдкому растенію, или же дочь какого-нибудь породистаго человѣка, какого-нибудь великаго артиста или вельможи, принца или короля, невозможно понять, что она такое, ни того, что она думаетъ, какъ нельзя предвидѣть, чѣмъ она будетъ. Но вотъ увидишь самъ.

Саваль засмѣялся и сказалъ:

— Ты влюбленъ.

— Нѣтъ. Я въ числѣ претендентовъ,—а это совсѣмъ не то. Впрочемъ, я представлю тебѣ самыхъ опасныхъ изъ своихъ со-

перниковъ. Но у меня есть шансы, мнѣ оказываютъ замѣтное предпочтеніе.

Саваль повторилъ:

— Ты влюбленъ.

— Нѣтъ. Она меня волнуетъ и привлекаетъ, смущаетъ, очаровываетъ и пугаетъ. Я опасаюсь ея, какъ западни, и мнѣ хочется овладѣть ею такъ же, какъ хочется выпить сорбетъ, когда жарко. Я очарованъ ею и вмѣстѣ съ тѣмъ съ опасеніемъ подхожу къ ней, какъ къ человѣку, въ которомъ подозрѣваешь ловкаго вора. Когда я около нея, я готовъ безразсудно вѣрить въ ея невинность и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаю благоразумное недовѣріе къ ея непочтенности, которая столько же вѣроятна, какъ и ея невинность. Я чувствую, что вблизи меня находится существо ненормальное, внѣ обычныхъ рамокъ, существо прелестное или омерзительное. Не знаю.

Саваль произнесъ въ третій разъ:

— Говорю тебѣ, что ты влюбленъ. Ты говоришь о ней съ напыщенностью поэта и лиризмомъ трубадура. Поскорѣй вникни въ свои чувства, испытай свое сердце и сознайся.

Сервиньи прошелъ нѣсколько шаговъ, не говоря ни слова, затѣмъ продолжалъ:

— Можетъ быть, можетъ быть; во всякомъ случаѣ она меня очень занимаетъ. Да, я, пожалуй, влюбленъ. Я слишкомъ много о ней думаю. Я засыпаю и просыпаюсь съ мыслью о ней... Это опасный признакъ. Образъ ея меня неотступно преслѣдуетъ. Что это любовь или простое физическое увлеченіе? Мнѣ стоитъ только закрыть глаза и я ее вижу передъ собой, какъ живую. Мнѣ кажется, что частица ея существа слилась съ моимъ существомъ, я ощущаю ее въ своей крови, въ своей плоти; черты ея запечатлѣлись въ моей душѣ, голосъ ея непрерывно звучитъ въ моихъ ушахъ. У меня сердце бьется всякій разъ, какъ я ее увижу, я этого не отрицаю. Слѣдовательно, я ее люблю, но очень странно. Я желаю обладать ею, но мысль жениться на ней показалась бы мнѣ безуміемъ, глупостью, чудовищностью. Я трепещу ея, какъ птица, надъ которой паритъ коршунъ. И при этомъ я ее ревную, ревную ко всему, чего я въ ней не понимаю. И постоянно спрашиваю себя:—что это?—прелестная шалунья?—или скверная дѣвчонка?

— Она говоритъ вещи, отъ которыхъ покраснѣетъ солдатъ, но вѣдь и попугаи тоже. Она иногда бываетъ до того безстыдна, что я готовъ вѣрить въ ея безпорочную невинность. Порою же

ея наивность до того невѣроятна, что я сомнѣваюсь, чтобы она когда-либо была цѣломудренна.

— Она дразнитъ, волнуетъ меня какъ куртизанка и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегаетъ себя, какъ весталка. Она какъ будто любитъ меня и смѣется надо мной. Она ведетъ себя въ публикѣ такъ, какъ еслибы была моей любовницей, а наединѣ обращается со мной какъ съ братомъ или лакеемъ. Иногда мнѣ представляется, что у нея было столько же любовниковъ, какъ у матери. Иногда же мнѣ кажется, что она совсѣмъ не знаетъ жизни, то-есть, понимаешь, ровно ничего не знаетъ, и сдѣлаетъ какое-нибудь безумство, когда узнаетъ истину.

— Что до меня касается, то я жду. Несомнѣнно съ одной стороны, что ни къ одной еще женщинѣ я не питалъ такого пристрастія, какъ къ этой, но еще несомнѣннѣе, что я на ней не женюсь. Итакъ, если у нея были любовники, то я увеличу собой ихъ ряды. Если же нѣтъ, то буду № 1, какъ въ омбусахъ. Дѣло просто. Она, конечно, не выйдетъ замужъ. Кто же женится на дочери маркизы Обарди, на дочери Октавіи Барденъ? Никто, по тысячѣ причинъ.

— Гдѣ она найдетъ себѣ мужа? Въ свѣтѣ никогда. Домъ ея матери не что иное, какъ публичное учрежденіе, а дочь служитъ приманкой. При такихъ условіяхъ нельзя жениться.

— Между буржуазіей? И того меньше, къ тому же маркиза не такая женщина, чтобы допустить невыгодную сдѣлку, и отдастъ Иветту только за человѣка съ весьма значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, котораго, конечно, не найдетъ.

— Значитъ, между простолюдинами? Всего меньше. Слѣдовательно исхода нѣтъ. Эта дѣвица не принадлежитъ ни къ свѣту, ни къ буржуазіи, ни къ народу. Она не можетъ вступить посредствомъ брака ни въ одинъ изъ этихъ классовъ общества. Она принадлежитъ по своей матери, по своему рожденію, по своему воспитанію, по наслѣдственности въ манерахъ, въ привычкахъ, къ золотой проституціи. Она не можетъ избѣжать ея, развѣ пойдетъ въ монастырь, чего нельзя ждать, принимая во вниманіе ея манеры и вкусы. Для нея открыта, значитъ, только одна профессія: любовь. Она къ ней придетъ, если только не пришла. Она можетъ уклониться отъ своей судьбы. Изъ молодой дѣвушки она превратится только въ одно. И я бы желалъ быть поводомъ къ этому превращенію. Я жду.

— Претендентовъ много. Ты увидишь тамъ француза, де-Бельвинь, одного русскаго князя и итальянца, кавалера Вальреали, выступившихъ рѣшительными кандидатами и дѣйствую-

щими въ этомъ смыслѣ. Кромѣ того, мы насчитываемъ вокругъ нея много мародёровъ. Маркиза сторожитъ. Но мнѣ кажется, что она имѣетъ виды на меня. Она знаетъ, что я очень богатъ.

— Впрочемъ, салонъ ея самый необыкновенный изъ всѣхъ подобныхъ. Въ немъ встрѣчаются даже очень порядочные люди: вотъ мы съ тобой идемъ туда, и мы не одни. Что касается женщинъ, то она привлекла самыхъ отборныхъ между грабительницами. Гдѣ она ихъ откопала? неизвѣстно. Этотъ міръ соприкасается съ міромъ настоящихъ кокотокъ, соприкасается съ міромъ забулдыгъ, словомъ стоитъ на границѣ всего этого. Она придумала геніальную вещь: принимать только такихъ авантюристокъ, у которыхъ есть дѣти, такъ что иной дуракъ воображаетъ, что находится среди порядочныхъ женщинъ!

Они дошли до конца Елисейскихъ полей. Легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями деревъ и порою вѣялъ въ лицо, точно громадный вѣеръ, привѣшенный гдѣ-то въ небѣ. Молчаливыя тѣни бродили подъ деревьями. Другія образовали темныя пятна на скамейкахъ.

И эти тѣни что-то шептали другъ другу, точно повѣряли важныя или постыдныя тайны.

Сервиньи продолжалъ:

— Ты не можешь себѣ представить, какую фантастическую коллекцію титуловъ встрѣчаешь въ этомъ вертепѣ. Кстати, знаешь, что я представлю тебя подъ именемъ графа Саваля. Просто Саваль было бы неприлично.

Пріятель возсталъ противъ этого.

— Нѣтъ, не хочу! ни за что не хочу, чтобы кто-нибудь воображалъ, хотя бы только въ продолженіе одного вечера, и даже въ этомъ обществѣ, что у меня есть смѣшная слабость щеголять небывалымъ титуломъ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что.

Сервиньи засмѣялся.

— Ты глупъ. Я, напримѣръ, слыву въ этомъ обществѣ герцогомъ де-Сервиньи. Не знаю, кто и зачѣмъ окрестилъ меня такъ, но какъ бы то ни было, а тамъ меня величаютъ герцогомъ де-Сервиньи. И я не жалуюсь и не протестую. Мнѣ это не мѣшаетъ. Безъ этого меня бы страшно презирали.

Но Саваль не убѣждался этими доводами.

— Ты дворянинъ, это другое дѣло. Это еще куда ни шло. Но что до меня касается, то ни за что, ни за что. Я буду единственнымъ плебеемъ въ этомъ салонѣ. Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше. Это будетъ моимъ отличительнымъ признакомъ и... моимъ преимуществомъ.

Сервиньи настаивалъ.

— Увѣряю тебя, что это невозможно, совсѣмъ, совсѣмъ невозможно; слышишь, это покажется просто чудовищнымъ. Ты явишься лавочникомъ среди императоровъ. Предоставь мнѣ все дѣло. Еслибы я представилъ тебя, какъ вице-короля Верхняго Миссисипи, такъ и это никого бы не удивило. Когда напускаешь на себя величіе, то чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

— Хорошо. Но я право глупъ, что уговариваю тебя. Обѣщаю тебѣ, что тебя облагородятъ, какъ только что ты переступишь за порогъ дома. Попробуй войти туда безъ титула, который тамъ прицѣпляютъ къ людямъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ даютъ букеты фіалокъ дамамъ при входѣ. Предоставь все дѣло лакеямъ. Они вымуштрованы, вотъ увидишь, я повторю только то имя, которое они прокричатъ.

Они повернули направо, въ улицу Берри, поднялись въ первый этажъ прекраснаго дома и сдали четыремъ ливрейнымъ лакеямъ свои пальто и тросточки. Жаркій воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ, благовонныхъ куреній, и изъ сосѣднихъ комнатъ долеталъ смутный и непрерывный гулъ голосовъ. Слышно было, что тамъ много народа.

Человѣкъ въ родѣ какъ бы церемоніймейстера, высокій, прямой, пузатый старикъ, съ лицомъ, обрамленнымъ бѣлыми бакенбардами, подошелъ къ прибывшимъ и съ короткимъ и надменнымъ поклономъ, спросилъ:

— Какъ прикажете о васъ доложить?

— Сервиньи, г. Саваль.

Тутъ человѣкъ отворилъ дверь, звучно прокричалъ въ толпу гостей:

— Герцогъ де-Сервиньи.

— Баронъ де-Саваль.

Въ первомъ салонѣ была толпа женщинъ. Прежде всего бросались въ глаза выставки голыхъ плечъ надъ грудою яркихъ матерій.

Хозяйка дома, разговаривавшая стоя съ тремя подругами, обернулась и пошла на-встрѣчу гостямъ съ величественной граціей въ походкѣ и улыбкой на губахъ.

Ея узкій и очень низкій лобъ былъ покрытъ цѣлой гривой густыхъ, какъ шерсть и блестящихъ черныхъ волосъ, набѣгавшихъ на самые виски.

Она была высокаго роста, слишкомъ полна, слишкомъ жирна, перезрѣла, но очень хороша жаркой, мощной красотой. Изъ-

подъ шлема волосъ, повергавшаго въ мечтательное состояніе, срывавшаго невольную улыбку и сообщавшаго ей какую-то таинственную прелесть, сверкали огромные и тоже черные глаза. Носъ былъ слишкомъ тонокъ, ротъ слишкомъ великъ, но очарователенъ и созданъ для того, чтобы говорить и побѣждать.

Но главной ея прелестью былъ голосъ. Онъ вылеталъ изъ ея груди, какъ вода изъ фонтана, естественно, легко, благозвучно, звонко, такъ что слушать его доставляло физическое наслажденіе. Сладокъ былъ для ушей звукъ ея серебристыхъ словъ, напоминавшихъ журчаніе ручейка, а глазамъ пріятно было глядѣть, какъ разверзалися ея алыя губы, пропуская слова.

Она протянула руку Сервиньи, который ее поцѣловалъ, и подала другую, выронивъ изъ нея вѣеръ на золотой цѣпочкѣ, Савалю, говоря:

— Милости просимъ, баронъ. Друзья герцога здѣсь какъ у себя дома,—и впилась сверкающимъ взглядомъ въ представленнаго ей колосса. Верхняя губа у ней была покрыта легкимъ чернымъ пушкомъ, который казался темнѣе, когда она говорила. Отъ нея пахло сильными, одурманивающими духами, добытыми, вѣроятно, изъ Америки или изъ Индіи.

Другія лица входили, все маркизы, графы и князья.

Она сказала Сервиньи съ материнской ласковостью:

— Дочь моя въ слѣдующей гостиной. Веселитесь, господа, будьте, какъ дома.

И оставила ихъ, чтобы идти здороваться съ другими гостями, бросивъ на Саваля улыбающійся изъ-подъ рѣсницъ взглядъ, которымъ женщины даютъ знать, что мужчина имъ нравится.

Сервиньи взялъ своего пріятеля подъ руку.

— Я буду твоимъ кормчимъ. Здѣсь, въ этой гостиной, всѣ женщины не что иное, какъ живой товаръ, болѣе или менѣе свѣжій, случайнаго привоза, по очень дорогой цѣнѣ и отпускаемый на срокъ. Налѣво играютъ въ карты. Тамъ—храмъ мамона. Тебѣ это знакомо. Прямо передъ нами танцовальная зала. Это храмъ невинности, святилище, базаръ, гдѣ торгуютъ молодыми дѣвушками. Тамъ выставляютъ на показъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ смыслахъ произведенія этихъ дамъ. Тамъ согласны были бы и на законные браки. Тамъ будущее, надежда... нашихъ ночей. И всего любопытнѣе, пожалуй, въ этомъ музеѣ нравственныхъ болѣзней, эти дѣвочки, душа которыхъ такъ же развинчена, какъ члены у маленькихъ клоуновъ, родившихся отъ родителей-акробатовъ. Пойдемъ, взглянемъ на нихъ.

Онъ раскланивался направо, налѣво, любезный, расточая комплименты, окидывая взглядомъ знатока каждую знакомую ему и декольтированную женщину.

Въ танцовальной залѣ оркестръ игралъ вальсъ и они остановились въ дверяхъ, чтобы поглядѣть на танцующихъ. Паръ пятнадцать кружилось, мужчины съ серьезными лицами, женщины съ застывшей улыбкой на губахъ. Онѣ были такъ же откровенно декольтированы какъ и ихъ мамаши, и вмѣсто рукавовъ служила узкая ленточка, ничего не прикрывавшая.

Вдругъ съ противоположнаго конца комнаты ринулась впередъ высокая дѣвушка, расталкивая публику, танцоровъ и поднимая лѣвой рукой безконечный шлейфъ своего платья. Она бѣжала мелкими шажками, какъ бѣгаютъ женщины въ толпѣ и кричала:

— Ахъ! вотъ и Мюскадъ! здравствуйте, Мюскадъ!

Лицо ея радостно сіяло и вся она насквозь свѣтилась счастіемъ. Тѣло ея бѣлое, съ золотистымъ оттѣнкомъ, какъ у рыжихъ, тоже какъ будто сіяло. А на головѣ горѣла масса волосъ огненнаго цвѣта, заплетенныхъ въ толстыя косы, давившія ей лобъ и гибкую, еще худенькую шейку.

Она, казалось, создана для движенія, какъ ея мать для разговора. Двигаясь, она какъ будто исполняла какое-то важное и прекрасное дѣло, до того всѣ ея жесты были естественны, благородны и просты. Казалось, что испытываешь нравственное удовольствіе и физическую пріятность, глядя, какъ она ходитъ, шевелится, наклоняетъ голову, поднимаетъ руку.

Она повторяла:

— Ахъ! Мюскадъ! здравствуйте, Мюскадъ!

Сервиньи крѣпко пожалъ ей руку точно мужчинѣ и представилъ:

— Мамзель Иветта, вотъ мой другъ баронъ Саваль.

Она поклонилась незнакомцу, затѣмъ взглянула на него:

— Здравствуйте. Вы всегда такой большой?

Сервиньи отвѣчалъ тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ нею, чтобы прикрыть свое недовѣріе и колебанія.

— Нѣтъ, мамзель Иветта. Сегодня онъ принялъ самый большой свой размѣръ, чтобы понравиться вашей мамашѣ, которая любитъ великановъ.

Молодая дѣвушка отвѣчала съ комической серьезностью:

— Хорошо, если такъ. Но только когда вы вздумаете пріѣхать для меня, то пожалуйста станьте поменьше. Я люблю се-

редину во всемъ. Вотъ, посмотрите: Мюскадъ какъ разъ въ моемъ вкусѣ.

И она протянула Савалю свою маленькую ручку.

Потомъ спросила:

— Вы танцуете сегодня, Мюскадъ? Хотите туръ вальса?

Не отвѣчая, быстрымъ, пылкимъ движеніемъ Сервиньи охватилъ ее за талію и они тотчасъ же закружились по комнатѣ.

Они казались неутомимы. Остальные танцоры мало-по-малу отставали. Они остались одни на паркетѣ и кружились безъ конца. Казалось, они сами не помнятъ больше, гдѣ они и чтó дѣлаютъ. Въ какомъ-то экстазѣ они унеслись куда-то далеко отъ всего окружающаго. Оркестръ игралъ, слѣдя глазами за этой бѣшеной парой и всѣ на нихъ глядѣли. Когда они, наконецъ, остановились, имъ стали апплодировать. Она теперь раскраснѣлась и въ глазахъ появилось странное выраженіе, страстное и застѣнчивое, не такое смѣлое, какъ передъ тѣмъ, съ такими расширенными зрачками, что глаза казались ненатуральными.

Сервиньи былъ точно пьянъ. Онъ прислонился къ двери, чтобы придти въ себя.

Она сказала ему:

— Что? закружилась голова, бѣдный Мюскадъ? я покрѣпче васъ.

Онъ нервно улыбался и пожиралъ ее глазами съ животнымъ выраженіемъ страсти въ глазахъ и складкахъ рта.

Она стояла прямо передъ нимъ, съ открытой грудью, быстро и часто дышавшей отъ сильнаго движенія.

— Бываютъ минуты, когда вы похожи на кошку, готовую броситься на человѣка,—продолжала она.—Дайте мнѣ вашу руку и пойдемъ разъищемъ вашего пріятеля.

Не говоря ни слова, онъ подалъ ей руку. И они прошли черезъ всю залу.

Саваль былъ уже не одинъ. Маркиза Обарди подошла къ нему. Она говорила ему разный свѣтскій вздоръ тѣмъ очаровательнымъ голосомъ, который опьянялъ, какъ вино.

И глядя ему прямо въ глаза, она какъ будто мысленно говорила ему совсѣмъ другое.

Когда она увидѣла Сервиньи, ея лицо приняло совсѣмъ другое выраженіе и, обернувшись къ нему, она сказала:

— Знаете, cher duc, я наняла дачу въ Буживалѣ и проведу на ней два мѣсяца. Я надѣюсь, что вы будете навѣщать меня. Приводите съ собою вашего друга. Я переѣзжаю въ поне-

дѣльникъ. Пріѣзжайте пожалуйста въ будущую субботу обѣдать и проведите у меня все воскресенье.

Сервиньи быстро повернулъ голову къ Иветтѣ. Она улыбнулась, спокойная, и сказала съ увѣренностью, не допускавшей никакихъ колебаній:

— Разумѣется, Мюскадъ пріѣдетъ обѣдать въ субботу. Не стоитъ и упрашивать. Мы будемъ всячески дурачиться въ деревнѣ.

Ему показалось, что въ ея улыбкѣ есть что-то многообѣщающее, и какое-то особенное выраженіе въ голосѣ.

Тутъ маркиза подняла свои огромные черные глаза на Саваля.

— И вы также, баронъ?—улыбнулась она.

И въ ея улыбкѣ не было ничего загадочнаго.

Онъ поклонился.

— Я буду очень радъ.

Иветта продолжала съ наивной или коварной шаловливостью:

— Мы всѣхъ такъ скандализируемъ,—не правда ли, Мюскадъ,—и приведемъ въ ярость мой полкъ.

И она искоса взглянула на нѣсколькихъ мужчинъ, издали наблюдавшихъ за ними.

Сервиньи отвѣчалъ:

— Все что вамъ угодно, мамзель Иветта.

Говоря съ ней, онъ никогда не говорилъ «мадемуазель», но всегда мамзель, для пущей фамильярности и панибратства.

Саваль спросилъ:

— Почему это вы постоянно зовете моего друга Сервиньи Мюскадомъ?

Молодая дѣвушка отвѣчала съ невиннымъ видомъ:

— Потому что онъ постоянно выскальзываетъ у васъ изъ рукъ. Только-что думаешь его поймать анъ нѣтъ, не тутъ-то было.

Маркиза произнесла небрежно, очевидно, думая о другомъ и не сводя глазъ съ Саваля.

— Эти дѣти!—какіе они смѣшные!

Иветта разсердилась.

— Я не смѣшная. Я откровенная. Мюскадъ мнѣ нравится, а самъ постоянно меня бросаетъ, это просто несносно.

Сервиньи низко поклонился:

— Отнынѣ я не буду отходить отъ васъ, мамзель Иветта, ни днемъ, ни ночью.

У ней вырвался жестъ испуга.

— Упаси Богъ!—днемъ я согласна, но ночью вы мнѣ будете только мѣшать.

Онъ дерзко спросилъ:

— Почему же?

Она отвѣчала съ спокойной смѣлостью:

— Потому что вы не должны быть такой же интересный «en deshabillé».

Маркиза, нисколько не волнуясь, вскричала:

— Господи, какіе они говорятъ ужасы! Такая наивность просто непозволительна!

Сервиньи насмѣшливо прибавилъ:

— И я того же мнѣнія, маркиза.

Иветта взглянула на него и высокомѣрнымъ, оскорбленнымъ тономъ произнесла:

— Вы сказали грубость. Съ нѣкоторыхъ поръ это съ вами часто случается.

И отвернувшись, закричала:

— Кавалеръ, придите ко мнѣ на помощь, меня оскорбляютъ.

Худощавый, смуглый господинъ, медлительный въ своихъ движеніяхъ, подошелъ.

— Кто же виноватый? — спросилъ онъ съ принужденной улыбкой.

Она кивнула головой на Сервиньи.

— Вотъ онъ, но все-таки я люблю его больше всѣхъ, потому что онъ не такой скучный.

Кавалеръ Вальреали поклонился:

— Мы стараемся изо всѣхъ силъ угодить вамъ. Быть можетъ, мы не такъ умны, но такъ же преданы.

Въ эту минуту приблизился высокій, пузатый господинъ съ сѣдыми бакенбардами, громко произнося:

— Вашъ покорный слуга, мадемуазель Иветта!

Она вскричала:

— Ахъ, m-r де-Бельвинь!

И повернувшись къ Савалю, представила:

— Мой претендентъ по всей формѣ: высокъ, толстъ, богатъ и глупъ. Я люблю такихъ именно. Настоящій тамбуръ-мажоръ... табль-дота. Боже! да вы еще выше, чѣмъ онъ! Какъ же мнѣ, окрестить васъ послѣ того? Прекрасно! я буду звать васъ m-r Родосъ-сынъ, такъ какъ колоссъ родосскій былъ, конечно, вашъ отецъ. Но вамъ, вѣрно, интересно поговорить другъ съ другомъ черезъ головы остальныхъ. Прощайте.

И пошла къ оркестру просить сыграть кадриль.

M-me Обарди казалась разсѣянной.

Она медленно сказала Сервиньи, очевидно, затѣмъ только, чтобы не молчать:

— Вы постоянно ее дразните. Вы разовьете въ ней дурной характеръ и всякія дурныя качества.

Онъ отвѣтилъ:

— Вы, значитъ, не докончили ея воспитанія?

Она какъ будто не поняла и продолжала привѣтливо улыбаться. Но тутъ увидѣла торжественнаго господина, всего изукрашеннаго звѣздами и крестами, и побѣжала ему на встрѣчу:

— Ахъ! князь! князь!—какъ я рада!

Сервиньи опять взялъ подъ руку Саваля и, уводя его, сказалъ:

— Вотъ послѣдній серьезный претендентъ, князь Кравалонъ.—Неправда ли, что она великолѣпна?

Саваль отвѣчалъ:

— Я нахожу, что онѣ обѣ великолѣпны. Я готовъ удовольствоваться мамашей.

Сервиньи поклонился ему:

— На здоровье, mon cher!

Танцоры толкали ихъ, размѣщаясь для кадрили.

— Теперь пойдемъ взглянуть на шулеровъ,—сказалъ Сервиньи.

И они вошли въ игорную комнату, гдѣ вокругъ карточныхъ столовъ толпились мужчины и глядѣли. Говорили мало и по временамъ слышался стукъ золота, бросаемаго на сукно, и звонъ металла сливался съ ропотомъ человѣческихъ голосовъ, точно деньги тоже заявляли свое мнѣніе среди людского говора.

Всѣ эти господа были въ орденахъ, и съ строгими лицами. Ихъ можно было различить главнымъ образомъ по бородамъ. Накрахмаленный американецъ съ бородой въ формѣ лошадиной подковы. Высокомѣрный англичанинъ съ вѣероподобной растительностью на лицѣ, закрывавшей грудь. Испанецъ съ густой щеткой черныхъ волосъ до самыхъ глазъ. Римлянинъ съ громадными усами, которыми надѣлилъ Италію Викторъ-Эммануилъ. Австріецъ съ бакенбардами въ видѣ котлетъ и пробритымъ подбородкомъ. Русскій генералъ съ усами въ видѣ двухъ толстыхъ піявокъ и французы съ ухарски закрученными усиками свидѣтельствовали о фантазіяхъ цирульниковъ всего міра.

— Ты не будешь играть?—спросилъ Сервиньи.

— Нѣтъ.—А ты?

— Здѣсь, никогда!—хочешь домой?

— Мы придемъ сюда въ другой разъ, когда будетъ потише.

Сегодня слишкомъ много народу. Ничего нельзя сдѣлать. Поѣдемъ.—И они исчезли въ дверяхъ, ведшихъ въ сѣни.

Какъ только они очутились на улицѣ, Сервиньи спросилъ:

— Ну, что скажешь?

— Интересно въ самомъ дѣлѣ. Но женщины тамъ мнѣ больше по вкусу, нежели мужчины.

— Еще бы. Тамъ женщины первый сортъ въ своемъ родѣ. Ты не находишь, что у нея въ домѣ пахнетъ любовью, какъ у куаферовъ духами. Право, это единственные дома, гдѣ веселятся взаправду за свои деньги! И какія артистки, mon cher! Ѣдалъ ли ты когда-нибудь сладкіе пирожки изъ булочной? На видъ они кажутся вкусны, но ни куда не годятся. Человѣкъ, который ихъ готовилъ, умѣетъ печь только хлѣбы. Ну вотъ, любовь свѣтскихъ женщинъ всегда напоминаетъ мнѣ эти дрянныя булочныя-пирожныя, тогда какъ любовь, которую ты найдешь у m-me Обарди, это, mon cher, настоящее лакомство. О! у нея умѣютъ готовить пирожки! Ты заплатишь тамъ пять су за то, что въ другомъ мѣстѣ стоитъ два су, вотъ и вся разница.

Саваль спросилъ:

— Кто любовникъ маркизы въ настоящую минуту?

Сервиньи пожалъ плечами.

— Право не знаю.—Послѣдній, котораго знали, былъ англійскій пэръ, и уѣхалъ три мѣсяца тому назадъ. Теперь она, должно быть, живетъ доходами со многихъ, или же картами. Но скажи же мнѣ, такъ мы навѣрно обѣдаемъ въ Буживалѣ въ субботу? На дачѣ свободнѣе живется и я наконецъ узнаю, чтó думаетъ Иветта.

Саваль отвѣчалъ:

— Охотно.—Я свободенъ въ этотъ день.

Возвращаясь черезъ елисейскія поля, при свѣтѣ звѣздъ, они спугнули парочку, размѣстившуюся на скамейкѣ. И Сервиньи пробормоталъ:

— Какой пустякъ, и какая важная вмѣстѣ съ тѣмъ вещь! Какъ банальна, и вмѣстѣ занимательна любовь! Какъ она одинакова и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразна! И какая разница между этимъ нищимъ, который платитъ двадцать су женщинѣ за то самое, за что я заплачу десять тысячъ франковъ какой-нибудь Обарди, и мною? Какъ все это глупо!

Онъ помолчалъ нѣкоторое время и затѣмъ проговорилъ:

— Все-равно, славная вещь быть первымъ любовникомъ Иветты. За это я бы далъ... я бы далъ...

Онъ такъ и не сказалъ, что бы далъ. И Саваль простился съ нимъ на углу улицы Рояль.

II.

На верандѣ, возвышавшейся надъ рѣкой, только что накрыли на столъ.

Вилла «Printemps», нанятая маркизой Обарди, была расположена на срединѣ холма, какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сена дѣлаетъ поворотъ и протекаетъ у стѣнъ сада, по направленію къ Марли.

Напротивъ дачи островъ Круасси замыкалъ горизонтъ стѣной высокихъ деревъ, цѣлой массой зелени, а вдоль рѣки глазъ свободно разгуливалъ до самой кофейни Гренульеръ, закутанной въ зелени.

Наступалъ вечеръ, ясный и прелестный какъ и всегда на берегу рѣки, когда воздухъ тихъ, а небо ярко окрашено и когда невольно вѣрится въ счастіе. Никакой вѣтерокъ не шелестилъ листьями, никакая рябь не волновала гладкой поверхности Сены. Не было однако жарко, было только тепло; сладко жилось на свѣтѣ. Благодѣтельная свѣжесть влажныхъ береговъ поднималась въ ясное небо.

Солнце уходило за деревьями въ другія страны и земля, уже засыпавшая, казалось, замирала въ блаженствѣ; казалось, что и самъ сливаешься съ общей гармоніей и лѣнивой нѣгой природы.

Когда вышли изъ гостиной, чтобы сѣсть за столъ, всѣ принялись восхищаться. Умиленная радость сообщилась всѣмъ сердцамъ. Всѣ сознавали, что хорошо пообѣдають среди этой природы, въ виду этой рѣки и вдыхая ароматный и теплый воздухъ.

Маркиза оперлась на руку Саваля, а Иветта на руку Сервиньи. Они были только вчетверомъ.

Обѣ женщины были совсѣмъ другія, нежели въ Парижѣ. Въ особенности Иветта. Она мало говорила и казалась серьезной и какъ бы утомленной.

Саваль, не узнавшій ее, спросилъ:

— Что съ вами? Я нахожу, что вы очень перемѣнились въ одну недѣлю. Вы стали очень благоразумной особой.

Она отвѣчала:

— Это вліяніе деревни. Я чувствую, что стала совсѣмъ другая. Мнѣ самой странно. Впрочемъ, я никогда не бываю одинакова два дня сряду. Сегодня я буду похожа на полоумную, а завтра превращусь въ настоящую элегію. Я мѣняюсь съ погодой, сама не знаю почему. Знаете, я на все способна, смотря по на-

строенію минуты; бываютъ дни, когда я готова была бы убить человѣка, но не животное, животное я бы не могла убить, но человѣка могла бы; въ другой же разъ я плачу отъ пустяковъ. Мнѣ лѣзутъ въ голову самыя разнообразныя мысли. Это зависитъ отъ того, съ какой ноги встанешь по утру. Каждый день, просыпаясь, я могу впередъ сказать, какою буду до вечера. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что намъ снится ночью.

Она была одѣта въ бѣломъ фланелевомъ платьѣ, которое нѣжно облекало ее своими мягкими складками. Широкій корсажъ со складками не стѣснялъ грудь, уже вполнѣ развитую, а тонкое горло выдѣлялось изъ пѣны бѣлыхъ кружевъ, гибкое и нѣжное подъ тяжестью толстыхъ косъ.

Сервиньи не спускалъ съ нея глазъ.

— Вы очаровательны сегодня вечеромъ, мамзель Иветта, — сказалъ онъ.—Я бы желалъ васъ видѣть всегда такою.

Она отвѣчала ему съ обычнымъ задоромъ:

— Не говорите комплиментовъ, Мюскадъ. Я приму ваши слова за нѣчто серьезное и вы можете за это поплатиться.

Маркиза казалась счастливой, очень счастливой. Вся въ черномъ, изящно драпированная въ платьѣ солиднаго покроя, обрисовывавшемъ ея плотную фигуру, съ красной отдѣлкой у корсажа и гирляндой красныхъ гвоздикъ, ниспадавшей съ пояса какъ цѣпь и прикрѣпленной на боку, съ красной розой въ черныхъ волосахъ, она всей своей персоной, своими красными цвѣтами, своимъ тяжелымъ взглядомъ, своимъ медленнымъ голосомъ и рѣдкими жестами производила жгучее впечатлѣніе.

Саваль тоже казался серьезнымъ, задумчивымъ. Время отъ времени онъ перебиралъ рукой свою темную бороду, остроконечной формы, à la Генрихъ III, и казался погруженнымъ въ глубокую думу.

Всѣ молчали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ за рыбой, Сервиньи объявилъ:

— Иногда хорошо помолчать. Часто больше сближаешься съ людьми, когда молчишь, нежели когда говоришь, неправда ли, маркиза?

Она поворотилась въ его сторону и отвѣчала:

— Да,—ваша правда. Такъ пріятно думать заодно о хорошихъ вещахъ.

Она устремила жгучій взглядъ на Саваля, и они нѣсколько секундъ молча, но пристально глядѣли другъ другу въ глаза.

Маленькое, почти незамѣтное движеніе произошло подъ столомъ.

Сервиньи продолжалъ:

— Мамзель Иветта, вы заставите меня думать, что вы влюблены, если будете вы такой тихонькой. Въ кого вы можете быть влюблены, поищемъ вмѣстѣ, хотите? Оставляя въ сторонѣ армію дюжинныхъ вздыхателей, переберу только самыхъ выдающихся изъ нихъ. Вы влюблены, можетъ быть, въ князя Кравалонъ?

При этомъ имени Иветта какъ будто проснулась.

— Мой бѣдный Мюскадъ!—какъ это могло вамъ придти въ голову? Да вѣдь князь похожъ на русскую куклу изъ воскового музея, получившую медаль на парикмахерской выставкѣ.

— Хорошо. Оставимъ князя. Вы, значитъ, избрали виконта де-Бельвинь?—На этотъ разъ она разсмѣялась и спросила:

— Неужели вы можете себѣ представить меня обнимающей за шею Виноградное варенье (она такъ его прозвала, потому что всѣмъ давала прозвища) и шепчущей ему въ носъ:—Милый мой Пьеръ, или обожаемый Педро, или чудный мой Пьетро, голубчикъ Пьерро, подставь своей милой женушкѣ твою славную головищу, я хочу тебя поцѣловать.

Сервиньи объявилъ:

— Двухъ, значитъ, въ сторону. Остается кавалеръ Вальреали, которому маркиза какъ будто покровительствуетъ.

Иветта совсѣмъ развеселилась.

— Плакса-то?—да вѣдь онъ слезоточивъ какъ Магдалина. Онъ провожаетъ всѣ богатые похороны. Мнѣ кажется, что я умираю всякій разъ, какъ онъ на меня взглянетъ.

— Значитъ, вы увлеклись барономъ Саваль, здѣсь присутствующимъ.

— Г. Родосомъ-сыномъ? нѣтъ, — онъ слишкомъ великъ. Мнѣ казалось бы, что я люблю Тріумфальную Арку.

— Но когда-такъ, мамзель Иветта, то несомнѣнно, что вы влюблены въ меня, такъ какъ я единственный изъ вашихъ поклонниковъ, о которомъ не было еще рѣчи. Я, изъ скромности и изъ осторожности, приберегъ себя къ концу. Мнѣ остается васъ поблагодарить.

Она отвѣчала съ веселой граціей:

— Въ васъ влюблена, Мюскадъ? О, нѣтъ,—я васъ очень люблю... но я васъ не люблю... послушайте, я не хочу васъ обезкураживать. Я васъ не люблю... пока. Но у васъ есть шансы... можетъ быть. Мужайтесь, Мюскадъ, будьте преданы, внимательны, покорны, ухаживайте за мной, угождайте мнѣ, исполняйте всѣ мои желанія, старайтесь мнѣ понравиться... и мы увидимъ со временемъ.

— Но, мамзель Иветта, я бы хотѣлъ лучше быть всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вы желаете, потомъ, а не теперь, если вамъ угодно.

Она спросила съ наивнымъ видомъ субретки:

— Когда потомъ?.. Мюскадъ?

— Когда вы докажете мнѣ, что меня любите.

— Положимъ, что я васъ люблю, вы можете этому вѣрить, если желаете...

— Но...

— Ну, молчите, Мюскадъ,—довольно объ этомъ!

Онъ приложилъ руку къ козырьку, по военному, и умолкъ.

Солнце зашло за островъ, но небо пылало, какъ костеръ, и спокойныя воды рѣки, казалось, превратились въ кровь. Отблескъ горизонта окрашивалъ въ красный цвѣтъ дома, людей и всѣ предметы, а пунцовая роза въ волосахъ маркизы казалась каплей пурпура, упавшей съ облаковъ на ея голову. Иветта глядѣла вдаль; мать ея положила какъ бы нечаянно свою руку на руку Саваля, но такъ какъ молодая дѣвушка пошевелилась при этомъ, то маркиза быстро отняла руку и стала поправлять корсажъ.

Сервиньи, глядѣвшій на нихъ, сказалъ:

— Если вамъ угодно, мамзель Иветта, то мы пойдемъ гулять на островъ, послѣ обѣда.

Она обрадовалась этому предложенію:

— О! да, это будетъ прелестно!—мы пойдемъ вдвоемъ, не правдали, Мюскадъ?

— Да, да, мамзель, вдвоемъ.

И опять воцарилось молчаніе. Тишина горизонта, сонный покой вечера усыпляли сердце, тѣло и голосъ. Бываютъ часы спокойствія и раздумья, когда почти невозможно говорить.

Лакеи безшумно служили, пожаръ на небосклонѣ потухалъ и ночь медленно окутывала землю своимъ темнымъ покровомъ.

Саваль спросилъ:

— Вы долго намѣрены пробыть здѣсь?

И маркиза отвѣчала, напирая на каждое слово:

— Да... до тѣхъ поръ, пока я буду чувствовать себя здѣсь счастливой.

Такъ какъ стало совсѣмъ темно, то принесли лампы. Онѣ бросали на столъ странный блѣдный свѣтъ среди глубокаго мрака, царившаго въ пространствѣ, и немедленно налетѣла цѣлая туча мошекъ, сжигавшихъ себя при прикосновеніи съ горячими шарами лампъ и усѣявшихъ скатерть и приборы своими лапками и крылышками точно сѣрой пылью.

Ихъ проглатывали въ винѣ, поѣдали съ соусомъ, хлѣбъ былъ осыпанъ ими, и летучія неизмѣримыя тучи этихъ насѣкомыхъ непрерывно щекотали лицо и руки.

Приходилось безпрестанно выливать вино, закрывать тарелки, ѣсть съ безконечными предосторожностями.

Это забавляло Иветту. Сервиньи старался защитить отъ мошекъ тѣ кушанья, которыя она подносила ко рту, закрывалъ ея стаканъ, разстилалъ надъ ея головой салфетку, точно балдахинъ. Но маркиза пришла въ нервное состояніе и поспѣшила окончить обѣдъ.

Иветта, не забывшая предложенія Сервиньи, сказала:

— Мы идемъ теперь на островъ?

Мать вялымъ голосомъ просила:

— Пожалуйста возвращайтесь скорѣй. Мы васъ проводимъ до парома.

Отправились парами. Молодая дѣвушка и ея пріятель шли впереди и слышали сзади себя, какъ маркиза и Саваль разговаривали тихо, тихо, затѣмъ останавливались на минуту и потомъ опять шли дальше. Кругомъ царствовалъ мракъ; ночь была безпросвѣтная, черная, какъ чернила. Но на небѣ сверкала огненная пыль и какъ будто проливалась въ воду, потому что въ темной рѣкѣ тоже зажигались яркія точки.

Лягушки квакали и ихъ монотонное и раскатистое пѣніе раздавалось вдоль всего берега.

Безчисленные соловьи тоже распѣвали въ тихомъ воздухѣ.

Вдругъ Иветта спросила:

— Что это? ихъ не слышно больше за нами. Гдѣ они?

И позвала:

— Мамаша!

Никто не отвѣтилъ. Молодая дѣвушка продолжала:

— Они не могутъ быть далеко. Я только-что слышала ихъ шаги.

Сервиньи пробормоталъ:

— Они, вѣроятно, вернулись домой. Должно быть, ваша мамаша озябла.

И повелъ ее дальше.

Впереди виднѣлся свѣтъ. То была харчевня Мартине, ресторатора и рыбака. На зовъ гуляющихъ, человѣкъ вышелъ изъ дому и они сѣли въ большую лодку, привязанную къ берегу.

Перевозчикъ взялъ весла, и тяжелая лодка, двигаясь, будила звѣзды, заснувшія въ водѣ, и заставляла ихъ прыгать нѣкоторое время и затѣмъ мало-по-малу успокоиваться.

Они доѣхали до противуположнаго берега и вышли подъ большими деревьями. Влажная свѣжесть, поднимавшаяся отъ земли, царствовала подъ сводомъ густыхъ вѣтвей, на которыхъ, казалось, было столько же соловьевъ, сколько и листьевъ. Вдали на фортепьяно кто-то заигралъ вальсъ.

Сервиньи взялъ руку Иветты и потихоньку обнялъ ее за талію и прижалъ къ себѣ.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ.

— Я?—ни о чемъ. Я очень счастлива.

— Значитъ, вы меня не любите?

— Напротивъ, Мюскадъ. — Я васъ люблю, я васъ очень люблю, только не приставайте ко мнѣ съ этимъ. Такъ хорошо кругомъ, что не до глупостей.

Онъ прижималъ ее къ себѣ, хотя она старалась высвободиться.

Онъ пролепеталъ:

— Иветта!

— Ну что?

— Да вѣдь я-то васъ люблю.

— Вы дурачитесь, Мюскадъ.

— Да нѣтъ же. Я давно уже васъ люблю.

Она дѣлала постоянныя усилія, чтобы оттолкнуть его и они шли отъ этого шатаясь, точно пьяные.

Онъ не находилъ, чтó еще сказать,—понималъ, что съ дѣвушкой нельзя разговаривать какъ съ женщиной; смущенный, не зная чтó теперь предпринять, спрашивалъ себя: согласна она или же не понимаетъ, въ чемъ дѣло, и ломая голову, отыскивалъ такія слова, которыя были бы нѣжны, точны и опредѣленны. Онъ повторялъ время отъ времени:

— Иветта!—послушайте, Иветта!

И вдругъ неожиданно поцѣловалъ ее въ щеку.

Она отсторонилась отъ него и сердито сказала:

— Ахъ!—какъ вы нелѣпы. Оставьте меня въ покоѣ.

По тону ея голоса нельзя было разобрать, чтó она думаетъ, чтó она хочетъ, и видя, что она не особенно разсердилась, онъ прижалъ губы къ ея затылку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинались волосы и куда ему давно уже хотѣлось ее поцѣловать.

Тогда она начала изо всѣхъ силъ отбиваться отъ него. Но онъ крѣпко держалъ ее и, схвативъ другою рукою за плечо, заставилъ повернуть къ нему голову и поцѣловалъ прямо въ губы.

Но тутъ она выскользнула у него изъ рукъ и исчезла въ темнотѣ, прошумѣвъ юбками, точно птица крыльями.

Онъ нѣкоторое время простоялъ неподвижно, удивленный ея ловкостью и исчезновеніемъ. Наконецъ, ничего больше не слыша, позвалъ ее вполголоса:

— Иветта.

Она не отвѣчала. Онъ пошелъ впередъ, вглядываясь въ темноту, ища въ кустахъ бѣлое пятно, которымъ должно было мелькать ея платье. Все было черно. Онъ громко закричалъ:

— Мамзель Иветта.

Соловьи умолкли.

Онъ заторопился, смутно встревоженный, все громче и громче клича:

— Мамзель Иветта!—мамзель Иветта!—Ничего. Онъ остановился и прислушался. Островъ былъ безмолвенъ. Листья почти не шелестѣли надъ его головой. Однѣ только лягушки продолжали громко квакать вдоль береговъ.

Тогда онъ принялся бродить на удачу, спускался съ берега къ рѣкѣ и затѣмъ поднимался опять и добрался такимъ образомъ до Буживаля, прошелъ къ ресторану Гренульеръ, заглядывая подъ всѣ деревья и повторяя:

— Мамзель Иветта! гдѣ вы! откликнетесь, не заставляйте меня попусту себя искать!

Вдали пробили часы. Онъ сталъ считать.. полночь. Онъ ходилъ по острову уже цѣлыхъ два часа. Тогда онъ подумалъ, что она вернулась домой, и тоже повернулъ къ дому, въ большой тревогѣ.

Заспанный слуга, развалясь въ креслѣ, дожидался въ сѣняхъ. Сервиньи разбудилъ его и спросилъ:

— Давно ли мамзель Иветта вернулась домой? Я оставилъ ее, потому что мнѣ нужно было навѣстить знакомаго.

Лакей отвѣчалъ:

— О! да, г. герцогъ, давно уже. Барышня вернулась въ десять часовъ.

Онъ прошелъ въ свою комнату и легъ въ постель.

Онъ лежалъ съ открытыми глазами и не могъ спать.

Украденный имъ поцѣлуй взволновалъ его. Онъ раздумывалъ. Чего она хочетъ? Что она думаетъ? Что она знаетъ? Какая она хорошенькая и привлекательная! Чувства его, притупленныя жизнью, какую онъ велъ, женщинами, съ какими онъ водился, и всяческими любовными похожденіями, вдругъ проснулись при видѣ этой странной дѣвочки, свѣжей, капризной, непонятной.

Онъ слышалъ, какъ пробилъ часъ, затѣмъ два часа. Рѣшительно ему не заснуть. Ему стало жарко, онъ вспотѣлъ и сли-

шалъ, какъ сердце у него бьется и въ вискахъ стучитъ, всталъ и открылъ окно.

Подуло свѣжимъ воздухомъ и онъ съ наслажденіемъ втягивалъ его въ себя. Густой мракъ безмолвствовалъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ впереди въ потемкахъ сада яркую точку, точно раскаленный уголекъ, и подумалъ:

— Эге! да это сигара! Это должно быть Саваль.

И тихо позвалъ:

— Леонъ!

Голосъ отвѣчалъ:

— Это ты, Жанъ?

— Да. Подожди меня. Я сейчасъ приду.

Онъ одѣлся, вышелъ и настигъ пріятеля, который курилъ, сидя верхомъ на деревянномъ стулѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

Саваль отвѣчалъ:

— Отдыхаю.

И захохоталъ.

Сервиньи пожалъ ему руку:

— Поздравляю, mon cher. А я... бѣшусь.

— Это значитъ, что...

— Это значитъ, что... Иветта и ея мамаша не похожи другъ на друга.

— Что же было?—разскажи мнѣ.

Сервиньи разсказалъ о своей попыткѣ и ея неудачѣ, и продолжалъ:

— Рѣшительно, эта дѣвочка меня сбиваетъ съ толку. Представь себѣ, что я не могъ уснуть. Какая это чудная штука, молоденькая дѣвчоночка! На видъ проста, какъ Богъ знаетъ что, а никакъ ее не разберешь. Женщину, которая жила, любила, знаетъ жизнь, тотчасъ же раскусишь. Но когда имѣешь дѣло съ дѣвушкой, то ничего не постигаешь. Въ сущности я боюсь, что она водитъ меня за носъ.

Саваль раскачивался на стулѣ, и медленно проговорилъ:

— Берегись, mon cher, она хочетъ женить тебя на себѣ. Припомни знаменитые примѣры. Такимъ точно способомъ мадемуазель де-Монтихо попала въ императрицы. Не разыграй Наполеона.

Сервиньи пробормоталъ:

— Что до этого касается, то не бойся. Я не глупецъ и не Наполеонъ. А надо быть тѣмъ или другимъ, чтобы позволить себѣ такую женитьбу. Но скажи-ка мнѣ, тебѣ хочется спать?

— Нисколько.

— Хочешь прогуляться вдоль рѣки?

— Охотно.

Они отворили калитку и пошли вдоль рѣки, по направленію къ Марли.

Наступила свѣжесть, какая предшествуетъ утру; былъ тотъ часъ, когда сонъ особенно крѣпокъ, покой особенно великъ и безмолвіе особенно глубоко. Всѣ даже самые легкіе ночные шумы затихли. Соловьи больше не пѣли; лягушки прекратили свое галдѣнье. Только одно какое-то неизвѣстное животное, можетъ быть птица, гдѣ-то скрипѣло, точно пилой, слабо, монотонно и правильно, точно машина.

Сервиньи, въ которомъ по временамъ просыпался поэтъ и даже философъ, вдругъ сказалъ:

— Вотъ. Эта дѣвушка меня совсѣмъ смущаетъ. Въ ариеметикѣ одинъ и одинъ составляютъ два. Въ любви одинъ и одинъ должны бы составить одно, а между тѣмъ выходитъ тоже два. Испытывалъ ли ты когда что-нибудь подобное? Чувствовалъ ли ты желаніе вполнѣ слиться съ женщиной, такъ, чтобы она исчезла въ тебѣ или ты въ ней? Я говорю не про физическія ласки, но про нравственную и умственную жажду слиться воедино съ любимымъ существомъ, открыть ему всю свою душу, все свое сердце и проникнуть всю его мысль насквозь.

— И никогда-то не узнать его вполнѣ; никогда не овладѣть всѣми колебаніями его воли и желаній и его мнѣній. Никогда не угадать даже слегка все неизвѣстное, всю тайну души, которая, между тѣмъ, такъ близка, души скрытой въ глазахъ, которые глядятъ на тебя такіе же ясные, какъ и прозрачная вода, точно въ нихъ нѣтъ ничего потаеннаго,—души, говорящей милыми сердцу устами,—души, столь желанной, что кажется, что овладѣлъ ею,—души, передающей тебѣ одна за другой въ словахъ всѣ свои мысли и которая при всемъ томъ гораздо дальше отстоитъ отъ тебя, нежели звѣзды другъ отъ друга, гораздо недоступнѣе и непроницаемѣе, нежели эти созвѣздія! Какъ это все странно!

Саваль отвѣчалъ:

— Я не углубляюсь во все это. Я не заглядываю въ глаза, не забочусь о содержаніи, лишь бы форма мнѣ нравилась.

Сервиньи пробормоталъ:

— Иветта странное существо. Какъ-то она встрѣтитъ меня сегодня утромъ!

Дойдя до Марли, они увидѣли, что небо поблѣднѣло. Пѣтухи

начали перекликаться на птичныхъ дворахъ и пѣніе ихъ долетало смягченнѣе изъ-за толстыхъ оградъ. Птичка защебетала въ паркѣ, налѣво, беапрерывно повторяя коротенькій ритурнель простой, наивный и комичный.

— Пора вернуться домой,—объявилъ Саваль.

Они вернулись, и Сервиньи, входя въ свою комнату, увидѣлъ въ окно, остававшееся открытымъ, заалѣвшійся горизонтъ. Онъ раскрылъ ставни, задернулъ толстыя занавѣси, легъ въ постель и наконецъ заснулъ.

Все время во снѣ онъ видѣлъ Иветту.

Странный шумъ разбудилъ его. Онъ присѣлъ на постели и прислушался. Но ничего не услышалъ. Затѣмъ вдругъ точно градъ посыпался въ его ставни.

Онъ вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, открылъ его и увидѣлъ Иветту, которая стояла въ аллеѣ и бросила ему въ лицо цѣлую пригоршню песку.

Она была одѣта въ розовомъ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и большимъ перомъ «à la mousquetaire» и смѣялась хитро и лукаво.

— Ну, Мюскадъ, вы все спите. Что вы дѣлали ночью, что такъ заспались поутру? Вы вѣрно искали приключеній, мой бѣдный Мюскадъ!

Онъ стоялъ ослѣпленный яркимъ дневнымъ свѣтомъ, внезапно залѣпившимъ ему глаза, еще отягченные сномъ, и дивился насмѣшливому спокойствію молодой дѣвушки.

Онъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ, сейчасъ, мамзель Иветта. Дайте только промыть глаза и я къ вашимъ услугамъ.

Она закричала:

— Торопитесь, уже десять часовъ. Мнѣ надо сообщить вамъ важный проэктъ. Мы составимъ заговоръ. Вы знаете, что завтракъ подаютъ въ одиннадцать часовъ.

Онъ нашелъ ее сидящей на скамейкѣ съ книгой на колѣняхъ, вѣрно какимъ-нибудь романомъ.

Она фамильярно, дружески взяла его подъ руку, такъ откровенно и весело, какъ будто бы ничего наканунѣ не случилось, и потащила его на другой конецъ сада.

— Вотъ мой проэктъ. Мы не послушаемся мамаши, и вы меня сведете въ Гренульеръ. Я хочу это видѣть. Мамаша говоритъ, что честныя женщины не бываютъ въ такихъ мѣстахъ. Но мнѣ рѣшительно все-равно, можно или нельзя тамъ бывать.

Вы меня сведете туда, Мюскадъ, не правда-ли? и мы подурачимся въ волю.

Отъ нея шелъ очень тонкій и пріятный ароматъ, хотя онъ и не могъ различить, какіе это были духи. То ему казалось, что пахнетъ ирисомъ, то вербеной. Но потомъ ему вдругъ подумалось, что она, быть можетъ, и вовсе не надушена и ему только такъ кажется, что ароматъ чудится ему, и ничто иное какъ обманъ чувствъ, очарованныхъ ея юной и обольстительной прелестью.

Она говорила:

— Рѣшено, Мюскадъ, не правда ли? Такъ какъ послѣ завтрака будетъ очень жарко, то мамаша не захочетъ выдти изъ дому. Она всегда раскисаетъ, когда жарко. Мы оставимъ ее съ вашимъ пріятелемъ, а сами уйдемъ. Мы скажемъ, что идемъ въ лѣсъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ будетъ весело въ Гренульерѣ.

Они дошли до рѣшетки, выходившей на Сену. Солнечные лучи заливали спокойную поверхность рѣки. Легкій паръ поднимался отъ нея и по временамъ по ней скользилъ легкій челнокъ или проплывала тяжелая барка, а издали доносились свистки поѣздовъ, развозящихъ каждое воскресенье парижское населеніе по окрестностямъ, и свистки пароходовъ, предупреждающихъ о своемъ появленіи передъ шлюзами Марли. Вдругъ прозвонилъ колокольчикъ, призывавшій къ завтраку. Они вернулись въ домъ.

Завтракъ прошелъ въ молчаніи. Жаркій іюльскій полдень давилъ землю, тяготилъ все живое. Жара казалась какой-то густой и парализировала умъ и тѣло. Слова замирали на губахъ, движенія были затруднительны, точно воздухъ оказывалъ имъ сопротивленіе.

Одна Иветта, хотя и молчала, но казалась оживленной и нетерпѣливой.

Какъ только дессертъ сняли со стола, она сказала:

— Пойдемте гулять въ лѣсъ. Подъ деревьями свѣжо и пріятно.

Маркиза, повидимому изнемогавшая, пролепетала:

— Ты съ ума сошла!—развѣ можно выходить въ такую жару?

Молодая дѣвушка настаивала, покраснѣвъ:

— Мы оставимъ тебя вмѣстѣ съ барономъ, а сами съ Мюскадомъ пойдемъ бродить въ лѣсъ и сядемъ на травѣ.

И повернувшись къ Сервиньи, прибавила:

— Рѣшено?

Онъ отвѣчалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, мамзель Иветта.

Она побѣжала за шляпой.

Маркиза пожала плечами, вздыхая. — Она право сумасшедшая.

И съ лѣнивой и влюбленной нѣгой протянула свою красивую, бѣлую руку барону, который ее немедленно поцѣловалъ.

Иветта и Сервиньи ушли. Они пошли сначала вдоль берега, перешли черезъ мостъ и вступили на островъ, потомъ сѣли на другомъ берегу, около рукава Сены, подъ ивами, потому что еще рано было идти въ Гренульеръ.

Молодая дѣвушка вынула изъ кармана книгу и сказала, смѣясь:

— Мюскадъ, почитайте мнѣ.

И протянула ему книгу.

Онъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто бы собирался убѣжать:

— Ахъ, мамзель Иветта, да вѣдь я не умѣю читать.

Она серьезно настаивала:

— Пожалуйста безъ отговорокъ. Вы ловкій претендентъ, знаете ли вы это. Вашъ девизъ кажется:—все, взамѣнъ ничего?

Онъ взялъ книгу, раскрылъ ее и удивился. То была книга энтомологіи, исторія о муравьяхъ, разсказанная однимъ англійскимъ писателемъ. Такъ какъ онъ молчалъ, думая, что она смѣется надъ нимъ, она потеряла терпѣніе:

— Ну что же, читайте,—сказала она.

Онъ спросилъ:

— Что это пари?—Или просто шутка?

— Нисколько, mon cher, я увидѣла эту книгу въ книжномъ магазинѣ и мнѣ сказали, что это самое лучшее, что только есть про муравьевъ и я подумала, что интересно будетъ узнать жизнь этихъ маленькихъ животныхъ, глядя, какъ они бѣгаютъ по травѣ. Читайте.

Она растянулась навзничь, оперлась локтями въ землю, подперевъ руками голову и глядя въ траву.

Онъ началъ читать:

— «Безъ сомнѣнія, антропоморфныя обезьяны ближе всего подходятъ къ человѣку по своему анатомическому строенію, но если мы обратимъ вниманіе на нравы муравьевъ, на ихъ общественную организацію, ихъ обширныя общины, дома и дороги, которыя они строятъ, ихъ привычку приручать животныхъ и даже порою владѣть невольниками, то будемъ вынуждены допустить, что они вправѣ потребовать, чтобы ихъ по уму поставили возлѣ человѣка на лѣстницѣ разума»...

Онъ продолжалъ монотоннымъ голосомъ, время отъ времени останавливаясь, чтобы спросить:

— Не довольно ли?

Она отрицательно кивала головой, и поймавъ на вырванной изъ земли травинкѣ муравья, забавлялась тѣмъ, что заставляла его бѣгать взадъ и впередъ, перевертывая травинку къ низу, какъ только онъ добѣгалъ до ея конца. Она слушала съ сосредоточеннымъ и молчаливымъ вниманіемъ всѣ удивительныя подробности о жизни этихъ крошечныхъ животныхъ въ ихъ подземныхъ жилищахъ, о томъ, какъ они воспитываютъ, держатъ въ неволѣ и кормятъ зеленыхъ букашекъ, чтобы пить сладкую жидкость, которую тѣ выдѣляютъ, подобно тому, какъ мы воспитываемъ коровъ на своихъ скотныхъ дворахъ; объ ихъ привычкѣ пользоваться услугами маленькихъ слѣпыхъ насѣкомыхъ, которые чистятъ муравейники, и ходить на войну затѣмъ, чтобы приводить рабовъ, которые съ такой заботливостью ухаживаютъ за побѣдителями, что тѣ подъ конецъ разучаются сами ѣсть.

Мало-по-малу словно материнская нѣжность проснулась въ ея сердцѣ къ маленькой и умной козявкѣ, которую Иветта заставляла ползать по своему пальцу, глядя на нее умиленнымъ взоромъ и готовая ее расцѣловать.

Когда Сервиньи прочиталъ о томъ, какъ муравьи живутъ въ общинахъ, какъ затѣваютъ другъ съ другомъ дружескую борьбу, въ которой соперничаютъ въ силѣ и ловкости, восхищенная молодая дѣвушка въ самомъ дѣлѣ захотѣла поцѣловать муравья, который вырвался и побѣжалъ по ея лицу.

Тогда она громко и пронзительно закричала, точно ей угрожала большая опасность и стала хлопать себя по щекамъ, чтобы прогнать насѣкомое. Сервиньи, громко хохоча, поймалъ муравья у самыхъ волосъ и, снявъ его, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ его поймалъ, причемъ Иветта не отняла лба.

Затѣмъ объявила, вставая:

— Мнѣ это больше нравится, чѣмъ какой-нибудь романъ. Теперь пойдемте въ Гренульеръ.

Они дошли до той части острова, гдѣ разбитъ паркъ, съ огромными деревьями. Пары бродили подъ высокими деревьями, вдоль Сены, по которой плавали лодки. Тамъ были кокотки съ молодыми людьми, работницы съ своими любовниками, которые шли безъ сюртуковъ, повѣсивъ послѣдніе на руку, сдвинувъ цилиндры на затылокъ съ усталымъ, но задорнымъ видомъ. Буржуа съ своими семьями, съ разряженными женами и дѣтьми, прыгавшими вокругъ родителей словно цыплята вокругъ насѣдки.

Отдаленный и непрерывный гулъ людскихъ голосовъ возвѣщалъ о близости ресторана. Внезапно онъ предсталъ передъ ихъ

глазами. Громадная барка, покрытая крышей, прикрѣпленная къ берегу, кишѣла мужчинами и женщинами, засѣдавщими за стаканами или же пившими стоя, кричавшими, танцующими, поющими и кувыркающимися подъ звуки разстроеннаго и разбитаго фортепьяно, звучавшаго точно кострюлька.

Высокія дѣвушки съ рыжими волосами, съ фальшивой грудью и турнюромъ, расхаживали между публикой, бросая вызывающіе взгляды направо и налѣво, раскрашенныя, полупьяныя, сыпля непристойными словами. Другія плясали какъ полоумныя vis-à-vis съ полураздѣтыми субъектами въ полотняныхъ панталонахъ и бумажномъ трико, въ цвѣтныхъ шапкахъ, какъ у жокеевъ. Запахъ пота смѣшивался съ запахомъ духовъ.

Потребители, засѣдавшіе за столами, поглощали красные, бѣлые, желтые и зеленые напитки и орали безъ всякаго смысла, поддаваясь животной потребности шумѣть и галдѣть. Время отъ времени какой-нибудь пловецъ появлялся на крышѣ и бросался въ воду, забрызгивая водой ближайшихъ сосѣдей, испускавшихъ дикій ревъ.

По рѣкѣ проносились цѣлыя флотиліи. Длинныя и узкія лодки быстро разсѣкали воду, подъ ловкими взмахами веселъ гребцовъ съ засученными рукавами, мускулы которыхъ выпукло обрисовывались подъ загорѣлой кожей. Канотьерки, въ голубыхъ или красныхъ фланелевыхъ платьяхъ подъ раскрытыми красными же или голубыми зонтиками, опровидывались назадъ въ своихъ креслахъ на кормѣ барокъ и точно бѣжали по водѣ въ неподвижной и сонной позѣ. Болѣе тяжелыя барки медленно плыли, покрытыя народомъ. Школьникъ, вырвавшійся изъ коллежа и желая задать тону, гребъ, раскидывая веслами точно вѣтреная мельница, натыкался на всѣ лодки, гребцы которыхъ ругали его и, наконецъ, исчезъ изъ виду, чуть не потопивъ двоихъ пловцовъ и преслѣдуемый ревомъ толпы, наполнявшей пловучій ресторанъ.

Иветта, сіяющая, проходила подъ руку съ Сервиньи среди этой шумной и смѣшанной толпы и казалась вполнѣ счастливой отъ сосѣдства всѣхъ этихъ подозрительныхъ лицъ; спокойно и благосклонно оглядывала попадавшихся на встрѣчу кокотокъ.

— Поглядите-ка, Мюсвадъ, вотъ на эту, какіе у нея хорошенькіе волосы. Имъ, кажется, очень весело.

Въ это время піанистъ, канотьеръ, одѣтый въ красное и въ колоссальной шляпѣ на манеръ соломеннаго зонтика, заигралъ вальсъ. Иветта внезапно схватила своего спутника за плечи и увлекла за собой въ вихрѣ вальса. Они такъ долго и бѣшено кружились, что всѣ стали на нихъ глядѣть; потребители повска-

кали на столы и били въ тактъ ногами, другіе стучали стаканами и самъ музыкантъ точно взбѣсился, хлопалъ по клавишамъ изо всей мочи, раскачивался всѣмъ туловищемъ и головой, прикрытой колоссальной шляпой.

Вдругъ онъ остановился, свалился со стула и растянулся на полу, схороненный подъ своей шляпой, словно умеръ отъ усталости. Громкій хохотъ поднялся въ кафе и всѣ захлопали въ ладоши.

Четверо пріятелей бросились впередъ, какъ это бываетъ, когда случается несчастіе, и, поднявъ своего товарища, унесли его, положивъ ему предварительно на животъ то подобіе крыши, которой онъ прикрывалъ свою голову. Шутникъ, шедшій за ними, затянулъ «De Profundis». И тотчасъ же образовалась цѣлая процессія за мнимымъ покойникомъ и развернулась вдоль дорожекъ острова, увлекая за собой потребителей, гуляющихъ, всѣхъ, кто попадался на встрѣчу.

Иветта въ восторгѣ побѣжала также слѣдомъ, заговаривая направо и налѣво, потерявъ голову отъ шума и суеты. Молодые люди глядѣли ей прямо въ глаза, толпились около нея, и сильно, повидимому, заинтересованные ею, оглядывали ее съ головы до пятокъ, такъ что Сервиньи началъ опасаться, какъ бы дѣло не окончилось скандаломъ.

Процессія двигалась, ускоряя свой шагъ. Четверо носильщиковъ принялись, наконецъ, бѣжать, преслѣдуемые ревущей толпой. Но вдругъ они повернули прямо къ рѣкѣ и, подбѣжавъ къ самому берегу, раскачали своего товарища и кинули его въ воду.

Радостный крикъ вырвался у всѣхъ, между тѣмъ какъ оглушенный піанистъ барахтался въ водѣ, ругался, кашляя, выплевывалъ воду и, увязая въ грязи, старался выбраться на берегъ.

Шляпа его, уносимая теченіемъ, была выловлена на одной изъ лодокъ.

Иветта прыгала отъ удовольствія, хлопая въ ладоши, и повторяла:

— Ахъ! Мюскадъ, какъ мнѣ весело! какъ мнѣ весело!

Сервиньи наблюдалъ за нею съ серьезнымъ лицомъ, отчасти смущенный, отчасти раздосадованный тѣмъ, что она чувствуетъ себя такъ свободно среди всего этого сброда. Какой-то инстинктъ возмущался въ немъ, инстинктъ приличія, который никогда не оставляетъ благовоспитаннаго человѣка, даже и тогда, когда онъ нѣсколько распустится, и который удерживаетъ его отъ слишкомъ подлыхъ фамиліарностей и слишкомъ грязныхъ компаній.

Онъ говорилъ себѣ, дивясь:

— Чортъ побери! яблочко отъ яблони не далеко укатится!

И ему хотѣлось говорить ей *ты*, какъ это дѣлаютъ съ извѣстнаго рода женщинами, хотя бы видѣли ихъ въ первый разъ въ жизни. Онъ почти не отличалъ ее болѣе отъ присутствующихъ тварей съ рыжими волосами, которыя толкали ихъ, выкрикивая хриплыми голосами неприличныя, грубыя слова. Иветта какъ будто ничего этого не замѣчала.

— Мюскадъ, я хочу купаться,—объявила она:—пойдемъ-те на средину рѣки.

Онъ отвѣчалъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

И они пошли въ контору купаленъ, чтобы достать себѣ костюмы.

Она первая переодѣлась и поджидала его на берегу, улыбающаяся, на виду у всѣхъ. Затѣмъ они вошли вмѣстѣ въ воду. Она плавала съ наслажденіемъ. Онъ слѣдовалъ за нею, нѣсколько запыхавшись и досадуя на то, что плаваетъ хуже ея.

Но вотъ она замедлила свои движенія и, быстро перевернувшись, легла неподвижно на водѣ, скрестивъ руки и устремивъ глаза въ голубое небо.

Онъ видѣлъ ее всю съ головы до пятокъ, точно будто бы она нарочно дразнила его. Страсть снова заговорила въ немъ.

Вдругъ она обернулась, поглядѣла на него и разсмѣялась.

— Какая, однако, у васъ смѣшная физіономія!—сказала она.

Эта насмѣшка задѣла его за-живое. Въ немъ проснулась злая досада влюбленнаго человѣка, надъ которымъ потѣшается предметъ его любви. Ему захотѣлось отмстить ей, оскорбить ее.

— Вамъ по душѣ такая жизнь?

Она спросила съ обычнымъ наивнымъ видомъ:

— Какая такая?

— Ну, полноте, не дурачьтесь. Вы понимаете, что̀ я хочу сказать.

— Нѣтъ, честное слово.

— Ну, довольно играть комедію. Хотите или не хотите?

— Я васъ не понимаю.

— Вы не такъ глупы. Къ тому же я вамъ сказалъ вчера вечеромъ.

— Что такое? я позабыла.

— Что я васъ люблю.

— Вы? Меня? Какая нелѣпость!

— Божусь вамъ.

— Ну, такъ докажите.

— Я только этого и прошу у васъ.

— Чего этого?

— Да позволенія доказать вамъ свою любовь.

— Ну, доказывайте.

— Вы вчера вечеромъ не такъ говорили.

— Вы мнѣ ничего не предлагали.

— Какъ глупо!

— Къ тому же вамъ слѣдуетъ обратиться не ко мнѣ.

— Вотъ такъ славно! а къ кому же?

— Да къ мамашѣ, разумѣется.

Онъ громко расхохотался.

— Къ вашей мамашѣ? Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ забавно!

Она вдругъ стала очень серьезна и поглядѣла ему пристально въ глаза.

— Послушайте, Мюскадъ, если вы въ самомъ дѣлѣ настолько меня любите, чтобъ жениться, то переговорите сначала съ мамашей, я вамъ дамъ отвѣтъ... потомъ.

Онъ опять подумалъ, что она надъ нимъ смѣется, и окончательно разозлился.

— Мамзель Иветта, вы меня принимаете за кого-то другого.

Она продолжала глядѣть на него пристально, не сморгнувъ. Наконецъ, запинаясь, проговорила:

— Я все-таки васъ не понимаю.

Тогда онъ сказалъ рѣзко и съ какимъ-то гадкимъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Послушайте, Иветта! Кончимъ эту нелѣпую комедію, которая длится слишкомъ долго. Вы разыгрываете глупенькую дѣвочку и, право, эта роль вамъ не къ лицу. Вы хорошо знаете, что между вами и мной не можетъ быть рѣчи о женитьбѣ... но только о любви. Я вамъ сказалъ, что васъ люблю, и сказалъ правду, и повторяю: я васъ люблю. Не притворяйтесь же, что не понимаете меня и не обращайтесь со мной, какъ съ дуракомъ.

Они стояли въ водѣ, другъ противъ друга; она нѣсколько секундъ еще пробыла неподвижной, точно старалась и не могла проникнуть смыслъ его словъ. Потомъ вдругъ покраснѣла, покраснѣла до корня волосъ. Все лицо у ней залило яркой краской до самой шеи, а уши даже побагровѣли и, не отвѣчая ни слова, она поплыла къ берегу, работая изо всѣхъ силъ руками и ногами. Онъ не могъ нагнать ее и пыхтѣлъ отъ усталости, слѣдуя за нею.

Онъ видѣлъ, какъ она вышла изъ воды, подобрала свой пеньюаръ и ушла въ купальню, не оглядываясь.

Онъ долго одѣвался, не зная самъ, что ему теперь предпринять, и спрашивая себя: долженъ ли онъ извиниться или настаивать?

Когда онъ одѣлся, она уже ушла. Онъ вернулся тихими шагами домой, смущенный и встревоженный.

Маркиза гуляла подъ руку съ Савалемъ въ круглой аллеѣ вокругъ газона.

Увидя Сервиньи, она произнесла тѣмъ лѣнивымъ тономъ, какой усвоила себѣ со вчерашняго дня:

— Я вамъ говорила, что не слѣдуетъ выходить въ такую жару. Вотъ у Иветты голова и разболѣлась. Она пошла прилечь въ свою комнату. Она раскраснѣлась, какъ макъ, бѣдная дѣвочка! и у ней страшный мигрень. Вы гуляли по солнцу и это очень неблагоразумно. Вы такой же безразсудный, какъ и она.

Молодая дѣвушка не сошла къ обѣду. Ей хотѣли подать обѣдъ въ комнату, но она отвѣчала сквозь дверь, что не голодна и чтобы ее оставили въ покоѣ.

Молодые люди уѣхали съ десяти-часовымъ поѣздомъ, обѣщая пріѣхать въ слѣдующій четвергъ. Маркиза усѣлась у открытаго окна мечтать, прислушиваясь издали къ оркестру, игравшему на балѣ канотьеровъ, звуки котораго доносились среди торжественнаго безмолвія ночи.

Увлеченная страстью, маркиза способна была влюбляться до-зарѣзу. Страсть налетала на нее внезапно, какъ буря, какъ болѣзнь, захватывала ее всю, приводила въ экставъ, въ тревогу или въ отчаяніе, смотря по тому, какой принимала характеръ: восторженный, драматическій или чувствительный.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя созданы для того, чтобы любить и быть любимыми. Будучи самаго низкаго происхожденія, она составила себѣ карьеру любовью, которую обратила въ профессію почти нечаянно. Дѣйствуя инстинктивно, съ безсознательной хитростью и врожденной ловкостью, она принимала деньги, какъ и поцѣлуи, просто и естественно, не разбирая, руководствуясь природнымъ и замѣчательнымъ чутьемъ, не разсуждая, какъ животныя, умудренныя потребностями жизни.

Много мужчинъ перебывало ея друзьями, и она не чувствовала къ нимъ никакой нѣжности, хотя не испытывала и отвращенія отъ ихъ ласкъ. Она переносила ихъ съ спокойнымъ равнодушіемъ, подобно тому какъ въ дорогѣ обѣдаешь, не разбирая кухни, потому что надо же жить. Но время отъ времени

ея сердце или ея тѣло загорались и она переживала тогда періодъ сильной страсти, длившейся нѣсколько недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по физическимъ или нравственнымъ качествамъ ея любовника.

То были счастливыя минуты ея жизни. Она любила всей душой, всѣмъ существомъ своимъ, пылко, восторженно. Она бросалась въ любовь, какъ бросаются въ рѣку съ головой, чтобы утонуть, готовая умереть, если надо, упоенная, обезумѣвшая, но ужасно счастливая. И каждый разъ она воображала, что ничего такого до сихъ поръ не испытывала: и очень удивилась бы, еслибъ ей напомнили другіе случаи, когда она также безумно мечтала цѣлыя ночи на пролетъ, глядя на звѣзды.

Савалъ очаровалъ ее. Она думала о немъ, убаюканная воспоминаніемъ, въ блаженномъ экстазѣ счастія совершившагося, такого счастія, которое уже далось въ руки и не подлежитъ сомнѣнію.

Шумъ за ея спиной заставилъ ее обернуться. Иветта вошла въ томъ же платьѣ, что и днемъ, но блѣдная и съ блестящими глазами, какъ послѣ сильнаго утомленія.

Она оперлась на открытое окно, напротивъ матери, и сказала:

— Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Маркиза, удивленная, глядѣла на нее. Она любила ее эгоистичной материнской любовью, гордясь ея красотой. Сама она была еще слишкомъ хороша, чтобы завидовать дочери, и слишкомъ равнодушна, чтобы составлять тѣ планы, которые ей приписывали, но однако настолько хитра, чтобы сознавать всю цѣнность такой красоты.

Она отвѣчала:

— Говори, дитя мое, что такое?

Иветта пристально глядѣла на нее, стараясь прочитать въ ея душѣ, схватить малѣйшее впечатлѣніе, произведенное ея словами.

— Вотъ. Случилось нѣчто необыкновенное.

— Что же такое?

— Сервиньи сказалъ, что любитъ меня.

Маркиза, встревоженная, ждала, что́ будетъ дальше. Но такъ какъ Иветта умолкла, то спросила:

— Какъ же онъ сказалъ тебѣ это? объяснись.

Но молодая дѣвушка усѣлась у ногъ матери, въ обычной ласковой позѣ и, взявъ ея за руки, объявила:

— Онъ предложилъ мнѣ выйти за него замужъ.

У m-me Обарди вырвался жестъ удивленія и она вскричала:

— Сервиньи! да ты съ ума сошла!

Иветта не сводила глазъ съ лица матери, ловила ея слова и видѣла ея удивленіе. Она спросила серьезнымъ тономъ:

— Отчего я съ ума сошла? отчего же Сервиньи и не жениться на мнѣ?

Смущенная маркиза пробормотала:

— Ты ошиблась. Это невозможно. Ты не разслышала или не поняла. Сервиньи слишкомъ богатъ для тебя... и слишкомъ... слишкомъ истый парижанинъ, чтобы жениться.

Иветта медленно встала.

— Но если онъ любитъ меня, мамаша, какъ говоритъ.

Мать продолжала съ нетерпѣніемъ:

— Я думала, что ты настолько выросла и настолько знаешь жизнь, чтобы не задаваться такими фантазіями. Сервиньи виверъ и эгоистъ. Онъ женится только на женщинѣ своего круга и равнаго состоянія. Если онъ просилъ твоей руки, то это значитъ... это значитъ...

Маркиза, не въ силахъ высказать свои подозрѣнія, снова умолкла, потомъ сказала:

— Послушай, оставь меня въ покоѣ и ступай спать.

Молодая дѣвушка, какъ будто узнавъ то, что̀ ей было нужно, отвѣчала послушнымъ голосомъ:

— Хорошо, мамаша.

И, поцѣловавъ мать въ лобъ, спокойно отошла.

Когда она выходила за дверь, маркиза позвала ее:

— А твоя мигрень?

— У меня голова совсѣмъ не болѣла, меня взволновало то, что̀ я тебѣ сказала.

Маркиза прибавила:

— Мы еще поговоримъ объ этомъ. Но главное, не оставайся пока съ нимъ наединѣ, и будь увѣрена, что онъ на тебѣ не женится. Онъ хочетъ только тебя... скомпрометировать.

Маркиза не съумѣла лучше выразить свою мысль, и Иветта ушла къ себѣ.

M-me Обарди задумалась. Долгіе годы живя спокойной, любовной и роскошной жизнью, она старательно прогоняла отъ себя всякія размышленія, которыя могли бы встревожить или опечалить ее. Никогда она не спрашивала себя: — что будетъ съ Иветтой? Будетъ еще время подумать объ этомъ. Она понимала чутьемъ куртизанки, что дочь ея развѣ только по какому-нибудь совсѣмъ невѣроятному случаю, благодаря которымъ авантюристки попадаютъ на тронъ, можетъ выйти замужъ за богатаго и свѣтскаго человѣка. Она на это, конечно, не разсчитывала и кромѣ

того была слишкомъ занята собой, чтобы составлять проекты, прямо ея не касавшіеся.

Иветта будетъ жить, какъ и ея мать, конечно. Она будетъ жрицей любви. Отчего бы и нѣтъ? Но никогда маркиза не смѣла себя спрашивать: когда и какъ это случится.

И вотъ вдругъ ея дочь, сразу, безъ всякой подготовки поставила ей вопросъ, на который нельзя было отвѣчать, вынуждала ее принять какое-нибудь рѣшеніе въ дѣлѣ трудномъ, опасномъ, щекотливомъ и во всѣхъ отношеніяхъ безпокойномъ для ея совѣсти, для совѣсти матери, въ рукахъ которой участь ея ребенка.

Она была слишкомъ хитра отъ природы, хитростью безсознательной, но никогда ее не покидавшей, чтобы хотя одну минуту заблуждаться на счетъ намѣреній Сервиньи. Она знала мужчинъ по опыту и въ особенности мужчинъ этого сорта. Поэтому послѣ первыхъ же словъ, произнесенныхъ Иветтой, воскликнула почти невольно:

— Сервиньи женится на тебѣ? да ты съ ума сошла!

Какъ могъ онъ прибѣгнуть къ такому избитому пріему, онъ, прожженный человѣкъ, кулакъ, истаскавшійся въ кутежахъ съ женщинами? Что теперь онъ будетъ дѣлать? А она, ея дочь? какъ предостеречь ее? какъ защитить ее? потому что она вѣдь можетъ надѣлать большихъ глупостей.

Ну, можно ли было ожидать, что эта взрослая дѣвушка окажется такой простофилей, такимъ безхитростнымъ и наивнымъ ребенкомъ.

И маркиза, смущенная, уже утомившаяся отъ всѣхъ вопросовъ, придумывала, какъ быть, и не находила исхода, потому что положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, затруднительное.

Уставши отъ этихъ думъ, она рѣшила:

— Ну! я буду слѣдить за ними и поступлю, смотря по обстоятельствамъ. Если окажется нужнымъ, такъ я даже поговорю съ Сервиньи. Онъ уменъ и пойметъ меня на полусловѣ.

Она не думала о томъ, что̀ скажетъ ему, ни что̀ онъ ей отвѣтитъ, ни о томъ, какого рода сдѣлка можетъ быть заключена между ними. Она торопилась прогнать изъ ума эту заботу, чтобы думать о красавцѣ Савалѣ, устремивъ глаза въ пространство, въ ту сторону, гдѣ виднѣлась яркая дымка, окутывающая Парижъ. Прижавъ руки къ губамъ, она посылала поцѣлуи большому городу, быстро, одинъ за другимъ, не считая и повторяя шопотомъ, точно онъ могъ ее слышать:

— Я тебя люблю! я тебя люблю!

III.

Иветта тоже не спала, какъ и ея мать; она сидѣла у открытаго окна и слезы, первыя слезы печали катились по ея щекамъ.

До сихъ поръ она жила и росла въ счастливомъ невѣденіи беззаботной юности. Отчего стала бы она задумываться, соображать, размышлять? Отчего не была бы она, какъ и всѣ молодыя дѣвушки? Отчего сомнѣнія, опасенія, подозрѣнія возникли бы въ ея умѣ? Она казалась опытной, но только потому, что обо всемъ судила вкривь и вкось и переняла тонъ, манеры, рискованныя словечки окружающихъ ее людей. Но она знала не больше всякой дѣвочки, воспитанной въ монастырѣ, и ея смѣлыя рѣчи обусловливались только хорошей памятью, способностью подражать и ассимилировать, отличающей женщинъ, а не отъ смѣлости мысли. Она разсуждала про любовь, какъ сынъ живописца или музыканта разсуждаетъ о живописи или о музыкѣ въ десять или двѣнадцать лѣтъ. Она знала или, вѣрнѣе, подозрѣвала, какого рода тайну скрываетъ это слово; слишкомъ много шутокъ позволялось въ ея присутствіи, чтобы невинность ея не была отчасти просвѣщена. Но какъ могла она знать или отчего бы она заключила, что всѣ семьи не похожи на ея семью?

У матери ея цѣловали руку съ наружной почтительностью; всѣ знакомые ихъ были титулованныя особы, всѣ были или казались богатыми; всѣ величали себя принцами, чуть не царской крови. И мало того: дважды къ маркизѣ по вечерамъ наѣзжали королевскіе сыновья! Откуда же она могла знать?

Къ тому же она была отъ природы наивна. Она не всматривалась въ людей, но разгадывала ихъ, какъ мать; она жила спокойная, радуясь жизни, и ей въ голову не приходило тревожиться о томъ, чтó навело бы, можетъ быть, на размышленія характеры болѣе хладнокровные, болѣе сдержанные, менѣе открытые и довѣрчивые.

Но вотъ внезапно Сервиньи пробудилъ въ ней нѣсколькими словами, грубость которыхъ она больше почувствовала, нежели поняла, тревогу, сначала смутную, а затѣмъ превратившуюся въ мучительныя опасенія.

Она вернулась домой, спаслась бѣгствомъ, какъ раненый звѣрь, дѣйствительно глубоко обиженная словами, которыя безпрестанно повторяла себѣ, стараясь проникнуть въ ихъ смыслъ, разгадать ихъ значеніе.—Вы знаете, что между нами не можетъ быть рѣчи о бракѣ, а только о любви.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? И почему такое оскорбленіе? Она, значитъ, чего-то не знаетъ, какой-то тайны, какого-то позора? Она одна безъ сомнѣнія объ этомъ не знаетъ! Но что бы это было? Она была совсѣмъ подавлена, какъ это всегда бываетъ, когда откроешь какую-нибудь постыдную тайну, измѣну любимаго существа, когда постигаешь сердечное горе, отъ котораго голова идетъ кругомъ.

И вотъ она думала, думала безъ конца, исполненная тревоги и подозрѣній. Затѣмъ ея юная душа успокоилась; она стала придумывать драматическую и невозможную развязку въ родѣ тѣхъ, какія она читала въ романахъ. Она припоминала всякія страшныя и чувствительныя исторіи, прочитанныя ею, и примѣняла ихъ къ себѣ, украшая тайну, окружавшую ея жизнь.

Она уже больше не горевала, она старалась приподнять таинственную завѣсу и воображала тысячи удивительныхъ, странныхъ, соблазнительныхъ, даже своей необыкновенностью, вещей.

Можетъ быть, она незаконная дочь какого-нибудь принца? Ея бѣдная мать была соблазнена и брошена, а какой-нибудь король произвелъ ее въ маркизы, можетъ быть, Викторъ-Эммануилъ, и ей пришлось бѣжать отъ гнѣва своихъ родителей.

А можетъ быть, она покинутый ребенокъ богатыхъ и знатныхъ родителей, плодъ преступной любви, и маркиза усыновила и воспитала ее.

Тысячи подобныхъ предположеній тѣснились въ ея умѣ. Она принимала и отбрасывала ихъ по прихоти своей фантазіи. Она умилялась надъ своимъ положеніемъ, чувствуя себя счастливой и вмѣстѣ съ тѣмъ печальной, главное же, довольной тѣмъ, что она героиня романа, и ей нужно съ достоинствомъ заявить себя, принять благородное и достойное ея рѣшеніе. И она размышляла о роли, которую ей придется играть, смотря по угаданнымъ обстоятельствамъ. Она смутно представляла себѣ эту роль въ родѣ тѣхъ, какія она читала въ произведеніяхъ Скриба или Жоржъ Сандъ. Эта роль будетъ исполнена преданности, самоотреченія, благородства души, нѣжности и красивыхъ словъ. Ея подвижная натура почти радовалась этой новой позѣ.

И до самаго вечера она размышляла о томъ, что̀ должна сдѣлать, стараясь придумать, какимъ способомъ ей узнать правду отъ маркизы.

И вотъ, когда наступила ночь, благопріятствующая трагическимъ ситуаціямъ, она, наконецъ, измыслила простую и не хитрую уловку, чтобы добиться того, что̀ ей нужно. А именно: сказать неожиданно матери, что Сервиньи предложилъ ей свою руку.

При этомъ извѣстіи m-me Обарди, удивленная, безъ сомнѣнія, скажетъ что-нибудь такое, чтò прольетъ свѣтъ на то, чтò желала узнать ея дочь.

И вотъ Иветта выполнила свой замыселъ.

Она ждала взрыва, удивленія, нѣжныхъ изліяній, тайны, довѣренной сквозь слезы и объятія.

Но ея мать, не выказывая ни удивленія, ни горести, выразила только досаду и смущеніе въ своихъ отвѣтахъ.

Молодая дѣвушка, въ которой внезапно проснулась вся женская хитрость и изворотливость, поняла, что не слѣдуетъ настаивать, что секретъ иного свойства, чѣмъ она думала, что открытіе его будетъ тягостнѣе и что ей слѣдуетъ одной допытаться до него. Она вернулась въ свою комнату, съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ удрученной душой, подавленная ожиданіемъ настоящаго бѣдствія, хотя сама не могла бы сказать, откуда въ ней этотъ страхъ.

И она плакала, облокотясь на окно.

Она долго плакала, не стараясь больше доискаться истины и мало-по-малу усталость одолѣла ее и она закрыла глаза.

Она проспала нѣсколько минутъ тяжелымъ сномъ людей измученныхъ, у которыхъ не хватаетъ энергіи раздѣться и лечь въ постель, сномъ мучительнымъ и прерывистымъ, когда голова, сползая съ рукъ, заставляетъ просыпаться.

Она легла въ постель только на разсвѣтѣ, когда утренній холодъ заставилъ ее отойти отъ окна.

Весь слѣдующій день она была тиха и печальна. Непрерывная и быстрая работа происходила въ ней, работа мысли; она училась наблюдать, догадываться, дѣлать выводы. Новый свѣтъ, хотя еще неопредѣленный, проливался для нея на людей и вещи, и она начинала подозрѣвать всѣхъ, кому прежде довѣряла, не исключая и матери.

Она перебрала всѣ возможныя предположенія въ эти два дня. Сообразила всякія неожиданности, принимая самыя противуположныя рѣшенія со всѣмъ пыломъ своей измѣнчивой и необузданной натуры.

Въ среду она составила планъ, цѣлую систему дѣйствія и шпіонства.

Она встала въ четвергъ поутру съ намѣреніемъ быть проныраливѣе полицейскаго сыщика и на вооруженной ногѣ со всѣмъ міромъ.

Она рѣшила даже избрать себѣ девизомъ: «moi seule» и

цѣлый часъ придумывала, какъ бы поэффектнѣе расположить его вокругъ своего шифра на почтовой бумагѣ.

Саваль и Сервиньи пріѣхали въ десять часовъ.

Молодая дѣвушка сдержанно, но не безъ смущенія поздоровалась съ ними, и сказала обычнымъ, хотя серьезнымъ тономъ:

— Здравствуйте, Мюскадъ, какъ поживаете?

— Здравствуйте, мамзель Иветта, недурно; какъ вы?

Онъ наблюдалъ за ней. Какую еще комедію станетъ она со мной разыгрывать?—говорилъ онъ себѣ.

Маркиза взяла подъ руку Саваля, а онъ повелъ Иветту и они кружились вокругъ газона, безпрестанно скрываясь и появляясь за деревьями и кустами.

Иветта шла тихо и разсудительно, глядѣла въ песокъ и повидимому не слушала того, что̀ ей говорилъ ея спутникъ, и ни слова ему не отвѣчала.

Вдругъ она спросила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ мой другъ, Мюскадъ?

— Еще бы!

— Но въ самомъ, самомъ, самомъ настоящемъ дѣлѣ?

— Съ головы до пятокъ, душой и тѣломъ вашъ другъ, мамзель Иветта.

— Такъ что способны даже разъ въ жизни не солгать.

— Даже два раза, если нужно.

— И сказать мнѣ всю правду, всю гадкую правду?

— Да.

— Ну такъ какого вы въ сущности мнѣнія о князѣ Кравалонѣ?

— Ахъ! чортъ возьми!

— Видите, вы хотите лгать.

— Нѣтъ, нѣтъ, но я ищу словъ, такихъ словъ, которыя были бы точны. Боже мой! Ну, князь Кравалонъ русскій... настоящій русскій, который говоритъ по-русски, родился въ Россіи, и, быть можетъ, не безъ паспорта пріѣхалъ во Францію и у котораго фальшиваго только имя и титулъ.

Она глядѣла ему прямо въ глаза:

— Вы хотите сказать, что онъ...

Онъ колебался съ минуту, затѣмъ рѣшился:

— Авантюристъ, мамзель Иветта.

— Merci. А кавалеръ Вальреале не лучше его, не правда ли?

— Вы говорите истинную правду.

— А де-Бельвинь?

— Этотъ другого рода человѣкъ... Онъ свѣтскій человѣкъ...

провинціалъ... порядочный... до нѣкоторой степени... но только немного замотавшійся... такъ сказать, сбившійся съ пути.

— А вы?

Онъ отвѣчалъ не колеблясь:

— Я, что называется забулдыга: малый хорошаго происхожденія, неглупый отъ природы, но размѣнявшійся на пустяки, здоровый отъ рожденія, но растратившій силы въ кутежѣ, не бездарный, быть можетъ, но убившій свои дарованія на бездѣльничество. У меня осталось только богатство, нѣкоторый опытъ жизни, довольно полное отсутствіе предразсудковъ, глубокое презрѣніе къ людямъ, не исключая и женщинъ, безусловное сознаніе безполезности всѣхъ моихъ дѣяній и громадная снисходительность ко всеобщей подлости. Однако по временамъ я бываю откровененъ, какъ видите, и даже способенъ на привязанность, какъ вы можете убѣдиться; каковъ я есть, со всѣми моими качествами и недостатками, я отдаю себя въ ваше распоряженіе, мамзель Иветта, нравственно и физически. Располагайте мною, какъ хотите.

Она больше не смѣялась, но слушала, взвѣшивая и вникая въ каждое слово.

Она продолжала:

— Какого вы мнѣнія о графинѣ де-Ламми?

Онъ съ живостью перебилъ:

— Позвольте не высказывать своего мнѣнія о женщинахъ.

— Обо всѣхъ рѣшительно?

— Обо всѣхъ.

— Значитъ, вы очень дурного мнѣнія о нихъ всѣхъ... Послушайте, подумайте, можетъ быть, вы сдѣлаете исключеніе для кого-нибудь?

Онъ осклабился съ тѣмъ дерзкимъ видомъ, какимъ почти всегда отличался, и съ грубой смѣлостью, которую употреблялъ какъ оборонительное оружіе, объявилъ:

— Присутствующихъ всегда исключаютъ.

Она слегка покраснѣла, но очень спокойно спросила:

— Ну, какого же вы обо мнѣ мнѣнія?

— Вы хотите знать, — извольте. Я думаю, что вы особа очень разсудительная, очень опытная или, если это вамъ лучше нравится, очень практичная, умѣющая отлично маскировать свою игру, водить людей за носъ, скрывать свои цѣли, раскидывать сѣти и ждать... не торопясь... событій...

Она спросила:

— И это все?

— Да, все.

Тогда она сказала съ серьезнымъ спокойствіемъ:

— Я заставлю васъ перемѣнить о себѣ мнѣніе, Мюскадъ.

Затѣмъ подошла къ матери, которая шла медленными шагами, опустивъ голову, той лѣнивой походкой, которую принимаютъ, когда, гуляя, разговариваютъ очень тихо объ интимныхъ и пріятныхъ вещахъ. Идя, она выводила зонтикомъ разныя фигуры, быть можетъ, буквы на пескѣ и говорила, не глядя на Саваля, говорила много,—медленно опираясь на его руку, прижимаясь къ нему.

Иветта вдругъ взглянула на нее и подозрѣніе, смутное, неопредѣленное, которое она даже не формулировала словами, пронеслось у ней въ головѣ, какъ иногда проносится надъ землей тѣнь облака, гонимаго вѣтромъ.

Колоколъ призывалъ къ завтраку. Завтракъ прошелъ въ молчаніи, почти угрюмомъ. Въ воздухѣ пахло, какъ говорится, грозой. Большія, неподвижныя тучи, казалось, притаились на горизонтѣ, безмолвныя и тяжелыя, но зараженныя грозой.

Какъ только отпили кофе на террасѣ, маркиза спросила:

— Ну, милая, ты не пойдешь гулять съ своимъ пріятелемъ Сервиньи? — Сегодня какъ разъ такая погода, чтобы гулять въ лѣсу.

Иветта быстро взглянула на нее, но тотчасъ же отворотилась:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я не выйду изъ дома.

Маркиза какъ будто смутилась и стала настаивать:

— Прогуляйся, дитя мое, это тебѣ полезно.

Тогда Иветта рѣзко сказала:

— Нѣтъ, мамаша, сегодня я никуда не пойду. И ты знаешь, почему,—я тебѣ говорила вчера вечеромъ.

M-me Обарди уже совсѣмъ забыла объ этомъ, увлеченная желаніемъ остаться на единѣ съ Савалемъ. Она покраснѣла, смутилась и встревоженная за себя, не зная, какъ ей выгадать для себя свободныхъ два-три часа, пробормотала:

— Да, правда,—я совсѣмъ забыла. Не знаю, гдѣ у меня голова.

Иветта, взявъ канвовую работу, которую она называла «общественнымъ спасеніемъ» и разъ пять или шесть въ годъ брала въ руки, во времена полнаго затишья, усѣлась на табуретѣ около матери, между тѣмъ какъ молодые люди, верхомъ на складныхъ стульяхъ, курили сигары.

Часы проходили въ лѣнивой и безпрестанно замиравшей бе-

сѣдѣ. Огорченная маркиза бросала отчаянные взгляды на Саваля, ища предлога удалить дочь. Наконецъ она поняла, что это ей не удастся, и не зная, къ какой хитрости прибѣгнуть, сказала Сервиньи:

— Вы знаете, милый герцогъ, что я разсчитываю, что вы у меня ночуете. Завтра мы отправимся завтракать въ ресторанъ канотьеровъ въ Шату.

Онъ понялъ, улыбнулся и поклонился, сказавъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, маркиза.

И день прошелъ вяло и скучно, съ грозой на носу.

Наступилъ наконецъ часъ обѣда. Хмурое небо было покрыто тяжелыми и неподвижными облаками; не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха.

Обѣдъ тоже былъ молчаливъ. Всѣ были какъ будто стѣснены, смущены, какъ будто подъ гнетомъ какого-то неопредѣленнаго страха.

Когда приборы были сняты, они остались на террасѣ, только изрѣдка перекидываясь словами.

Ночь надвигалась, душная ночь. И вдругъ на горизонтѣ огненная черта исполосовала небо, озаривъ ослѣпительнымъ и трепещущимъ свѣтомъ лица четырехъ людей, уже окутанныхъ мракомъ. Затѣмъ отдаленный шумъ, глухой и слабый, подобный грохоту кареты, проѣзжающей по мосту, пронесся надъ землей, и духота атмосферы какъ будто усилилась, воздухъ сдѣлался еще тяжелѣе, а вечерняя тишина еще глубже.

Иветта встала.

— Я иду спать,—сказала она,—гроза меня разстроиваетъ.

Она подставила лобъ маркизѣ, пожала руку обоимъ молодымъ людямъ и ушла.

Такъ какъ комната ея приходилась какъ разъ надъ террасой, то листья большого каштановаго дерева, росшаго у дверей, вдругъ озарились зеленоватымъ свѣтомъ и Сервиньи не спускалъ глазъ съ этого блѣднаго свѣта, въ которомъ порой ему казалось, что мелькала какая-то тѣнь. Но вдругъ свѣтъ погасъ. M-me Обарди вздохнула съ облегченіемъ:

— Моя дочь легла спать,—сказала она.

Сервиньи всталъ:

— Съ вашего позволенія, маркиза, я сдѣлаю то же самое.

Онъ поцѣловалъ руку, которую она ему протянула, и исчезъ въ свою очередь.

Она осталась наединѣ съ Савалемъ среди ночной темноты.

Она тотчасъ же бросилась ему на шею и, обнявъ его объ-

ими руками, прижалась къ нему. Затѣмъ, хотя онъ пытался помѣшать ей, стала передъ нимъ на колѣни, говоря:

— Я хочу поглядѣть на тебя при свѣтѣ молніи.

Но Иветта, задувъ свѣчку, вернулась на свой балконъ, босикомъ, не слышно какъ тѣнь, и прислушивалась, терзаемая мучительными и смутными подозрѣніями. Она не могла ничего видѣть, такъ какъ находилась надъ ихъ головами, на крышѣ террасы.

Она ничего не слыхала кромѣ гула голосовъ, а сердце ея билось такъ сильно, что въ ушахъ у ней шумѣло. Окно захлопнулось надъ ея головой. Значитъ, Сервиньи ушелъ къ себѣ и ея мать осталась съ Савалемъ наединѣ.

Вторичная молнія прорѣзала небо на двое и на минуту озарила знакомый ей видъ мрачнымъ и зловѣщимъ свѣтомъ, и она увидѣла рѣку свинцоваго цвѣта, какія представляются во снѣ, когда носишься въ какихъ-то фантастическихъ странахъ. И тутъ голосъ подъ нею произнесъ:

— Я тебя люблю.

И больше ничего она не услышала. Странная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу, а умъ ея терялся въ мучительныхъ догадкахъ.

Тяжелое, странное безмолвіе, которому, казалось, не будетъ конца, царило надъ землей. Она совсѣмъ не могла дышать. Грудь ея тѣснило что-то невѣдомое и ужасающее.

Новая молнія зажглась въ пространствѣ, и на минуту озарила горизонтъ... За ней послѣдовала другая, третья.

И голосъ, который она уже слышала, опять произнесъ, громче прежняго:—О! какъ я тебя люблю! какъ я тебя люблю!

И Иветта узнала этотъ голосъ,—голосъ своей матери.

Большая капля теплаго дождя упала ей на лобъ и маленькая едва замѣтная дрожь пробѣжала по листьямъ, дрожь отъ начинающагося дождя.

Затѣмъ поднялся шумъ, долетавшій какъ бы издали, глухой шумъ, похожій на шумъ вѣтра въ вѣтвяхъ. То былъ ливень, разразившійся надъ землей, надъ рѣкой, надъ деревьями.

Въ нѣсколько секундъ вода полилась на нее, какъ изъ душа. Она не шевелилась, думая только о томъ, что дѣлалось на террасѣ.

Она слышала, какъ они встали съ мѣста и отправились въ свои комнаты. Слышно было, какъ въ домѣ запирались двери, и молодая дѣвушка, повинуясь непреодолимому желанію знать, которое терзало и мучило ее, побѣжала на лѣстницу, потихоньку

отворила наружную дверь и, перебѣжавъ черезъ газонъ подъ сильнымъ дождемъ, спряталась въ кустахъ, откуда были видны окна дома.

Только одно было освѣщено, окно въ комнатѣ ея матери. И вдругъ двѣ тѣни появились на его свѣтломъ фонѣ, двѣ черныхъ тѣни, одна подлѣ другой. Затѣмъ, сближаясь, они слились въ одну и при свѣтѣ новой молніи, бросившей на фасадъ дома снопъ ослѣпительнаго яркаго свѣта, она увидѣла, что они цѣлуются, обнявъ другъ друга.

Тогда, обезумѣвъ, не думая о томъ, что̀ она дѣлаетъ, она закричала изо всей мочи пронзительнымъ голосомъ: — мамаша! — какъ кричать, чтобы предупредить людей о смертельной опасности. Отчаянный призывъ затерялся въ шумѣ дождя, но обнимавшаяся парочка разсталась въ тревогѣ. И одна изъ тѣней исчезла, въ то время какъ другая вглядывалась въ темноту сада.

Тогда испугавшись, что ее найдутъ, что она попадется на встрѣчу матери, Иветта бросилась въ домъ, поспѣшно вбѣжала по лѣстницѣ, оставляя позади себя цѣлый ручей воды, сбѣгавшей со ступеньки на ступеньку, и заперлась у себя въ комнатѣ, рѣшивъ никому не отпирать двери.

И не снимая мокраго насквозь и прилипшаго къ ея тѣлу платья, упала на колѣни, сложивъ руки, моля въ своемъ отчаяніи небо о сверхъестественной помощи, о таинственномъ покровительствѣ, къ которому прибѣгаютъ люди въ минуты слезъ и горя.

Длинныя молніи время отъ времени озаряли ея комнату зеленоватымъ свѣтомъ и она видѣла свою фигуру отраженной въ зеркальномъ шкафѣ, съ распущенными, мокрыми волосами, и до того странную, что сама себя не узнавала.

Она простояла такъ долго на колѣняхъ, что и не замѣтила, какъ гроза прошла.

Дождь пересталъ, небо просвѣтлѣло, хотя облака все еще не совсѣмъ разошлись; теплая, душистая, чудная свѣжесть отъ мокрыхъ деревьевъ и травы, проникала въ открытое окно.

Иветта встала съ колѣнъ, сняла свои мокрыя и холодныя одежды, даже не сознавая, что̀ дѣлаетъ, и легла въ постель. И долго лежала, устремивъ глаза на появляющуюся зарю.

Потомъ она опять принялась плакать; потомъ стала размышлять.

У ея матери есть любовникъ! — ахъ! какой стыдъ! Но она читала такъ много книгъ, гдѣ женщины, и даже матери, падаютъ такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы снова подняться къ концу романа, что не особенно дивилась тому, что и она попала въ драму,

подобную тѣмъ, какія она читала. Сила перваго горя, жестокое смущеніе перваго открытія смягчилось мало-по-малу при воспоминаніи о такихъ же положеніяхъ. Мысль ея блуждала среди трагическихъ исторій, поэтически окрашенныхъ романистами, такъ, что ужасное открытіе начинало уже представляться ей естественнымъ продолженіемъ какого-нибудь фельетона, прочитаннаго наканунѣ.

Она говорила себѣ: «Я спасу свою мать!» И почти успокоенная такимъ геройскимъ рѣшеніемъ, она почувствовала себя сильной, какъ бы выросшей, готовой на самоотверженіе и борьбу. Она начала размышлять о средствахъ повести ее. Только одно показалось ей пригоднымъ, такъ какъ соотвѣтствовало ея романическому характеру.

И подобно тому, какъ актеръ готовится къ сценѣ, она стала готовиться къ разговору который ей предстояло вести съ маркизой.

Солнце взошло. Слуги уже задвигались въ домѣ. Пришла горничная съ шоколадомъ. Иветта велѣла поставить подносъ на столъ и сказала:

— Скажите мамашѣ, что я нездорова и останусь въ постели до отъѣзда этихъ господъ; что я не спала всю ночь и прошу, чтобы меня не безпокоили.

Удивленная горничная глядѣла на мокрое платье, валявшееся, какъ тряпка, на коврѣ.

— Вы, значитъ, выходили? — спросила она.

— Да, я гуляла по дождю, чтобы освѣжиться.

Горничная подобрала грязныя юбки, чулки, ботинки и ушла, не безъ брезгливости неся мокрыя вещи, точно платье съ утопленника.

Иветта стала ждать, зная, что мать ея придетъ.

Маркиза вошла, соскочивъ съ постели при первыхъ же словахъ горничной, такъ какъ у нея оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ, послѣ того, какъ она услышала въ темнотѣ крикъ: — мамаша!

— Что съ тобой? — спросила она.

Иветта глядѣла на нее и лепетала:

— Я... я... — но отъ страшнаго волненія вдругъ начала задыхаться. Удивленная маркиза снова спросила:

— Что съ тобой?

Тогда, позабывъ о всѣхъ своихъ проектахъ и подготовленныхъ фразахъ, молодая дѣвушка закрыла лицо руками, лепеча:

— Ахъ! мамаша! мамаша!

M-me Обарди стояла у постели, слишкомъ разстроенная, чтобы вполнѣ уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, но почти угадывая тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое и составляло ея силу. Такъ какъ Иветта не могла говорить, потому что слезы душили ее, то мать, потерявъ наконецъ терпѣніе и сознавая, что страшное объясненіе неизбѣжно, рѣзко спросила:

— Да скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, что съ тобой?

Иветта съ трудомъ проговорила:

— Сегодня ночью... я видѣла... твое окно.

Маркиза, поблѣднѣвъ, замѣтила:

— Ну такъ что-жъ такое?

Дочь повторяла, рыдая:

— Ахъ! мамаша, мамаша!

M-me Обарди, въ которой страхъ и смущеніе начинали переходить въ гнѣвъ, пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

— Ты, право, съ ума сошла! Когда это кончится, пришли мнѣ сказать.

Но молодая дѣвушка вдругъ отняла руки отъ заплаканнаго лица:

— Нѣтъ... послушай... я должна съ тобой поговорить. Обѣщай мнѣ... Мы уѣдемъ обѣ далеко, далеко, въ деревню, и будемъ жить какъ крестьянки и никто не узнаетъ, куда мы дѣлись. Скажи, мамаша, ты согласна, да! прошу тебя, умоляю, согласись!

Растерявшаяся маркиза остановилась посреди комнаты. У нея въ жилахъ текла простонародная кровь, кровь гнѣвливая. Къ этому примѣшивался материнскій стыдъ, пополамъ съ неопредѣленнымъ чувствомъ страха, раздраженіе страстной женщины, опасающейся за свою любовь, и она не знала: просить ли ей прощенія или прибѣгнуть къ насилію.

— Я тебя не понимаю,—сказала она.

Иветта продолжала:

— Я тебя видѣла... ма... мамаша... сегодня ночью... Не надо больше... еслибы ты знала... мы уѣдемъ обѣ. Я буду такъ любить тебя, что ты забудешь.

M-me Обарди произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Послушай, дочка. Есть вещи, которыхъ ты еще не понимаешь. Ну вотъ... не забывай... никогда не забывай... что я запрещаю тебѣ... говорить со мной... объ этихъ вещахъ.

Но молодая дѣвушка, внезапно возвращаясь къ роли спасительницы, принятой ею на себя, сказала:

— Нѣтъ, мамаша, я больше не ребенокъ и имѣю право знать. Ну и вотъ я узнала, что мы принимаемъ людей, пользую-

щихся дурной славой, авантюристовъ, я узнала, что насъ за это не уважаютъ, я и другое еще узнала. И этого больше не должно быть, слышишь. Я не хочу. Мы уѣдемъ. Ты продашь свои драгоцѣнности. Мы станемъ работать, если нужно, и будемъ жить, какъ честныя женщины, гдѣ-нибудь далеко, далеко. И если мнѣ удастся выйти замужъ, то тѣмъ лучше.

Мать глядѣла раздраженнымъ, мрачнымъ взглядомъ.

— Ты сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая. Изволь встать и идти завтракать со всѣми нами.

— Нѣтъ, мамаша. Здѣсь есть человѣкъ, котораго я больше не увижу, понимаешь. Я хочу, чтобы онъ уѣхалъ, или же я уѣду. Выбирай между имъ и мной.

Она усѣлась на кровати и возвысила голосъ, говоря, какъ говорятъ на сценѣ, и входя наконецъ въ ту драму, которую она сочинила, и почти позабывъ о своемъ горѣ, помня только о своей миссіи.

Маркиза, пораженная, повторила еще разъ:

— Ты сумасшедшая,—не находя сказать ничего другого.

Иветта продолжала съ театральной энергіей:

— Нѣтъ, мамаша. Этотъ человѣкъ оставитъ нашъ домъ, или я его оставлю. Я не уступлю.

— Но куда же ты пойдешь? Что ты станешь дѣлать?

— Не знаю, да и что за дѣло, я хочу только, чтобы мы были честными женщинами.

Это слово: «честныя женщины», безпрестанно упоминаемое Иветтой, бѣсило маркизу, и она закричала:

— Молчи; я запрещаю тебѣ говорить со мной такимъ образомъ. Я не хуже всякой другой, слышишь. Да, я куртизанка, но горжусь этимъ. Честныя женщины хуже меня.

Иветта, сраженная, глядѣла на нее лепеча:—Ахъ! мамаша!

Но маркиза, въ свою очередь воспламенясь и пришпоривая себя, кричала: — Ну да, да, я куртизанка. Чего еще. Еслибы я не была куртизанкой, ты была бы кухаркой теперь, какъ и я когда-то, и заработывала бы тридцать су въ день, и мыла бы посуду, а хозяйка посылала бы тебя на рынокъ, слышишь, и выгнала бы тебя на улицу, еслибы ты немного погуляла, а теперь ты цѣлый день гуляешь, потому что я куртизанка. Вотъ! Когда родишься въ бѣдной долѣ, когда приходится быть кухаркой или служанкой, то тутъ уже не приходится разбирать, если не хочешь умереть нищей. Для насъ, простыхъ женщинъ, нѣтъ другого пути, слышишь ли? Мы не можемъ получить доходнаго

мѣста или играть на биржѣ. У насъ есть только красота, одна только красота...

И она била себя въ грудь, какъ кающійся въ грѣхахъ, и вся красная внѣ себя подступала къ постели:

— Тѣмъ хуже для красивыхъ дѣвушекъ; имъ приходится жить красотой или же всю жизнь страдать отъ бѣдности... другого выбора нѣтъ.

И опять возвращаясь къ своей любимой идеѣ:

— А ужъ хороши и эти честныя женщины, нечего сказать! Онѣ хуже насъ, слышишь, потому что ихъ ничто не заставляетъ. У нихъ есть деньги, чтобы жить и веселиться, а онѣ берутъ себѣ любовниковъ, потому что развратны. Онѣ хуже насъ!

Она стояла у постели обезумѣвшей Иветты, которой хотѣлось закричать: — караулъ!—хотѣлось убѣжать и которая навзрыдъ плакала, какъ дѣти, когда ихъ бьютъ.

Маркиза умолкла и поглядѣла на дочь; при видѣ ея отчаянія, она вдругъ тоже прониклась горемъ, раскаяніемъ, умиленіемъ жалости и, бросившись на постель съ раскрытыми объятіями, тоже принялась рыдать, бормоча:—моя бѣдная дѣвочка! моя бѣдная дѣвочка! еслибы ты знала, еслибы ты знала, какъ ты меня огорчаешь!

И обѣ долго плакали.

Наконецъ, маркиза, у которой горе не долго держалось, приподнялась и тихо сказала:

— Ну, милая, что-жъ дѣлать. Теперь уже ничего нельзя измѣнить. Надо примириться съ жизнью, какъ она есть.

Иветта продолжала плакать. Ударъ былъ слишкомъ силенъ и неожиданъ, чтобы она могла разсуждать и успокоиться.

Мать продолжала:

— Послушай, вставай и приходи завтракать, чтобы никто ничего не замѣтилъ.

Молодая дѣвушка отрицательно качала головой, не будучи въ состояніи говорить. Наконецъ, произнесла сквозь рыданія:

— Нѣтъ, мамаша, ты знаешь, что я сказала. Я не перемѣню мнѣнія. Я не выйду изъ своей комнаты, до тѣхъ поръ, пока они не уѣдутъ. Я не хочу больше никого изъ нихъ видѣть, никогда, никогда. Если кто-нибудь изъ нихъ вернется, я... я... ты меня больше не увидишь.

Маркиза отерла глаза и, уставъ отъ слезъ, прошептала:

— Ну, будь же благоразумна.

Потомъ помолчавъ, прибавила:

— Что-жъ! пожалуй лучше тебѣ отдохнуть сегодня утромъ. Я приду тебя навѣстить днемъ.

И поцѣловавъ дочь въ лобъ, ушла къ себѣ, чтобы одѣться, уже совсѣмъ успокоившись.

Иветта, какъ только мать вышла, встала съ постели, подбѣжала къ двери и заперла ее на ключъ, чтобы быть одной, совсѣмъ одной. И затѣмъ принялась думать.

Горничная постучалась около одиннадцати часовъ и сказала сквозь дверь:

— Маркиза приказала спросить, не надо ли вамъ чего и чтó вы желаете кушать за завтракомъ.

Иветта отвѣчала:

— Я не хочу ѣсть. Прошу объ одномъ: чтобы меня не безпокоили.

И осталась лежать въ постели, точно была очень больна.

Около трехъ часовъ снова постучались.

Она спросила:—кто тамъ? И голосъ матери отвѣчалъ:—это я, милая. Пришла узнать, какъ ты себя чувствуешь?

Иветта съ минуту колебалась:—что ей дѣлать?—Потомъ отворила дверь и опять улеглась въ постель. Маркиза подошла и, говоря вполголоса, какъ съ больной, спросила:

— Ну, лучше ли тебѣ? не хочешь ли скушать яичко?

— Нѣтъ, благодарю, ничего не хочу.

M-me Обарди сѣла на кровать и обѣ молчали. Наконецъ, она спросила дочь, лежавшую неподвижно, скрестивъ руки на одѣялѣ:

— Ты развѣ не встанешь?

Иветта отвѣчала:

— Да, сейчасъ.

И продолжала серьезнымъ и медленнымъ голосомъ:

— Я много думала, мамаша, и вотъ... вотъ мое рѣшеніе. Прошлое остается прошлымъ, не будемъ о немъ говорить. Но будущее будетъ иное, или... или же я знаю, что сдѣлаю. А теперь довольно объ этомъ.

Маркиза, думавшая, что всѣ объясненія уже кончены, почувствовала нѣкоторую досаду. Право же, эта исторія уже надоѣла. Этой взрослой дурѣ слѣдовало давнымъ давно догадаться, въ чемъ дѣло. Но она ничего не сказала и только повторила:

— Такъ ты встанешь?

— Да сейчасъ.

Тогда мать стала служить ей вмѣсто горничной, принесла ей чулки, корсетъ, платье, потомъ поцѣловала, говоря:

— Хочешь прогуляться до обѣда?

— Да, мамаша.

И онѣ пошли гулять вдоль рѣки, разговаривая только о пустякахъ.

IV.

На другой день, съ утра, Иветта пошла совсѣмъ одна, на то мѣсто, гдѣ Сервиньи читалъ ей исторію про муравьевъ. Она говорила себѣ:—не уйду отсюда, пока не приму какого-нибудь рѣшенія.

Передъ ея ногами текла вода бурливая и пѣнистая, какъ будто подъ ней скрывались глубокіе омуты.

Она уже со всѣхъ сторонъ обсудила свое положеніе и средства изъ него выйти.

Какъ ей поступить, если мать не согласится на ея условія и не откажется отъ своего образа жизни, отъ своихъ знакомыхъ, отъ всего, чтобы укрыться съ нею въ какомъ-нибудь дальнемъ краѣ?

Она можетъ одна уѣхать! бѣжать! но куда? какъ? чѣмъ она будетъ жить?

Работой? но какой именно и къ кому она за ней обратится? И кромѣ того, смиренная, скучная жизнь работницъ, простолюдинокъ, представлялась ей нѣсколько постыдной, недостойной ея!

Она подумывала пойти въ гувернантки, какъ молодыя дѣвушки въ романахъ, и внушить любовь сыну той семьи, гдѣ она будетъ жить и выйти за него замужъ. Но для этого ей надо было бы быть знатнаго происхожденія, чтобы сказать разъяренному отцу, когда онъ будетъ упрекать ее за то, что она украла любовь его сына:—меня зовутъ Иветтой Обарди! Кромѣ того, это способъ банальный, избитый.

Монастырь былъ не лучше. Она не чувствовала никакого призванія къ монастырской жизни, такъ какъ припадки набожности у ней были періодическіе и мимолетные.

Никто не могъ спасти ее, женившись на ней, благодаря ея происхожденію! Никакой помощи отъ мужчины принять было нельзя, исхода, спасенія нельзя ждать ни откуда.

Притомъ же она хотѣла чего-нибудь энергическаго, грандіознаго, истинно великаго, чтó могло бы служить примѣромъ, и рѣшилась умереть.

Она рѣшилась на это сразу, спокойно, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь поѣздкѣ, не размышляя, не представляя себѣ,

чтó такое смерть, не понимая, что это безповоротный конецъ, отъѣздъ безъ возврата, разлука на вѣки съ землей, съ жизнью.

Она сразу рѣшилась на эту крайнюю мѣру съ легкомысліемъ экзальтированныхъ и молодыхъ душъ.

И стала придумывать, какимъ способомъ лишить себя жизни. Но всѣ казались ей трудно исполнимы и невѣрны, и противны. Она, не задумываясь, отвергнула кинжалъ и пистолетъ, которыми можно себя ранить, искалѣчить и которые требуютъ привычной и умѣлой руки. Веревка—слишкомъ вульгарный, смѣшной и безобразный способъ. Утопиться нельзя, потому что она умѣетъ плавать. Остается, значитъ, ядъ, но какой? Почти всѣ заставляютъ страдать и производятъ рвоту.

Она не хотѣла ни того, ни другого. И вотъ ей пришелъ на мысль хлороформъ, такъ какъ она вспомнила, что читала, въ газетныхъ извѣстіяхъ, какъ одна молодая женщина убила себя этимъ способомъ. И тотчасъ же ей стало легче отъ этого рѣшенія. Она почувствовала нѣкоторую гордость. Она докажетъ, что она не ничтожная дѣвушка.

Она вернулась въ Буживаль и пошла въ аптеку, гдѣ попросила немного хлороформу отъ зубной боли. Аптекарь, который ее зналъ, далъ ей крошечный пузырекъ съ этимъ наркотическимъ средствомъ.

Послѣ того она отправилась пѣшкомъ въ Круаси, гдѣ достала другой пузырекъ съ ядомъ. Третій ей дали въ Шату, четвертый въ Рюэйлѣ; затѣмъ она вернулась домой и опоздала къ завтраку. Такъ какъ она очень проголодалась послѣ такого большого моціона, то поѣла съ большимъ аппетитомъ.

Мать, радуясь, что она кушаетъ съ аппетитомъ, нѣсколько успокоилась и сказала въ то время, какъ онѣ вставали изъ-за завтрака:

— Всѣ наши друзья пріѣдутъ къ намъ въ воскресенье. Я приглашала князя, кавалера и господина де-Бельвинь.

Иветта слегка поблѣднѣла, но ни слова не сказала.

Тотчасъ послѣ завтрака она вышла изъ дому, отправилась на дебаркадеръ и взяла билетъ въ Парижъ.

И весь день она ходила изъ аптеки въ аптеку, покупая въ каждой по нѣскольку капель хлороформа.

Она вернулась вечеромъ съ карманами, набитыми маленькими пузырьками.

На другой день она повторила эту продѣлку и, случайно попавъ къ дрогисту, получила сразу четверть литра.

Въ субботу она не выходила изъ дому. День былъ пасмур-

ный и теплый. Она провела его весь на террасѣ, лежа въ плетеномъ креслѣ.

Она почти ни о чемъ не думала и чувствовала себя бодрой и спокойной.

На слѣдующій день она надѣла голубое платье, которое, она знала, очень къ ней шло. Ей хотѣлось быть какъ можно красивѣе. Глядя на себя въ зеркало, она вдругъ сказала: — завтра, я умру! И страшная дрожь пробѣжала у ней по тѣлу.

— Умру! не буду больше говорить, думать, никто меня не увидитъ больше и я никого и ничего не буду видѣть.

Она внимательно разглядывала свое лицо, точно оно ей было незнакомо; въ особенности всматривалась въ глаза, открывая въ себѣ тысячу подробностей, прежде ею не замѣченныхъ, какое-то новое выраженіе, и дивясь своему лицу, какъ если бы передъ ней было чужое лицо, лицо посторонней особы, какой-нибудь новой знакомой.

Она говорила себѣ: «Это я! я сама вонъ тамъ въ зеркалѣ. Какъ странно глядѣть на себя! а вотъ не будь зеркалъ, и мы бы не знали самихъ себя. Всѣ бы другіе знали, каковы мы, а мы бы этого не знали».

Она перекинула свои длинные, густые волосы, заплетенные въ косу, себѣ на грудь и слѣдила за всѣми своими жестами, за всѣми своими позами, за всѣми своими движеніями.

«Какая я хорошенькая, — думала она. — Завтра я буду лежать мертвая на своей постелѣ».

Она поглядѣла на постель и ей показалось, что она видитъ себя на ней блѣдную, какъ простыня.

— Мертвая. Черезъ недѣлю это лицо, эти глаза, эти щеки, губы превратятся въ черную, гніющую массу въ ящикѣ, зарытомъ въ землю.

Мучительный страхъ сжалъ ея сердце.

Яркое солнце заливало землю и чудный утренній воздухъ входилъ въ ея окно. Она усѣлась у него, думая:

— Мертвая. Это все равно, какъ если бы міръ исчезъ для нея. Но нѣтъ, потому что ничто не измѣнится въ мірѣ и даже въ комнатѣ. Да, ея комната останется такой, какъ была, съ той же кроватью, стульями, тѣмъ же туалетомъ, но самой ея не будетъ больше. Она исчезнетъ навсегда. И никто о ней не пожалѣетъ, кромѣ развѣ матери.

Всѣ скажутъ: «какая она была хорошенькая, эта Иветта!» И только всего!

И глядя на свою руку, которой она опиралась на кресло,

она снова подумала о той гнилой массѣ, черной и вонючей, въ какую превратится ея тѣло. И снова трепетъ ужаса пробѣжалъ по ней. Она хорошенько не понимала, какъ она можетъ исчезнуть безъ того, чтобы вся земля не погибла,—до такой степени она чувствовала себя нераздѣльной частью всего окружающаго, полей, воздуха, солнца, всей природы.

Раздался хохотъ въ саду, послышались громкіе голоса, перекликавшіеся съ шумной деревенской веселостью, и она узнала звучный голосъ де-Бельвиня, который пѣлъ:

«Je suis sous ta fenêtre,
Ah! daigne enfin paraître!»

Она встала и, не размышляя, выглянула въ окно. Всѣ принялись апплодировать. Они были здѣсь всѣ пятеро, да еще трое незнакомыхъ ей господъ.

Она вдругъ отскочила отъ окна, пронзенная мыслью, что всѣ эти мужчины пріѣхали веселиться къ ея матери, куртизанкѣ.

Колоколъ прозвонилъ, призывая къ завтраку. «Я покажу имъ, какъ умираютъ», сказала она себѣ. И сошла внизъ твердымъ шагомъ, съ такой же отчасти рѣшительностью, съ какой христіанскіе мученики входили въ циркъ, гдѣ ихъ ожидали львы.

Она пожала всѣмъ руки, улыбаясь ласково, но немного надменно. Сервиньи спросилъ:

— Что вы не такая сердитая сегодня, мамзель Иветта, какъ въ тотъ разъ?

Она отвѣчала строгимъ и загадочнымъ тономъ:

— Сегодня я буду дурачиться. У меня парижское настроеніе. Берегитесь.

И обратясь къ де-Бельвиню, прибавила:

— Вы будете сегодня моей жертвой. Я васъ всѣхъ уведу послѣ завтрака на праздникъ въ Марли.

Дѣйствительно въ Марли былъ праздникъ. Ей представили новыхъ знакомыхъ: графа де-Тамривъ и маркиза де-Брикю.

За завтракомъ она мало говорила, собираясь съ духомъ, чтобы быть веселой весь день, такъ чтобы никто ни о чемъ не догадался, чтобы сильнѣе удивить ихъ, чтобы они говорили впослѣдствіи:— кто бы этого ожидалъ!

Она казалась такой счастливой, такой довольной!

Она старалась при этомъ не думать о вечерѣ, о выбранномъ ею часѣ, когда они всѣ будутъ находиться на террасѣ.

Она пила какъ можно больше вина, чтобы подзадорить себя,

и выпила сверхъ того двѣ рюмки fine-champagne. Встала изъ-за стола красная. Въ головѣ у ней шумѣло и она согрѣлась физически, и нравственно. Она чувствовала себя теперь храброй и на все готовой.

— Въ путь!—скомандовала она.

Они отправились. Она взяла подъ руку де-Бельвиня и выстроила всѣхъ остальныхъ.

— Вы составите мой отрядъ!—говорила она. — Сервиньи, я произвожу васъ въ сержанты, вы будете держаться сбоку, съ правой стороны. И поведете впереди всѣхъ иностранную гвардію: князя и кавалера, затѣмъ двухъ рекрутовъ, которые сегодня только-что поступили въ солдаты. Ну, маршъ!

Они отправились, и Сервиньи принялся подражать рожку, между тѣмъ какъ новые знакомые дѣлали видъ, что бьютъ въ барабанъ. Бельвинь, нѣсколько сконфуженный, шепталъ:

— M-lle Иветта, образумьтесь,—вы себя компрометируете.

Она отвѣчала:

— Я компрометирую не себя, а васъ. Мнѣ-то вѣдь все равно. Завтра всѣ и позабудутъ про меня. А что касается васъ, мой милый, то тѣмъ хуже для васъ:—не ходите гулять съ такими, какъ я.

Они прошли такимъ образомъ весь Буживаль, къ общему удивленію гуляющихъ. Всѣ на нихъ оглядывались. Жители выходили на пороги домовъ; пассажиры желѣзной дороги, ведущей изъ Рюэйля въ Марли, высовывались изъ вагоновъ. Мужчины, стоя на платформахъ, кричали:—въ воду ихъ! въ воду! Иветта шла военнымъ шагомъ, держа де-Бельвиня за руку такъ крѣпко, какъ плѣнника. Она не смѣялась, лицо ея было мрачно и блѣдно, и зловѣщая неподвижность не покидала его. Сервиньи прекратилъ игру въ рожокъ, чтобы прокричать команду. Князь и кавалеръ очень веселились, находили все это очень забавнымъ и приличнымъ. Новые знакомцы непрерывно били въ барабанъ.

Прибывъ на мѣсто праздника, они произвели большую сенсацію. Двусмысленныя женщины принялись апплодировать, молодые люди—хохотать. Какой-то толстякъ, который велъ подъ руку жену, съ завистью въ голосѣ замѣтилъ:—вотъ эти господа, такъ не скучаютъ!

Иветта увидѣла карусель и заставила Бельвиня сѣсть на деревянную лошадь рядомъ съ собой, а другіе размѣстились позади нея лицомъ къ лошадинымъ хвостамъ. Когда оконченъ былъ одинъ кругъ, она отказалась сойти и заставила свою свиту пять

разъ сряду прогалопировать на дѣтскихъ лошадяхъ, къ вящшей забавѣ публики, кричавшей разный вздоръ.

Де-Бельвинь былъ блѣденъ, какъ смерть, слѣзая съ лошади. Его тошнило. Послѣ этого она пошла разгуливать по балаганамъ. Она заставила всѣхъ своихъ спутниковъ взвѣсить себя среди собравшейся вокругъ нихъ толпы. Заставляла покупать ихъ всякія нелѣпыя игрушки, которыя имъ пришлось нести потомъ въ рукахъ. Князь и кавалеръ уже находили, что шутка заходитъ слишкомъ далеко, но Сервиньи и барабанщики не унимались.

Они дошли наконецъ до рѣки. Тогда она окинула злымъ и косымъ взглядомъ своихъ спутниковъ и выстроила ихъ на берегу рѣки:

— Кто меня любитъ, пусть прыгнетъ въ воду!—объявила она.

Никто не двигался. Толпа уже собралась вокругъ нихъ. Женщины въ бѣлыхъ передникахъ глядѣли съ удивленіемъ. Два солдата въ красныхъ панталонахъ хохотали съ глупымъ видомъ.

Она повторила:

— Значитъ, никто изъ васъ не способенъ броситься въ воду, чтобы исполнить мое желаніе?

Сервиньи пробормоталъ:

— Тѣмъ хуже для меня, чортъ побери!—и бросился въ воду, брызги которой долетѣли до самыхъ ногъ Иветты. Толпа загоготала отъ удивленія и смѣха. Тогда молодая дѣвушка подняла съ земли кусочекъ дерева и забросила далеко въ воду, крича:— Apporte!

Молодой человѣкъ поплылъ, схватилъ кусочекъ дерева въ ротъ на манеръ собаки, и приплывъ къ берегу, вылѣзъ изъ воды и опустился на одно колѣно, чтобы подать ей его. Иветта взяла кусокъ дерева и, погладивъ Сервиньи по волосамъ,—сказала:

— Паинька!

Одна толстая барыня вознегодовала и произнесла:

— Богъ знаетъ что такое!

Другая замѣтила:

— Ну можно ли такъ дурачиться!

Какой-то мужчина объявилъ:

— Вотъ ужъ не полѣзъ бы въ воду для какой-то дѣвчонки.

Иветта снова взяла де-Бельвиня подъ руку, бросивъ ему въ лицо:

— Вы просто мокрая курица, мой милый, и сами не подозрѣваете, что вы прозѣвали.

Они пошли домой. Она бросала на прохожихъ раздраженные взгляды.

— Какія у нихъ у всѣхъ глупыя рожи!—объявила она, потомъ прибавила, взглянувъ на Бельвиня:

— Да и у васъ также.

Тотъ поклонился.

Обернувшись, она увидѣла, что князь и кавалеръ исчезли. Сервиньи, мокрый и угрюмый, не игралъ больше на рожкѣ и шелъ съ печальнымъ видомъ возлѣ усталыхъ молодыхъ людей, переставшихъ бить въ барабанъ.

Она сухо разсмѣялась:

— Вы кажется находите, что съ васъ довольно. И однако по вашему это значитъ веселиться,—не такъ ли? Вы затѣмъ и пріѣхали,—и я вдоволь распотѣшила васъ!

И пошла, не говоря больше ни слова, и вдругъ Бельвинь замѣтилъ, что она плачетъ.

Растерявшись, онъ спросилъ:

— Что съ вами?

Она пробормотала:

— Оставьте, это до васъ не касается!

Но онъ настаивалъ, какъ дуракъ:

— О! м-lle Иветта,—что съ вами скажите?—кто васъ огорчилъ?

Она съ нетерпѣніемъ повторила:

— Отстаньте, не ваше дѣло!

И, вдругъ, не въ силахъ больше удерживаться, разрыдалась такъ сильно, что не могла идти. Она закрывала лицо обѣими руками и задыхалась; въ горлѣ у нея сдѣлались спазмы и она хрипѣла, обезсиленная своимъ отчаяніемъ.

Бельвинь, стоя около нея и совсѣмъ потерявъ голову, повторялъ:

— Ничего не понимаю! ровно ничего не понимаю!

Но Сервиньи вдругъ подошелъ къ ней:

— Пойдемте домой, мамзель Иветта. Не плачьте на улицѣ. И къ чему вы такъ дурачитесь, если это васъ огорчаетъ.

И взявъ ее за локоть, повелъ за собой. Но когда они дошли до рѣшетки виллы, она бросилась бѣжать, пронеслась по саду, взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ и заперлась въ своей комнатѣ.

Она появилась только за обѣдомъ, очень блѣдная, очень серьезная. Всѣ были однако веселы. Сервиньи купилъ костюмъ рабочаго, бархатные панталоны, пеструю рубашку, вязаный жилетъ и блузу, облекся въ него и говорилъ какъ простолюдинъ.

Иветта съ нетерпѣніемъ ждала конца обѣда, чувствуя, что мужество покидаетъ ее. Послѣ кофе, она немедленно ушла къ себѣ.

Она слышала подъ своимъ окномъ веселые голоса. Кавалеръ отпускалъ вольныя шуточки, грубые и неловкіе каламбуры, на ломаномъ французскомъ языкѣ.

Она слушала съ отчаяніемъ. Сервиньи, слегка подпившій, передразнивалъ пьянаго рабочаго и называлъ маркизу: хозяйка! И вдругъ обратился къ Савалю:—Эй! хозяинъ!

Раздался общій хохотъ.

Тутъ Иветта рѣшилась. Она взяла сначала листъ почтовой бумаги и написала:

«Буживаль, воскресенье, девять часовъ вечера. Я умираю, чтобы не сдѣлаться куртизанкой. Иветта».

И затѣмъ въ постскриптумѣ. «Прощайте, милая мамаша, простите меня».

Она запечатала письмо и подписала на немъ: «Маркизѣ Обарди».

Потомъ придвинула кушетку къ окну, поставила около себя маленькій столикъ, а на него бутылку съ хлороформомъ и положила вату.

Громадный розовый кустъ, достигавшій съ террасы почти до ея оконъ и покрытый цвѣтами, испускалъ нѣжное благоуханіе, которое доносилось къ ней въ комнату. Она вдыхала его въ себя въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ.

Луна, бывшая въ первой четверти, взошла на темномъ небѣ, по временамъ заволакиваемая легкими облачками.

Иветта думала:

— Я должна умереть,—я должна умереть.

И сердце ея, удрученное сдерживаемыми рыданіями и тоской, готово было разорваться. Ей хотѣлось просить у кого-то пощады, хотѣлось быть спасенной и любимой.

Послышался голосъ Сервиньи. Онъ разсказывалъ неприличную исторію, прерываемую взрывами хохота. Маркиза смѣялась громче другихъ и безпрестанно повторяла:

— Вотъ мастеръ разсказывать!—Ха, ха, ха!

Иветта взяла бутылку, раскупорила ее и налила немного хлороформа на вату, послышался сильный, сладкій, странный запахъ, и поднеся вату къ носу, она втянула его въ себя и закашлялась.

И вотъ закрывъ ротъ, она принялась изо всей мочи нюхать это смертельное вещество, закрывъ глаза и стараясь ни о чемъ не думать, забывъ о томъ, что̀ она дѣлаетъ.

Сперва ей показалось, что грудь ея расширяется, расширяется и что душа ея, такая тяжелая, удрученная горемъ, становится все легче и легче, точно тяжесть, давившаю ея грудь, сняли. Какое-то сильное и пріятное ощущеніе насквозь проникало въ нее, во всѣ ея члены до самаго кончика пальцевъ на ногахъ и рукахъ; что-то вливалось въ ея тѣло, нѣчто въ родѣ сладкаго опьянѣнія.

Она замѣтила, что вата суха, и удивилась, что еще жива. Всѣ чувства ея какъ будто бы изощрились, стали гораздо тоньше. Она слышала все до послѣдняго слова, что говорилось на террасѣ, князь Кравалонъ разсказывалъ, какъ онъ дрался на дуэли съ однимъ австрійскимъ генераломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до нея доносились издали разные ночные звуки, лай собакъ, короткій вопль жабы, едва примѣтный шелестъ листьевъ.

Она взяла бутылку, и снова намочивъ вату, стала ее нюхать. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, она ничего не чувствовала, затѣмъ пріятное и сладкое ощущеніе, испытанное ею предъ тѣмъ, снова овладѣло ей.

Два раза она наливала хлороформъ на вату, такъ какъ теперь уже жаждала этого чуднаго физическаго и нравственнаго ощущенія, этой мечтательной дремоты, въ какую погружалась ея душа.

Ей казалось, что у ней нѣтъ больше костей, нѣтъ больше мяса, нѣтъ ни рукъ, ни ногъ. У ней отнялось все это потихоньку, такъ что она и не замѣтила. Хлороформъ упразднилъ ея тѣло и оставилъ ей только мысль, болѣе живую, смѣлую, свободную, чѣмъ когда бы то ни было.

Она припоминала тысячу позабытыхъ ею вещей, разныхъ мелочей, пустяковъ изъ эпохи ея дѣтства, и это доставляло ей удовольствіе. И умъ ея, вдругъ одаренный невѣданной дотолѣ быстротой, перескакивая отъ одной мысли къ другой, совсѣмъ противуположной, бродилъ въ прошломъ, уносился въ неизвѣстное будущее. И эта дѣятельная и лѣнивая вмѣстѣ съ тѣмъ мысль доставляла ей чувственное наслажденіе; она испытывала божественную сладость думать такимъ образомъ.

Она все еще слышала голоса, но уже не различала словъ, имѣвшихъ теперь для нея иной смыслъ. Она погружалась въ какія-то странныя и волшебныя сновидѣнія. Она видѣла себя на большой лодкѣ, плывшей мимо чудной страны, усѣянной цвѣтами. Она видѣла людей на берегу и эти люди что-то говорили. Затѣмъ она неизвѣстно какъ очутилась на твердой землѣ, и Сер-

виньи, одѣтый принцемъ, пришелъ за ней, чтобы вести ее смотрѣть бой быковъ. Улицы были полны прохожихъ, которые разговаривали, а она слушала ихъ безъ всякаго удивленія, какъ будто бы всѣ эти лица были ей знакомы. Сквозь мечтательное опьянѣніе свое она слышала, какъ смѣялись и болтали друзья ея матери на террасѣ.

Затѣмъ вдругъ все смѣшалось. Когда она, наконецъ, проснулась въ сладкомъ оцѣпенѣніи, то съ трудомъ припомнила, что̀ съ нею.

Итакъ она все еще не умерла. Но она чувствовала себя такъ хорошо, въ такомъ физическомъ покоѣ и такомъ мирѣ душевномъ, что не торопилась кончить съ собой; ей хотѣлось бы продлить навсегда эту сладкую дремоту.

Она медленно дышала и глядѣла на луну, виднѣвшуюся надъ деревьями. Въ ея умѣ произошла какая-то перемѣна. Она думала совсѣмъ иначе, чѣмъ передъ тѣмъ: хлороформъ, обезсиливъ ея тѣло и душу, успокоилъ ея горе и ослабилъ въ ней желаніе умереть.

Почему бы ей и не жить? почему бы ей не быть любимой? Почему бы ей не быть счастливой? Теперь ей все представлялось возможнымъ и легкимъ, и вѣрнымъ. Все въ жизни было пріятно, хорошо, чудесно.

Но такъ какъ ей хотѣлось продлить свое дремотное состояніе, она опять налила хлороформу на вату, но вдыхала его уже отдаливъ вату отъ ноздрей, чтобы не слишкомъ нанюхаться его и не умереть.

Она глядѣла на луну и ей мерещилось въ ней женское лицо. Она снова погрузилась въ міръ грезъ, навѣваемыхъ наркотическимъ отравленіемъ. Лицо качалось въ небѣ и пѣло, пѣло «гимнъ любви».

Маркиза сѣла за фортепьяно.

Теперь у Иветты выросли крылья и она полетѣла ясной ночью надъ лѣсами и рѣками. Она съ наслажденіемъ летала, раскрывая крылья и хлопая ими по воздуху, уносимая вѣтромъ, который точно ласкалъ ее.

Она неслась какъ вихрь въ воздухѣ, гладившемъ ее по кожѣ, и не успѣвала даже разглядѣть то, что̀ было подъ ней. И вотъ она очутилась на берегу пруда, съ удочкой въ рукѣ. Она удила рыбу. Что-то потянуло въ водѣ и она вытащила великолѣпное жемчужное ожерелье, которое ей очень понравилось нѣсколько времени тому назадъ. Она нисколько не удивилась этой находкѣ

я глядѣла на Сервиньи; онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и тоже удилъ, и вытащилъ изъ рѣки деревянную лошадь.

Потомъ она опять почувствовала, что просыпается, и услышала, что ее зовутъ.—Мать кричала:

— Иветта, Иветта, потуши свѣчку.

Затѣмъ раздался явственный и комическій возгласъ Сервиньи:

— Потушите свѣчку, мамзель Иветта!

И всѣ хоромъ подхватили:

— Мамзель Иветта, потушите свѣчку.

Она снова налила хлороформу на вату, но такъ какъ уже не хотѣла умереть, то держала ее довольно далеко отъ носа, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ, но чтобы въ комнатѣ пахло хлороформомъ. И принявъ позу мертвеца, стала ждать.

Маркиза говорила:

— Меня безпокоитъ эта маленькая шалунья. Она заснула, позабывъ свѣчу на столѣ. Я пошлю горничную задуть свѣчу и запереть окно на балконъ.

И вскорѣ горничная постучалась въ дверь, крича:

— M-lle! M-lle!

Отвѣта не было. Она опять начала:

— M-lle! маркиза проситъ васъ задуть свѣчу и запереть окно.

Горничная еще подождала немного и принялась стучать громче, крича:

— M-lle! M-lle!

И такъ какъ Иветта не откликалась, то пошла объявить маркизѣ:

— M-lle Иветта уже спитъ. Дверь заперта на ключъ и я не могла ее разбудить.

M-me Обарди пробормотала:

— Нельзя же, однако, оставить ее такъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?

Тогда всѣ, по совѣту Сервиньи, собрались подъ окнами молодой дѣвушки и завопили хоромъ:

— Ура! ура! мамзель Иветта!

Крикъ ихъ разнесся въ чистомъ воздухѣ надъ окрестностью и замеръ, какъ гулъ удаляющагося поѣзда.

Такъ какъ Иветта ничего не отвѣчала, то маркиза сказала:

— Ужъ не случилось ли чего съ нею, я боюсь.

Тогда Сервиньи, нарвавъ красныхъ розъ съ куста, принялся швырять ихъ въ окно комнаты Иветты. Первая роза, упавшая на нее, заставила ее вздрогнуть и чуть не закричать. Другія

падали на ея волосы, платье, перелетали ей черезъ голову до постели, скоро ее покрылъ цѣлый дождь цвѣтовъ.

Маркиза закричала еще разъ замирающимъ отъ страха голосомъ:

— Иветта, послушай, Иветта, отвѣчай же!

Тогда Сервиньи объявилъ:

— Право, это ненатурально. Я вскарабкаюсь на балконъ.

Но кавалеръ протестовалъ:

— Позвольте, позвольте. Это очень большая вольность. Я протестую. Это былъ бы слишкомъ удобный способъ... и слишкомъ удобная минута... для rendez-vous.

И всѣ другіе, полагавшіе, что молодая дѣвушка дурачится, закричали:

— Мы протестуемъ. Это все штуки. Мы его не пустимъ! мы его не пустимъ!

Но маркиза, взволнованная, повторяла:

— Надо же, однако, узнать, въ чемъ дѣло.

Князь объявилъ съ драматическимъ жестомъ:

— Она благоволитъ къ герцогу. Намъ измѣнили.

— Бросимъ жребій, кому лѣзть на балконъ,—предложилъ кавалеръ.

И вынулъ изъ кармана золотую стофранковую монету.— Я начну съ княземъ:—рѣшетка!—сказалъ онъ.

Вышелъ орелъ.

Князь бросилъ монету въ свою очередь, говоря Савалю:— выбирайте.

Саваль сказалъ:—Орелъ. Оказалась рѣшетка.

Князь обратился къ Тамриву:—ваша очередь.

Молодой человѣкъ сказалъ: Орелъ. Вышла опять рѣшетка.

Выступилъ де Бельвинь:

— Орелъ,—сказалъ онъ.

Опять оказалась рѣшетка.

Сервиньи, одинъ еще не участвовавшій въ метаніи жребія, объявилъ съ своимъ обычнымъ дерзкимъ видомъ:

— Ба! онъ плутуетъ.

Князь приложилъ руку къ сердцу и протянулъ золотую монету своему сопернику, говоря:

— Бросьте сами, любезный герцогъ.

Сервиньи взялъ и бросилъ ее, крича:—Орелъ.

Вышла рѣшетка.

Онъ поклонился и, показывая на колонны балкона, предложилъ:

— Карабкайтесь, князь.

Но князь оглядывался съ тревожнымъ видомъ.

— Что вы ищите?—спросилъ ковалеръ.

— Да... я хотѣлъ бы... лѣстницу.

Раздался общій хохотъ. И Саваль, подойдя, сказалъ:

— Мы всѣ вамъ поможемъ, князь.

И приподнявъ его въ своихъ геркулесовыхъ рукахъ, рекомендовалъ:

— Уцѣпитесь за балконъ. Князь уцѣпился, и когда Саваль пустилъ его, заболталъ ногами въ воздухѣ.

Тогда Сервиньи схватилъ эти безпомощныя ноги и потянулъ къ себѣ. Князь отнялъ руки и полетѣлъ на животъ де-Бельвиня, подошедшаго, чтобы его поддержать.

— Кому охота?—спросилъ Сервиньи.

Но всѣ молчали.

— Ну, Бельвинь, смѣлѣе.

— Благодарю, любезный герцогъ, я берегу свои кости.

— Ну, вы, кавалеръ, вамъ это должно быть въ привычку.

— Я уступаю вамъ мѣсто, герцогъ.

— Гмъ! гмъ! я вовсе не такъ стою за него.

И Сервиньи вертѣлся вокругъ колоннъ. Затѣмъ съ разбѣгу уцѣпился за балюстраду балкона, поднялся на рукахъ, какъ дѣлаютъ гимнасты, и перескочилъ черезъ балюстраду.

Всѣ зрители захлопали въ ладоши. Но онъ тотчасъ появился на балконѣ, крича:

— Идите скорѣй, скорѣй. Иветта въ обморокѣ.

Маркиза громко вскрикнула и бросилась на лѣстницу.

Молодая дѣвушка съ закрытыми глазами прикидывалась мертвой.

Обезумѣвшая мать бросилась къ ней, крича:

— Что съ ней такое? скажите, что съ ней?

Сервиньи поднялъ бутылку съ хлороформомъ, упавшую на полъ, и сказалъ:

— Она задушила себя хлороформомъ.

И приложивъ ухо къ сердцу,—прибавилъ:

— Но она еще жива; мы приведемъ ее въ чувство. Есть у васъ амміакъ?

Растерявшаяся горничная повторяла:

— Что такое... что такое... сударь?

— Нашатырный спиртъ?

— Есть.

— Принесите сейчасъ и оставьте дверь открытой, чтобы былъ сквозной вѣтеръ.

Маркиза упала на колѣни, рыдая:

— Иветта! Иветта! моя милая дочка, дитя мое, дорогая Иветта! послушай! отвѣчай мнѣ, Иветта! О! Господи, что съ ней такое?

Ошеломленные мужчины суетились безъ толку, тащили воду, салфетки, стаканы, уксусъ.

Маркиза, окончательно потерявшая голову, пыталась раздѣть дочь, но руки у ней дрожали, путались, не повиновались ей и она стонала:

— Не... не могу, не... могу.

Вернулась горничная и принесла нашатырный спиртъ, Сервиньи раскупорилъ склянку и вылилъ половину спирта на носовой платокъ. Затѣмъ приложилъ его къ носу Иветты, которая задохлась.

— Слава Богу, она дышетъ,—сказалъ онъ.—Все обойдется благополучно. И сталъ обливать ей виски, щеки и шею нашатырнымъ спиртомъ.

Потомъ сдѣлалъ знакъ горничной разшнуровать молодую дѣвушку, и когда она осталась только въ одной юбкѣ и рубашкѣ, взялъ ее на руки и отнесъ на кровать.

Уложивъ ее, онъ обернулся, весь блѣдный, и сказалъ:

— Она сейчасъ придетъ въ себя.—Онъ уже слышалъ, что она ровно и правильно дышала. Но увидѣвъ всѣхъ этихъ мужчинъ, глядѣвшихъ во всѣ глаза на дѣвушку, распростертую на кровати, онъ вдругъ почувствовалъ ревнивую досаду и, подойдя къ нимъ, объявилъ:

— Господа, вы здѣсь лишніе. Извольте оставить насъ съ Савалемъ и маркизой однихъ.

Онъ говорилъ сухимъ и властнымъ тономъ. Всѣ тотчасъ же ушли.

M-me Обарди обхватила Саваля обѣими руками и кричала:

— Спасите ее! спасите ее!

Но Сервиньи, оглянувшись, увидѣлъ письмо на столѣ. Онъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его и прочиталъ адресъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и подумалъ:

— Можетъ быть лучше, чтобы маркиза не читала этого и, разорвавъ конвертъ, пробѣжалъ глазами двѣ строки, въ немъ заключавшіяся:

«Умираю, чтобы не быть куртизанкой. Иветта. Прощайте милая мамаша, простите меня».

«Чортъ возьми!—подумалъ онъ.—Объ этомъ надобно поразмыслить». И спряталъ письмо въ карманъ.

Потомъ подошелъ къ постели и ему тотчасъ пришло въ

голову, что молодая дѣвушка уже опомнилась, но не смѣетъ этого показать изъ стыда, изъ чувства униженія и боязни разспросовъ.

Маркиза стояла въ эту минуту на колѣняхъ и плакала, уткнувшись головой въ кровать. Вдругъ она сказала:

— Надо бы доктора, скажите! вѣдь надо бы позвать доктора!

Но Сервиньи, шепнувшій что-то Савалю, сказалъ ей:

— Нѣтъ, все прошло. Потерпите минутку, только одну минутку, и я обѣщаю вамъ, что она васъ поцѣлуетъ, когда вы вернетесь.

И баронъ приподнялъ ее съ колѣнъ и увелъ.

Тогда Сервиньи, сѣвъ у кровати, взялъ руку Иветты и сказалъ:

— Мамзель Иветта, послушайте...

Она не отвѣчала. Ей было такъ хорошо, такъ покойно и тепло лежать, что хотѣлось бы никогда больше не двигаться, не говорить и остаться въ такомъ положеніи навсегда. Ее охватило такое чувство покоя и нѣги, какого она никогда еще не испытывала. Она лежала съ закрытыми глазами, все еще опьяненная дѣйствіемъ хлороформа, но уже не хотѣла больше умереть, а хотѣла жить, жить, быть счастливой, все равно какимъ образомъ, но быть любимой, да, любимой!

Сервиньи повторилъ:

— Мамзель Иветта, послушайте меня.

Она рѣшилась открыть глаза. Увидя, что она очнулась, онъ продолжалъ:

— Что-жъ это вы такое затѣяли? къ чему такія глупости?

Она прошептала:

— Мой бѣдный Мюскадъ, я была такъ несчастна.

Онъ отечески пожалъ ей руку:

— А много вы отъ этого выиграли бы? Ахъ, да! обѣщайте мнѣ, что не повторите этого.

Она не отвѣчала, но слегка покачала головой и чуть-чуть улыбнулась.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, найденное на столѣ:

— Слѣдуетъ показать это вашей мамашѣ?

Она отрицательно качнула головой.

Онъ не зналъ больше, чтó сказать. Положеніе было безвыходное. Онъ пробормоталъ:

— Милое мое дитя, надо умѣть мириться съ самыми тяжкими вещами. Я вполнѣ понимаю вашу горесть и обѣщаю вамъ...

Она пролепетала:

— Вы добрый...

И оба замолчали. Онъ глядѣлъ на нее. У нея было во взглядѣ что-то умиленное, растроганное, притягательное. Вдругъ она протянула обѣ руки, какъ бы желая его обнять.

Онъ нагнулся къ ней и ихъ губы слились.

Долго оставались они такъ съ закрытыми глазами.

Наконецъ, чувствуя, что теряетъ голову, онъ приподнялся.

Она улыбнулась ему съ любовью.

— Я позову вашу мать,—сказалъ онъ.

Она глазами сказала: да.

Маркиза бросилась къ дочери съ раскрытыми объятіями, и съ жаромъ поцѣловала ее, покрывая слезами ея лицо. А Сервиньи, радостный и сіяющій, вышелъ на балконъ подышать чистымъ воздухомъ и подумалъ:

— Хитеръ будетъ тотъ, кто разгадаетъ женщину!

А. Э.

ДОМАШНІЙ СУДЪ

(Изъ хроники южно-русскаго села).

I.

Чтó они такое разсказываютъ? Господи ты Боже мой! Да этому никогда нельзя повѣрить! Можно повѣрить всему на свѣтѣ, хотя бы то была самая явная небылица; ну, напримѣръ, еслибъ сказали, будто большой колоколъ, что виситъ на самой вышкѣ Гусаковской колокольни (онъ, правда, вѣситъ всего $34^1/_2$ пуда; на свѣтѣ бываютъ, разумѣется, колокола и побольше, но въ Гусаковкѣ бóльшаго нѣтъ и никогда не бывало), да, такъ этотъ самый большой колоколъ преспокойно сошелъ себѣ съ колокольни, отправился въ кабакъ, потребовалъ себѣ штофъ водки и тутъ же за столикомъ и роспилъ его, закусивши соленымъ огурцомъ. Это уже совсѣмъ невѣроятно, а все-таки этому скорѣй можно повѣрить, чѣмъ тому, чтó они разсказываютъ по деревнѣ. Возможное ли это дѣло? Двадцать лѣтъ люди жили душа въ душу. Они и повѣнчались-то въ одинъ день. Покойный о. Аристархъ, когда уже былъ въ старости, частенько-таки дѣлывалъ это для облегченія. Соберетъ этакъ пары двѣ, три, а то и четыре, да всѣхъ разомъ и обкрутитъ; такъ всѣхъ гуськомъ и обведетъ, бывало, вокругъ столика, когда дьякъ съ пономаремъ поютъ: «Исаіе, ликуй». Нарочно для этого выписалъ полъ-дюжины паръ дешевенькихъ вѣнцовъ. Мужику вѣдь все одно, лишь бы по закону. Вотъ такъ-то и ихъ вмѣстѣ обвѣнчали. Въ передней парѣ стоялъ Терентій Здыбáй съ своей краснощекой невѣстой Оленой, и въ задней — Андрей Кившенко съ Параской (о, чтó за станъ былъ тогда у Параски! Этакаго стана во всемъ свѣтѣ

не найти. А черныя брови дугой! А косы свѣтло-русыя—длинныя да густыя, точь-въ-точь два снопа свѣжей только-что скошенной ржи. Да что говорить! Все было тогда хорошо у Параски!). И это о. Аристархъ не даромъ сдѣлалъ. Съ этого вѣнчанья такъ все уже и пошло у нихъ. Все вмѣстѣ. Первое дѣло: рядышкомъ выстроили они себѣ новыя хаты съ большими городами. Въ поле ли ѣхать — возъ Терентья тянется за возомъ Андрея; въ кабакъ ли пойти—Андрей сидитъ рядомъ съ Терентіемъ, въ одно время они говѣютъ въ великомъ посту, одинаково грозно нападаетъ на нихъ батюшка за то, что они не хотятъ говѣть въ другой разъ въ году — въ Петровъ постъ. Да чего лучше: каждый годъ они вмѣстѣ снимаютъ у помѣщика двѣнадцать десятинъ земли и тутъ уже все пополамъ: и рискъ, и работа, и зерна, и прибыль, и убытокъ. И чтобъ этакіе завзятые пріятели поссорились! Да никогда этому нельзя повѣрить. Имъ и поссориться-то не легко. Терентій, напримѣръ, любитъ выпить. Андрей, положимъ, тоже нельзя сказать, чтобъ ужъ совсѣмъ не любилъ,—кто-жъ этого не любитъ? Но Терентій любитъ выпить основательно, такъ чтобъ, придя домой, непремѣнно расколотить стекло въ окнѣ, либо перевернуть казанъ съ борщомъ, либо даже замахнуться кулакомъ надъ головой Олены (замахнуться и только,—это надо замѣтить, потому что Олена не изъ такихъ женъ, которыя дадутъ себя въ обиду. Ну, нѣтъ. Она скорѣй сама всякаго побьетъ, глаза выцарапаетъ, хотя бы то былъ и самъ ея законный голова). И въ такихъ случаяхъ Терентій непремѣнно отправляется къ Андрею и начинаетъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ обличать своего пріятеля во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Такой уже нравъ у него. Тутъ оказывается, что преступнаго Андрея мать-сыра-земля по какому-то странному недоразумѣнію держитъ на своей поверхности и не поглощаетъ его; потому что онъ—хитрый мошенникъ и воръ (надулъ его, Терентія, на житѣ прошлогоднемъ), коварный соблазнитель (не довольствуясь своей Параской лупоглазой, обольщаетъ Олену), и кромѣ того еще безбожникъ, потому что не хочетъ говѣть въ Петровъ постъ. Разумѣется, мы только изъ деликатности употребляемъ такія мягкія выраженія; Терентій же не любилъ деликатничать и выражался сильно и откровенно. Что же дѣлалъ Андрей? Онъ сосредоточенно молчалъ и продолжалъ чинить возъ или вострить косу, даже какъ будто ничего и не слышалъ, только изрѣдка, когда Терентій отпускалъ какое-нибудь отмѣнное словцо, ухмылялся и шевелилъ усами. Когда же Терентій уставалъ и

истощалъ весь богатый запасъ обвиненій, Андрей спокойно произносилъ:

— Ну, теперь пойди выспись, Терешка!

И Терентій беспрекословно лавировалъ по направленію къ своей хатѣ. Ну, какъ тутъ было поссориться съ такимъ неуязвимымъ человѣкомъ, какъ Андрей? Молчитъ себѣ, хоть ты ему что. Другому—анъ, пожалуй, и не смолчалъ бы, а Терентію... Андрей вѣдь знаетъ, что все это не отъ злобы. Нравъ уже такой — вотъ и все. Ну, а у Андрея такой нравъ, что онъ не любитъ тратить слова по пустому.

И вотъ — говорятъ же, что они поссорились. Можетъ, тутъ бабы что-нибудь прикинули? О, отъ этого народа всего можетъ статься! Только опять же не было замѣчено, чтобъ у Олены съ Параской когда-нибудь вышло что-нибудь этакое. Никогда! Гдѣ видано, чтобы двѣ бабы, живя другъ у дружки чуть не подъ носомъ и встрѣчаясь десять разъ на день, чтобы двѣ такія почтенныя бабы жили мирно и ни разу не вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы? Едва ли гдѣ-нибудь это видано съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Можетъ, тамъ въ губернскомъ городѣ, либо въ столицѣ, это и водится. (Ну, да, какже! Повѣритъ этому кто-нибудь въ Гусаковкѣ!) А въ нашихъ мѣстахъ этого еще не случалось. Случилось это только съ Параской и Оленой, которыя вотъ уже двадцать лѣтъ живутъ сосѣдями и ни разу еще не поссорились какъ слѣдуетъ. Ну, конечно, бывали случаи... Нельзя же безъ этого! Бывало такъ, что Параска надуется и дня два не заглядываетъ къ Оленѣ; особенно, — это уже дѣлалось неизбѣжнымъ, — когда обѣ хозяйки одновременно пекли хлѣбъ и вдругъ оказывалось, что у Параски вышли какія-то «перепечки», а у Олены выросли такіе хлѣбы, что хоть на выставку посылай. Случалось и такъ, что Олена «нацькуе» своихъ собакъ на Параскину свинью; но тутъ опять-таки причиной было благородное соревнованіе. Это допускалось въ томъ случаѣ, когда Олена замѣчала, что у Параскиной свиньи больше сала, чѣмъ у ея сверстницы, принадлежавшей Оленѣ. Но эти вспышки сами собой проходили. Въ первомъ случаѣ Олена посылала Параскѣ одинъ изъ удавшихся хлѣбовъ; во второмъ же дѣло кончалось совсѣмъ безобидно, потому что Параскины собаки, будучи хорошими пріятелями со всей домашней «худобой» Олены, очень скоро отставали отъ ударившейся въ бѣгство сосѣдки, не соблазняясь даже ея длинными лапастыми ушами.

Такимъ образомъ и съ этой стороны, казалось бы, не могло быть мѣста для ссоры. А между тѣмъ вся деревня въ одинъ

голосъ утверждаетъ, что роковое событіе произошло, т.-е., что Терентій и Андрей окончательно разругались и послѣдній даже заперъ на замокъ калитку, которая вела изъ одного двора въ другой. Всѣ говорятъ это. Да этого мало. Говорятъ еще не такія вещи. Разсказываютъ... будто Андрей и Терешка подали другъ на друга жалобы въ волостной судъ. Сначала Андрей подалъ на Терентія, а потомъ Терентій—на Андрея. Ну, ужъ тутъ—развѣ только одинъ волостной писарь что-нибудь разберетъ, да и тотъ, если хорошенько вникнуть, едва ли разберетъ что-нибудь. Двадцать лѣтъ! И вдругъ не только разругались, а еще съ жалобами! Я думаю, что батюшка въ первое же воскресенье въ церкви скажетъ объ этомъ «слово». И думаю я еще, что вмѣсто всякаго суда слѣдовало бы позвать въ церковь и Терешку и Андрея и отслужить надъ ними молебствіе съ водосвятіемъ, и все это навожденіе само собою прошло бы, потому что, если разсудить, такъ тутъ только и есть, что дѣло нечистаго. Ужъ онъ, конечно, не зѣваетъ. Ему, я думаю, не сладко спалось эти двадцать лѣтъ, когда онъ видѣлъ, что люди живутъ между собою по-ангельски. Вотъ онъ и намутилъ.

А все-таки надо поразспросить у людей, въ чемъ тутъ настоящее-то дѣло.

II.

Ну, такъ и есть! Бабы! Вотъ какой это народъ! Двадцать лѣтъ люди жили душа въ душу, а тутъ нà... И изъ-за чего началось? Никто не повѣритъ этому, а правда. Началось изъ-за поросенка.

Дѣло происходило въ великомъ посту, за недѣлю до Пасхи. Это—самое горячее время для поросятъ, потому что въ это время ихъ колютъ. Поросенокъ, съ котораго началось дѣло, былъ уже довольно взрослый, такъ что, собственно говоря, онъ даже не былъ поросенкомъ. Это былъ скорѣе всего «підсвинокъ», т.-е. такая особа, которая не сегодня-завтра будетъ называться свиньей. Онъ принадлежалъ Андрею и былъ гордостью всей семьи Кишенковыхъ, потому что къ Пасхѣ отъ него ожидалось изрядное количество сала. Но это никакъ не могло служить поводомъ для зависти со стороны Терентія и его семьи, потому что ихъ пасхальныя надежды олицетворялись точь-въ-точь въ такомъ же экземплярѣ. «Підсвинки» обоихъ семействъ провели вмѣстѣ и неразлучно всю свою молодость и были такъ же дружны, какъ ихъ хозяева. Особенно трогательно въ ихъ общей судьбѣ было то

роковое обстоятельство, что они должны были пойти на закланіе въ одинъ и тотъ же день, а именно—въ чистый понедѣльникъ. Они получили приличное ихъ породѣ воспитаніе и ужъ во всякомъ случаѣ за ними ухаживали съ бо̀льшимъ стараніемъ, чѣмъ за всѣми малолѣтними членами обоихъ семействъ, такъ какъ эти «Здыбаята» и «Кившенята» росли на волѣ Божіей безъ всякаго вмѣшательства кого бы то ни было въ ихъ судьбу.

Въ вербное воскресенье молодые товарищи, отличавшіеся вообще веселымъ нравомъ, вдругъ сдѣлались мрачными. Надо думать, что причиной этого было смутное предчувствіе неминуемой гибели, которая должна была послѣдовать черезъ какихъ-нибудь двадцать часовъ.

Въ этотъ день передъ заходомъ солнца злосчастные товарищи угрюмо бродили по двору Терешки въ то самое время, когда Олена взяла въ руки бичъ и собралась пойти на встрѣчу «чередѣ», гдѣ была ея корова. Взглядъ ея случайно остановился на подсвинкахъ, причемъ невольное сравненіе было не въ пользу того изъ нихъ, который былъ гордостью ея фамиліи. Куда-а? развѣ можно сравнивать? Вѣдь вотъ повезетъ же людямъ! Кажется, она не жалѣла ни помоевъ, ни мякины; всевозможные остатки зелени, всякій мало-мальски испорченный арбузъ, огурецъ, разнообразные кухонные остатки, однимъ словомъ, всякая гадость, какая только попадалась подъ руки, все это шло на ублаженіе его прожорливой утробы. И вотъ подите же! Парасскинъ подсвинокъ кажется на два мѣсяца старше, ну, значитъ, и сала дастъ больше фунтовъ на пятнадцать. А родились въ одинъ день и выросли вмѣстѣ на одномъ и томъ же вольномъ воздухѣ. Можно ли, чтобъ послѣ этого въ хозяйскомъ сердцѣ Олены не завелся червячекъ зависти? Это ужъ какъ-то само собой вышло и право—тутъ не было и слѣдовъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Двѣ огромныя собаки лежали тутъ же, сладко грѣясь лучами заходящаго солнца.

— Чужой! Чужой! Куси!—Скомандовала Олена (безъ всякой, впрочемъ, злобы), указавъ на сосѣдскаго подсвинка, и собаки помчались въ догонку улепетывавшему сосѣду. По обыкновенію, онѣ скоро отстали и не причинили ему никакого вреда. Тутъ и особеннаго-то ничего не было, потому что это и прежде не разъ случалось. Но на бѣду это видѣлъ Митька, Парасскинъ мальчуганъ лѣтъ восьми. Онъ поспѣшилъ, разумѣется, доложить мамкѣ о томъ посмѣяніи, которому подвергся предметъ гордости всей ихней фамиліи. Параска, конечно, приняла къ свѣденію и тутъ же рѣшила въ своемъ сердцѣ отплатить тѣмъ же, т.-е.

натравить своихъ собакъ на сосѣдскаго подсвинка. Такимъ образомъ, злосчастные предметы гордости обоихъ семействъ не могли провести спокойно даже послѣдніе два десятка часовъ своей жизни; но это было бы еще ничего, еслибъ на этомъ дѣло и кончилось. Вышло гораздо хуже. Неизвѣстно почему Параскинъ підсвинокъ къ вечеру совсѣмъ занемогъ, такъ что пришлось уложить его въ сараѣ, причемъ самымъ тщательнымъ образомъ была приготовлена ему постель изъ лучшей соломы, радомъ поставлено питье и размѣшанная въ теплой водѣ мякина. Но больной отъ всего этого отворачивался и имѣлъ видъ существа, совсѣмъ разочарованнаго въ радостяхъ земного бытія. Какія обстоятельства довели его до такого мрачнаго взгляда на вещи, это такъ и осталось неизвѣстнымъ. Что же касается предположеній, то изъ нихъ можно остановиться только на одномъ: въ послѣднее время его слишкомъ много кормили; по молодости онъ увлекся и хватилъ черезъ край. Результатъ самъ собою понятенъ. Ну, а тутъ еще зловѣщія предчувствія, породившія нервное разстройство и подозрительность. Понятно, что на этотъ разъ нападеніе со стороны Олениныхъ собакъ, не смотря на свою обычность, произвело на него сильное впечатлѣніе.

Одно только было ясно, что теперь надо было оставить всякія мечты о салѣ. Не заколоть же больное животное. Первое дѣло: за ночь онъ успѣетъ значительно похудѣть, а второе,— Богъ его знаетъ, что это за болѣзнь. Можетъ, такая, что его и ѣсть нельзя. Вотъ тутъ-то собственно и началось. Озлобленіе Параски достигло сразу безграничныхъ размѣровъ. Еще бы! Чье же это дѣло, какъ не сосѣдское? Митька видѣлъ собственными глазами, какъ Олена травила его собаками. Ну, а если-бъ она была добрая, зачѣмъ бы ей это понадобилось дѣлать? О, да и злая же баба эта Олена! Вотъ говорятъ, что когда хочешь узнать человѣка, то надо съѣсть съ нимъ три пуда соли. Ну, она, кажется, съ Оленой побольше съѣла, а вотъ не узнала же. Проклятая баба приглядѣлась, что у ея паршиваго подсвинка сала столько же, сколько у стараго дворняшки—вовчкà, ей и стало завидно. А ужь ежели у кого въ сердцѣ загорится зависть, тотъ ни передъ чѣмъ не остановится. Есть такія словечки, которыя знаютъ добрые люди. Отъ этихъ словечекъ можетъ какая угодно болѣзнь приключиться. Такъ вотъ они двадцать-то лѣтъ мирной да ладной жизни! Когда объ этомъ событіи узналъ Андрей, его хозяйская душа возмутилась. Все, все можно было простить, только не это. Какъ?! Оставить ихъ безъ свинины въ самую Пасху? Ну, ужъ это какъ хотите!.. Это не по сосѣдски. Нечего и говорить,

что когда вечеромъ Оленинъ подсвинокъ пришелъ навѣстить больного товарища, его изгнали самымъ позорнымъ образомъ и при этомъ безжалостно отшибли ему кусокъ хвоста. Въ отвѣтъ на это со стороны Здыбаевъ послѣдовало нападеніе на гусака, составлявшаго украшеніе птичии Параски, потому что онъ былъ «гéргалъ» и имѣлъ длинную шею и чубъ на головѣ. Тутъ уже пошла настоящая война. Въ продолженіе страстной недѣли, когда порядочные христіане каются въ грѣхахъ, оба семейства старались сдѣлать какъ можно больше пакостей сосѣду и было не мало перебито ногъ и крыльевъ у домашней птицы и прочей «худобы». Тутъ, конечно, больше всего старались мальчишки, которыхъ было приблизительно по полъ-дюжины въ обоихъ семействахъ. Предводителями были съ одной стороны Олена, съ другой—Параска. Ни Терентій, ни Андрей не принимали участія въ этой войнѣ, и не разъ каждый отдѣльно подумывали о примиреніи. Но у нихъ были жены, которыя не могли допустить свои фамиліи до такого посрамленія. Эти жены и имъ и по селу разсказывали другъ про дружку страшныя вещи. Надо было удивляться, какъ такія образцовыя злодѣйки могли въ продолженіе двадцати лѣтъ обнаруживать нѣжныя и дружелюбныя чувства. Олена Здыбайвна? Вы знаете, что это такое? Если не знаете, то полюбуйтесь тѣмъ, что она дѣлаетъ по ночамъ, когда вся деревня спитъ. Вы думаете, кто это весь въ бѣломъ, какъ тѣнь, шмыгаетъ по мужицкимъ загонамъ и портитъ коровъ и накликаетъ всякую бѣду на птицъ, телятъ и свиней, а главное—свиней? Вы думаете, это—не Олена? Такъ знайте же, что это именно она и есть! Ужъ вы Параскѣ повѣрьте, ужъ она хорошо это знаетъ, потому что прожила въ сосѣдствѣ съ нею двадцать лѣтъ. Итакъ—вотъ что такое Олена! А если вамъ угодно знать, что такое Параска Кившенкова, то это не трудно. Стоитъ только обратиться къ Оленѣ. И вы узнаете, что Параска не что иное, какъ наглая воровка. Сколько птицы пропало у Олены за двадцать лѣтъ! Недавно исчезъ съ забора новый фартукъ, который она справила себѣ къ говѣнью; семь лѣтъ тому назадъ неизвѣстно куда дѣвались пять аршинъ толстаго холста, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого у Андрея появились новые холщевые шаровары! Вотъ это и есть настоящая Параска!

Въ чистый четвергъ около двухъ часовъ дня произошло роковое событіе, которое дало окончательное направленіе этому дѣлу. Одинъ изъ потомковъ Здыбая, укрѣпившись по срединѣ деревенской улицы и ловко прицѣлясь, пустилъ изрядный камень по направленію къ хатѣ Андрея. Послышался трескъ и шибка

въ окнѣ разлетѣлась въ дребезги. Это было верхомъ дерзости. Андрей — молчаливый и угрюмый, какъ могила, вышелъ изъ хаты и немедленно заперъ и привязалъ веревкой калитку, которая вела въ горбдъ Терентія. Такимъ образомъ былъ объявленъ формальный разрывъ. Въ этотъ годъ на страстной недѣлѣ не говѣли ни Андрей, ни Терентій. Это было невозможно, потому что тогда пришлось бы просить другъ у друга прощенія, чего не позволяли ихъ фамильная честь, еще больше того жены. Нечего и говорить, что на первый день праздника Здибаи не христосовались съ Кившенками. Когда же къ вечеру этого дня Терентій, по христіанскому обычаю, здорово нарѣзался и направился къ Андрею съ цѣлью производить свои всегдашнія обличенія, то его остановило нечто иное, какъ крѣпко запертая калитка. Тутъ онъ вспомнилъ, что они съ Андреемъ враги и, опустивъ голову, вернулся домой и весь вечеръ уже былъ мраченъ и золъ.

III.

Это было въ среду на свѣтлой недѣлѣ. Андрей, Параска, и двое малолѣтнихъ Кившенятъ пришли въ сарай, гдѣ помѣщался больной подсвинокъ, на долю котораго выпалъ неблагодарный удѣлъ — разрушить двадцатилѣтнюю дружбу двухъ семействъ. Онъ, повидимому, уже сталъ поправляться, потому что къ нему вернулся аппетитъ. Собственно говоря, онъ могъ бы уже и прогуливаться, но ему хотѣлось понѣжиться и, можетъ быть, слегка поковетничать. Куда дѣвалось его сало?! Увы! Онъ походилъ на аскета, который постился цѣлый годъ сряду.

— О, проклятая вѣдьма!—Съ глубокимъ вздохомъ промолвила Параска, сосчитавъ мысленно потерянныхъ около пуда сала. Андрей молчалъ.—Какъ? — продолжала Параска:—они тебѣ кабана свели ни на что, гусака искалѣчили, стекла побили, да еще распустили про насъ по селу всякую поганщину,—и ты это такъ имъ и спустишь? Какъ ты не пойдешь въ судъ? Не потребуешь правды?.. О, такъ у тебя на плечахъ не голова, а казанъ, да еще пустой!..

Андрей упорно молчалъ. Вотъ уже три дня, какъ Параска не даетъ ему покоя съ этимъ судомъ. Но какъ это пойти и пожаловаться на Терешку, съ которымъ двадцать лѣтъ... Да повернется ли у него языкъ? Но на этотъ разъ Параска рѣшила настоять на своемъ. Она долго говорила въ сараѣ, потомъ продолжала свою рѣчь на дворѣ, затѣмъ сопровождала Андрея въ

хату, вышла съ нимъ на улицу и сѣла рядышкомъ на заваленкѣ и все говорила, говорила, ни на минуту не умолкая, пока, наконецъ, у Андрея не пошла кругомъ голова. Тогда онъ выругался, поправилъ шапку, плюнулъ и пошелъ въ волость къ писарю.

Нужно было видѣть, во что превратилось лицо гусаковскаго писаря, когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло. И безъ того лицо у него было не Богъ знаетъ какое, а тутъ ужъ совсѣмъ стало ни на что не похоже. На лицѣ этомъ, на которомъ вмѣсто волосъ росло что-то въ родѣ маленькихъ кустиковъ бурьяна, расположенныхъ безъ всякой симметріи, гдѣ попало,—командующую позицію занималъ носъ и, надо сознаться, очень странный носъ. Это былъ совершенно правильный, даже красивый носъ—прямой, тонкій, остроконечный, съ горбинкой, — но увеличенный, сравнительно съ носами обыкновенныхъ людей, приблизительно въ три раза; онъ производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго носа, разсматриваемаго подъ лупой. Прочіе лицевые органы гусаковскаго писаря: ротъ, глаза, лобъ и подбородокъ—были, напротивъ миніатюрны и совершенно стушевывались; вслѣдствіе этого, когда вы разговаривали съ писаремъ и смотрѣли ему въ лицо, вамъ казалось, что вы разговариваете съ его носомъ; а когда гусаковскій писарь задумывался надъ какимъ-нибудь важнымъ вопросомъ, вы были совершенно увѣрены, что мыслительная работа происходитъ у него въ носу. А звали гусаковскаго писаря Назаромъ Назаровичемъ. Была у него и фамилія—Елпидифоровъ, но ни одинъ изъ гусаковскихъ обывателей, не исключая даже старшины, не былъ въ состояніи вымолвить эту фамилію даже до половины, а всѣ просто называли его Назаромъ Носатымъ. Самъ же Елпидифоровъ, когда бывалъ выпивши (что̀ считалось его нормальнымъ состояніемъ), именовалъ себя Назореемъ, по поводу чего пріятель его дьякъ обыкновенно ядовито замѣчалъ: «изъ Назарета можетъ ли быть что добро»?

Назаръ Назаровичъ сидѣлъ на заваленкѣ у расправы, рядомъ съ нимъ помѣщались двое парней и баба весьма почтеннаго возраста. Вся компанія прилежно занималась щелканіемъ сѣмячекъ, и Андрей, поздоровавшись со всѣми, сѣлъ рядомъ и занялся тѣмъ-же дѣломъ, какъ будто именно затѣмъ и пришелъ. Баба разсказывала о какомъ-то новомъ способѣ красить пасхальныя яица такъ, чтобъ краска не сходила, и тэма эта оказалась настолько животрепещущей, что ее хватило, по крайней мѣрѣ, на два часа общихъ разговоровъ. Андрей злился и мысленно проклиналъ бабу съ ея способомъ, но тѣмъ не менѣе

добросовѣстно истреблялъ сѣмечки. Наконецъ тэма была исчерпана и онъ уже надѣялся, что публика разойдется, оставивъ его наединѣ съ писаремъ.

— А какъ поживаетъ Терешка? Что это его нигдѣ не видно? —вдругъ обратилась не нему баба, отлично знавшая, что объ этомъ именно не слѣдовало спрашивать у Андрея.

— Мм.... Да поживаетъ себѣ!....—какъ-то ужъ очень невнятно произнесъ Андрей, но потомъ вспылилъ и прибавилъ очень внятно и сердито:—А я почемъ знаю? Что я, нянька у него, что-ли?

Получивъ такой каинскій отвѣтъ, баба больше уже не распрашивала. Она встала, сильно встряхнула фартукъ, облѣпленный скорлупой отъ сѣмячекъ и, кивнувъ головой, ушла во свояси. Парни продолжали сидѣть безмолвно, но ихъ уже нечего было стѣсняться.

— Я къ тебѣ, Назаръ Назарычъ! По дѣлу!—сказалъ Андрей.

— Что за дѣло такое? Сказывай! — промолвилъ Елпидифоровъ, повернувъ носъ свой къ Андрею.

— Оно лучше бы въ хатѣ!—Андрей покосился на парней а носъ Назара Назарыча выразилъ сильное любопытство, значительно расширивъ свои ноздри.

— Эй, хлопцы!—обратился Елпидифоровъ къ парнямъ:—вамъ бы уже и по домамъ пора!...—Ему совсѣмъ не хотѣлось бросать прохладный передвечерній воздухъ и идти въ свою душную хату. Хлопцы лѣниво поднялись съ своихъ мѣстъ и степенно зашагали къ кабаку.

— Что за дѣло такое? Сказывай! — повторилъ писарь.

— А дѣло такое, что принесъ я жалобу... Вотъ оно какое дѣло!...

— Жалобу? Да на кого-же жалобу?...

— На Терешку Здыбая!...

Вотъ въ это самое время лицо писаря приняло видъ необычайный. Изумленіе, которое въ немъ выразилось, было такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ будто въ лицѣ Елпидифорова разомъ изумилась вся Гусаковка. Глаза и ротъ раскрылись до послѣдней возможности, такъ что чуть было не лишили носъ его первенствующей роли. Самый же носъ приподнялся и обратился къ небу, словно призывая его въ свидѣтели людского непостоянства, или каждое мгновеніе собираясь вспорхнуть и улетѣть въ вышину, подальше отъ земли, гдѣ совершаются такія изумительныя вещи.

— Ну, да! На Терешку Здыбая!...—подтвердилъ Андрей. —

Самъ посуди, Назаръ Назарычъ: всѣ знаютъ, какіе мы съ нимъ были благопріятели! Кажись, отъ него, кромѣ добра, мнѣ и ждать было нечего!... А вотъ поди-же. Видалъ ты у меня підсвинка? Да какъ-же! Видалъ! Еще приставалъ тогда ко мнѣ: «подари, да подари»!... Такъ вотъ этотъ самый підсвинокъ...— Тутъ Андрей обстоятельно изложилъ все дѣло, при чемъ строго придерживался способовъ выраженія Параски. Тутъ было упомянуто о катастрофѣ съ подсвинкомъ и о великомъ днѣ безъ свинини, и о знаменитомъ гусакѣ и о разбитой шибкѣ и, наконецъ, о позорящихъ доброе имя его слухахъ.

Когда Андрей, наконецъ, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, лицо писаря приняло болѣе или менѣе добропорядочный видъ.

— Такъ ты, значитъ, съ жалобой?—спросилъ писарь, все еще не довѣряя своимъ ушамъ.

— Непремѣнно!... Потому этакъ отъ него житья не будетъ Самъ посуди: підсвинка испортили, гусака искалѣчили, стекла разбили и по селу еще опорочиваютъ.

— Такъ, такъ! Это вѣрно, Андрей Семенычъ! Надо его присудить!—уже совсѣмъ просто и спокойно замѣтилъ Елпидифоровъ. Но въ его маленькихъ глазкахъ безпокойно забѣгала какая-то мысль, которая, повидимому, только-что блеснула въ его головѣ.— Только ты уже обычай знаешь?...

— Какой обычай, Назаръ Назарычъ?...

— Какъ какой?... Извѣстно! Спрыснуть! Безъ этого невозможно!...

— Что-жъ!... Я того!... Это можно! Отчего не спрыснуть! Это я готовъ! — отвѣчалъ Андрей, но по тону, какимъ онъ сказалъ это, можно было заключить, чтъ это далеко не входило въ его разсчеты.

— И преотлично!... Такъ мы сейчасъ и пойдемъ!...

— Куда?

— Тьфу! Еще спрашиваетъ, куда! Ужъ не на кладбище-же люди ходятъ за этимъ! Въ кабакъ — извѣстно!... Тамъ теперь всѣ судьи въ сборѣ, я знаю! ха! ха!

Андрей предобросовѣстно чесалъ свой затылокъ. Вотъ это ужъ было совсѣмъ неожиданно! Писаря угостить, это еще — куда ни шло. Но напоить весь судъ въ полномъ составѣ, это уже не тѣмъ пахнетъ. Народъ все это здорово пьющій, не даромъ-же ихъ и въ судьи выбрали; тутъ квартой не отдѣлаешь ся. Ужъ онъ пожалѣлъ былъ, что послушался Параски.

— Ну, что-жь такъ сидѣть-то? уже вонъ и солнце заходитъ!...— поощрилъ его Назаръ Назарычъ и, чтобъ подать добрый при-

мѣръ, поднялся и сдѣлалъ примѣрный шагъ. Но Андрей еще хотѣлъ поторговаться.

— Да ты постой, Назаръ Назарычъ! Можетъ, не теперь...

— Э-э! Вотъ еще! Задумалъ судиться, а жалѣетъ полъ-кварты водки поставить!... Вставай, что-ли!...

— М-да! Полъ-кварты! Какъ-же! Удовольнишь ихъ полъ-квартой! — какъ-бы про себя промолвилъ Андрей, однако всталъ и послѣдовалъ за Назаромъ Назаровичемъ.

Вся деревня видѣла (потому что всѣ правоспособные обитатели Гусаковки праздновали Великъ-день въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ кабака), да, вся деревня видѣла, какъ къ кабаку приближались двѣ фигуры. Одна была высокая и тонкая, какъ тополь, но тополь — пригнутая вѣтромъ, потому что гусаковскій писарь держалъ спину и голову въ весьма наклонномъ положеніи. Другая фигура была, наоборотъ, приземистая, широкоплечая и довольно угрюмая, потому что Андрей не чаялъ для себя ничего пріятнаго въ предстоящемъ угощеніи гусаковскаго судебнаго персонала. Онъ вымещалъ свое неудовольствіе на своихъ великолѣпныхъ усахъ, которые крутилъ и терзалъ неимовѣрно, и на затылкѣ, который отъ времени до времени почесывалъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто три года не былъ въ банѣ.

IV.

Еслибы вы вздумали войти въ кабакъ, какъ входятъ всѣ добропорядочные гусаковскіе обитатели, то увидѣли бы того и другого, и третьяго; можетъ быть, здѣсь нашли-бы вы не мало занимательнаго, а особенно — услышали бы множество поучительныхъ изреченій, которыя такъ и пропадаютъ на-вѣтеръ, никѣмъ не записанныя. Но вы никакъ не могли бы увидѣть той замѣчательной картины, которую я хочу описать. Э, это вовсе не такъ легко, какъ вы думаете. Для этого совсѣмъ не нужно входить въ кабакъ съ улицы, откуда входитъ всякій, — нужно пройти черезъ дворъ, имѣя такой видъ, какъ будто вамъ до кабака и дѣла нѣтъ, а вы хотите только сказать два слова шинкарю Никанору. Со двора вы откройте низенькую дверь, такую точно, какъ у всѣхъ мужичьихъ хатъ; тутъ будутъ сѣни, обыкновенныя сѣни съ земляным полом и съ «кабицей». Дальше вамъ уже не зачѣмъ идти, потому что въ сѣняхъ помѣщается вся компанія. Прежде всего вы, конечно, увидите носъ Елпидифорова, затѣмъ усы Андрея Кившенка, потомъ поочередно

лысину во всю голову съ сѣдоватыми волосиками на вискахъ и на затылкѣ, большую, малиноваго цвѣта, бородавку на переносьи между бровей и наконецъ — великолѣпную, густую и совершенно сѣдую бороду. Эти три послѣдніе знаки отличія принадлежали тремъ судьямъ, при чемъ судья, обладавшій лысиной, сверхъ этого обладалъ еще слезливыми маленькими глазками, которые всегда казались заплаканными, да и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, плаксивымъ голосомъ, за что его всѣ называли бабой, тогда какъ въ сущности онъ прозывался Семеномъ Моргуномъ. Совсѣмъ иначе глядѣлъ судья съ малиновымъ украшеньемъ на переносьѣ. Это былъ хозяинъ изъ молодыхъ (лѣтъ тридцати), бравый, краснощекій, съ густымъ вверхъ торчавшимъ чубомъ и высоко приподнятыми плечами. Этого никто не назвалъ бы бабой, да и вообще никакъ не звалъ бы, развѣ что молодцомъ, либо настоящимъ казакомъ; прозывался онъ Мирошникъ Кузьма, потому что дѣдъ его первый построилъ въ Гусаковкѣ мельницу и нажилъ съ нея хорошій барышъ. Что касается судьи съ сѣдой бородой, то объ этомъ уже и говорить нечего — его всякій знаетъ и въ Гусаковкѣ, и на хуторахъ, и даже въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всякій жидъ-торговецъ дружелюбно кивнетъ вамъ головой, если вы назовете ему Максима Дулю. Ему уже за шестьдесятъ лѣтъ и извѣстенъ онъ тѣмъ, что вѣчно пьетъ водку и никогда не бываетъ пьянъ, все равно, какъ будто бы онъ пилъ воду. Такъ уже какъ-то устроенъ онъ мудрено, что водка не беретъ его. А любитъ онъ ее здорово, а притомъ еще всегда умѣетъ такъ сдѣлать, чтобы пить ее на чужой счетъ. Ужъ если Максимъ Дуля сидитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ въ уѣздномъ городѣ, то такъ и знайте, что онъ присосѣдился къ двумъ землякамъ, которые пьютъ могарычъ по случаю выгодной продажи или покупки пары быковъ, до которыхъ Максиму Дулѣ и дѣла-то нѣтъ никакого.

Вся эта компанія сидѣла полукругомъ на глиняномъ полу, поджавши подъ себя ноги почти по-турецки. На полу же передъ ними стоялъ штофъ, пара стаканчиковъ и тарелка съ солеными огурцами, нарѣзанными на ломтики. Въ то время, когда уровень жидкости въ штофѣ понизился до половины, Андрей подробно перечислялъ обиды, нанесенныя ему Терешкой. А Елпидифоровъ между тѣмъ старательно наполнялъ стаканчики и обносилъ компанію, сильно упрашивая выпить до дна, и вообще имѣлъ такой видъ, какъ будто это именно онъ, а не кто-либо другой, угощаетъ добрыхъ людей.

— Э! Ну же! ну! Чтобъ пороси поскорѣе встало, да чтобъ въ

Рождеству оно выросло такое, какъ быкъ! Ну, Моргунъ! моргай, что ли!..—командовалъ Назаръ Назаровичъ. Моргунъ съ важностью принималъ рюмку, обращался ко всей компаніи со спичемъ, состоявшимъ изъ одного слова: «нехай-же!» и съ достоинствомъ поглощалъ влагу. То же самое дѣлалось въ честь гусака, равно какъ и во имя поруганной чести Параски и всѣхъ прочихъ тяжебныхъ пунктовъ. Елпидифоровъ безпокойно посматривалъ на дверь, такъ какъ судъ былъ далеко еще не въ полномъ составѣ... «И куда ихъ чортъ занесъ»?! мысленно восклицалъ онъ: «день деньской въ кабакѣ толкутся, а тутъ вотъ какъ разъ дѣло, и поразбѣгались».

— Хе, хе-э! Вотъ они гдѣ! — раздался на порогѣ густой басъ гусаковскаго головы Чубаренка, который, какъ должностное лицо, не позволялъ себѣ являться въ кабакъ иначе, какъ съ задняго хода,—за то послѣднее допускалъ довольно часто. Это былъ почтенный высокаго роста мужикъ, лѣтъ за сорокъ, съ смуглымъ обросшимъ лицомъ, съ волосами, начесанными на лобъ и старательно уснащенными деревяннымъ масломъ. Онъ тотчасъ же снялъ и швырнулъ въ уголъ надѣтую «на опашки» свиту и оказался въ пестромъ жилетѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и въ темно-полосатыхъ триковыхъ штанахъ вполнѣ нѣмецкаго покроя.—Это что же у васъ тутъ? Могарычъ, что ли? Потому гдѣ уже Дуля сидитъ, тамъ долженъ быть могарычъ!..

— А вотъ и не могарычъ! Не угадалъ, панъ голова!—отвѣтилъ Назаръ Назаровичъ:—А мы тутъ суждéтъ имѣемъ!

— Объ комъ?

— Присаживайся да прислушивайся! Тутъ, панъ голова, такое дѣло, такое дѣло... что, можно сказать, въ родѣ—какъ послѣдніи времена приходятъ!.. Звѣзды померкли!.. Ей Богу! Вотъ послушай!.. Эй, Никаноръ Ѳедосѣичъ! Какъ бы тамъ скамеечку для пана головы!..

Но панъ голова махнулъ рукой и усѣлся прямо на землю, какъ будто бы онъ былъ не панъ голова, а обыкновенный смертный. Однако Никаноръ Ѳедосьичъ на мгновеніе показалъ свои бѣгающіе глазки, свои бритыя синія щеки и оттопыренные усы, которые онъ носилъ и тщательно оберегалъ, чтобъ сколько-нибудь походить на малоросса, что̀, впрочемъ, ему не удавалось, и всякій ясно узнавалъ въ немъ потомка израилева.

Андрей обратился къ пану головѣ съ своимъ разсказомъ, а тѣмъ временемъ Елпидифоровъ успѣлъ дважды обнести стаканчикъ и въ тотъ самый моментъ, когда разсказчикъ, у котораго уже покраснѣли уши и щеки и на лбу выступилъ потъ, дошелъ

до описанія теперешняго состоянія підсвинка, дверь растворилась и въ сѣни ввалились разомъ три новыя личности. Двое изъ нихъ были судьи, а третій—сотскій съ бляхой на груди и огромной сучковатой палкой въ рукѣ, изъ чего нужно было заключать, что онъ находился при исполненіи своихъ обязанностей... «Вотъ тебѣ и полштофъ!» подумалъ Андрей и, взглянувъ на посудину, убѣдился, что тамъ уже было пусто. А писарь съ величайшей пріятностью расширилъ ноздри и втянулъ въ себя посредствомъ носа разомъ половину всего воздуха, наполнявшаго сѣни.

— Скомандовать еще штофъ?!—полувопросительно обратился онъ къ Андрею и, не дожидаясь отвѣта, кликнулъ Никанора. Но не успѣли новоприбывшіе усѣсться, какъ въ сѣняхъ вьюномъ завертѣлась новая фигура, которая вошла какъ-то незамѣтно и неслышно. Фигура эта вызвала общій восторгъ, а носъ писаря до того обрадовался, что издалъ какой-то странный шипящій звукъ. Только Андрей совсѣмъ не проявилъ радостнаго чувства, а, напротивъ, даже видимо огорчился. «Вотъ тебѣ и полштофъ»! опять подумалъ онъ и еще выразительнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, теперь уже прямо валяй четвертину! — радостно произнесъ Елпидифоровъ: — потому Левка самъ два штофа слопаетъ!.. Въ этомъ Андрей не сомнѣвался, поэтому и скорбѣла душа его. Левъ Андріанычъ Игрицынъ, занимавшій въ продолженіе четверти столѣтія почетную должность дьяка при гусаковскомъ храмѣ, во всемъ уѣздѣ славился своимъ искусствомъ пить. Въ былое время находились смѣльчаки, рѣшавшіеся пить съ нимъ объ закладъ, «кто кого перепьетъ». Но вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ никто на это не рѣшается. Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ по епархіи путешествовалъ архіерей и сдѣлалъ стоянку въ Гусаковкѣ. Вотъ тутъ-то чуть не произошло трагическое событіе. Отецъ протодіаконъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и полагалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не перепьетъ его. Левъ Игрицынъ дерзко предложилъ ему помѣряться. И что же? Въ одинъ вечеръ благородные конкурренты выпили чуть не цѣлое ведро, и Левъ Игрицынъ одержалъ побѣду. О. протодіаконъ тутъ же слегъ и возникло даже сомнѣніе въ томъ, что онъ когда-нибудь встанетъ, такъ что пришлось докладывать архіерею. А Левъ только пошатывался и просилъ еще водки. Архіерей очень гнѣвался и уже черезъ мѣсяцъ изъ своей резиденціи черезъ консисторію прислалъ указъ о. благочинному, въ которомъ прямо опредѣлялось «строго блюсти, дабы ни одинъ изъ ввѣренныхъ вашему смотрѣнію служителей церкви не смѣлъ

напиваться взапуски съ дьякомъ Львомъ Игрицынымъ». Такимъ образомъ Левъ Игрицынъ самою епархіальною властью былъ признанъ непобѣдимымъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно плотенъ. Сѣрый шерстяной кафтанъ до пятъ казался бы еще довольно приличнымъ, еслибъ на немъ чуть-чуть пониже воротника не красовалось огромное лоснящееся сальное пятно, произведенное косичкой, которую Левъ Игрицынъ, имѣя свободный доступъ къ церковнымъ лампадамъ, обильно упитывалъ деревяннымъ масломъ. Сѣденькая бородка, клиномъ, была жидковата; глаза были красны и вѣчно болѣли, а Игрицынъ лечилъ ихъ, какъ и всѣ прочія болѣзни, водкой. Само собою разумѣется, что носъ Игрицына имѣлъ грушевидную форму и былъ цвѣта спѣлой малины. Пока дьякъ пробирался къ Елпидифорову, чтобъ непремѣнно сѣсть рядомъ съ нимъ, Никаноръ успѣлъ притащить четвертину, а Андрей—кинуть на него такой взглядъ, какъ будто въ посудинѣ была не водка, а кровь его, Андрея.

Тутъ-то собственно и началось настоящее дѣло. Уже солнце давно зашло и рядомъ со штофами появилась горящая сальная свѣчка. Стаканчики съ неимовѣрной быстротой переходили изъ рукъ въ руки, осушались, наполнялись и вновь осушались. Новоприбывшіе совсѣмъ не интересовались знать, по какому поводу они пьютъ. Напрасно Андрей, крича изо всей мочи, старался то тому, то другому втолковать, что это онъ и есть виновникъ торжества. Никто его не слушалъ и разговоръ шелъ обо всемъ, только не объ этомъ. Между тѣмъ Андрей давно уже почувствовалъ, что перешелъ предѣлъ. Въ головѣ у него поднялась такая стукотня, точно тамъ происходила ярмарка. А стаканчики все продолжали путешествовать; Елпидифоровъ не уставалъ наполнять ихъ и упрашивать публику выпить, а публика еще того меньше уставала исполнять его желаніе. По сосѣдству изъ кабака доносились стукъ, крикъ и руготня. Андрей уже ничего не видалъ, а только смутно слышалъ, какъ писарь потребовалъ еще штофъ, изъ чего заключилъ, что четвертину уже прикончили. Чувствовалъ онъ также, что кто-то (кажется, Дуля) хлопалъ его по плечу, любовно тащилъ за чубъ и говорилъ: «Э, ничего! Мы тебя разсудимъ! Ужъ мы тебя раз-с-судимъ!.. На то мы и судьи, чтобъ разсудить»!.. Мерещилось ему также, что какъ-будто кто-то кого-то билъ, чуть ли не Елпидифоровъ Игрицына за то, что послѣдній выразилъ сомнѣніе, чтобъ «изъ Назарета могло быть что-нибудь добро». Показалось ему даже, что кто-то крикнулъ «караулъ», но тутъ уже все́ исчезло и больше ему ничего не казалось. Не помнитъ онъ и того, что двое судей, а

именно—Дуля и Моргунъ, на собственныхъ плечахъ донесли его до дому и сдали на руки Параскѣ, и того, какъ Параска принялась кричать и ругаться, потому что никогда еще Андрей не возвращался домой въ такомъ ужасномъ видѣ.

V.

Не успѣли Здыбаи совершить четверговой «сниданокъ», какъ мирная тишина ихъ жилища была нарушена внезапнымъ появленіемъ кумы Явдохи Трепачихи. Уже одинъ видъ ея преисполнялъ сердце трепетомъ, а новости, которыя она сообщала, были ужасны. Видъ у нея былъ такой, какъ будто она хотѣла сообщить о пожарѣ или о томъ, что половина деревни провалилась сквозь землю. Объ этомъ говорили ея вытаращенные глаза, растрепавшіеся волосы и прерывистое дыханіе. Ну, и дѣйствительно же она сообщила ужасныя, а главное — неожиданныя вещи. Какъ? Андрей подалъ жалобу? Андрей? Послѣ того, какъ двадцать лѣтъ... Да нѣтъ, этому нельзя повѣрить. За что же, наконецъ? Развѣ не его ребятишки отбили кусокъ хвоста у Терентіева підсвинка? Развѣ не они перебили крылья у индюка и отдавили ногу теленку? А про Олену что они такое распустили! Будто она по ночамъ коровъ портитъ... Такъ скорѣе же ему, Терентію, слѣдовало жаловаться. Нѣтъ, Андрей хитеръ. Не даромъ онъ все больше молчитъ и на усъ мотаетъ. Вѣдь зналъ, что сдѣлать; побѣжалъ первый... Хитеръ, хитеръ!

Но кума Трепачиха далеко не все еще сказала. Осталось-то самое главное; вся деревня уже это знаетъ, а именно: вчера въ кабакѣ у Никанора въ сѣняхъ вся судейская и волостная справа угощались на Андреевы денежки. И ужъ сколько тамъ было выпито, это только они знаютъ, а ей, кумѣ, извѣстно только, что самого Андрея принесли домой чуть не мертваго.

— Ге!—крикнулъ Терентій, вскочивъ съ мѣста, какъ ужаленный:—такъ значитъ, онъ уже дѣло обдѣлалъ! По крайности не по-дурацки! Ей Богу! Хе!.. Хвалю, Андрей, хвалю!.. Ну, такъ и я-жъ не дуракъ!.. Постой-ка, Олена! Тамъ у насъ въ скрынѣ водится кой-что!.. Тащи-ка его сюда!

Олена глядѣла на него вопросительно, не понимая, чтó онъ хочетъ дѣлать.

— Тащи, говорю! Чего баньки́ вылупила! Говорю—тащи! Ну, и...—Грозенъ былъ Терентій въ эту минуту и Олена, не смотря на свой самостоятельный нравъ, должна была подчиниться.

Она достала изъ скрыни «кой-что» и молча подала Терентію. Это были рублевыя ассигнаціи, завернутыя въ холщовую тряпочку. Терентій засунулъ ихъ за голенище сапога.

— Посмотримъ еще, кто дуракъ!..—грозно промолвилъ онъ и, нахлобучивъ шапку на лобъ, вышелъ изъ хаты.

Нечего и говорить, что онъ отправился прямо къ писарю. Елпидифоровъ занималъ маленькую комнатку, отдѣленную отъ управы сѣнями. Вся обстановка этой комнаты состояла изъ кровати, хромого стола и табурета. На столѣ валялись листы исписанной, а больше испачканной бумаги, разсыпанный мелкій табакъ, кусокъ чернаго хлѣба и половина соленаго огурца; на табуретѣ помѣщался мѣдный подсвѣчникъ съ сальнымъ огаркомъ, на стѣнѣ висѣла пиджачная «пара», единственная пара, которая была у Елпидифорова и которую онъ таскалъ во всѣхъ случаяхъ, какъ торжественныхъ, такъ и обыкновенныхъ. Наконецъ на кровати помѣщался самъ Елпидифоровъ, растянувшись во весь свой огромный ростъ и прикрывшись сильно-пообтертымъ байковымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго свирѣпо выглядывалъ извѣстный уже своими размѣрами носъ. Когда Терентій вошелъ въ хату, Назаръ Назарычъ уже не спалъ, но нельзя сказать, чтобъ онъ и бодрствовалъ. Ему никакъ не удавалось сполна раскрыть глаза, а о томъ, чтобъ поднять голову, которая казалась на этотъ разъ тяжелѣе большого гусаковскаго колокола, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Появленіе Терентія, однако, заставило его сдѣлать усиліе и приподняться. Онъ сѣлъ, спустилъ ноги, прикрылъ свой невзрачный ночной костюмъ одѣяломъ и, старательно протирая глаза, сталъ соображать, гдѣ онъ, что было вчера, и почему передъ нимъ торчитъ остроконечная рыжая бородка Терентія. Наконецъ онъ все вспомнилъ и все сообразилъ.

— А! и ты пришелъ!..—болѣе или менѣе привѣтливо прохрипѣлъ Назаръ Назарычъ и тутъ только понялъ ясно, что необходимо откашляться.

— А то какъ же? Онъ на меня съ жалобой, а я буду дома сидѣть да галушки лопать?.. Хе!—отвѣчалъ Терентій не совсѣмъ дружелюбнымъ тономъ.

— Такъ ты чего-жъ зѣваешь? А ты на него жалобу! А!— И писарь приподнялъ свой носъ, словно прицѣливаясь выпалить изъ него бомбой прямо въ лицо Терентія.

— Я затѣмъ и пришелъ! Не бойсь, теленокъ-то чего-нибудь стоитъ и нога задняя лѣвая тоже ему не лишняя! Да и пiдсвинку съ половиной хвоста ходить словно бы не пристало! А все это они продѣлали, жалобщики проклятые!..

— Обсудимъ, обсудимъ! Все обсудимъ!..—съ разстановкой и съ большимъ достоинствомъ произнесъ писарь и принялся напяливать штаны на свои длинныя тонкія ноги.

— А что, Назаръ Назарычъ!..—нѣсколько запинаясь и значительно сбавивъ форсу, заговорилъ Терентій:—сколько вчера оставилъ Андрей у Никанора?..

— Гм!.. А ты уже у него спроси!.. Я не считалъ! Да уже, я думаю, пошелъ домой безъ синенькой!..

— О-го!—искренно ужаснулся Терентій.

— Чего «о-го»? Народу было за десятокъ, а глотки у всѣхъ, чтб твой колодезь? Ха, ха! А славно наклюкались! Ей-Богу!.. Теперь твоя очередь, Терешка!.. Потому, какъ мы одинаково судить васъ будемъ, такъ и вы должны одинаково... чтобъ не было соблазна, лицепріятія!..

«Толкуй себѣ!» подумалъ про себя Терентій: «знаемъ мы, какъ вы одинаково... Кто больше поставитъ, того и правда»!

— Да я что-жъ!.. Я готовъ!..—просто сказалъ онъ.

— Вотъ и ладно! А тутъ кстати опохмѣлиться надо!—радостно промолвилъ писарь, которому насилу удалось дрожащими руками повязать сѣрый шерстяной галстухъ.—Погоди минутку!..

Онъ живо выбѣжалъ на крыльцо и кликнулъ мальчугана Ѳедьку, который сидѣлъ въ расправѣ и былъ всегда къ услугамъ Елпидифорова.

— Слышь-ты? Сбѣгай сейчасъ къ пану-головѣ, къ Дулѣ, къ Моргуну, къ... (тутъ писарь назвалъ еще нѣсколько фамилій), къ Мирошнику и къ Левкѣ! Скажи всѣмъ, чтобъ сейчасъ были въ кабакѣ! Живо! — Ѳедька помчался. — Потѣха, ей-Богу!..— промолвилъ себѣ подъ носъ Елпидифоровъ и вернулся въ хату. Странное дѣло! Когда они вошли во дворъ Никанора, то изъ сѣней имъ послышались знакомые голоса. Удивительно быстро Ѳедька исполнилъ писарево порученіе, а еще быстрѣе судьи явились на зовъ, какъ будто ихъ ожидало экстренное засѣданіе. Объясняется это единодушнымъ желаніемъ всего судебнаго персонала—опохмѣлиться. Не было еще только пана-головы и Левки, но панъ-голова, какъ самый сановный изъ всѣхъ деревенскихъ властей, имѣлъ привычку являться поздно, а Левка всегда умѣлъ наверстать потерянное время. Терентій только окинулъ взоромъ компанію и инстинктивно пощупалъ голенищу сапога, гдѣ уже плакали его ассигнаціи.

— Полъ-ведра!..—громко скомандовалъ онъ и этимъ сразу расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе. Елпидифоровъ только подмигивалъ Дулѣ и уже не хозяйничалъ, потому что

Терентій, очевидно, зналъ порядокъ и не хотѣлъ мямлить, какъ Андрей.

— Азъ уснухъ и спахъ, возстахъ!..—раздалось въ сѣняхъ и всякому ясно стало, что Левка пришелъ за своей порціей. Левка дѣйствительно пришелъ, но онъ жалобно объявилъ, что очи его «выну ко Господу»; это должно было означать, что у него болятъ глаза и дѣйствительно вѣки у него сильно припухли и были красны. Тѣмъ не менѣе онъ пробрался къ Елпидифорову и принялся добросовѣстно выполнять свое назначеніе. Явился и панъ-голова, но не одинъ, а съ церковнымъ старостой и еще какими-то двумя мужиками, случайно попавшимися ему на дорогѣ и совсѣмъ уже не титулованными. Терентій при видѣ этихъ гостей широко раскрылъ глаза, но ничего не сказалъ, а принялся угощать ихъ.

Полъ-ведра! Да это что же значитъ для дюжины такихъ молодцовъ, какими были гусаковскіе судьи и случайно подвернувшіеся эксперты? Полъ-ведра—это пустяшное дѣло. Въ нашихъ мѣстахъ пятеро бабъ ежели соберутся, чтобъ по душѣ поговорить между собой, съ мѣста не встанутъ, пока четвертину не прикончатъ. И ничего,—потому что нельзя же считать серьезнымъ столкновеніемъ, если которая-нибудь по-пріятельски вцѣпится въ косы своей подруги.

А потому нечего и говорить, что эта жалкая мѣра скоро была исчерпана до дна и нѣкоторые изъ членовъ трибунала, а въ особенности судья Дуля и дьякъ Левка, чувствовали себя такъ, какъ будто выпили только по стаканчику. Писарь первый замѣтилъ, что источникъ изсякаетъ. Поэтому онъ завелъ съ паномъ-головой дипломатическій разговоръ.

— А, правда, панъ-голова, Терентій нашъ того... молодецъ!.. Ей-Богу—молодецъ! Андрей—больше штофиками, ха, ха! А Терешка тово... полъ-ведеркой!.. Молодецъ!..

«Хитрая собака—этотъ писарь!» подумалъ Терентій: «Прямо не хочетъ сказать!.. А ну, Андрей, посмотримъ теперь, чья возьметъ»!

— Эй, Никаноръ! Наканорка! Тащи-ка еще полъ-ведра!—крикнулъ онъ появившемуся въ дверяхъ Никанору.

— Славно! Это чудесно! Разчудесно!—причмокивали отъ удовольствія присутствовавшіе и ужъ съ этого момента, казалось, сердца ихъ совсѣмъ принадлежали Терентію. Вторая полъ-ведерка привела къ блестящимъ результатамъ. Многіе свалились, другіе держались ровно, но не могли управлять языками, которые вслѣдствіе этого болтали нѣчто неимовѣрное, нѣкоторые хотѣли драться,

но не могли поднять рукъ; церковный староста плакалъ о своихъ тяжкихъ грѣхахъ, писарь спалъ сидя, только Дуля и Левка вполнѣ выдерживали борьбу и громко вызывали новаго бойца, т.-е. третью полъ-ведерку. Но Терентій настолько еще сохранилъ память и разсудокъ, чтобъ во-время уйти домой, забывши въ кабакѣ шапку. Правда, ноги его описывали геометрическія фигуры весьма капризной формы, но онъ ясно сознавалъ, что побѣда—за нимъ и, проходя мимо хаты Андрея, снисходительно улыбнулся и прибавилъ: «дурень же ты, Андрей, коли думалъ штофами удовольнить этихъ кабановъ заводскихъ»!

VI.

— Такъ вотъ оно какъ, Андрей Семенычъ!.. Завтра и судъ будетъ! Ужъ разсудимъ, какъ слѣдуетъ... Это ты не безпокойся!..

Это говорилъ Максимъ Дуля. Они стояли посрединѣ самой улицы, не подалеку отъ кабака и оба обращенные лицами къ нему же, такъ что, повидимому, имъ только и оставалось, что идти въ кабакъ. Однако они не шли. Андрей даже не глядѣлъ туда, а обратилъ свой взоръ къ кладбищу. Онъ теперь боялся заглянуть въ кабакъ. Эге! знаемъ мы васъ. Туда только попади! А тамъ (откуда они берутся только и какъ они чуютъ!?) сейчасъ такъ и облѣпятъ тебя и судьи и не судьи.

— Такъ завтра, завтра, Андрей Семенычъ!—продолжалъ Дуля и въ его хитрыхъ, многоопытныхъ глазкахъ появилось что-то очень коварное.—А на дняхъ мы здорово намазались!..—прибавилъ онъ невзначай.

— Кто?—разсѣянно спросилъ Андрей, потому что не удивиться же ему, что, напримѣръ, Дуля намазался.

— Мы! Всѣ какъ есть! Весь судъ! Ну, и Левка тутъ былъ, ужъ онъ всегда въ такой часъ посиѣетъ... И тытарь (ктиторъ, церковный староста), и еще мужики... А славно, я тебѣ скажу..

Это ужъ показалось Андрею подозрительнымъ. Не на свой же счетъ намазалась эта компанія.

— Кто-жъ поставилъ?—спросилъ онъ.

— Терешка Здыбай!..

— Кто-о?

— Терешка Здыбай! Хе, хе! Да какъ поставилъ!? Сначала—сразу это:—полъ-ведерку! А тамъ опять—другую!.. Ну, выходитъ—ведро! На-ка-ча-а-лись, я тебѣ скажу!

Андрея точно облило всего кипяткомъ. Такъ Терешка, зна-

чить, перехитрилъ его?! Ай да судьи! Нечего сказать. Тутъ, значитъ, прямо: кто больше? И денежки пропали, и болѣлъ-то онъ даромъ (послѣ судейскаго пьянства онъ пролежалъ цѣлый день на печкѣ), и съ Параской напрасно поругался (она пугала его даже тѣмъ, что возьметъ да и помирится съ Оленой, на зло ему, Андрею, чтобъ не пьянствовалъ до полусмерти), да мало ли что еще!—А въ это время какъ разъ и писарь подошелъ. Въ этотъ день носъ у него былъ отмѣнно красенъ.

— Объ чемъ?

— Да вотъ разсказываю, какъ Терешка угостилъ!..—отвѣтилъ Дуля и при этомъ такъ выразительно подмигнулъ, что писарь сейчасъ же на лету схватилъ его идею.

— Ужъ угостилъ! Ужъ онъ, братъ, не штофиками, а полъведерками!.. Онъ умѣетъ, умѣетъ!..

— Ахъ, вы—канальи вы, расканальи судейскіе!..—вдругъ неожиданно выпалилъ Андрей:—такъ вы теперь захотѣли, чтобъ я васъ ведрами угощалъ?.. А потомъ Терешку заставите бочками?.. Такъ не дождетесь же! Ни-ни! Плевать мнѣ на вашъ судъ, когда такъ!.. Вотъ что́! Тьфу! Вотъ что́!.. Не хочу судиться!

И Андрей быстро и не оглядываясь помчался къ своей хатѣ. Писарь и Дуля только переглянулись, но ни мало не обидѣлись. Они, правда, пожалѣли, что больше угощенія не будетъ.

А Андрей размышлялъ. «И что это онъ такое затѣялъ? Точно онъ не зналъ, что отъ этой шайки, которая только и знаетъ, что въ кабакѣ сидѣть, никакого добра ждать нельзя. Затѣялъ онъ недоброе. Судиться, и съ кѣмъ же? Съ Терешкой Здыбаемъ, съ которымъ двадцать лѣтъ... Ахъ, ты, Господи! Нѣтъ это прямо бѣсъ напуталъ, а не бѣсъ, такъ баба—это вѣдь все равно, потому они между собой въ компаніи».

Тутъ Андрей остановился и поднялъ голову, чтобъ посмотрѣть, кто идетъ на встрѣчу. А вѣдь это Терешка! Должно быть, въ судьямъ идетъ... Ха, ха!.. Развѣ заговорить? Да такъ все разомъ и прикончить, а тамъ пусть люди говорятъ, что хотятъ..

— Терешка!

Терентій вздрогнулъ, а увидѣвъ Андрея, какъ будто даже испугался.

— Сколько тогда оставилъ въ кабакѣ?—продолжалъ, повидимому, безстрастно Андрей.

У Терентія было на языкѣ, т.-е. онъ думалъ, что такъ по обстоятельствамъ дѣла слѣдуетъ сказать: «*Я* оставилъ, а не ты, ну, и проходи своей дорогой»; но сказалъ вмѣсто этого:

— Карбованцевъ съ девять!..

Такъ ужъ какъ-то вышло, что онъ иначе не могъ сказать, потому что сердце его въ сущности лежало къ Андрею.

— Ну, а я только три съ полтиной... Такъ кто-жъ изъ насъ дурень?..

На это Терентій не отвѣтилъ.

— А сейчасъ еще требовали, а поставь я, съ тебя потребуютъ! Когда-жъ оно кончится? И поросй того не стоитъ. Да оно уже я бѣгаетъ себѣ, сердечное, и не знаетъ, что ради него мужики подурѣли...

— А кто затѣялъ?!—не безъ укора спросилъ Терентій.

— Баба! Вотъ кто! Уже-жъ мужикъ не выдумаетъ такого... Эхъ-эхъ-э-эхъ! Знаешь что, Терешка! Давай лучше похристосуемся! А? И плевать намъ на тотъ пьяный судъ!.. Ну?!

Это было уже немножко поздно, для того чтобъ христосоваться, потому что дѣло происходило въ субботу на свѣтлой недѣлѣ. Но въ нашихъ мѣстахъ христосуются до самаго Вознесенья. Такъ ужъ водится.

И Терентій съ Андреемъ похристосовались, а потомъ пошли туда, гдѣ всякое дѣло кончается, а именно — къ Никанору. Боже! Что за шумъ поднялся и притомъ — радостный шумъ, когда ихъ увидѣли, какъ они сидятъ вмѣстѣ за столикомъ и чокаются стаканчиками. Всѣ ликовали, потому что въ самомъ дѣлѣ всѣмъ было грустно и обидно, что такіе закадычные друзья-пріятели вдругъ поссорились да еще вздумали судиться. Еще-бы! Да помилуйте, во что-же послѣ этого вѣрить и на что возлагать надежды?

За то ужъ и Терентій и Андрей не жалѣли словъ, разсказывая свою судебную исторію, и, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругая судей. Публика отъ души смѣялась. И замѣчательно, что никто такъ не смѣялся, какъ присутствовавшіе здѣсь писарь и Дуля, а когда «случайно» въ кабакъ забрелъ Левка, то этотъ ужъ чуть не умеръ отъ смѣха.

Вечеромъ Кившенковы пошли въ гости къ Здыбаймъ, а на другой день Здыбай отдали визитъ Кившенкамъ.

И. Потапенко.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1884.

Новыя законодательныя мѣры.—Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ. — Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ. –Еще о «совмѣстительствѣ».—Графъ Э. И. Тотлебенъ †.

Окончаніе законодательной сессіи 1883 — 84 г. было довольно богато новыми законодательными мѣрами. Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ, утвержденный 12 іюня, соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, тѣмъ слухамъ, которые предшествовали его изданію и на основаніи которыхъ была сдѣлана нами предварительная его оцѣнка [1]. Ничего несовмѣстнаго съ цѣлью и смысломъ дорогого учрежденія онъ въ себѣ не заключаетъ. Не даромъ же извѣстная часть печати привѣтствуетъ его только какъ *первый шагъ* къ устраненію „несообразностей и неурядицъ" въ уголовномъ процессѣ—какъ первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе, „болѣе крупные и важные". Не думаемъ, чтобы этимъ благонамѣреннымъ ожиданіямъ суждено было оправдаться. Проектъ закона о присяжныхъ засѣдателяхъ былъ составленъ и внесенъ въ государственный совѣтъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ оправдательныхъ вердиктовъ (по дѣламъ Свиридова, Мельницкихъ, Островлевой и т. п.), которые возбудили, въ извѣстной средѣ, цѣлую бурю противъ суда присяжныхъ. Направленный къ предупрежденію, на будущее время, подобныхъ приговоровъ, онъ долженъ былъ обнять собою *всѣ* мѣры, целесообразность которыхъ, съ этой точки зрѣнія, была признана законодательною властью. Странно было бы торопиться съ палліативами—и откладывать въ долгій ящикъ болѣе серьезныя, болѣе ради-

---

[1] См. Внутр. Обозр. въ № 4 „В. Е." за 1884 г.

кальныя реформы. Кто знакомъ съ обычнымъ движеніемъ нашего законодательнаго механизма, тотъ не затруднится отнести законъ 12-го іюня къ числу экстренныхъ, спѣшныхъ; онъ напоминаетъ, въ этомъ отношеніи, законъ 9-го мая 1878 г., измѣнившій, по поводу отдѣльнаго случая, порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія. За закономъ 9-го мая не послѣдовало другихъ ограниченій сферы дѣйствій суда присяжныхъ, хотя ихъ и требовали тогда фанатики реакція; не послѣдуетъ ихъ, по всей вѣроятности, и за только-что обнародованными правилами. Еслибы эти правила касались только одного пункта—напр., только отвода присяжныхъ, — то можно было бы предположить, что они составляють часть болѣе обширнаго цѣлаго, что перемѣна процессуальнаго свойства служитъ лишь предисловіемъ къ перемѣнамъ въ судоустройствѣ, въ организаціи суда присяжныхъ; но законъ 12-го іюня соединяетъ въ себѣ постановленія, совершенно разнородныя, измѣняющія и уставъ уголовнаго судопроизводства, и учрежденіе судебныхъ установленій. Ничто не мѣшало, очевидно, включить въ него и другія, дальше идущія преобразованія, еслибы они были задуманы правительствомъ. Опасность, грозившая одному изъ лучшихъ созданій прошедшаго царствованія, повидимому, миновала; судъ присяжныхъ еще разъ побѣдоносно выдержалъ напоръ враждебныхъ силъ, не могущихъ примириться съ основнымъ его принципомъ.

Въ ограниченіи права сторонъ отводить присяжныхъ (безъ объясненія причинъ) мы всегда видѣли и видимъ теперь существенную перемѣну къ лучшему. Единственнымъ оправданіемъ подобнаго отвода представляется то обстоятельство, что между присяжными засѣдателями иногда бываютъ лица, явно предрасположенныя въ пользу или противъ подсудимаго. Такихъ лицъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть много, и предоставляемое каждой сторонѣ, по новому закону, право немотивированнаго отвода *трехъ* присяжныхъ — вполнѣ достаточная гарантія противъ намѣренно-пристрастнаго отношенія къ дѣлу. Отводя присяжныхъ въ бо̀льшемъ числѣ, стороны руководились до сихъ поръ, вообще, говоря, не убѣжденіемъ, что отводимыя лица составили себѣ предвзятый, односторонній взглядъ на обвиняемаго, а предположеніемъ, что они, по роду занятій, по мѣрѣ развитія, въ силу сословныхъ привычекъ или предразсудковъ, болѣе склонны, въ дѣлахъ извѣстнаго рода, къ оправданію, чѣмъ къ осужденію, или наоборотъ. Другими словами, это былъ отводъ не лицъ, а цѣлыхъ группъ или категорій—отводъ, прямо противный духу закона и вредно отзывавшійся на составѣ присутствія присяжныхъ. Вмѣсто того, чтобы

представлять собою, по возможности, всѣ слои общества, всѣ степени образованія, оно сплошь и рядомъ окрашивалось въ ту или другую преобладающую краску, искусственно настраивалось на тонъ обвиненія или защиты. Случалось, что передъ нѣкоторыми присяжными, послѣ перваго же дня сессіи, совершенно закрывался фактически доступъ къ рѣшенію дѣлъ; быстро пріобрѣтенная, можетъ быть даже совершенно неосновательная, репутація снисходительности или строгости дѣлала ихъ безсмѣнными жертвами отвода со стороны защитниковъ или прокуроровъ. Если прибавить ко всему этому, что особенно часто подвергались отводу люди сравнительно образованные—уже потому, что они легче могли выдѣлиться изъ массы и обратить на себя вниманіе сторонъ, исполняя обязанности старшины присяжныхъ, — то не трудно понять, съ какими неудобствами была сопряжена видоизмѣненная теперь система. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что широкое право отвода часто служило орудіемъ къ отсрочкѣ дѣла, съ цѣлью разбора его другимъ, болѣе благопріятнымъ для отводящей стороны составомъ присяжныхъ засѣдателей.

Другая часть закона 12-го іюня, относящаяся къ составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, имѣетъ, до извѣстной степени, временной характеръ; новый составъ коммиссій, ведущихъ эти списки, опредѣленъ (для губерній, гдѣ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія) только на наступающій 1885-й годъ. Есть, однако, основаніе думать, что онъ сдѣлается постояннымъ; это можно заключить уже изъ того, что составъ коммиссій въ западныхъ губерніяхъ, установленный закономъ не въ видѣ временной мѣры, близко подходитъ къ тому, который для другихъ мѣстностей имперіи имѣетъ силу лишь на одинъ годъ. И тамъ, и тутъ замѣтно одно и то же стремленіе: усилить составъ коммиссій привлеченіемъ къ нимъ разнообразныхъ элементовъ—административныхъ, судебныхъ и общественныхъ. Если сравнить законъ 12-го іюня съ первоначальнымъ его проектомъ — насколько сущность послѣдняго извѣстна изъ газетныхъ сообщеній,—то въ первомъ окажутся большіе пробѣлы: онъ ничего не измѣняетъ въ способѣ первоначальнаго составленія списковъ (въ проектѣ предполагалось возложить эту функцію на участковыхъ мировыхъ судей); не возлагаетъ на каждаго, имѣющаго право быть присяжнымъ, обязанность заботиться о включеніи въ списокъ; оставляетъ неприкосновенными нынѣ дѣйствующія правила объ условіяхъ, которымъ должны удовлетворять присяжные. Нельзя не пожелать, чтобы первыя два нововведенія были осуществлены одновременно съ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ коммиссій, составляющихъ списки присяжныхъ за-

сѣдателей. Что касается до условій, опредѣляющихъ право быть присяжнымъ, то лучше оставить ихъ, до времени, вовсе безъ измѣненій, чѣмъ измѣнить ихъ въ смыслѣ повышенія имущественнаго ценза или исключенія изъ числа присяжныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія.

Другой законъ, обнародованный почти въ одно время съ новыми правилами о присяжныхъ засѣдателяхъ, касается принятія и направленія прошеній и жалобъ, на высочайшее имя приносимыхъ. Коммиссія прошеній упразднена; функціи ея переходятъ отчасти къ временному присутствію при государственномъ совѣтѣ, отчасти къ командующему императорскою главною квартирою. Временное присутствіе состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ числа сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта. Оно разсматриваетъ всеподданнѣйшія жалобы на опредѣленія департаментовъ сената, кромѣ кассаціонныхъ—разсматриваетъ ихъ на томъ же основаніи, какъ и коммиссія прошеній, т.-е. не рѣшаетъ дѣла по существу, а ограничивается заключеніемъ о достаточности или недостаточности основаній къ переносу его въ общее собраніе сената. Мы едва ли ошибемся, если найдемъ въ этихъ правилахъ признаки новой неудачи, понесенной систематическими врагами судебной реформы. Они не признаютъ *окончательныхъ* судебныхъ рѣшеній, т.-е. такихъ опредѣленій судебной власти, на которыя некому и некуда было бы жаловаться; законъ 9-го іюня не только оставляетъ въ силѣ безповоротность и неприкосновенность кассаціонныхъ рѣшеній, но позволяетъ ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, совершенной отмѣны порядка, допускающаго принесеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на высшую судебную инстанцію. Вновь образованное присутствіе не даромъ же названо *временнымъ*; существованіе его обусловлено, очевидно, не повсемѣстнымъ еще введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Какъ только кассаціонные департаменты сдѣлаются высшимъ судомъ для *всей* имперіи, судебные департаменты сената должны будутъ закрыться сами собою; департаментъ герольдіи отойдетъ, по всей вѣроятности, въ вѣденіе министерства юстиціи, а департаменты первый и второй образуютъ высшій *административный* судъ, столь же полноправный въ своей сферѣ, какъ и судъ кассаціонный. Весьма знаменательно, съ этой точки зрѣнія, молчаніе новыхъ правилъ относительно всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія общаго собранія сената. Оно можетъ быть понято только въ смыслѣ абсолютнаго воспрещенія подобныхъ жалобъ, до сихъ поръ, какъ извѣстно, допускавшихся закономъ, хотя и не безусловно. Разъ, что рѣшеніе общаго собранія сената не подлежитъ болѣе обжалованію, въ дѣлахъ, производимыхъ старымъ по-

рядкомъ, является высшая судебная инстанція, произносящая последнее слово процесса; самостоятельность суда, столь ненавистная извѣстному кружку, становится и здѣсь вполнѣ мыслимой. Разница между обѣими формами процесса сводится къ тому, что при старомъ судопроизводствѣ кассація рѣшенія (переносъ въ общее собраніе, согласно заключенію присутствія, соединяетъ въ себѣ, съ формальной стороны, всѣ признаки кассаціи) имѣетъ послѣдствіемъ пересмотръ дѣла въ высшей инстанціи, а при новомъ — пересмотръ дѣла въ той же инстанціи, которою было постановлено кассированное рѣшеніе. Членами временнаго присутствія, вѣроятно, будутъ назначены юристы; и въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, оно будетъ сходно съ кассаціоннымъ судомъ. Правда, новыя правила предоставляютъ командующему главною квартирой участвовать, когда онъ сочтетъ нужнымъ, въ засѣданіяхъ временнаго присутствія; но характеръ присутствія отъ этого не измѣнится, да и трудно предположить, чтобы не-юристъ захотѣлъ стать дѣятельнымъ участникомъ чисто-юридической работы. Въ одномъ только правила о временномъ присутствіи представляются шагомъ назадъ — не сравнительно съ учрежденіемъ коммиссіи прошеній, а сравнительно съ практикой, принятой ею въ послѣднее время: они не допускаютъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ ни къ представленію словесныхъ объясненій, ни даже къ присутствованію въ засѣданіи, между тѣмъ какъ статсъ-секретарь у принятія прошеній имѣлъ обычай выслушивать тяжущихся или ихъ повѣренныхъ, до доклада дѣла коммиссіи прошеній.

Помимо жалобъ на опредѣленія сенатскихъ департаментовъ, законъ 9-го іюня перечисляетъ слѣдующіе виды жалобъ и просьбъ, приносимыхъ на высочайшее имя: а) жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ и генералъ-губернаторовъ, когда послѣднія не подлежатъ по закону обжалованію передъ сенатомъ, б) прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе, и в) прошенія о дарованіи милостей, въ особыхъ случаяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда этимъ не нарушаются ничьи законные интересы и гражданскія права. По отношенію къ просьбамъ о помилованіи или о смягченіи наказанія командующій главною квартирою является исключительно передаточною инстанціею; онъ отсылаетъ ихъ, не дѣлая никакихъ распоряженій и не высказывая своего мнѣнія, къ министру юстиціи, военному министру или управляющему морскимъ министерствомъ, смотря по тому, какимъ судомъ осужденъ проситель. Въ дѣлахъ перваго рода роль командующаго главною квартирой несравненно важнѣе: представляя Государю жалобы на министровъ и генералъ-губернаторовъ, онъ ис-

прашиваетъ высочайшее разрѣшеніе или на оставленіе ихъ безъ послѣдствій, или на внесеніе ихъ въ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ или правительствующій сенатъ. Если въ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе дѣла передается коллегіальному учрежденію, то гораздо правильнѣе было бы и въ первомъ случаѣ не ставить его въ зависимость отъ единоличнаго доклада командующаго главною квартирою. Жалобы на министровъ и генералъ-губернаторовъ могутъ возбуждать самые запутанные вопросы права, могутъ касаться самыхъ серьезныхъ личныхъ и общественныхъ интересовъ; самая отвѣтственность за рѣшеніе, признающее жалобу не вовсе лишенною основанія и заслуживающею дальнѣйшаго разбора, гораздо легче можетъ быть принята на себя коллегіей, чѣмъ однимъ лицомъ. Вполнѣ цѣлесообразнымъ единоличный докладъ командующаго главною квартирою представляется, зато, по дѣламъ послѣдняго рода—объ испрошеніи милостей,—тѣмъ болѣе, что всѣ просьбы о милостяхъ, дарованіе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или съ интересомъ казны, передаются, на основаніи новыхъ правилъ, министрамъ или главноуправляющимъ отдѣльными частями, по принадлежности. Въ рукахъ командующаго главною квартирою остаются, затѣмъ, только такія просьбы, коллегіальное разсмотрѣніе которыхъ было бы совершенно излишнею роскошью.

Не совсѣмъ ясной кажется намъ судьба, которая должна постигнуть, при дѣйствіи закона 9-го іюня, дѣла о супружескихъ несогласіяхъ, производившіяся, послѣ упраздненія третьяго отдѣленія, въ коммиссіи прошеній. Просьба одного изъ супруговъ о дозволеніи отдѣльнаго жительства, объ устраненіи другого супруга отъ участія въ воспитаніи дѣтей и т. п. едва ли можетъ быть разсматриваема какъ просьба о *милости*; она составляетъ, собственно говоря, ходатайство объ огражденіи или возстановленіи *права*, недостаточно охраняемаго закономъ. Подводить ее подъ ст. 3 (пунк. 6) новыхъ правилъ нельзя уже потому, что удовлетвореніе ея нарушаетъ (по крайней мѣрѣ съ внѣшней, формальной стороны) законные интересы, гражданскія права и другого супруга; кромѣ того, при настоящемъ положеніи нашего законодательства, разрѣшеніе женѣ жить отдѣльно отъ мужа безспорно составляетъ „изъятіе изъ закона"—а просьбы, удовлетвореніе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона, передаются, какъ мы уже видѣли (въ случаѣ признанія ихъ достойными вниманія), компетентному министру. Какой же министръ компетентенъ для разсмотрѣнія просьбъ о разлученіи супруговъ? Очевидно—никакой. Весьма можетъ быть, что de facto ходатайства о разлученіи супруговъ будутъ принимаемы командующимъ главною квартирою и разрѣшаемы по его докладамъ; потребность въ разлученіи слишкомъ

велика и слишкомъ давно уже признана, хотя и негласно, нашею правительственною властью, чтобы возможно было закрыть всѣ пути къ ея удовлетворенію. Въ недомолвкахъ и противорѣчіяхъ новаго закона, насколько онъ касается дѣлъ о супружескихъ несогласіяхъ, мы видимъ только добавочное доказательство въ пользу нашей давнишней тэмы—въ пользу такой регламентаціи разлученія, которая включила бы его, прямо и открыто, въ число нормальныхъ институтовъ брачнаго права.

Законъ 9-го іюня обнимаетъ собою только такія всеподданнѣйшія просьбы, въ основаніи которыхъ лежитъ *частный интересъ* отдѣльныхъ лицъ, физическихъ и юридическихъ; онъ не распространяется на ходатайства, касающіяся общихъ вопросовъ, направленныя къ достиженію общихъ цѣлей. Нельзя не пожалѣть объ этомъ пробѣлѣ. Чѣмъ слабѣе развита въ государствѣ политическая жизнь, чѣмъ меньше число и чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствій учрежденій, представляющихъ собою населеніе, чѣмъ тѣснѣе предѣлы, въ которые поставлена свобода печати, тѣмъ важнѣе обезпеченная закономъ возможность непосредственнаго общенія между гражданами и главою государства. У насъ правомъ ходатайства пользуются, и то въ извѣстныхъ, далеко не широкихъ границахъ, только нѣкоторыя общественныя и сословныя учрежденія; ничто не мѣшало бы признать это право за каждой организованной корпораціей, за каждымъ частнымъ лицомъ. Посредникомъ между ходатаями и верховной властью могло бы служить именно такое довѣренное лицо, какимъ представляется командующій главною квартирою. Намъ могутъ замѣтить, что и теперь никому не возбранено обращаться къ верховной власти съ проектами, указаніями, предложеніями всякаго рода, лишь бы только въ нихъ не было ничего противозаконнаго ни по содержанію, ни по формѣ. Мы думаемъ, что отсутствіе запрещенія, въ данномъ случаѣ, отнюдь не равносильно прямо выраженному дозволенію. Полагаться на молчаніе закона, допускающее возможность различныхъ толкованій, и имѣть въ виду его положительную санкцію —далеко не одно и то же; первое остановитъ многихъ, которые нашли бы одобреніе и поощреніе въ послѣдней. Правильно организованный порядокъ разсмотрѣнія петицій служилъ бы, въ добавокъ, ручательствомъ въ томъ, что ни одна изъ нихъ не будетъ оставлена безъ вниманія. Сосредоточиваясь въ рукахъ одного докладчика, онѣ могли бы бросить яркій свѣтъ на многія стороны нашей государственной жизни, подготовить много необходимыхъ преобразованій.

Въ ожиданіи расширенія права петиціи, въ высшей степени важной представляется неприкосновенность его хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не

привѣтствовать опредѣленіе перваго департамента сената, состоявшееся недавно по слѣдующему поводу. Въ маѣ 1881 г. константиноградское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Полтавскій губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, находя, что оно выходитъ изъ круга дѣятельности земства; земское собраніе осталось при своемъ мнѣніи, и дѣло поступило въ сенатъ, который нашелъ, что губернаторъ вовсе не въ правѣ протестовать противъ постановленій земскихъ собраній, подлежащихъ утвержденію въ установленномъ порядкѣ. Въ правильности этого взгляда не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Смыслъ и цѣль губернаторскаго протеста заключается именно и исключительно въ томъ, чтобы помѣшать—впредь до рѣшенія дѣла высшею властью—принятію такихъ мѣръ, которыя, при отсутствіи протеста, могли бы быть приведены въ исполненіе собственною властью земства. Постановленія о ходатайствѣ, никакихъ *мѣръ* (со стороны самого земства) за собою не влекутъ и слѣдовательно никакого административнаго вмѣшательства не требуютъ. Признать ходатайство выходящимъ или не выходящимъ за предѣлы земской дѣятельности—дѣло высшей власти, отъ которой зависитъ и разрѣшеніе его по существу. Установлять для земскихъ ходатайствъ нѣчто въ родѣ *камеры прошеній*, существующей при французскомъ кассаціонномъ судѣ [1]), подвергать ихъ предварительной губернаторской цензурѣ, съ точки зрѣнія формальнаго права, нѣтъ, очевидно, ни повода, ни основанія. Никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ доведенія до свѣдѣнія правительства рѣшительно всѣхъ земскихъ желаній произойти не можетъ, хотя бы тѣ или другія изъ этихъ желаній и не останавливались на почтительномъ разстояніи передъ демаркаціонной линіей, до крайности неопредѣленной. Понятіе о *мѣстныхъ* нуждахъ и пользахъ, ограничивающее область земскихъ ходатайствъ, такъ эластично, что толкованіе его ни въ какомъ случаѣ не должно быть возлагаемо на губернаторовъ. Въ томъ самомъ 1881-мъ году, къ которому относится протестъ полтавскаго губернатора противъ постановленія константиноградскаго земства, нѣсколько земскихъ собраній (между прочимъ, петербургское губернское) ходатайствовали объ исключеніи тѣлесныхъ наказаній изъ числа мѣръ взысканія, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ—и ходатайства ихъ безъ всякихъ затрудненій были представляемы на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій. Противоза-

---

[1]) Право и обязанность этой камеры состоитъ въ томъ, чтобы отвергать кассаціонныя жалобы, явно неосновательныя, и пропускать въ гражданскую камеру только тѣ дѣла, по которымъ можетъ возникнуть серьезное сомнѣніе въ правильности рѣшенія.

конное съ точки зрѣнія полтавскаго губернатора признавалось, такимъ образомъ, вполнѣ законнымъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Разъясненіе сената полагаетъ конецъ подобнымъ аномаліямъ.

Безпрепятственное движеніе земскихъ ходатайствъ—безъ сомнѣнія только одно изъ условій, необходимыхъ для ихъ дѣйствительности. Немного выиграетъ земство, а вмѣстѣ съ нимъ и все общество, если ходатайства, свободно проникнувъ въ высшія правительственныя сферы, будутъ оставляемы безъ вниманія или „пріобщаемы къ дѣлу", съ обычною медленностью проходящему черезъ коммиссіонныя мытарства. Отворить первую изъ дверей, лежащихъ на многотрудномъ и скользкомъ пути ходатайства, не значитъ еще обезпечить за нимъ доступъ и въ остальныя. Къ сожалѣнію, Сенатъ располагаетъ далеко не всѣми ключами; пропускъ, имъ данный, очень скоро теряетъ свою силу. Потерпѣть пораженіе, не выдержавъ даже настоящей битвы, всякое сколько-нибудь серьезное ходатайство можетъ уже съ помощью того „предварительнаго вопроса", который былъ поставленъ полтавскимъ губернаторомъ—вопроса о *мѣстномъ* значеніи ходатайства. Стóитъ только просмотрѣть въ одномъ изъ „Земскихъ Ежегодниковъ" списокъ земскихъ ходатайствъ [1]), чтобы убѣдиться въ томъ, что огромное ихъ большинство не пріурочено исключительно и неразрывно къ опредѣленной мѣстности, т.-е. могло бы быть заявлено, съ такимъ же основаніемъ, и земствами другихъ губерній или уѣздовъ. Условія народнаго и общественнаго быта во многомъ у насъ вездѣ совершенно однородны; еще менѣе оттѣнковъ представляетъ административное устройство. Чего бы ни коснулось земство, вопросъ, затронутый имъ, почти всегда окажется существующимъ и за предѣлами данной губерніи или уѣзда, и слѣдовательно имѣющимъ не одно только *мѣстное* значеніе. Положимъ, напримѣръ, что земство ходатайствуетъ о пониженіи имущественнаго ценза, установленнаго для мировыхъ судей. Весьма можетъ быть, что его побуждаютъ къ такому ходатайству обстоятельства чисто мѣстнаго свойства (малочисленность полноправныхъ кандидатовъ на должность судьи, наличность полезныхъ дѣятелей, устраняемыхъ отъ земской службы недостаточностью земельнаго владѣнія, существованіе въ земствѣ партій, дѣлающихъ немыслимымъ единогласное избраніе, и т. п.); тѣмъ не менѣе самое ходатайство будетъ имѣть характеръ общій, потому что законъ о цензѣ дѣйствуетъ вездѣ, гдѣ введены земскія учрежденія, и нельзя же измѣнить или отмѣнить его для одной только мѣстности. Неудобства порядка, допускающаго господ-

---

[1]) Обозрѣніе ходатайствъ за два года (1876 — 1877). См. въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

ство розогъ въ волостномъ судѣ, обнаружились, быть можетъ, съ особенною ясностью въ константиноградскомъ уѣздѣ, но конечно не составляютъ чего-либо свойственнаго только ему одному. Необходимость широкаго толкованія закона, разрѣшающаго земству ходатайствовать о *мѣстныхъ* нуждахъ и пользахъ, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ—но столь же очевидно и то, что шансы такого толкованія растутъ вмѣстѣ съ общимъ повышеніемъ, уменьшаются вмѣстѣ съ общимъ пониженіемъ земскаго барометра. Невысокое стояніе его въ настоящее время обѣщаетъ мало успѣха земскимъ ходатайствамъ, не смотря на благопріятное для нихъ разъясненіе Сената. Даже выдержавъ искусъ „предварительнаго вопроса", земское ходатайство всегда можетъ быть признано неосновательнымъ — или, еще проще, несвоевременнымъ — пока не произойдетъ коренная перемѣна въ самомъ порядкѣ разсмотрѣнія ходатайствъ.

Какъ ни неблагодарна задача охраненія закона, на каждомъ шагу представляющаго пробѣлы, аномаліи и явныя несовершенства, добросовѣстное исполненіе ея составляетъ безспорную заслугу, разъ что усилія исполнителя направлены къ возможно бóльшему согласованію даннаго матеріала съ требованіями и указаніями жизни. Такова именно заслуга перваго департамента сената, въ области примѣненія законовъ о земскихъ учрежденіяхъ. Ограждая, насколько это отъ него зависитъ, самостоятельность земства, сенатъ заботится и о составѣ земскихъ собраній; два изъ распубликованныхъ недавно сенатскихъ указовъ направлены противъ крупнаго злоупотребленія, часто извращавшаго результатъ выборовъ. Тамъ, гдѣ въ средѣ избирателей образовалась крѣпко-сплоченная группа, стремящаяся — большею частью изъ чисто личныхъ видовъ—къ преобладанію надъ уѣздомъ, руководители ея прибѣгали, сплошь и рядомъ, къ слѣдующему маневру. Они наводили заблаговременно самыя точныя справки о томъ, кто изъ землевладѣльцевъ не предполагаетъ лично прибыть на избирательный съѣздъ. Къ намѣченнымъ такимъ образомъ лицамъ —если только они не принадлежатъ завѣдомо къ противоположной партіи—являлся тотъ или другой изъ агитаторовъ, съ просьбою о довѣренности на участіе въ выборахъ. При этомъ объяснялось, что имя повѣреннаго лучше не называть, такъ какъ составъ наличныхъ избирателей опредѣлится только по открытіи съѣзда, и притомъ каждый избиратель можетъ имѣть, кромѣ своего собственнаго, одинъ только голосъ. Самымъ естественнымъ отвѣтомъ на подобную просьбу былъ бы, безъ сомнѣнія, отказъ, мотивированный тѣмъ, что довѣрять можно только извѣстному лицу, а не какому-то безъименному, до поры до времени, „иксу". Какъ ни мало распространены въ нашемъ обществѣ юридическія понятія, немного найдется землевла-

дѣльцевъ, которые согласились бы выдать бланковую довѣренность на веденіе дѣла, сопряженнаго для нихъ хотя бы съ небольшимъ матеріальнымъ интересомъ. Но общественное дѣло и личное—далеко не одно и тоже; слишкомъ многіе привыкли еще смотрѣть на первое съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ на нѣчто для нихъ постороннее и безразличное. Смутно, можетъ быть, и сознавая незаконность обращенной къ нимъ просьбы, они не рѣшались отклонить ее, не хотѣли обидѣть, изъ-за такой бездѣлицы, нуждающагося въ ней, повидимому, человѣка. Набранныя этимъ путемъ довѣренности распредѣлялись, наканунѣ или въ самый день съѣзда, между „своими людьми", скрѣплялись *своими* свидѣтелями и свидѣтельствовались *своимъ* же мировымъ судьею. Къ чему это приводило — угадать не трудно, особенно, если принять во вниманіе, что агитація велась, во многихъ случаяхъ, только одною стороною, а другая являлась на выборы совершенно безоружною, разсчитывая только на правоту своего дѣла. Намъ самимъ пришлось быть, года полтора тому назадъ, свидѣтелемъ избирательнаго съѣзда, искусственное большинство котораго было подобрано именно съ помощью описаннаго нами способа. Силы обѣихъ партій, если считать только наличныхъ избирателей, были приблизительно равны; и въ той, и въ другой числилось около двадцати-пяти человѣкъ—но въ одной изъ нихъ почти каждый былъ снабженъ довѣренностью, т.-е. имѣлъ два голоса, въ другой довѣренностями располагали только немногіе, получившіе ихъ на законномъ основаніи. Въ концѣ-концовъ всѣхъ избирательныхъ голосовъ оказалось около восьмидесяти, и кандидаты второй партіи были забаллотированы большинствомъ, приблизительно, 50 противъ 30. Нужно ли прибавлять, что побѣжденною партіею была именно та, которая не гналась за участіемъ въ земскомъ пирогѣ и не преслѣдовала никакихъ сословныхъ или кружковыхъ цѣлей?... Опредѣленія сената, упомянутыя нами выше, возстановляютъ нормальный порядокъ выдачи и засвидѣтельствованія довѣренностей. Сенатъ разъяснилъ, что въ избирательной довѣренности должно быть означено имя лица, которому она выдается, что свидѣтелями на довѣренности могутъ подписываться только тѣ, въ присутствіи которыхъ довѣренность выдана или которымъ она лично довѣрителемъ предъявлена, и что довѣренность должна быть представлена къ засвидѣтельствованію самимъ довѣрителемъ. Другой указъ имѣетъ болѣе спеціальную цѣль — согласованіе земскаго положенія съ нотаріальнымъ, по вопросу о свидѣтельскихъ подписяхъ на довѣренности, являемой у нотаріуса. Конечно, охота за довѣренностями не прекратится и послѣ указовъ сената, пока отсутствующіе не будутъ вовсе лишены голоса на избирательномъ съѣздѣ; но она все-таки будетъ значительно за-

труднена, потому что едва ли найдется мировой судья, который рѣшился бы, вопреки прямому указанію сената, продолжать заочную явку бланковыхъ довѣрителей. Нельзя не пожалѣть, что опредѣленія сената, состоявшіяся еще въ 1880 и 1882 г., распубликованы только въ нынѣшнемъ году; своевременное обнародованіе ихъ не осталось бы безъ вліянія на настоящій составъ земскихъ собраній. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы они получили возможно большую гласность и не были забыты ко времени слѣдующихъ земскихъ выборовъ.

Возвращаемся къ законодательнымъ мѣрамъ послѣдняго времени. Часто повторявшіяся растраты казенныхъ и общественныхъ суммъ вызвали измѣненіе той статьи уложенія о наказаніяхъ, которая относится къ этому преступленію. Уложеніе различаетъ три вида растраты, смотря по тому, пополнена ли она виновнымъ, и если пополнена, то въ какое время. Самое легкое взысканіе назначается за растрату, пополненную еще до оффиціальнаго ея обнаруженія; нѣсколько тяжелѣе, хотя все еще сравнительно невелика отвѣтственность за растрату, пополненную послѣ ея обнаруженія (исключеніе изъ службы и денежный штрафъ); наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ правъ, опредѣляется только за растрату, оставшуюся непополненною. Это дѣленіе сохранено и новымъ закономъ, отступающимъ отъ прежняго только въ опредѣленіи отвѣтственности за послѣдній видъ растраты. Степень этой отвѣтственности поставлена въ зависимость отъ размѣра растраты и отъ ея важности. Если растраченная сумма не превышаетъ трехсотъ рублей, виновный подвергается заключенію въ тюрьмѣ; въ случаяхъ особенно важныхъ обычное наказаніе (ссылка на житье) замѣняется болѣе тяжкимъ — ссылкою на поселеніе. Временное заключеніе, назначаемое закономъ, какъ добавочное наказаніе, при ссылкѣ на житье, но замѣняемое обыкновенно простымъ запрещеніемъ выѣзда изъ мѣста ссылки, для осужденныхъ за растрату перестаетъ быть фикціей; они подвергаются ему, на основаніи новаго закона, еще до высылки въ Сибирь. Наказаніе за растрату перестаетъ, такимъ образомъ, быть простой перемѣной мѣста жительства, весьма мало отяготительной для нѣкоторыхъ осужденныхъ — въ особенности для тѣхъ, которые съумѣли сберечь и припрятать присвоенныя деньги. Этимъ и исчерпывается, въ нашихъ глазахъ, хорошая сторона новаго закона. Уменьшеніе наказанія за малоцѣнную растрату въ большинствѣ случаевъ вполнѣ справедливо, но едва ли справедливо наказывать растратившаго 301 рубль несравненно строже, чѣмъ растратившаго 299 рублей. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе близкимъ къ тѣмъ началамъ, которыя, судя

по проекту общей части, будутъ положены въ основаніе новаго уголовнаго кодекса, было бы включеніе краткосрочнаго тюремнаго заключенія въ число наказаній, налагаемыхъ за растрату, не обусловливая примѣненіе его суммою растраченнаго, а предоставивъ назначеніе той или другой мѣры взысканія усмотрѣнію суда, основанному на *всѣхъ* обстоятельствахъ дѣла. Мы нисколько не удивимся, если при дѣйствіи новаго закона присяжные признаютъ когда-нибудь сумму многотысячной растраты, вопреки всякой очевидности, не превышающею трехсотъ рублей, для того, чтобы понизить этимъ путемъ степень отвѣтственности обвиняемаго, совершившаго преступленіе вслѣдствіе особаго стеченія несчастныхъ обстоятельствъ. При болѣе широкомъ просторѣ въ выборѣ наказанія, для такихъ приговоровъ,— всегда, не смотря на фактическую ихъ неизбѣжность, подающихъ поводъ къ нареканіямъ противъ присяжныхъ, — не оставалось бы мѣста. Другой недостатокъ новаго закона, это—оставленіе имъ въ полной силѣ того принципа, на основаніи котораго пополненіе растраты является обстоятельствомъ не только уменьшающимъ вину, но совершенно измѣняющимъ родъ наказанія и какъ бы самый характеръ преступленія. Несостоятельность этого принципа была уже указана нами, по поводу дѣла г. Перфильева. Мы понимаемъ снисходительность къ растратѣ, пополненной до ея обнаруженія—но пополненіе, слѣдующее за возбужденіемъ дѣла, очень мало говоритъ въ пользу обвиняемаго, свидѣтельствуя, въ большинствѣ случаевъ, только о томъ, что онъ еще не успѣлъ издержать присвоенныхъ денегъ или что у него есть достаточные родственники или собственныя средства. Охраненіе казеннаго интереса не должно идти слишкомъ далеко; вознагражденіе понесеннаго казною убытка не должно обезпечивать за виновнымъ quasi-безнаказанность. Воръ, накрытый почти на мѣстѣ преступленія и не успѣвшій, поэтому, воспользоваться похищеннымъ, не имѣетъ никакого права на снисхожденіе сравнительно съ воромъ, арестованнымъ нѣсколько позже, безъ поличнаго; никто не предлагаетъ подвести эти случаи подъ дѣйствіе различныхъ карательныхъ законовъ. А между тѣмъ, не аналогичны ли они съ двумя видами растраты, столь неравномѣрно наказуемыми уложеніемъ? Справедливымъ будетъ только тотъ законъ о растратѣ, въ которомъ пополненіе ея (послѣ возбужденія преслѣдованія) будетъ низведено на степень обыкновеннаго смягчающаго обстоятельства.

Попытка ввести, хоть въ одной области нашей жизни, нѣчто въ родѣ подоходнаго налога не привела, къ сожалѣнію, къ желанной цѣли; предложеніе министерства финансовъ обложить подоходнымъ сборомъ крупныя торговыя и промышленныя предпріятія не прошло въ государственномъ совѣтѣ, и обнародованный недавно законъ „о

болѣе равномѣрномъ обложеніи торговли и промышленности" измѣняетъ существующій порядокъ только въ подробностяхъ, сравнительно неважныхъ. Мы имѣли уже случай высказать наше мнѣніе о подоходномъ промысловомъ налогѣ [1]; при всей недостаточности этой мѣры, она все-таки казалась намъ весьма желательною, какъ первый шагъ къ болѣе широкой реформѣ, поставленной на очередь еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Если вѣрить слухамъ, введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время, до той поры, когда будутъ исчерпаны всѣ остальные способы повышенія государственнаго дохода. Главнымъ изъ этихъ способовъ представляется увеличеніе существующихъ государственныхъ налоговъ, упадающихъ преимущественно на наименѣе обезпеченный классъ населенія. Подоходный налогъ коснулся бы, наоборотъ, именно тѣхъ общественныхъ группъ, которыя всего больше въ силахъ нести на себѣ податную тягость и всего меньше несутъ ее на самомъ дѣлѣ. Вопросъ справедливости, связанный съ установленіемъ подоходнаго налога, перевѣшиваетъ вопросъ о неудобствахъ, неизбѣжныхъ здѣсь лишь въ той мѣрѣ, какъ и при каждомъ другомъ крупномъ нововведеніи. Едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что проектъ дополнительнаго обложенія промышленности и торговли былъ „крайне непопулярнымъ" (выраженіе одной изъ петербургскихъ газетъ); возраженій противъ него было много, но они шли почти исключительно изъ среды, интересы которой прямо затрогивались проектомъ. Нужно было принадлежать къ этой средѣ, чтобы видѣть въ *частномъ* характерѣ задуманной мѣры безусловно-неотразимый доводъ противъ ея осуществленія. Если наше крестьянство въ продолженіе почти двухъ столѣтій несло на себѣ все бремя подушной подати, то неужели наше торговое сословіе, въ наиболѣе богатой своей части, не могло быть привлечено къ платежу подоходнаго налога нѣсколькими *годами* раньше, чѣмъ другія?

Одною изъ первыхъ задачъ предстоящей законодательной сессіи будетъ окончательное разрѣшеніе вопроса о несовмѣстимости государственной службы съ управленіемъ дѣлами акціонерныхъ обществъ. Не трудно предвидѣть, что со стороны нѣкоторыхъ изъ заинтересованныхъ лицъ будутъ пущены въ ходъ всѣ усилія къ возможно-большему ограниченію запретительной мѣры. Неудобное и непріятное правило можетъ быть обезсилено съ помощью многочисленныхъ и эластичныхъ исключеній. Судя по газетнымъ слухамъ, агитація „со-

[1]) См. „Внутреннее обозрѣніе" въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1883 г.

вмѣстителей" направлена именно къ этой цѣли. Рѣчь идетъ, покамѣстъ, о нераспространенiи дѣйствiя новаго закона на тѣхъ директоровъ, которые состоятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, учредителями акцiонерныхъ обществъ. Въ ходатайствахъ по этому предмету указывается, между прочимъ, на то, что устраненiе учредителей отъ завѣдыванiя дѣломъ, требующимъ нерѣдко спецiальныхъ знанiй и технической подготовки, легко можетъ повредить интересамъ третьихъ лицъ — акцiонеровъ, ввѣрившихъ свои капиталы не столько самому учрежденiю, сколько стоявшимъ въ его главѣ учредителямъ. Не говоря уже о томъ, что учредители, столь цѣнные для акцiонеровъ, могутъ сохранить за собою свои директорскiя мѣста путемъ отказа отъ государственной службы, желательно было бы знать, много ли найдется между учредителями-сановниками людей, обладающихъ „спецiальными (для акцiонернаго дѣла) знанiями и технической подготовкой"? Эти условiя — когда они необходимы для новаго предпрiятiя — имѣются на лицо, большею частью, въ учредителяхъ нечиновныхъ; остальные вкладываютъ въ дѣло свое имя, свое влiянiе, свой внѣшнiй авторитетъ. Возможность отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ часть акцiонеровъ вѣрила именно лицамъ, а не дѣлу, мы не отвергаемъ, но не думаемъ, чтобы они встрѣчались особенно часто, уже потому, что не всегда же управленiе дѣломъ остается въ рукахъ его учредителей. Громкое имя можетъ служить, для полагающихся на имена, гарантiей выгодности предпрiятiя, но отнюдь не правильности его веденiя на будущее время. Допустимъ, однако, что имя того или другого учредителя способствовало удачной подпискѣ на акцiи; въ такой же точно мѣрѣ имя директора (не-учредителя) можетъ способствовать переходу акцiй въ другiя руки. Когда во главѣ общества, едва влачившаго свое существованiе, становится человѣкъ энергичный, искусный, ловкiй, люди, знающiе его именно съ этой стороны, могутъ купить обезцѣненныя акцiи, въ надеждѣ на поправленiе дѣла. Что же, слѣдуетъ ли установить и для такихъ случаевъ изъятiе изъ общаго закона? Слѣдуетъ ли признать, что проведенiе принципа несовмѣстимости нарушаетъ и здѣсь интересы третьихъ лицъ—акцiонеровъ? Ужъ не предоставить ли общимъ собранiямъ акцiонеровъ право ходатайствовать объ освобожденiи всѣхъ излюбленныхъ ими директоровъ отъ тяжелой альтернативы, установляемой правительственною властью? Гораздо лучше было бы, въ такомъ случаѣ, вовсе отказаться отъ всякой борьбы противъ „совмѣстительства", законной и нормальной только при строго-логическомъ проведенiи однажды принятаго основного начала. Соображенiя, во имя которыхъ запрещается совмѣстительство, одинаково примѣнимы ко *всѣмъ* должностнымъ лицамъ извѣстныхъ категорiй; если одни изъ нихъ могутъ

сохранить прежнее двойственное положеніе, то нѣтъ причины дѣлать его недоступнымъ по отношенію къ другимъ. *Незамѣнимыхъ* людей между директорами акціонерныхъ обществъ нѣтъ вовсе — и всего меньше можно искать ихъ между директорами-сановниками, въ огромномъ большинствѣ случаевъ игравшими роль „королей-тунеядцевъ". Главноуправляющіе, директоры-распорядители, высшіе агенты акціонерной администраціи — вотъ кто всегда былъ и продолжаетъ быть настоящей душой акціонерныхъ обществъ. Этихъ лицъ новый законъ не затрогиваетъ вовсе; они едва ли когда-нибудь избирались изъ бюрократическаго міра. Пока они остаются на своихъ мѣстахъ, нечего опасаться остановки или неурядицы въ движеніи акціонерныхъ механизмовъ.

Два года тому назадъ все русское общество было взволновано извѣстіемъ о преждевременной, внезапной смерти Скобелева. Кончина графа Тотлебена не была неожиданностью; онъ достигъ преклонныхъ лѣтъ, долго былъ боленъ и уже больше года сохранялъ за собою только номинально управленіе сѣверо-западнымъ краемъ. Съ именемъ Скобелева соединялось для массы то особое обаяніе, которое свойственно рано и быстро пріобрѣтенной славѣ; на молодого генерала возлагались огромныя, почти безпредѣльныя ожиданія, его военный геній казался оплотомъ для Россіи, грозой для всѣхъ возможныхъ враговъ ея. Тотлебена цѣнили, высоко цѣнили многіе, но никто ему не поклонялся; никто не видѣлъ въ немъ второго Суворова, никто не ставилъ его въ ряды тѣхъ „посланниковъ провидѣнія" (hommes providentiels), которымъ суждено свершить великое дѣло. Скобелевъ представлялъ собою будущее; Тотлебенъ— прошедшее, и прошедшее уже довольно отдаленное. Скобелевъ умеръ черезъ годъ послѣ взятія Геокъ-Тепе, Тотлебенъ—черезъ тридцать лѣтъ послѣ обороны Севастополя. Его дѣятельность во время войны 1877—78 г., какъ бы велико ни было ея настоящее значеніе, не бросалась въ глаза, не сіяла ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Паденіе Плевны связывалось, въ воспоминаніяхъ и представленіяхъ народа, не столько съ искусствомъ того, кто руководилъ, въ послѣднее время, осадными операціями, сколько съ превосходствомъ силъ побѣдителя, съ тяжелыми его потерями, съ усиліями, цѣною которыхъ были отбиты всѣ попытки турокъ придти на помощь осажденнымъ. Разсказы о Скобелевѣ, принимавшіе подъ часъ легендарный характеръ, были разнесены по всей Россіи солдатами, вернувшимися изъ Турціи, газетами, именно вслѣдствіе войны проникшими въ самую глубь и глушь страны; свидѣтелей севастопольскихъ подвиговъ Тотлебена осталось немного, а печать того времени суще-

ствовала только для верхнихъ слоевъ общества. Отсюда сравнительная слабость впечатлѣнія, произведеннаго смертью графа Тотлебена. Не лишено значенія и то обстоятельство, что Тотлебенъ не былъ человѣкомъ партіи, какимъ сдѣлался Скобелевъ—или какимъ, по крайней мѣрѣ, его сдѣлали—въ послѣдній годъ его жизни. Въ составъ шума, поднятаго надъ могилой Скобелева, несомнѣнно входили искусственные элементы, для которыхъ не нашлось мѣста надъ могилой великаго инженера. Быть можетъ, горе о немъ было бы сильнѣе, еслибы онъ до конца жизни оставался только инженеромъ, еслибы ему не пришлось, въ тяжелую минуту, взяться за задачу, къ которой онъ былъ слишкомъ мало приготовленъ. Управленіе новороссійскимъ краемъ, во всякомъ случаѣ, ничего не прибавило къ его славѣ.

Если въ параллели, проведенной нами между Скобелевымъ и Тотлебеномъ—не для оцѣнки ихъ дѣйствительныхъ заслугъ, а для опредѣленія точки зрѣнія, съ которой наше общество отнеслось къ смерти того или другого—есть что-нибудь основательное, то едва ли правы тѣ, которые ищутъ причину недавняго равнодушія публики, съ одной стороны, въ научномъ характерѣ дѣятельности Тотлебена, съ другой—въ его происхожденіи. Кто помнитъ вторую половину пятидесятыхъ годовъ, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что въ это время не было въ Россіи имени болѣе популярнаго, чѣмъ Тотлебенъ, что съ нимъ преимущественно связанъ былъ ореолъ, окружавшій защитниковъ Севастополя. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, истекшихъ съ той поры, русское общество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, конечно, не сдѣлалось ни болѣе холоднымъ къ научнымъ заслугамъ, ни болѣе склоннымъ къ квасному патріотизму, къ національной исключительности. Въ попыткахъ развить въ немъ оба эти свойства не было недостатка, но большого успѣха онѣ до сихъ поръ не имѣли. Немного найдется и теперь такихъ „патріотовъ своего отечества", для которыхъ нѣмецкая фамилія и лютеранское вѣроисповѣданіе Тотлебена заслоняли бы собою его продолжительную и славную дѣятельность въ рядахъ русскаго войска. Нерусское происхожденіе Барклая-де-Толли могло сдѣлаться источникомъ подозрѣній въ такія минуты, какія переживала Россія въ 1812 году,—но и оно было забыто, какъ только миновала опасность, и искупленіемъ невольной вины передъ храбрымъ, честнымъ вождемъ давно уже послужили извѣстные стихи Пушкина. Въ жизни Тотлебена не было подобныхъ испытаній; солдаты, видѣвшіе во-очію, какъ подъ его рукой росли и крѣпли севастопольскія твердыни, никогда не спрашивали себя, русскій ли, полно, этотъ чудодѣй инженернаго искусства. Еще меньше поводовъ къ такому вопросу даетъ общій

ретроспективный взглядъ на жизнь Тотлебена. Что касается до *научнаго* характера его дѣятельности, то нужно было бы прежде всего доказать, что фортификація — *наука* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Репутація Тотлебена создалась не въ кабинетѣ, а на полѣ битвы; онъ былъ *художникомъ* въ своей сферѣ, и этимъ въ особенности обусловливалась его сила. Какъ бы ни отнеслись къ нему современники его смерти, имя его, независимо отъ того, перейдетъ въ отдаленное потомство вмѣстѣ съ осадой Севастополя — такой страницей, съ которой, конечно, не сравнится ничто даже въ блестящей исторіи Скобелева.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1884.

Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе.—Разладъ въ средѣ монархическихъ партій. — Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ. — Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбюри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ.

Вмѣсто обычнаго лѣтняго затишья, политическая жизнь Франціи и Англіи представляетъ картину усиленной, лихорадочной дѣятельности. Французы готовятся къ созванію конгресса, который долженъ передѣлать конституцію 1875 года въ болѣе демократическомъ духѣ. Англичане волнуются по поводу отказа палаты лордовъ принять избирательную реформу, вотированную палатою общинъ.

Важные конституціонные вопросы, поднятые въ настоящее время въ обоихъ передовыхъ государствахъ западной Европы, имѣютъ между собою очень мало общаго; но они могутъ служить нагляднымъ показателемъ громадныхъ различій въ общественномъ устройствѣ и въ политическихъ правахъ обѣихъ странъ. Французская демократія не выноситъ института пожизненныхъ сенаторовъ, хотя не терпитъ отъ него никакого ущерба; робкія попытки сената сохранить самостоятельность дѣйствій по отношенію къ палатѣ депутатовъ вызываютъ рѣзкіе протесты и кончаются обыкновенно полною уступчивостью,—и однако, по требованію общественнаго мнѣнія, сенатъ самъ

готовъ наложить на себя руку и сократить свои незначительныя привилегіи. Большинство французскихъ радикаловъ возстаетъ противъ существованія сената, нарушающаго будто бы гармонію демократическихъ республиканскихъ учрежденій, а между тѣмъ сенатъ, по своему составу и происхожденію, есть только профильтрованная двойными выборами палата народныхъ представителей. Пожизненные сенаторы суть такіе же выборные члены парламента, какъ и депутаты,—съ единственною только разницею безсрочности ихъ функцій; при своемъ ограниченномъ числѣ (75 человѣкъ), они не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія въ ущербъ республиканскому большинству. Первоначальная группа несмѣняемыхъ сенаторовъ состояла главнымъ образомъ изъ монархистовъ и клерикаловъ, которые пользовались оффиціальнымъ покровительствомъ при введеніи въ дѣйствіе конституціи 1875 года, во время президентства Макъ-Магона. Но изъ прежнихъ дѣятелей многіе умерли и сошли со сцены; ряды ихъ пополнены республиканцами, и институтъ несмѣняемыхъ сенаторовъ остается лишь безобиднымъ отступленіемъ отъ принциповъ чистой демократіи, не отражаясь нисколько на общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ. Сенатъ, какъ выразился Гамбетта, есть только „великій совѣтъ французскихъ общинъ“, и это названіе вполнѣ оправдывается характеромъ и назначеніемъ выборной верхней палаты. Чѣмъ же объяснить популярное движеніе, направленное противъ сената и приведшее къ необходимости преобразованія его путемъ пересмотра конституціи? Отчасти сенатъ испортилъ свою репутацію въ первые годы своего существованія; онъ возбудилъ противъ себя ненависть республиканцевъ своимъ участіемъ въ проектахъ и интригахъ реакціонныхъ партій, руководимыхъ герцогомъ де-Брольи и его единомышленниками. Онъ не разъ противодѣйствовалъ стремленіямъ нижней палаты, защищая интересы религіознаго образованія и поддерживая консервативные элементы общества въ ущербъ радикальнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ большинство перешло на сторону республики, дѣятельность сената совершенно измѣнила направленіе; будучи консервативнымъ по природѣ, сенатъ сохраняетъ общіе либеральные принципы, положенные въ основу существующаго государственнаго порядка, и избѣгаетъ разногласій съ палатою депутатовъ по серьезнымъ вопросамъ текущей политики. Тѣмъ не менѣе съ понятіемъ о сенатѣ соединяется еще представленіе о чемъ-то враждебномъ и стѣснительномъ; въ немъ все еще видятъ угрозу для реформаторскаго прогресса, постоянный тормазъ, мѣшающій свободному развитію общественныхъ силъ, остатокъ вымершаго аристократизма и гнѣздилище всякихъ реакціонныхъ тенденцій. Пересмотръ конституціи и ограниченіе правъ сената сдѣлались девизомъ большинства республи-

канскихъ кандидатовъ во время депутатскихъ выборовъ 1881 года; этотъ-же девизъ вошелъ въ программу избирательной кампаніи при обновленіи третьей части сената въ концѣ 1882 года. Гамбетта выдвинулъ вопросъ о пересмотрѣ на первый планъ, но ему не удалось осуществить свои предположенія; правительство должно было рано или поздно покончить съ этою щекотливою задачею, которая въ противномъ случаѣ могла бы легко попасть въ руки крайнихъ радикаловъ и послужить источникомъ затрудненій въ будущемъ. Для умѣренныхъ республиканцевъ чрезвычайно важно рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время, когда въ странѣ господствуетъ спокойное довѣріе къ ихъ управленію, и когда министерство, вышедшее изъ ихъ среды, пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ внутри и извнѣ.

Правда, періодъ конституціонныхъ заботъ и волненій уже прошелъ во Франціи; проекты и вопросы, волновавшіе французовъ при Гамбеттѣ, утратили свѣжесть новизны. Агитація, возникшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ пользу „ревизіи“, давно затихла, и побудительныя причины ея отчасти забыты. Многіе задаютъ себѣ вопросъ, благоразумно ли теперь поднимать вновь старыя сомнѣнія и пререканія, — не лучше ли оставить конституцію въ покоѣ, не трогать правъ сената и положиться на всемогущее дѣйствіе времени. Такіе доводы кажутся тѣмъ болѣе вѣскими, что монархическія партіи, которыя въ былое время могли разсчитывать на успѣхъ, обречены на долгое безсиліе, вслѣдствіе мелочныхъ раздоровъ и недостатка политическаго смысла.

Графъ Парижскій отвергается легитимистами стараго закала, какъ человѣкъ слишкомъ либеральный; они склонны даже оспаривать его право на роль законнаго претендента, на томъ основаніи, что Анжуйская линія Бурбоновъ имѣетъ преимущество передъ Орлеанскою. Монархическія газеты ведутъ между собою горячую полемику, которая производитъ странное впечатлѣніе на читателей непосвященныхъ. Одни ссылаются на древній Салическій законъ, какъ на документальное доказательство въ пользу старшей мужской линіи испанскихъ и итальянскихъ Бурбоновъ, отвергнутыхъ на родинѣ. Другіе опираются на Утрехтскій миръ 1713 года, которымъ иностранныя вѣтви Бурбонской фамиліи устранены отъ всякихъ правъ на французскій престолъ. Графъ д'Андинье, бывшій приближенный графа Шамбора, утверждаетъ теперь, что иностранныя державы не имѣли основанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и навязывать ей тотъ или другой способъ наслѣдованія; поэтому истинные патріоты должны протестовать противъ договора 1713 года, лишившаго страну благодѣяній господства Донъ-Карлоса и его семьи. Графъ д'Андинье

считается главою новой секты ультра-легитимистовъ; онъ нашелъ не мало сторонниковъ въ средѣ монархической партіи, различные провинціальные органы выразили ему сочувствіе, и приверженцы графа Парижскаго тратятъ свое краснорѣчіе на полемику съ ними въ печати. Публика недоумѣваетъ въ виду этихъ странныхъ споровъ, столь далекихъ отъ дѣйствительнаго положенія вещей; а республиканскія газеты имѣютъ интересный матеріалъ для насмѣшекъ. Въ свою очередь партія графа Парижскаго распадается еще на двѣ группы: одна требуетъ отъ „короля" безусловнаго принятія принциповъ графа Шамбора, преемникомъ котораго онъ является, а другая стоитъ за продолженіе дѣла Луи-Филиппа. Съ этимъ связанъ еще важный вопросъ о томъ, какъ долженъ называться графъ Парижскій—Филиппомъ VII или Луи-Филиппомъ II. Въ немногихъ газетахъ, основанныхъ на средства монархистовъ, всѣ эти вопросы о Салическомъ законѣ, о правахъ Донъ-Карлоса и Донъ-Жуана, о старомъ или новомъ режимѣ, обсуждаются совершенно серьезно, хотя сами спорящіе чувствуютъ всю безплодность и безцѣльность своихъ разсужденій.

Еще болѣе печальнымъ оказывается положеніе вліятельной нѣкогда партіи бонапартистовъ. Весь интересъ этой партіи въ глазахъ общества сосредоточивается теперь около личныхъ и семейныхъ похожденій молодого принца Виктора, вступившаго въ открытую борьбу противъ своего отца, принца Наполеона. Безхарактерный юноша отдался въ распоряженіе Поля Кассаньяка и другихъ подобныхъ дѣятелей, которые выставили его претендентомъ помимо отца, ненавистнаго имъ по многимъ причинамъ. По совѣту своихъ покровителей, сынъ пересталъ повиноваться отцу и пожелалъ играть самостоятельную роль; нѣсколько разъ онъ извинялся предъ отцомъ и отказывался отъ новыхъ друзей; затѣмъ опять отрицалъ сказанное или сдѣланное, не смотря на несомнѣнныя улики,—и все это публично, въ печатныхъ заявленіяхъ и письмахъ. Семейныя исторіи самаго страннаго свойства разъигрывались на глазахъ всей читающей публики; имъ посвящались передовыя статьи бонапартистскихъ газетъ, которыя всецѣло погрузились въ эту скандальную хронику. Виктористы торжествуютъ, когда ихъ принцъ отрекается отъ отца, а сторонники послѣдняго, жеромисты, уличаютъ сына во лжи и въ лицемѣріи. Газеты этого лагеря спорятъ о томъ, писалъ ли принцъ извѣстное письмо или нѣтъ; принцъ Викторъ то отвергаетъ свою подпись, то признаетъ ее подлинною, такъ-что приверженцамъ его приходится производить настоящія разслѣдованія, смыслъ которыхъ, повидимому, ускользаетъ отъ нихъ самихъ. Бонапартистскія газеты подробно объясняли причины взаимныхъ неудовольствій между отцомъ и сыномъ: дѣло въ томъ, что принцъ Жеромъ-Наполеонъ давалъ

слишкомъ мало карманныхъ денегъ принцу Виктору. И эти дрязги выдаются за нѣчто политическое, около нихъ группируется партія, претендующая на возстановленіе престижа наполеоновской эпохи! Поль де-Кассаньякъ берется быть правителемъ Франціи, подъ знаменемъ принца Виктора; но прежде чѣмъ спасать отечество, онъ пристроилъ юнаго претендента,—образовалъ компанію, которая взялась выдавать извѣстную сумму ежегодно на содержаніе принца, въ разсчетѣ на будущіе дивиденды. Это подало поводъ къ новымъ сценамъ, описываемымъ также обстоятельно въ печати; отецъ требуетъ указанія источника неожиданныхъ доходовъ сына, совѣтуетъ вернуться въ родительскій домъ и обѣщаетъ забвеніе прошлаго; сынъ печатно заявляетъ свое право на самостоятельность и примиряется съ явившимся въ Парижъ отцомъ. Нѣкоторые органы и публицисты существуютъ спеціально для обсужденія и изученія всѣхъ подробностей этихъ важныхъ событій; они разсматриваютъ поступки принца Виктора съ различныхъ сторонъ, но забываютъ только объ одномъ,—что эти поступки и интересы не имѣютъ никакого отношенія къ политикѣ и что направлять на нихъ общественное вниманіе можно только въ видѣ курьеза, а никакъ не съ цѣлью воздѣйствія на политическія судьбы Франціи. Понятно, что партія, поглощенная разбирательствомъ чисто-личныхъ дѣлъ между отцомъ и сыномъ, не можетъ считаться опасной для французской республики.

Это разложеніе монархическихъ партій во Франціи указываетъ повидимому на ненужность пересмотра конституціи для республиканцевъ: послѣдніе и безъ того господствуютъ почти безраздѣльно, все болѣе склоняя на свою сторону прежніе консервативные элементы населенія. Но политическіе дѣятели республики, съ Жюлемъ Ферри во главѣ, находятъ настоящій моментъ наиболѣе удобнымъ для успѣшнаго „завершенія зданія"; не имѣя предъ собою серьезныхъ противниковъ, они легко и скоро могутъ порѣшить съ вопросомъ, на возбужденіе котораго въ будущемъ имѣлись съ разныхъ сторонъ отдаленные виды. Жюль Ферри долженъ былъ предварительно убѣдить палату депутатовъ въ необходимости заранѣе ограничить предѣлы пересмотра извѣстными пунктами, относительно которыхъ возможно соглашеніе съ сенатомъ; въ то же время нужно было успокоить сенатъ и дать ему нѣкоторыя гарантіи въ томъ, что конгрессъ не переступитъ границы предположеннаго преобразованія. Конгрессъ обѣихъ палатъ есть верховное національное собраніе, могущее поднимать и рѣшать всякіе вопросы по своему усмотрѣнію; оно можетъ неожиданно затронуть самыя основы конституціи, помимо всѣхъ охранительныхъ усилій министерства,—такъ по крайней мѣрѣ утверждали консерваторы. Главнымъ ораторомъ сенатской оппозиціи былъ

по обыкновенію Жюль Симонъ. Жюль Ферри доказывалъ, что рѣшенія обѣихъ палатъ въ отдѣльности будутъ обязательны для конгресса, если не по праву, то фактически, въ силу состава общаго республиканскаго большинства. Сенатъ рѣшительно возражалъ только противъ одной статьи министерскаго проекта,—относительно ограниченія контролирующей власти сената въ финансовыхъ и бюджетныхъ вопросахъ. Такъ какъ безъ вліянія на бюджетъ парламентъ былъ бы въ сущности безсиленъ, то наиболѣе упорныя возраженія вызваны были именно этимъ финансовымъ вопросомъ. Правительству пришлось послѣ долгихъ преній отказаться отъ пересмотра бюджетныхъ правъ сената, и въ такомъ видѣ проектъ былъ одобренъ послѣднимъ.

Никто не скажетъ, что исправленіе конституціи было въ этомъ случаѣ необходимо, что оно устранитъ какое-либо важное зло или облегчитъ успѣшный ходъ законодательства; перемѣна останется едва замѣтною для большинства французскаго населенія. Перемѣна была нужна не столько для непосредственныхъ практическихъ цѣлей, сколько для удовлетворенія особаго эстетическаго чувства французовъ въ области политики,—чувства, оскорбляемаго малѣйшею дисгармоніею или недостаткомъ симметріи въ государственномъ строѣ. Республиканцамъ нужно было просто самое сознаніе совершившейся перемѣны,—сознаніе того, что нѣкоторыя оставшіяся шероховатости, бросавшіяся имъ въ глаза, не будутъ болѣе безпокоить ихъ нервные политическіе темпераменты. Многіе не могутъ до сихъ поръ примириться съ двумя палатами только потому, что эта система не соотвѣтствуетъ идеалу единства, національнаго и политическаго; они полагаютъ, что единая Франція должна имѣть единую палату народныхъ представителей, воплощающую въ себѣ цѣликомъ единую народную волю. Дѣлить народное верховенство между двумя собраніями — кажется какъ-будто произвольнымъ, ненормальнымъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ; это напоминаетъ французамъ какъ-бы разломанное на двое зеркало, въ которомъ отраженіе получается кривое, уродливое. Практическіе доводы играютъ лишь второстепенную роль въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ; французскіе радикалы, какъ и консерваторы,—прежде всего люди принциповъ, а принципы диктуются главнымъ образомъ отвлеченною логикою и чувствомъ красоты. Стройность и изящество политическаго зданія цѣнятся нерѣдко выше осязательныхъ общественныхъ выгодъ; отчасти по этой причинѣ имѣетъ такъ мало успѣха во Франціи идея мѣстнаго самоуправленія и децентрализаціи: французы, даже самые передовые, боятся инстинктивно, что нарушеніе

единства власти повлечетъ за собою пестрое разнообразіе порядковъ, которое можетъ перейти въ нѣчто тяжелое, неуклюжее.

Въ то время какъ въ парламентѣ и въ печати обсуждался проектъ пересмотра конституціи, общественное мнѣніе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за холерою, появившеюся въ южныхъ портахъ Франціи. На помощь французскимъ медицинскимъ силамъ присланъ былъ изъ Берлина извѣстный знатокъ этой эпидеміи, докторъ Кохъ. Мнѣнія и разговоры Коха аккуратно сообщались нѣмецкими и французскими газетами; корреспонденты говорили уже о сближеніи двухъ великихъ націй на почвѣ науки. Ничтожное уличное происшествіе сразу измѣнило настроеніе нѣмцевъ: французы сдѣлались предметомъ горячихъ нападеній на столбцахъ патріотическихъ нѣмецкихъ органовъ. Возникла даже дипломатическая переписка; французскій посолъ въ Берлинѣ передалъ германскому правительству формальное извиненіе по поводу случившагося въ Парижѣ. Германское знамя было публично оскорблено и разорвано мальчиками, одѣтыми въ военные мундиры, во время національнаго праздника 14 іюля. Толпа приняла участіе въ демонстраціи и преслѣдовала одного нѣмца безъ вредныхъ для него послѣдствій. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы нашли, что Франція отплатила Германіи черною неблагодарностью за присылку доктора Коха.

Французская печать единодушно осудила демонстрацію, называя ее безсмысленною и даже преступною. Мальчики, конечно, выразили свой патріотизмъ, какъ могли; они маршировали по улицамъ стройными баталіонами, въ полномъ вооруженіи, до тѣхъ поръ, пока не попалось имъ на глаза нѣмецкое знамя, — дальнѣйшее произошло какъ бы само собою. Игра въ солдатики принимаетъ иногда странныя формы: парижская городская дума тратитъ ежегодно болѣе ста тысячъ франковъ на обученіе военному дѣлу дѣтей, учениковъ народныхъ училищъ въ столицѣ; этимъ мальчикамъ выдаются также безплатно небольшія ружья,—не игрушечныя, а настоящія,—чтобы они могли упражняться въ стрѣльбѣ на случай будущей осады Парижа. Маленькіе герои совершили свой первый военный подвигъ удачно; побѣда надъ знаменемъ одержана полная, но по общему признанію они преждевременно воспылали жаждою славы. Французы менѣе чѣмъ когда-либо расположены теперь слѣдовать за неразумными существами, подбивающими на совершеніе подвиговъ; а такихъ существъ съ неодолимымъ патріотическимъ зудомъ найдется довольно много среди взрослаго населенія разныхъ частей свѣта. „Чѣмъ священнѣе чувство патріотизма, — поучаетъ газета „Temps“ своихъ читателей,—тѣмъ болѣе оно должно быть сдержаннымъ, бодрствующимъ и гордымъ. Оно существуетъ въ глубинѣ сердца; имъ не

играютъ для театральныхъ представленій и нелѣпыхъ выходокъ. Оно должно быть душою всего, но не можетъ служить внѣшнимъ знаменемъ. Люди, эксплуатирующіе его публично, наиболѣе оскорбляютъ его". Сдержанность чувства легче проповѣдуется, чѣмъ практикуется на дѣлѣ; трудно требовать ея отъ уличной толпы, когда образованные люди Германіи и Франціи столь часто руководятся интересами политической вражды въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Англичане, въ противоположность французамъ, не ищутъ логики и симметріи въ своихъ учрежденіяхъ; они старательно хранятъ ненужные обломки прошлаго и только въ случаяхъ крайней необходимости берутся за частныя передѣлки своего стариннаго, неуклюжаго, но просторнаго политическаго зданія. Для иностранцевъ и особенно французовъ совершенно непонятно уваженіе англичанъ къ такимъ явнымъ аномаліямъ, какъ палата наслѣдственныхъ законодателей, независимыхъ одинаково отъ народа и отъ королевской власти; а между тѣмъ понынѣ англійскіе лорды пользуются по праву рожденія обширными привилегіями, недоступными обыкновеннымъ смертнымъ. Положеніе лордовъ обращаетъ на себя вниманіе только тогда, когда они употребляютъ свое могущество во вредъ интересамъ народа; такой случай, по мнѣнію англичанъ, представился въ настоящее время. Палата лордовъ отвергла билль о реформѣ, дающій избирательныя права новымъ двумъ милліонамъ гражданъ, въ дополненіе къ прежнему числу избирателей. Предводитель консервативной партіи, маркизъ Салисбёри, побудилъ палату сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ подъ тѣмъ предлогомъ, что правительство не внесло еще другого проекта, безъ котораго реформа можетъ послужить средствомъ увеличенія числа либеральныхъ членовъ въ парламентѣ. Законъ, выработанный правительствомъ и принятый палатою общинъ послѣ всесторонняго разсмотрѣнія его въ 26 засѣданіяхъ, не можетъ получить обязательную силу только потому, что небольшая группа знатныхъ лицъ не желаетъ этого. Съ одной стороны, дѣйствуетъ правительство королевы, въ союзѣ съ выборною палатою, представляющею собою три милліона избирателей; а съ другой стороны— лорды, представляющіе только самихъ себя, безотвѣтственные и ничѣмъ не связанные. И эти двѣсти лордовъ, слѣдующихъ за маркизомъ Салисбёри, имѣютъ право и возможность по своему усмотрѣнію уничтожать законодательные труды народнаго представительства и министерства. Этотъ фактъ принялъ наглядныя и рѣзкія очертанія въ рѣшеніи палаты лордовъ, по поводу избирательной реформы.

Англичане прибѣгли къ обычному своему способу выраженія на-

роднаго протеста—въ публичныхъ многолюдныхъ собраніяхъ; митинги созываются одинъ за другимъ въ различныхъ городахъ страны, достигая иногда колоссальныхъ размѣровъ по числу участвующихъ. Народное движеніе направлено уже противъ самого существованія палаты лордовъ въ ея настоящемъ видѣ. Гладстонъ заранѣе предостерегалъ верхнюю палату, что для нея опасно возбуждать противъ себя борьбу, исходъ которой предвидѣть не трудно. Лордъ Салисбёри смѣло бросилъ вызовъ общественному мнѣнію, выставляя себя однако вѣрнымъ другомъ народа, о которомъ онъ заботится будто бы гораздо болѣе либераловъ; онъ хочетъ только избавить новыхъ гражданъ отъ непріятной обязанности выбирать по преимуществу либеральныхъ кандидатовъ, вслѣдствіе отсутствія закона о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. Ни лордъ Салисбёри, ни его сторонники не оспаривали реформы въ принципѣ; они отвергли ее только на практикѣ.

Народныя демонстраціи противъ лордовъ начались во всей Англіи; первая изъ нихъ, и наиболѣе внушительная, имѣла мѣсто въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, 21 іюля, при участіи свыше 30,000 человѣкъ. Множество промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, представители всѣхъ ремеслъ и профессій, рабочіе городскіе и сельскіе, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ, — всѣ съ своими знаменами, съ массою флаговъ съ соотвѣтственными надписями, направлялись по улицамъ Лондона въ образцовомъ порядкѣ, съ сознаніемъ исполненія серьезнаго долга; безконечное море головъ, подвигавшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сряду по направленію къ Гайдъ-парку, должно было произвести нѣкоторое впечатлѣніе на лордовъ, смотрѣвшихъ на процессію изъ оконъ аристократическаго Карльтонъ-клуба. Каждая часть процессіи останавливалась передъ этимъ клубомъ и давала кошачій концертъ; остроты, насмѣшки и угрозы непрерывно сыпались на знатныхъ членовъ клуба, которые невозмутимо, съ чисто-англійскою выдержкою, выслушивали все это отъ начала до конца. Настроеніе толпы было вполнѣ добродушное, по общимъ отзывамъ газетъ. Принцъ Уэльскій, замѣченный на балконѣ одного дома, былъ предметомъ восторженныхъ овацій; народный гимнъ повторялся нѣсколько разъ. Толпа привѣтствовала также маркиза Гартингтона (старшаго сына герцога Девонширскаго) и другихъ либеральныхъ лордовъ, встрѣчавшихся по пути; очевидно, народъ понималъ, что дѣло идетъ объ учрежденіи, а не о лицахъ. Въ Гайдъ-паркѣ собравшаяся масса раздѣлилась на семь отдѣльныхъ митинговъ, подъ предсѣдательствомъ членовъ парламента; повсюду произносились рѣчи на тэму о невозможности дальнѣйшаго существованія палаты лордовъ. Крики: „долой лордовъ“—чередовались съ возгласами въ честь избирательной ре-

формы. Замѣчательно только, что всякій ораторъ начиналъ съ крѣпкихъ словъ по адресу лордовъ и кончалъ скромнымъ практическимъ заключеніемъ, что забракованный билль будетъ вторично внесенъ въ верхнюю палату, затѣмъ еще разъ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ принятъ. Нѣкоторые изъ говорившихъ выражались болѣе опредѣленно; профессоръ Тэйлоръ заявилъ, что „никто не обращается за совѣтомъ къ наслѣдственнымъ докторамъ или адвокатамъ, и что поэтому также собраніе наслѣдственныхъ законодателей не имѣетъ смысла". Болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, Кромвель высказалъ графу Манчестерскому, что въ Англіи не будетъ порядка, пока онъ не сдѣлается просто мистеромъ Монтэгю; это замѣчаніе, по словамъ профессора Бислея, можно примѣнить къ лорду Салисбёри: въ Англіи не будетъ порядка до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ просто мистеромъ Робертомъ Сесилемъ.

Демонстрація въ Гайдъ-паркѣ, не смотря на громадное количество участвовавшихъ въ ней лицъ, прошла вообще совершенно спокойно; народъ привыкъ выражать свое мнѣніе и твердо вѣрить въ силу легальнаго массоваго движенія. Полиція принимала нѣкоторыя предохранительныя мѣры; но о противодѣйствіи митингамъ не могло быть и рѣчи, послѣ непріятнаго опыта, сдѣланнаго въ этомъ отношеніи въ 1866 году: тогда консервативное министерство пожелало разсѣять сборище, и произошло столкновеніе, стоившее жизни нѣсколькимъ лицамъ. Тогда, какъ и теперь, консерваторы отвергали избирательную реформу, для того, чтобы черезъ годъ принять ее. Лордъ Салисбёри отнесся свысока къ народному движенію, выразившемуся столь ярко въ различныхъ мѣстахъ Англіи. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Шеффильдѣ, онъ доказывалъ, что народное мнѣніе узнается только въ легальной формѣ парламентскихъ выборовъ, что важные законодательные вопросы рѣшаются не уличными манифестаціями и не устройствомъ „пикниковъ", а палатами въ существующемъ ихъ составѣ, и что правительство имѣетъ предъ собою законный путь для провѣрки народныхъ желаній,—оно можетъ распустить палату общинъ и обратиться къ избирателямъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему палата общинъ, поддерживающая правительство, должна отвѣчать за дѣйствія палаты лордовъ; но съ точки зрѣнія лордовъ это понятно: противъ нихъ невозможны никакія непосредственныя мѣры убѣжденія или обновленія; ихъ можно убѣждать только косвенно посредствомъ выборовъ въ нижнюю палату. Но устраивать новые выборы нѣтъ никакого основанія, когда правительство и палата общинъ вполнѣ солидарны между собою, и когда нѣтъ основанія сомнѣваться въ солидарности выборной палаты съ народнымъ мнѣніемъ. Лордъ Салисбёри называетъ нынѣшнюю палату „рабскою",

слѣпо подчиняющеюся волѣ перваго министра; члены этой палаты въ свою очередь называютъ лордовъ „наслѣдственными ничтожествами", и общее раздраженіе усиливается противъ надменныхъ консерваторовъ-лордовъ, считающихъ себя въ правѣ останавливать рѣшенія остальныхъ частей парламента и игнорировать желанія большинства населенія.

Исходъ начавшейся борьбы можетъ оказаться весьма нежелательнымъ для палаты лордовъ, и во всякомъ случаѣ консервативная партія должна неизбѣжно пострадать въ своемъ вліяніи и значеніи, вслѣдствіе попытки дѣйствовать наперекоръ народнымъ интересамъ въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Министры Чамберлэнъ и Фаусеттъ вполнѣ основательно замѣтили, что для либеральной партіи образъ дѣйствій палаты лордовъ является въ высшей степени выгоднымъ, значительно возвышая ея шансы на случай новыхъ выборовъ. Неудачи внѣшней политики Гладстона могли быть утилизированы оппозиціею, но теперь онѣ забыты и оставлены въ сторонѣ, въ виду неожиданнаго внутренняго конфликта, въ которомъ роль консерваторовъ столь мало популярна. Многіе консервативные лорды, подавая голоса согласно мнѣнію своего оффиціальнаго предводителя, выражали при этомъ свое крайнее сожалѣніе о возможности разлада съ палатою общинъ: они дѣйствовали какъ будто противъ воли, чтобы не нарушать дисциплины въ рядахъ партіи. Это дало поводъ „Пончу" изобразить большинство верхней палаты въ весьма непочтительной каррикатурѣ: стадо барановъ, съ человѣческими лицами, съ графскими и прочими коронами на головахъ, покорно скачетъ черезъ барьеръ вслѣдъ за крупнымъ барономъ, съ лицомъ лорда Салисбёри. Одинъ изъ выдающихся членовъ торійской партіи, вѣроятный будущій вождь ея, лордъ Рандольфъ Чорчиль, высказался прямо, что отклоненіе избирательнаго билля есть крупная политическая ошибка. По замѣчанію Чамберлэна, „маркизъ Салисбёри поступаетъ такимъ образомъ, что его можно принять за скрытаго радикала, который подъ видомъ аристократической спѣси проникнутъ ненавистью къ своему сословію и искреннимъ желаніемъ унизить его". Онъ поставилъ на очередь вопросъ о преобразованіи или упраздненіи палаты лордовъ, о чемъ никто не думалъ бы безъ его смѣлаго шага. „Еслибы мы смотрѣли на этотъ кризисъ съ точки зрѣнія временныхъ выгодъ либеральной партіи,—говорилъ министръ почтъ Фаусеттъ,—то мы должны были бы употребить всѣ старанія, чтобы побудить лордовъ довести борьбу до горькаго конца". Важнѣйшіе органы печати, въ томъ числѣ и умѣренно-консервативные, рѣшительно возстаютъ противъ рискованной политики лордовъ. „Само время и неодолимыя стремленія нашего вѣка,—разсуждаетъ „Times",

—враждебны притязаніямъ палаты лордовъ. Оппозиція сдѣлаетъ важный промахъ, если приметъ спокойную сдержанность участниковъ демонстрацій за недостатокъ серьезной политической рѣшимости. Ошибочно думать, что недовольство обнимаетъ только тѣ классы населенія, къ которымъ относится непосредственно новый избирательный билль". Лорды могли отсрочить осуществленіе реформы на нѣкоторое время, но устранить ее они не въ силахъ,—такъ что мѣра, принятая ими, принесетъ только вредъ самимъ торіямъ.

Упорный консервативный духъ англичанъ въ области политической жизни служитъ для палаты лордовъ значительною гарантіею долговѣчности. Всѣ сознаютъ въ принципѣ, что палата должна быть совершенно преобразована, что доступъ въ нее должень обусловливаться не одною лишь случайностью рожденія, что многіе лорды не имѣютъ никакихъ данныхъ для роли законодателя и однако подавляютъ собою группу просвѣщенныхъ дѣятелей въ обѣихъ партіяхъ. Сами лорды не возражаютъ противъ этихъ доводовъ; маркизъ Салисбёри ничего не имѣлъ бы противъ реформы, судя по его неоднократнымъ заявленіямъ; вопросъ о несостоятельности наслѣдственной палаты разсматривался не разъ за послѣдніе годы въ англійской журналистикѣ, причемъ выводъ всегда получался приблизительно одинъ и тотъ же. Тѣмъ не менѣе до практической попытки преобразовать верхнюю палату еще очень далеко; пусть лорды завтра примутъ какое-либо популярное рѣшеніе и откажутся отъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній,—и весь вопросъ о лордахъ перестанетъ существовать, впредь до дальнѣйшаго конфликта и кризиса.

Нуженъ очень сильный и долго дѣйствующій толчокъ, чтобы возбудить реформаторскій пылъ въ англійскомъ обществѣ. Полная свобода всякихъ общественныхъ и политическихъ проявленій, вмѣстѣ съ твердою обезпеченностью личныхъ правъ, дѣлаетъ какъ бы излишнимъ для большинства англичанъ хлопотать о перемѣнахъ и улучшеніяхъ, которыя для посторонняго глаза казались бы безусловно необходимыми. Англичане сжились съ массою старинныхъ, частью безобразныхъ учрежденій и порядковъ; они не трогаютъ ихъ, хотя нерѣдко чувствуютъ надъ собою ихъ традиціонное бремя.

Удивительнѣе всего для иностранца—отсутствіе всякой равномѣрности въ распредѣленіи интереса къ реформамъ: тогда какъ элементарныя потребности общества удовлетворяются весьма туго въ сферѣ законодательства и правосудія, смѣлые проекты, нигдѣ еще не испытанные, отнимаютъ время у парламента безъ всякой къ тому надобности. Англійскіе законы находятся въ хаотическомъ, невозможномъ состояніи; они недоступны публикѣ по своей крайней многочисленности и разбросанности; за всякою справкою надо обра-

щаться къ адвокатамъ, трудъ которыхъ оплачивается чрезвычайно дорого; судебные расходы столь значительны по гражданскимъ дѣламъ, что ими поглощается почти вся цѣнность спорныхъ имуществъ; —и все это терпится, какъ нѣчто неизбѣжное и установленное разъ на всегда. Никто не хлопочетъ о приведеніи законовъ въ порядокъ посредствомъ надлежащей кодификаціи; никто въ парламентѣ не поднимаетъ вопроса объ улучшеніи судебныхъ порядковъ, отчасти только затронутыхъ извѣстнымъ биллемъ лорда Сельборна, а объ избирательныхъ правахъ женщинъ ведутся оживленныя пренія, какъ будто это вопросъ самый жгучій и настоятельный въ Англіи.

Консервативная оппозиція, въ лицѣ сэра Норскота и другихъ ораторовъ, ломала копья за женщинъ, а либеральный премьеръ долженъ былъ возражать противъ этихъ нововведеній, рискуя навлечь на себя гнѣвъ прекраснаго пола. Всякому понятно было, что при распространеніи избирательныхъ правъ на новые слои гражданъ нельзя возбуждать посторонній вопросъ о правахъ женщинъ; до этихъ правъ можно было бы дойти только послѣ того, какъ всѣ граждане мужескаго пола были бы признаны полноправными избирателями. Женское избирательное право проповѣдуется спеціальными обществами, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстныя писательницы и жены политическихъ дѣятелей; пропаганда ведется еще особымъ способомъ, чисто-англійскимъ, въ видѣ отказа женщинъ отъ уплаты податей. Общее политическое правило, принимаемое за аксіому въ Англіи, неразрывно связываетъ уплату податей съ правомъ представительства; кто вноситъ прямые налоги, тотъ участвуетъ въ пользованіи избирательными правами, а такъ какъ женщинамъ эти права не принадлежатъ, то не слѣдуетъ съ нихъ требовать уплаты податей. Каждый случай отказа влечетъ за собою арестъ движимаго имущества, соотвѣтствующаго суммѣ требуемаго взноса; хозяйка обыкновенно доводитъ дѣло до принудительной продажи арестованныхъ вещей, чтобы фактъ сохранялъ за собою чистый характеръ насилія. Церемонія ареста и продажи происходитъ обыкновенно въ присутствіи значительнаго числа лицъ, особенно дамъ, созываемыхъ заранѣе для участія въ демонстраціи; случай описывается въ газетахъ и обсуждается въ передовыхъ статьяхъ „Times'a". Дамы, не уплачивающія податей съ цѣлью протеста противъ несправедливыхъ законовъ, пріобрѣтаютъ легкую популярность; имена ихъ становятся извѣстными, и онѣ находятъ подражательницъ. Такъ надѣются со временемъ достигнуть равноправности, ибо постоянные отказы отъ уплаты налоговъ могутъ утомить правительство и дать надлежащую фактическую поддержку дѣлу реформы. Недавно еще

лондонскія газеты сочувственно разсуждали о поступкѣ миссъ Миллеръ, которая допустила до продажи своего письменнаго стола для уплаты недоимки; эта миссъ аккуратно каждый годъ торжественно отказываетъ сборщикамъ въ платежѣ, послѣ чего столь же торжественно арестуется и выносится изъ дома какая-либо мебель.

Очень можетъ быть, что въ концѣ концовъ англійскія дамы, при неуклонномъ преслѣдованіи своей цѣли, добьются избирательныхъ правъ ранѣе неимущаго большинства мужского населенія и что женщины будутъ участвовать въ выборахъ уже въ то время, когда принципъ всеобщаго голосованія будетъ еще ждать своей очереди. Можно съ полнымъ сочувствіемъ относиться къ политической равноправности женщинъ, но нельзя не видѣть, что эта идея выдвигается въ Англіи преждевременно и могла бы по справедливости дать дорогу другимъ болѣе настоятельнымъ требованіямъ, предъ которыми женскій избирательный вопросъ кажется лишь невинною свѣтскою игрушкою.

НАКАНУНѢ ПРЕЗИДЕНТСКИХЪ ВЫБОРОВЪ.

Корреспонденція изъ Нью-Іорка.

8-го іюня.

Приближающіеся президентскіе выборы всецѣло поглощаютъ собою общественное вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ политическихъ сферахъ закипѣла самая напряженная работа, а дѣятели и коноводы давно уже не знаютъ ни сна, ни аппетита, при безпрерывной агитаціи, интригахъ и мучительныхъ ожиданіяхъ. Эта лихорадочная дѣятельность относится пока къ состязанію между различными кружками однихъ и тѣхъ же лагерей. Самая же война между партіями откроется въ половинѣ іюля, т.-е. тогда, когда всѣ партіи, выбравъ своихъ кандидатовъ и положивъ конецъ своимъ внутреннимъ раздорамъ, дружно выйдутъ на поле сраженія, которое въ этомъ году угрожаетъ принять острый характеръ. Если время выборовъ вообще представляетъ весьма удобный моментъ для ознакомленія съ политическими и общественными потребностями страны, то тѣмъ большее право на вниманіе имѣютъ предстоящіе прези-

дентскіе выборы, такъ какъ они совпадаютъ съ видимымъ началомъ крушенія старыхъ господствующихъ партій и въ то же время должны выяснить значеніе и будущность нарождающихся новыхъ элементовъ.

Главныхъ политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ извѣстно, двѣ: республиканская и демократическая. Въ настоящее время между этими двумя партіями нѣтъ въ сущности никакой значительной разницы, никакой принципіальной пограничной черты. Въ общемъ онѣ близко сходятся въ своихъ принципахъ, а что касается отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ, служащихъ предметомъ разногласія, то, во-первыхъ, это все такіе вопросы, отношеніе къ которымъ не можетъ еще характеризовать отдѣльную политическую партію, и во-вторыхъ, даже члены одной и той же партіи нерѣдко несогласны въ своихъ убѣжденіяхъ по этимъ вопросамъ. Для примѣра укажемъ на вопросъ о таможенномъ тарифѣ — одинъ изъ самыхъ жгучихъ и давно стоящихъ на очереди. Демократы вообще, какъ извѣстно, стоятъ за расширеніе свободы иностраннаго ввоза, республиканцы же, наоборотъ—протекціонисты. Между тѣмъ, значительное число республиканцевъ высказывается за пониженіе тарифа, точно такъ же какъ, съ другой стороны, и въ рядахъ демократовъ существуетъ расколъ по этому вопросу. Когда два мѣсяца тому назадъ демократъ Моррисонъ внесъ въ палату представителей свой анти-тарифный биллъ, 42 демократа содѣйствовало забаллотированію билля. Тарифный вопросъ, вѣроятно, будетъ играть видную роль на демократической конвенціи для выбора кандидата въ президенты, которая соберется 8-го іюля.

Итакъ, никакого рѣзкаго принципіальнаго контраста эти двѣ враждующія между собою организаціи не представляютъ. Что же обусловливаетъ ихъ раздвоеніе и антагонизмъ? Въ отвѣтъ на это я приведу слова одного остроумнаго и образованнаго американца, которыя я услышалъ отъ него нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда обратился къ нему съ этимъ же вопросомъ. „Между нами и демократами очень важная разница",—сказалъ онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ,—„она состоитъ въ томъ, что мы стараемся всѣ доходныя мѣста и почести забрать себѣ, а демократы, наоборотъ, хотѣли бы всѣ эти блага захватить въ свои руки". За наружной шуткой въ этомъ отвѣтѣ кроется значительная доля истины, и я нисколько не преувеличу, если скажу, что, за весьма рѣдкими исключеніями, одинъ только личный интересъ заставляетъ людей хлопотать въ пользу той или другой изъ двухъ господствующихъ партій. Одни видятъ въ партіи дорогу къ политической карьерѣ — это тѣ дѣятели (по большей части изъ адвокатовъ), которые посвящаютъ все свое время политиканству и получаютъ въ вознагражде-

ніе оффиціальныя должности. Другіе, принадлежащіе къ финансовому міру, употребляютъ партію какъ орудіе для достиженія извѣстныхъ законодательныхъ мѣръ и подтвержденія выгодныхъ концессій. Эти денежные тузы влекутъ за собою тысячи зависящаго отъ нихъ мелкаго люда. Капиталисту нуженъ политикъ, а политику нуженъ капиталистъ; эта круговая порука служитъ главнымъ связующимъ цементомъ, гарантирующимъ прочность партіи. Такъ какъ все правительство состоитъ изъ лицъ или выборныхъ отъ народа или назначенныхъ этими послѣдними, то естественно, что не принадлежать ни къ одной изъ двухъ господствующихъ партій иногда сопряжено съ лишеніемъ источника существованія. Въ томъ участкѣ, напр., гдѣ я живу, значительное число рабочихъ принадлежитъ къ республиканскому клубу только потому, что онъ ихъ снабжаетъ казенной работой.

Въ прежнее время республиканская и демократическая партіи дѣйствительно были партіями принциповъ, и между ихъ предводителями находились люди, которымъ американская нація обязана очень многимъ,—люди, которые никогда не перестанутъ быть предметомъ гордости страны: только благодаря своему прошлому и этимъ своимъ представителямъ, партіи пошли въ гору. Но разъ достигнувъ могущества, онѣ упрочили за собою первенствующее значеніе и продолжаютъ держаться на своемъ пьедесталѣ даже и теперь, когда старые принципы въ сущности заглохли, когда истинно полезные и преданные государству люди вымерли и на ихъ мѣсто выступили дѣятели, которымъ никакого дѣла нѣтъ до государственныхъ идей и задачъ, и которые сильны только своимъ искусствомъ управлять избирательной машиной партіи. Этотъ современный типъ политики мѣтко охарактеризованъ названіемъ „wire-puller", т.-е., „дергающій проволоку", по которой двигаются маріонетки. Читателю, незнакомому близко съ американскою жизнью, это можетъ на первый взглядъ показаться преувеличеннымъ, но къ сожалѣнію, все сказанное есть несомнѣнный фактъ, признанный органами самихъ партій въ печати, среди которыхъ нерѣдко слышится сожалѣніе о добромъ старомъ времени. Такимъ образомъ, личный интересъ— вотъ главный базисъ, на которомъ держится организація двухъ главныхъ политическихъ партій, съ ихъ взаимнымъ традиціоннымъ антагонизмомъ.

Но такое положеніе вещей держаться долго не можетъ. Какъ республиканская партія, владѣвшая кормиломъ правленія болѣе 24-хъ лѣтъ, такъ и менѣе слабая демократическая партія все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву, и на сцену начинаютъ выдвигаться новые элементы, которымъ, судя по ихъ быстрому ро-

сту, предстоитъ весьма видная роль въ недалекомъ будущемъ. Появились многочисленныя организаціи съ радикальными, экономическими и политическими направленіями всѣхъ оттѣнковъ. Сюда относится такъ-называемая „гринбэкерская“ рабочая партія, партія анти-монополистовъ, „центральный рабочій союзъ“, состоящій изъ делегатовъ отъ разныхъ рабочихъ ассоціацій (trades-unions), защитники труда, насчитывающіе до полумилліона членовъ, общество „освобожденія земли“ и др.

„Гринбэкерская“ партія уже давно дѣйствуетъ, какъ самостоятельная политическая организація, и составляетъ замѣтную силу послѣ республиканской и демократической партій. Въ первое время своего развитія она держалась главнымъ образомъ финансовой почвы, требуя по преимуществу изъятія изъ обращенія частныхъ банковыхъ билетовъ и замѣны ихъ государственными, которые выпускались бы конгрессомъ. Отсюда и ея имя „гринбэкеровъ“ (greenback—зеленая спинка, которою отличаются государственныя бумажныя деньги). Эта партія впервые выступила на поприще избирательной агитаціи въ 1876 году, подъ руководствомъ своего кандидата, извѣстнаго филантропа Петра Купера. Она была побѣждена на выборахъ, но съ тѣхъ поръ она окрѣпла и пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ странѣ. Недавно еще основной пунктъ ея программы былъ возведенъ въ законъ рѣшеніемъ высшаго суда, признавшимъ за конгрессомъ право выпускать бумажныя деньги. Вообще, партія эта старается доказать, что программа ея не ограничивается только упомянутою финансовой теоріею, но заключаетъ въ себѣ много другихъ важныхъ требованій, относящихся къ серьезнымъ государственнымъ и экономическимъ вопросамъ. Эта партія имѣетъ прочную организацію во всѣхъ штатахъ союза.

Партія „анти-монополистовъ“, программа которой приведена ниже, выступаетъ въ этомъ году въ первый разъ съ своимъ спеціальнымъ кандидатомъ въ президенты. До сихъ поръ они добивались своихъ цѣлей черезъ посредство двухъ старыхъ партій, платя имъ поддержкой во время выборовъ.

„Рабочіе союзы“ (trades-unions) прогрессивно растутъ въ своихъ силахъ и очень дѣятельно и успѣшно занимаются собираніемъ и объединеніемъ разсѣянныхъ по всей республикѣ своихъ отрядовъ. Ихъ „центральный союзъ“ уже успѣлъ сдѣлаться предметомъ нѣкотораго страха для фабрикантовъ. Надо замѣтить, что нынѣшніе американскіе trades-unions имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой они имѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда они держались исключительно оборонительной системы, теперь же они перешли къ наступательной; тогда они дѣйствовали въ кругу отдѣльныхъ про-

мысловъ, которые нерѣдко враждовали между собою; нынѣ же это—союзъ всѣхъ ремеслъ. Старому уніонисту и въ голову не приходило, что баллотировка можетъ имѣть для него значеніе, теперешній же начинаетъ возлагать на нее большія надежды.

„Общество освобожденія земли" (Free Soil Society) уже организовалось въ 17 штатахъ, которые послали своихъ делегатовъ на конгрессъ общества, состоявшійся въ Нью-Іоркѣ 20-го мая. Благодаря вліятельной агитаціи Генри Джорджа, это общество очень быстро распространяется.

Эти разрозненныя политическія силы, выступающія во имя интересовъ рабочаго класса, все болѣе и болѣе сближаются между собою и находятся въ процессѣ сплоченія въ одно компактное цѣлое. Этотъ фактъ, на который съ восторгомъ указываетъ развивающаяся здѣсь радикальная печать, до того очевиденъ, что онъ не можетъ ускользнуть отъ вниманія старыхъ партій, и сознавая всю опасность, угрожающую имъ, онѣ начинаютъ уже подумывать о томъ, какъ бы привлечь рабочихъ на свою сторону новыми заманчивыми обѣщаніями. Такъ, республиканцы въ недавно объявленной политической программѣ отводятъ мѣсто нѣкоторымъ пунктамъ въ пользу рабочаго класса.

Солидарность новыхъ политическихъ элементовъ и ихъ стремленіе къ сплоченію обнаруживается быстрымъ распространеніемъ по всему союзу такъ-называемыхъ „лигъ свободы". Первая изъ нихъ возникла въ Нью-Іоркѣ очень недавно. Она получила начало въ двухъ конференціяхъ представителей вышеупомянутыхъ и другихъ имъ подобныхъ организацій. Расходясь между собою во многихъ теоретическихъ вопросахъ, всѣ члены конференцій согласились насчетъ способа практическихъ дѣйствій по отношенію къ серьезнымъ задачамъ, стоящимъ на очереди и глубоко затрогивающимъ интересы трудящагося населенія. „Лиги свободы" назначаютъ цѣлый рядъ коммиссій, на которыя возлагается обязанность всякими законными мѣрами воздѣйствовать на законодательную власть и склонять ее къ обсужденію и благопріятному рѣшенію того или другого вопроса.

Первый кандидатъ въ президенты былъ выставленъ партіей „анти-монополистовъ" на генеральной конвенціи, происходившей въ Чикаго 14-го мая. Послѣ составленія и утвержденія политической программы, приступлено было къ баллотировкѣ предложенныхъ кандидатовъ, и выборъ единодушно палъ на генерала Веніамина-Франклина Бутлера изъ Массачуэетса. Его же избрали затѣмъ и „гринбэкеры". Приводимъ существенныя заявленія анти-монополистской программы въ дословномъ переводѣ:

„Трудъ и капиталъ должны быть союзниками, а не врагами, и мы требуемъ для нихъ одинаковой справедливости, состоящей въ защитѣ правъ всѣхъ противъ привилегій немногихъ. Частныя корпораціи должны находиться подъ контролемъ закона. Мы предлагаемъ возможно большія сокращенія общественныхъ расходовъ. При утвержденіи и точномъ исполненіи законовъ должно быть соблюдаемо равенство всѣхъ гражданъ въ правахъ и обязанностяхъ. Правительство должно безотлагательно употребить свои конституціонныя прерогативы для урегулированія торговли между различными штатами. Главными двигателями промышленности служатъ пути сообщенія, деньги и средства передачи извѣстій. Все это въ настоящее время находится въ рукахъ гигантскихъ монополій и служитъ къ обѣднѣнію рабочаго и къ вытѣсненію конкурренціи. Поэтому мы считаемъ настоятельною обязанностью конгресса установить надлежащіе законы относительно этихъ факторовъ торговли, согласно неоднократнымъ рѣшеніямъ высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Эти монополіи, обременяющія всякое предпріятіе, приводятъ къ безчисленнымъ несправедливостямъ по отношенію къ трудящимся милліонамъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Никакая преобразовательная система, оставляющая безъ защиты людей, которые зарабатываютъ хлѣбъ трудомъ своихъ рукъ, не имѣетъ права на поддержку публики. Бюро рабочей статистики должны быть учреждены въ каждомъ штатѣ, и одно общее, національное—для всей страны. Судъ долженъ замѣнить собою насиліе въ рѣшеніи споровъ между рабочимъ и работодателемъ. Необходимъ общій законъ объ ограниченіи рабочаго дня восемью часами. Ввозъ иностранныхъ рабочихъ по контрактамъ долженъ быть признанъ незаконнымъ. Какія бы реформы ни потребовались для защиты соединенныхъ рабочихъ, онѣ должны быть произведены. Трудящемуся должна принадлежать та часть прибыли, которую онъ сообщаетъ стоимости продукта. Мы требуемъ уплаты общественнаго долга, выбора сенаторовъ непосредственнымъ голосованіемъ народа соотвѣтственныхъ штатовъ,—тарифа, который бы какъ можно легче обременялъ предметы необходимости. Мы протестуемъ противъ нынѣшняго тарифа, такъ какъ онъ служитъ лишь интересамъ монополіи; онъ долженъ быть основательно измѣненъ въ пользу труда. Раздача земли корпораціямъ должна быть прекращена; всѣ прежнія постановленія о дарованіи земель подлежатъ пересмотру, а самыя земли могутъ быть конфискованы, если корпораціи, получившія ихъ, не исполнили въ точности тѣхъ условій, на которыхъ земли были имъ дарованы. Общественныя земли должны служить для поселенія дѣйствительныхъ земледѣльцевъ, а не для спекуляціи“.

Эта „платформа" была формально сообщена Бутлеру вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ избраніи его кандидатомъ въ президенты, на что онъ отвѣтилъ выраженіемъ своего полнаго согласія и готовности всячески содѣйствовать осуществленію всѣхъ пунктовъ программы, если ему достанется президентство.

Веніаминъ Бутлеръ состоитъ активнымъ участникомъ въ организаціи демократической партіи, и этому нисколько не мѣшаютъ его радикальныя воззрѣнія и живой интересъ въ судьбѣ рабочихъ массъ. Бутлеръ—человѣкъ, одаренный блестящимъ умомъ и рѣдкими способностями; онъ пользуется обширною популярностью въ странѣ, и ему, какъ видно, предстоитъ значительная роль въ предстоящей политической борьбѣ. Имѣя за собою выборъ анти-монополистовъ и болѣе сильной партіи „гринбэкеровъ", а съ другой стороны пользуясь поддержкою въ рядахъ демократовъ, онъ становится, такимъ образомъ, предметомъ грозной дилеммы для этой послѣдней партія.

Очень можетъ быть, что демократы разрѣшатъ эту дилемму избраніемъ его и своимъ кандидатомъ въ президенты [1]). Генералъ Бутлеръ родился въ 1818 году въ штатѣ Нью-Гэмпширѣ. Онъ изучалъ юриспруденцію и пріобрѣлъ извѣстность, какъ адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ и какъ демократическій политикъ. Онъ былъ членомъ законодательной палаты, а затѣмъ членомъ сената, въ своемъ штатѣ. Въ 1860 году онъ былъ забаллотированъ какъ кандидатъ на должность губернатора Массачузетса. Въ гражданской войнѣ онъ дослужился до генеральскаго чина и успѣшно командовалъ бригадой. Возвратившись, по окончаніи войны, въ Массачузетсъ, онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ политикѣ, какъ радикалъ. Въ 1877 и опять въ 1879 году онъ снова баллотировался на должность массачузетскаго губернатора, но оба раза безъ успѣха; только два года тому назадъ ему удалось добиться этого сана. Въ настоящее время срокъ этой должности уже истекъ, и Бутлеръ не скрываетъ своего намѣренія попасть въ Бѣлый Домъ. Но одной кандидатуры „гринбэкеровъ" и анти-монополистовъ еще недостаточно для осуществленія его желаній, а на выборъ демократовъ ему все-таки разсчитывать довольно трудно, потому что на ряду съ многочисленными приверженцами въ рабочемъ и среднемъ классахъ онъ имѣетъ много сильныхъ враговъ въ высшихъ демократическихъ кругахъ.

Избраніе Бутлера „гринбэкерами" состоялось въ концѣ мая на національной конвенціи этой партіи, въ Индіанополисѣ (въ штатѣ

---

[1]) Извѣстно уже, что на демократической конвенціи 8-го іюля избранъ не Бутлеръ, а губернаторъ Нью-Іоркскаго штата, бывшій адвокатъ, Клевелендъ. *Ред.*

Индіанѣ). На конвенціи присутствовало больше 450 делегатовъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Тэйлора, сына покойнаго президента Захарія Тэйлора. Въ началѣ засѣданія на конвенціи замѣтно было враждебное Бутлеру чувство, особенно со стороны делегатовъ отъ южныхъ штатовъ. Это настроеніе, главнымъ образомъ, мотивировалось его прямымъ участіемъ въ враждебной „гринбэкерамъ“ демократической организаціи. Но оппозиція стушевалась передъ преобладающимъ большинствомъ сторонниковъ Бутлера, и онъ былъ объявленъ кандидатомъ послѣ первой же баллотировки, при бурѣ апплодисментовъ и радостныхъ восклицаній. Первая рѣчь въ пользу Бутлера была произнесена женщиной — мистриссъ Августой Бристоль, изъ Вайнланда (Нью-Джерси). Ея рѣчь имѣла чисто политическій характеръ и только изрѣдка заключала въ себѣ намеки на женское избирательное право. Генералъ Уэстъ (West) изъ Миссисипи былъ выбранъ кандидатомъ въ вице-президенты.

Политическая „платформа“, принятая „гринбэкерскою“ конвенціей, во многомъ напоминаетъ приведенную выше программу анти-монополистовъ. Гринбэкеры вполнѣ сходятся съ анти-монополистами въ пунктахъ, относящихся къ земельному вопросу, вопросу о междуштатномъ торговомъ законѣ, о немедленной уплатѣ государственнаго долга, о контрактномъ ввозѣ иностранныхъ рабочихъ, объ уменьшеніи рабочаго дня; но они, сверхъ того, требуютъ: введенія правительственной системы телеграфовъ, а въ случаѣ необходимости и правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; изданія санитарныхъ законовъ для фабрикъ, рудниковъ и заводовъ; уничтоженія нынѣшней системы арестантскаго производства (convict labour), какъ опасной конкурренціи для труда свободныхъ рабочихъ; запрещенія дѣтскаго труда; предложенія на всенародное голосованіе вопроса о женскомъ избирательномъ правѣ и, наконецъ, ограниченія торговли спиртными напитками. Финансовому вопросу посвящается первый пунктъ, который требуетъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей торговли, а также возстановленія вышедшихъ изъ обращенія мелкихъ бумажныхъ денегъ, взамѣнъ звонкой монеты. Что касается тарифнаго вопроса, то программа „гринбэкеровъ“ гласитъ: „Поддерживая благоразумное измѣненіе тарифныхъ законовъ, клонящееся къ обложенію предметовъ роскоши въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ предметовъ необходимости, мы, однако, признаемъ, что въ экономическомъ отношеніи тарифный вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія въ сравненіи съ финансовымъ, ибо въ то время, какъ промышленные кризисы происходятъ и при низкомъ, и при высокомъ тарифѣ, мы никогда не знаемъ никакого кризиса и не видимъ своихъ фабрикъ

и мастерскихъ закрытыми, если только количество денегъ, находящихся въ обращеніи, соотвѣтствуетъ нуждамъ торговли. Дайте нашимъ фермерамъ и фабрикантамъ деньги за такую дешевую цѣну, какъ вы ихъ даете банкирамъ, и они будутъ въ состояніи платить высокую заработную плату и конкуррировать со всѣмъ свѣтомъ".

Отъ „гринбэкеровъ" перейдемъ къ господствующей во всей странѣ республиканской партіи. Ея національная конвенція, засѣдавшая въ Чикаго отъ 2-го до 7-го іюня и кончившаяся выборомъ Джэмса Блэна кандидатомъ въ президенты, а Джона Логана въ вице-президенты, была важнымъ событіемъ, сосредоточившимъ на себѣ все вниманіе публики. Результаты республиканской конвенціи, какъ это всегда бываетъ, ожидались всею націей съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ дней, здѣсь только и была рѣчь, что о конвенціи и о предполагаемыхъ кандидатахъ,—а всѣ прочіе интересы нерѣдко откладывались въ сторону. Биржа почти закрылась на четыре дня; въ торговлѣ замѣчался сильный застой; вашингтонскій конгрессъ и палаты отдѣльныхъ штатовъ почти прервали свою дѣятельность. Многіе сенаторы и депутаты умчались въ Чикаго, а тѣ, которые остались, сидѣли разсѣянные въ опустѣвшихъ палатахъ и пропускали мимо ушей чтеніе докладовъ, такъ что нѣсколько биллей прошло черезъ конгрессъ безъ всякаго обсужденія. Для газетъ это была недѣля самой горячей дѣятельности: чуткія къ потребностямъ публики, онѣ слѣдили за малѣйшими движеніями конвенціи. Отряженныя ими арміи корреспондентовъ день и ночь проводили въ залѣ конвенціи и осаждали вопросами всякаго, кто пользуется хотя малѣйшимъ значеніемъ въ политическомъ мірѣ. Ничто не ускользало отъ пера корреспондента; его зоркій глазъ замѣчалъ малѣйшія черты, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ делегатовъ. Въ невольное изумленіе приводитъ видъ этихъ чудовищно-объемистыхъ и убористо-напечатанныхъ газетъ, наполненныхъ описаніемъ хода дѣлъ конвенціи и всего того, что́ имѣетъ къ ней какое-либо отношеніе. Газеты выходили съ громадными прибавленіями, часто выпускались экстренные нумера, а въ предпослѣдній день засѣданія, когда происходили выборы кандидатовъ, такія экстренныя изданія выходили каждый часъ.

Особенно оживленный видъ принялъ городъ Чикаго. Туда собрались тысячи политическихъ и финансовыхъ дѣльцовъ, — кто въ качествѣ делегата, а кто просто какъ заинтересованный наблюдатель. Всѣ гостинницы были переполнены пріѣзжими по поводу конвенціи. Толпы народа окружали центральныя квартиры отдѣльныхъ секцій. Въ воздухѣ развѣвались флаги съ именами того или другого претендента на кандидатуру; раздавались торжественная музыка, рѣчи.

То и дѣло попадались на глаза суетящіяся озабоченныя фигуры политиковъ. Впрочемъ, такая картина въ Америкѣ не новость: ее можно видѣть осенью каждаго года, когда наступаетъ время выборовъ на тѣ или другія оффиціальныя должности. Конвенція засѣдала въ зданіи всемірной выставки. Зала, отведенная для конвенціи, можетъ вмѣстить до 14,000 человѣкъ; но выдано только 7,500 входныхъ билетовъ. Всѣхъ делегатовъ пріѣхало 820—изъ каждаго штата по числу, соотвѣтствующему двойному числу представителей и сенаторовъ, посылаемыхъ даннымъ штатомъ въ вашингтонскій конгрессъ. Эти делегаты были распредѣлены по штатамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Всѣхъ предполагаемыхъ кандидатовъ было восемь: Джемсъ Блэнъ, президентъ Арчеръ, сенаторъ генералъ Джонъ Логанъ, сенаторъ Эдмундсъ, сенаторъ Джонъ Шерманъ, генералъ Шерманъ (братъ перваго), и секретарь Линкольнъ (сынъ убитаго президента). Имя бывшаго президента Гранта не было даже упомянуто, а между тѣмъ онъ имѣлъ большіе шансы быть однимъ изъ самыхъ сильныхъ соперниковъ, еслибы недавній крахъ его фирмы не повредилъ ему такъ сильно. Помимо обнаружившихся нечистыхъ дѣлъ фирмы, послужившихъ къ аресту его компаньоновъ, на его репутацію кладетъ несмываемое пятно опубликованное письмо его къ Уорду (Ward), въ которомъ онъ позволяетъ извлекать изъ своего имени и вліянія всевозможную пользу для фирмы. Это обстоятельство возбудило такое всеобщее негодованіе, что его кліенты вынуждены были оставить всякую мысль о произнесеніи его имени на конвенціи.

Каждый изъ кандидатовъ имѣлъ на конвенціи свою партію, которая составляла особую секцію и имѣла свою центральную квартиру. Каждая партія употребляла всѣ усилія, чтобы отбивать членовъ у остальныхъ и выдвигать впередъ своего избранника. Преобладающею силою пользовались партіи Арчера и Блэна; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что остальныя не могли питать никакихъ надеждъ на удачу, потому что приверженцы Арчера и Блэна въ отдѣльности не были достаточно сильны для того, чтобы дать своему кандидату необходимые для избранія 411 голосовъ при первой же баллотировкѣ; а при послѣдующихъ голосованіяхъ центръ тяжести могъ бы мало-по-малу перейти на сторону менѣе сильнаго или даже вовсе неожиданнаго кандидата. Подобный исходъ обыкновенно имѣетъ мѣсто, когда, въ противодѣйствіе угрожающему успѣху общаго врага, оппозиціонныя стороны предпочитаютъ соединиться вокругъ менѣе ненавистнаго, хотя бы и менѣе значительнаго кандидата, какъ это и случилось при избраніи Гарфильда на республиканской конвенціи 1880 года. Гарфильдъ былъ избранъ кандидатомъ, не смотря на то,

что онъ не имѣлъ ни одного голоса при первой баллотировкѣ и не имѣлъ больше двухъ до 34-й. Только, начиная съ 34-го голосованія къ нему стали стекаться силы другихъ соперниковъ, и онъ былъ выбранъ при 36-й баллотировкѣ 399 голосами. Такіе непредвидѣнные раньше побѣдители называются на здѣшнемъ политическомъ языкѣ „темными конями" (dark horse).

Передъ открытіемъ засѣданія, конвенція приступила къ выбору временнаго предсѣдателя. Партія Блэна предложила генерала Клейтона, а партія Арчера—бывшаго члена конгресса Линча, негра изъ Миссисипи. Послѣдній былъ выбранъ большинствомъ 42 голосовъ. Избраніе Линча дало поводъ полагать, что партія Арчера сильнѣе Блэновской, но это оказалось ошибкой: избраніе *негра* предсѣдателемъ конвенціи — фактъ, не знающій себѣ примѣра въ исторіи американскихъ политическихъ партій—было просто разсчитано на приманку для негритянскаго населенія и юга вообще, подобно тому, какъ ирландцамъ, принадлежащимъ большею частію къ демократической партіи, конвенція сдѣлала уступку тѣмъ, что молебенъ при открытіи послѣдняго засѣданія былъ отслуженъ католическимъ священникомъ. Въ началѣ упоминалось имя генерала Шермана, какъ возможнаго „темнаго коня", но начавшееся движеніе въ этомъ направленіи было убито въ зародышѣ письмомъ отъ ген. Шермана, въ которомъ онъ наотрѣзъ отказался отъ кандидатуры. Коноводы партій Арчера и Эдмунда старались соединиться, но ихъ продолжительные переговоры кончились только рѣшеніемъ стоять твердо за своихъ кандидатовъ и энергически противодѣйствовать Блэну.

Въ четвергъ 5-го іюня была прочитана и утверждена политическая программа партіи, чрезвычайно объемистыхъ размѣровъ. Программа наполнена, большею частію, возвышенными фразами. Въ своихъ существенныхъ пунктахъ она слишкомъ извѣстна съ прошлыхъ лѣтъ, чтобы распространяться о ней, потому отмѣтимъ только тѣ пункты, которые въ этомъ году были впервые прибавлены. Сюда относится: требованіе 8-часового рабочаго дня, учрежденія національнаго бюро рабочей статистики, запрещенія контрактнаго ввоза иностранныхъ рабочихъ; въ земельномъ вопросѣ программа вполнѣ сходится съ программами „гринбэкеровъ" и „анти-монополистовъ". Появленіе этихъ пунктовъ въ программѣ республиканской партіи возбудило чрезвычайное изумленіе, хотя, впрочемъ, никто не сомнѣвается, что въ нихъ надо видѣть лишь избирательный пріемъ, необходимость котораго, очевидно, вызвана быстротою роста новыхъ политическихъ силъ, о которыхъ сказано выше. Нельзя вѣрить искренности выраженныхъ въ новыхъ пунктахъ обѣщаній. Нѣсколько недѣль тому назадъ „центральному рабочему союзу" удалось навя-

зать нью-іоркской палатѣ депутатовъ билль о 8-часовомъ рабочемъ днѣ,—и что же? Благодаря общимъ усиліямъ республиканскихъ и демократическихъ сенаторовъ, билль провалился въ сенатѣ. Подобной участи подверглись и другіе билли, внесенные въ палату по стараніямъ центральнаго рабочаго союза. Но если даже допустить, что вѣрные своей программѣ республиканцы постараются возвести упомянутыя требованія въ законы, то тогда еще остается вопросъ, намѣрены ли они заботиться о примѣненіи ихъ на практикѣ.

Того же 5-го іюня въ конвенціи началось провозглашеніе именъ кандидатовъ, сопровождавшееся пламенными рѣчами и взрывами восторга съ одной стороны и свистками, шиканьемъ—съ другой. Оглушительное хлопаніе, неистовый гулъ, бѣготня делегатовъ взадъ и впередъ, — все это не давало предсѣдателю никакой возможности соблюдать надлежащій порядокъ. Рѣчи, шумъ и гамъ протянули засѣданіе до 2-хъ часовъ ночи. Самое сильное впечатлѣніе и самую страшную бурю произвела рѣчь въ пользу Блэна, произнесенная бывшимъ судьею Уэстомъ (West), слѣпцомъ, делегатомъ изъ Огайо. Къ баллотировкѣ приступлено было на слѣдующій день утромъ. Результатомъ первой баллотировки было 334 голоса за Блэна, 278 за Арчера, 93 за Эдмундса, 63 за Логана, 30 за сенатора Шермана, 4 за Линкольна и 2 за генер. Шермана. Такъ какъ никто не имѣлъ необходимыхъ 411 голосовъ, то баллотировка была повторена еще 3 раза, пока, наконецъ, Блэнъ не получилъ 544 голоса. Всѣ попытки Арчерцевъ создать союзъ вокругъ какого-либо „темнаго коня" были неудачны. Штатъ Иллинойсъ сначала крѣпко стоялъ за Логана, а Огайо за сенатора Шермана, но, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, они послѣ третьей баллотировки перешли къ Блэну, доставивъ ему 80 голосовъ. Секретарь сталъ читать цифры четвертаго голосованія; когда дошло до Блэна, онъ не могъ пойти далѣе сотенъ: его голосъ потерялся въ ураганѣ рукоплесканій и криковъ. Прошло больше получаса прежде чѣмъ можно было продолжать работу. Наконецъ, когда водворился порядокъ, послѣ цѣлаго ряда рѣчей, въ которыхъ восхвалялись и Арчеръ и Блэнъ, предсѣдатель прочелъ передъ конвенціею телеграмму, полученную Блэномъ отъ президента Арчера, который, узнавъ объ исходѣ конвенціи, телеграфировалъ избранному кандидату слѣдующія слова: „какъ кандидатъ республиканской партіи, вы будете имѣть мое искреннее и прямое содѣйствіе". Холодный тонъ этой телеграммы, не заключающей даже никакого поздравленія, вполнѣ понятенъ въ виду не особенно дружескихъ отношеній между президентомъ и Блэномъ. Когда зашелъ вопросъ о вице-президентѣ, большинство остановилось на Логанѣ.

Результатъ конвенціи былъ извѣстенъ на пространствѣ всей

республики черезъ полчаса; а на слѣдующій день утреннія газеты уже были полны отчетами о свиданіяхъ корреспондентовъ съ выдающимися политиками по поводу результатовъ конвенціи. Въ залѣ конвенціи еще не смолкли крики и апплодисменты, вызванные объявленіемъ результата 4-й баллотировки, какъ уже у Арчера, въ Вашингтонѣ, сидѣлъ репортеръ и спрашивалъ его мнѣніе на счетъ исхода выборовъ; президентъ показалъ ему въ отвѣтъ приведенную телеграмму свою къ Блэну.

Извѣстіе о выборѣ Блэна произвело сильное разочарованіе въ передовыхъ рядахъ республиканцевъ, такъ что многіе опасаются даже пораженія партіи въ этомъ году. Дѣло въ томъ, что Блэнъ, пользуясь высокою репутаціею, какъ ученый и политикъ, имѣетъ запятнанное имя, какъ человѣкъ; на него падаютъ тяжелыя обвиненія въ корыстолюбіи по отношенію къ государственной службѣ. Независимые республиканцы наотрѣзъ отказываются вотировать за него. Особенное неудовольствіе замѣчается въ финансовомъ мірѣ. Нью-іоркскіе банкиры боятся, что выборъ Блэна въ президенты вредно отзовется на интересахъ коммерціи. Ихъ расположеніемъ пользуется Арчеръ, и чтобы содѣйствовать его кандидатурѣ, многіе изъ нихъ отправились въ Чикаго, а тѣ, что остались дома, поддерживали партію Арчера ободряющими телеграммами. Всѣ теперь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ демократической конвенціи, которая имѣетъ быть 8 іюля въ томъ же Чикаго. Результаты этой конвенціи будутъ, вѣроятно, имѣть рѣшающее значеніе для наступающихъ выборовъ. Демократы въ восторгѣ отъ неудачнаго исхода республиканской конвенціи и увѣрены въ побѣдѣ. Изъ кандидатовъ демократической конвенціи чаще всего упоминается имя Самуила Тильдена, но онъ навврядъ ли приметъ предложеніе, такъ какъ еще четыре года тому назадъ онъ рѣшительно отказался, ссылаясь на свои преклонные годы. Послѣ Тильдена больше всего говорятъ о нью-іоркскомъ губернаторѣ Клевелендѣ, бывшемъ членѣ конгресса Флаурѣ, сенаторѣ Баярдѣ и генералѣ Бутлерѣ.

А. К.

ЗАМѢТКА.

По поводу недоразумѣній газеты «Новости».

Противъ нашей статьи о „государственномъ соціализмѣ" (въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы") газета „Новости" высказала цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній, которымъ мы считаемъ не безполезнымъ посвятить нѣсколько словъ.

Прежде всего мы узнаемъ отъ „Новостей" (№ 185), что мы сходимся съ ними „буква въ букву" относительно постановки вопроса; насколько это вѣрно—мы опредѣлить не можемъ, потому что взгляды названной газеты на государственный соціализмъ намъ въ точности неизвѣстны. Однако изъ возраженій, дѣлаемыхъ намъ газетою, становится очевиднымъ, что мы совершенно расходимся съ нею не только въ постановкѣ вопроса, но и въ пониманіи его сущности. Такое разномысліе нисколько не удивляло бы насъ, еслибы оно не было связано съ весьма существенными недоразумѣніями со стороны возражающаго.

„Новости" смѣшиваютъ „государственный соціализмъ" съ государственнымъ вмѣшательствомъ вообще и съ государственною опекою въ частности,—не смотря на то, что въ нашей статьѣ ясно указаны принципіальныя различія между обѣими категоріями понятій. Это смѣшеніе особенно странно встрѣчать въ газетѣ, которая, по собственнымъ ея словамъ, „много занимается вопросомъ о государственномъ соціализмѣ". Прилагая свою ошибочную точку зрѣнія къ разбору нашей статьи, авторъ возраженія находитъ въ ней несуществующія противорѣчія, для устраненія которыхъ достаточно было бы имѣть въ виду приведенное нами опредѣленіе государственнаго соціализма въ настоящемъ смыслѣ этого слова (стр. 295 и др.), въ отличіе отъ другихъ формъ вмѣшательства или опеки государства. Непонятно, какимъ образомъ основная мысль нашей статьи, развиваемая въ ней довольно подробно, ускользнула отъ вниманія разбиравшихъ ее „Новостей".

Газета не отличаетъ также государственнаго соціализма, какъ орудія для политическихъ цѣлей, отъ соціализма, какъ самостоятельной системы. Это недоразумѣніе опять-таки приводитъ оппонента къ напрасному исканію противорѣчій въ нашемъ этюдѣ. Мы указывали на естественную склонность традиціонныхъ консервативныхъ элементовъ западной Европы къ соціалистическимъ тенден-

ціямъ, направленнымъ противъ промышленной и либеральной буржуазіи; но нами же объяснено, что эти тенденціи, по своимъ мотивамъ и цѣлямъ, имѣютъ очень мало общаго съ идеями настоящаго государственнаго соціализма и съ дѣйствительными стремленіями рабочаго класса. Побѣдивъ буржуазію и либерализмъ при помощи большинства трудящагося населенія, консервативные дѣятели мнимаго соціализма столь же легко и быстро сбросили бы съ себя несвойственную имъ оболочку, какъ и приняли ее въ интересахъ политическаго господства. Между тѣмъ обширныя полномочія и учрежденія, вызванныя успѣшною игрою въ соціализмъ, остались бы въ силѣ и обратились бы противъ тѣхъ именно слоевъ общества, во имя которыхъ они предлагаются въ настоящее время. Вотъ почему „государственный соціализмъ, какъ сознательная система (а не какъ орудіе для постороннихъ цѣлей), предполагаетъ такія общественныя и политическія условія, которыя не существуютъ еще въ современной Европѣ".

„Новости" ошибаются, если видятъ личный „взглядъ на дѣло" въ нашемъ опредѣленіи задачъ экономическаго соціализма. Требованія соціалистическихъ партій не составляютъ тайны въ западной Европѣ; они заявляются въ публичныхъ программахъ и въ печати, такъ что для опредѣленія ихъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ произвольнымъ взглядамъ и догадкамъ. Указанныя нами экономическія начала соціализма одинаково выставляются на первый планъ и французскими коллективистами, и нѣмецкими соціалъ-демократами, и англійскими и американскими соціалистами. „Съуживать понятіе о соціализмѣ" намъ не приходилось уже потому, что въ нашей статьѣ рѣчь идетъ исключительно о соціализмѣ экономическомъ, не касаясь его нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ идей.

Полемика „Новостей" противъ соціализма не имѣетъ, конечно, никакого отношенія къ нашей статьѣ; но намъ кажется нелишнимъ отмѣтить нѣкоторую смутность понятій въ разсужденіяхъ газеты по этому предмету. „Допустимъ,—говоритъ она,—что работникамъ будутъ всецѣло принадлежать продукты ихъ труда, и что земля, строенія, машины будутъ изъяты изъ числа предметовъ личной собственности, т.-е. будутъ принадлежать государству (?). Обезпечитъ ли такое положеніе дѣлъ дѣйствительно рабочихъ? Конечно нѣтъ, ибо достаточно будетъ одного изъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, которые случаются нынѣ столь часто въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, чтобы лишить работниковъ средствъ къ существованію и поставить ихъ въ безвыходное положеніе, въ которое сплошь и рядомъ бываютъ поставлены нынѣ банкротящіеся фабри-

канты и заводчики. Очевидно, съ этой точки зрѣнія, государственные люди, заботящіеся о томъ, чтобы *при всякихъ условіяхъ* (sic!) обезпечить рабочихъ подъ старость, при болѣзняхъ, несчастныхъ случаяхъ и безработицѣ, лучше удовлетворяютъ реальнымъ требованіямъ жизни". Любопытно бы знать, какимъ чудодѣйственнымъ способомъ устранены будутъ послѣдствія промышленныхъ кризисовъ, въ случаѣ принятія проектовъ государственныхъ людей, и откуда возьмутся тогда неисчерпаемыя средства на обезпеченіе рабочихъ „при всякихъ условіяхъ". Въ дѣйствительности частые кризисы припутаны тутъ по недоразумѣнію, ибо они, напротивъ, служатъ для соціалистовъ обычнымъ доводомъ противъ свободной конкурренціи и вытекающаго изъ нея переполненія рынковъ товарами, не находящими сбыта,—что̀ устранялось бы, по мнѣнію соціалистовъ, новою соціальною организаціею производства.

Впрочемъ, „Новости" не имѣли повода спорить съ нами о значеніи проектовъ князя Бисмарка, такъ какъ онѣ сами иногда находятъ въ нихъ черты, достойныя рѣзкой критики; еще на этихъ дняхъ (въ № 191) газета осуждала стремленіе германскаго правительства „оказывать особенную поддержку крупному землевладѣнію", подъ прикрытіемъ заботы о крестьянствѣ. Но газета все-таки полагаетъ, что, за неимѣніемъ лучшаго, соціальныя реформы хороши и въ рукахъ прусской бюрократіи, поземельнаго дворянства, епископа Кеттелера, пастора Штекера, графа де-Мэна и тому подобныхъ дѣятелей,—ибо иначе грозитъ намъ будто-бы „бездѣйствіе (?) государства въ соціальныхъ вопросахъ" (№ 187). Неизвѣстно, съ кѣмъ полемизируетъ газета, возставая противъ сторонниковъ „бездѣйствія"; въ нашей статьѣ мы именно и старались доказать, что быть противникомъ бюрократическаго соціализма не значитъ еще быть противникомъ соціальныхъ реформъ и государственнаго вмѣшательства вообще. Послѣднее всегда было и будетъ, независимо отъ формъ государственной власти, тогда какъ новѣйшій консервативный соціализмъ есть спеціальная доктрина, стремящаяся укрѣпить положеніе монархическихъ элементовъ Запада посредствомъ временнаго союза съ рабочимъ классомъ для успѣшной борьбы съ господствующимъ промышленнымъ сословіемъ. Защитники рабочихъ могутъ находить такой союзъ выгоднымъ и даже идти ему на встрѣчу, какъ это предполагалъ отчасти Лассаль; но эта готовность обыкновенно исчезаетъ, когда слишкомъ ярко выступаетъ наружу политическая подкладка соціально-консервативныхъ проектовъ.

Не останавливаясь на прочихъ замѣчаніяхъ газеты, какъ основанныхъ, или на игнорированіи сказаннаго нами (напр. относительно Англіи) или на смѣшеніи соціализма вообще съ государственнымъ

соціализмомъ (относительно Соединенныхъ Штатовъ), мы должны еще пояснить на наглядномъ примѣрѣ всю важность пренебрегаемой „Новостями“ практической стороны вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ. По земельному биллю Гладстона, размѣръ арендной платы опредѣляется особыми судебными коммиссіями, члены которыхъ назначаются правительствомъ. Представимъ себѣ, что власть перешла отъ либераловъ къ консерваторамъ, и послѣдніе замѣнили прежній составъ земельныхъ коммиссій новымъ, проникнутымъ полною преданностью интересамъ ландлордовъ. Коммиссары пользовались бы своими обширными полномочіями не для защиты поселянъ и арендаторовъ, а напротивъ для полнаго подчиненія ихъ произволу землевладѣльцевъ; вся земельная реформа 1881 года извратилась бы въ своемъ существѣ,—только вслѣдствіе перемѣны исполнителей, дѣйствующихъ отъ имени государства. Мѣра благодѣтельная по первоначальному своему смыслу оказалась бы новымъ могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ поземельной олигархіи. Скажутъ ли „Новости“, что въ такомъ случаѣ желать лучшей обстановки для осуществленія реформъ—значило бы, со стороны англичанъ, забывать французскую пословицу: „le mieux est l'ennemi du bien?“—Реформы, заключающіяся не въ одномъ измѣненіи законовъ, а предполагающія постоянную контролирующую и распредѣляющую дѣятельность государства, требуютъ для себя особыхъ условій, безъ которыхъ онѣ могутъ совершенно не достигать желаемыхъ результатовъ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1884.

— *Г. Е. Афанасьевъ.* Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса, 1884.

Изслѣдованіе г. Афанасьева имѣло, повидимому, цѣлью пополнить нѣкоторый пробѣлъ въ спеціальной французской литературѣ; но, какъ объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи, цѣль эта не могла быть достигнута по совершенно случайной причинѣ: въ то время, какъ онъ работалъ уже надъ матеріалами для своего труда, появилось сочиненіе французскаго ученаго, которымъ упомянутый пробѣлъ былъ успѣшно пополненъ. „Признаюсь,—говоритъ г. Афанасьевъ,—что выходъ въ свѣтъ сочиненія Фонсэна озадачилъ меня значительно. Моя работа была на половину сдѣлана; въ 73 и 74 годахъ мною собраны были въ парижской національной библіотекѣ матеріалы для выясненія значенія нѣкоторыхъ мѣропріятій Тюрго, и оказалось, что многое изъ того, чтó мною было проштудировано и собрано, было, вѣроятно, въ то же самое время предметомъ занятій Фонсэна". Такимъ образомъ авторъ напрасно потратилъ не мало времени и усилій на исполненіе задачи, которую съ гораздо бóльшимъ удобствомъ могъ исполнить французскій писатель.

Случай, разсказанный авторомъ, представляется намъ весьма поучительнымъ и характернымъ. Г. Афанасьевъ, очевидно, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что попытка его сдѣлать вкладъ въ историческую литературу Франціи была ошибочна въ самомъ основаніи. Французы не будутъ читать книгу г. Афанасьева, даже еслибы его не предупредилъ Фонсэнъ; а для ознакомленія русской публики съ дѣятельностью Тюрго было слишкомъ неразсчетливо употреблять двухлѣтній самостоятельный трудъ въ парижской національной библіотекѣ. Къ сожалѣнію, наши молодые ученые, отправляющіеся за границу для научныхъ занятій, очень часто увлекаются этою странною мечтою—обогащать европейскую литературу по такимъ ино-

страннымъ вопросамъ, разработка которыхъ и безъ того вполнѣ обезпечена наличными силами европейской науки. Выборъ тэмъ для магистерскихъ и докторскихъ диссертацій поражаетъ нерѣдко своею отдаленностью отъ дѣйствительныхъ интересовъ и пробѣловъ русской ученой литературы. Наши изслѣдователи разыскиваютъ въ провинціальныхъ архивахъ Франціи новые матеріалы для исторіи Лангедока или изучаютъ состояніе французской финансовой администраціи въ XVI вѣкѣ,—тогда какъ богатѣйшіе матеріалы заграничныхъ архивовъ и библіотекъ относительно *Россіи* и исторіи ея сношеній съ Европою остаются почти нетронутыми. Необходимо было бы принять за правило, что лица, посылаемыя за границу для приготовленія къ профессурѣ по предметамъ историческимъ и юридическимъ, должны обязательно пользоваться богатыми европейскими книгохранилищами для разработки вопросовъ, имѣющихъ значеніе для Россіи. Вклады въ науку были бы тогда болѣе реальными и цѣнными; устранилась бы опасность запоздалой конкурренціи съ европейскими авторами, и труды нашихъ ученыхъ не пропадали бы безслѣдно для русскаго научнаго образованія.

Въ настоящее время русскіе изслѣдователи, работающіе въ иностранныхъ библіотекахъ, принуждены довольствоваться весьма малымъ въ признаніи своихъ заслугъ; иногда они принимаютъ за заслугу самую прикосновенность свою къ европейской наукѣ, въ лицѣ ея дѣйствительныхъ или мнимыхъ свѣтилъ. Такъ, напр., г. Афанасьевъ чрезвычайно тронутъ вниманіемъ профессора Левассѐра къ его „слабому голосу въ вопросахъ науки"; а вниманіе это выразилось въ томъ, что въ отвѣтъ на запросъ автора Левассеръ сообщилъ ему,—что „нѣтъ ни одного сочиненія, которое трактовало бы исторію хлѣбной торговли во Франціи". Вскорѣ послѣ того эта тэма назначена была французскою академіею, по предложенію Левассера, для обычнаго ежегоднаго конкурса. Въ этомъ обстоятельствѣ г. Афанасьевъ видитъ результатъ своего „слабаго голоса въ вопросахъ науки", забывая уже, что объ отсутствіи полнаго изслѣдованія по данному вопросу онъ самъ узналъ отъ проф. Левассера. Нельзя не сожалѣть о нашихъ научныхъ силахъ, играющихъ столь комичную роль „въ вопросахъ науки", безъ всякой пользы для русской ученой литературы.

Независимо отъ этихъ общихъ замѣчаній, трудъ г. Афанасьева самъ по себѣ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, при нѣкоторыхъ также недостаткахъ. Авторъ не даетъ цѣльнаго историческаго очерка дѣятельности Тюргò, а разсматриваетъ лишь главныя реформы, совершенныя при его министерствѣ, причемъ не придерживается точнаго хронологическаго порядка въ изложеніи. Позднѣйшія событія излагаются ранѣе предшествовавшихъ; иногда время не обозначается

вовсе или предполагается уже извѣстнымъ, что̀, конечно, затрудняетъ чтеніе книги для читателей, незнакомыхъ съ историческими подробностями изображаемой эпохи.

Характеризуя положеніе Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVI, авторъ останавливается прежде всего на роли королевской власти. „Въ самомъ всесиліи власти,—говоритъ онъ,—была ея слабость. Ставъ всѣмъ въ государствѣ, королевская власть взяла на себя непосильную задачу замѣнить собою силу общественную. Не допуская политической самостоятельности общества, она приняла на себя отвѣтственность за все, происходящее въ государствѣ, и не только за то, что̀ дѣлалось, но и за то, что̀ не дѣлалось и чего она не въ силахъ была бы сдѣлать". Въ то время, какъ высшія сословія пользовались многочисленными феодальными привилегіями, положеніе крестьянства было почти отчаянное. „Въ обыкновенные неголодные годы, хлѣбъ, смѣшанный изъ ячменя и ржаной муки съ отрубями, составлялъ постоянную пищу, которой къ веснѣ уже не хватало... Крестьянскія хижины напоминали собою хлѣвъ, а вовсе не походили на человѣческое жилье. Низкія, плохо крытыя соломою, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ, которое служило и дверьми, и для выхода дыма,—таковы были крестьянскія избы того времени... При такихъ условіяхъ жизни, когда самое упорное прилежаніе не выводитъ человѣка дальше нищеты, нельзя ожидать предпріимчивости, энергіи или даже прилежанія. Мѣсто этихъ качествъ занимаютъ апатія, неповоротливость, лѣнь". Всѣ налоги взимались съ низшаго сельскаго и городского населенія; финансовая система исходила изъ того правила, что „чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ больше плати"; отсюда хроническіе дефициты, прикрываемые обманчивыми и неблаговидными спекуляціями. Назначеніе Тюрго министромъ было однимъ изъ немногихъ удачныхъ дѣйствій молодого короля, лишеннаго самостоятельности характера и легко поддававшагося вліяніямъ легкомысленной придворной атмосферы. Тюрго, по словамъ автора, „былъ, что называется, работящій человѣкъ; у него дѣло спорилось"; онъ „не справлялся съ своими личными интересами, когда дѣло шло о правдѣ"; онъ былъ человѣкъ искренній и притомъ застѣнчивый; онъ „даже не могъ говорить свободно въ присутствіи мало знакомыхъ людей", такъ что часто „сухость—результатъ застѣнчивости—принималась за гордость, грубость и нетерпимость".

Говоря о первыхъ дѣйствіяхъ Тюрго по вступленіи въ министерство, авторъ слишкомъ мало заботится о хронологіи; онъ обозначаетъ время мѣсяцами, не указывая, къ какому именно году они относятся. Эта общая черта проходитъ черезъ всю историческую часть книги. Послѣ подробнаго очерка стѣснительныхъ хлѣбныхъ

законовъ и ихъ печальныхъ послѣдствій, авторъ объясняетъ отношеніе Тюрго къ этому важному вопросу и затѣмъ продолжаетъ: „Такъ было лѣтомъ 1775 года. Тотчасъ послѣ вступленія своего въ министерство, онъ составилъ проектъ постановленія королевскаго совѣта о свободѣ хлѣбной торговли. Какъ видно, эта работа не взяла много времени. 24 августа Тюрго вступилъ въ министерство, а эдиктъ помѣченъ 13 сентября". Здѣсь не всякій читатель догадается, что дѣло идетъ объ августѣ и сентябрѣ 1774, а не 1775 г. Изложивъ постановленія, изданныя въ январѣ и въ октябрѣ 1775 г. (стр. 64), авторъ переходитъ къ разсказу о безпорядкахъ, происшедшихъ „въ апрѣлѣ и началѣ мая (?) по поводу дороговизны хлѣба". Далѣе опять упоминаются іюнь, августъ и другіе мѣсяцы, безъ отношенія къ какому-либо опредѣленному году.

Весьма неясно и сбивчиво обрисована роль Тюрго въ подавленіи майскаго возстанія. Подъ вліяніемъ уличныхъ волненій, король обѣщалъ народу понизить цѣну хлѣба; но Тюрго, вызванный въ Версаль, уговорилъ короля „издать указъ, которымъ воспрещалось требовать хлѣбъ отъ купцовъ и булочниковъ по цѣнѣ ниже рыночной". Съ своей стороны, парламентъ постановилъ просить короля о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ; Тюрго распорядился задержать въ типографіи печатные экземпляры этого постановленія и обнародовалъ декларацію, которою „воспрещались всякія сборища подъ страхомъ смертной казни" (!). Два человѣка признаны были зачинщиками бунта, и казнь надъ ними совершена на Гревской площади. „Можно согласиться съ тѣми,—разсуждаетъ по этому поводу г. Афанасьевъ,—кто признаетъ, что казнь этихъ лицъ была необходима для того, чтобы избѣжать бóльшаго несчастія отъ распространенія возстанія... Признавая солидность этихъ доводовъ, признавая далѣе, что казненные были законно осуждены мѣстомъ (?), которое также законно существовало (??), мы не можемъ не остановиться на несправедливости состоявшагося приговора". Несправедливость эта заключалась въ томъ, что „главныхъ виновниковъ пальцемъ не тронули", а казнили какихъ-то несчастныхъ—цырюльника и старьевщика. Какое участіе принималъ Тюрго въ допущеніи подобнаго правосудія—объ этомъ мы не находимъ у автора никакихъ свѣденій. Авторъ утверждаетъ, что безпорядки были произведены искусственно, вслѣдствіе заговора противъ Тюрго. Въ пользу этого заключенія приводятся сомнительныя данныя—бездѣйствіе полиціи и войскъ и т. п. „Прибавимъ вещественныя доказательства (?), — говоритъ г. Афанасьевъ:—въ Антуанскомъ предмѣстьѣ арестовали одного господина, прилично одѣтаго, и при немъ нашли 500 ливровъ. Также была арестована одна весьма прилично одѣтая амазонка. Въ карманахъ

арестованныхъ находилось много десяти-ливровыхъ монетъ" и т. д. (стр. 80). Трудно понять, почему эти произвольные аресты могутъ считаться „вещественными доказательствами". Вообще нѣтъ никакого основанія предполагать „тайныя махинаціи" въ народныхъ движеніяхъ, вызванныхъ голодомъ и крайнею дороговизною съѣстныхъ припасовъ. Авторъ упоминаетъ еще о подозрѣніяхъ противъ Сартина, Конти и другихъ вліятельныхъ лицъ, называя всегда лишь голыя имена, безъ всякихъ титуловъ; такъ же точно въ другихъ мѣстахъ книги говорится о Мопу, Морепа, безъ дальнѣйшихъ объясненій,—и читателямъ самимъ приходится догадываться, что дѣло идетъ о канцлерѣ Мопу, о графѣ Морепа, о принцѣ Конти, о бывшемъ „генеральномъ лейтенантѣ полиціи" де-Сартинѣ, и т. д. Эта манера чрезвычайно неудобна въ историческомъ сочиненіи, претендующемъ на точность и удобопонятность изложенія.

Въ главѣ о „второстепенныхъ реформахъ" авторъ вдается въ ненужныя подробности о бюджетныхъ разсчетахъ Тюрго. Министру приписываются и такіе успѣхи, которые едва ли могутъ относиться къ нему лично; между прочимъ, онъ боролся будто бы не только съ чумою рогатаго скота, но и съ невѣжествомъ народа, благопріятствовавшимъ распространенію болѣзни. „Энергія и умъ министра,—по словамъ автора,—восторжествовали: въ началѣ 1776 года падежъ скота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекратился вовсе, въ другихъ значитеьно ослабѣлъ" (стр. 125). Это значитъ придавать ужъ слишкомъ рѣшительную цѣлебную силу оффиціальнымъ мѣропріятіямъ. Столь же ошибочно утвержденіе, что Кольберъ своимъ эдиктомъ о водахъ „обезпечилъ многоводность рѣкъ" (стр. 154).

Очеркъ исторіи цеховъ и ихъ уничтоженія отличается обстоятельностью и полнотою. Г. Афанасьевъ справедливо находитъ, что отрицательное отношеніе Тюрго къ корпоративному устройству промышленности заключало въ себѣ чрезмѣрную односторонность. „Нельзя признать цѣлесообразнымъ,—говоритъ авторъ,—уничтоженіе братствъ и товариществъ и запрещеніе всякаго рода другихъ ассоціацій. Съ уничтоженіемъ цеховъ, братства и товарищества теряли свое вредное значеніе, а хорошія стороны этихъ сообществъ могли развиться. Они остались бы обществами взаимной помощи, поддерживали бы общественныя связи среди рабочихъ, не принося никакого вреда публикѣ. Вражда между отдѣльными братствами и товариществами, съ уничтоженіемъ монополіи, теряла смыслъ; она должна была исчезнуть, а мѣсто ея могли заступить солидарность интересовъ рабочихъ различныхъ профессій. Благодаря послѣдней, могли развиться производительныя артели, а это обстоятельство имѣло особенную важность въ виду наступленія машиннаго производ-

ства" (стр. 180—1). Авторъ считаетъ нужнымъ защищать Тюрго, и въ своей защитѣ доходитъ до странныхъ увлеченій. Оффиціальный ораторъ Сегье, краснорѣчивый противникъ реформы, осуждается г. Афанасьевымъ съ непомѣрною суровостью. „Когда доходишь до конца его рѣчи,—замѣчаетъ онъ,—прочтешь его патетическую защиту королевскаго достоинства и въ то же время инсинуацію противъ автора закона, уваженіе къ оратору рушится (?), неблаговидность пріема подрываетъ вѣру въ его искренность" (стр. 190). А между тѣмъ, доводы Сегье были съ тогдашней точки зрѣнія вполнѣ убѣдительны и не заключали въ себѣ десятой доли той рѣзкости, которая практикуется даже въ настоящее время въ газетныхъ и парламентскихъ спорахъ.

Важный эдиктъ объ уничтоженіи натуральной дорожной повинности также подробно разобранъ авторомъ. Тюрго старался убѣдить короля, что необходимо „придать законамъ характеръ разумности и справедливости, такъ какъ только эти качества могутъ сдѣлать ихъ долговѣчными". Притомъ „правительству не нужно будетъ наказывать за преступленія, вызываемыя дорожною повинностью, и можно будетъ экономизировать употребленіе власти, расточать которую такъ вредно". Взамѣнъ повинности, возложенной на однихъ неимущихъ поселянъ, Тюрго предложилъ установленіе денежнаго налога, который уплачивался бы всѣми и преимущественно землевладѣльцами, какъ наиболѣе заинтересованными въ устройствѣ хорошихъ дорогъ. Противъ этого проекта поднялась сильнѣйшая оппозиція при дворѣ и среди привилегированныхъ сословій. Противники ссылались на прирожденное право дворянства — свободу отъ всякихъ податей. „Трудно хвастаться,—возражалъ Тюрго,—изъятіемъ отъ податей въ качествѣ дворянина въ виду экзекуціи надъ крестьянскою лачугою". На Тюрго стали нападать, какъ на человѣка безпокойнаго, который грозилъ „сократить синекуры сановныхъ дармоѣдовъ" и „мѣшалъ беззаботно-веселой жизни добраго стараго времени". Для оцѣнки этой борьбы, которую пришлось выдержать министру, авторъ пользуется не только серьезною литературою той эпохи, но и брошюрами, стихотвореніями, анекдотами и популярными пѣснями, которыя приводятся цѣликомъ въ оригиналѣ. Быть можетъ, авторъ придаетъ слишкомъ много значенія этому послѣднему роду историческаго матеріала; такъ онъ выражается объ одной пѣснѣ, что она „могла служить лучшею наградою (?) для Тюрго за его труды на пользу народа" (стр. 239). Напрасно также опредѣляется съ такою преувеличенною точностью моментъ появленія каждой пѣсни или куплета, съ обозначеніемъ числа того мѣсяца, когда извѣстные стихи появились; эта точность была бы гораздо болѣе

умѣстна относительно серьезныхъ событій и дѣйствій министерства Тюрго.

Съ особеннымъ интересомъ читается глава объ отставкѣ Тюрго, объ ея причинахъ и послѣдствіяхъ. Ослѣпленіе придворныхъ патріотовъ, мелкія личныя интриги, рѣшающее вліяніе женщинъ на ходъ государственныхъ дѣлъ,—все это предвѣщало катастрофу, которую хотѣли и могли предотвратить только дальновидные дѣятели, въ родѣ Тюрго и его единомышленниковъ. Неудача Тюрго приблизила революцію, по справедливому замѣчанію автора, ибо вѣра народа въ прочность традиціонныхъ учрежденій поколеблена была попытками реформъ, а отмѣна послѣднихъ усиливала недовольство и порождала общее чувство разочарованія.

Нельзя не замѣтить въ заключеніе, что слогъ г. Афанасьева страдаетъ нѣкоторою шероховатостью; у него попадаются такія фразы, какъ „сочувствіе военнаго министра экономіи", „препятствія, встрѣчающія изобрѣтателей", составленіе „постановленія о возстановленіи" и т. п. Французскія выраженія передаются не совсѣмъ точно, а иногда прямо невѣрно (напр., „par des menées sourdes" переведено „тайными путями", „grande culture" — „лучшая обработка", „alarme"—„ужасъ",. „plus d'un magistrat" — „болѣе чѣмъ одинъ человѣкъ"). При всемъ томъ трудъ г. Афанасьева заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей, какъ самостоятельное изслѣдованіе объ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ переходныхъ моментовъ новѣйшей европейской исторіи.

— Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. Составилъ *Л. В. Ходскій*. Спб. 1884.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ составилъ свой курсъ для спеціальныхъ классовъ коммерческаго училища и затѣмъ предназначилъ его для всѣхъ вообще тѣхъ, „кто, не изучая спеціально политической экономіи, желалъ-бы нѣсколько ознакомиться съ ея основаніями и оріентироваться въ области экономическихъ вопросовъ". При недостаткѣ у насъ популярныхъ руководствъ по политической экономіи, трудъ г. Ходскаго заслуживаетъ полнаго сочувствія,—тѣмъ болѣе, что онъ составленъ весьма толково и съ знаніемъ дѣла. Фактическія свѣденія доведены въ курсѣ до начала текущаго года; читатель найдетъ здѣсь и разборъ новаго фабричнаго закона, и послѣднія данныя о бюджетѣ, объ акціонерныхъ компаніяхъ и всякаго рода товариществахъ, о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ и даже объ „элеваторахъ", о которыхъ такъ много толковали наши газеты. Крат-

кость изложенія нисколько не мѣшаетъ полнотѣ и точности содержанія.

Только общая теоретическая часть курса страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью. Авторъ говоритъ объ экономической наукѣ, какъ о чемъ-то установившемся и цѣльномъ, и не даетъ читателю никакого понятія объ ея дѣйствительномъ современномъ состояніи; а между тѣмъ съ первыхъ-же страницъ ему приходится дѣлать выборъ между различными теоріями и высказывать истины весьма спорныя. Едва-ли удобно въ популярномъ курсѣ рѣшать основные вопросы въ ту или другую сторону, въ нѣсколькихъ словахъ, независимо отъ господствующихъ въ наукѣ мнѣній,—какъ это дѣлаетъ авторъ, напр., относительно вопроса о цѣнности. „Въ экономической литературѣ,—замѣчаетъ онъ,—существуетъ теорія, по которой единственнымъ источникомъ цѣнности признается трудъ, овеществленный въ данной полезности. Эта теорія, отчасти благодаря внѣшней стройности и талантливости ея (?), отчасти по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, имѣетъ довольно много приверженцевъ, въ особенности среди не-специалистовъ (?)". Другими словами, большинство теоретиковъ классической англійской школы, послѣдователей Рикардо, Тюнена, Родбертуса и Маркса, отнесено къ числу „не-спеціалистовъ",—пріемъ слишкомъ рискованный со стороны начинающаго русскаго ученаго. Возраженія, приводимыя г. Ходскимъ противъ преобладающей нынѣ теоріи, чрезвычайно слабы, и притомъ взамѣнъ ея не предлагается ничего другого. Въ сущности авторъ не идетъ далѣе общихъ мѣстъ въ родѣ того, что „полезности представляютъ въ глазахъ человѣка неодинаковую цѣнность смотря по тому, большій или меньшій трудъ употребленъ на пріобрѣтеніе полезностей, насколько годны онѣ для удовлетворенія потребностей, какъ трудно достать ихъ" и т. п. Ради чего-же нужно было опровергать „существующую теорію", съ напраснымъ указаніемъ на какихъ-то не-спеціалистовъ? Лучше было совсѣмъ не трогать сомнительныхъ пунктовъ, если ужъ нельзя было войти въ подробности и объяснить настоящее положеніе вопроса въ наукѣ.

Взгляды автора на науку кажутся намъ нѣсколько сбивчивыми: онъ не отличаетъ экономической *науки* отъ экономической *политики*, что приводитъ его къ невѣрнымъ опредѣленіямъ и къ замѣтному смѣшенію понятій. „Экономическая наука,—говоритъ онъ,—опирается на нравственность и не должна расходиться съ требованіями этой послѣдней"; очевидно, вмѣсто слова „наука", надо поставить здѣсь „политику". Изучая экономическія явленія, изслѣдователь долженъ руководствоваться единственно лишь началами правильнаго научнаго метода; его дѣло—анализировать факты, обобщать ихъ и выводить извѣстныя положенія. Требованія общественной морали обязательны не

при изученіи того, чтó есть, а при обсужденія того, чтó должно быть, т.-е. въ вопросахъ экономической политики. Только къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ примѣняется понятіе о научныхъ законахъ, о которыхъ,—замѣтимъ кстати,—слѣдовало-бы поменьше говорить экономистамъ, при нынѣшнемъ шаткомъ состояніи политической экономіи съ ея разнообразіемъ школъ и направленій. Г. Ходскій разсуждаетъ объ „основныхъ законахъ, управляющихъ хозяйствомъ", какъ о главномъ предметѣ науки; но эти разсужденія ограничиваются введеніемъ, и во всей положительной части курса читатель напрасно сталъ-бы искать указаній на какіе-либо общіе экономическіе законы, кромѣ развѣ такихъ банальныхъ, какъ „законъ" спроса и предложенія. „Хотя воля человѣка въ экономической сферѣ,—по словамъ автора,—играетъ громадную роль, все-же послѣдняя не настолько сильна, чтобы отодвигать на задній планъ экономическіе законы. Воля оказываетъ на нихъ вліяніе; однако, принимая во вниманіе все народное хозяйство, слѣдуетъ признать, что законы господствуютъ надъ волею. Благодаря этому, всякій данный экономическій строй отличается значительною устойчивостью, такъ-что при всей заманчивости быстраго и коренного переустройства его по тому или другому идеалу —мечты объ этомъ будутъ всегда разбиваться объ экономическіе законы, управляющіе экономическимъ строемъ данной эпохи". Однако, каковы эти великіе законы и въ чемъ они заключаются,—объ этомъ въ курсѣ г. Ходскаго нѣтъ почти ничего. Въ виду скромныхъ задачъ курса было-бы цѣлесообразнѣе не упоминать о научныхъ законахъ, чтобы не возбуждать въ читателѣ преувеличенныхъ ожиданій.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ авторъ держится еще устарѣлыхъ воззрѣній. Подъ производствомъ онъ разумѣетъ „созданіе невещественныхъ цѣнностей, выражающееся въ оказываніи разнаго рода услугъ (?), а также открытіе, видоизмѣненіе и перемѣщеніе вещественныхъ полезностей и цѣнностей". Теорію „услугъ" пора уже бросить; она ничего не объясняетъ, а только вводитъ въ науку простую фразеологію. Невещественныя цѣнности можно-бы вообще оставить въ сторонѣ, такъ же точно какъ и „невещественный капиталъ". Относительно капиталистовъ авторъ ошибочно полагаетъ, что при низкомъ уровнѣ ссуднаго процента они предпочтутъ „держать свои деньги у себя, расходуя ихъ, по мѣрѣ надобности, на нужды потребленія, чѣмъ отдать ихъ въ постороннія руки",—какъ-будто капиталы ищутъ помѣщенія въ ущербъ личнымъ надобностямъ капиталистовъ. Къ рабочему классу авторъ относится довольно строго: по его мнѣнію, „забастовки, не вызванныя злоупотребленіями со стороны предпринимателей, необходимо преслѣдовать въ интересахъ на-

роднаго хозяйства; защитниковъ (вѣроятно, зачинщиковъ ?) подобныхъ стачекъ и забастовокъ нельзя не считать нарушителями общественнаго порядка и спокойствія" (стр. 76). Полагаетъ ли авторъ, что рабочіе могутъ устраивать забастовки для своего удовольствія, безъ серьезныхъ поводовъ или злоупотребленій со стороны предпринимателей? Такое предположеніе кажется намъ неправдоподобнымъ и несправедливымъ. Стачка сопряжена съ тяжелыми лишеніями для самихъ рабочихъ, и только весьма сильныя причины способны заставить ихъ прибѣгнуть къ этому обоюдоострому оружію. Опасеніе, что „вслѣдствіе забастовки городъ въ одинъ прекрасный день лишился бы воды, освѣщенія и т. п.", не можетъ считаться доказательствомъ въ пользу отнятія у рабочихъ обычной свободы труда. Представимъ себѣ, что работники стали бы почему-либо систематически уклоняться отъ участія въ извѣстнаго рода промыслахъ, хотя-бы необходимыхъ для общества; можно-ли было-бы на этомъ основаніи дѣйствовать насильно и требовать возстановленія крѣпостного права?

Доказывая важность предпріимчивости и самостоятельное значеніе предпринимательской прибыли, г. Ходскій мимоходомъ возстаетъ противъ какого-то воображаемаго взгляда „нѣкоторыхъ изъ видныхъ представителей экономической науки". Дѣло въ томъ, что эти „видные представители" не находятъ оправданія для дохода предпринимателей, вслѣдствіе „односторонняго воззрѣнія, что цѣнность есть лишь результатъ *простого* труда, а рента, прибыль на капиталъ, и доходъ предпринимателя представляетъ не что иное, какъ захватъ той или другой части цѣнностей, произведенныхъ *простыми* рабочими и имъ по праву принадлежащихъ" (стр. 85). Насколько намъ извѣстно, ни одинъ „видный" экономистъ не высказывалъ подобнаго взгляда, и авторъ полемизируетъ лишь съ продуктомъ своего собственнаго недоразумѣнія; никто не ограничивалъ понятія труда „простымъ трудомъ", и никѣмъ не оспаривалась важная роль умственнаго, квалифицированнаго труда въ производствѣ. Нѣтъ также разногласія относительно того, что руководители предпріятій должны быть вознаграждаемы по болѣе высокой нормѣ, чѣмъ остальные работники, сообразно дѣйствительному своему значенію для успѣшнаго хода дѣла.

Высказанныя нами замѣчанія касаются лишь общей теоретической части курса, довольно незначительной по объему. Въ дальнѣйшихъ частяхъ своихъ книга г. Ходскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и можетъ вообще служить полезнымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ экономическими и финансовыми вопросами. Въ концѣ курса помѣщенъ указатель книгъ, которыми пользовался авторъ; для публики этотъ указатель неудобенъ: списокъ книгъ

подобранъ какъ-бы случайно, безъ системы; отчасти приведены сочиненія старыя и давно потерявшія всякую цѣну, а изъ новыхъ указано много ненужнаго или слишкомъ спеціальнаго, тогда какъ не мало хорошаго пропущено.

— Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу. Политико-экономическій этюдъ *С. Цвѣтъ* (*а?*). Спб. 1884.

Содержаніе книжки г. Цвѣта не оправдываетъ ея заглавія: это собственно не изложеніе и разборъ ученій Генри Джорджа, а кое-что по поводу одной изъ главъ трактата „О прогрессѣ и бѣдности". Авторъ самъ рекомендуетъ себя „человѣкомъ совершенно искреннимъ, далекимъ отъ всякой тенденціозности, кружковщины и доктринерства", а потому онъ заранѣе объявляетъ свой трудъ достойнымъ изученія, ибо „увидѣть, какія представленія по главнѣйшимъ вопросамъ соціальной экономики могутъ слагаться въ наше время" у такого человѣка (т.-е. искренняго и пр.)—это „чего-нибудь да стоитъ". За то читателя съ „предвзятою мыслью" онъ „рѣшительно не приглашаетъ заглядывать" въ его книжку.

Легко можетъ случиться, что большинство серьезныхъ читателей приметъ на свой счетъ странное предупрежденіе автора и дѣйствительно не заглянетъ въ его работу. „Предвзятая мысль" существуетъ у каждаго, въ видѣ опредѣленнаго взгляда, установившагося убѣжденія; отвергая подобныхъ читателей, можно остаться въ безплодномъ одиночествѣ, а на людей безъ мысли и безъ знанія нельзя разсчитывать при изданіи „политико-экономическаго" этюда. „Совершенно искренній" и пр. авторъ сдѣлалъ очевидную ошибку своимъ самоувѣреннымъ обращеніемъ къ читающей публикѣ, которой въ сущности нѣтъ никакого дѣла до его похвальныхъ личныхъ качествъ. Книжка вовсе не такъ плоха, чтобы нуждаться въ этихъ неловкихъ рекомендаціяхъ и предупрежденіяхъ.

Г. Цвѣтъ предлагаетъ въ русскомъ переводѣ главу Джорджа о возможности упадка нашей цивилизаціи и затѣмъ предается самостоятельнымъ размышленіямъ, снабжая ихъ цитатами изъ разныхъ книгъ и рѣзкою полемикою съ разными „тенденціями". При несомнѣнной начитанности, онъ постоянно ищетъ чего-то, ходитъ кругомъ и около всякихъ вопросовъ, изобличаетъ „одеревенѣлый либерализмъ" и близорукихъ охранителей, соглашается съ Джорджемъ и горячо споритъ съ радикалами. Мы имѣемъ предъ собою интересный литературный типъ, хотя и не новый. Изъ ссылокъ автора и изъ списка его сочиненій, помѣщеннаго на оберткѣ, мы узнаемъ, что г. Цвѣтъ писатель давнишній и разносторонній. Онъ высказывалъ свои убѣжде-

нія (безъ „предвзятой мысли") еще въ 1860 году; съ тѣхъ поръ онъ писалъ много о государственномъ и народномъ хозяйствѣ, о нигилизмѣ, о восточномъ вопросѣ, о спиритизмѣ и о четырехъ измѣреніяхъ. Во время послѣдней турецкой войны онъ обращался съ энергическимъ письмомъ къ Гладстону, которое и приводитъ въ настоящей своей книжкѣ, для сличенія своихъ взглядовъ съ мнѣніями Джорджа (стр. 23—28). Онъ объяснилъ англійскому государственному дѣятелю все отвращеніе свое къ тому факту, что „свободная, христіанская, просвѣщенная страна обречена быть гнуснымъ орудіемъ всесвѣтныхъ ицекъ и мошекъ (?), раздувшихся въ Ротшильдовъ, Эрлангеровъ", что въ мірѣ господствуетъ „униженіе предъ голою подлостью и пройдошествомъ" и т. п.

Авторъ вѣритъ въ будущую рѣшающую роль государства въ соціальномъ вопросѣ; но „только сама жизнь можетъ опредѣлить тѣ формы, въ которыя сложится новый строй цивилизованной жизни". Коснувшись недостатковъ нашей современной школы, въ связи съ „усиленіемъ занятій, задерживающихъ развитіе энергіи мысли", г. Цвѣтъ находитъ, что „образованіе является такимъ образомъ не соединяющею соціальною силою, въ чемъ и состоитъ все его достоинство, а напротивъ—страшною противообщественною силою" и что „въ концѣ концовъ для блага общаго, для крѣпости самого государства, лучше совсѣмъ не имѣть никакихъ школъ, чѣмъ тратить средства государственнаго бюджета на тѣ, которыя сильнѣе всякихъ радикальныхъ ученій подкапываютъ первую основу здороваго человѣческаго общежитія" (стр. 88—9). Рѣшеніе—дѣйствительно радикальное, съ которымъ охотно согласятся „ревнители общаго блага", упоминаемые авторомъ. Болѣе раціональны разсужденія о поземельной собственности, относительно которой авторъ отводитъ главное мѣсто правамъ общины и государства. Излишество краснорѣчія и отсутствіе системы въ мысляхъ значительно ослабляютъ нѣкоторыя положительныя достоинства брошюры г. Цвѣта.

— Женевская конвенція 1864 года, *И. А. Ивановскаго*. Кіевъ, 1884.

Исторія женевской конвенціи и обществъ „Краснаго креста" чрезвычайно поучительна въ томъ отношеніи, что представляетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ успѣшной частной иниціативы въ области международнаго права. Въ изслѣдованіи г. Ивановскаго, печатавшемся въ кіевскихъ „Университетскихъ извѣстіяхъ" въ прошломъ году и вышедшемъ нынѣ отдѣльною книгою, подробно разсказаны обстоятельства, которыми сопровождалось заключеніе междуна-

роднаго акта 1864 года; вмѣстѣ съ тѣмъ приведены данныя о положеніи раненыхъ и больныхъ воиновъ въ прежнія времена и о существовавшихъ по этому предмету договорахъ, а также подвергнуты критикѣ слабыя стороны самой конвенціи, въ связи съ новѣйшею литературою предмета.

Извѣстно, что конвенція была результатомъ усилій нѣсколькихъ лицъ—главнымъ образомъ Дюнана и Муанье. Дюнанъ напечаталъ въ 1862 году свои воспоминанія о Сольферино, въ которыхъ изобразилъ „ужасныя послѣдствія битвы и страшныя муки больныхъ и раненыхъ". По почину Дюнана, женевскій „комитетъ общественной пользы" дѣятельно занялся вопросомъ о способахъ облегченія участи раненыхъ воиновъ на будущее время. Предсѣдатель комитета предложилъ образовать для этой цѣли постоянныя общества, причемъ выяснилась необходимость международнаго соглашенія для надлежащаго успѣха предпринятаго дѣла. Дюнанъ „успѣлъ подготовить общественное мнѣніе и привлечь его на свою сторону; онъ посѣтилъ почти всѣ столицы Европы, разныя общества и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя, за весьма малымъ исключеніемъ, откликнулись на человѣколюбивый зовъ". Печать „также дѣйствовала въ пользу проекта Дюнана". Между тѣмъ комитетъ „взялъ на себя трудъ войти въ сношенія съ различными кабинетами" и, заручившись ихъ согласіемъ въ принципѣ, добился оффиціальнаго шага со стороны швейцарскаго союзнаго совѣта съ цѣлью созванія международнаго конгресса, который и состоялся въ августѣ 1864 года. Въ настоящее время конвенція принята 32 государствами—всѣми европейскими, шестью американскими и однимъ азіатскимъ (Персіею).

Неизбѣжные случаи нарушенія конвенціи отдѣльными лицами и отрядами во время войны служатъ поводомъ къ частымъ жалобамъ и нареканіямъ со стороны воюющихъ державъ; такъ было особенно въ 1870—71 годахъ. „Во время прусско-французской войны,—говоритъ г. Ивановскій,—стрѣляли въ докторовъ, госпитальныхъ служителей, носильщиковъ больныхъ, дурно обращались съ ними, грабили ихъ и брали въ плѣнъ; констатировано, что французскіе доктора добивали и ослѣпляли нѣмецкихъ раненыхъ и вѣроломно лишали жизни нѣмецкихъ солдатъ" и пр. (стр. 63—4). Въ то время какъ „французы, попавшіе въ руки нѣмцевъ, обыкновенно находили равный уходъ, эти послѣдніе, находясь во французскихъ госпиталяхъ, должны были иногда терпѣть разнаго рода лишенія" (стр. 102 и др.). Притомъ Франція употребляла тюркосовъ, которые, не зная и не понимая предписаній конвенціи, совершали надъ нѣмцами всякія звѣрства. Авторъ склоненъ считать французовъ менѣе человѣколюбивыми, чѣмъ нѣмцевъ; это произошло отчасти вслѣдствіе односторон-

няго пользованія германофильскими источниками, а отчасти вслѣдствіе того, что упущено изъ виду одно весьма важное обстоятельство, имѣющее значеніе общаго правила,—что государство, потерпѣвшее неудачу на полѣ сраженія, не можетъ въ точности исполнять предписанія конвенціи, въ виду естественной общей неурядицы, паники, упадка энергіи и контроля, наконецъ народнаго раздраженія и инстинкта самообороны. Эта сторона вопроса почти не затронута авторомъ, а между тѣмъ она имѣетъ рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ дѣйствій воюющихъ державъ. Также несправедливо авторъ ставитъ въ вину турецкому правительству, что во время войны 1877—8 г. турецкіе солдаты стрѣляли преимущественно въ мѣста, обозначенныя ненавистнымъ для нихъ знаменемъ враждебнаго христіанства; ничего другого нельзя было и требовать отъ турокъ по отношенію къ „красному кресту". Г. Ивановскій думаетъ, что турецкому правительству „слѣдовало бы, еслибы оно серьезно хотѣло исполнить женевскую конвенцію, просить Россію принять и у себя красный полумѣсяцъ" (!), чтобы избавить русскіе лазареты и перевязочные пункты отъ турецкихъ выстрѣловъ (стр. 83). Нечего и говорить о томъ, что подобное предложеніе, еслибы оно было сдѣлано, показалось бы, вѣроятно, въ высшей степени оскорбительнымъ для Россіи и для русской арміи. Трудно согласиться также съ мнѣніемъ автора, что необходимо запретить употребленіе на войнѣ азіатскихъ или африканскихъ солдатъ, въ родѣ тюркосовъ или башибузуковъ. Не все то, что̀ желательно, можетъ осуществиться на дѣлѣ; оборона народная, какъ и личная, не знаетъ никакихъ правилъ и ограниченій. Въ случаѣ крайности государства всегда будутъ прибѣгать ко всякимъ силамъ, имѣющимся въ ихъ распоряженіи, не исключая и башибузуковъ и тюркосовъ, — сколько бы ни протестовали противъ этого побѣдители. Жестокости войны исчезнутъ только вмѣстѣ съ войною, какъ способомъ разрѣшенія международныхъ споровъ.

— *Дмитрій Никольскій.* О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. Спб. 1884.

Объемистая книга г. Никольскаго (въ 539 стр.) посвящена детальной разработкѣ вопроса, которому вообще посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Авторъ собралъ массу матеріала, фактическаго и литературнаго, и въ этомъ отношеніи можно признать его изслѣдованіе вполнѣ исчерпывающимъ предметъ. Что касается выводовъ и результатовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, то въ нихъ не могло оказаться ничего новаго уже по самому свойству избранной темы.

Г. Никольскій держится взглядовъ извѣстнаго нашего спеціалиста

по международному праву, Ѳ. Ѳ. Мартенса, которому посвящена самая книга и котораго онъ въ своемъ изложеніи называетъ просто: „г-нъ профессоръ". Авторъ проникнутъ весьма гуманными воззрѣніями. „Справедливость,—говоритъ онъ,—правда внутренняя, человѣчная, основанная на совѣсти, стоитъ даже выше закона. Поэтому, если все служитъ интересамъ человѣка, все старается облегчить даже заслуженное имъ наказаніе, то и выдача, какъ одно изъ средствъ достиженія правосудія, какъ извѣстная форма судопроизводства (?), должна быть проникнута гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику. Выдача должна прежде всего заботиться объ его интересахъ (т.-е. не выдавать?), о томъ, чтобы не создать такихъ условій, которыя бы обнаружили пристрастное, несправедливое отношеніе къ нему. На этомъ основаніи, если государство, выдавая преступника, убѣдится, что судъ на мѣстѣ совершенія преступленія обезпечитъ вполнѣ его интересы, его защиту, безпристрастное отношеніе судей, то тогда и *только тогда* оно истиннымъ образомъ служитъ цѣлямъ правосудія" (стр. 41). Такому взгляду противорѣчитъ однако рѣзкая критика дѣйствій тѣхъ государствъ, которыя отказываются выдавать виновныхъ въ совершеніи преступленія съ политическою цѣлью; а между тѣмъ эти государства несомнѣнно руководствуются мотивами, которые авторъ признаетъ обязательными. Почему же нападаетъ онъ на „рутинное лжелиберальное направленіе, проповѣдуемое большинствомъ западныхъ публицистовъ", (стр. 191), по вопросу о выдачѣ политическихъ преступниковъ? „Лжелиберальнымъ" оказывается здѣсь то именно отношеніе къ преступникамъ, которое проповѣдуетъ самъ авторъ! Въ концѣ своего обширнаго трактата г. Никольскій опять указываетъ на необходимость „человѣчности", высшей правды и справедливости (стр. 528—9). Но если на первомъ планѣ стоятъ интересы человѣчности, а не правосудія и безопасности, то не было бы надобности вообще хлопотать о выдачѣ и писать объ этомъ толстыя книги.—Л. С.

— *Вліяніе церковнаго ученія* и древне-русской духовной письменности *на міросозерцаніе русскаго народа* и въ частности на народную словесность, въ древній до-петровскій періодъ. Сочиненіе Алексѣя *Попова*. Казань, 1883.

Книга г. Попова имѣетъ видъ диссертаціи. Тэма, имъ избранная, не отличается новостью: историки литературы давно указываютъ на то, какъ сильно отразились на народной словесности вліянія старой церковности и произведеній старой духовной литературы. Цѣлый разрядъ произведеній народной поэзіи, такъ-называемые духовные стихи, составляютъ прямое порожденіе старой церковной книжности;

вліяніе апокрифическихъ сказаній указываютъ теперь въ самой былинѣ, даже въ такихъ ея герояхъ и приключеніяхъ, которые съ недавняго времени считались чистѣйшими русскими. Церковная книга столько вѣковъ была почти единственнымъ чтеніемъ грамотныхъ русскихъ людей, что ея вліяніе не могло не сказаться на народныхъ понятіяхъ и народной поэзіи. Все это, какъ мы сказали, давнымъ-давно замѣчено историками литературы, какъ историками церкви и народной жизни. Тѣмъ не менѣе, этотъ вопросъ могъ послужить тэмой особаго изслѣдованія, которое обняло бы предметъ въ цѣломъ и указало бы всѣ его оттѣнки и подробности. Г. Поповъ взялся за дѣло съ большой ревностью и, указавши въ началѣ своего сочиненія дѣятельность князей и духовенства на пользу народнаго просвѣщенія, излагаетъ въ цѣломъ рядѣ рубрикъ отраженія старой церковной письменности въ различныхъ произведеніяхъ народной поэзіи,—пословицахъ, былинахъ, духовныхъ стихахъ, легендахъ и пр. Рубрики эти слѣдующія: народныя представленія о Богѣ, объ Іисусѣ Христѣ, о святыхъ, о діаволѣ и ангелахъ; народныя воззрѣнія на человѣка; нравственное міровоззрѣніе русскаго народа (собственно религіозное); обязанности человѣка къ ближнимъ; народныя представленія о загробномъ состояніи. Пріемъ автора состоитъ обыкновенно въ сопоставленіи цитатъ изъ памятниковъ древней письменности съ произведеніями народной поэзіи, причемъ въ тѣхъ и другихъ оказываются одни и тѣ же или очень сходныя нравственно-религіозныя понятія или легендарныя сказанія. Общій выводъ автора заключается въ томъ, что русскій народъ, при всемъ младенчествѣ многихъ его понятій, при всемъ недостаткѣ правильнаго школьнаго образованія, съумѣлъ, однако, глубоко постигнуть начала христіанства; авторъ признаетъ, что въ началѣ существовало смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ, что послѣднее уцѣлѣло отчасти и донынѣ въ нѣкоторыхъ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ, но, думаетъ, что эта примѣсь была чрезвычайно незначительна. Вообще авторъ полагаетъ, что русскій народъ глубоко воспринялъ основы христіанства, что „библейское ученіе привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемой и, пожалуй, *существенной частію его духовной природы*". „Правда, говоритъ авторъ,—и доселѣ высокія христіанскія понятія въ народномъ міросозерцаніи переплетаются съ уцѣлѣвшими остатками языческихъ воззрѣній и какъ-будто отъ этого теряютъ свою чистоту; но внимательное изученіе памятниковъ народнаго творчества показываетъ, что христіанскій духъ и главныя христіанскія воззрѣнія усвоены русскимъ народомъ, а языческія представленія являются не болѣе, какъ жалкими, утратившими свой

смыслъ, остатками старины, мракъ которыхъ нисколько не подавляетъ и не тушитъ свѣта христіанскаго ученія" (стр. 407—408). Выводъ автора остается, однако, слишкомъ неопредѣленнымъ и не доведеннымъ до конца, такъ сказать, чисто книжнымъ. Напримѣръ, „процессъ переработки" религіозныхъ понятій народа не выясненъ авторомъ съ достаточной точностью и выведенъ больше теоретически съ помощью извѣстной книги Аѳанасьева; а народное міровоззрѣніе слишкомъ тѣсно опредѣляется печатными сборниками пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи. Не говоря о томъ, что эти сборники еще не полны (до сихъ поръ, напр., не восполнены ими тѣ пробѣлы, которые остались въ изданіи пѣсенъ Кирши Данилова), народное міровоззрѣніе опредѣляется, кромѣ поэзіи, *дѣйствительной жизнью*, существующимъ обычаемъ и житейской практикой, и еслибы авторъ принялъ въ соображеніе эти послѣдніе, его заключеніе было бы болѣе реально и болѣе близко къ истинѣ. Напримѣръ, самъ авторъ не однажды говоритъ о слишкомъ внѣшнемъ пониманіи народомъ христіанскихъ ученій или сказаній, и въ то же время онъ находитъ это пониманіе „истиннымъ" и „глубокимъ", что̀ выходитъ противорѣчиво. Извѣстно, какъ еще въ древней Руси было распространено чисто внѣшнее благочестіе, привязанность къ обряду; не знаемъ, можно ли такое формальное благочестіе, сводящее религію къ обряду, назвать истиннымъ пониманіемъ христіанства, когда и на самомъ дѣлѣ съ этимъ внѣшнимъ благочестіемъ могла мириться крайняя грубость и даже распущенность нравовъ.

Авторъ самъ указываетъ не одинъ разъ, что религіозныя представленія русскаго народа почерпались не только изъ подлинныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія, но и изъ источниковъ довольно мутныхъ, каковы были напр. апокрифическія сказанія; но онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что народное пониманіе остается правильнымъ. „Нужно сказать,—говоритъ авторъ,—что перевираемые (?) народомъ библейскіе факты — въ большинствѣ—факты, не имѣющіе слишкомъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ вѣры. Если напр. Бога народъ представляетъ съ внѣшней стороны нѣсколько въ грубыхъ чертахъ, то дѣятельность и промышленіе Божіе онъ понимаетъ уже глубоко. Если народъ перевираетъ (?) исторію происхожденія міра и первыхъ людей, то онъ все-таки знаетъ, что міръ не самъ какъ-нибудь произошелъ, а созданъ Богомъ. Перевираніе (?) библейскихъ фактовъ говоритъ не о языческомъ состояніи народа, а о его дѣтскости еще въ христіанствѣ" (стр. 404). Но рѣчь идетъ здѣсь не объ язычествѣ народа, а о томъ, насколько „дѣтскость" можетъ соединяться съ „глубокимъ" пониманіемъ религіи. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 391) авторъ замѣчаетъ, что „если библейскій образъ дьявола

отличается отъ духа злобы, созданнаго русскимъ народомъ, то не по духу, не по существу, а только по внѣшней формѣ"; но дѣло въ томъ, что внѣшняя форма во всякомъ случаѣ не безразлична, и ходячій преувеличенный антропоморфизмъ въ народныхъ изображеніяхъ зла, представляемаго дьяволомъ, едва ли отвѣчаетъ разумному религіозному воззрѣнію.

Выполнивши рубрики своей диссертаціи, г. Поповъ, намъ кажется, не рѣшилъ однако историческаго вопроса. Въ изображаемыхъ авторомъ религіозныхъ понятіяхъ русскаго народа, наибольшая доля составляетъ общее популярное представленіе *всѣхъ* христіанскихъ народовъ. Библейскія и апокрифическія сказанія были съ первыхъ вѣковъ христіанства распространены повсюду, куда только оно проникало, такъ что историческій вопросъ заключается не въ томъ, существовали ли эти вещи у русскаго народа, а въ томъ, какой именно оттѣнокъ онѣ получили у него. Точно также, вездѣ одинаково распространены основныя начала христіанской нравственности, и историческій вопросъ опять былъ въ томъ, чтобы указать, чѣмъ именно отличается здѣсь русскій народъ, на чемъ онъ въ особенности останавливался; какъ его выборъ обусловливался историческими обстоятельствами его жизни и въ свою очередь оказывалъ вліяніе на народный характеръ; какъ та или другая степень религіознаго пониманія была въ связи со степенью его умственнаго развитія и т. д. Только при этой болѣе точной постановкѣ вопроса мы получили бы и болѣе опредѣлительный историческій отвѣтъ, чѣмъ тотъ, какой даетъ теперь сочиненіе г. Попова.

— *Исторія* Императорскаго Московскаго *Общества исторіи и древностей россійскихъ*. Д. Чл. Нила *Попова*. Часть I. 1804—1812. Изданіе Импер. Общества истор. и древн. росс. при московскомъ университетѣ. Москва, 1884.

Авторъ настоящей книги еще съ 1850-хъ годовъ началъ свои работы по исторіи русской литературы и просвѣщенія. Въ числѣ матеріаловъ, на которыхъ онъ основывался, почти всегда кромѣ источниковъ книжныхъ являлись источники рукописные, архивные документы, неизданная переписка и т. п., такъ что сочиненія Н. А. Попова обыкновенно расширяли самый запасъ историческихъ источниковъ по данному предмету. Точно также и въ настоящемъ случаѣ, предпринявши исторію стараго московскаго ученаго общества, г. Поповъ кромѣ печатнаго матеріала, въ которомъ онъ обыкновенно имѣетъ обширную начитанность, употребилъ въ дѣло архивный матеріалъ, полученный изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, матеріалъ новый въ литературѣ и иногда чрезвычайно любопытный.

Московское общество исторіи и древностей основано было въ 1804 году, отчасти по мысли знаменитаго Шлёцера; въ первые годы оно работало очень мало, въ 1810 году было закрыто и затѣмъ открыто опять съ новымъ составомъ членовъ. Эти немногіе годы и составляютъ предметъ вышедшей теперь первой части сочиненія г. Попова. Историку за это время не пришлось еще перечислить особенно важныхъ трудовъ общества, но книга тѣмъ не менѣе представляетъ много любопытнаго для тѣхъ, кого интересуетъ исторія русскаго образованія: дѣло въ томъ, что авторъ подробно останавливается на біографіяхъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ тогдашняго ученаго общества, разсказываетъ объ ихъ общественномъ положеніи, взаимныхъ отношеніяхъ и такимъ образомъ проводитъ передъ нами цѣлую галлерею учено-литературныхъ дѣятелей начала столѣтія, преимущественно московскихъ. Такъ мы находимъ здѣсь біографическія свѣденія о М. Н. Муравьевѣ, первомъ предсѣдателѣ общества, профессорѣ Чеботаревѣ, извѣстномъ попечителѣ московскаго университета Голенищевѣ-Кутузовѣ, другомъ предсѣдателѣ П. П. Бекетовѣ и многихъ иныхъ членахъ московскаго общества. Въ первый разъ собраны здѣсь біографическія свѣденія о Кутузовѣ, извѣстномъ своими злобными доносами на Карамзина, и приведены любопытныя извлеченія изъ его переписки съ министромъ просвѣщенія Разумовскимъ, причемъ усердная дѣятельность Кутузова на поприщѣ доносовъ является въ связи съ интригами партіи масонскихъ обскурантовъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены подлинные документы изъ архива министерства народнаго просвѣщенія.

Отмѣтимъ наконецъ одну неточность. На стр. 99, въ письмѣ Поздѣева къ графу Разумовскому г. Поповъ читаетъ: „старайтесь, выходить позволеніе, какое можно, на работы масонскія“ и т. д. Слѣдуетъ читать: „старайтесь *выходить* позволеніе“ и проч., т.-е. выхлопотать;—съ этимъ возстановится и настоящій смыслъ письма.

—*Очерки исторіи украинской литературы* XIX столѣтія. Н. И. *Петрова*. Кіевъ, 1884.

Г. Петровъ въ послѣдніе годы посвятилъ не мало труда для изслѣдованія малорусской литературы прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Статьи его, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ, составили отдѣльную книжку объ украинской литературѣ XVIII столѣтія; настоящая книга посвящена новѣйшей литературѣ. Въ первой было не мало новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ рукописей; вторая представляетъ обширное собраніе біографическихъ и историко-литературныхъ свѣденій. Начиная свое изложеніе новѣйшей малорусской ли-

тературы, авторъ замѣчаетъ, что она доселѣ не получила права гражданства и періодически подвергалась нападеніямъ враждебныхъ литературныхъ партій и даже запрещеніямъ отъ правительства: отсюда, по словамъ автора, возникали съ одной стороны тенденціозное отношенія къ украинской литературѣ ея противниковъ, и съ другой, раздражительность, а также и боязливость украинскихъ писателей, часто печатавшихъ свои сочиненія за-границей и скрывавшихъ свои имена подъ псевдонимами. Этимъ положеніемъ вещей затрудняется и самое изученіе украинской литературы. Изслѣдователь видитъ передъ собой два противоположные взгляда на нее: одинъ—враждебный и пренебрежительный, другой—сочувственный и склонный преувеличивать ея достоинства. Въ томъ и другомъ лагерѣ,—говоритъ авторъ, —„не достаетъ спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактовъ и даже надлежащей полноты этихъ фактовъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы". Этому и рѣшился помочь г. Петровъ. Только одно историческое изученіе можетъ, по словамъ его, „развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы, который силятся, по временамъ, разрубить насильственнымъ образомъ". Только такое изученіе „показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало бы ту почву, на которой она прозябаетъ, и опредѣлило бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣетъ ли свою будущность украинская литература, или не имѣетъ ея". Въ видахъ объективности изслѣдованія авторъ желаетъ дать такое изложеніе предмета, гдѣ „менѣе всего было бы *апріорныхъ взглядовъ* и побольше фактическихъ данныхъ". Этимъ и дѣйствительно и опредѣляется характеръ книги г. Петрова.

Въ первой вводной главѣ, авторъ пересматриваетъ прежніе труды по этому предмету, опредѣляетъ ихъ точки зрѣнія и ихъ достоинства, или больше недостатки, и указываетъ, наконецъ, свой взглядъ или свое дѣленіе періодовъ новой украинской литературы. Онъ находитъ шесть такихъ періодовъ, а именно: 1, псевдоклассическая украинская литература и реакція псевдоклассицизму (съ Котляревскаго); 2, сантиментальная литература (съ Основьяненка); 3, литература романтико-художественная (съ Метлинскаго); 4, украинскій національизмъ (Максимовичъ, Бодянскій, Гоголь и пр.); 5, украинское славянофильство (Костомаровъ, Навроцкій, Кулишъ, Шевченко); 6, новѣйшая литература (съ Марка-Вовчка, Левицкаго и пр.). Конечно, эти періоды болѣе или менѣе переплетаются другъ съ другомъ, но въ общемъ они отдѣлены довольно вѣрно, хотя не всегда довольно точно характеризованы.

Какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, г. Петровъ

недоволенъ трудами своихъ предшественниковъ, находя въ нихъ тѣ или другіе недостатки и, между прочимъ, забывая простое обстоятельство, что до сихъ поръ никто еще не предпринималъ подробнаго изложенія новѣйшей украинской литературы, а въ краткихъ очеркахъ и невозможна была фактическая полнота, а вмѣстѣ затруднительно опредѣленіе всѣхъ частностей въ разныхъ направленіяхъ литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи трудъ самого г. Петрова оставляетъ очень многаго желать. Лучшая сторона его сочиненія есть обиліе біографическихъ и библіографическихъ указаній (въ библіографіи трудъ его значительно облегчилъ „Покажчикъ", т.-е. указатель, малорусской литературы г. Комарова, изданный недавно при альманахѣ „Рада" и отдѣльно); но объясненіе общихъ явленій и условій развитія литературы у него довольно скудно. Оно ограничивается обыкновенно немногими замѣчаніями на двухъ-трехъ страничкахъ въ началѣ каждаго отдѣла, за которыми прямо слѣдуютъ біографіи писателей и изложеніе содержанія ихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Петровъ и здѣсь имѣлъ въ рукахъ матеріалы, совсѣмъ не изданные, и „исторически" разбираетъ писателей, имъ самимъ въ первый разъ открываемыхъ (см. напр. біографію и разборъ рукописныхъ сочиненій г. Навроцкаго). Но онъ, кажется, слишкомъ далеко завелъ свою боязнь „апріорныхъ взглядовъ". О какихъ взглядахъ идетъ здѣсь рѣчь? Главнымъ образомъ они состояли именно въ тѣхъ или другихъ мнѣніяхъ о томъ, имѣетъ ли малорусская литература право на существованіе подлѣ русской или нѣтъ; вопросъ былъ довольно существенный, который трудно было миновать въ указанномъ выше положеніи вещей, и который ставитъ себѣ теперь и самъ г. Петровъ. Въ защиту того или другого мнѣнія объ этомъ приводились историческіе и литературные факты и соображенія, которые могли быть вѣрны или невѣрны, но которыхъ „апріорность", т.-е. отвлеченность, была очень не велика; напротивъ, они бывали обыкновенно довольно просты и осязательны. Но по ихъ поводу велась упорная полемика, со стороны враговъ украинской литературы иногда не брезговавшая никакими средствами борьбы, и поэтому, кажется, наконецъ, опротивѣвшая защитникамъ украинской литературы. Вѣроятно, г. Петровъ и хотѣлъ уклониться отъ этой борьбы, гдѣ надо было стать на ту или на другую сторону, и выразилъ это своимъ уклоненіемъ отъ „апріорныхъ взглядовъ": при этомъ однако, несмотря на цѣнность собраннаго матеріала, для будущихъ объясненій дѣла, самый вопросъ въ рукахъ г. Петрова остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ раньше. Укажемъ, напр., одну весьма существенную сторону предмета, которая имѣетъ въ этомъ случаѣ большую важность и которой совсѣмъ не касается г. Петровъ, или

касается только вскользь и мимоходомъ: это — существованіе другой южно-русской литературы кромѣ „украинской", именно — литературы галицко-русинской. Ихъ взаимныя отношенія становятся все болѣе и болѣе тѣсны, такъ что и вопросъ объ украинской литературѣ не можетъ быть рѣшенъ внѣ связи ея съ галицкой: на это и указывали тѣ писатели, которымъ г. Петровъ приписываетъ „апріорность" взглядовъ. Безъ выясненія общихъ національныхъ и литературныхъ отношеній *цѣлаго* южно-русскаго племени не можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ „украинской" литературѣ.

Остановимся еще на одной подробности. Перечисляя въ предисловіи прежніе труды по малорусской литературѣ, г. Петровъ упоминаетъ, между прочимъ, объ изложеніи ея въ книгѣ г. Пыпина о славянскихъ литературахъ. Объ этомъ изложеніи г. Петровъ судитъ такъ: въ одномъ случаѣ, признавъ, что упомянутый авторъ „пользовался разнообразными источниками", причисляетъ его однако къ „ближайшимъ послѣдователямъ Кулиша". На это можно замѣтить, что авторъ „Исторіи слав. литературъ" пользовался *фактическими* указаніями Кулиша столько же, какъ и всякаго другого, писавшаго о малорусской литературѣ, но что, напротивъ, именно многого особенныхъ идей Кулиша совсѣмъ не раздѣлялъ, напр., не раздѣлялъ ни его (почти всегда преувеличенныхъ) восхваленій или осужденій, ни его этнографическихъ ошибокъ (примѣръ послѣдняго г. Петровъ могъ бы видѣть еще въ давней статьѣ „Современника", по поводу „Записокъ о южной Руси", 1856, которую въ другомъ мѣстѣ самъ цитируетъ); новѣйшая дѣятельность г. Кулиша въ „Исторіи слав. литер." характеризована, кажется, весьма достаточно. Затѣмъ, относительно новаго изданія „Исторіи слав. лит.", г. Петровъ столь же основательно находитъ, что авторъ ея „слѣдуетъ болѣе Костомарову" и, мало того, г. Петровъ находитъ, что „повидимому" этотъ авторъ „пользовался и *устными совѣтами* г. Костомарова". Объ этомъ послѣднемъ предметѣ мы имѣемъ весьма точныя свѣдѣнія: пользованія совѣтами *не было*, и предположенія г. Петрова составляютъ то, что называется сплетней.—А. Н.

СТРАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

— *Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ*, въ 3-хъ частяхъ, съ картою Волги. Историко-статистическій очеркъ и справочный указатель. Составилъ *С. Монастырскій*. Казань, 1884.

По словамъ автора этой книги, „Волгой интересуются всѣ". Самъ авторъ очень восхищается Волгой и чрезвычайно высоко ставитъ ея національное значеніе какъ одного изъ могущественныхъ путей народной промышленности и торговли. Въ теченіе шести лѣтъ, по его словамъ, авторъ изучалъ Волгу, и за отсутствіемъ ея описаній, которыми могли бы пользоваться путешественники, рѣшился составить настоящую книгу. Цѣль благая. За исключеніемъ книги г. Рагозина „Волга", изданіе которой, къ сожалѣнію, пріостановилось, въ литературѣ, въ самомъ дѣлѣ, давно уже не появлялось сочиненій о Волгѣ, которыя могли бы быть справочной книгой для путешественниковъ; самая книга г. Рагозина не была пригодна для этой цѣли, потому что ставила себѣ гораздо болѣе обширную задачу. Не знаемъ, много ли бываетъ туристовъ, которые ѣдутъ на Волгу не по однимъ практическимъ дѣламъ; г. Монастырскій говоритъ, что они бываютъ и что между ними бываетъ даже много иностранцевъ (нѣсколько лѣтъ назадъ мы имѣли случай говорить о замѣчательной въ своемъ родѣ французской книгѣ Легреллія: „le Volga"). Надо полагать, что есть потребность въ путеводителѣ, въ который, вѣроятно, заглянули бы, кромѣ собственно туристовъ, и вообще любознательные люди; и сами дѣльцы, хотя обыкновенно очень беззаботные на счетъ красотъ природы, историческихъ воспоминаній и тому подобныхъ пустяковъ, обратили бы вниманіе на подобную книгу ради справочныхъ свѣдєній. По всему этому книга г. Монастырскаго является очень кстати.

Тамъ, гдѣ путешествуютъ много и гдѣ выработались извѣстные пріемы путешествія (возможность осмотра и изученія замѣчательныхъ мѣстностей и предметовъ, съ наименьшей тратой времени на ознакомленіе съ мѣстными условіями и безъ потери его на чтеніе пустыхъ книгъ), выработалась и извѣстная форма путеводителей: знаменитый „Бэдекеръ" сталъ нарицательнымъ именемъ у нѣмцевъ и у тѣхъ, кто можетъ пользоваться нѣмецкими книгами, Мёррей (Murray) у англичанъ, Жоаннъ у французовъ, и т. д. Типъ этихъ книгъ извѣстенъ: сжатое, отчетливое изложеніе, въ которое входятъ всѣ основные факты изъ топографіи, исторіи, статистики какъ цѣлой

описываемой страны, такъ и ея главныхъ мѣстностей, свѣдѣнія о путяхъ сообщенія, описанія достопримѣчательностей въ городахъ (даже напр. съ довольно подробными каталогами художественныхъ собраній) и т. п., — именно *основные* факты и *необходимыя* свѣдѣнія безъ всякихъ лишнихъ разглагольствій, безъ подсказыванія читателю его впечатлѣній отъ того или другого красиваго вида, памятника, художественнаго произведенія и т. д., и только не пропуская обратить вниманіе читателя на то, что̀ должно потребовать этого вниманія. Печатаются подобныя книги обыкновенно яснымъ, убористымъ шрифтомъ, съ четкими планами, картами и рисунками, въ небольшомъ форматѣ. Въ результатѣ получается то, что подобныя книги въ небольшомъ объемѣ представляютъ огромную массу точныхъ свѣдѣній, которыя даютъ путешественнику всѣ необходимыя указанія для изученія того, что́ возбудитъ его любопытство. Путешественникъ бываетъ всегда съ своимъ Бэдекеромъ. Нѣкоторыя книги этого рода, напр. старая книга Жоанна объ Италіи, Мёррея о Римѣ и др. были своего рода классическими трудами: это бываютъ вообще дѣйствительные „путеводители" и „спутники".

Здѣсь заключалась дѣловая справочная сторона путешествія. Затѣмъ оставалась разнообразная и безграничная область личныхъ впечатлѣній. „Путеводитель" не имѣетъ обыкновенно ни малѣйшей претензіи навязывать читателю впечатлѣнія своего автора, его размышленія, восторги, мечты, неудовольствія и т. д.; предполагается, что читатель способенъ будетъ самъ имѣть всѣ эти впечатлѣнія и ему надо было только доставить матеріалъ свѣдѣній—или по топографіи, или по исторіи, или по искусству и т. д. Въ эту область впечатлѣній вступали уже совсѣмъ иного рода писатели—тѣ, которые не заботились о справочныхъ свѣдѣніяхъ и думали именно передать результаты своей мысли, своихъ соціальныхъ наблюденій, своихъ изученій экономическихъ, художественныхъ и т. д.: это бывала уже литература путевыхъ записокъ, очерковъ, Reisebilder,—спеціальныхъ трактатовъ, а не путеводителей. — Нѣтъ сомнѣнія, что такое раздѣленіе труда весьма цѣлесообразно, потому что цѣли книгъ того и другого рода, дѣйствительно различны: смѣшно описывать свои восторги передъ Сикстинской Мадонной и тутъ же рядомъ сообщать цѣну извощика, который довезетъ къ ней.

Какая же была программа г. Монастырскаго? Авторъ намѣревался составить такой путеводитель, „который, помимо справочныхъ свѣдѣній, содержалъ бы въ себѣ историко-статистическій очеркъ приволжскихъ городовъ, описаніе достопримѣчательностей и, въ то же время, указывалъ бы на важнѣйшіе мѣстные вопросы и на экономическое значеніе описываемыхъ пунктовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у автора

была забота, чтобы путешествующіе на волжскихъ пароходахъ нашли въ этой книгѣ собесѣдника *не очень скучнаго*". Итакъ, авторъ смѣшалъ цѣли путеводителя съ цѣлью занимать и увеселять читателя. Эту послѣднюю заботу авторъ высказываетъ нѣсколько разъ и, какъ увидимъ, она не послужила къ пользѣ его книги...

Матеріалъ своего сочиненія авторъ указываетъ въ своихъ личныхъ наблюденіяхъ во время шестилѣтняго знакомства съ Волгой и въ существующихъ изданіяхъ по исторіи и статистикѣ Поволжья. По словамъ г. Монастырскаго (за исключеніемъ книги Рагозина), до появленія въ свѣтъ предлежащей книги, единственнымъ путеводителемъ по Волгѣ служилъ изданный въ 1862 г. трудъ проф. Боголюбова: „Волга отъ Твери до Астрахани". Но въ этомъ авторъ ошибается: кромѣ изданія гг. Боголюбовыхъ, были еще книги Бабста, Нейдгардта, Кучина (второе изданіе 1871); спеціалисту по Волгѣ не мѣшало бы это знать.

Книга г. Монастырскаго расположена такъ: первая часть заключаетъ краткій историческій очеркъ Поволжья; вторая — описаніе Волги отъ Нижняго Новгорода до Астрахани; третья — справочныя свѣденія. Историческій очеркъ не представляетъ, конечно, ничего новаго, такъ какъ составленъ по готовымъ книгамъ; но автору вполнѣ принадлежитъ особенный тонъ разсказа. Послѣ нѣсколькихъ словъ о первобытныхъ временахъ, онъ начинаетъ исторію съ нижегородскаго періода, т.-е. съ основанія Нижняго въ началѣ XIII-го столѣтія, и ведетъ ее вообще въ весьма патетическомъ тонѣ. Такъ, онъ уже съ этихъ поръ, съ XIII-го столѣтія, очень близко къ сердцу принимаетъ интересы древней Руси, и, напримѣръ, разсказывая о нападеніи мордовскихъ племенъ на нижегородскую область, караетъ ихъ именемъ „варваровъ" (стр. 4), но оказывается тутъ же рядомъ, что варвары нападали потому, что „русскіе стали все чаще и чаще *навѣдываться* въ мордовскую землю, производя тамъ *опустошенія*": итакъ, мордва стали варварами потому, что вздумали защищаться отъ тѣхъ, кто сталъ къ нимъ „навѣдываться". Вмѣстѣ съ тѣмъ, стиль автора отличается игривостью, которую русская исторіографія утратила со временъ Кайданова. Войны между русскими и казанскими татарами авторъ называетъ „взаимными военными визитаціями" (стр. 9). О бунтѣ Пугачева: „*съ легкостью серны* (!) перебрасывался разбойникъ съ одного мѣста на другое, но Михельсонъ не отставалъ, слѣдуя за нимъ, *какъ тѣнь*" (стр. 46), — слѣдовательно также съ легкостью серны? И т. п.

Во второмъ отдѣлѣ книги авторъ даетъ краткія свѣденія о верховьяхъ Волги (съ которыхъ прямо перескакиваетъ къ Нижнему), описанія городовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей (начиная

отъ Нижняго), приводитъ много статистическихъ данныхъ, и напр цѣлыя таблицы цифръ о ходѣ торговли, о грузовомъ движенія, городскомъ хозяйствѣ и т. п., трактуетъ о мѣстныхъ вопросахъ Нижняго, Казани, Самары и ихъ общественной жизни, подробно говоритъ о нижегородской ярмаркѣ, и т. д. Эти свѣденія, конечно, не лишены интереса, хотя мы думаемъ, подробныя статистическія таблицы едва ли умѣстны въ путеводителѣ: онѣ были бы на мѣстѣ развѣ въ спеціальномъ сочиненіи. Но, къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ, на собираніе котораго авторъ потратилъ, вѣроятно, не мало труда, расположенъ весьма неравномѣрно, и кромѣ того является въ чрезвычайно странномъ изложеніи, какъ дальше увидимъ. Начать съ того, что историческія свѣденія, разъ уже приведенныя въ первомъ отдѣлѣ, частію повторяются еще разъ и во второмъ—въ описаніяхъ Нижняго-Новгорода и Казани. Авторъ опять очень суровъ къ врагамъ древней Россіи: татары, нападавшіе на русскихъ, именуются „лиходѣями"; авторъ винитъ ихъ въ „злодѣйствѣ", когда они въ XVI-мъ столѣтіи перерѣзали на ярмаркѣ русскихъ купцовъ, но опять тутъ же оказывается, что татарскіе купцы не рѣшались ѣздить на русскую ярмарку, „опасаясь русскихъ, которые въ то время не признавали національности (?) и собственности имущества и не считали грѣхомъ пограбить, побить и даже *убить чужеземнаго купца*" (отд. 2, стр. 46),—т.-е. совершать такое же злодѣйство? Въ потокѣ историческаго краснорѣчія авторъ не замѣчаетъ иногда въ своемъ изложеніи нѣкотораго недостатка смысла. Напримѣръ, онъ разсказываетъ о городѣ Козьмодемьянскѣ, что во время разбоевъ Стеньки Разина жители его пристали къ мятежнымъ шайкамъ, „но впослѣдствіи Козьмодемьянцы загладили *свою вину* энергическими дѣйствіями противъ Пугачева". Читатель въ недоумѣніи: вѣдь Пугачевъ былъ сто лѣтъ спустя послѣ Разина и, надо думать, что въ то время были уже совсѣмъ другіе козьмодемьянцы, чѣмъ во времена Разина, и сомнительно, чтобы кто-нибудь считалъ за ними вину, совершенную сто лѣтъ до нихъ. Читатель недоумѣваетъ также относительно ихъ „энергическихъ дѣйствій", такъ какъ авторъ тутъ же говоритъ, что „Пугачевъ *не счелъ нужнымъ нападать на нихъ* и, обойдя Козьмодемьянскъ, направился съ лугового берега на Ядринъ" (отд. 2, стр. 87). Не будемъ останавливаться на другихъ примѣрахъ того же рода. Во второмъ отдѣлѣ, какъ мы сказали, авторъ еще разъ обращается къ исторіи, напр. счелъ нужнымъ повторить по Карамзину разсказъ о взятіи Казани Иваномъ Грознымъ, извѣстный большинству читателей еще изъ дѣтскихъ книгъ; памятникъ Державина побуждаетъ его къ біографическимъ воспоминаніямъ о пѣвцѣ Фелицы, столь же мало необходимомъ въ путеводителѣ, и т. п.

Въ самомъ описаніи Волги, мы встрѣчаемъ большую неравномѣрность изложенія, напр. Нижнему Новгороду посвящено 49 страницъ, Казани—85 стр., Самарѣ—11, Саратову—8, и т. д. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ принялъ эту неравность намѣренно; а именно, чтобы не слишкомъ увеличивать объема книги и тѣмъ не возвышать ея цѣны, онъ рѣшилъ „о нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр., о Саратовѣ и Самарѣ, стоящихъ на желѣзныхъ дорогахъ,—не распространяться; такъ какъ эти города, подобно Кіеву, Харькову и др., достаточно хорошо извѣстны, и притомъ, по своему особенно важному значенію для края, требуютъ столь обстоятельнаго и подробнаго объ нихъ трактата, который въ рамкѣ „Спутника" помѣститься не можетъ". Аргументы очень странные: Нижній-Новгородъ также стоитъ на желѣзной дорогѣ, и по своей ярмаркѣ и бо̀льшей близости къ столицамъ гораздо извѣстнѣе, чѣмъ Самара и Саратовъ, и однакоже авторъ даетъ о немъ очень подробныя свѣденія. Съ другой стороны Саратовъ, напротивъ, издавна считался „глушью" и ссылка автора, что онъ „хорошо извѣстенъ" подобно Кіеву или Харькову, подвергается сомнѣнію имъ самимъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ книги (отд. 3, стр. 65) авторъ замѣчаетъ, „что изданія, посвященныя описанію Саратовскаго края, почти отсутствуютъ"—откуда же онъ можетъ быть хорошо извѣстенъ? Мы думаемъ, напротивъ, что болѣе подробныя свѣденія объ этихъ городахъ были бы въ путеводителѣ необходимы, и мѣсто для нихъ нашлось бы очень легко, еслибы авторъ сократилъ въ другихъ отдѣлахъ своей книги многое, совершенно излишнее.

Дѣло въ томъ, что авторъ, какъ мы упоминали, чрезвычайно заботился о томъ, чтобы книга его какъ-нибудь „не наскучила читателю": съ цѣлью—занять и забавлять читателя, авторъ уснащиваетъ свое изложеніе различными, по его мнѣнію, занимательными эпизодами, игривыми подробностями, шуточками и т. д.; не довольствуясь справочными свѣденіями, онъ пускается въ разсказы о мѣстной общественной жизни волжскихъ городовъ, разсказы, то язвительные, то галантерейные, а въ сущности очень странные и совершенно ненужные. Все это онъ могъ бы смѣло выкинуть—съ бо̀льшей пользой для своей книги, а взамѣнъ того помѣстить то, что въ ней должно бы найти мѣсто. Для образчика довольно привести нѣсколько примѣровъ.

Въ началѣ второго отдѣла авторъ говоритъ о затрудненіяхъ, мѣшающихъ волжскому судоходству, но потомъ обрываетъ, „изъ опасенія *надоѣсть читателю*" (стр. 13),—какъ будто должны быть выбираемы только факты, которые не „надоѣдаютъ". Начавши говорить объ экономическомъ значеніи нижегородской ярмарки и уже наполнивши

этимъ довольно страницъ, авторъ опять обрываетъ: „опасаясь *надоѣсть читателю* своими поверхностными (?) и скучными объясненіями, свернемъ лучше на прототоренную (?) *фельетонную дорожку*: по ней идти и легче и *веселѣе* (!!)" (стр. 56). Итакъ, вотъ настоящая дорога куда влечетъ автора и гдѣ ему весело: дѣйствительно слѣдуетъ еще „кое-что о нижегородской ярмаркѣ", написанное въ развязномъ стилѣ фельетоновъ (плохихъ газетъ)—съ посильнымъ остроумничаньемъ (стр. 56—62). Далѣе. Послѣ описанія Казани, авторъ опять направляется на „прототоренную" дорожку и пишетъ „два слова объ общественной жизни въ Казани" (стр. 157—165; затѣмъ еще слѣдуютъ „нѣкоторыя свѣденія о Казани"). Въ изображеніи казанской общественной жизни авторъ (какъ это и считается нужнымъ у фельетонистовъ извѣстнаго разбора) оказывается ужаснѣйшимъ зоиломъ: онъ, говоря въ его стилѣ, отдѣлалъ казанское общество на всѣ корки. Сколько мы сами слышали о характерѣ казанскаго общества, замѣчанія автора не совсѣмъ лишены основанія, но авторъ не чувствуетъ, что самый тонъ его разсужденій не изъ тѣхъ, какія внушаютъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ увидимъ, кое-чего и не доглядѣлъ въ той Казани, которой посвятилъ всего больше мѣста въ своей книгѣ. Упоминая дальше о хорошемъ путеводителѣ, составленномъ лѣтъ двадцать назадъ Н. П. и А. П. Боголюбовыми, авторъ выражаетъ недоумѣніе, что эта книга имѣла мало успѣха и замѣчаетъ: „Такой неуспѣхъ серьезнаго, крайне интереснаго и украшеннаго многими гравюрами путеводителя объяснить довольно трудно; вѣроятно, большинству публики онъ показался *скучнымъ*, такъ какъ не содержалъ въ себѣ ничего *фельетоннаго, пикантнаго*" (стр. 196). Новѣйшій авторъ именно и хлопочетъ дать своему труду эти послѣднія свойства—несчастная мысль, которая, напротивъ, часто дѣлаетъ его книгу чрезвычайно скучной, не только потому, что „пикантность" плохого фельетона вовсе не требуется въ путеводителѣ, но особенно и потому, что сопровождается нерѣдко весьма крупными недосмотрами и ошибками.

Остроуміе и галантерейный стиль автора преслѣдуютъ читателя на всемъ пространствѣ книги. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. По поводу плашкоутнаго моста черезъ Оку въ Нижнемъ, который предполагаютъ замѣнить постояннымъ, авторъ выражается такъ: „все дѣло въ презрѣнномъ металлѣ, котораго требуется ни-много, ни-мало, какъ *милліончика* 2—3. Городу такой суммы взять неоткуда; пробовали украдкой *кивать* на казенный сундукъ: „Это, молъ, государственное сооруженіе", но *матушка-казна* хранитъ глубокое молчаніе (отд. 2, стр. 28). По поводу оврага, засыпаннаго въ Нижнемъ, авторъ восклицаетъ: „все обдѣлывается, задѣлывается, приглаживается;

вездѣ искусство, рука человѣка; объ овражищахъ (?) осталось одно воспоминаніе. Таковы результаты дѣятельности человѣка—этого заклятаго, и торжествующаго измѣнителя лица природы!" (стр. 32). Въ статьѣ о Казани, напомнивъ, какъ при Иванѣ Грозномъ пала „гордая Казань", авторъ продолжаетъ: „съ тѣхъ поръ прошло *болѣе трехъ столѣтій*—и Казань *неузнаваема* (?): изъ разбойничьяго гнѣзда она превратилась въ центръ промышленности, торговли и оффиціально считается умственнымъ центромъ Поволжья... Теперь лучшіе люди казанскіе не гарцуютъ на красивыхъ коняхъ, не джигитуютъ (!), а пишутъ; пишутъ вездѣ: и у себя на дому, и на службѣ, и въ конторахъ, и въ многочисленныхъ канцеляріяхъ" и т. д. (стр. 94). Далѣе авторъ разсказываетъ, что въ Казани существуетъ модный обычай подносить дамамъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, какъ „необходимое условіе, чтобы заслужить вниманіе и расположеніе дамы", и затѣмъ игриво разсуждаетъ: „читатель, вѣроятно, согласится, что букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, хотя и прекрасный подарокъ... но крайне непрочный. Цвѣты скоро завянутъ, а быстрое ихъ увяданіе порождаетъ невеселыя мысли о непрочности красоты, симпатіи, дружбы и всего, что́ краситъ нашу сѣренькую жизнь, что́ зажигаетъ въ ней искру Божію... Не лучше ли поднести любимой особѣ такой подарокъ, который могъ бы долго сопротивляться разрушительному вліянію времени, вѣтровъ, непогоды и т. п.;—могъ бы служить *символомъ прочности* тѣхъ отношеній, которыя желательно сохранить" (стр. 133). Какъ нужны всѣ эти нѣжности въ путеводителѣ по Волгѣ! Памятникъ Державину наводитъ автора на мысль, что „читателю *пріятно будетъ* вспомнить *кое-что* о Державинѣ", и помогаетъ читателю вспомнить, что Державинъ родился въ Казани, происходитъ „отъ *одного изъ татаръ* (?), Мурзы Багрима", что „всю жизнь онъ былъ самымъ пылкимъ поклонникомъ всего изящнаго, считая красоту женщины высшей красотой природы" и т. д., что „поэтъ, въ теченіе своей жизни, неоднократно находился подъ чарами любви — этой неразлучной спутницы красоты. И въ дни молодости, и въ годы мужества, и даже на краю могилы (!), онъ довѣрчиво отдавался кроткому владычеству красоты" (стр. 143). Прелесть!—но нужно ли это въ путеводителѣ по Волгѣ? Переходя отъ временъ Державина къ современной казанской жизни, авторъ погружается въ меланхолію: „такъ здѣсь все безцвѣтно, сѣро; чувства мелкія, вкусы мѣщанскіе; преслѣдуется и поносится все, выдѣляющееся изъ общей массы, все, напоминающее любимую идею поэта—идею истины, добра и красоты. Здѣсь красота и граціозность женщины—истинное несчастіе для нея; преслѣдуютъ, злословятъ не только ее, но и всякаго, кто является поклонникомъ ея красоты. Здѣсь вкусъ, умѣнье одѣваться—почти-

что преступленіе; изящный туалетъ, а тѣмъ болѣе истинная красота и граціозность, не прощаются даже и родной сестрѣ" (стр. 145), и т. д.

Но погоня за пикантностью (вышеприведеннаго сорта) помѣшала автору быть болѣе осмотрительнымъ относительно фактической стороны изложенія. Ошибки гораздо болѣе изобильны, чѣмъ вообще желательно въ книгѣ, и особливо въ путеводителѣ. Приведемъ опять нѣсколько образчиковъ. Напримѣръ, автора книгъ по исторіи Поволжья, г. Перетятковича, авторъ называетъ Перятетковичемъ (отд. 1, стр. 3, 38). Слово „плёсъ", употребляемое на Волгѣ для обозначенія извѣстнаго воднаго пространства, авторъ пишетъ „плессъ" (отд. 2, стр. 4, 5, 7). Священникъ Заринскій, авторъ сочиненій по исторіи Казани, именуется у него Зарынскимъ (отд. 2, стр. 99—100). Казанскій университетъ вообще служитъ мишенью для язвительныхъ нападеній автора, но сказанное о немъ на стр. 115, 137—139, есть безсодержательное пустословіе: исторія университета, видимо, автору неизвѣстна и, говоря объ университетскомъ музеѣ, ссылаться на какой-то случайный отзывъ путешественника 1861 года неумѣстно и не умно; нынѣшній этнографическій и археологическій музей университета *очень любопытны*, для нихъ дѣлались и дѣлаются весьма серьезныя работы и надо только пожалѣть, что недостатокъ денежныхъ средствъ мѣшаетъ университету развить эти учрежденія. Упоминая мелькомъ и свысока о научной дѣятельности въ Казани, авторъ не подозрѣваетъ, что въ казанской литературѣ явилось не мало важныхъ трудовъ по изученію востока, по русской старинѣ и этнографіи. Замѣтимъ, наконецъ, что авторъ, по духу нынѣшняго времени, очень вооруженъ противъ либераловъ (напр. отд. 3, стр. 20—28), и интеллигенціи. Жаль только, что онъ не имѣетъ достаточно грамотности, чтобы правильно писать это слово (отд. 2, стр. 73: „интелегентъ"). Въ справочной книгѣ вообще нежелательны ошибки отъ недосмотра, или отъ неряшливости, особливо въ собственныхъ именахъ. Авторъ пишетъ, напр., Боронскъ вм. Баронскъ (стр. 231, отд. 2); Царицинъ вм. Царицынъ (стр. 213—225, а въ другихъ мѣстахъ книги правильно); Царевъ-Курганъ находится *не ниже* (стр. 205), а выше Самары, и т. п.

Впрочемъ довольно. Для какого рода читателей авторъ назначалъ свою книгу, мы не совершенно понимаемъ. Если для людей дѣловыхъ, то имъ вовсе не нужно остроумничанья и пустословія автора; если для образованныхъ путешественниковъ, то имъ малограмотная „пикантность" доставить удовольствія не можетъ. Затѣмъ въ книгѣ есть, конечно, не мало любопытныхъ статистическихъ фактовъ и справочныхъ свѣденій, которыя могутъ быть пригодны для путешественника по Волгѣ; но очень жаль, что они предлагаются въ такой

формѣ, которая на очень многихъ читателей будетъ имѣть отталкивающее дѣйствіе.

Иллюстраціи въ книгѣ большею частью плохи. При книгѣ изданы также (продаваемые отдѣльно) шесть плановъ главныхъ приволжскихъ городовъ.

А. В—нъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е августа, 1884.

Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. — Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей" на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ.

Въ концѣ нынѣшняго года—въ Москвѣ, и въ началѣ будущаго—въ Петербургѣ, оба столичныя „городскія общества" получатъ возможность обновить свое представительство, за истеченіемъ четырехлѣтняго срока уполномочій московской и петербургской городскихъ думъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исполнится и 12 лѣтъ со времени введенія Городового Положенія 16 (28) іюня 1870 года, положившаго впервые начало самостоятельности городского общественнаго управленія въ Россіи. Чтобы судить справедливо о результатахъ перваго, всего какого-нибудь десятка лѣтъ дѣятельности этого управленія, предоставленнаго собственнымъ силамъ и освобожденнаго отъ административной опеки, какая была установлена двумя предшествовавшими Положеніями 1785 и 1846 гг.,—слѣдуетъ имѣть въ виду не то, что̀ могло бы быть сдѣлано имъ въ такой краткій періодъ дѣятельности, но что̀ было въ дѣйствительности исполнено по сравненію съ предъидущимъ, почти столѣтнимъ періодомъ, начиная со времени Екатерины II, когда отвѣтственность за городское хозяйство лежала главнымъ образомъ на администраціи. Тѣ многочисленные упреки, которыми часто осыпàютъ еще весьма юное самостоятельное городское общественное управленіе за неудовлетвореніе имъ всѣхъ настоятель-

ныхъ нуждъ городской жизни и ея потребностей,—служатъ вмѣстѣ и указаніемъ того, какъ мало было сдѣлано въ этомъ смыслѣ для города въ предшествующее почти столѣтіе административнаго періода городскаго управленія: самостоятельному городскому управленію пришлось двѣнадцать лѣтъ тому назадъ не продолжать давно начатое, не поддерживать то, чтó давно могло быть устроено, но созидать вновь, и потому нисколько не удивительно, что оно не могло вдругъ схватиться за все. А что новое городское общественное управленіе, предоставленное въ первый разъ собственнымъ силамъ, сдѣлало въ десять лѣтъ больше, чѣмъ прежнее административное управленіе въ теченіе почти ста лѣтъ,—въ этомъ не могутъ сомнѣваться даже и предубѣжденные, если не захотятъ голословно отрицать фактовъ, которые у всѣхъ на глазахъ, начиная, наприм., съ такого существеннаго дѣла, какъ городское народное образованіе въ Петербургѣ, да и въ другихъ городахъ.

Въ наступающемъ августѣ открывается всего восьмой годъ существованія петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ и руководимыхъ непосредственно самимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, но уже какой успѣхъ мы видимъ въ этомъ дѣлѣ сравнительно съ тѣмъ, чтó наблюдалось еще не такъ давно, когда болѣе чѣмъ полумилліонное населеніе Петербурга ограничивалось всего какими-нибудь 16 училищами съ 800 обучающимися! Съ августа мѣсяца Петербургъ имѣетъ 183 городскихъ училища, въ которыхъ могутъ получить начальное образованіе до 8,000 дѣтей школьнаго возраста, отъ 7 до 12 лѣтъ отъ роду,—и дѣйствительно будутъ получать, такъ какъ и это сравнительно огромное число школъ еще далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія, растущимъ въ большей пропорціи, нежели растутъ школы. Не будетъ потому удивительно, если и въ нынѣшнемъ учебномъ году, не смотря на то, что Дума постановила открыть на 1884—85 годъ вновь 27 школъ, болѣе чѣмъ на 1,000 обучающихся, число отказовъ въ принятіи въ школу не уменьшится, сравнительно съ прошедшимъ годомъ, когда около 1,000 дѣтей не могли поступить въ городскія училища. Очевидно, что въ Петербургѣ растетъ не столько населеніе города, сколько убѣжденіе этого населенія въ необходимости начальнаго образованія.

Для полнаго удовлетворенія петербургскаго населенія въ его стремленіи къ начальному образованію потребовалось бы отъ 400 до 500 училищъ, т.-е. болѣе чѣмъ вдвое наличнаго ихъ числа, обходящагося городу въ 300 тысячъ рублей ежегоднаго расхода. Этого расхода вовсе не знало прежнее городское общественное управленіе, да еслибы и знало, то оно не могло бы вести дѣла самостоятельно,

а ограничивалось бы ежегоднымъ увеличеніемъ платы министерству народнаго просвѣщенія на содержаніе начальныхъ училищъ; впрочемъ, если не ошибаемся, оно и вносило тогда извѣстную сумму съ этою цѣлью, но весьма незначительную. Только въ 1877 г. министерство совсѣмъ сложило съ себя заботы о городскомъ начальномъ образованіи и передало городу существовавшія до того времени 16 училищъ. Но, къ сожалѣнію, дѣло было тогда сдѣлано на половину, и, вслѣдствіе того, недоразумѣніе, которому было тогда положено начало, продолжается и до настоящаго времени. Доказательствомъ тому служатъ пренія, происходившія въ Думѣ не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, по поводу представленія городской училищной коммиссіи объ открытіи трехкласснаго городского училища: судя по газетнымъ отчетамъ, даже многіе гласные очевидно смѣшивали трехклассныя городскія училища съ среднеобразовательными заведеніями, и на этомъ основаніи возражали противъ трехклассныхъ городскихъ училищъ, находя, что забота о среднемъ образованіи должна лежать на правительствѣ, а не на городскомъ управленіи. Все это недоумѣніе истекало именно изъ того, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1877 сдало городу только одну часть городского образованія, и именно—нисшее образованіе, которое было бы справедливѣе называть не начальнымъ, а только первоначальнымъ. Городское образованіе, въ полномъ своемъ объемѣ, состоитъ также изъ двухъ степеней—нисшаго или первоначальнаго, и высшаго, или окончательнаго, въ сферѣ потребностей городской жизни; успѣхи одного изъ нихъ должны всегда вести за собою успѣхи въ другомъ, такъ какъ высшее городское образованіе есть послѣдняя и вполнѣ самостоятельная цѣль первоначальнаго городского образованія. Нельзя исключительно заботиться объ одномъ первоначальномъ, не двигая соотвѣтственно тому окончательнаго, какъ послѣдней цѣли предъидущаго; нельзя сказать потому, что прежде всего необходимо удовлетворить *всѣхъ* по первоначальному образованію, а уже затѣмъ перейти къ заботамъ о высшемъ городскомъ образованіи, какъ нельзя было бы задаться мыслью сначала накормить всѣхъ, а потомъ, когда всѣ безъ исключенія будутъ сыты, начать заботиться о томъ, чтобъ одѣвать людей. Между тѣмъ, въ 1877 г. городу было сдано одно первоначальное городское образованіе; городское же образованіе высшее осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ до того времени было нисшее, а именно, городу предоставляется и до сихъ поръ давать средства министерству народнаго просвѣщенія къ открытію высшихъ городскихъ школъ, т.-е. трехклассныхъ. Въ результатѣ этого теперь и оказалось, что въ настоящую минуту городъ уже открылъ до 180 нисшихъ городскихъ училищъ; министерство, удержавшее за собою вто-

рую и послѣднюю ступень городского образованія, осталось при томъ же, сравнительно, весьма незначительномъ числѣ трехклассныхъ городскихъ училищъ, какое было еще въ ту эпоху, когда на весь Петербургъ существовало всего 16 первоначальныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ. Отсюда и должна была произойти очевидная аномалія, а именно: число трехклассныхъ городскихъ училищъ на 183 начальныхъ остается и теперь тоже, если не меньше, какое было до 1877 года на 16 начальныхъ училищъ. Еслибы городское образованіе не было раздѣлено пополамъ между городскимъ общественнымъ управленіемъ, на долю котораго достались одни первоначальныя училища, и министерствомъ, удержавшимъ за собою высшія городскія училища, т.-е. трехклассныя,—то безъ сомнѣнія, городъ установилъ бы извѣстную норму, по которой на извѣстное число первоначальныхъ училищъ было бы открываемо одно высшее, т.-е. трехклассное училище. Но такого порядка нельзя ожидать ранѣе того, какъ министерство закончитъ то, чтó оно только начало въ 1877 году, а именно, передастъ на попеченіе городского общественнаго управленія не одно нисшее, но и высшее городское образованіе, сосредоточивъ свои силы и заботы на среднихъ и высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, съ общегосударственнымъ значеніемъ. Такое распредѣленіе труда по образованію, между мѣстными общественными управленіями и правительственною администраціею, принесло бы, между прочимъ, и ту существенную пользу, что освободило бы гимназіи отъ искусственнаго наплыва обучающихся въ нисшихъ ихъ классахъ, только вслѣдствіе того, что эти нисшіе классы, не будучи по своей программѣ высшими городскими училищами, за отсутствіемъ послѣднихъ, исполняютъ однако ихъ роль, къ своей собственной невыгодѣ и къ невыгодѣ обучающихся въ нихъ и въ огромномъ числѣ недоучивающихся.

Нѣтъ сомнѣнія, что возложеніе на городъ заботы не объ одномъ первоначальномъ городскомъ образованіи, но и объ окончательномъ, или высшемъ, потребовало бы отъ города новыхъ и значительныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что городъ, безъ сомнѣнія, счелъ бы нужнымъ на каждыя 100 первоначальныхъ училищъ имѣть соотвѣтственное тому число окончательныхъ или высшихъ городскихъ школъ, точно также какъ въ 1877 году городъ, принявъ 16 первоначальныхъ училищъ, не остался при этомъ числѣ и не ограничился прежнею ихъ малоудовлетворительною обстановкой.

Но ни для кого не секретъ, что финансовое положеніе города Петербурга не столь роскошно, чтобы возможно было такое веденіе хозяйства, которое сколько-нибудь близко удовлетворяло бы даже самыя естественныя и неотступныя потребности населенія. Только въ послѣднее время городской бюджетъ почти милліоннаго населе-

нія столицы достигъ 6 милліоновъ рублей; но и эта цифра стоитъ еще далеко ниже цифры доходовъ въ другихъ европейскихъ столичныхъ городахъ: въ то время какъ въ Парижѣ, напримѣръ, среднимъ числомъ, каждый житель обложенъ 60 франками, у насъ — 6 рублями, т.-е. около 15 франковъ. Очень возможно, что при болѣе раціональной раскладкѣ податей, 60 франковъ могутъ оказаться менѣе обременительными, чѣмъ 15 франковъ тамъ, гдѣ одни не обложены вовсе, или обложены въ весьма малой степени, а другіе обременены непосильно; но финансовое положеніе города Петербурга имѣетъ еще и другую особенность, еще болѣе невыгодную — а именно, какъ въ области расходовъ, такъ и доходовъ. При относительной незначительности своихъ сборовъ вообще, городъ почти половину своего бюджета издерживаетъ „обязательно", т.-е. выдавая деньги, но не распоряжаясь хозяйствомъ, на которое онѣ издерживаются, притомъ не въ такой мѣрѣ, какая соотвѣтствовала бы дѣйствительнымъ потребностямъ города, а сообразно его государственному положенію, какъ столицы имперіи; только то, что̀ остается отъ такихъ „обязательныхъ" расходовъ, городъ можетъ издерживать на все прочее, и это прочее является такимъ образомъ для городского общественнаго управленія какъ бы „необязательнымъ". Къ числу же такихъ необязательныхъ расходовъ относится, между прочимъ, городское образованіе, здравіе, благоустройство, благотворительность и т. п.; однимъ словомъ, все то, что̀ было бы болѣе естественно считать обязательнымъ; но все это не можетъ быть вмѣнено городскому общественному управленію въ обязанность, такъ какъ веденіе всѣхъ упомянутѣхъ дѣлъ предоставляется городскому общественному управленію вести на счетъ остатковъ, по исполненіи имъ всѣхъ обязательныхъ расходовъ, которые, какъ мы сказали, берутъ чуть не 50 копѣекъ съ каждаго рубля, получаемаго съ обывателей на удовлетвореніе ихъ нуждъ, какъ умственныхъ и нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ.

Другая, столь же невыгодная, особенность финансоваго хозяйства города состоитъ въ томъ, что, по Городовому Положенію, членомъ городского общества считается всякій городской обыватель, изъ русскихъ подданныхъ, достигшій 25-лѣтняго возраста и заинтересованный въ городскомъ хозяйствѣ, какъ плательщикъ или по недвижимой собственности, или по торговому и промышленному дѣлу, или наконецъ по одному изъ установленныхъ въ пользу города сборовъ; но въ дѣйствительности только весьма немногіе могутъ воспользоваться этимъ постановленіемъ, такъ какъ въ ст. 17-й Городового Положенія сдѣлана оговорка относительно лицъ, уплачивающихъ установленные въ пользу города сборы, а именно, только сборы, упомянутые въ ст. 37 Положенія о пошлинахъ за право торговли,

даютъ городскому обывателю право быть вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ городского общества; однимъ словомъ, всѣ городскіе сборы, въ самой существенной своей части, являются ничѣмъ другимъ какъ ничтожнымъ дополнительнымъ процентомъ къ государственному сбору, и слѣдовательно обращены къ лицамъ, и безъ того достаточно обремененнымъ налогами; такъ, промысловое свидѣтельство на мелочной торгъ, дающее городу 2 рубля съ плательщика, составляетъ 1% съ того сбора, которое то же лицо платитъ въ то же время государству —а именно, 20 рублей. Отсюда, какъ прямое послѣдствіе, вытекаетъ, во-1-хъ, то, что, въ противность духу всего Городового Положенія, существуютъ городскіе сборы, не дающіе права гражданства, а потому имѣющіе характеръ скорѣе побора, нежели сбора; а во-2-хъ,—что городское общественное управленіе не можетъ, не выходя изъ предѣловъ ст. 37-й Положенія о пошлинахъ за право торговли, облагать жителей сборами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что было бы и справедливо, сообщать имъ за то право на участіе въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ, содержимымъ отчасти на такіе сборы. Такимъ образомъ, если обыватель, напримѣръ, построилъ домъ для собственнаго употребленія или для отдачи въ наемъ, т.-е. для промысла, то онъ платитъ городу и получаетъ права гражданства; но если онъ обзавелся движимымъ имуществомъ также для собственнаго употребленія или для отдачи въ наемъ, то онъ если и платитъ городу сборъ, то это не даетъ ему права гражданства. Мысль, что недвижимое имущество имѣетъ болѣе солидный характеръ, нежели движимое—не можетъ служить объясненіемъ такой аномаліи, такъ какъ при продажѣ недвижимое имущество, особенно въ наше время, представляетъ еще большую подвижность, нежели движимое; да наконецъ, въ настоящую минуту чуть не половина Петербурга принадлежитъ болѣе городскому кредитному обществу, чѣмъ домовладѣльцамъ. Точно также масса профессій, не упомянутыхъ въ ст. 37-й, не можетъ быть обложена справедливо городскимъ сборомъ, такъ какъ это было бы чистымъ поборомъ, ибо не дало бы лицамъ обложеннымъ никакихъ городскихъ правъ. Городовое Положеніе само разрѣшило въ остзейскихъ городахъ, имѣя, вѣроятно, въ виду ихъ высшую степень культурнаго развитія, облагать сборомъ даже такъназываемыя либеральныя профессія („литераты"), конечно, не упомянутыя въ ст. 37 Положенія о пошлинахъ, но тѣмъ не менѣе этотъ сборъ даетъ въ городахъ остзейскихъ губерній его плательщикамъ всѣ городскія права. Если и допустить, что не всѣ города имперіи могутъ равняться остзейскимъ городамъ по своему культурному развитію и торгово-промышленнымъ богатствамъ, то, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой городъ, какъ Петербургъ,

ни въ чемъ не уступитъ въ упомянутыхъ отношеніяхъ ни Ригѣ, ни Ревелю, ни Митавѣ, не говоря объ уѣздныхъ городахъ прибалтійскаго края.

Изъ всего изложеннаго видно, что хотя Городовое Положеніе все построено на весьма вѣрномъ и справедливомъ принципѣ, а именно, что завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ и распоряженіе его казною должно принадлежать тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ составленіи этой казны, т.-е. уплачиваетъ городскіе сборы, но на дѣлѣ этотъ принципъ не выдержанъ не только до конца, но и не достигаетъ хотя бы средины: только лица, уплачивающія вмѣстѣ съ городскимъ сборомъ и государственные налоги, участвуютъ въ завѣдываніи хозяйствомъ и въ распоряженіи городскою казною; всѣ же прочіе или несутъ на себѣ городскіе налоги и не участвуютъ въ городскомъ управленіи, или вполнѣ освобождаются отъ всякаго налога, наравнѣ съ неимущими и бѣдными, хотя это—люди, въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма достаточные и соотвѣтственно тому образованные, а потому участіе ихъ въ городскомъ общественномъ управленіи было бы желательно не въ одномъ фискальномъ отношеніи.

Къ такому не вполнѣ нормальному положенію городского общественнаго хозяйства подходили до сихъ поръ обыкновенно съ другой стороны, а именно, говорили о необходимости распространить на интеллигенцію избирательныя права, которыми до сихъ поръ, какъ извѣстно, пользуются въ Петербургѣ 20,000 обоего пола [1]), при милліонномъ населеніи города, на что всегда возражали, что это будетъ противорѣчить здравому принципу закона: только тотъ можетъ распоряжаться хозяйствомъ, кто вноситъ деньги въ его кассу; — наконецъ,—прибавляли къ этому,—и самое высокое образованіе не служитъ еще ручательствомъ добросовѣстности; многочисленные примѣры хищенія различныхъ кассъ весьма интеллигентными людьми избавляютъ отъ необходимости приводить доказательства вышесказанному. Но дѣло въ томъ, что вопросъ о такъ-называемомъ распространеніи избирательныхъ правъ вовсе не есть вопросъ политическій, это—вопросъ чисто финансовый и хозяйственный. Необходимо распространеніе не избирательныхъ правъ, а распространеніе и болѣе правильная эксплоатація городскихъ платежныхъ силъ, которыя должны вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаться и къ участію въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ и его управленіемъ.

Конечно, и въ настоящее время та статья Городового Положенія,

---

[1]) Женщины, по ст. 20 Город. Пол., имѣющія избирательныя права, уполномочиваютъ за себя близкихъ родственниковъ, хотя бы эти послѣдніе и не имѣли лично избирательныхъ правъ, т-е. самолично не были бы заинтересованы въ городскомъ хозяйствѣ и его казнѣ.

которая даетъ избирательныя права, можетъ быть понимаема весьма широко; всякій обыватель, если пожелаетъ, можетъ и теперь пріобрѣсти ихъ, подъ условіемъ ежегоднаго взноса въ городскую кассу суммы денегъ, въ размѣрѣ, указанномъ Городовымъ Положеніемъ, и притомъ не менѣе, какъ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду. Статья 17-я Городового Положенія требуетъ отъ лицъ, желающихъ пріобрѣсти избирательныя права, чтобы они или владѣли въ городѣ домомъ, или землею, оплачивающими сборъ въ пользу города, или занимались торговлею или промысломъ по купеческому свидѣтельству; если же кто не имѣетъ недвижимой собственности въ городѣ и не можетъ или не желаетъ заниматься торговлею или промысломъ, то отъ него зависитъ пріобрѣсти избирательныя права, уплативъ въ пользу города сумму, равную одному изъ установленныхъ сборовъ съ купеческаго, промысловаго и приказчичьяго свидѣтельствъ, а также съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ ст. 37-й Положенія о пошлинахъ за право торговли. Законъ, очевидно, различаетъ лица, которыя уплачиваютъ сборъ съ купеческаго свидѣтельства съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно заниматься торговлею или промысломъ, отъ лицъ, которыя вносятъ въ пользу города установленный сборъ, но на дѣлѣ не занимаются ни торговлею, ни промысломъ, такъ какъ лица перваго разряда пріобрѣтаютъ свои права съ момента открытія торговаго или промышленнаго заведенія, а лица второго разряда обязаны представить доказательство тому, что они въ городѣ прожили не менѣе двухъ лѣтъ сряду предъ выборами. Такимъ образомъ, отъ каждаго изъ обывателей, проживщихъ два года въ городѣ, зависитъ, повидимому, воспользоваться, или нѣтъ, указаннымъ въ законѣ способомъ для пріобрѣтенія избирательнаго права: стóитъ ему уплатить за два года сумму, равную одному изъ указанныхъ выше сборовъ въ пользу города, и избирательныя права пріобрѣтены. Обыкновенно говорятъ на это, что подобное пріобрѣтеніе избирательныхъ правъ хотя вполнѣ законно съ формальной стороны, такъ какъ законъ требуетъ только уплаты сбора, но не требуетъ отъ лица, чтобы оно въ дѣйствительности занималось мелочнымъ торгомъ или состояло приказчикомъ магазина; но тѣмъ не менѣе, въ такомъ способѣ пріобрѣтенія избирательныхъ правъ можно усмотрѣть обходъ закона, который, дѣйствительно, не заявляетъ прямо, что такое лицо можетъ и не вести никакой торговли, и можетъ нигдѣ не состоять приказчикомъ. Во всякомъ случаѣ, такой обходъ закона представляетъ, однако, одну оригинальную черту, которая существенно отличаетъ его отъ обходовъ въ общепринятомъ ихъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ обмана: обыкновенно законъ обходится съ цѣлью пріобрѣтенія какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ,

а въ настоящемъ случаѣ лицо, обходящее законъ, само же и платитъ за этотъ обходъ, и въ случаѣ избранія въ гласные пріобрѣтаетъ званіе, сопряженное или съ безмезднымъ исполненіемъ обязанностей, или съ справедливымъ упрекомъ, въ случаѣ недобросовѣстнаго ихъ исполненія. Противъ такого способа пріобрѣтенія избирательныхъ правъ скорѣе можно сказать совсѣмъ другое: лицо, желающее такимъ путемъ пріобрѣсти избирательныя городскія права, осуждено 17-ю статьею Городового Положенія платить не только городу, но и государству, и притомъ городу онъ уплачиваетъ самый ничтожный процентъ: какъ мы видѣли, тотъ, кто уплачиваетъ городу за промысловое свидѣтельство на мелочной торгъ всего какихъ-нибудь 2 рубля въ годъ, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ уплатить государству 20 рублей въ годъ! Конечно, тотъ, кто уплачиваетъ 22 рубля въ годъ съ цѣлью возвратить эту сумму торговою или промышленною эксплуатаціею труда, съ своего покупателя, тотъ уплачиваетъ еще немного, или даже, можно сказать, ничего не уплачиваетъ, такъ какъ онъ эту сумму выберетъ съ лихвою съ своего потребителя; но эта сумма является довольно высокою для того, кто вноситъ такую сумму безвозвратно, не имѣя въ виду вернуть ее ни торговлею, ни промысломъ. Въ остзейскихъ городахъ лицо свободной профессіи, желающее пріобрѣсть избирательныя права, вовсе не должно дѣлать такого дорого стоющаго обхода закона, такъ какъ законъ разрѣшилъ для лицъ извѣстнаго образовательнаго ценза особый городской сборъ не свыше трехъ, пяти рублей; у насъ же такое лицо должно заплатить по меньшей степени 22 рубля, а кромѣ того, нести еще на себѣ не вполнѣ справедливое обвиненіе въ обходѣ закона.

Изъ всего сказаннаго мы имѣемъ право сдѣлать одинъ несомнѣнный выводъ, что для правильнаго рѣшенія вопроса о расширеніи избирательныхъ правъ, слѣдуетъ разсматривать этотъ вопросъ какъ чисто финансовый и хозяйственный, а въ такомъ случаѣ едва ли окажется основаніе къ тому, чтобы городскіе сборы пріурочивать къ государственнымъ въ такой степени, чтобы только плательщики государственныхъ сборовъ одни могли пользоваться избирательными городскими правами, какъ то установлено именно 17-ою статьею Городового Положенія, въ противность духу этого же самого Положенія, въ основаніе котораго, очевидно, положена весьма правильная мысль, а именно, что въ хозяйственномъ управленіи городомъ должны принимать участіе только тѣ, которые своими взносами доставляютъ городу средства для веденія общественнаго хозяйства. Послѣдовательное проведеніе этого принципа до конца измѣнило бы къ луч-

шему какъ составъ избирателей и избираемыхъ, такъ и открыло бы городу новые, самостоятельные источники дохода.

Дѣло городского здравія и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ фактически, все еще находится въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось до 1877 г. городское образованіе; а именно: больницы и нераздѣльно связанныя съ нимъ богадѣльни только теперь могутъ перейти въ самостоятельное вѣденіе городского общественнаго управленія. Впрочемъ, послѣднее, въ вопросѣ больничномъ, не ждало такой передачи больницъ на его попеченіе, и еще въ самомъ началѣ текущаго десятилѣтія сдѣлало значительное пожертвованіе до 400 т. рублей для самостоятельнаго устройства извѣстной нынѣ Александровской городской барачной больницы, назначенной главнымъ образомъ для заразительныхъ болѣзней, тифа, дифтерита и скарлатины. Ежегодное содержаніе ея обходится городу свыше 125 т. рублей, причемъ одно полное продовольствіе больного достигаетъ почти 30 копѣекъ въ день. Изъ вышедшаго недавно отчета городской больницы за прошедшій годъ видно, что она вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ населенія и далеко не лишняя въ ряду прочихъ больницъ Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, на содержаніе которыхъ городъ также отпускалъ изъ своихъ суммъ около 100 т. руб. ежегодно. Всѣхъ больныхъ въ городской барачной больницѣ было въ 1883 г. около 3 тысячъ; наибольшее число принадлежитъ крестьянамъ. О веденіи лечебнаго дѣла въ ней можно судить по цифрѣ выздоровѣвшихъ въ ней: изъ 2908 больныхъ, выздоровѣло 2383, умерло 303, и затѣмъ осталось къ 1884 году 222 больныхъ.

Такимъ образомъ, умѣнье городского общественнаго управленія вести самостоятельно и больничное дѣло—не требуетъ доказательствъ, и затѣмъ вопросъ о распространеніи круга его дѣйствій въ этой важной отрасли городского благоустройства и вмѣстѣ благотворительности есть вопросъ только финансовый, и вмѣстѣ вопросъ времени, когда рѣшенное въ принципѣ дѣло о передачѣ городу больницъ и богадѣленъ, находящихся понынѣ въ вѣденіи попечительнаго совѣта, ихъ зданій, обзаведеній и имуществъ съ капиталами, принадлежащими этимъ больницамъ и богадѣльнямъ, будутъ въ дѣйствительности переданы въ самостоятельное распоряженіе города. Въ прошедшемъ іюнѣ министерство внутреннихъ дѣлъ выразило желаніе и признало удобнымъ передать къ 1-му же іюля пока только пять больницъ въ вѣденіе городского управленія; но городская управа, не находя возможнымъ выйти изъ предѣловъ данныхъ ей Думою

уполномочій принять въ вѣденіе городского управленія не пять больницъ, а все больничное дѣло въ полномъ его составѣ, весьма основательно не могла позволить себѣ такой экстренной мѣры безъ новаго приговора Думы, и совершенно справедливо присовокупляла къ тому свое заключеніе о неудобствѣ внесенія въ Думу предложенія о принятіи нынѣ же, съ 1-го іюля, пяти больницъ до Высочайшаго утвержденія мнѣнія государственнаго совѣта по больничному дѣлу и до его обнародованія въ установленномъ порядкѣ. Изъ предложенія министерства поспѣшно выдѣлить сдачу городу 5 больницъ изъ общей сдачи всего дѣла съ богадѣльнями и ихъ капиталами, можно, конечно, заключить, что министерство, считая полезнымъ какъ можно скорѣе возложить на городъ попеченіе о пяти больницахъ, опасается въ то же время, что полная передача больничнаго дѣла городу еще не состоится такъ скоро, какъ то было бы желательно; но и городу трудно было бы осуществить возлагаемыя на него надежды, если на его попеченіе была бы сдана одна часть дѣла, безъ прочей весьма существенной его обстановки.

Главная трудность въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ городского хозяйства, заключается опять въ скудости финансовыхъ средствъ, которыя, какъ мы выше показали, состоятъ для города изъ того остатка, которымъ онъ можетъ пользоваться за удовлетвореніемъ обязательныхъ расходовъ. Появленіе холеры во Франціи вызвало на дняхъ обсужденіе мѣръ противъ такой гостьи въ думской санитарной коммиссіи; изъ этихъ обсужденій также видно, что мы никогда не страдаемъ незнаніемъ того, что̀ нужно дѣлать, но должны признаться въ неимѣніи того, чѣмъ все дѣлается на свѣтѣ, т.-е. денегъ. Истина, высказанная однимъ изъ членовъ коммиссіи, что въ виду пока одной возможности появленія въ городѣ холеры необходимо, отложивъ спеціальныя мѣры въ сторону, поспѣшить принятіемъ общихъ, предупредительныхъ мѣръ — не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, что̀ не было бы въ сознаніи даже не-спеціалистовъ. „Но общія, предупредительныя мѣры не во власти врачей,— продолжалъ тотъ же членъ коммиссіи,—а въ рукахъ общественной власти, и одна изъ первыхъ есть очистка города, насколько это возможно, причемъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на тѣ мѣстности, которыя всегда служили разсадникомъ болѣзней". Но вѣдь и это аксіома: конечно, городъ, содержимый въ чистотѣ, если не гарантированъ вполнѣ отъ появленія холеры, то обезпеченъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что холера не найдетъ себѣ удобной почвы для широкаго распространенія; наконецъ, о чистотѣ города надобно думать и безъ появленія холеры у сосѣдей, такъ какъ, кромѣ холеры, есть и другіе бичи человѣчества, ничѣмъ не уступающіе и даже

часто превосходящіе холеру, какъ дифтеритъ, тифъ. Другіе члены коммиссіи, поддерживая вышеприведенную аксіому, присовокупляли, что для приступленія къ очисткѣ города „надо предварительно знать, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься, а для того, чтобы это знать, надо изслѣдовать; поручить это дѣло думскимъ врачамъ и небольшому числу полицейскихъ врачей, это только одна формальность, которая не можетъ быть выполнена, поэтому необходимо увеличить персоналъ врачей". На это было высказано въ собраніи возраженіе, что „городская казна не выдержитъ такого расхода, какой требуется на образованіе особаго санитарнаго надзора". Но еще справедливѣе было бы возразить совсѣмъ съ другой стороны: городское общественное управленіе вовсе не страдаетъ невѣдѣніемъ, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься; все это оно отлично знаетъ, безъ всякаго новаго изслѣдованія и безъ новыхъ расходовъ на такое изслѣдованіе; правда, мы всегда любимъ изслѣдовать даже и то, что лежитъ у каждаго предъ глазами, и въ чемъ сомнѣваться нѣтъ никакой возможности; не оттого ли у насъ всякія изслѣдованія остаются безрезультатными, какъ они навѣрно окажутся и послѣ изслѣдованія, гдѣ именно слѣдуетъ вычиститься? Дѣйствительно, если не помогало то, что всѣ знали безъ изслѣдованія, то какую тутъ можетъ оказать услугу изслѣдованіе? Мы и безъ всякихъ изслѣдованій знаемъ, что для городского здравія губительна не столько частная неопрятность, сколько неопрятность, такъ сказать, общая. Къ такой „общей неопрятности" относится, конечно, прежде всего отсутствіе канализаціи въ городѣ для отвода нечистотъ, отсутствіе правильнаго снабженія города водою, т.-е. фильтрованія воды, предназначаемой для питья, и т. п. Нельзя, конечно, не придти въ ужасъ при одной мысли о числѣ напрасныхъ жертвъ, которыя можетъ унести холера; но не менѣе должна быть ужасна мысль, что въ Петербургѣ и безъ холеры, благодаря отсутствію канализаціи, ежегодно умираетъ чуть не вдвое, сравнительно съ числомъ умирающихъ въ другихъ европейскихъ городахъ, оздоровленныхъ; статистическое отдѣленіе Городской Управы еженедѣльно сообщаетъ цифру смертности въ Петербургѣ и другихъ главнѣйшихъ городахъ Европы, и тамъ можно убѣдиться въ громадной сравнительно цифрѣ смертности нашей столицы. Исторія же канализаціи городовъ вообще свидѣтельствуетъ, что немедленно послѣ ея устройства, въ первые же годы, цифра смертности падаетъ чрезвычайно быстро, а потому можно сказать, что нашъ городъ, при отсутствіи канализаціи, ежегодно теряетъ почти вдвое больше, нежели сколько могъ бы потерять, еслибы были своевременно приняты дѣйствительно общія мѣры къ оздоровленію города. Трудно городскому общественному управленію требовать отъ частныхъ лицъ

соблюденія санитарныхъ условій, когда оно сознаетъ, что само не исполнило своихъ санитарныхъ обязанностей по общему оздоровленію города. Конечно, городъ въ свое извиненіе можетъ сослаться на бѣдность городской казны, но вѣдь, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, и неопрятность въ частномъ хозяйствѣ есть результатъ недостаточности, бѣдности, и обыватели имѣютъ полное право сказать своему общественному управленію: „врачу, исцѣлися самъ".

Конечно, въ виду приближенія такой гостьи, какъ холера, нужно не разсуждать, а дѣйствовать; но и въ такомъ случаѣ, намъ кажется, дѣло должно идти не объ усиленіи санитарнаго надзора, который можетъ убѣдить насъ только въ томъ, въ чемъ мы и безъ того убѣждены, а именно, что вполнѣ удовлетворительное состояніе города составляетъ не больше, какъ исключеніе изъ общаго правила. Тутъ нужны со стороны городского управленія собственныя энергическія дѣйствія: городское общественное управленіе должно взять на себя самую очистку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается опасность, и затѣмъ узаконеннымъ путемъ взыскивать съ виновныхъ сдѣланный имъ расходъ. Тогда санитарный надзоръ будетъ въ то же время и дѣйствительною очисткою города; конечно, при этомъ не обойдется и безъ пожертвованій со стороны городской казны, такъ какъ могутъ иногда встрѣтиться случаи крайней бѣдности, когда и взыскивать будетъ не съ чего,—но все же такой безвозвратный расходъ будетъ ничтоженъ сравнительно съ выгодами, какія можетъ принести подобный способъ дѣйствія со стороны городского общественнаго управленія.

Въ прошедшій разъ, коснувшись мнѣній, высказанныхъ петербургскою печатью по поводу слуховъ о той редакціи, въ какой вышелъ проектъ университетскаго устава изъ государственнаго совѣта, мы не остановились только на однихъ „государственныхъ экзаменахъ", какъ предметѣ, которому журналъ посвятилъ въ свое время цѣлыя спеціальныя статьи, а также и потому, что слухи, проникшіе въ печать, говорили о томъ, что въ этомъ отношеніи проектъ не представляетъ никакого особаго нововведенія. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ выступила и московская печать съ своими соображеніями по поводу проекта университетскаго устава, и „Московскія Вѣдомости" посвятили цѣлую статью разъясненію значенія именно „государственныхъ экзаменовъ". Къ сожалѣнію, вся статья посвящена собственно соображеніямъ, постороннимъ избранной тэмѣ, на долю которой достаются нѣсколько строкъ въ самомъ концѣ ея, но столь загадочныхъ, что мы никакъ не отъищемъ въ нихъ и слѣдовъ того, какъ могли пониматься государственные экзамены составителями проекта,

и какъ они понимаются всѣми, кто знакомъ съ этимъ предметомъ; очевидно, предъ нами какое-то особое мнѣніе автора статьи „Московскихъ Вѣдомостей", который такимъ образомъ вступаетъ в борьбу съ своими же собственными измышленіями, и конечно безъ особаго труда одерживаетъ надъ ними, т.-е. надъ плодами своего воображенія, побѣду. Всѣ, и мы вмѣстѣ со всѣми, разумѣемъ подъ такъ-называемыми „государственными экзаменами" — экзамены на государственную службу, т.-е. на право поступить въ государственную службу — и больше ничего. Еще также извѣстно всѣмъ, что государственные экзамены существуютъ въ Германіи, весьма образованной странѣ; а въ такихъ странахъ, также весьма образованныхъ, какъ Англія, Италія, Франція, и притомъ при всѣхъ правительственныхъ режимахъ въ этой послѣдней странѣ, государственные экзамены не существуютъ. Какимъ образомъ, при такой простой постановкѣ этого вовсе несложнаго дѣла, авторъ „Московскихъ Вѣдомостей" умудрился, по поводу вопроса: полезно ли ввести такіе экзамены у насъ?—связать рѣшеніе такого чисто-практическаго дѣла съ вопросами о „правѣ и достоинствѣ правительства",—это секретъ автора, который тутъ же, впрочемъ, оповѣщаетъ, что у насъ „имѣется столько учрежденій и лицъ, призванныхъ ограждать эти права и поддерживать это достоинство: и министры, и члены государственнаго совѣта, которыхъ такъ много (?) и которые, конечно, прежде всего заботятся о возстановленіи авторитета правительства тамъ, гдѣ онъ пошатнулся, и объ усиленіи его дѣйствія тамъ, гдѣ оно ослабѣло". Но, затѣмъ, авторъ „Москов. Вѣд." идетъ такъ далеко въ своемъ предвидѣніи, что дѣлаетъ предположеніе возможности невозможнаго, т.-е. химеры, а именно: „если бы,—говоритъ онъ,—по неисповѣдимому велѣнію рока, правительственныя учрежденія и лица, вмѣсто того, чтобъ поддерживать авторитетъ правительства, старались ослабить его, то намъ не приходится быть plus royalistes que le roi; если бы правительственныя лица вздумали бы почему-нибудь изгонять (?!) правительство оттуда, гдѣ оно должно присутствовать и дѣйствовать, то что же намъ („Московскимъ Вѣдомостямъ") тутъ дѣлать"? Мы вполнѣ согласны съ авторомъ статьи, что, и безъ него, права́ и достоинство правительства будутъ соблюдены; но къ чему онъ, во-первыхъ, заговорилъ о „министрахъ и членахъ государственнаго совѣта, которыхъ такъ много", а во-вторыхъ, насказалъ потомъ столько баснословныхъ страстей о правительственныхъ учрежденіяхъ и лицахъ, ослабляющихъ авторитетъ правительства,—и все это по поводу вопроса о пользѣ введенія государственныхъ экзаменовъ—вопроса весьма частнаго и притомъ чисто-практическаго характера—вотъ этого мы рѣшительно не понимаемъ. Кто

и когда могъ отрицать у правительства право, которое принадлежитъ всякому хозяину своего дѣла? Каждый фабрикантъ имѣетъ право, еслибъ захотѣлъ, объявить, что къ нему на фабрику принимаются служащіе не иначе, какъ по спеціальному экзамену или предварительному опыту, хотя бы ищущее лицо и было снабжено университетскимъ дипломомъ; но кто же, будучи въ здравомъ умѣ, станетъ отрицать такое право у правительства? Какимъ образомъ отсутствіе государственныхъ экзаменовъ можетъ уронить достоинство правительства или свидѣтельствовать о низкомъ уровнѣ преподаванія въ университетахъ, когда государственные экзамены не существовали никогда въ такихъ странахъ, какъ Франція, Англія и т. д., гдѣ никому и въ голову не приходило и не приходитъ, что тутъ есть что-нибудь *унизительное* для достоинства правительства? Вотъ этого мы опять никакъ не можемъ понять: почему почтенному автору статьи „Московскихъ Вѣдомостей", вздумалось закрыть глаза на такіе простые факты? или, быть можетъ, онъ дѣйствительно не знаетъ этого предмета во всѣхъ его подробностяхъ, а имѣетъ свои особенныя представленія о государственныхъ экзаменахъ, и приписываетъ имъ такое значеніе, какого они не имѣютъ и тамъ, гдѣ давно уже практикуются? Мы склонны думать, что это именно такъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ тѣхъ нѣсколькихъ строчкахъ, гдѣ онъ прямо коснулся своей тэмы, у него, между прочимъ, сказано: „Въ странахъ (слѣдовало бы сказать: въ странѣ, — такъ какъ государственные экзамены, въ полномъ смыслѣ этого слова, существуютъ въ одной Германіи), гдѣ наука у себя дома, гдѣ она возросла въ великую силу, гдѣ университетскія каѳедры занимаются первоклассными учеными, авторитетами по своей части, и тамъ испытанія, которыми опредѣляются государственныя права (только! а не степень знанія науки), отдѣляются отъ преподаванія. Какія же могли бы оказаться затрудненія у насъ, гдѣ въ этомъ крайняя необходимость?" Во-первыхъ, очевидно, авторъ статьи полагалъ совершенно ошибочно, что во всемъ образованномъ мірѣ уже введены государственные экзамены, а во-вторыхъ, ему, повидимому, неизвѣстно, что государственные экзамены, хотя въ одномъ только вѣдомствѣ, но уже давно введены и у насъ; для службы по министерству иностранныхъ дѣлъ необходимо выдержать сначала экзаменъ, который потому нельзя назвать иначе, какъ государственнымъ. Итакъ, къ введенію у насъ государственныхъ экзаменовъ не только нѣтъ никакихъ затрудненій, но есть даже и прецедентъ въ одномъ изъ весьма важныхъ министерствъ, которое практикуетъ у себя государственные экзамены, преслѣдуя, конечно, практическія цѣли, а вовсе не думая тѣмъ поддерживать достоинство правительства и

поднять уровень преподаванія въ университетахъ. Мы можемъ даже сдѣлать, такимъ образомъ, справку у себя, къ чему привели государственные экзамены въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и какая оттого получилась польза для службы.

Что касается собственно Германіи, то и тамъ авторъ сдѣлалъ крупную логическую ошибку, смѣшавъ post hoc съ propter hoc. Онъ говоритъ, что государственные экзамены введены въ Германіи, „гдѣ наука у себя дома, гдѣ она возросла въ великую силу“ и т. д.; но вѣдь автору извѣстно, что въ Германіи наука была у себя дома и возросла въ великую силу гораздо прежде введенія въ этой странѣ государственныхъ экзаменовъ; однимъ словомъ, не введеніе государственныхъ экзаменовъ подняло въ Германіи науку, а наоборотъ, высокій ея подъемъ дозволилъ правительству, не подвергая опасности науку, ввести особо экзамены на государственную службу, не требующую высокихъ ученыхъ степеней. Можетъ ли авторъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ сказать, что и у насъ, наконецъ, наука у себя дома и возросла въ великую силу? Судя по его же словамъ, конечно—нѣтъ: два самыхъ важныхъ факультета у насъ, юридическій и историко-филологическій (бывшій философскій, членомъ котораго нѣкогда состоялъ и самъ редакторъ „Московскихъ Вѣдом.“) онъ называетъ даже „азинаріями (asinus—оселъ) нашихъ университетовъ“. Если это такъ, то, спрашивается, какимъ образомъ тутъ могутъ помочь такому дѣйствительному бѣдствію „государственные экзамены“? Это опять секретъ автора; онъ только утверждаетъ голословно, что правительство не можетъ установить правильное и плодотворное ученіе въ своихъ университетахъ иначе, какъ строго разграничивъ свободное (т.-е. чтеніе лекцій въ „азинаріяхъ“) съ обязательнымъ (т.-е. государственные экзамены), и для этого отдѣливъ испытаніе на государственныя права отъ преподаванія. Но какимъ образомъ исправится „свободное“ отъ экзаменовъ преподаваніе въ „азинаріяхъ“, только вслѣдствіе того, что эти послѣдніе могутъ раньше начать для себя каникулы, такъ какъ трудъ экзаменовъ съ нихъ будетъ снятъ, — мы никакъ не можемъ постигнуть, безъ болѣе точныхъ поясненій со стороны автора. Все это тѣмъ болѣе намъ кажется страннымъ, что, по словамъ того же автора, „наши университеты суть заведенія правительственныя, преподаватели ихъ состоятъ на государственной службѣ и на казенномъ содержаніи“; правда, онъ прибавляетъ потомъ, что корпорація профессоровъ „въ своей дѣятельности и въ ея результатахъ совершенно отъ правительства независимы“, но знакомые съ университетскимъ уставомъ никогда ему въ этомъ отношеніи не повѣрятъ: профессора и утверждаются, и могутъ быть удалены начальствомъ

Почему же, послѣ этого, правительство должно, какъ утверждаетъ авторъ, въ познанiи учащихся удостовѣряться посредствомъ „особыхъ органовъ"? Профессора утверждены тѣмъ же правительствомъ, а слѣдовательно, пользуются его довѣрiемъ. Почему они не заслуживаютъ довѣрiя, какъ экзаменаторы? На этотъ вопросъ авторъ „Моск. Вѣд." отвѣчаетъ цѣлымъ лабиринтомъ мыслей—выйдти изъ котораго задача не легкая. Мы-де,—говоритъ онъ,—стоимъ за науку и за свободу; преподаванiе должно быть *свободно*, а потому преподаваемое не можетъ быть предметомъ экзамена, такъ какъ экзаменъ есть нѣчто *обязательное*. Вотъ почему, говоритъ онъ, одни должны *свободно* читать; а другiе должны экзаменовать изъ того только, что *обязательно* въ наукѣ. Но вотъ и собственныя слова автора: „испытанiю можетъ и долженъ подвергаться испытуемый не изъ всего того, что предоставлено свободѣ его любознательности, а только изъ основныхъ предметовъ факультета, и только изъ того, что есть въ нихъ общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго". Или почтенный авторъ смѣшалъ университетскiе экзамены съ экзаменомъ на аттестатъ зрѣлости, гдѣ дѣйствительно требуется знанiе только общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго; или онъ забылъ собственныя, выше сказанныя имъ слова: „всякая попытка, хотя бы односторонняя и ошибочная въ области научнаго изслѣдованiя, можетъ принести только пользу; въ этихъ попыткахъ, въ этихъ исканiяхъ, причемъ неизбѣжны и заблужденiя, состоитъ жизнь науки, а только живая наука чего-нибудь стоитъ и можетъ быть плодотворна; нечего опасаться заблужденiй, свойственныхъ всякому исканiю, лишь бы оно было предпринято въ духѣ науки, то-есть по ея методамъ, въ которыхъ заключается ея сила, ея существо, ея самокритика и самоповѣрка". Но, припоминая вышесказанное тѣмъ же авторомъ, мы должны заключить, что учащiеся должны только удовлетворять свою любознательность, слушая „всякiя попытки (профессоровъ), хотя бы одностороннiя и ошибочныя въ области научнаго изслѣдованiя", которыя, по его же мнѣнiю, могутъ принести только пользу; но никакъ они не должны держать экзамена изъ выслушанныхъ имъ „попытокъ", экзаменоваться же учащiеся должны у другихъ лицъ, не дѣлающихъ никакихъ „попытокъ", т.-е. не занимающихся наукою, и притомъ только изъ „безспорнаго" въ наукѣ. Но кто же возьметъ на себя, по нашему мнѣнiю, невозможный трудъ—опредѣлить, что въ наукѣ, на ея университетской высотѣ, вполнѣ безспорно; да и самъ авторъ соглашается, что „живая наука" вся состоитъ въ борьбѣ мнѣнiй, и что только такая наука—плодотворна. Авторъ, какъ мы сказали, только вводитъ насъ въ этотъ лабиринтъ своихъ мыслей, но не даетъ никакой путеводной нити, и сильно сомнѣваемся, чтобы

онъ имѣлъ ее самъ. Опасаясь быть непонятымъ, авторъ, вѣроятно, потому и говоритъ: „мы, право, не обскуранты, не ретрограды, не враги свободы; мы даже не считаемъ себя заслужившими почему-то придаваемую намъ кличку консервативной партіи; мы ни къ какой партіи не принадлежимъ"... Вотъ это вполнѣ и безусловно вѣрно: таково бываетъ всегда свойство личныхъ мнѣній; но и для личныхъ мнѣній обязательна, однако, логика, послѣдовательность и правильность выводовъ. Когда идетъ дѣло о такомъ простомъ вопросѣ, какъ о государственныхъ экзаменахъ, нельзя увѣрять, что дѣло идетъ о правахъ и достоинствѣ правительства; нельзя называть „азинаріями" наши факультеты, и вмѣстѣ мѣрою къ исправленію такого будто бы бѣдственнаго ихъ положенія предлагать государственные экзамены; нельзя на одной и той же страницѣ говорить съ восторгомъ о „живой наукѣ", движущейся свободно въ массѣ ошибокъ и заблужденій, и въ то же время утверждать, что цѣлью испытаній должна быть поставлена какая-то другая наука, „безспорная", которой никто не будетъ преподавать, но изъ которой будутъ, однако, экзаменовать. Эти экзаменаторы должны, подобно тому, какъ авторъ статьи стоитъ внѣ всякихъ партій, стоять внѣ всякихъ научныхъ школъ и не принадлежать ни къ одной изъ нихъ. Вотъ къ какимъ выводамъ мы должны придти вмѣстѣ съ авторомъ, вслѣдствіе того, что онъ не захотѣлъ взглянуть на простое дѣло просто: введеніе государственныхъ экзаменовъ есть вопросъ практическій для правительства, и оно можетъ рѣшить его такъ или иначе, сообразно съ потребностями государственной службы; но никто, конечно, не станетъ утверждать, вмѣстѣ съ авторомъ статьи „Москов. Вѣдом.", что безъ государственныхъ экзаменовъ „правительство не можетъ установить правильное и плодотворное ученіе въ своихъ университетахъ". По крайней мѣрѣ мы, и всѣ съ нами знаютъ, что, напримѣръ, въ ту эпоху московскаго университета, когда и нынѣшній редакторъ „Москов. Вѣд." былъ профессоромъ, университетское ученіе тамъ было весьма плодотворно, между тѣмъ государственныхъ экзаменовъ не было; точно также было бы рисковано утверждать, что введеніе ихъ сдѣлаетъ университетскую науку болѣе плодотворною.

По поводу той же самой нашей замѣтки объ университетскомъ вопросѣ, газета „Новости" возражаетъ намъ, усматривая въ нашихъ словахъ несогласіе съ нею во взглядахъ на значеніе факультетовъ, высказанное нами притомъ, будто бы, „съ неудовольствіемъ" (?) и объясняя все это только тѣмъ, что „авторъ статьи (т.-е. мы) не знакомъ, какъ слѣдуетъ, съ университетскою жизнью ни у насъ, ни

въ другихъ государствахъ". Конечно, непосредственное знакомство съ предметомъ—очень важное условіе основательности мнѣнія, но намъ извѣстны случаи, когда такое знакомство можетъ вводить и въ заблужденіе. Мы утверждали, что въ факультетахъ можетъ развиться „кумовство" скорѣе, чѣмъ въ совѣтѣ, а потому независимость факультета отъ совѣта можетъ быть вредна, и въ этомъ отношеніи мы отдавали преимущество прежнему уставу. „Это, пожалуй, и правда", возражаетъ намъ авторъ статьи въ „Новостяхъ", но все же онъ признаетъ достаточнымъ для совѣта высказывать свое мнѣніе, которое, однако, можетъ впослѣдствіи оказаться нулемъ, и рѣшаетъ самый вопросъ, повидимому, большинствомъ голосовъ, отобравъ мнѣнія по этому предмету у знакомыхъ ему профессоровъ. „Мы знаемъ,— говоритъ онъ, — что въ числѣ профессоровъ *не мало* (?) найдется такихъ, которые пожалѣютъ, что право выбора кандидатовъ на каѳедру не будетъ находиться всецѣло въ рукахъ совѣта. Но *множество* (?) извѣстныхъ фактовъ изъ практики нашей университетской жизни, доказывающихъ, какъ совѣтъ злоупотреблялъ своимъ правомъ къ обидѣ факультетовъ и ко вреду для интересовъ преподаванія, ручается за то, что лучшіе люди (почему же непремѣнно лучшіе?) въ университетахъ будутъ очень довольны перемѣной по данному пункту. Мы даже *знаемъ*, что они довольны. Если вѣсти объ этомъ еще не дошли до „Вѣстника Европы", то это—не наша вина".

Авторъ, собственно говоря, отвѣтилъ за насъ: его упрекъ намъ въ незнаніи университетской жизни былъ, очевидно, однимъ полемическимъ пріемомъ, такъ какъ онъ самъ потомъ сознается, что съ одной стороны, „не мало" профессоровъ совершенно согласны съ нами; а съ другой — „множество" раздѣляетъ мнѣніе нашего противника; итакъ среди профессоровъ, безъ сомнѣнія, знакомыхъ съ университетскою жизнью, по свидѣтельству самого почтеннаго автора, наше мнѣніе имѣетъ своихъ сторонниковъ, изъ чего позволительно заключить, что и мы не лишены знакомства съ университетскою жизнью. Что же касается до „вѣстей", то мы не ограничились бы современными, а могли бы сообщить автору подлинные факты изъ университетской жизни не одного послѣдняго времени, а начиная съ половины 50-хъ годовъ; для полной иллюстраціи этого вопроса довольно было бы вспомнить надѣлавшую въ свое время довольно шуму исторію съ покойнымъ Н. Г. Устряловымъ, избраннымъ на второе пятилѣтіе факультетомъ и забаллотированнымъ въ совѣтѣ. Это было, правда, еще до устава 1863 года, но положеніе факультетовъ послѣднимъ уставомъ не было измѣнено въ этомъ отношеніи. Очень можетъ быть, что намъ въ отвѣтъ на это возразятъ напоми-

новеніемъ другой исторіи, прямо противоположнаго характера, а именно, утвержденія проф. Герье въ Москвѣ; но изъ всего этого слѣдуетъ только одно, что подобные вопросы должно рѣшать не посредствомъ „вѣстей", а установленіемъ какого-нибудь принципа относительно самостоятельности университетской жизни: тамъ не можетъ быть и тѣни самостоятельности, гдѣ контроль совѣта надъ факультетами не дѣйствительный, а зависящій отъ случая. Вотъ все, что мы хотѣли сказать, защищая права совѣта, который служитъ выраженіемъ единства университетской жизни. Изъ этого авторъ можетъ видѣть, что и другой его упрекъ намъ въ „политикѣ" также не основателенъ; впрочемъ, есть нѣчто худшее „политики", это—оппортюнизмъ, какъ отрицаніе всякихъ принциповъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Сербское академическое общество „Зора", въ Вѣнѣ, доставило 49 рублей, собранныхъ имъ на памятникъ И. С. Тургенева, которые и переданы въ Коммиссію по сооруженію памятника, состоящую при Литературномъ фондѣ.

ПОПРАВКА.—Въ статьѣ г. Елисѣева: „Мусульманскіе полемики", названіе священной горы мусульманъ должно читаться—„Арафатъ".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1884.

Книга седьмая. — Іюль.

стр.

Князь Суворовъ въ опалѣ.—1797-1798 г. А. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО. . . . 5

Мусульманскіе паломники.—Изъ путешествія по Аравіи.—V-VII.—Окончаніе.— А. В. ЕЛИСѢЕВА 30

Русская наука и національный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.—III.—Окончаніе.— А. Н. ПЫПИНА. 72

Дивиъ.—Разсказъ.—К. С. БАРАНЦЕВИЧА 118

Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны.—Ю. Г. ЖУКОВСКАГО. 158

Стихотворенія. — I. Молитва природы. — II. Гамлетамъ. — Д. МЕРЕЖКОВСКАГО. 184

Психическія явленія и тѣлесные процессы, въ организмѣ животныхъ и человѣка.—И. Р. ТАРХАНОВА 187

Белинда.—Романъ, соч. Роды Броутонъ.—Періодъ III.—VIII.—А. Э 247

Государственный соціализмъ въ политикѣ и литературѣ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 287

Стихотворенія.—Изъ Гейне, Шамиссо, Гёте и Ланга.—Г. Р—КОВА 317

Хроника.—Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи.—В. В. 319

Внутреннее Обозрѣніе.—Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству.—Уголовная статистика за 1879 г., отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. — Новая редакція нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ 357

Задачи земледѣльческой политики.—По вопросу объ арендной реформѣ.—С. . 378

Письма изъ провинціи.—Саратовъ.—Н. И. 399

Иностранное Обозрѣніе.—Внѣшняя политика Англіи, и положеніе министерства Гладстона. — Международная конференція въ Лондонѣ. — Колоніальныя попытки европейскихъ державъ. — Закладка новаго зданія германскаго парламента.—Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи.—Балканскія дѣла.—Президентскіе выборы въ С.-Американскихъ Штатахъ . . 409

Литературное Обозрѣніе.—Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подлигайлова.— Наше учебное вѣдомство и начальная школа Н. Дебольскаго. — Популярныя медицинскія брошюры гг. Л. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова.—Въ Америку, I. Петриковскаго.—Закулисная жизнь аптеки, I. Немировскаго. — Что читать народу? — критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—У моря, стих. М. Самойлова. — Замѣтки присяжнаго засѣдателя.—К. К. — Peter the Great, by E. Schuyler.—А. Н. 426

Изъ Общественной Хроники.—Отголоски и сообщенія въ столичной печати, по поводу проекта университетскаго устава.—Новый уставъ православныхъ духовныхъ академій, и его сравненіе вообще съ уставами высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. — Общественное значеніе дополнительныхъ статей къ закону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ, и необходимость новыхъ мѣръ къ регулированію послѣдняго. 437

Библіографическій Листокъ.—Дидро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова.—Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аѳанасьева.— Муравьи, пчелы и осы, Дж. Леббока, перев. Д. В. Аверкіева. — Путеводитель по Балтійской жел. дорогѣ, И. П. Золотницкаго. — Путеводитель по западной Сибири, Н. Левитова.

Книга восьмая.—Августъ.

стр.

Психическія явленія и тѣлесные процессы въ организмѣ животныхъ и человѣка.—Окончаніе.—И. Р. ТАРХАНОВА 449
Стихотворенія.—Д. МЕРЕЖКОВСКАГО 506
Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи. — I. — Н. И. КОСТОМАРОВА 510
Женщина и ея имущественное положеніе.—Историческій очеркъ.—I.—М. КУЛИШЕРА 565
Белинда.—Романъ, соч. Роди Броутонъ.—Періодъ III—IV.—Съ англійскаго.—Окончаніе.—А. Э. 586
Беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ.—Собраніе сочиненій А. И. Левитова. Со статьею о жизни его, Ф. Д. Нефедова.—А. Н. ПЫПИНА . 648
Иветта.—Разсказъ Гюи де-Мопассана.—Переводъ съ рукописи 685
Домашній судъ.—Изъ хроники южно-русскаго села.—И. ПОТАПЕНКО . 751
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Новыя законодательныя мѣры. — Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ.—Упраздненіе коммиссіи прошеній.—Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ.—Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промысловомъ подоходномъ налогѣ.—Еще о „совмѣстительствѣ".—Графъ Э. И. Тотлебенъ †. . 774
Иностранное Обозрѣніе. — Пересмотръ конституціи во Франціи. — Французскій сенатъ и его значеніе. — Разладъ въ средѣ монархическихъ партій. — Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ. — Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ. — Рѣчи лорда Салисбюри, Чамберлэна и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ 791
Наканунѣ президентскихъ выборовъ.—Корреспонденція изъ Нью-Іорка.—А. К. 804
По поводу недоразумѣній газеты „Новости".—Л. СЛОНИМСКАГО 817
Литературное Обозрѣніе.—Афанасьевъ, главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами.—С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность по Генри Джорджу.—Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года. — Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. — Л. С. — Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа. —Н. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей россійскихъ. Часть I.—Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—А. Н. 821
Странный путеводитель.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, С. Монастырскаго.—А. В—НА 843
Изъ Общественной Хроники.—Наканунѣ новыхъ городскихъ выборовъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Начало восьмого года петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Вопросъ о высшемъ городскомъ образованіи, и неправильность его постановки въ петербургской думѣ.—Общій взглядъ на положеніе городскихъ финансовъ Петербурга, и обусловливающія его обстоятельства.—Вопросъ о распространеніи избирательнаго права, съ финансовой точки зрѣнія.—Больничный вопросъ въ Петербургѣ.—Засѣданіе санитарной коммиссіи, по поводу опасеній холеры.—Взгляды „Московскихъ Вѣдомостей" на государственный экзаменъ, и еще о факультетахъ. 851
Отъ редакціи. 870
Библіографическій Листокъ.—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Ме —Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. — О народномъ хозяйств Д.—Письма русскаго путешественника. Н. М. Карамзина.—Иліада мера. Н. И. Гнѣдича.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кавказъ. Географическій очеркъ. Составилъ Сергѣй Мечъ. Москва, 1884. 12°. 104 стр. Ц. 50 коп.

Г. Мечъ составилъ уже двѣ книжки: „Альпы“ и „Центральная Азія“, какъ пособіе для учащихся; той же цѣли должна служить и настоящая брошюра. Въ предисловіи авторъ указываетъ на то, что „во многихъ образованныхъ странахъ Европы“ учащаяся молодежь ревностно дѣлаетъ экскурсіи въ разные уголки своего отечества, и что благодаря такимъ экскурсіямъ „крѣпнетъ молодой организмъ, расширяется запасъ познаній и опытности, родная земля дѣлается знакомымъ и милымъ краемъ“. „Неужели русскіе не могутъ дѣлать того же?“—спрашиваетъ авторъ и замѣчаетъ, что когда онъ писалъ эту книжку, его не оставляло желаніе пробудить въ русскомъ учащемся юношествѣ охоту посмотрѣть собственными глазами на страну столь величественную и обаятельную какъ Кавказъ.—Къ сожалѣнію, многія обстоятельства мѣшаютъ у насъ распространенію прекраснаго европейскаго обычая, — между прочимъ и чисто внѣшнія: огромныя пространства и всякія неудобства путешествія; у насъ наконецъ не существуетъ вообще и сколько-нибудь сносныхъ путеводителей.—Г. Мечъ желалъ въ своей брошюрѣ дать только „предисловіе къ той разумной и богатой книгѣ“, какою будетъ самое путешествіе; но большинство тѣхъ, кому попадетъ въ руки сочиненіе г. Меча, ограничится, конечно, однимъ „предисловіемъ“, и оно должно само по себѣ дать достаточное содержаніе. Книжка написана довольно легко; но авторъ слишкомъ много даетъ мѣста топографіи и описаніямъ красотъ природы въ ущербъ свѣдѣніямъ этнографическимъ: даже для „географическаго очерка“ требовалось бы больше свѣдѣній о народахъ населяющихъ Кавказъ, о замѣчательныхъ городахъ и мѣстностяхъ, о характерѣ русскаго населенія; не мѣшало бы дать понятіе и о томъ, съ какихъ поръ и почему русскіе проникли на Кавказъ и въ какихъ административныхъ и общественныхъ условіяхъ живетъ этотъ край. — Цѣна книжки могла бы быть умѣреннѣе.

Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1884. 8°. 63 стр. Ц. 60 коп.

Въ предисловіи къ книжкѣ авторъ, назвалъ князя Одоевскаго „одной изъ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ личностей въ знаменитой плеядѣ сороковыхъ годовъ“, указываетъ цѣль своего труда въ томъ, чтобы „возстановить по печатнымъ источникамъ въ духовномъ сознаніи современнаго образованнаго общества свѣтлый образъ кн. Одоевскаго, вывести его имя изъ страннаго и непонятнаго забвенія (?), въ которомъ оно находится въ настоящее время“. Далѣе мы узнаемъ, что г. Сумцовъ собираетъ неизданныя статьи и письма кн. О., и воспоминанія о немъ, и намѣревается издать то и другое. Намѣреніе прекрасное, но въ настоящей книжкѣ г. Сумцовъ не сообщилъ пока ничего особенно новаго; это — короткая и суховатая біографія. Авторъ однако напрасно полагаетъ, что имя кн. О. находится въ „забвеніи“. Еще не такъ давно ему посвятилъ также особую книжку г. Пятковскій; имя его не забывается въ литературной исторіи сороковыхъ годовъ. Но если имя кн. О. не играетъ въ этой исторіи роли первостепенной (какъ повидимому считалъ бы нужнымъ авторъ), то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго: кн. О. былъ несомнѣнно человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, очень широкаго и многосторонняго образованія, талантливый писатель, но онъ никогда въ свое время не занималъ руководящаго положенія въ литературѣ, не создавалъ школы или направленія, и именно въ сороковыхъ годахъ его дѣятельность и въ беллетристикѣ, и въ философіи, была заслонена болѣе сильными дарованіями и болѣе опредѣленными воззрѣніями. — Это, кажется, надо было выяснить себѣ, спеціально изучая біографію и сочиненія кн. Одоевскаго.

О народномъ хозяйствѣ. Г. Д. С.-Петербургъ, 1884. 16°. Стр. 102.

Въ брошюркѣ г-на Г. Д. изложены элементарныя свѣдѣнія о народномъ хозяйствѣ, съ цѣлью распространенія „здравыхъ понятій“ въ грамотной части народа. Наряду съ полезными объясненіями, публикѣ предлагается довольно сомнительное философствованіе; такъ, читатель узнаетъ отъ автора, что „человѣческое общество состоитъ изъ людей, которые разсуждаютъ, трудятся, какъ они хотятъ, и дѣйствуютъ по своему уму и разуму“, что бѣдность происходитъ только отъ лѣни, пьянства и незнанія, и т. п. Иногда авторъ впадаетъ въ явныя преувеличенія; онъ почему-то боится, что публика можетъ недовѣрчиво относиться къ капиталистамъ, отрицать ихъ благотворное значеніе или даже „пугать“ (?) ихъ. Чтобы предупредить эти опасности, онъ заявляетъ, что „пугать капиталистовъ значитъ разорять весь народъ“ (стр. 32). „Пугаютъ также капиталъ,—по словамъ автора,—газетныя статьи, выставляющія богатыхъ людей врагами бѣдныхъ и предлагающія всевозможныя мѣры для притѣсненія (?) капитала, будто-бы угнетающаго рабочій людъ своимъ давленіемъ“. О какихъ газетныхъ статьяхъ и мѣрахъ говоритъ авторъ,—понять трудно; можно только догадаться, что „притѣсненіемъ“ капитала считается забота объ улучшеніи быта рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Авторъ утверждаетъ, что „обязательное убавленіе рабочихъ часовъ, возвышая цѣны на все, наноситъ всѣмъ убытокъ и еще часто разстраиваетъ семейную жизнь рабочаго люда“ (стр. 58); ибо рабочіе, имѣя лишній часъ свободный, могутъ пропивать свой заработокъ и ссориться съ женами, такъ что лучше всего наполнять все ихъ время, отъ разсвѣта и до ночи, обязательнымъ фабричнымъ трудомъ. Это важное соображеніе г-на Г. Д. ускользнуло вѣроятно отъ новѣйшихъ законодательствъ, которыя повсюду ограничиваютъ норму рабочаго дня, чтобы оставлять рабочимъ свободное время для удовлетворенія нѣкоторыхъ человѣческихъ потребностей, въ томъ числѣ семейныхъ, хотя-бы послѣднія выражались даже въ напрасныхъ спорахъ съ женами.

Письма русскаго путешественника. Н. М. Карамзина. Съ портретомъ автора и рисунками. Спб. (1884). Два тома. 16°. XXXII, 328 и 407 стр. Ц. за 2 тома 1 р.

Иліада Гомера. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Спб. 1884. Мал. 8°. XXIII, 495 стр. Ц. 75 коп.

При изданіи „Писемъ русскаго путешественника“ помѣщена статья г. Буслаева, написанная по случаю Карамзинскаго юбилея въ 1866 г. Изданіе „Иліады“ Гнѣдича (сочиненія котораго стали теперь общимъ достояніемъ, за истеченіемъ срока литературной собственности) исполнено очень отчетливо, и цѣна книги должна бы дать ей большое распространеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

на 1884 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикам Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высла подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежня мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные— недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ выше указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по получении слѣдующаго нумера журнала.

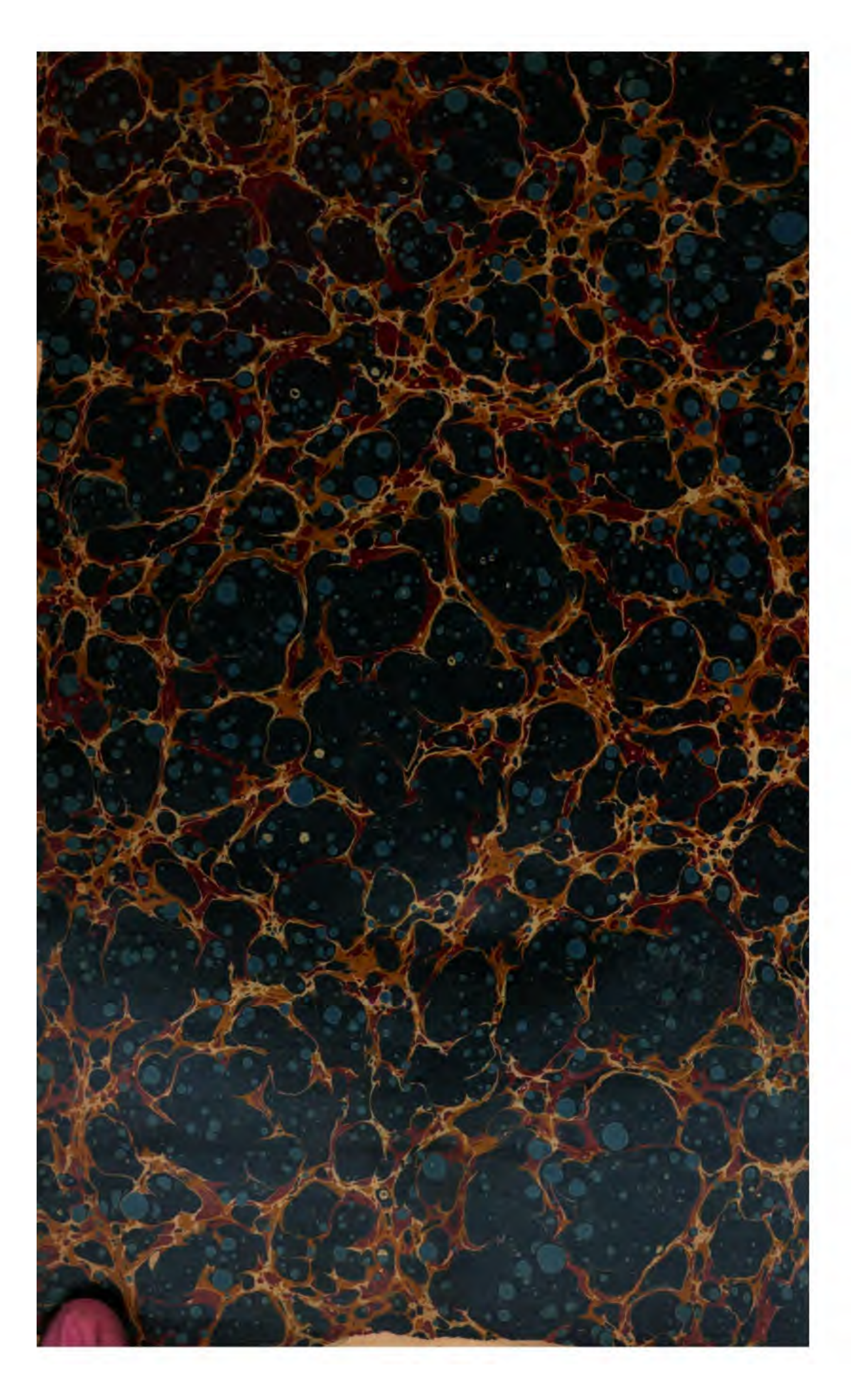
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которы приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON
BEFORE THE LAST DATE ST
BELOW. NON-RECEIPT OF
NOTICES DOES NOT
BORROWER FROM